

ЭНЦИКЛОПЕДИЧЕСКИЙ СЛОВАРЬ

Русского Библиографического Института Гранат.

У 555
3

Седьмое издание

до 33-го тома ПОД РЕДАКЦИЕЙ

проф. Ю. С. Гамбарова, проф. В. Я. Железнова, проф. М. М. Ковалевского, проф. С. А. Муромцева и проф. К. А. Тимирязева.

ТОМ СОРОК СЕДЬМОЙ

ЧЕТЫРЕХЛЕТНЯЯ ВОЙНА 1914—1918 г. И ЕЕ ЭПОХА

0-2866
28-58282 (ПРОДОЛЖЕНИЕ)

Lexicographis secundus post Herculem labor.
(Скампер).

2007044822

Статьи, помещенные в XLVII томе.

Четырехлетняя война 1914—1918 г. и ее эпоха

(ПРОДОЛЖЕНИЕ)

Столб.

XII. Империализм и мировая война—проф. М. П. Павловича	1
XIII. Дипломатия и мировая война—проф. Е. А. Адамова	42
XIV. Денежный кризис эпохи войны—проф. А. А. Мануилова	123

ВАЖНЕЙШИЕ ГОСУДАРСТВА В ЭПОХУ МИРОВОЙ ВОЙНЫ.

XV. Германия—И. М. Майского	186
XVI. Австро-Венгрия—проф. С. А. Котляревского	271
XVII. Австрия—проф. С. А. Котляревского	289
XVIII. Венгрия—Э. А. Ландлера (<i>E. Landler</i>) (перевод с рукописи)	310
XIX. Великобритания—проф. В. Я. Яроцкого	381
XX. Ирландия—проф. В. Я. Яроцкого	426
XXI. Франция—Поль Луи (<i>Paul Louis</i>) (перевод с рукописи)	462
XXIII. Бельгия—А. Г. Циреса	574
XXIV. Италия—Г. Б. Сандомирского	580
XXV. Сербия—проф. Э. Д. Гримма	597
XXVII. Болгария—проф. Э. Д. Гримма	602
XXVIII. Греция—проф. Е. А. Адамова	622
XXIX. Турция—А. Г. Циреса	637
XXX. Черногория—проф. Э. Д. Гримма	661
XXXI. Албания—проф. Э. Д. Гримма	664
XXXII. Португалия—Ф. Бельина	670
XXXIII. Испания—проф. Е. А. Адамова	676
XXXV. Люксембург—проф. Э. Д. Гримма	682
XXXVI. Дания—А. Ц.	685
XXXVII. Нидерланды—А. Ц.	692
XXXVIII. Скандинавские страны—проф. Э. Д. Гримма	697
XXXIX. Литва—В. С. Мицкевича-Калсукаса	712
XL. Латвия—К. П. Ландера	730

К столб.

Приложения: 1) 2 статист. таблицы (к ст. „Империализм и миров. война“)	32
2) Карта Европы (к ст. „Дипломатия и миров. война“)	128
3) 14 таблиц (к ст. „Денежный кризис эпохи войны“)	160

4) Био-библиографический указатель современных иностранных политических деятелей (1910—1925 г.)	1—94
---	------

ЧЕТЫРЕХЛЕТНЯЯ ВОЙНА 1914—1918 г. И ЕЕ ЭПОХА.

(ПРОДОЛЖЕНИЕ).

XII. Империализм и мировая война.

1. Империалистическая политика.

Мировая война 1914—1918 г. явилась результатом невозможности для капиталистических государств разрешить мирным путем целый ряд проблем, вставших перед господствующими классами первоклассных держав, как в области европейской, так и колониальной политики. „Война,—как писал Ленин в одной из статей 1916 г.,— есть продолжение средствами насилия той политики, которую вели господствующие классы задолго до войны“. Политика эта была политикой империализма. „Империя—это прежде всего многонациональное единство, т.е. государство, сплоченное из многих наций, созданное насильственным путем и состоящее из двух неравных частей: незначительной территории, играющей роль метрополии, и обширных частей, играющих роль колоний, вращающихся по орбитам вокруг „империализующего“ центра, как планеты вращаются вокруг солнца. Империализм представляет собой особый вид и особую форму такой завоевательной политики, направленной к мировому господству, к превращению национальных государств в мировую державу, в многонациональное целое, созданное насильственным путем. Империализм—это форма завоевательной политики, характерная для современной нам эпохи, начинающейся с конца XIX ст. Эта эпоха отличается от предыдущей экономической фазы, во-первых, перемещением центра тяжести капиталистического хозяй-

ства от индустрии хлопчатобумажной к индустрии металлургической, во-вторых, необычайно быстро развивающимся процессом синдицирования, картеллирования, т.е. сцепления и объединения тысяч отдельных предприятий в гигантские национальные и интернациональные тресты, синдикаты, картели, в одно комбинированное целое—процессом, получившим наиболее яркое выражение именно в металлургической индустрии“.

В своей территориальной политике, политике экспансии, империализм проявляется прежде всего в стремлении к переделу, к отнятию территорий, захваченных уже другим государством, затем в соревновании нескольких крупных государств в стремлении к гегемонии, т.е. к захвату земель не столько прямо для себя, сколько для ослабления противника и подрыва его гегемонии. В первую половину XIX в. западно-европейские страны не обнаруживали стремления к захвату колоний на далеких материках. Пока центром тяжести капиталистического хозяйства данной страны была хлопчатобумажная индустрия, рассчитанная на массовое производство, развивающаяся в зависимости от покупательных способностей населения, от непосредственного потребительного спроса, идеологи буржуазии не только в странах, выступивших после Англии, но и в самой Великобритании относились отрицательно к агрессивной внешней политике, к колониальным авантюрам, обострившим международные отношения.

увеличивавшим государственные долги, налоговое бремя, падающее на население и ослабляющее в конечном результате покупательные способности внутреннего рынка.

Англия манчестерского периода, — т.е. того периода, когда промышленной столицей Великобритании являлся город Манчестер, главная цитадель английской хлопчатобумажной индустрии, — была страстной поклонницей свободной торговли, свободной конкуренции. Вообще в течение всей первой половины XIX столетия и даже в 70—80 годах минувшего века почти вся экономическая наука Великобритании и европейского континента была проникнута „фритредерскими“ идеями, т.е. идеями свободной торговли. Под влиянием этих идей, сами правительства рассматривали протекционизм, т.е. систему высокого обложения иностранных товаров таможенными пошлинами, или как фискальную меру, имевшую единственной целью увеличить доходы казны, или как временную меру, которая будет отменена, как только национальная индустрия более или менее разовьется и станет на собственные ноги. Манчестерская школа проповедывала не только свободную торговлю, но и мир. В период господства идей манчестерства колонии рассматривались в Англии, как остаток старого аристократического строя, скорее вредный, чем полезный. Известна знаменитая фраза Дизраэли, сказанная им в период увлечения манчестерскими идеями: „Колонии—это жернова, привязанные к нашей шее“. Известно, что и Бисмарк толкал Францию к колониальным захватам, полагая, что колонии явятся „ядром которжника“, кандалами на ногах у Франции, что последняя в результате приобретений в Африке потеряет свободу действий и обессилеет. От Венского трактата (1815) до 1850 г. архипелаг Тихого океана, побережья Западной Африки колонизировались медленно, шаг за шагом. Последующие десятилетия были эпохой скромных приобретений, робких захватов, без широкого размаха, как бы с оглядкой по сторонам и с опасением взвалить на свои плечи слишком тяжелое бремя. Но, начиная

с 1880 г., в области захватной колониальной политики совершается крутой перелом. Все государства бросаются в перегонку к овладению новыми и новыми заморскими областями. И речь уже идет не о присоединении тех или других небольших островов или побережных территорий, а о завоевании целых континентов. По стопам Ливингстона, Стэнли, Саворьяна-Брацца, Рольфа и других героев, старавшихся вырвать у экваториальной Африки ее тайны, Германия, Англия, Франция, Италия бросаются тройным галопом от обожженных солнцем, опустошенных берегов Красного моря к великим равнинам Центральной Африки, от Индийского океана к сказочной области великих озер, откуда выходят грандиозные артерии: Нил, Конго, Замбези. Таким образом, весь этот черный континент, который папа когда-то умудрился одним росчерком пера и одним знаком креста разделить между двумя католическими странами — Испанией и Португалией, рассекается вдоль и поперек на отдельные части английскими, французскими, немецкими и т. д. саблями и штыками, и Бечуаланд, Уганда, Родезия, Новая Гвинея, Тунис, Эритрея, Конго, Камерун, Судан, Дагомея, Нигерия, затем Трансвааль, Мадагаскар, Оранж и т. д. быстро переходят во власть крупных европейских государств. Вместе с тем параллельно идет завоевание азиатского континента, где целые области переходят в руки европейцев. И эта колониальная горячка, эта форсированная захватная политика развивается с такой невиданной в минувшие эпохи интенсивностью, что только за пятнадцать лет с 1885 по 1900 г. Англия приобретает земельную площадь протяжением в 4 миллиона квадратных километров, т.е. пространство в 20 раз большее, чем вся Франция, и с населением в 60 милл. душ.

С такой же невиданной в предшествующие эпохи энергией, с таким же небывалым напряжением своих сил бросаются в перегонку друг с другом и все остальные государства, стремясь овладеть новыми и новыми заморскими областями. Африканские территории — Уганда, Родезия, Новая Гвинея. Ту-

нис, Эритрея, Конго, Камерун, Мадагаскар, Марокко, наконец, даже независимые христианские государства Трансвааль и Оранжевая республика, — одним словом, почти весь оставшийся до сих пор незанятым черным континент переходит в течение последних десятилетий в руки европейских государств. Вместе с тем параллельно идет завоевание азиатского континента: Франция овладевает Тонкином, а затем постепенно почти всем Индокитайским полуостровом; С. Штаты — Филиппинами, которые они отбирают у Испании; Великобритания утверждает свое гегемония на Персидском заливе и затем совместно с Россией устанавливает англо-русский протекторат над Персией; Германия проникает в Малую Азию и с помощью стальной багдадской цепи стремится привязать к себе Османскую империю и превратить последнюю в свою колонию.

Германия захватывает целый ряд территорий на африканском континенте и создает здесь свои колонии: Тоголанд, Камерун, Германская Юго-Западная Африка, Германская Восточная Африка с территорией в 2.500.000 кв. килом. и населением в 11 миллионов душ. Накануне войны (в 1913 г.) протяжение немецкой железнодорожной сети в Африке равняется 4.176 килом. Внешняя торговля немецкой африканской империи достигает в 1912 г. 300 милл. франков. Германия захватывает целый ряд островов на Тихом океане: Архипелаг Бисмарка, Каролинские, Маррианские острова, Землю императора Вильгельма и т. д. Особенно важным приобретением Германии является оккупированная в 1898 году — одновременно с захватом Россией Порт-Артура и Дальневосточной — китайская область Киао-Чао с протяжением в 552 килом., с населением в 169.000 душ. Т. о., Германия, подготавливаясь к „перееду“ земного шара, создает себе сильные опорные пункты на африканском континенте, в Малой Азии — на подступах к Босфору и Дарданеллам, с одной стороны, к Персидскому заливу, дороге на Индию, с другой, далее разветвлением Багдадского пути на Ханикин к зоне русского влияния в Персии. Одновременно Германия

создает себе сильные базы как в водах Тихого океана, так и в одном из важнейших пунктов тихо-океанского побережья — в Киао-Чао и Шандунской провинции, но, так как Германия выступила на арену борьбы позже других государств, и весь колониальный мир оказывается уже захваченным и поделенным, дальнейшее расширение немецкой колониальной империи становится с каждым днем все труднее. Немецкая империалистическая литература все усиленнее подчеркивает тот факт, что какая-нибудь Бельгия, Португалия или Голландия, не говоря уже о Франции, владеют более ценными колониями, чем такая первоклассная держава, как Германия, имеющая законное право на „место под солнцем“. Накануне мировой войны размеры немецкой колониальной империи не соответствуют гигантскому развитию производительных сил Германии и ее громадной военной мощи. „Спрашивается, на почве капитализма, какое могло быть иное средство кроме войны для устранения несоответствия между развитием производительных сил и накоплением капитала, с одной стороны, разделом колоний и „сфер влияния“ для финансового капитала — с другой?“ (Ленин, „Империализм, как новейший этап капитализма“, § 7). Т. обр., мировая война явилась войной за передел колоний, войной за Восток, понимая под последним весь угнетенный колониальный и полу-колониальный мир черного и желтого континентов.

Однако, стремление к колониальным захватам, к присоединению аграрных областей — есть лишь одна из тенденций империализма. Империалистические государства бросались с таким азартом именно на остальные страны только потому, что колониальные авантюры сопряжены с меньшим риском, требуют меньшего напряжения сил, чем попытка захвата высоко развитых в индустриальном отношении областей, лежащих порой под боком, но принадлежащих сильным государствам, способным дать отпор самому могучему врагу и нанести последнему удары, во сто крат более страшные, чем те, которые может нанести какой-нибудь

мароккский султан, тунисский бей или вождь Герреро, с которыми боролись немецкие войска в Африке. Заветной мечтой империалистов каждого данного государства является овладение при первой возможности именно наиболее промышленными и развитыми в индустриальном отношении областями соседних государств или же наиболее важными торговыми путями. Так, для французского империализма основной задачей являлось овладение Эльзас-Лотарингией и левым берегом Рейна, наиболее индустриально развитыми областями Германии, богатыми железом и углем. Так, наоборот, для германского империализма главной приманкой являлась Бельгия и наиболее промышленные пограничные области Франции и России. Так, исторической миссией России, с точки зрения русских империалистов, является овладение Босфором и Дарданеллами, важнейшим торговым путем от наших южных областей к Средиземному морю, Индийскому океану и т. д. Так, наконец, по мнению некоторых английских империалистов, захват Кильского канала явился бы важнейшей наградой для Великобритании за все жертвы, понесенные ею в мировой войне. Во всяком случае, с точки зрения английских империалистов необычайное усиление Германии в период, предшествовавший мировой войне, угрожало не только Великобританской колониальной империи. Оно угрожало прежде всего равновесию на европейском континенте, далее английской гегемонии в Северном, Средиземном морях, в европейских водах Атлантического океана и ставило под удар Германии прежде всего территорию Англии в самой Европе. В борьбе с Германией для Англии шел вопрос не только о колониальной империи, но и о неприкосновенности самой метрополии.

Влияние Англии на континенте обусловливалось сохранением равновесия между враждовавшими в Европе государствами. Необычайное усиление экономической и военной мощи Германии грозило нарушить это равновесие и утвердить немецкую гегемонию на континенте. Потсдамское соглашение, опубликованное 6-го августа 1911 г.,

соглашение между Россией и Германией по целому ряду вопросов, разделивших до сих пор германское и русское правительства, вызвало сильную тревогу в империалистических кругах Англии; было ясно, что, если царская Россия и Германия Гогенцоллернов облизятся, борьба с последней станет невероятно трудной. Английская пресса начинает трубить о непрочности русско-германского соглашения и с глубоким удовлетворением цитирует речь Милюкова на заседании государственной думы в марте 1911 г., речь, в которой Милюков обвинял министра иностранных дел Сазонова в том, что последний дезорганизует тройственное соглашение и ставит Россию на краю опасности. Милюков указывает, что пока Германия будет сильна, она никогда не допустит владычества России над Малой Азией и перехода Константинополя в руки русских. Английская дипломатия решает использовать стремления русского империализма, особенно рьяным выразителем которого становится кадетская партия, чтобы разорвать потсдамское соглашение и не допустить сближения между Германией и Россией.

Империалистическая Англия не могла примириться с существованием на континенте такой сильной державы, какой являлась довоенная Германия. И опасность заключалась не столько в том, чем была Германия в данный момент, а в том, чем она могла стать в будущем, когда ей удалось бы овладеть, по планам немецких империалистов, Бельгией с богатыми угольными запасами последней и морскими базами, близкими к английским берегам, прилегающими к Эльзас-Лотарингии французскими территориями, изобилующими железом, Малой Азией с Багдадским рельсовым путем, угрожающим английской гегемонии на Персидском заливе и т. д. Борьба против новой сильнейшей державы соответствовала старым традициям английской политики. „Пусть министры его величества никогда не забывают великого принципа, который должен лечь в основу нашей политики,—говорил в 1769 г. великий государственный деятель Англии: лорд Чатам,—именно, что един-

ственное, чего Великобритания должна бояться здесь на земле, было бы превращение Франции в могущественную морскую, коммерческую и колониальную державу*. Прошло немногим более ста лет с той поры, как были произнесены эти слова, и такой могущественной морской, торговой и колониальной державой сделалась вместо Франции более грозная для Англии Германия, и вот почему борьба с последней стала основным руководящим принципом великобританской политики. Политика Англии была всегда направлена против сильнейшей в политическом и экономическом отношении континентальной державы; с тех пор, как Германия сделалась такой именно державой, с тех пор, как Англия почувствовала со стороны Германии больше, чем со стороны какой-либо другой державы, угрозу своему экономическому положению *) и своей морской гегемонии, — англо-германское противоречие сделалось непреодолимым и не могло быть устранено никакими соглашениями по отдельным вопросам. Бисмарк был прав, сказав еще в 1897 году: „Единственное средство улучшить германо-английские отношения — это наложить узду на наше экономическое развитие, но оно неприменимо“. При таком положении вещей каждый повод, который мог быть использован одним из участников Антанты для объявления войны, должен был неминуемо привести к мировой войне. Если английские империалисты в интересах сохранения равновесия в Европе считали неизбежной войну с Германией, с своей стороны немецкие империалисты в интересах расширения своей гегемонии во всем мире не видели возможности избежать вооруженного конфликта с „владычицей морей“, самой могучей колониальной державой в мире, Великобританией. В своей речи от 14-го ноября 1906 г. в рейхстаге бывший германский канцлер, князь Бюлов, заявляет, что преемники Бисмарка не должны быть слепыми подражателями последнего, а его продолжателями, и говорит: „Если эволюция вещей требует,

чтобы мы пошли дальше цели, которую преследовал Бисмарк, мы обязаны это сделать“. „Эволюция вещей — продолжает Бюлов в своей работе „Германская политика“¹⁾, развивая мысли, высказанные им в упомянутой выше речи, — уже давно толкнула Германию за узкие пределы старой Европы в более обширный мир. Не тщеславие и погоня за престижем побудили нас пойти по пути мировой политики вслед за другими великими державами. Силы нации, обновленные политическим возрождением, не переставали возрастать и взорвали границы старого отечества. Политика шла по следам новых интересов и новых потребностей нации. По мере того, как наша национальная жизнь превращалась в жизнь мировую, политика Германской империи становилась в той же степени политической мировой“.

Еще более решительно формулирует ту же точку зрения на задачи германской внешней политики пресловутый немецкий генерал фон-Бернгарди в своей книге „Германия и будущая война“, вышедшей в октябре 1911 г. В 5-й гл. этого труда, так и озаглавленного: „Мировое могущество или гибель“ („Weltmacht oder Niedergang“), Бернгарди доказывает, что для Германии нет выбора между двумя перспективами: или завоевать мировое господство, или же постепенно терять свое значение, как первоклассной державы и пойти по пути разложения и гибели. Мировое могущество или гибель — вот дилемма, поставленная исторической эволюцией. „Между этими двумя перспективами нет для нас середины“, — в этом афоризме Бернгарди высказывает всю свою философию. — „Мы сражались и боролись в последние великие войны за наше национальное единство, за наше положение в Европе; теперь нам предстоит принять более важное решение: желаем ли

* См иллюстрирующие это сопоставление статистические таблицы в приложении.

¹⁾ См. I том коллективного трехтомного труда: Deutschland unter Kaiser Wilhelm II, 1914. Deutsche Politik, von Bernhard Fürst von Bülow (I—136). Этот капитальный труд, написанный выдающимися немецкими специалистами, представляет громадный интерес для всех тех, кто желает познать историю эволюции Германии в эпоху Вильгельма II и, вместе с тем, с финансовым, социальным и экономическим положением империи накануне войны. Книга Бюлова вышла во франц. перев. в 1914 г.

мы подняться на высоту мировой державы, удержаться на этой высоте и завоевать германскому гению на всем земном шаре то положение, тот престиж, которого он заслуживает и в котором ему откажутся до сих пор. Готовы ли мы принести все жертвы, которых потребует от нас достижение нашей цели. Или мы желаем отступить перед враждебными нам силами, чтобы мало по малу отстать и выродиться в экономическом, политическом и национальном отношении. Вот, где лежит сущность вопроса—быть или не быть, такова сущность дилеммы, которая ставится перед нами.“ И Бернгарди заключает, что для завоевания мирового положения Германия должна прежде всего посчитаться с Францией. Вот что открыто пишет генерал в своем произведении, сделавшемся в короткий срок настоящим евангелием немецкого империализма, настольной книгой всех пангерманистов, мечтавших о близкой войне и осуществлении всех велико-державных планов немецкой мировой политики. И далее: „Тем или другим путем с Францией мы должны разделаться, если хотим развязать себе руки для нашей мировой политики. Это первое и безусловнейшее требование здоровой германской политики; и так как устранить раз на всегда французскую враждебность мирным путем невозможно, то это необходимо сделать силой оружия. Мы должны разгромить Францию таким образом, чтобы она никогда больше не могла загородить нам дорогу“.

Затем Бернгарди указывает на необходимость для Германии тем или другим путем овладеть колониями Португалии, бельгийским Конго, протестуя против того, что Бельгия, нейтральное государство, осмеливается вести завоевательную колониальную политику и этим вступает в конкуренцию с государствами, гарантировавшими нейтралитет королевства. Таким образом, он настаивает на том, что договор, подписанный в начале последнего столетия с нейтральной Бельгией, теряет значение, благодаря нарушению самой Бельгией этого нейтралитета вторжением в афри-

канские владения и завоеванием областей, на которые притязали другие государства, и подготавливает общественное мнение Германии к мысли о недействительности договора о нейтралитете Бельгии. „Когда мы объявили нейтралитет Бельгии, никто, наверное, не думал о том, что Бельгия предъявит притязания на крупную и ценную часть Африки. Вполне резонно поставить вопрос, не нарушен ли уже нейтралитет Бельгии одним этим приобретением, так как государство, которое в теории ограждено от всякой опасности войны, не имеет права вступать в политическую конкуренцию с другими государствами. Это соображение тем более закононо, что, в случае войны Германии с Францией и Англией, оба эти государства постараются соединить свои армии именно в Бельгии.“ Здесь уже дано оправдание той теории „ключка бумаги“, которую в 1914 г. Бетманн-Гольвег изложил перед английским посланником. Итак, Германия должна стать „мировой“ державой, и во имя осуществления этой великой цели она не только имеет право, но и обязана объявить войну соседним государствам.

Задания германской мировой политики, о которой с такой дипломатической сдержанностью говорил канцлер Бюлов, и которые с такой солдатской грубой резкостью подчеркивал ген. Бернгарди,—с особой ясностью формулируются и обосновываются в произведениях наиболее талантливого немецкого публициста из лагеря империалистов, именно, Рорбаха. В своей известной книге „Der Deutsche Gedanke in der Welt“ (Dusseldorf, 1912). Paul Rohrbach пишет: „Мы не можем остановиться или стоять на месте, для нас не может быть даже временного отказа от расширения нашей жизненной сферы, у нас выбор только между тем, чтобы снова пасть на уровень территориальных народов или отвоевать себе место рядом с англо-саксами. Мы подобны дереву, корни которого в расщелине скалы. Либо мы раздвинем скалу и будем расти, либо сопротивление нашему росту так велико, что мы задохнем от недостатка питания“. Рор-

бах доказывает, что немцы не могут отказаться от эксплуатации, в качестве коммерсантов и фабрикантов, все новых и новых стран, от постройки все новых и новых судов, от экспорта новых и новых капиталов в различные пункты земного шара. „Разве немцы могут отказаться от этого, когда они растут так быстро, что в три года увеличиваются на такое число людей, которое равняется всему населению Швейцарии, а за шесть лет—на все население Швеции или Голландии“. „Мы втиснуты в узкие и отнюдь не благоприятные границы и из года в год должны привозить издалека все больше и больше благ для того, чтобы быть сытыми и поддерживать в движении наши машины. Мировой рынок—мы в нем нуждаемся теперь для нашего существования в такой же степени, как в нашей собственной почве, и неумолимо близится день, когда мы в нем будем нуждаться еще больше, чем в нашей почве“. Рорбах подчеркивает, что сфера политического властвования Германии вовсе не соответствует по своей широте экономическому значению Германии. Его не удовлетворяет чисто экономическое расширение Германии. Он представляет себе империалистическое расширение Германии только в виде „колониально-экономического“ расширения английского типа. „Все вопросы внешней политики,— пишет Рорбах в своей книге „Deutschland unter d. Weltvölkern“,—должны становиться под углом создания и поддержания заграничных рынков севера, главным образом, в заокеанских странах. Худо ли, хорошо ли, но мы должны привыкнуть применять в своем политическом принципе те же принципы, что применяют англичане. В Англии направление внешней политики в соответствии с требованиями торговли и промышленности стало в национальном сознании аксиомой, против которой никто не спорит. Потеря Англией свое промышленное производство за океаном или сократиться эта возможность в более или менее серьезной степени, и, вместе с экономическим крахом и разорением многих миллионов людей по обе

стороны океана, разразился бы и политический крах мирового господства Англии. Это чувствует каждый англичанин. И не иначе должны обстоять дела в Германии, ибо и наше положение покоится на тех же условиях. Правда, мы еще не так далеко зашли в этом развитии, как англичане, правда, мы находимся еще на той точке зрения, которую Англия оставила позади себя уже несколько десятилетий тому назад, но это не имеет значения, ибо и нас ожидает с железной неотвратимостью дальнейший ход английского развития“.

Итак, по теории Рорбаха, Германия должна создать себе колониальную империю наподобие английской. Рорбах предлагает поделить весь мир между Германией и Великобританией, подобно тому, как Наполеон I предлагал некогда Александру I разделить весь земной шар между Россией и Францией. Но теперь другие государства, кроме отечества Рорбаха и кроме Англии, представляются заранее исключенными от участия в судьбах наступающей мировой эпохи: Россия—вследствие ее внутренней некультурности, Франция—вследствие ее „морального разложения“, отказа от размножения и т. д. „Но весь вопрос в том, согласится ли Англия потесниться и уступить местечко около себя Германии, допустит ли добровольно она господство рядом с ней Германии над мировой культурой. В Англии, стало быть, заключены судьбы Германии. Англия есть рок Германии. Отношениями к Англии определяется все положение, все возможности, все перспективы Германии“. Во всяком случае, Рорбах находил совершенно невозможным продолжение стационарного положения, при котором одна Англия господствует над миром, а Германия оказывается уstraненной от участия в господстве над земным шаром, и он считал возможным, что Великобритания добровольно потеснится и вступит в какой-либо компромисс с Германией для привлечения последней к господству над мировой культурой, господству рядом с англо-саксонской расой. В противном случае война между Англией и Германией казалась Рорбаху неизбежной, и

эта война должна решить вопрос о судьбах Германии.

„Империализм есть монополистический капитализм“, как сказал Ленин. Для утверждения своей мировой гегемонии Германии прежде всего было необходимо подвести мощный железный фундамент под гигантски разрастающееся здание ее промышленности. Германские империалисты стремились к захвату французского железного бассейна Бриея, польских металлургических заводов, угольных копей Бельгии, чтобы таким образом монополизировать в своих руках главные угольные и железные запасы европейского континента. Бывший итальянский министр Нитти считает главной причиной мировой войны русско-германский конфликт. По мнению Нитти Германия видела своего главного врага в России, русская опасность особенно будто пугала немцев: „Интеллигенция, политические и даже военные круги — пишет Нитти в своей книге „Европа без мира“ — были обеспокоены только Россией“. Нитти совершенно забывает об огромной немецкой империалистической литературе, посвященной английской опасности, забывает о Рорбахе, Танненберге и др. немецких публикациях, указывавших на неизбежность англо-германского конфликта. По вопросу о франко-немецкой распри, сам Нитти рассказывает следующее о своей беседе в 1913 г., в качестве итальянского министра торговли, с немецкими промышленниками: „Они, не скрывая, говорили о необходимости обладать железными рудниками французской Лотарингии, для них война была эпизодом промышленной борьбы. Германия обладала углем и стремилась к железу, и вся пресса тяжелой индустрии пропагандировала войну“. Создав самый мощный в мире угольно-железный комбинат, Германия имела бы шансы не только окончательно разгромить Францию и низвести последнюю до положения Испании, но и с надеждами на успех вызвать на бой Соединенные Штаты.

До вступления Соединенных Штатов в войну депутат германского рейхстага Готтейн в речи 19 мая 1916 г. подчеркнул, что в случае победы Гер-

мании над Антантой Соединенные Штаты не будут иметь сил бороться с Германией за гегемонию железа на мировых рынках, и Германии не страшна будет американская опасность. Готтейн был убежден, что, несмотря на такую угрозу, Соед. Штаты не рискнут ввязаться в войну с „непобедимой“ Германией.

Если даже во время самой войны — после того как Англия, неожиданно для многих немецких дипломатов, с оружием в руках стала на стороне Франции и России — многие германские империалисты после ряда печальных уроков войны все же могли тешить себя иллюзиями о невмешательстве в войну Соединенных Штатов, — какую слепоту, какое непонимание международного положения должны были обнаружить многие немецкие „политики“ и патентованные знатоки международных вопросов накануне войны. Несмотря на статьи Рорбаха и других империалистов об англо-германских противоречиях, все же многие представители официальных кругов Германии были убеждены, что Англия не вмешается в войну между Двойственным и Тройственным Союзом, что Япония воспользуется войной, чтобы атаковать Россию и т. д. Из статьи, признанного в Германии знатоком вопросов международной политики профессора Дельбрюка („Preussische Jahrbücher“ в августе 1914 г.), написанной накануне войны, явствует, что этот консервативный писатель, к мнениям которого прислушивались в высших кругах, был уверен, с одной стороны, в нейтралитете Англии, с другой, в верности Италии Тройственному Союзу: „Италия может отнять у Франции Савойю, Тунис и может быть еще что-нибудь. Если Италия примкнет к нам, а Англия останется нейтральной, мы можем рискнуть на войну и быть уверенными в благоприятных результатах“. Политики, подобные Дельбрюку, хотели думать, что Германия по частям разобьет своих противников, в начале Россию и Францию, потом Англию, а в отдаленном будущем, если не силой меча, то во всяком случае экономической конкуренцией, и С. Штаты. Тогда будет осуществлена мечта о гер-

манской гегемонии, о монопольном владычестве Германии над всеми богатствами мира, над всеми источниками сырья, углем, железом, нефтью и т. д.

Сведение всего смысла мировой войны к соперничеству между Германией и Англией не выдерживает критики и является результатом поверхностного знакомства с вопросом. Несомненно, что борьба Германии и Англии за мировую гегемонию являлась одним из важнейших факторов мировой войны и сыграла крупную роль в возникновении мирового пожара. Но наряду с англо-германским конфликтом в происхождении мировой войны сыграло колоссальную роль соперничество России с Германией и с Австрией из-за гегемонии в Османской империи и на Балканах и франко-германское соперничество как из-за Африки, так и из-за железных рудников на европейских границах обеих империй (вопрос об Эльзас-Лотарингии и бассейне Брией). И именно потому, что накануне мировой войны пришли в острое столкновение не только империалистические планы и интересы Англии и Германии, но также Германии и России, Германии и Франции, России и Австрии, мы имели в результате не англо-германскую, а мировую войну. В частности, в борьбе за Малую Азию главная роль принадлежала двум соперникам—России и Германии.

Для капиталистической Германии вопрос о сохранении и усилении немецкого влияния в Турции приобрел накануне войны громадное значение. Вот что писал автор этих строк накануне войны об интересах Германии в Малой Азии: „Империалистическая Германия имеет великие промышленные и политические интересы в Малой Азии. Интересы эти настолько реальны, настолько важны, настолько связаны со всей внешней политикой капиталистической Германии в течение последних десятилетий, что с ними не могут не соображаться правительства сильнейших европейских государств. Попытка со стороны одной какой-либо державы или группы держав начать раздел Малой Азии, не считаясь с интересами в этих областях, могла бы вызвать войну, перед

последствиями которой побледнели бы все подобные катастрофы минувших веков“ („Великие железод. и морские пути будущего“).

Было ясно, что главная опасность Османской империи грозит именно со стороны России. Милюков уже в 1912 г. на заседании Государств. думы 13 декабря указал на всю важность для России обладания турецкой Арменией. „Положение армян в Ванском санджаке и в соседних местностях, сплошь и в большинстве заселенных армянами, нам безразлично быть не может,—сказал вождь кадетской партии,—местности эти важны и экономически, как рынок сбыта, и стратегически. Уже в Сан-Стефанском договоре мы не только выговорили себе известное влияние в этой местности, но даже граница наша проходила значительно западнее той, которая установлена была на Берлинском конгрессе, захватывая верховья Евфрата“. Понятно, Милюков был безусловно прав, подчеркивая великое экономическое и стратегическое значение турецкой Армении с точки зрения завоевательных планов русского империализма. Овладев турецкой Арменией, представляющей собой грозную, как бы укрепленную самой природой крепость, Россия открывала себе доступ в остальные части Малой Азии, угрожала Месопотамии и багдадскому рельсовому пути, для защиты которого против русских войск немцам понадобились бы громадные военные силы. Но само собой разумеется, с точки зрения русских империалистов, захват Армении должен был явиться лишь первым этапом по направлению к конечной цели—овладению Константинополем и выходами из Черного моря на Босфор и Дарданеллы. Вообще же, с точки зрения русских империалистов, дальнейшее существование Османской империи, как независимого государства, совершенно нежелательно. Как доказывал Милюков в лекции, прочитанной в пользу союза русских городов, „турецкая государственность“ представляет собой сосуществование организованного разбойничества с государственной властью, и потому Турция необходимо разделить („Речь“,

18/IV—1915.). Правда, Милоков затруднялся, как примирить с освободительными целями войны явно завоевательную тенденцию, но тут на помощь вождю нашей либеральной партии пришла „историческая традиция“: Россия издавна стремилась к овладению Провиансами, и потому надо осуществить, наконец, теперь эту тенденцию русской завоевательной политики и закончить на этом все наши требования к Европе, тем более, что процесс роста государства неизбежно ведет нас к овладению Провиансами.

Итак, из того, что писалось в русской прессе до мировой войны, из того, что высказывалось во время последней, ясно, что наши правящие круги, наша буржуазия, отказавшись от дальневосточных химер, решили с недавнего времени вернуться к „историческим традициям“ русской внешней политики и покончить с Оттоманской империей при первом удобном случае. И нельзя оспаривать, что, начиная с балканской войны, обстоятельства стали складываться необычайно благоприятно для русского наступления на Ближний Восток. Наоборот, результаты этой войны вызвали сильную тревогу в германских империалистических кругах, которые стали опасаться за положение Германии в Турции. Некоторые немецкие публицисты откровенно указывали, что отныне все немецкое здание, возведенное с таким трудом в Оттоманской империи, покоится на песке. И князь Бюлов, бывший германский канцлер, в своей книге „Германская политика“ подчеркивает, что последний немецкий военный законопроект, вотированный накануне войны, мотивировался тем положением, которое создавала для Германии балканская война. В мировой войне 1914—1918 г. вопрос о турецком нашествии, в особенности о багдадской дороге, о Провиансах и Константинополе сыграл крупнейшую роль. Тайные документы, захваченные в архиве министерства иностранных дел на другой день после Октябрьского переворота, не оставляют сомнения насчет той основной роли, которую преследовало царское правительство, готовясь к мировой войне. Записки камергера

Базили, „Журнал особого совещания 8-го февраля 1914 г.“ и другие документы неопровержимо показывают, в чем заключались основные планы русского империализма. Из этих документов явствует, что планы захвата Константинополя разрабатывались нашими военными сферами еще с 1896 г. Неудивительно, что царская Россия относилась с такой враждебностью к империалистической Германии, которая своим проектом Багдадского рельсового пути усиливала Турцию и одновременно усиливала свое собственное влияние в Константинополе и в Провиансах, становясь, таким образом, поперек планам царской дипломатии. Об этих планах как нельзя лучше свидетельствует „Журнал особого совещания 8 февр. 1914 г.“, являющийся безусловно важнейшим историческим документом по вопросу о происхождении мировой войны.

Мировую войну 1914—1918 г. подготавливали правящие классы всех капиталистических стран, не только полуфеодалной, юнкерской Германии с ее надменным, кичливым девизом „Германия выше всех“ (Deutschland über alles), но и республиканской Франции с ее „принципами братства, свободы, равенства“ и с ее мароккской политикой и планами реванша, и либеральной Англии с ее стремлениями к гегемонии на морях, к разделу Средней Азии, к захвату всей Восточной Африки, с ее балканской политикой, наконец, царской России с ее грандиозными захватными проектами на Ближнем и Среднем Востоке, с ее планами овладения Босфором и Дарданеллами. Ответственность Германии Гогенцоллернов в происхождении мировой войны не подлежит сомнению. Германия первая начала войну 1914 г. По удачному выражению буржуазного французского писателя и ярого патриота Густава Ле Бона („Les Enseignements psychologiques de la guerre“, Gustav Le Bon) Германия бросила в переполненную до краев чашу ту последнюю каплю, благодаря которой чаша, наконец, перелилась. Но ведь для объективного исследования, как заметил правильно Ле Бон, вопрос заключается именно в том, кто наполнил эту чашу,

а не в том, кто влил последнюю роковую каплю.

Что не одна Германия была „виновником“ мировой войны 1914—1918 г., это теперь можно доказать документально на основании книг, написанных самими английскими и французскими империалистами. Так, известный английский писатель, ярый германофоб, полковник Репингтон рассказывает в своем двухтомном произведении „Мировая война 1914—1918 г.“, как Англия уже в 1905 г. готовила военную конвенцию с Францией против Германии. Репингтон указывает, что уже 8 января 1906 г. военный атташе Франции в Лондоне официально передал президенту совета французских министров проект военной кооперации Франции и Англии в случае конфликта с Германией. 5-ый пункт этой конвенции, состоящей из 13 пунктов, ставил следующий вопрос: „Что думает французское правительство относительно морской операции и высадки английских войск на немецком побережье. Если мы сумеем предназначить для этой цели 100.000 человек, будет ли в состоянии Франция выставить для этой цели равный по численности контингент, который будет доставлен в Германию английским флотом. В течение какого времени и в каких портах сумеет Франция сосредоточить эту армию“. На этот вопрос французское правительство дало следующий ответ: „В виду вероятного численного перевеса немцев, подобная операция в начале войны является крайне рискованной и на нее можно решиться лишь в исключительных условиях“. Итак, мы видим, что уже в 1905 г. военные круги Англии готовились к войне с Германией, разрабатывая проекты военной кооперации с франко-русским союзом. С начала XX столетия призрак мировой войны с каждым годом приобретал все более грозный характер, и война надвигалась с неотвратимой силой.

Уже накануне войны известный французский писатель Жорж Обер, коммерсант и финансист и, стало-быть, человек очень умеренного образа мыслей, доказывал в своей книге „Франко-германское безумие“, что вой-

на между Францией и Германией неизбежна, и что два обстоятельства разделяют обе страны: Эльзас-Лотарингия и, в особенности, Марокко. Все новейшие осложнения, — доказывает Обер, — начались, в сущности, из-за Марокко. В 1900 г. международное положение было вполне устойчивое, но Франция обратила свое внимание на Марокко, и с той поры все заботы французов сосредоточились на одном грубом и неотвязном вопросе: когда будет война с Германией. Из буржуазных писателей с особой настойчивостью указывал на опасные для Франции последствия мароккской авантюры Виктор Берар, автор целого ряда книг по внешней политике. В ряде замечательных статей, опубликованных в консервативном журнале „Парижское Обозрение“ за 1908—1911 г., Виктор Берар предостерегал страну от роковых последствий, неизбежно связанных с продолжением завоевательной политики по отношению к Марокко, политики, диктуемой исключительно интересами финансовой олигархии, но эта кампания Берара пришлось не по вкусу многим читателям консервативного журнала, и талантливому журналисту пришлось покинуть журнал. Но с особой энергией и поразительным талантом вел кампанию против мароккской авантюры Жорес, который и заплатил своей жизнью прежде всего за тот огненный пыл и ту страстность, которые проявил великий трибун французского пролетариата в борьбе против агрессивных планов французского империализма. В своих удивительных речах во французском парламенте в январе 1908 г., в декабре 1911 г. Жорес вскрывал всю подоплеку мароккской авантюры и предостерегал страну от опасных последствий, связанных с планами правящих кругов Франции, с завоевательными проектами Делькассе, Пишона, Клемансо, Бриана и др. министров. Свою речь на заседании Палаты 24 января 1908 г. Жорес начал следующими характерными словами: „Я умоляю правительство и палату депутатов спасти Францию каким-либо решительным и ярким актом от страшной авантюры, в которую с каждым днем все-

глубже и глубже вовлекается наша страна“.

Самый опасный конфликт из-за Марокко вспыхнул в 1911 г. в связи с пресловутым „агадирским ударом“ (coup d'Agadir, см. *Агадир* и *Марокко*). В начале июля 1911 г. германское правительство объявило о своем решении послать немецкое военное судно в Агадир, мароккский порт на Атлантическом побережье, якобы для защиты жизни и интересов немецких подданных в Марокко ввиду анархии, царящей в этой стране. Объясняя значение этой демонстрации, немецкая империалистическая газета „Tägliche Rundschau“ писала: „Немецкий народ очень нуждается в колониях. Возможно, что Франция предложит нам Конго. Однако, Германия не желает компенсации в других местах, она желает получить часть Марокко“. Положение приняло крайне опасный характер. Но здесь опять, как в 1908 г., вмешалась Англия. Как только в Англии получилось сообщение о намерении Германии послать „Пантеру“ в Агадир, английский министр иностранных дел сэр Эдуард Грей призвал германского посланника Вольф-Меттерниха к себе и заявил ему, что „положение крайне серьезно“ и что „вопрос о посылке немецкого судна в Агадир будет рассмотрен в английском кабинете министров“. Англия решительно давала понять, что вопрос о немецких притязаниях в Марокко затрагивает не только Францию, но и Англию. На следующий день Грей снова призвал к себе Вольф-Меттерниха и категорически сообщил последнему, что Англия не признает никакого договора между Францией и Германией, заключенного помимо Англии, что последняя должна принять участие в каких бы то ни было переговорах, которые отныне будут вестись по поводу Марокко. Ясно было, что Англия не желает допустить Германию утвердиться в какой бы то ни было части Марокко. Вся английская пресса стала трубить о той опасности, которой подвергнется мировое положение Великобритании, если Германия захватит Атлантическое побережье. Наконец, министр финансов Ллойд-Джордж в речи, произнесенной

им во дворце лорд-мера 21 июля 1911 г., по соглашению со своими коллегами, заявил, что, „если сохранение мира может быть куплено путем отказа Великобритании от того великого и выгодного мирового положения, которое она заняла в результате вековых побед, в таком случае такой мир был бы невыносимым унижением для великой нации, подобной нашей“. Это была прямая угроза войной по адресу Германии, если последняя будет упорствовать в своих требованиях уступок в мароккском вопросе. Английское правительство провозгласило категорически, что оно не допустит никаких немецких территориальных приобретений в Марокко. „Вопрос о безопасности нашей международной торговли не является партийным вопросом“, грозно заявил по адресу Германии в той же речи Ллойд-Джордж, давая понять, что в мароккском вопросе и либералы и консерваторы будут действовать солидарно, считаясь исключительно с имперскими интересами и не останавливаясь даже перед войной во имя охраны господства Великобритании на всех морских путях. Речь Ллойд-Джорджа вызвала такую тревогу во Франции, что через день после этой речи английский посланник в Париже Берги выехал в Лондон с секретной миссией изложить английскому кабинету точку зрения французского правительства, считающего речь Ллойд-Джорджа чересчур воинственной и несоответствующей миролюбивому настроению Франции, отнюдь не желающей войны из-за Марокко. Империалистическая Англия готова была в 1911 г. начать войну с Германией из-за Марокко и заявила французскому правительству о своем намерении притти на помощь Франции всеми своими вооруженными силами. Кроме того, как об этом сообщил депутат Годен де-Вилен на заседании французской палаты, Россия дважды во время Агадирской истории предложила свою вооруженную помощь Франции. Все это подбодрило французскую военную партию, и в сентябре 1911 г. вдоль немецкой границы от Виллер-Секселя до Нанси были произведены маневры французских войск („La Vie

politique", т. VI, 1913, стр. 121). И так, в 1911 г. чуть было не вспыхнула война между Германией и Францией из-за Марокко, — война, в которую оказалась бы втянутой вся Европа.

К влиянию на обострение международных конфликтов всех этих марокканских, эльзас-лотарингских, дарданельских, багдадских и других вопросов следует прибавить разрывное действие национальных антагонизмов внутри отдельных государств. Бывший австрийский министр иностранных дел Чернин, лишь в свете роковых для Австрийской империи событий мировой войны появивший все значение для империи национального вопроса, писал, стоя над развалинами Австро-Венгрии, о причинах распада этого государства следующее (О. Чернин, „В дни мировой войны“, русск. пер. 1923 г.): „Час Австро-Венгрии пробил. Все немногие государственные деятели, которые летом 1914 г. стремились к войне, как, например, Чиршки и Билинский, боявшиеся за судьбы Воевны, конечно раскаялись и пересмотрели свои взгляды всего несколько месяцев спустя. Ведь и они не верили в мировую войну. Несмотря на это, мне теперь кажется, что распадение двуединой империи наступило бы и помимо войны, и что сараевское убийство было бы и при других условиях сигналом к катастрофе. Наследный эрцгерцог стал жертвой великосербских чаяний; эти чаяния, включавшие в себя отторжение наших югославянских провинций, не замерли бы, если бы Австро-Венгрия перешла от убийства к порядку дня. Напротив, они от этого только усилились бы и укрепили бы центробежные силы других народностей, входящих в нее“. „Огонь выстрелов в Сараеве, точно молния в темную ночь, на мгновение осветил грядущий путь. Стало ясно, что дан сигнал к распаденню монархии. Сараевские колокола, забившие тревогу тотчас после убийства, были похоронным звоном монархии“. „Сознание, что сараевское дело имеет значение не только, как убийство принца императорского дома и его супруги, а что оно означало также и начало разрушения Габсбургской империи,

было тогда очень распространено во всем населении Австрии и, в частности, Вены“. „Конечно, нельзя сказать, в какую форму вылилось бы распадение монархии, если бы удалось избежать войны. Но оно, несомненно, было бы менее ужасно. Процесс, вероятно, протекал бы более медленно и не увлек бы за собой всего мира. Мы были обречены на гибель и должны были умереть. Но род смерти мы могли выбрать, и мы выбрали самую ужасную смерть. Сами того не зная, мы с началом войны потеряли нашу самостоятельность. Из субъекта мы превратились в объект“. В другом месте Чернин говорит: „Габсбургская монархия представляла собой прекрасную лабораторию для изучения неразрешенных национальных вопросов и для констатирования их разрывного действия, прежде чем от них взлетел на воздух весь мир“.

2. *Милитаризм.* И так, в Марокко, на Балканах, в Малой Азии, на сербо-австрийской, австро-румынской, итало-австрийской границах и т. д., повсюду тлели очаги мировой войны, и повсюду были нагромождены целые горы горячего материала. И достаточно было одной искры, чтобы пожар войны охватил весь мир. Все государства с лихорадочной энергией готовились к неизбежной войне. Особенно ярко настроение правящих классов всей Европы выразил в знаменитой статье „Вооружения Европы и Австрия“ австрийский военный писатель, выступивший под псевд. Кассандера с след. знаменательным призывом к населению двуединой империи: „Вооружайтесь, вооружайтесь. Приносите деньги лопатами и шапками, отдавайте последний грош, сплавайте кубки и серебро, отдавайте золото и драгоценные камни на железо. Предоставляйте ваши последние силы на вооружение неслыханное, какого еще свет не видел, ибо дело идет о последнем решительном бое великой монархии. Дайте ружье в руки отрока и вооружайте старца. Вооружайтесь беспрестанно и лихорадочно, вооружайтесь днем и ночью, чтобы быть готовыми, когда настанет день решения. Иначе дни Австрии сочтены“.

Итак, правительства всех стран подготавливали мировую войну 1914—1918 г. Это не значит, что правительства первоклассных держав действительно желали войны в 1914 г., и можно верить в искренность многих из тех государственных людей, дипломатов и политиков, которые утверждают, что война пришла для них „яко тать в нощи“, совершенно неожиданно. Но это утверждение лишь подчеркивает всю бессмысленность капиталистического строя, господство анархии и слепых экономических сил над волей правящих классов в эпоху империализма. Германия и Россия, Россия и Австрия, Франция и Германия, Германия и Англия взаимно сторожили каждое движение друг друга, особенно в области вооружений. Спуск каждого нового судна в Германии вызывал панпку, искусственно раздуваемую желтой прессой в Англии; увеличение контингента армии в России или Франции, сооружение новой стратегической ветви в Царстве Польском вызывали необычайную тревогу и тысячи алармистских, угрожающих статей в немецкой и австрийской прессе (см. *Система вооруженного мира*).

В течение последних десятилетий, а в особенности с наступлением XX столетия военные расходы во всех европейских государствах растут со сказочной быстротой. Все государства одно за другим втягиваются в какой то заколдованный круг, в котором одно звено связано с другим, и где расходы одного государства немедленно же вызывают соответствующее финансовое распоряжение в целом ряде других государств. Страшная работа бесконечного винта не останавливается ни на одну минуту, с демонической непоборимой силой вовлекая всю Европу, затем Америку, Австралию, Японию в бешеную гонку из-за новых сухопутных и морских сооружений. Этот безумный танец миллиардов начинается порой казаться наблюдателю игрой его собственного разгоряченного воображения. Однако, эта сарабанда не плод больной фантазии: цифры промышленные, жестокие, беспощадные стоят перед глазами и говорят о той страшной работе бесконечного винта,

который фатально вовлекал одно государство за другим в пропасть разорения и в конечном счете привел их к страшной войне 1914—1918 г.

Само собой разумеется, что безумная гонка из-за новых и новых вооружений, которую мы наблюдали накануне мировой войны, являлась симптомом и следствием нараставшего обострения отношений между империалистическими державами, но вместе с тем это следствие постепенно превращалось в могучий фактор, ускорявший варыв войны. Рост милитаризма, безумная гонка из-за вооружений имеет свою страшную логику. В гонке вооружений дело всегда кончается роковым финалом: или идущий впереди оборачивается и стреляет в нагоняющего его соперника, или наоборот —настигающий берет на себя инициативу к неожиданным нападениям, обрасывает с лошади и изувечивает идущего впереди всадника и, т. обр., первым приходит к намеченной цели. Так, в войне 1914 г. Германия, опередившая по организации и вооружению, быстроте мобилизации и т. д. своей армии Россию и Францию, которые начинают уже нагонять ее, первая бросается на своих соперников и, таким образом, своим нападением начинает мировую войну 1914—1918 г. Так, в начале 1904 г. Япония, которая после захвата и укрепления царской Россией Порт-Артура и Дальневосточных Манчжурии, подступами к Корею и сосредоточения на Дальнем Востоке многочисленной и прекрасно вооруженной русской эскадры, начинает отставать от России по военной мощи на азиатском континенте, без всякого формального объявления открывает военные действия против России, неожиданным нападением выводит из строя три самых сильных судна русской тихоокеанской эскадры — броненосцы „Цесаревич“ и „Ретвизан“ и крейсер „Палладу“—и, достигнув, т. обр., решительного превосходства на море, высаживает свои войска на материке.

Характеризуя экономическое и политическое положение и род вооружений Европы 1911 г., я писал в конце 1911 г. след.: „В области вне-

шней политики международное положение в Европе начинает развиваться, как это было после немечких побед 71 г., под знаком очевидной германской гегемонии. Это, прежде всего, тяжко отзовется на немецких народных массах, которым придется своим потом и кровью оплатить великие дипломатические победы Германии über alles, и немецкий государственный долг, поднявшийся с 21 миллиарда 966 милл. фр. в 1909 г. до 24 миллиардов 106 миллион. фр. ¹⁾ в 1910 г., т.-е. сразу более, чем на два миллиарда франков, вырастает в еще более страшной пропорции. Германская гегемония фатально поведет к небывалому росту милитаризма и лихорадочных вооружений во всех странах. Прежде всего начнет усиливать свои эскадры и строить новые невиданные до сих пор сверхкредиты Англия... От Англии, конечно, не будут отставать ни Россия, которая уже теперь затрачивает на военно-морское дело в десять раз больше, чем на народное образование, ни Франция, бюджет которой растет с чудовищной быстротой. Но усиление немецкого могущества вызовет чрезмерный рост вооружения не только во Франции, России, Англии, а, следовательно, и в Соединенных Штатах, и Японии. Еще с большим усердием начнут вооружаться союзные с Германией государства. Австрия, не желающая примириться с ролью le brillant second в Тройственном Союзе, ведущая свою самостоятельную линию на Балканах, зачастую расходящуюся с берлинскими планами, не остановится на том пути, на который она вступила со времени аннексии Боснии и Герцеговины, а, наоборот, усилит свое вооружение. Понятно, за Австро-Венгрией потянется божащая ее, как огня, союзная с ней Италия, которая за последнее десятилетие увеличила свой военный бюджет с 254 милл. фр. до 366 милл. фр. и втировала в начале нынешнего года чрезвычайные кредиты на военные нужды в 465 милл. фр., чтобы страна

была в состоянии, как объяснила тогда итальянская печать, сохранить свое положение на Средиземном море и получить соответствующие компенсации в случае чрезмерного усиления французского влияния в Марокко и австрийского в Албании⁴.

Так будет расти во всех государствах, не исключая самых маленьких — Бельгии, Голландии, Дании, Сербии и т. д. — с лихорадочной быстротой военный бюджет, вызывая страшное увеличение государственного долга, налогового бремени, лежащего на народных массах. Нужно ли будет после этого удивляться непомерному вздорожанию жизни во всех странах, повышению цен на все предметы первой необходимости, обострению классовых антагонизмов, росту народного озлобления и фатальному учащению тех знаменательных вспышек, ареной которых является вся Европа, и в которых грядущие, с стихийной силой надвигающиеся события бросают, по образному выражению поэта, „свою тень назад“. Прежде всего и в Германии, подобно тому, как во всех европейских странах накануне мировой войны, дефицитность бюджета и государственный долг росли из года в год. Более того, в истории нет другого такого примера, чтобы громадная государственная задолженность и непрерывно растущее налоговое бремя так тесно шли рука об руку с таким блестящим развитием торговли и промышленности, как в новейшей Германии. Несмотря на все эти разговоры о „вырождении“ Франции, о „дикости“, „малокультурности“ России, правящие круги Германии опасались, что в близком будущем, именно к роковому 1917 году, военное равновесие в Европе будет нарушено в пользу России, особенно если к Двойственному Союзу примкнет „владычица морей“ — Англия, с ее бесконечными ресурсами. Германия, напрягавшая все свои силы и желавшая во что бы то ни стало сохранить свое военное превосходство над соседними державами, истощилась в этой борьбе одновременно с величайшей морской державой — Англией и с сильнейшими сухопутными державами — Францией и Россией. Она

¹⁾ Здесь имеется в виду обще-имперский государственный долг вместе с долгами отдельных германских государств. Собственно общеимперский долг поднялся с 4 миллиардов франк. в 1909 г. до 5 миллиардов 867 милл. фр. в 1910 г.

не могла положить конца этой безумной скачке вооружения, не вызвав катастрофы. И она вызвала эту катастрофу, искусно подталкиваемая к роковому шагу теми представителями английской дипломатии, которые ничего не имели против войны в 1914—1915 г., войны с Германией в самых благоприятных условиях для Великобритании.

Германское правительство знало, что Англия не успела еще оформить свое военное соглашение с Россией и Францией, и потому у германской военщины могла быть надежда, что Англия уклонится от участия в войне. Несомненно, что подавляющая часть английской буржуазии была настроена против военного соглашения с Францией и Россией. Поэтому в период, предшествовавший мировой войне, английским дипломатам, стоявшим за военную кооперацию с Двойственным Союзом, пришлось ограничиваться устными обещаниями помощи Франции и России в случае войны с Германией. Поведение английского правительства в дни предшествовавшие войне могло лишь укрепить надежды недалекновидных германских политиков на возможность уклонения Англии от участия в войне. Ночью 30 июля 1914 г. в Париж прибыла телеграмма от французского посла Жюльа Камбона след. содержания: 1) „Нерешительная позиция английского правительства может вызвать весьма тяжкие последствия, потому что здесь (в Берлине) надеются на успех борьбы против Франции и России, если они будут одни. Только возможность вмешательства со стороны Англии тревожит императора, его правительство и пугает все их расчеты. Вопрос о продовольствии поставлен здесь, и приняты особые меры для его разрешения“.

Осведомившись об этой телеграмме, Пуанкаре предложил совету министров, который принял это предложение, спешно переслать королю Георгу за подписью Пуанкаре личное письмо, чтобы осведомить Георга, насколько

важно немедленное и открытое заявление со стороны Англии. „По всем известиям, которые мы получаем—писал Пуанкаре, можно думать, что, если Германия имела бы уверенность, что английское правительство не вмешается в конфликт, в который вовлечена Франция, война была бы неизбежна, и что, наоборот, если бы Германия была уверена, что сердечное согласие, entente cordiale, было бы подтверждено, в худшем случае, совместным выступлением Англии и Франции на поле сражения—это явилось бы большой гарантией того, что мир не будет нарушен“. Это письмо было опубликовано во время войны английским правительством. Английское правительство отказалось дать определенный, не возбуждающий никаких сомнений ответ, и, таким образом, Германия начала войну в расчете на возможный нейтралитет Англии. Все расчеты немецкой дипломатии и военщины оказались опрокинутыми. С первого же дня войны не только Англия, но и Япония выступили против Германии с оружием в руках. Затем постепенно одна за другой объявили войну Германии и Австрии Италия, Румыния, Греция, Португалия и, что имело особенно роковые последствия для центральных держав, могучая Америка с ее колоссальными ресурсами. Таким образом, вместо Франции и России Германия должна была вести войну против всего мира. Германская военщина, германские дипломаты знали, что Германия и Австрия разобьют военные силы Франции и России, но германское правительство упустило из виду одно обстоятельство, что это же знала и вся Англия. Английская буржуазия именно поэтому не могла держаться той политики нейтралитета, которой она держалась в войну 1871 г., и допустить разгром Франции. Играл на этом страхе всего населения Англии перед последствиями германской победы, руководители английского империализма использовали создавшееся положение, чтобы подтолкнуть Германию к безумной авантуре.

Мировая война, основным фактором которой явилось стремление перво-классных государств к гегемонии пу-

1) Весьма срочная телеграмма из Берлина за № 231 от 31 июля 1 ч. 30 м., полученная в Париже в 3 часа утра. (См. Р. Пуанкаре, „Происхождение мировой войны“.

I. Рост населения, торговли и промышленности
Великобритании и Ирландии, Франции, Германии и Соединенных Штатах с 1880 по 1908 г.

а) Абсолютные числа.

Среднее за годы.	Государства.	Население в тысячах.	Рождаемость на 1.000 чел. населения.	Смертность на 1.000 чел. населения.	Внешняя торговля.							
					Общая ценность в миллионах фунтов стерлингов.				На голову населения в шиллингах.			
					Импорт.		Экспорт.		Импорт.		Экспорт.	
					Всего.	В т. ч. промышл. изделий.	Всего.	В т. ч. промышл. изделий.	Всего.	В т. ч. промышл. изделий.	Всего.	В т. ч. промышл. изделий.
1880—1884	Великобр. и Ирл.	35.188	32,4	19,5	343,6	64,7	234,3	206,4	195	37	133	117
	Франция	37.728	24,7	22,4	190,9	28,2	138,3	73,1	101	15	73	39
	Германия	45.185	37,6	26,1	151,8	42,8	152,8	91,2	67	19	68	40
	Соед. Штаты	52.514	?	?	140,1	65,8	165,4	30,6	53	25	63	12
1885—1889	Великобр. и Ирл.	36.598	30,8	18,7	318,8	66,8	226,2	196,9	174	36	124	108
	Франция	38.252	23,5	21,8	166,0	23,8	132,3	70,0	87	12	69	37
	Германия	47.286	37,1	24,9	159,9	43,2	151,0	98,0	68	18	64	41
	Соед. Штаты	58.699	?	?	137,3	63,8	146,2	31,9	47	22	50	11
1890—1894	Великобр. и Ирл.	38.154	29,6	18,8	357,1	75,7	234,4	199,1	187	40	123	104
	Франция	38.375	22,4	22,5	168,8	24,6	136,8	73,6	88	13	71	39
	Германия	50.475	36,1	23,6	198,9	44,0	152,5	98,6	79	17	60	39
	Соед. Штаты	65.107	?	?	162,7	66,4	184,7	38,8	50	20	57	12
1895—1899	Великобр. и Ирл.	39.993	28,9	17,8	392,7	94,3	237,9	199,6	196	47	119	100
	Франция	38.625	22,0	20,7	163,7	25,2	144,3	79,5	65	13	75	41
	Германия	53.808	35,9	21,2	232,8	49,1	181,3	116,9	86	18	67	43
	Соед. Штаты	71.609	?	?	145,5	58,3	212,6	61,6	41	16	59	17
1900—1904	Великобр. и Ирл.	41.966	27,9	16,8	466,1	113,4	282,7	224,7	222	54	135	107
	Франция	39.052	21,4	20,0	182,1	32,4	168,6	94,6	93	17	86	48
	Германия	57.981	34,7	20,2	287,0	57,0	235,6	154,2	99	20	61	53
	Соед. Штаты	79.015	?	?	186,0	78,6	292,3	99,8	47	20	74	25
1905—1908	Великобр. и Ирл.	43.882	26,5	15,4	519,3	124,8	368,5	294,7	237	57	168	104
	Франция	39.243	20,3	19,7	222,7	41,6	207,8	121,3	113	21	106	62
	Германия	61.873	32,4	18,4	387,9	77,8	311,5	213,5	125	25	101	69
	Соед. Штаты	85.092	?	?	253,5	109,0	359,3	145,2	60	26	84	34

б) Относительные числа. (Великобритания и Ирландия = 100).

1880—1884	Великобр. и Ирл.	100	100	100	100	100	100	100	100	100	100	100
	Франция	107	76	115	56	44	59	35	52	41	55	33
	Германия	123	116	134	44	66	65	44	34	51	51	34
	Соед. Штаты	149	?	?	41	102	71	15	27	68	47	10
1885—1889	Великобр. и Ирл.	100	100	100	100	100	100	100	100	100	100	100
	Франция	105	76	117	52	36	59	36	50	34	56	34
	Германия	129	120	133	50	65	67	40	39	50	52	38
	Соед. Штаты	160	?	?	44	96	65	15	27	60	40	10
1890—1894	Великобр. и Ирл.	100	100	100	100	100	100	100	100	100	100	100
	Франция	101	76	120	47	32	58	37	47	32	58	37
	Германия	132	122	126	56	58	65	50	42	44	49	37
	Соед. Штаты	171	?	?	46	88	79	19	27	51	46	11
1895—1899	Великобр. и Ирл.	100	100	100	100	100	100	100	100	100	100	100
	Франция	97	76	116	42	27	61	40	43	28	63	41
	Германия	135	124	119	59	52	76	59	44	39	57	43
	Соед. Штаты	179	?	?	37	62	89	31	21	34	50	17
1900—1904	Великобр. и Ирл.	100	100	100	100	100	100	100	100	100	100	100
	Франция	93	77	119	39	29	60	42	42	31	64	45
	Германия	138	124	120	62	50	83	69	45	36	60	50
	Соед. Штаты	188	?	?	60	89	103	44	21	37	55	24
1905—1908	Великобр. и Ирл.	100	100	100	100	100	100	100	100	100	100	100
	Франция	89	76	128	43	33	56	41	48	37	63	46
	Германия	141	122	119	75	62	85	72	53	44	60	51
	Соед. Штаты	194	?	?	49	87	98	49	25	45	50	25

II. Рост экспорта и промышленности в Великобритании и Ирландии, Франции, Германии и Соединенных Штатах с 1880 по 1908 г.

а) Абсолютные числа.

Среднее за годы.	Государства.	Рост главн. видов экспорта.					Потребление хлопка в миллионах центнеров.	Число веретен в тысячах.	Потребление шерсти в миллионах англ. фунтов.	Добыча угля.	Потребление угля.	Вылавка чугуна.	Потребление чугуна.	Вылавка стали.						
		Железа, стали и изделий.	Машии.	Хл.-бум. пряжи и изделий.	Шерстяных изделий.	в миллионах фунтов стерлингов.									в миллионах тонн.					
1880—1894	Великобр. и Ирл.	27,6	11,5	75,9	18,5	12,9	41.170	336,0	156,4	129,3	8,1	6,7	1,8							
	Франция	0,9	1,1	3,7	14,7	2,0	3.887	409,5	19,3	29,4	1,9	2,1	0,4							
	Германия	11,5	2,7	5,0	11,3	2,9	4.900	219,8	51,3	45,1	3,2	3,2	0,8							
	Соед. Штаты	1,5	2,6	2,6	0,07	8,3	12.087	343,1	88,7	88,5	4,2	4,6	1,6							
1885—1899	Великобр. и Ирл.	24,3	12,1	69,9	20,1	13,1	42.936	392,0	165,2	132,3	7,7	6,6	3,0							
	Франция	1,6	1,3	4,5	13,9	2,2	4.240	467,5	20,7	30,1	1,6	1,7	0,5							
	Германия	10,2	2,7	7,2	11,7	3,7	5.081	284,0	60,9	54,3	4,0	4,0	1,1							
	Соед. Штаты	1,3	2,4	2,6	0,03	10,0	13.560	391,6	115,3	114,7	6,0	6,3	2,8							
1890—1894	Великобр. и Ирл.	23,6	14,8	68,4	17,4	14,2	44.878	452,0	180,3	140,7	7,3	6,5	3,2							
	Франция	2,0	1,5	4,3	12,3	3,0	4.430	504,7	25,4	35,6	2,0	2,0	0,8							
	Германия	11,2	3,3	8,5	10,9	4,8	5.950	348,1	72,0	65,2	4,8	5,0	2,8							
	Соед. Штаты	2,1	4,1	2,6	0,04	11,7	15.218	409,4	153,3	151,9	8,1	8,1	4,3							
1895—1899	Великобр. и Ирл.	25,2	17,3	65,9	16,5	15,0	45.060	493,8	201,9	153,9	8,6	7,7	4,2							
	Франция	2,6	2,0	5,5	11,0	3,2	5.100	558,2	29,6	39,8	2,3	2,3	1,3							
	Германия	15,3	6,2	10,0	10,5	5,9	7.359	394,7	89,3	79,6	6,7	7,0	5,1							
	Соед. Штаты	5,5	7,6	3,7	0,11	14,5	17.230	466,8	189,1	186,1	10,6	10,5	7,6							
1900—1904	Великобр. и Ирл.	33,3	19,5	74,7	15,8	14,3	46.640	450,5	226,8	165,6	8,6	7,9	4,9							
	Франция	3,8	2,3	7,5	8,7	3,6	5.940	517,2	31,8	45,1	2,6	2,6	1,7							
	Германия	22,8	10,1	14,9	11,5	6,8	8.450	345,3	110,7	97,7	8,9	8,9	7,3							
	Соед. Штаты	10,7	14,7	5,0	0,13	18,2	21.403	448,0	281,0	275,7	16,4	16,6	13,4							
1905—1908	Великобр. и Ирл.	45,1	28,2	99,2	20,4	16,7	52.140	448,0	254,1	175,6	9,8	8,4	6,0							
	Франция	5,3	3,4	12,6	8,6	4,3	6.590	537,3	34,8	50,3	3,3	3,2	2,5							
	Германия	27,3	18,7	20,8	13,5	8,2	9.599	383,4	135,3	121,3	11,8	11,7	10,9							
	Соед. Штаты	15,6	21,7	7,5	0,10	20,4	25.862	491,8	380,2	370,7	22,5	22,7	20,2							

б) Относительные числа. (Великобритания и Ирландия=100).

1880—1894	Великобр. и Ирл.	100	100	100	100	100	100	100	100	100	100	100	100
	Франция	3	10	5	79	16	9	122	12	23	23	31	22
	Германия	42	23	7	61	22	12	65	33	35	40	48	44
	Соед. Штаты	5	23	3	—	64	29	102	57	68	52	69	89
1885—1899	Великобр. и Ирл.	100	100	100	100	100	100	100	100	100	100	100	100
	Франция	7	11	6	69	17	10	119	13	23	21	26	17
	Германия	42	22	10	58	28	12	72	37	41	52	61	37
	Соед. Штаты	5	20	4	—	77	32	100	70	87	78	95	93
1890—1894	Великобр. и Ирл.	100	100	100	100	100	100	100	100	100	100	100	100
	Франция	8	10	6	71	21	10	112	14	25	27	31	25
	Германия	47	22	12	63	34	13	77	40	46	65	77	88
	Соед. Штаты	9	28	4	—	82	34	91	85	108	111	125	134
1895—1899	Великобр. и Ирл.	100	100	100	100	100	100	100	100	100	100	100	100
	Франция	10	12	8	67	21	11	113	15	26	27	30	31
	Германия	61	36	15	64	39	16	80	44	52	78	91	121
	Соед. Штаты	22	44	6	1	97	38	94	94	121	123	136	181
1900—1904	Великобр. и Ирл.	100	100	100	100	100	100	100	100	100	100	100	100
	Франция	11	12	10	55	25	13	115	14	27	30	33	35
	Германия	68	52	20	73	48	18	77	49	59	103	113	149
	Соед. Штаты	32	75	7	1	127	46	99	124	166	191	210	273
1905—1908	Великобр. и Ирл.	100	100	100	100	100	100	100	100	100	100	100	100
	Франция	12	12	13	42	26	13	111	14	29	34	38	42
	Германия	61	66	21	66	49	18	79	53	69	120	139	182
	Соед. Штаты	35	77	8	—	122	50	101	150	211	230	270	337

тем передела земного шара, закончилась переделом в пользу победоносной Антанты. Достаточно беглого взгляда на карту после-военной Европы и Африки, чтобы убедиться в размерах, политическом и экономическом значении этого передела. Германия потеряла Эльзас-Лотарингию, Саарский бассейн, области, перешедшие к Польше, часть Верхней Силезии, Данциг, Мемель, Шлезвиг, область, перешедшую к Бельгии, в общем территорию в 75.000 кв. килом. с более чем 7 миллион жителей. Отторгнув у Германии все эти области, Антанта отняла у побежденного врага важнейшие угольные и железные районы, нанесла сильнейший удар немецкой хлопчато-бумажной промышленности и поколебала до основания германскую экономическую и военную мощь. Кроме того, Антанта отняла у Германии все колонии, которые подверглись полному переделу и достались, главным образом, Англии и Франции. Австро-Венгерская империя была уничтожена и подвергнута окончательному переделу между Югославией, Румынией, Чехо-Словакией и Польшей. Венгрия и Австрия превратились в маленькие государства. Турция лишилась последних своих владений в Африке и многих из своих провинций в Азии.

Итоги мировой войны. Война разрушила миллионы человеческих жизней и одновременно уничтожила несметные богатства, накопленные десятилетиями упорного труда. По новейшим данным, общий итог убитыми за весь период войны, т.-е. по 8 ноября 1918 г., когда начаты были переговоры между Антантой и Германией о перемирии, — 10.000.000 (см. *Современное состояние важнейших государств*, XI, прил., табл. 1-6). Страшные последствия войны не ограничиваются колоссальным количеством раненых и убитых. Война отозвалась губительно во всех странах на здоровье всего населения, не только армии, но и мирных граждан, вызвав страшное распространение всякого рода заразных болезней. Особенно тяжело отозвалось в этом отношении влияние войны в таких странах, как Турция, Россия, Сербия, где населе-

ние и солдаты были поставлены во время войны, как и во время эпидемий, в крайне неблагоприятные гигиенические условия и не принимали необходимых предохранительных мер для борьбы с заразными болезнями. Мировая война 1914—1918 г. по абсолютному размеру человеческих потерь превосходит сумму потерь за все предыдущие войны, начиная с 1790 г., т.-е. за 125 лет. По относительному количеству людей, погибавших в среднем ежедневно, мировая война была почти в 30 раз губительнее, чем наполеоновские войны.

Последнее обстоятельство обясняется не только тем, что численность армий теперь значительно выше, чем во время Наполеона, но, прежде всего, тем, что ныне интенсивность и непрерывность боев превосходит все, что было до сих пор. Знаменитые наполеоновские битвы при Ваграме, под Иеной, при Маренго, Фридрианде, Тильзите, Бородине, Ватерлоо и т. д., где 200—300 тысяч солдат с той и с другой стороны решали в несколько часов, максимум в 1—2 дня, судьбы империи, были невинной забавой по сравнению с битвами на Марне, на Эне, при Ипре, на Дунае и т. д., где миллионные армии, вооруженные сотнями и сотнями тяжелых орудий, десятками тысяч легких пушек и пулеметов, летательных машин и других невиданных средств разрушения, в течение целых недель, днем и ночью, корпуса за корпусами, шли в непрерывные атаки, гибли десятками и сотнями тысяч в проволочных заграждениях, в траншеях, сметались неприятельским ураганным огнем только для того, чтобы в результате сверхъестественных усилий и страшных потерь продвинуться вперед, порой всего на несколько километров. Как губительны сражения в условиях современной техники и при громадной численности втягиваемых в бой армий можно судить по тому, что одна битва в Шампани стоила французам и немцам большего числа жертв, чем вся Франко-Прусская война 1870—1871 г., тянувшаяся 210 дней. Страшные битвы под Верденом поглотили больше

жертв, чем обе Балканские войны 1911—1913 г. г.

Если современная статистика может с большей или меньшей точностью определить число человеческих жизней, загубленных последней войной, то в распоряжении современной научной мысли нет никакой возможности исчислить, хотя бы приблизительно, те чудовищные материальные потери, которые понесли воюющие страны в результате кровавого конфликта, разбившего чуть ли не весь мир на два враждующих лагеря. В самом деле, как выразить в цифрах огромные разрушения, произведенные войной. Целые города и селения, огромные леса стерты с лица земли, поля, сады на десятки лет испорчены, дорого стоящие мосты, туннели, железные дороги, заводы, фабрики разрушены, уцелевшие рельсовые пути на протяжении сотен и сотен километров приведены в полную негодность, тысячи вагонов и паровозов повреждены, в результате усиленного их употребления и перегрузки, в такой мере, что немедленно по окончании войны их приходится заменять новыми. Как определить убытки, понесенные народным хозяйством от так называемой мобилизации крупной, средней и мелкой промышленности и переорганизации разнородных фабрик в военные заводы.

Нельзя даже приблизительно учесть материальный ущерб, нанесенный уничтожением бесчисленного множества человеческих жилищ и хозяйств и т. п. Мы уже не говорим о невознагражденной утрате миллионов жизней здоровых, работоспособных людей, о миллионах калек, вырванных войной из трудовой семьи человечества. Как учесть с финансово-экономической точки зрения ценность всех этих погибших жизней. Как определить в денежной форме убыток, нанесенный народным хозяйством воюющих стран вследствие отвлечения от производительного труда десятка миллионов рабочих рук. Многие исследователи делали попытки подсчитать стоимость войны, принимая во внимание все слагаемые итоги кровавой бойни, в которую оказался втянутым чуть ли

не весь мир. В большинстве случаев все подобные подсчеты являются неполными, преуменьшенными, ибо многие исследователи опускают в своих вычислениях крупные слагаемые и, таким образом, получается сумма, стоящая ниже действительных итогов убытков и разорений, произведенных войной. Однако, некоторые подсчеты могут считаться, если не вполне, то приблизительно соответствующими действительности. Английский статистик Эдгар Креммонд сделал попытку подсчитать стоимость первого года войны, включая в эту стоимость, кроме прямых расходов, убытки войны вследствие разрушенного имущества, потери производства и капиталистическую ценность погибших человеческих жизней. Эту стоимость первого года войны Э. Креммонд определил в 9 миллиардов фунтов стерлингов, т. е. в 90 миллиард. рублей.

По другому расчету мировая война обошлась человечеству по 1 января 1918 г. в 585,7 миллиардов руб. (по довоенному курсу). Эта чудовищная сумма превышает все национальные богатства Англии, Австрии, Бельгии, Германии, Франции и России вместе взятых. Все богатства этих воюющих стран, накопленные за предыдущее время, не в состоянии будут оплатить этой чудовищной суммы. Очень трудно вычислить более или менее точно те чудовищные материальные потери, которые воюющие страны понесли за четыре года. Есть, однако, одна область государственной экономической жизни, где сравнительно с большой точностью определяются военные убытки. Это — финансовые расходы европейских государств на военные нужды. Можно подсчитать, сколько денег затрачено воюющими государствами на эти нужды. И этот подсчет сделан уже многими специалистами, которые, независимо друг от друга, приходят к приблизительно одинаковым итогам. Военные расходы в нынешнюю мировую войну достигли таких колоссальных размеров, каких не могла бы вообразить себе накануне войны самая разнузданная фантазия. По новейшим данным, разработанным историко-экономической секцией

института имени Карнеги, стоимость прямых военных расходов мировой войны определяется в 145 миллиард. долларов для союзных держав и в 63 миллиард. долларов для центральных держав и союзников последних, итого в 208 млрд. долларов. Прямые военные расходы России за весь период мировой войны исчисляются институтом Карнеги в 23 млрд. долларов, т. е. в 113 миллиардов франков золотом (см. т. XLVI *Финансирование войны* и т. XLVII *Денежный кризис*).

Война расстроила финансы всех государств, но особенно отозвалась она на русском финансовом хозяйстве. Накануне войны русский государственный бюджет сводился без дефицита. Более того: доходы превышали сумму расходов, так что в казначействе скоплялись свободные сотни миллионов рублей, которые должны были обеспечить финансовую мощь и непобедимость России в случае войны с внешним врагом. Официальная и официозная печать указывали на громадную золотую наличность нашего Государственного банка, на превышение государственных доходов над расходами, как на свидетельство превосходного состояния русских финансов. Особенно восторженные статьи о наших финансах печатала франц. газета „Matin“, которая находила, что финансовая мощь России вполне соответствует ее экстраординарной военной силе, и что поэтому Франция в союзе с таким колоссом может смело вступать в бой с центральными державами, которых в будущей войне прежде всего ждет финансовое банкротство, не говоря уже о неизбежном военном разгроме. Однако, стоило только наступить мировой войне, как сейчас же обнаружилось, что все государственное финансовое здание царской России было воздвигнуто на песке, и что без усиленного увеличения налогов, без многочисленных внутренних и внешних займов, наконец без непрерывного выпуска бумажных денег Россия не в состоянии была покрыть и незначительной доли расходов на военные нужды. Уже за первое полугодие войны существовавших доходов не хватало на покрытие обыкновен-

ных и военных расходов, так что создавался дефицит, превышавший 2 миллиарда рублей. По справке, опубликованной министерством финансов в сентябре 1917 г., военные расходы России по 1 сентября 1917 г., т. е. за 37½ мес. войны, превысили 41⅓ миллиардов рублей. Это так называемые расходы из „военного бюджета“. Расходы же по обыкновенному бюджету за это время равняются 13,8 миллиардам рублей.

Само собой разумеется, что, так как годовые доходы России до войны не превышали 3—4 миллиардов рублей, и так как увеличение налогов не могло покрыть колоссальных расходов на войну, выразившихся в десятках миллиардов рублей, правительству ничего не оставалось, как прибегнуть для покрытия военных расходов, главным образом, к двум источникам: 1) к внутренним и внешним займам и 2) к усиленному выпуску бумажных денег. Уже к концу 1915 г., по официальным данным, государственная задолженность России достигла почти 19 миллиардов рублей. К 1-му июля 1917 г. наша государственная задолженность превысила уже 43,9 миллиард. рублей. Мы не ошибемся, если определим государственную задолженность России к 1 января 1918 года приблизительно в 65 миллиардов руб. Чтобы представить себе всю грандиозность этой цифры, вспомним, что национальное достояние России до войны оценивалось в 120 миллиардов рублей. Следовательно, наш государственный долг составлял более 50% всего нашего национального богатства.

Богатства *Франции*, накопленные страной за период мирного времени, были к началу войны огромны. Как известно, Франция накануне войны считалась одной из богатейших стран в мире. По абсолютной цифре своего национального богатства Франция занимала четвертое место, идя позади С. Штатов, Англии, Германии, и относительно Франция занимала то же место после Соед. Штатов, Англии и Австралии. За время войны, с 1-го августа 1914 г. по 31-го декабря 1917 г., во Франции испрошено и утверждено кредитов

на 102.642 миллиона фр., т.-е. более, чем на 100 миллиардов фр. Таким образом, за эти 3½ года войны Франция заплатила молоху милитаризма в двадцать раз большую сумму по сравнению с военной контрибуцией (5 миллиардов фр.), которую она же заплатила Германии в 1871 г. после Франко-Прусской войны. Прямые военные расходы Франции за весь период мировой войны—24,2 миллиарда долларов; военная задолженность Франции по отношению к С. Штатам—2,8 миллиарда долларов, к Англии—2,2 миллиарда долларов. Убытки Франции от разрушений, произведенных войной в оккупированных немецкими войсками областях, определяются приблизительно в 8 миллиардов долларов.

Англия истратила за 3½ года войны треть своего национального богатства, скопленного в результате труда целых поколений, потеряла многие рынки, которые окончательно перешли к Японии, Соед. Штатам, и вдобавок должна затратить миллиарды рублей на ликвидацию войны, на помощь инвалидам, пенсии семьям убитых или раненых солдат, на перевозку миллионов солдат со всем военным материалом из Франции, Салоник, Египта и т. д. на родину. Прямые военные расходы Великобритании (не считая ее колоний) за весь период мировой войны—35,3 миллиарда долл. На займы союзникам Великобритания израсходовала 8,6 млрд. долларов. Прямые военные расходы английских колоний—41,2 миллиарда долларов. Военная задолженность по отношению к С. Штатам в результате мировой войны—4,3 миллиарда долл. Сюда же нужно причислить убытки Великобритании от подводной войны: цифра потопленного тоннажа исчисляется некоторыми статистиками в 9.000.000 тонн, стоимостью приблизительно в 4 миллиард долларов.

За весь период мировой войны *Австро-Венгрия* истратила на прямые военные расходы, по данным института Карнеги, 20½ миллиардов долларов. По Сен-Жерменскому договору между союзниками и Австрией, заключенному 10 сент. 1919 г., Австро-Венгерская империя распалась на ряд отдельных государств. От прежней

двуетной империи сохранились лишь жалкие остатки в виде Австрии и Венгрии, при чем связь между этими государствами порвалась. В результате мировой войны Австрия потеряла территорию в 220.000 кв. килом. с населением в 22 миллиона душ и превратилась в небольшую и нищую страну с населением в 6—7 миллионов душ.

По данным института Карнеги, *Германия* за весь период мировой войны истратила на прямые военные расходы 40 миллиард долларов. В результате мировой войны Германия потеряла весь свой торговый и военный флот, лишилась всех своих колоний; у нее были отняты Эльзас-Лотарингия, Саарский бассейн, Верхняя Силезия, Познань,—в общем, территория площадью в 75.000 кв. килом. с населением в 7½ миллиард душ. Германия лишилась по мирному договору 35% добычи своего угля и около 65% добычи железной руды, что нанесло страшный удар экономическому развитию страны. Кроме того, по Версальскому договору на Германию была возложена колоссальная военная контрибуция в 226 миллиардов золотых марок, которую Германия обязана выплатить в продолжение 42 лет и которую она, конечно, никогда не будет в состоянии выплатить.

Прямые военные расходы *Италии* за весь период мировой войны исчисляются в 12½ миллиардов долл. Военная задолженность Италии—1½ миллиарда долл. С. Штатам, 2½ миллиарда—Великобритании. Убытки, понесенные итальянцами в результате вторжения австрийских войск в северные области и неизбежно связанных с неприятельским нашествием разрушений и актов вандализма, исчисляются, приблизительно, в 3 миллиарда долларов (по итальянским данным).

Расходы на войну таких государств, как *Сербия, Бельгия, Черногория, Румыния*, не поддаются учету. Все эти государства подверглись полному захвату неприятельскими войсками, и самостоятельное их существование фактически было прервано. Поскольку эти государства после захвата всей или большей части их территории

австро-германцами продолжали войну, последняя велась на средства Англии, Франции и С. Штатов. Все эти маленькие страны на всем протяжении своей территории, за исключением небольших уголков в Бельгии и Румынии, узнали все ужасы неприятельского нашествия. Победители вывезли из этих стран все более или менее ценные машины, паровозы, вагоны, запасы хлопка и всякого рода тканей. Особенно пострадали в результате войны Бельгия и Сербия.

Жертвы мировой войны 1914—1918 г. неисчислимы; разрушения, произведенные ею, чудовищны с современной точки зрения. Но неизмеримо более ужасными будут последствия новой мировой войны, к которой с стихийной силой идет весь капиталистический мир. В этой войне, с первого же дня ее, сразу подвергнутся неприятельскому нападению не только морские и сухопутные границы государства, но и целые территории на протяжении 500—800 верст в глубину от линии сухопутной и морской границы страны. В первый же день войны над этими территориями появятся эскадрильи неприятельских аэропланов, которые бомбами в 60, 80, 100 и больше пудов будут разрушать главнейшие железнодорожные станции и узлы, мосты, порты, промышленные центры, столицы и крупные населенные пункты вообще. Объектом особенно усиленных атак сделаются пороховые и другие склады взрывчатых веществ. Против мирного населения будут пускаться в ход бомбы, заряженные боевыми ядовитыми газами, впитывающимися на значительную глубину в землю, проникающими в подвалы, остающимися в плоть и в атмосфере чрезвычайно долгое время, убивающими растительность, отравляющими воду, губящими всякий животный организм. Города, сегодня еще оживленные, шумные от топота людских масс, от движения трамваев, автомобилей и т. п., на-завтра превратятся в мертвую пустыню, в „зоны смерти“, после того, как прямо на улицы, на фабрики, электрические станции и т. д. будут сброшены десятки бомб, заряженных тринитротолуолом (взрывчатое веще-

ство), от пятидесяти пудов которого может взлететь на воздух целый квартал, или люизитом (ядовитым газом), прозванным американцами „росой смерти“. Я указал выше, что мировая война 1914—1918 г. по абсолютному размеру человеческих потерь превосходит сумму потерь за все предыдущие войны, начиная с 1790 г., т. е. за 125 лет, что по относительному количеству людей, погибавших в среднем ежедневно, мировая война была почти в 30 раз губительнее, чем наполеоновские войны. Новая мировая война будет далеко ужаснее и губительнее по своим разрушительным результатам, чем война 1914—1918 г.

Кроме указанных в тексте работ по империализму и мировой войне, см. также М. Павлович, „Империализм“, „Имп. и борьба за великие железодор. и морские пути будущего“, „Борьба за Азию и Африку“, „Мир. война 1914—1918 г. и грядущие войны“, а также литературу при след. статье.

М. Павлович.

XIII. Дипломатия и мировая война.

История дипломатической подготовки, в широком смысле слова, мировой войны восходит к 1870 г.—фр.-прусской войне (см. Система вооруженного мира). По франкфуртскому мирному договору Эльзас и часть Лотарингии отошли от Франции к Германии; одновременно с присоединением к северогерманскому союзу южно-германских государств (1870) образовалась Германская империя (1871). С этого момента германская (бисмарковская) дипломатия ставит себе основной задачей сохранение status quo на основе франкфуртского мира, единственной реальной угрозой которому Бисмарк считал нахождение Францией союзников для войны против Германии. Устранить эту угрозу Бисмарк пытался при помощи: 1) создания системы союзов и соглашений, имеющей своим центром или фокусом Германию, 2) устройства всяких союзных комбинаций при участии Франции и без участия Германии, 3) сближения, вплоть до заключения союза, между Германией и Францией, на основе поддержки Германией французской колониальной экспансии и окончательного отказа последней от Эльзас-Лотарингии. Французская дипломатия была по крайней мере до русско-турецкой войны и Берлинского трактата 1878 г.—

бессильна помешать осуществлению первого из трех пунктов бисмарковской дипломатической программы; принимая поддержку Германии в колониальных делах, она противилась, однако, осуществлению третьего; конфликт ее с Англией, обусловленный активной колониальной французской политикой в Африке, мешал вплоть до первых лет XX ст. ее сближению с Англией, и расчеты русской дипломатии на поддержку Германии делали невозможным и сближение Франции с Россией за счет Германии. Тем не менее, уже в 1875 г., в связи с опасениями новой войны между Германией и Францией, русская дипломатия обещала французской свое содействие для предупреждения окончательного ослабления Франции.

Т. о., европейский мир после войны 1870 г. опирался на „союз трех императоров“, оформленный 6/VI и 23/X 1873 г., после заключения русско-германской оборонительной военной конвенции и свидания трех императоров 1872 г., согласовавший политику Германии, России и Австро-Венгрии. Противоречия между притязаниями двух последних держав на истребление на Балканах лишь временно и лишь в расчете на компенсации иного рода были отодвинуты на задний план. Австро-Венгрия была привлечена к союзу двойной гарантией помощи со стороны Германии и безопасности со стороны России, Россия же — перспективой свободы действий на Бл. Востоке, т.-е. по меньшей мере возвращением к положению вещей до крымской кампании (см.) и парижского мира 1856 г. Рейхштадское соглашение 1876 г. между Россией и Австро-Венгрией обещало первой Батум и юго-западную часть Бессарабии, потерянную по парижскому трактату 1856 г., а последней — Герцеговину и Боснию. В 1877 г. будапештская австро-русская конвенция обеспечила России широко — благожелательный нейтралитет Австро-Венгрии в войне против Турции, а Австро-Венгрии — право оккупации и éventуально аннексии Боснии и Герцеговины. Кроме бессарабской границы до 1856 г., Россия выговорила согласие А.-Венгрии на пре-

ращение Константинополя в вольный город.

Пересмотр С.-Стефанского договора на Берлинском конгрессе и условия Берлинского трактата 1878 г. произвели переворот во внешней политике России. Близкие к правительству русские общественные круги считали, что русская дипломатия проиграла в Берлине то, что было выиграно оружием в Турции, и что главным виновником этого проигрыша был не оправдавший возлагавшихся на него надежд германский „друг“ и союзник, в лице Бисмарка. Такое представление усердно внушалось и распространялось сверху, с целью скрыть одну из двух причин дипломатического поражения России и громадного успеха Австро-Венгрии — слабый удельный вес Русской империи в международных отношениях, соответствовавший крайней ограниченности ее реальных сил, — и сосредоточить общественное недовольство на „измене“ и „вероломстве“ Бисмарка, с перспективой новой дипломатической ориентации. Бисмарк был ближе к истине, когда утверждал, что правящие русские круги сваливают на него свои грехи, имевшие источником собственную нерешительность и слабость. Уже в 1879 г. русское правительство занято вопросом, с которою из двух враждебных между собою держав, с Францией или с Германией, России следует „сблизиться“, чтобы восстановить в Европе равновесие, в котором мы имели бы нашу долю влияния и действительности“ (Записка П. А. Сабурова, представленная Александру II 13 августа 1879 г.). Странники прежней политики союза с Германией доказывали, что Германия, в ответ на сближение между Россией и Францией, постарается тем или иным путем вознаградить Францию за Эльзас-Лотарингию и оставить уже не Францию, а Россию в одиночестве. Уже осенью 1879 г. Бисмарк заявлял русскому правительству о том, что он осведомлен из французских источников о постановке с русской стороны вопроса о возможности франко-русского союза; на эту угрозу он в том же году ответил заключением германо-австрийского оборонительного

договора (подписан в Вене 7 октября 1879 г.) против третьего союзника. Договор этот возобновлялся вплоть до 1914 г.

Тем не менее, в 1881 г. был подписан договор между Германией, Австро-Венгрией и Россией, в замену договоров 1873 г., признававший за Австро-Венгрией право в удобный ей момент аннексировать Боснию и Герцеговину, России же обещавший благожелательный нейтралитет Германии и Австро-Венгрии в случае новой войны с Турцией, — при условии, однако, предварительного соглашения о результатах такой войны и взамен такого же нейтралитета России в случае войны Германии или Австро-Венгрии с какой-либо четвертою великою державой. В 1884 г. этот договор с незначительными изменениями был возобновлен снова на три года. В 1882 г. Германия удалось заключить с Италией оборонительный союз против Франции и привлечь ее к „трояственному“ (с этого момента) союзу, к чему итальянская дипломатия была приведена, главным образом, стремлением противостоять колониальной экспансии Франции в северной Африке, т.е. сохранить „естественное поле“ для экспансии итальянской. Болгарский кризис 1886 г. повлек за собою крайнее обострение австро-русских отношений, недоверие русского правительства к берлинской политике и чрезвычайно энергичную деятельность славянофильских (военных, в частности) элементов в пользу сближения с Францией, к которому определенно склоняется в это время и Александр III. В 1887 г., в виду истечения срока действия трояственного договора 1881—1884 г. и нежелания, в Петербурге главным образом, возобновить его, Россия и Германия подписали уже без участия А.-Венгрии секретный договор 18 июня в Берлине (Rückversicherungsvertrag, — „перестраховочный“) на трехлетний срок о 1) взаимном благожелательном нейтралитете в случае войны одной из сторон, — за исключением войны, вызванной *нападением* Германии на Францию или России на Австрию, 2) признании Германией исторических *прав* России на Балканском полуостро-

ве и преобладании России в Болгарии и Вост. Румелии, 3) обязательности для Турции закрытия проливов. „Весьма секретное“ добавление к этому секретному договору оговаривало благожелательный нейтралитет Германии и даже ее моральную и дипломатическую поддержку русскому императору в случае, если он пожелает завладеть входом в Черное море. В том же 1887 г. был возобновлен Тройственный Союз (Германия, Австро-Венгрия, Италия), возобновлявшийся затем вплоть до 1914 г. (последний раз — в 1912 г.). „Перестраховочный“ же русско-германский договор не был возобновлен в 1890 г., когда истек срок его действия — как в силу германо-австрийских обязательств, так и по вполне определенному франко-русскому сближению.

Основой этого сближения было открытие парижского финансового рынка и французского кредита русскому правительству (тогда же 1887 г.), когда то и другое стало недоступно последнему в Германии и — почти в такой же мере — в Англии. В декабре 1888 г. был заключен первый русский заем во Франции (500 миллионов франков). До 1896 г. было реализовано 13 займов на общую сумму в 5.519 миллионов франков. С 1896 до 1901 г. — перерыв, после которого с 1901 до 1906 г. русское правительство получило еще 2.424 миллиона франков (не считая капиталов, помещенных в железно-дорожные, горнопромышленные и т. п. предприятия). К 1909 г. общая сумма возросла до 12 миллиардов франков (см. А. Tardieu, *La France et les alliances*, Paris, 1910, p. 11). В 1913 г. парижский „Le Comptant“ оценивал французский капитал, работавший в России, в 17 миллиардов франков.

Не рассчитывая на помощь германской армии ни против Австро-Венгрии, ни против Англии (с которой германская дипломатия, убедившись в неприимости французской политики, стремилась раньше сохранять добрые отношения, а затем и сблизиться возможно теснее), — русские военные круги возложили все свои надежды на сближение с Францией, имея в виду как „реванш“ в отношении Австро-Венгрии,

так и конфликты с Англией на Бл. Востоке и в Средней Азии. Параллельно англо-русскому соперничеству развивался колониальный антагонизм (гл. образом из-за Египта) между Францией и Англией, обусловивший в 1895—96 г. даже некоторое сближение Франции с Германией, непосредственным результатом чего и был перерыв в финансировании французским золотом русского правительства. Однако, кульминационное обострение англо-французского соперничества (Фашодский конфликт), когда Франция вынуждена была уступить английскому ультиматуму, заставило французский генеральный штаб вступить в переговоры с русским генеральным штабом о подготовке совместных действий против Англии (в связи с этим—возобновление кредита, с условием постройки Оренбургско-ташкентской ж. д. для будущих операций против Индии). Таким образом, первый период франко-русского союза завершился против-английской ориентацией. Тем не менее, франко-русский союз в эпоху своего возникновения мотивировался в России необходимостью противопоставить сближение с Францией Тройственному Союзу, ставившему Австро-Венгрии в неуязвимое, весьма выгодное положение и связывавшему германскую политику с австрийской и в делах Бл. Востока, в которых Бисмарк считал Германию незаинтересованной (в частности, в судьбе Константинополя). При Александре III все более складывалась конструкция „национального русского правительства“, противопоставлявшаяся германскому (бисмарковскому) „плену“ русской дипломатии в предшествующую эпоху. Такова была тактика укрепления престижа династии, — патриотическая критика прошлого и обещания внешних успехов в будущем. Рост внутреннего недовольства в стране делал необходимыми попытки реализовать эти обещания в настоящем. Первым шагом к этому считался выход России из „изолированного положения“, т.-е. союз с Францией, державой не только не антагонистичной — как отмечалось — но заинтересованной и политически и в финансовом отноше-

нии в преуспейании российской империи.

В 1890 г. состоялось посещение Кронштадта французской эскадрой. Документ, скреплявший сближение обеих стран, содержал всего две статьи: оба правительства заявляли, что 1) они будут согласовать свою политику во всех крупных вопросах внешней политики и 2) что, в случае угрозы общему миру или безопасности одной из сторон, они сообща будут выработать и принимать необходимые меры. (Текст см. в „Желтой Книжке“ франц. мин. ин. дел „L'Alliance Franco-Russe“, № 17—18; русский пер. Пуанкаре, „Происхождение мировой войны“, М. 1924, стр. 68). В 1892 г. была подписана военная конвенция на случай войны с державами Тройственного Союза, ратифицированная в следующем году, после визита русской эскадры в Тулон. В силу этой конвенции Россия, в случае нападения на Францию Германии (или Италии, поддержанной Германией), всеми своими силами нападает на Германию. Франция, в случае нападения на Россию Германией (или Австрии, поддержанной Германией), нападает всеми своими силами на Германию (ст. 1). Если державы (или даже одна из них) Тройственного Союза произведут мобилизацию, то Франция и Россия, при первом известии об этом и без предварительного уговора, немедленно и одновременно мобилизуются и направляют свои силы к соответствующим границам (ст. 2). Против Германии Франция выставляет 1.300.000 солдат, Россия же — от 700.000 до 800.000, т.-е. в общем 2 миллиона солдат, нападающих одновременно, с запада и востока, на Германию (ст. 3). Исключается возможность сепаратного мира (ст. 5). Срок действия этой (строго секретной по ст. 7) конвенции — все время существования Тройственного Союза (ст. 6).

По выражению Пуанкаре в „Les Origines de la Grande Guerre“, конвенция эта оставалась вплоть до войны 1914 г. „законом, определявшим взаимоотношения Франции с Россией“, — с весьма незначительным изменением в 1899 г. 16 июля (я. ст.)

1912 г. была подписана и морская конвенция, ратифицированная месяцем позже, во время пребывания Пункаре в Петербурге. Позиция Англии, после заключительного периода остро колониального соперничества и конфликтов с Францией (1896—1899 г.г.), ближайшим образом поколеблена была бурской войной (1900 г.), когда обнаружилась полная изоляция Англии, при единодушно-враждебном отношении к ней континентальных правительств. Этот критический момент прошел для Англии далеко неблагоприятно, т. к. ей пришлось капитулировать перед Соединенными Штатами в вопросе о Панамском канале, подписавши 5 февраля 1900 г. договор (Гай-Понсфут), предоставлявший все права на канал С. Штатам (взамен прежнего англо-американского концоминиума, по договору Бульвер-Клайтов 1850 г.). Отсюда поворот от политики „блестательного одиночества“ к политике союзов.

Первым удобным союзником оказалась Япония, когда вооруженное столкновение ее с Россией из-за Кореи стало неминуемым; англо-японский союзный договор был подписан 31 января 1902 г. и послужил базой как для японского наступления на Россию на Д. Востоке, так и для наступательной англо-индийской политики (Керзон, Лэнсдоун) на Ср. Востоке — в Персии и Афганистане. Оставалось сделать выбор между Францией и Германией. Экономическое и в особенности военно-морское соперничество со стороны Германии приобрело решающее значение при этом выборе. Сторонники сближения с Германией с каждым усилением германского флота становились малочисленнее. Сближение же с Францией — в момент, когда ее союзница увязла в дальне-восточной аванюре — могло состояться на весьма выгодных для Англии условиях, что и сказалось на договорах 8 апреля 1904 г., разрешавших колониальные споры между Англией и Францией. Французское правительство считало эту сделку столь невыгодной, что скрыло свою уступку в вопросе о Египте в секретных статьях, ставших известными лишь в 1911 г.

и вызвавших во Франции бурю протестов и негодования против главного инициатора этого соглашения, Делькасса.

Разгром на Д. Востоке и революция 1905 г. поставили самую судьбу русской монархии и династии в полную зависимость от финансовой поддержки Франции. Требуя 800-миллионного займа в Париже, Витте в 1906 г. предупредил Пункаре, что промедление в согласии французского правительства на этот заем угрожает крушением не только денежной системы, но и всего „государственного здания“ России. Согласие это, наконец, дано было французским правительством, под условием 1) безоговорочной поддержки русской дипломатией французских выступлений на Алжезирасской конференции, 2) реализации займа лишь после „благополучного“ окончания Алжезирасской конференции. Поставленный французским правительством вопрос о законности займа без санкции государственной думы считался в Петербурге лишь дипломатической оттяжкой. Таким образом, зафиксировалась (непосредственно вслед за неудачной „вылазкой“ 1905 г. в Бьорке) потеря русской дипломатией ее самостоятельности и свободы, с предопределением ее антигерманской ориентации, а следовательно, и готовности к соглашению с Англией по спорным вопросам в Персии, Афганистане и Тибете (1907 г.), вытекавшему из принятой и Францией и Англией дипломатической программы. В 1908 г. свидание в Ревеле Николая II и Эдуарда VII закрепило этот поворот.

Вторая „вылазка“ русской дипломатии — попытка Извольского соглашением с А.-Венгрией (свидание с Эрнстелем в Бухлау) добиться, взамен осуществления аннексии Боснии и Герцеговины, дипломатического успеха в вопросе об открытии для русского военного флота черноморских проливов, — кончилась такою же неудачей, как несмысленная бьоркская попытка самого Николая II разрубить затягивающийся наглухо узел коалиционной политики. Аннексия Боснии и Герцеговины Австро-Венгрией не замедлила осуществиться без всякой компенсации для России.

В созданном по этому поводу государственном совещании Извольский на вопрос,—может ли он, отстаивая великодержавный престиж России, рассчитывать на подкрепление своей политики силою оружия?—получил ответ от Столыпина, что воевать Россия совершенно не в состоянии, что первым следствием войны было бы падение династии, и что Извольский в борьбе за престиж империи может рассчитывать только на свое дипломатическое искусство. Французская дипломатия в этом случае не оказала никакой поддержки России, занятая всецело улаживанием второго марокканского конфликта (Казабланка) с Германией. В то же время Э. Грей превратил попытку Извольского добиться (на основе соглашения с Эренталем в Бухлау) дипломатического успеха в области проливов (свободного прохода русских военных судов) в новое дипломатическое поражение России (переговоры эти начаты были после Вухлау и были ликвидированы меморандумом Э. Грея в 1911 г.). Повторялось то, что произошло в эпоху Берлинского конгресса: националистическая оппозиция выступила в печати и в гос. думе с резкой критикой внешней политики, с которой поспешили солидаризироваться „патристические“ правительственные круги. На этот раз „злодеем“ был Эренталь. Германия-же, как и раньше, обвинялась в попустительстве. Сам Извольский стал во главе сторонников „реванша“, единственной основой которого представлялось еще более тесное сближение с Францией и Англией для совместного с ними нажима на Австрию и Германию.

Здесь находит свой конец период „вылазок“ и колебаний русской дипломатии, характеризуемый следующими фактами: „попытка“ использовать заключаемый франко-русский „альянс“ против Англии (с 1891 г.—см. „Желтую книгу“ о фр.-рус. союзе, № 8), оговорки Александра III о том, что „альянс“ не должен составлять прямой угрозы Германии и дать возможность французской партии „реванша“ вовлечь Россию „в авантюру“ (также 1891 г.), желание Александра III оговорить в самом договоре, что в слу-

чае войны, спровоцированной Францией, договор не будет иметь силы (18 августа 1892 г.—в момент подписания договора), заявления русской дипломатии в Берлине, что „альянс“ гарантирует безопасность Германии и сохранение франкфуртского мира, „внуздывая“ „беспокойную“ Францию (посол в Берлине Остен-Сакен—1896 г.), в результате испытания берлинской и парижской дружбы во время русско-японской войны мин. ин. дел Ламсдорф вновь убеждал германское правительство, что Россия стремится через альянс держать в узде „революционную Францию“. Осторожная „охранительная“ внешняя политика, внушавшаяся, как единственный шанс на спасение династии, Столыпиным, потеряла кредит в указанный момент кризиса 1908 г. Однако, еще в конце ноября и начале декабря 1912 г. (первая балканская война и австро-сербский кризис на почве реализации сербских воцелений и противодействия ей со стороны Австро-Венгрии) Николай II колеблется между партией войны (вел. кн. Николай Николаевич, Сухомлинов, генералитет) и советами осторожности Коковцева, развивавшего аргументацию Столыпина и имевшего за собою влиятельную еще поддержку в правительственных и придворных верхах.

После нового конфликта с Германией за Марокко 1911 г., когда германская империя показала „бронированный кулак“ („прыжок пантеры“ в Агадире) в подтверждение своих прав на „место под солнцем“,—французская дипломатия почерпнула уверенность в английской помощи против Германии в той позиции, которую заняло английское правительство по отношению к выступлению Германии. В 1912 г. между английским и французским генеральными штабами происходили совещания о возможных совместных военных действиях против Германии, и 22—23 ноября 1912 г. состоялся между Эд. Греем и П. Камбоном (французский посол в Лондоне) обмен письмами, которыми оба правительства взаимно обязывались на случай нападения на одну из них третьей державы или угрозы нарушения мира в Европе со обща обсуждать положение, устанавли-

вать общие меры и сообща принимать решения по планам военных действий, выработанным их генеральными штабами. Политическая обстановка, при которой было заключено это тайное (даже для некоторых членов английского кабинета) соглашение, определялась балканской войной, начатой Сербией, Болгарией, Черногорией и Грецией против Турции, еще не успевшей закончить неудачную войну с Италией из-за аннексии Триполитании.

Между Австро-Венгрией и Сербией отношения крайне обострились из-за решения первой ограничить сербские приобретения, в ограждение своих собственных политических и экономических пластов на Балканском полуострове. Русская дипломатия, весьма озабоченная продвижением болгар к Константинополю и изыскивавшая меры к остановке болгарского наступления, не решалась на безусловную поддержку Сербии. Французское же правительство (предс. сов. мин. Пуанкаре и воен. мин. Мильеран), после обмена письмами Грей-Камбон, решительно и резко потребовало от России мобилизации, настаивая на том, что шансы на успех в общеевропейской войне на стороне Франции и России (но не имея возможности прямо сослаться на соглашение с Грецией, оставшееся тайной для русского правительства до весны 1914 г.) и угрожая России ослаблением доверия и дружбы к ней. Требование это отвечало вполне определенному плану войны против центральных держав: 1) война должна начаться между Австро-Венгрией и Сербией, 2) отвлечением австрийских сил в сторону Сербии (в этот момент входившей в победоносный балканский блок) пользуется своевременно мобилизовавшаяся Россия для нанесения решительного и скорого удара А.-Венгрии, после чего 3) Россия обращает вместе с Францией все силы против Германии. Вопрос о своевременности русской мобилизации играл здесь, следовательно, основную роль. Партия „генералов“, или „военная“, с вел. кн. Николаем Николаевичем во главе, настаивала на мобилизации, и в Спале, где был на охоте Николай II, его склонили было к этому решению; однако, вернувшись

в Царское, под влиянием гражданских министров (Кокорцева) и, вероятно, личных приближенных, он переменял это решение. В Париже правительственные круги были возмущены отказом России выступить, влиятельные французские националистические круги обвиняли свое правительство в том, что оно недостаточно энергично поддержало Россию и этим заставило последнюю снова отступить перед А.-Венгрией.

Балканский блок отчасти вследствие этого распался; против Болгарии выступили ее союзники, а также Румыния; турки вновь заняли Адрианополь. Чрезвычайно опасный для А.-Венгрии (и Германии, стремившейся поэтому избежать общей войны) момент, когда против нее мог обратиться балканский союз, в случае выступления России, — миновал. Бухарестский мир 10 августа 1913 г. привел к сближению Болгарии с Турцией и А.-Венгрией. Разгромленная Турция обратилась к германской помощи, выразившейся в немедленной посылке большой военно-инструкторской миссии с ген. Лиман фон Сандерсом во главе и с назначением его командующим войсками в самом Константинополе. Против этого назначения восстало русское правительство, считавшее, что это внедрение германских военных инструкторов нарушает все его права, интересы, предположения и расчеты в сфере проливов и Константинополя. С большими усилиями Сазонову удалось добиться некоторой поддержки французского правительства и лишь полуподдержки английского. Германия уступила, согласившись на снятие Л. ф. Сандерса с командования и назначение его ген. инспектором, несмотря на то, что английский адмирал Лимпус занимал тогда (и вплоть до разрыва между Турцией и Антантой) в Константинополе положение вполне аналогичное тому, которое турецкое правительство предоставило вначале Сандерсу. Слабая поддержка со стороны Англии в этом вопросе объяснялась исключительно нежеланием — вполне, впрочем, разделявшимся и Францией, начать войну из-за русских интересов в Турции. Военно-дипломатическая организация Антанты

продолжалась; в марте - апреле 1914 г. англо - русское сближение завершилось переговорами и совещаниями о заключении военно - морской конвенции; за две недели до убийства эрцгерцога Франц - Фердинанда в Сараеве состоялось свидание Николая II с румынским королем в Констанце; здесь Сазонов поставил прямо вопрос Братяну, какую позицию Румыния займет в случае вынужденного выступления России против А.-Венгрии из-за Сербии. Дружба, завязанная с Румынией, укреплена была в денежной сделке в пользу Румынии и совместным с нею дипломатическим выступлением России по вопросу об угрозе, в виду новых осложнений — закрытия Турцией проливов.

Ко времени июльского кризиса, насколько известно, между Германией и А.-Венгрией, несмотря на 35-летние союзные отношения, не было заключено военной конвенции; между Германией и Италией такая конвенция была заключена в 1887 г., и в 1913 г. заключена была между всеми тремя державами Тройств. Союза морская конвенция, направленная против Франции, в виду ее усиления на Средиземном море. Русско-французские военные конвенции пересматривались и возобновлялись почти ежегодно, начиная с 1892 г., а с 1911 г. — ратифицировались правительствами и получали, таким образом, силу политических обязательств; как сказано, в августе 1912 г. была ратификована р.-фр. морская конвенция. Англо-французская морская конвенция обуславливала защиту сев. берегов Франции английским флотом; время заключения ее неизвестно.

Убийство эрцгерцога и его жены в Сараеве произошло 28 июня 1914 г., во время австрийских маневров в Боснии, считавшихся в патриотических сербских кругах и организациях подготовкой к неизбежной австро-сербской войне. 5 июля в Берлин прибыл, по поручению ав.-венг. мин. ин. дел Берхтольда, граф Хойос с письмами Франц Иосифа и меморандумом ав.-венг. правительства; в последнем противопоставлялась охранительной политике центральных держав наступательная политика русск.-франц. союза, и подво-

дился итог балканским переменам. Из последних в „актив“ центральных держав выделялись: образование независимой Албании, дружественная позиция Греции, освобождение Болгарии от русского влияния, в „пассив“ же — ослабление Турции, чрезвычайное увеличение Сербии, наметившееся объединение с нею Черногории и, в особенности, сближение Румынии с Россией и Сербией, и в результате — непосредственная опасность военной поддержки франко-русского союза тремя балканскими государствами, стремящимися к захвату ав.-венгр. территорий. Вывод — необходимость привлечь к центр. блоку Болгарию и Турцию и ответить на сараевское убийство решительным ударом по Сербии. 6 июля рейхсканцлер ответил на это, что кайзер вполне признает опасность, угрожающую А.-Венгрии со стороны русских и сербских панславистов, разделяет мнение о важности привлечения Болгарии, попытается вернуть к прежней политике Румынию, вопрос же о Сербии считает „выходящим из своей компетенции“, но свои союзные и дружеские обязанности по отношению к А.-Венгрии исполнит верно и до конца. Вильгельм, совещаясь с начальниками штабов 5/VII, накануне своего отъезда в Киль на морскую прогулку, выражал уверенность, что русский самодержец не станет на сторону сербских царевичей. 20 июля Пуанкаре на броненосце „Франция“ прибыл на петергофский рейд. Содержание личных переговоров его с Николаем II осталось до сих пор непроницаемой тайной. На приеме президент сказал ав.-венг. послу, что у Сербии есть „друзья“, японского — убеждал примкнуть к Антанте, английского — заявил, что Россия в конфликтах из-за Персии пойдет Англии во всем навстречу. Банкет у вел. кн. Ник. Ник. имел характер патриотической франко-русской демонстрации, настолько яркой, что царь остался недоумен. Заключительный тост Пуанкаре (23 июля) поднял еще выше настроение. Сазонов и Вивiani выяснили обоюдную готовность защитить Сербию. В день отъезда президента из Петербурга (не по совпадению, а по намеренному выбору) в Белграде был вру-

чен ав.-венг. ультиматум, переданный в Берлин для осведомления за 24 часа до того. От Сербии требовались: — роспуск патриотических великосербских организаций, увольнение скомпрометированных офицеров и чиновников, судебное следствие о виновниках сараевского убийства с участием а.-в. представителей, участие австрийского комиссара в наблюдении за сербской границей, прилегающей к Боснии, и т. д. В этот же день германское правительство 1) обратило внимание шведского на серьезность положения и на необходимость для Швеции определить свою позицию на случай, если а.-сербский конфликт превратится в общеевропейский, 2) советовало греческому пр-ству освободиться от союзных обязательств в отношении Сербии, чтобы не быть втянутым в войну против А.-Венгрии, 3) приступило к заключению союза с Турцией, предварительно выяснившей через Джемала в Париже полную невозможность застраховаться присоединением к державам противоположной группировки; через неделю заключено было принципиальное соглашение и с Болгарией. 24/VII Палеолог заверил Сазонова, что Франция исполнит при данных осложнениях союзнические обязанности. Совет министров принципиально решил вопрос о мобилизации 4 военных округов и флотов Черного и Балтийск. морей. Опубликованные архивные документы в своей совокупности свидетельствуют о том, что в последующие дни общеевропейского кризиса, т.-е. при переговорах о локализации конфликта (стремление Германии и А.-Венгрии) и о передаче его на коллективное решение держав (английский тезис, принятый Францией и Россией), германская и особенно австро-венгерская дипломатия переоценила шансы на локализацию. Германская дипломатия более всего опасалась ослабить союзные отношения с А.-Венгрийей недостаточной поддержкой ее в критический для нее момент, а также понести вместе с нею дипломатическое поражение, которое решающим образом усилило бы ряды и вес держав враждебного ей блока и, наконец, предоставить противникам выигрыш во времени при открытии

военных действий, ибо весь военный план Германии был рассчитан на молниеносную операцию против Франции; в то же время в Берлине до конца (также с самого начала в Вене) не была понята позиция английской дипломатии, но и оставшиеся в Париже министры допускали возможность локализации конфликта, каковой не допускал, разумеется, Сазонов. В Лондоне (первые заявления отсюда, по свидетельству Сазонова, повлиали на уверенность Берхтольда в безопасности предъявления сербам ультиматума) 24 и 25/VII Грей заявлял, что австро-сербский конфликт не касается Англии, и что Англии в этом споре делать нечего, — с той оговоркой, однако, что положение „изменится“, если в этот спор вовлечена будет Россия, и европейский мир подвергнется опасности. Еще 27/VII, т.-е. уже после сербского ответа, Грей сказал кн. Лихновскому (герм. послу), что „все будет в порядке,“ если Австрии удастся и воевать с Сербией и удержаться в покое России. Тактика Грея определялась решимостью выждать до конца развития кризиса, когда вполне определится положение (т.-е. начнется война), и тогда лишь предложить вопрос о выступлении Англии решить парламенту, с переложением на него собственного обязательства, подписанного в 1912 г., и ответственности за дальнейшее. „Декларация незаинтересованности“ предоставляла английскому правительству то удобство, что оправдывала его выжидательную тактику. К отзыву Сазонова о том, что английская дипломатия своим двусмысленным поведением побудила А.-Венгрию решиться на предъявление ультиматума, надлежит добавить повторное заявление Пуанкаре в парламенте и в печати, что войны в 1914 г. не было бы, если бы Англия с самого начала кризиса заявила о том, что она примет к Франции (и России), в случае возникновения общей войны. Германия, действительно, считала вполне возможным нейтралитет Англии.

Течение кризиса определяется следующими моментами. *Суббота, 25 июля*: — В Берлине с утра получено английское предложение о прод-

лении срока (истекавшего в 6 ч. вечера) для ответа сербов на ультиматум и о посредничестве в Вене и в Петербурге четырех непосредственно незаинтересованных держав—Англии, Германии, Франции и Италии. Верное своей политике „бережения“ союзницы, германское правительство ограничилось простой передачей, без всякой со своей стороны поддержки, английского предложения о продлении срока в Вену. Вторая часть английского предложения была принята Берлином, после чего Грей разъяснил, что посредничество должно осуществиться лишь, если на а.-в. мобилизацию ответит частичной мобилизацией Россия. На этом основании кайзеру было доложено, что в Париже и в Лондоне поддерживают именно германскую точку—т.-е. также стремятся локализовать австро-сербский конфликт. Вечернее предложение из Лондона воздвигнутое на Вену в смысле удовлетворения сербским ответом оказалось запоздалым, так как австрийский посланник в Белграде признал ответ неудовлетворительным и покинул Белград до истечения 48-часового срока. Сербия мобилизовалась в 3 часа дня, А.-Венгрия объявила вечером о своей мобилизации (8 армейских корпусов) против Сербии. Сазонов заявил Бьюкенену, что Россия готова принять „все опасности войны, если будет уверена в помощи Франции“. *Воскресенье*, 26 июля: — Бетманн-Гольвег, полученное им от венского правительства заверение, в полном отсутствии аннексионистских планов в отношении сербской территории, передает в Петербург с призывом к миролюбию русского правительства, в Париж и Лондон—с просьбой отклонить Россию от решения мобилизоваться. Вечером в Петербурге получено из Берлина требование приостановить военные приготовления против Германии, так как последняя вынуждена будет ими к мобилизации, неизбежно влекущей за собою войну. По случаю воскресного отдыха, в Лондоне германская нота не могла быть вручена до следующего дня, но в этот день английский проект посредничества видоизменился в предложение

созвать конференцию 4 „незаинтересованных“ держав в Лондоне и до окончания ее остановить все военные действия и приготовления со стороны А.-Венгрии, Сербии и России. — *Понедельник*, 27 июля: — В Берлине рано утром получено это предложение, на которое последовал ответ, что Германия на такую конференцию не пойдет, считая для себя возможным посредничество лишь между А.-Венгрией и Россией, но не между А.-Венгрией и Сербией, и что, повидимому, в Петербурге и Вене открыты пути для примирительных взаимных объяснений. Вернувшегося из норвежской поездки кайзеру, Бетманн доложил содержание сербского ответа и новую лондонскую телеграмму, с просьбой внушить австрийцам, либо принятие этого ответа, как вполне удовлетворительного, либо согласие на переговоры с сербами на основе их ответа. Впервые Лихновский получает впечатление, что в случае непримиримости А.-Венгрии и возникновения общей войны, Германия „не может рассчитывать на английскую симпатию и помощь“. Ссылаясь на необходимость избежать обвинений в неуступчивости и провоцировании войны как за границей, так и в самой Германии (в интересах укрепления доверия к себе, в случае войны), германское правительство ограничилось тем не менее, простой передачей английского предложения и просьбой к Берхтольду, сообщить его мнение по поводу этого предложения. Оно располагало успокоительными заявлениями Сазонова, но германский генштаб не придавал им практической цены. Военные приготовления шли полным ходом во всех странах, включая Англию, по крайней мере с 24/VII; в этот же день в заинтересованных генштабах знали о приведении Меца и Ковно на военное положение, о прекращении маневров в южной Франции, о концентрации британского флота, о военных передвижениях по германским жел. дорогам и т. д. Тем не менее, в Берлине не ждали ранее двух недель выяснения положения, тогда как русский посол в Лондоне гр. Бенкендорф в этот день сообщил Сазо-

нову, что „вера Берлина и Вены в нейтралитет Англии не имеет уже никакого основания“. Извольский, вернувшись из отпуска, отмечает полнейшее единодушие между русским и французским правительством, твердую и спокойную решимость последнего оказать первому неограниченную поддержку и избежать тени разногласия между ними. — *Вторник, 28/VII*: К утру этого дня относится заметка Вильгельма по поводу сербского ответа, оценивавшего его, как блистательную дипломатическую победу А.-Венгрии, уничтожавшую вместе с тем всякий разумный повод к войне, мобилизации и отъезду Гизля. В 10 часов утра Вильгельм послал записки Ягову (мининдел) и Мольтке (нач. ген. штаба), в которых заявлял, что А.-Венгрия должна ограничиться, в качестве обеспечения выполнения сербами своих обязательств, временной оккупацией части сербской территории, и на основе этой гарантии он (Вильгельм) „готов к мирному посредничеству в Вене“. Однако, до вечера соответствующая инструкция послу в Вене (фон Чиршки) не была послана, а в 7 часов вечера уже получено было сообщение об объявлении войны А.-Венгрией Сербии (между тем, в Берлине еще накануне, т.-е. 27/VII, знали, что это объявление войны последует 28 июля, но, во всяком случае, не позже 29/VII). При этом венское правительство сообщало, что английское предложение (о принятии сербского ответа в основу согласительных переговоров) запоздало, в виду состоявшегося объявления войны. Лишь в 10 ч. 15 минут была послана из Берлина в Вену нота в указанном смысле, с поручением послу побудить Берхтольда к заявлениям в том же смысле — особенно в Петербурге, — но избежать при этом всего того, что в Вене могло бы быть истолковано, как подавление свободы и воли А.-Венгрии в самозащите против велико-сербской пропаганды, так как дело идет исключительно о попытке сделать возможной эту самозащиту без взрыва обще-европейской войны, в случае же неуспеха этой попытки — по возможности улучшить дипломатическую обстановку ве-

дения войны. Через полчаса Вильгельм отправил Николаю телеграмму с просьбой о совместных усилиях сохранить мир. Телеграмма эта разошлась с телеграммой Николая, в которой последний в свою очередь просил Вильгельма оказать примирительное влияние на А.-Венгрию, так как скоро он будет не состоянии противиться общему настроению и должен будет принять крайние меры, влекущие за собой войну. — *Среда, 29/VII*: Германский генеральный штаб категорически потребовал от канцлера немедленного выяснения вопроса, решились ли на войну Франция и Россия, в виду того, что Россия принимает все меры для нападения на А.-Венгрию, а при неизбежности столкновения между ними (после объявления А.-Венгрией войны Сербии) Германии придется столь же неизбежно выполнить союзные обязательства. Германскому послу в Париже фон-Шену было тотчас же поручено предупредить, что французские приготовления вынудят Германию объявить „Kriegsgefahrzustand“, после чего сохранение мира станет еще труднее. Пурталесу в Петербурге предписано было предупредить Сазонова, что продолжение русских приготовлений вызовет мобилизацию в Германии, после чего европейская война станет почти неизбежностью. Англичан Бетмани попытался успокоить секретным заверением, что австрийцы дальше Белграда не пойдут, на что Грей отозвался сердечной благодарностью. Наконец, царю Вильгельм ответил телеграммой, выразившей готовность к посредничеству в Вене и надежду на успех, при условии прекращения русских военных приготовлений. За 3 часа до отправки этой телеграммы от Пурталеса получено было сообщение о мобилизации в этот день пограничных с А.-Венгрией военных округов. Еще до прочтения этой информации, Вильгельм позвал на вечер в Потсдаме канцлера и руководящий генералитет. Здесь был принят ряд решений: военная охрана жел. дорог, призыв отпусных и т. п. — вплоть до посылки фельд'егеря в Бельгию с ультиматумом в запечатанном пакете на имя германского послан-

ника в Брюсселе, с предписанием вскрыть пакет по особому приказу. Поздно вечером, вернувшись в Берлин, Бетманн пригласил снова английского посла (Гошена) и заявил ему, что Германия может быть вынуждена нападением России на А.-Венгрию выполнить свой долг союзницы, но и в случае европейской войны Германия 1) не попытается удержать за собою ни одной пяди французской территории в Европе, 2) будет соблюдать нейтралитет Голландии, если только его не нарушит противная сторона, 3) относительно Бельгии этот вопрос решится в связи с французскими операциями, но территориальная неприкосновенность ее обеспечена, если только она не станет на сторону французов. На вопрос посла о французских колониях, канцлер ответил отказом связать себя какими-либо обязательствами в этом отношении, но выразил надежду, что Англия сохранит нейтралитет, и этим будет положено основание прочной и долгой англо-германской дружбе. Посланнику в Копенгагене была послана телеграмма такого же характера, как отправленная за 2 дня до этого дня шведскому правительству. В 8 час. 42 мин. вечера получен был ответ царя — очень дружеский, но с указанием на несоответствие заявлений Пурталеса содержанию телеграммы Вильгельма и с предложением передать австро-сербский спор конференции в Гааге. В то же время русский посол Свербеев официально сообщил Ягову о мобилизации в киевском, одесском, московском и казанском округах, с пояснением, что эта мера ни в какой мере не направлена против Германии. Бетманн продолжал настаивать перед Сазоновым на том, что Австрия дальше временной оккупации в Сербии не пойдет, а перед Вертгольдом — на обещании не идти дальше Белграда, на вступления в непосредственные переговоры с Сазоновым, готовым к этому, по сообщению Пурталеса, и даже на соглашении с Сербией на основе полученного через Лихновского окольным путем известия о готовности сербов притти к соглашению по всем пунктам ультиматума. После этого было получено сообщение

Лихновского о предупреждении Грея: Англия если и может остаться в стороне от австро-русского конфликта, то лишь при условии, что в него не втянутся Франция и Германия. Бетманн протелеграфировал в Вену это сообщение с указанием, что если Австрия откажется от посредничества, то против нее и Германии будут 4 великие державы, что ее политический престиж и безопасность вполне гарантируются занятием Белграда или других пунктов, и что отклонение посредничества возложит „на Австрию и на нас неслыханно тяжелую ответственность“. Вена в этот день старательно уклонялась, как и раньше, от переговоров с Петербургом, на что повторно указывал Сазонов Пурталесу и Грей Лихновскому, в Лондоне болтливый австрийский дипломат держал речи о разделе Сербии; в Берлине ответа из Вены на предложение не идти дальше Белграда все не получалось. В виду всего этого, Бетманн послал ф. Чиршки инструкцию выяснить создавшееся положение, напомнить, что в интересах самой А.-Венгрии не допустимо провоцировать Россию, что преступно медлить с приступом к прямым переговорам с Петербургом, что „мы хотя и готовы исполнить свои союзнические обязанности, но не можем допустить, чтобы Вена легкомысленно, и не слушая наших советов, втянула нас в мировой пожар“. В Петербург и Лондон посланы были успокоительные телеграммы о продолжающихся переговорах с Веной, но в Петербург — с отказом от предложенной отсюда Гаагской конференции. И, наконец, в ответ на пятое предостережение, из Вены последовал совершенно неудовлетворительный ответ: Чиршки — один из наиболее способствовавших возникновению европейской войны дипломатов, считавший, повидимому, что Вильгельм ждет от него не того, что хотел в этот день Бетманн, — сообщал, что Вертгольд готов повторить заявление о территориальной незаинтересованности, но не может ничего сказать по вопросу об объеме военных операций. В Петербурге происходило следующее: утром царь подписал указ о

всеобщей мобилизации против Германии и Австрии, затем отменил ее в 9 ч. веч. приказал заменить ее частичной мобилизацией против одной Австрии, — после получения телеграммы Вильгельма и заявления Сапари о территориальной незаинтересованности Австрии. Однако, Извольскому Сазонов телеграфировал, что в виду невозможности исполнить требование Германии, России приходится, напротив, ускорить военные приготовления и считаться с „вероятной неизбежностью войны“. В Бухарест Сазонов обратился с предложением Румынии принять участие в войне против Австрии, вместе с Россией. Дополнительно на другой день румынам была предложена Сазоновым Трансильвания за участие в войне. Военные приготовления в России, как и во всех других вовлеченных в кризис странах, продолжались „неофициальным порядком“. *Четверг*, 30 — VII: В 3½ часа по полудни из Берлина отправлена была телеграмма Вильгельма Николаю (телеграммы эти составлялись Бетманном), противопоставлявшая частичной мобилизации А.-Венгрии против Сербии русскую мобилизацию против Австрии и заявлявшая, что русская мобилизация делает посредничество кайзера невозможным, в виду чего ответственность за решение вопроса, война или мир, ложится всецело на царя. В то же время Бетманн обратился с просьбой и к Грею повлиять на Францию, в смысле немедленной отмены военных приготовлений, и на Россию — в смысле отказа от переброски войск к австрийской границе. Экстренный выпуск *Lokal Anzeiger'a* сообщил о германской мобилизации, Свербеев немедленно передал это известие в Петербург, затем последовало по телефону опровержение из мин. ин. дел, но телеграмма русского посла, передававшая это опровержение, была на несколько часов замедлена отправкой на телеграфе. Ответ Грея заключал обещание попытаться воздействовать через русского посла на русское правительство, а французские приготовления ставил под сомнение. Тем временем, британский флот прибыл уже к своей военной базе. Камбон

напомнил в этот день Грею ноябрьское соглашение 1912 г., и Грей ответил, что, по его мнению, действительно наступил момент, предусмотренный тогда обменом писем, вследствие чего он поставит этот вопрос на следующий день на обсуждение кабинета. В Петербурге Сазонов передал через Пурталеса определенное предложение: Россия приостановит военные приготовления, как только Австрия согласится исключить из своего ультиматума пункты, затрагивающие суверенные права Сербии. Ягов ответил Свербееву, что предложение это, по его мнению, неприемлемо для Австрии, но что Сапари (австрийский посол в Петербурге) получил инструкцию продолжать переговоры, и что обсуждению подлежит также предложение Грея. В Петербурге утром было получено известие о бомбардировке австрийцами Белграда. Около 2-х часов дня, во всяком случае до получения сообщения о заявлении Ягова Свербееву, царь отдал через долго его убеждавшего Сазонова приказ об общей мобилизации Янушкевичу (нач. гл. штаба). Сазонов передал его с шутливым советом „сломать телефон“ во избежание получения нового приказа об отмене мобилизации. Предложение Грея, переданное одновременно с разговором Ягова с Свербеевым, заключалось в том, чтобы Австрия не шла дальше Белграда, а державы обсудили бы вопрос, как Сербия могла бы удовлетворить, не отказываясь от своих суверенных прав, Австрию — с расчетом, что остановка австрийцев в Белграде позволит России остановить свои приготовления. Берхтольд лишь к вечеру этого дня сообщил в Берлин, что Вена согласна на переговоры и на заявление о временной оккупации, но по вопросу об объеме военных операций в Сербии может высказаться не ранее, как к полудню следующего дня. Вильгельм телеграфировал непосредственно Франц-Иосифу, прося возможно скорого ответа по этому вопросу. Бетманн послал резко составленную инструкцию ф. Чиршки с настойчивым требованием ответа и ссылкой на предостережения Лихновского. В то же время нач. герм. ген

штаба настоятельно советовал австрийскому правительству не медлить с дополнительной мобилизацией 28 дивизий в ответ на русскую мобилизацию. Пятница 31/VII: Рано утром в Берлине был получен ответ Чиршки; Берхгольд выслушал „бледный, безмолвный“ предостережения Бетманна, но ответа не дал,—он должен был дожидаться мнения Тиссы. В 7 часов утра герм. ген. штаб получил с границы подтверждение о русской мобилизации, в 11 ч. 40 м. утра получила телеграмма Пурталеса об объявленной общей мобилизации армии и флота. Вильгельм телеграфировал английскому королю Георгу и Николаю II, предлагая последнему приостановить приготовления для последней попытки сохранения мира. Георг обратился к царю с просьбой сделать эту попытку; царь ответил Вильгельму, что не может остановить приготовлений, которые вызваны мобилизацией Австрии и направлены против нее. В то же время скрестились телеграммы между Берлином и Веной: Берлин указывал, что наступает час выполнения союзных обязательств, Вена (Франц-Иосиф — Вильгельму) сообщала о твердой решимости довести дело с Сербией до конца, о решенной всеобщей мобилизации А.-Венгрии и о наступлении того же рокового часа. Таким образом, отпал вопрос об ограничении военных действий Белградом, поднятый Бетманном и поддержанный Греем. В 3¼ часа в Петербург отправлено было предупреждение, что на мобилизацию России германское правительство отвечает объявлением „военной опасности“, за которым следует через 12 часов мобилизация, если в течение этого времени не следует отмены всех военных приготовлений против Германии и А.-Венгрии, с соответствующим заявлением. С таким же предложением обратилась в Петербург и Вена. Шену поручено было запросить французское правительство, останется ли оно нейтральным, в случае русско-германской войны, с предоставлением 18-часового срока для ответа. Грей после разговора с Лихновским телеграфировал Бьюкенену, что в Лондоне не находят возможным повлиять на военные приго-

товления России, пока А.-Венгрия не указывает предела наступлению своих войск в Сербии. Лихновскому Грей сказал, что на позицию самой Англии может повлиять только такая уступка со стороны А.-Венгрии, которая подорвала бы моральную позицию русского правительства. Затем Гошен передал в Берлине новое посредническое предложение Англии: повсюду остановить требованием 4 незаинтересованных держав военные приготовления, гарантировавши общим обязательством, с одной стороны, полное удовлетворение А.-Венгрии, с другой, неприкосновенность территории и суверенитета Сербии. Вечером Грей отправил запрос в Париж и Берлин, будет ли обоими сторонами уважаться нейтралитет Бельгии. Германский ответ был уклончив, французский (как это было предрешено общими военными планами)—утвердителен. В заседании английского кабинета победило мнение, что гарантировать Франции вмешательство Англии в данный момент невозможно; инструкция, отправленная британскому послу в Париже (Фр. Берти), указывала на то, что Франция втянута в спор из-за непосредственно не задевающих ее интересов. Камбон отказался передать это сообщение в Париж, ввиду чего ему было обещано вновь обсудить вопрос на следующий день и что вопрос о бельгийском нейтралитете, без сомнения, повлияет на решение. В Париже вечером Шен на вопрос о нейтралитете Франции не получил ответа от Визизи, сославшегося на то, что ему ничего не известно о русской мобилизации. За 3 часа до этого французский совет министров принял решение о предупредительных военных мерах в виду германской мобилизации, а через 2 часа, по получении сообщения о русской мобилизации от Палеолога, совет министров снова собрался, после чего военный министр сделал русскому военному агенту „в приподнятом и сердечном тоне“ известное заявление о твердой решимости и готовности французского правительства к войне и об уверенности, что все усилия России направлены будут против Германии, А.-Вен-

грия же будет рассматриваться, как „quantité négligeable“. Когда а.-в. посол явился во французское министерство иностранных дел с известием, что в Петербург заявлено о намерении А.-Венгрии не нарушать суверенных и территориальных прав Сербии, ему ответил директор политического департамента, что, в виду выступления Германии, сербский вопрос потерял свое значение. Последнее предупреждение в Петербурге сделано было Пурталесом Сазонову в ночь с 31/VII на 1-е VIII. Сазонов в ответ на это сослался на техническую невозможность приостановить русскую мобилизацию и на особые условия, в которых находится Россия. Перед этим свиданием Сазонов беседовал с Сапари и на основании этой беседы телеграфировал русским послам, что А.-Венгрия согласна вступить в переговоры по существу ультиматума, — против чего впоследствии Сапари, однако, представил веские возражения. Сазонов предложил вести дальнейшие переговоры в Лондоне; царь выразил желание, чтобы одновременно они продолжались в Петербурге. — *Суббота 1/VIII*: В 3 ч. 30 мин. утра Грей послал Бьюкенену предписание в личной аудиенции передать царю срочное обращение кор. Георга. Последний, усматривая из ночной телеграммы Бетманна в Лондон, излагавшей ход переговоров с 29/VII, что развязка является внезапной и недостаточно мотивированной, просил царя сделать еще попытку продолжать переговоры и избежать войны. Царь ответил, что принял бы охотно это предложение, если бы не было уже сделано германским послом объявления о войне, что Германия согласилась на посредничество лишь тогда, когда А.-Венгрия не могла уже отступить назад, что Россия вынуждена была к общей мобилизации австрийской общей мобилизацией, бомбардировкой Белграда, концентрацией австрийских войск в Галиции и тайными приготовлениями Германии. До сих пор не разъяснено, каким образом в течение 13 часов телеграмма Георга не дошла до Николая II. Палеолог, однако, свидетельствует, что Бьюкенен просил об аудиенции до передачи Пурталесу

Сазонову объявления войны (7 час. вечера). Визвиани разослал французским послам сообщение о том, что А.-Венгрия из'явила примирительные намерения, но поведение Германии лишило их всякого значения, и что германский ультиматум России явился ответом на согласие России принять последнее английское предложение о приостановке во всех странах военных приготовлений. В Вене, действительно, решено было накануне вечером принять посредничество Англии, и притом не только между А.-Венгрией и Россией, но и между А.-Венгрией и Сербией, о чем и была послана I/VIII телеграмма в Берлин, с более, чем существенной оговоркой, что военные действия против Сербии продолжаются, если даже взаимные приготовления России и А.-Венгрии (в Галиции) прекращаются. Верхтольд послал сообщение об этом для личного осведомления другим австрийским послам, в том числе в Лондон Менсдорфу, который, по совету Лихновского, сообщил о нем Грею. Грей предложил Бьюкенену передать Сазонову, что если Россия также согласится принять посредничество и приостановить мобилизацию, возможно будет еще рассчитывать на сохранение мира. Этого согласия не последовало. На следующий день Лихновскому сказали в Foreign office, что известие о согласии А.-Венгрии на посредничество слишком запоздало, чтобы иметь практическое значение. В Париже Жоффр в 8 час. утра потребовал объявления мобилизации, угрожая в противном случае отставкой. Созванный совет министров решил объявить мобилизацию, отказавши в ответе на германский вопрос о позиции Франции. В 3 ч. 45 м. приказ о мобилизации отдан был по телеграфу. В этот момент Визвиани сообщил военному министру (Мессими), что германский посол выразил надежду на согласие России приостановить мобилизацию и на готовность Австрии обсудить по существу ультиматум. Мессими ответил, что „слишком поздно, машина пущена.“ Из Берлина в час пополудни отправлен был Пурталесу текст ноты, объявлявшей войну России, с двумя вариантами — на слу-
347*

чай уклончивого ответа и на случай отказа в ответе на сделанное накануне ультимативное предложение прекратить военные приготовления. Через час в Берлине получена была пятая телеграмма царя к кайзеру, предлагавшая взаимную гарантию, что обоюдная мобилизация не означает еще войны, и что переговоры будут продолжаться. В 5 ч. пополудни в Берлине отдан был приказ о мобилизации. В 6 ч. из Парижа пришло сообщение, что Франция будет действовать „соответственно своим интересам“. Между тем, Лихновский передал заявление Грея о том, что если Германия не нападет на Францию, Англия сохранит нейтралитет, и возможна даже пассивность Франции. Война, таким образом, ограничится для Германии восточным фронтом. Вильгельм, прочтя сообщение Лихновского, призвал Мольтке и приказал ему остановить наступление в Бельгии и перебросить все силы на восток, против чего Мольтке воспротивился, сославшись на неосуществимость проекта Грея с военной политической точки зрения. Берлин потребовал в качестве условия не нападения на Францию формальной гарантии от Англии французского нейтралитета до окончания русско-германского конфликта. А в 9 ч. вечера кайзер телеграфировал царю, что единственное средство продлить мир—ясный, категорический, немедленный и положительный ответ на германское ультимативное предложение. После этого пришло новое сообщение Лихновского: Грей от лица всего правительства выразил сожаление по поводу германского ответа на вопрос о соблюдении бельгийского нейтралитета; на вопрос Лихновского, является ли соблюдение бельгийского нейтралитета гарантией нейтралитета самой Англии (с соответствующим заявлением), Грей возразил ссылкой на невозможность дать положительный ответ, но повторил свою мысль о возможности пребывания Франции и Германии в отношении друг друга в пассивно-вооруженном состоянии до конца русско-германского конфликта; на вопрос Лихновского, пойдет ли Франция на такое соглашение, Грей ответил, что он готов справиться об этом. Поз-

же англичане говорили о „недоразумении“, Грей же объяснял Лихновскому, что он говорил „без контакта с Францией и не знал о мобилизации“. Сообщая Камбону о признании кабинетом германского ответа о бельгийском нейтралитете неудовлетворительным, Грей добавил, что в понедельник 3/VIII он предложит кабинету решить вопрос о защите северного побережья Франции английским флотом против германских морских сил. От себя лично он заверил Камбона в несомненно-положительном решении вопроса. Пурталес в 7 ч. вечера передал Саазонову ноту, объявляющую войну. В 11 час. вечера французский президент (Шуанкарэ) подтвердил Извольскому, что Франция до конца выполнит свой долг союзницы, но что желательно избежать в парламенте, при решении вопроса о войне, дебатов о взаимных тайных обязательствах между Францией и Россией и, особенно, между Францией и Англией, в виду чего было бы желательно для Франции и Англии выждать объявления Франции войны Германией.

А.—Венгрия послала объявление войны России лишь 5/VIII (дошло по назначению 6/VIII) для того, чтобы беспрепятственно закончить военные приготовления в Галиции. По тем же соображениям (относительно подготовки флота) объявление войны Франции было отложено до 12 августа, однако, Франция не дождалась наступления этого срока и объявила войну первая на том основании, что австрийские войска из Тироля были отпращены на германский фронт, что, по видимому, не отвечало действительности.

И в Париже и в Берлине решили использовать пограничные стычки для признания фактически наступившего состояния войны, вследствие нападения противника; по данным герм. генерального штаба до объявления войны немецкие патрули 40 раз переходили границу, французские—56, и в 11 случаях дело доходило до употребления огнестрельного оружия. 3/VIII Шену был послан шифром текст объявления войны, но так как французский телеграф намеренно путал шифр при передаче, то Шену приш-

лось большую часть текста составить самому, вследствие чего единственным поводом к войне оказался не имевший места в действительности налет французского авиатора на Нюрнберг.

Назначенное на 3/VIII заседание лондонского кабинета чуть ли не впервые в истории Англии состоялось в воскресенье 2/VIII, в виду предъявления Германией Бельгии ультиматума с 12-часовым сроком для ответа о пропуске германских войск; понадобилось, однако, два заседания в течение этого дня, чтобы при помощи заявления премьеру Асквиту лидера консервативной оппозиции Бонар Лоу добиться решения, предвосхищенного Греем, — хотя и с формальной оговоркой об утверждении этого решения парламентом. Вечером кабинет одобрил уже принятую на собственный страх адмиралтейством (Черчиллем) меру — призыв резервистов морской службы. — 3/VIII германское правительство предложило английскому гарантию ненападения со стороны моря на Францию. Однако, в 11 ч. утра отдан был приказ о мобилизации экспедиционного корпуса; в послеобеденном заседании палаты общин Грей произнес большую речь (в которой допустил существенный пропуск при чтении текста обменных Греем и Камбоном в 1912 г. писем), доказывавшую, что Англия обязана выступить как в защиту бельгийского нейтралитета, так и в защиту доверившейся ей и оставившей поэтому беззащитным свое северное побережье Франции. Палата поддержала эту точку зрения, и вечером решено было предъявить Германии „контр-ультиматум“ об отказе от нарушения бельгийского нейтралитета. 4-го августа в 7 ч. вечера Э. Гошен вручил в Берлине этот контр-ультиматум, назначавший 5-часовой срок для ответа. Начавшееся германское наступление продолжалось безостановочно, и ровно в полночь континентальная европейская война превратилась со вступлением в нее Англии в мировую и — гибельную для Германии.

Договорные обязательства Тройственного Союза обязывали Австрию выступить против Франции в случае, если и Россия выступит против Гер-

мании, Италию же — независимо от позиции России.

Италия тотчас же после предъявления Сербии ультиматума потребовала, сославшись на союзный договор, компенсаций — даже (в согласии со ст. 7 союзного договора) в случае временной оккупации сербской территории. Берхтольд возразил, что занятие Дуканеза итальянцами во время триполитанской войны лишает Италию права требовать особой компенсации (Италия имела в виду триентский округ). Старания Верлиана склонить к уступчивости Вену не имели успеха вплоть до I/VIII, когда, под влиянием известий о русской мобилизации, Берхтольд согласился выполнить ст. 7 Тройственного союзного договора без ограничений. Однако, в тот же день итальянский совет министров принял решение о нейтралитете Италии, о чем немедленно извещено было французское правительство. Итальянский посол в Берлине отказался от передачи этого сообщения германскому правительству. Позиция Италии определилась, главным образом, позицией Англии, точно также, как пример Италии оказал громадное влияние на решение румынского правительства так же занять выжидательное положение. Нейтралитет Италии сделал возможным сосредоточение всех французских сил против Германии. 6/VIII Сербия официально присоединилась к англо-франко-руско-бельгийскому союзу, 9/VIII — Черногория, 23/VIII — Япония. На решение последней повлияло действие союзного договора с Англией и предстоявшее унаследование всех прав и интересов Германии в Китае, с перспективой полной свободы действий в отношении Китая. Японский ультиматум Германии об очищении Киао-Чжоу — 15/VIII, с недельным сроком; 23/VIII Япония объявила войну. Этой свободой она и воспользовалась после захвата Циндао, для предъявления Китаю в 1915 г. „21 требования“, спор о которых после присоединения к державам Антанты и Китая перешел на решение парижской мирной конференции. Присоединение Китая совершилось под режущим давлением С. Штата, 14/VIII — 1917 г.

5 сентября 1914 г. в Лондоне было подписано англо-франко-русское союзное соглашение о незаключении сепаратного мира и о совместном предварительном между собою обсуждении условий мира. Япония присоединилась к этой декларации лишь 5 сент. 1915 г., Италия—30 ноября 1915 г. Первоначально цели войны определялись лишь речами политических деятелей и прессы. Асквит 9 ноября 1914 г. обозначил английскими целями—восстановление и вознаграждение Бельгии, тоже и безопасность Франции, защиту прав малых народов, уничтожение военной гегемонии Пруссии. С французской стороны—возвращение Эльзас-Лотарингии и гарантия безопасности от нового нашествия Германии. С русской (царский манифест)—никаких завоевательных целей, защита достоинства и целостности государства, но после вступления в войну Турции—осуществление „исторических заветов“ в области Черного моря, в русской же прессе—защита демократий Сербии, Бельгии и Франции, проливы, Царьград, св. София, Армения, великодержавная политика. С германской стороны—прорыв коалиции, удушающей политически и экономически Германию; борьба против варварской деспотической России, обеспечение великого будущего Германии; военная пропаганда и пресса защищали аннексионистские планы на западе и в особенности на востоке, предусматривая расчленение России. С австрийской стороны—спасение достоинства и целостности государства. Русская (до вступления Турции) и австрийская программы отражали критическое внутреннее положение обоих империй.

Позиция нейтральных стран определялась огромными преимуществами нейтралитета над риском и бедствиями войны с весьма проблематическими результатами ее. Нейтралитет Голландии был необходим для нее, ибо в Европе она была беззащитна против Германии, а в колониях—против Англии, и был выгоден для Антанты, так как сокращал Германии доступ к морю. Португалия („Pawn of England“)—английская полуколония, над которой вдоба-

вок тяготело перед войной англо-германское соглашение об эвентуальном разделе ее колоний,—покорно подчинилась указаниям из Лондона и объявила войну Германии 9/III—1916 г. В Греции боролись две тенденции: антантофильская (Венизелос) и партия нейтралитета, к которой примкнул двор (см. статью „Греция“). Болгария выжидала выяснения шансов на победу обеих сторон, имея в виду ликвидацию Бухарестского мира 10 августа 1913 г.

Русские правительственные круги исходили из уверенности, что при участии Англии на стороне Франции и России Германия будет уничтожена в несколько недель,—об этом свидетельствуют протоколы государственных совещаний по ближневосточным делам,—но военные верхи твердо установили, что со стороны России требуется напряжение всех сил (без всякого остатка для выполнения других задач) на германо-австрийском фронте. Поэтому имелось в виду, в согласии с военными интересами союзников, удержать Турцию в состоянии нейтралитета, хотя главной дипломатической целью оставались выгоды за счет ее—в Проливах и вост. Анатолии. Обеспечением этих выгод являлось недопущение Турции в группировку держав Антанты и предстоящая (после разгрома Германии и Австрии) полная изоляция Турции. В самом начале войны в Англии были реквизированы 2 турецких броненосца, выстроенные на средства, собранные по национальной подписке. 9/VIII прибыли к Дарданеллам „Гебен“ и „Бреслау“, пропущенные английским средиземным флотом при не вполне выясненных обстоятельствах. Уже в самом начале августа Турция подписала союзный договор с Германией, оставшийся совершенно неизвестным дипломатии Антанты, продолжавшей переговоры с Турцией о сохранении ею нейтралитета на основе гарантий ее территориальной целостности. Все участники переговоров, конечно, вполне отдавали себе отчет в „растяжимости“ (выражение Грея) таких понятий, как „турецкий суверенитет“ или территориальная целостность. Накануне выступления Турции Эйвер предлагал Рос-

сии оборонительный и наступательный союз с предоставлением турецкой армии в распоряжение России, — предложение, к которому отнеслись с величайшей серьезностью русский посол Гирс и военный агент ген. Леонтьев, но обойденное Сазоновым. Неподготовленность Турции к войне была такова, что она считала себя беззащитной, немцы же „несоюзоспособной“. Подготовка ее еще далеко не была заключена, когда зап. фронт застыл у Ипра, германское наступление на Варшаву было отбито, но подготавлилось наступление в Сербию. 28 октября адмирал Сушон отплыл в Черное море, 29—30 напал на русское побережье. Этому предшествовала английская блокада турецкого флота и закрытие Проливов. Подавленное настроение русских патриотических кругов значительно повысилось, так как оказавшаяся небывало тяжелой и трудной борьба получила, наконец, осязательную и, как большинство верило, осуществимую цель. 2 ноября Россия объявила войну Турции. 1/IX английский и французский послы покинули Константинополь. 3/IX английский адмирал Карден обстрелял наружные форты Дарданелл. Еще 27/X английский отряд отступил перед турецким в Эль-Арише, — турецкое наступление на Суэц и Египет стало вполне реальной угрозой, и в отношении Турции англичане определили ближайшей военной целью борьбу за Египет, Суэцкий канал, Персидский залив и Индию. 17/XII англичане объявили протекторат над Египтом и на другой день низложили хедива Аббаса II и посадили на его место дядю его Гуссейна. 24/XII они признали французский протекторат над Марокко. Русское наступление на турецком фронте отвлекло турецкие силы от широкой операции против Египта. Той же цели, с английской точки зрения, должна была служить и Дарданельская операция. Русское командование не просило о ней, и русская дипломатия была крайне встревожена возможностью занятия Константинополя англичанами вместе с греками, которых англичане в противовес России стремились привлечь к участию в Дарданельской

экспедиции. Против этого участия решительно восставал Сазонов, добиваясь в ставке посылки русского десантного отряда. Однако, ставка не считала возможным и осуществимым участие России в этой операции, а ген. Алексеев пытался даже провести, на основе успехов на турецком фронте, мысль о сепаратном мире с Турцией ценой отказа от Константинополя, ввиду выяснившейся величайшей трудности довести до успешного конца войну на главных фронтах, где противник занимал уже обширные территории русской империи. Мысль эта успеха не имела. Помимо чисто военных мер, англичане пустили в ход все средства для поднятия восстания арабов против оттоманского правительства. С этой целью заключались тайные (и для союзников) договоры с арабскими вождями, обещавшие арабам полную независимость и государственное объединение в этнографических границах. Шериф Мекки, Гуссейн, поднял восстание с английской помощью в июне 1916 г., в ноябре же был провозглашен и признан державами Антанты королем Хиджаса (Геджаса). Не допуская русское командование использовать персидскую территорию для военных действий против турок, английское правительство вместе с французским уже имело в виду использование греческой территории для действий на Балканах. При таких условиях русское правительство озабочилось укреплением признания союзниками прав его на Константинополь и Проливы, путем предъявления Англии и Франции меморандума 4 марта 1915 г., формулировавшего пожелание включить в состав Российской империи гор. Константинополь, зап. берег Босфора, Мраморного моря и Дарданелл, Южную Фракию до линии Энос-Мидия, а также (по стратегической необходимости) часть азиатского побережья между Босфором, рекой Сахария и подлежащим определению пунктом на берегу Исмидского залива, острова Мраморного моря, Имброс и Тенедос. Взамен Россия обязывалась поддерживать еще неизвестные ей планы Англии и Франции в отношении как других областей Турции, так и „в иных

местах". Ответ Англии на это заявление был дан меморандумом 12 марта 1915 г. „В случае, если война будет доведена до успешного конца“ и если будут осуществлены пожелания Англии и Франции (все еще неизвестные) как в Османской империи, так и в других местах, Англия „согласится на изложенное“ в русском меморандуме 4 марта. В дополнение к этому Англия потребовала установления в Константинополе порто-франко, обеспечения свободы торгового плавания в Проливах, согласия России на участие греков в Дарданельской операции и обязательства „рассеять опасения“ Болгарии и Румынии по поводу невыгодности для них перехода Проливов в руки России, с обещанием им широких компенсаций, в случае их вступления в войну, оставления мусульманских св. мест и Аравии под „независимым“ мусульманским владычеством; наконец, не предпретая объема будущих пожеланий, Англия потребовала присоединения „нейтральной“, по соглашению 1907 г., сферы в Персии к английской сфере влияния. Сазонов ответил на все это согласием и стал усиленно добиваться от Франции письменного согласия на свой меморандум 4-го марта. Французское правительство оттягивало, при помощи всяких отговорок, подписание соответствующего документа, пока выяснившийся ход Дарданельской операции не придавал всему вопросу о русских притязаниях неопределенность отдаленного и сомнительного будущего. Лишь 10 апреля французское правительство выразило свое согласие на меморандум 4 марта „при условии, что война будет доведена до победного конца и в случае осуществления Францией и Англией их планов на Востоке, равно как и в других местах“. Италия присоединилась к соглашению о Константинополе и Проливах 2 декабря 1916 г. с теми же отговорками.

Лишь в марте 1915 г. австро-венгерское правительство согласилось уступить Трентино Италии, которая закончила уже переговоры с Англией и Францией и 26 апреля подписала в Лондоне секретный договор с союз-

никами, гарантировавший ей сверх Трентино дизальпинский Тироль, Истрию с Горицей, и Градискую, Триест, Полу (без Фиуме), прибрежные острова, Далматинское побережье (включая Зару и Себенико) с островами, Валону с о. Сасено и протекторат над центральной Албанией (остальная часть ее предназначалась Сербии, Черногории и Греции), острова Додеканез, компенсации в Африке (в Эритрее, Сомали и Ливии), Адалии (при разделе Азиатской Турции). Часть Далматинского побережья предполагалось нейтрализовать, остальную передать Хорватии, Сербии и Черногории. 3 мая 1915 г. Италия денонсировала союзный договор с Германией и Австро-Венгрией. Получивши от Англии гарантии займа в 50 миллионов ф. ст. на лондонском рынке, 23 мая Италия объявила войну Австро-Венгрии, 22 августа—Турции, 19 октября—Болгарии и 30 ноября того же (1915) г. присоединилась к Лондонскому соглашению от 5 сентября 1914 г. о незаключении сепаратного мира. Германию Италия объявила войну лишь 27 августа 1916 г., в виду непризнания ее полноправной союзницей Англией, Францией и особенно Россией, с начала—до фактического ее вступления в войну, а затем—до разрыва с Германией.

Переговоры России с Румынией о вступлении последней начались с первых дней войны, на основе обещания румынам Трансильвании в случае немедленного вступления. 1 октября 1914 г. состоялось соглашение Сазонов-Диаманди, по которому Румынии, кроме Трансильвании, предоставлялась часть Буковины, от румын же требовалось только благожелательный нейтралитет, в виду полной неспособности их армии. Союзное соглашение с Румынией подписано было лишь 17 августа 1916 г. после неудачных попыток в октябре 1915 г. побудить Румынию, в виду выступления Болгарии, выступить на помощь Сербии и после безрезультатных переговоров о пропуске через Румынию 7-ой армии Щербачева для той же цели. Союзный договор предоставлял Румынии Трансильванию, Банат, значительную часть

Венгрии и Буковины (до Прута), — по английской оценке „этнологически наиболее несправедливый из всех тайных договоров, заключенных во время войны“ („History of the Peace Conference“, p. 184). Юридически этот договор был аннулирован сепаратным миром, заключенным Румынией в Бухаресте в мае 1917 г. По соглашению с ген. Саррайлем (команд. в Салониках), румыны выступили 7 сентября 1916 г., но не против болгар, как было условлено, а в трансильванском направлении, что повлекло за собой необходимость посылки русского экспедиционного корпуса в помощь румынам в Добруджу. Распространившиеся в свое время слухи о происходивших при Штюрмере между Петроградом и Веной переговорах о сепаратном мире, будто бы за счет Румынии, до сих пор документального подтверждения не получили. Германия объявила Румынии войну также 28 августа 1916 г., Турция и Болгария — 30 августа 1916 г. Бухарест был занят австро-германцами в декабре 1916 г.

Болгария после неуспеха Дарданельской операции заключила 17 июля 1915 г. союзный договор с центр. державами о выступлении, выговоривши в свою пользу „сербскую“ Македонию, Албанский Эпир и эвентуально — границу по Марице с Адрианополем. 8 октября началось наступление в Сербии Макензена, 14 октября болгары напали на сербов, 16 октября Англия и Франция объявили войну Болгарии, 17 октября — Россия и 19 октября — Италия.

После разгрома Сербии и Румынии, Германия сделала попытку поставить вопрос о начале мирных переговоров в октябре 1916 г. письмом Вильгельма Бетманну и 12 декабря 1916 г. — нотой президенту С. Штатов Вильсону и папскому престолу о готовности к приемлемому миру. Согласованный ответ держав Антанты (29 дек.) не признал в этих заявлениях ни искреннего желания мира, ни конкретного содержания и объявил их преступным маневром, рассчитанным на распространение ложных представлений о германских намерениях. Тем не менее, Вильсон обратился к обоим сторонам

с предложением выяснить действительные цели войны. Германия первая ответила 26 декабря выражением готовности вступить в переговоры с противником на конференции в нейтральной стране; Антанта формулировала 10 января 1917 г. свои цели: восстановление и вознаграждение Бельгии, Сербии, Черногории, эвакуация и восстановление французских, русских и румынских территорий, освобождение от национального гнета итальянцев, югославян, румын, чехо-словаков, т. е. раздел А. - Венгрии, прекращение „турецкой тирании“ и окончательное изгнание турок из Европы. Англия отдаленно выступила затем 13 января, в лице Бальфура, с формулировкой трех условий прочности будущего мира: 1) устранение причин международных конфликтов, 2) осуждение целей и действий своих правительств народами центральных империй, 3) международная гарантия и санкция против нарушителей мира. На этом основании Бальфур получил наименование „автора вильсоновской политики“.

Между тем, действительные военные цели держав Антанты получили весной и летом 1916 г. дополнительное определение в тайном соглашении о разделе Азиатской Турции. В связи с тройственным соглашением о Константинополе — Проливах, и двойственным — о Персии (России с Англией), начались переговоры между русским и французским правительствами о Сирии, Киликии и Палестине и между русским и английским правительствами об Аравии и Палестине. Общие переговоры Англии и Франции с Россией о разделе Азиатской Турции происходили в марте-апреле 1916 года в Петрограде, при участии в них особой англо-французской миссии — М. Сайкса и Ж. Пико. Соглашение о разделе Азиатской Турции составилось из трех отдельных соглашений: франко-русского от 26 апреля 1916 г., англо-французского от 15 мая 1916 г. и англо-русского соглашения (дата ниже). По первому из них (обмен нотами Сазонов — Палеолог), Россия аннексирует вилаеты Эрзерума, Трапезонда, Ван и Битлис, взамен чего Франция полу-

часть прилежащую территорию между Ала-Дагом, Кесарией, Ак-Дагом, Зарой и Харпутом, а, начиная от пограничной с русской зоной области Мергера, остальная часть б.ottomанской территории отходит к „независимому“ арабскому государству. По соглашению обеих сторон с Англией, это „независимое“ государство (или „федерация арабских государств“) бралось под покровительство всех трех держав; к северу от него—зона французского влияния, к югу—британского; Палестина—под международным управлением; Франция, сверх того, получит Сирию и Киликию, Англия— южную часть Месопотамии и порты Каифа и Акра. Нота Бенкендорфа, в ответ на английский меморандум 30 мая, принимавшая английские условия (гарантии британских интересов) аннексии Россией указанных выше областей, вручена была Грею 16-го сентября 1916 г. Она была задним числом датирована 1-го сентября и. ст., в виду, с одной стороны, сообщения Италии состоявшихся ранее соглашений и, с другой—предшествовавших заявлений (после 1-го сентября) итальянцам, что вопросы о Малой Азии уже решены между тремя союзниками. Италия потребовала в свою пользу владения Кони, Айдина (со Смирной) и Аданы. Русское Временное правительство было отстранено от участия в англо-франко-итальянской конференции, происходившей в апреле в Савоие (Рибо, Ллойд-Джордж, Соннино), при чем ему заявлялось, что помимо него вопрос не будет решен, и что в Савоие (С. Жан де Морие) дело ограничилось обменом мнений по мало-азиатскому и греческому вопросам. В августе 1917 г. состоялся секретный обмен нот между Лондоном и Парижем, с одной стороны, и Римом, с другой; Италия получила Смирну (против чего особенно восставала Англия и русская дипломатия), с обязательством учредить там для Англии и Франции порто-франко, и всю южную треть мало-азиатского полуострова между морем, Смирнской областью, Ушаком, Актевром, Кайсарией и Тавром, а также порто-франко в портах французской зоны, Мерсина и Александретта. Еще

9-го июня 1916 г. была провозглашена независимость Аравии. 11 марта (26 февр.) 1917 г. ген. Мод занял Багдад, ген. Баратов занял Керманшах и Хамадан на персидской территории, и 12 апреля (20 марта) 1917 г. английские и русские отряды встретились в Кизил-Рабате. Турецкий фронт в Палестине был прорван в октябре 1917 г. 7 ноября ген. Алленби занял Газу и двинулся к Дамаску, занимая по пути Яффу, Иерусалим (8 дек.).

Внутреннее положение Австро-Венгрии в это время было крайне тяжело во всех отношениях, внешним выражением чего явилось убийство премьера Штурка (27/X) и последующая смена 3 премьеров в течение декабря 1916 г. В апреле 1917 г., во время гамбургского свидания германского и австрийского императоров, а. в. мин. ин. д. Чернин убеждал Вильгельма отказаться от Эльзас-Лотарингии, предлагая ему, в виде компенсации, Польшу (с Галицией). Состоявшееся в мае 1917 г. Крейденхакское соглашение, насколько известно, предусматривало отказ Австрии от condominiuma в Польше, взамен значительных приобретений на Балканах и в Румынии. Положение Германии определялось потерей колоний, бездействием флота после ютландского сражения, блокадой, подготовкой отступления на западном фронте на линию Гинденбурга. 5/XI—1916 г. Германия объявила русскую Польшу независимой, на что русское правительство ответило контр-манифестом 15/XI. По делам Дальнего Востока в 1916 г. (3-го июля) состоялся секретный (и от союзников) русско-японский договор о совместной защите китайских территорий против третьей державы, враждебной России или Японии; в январе-феврале 1917 г. державы Антанты секретным соглашением с Японией признали притязания Японии, основанные на ультиматуме 7/V—1915 г. (21 требов.) и ответе пекинского правительства.

Еще 14 сентября 1914 г. в совещании Палеолога и Бьюкенена с Сазоновым были предварительно и неофициально формулированы следующие цели войны: 1) уничтожение „германской мощи“ и ликвидация „притяза-

ний" Германии на военное и политическое господство, 2) территориальные изменения в центральной Европе по национальному принципу, 3) аннексия Россией нижнего течения Немана и восточной Галиции и образование польского королевства из восточной Познани, Силезии и зап. Галиции, 4) аннексия Францией Эльзас-Лотарингии, части (по ее усмотрению) Рейнской Пруссии и Палатината, 5) „значительное увеличение“ Бельгии за счет Германии, 6) возвращение Шлезвиг-Гольштинии Дании, 7) восстановление ганноверского королевства, 8) преобразование Австро-Венгрии в триединую монархию (Австро-Чешско-Венгерскую), 9) аннексия Сербией Боснии, Герцеговины, Далмации и сев. Албании, 10) компенсация Болгарии в Македонии, 11) аннексия Грецией южной Албании, с передачей Валлоны—Италии, 12) раздел германских колоний между Англией, Францией и Японией, 13) уплата контрибуции Германией и А.-Венгрией. В январе 1917 года в Петрограде первый уполномоченный Франции на союзнической конференции, Думерг, сообщил о желании Франции обеспечить себе возвращение Эльзас-Лотарингии и особое положение в долине реки Саар, а равно отделение от Германии ее за-рейнских областей и устройство последних „на особых началах“, с установлением „стратегической границы“ по Рейну. Министр иностранных дел Покровский ответил на это напоминанием заявления Сазонова в феврале 1916 г., что „предоставляя Франции и Англии полную свободу в определении западных границ Германии, Россия рассчитывает, что союзники предоставят ей равную свободу в ее разграничении с Германией и А.-Венгрией“. После этого 3-го февраля Думерг договорился по этому вопросу с Николаем II в Петрограде, во время союзнической конференции. Палеолог известил нотой от 14 февраля Покровского о французских пожеланиях — возвращение Эльз.-Лот., установление французских границ по усмотрению Франции, со включением всего лотарингского железно-рудного бассейна и всего угольного бассейна реки Саара,

полное отделение от Германии прочих земель по левому берегу Рейна, с автономным их устройством, нейтрализацией и оккупацией французскими войсками до выполнения всех требований и гарантий мирного договора. Покровский в тот-же день ответил Палеологу нотой о согласии России на эти предположения. В виду получения этого ответа, французское правительство уклонилось от проектированного и уже подготовленного к подписанию соглашения о взаимной поддержке Франции и России при окончательном разграничении их с Германией; отказ этот имел, главным образом, целью лишить Россию свободы действий в отношении Польши и будущих ее границ.

30 марта русское Временное правительство провозгласило независимость Польши. 12 мая петр. Совет предложил созыв международного социалистического конгресса в Стокгольме. 10-го апреля в Петрограде декларирован принцип отказа от аннексий и контрибуций, 15-го апреля—нежелание сепаратного мира, 30-го мая Совет предложил союзникам определить цели войны. 16—17 июля — „мирное вооруженное выступление в Петрограде и наступление Корнилова - Керенского в Галиции, закончившееся отступлением и прорывом русск. фронта. В сентябре германцы заняли Ригу. Однако, влияние русской революции в А.-Венгрии и в Германии сказывалось уже решающим образом. Чернин указывал в конце марта (27) Бетманн-Гольвегу на необходимость мира и пытался войти в контакт с Врем. правительством в апреле; 30 мая, впервые за время войны, созван был рейхсрат, в котором Чернин сделал заявление о готовности к миру. По свидетельству Людендорфа, и Бетманн и Чернин испытывали „ужас“ перед русской революцией.

После потопления в мае 1915 г. „Лузитаниа“ и в марте 1916 г. „Суссекса“, С. Штаты нотой Лансинга от 18 апреля 1916 г. пригрозили Германии разрывом дипломатических сношений. 4 мая 1916 г. Германия ответила на эту угрозу смягчением подводной войны. Однако, снабжение союз-

ников из Америки всем тем, в чем блокированная Германия терпела недостаток, ставило ее в безвыходное положение. С другой стороны, позиция Америки была уже predeterminedена громадными экономическими интересами, связавшими ее за время войны с державами Антанты. 9 января 1917 г. вновь восторжествовала тирпицеская идея неограниченной подводной войны, рассчитанной на согласие Англии на мир не позже, чем в течение 6 месяцев, т. е. раньше, чем неизбежное выступление Америки даст себя почувствовать на европейских фронтах. 31 января Германия известила С. Штаты об аннулировании своей декларации 4 мая 1916 г. и объявила с 1 февраля 1917 г. неограниченную подводную войну. Через два дня С. Штаты прервали дипл. сношения с Германией. Американское правительство опубликовало перехваченную германскую ноту (от 19 янв.) мексиканскому правительству с предложением выступить против С. Штатов и с обещанием возвращения Мексике Техаса, Нов. Мексико и Аризоны. 4 апреля сенат высказался за войну (82 против 6), 5 апреля—конгресс (373 против 50). 6 апреля С. Штаты объявили Германии войну; с Австро-Венгрией и Турцией были лишь прерваны 13 апреля дипломат. сношения. А.-Венгрии С. Штаты объявили войну 4 декабря. Вслед за С. Штатами объявили войну Германии зависимые и полузависимые от С. Штатов государства: Куба—7 апреля, Панама—8 апреля, Бразилия прервала сношения 11 апреля, объявила войну—26 октября, Гватемала—27 апреля, Гондурас—17 мая, Никарагуа—19 мая, Гаити—15 июня, Коста-Рика—23 сентября, Перу—6 октября, Уругвай—7 октября, Эквадор—9 декабря. Аргентина ограничилась благожелательным нейтралитетом (11 апреля), Чили и Венесуэла—простым нейтралитетом. Либерия объявила войну 7 августа, Сиам—22 июля. После тяжелой борьбы за нейтралитет, под давлением С. Штатов, Китай также объявил войну Германии—14 августа. 9 июня 1917 г. Вильсон ответил на русское воззвание о выяснении целей войны декларацией: самоопределение народов,

мир без аннексий и контрибуций, но с репарациями.

6-го июля Эрцбергер начал кампанию за компромиссный мир, разоблачая в то же время безрезультатность подводной войны. 11 июля Вильгельм обещал Пруссии всеобщее избирательное право. 19 июля рейхстаг вотировал (214 голосов против 116) согласие на мир без аннексий и контрибуций. 1-е августа—посредническое выступление Ватикана. 6 ноября съезд Советов обратился к союзникам с предложением общего мира, 7 ноября совершилась советская революция в Петрограде. 22 ноября началось опубликование тайных договоров в Петрограде. 27 ноября Германия согласилась на перемирие на русском фронте, под условием не перевозить войска на зап. фронт. 22 декабря начались мирные переговоры в Брест-Литовске.

8 января 1918 г. Вильсон обнародовал „14 пунктов“, формулировавших условия справедливого и прочного мира: 1) о всеобщем отказе от тайных договоров, соглашений и союзов и о принятии всеми государствами на будущее время принципа открытой, публичной, гласной дипломатии, 2) о свободе морей (за исключением территориальных вод) и мореплавания как в мирное, так и в военное время, 3) принцип равноправия всех государств в торговых отношениях на всем земном шаре, 4) сокращение вооружения до минимума, гарантирующего внутреннюю безопасность. 5) международная охрана интересов населения колониальных стран, 6) освобождение от оккупации территорий России, обеспечение и содействие ее самостоятельному национальному развитию, 7) восстановление Бельгии, 8) восстановление северной Франции и возвращение Эльзас-Лотарингии Германии, 9) исправление по национальному признаку итальянских границ, 10) самоопределение и независимость народов Австро-Венгрии, 11) восстановление Румынии, Сербии, Черногории: выход Сербии к морю; самоопределение балканских народов; международная гарантия их самостоятельности, 12) самостоятельность турецкой оттоманской империи, освобождение других

подвластных ей национальностей, международный контроль и полная свобода плавания в Дарданеллах и Босфоре, 13) создание Польши в этнографически беспорных пределах, с выходом к морю и под международной гарантией, 14) договор об объединении всех народов для взаимного обеспечения мира и прав малых народов. В Берлине — стачки и демонстрации с требованием мира и против наступления на зап. фронте. 7/II—мирные договоры центральных держав с Финляндией и с Румынией.

2 января советская делегация в Брест-Литовске протестовала против германской интерпретации принципа „самоопределения“ при продолжающейся военной оккупации и предложила перенести переговоры в Стокгольм, с целью освободить от германской цензуры информацию о переговорах. В этот же день появилась в Бресте „украинская делегация“. 9/II—мир Рады с центральными державами и соглашение между ними об интервенции. 10/II—прокламация Троцкого к германской армии, объясняющая положение „ни война, ни мир“. 13/II Германия денонсировала перемирие и 18/II возобновила наступление, приступивши к оккупации Украины. 3/III—подписание Брест-Литовского мира. 11/III—ратификация его съездом Советов после трехдневных дебатов. Важнейшие территориальные условия—Прибалтика в фактическом распоряжении Германии, признание мирного договора с Радой от 9/II, отказ в пользу Турции от Карса, Ардагана и Батума. Сверх того, Германия потребовала 30-миллиардной контрибуции. 8 марта Троцкий сдал должность народного комиссара по иностранным делам и взялся за организацию Красной армии. Брест-Литовский мир был одобрен в рейхстаге всеми партиями. 24 июня Кюльман заявил, что военных средств недостаточно для достижения мира, 9 июля он вышел в отставку.

11 февраля Вильсон формулировал „4 принципа“ мира, 6 апреля—речь его о необходимости применения силы в отношении Германии для утверждения справедливости и права. 22 февраля конференция английской трудо-

вой партии и социалистов в Лондоне приняла резолюцию о „демократическом мире“, с возвращением Эльзас-Лотарингии Франции, репарациями, независимостью и выходом к морю Польши, освобождением народов оттоманской империи, нейтрализацией Дарданелл, но с осуждением германских и итальянских аннексионистских притязаний. 21 марта—начало германского наступления на зап. фронте, ликвидированного в июле контр-наступлением Фоша. 14 августа коронный совет в Спа решил воспользоваться первой возможностью для заключения мира. 15 августа австрийцы потребовали от Германии реального шага к миру, 30 августа Вена предупредила о неизбежности сепаратного мира. Попытка к миру со стороны А.-Венгрии была сделана через принца Сикста Бурбона, 15 сентября—первая просьба А.-Венгрии о мире.

28 сентября 1918 г. капитулировала Болгария, обязавшаяся по условиям перемирия в Салониках эвакуировать занятые ею территории, выдать союзникам 90.000 солдат германской XI армии со всей артиллерией и проч., демобилизовать свою армию, принять военный контроль союзников над собственной страной и т. д. Фердинанд отрекся в пользу сына Бориса от престола. 29 сентября—прорыв „линии Гинденбурга“ на зап. фронте. Алленби победоносно наступал в Палестине. 27 октября—„Five Particulars“ Вильсона—новая декларация о справедливости, беспристрастии, объединении народов, открытой дипломатии и т. д. 30 октября на о. Мудросе было подписано перемирие с Турцией английским адмиралом, командовавшим союзным флотом в Архипелаге, на условиях: пропуска союзного флота в Черное море, занятия фортов на Проливах союзниками, передачи железных дорог в распоряжение союзников. Военное снаряжение было оставлено Турции,—очевидно, в расчете на утилизацию турецкой армии в близком будущем. 18 октября Вильсон ответил на просьбу А.-Венгрии о мире указанием, что автономия для чехо-словачков и юго-славян недостаточна. 29 октября Австро-Венгрия обратилась к со-

юзникам с просьбой о перемирии, каковое было заключено 3 ноября 1918 г. на условиях: эвакуация оккупированных территорий, с передачей союзникам железных дорог и стратегических важных пунктов, удаление австрийских войск с французского фронта и германских из Австрии, выдача 50% артиллерии, возвращение всех пленных (без взаимности), выдача всех вспомогательных и портовых судов, 15 субмарин, трех броненосцев, разоружение остальных военных судов и т. д. Еще 28 октября в Праге была провозглашена независимая чехо-словацкая республика, Хорватия присоединилась к Сербии, Краков был занят поляками.

В Германии 27 сентября вышел в отставку весь кабинет Гертлинга. Вильгельм объявил об образовании парламентского правительства (принца Максимилиана Баденского), Людендорф и Гинденбург заявили Вильгельму, что продолжение войны, в виду начинающейся революции, невозможно. 4 октября германское правительство обратилось к Вильсону с заявлением о согласии на мир на основе „14 пунктов“. 8 и 14 октября Вильсон требовал подчинения всем его условиям мира, эвакуации всех занятых немцами территорий, прекращения подводной войны, гарантий против прусского милитаризма, изменения германской конституции. 23 октября он потребовал, в качестве условия открытия мирных переговоров с Германией, преобразования ее в республику. 27 октября вышел в отставку Людендорф; в тот же день—просьба Германии о перемирии. 28 октября восстал германский флот. 5 ноября Вильсон от имени союзников согласился на переговоры о перемирии.

8 ноября в главную квартиру маршала Фоша прибыла германская делегация, с Эрцбергером во главе. Ей были продиктованы условия перемирия, с требованием ответа через 72 часа; одновременно Фош отдал по всему фронту приказ о наступлении с возможно большей быстротой, не задерживаясь и не заботясь о закреплении продвижения. В Германии вспыхнула революция, Вильгельм отрекся

от власти и бежал в Голландию. 11 ноября в вагоне Фоша было подписано перемирие; Германия обязалась эвакуировать в двухнедельный срок Бельгию, Францию, Люксембург и Эльзас - Лотарингию, сдать союзникам 5.000 орудий, 25.000 пулеметов, 3.000 минометов, 1.700 аэропланов; в месячный срок союзникам предоставлялось оккупировать левый берег Рейна и подступы с укреплениями на правом берегу (оккупация—за счет Германии); в течении 36 дней подлежали сдаче 150.000 вагонов, 5.000 локомотивов, 5.000 грузовиков; германские войска выводятся из России, А.-Венгрии, Румынии; аннулируются Брест-Литовский и Бухарестский договоры (аннулированные германской революцией); Германия очищает восточную Африку, признает себя обязанной возместить ущерб, причиненный ею при военной оккупации, а также вернуть бельгийские ценности и выдать победителям русское и румынское золото; выдает все подводные лодки, 6 эскадренных крейсеров, 10 броненосцев, 56 истребителей, а остальные суда разоружает, оставляя в германских портах (добиваясь смягчения этих условий перемирия, германская делегация ссылалась на необходимость борьбы с большевизмом). Блокада Германии остается в силе и после подписания перемирия; срок перемирия—36 дней (тремякратно возобновлялся). „Взамен“ невыполнимого требования сдачи в недельный срок железнодорожного подвижного состава, дополнительно Германия согласилась на оккупацию союзниками Рурского бассейна, выдачу сельско-хозяйственных машин, передачу союзникам торгового флота и очищение Познани. Во Франции не было недостатка в людях, находивших эти условия слишком мягкими; так, Ганото требовал (и Фош этому сочувствовал) заключения перемирия с отдельными немецкими государствами, т.-е. раздробления Германии на мелкие государства, самостоятельно существовавшие до союзного германского объединения, а также оккупации западной Германии (до Эльбы).

Парижская конференция. 13 января 1919 г. в Париже открылась мир-

ная конференция без участия Германии, при участии представителей С. Штатов, Франции, Италии, Японии, Англии (по 5 делегатов), британских доминионов (с „независимым“ Геджасом — они дали еще 12 британских делегатов), Бельгии, Волинии, Бразилии, Гаити, Гватемалы, Гондураса, Греции, Китая, Кубы, Либерии, Никарагуа, Панама, Перу, Польши, Португалии, Румынии, королевства Сербов, Хорватов и Словенов, Сиамы, Уругвая, Чехо-Словакии, Эквадора. Для делового обсуждения вопросов образован был „совет десяти“ — Клемансо (Франция), Ллойд-Джордж (Великобритания), Вильсон (С. Штаты), Орландо (Италия), Гейманс (Бельгия), Венизелос (Греция), Братиану (Румыния), Пашич и Трумбич (королевство С.-Х.-С.), Масарик (Чехо-Словакия). Действительно же решающей инстанцией стал совет „четырех“ („big four“): Клемансо, Ллойд-Джордж, Вильсон, Орландо, при чем положение Орландо было мало авторитетно и очень затруднительно; „тройка“ пользовалась английским языком, которого он не знал. 25-го февраля Франция потребовала создания буферного государства под французским протекторатом из германской территории по левую сторону Рейна (7 млн. немцев), с оккупацией предместных укреплений на правом берегу. Вильсон и Ллойд-Джордж встали против этого. Клемансо согласился на замену этой „гарантии“ договором о военном оборонительном союзе Франции с Англией и С. Штатами, который и был подписан 28-го июня 1919 года, но не был ратифицирован ни Англией, ни С. Штатами. Лишь в 1924 году при кабинете Макдональда был подписан гарантийный женеvский протокол Лиги Наций, но и его отказалось ратифицировать правительство Болдуина. В настоящее время (март 1925 год) обсуждается вопрос об англо-франко-бельгийском оборон. союзе, а также об общем гарантийном договоре при участии Германии.

Парижские совещания „тройки“, „четверки“ и „пятерки“ (с добавлением Японии) происходили не только в совершенной тайне от прочих участ-

ников конференции, но и без протоколов. Принцип, положенный в основу мирных условий — признание Германии всецело и единственно ответственной и виновной за войну, а потому обязанной искупить эту свою вину безропотным преклонением перед волей судей-победителей. Во всяком случае, дело шло не о договоре, а о приговоре. Против этого принципа, оправдывавшего карательный характер приговора, германская делегация (во главе с гр. Брокдорф-Ранцау, ныне посол в Москве) протестовала нотами от 13 и 24 мая, заявляла, что с точки зрения самих победителей за империю Гогенцоллернов не ответственна германская республика, и что германский народ „требует доказательств“, что он виновен во всех бедствиях войны. Этот вопрос о вине и ответственности за возникновение войны с этого момента приобрел особое значение. Опубликование документов б. российского министерства иностранных дел (в особенности „Материалы к истории франко-русских отношений 1910-1914 г. г.“ в Москве, в 1922 г., во франц. издании „*Livre Noir*“, а также перехватывавшиеся германской агентурой с 1909 г. в лондонской российской посольстве документы диплом. корреспонденции, в издании б. секретаря этого посольства, В. Siebert, под назв. *Diplomatische Aktenstücke zur Geschichte der Entente-politik der Vorkriegsjahre*. Berlin, 1921) дали основной материал для установления коллективной ответственности европейских правительств за войну и для подтверждения тезиса об империалистических корнях и источниках возникновения войны. Этот тезис, выдвинутый Октябрьской революцией, был немедленно после поражения усвоен в Германии и в А.-Венгрии и постепенно проникал в оппозиционные круги английских и итальянских политических деятелей. Официальная английская история войны (Ward, Goosch и др.) окончательно отказалась от поддерживаемого Францией тезиса единоличной германской ответственности и вины, наконец, и во Франции, помимо коммунистической партии, против этого тезиса выступает все

больше оппонентов и критиков. В настоящее время литература по этому вопросу необъятно обширна и непрерывно обогащается новыми исследованиями и документальными изданиями первостепенного для истории значения.

Германская делегация не возражала против возвращения Эльзас-Лотарингии, но отстаивала Саарский бассейн, Эйпен, Мальмеди, Моренэ, протестовала против экономического удушения германского народа и 16 июня покинула Версаль, где происходили переговоры с нею. Союзники предъявили ультиматум о принятии условий мирного договора в 7 дней. Правительство Шейдемана подало в отставку. Новый кабинет Вауэра представил вопрос на решение Национального Собрания в Веймаре, которое и решило принять договор, с оговорками морального значения — об ответственности за войну, о суде над „военными преступниками“, об уступке насилью и т. д., вызвавшими резкую отповедь в новой союзной ноте. Договор был подписан в той самой версальской зале, где была провозглашена 50 лет перед этим германская империя, и где был решен тогда в обратном смысле вопрос об Эльзас-Лотарингии. 10-го января 1920 года состоялся обмен ратификациями в Париже. От подписания версальского трактата отказались Китай, не ратифицировали — С. Штаты, Геджас и Эквадор.

Версальский договор. — Версальский договор состоит из: вступления (перечень участников и делегатов), I — договор о Лиге Наций, II — территориальные границы Германии, III — политические постановления в отношении Европы, IV — о колониальных интересах и правах Германии, V — военные (сухопутные, морские и воздушные) постановления, VI — о военнопленных и могилах, VII — о преступлениях войны, VIII — о репарациях, IX — финансовые постановления, X — экономические постановления, XI — о воздухоплавании, XII — о морском, речном и жел.-дор. транспорте, XIII — о труде, XIV — о гарантии, XV — разные постановления.

Бельгия получила (ст. 32 и 33) прилегающие к ней округа Моренэ, Эйпен

и Мальмеди, перестала быть нейтральным государством и заключила 7-го сентября 1920 года военно-союзный договор с Францией, а в 1921 году — с Англией. В Люксембурге Германия лишилась прежних прав (таможенный и жел.-дор. союз), и он также перестал быть нейтральным, войдя вместе с тем в таможенный союз с Бельгией.

Франция получила Эльзас и Лотарингию со всеми имперскими имуществами, жел. дорогами и мостами, а также правами на все промышленные предприятия; целый ряд мер гарантирует эти провинции от укрепления в них германского элемента, подлежащего выселению в Германию, по усмотрению Франции. 45 ст. предоставляет Франции возмещение за разрушение северных угольных копей — „в полное и безусловное владение угольные копи Саарского бассейна“ (650.000 жителей, из них в 1918 г. не более 1.000 французов, ежегодная продукция — 13 миллионов тонн); совет Лиги Наций управляет этой областью через особую правительственную комиссию из пяти членов. Через 15 лет после вступления в силу Версальского договора населению предоставлено будет плебисцитным порядком решить вопрос, желает ли оно сохранения этого режима, или возвращения к Германии, или присоединения к Франции. Однако, осуществление этого решения будет зависеть от Лиги Наций. Если Германия получит эту область обратно, она должна выкупить у Франции угольные копи по золотой валюте.

Ст. 60 обязывает Германию признать „неотчуждаемость“ независимости Австрии, с которой она граничит между Швейцарией и Чехо-Словакией; в настоящее время вопрос об объединении Австрии с Германией оживленно дебатруется, в виду того, что Австрия, ставшая чисто-немецким государством, несудержимо тяготеет экономически и политически к Германии. Версальский договор допускает это объединение лишь при условии единогласного положительного решения Лиги Наций.

Признавая полную самостоятельность Чехо-Словацкого государства, Германия передала ему небольшую

часть Силезии и сдала в аренду на 99 лет портовые участки в Гамбурге и Штетине, с порто-франко для Чехо-Словакии.

Для Шлезвиг был предписан плебисцит, после которого (1920 г.) северная часть его отошла к Дании.

Польша приобрела 4.300.000 гектаров германской территории, с населением в 3 миллиона; между прочим, и Верхнюю Силезию (ежегодная угольная продукция — 43 миллиона тонн), в которой, однако, при плебисците (20. III. 1920 г.) за Германию подано было 600.000 голосов, а за Польшу — 400.000, вследствие чего совещание союзных послов в Париже (20. X. 1920 г.) оставило Германии северную зону, передавши юго-восточную полякам. В южной части восточной Пруссии в 1920 г. состоялся также плебисцит, население подавляющим большинством высказалось за объединение с Германией. Чисто немецкий Данциг объявлен вольным „независимым“ городом, передан под покровительство комиссара Лиги Наций, включен в таможенные границы Польши, подчинен ее контролю во всех средствах сообщения, представляется Польшей во внешних сношениях и соединен с Польшей „коридором“, отделяющим В. Пруссию от Германии. Территорию Мемеля с устьями Немана союзники оставили за собой (ст. 39), но население добилось, при помощи Литвы, соединения с последней (решение совещания послов 16 февраля 1923 г.).

Из германских колоний Германии не оставлено ни одной. Того и Камерун взяты в общее управление Англией и Францией, Вост. Африка — Англией, Юго-Западная Африка присоединена к Британской Южной Африке, острова Самоа — к Новой Зеландии, прочие острова Тихого океана взяты: к югу от экватора — Англией, к северу же от экватора — Японией. Остров Ял, после конфликта из-за него между Японией и С. Штатами, по требованию последних был демилитаризован японцами (1922 г.), Киао-Чау и Шандунь были в Версале отданы, несмотря на протест Китая, японцам; на Вашингтонской конференции 1922 г. японцы согласились эвакуировать Шан-

дунь. Все германские торговые и промышленные предприятия в Азии и Африке (по герм. оценке 30 миллиардов мар.) также забраны союзниками. Германия признала протекторат Англии над Египтом и Францией — над Марокко.

В пределах Германии Эльба, Одер, Неман и Дунай объявлены международными и открытыми для всех судов реками, надзор за которыми осуществляется международными комиссиями (по образцу прежней Дунайской). Такая же комиссия учреждена для Рейна; в отношении его Франции предоставлены исключительные права и преимущества.

По ст. 227 суд из представителей пяти главных союзных держав должен был судить б. кайзера за нарушение международного права и международных договоров, но Голландия в 1920 году отказалась выдать нашедшего в ней убежище Вильгельма II. Военные французские суды до сих пор судят германских офицеров (б. ч., заочно) за преступления совершенные ими за время войны.

Все соглашения Германии с А.-Венгрией, Турцией, Болгарией, Румынией, Россией и частями России, заключенные с 1 августа 1914 г. до вступления в силу Верс. договора, аннулированы.

Германия отдала союзникам все торговые суда вместимостью более 1.600 тонн, половину судов вместимостью от 1.000 тонн до 1.600 тонн, четверть более мелких судов, всего 4.000 судов с 5-миллионным тоннажем и пятую часть речного флота. Германия обязалась, сверх того, строить в течение 5 лет ежегодно на 200.000 тонн суда для союзников. Верс. договор широко применил и конфискацию германской частной собственности; он обязал Германию к одностороннему признанию принципа наибольшего благоприятствования по отношению к победителям.

Далее, Германия обязалась (репарации) доставлять Франции до 20 миллионов тонн угля ежегодно в течение 5 лет и до 8 млн. тонн в следующие 5 лет, не считая обязательных в течение 10 лет ежегодных 7 миллионов тонн угля Франции, 8 миллио-

нов тонн—Бельгии, от $4\frac{1}{2}$ до $8\frac{1}{2}$ миллионов тонн—Италии; общий итог—45 миллионов тонн угля в год. В 1920 г. это количество было сокращено до 24 миллионов тонн. Германия выдала Франции 233.500 голов скота и Бельгии—137.400. Комиссии репараций, регулирующей платежи, предоставлено и впредь их взыскивать натурой, в том числе 50% химических веществ, имеющих в Германии, и 25% продукция их до 1925 года.

Сложные и многообразные расчеты по денежным репарациям свелись к следующему: до 1 мая 1921 г. Германия должна была заплатить 20 миллиардов марок. Остальная сумма денежных возмещений была определена к 1 мая 1921 г. в 132 миллиарда зол. марок, при чем Германии было предписано ежегодно платить золотом 2 миллиарда мар. и сверх того предоставлять союзникам обладать специальными пошлинами в 26% стоимости вывозимые ею товары. В 1922 г. Германия объявила себя неплатежеспособной; несмотря на общее согласие Англии и Франции сократить денежные репарации до 50 миллиардов, междусоюзнические конференции не пришли к соглашению, гл. обр., из-за вопроса о предоставлении Германии моратория. В январе 1923 года Франция приступила к оккупации Рурской области (снабжающей Германию углем), в качестве залога уплаты денежных и угольных репараций. „План Дауэса“, с предоставлением Германии займа и стабилизацией марки, открыл новые перспективы для действительного взыскания репараций, однако, до сих пор продолжается французская оккупация Кельнской зоны под предлогом невыполнения обязательств Германии по разоружению.

Гарантии Версальского договора заключаются: 1) в разоружении Германии под контролем междусоюзнической комиссии; максимум германской армии определен в 100.000 человек, включая 4.000 офицеров, всеобщая воинская повинность заменена наймом добровольцев сроком на 12 лет, генеральный штаб упразднен, нормировано количество дозволенного Германии оружия, запрещены подводные

лодки, нормировано количество военных судов и срок их службы (с целью воспрепятствовать обновлению флота)—6 броненосцев, 6 легких крейсеров, 12 истребителей, 12 миноносцев, воспрещены военно-воздухоплавательные аппараты; Рейнская граница, полосаю в 50 километров, демилитаризована; 2) в оккупации всей германской территории к западу от Рейна и 4 предместных укреплений на восточном берегу; 3) в общих гарантиях Лиги Наций. Однако, единственной реальной гарантией во Франции и теперь считается оборонительный союз с Англией, а, если возможно, то и с С. Штатами, ибо в будущей войне—воздушной и химической—Германия будет фактически располагать обширными ресурсами в своей торговой авиации и в высоко-развитой химической промышленности.

Лига Наций. Первоначально в Лигу Наций вошли 29 союзных стран: Бельгия, Боливия, Бразилия, Великобритания, Канада, Австралия, Южная Африка, Новая Зеландия, Британская Индия, Гаити, Гватемала, Гондурас, Греция, Италия, Китай, Куба, Либерия, Никарагуа, Панама, Польша, Португалия, Румыния, Франция, кор. С.-Х.-Сл., Сиам, Уругвай, Чехо-Словакия, Япония, затем нейтральные: Аргентина, Венесуэлла, Голландия, Дания, Испания, Колумбия, Норвегия, Парагвай, Персия, Сальвадор, Чили, Швейцария, Швеция. На первом собрании Лиги Наций приняты были в состав ее: Австрия, Болгария, Коста-Рика, Люксембург, Албания и Финляндия, на втором—Латвия, Литва, Эстония, на третьем—Венгрия. Вне Лиги Наций остались: СССР, С. Штаты, Германия, Турция, Мексика, Афганистан, Египет, Бутан, Непал, арабские государства, Абиссиния, Сан-Доминго, Исландия, Монако, С. Марино и Андорра. Декларативной целью Лиги Наций является сохранение мира между народами, декларативным основанием—принцип равноправия народов. По ст. 2 Соглашения („Пакта“) „деятельность Лиги Наций осуществляется Собранием и Советом, которым придается постоянный Секретариат“. По вопросу о компетенции этих органов царит предна-

меренная неопределенность, оставляющая широкий простор для закулисных соглашений и решений между немногими сильнейшими правительствами. Сверх того, созданы подчиненные органы: комиссии по разоружению, по торговле опиумом и др.; организации по охране труда, по вопросам финансов и промышленности, путей сообщения, здравоохранения; административные союзы с постоянными международными бюро; комиссариаты (Саар, Данциг). Особое положение занимают государства, оформившие через Лигу Наций свои протектораты под видом мандатов Лиги Наций на управление различными территориями, отторгнутыми от Турции. При Лиге Наций состоит Постоянная Палата Международного Суда. Собрание Лиги Наций состоит из делегатов членом Лиги Наций; каждый член имеет не более трех представителей и не более одного голоса (Великобритания с доминионами имеет 7 голосов). Местопребывание Лиги Наций — Женева. Решения принимаются, по общему правилу, единогласно. Собрание решает вопросы о принятии новых членом (большинством $\frac{2}{3}$ голосов), выбирает 6 непостоянных членом Совета, обсуждает годовой отчет Совета и утверждает бюджет Лиги, утверждает мандаты над турецкими областями и германскими колониями, принимает сообщения членом Лиги о конфликтах, угрожающих миру, и берет на себя посредничество по улажению их, по просьбе сторон или по предложению Совета. Вопросы организационного характера решаются в последней инстанции не Собранием, а Советом. Сессии Собрания ежегодны, не считая чрезвычайных. Обязательные языки — английский и французский. Как видно из вышеизложенного, каждый член Лиги Наций может одним своим голосом аннулировать всякое (за исключением организационных) постановления Собрания. В Совет Л. Н. входят представители (1 голос и 1 представитель) Англии, Франции, Италии и Японии (т. к. С. Штаты отказались от участия) и шесть представителей всех прочих членом Лиги. Компетенция Совета обнимает всю сферу деятельности Лиги. В Совете также требуется едино-

гласие для решения вопросов. Представительство великих держав в Совете постоянно, в отличие от прочих членом его, состав которых (по странам) зависит от переыборов Собранием. Весьма характерно предложение Китая забронировать одно место в Совете за тремя материками — Азией, Африкой и Австралией. Совет руководит деятельностью Лиги и подчиненных ей органов, организаций, комиссий и союзов. Совету, а не Собранию, предоставлено изыскивать средства для обеспечения территориальной неприкосновенности и политической самостоятельности членом Лиги. Совет принимает меры для выполнения постановлений третейского суда; от него должна исходить инициатива военных выступлений Лиги, и он же принимает, по своему усмотрению, меры по отношению к членам Лиги Наций, когда конфликт между ними (или между не-членом и членом) угрожает общему миру. На Совет возложены также разнообразные функции послевоенными договорами. Заседания Совета (в отличие от Собрания) закрыты. Секретариат Лиги Наций состоит из генерального секретаря (англичанин), заместителя его (француз) и 2 помощников (итальянец и японец).

Одной из основных функций Лиги Наций является регистрация и опубликование ею всех международных договоров, соглашений и т. д., которые будут заключены после 10 января 1920 г. членами Лиги, без чего за этими договорами, соглашениями и т. д. не признается законной силы (ст. 18). Публикуются эти акты в не-периодическом издании „Recueil des Traités et des Engagements enregistrés par le Secretariat de la Société des Nations“.

По ст. 19 Собрание Лиги Наций „может приглашать членом Лиги пересмотреть договоры, ставшие „неприменимыми“. По ст. 20 принципиально аннулируются все обязательства и соглашения, несовместимые с Соглашением о Лиге Наций. Однако, британский представитель (Сесиль) при обсуждении этого соглашения в 1919 г. заявил, что ему не противоречат „оборонительные союзы“. Такие откры-

то заключены между Францией и Бельгией (2 сент. 1920 г.), между государствами, сгруппировавшимися в „Малую Антанту“: между Чехо-Словакией и С.-Х.-Сл. (14 авг. 1920 г.), между Чехо-Сл. и Румынией (23 апр. 1921 г.), между С.-Х.-Сл. и Румынией (7 июня 1921 г.), между Польшей и Румынией (3 марта 1921 г.).

Первое распределение мандатов произошло на междусюзническом совещании 7 мая 1919 г., которое передало Сирию и Ливан в управление Франции, Месопотамию и Палестину — Англии, германскую Вост. Африку — Англии и Бельгии, Того и Камерун — Франции, прилегающую к устьям Нигера часть этой колонии — Англии, герм. Юго-Зап. Африку присоединило к британской Южной Африке, о-ва Самоа — к Н. Зеландии, о-в Науру передало Англии и разделило по экватору остальные острова между Англией и Японией. Ст. 22 (о мандатах) говорит о задачах цивилизации, о развитии народов, неспособных к самостоятельному существованию, при помощи опеки над ними тех наций, которые по своим „ресурсам, опыту и географическому положению могут лучше всего выполнить подобную задачу и соглашаются взять ее на себя“. Мандаты разделены на группы: А) области Османской империи, достаточно созревшие для образования „самостоятельных“ государств под „руководством“ державы - мандатария; В) области, по преим. центральной Африки — под администрацией державы-мандатария; С) Юго-Запад. Африка и острова в Тихом океане, которые в виду „малонаселенности, удаленности от центров цивилизации“, а также близости к территории, уже принадлежащей державе-мандатарю, присоединяются, как „нераздельная часть“ к этой территории. Мандаты третьей группы были санкционированы Советом Л. Н. post factum 17 декабря 1920 г. В виду оппозиции С. Штатов, Совет санкционировал лишь 20 и 24 июня 1922 г. мандаты А и В, за исключением Месопотамии, вопрос о которой остался формально нерешенным. Ярким доказательством сохраненной великими державами свободы действий, помимо

Л. Н., и в нарушение принципа равенства и „открытых дверей“, явилось англо-французское соглашение в Сан-Ремо 1920 г. о распределении между Англией и Францией нефти, вызвавшее резкий протест С. Штатов.

Ст. 23 возлагает на Лигу Наций задачу обеспечить „справедливые и гуманные условия труда“, формулированную гораздо более красноречиво в первоначальном (версальском) тексте, где говорилось об „утверждении принципа свободы профессиональных союзов“, с одной стороны, и о „нищете и лишениях, создающих угрозу всеобщему миру“ — с другой. Органами охраны труда являются: 1) Конференция Л. Н. (в составе представителей всех членов Лиги Наций), как высшая инстанция, 2) Правление из 12 представителей правительств, шести представителей предпринимателей и шести представителей рабочих и служащих (последние 12 — по выбору Конференции), — орган исполнительный.

При Правлении учреждено Бюро для разработки всех вопросов и материалов по охране труда. На первой конференции (в Вашингтоне 1919 г.) был принят проект международной конвенции о 8-ми часовом рабочем дне, с исключениями для ряда стран, как Румыния, Индия Япония и др. Высшей инстанцией по делам о нарушении принятой и всеми ратифицированной конвенции является Постоянная Палата Третейского Суда. В задачи Лиги Наций входит также борьба с торговлей женщинами и невольниками, с торговлей спиртными напитками, регулирование торговли оружием в колониях (мотив — боязнь восстаний, предлог — гуманность). Особенно почетна история проекта по борьбе с торговлей опиумом, сорванного заинтересованными державами, — Англией, главным образом. В отношении регулирования транзита и вообще сообщений важны постановления Барселонской конференции 1921 г. Брюссельская конференция 1920 г. (при участии 21 государств) обсуждала вопросы государственных финансов, денежного обращения и валютных курсов, международной торговли и междунаг одного

кредита. Через Лигу Наций проведена была организация финансов Австрии.

При самых различных и даже противоположных точках зрения, критика Лиги Наций (укажем на критику советскую, американскую, а из отдельных лиц—на русского эмигранта, юриста и мистика бар. Таубе, Георга Брандеса) совершенно сходится в определении ее, как „империалистической“ организации, как „военной лиги“, а не „лиги мира“, как прикрытия для фактического властвования великих держав, как учреждения совершенно беспомощного и пассивного в тех случаях, когда не требуется определенное выступление в интересах определенной великой державы. Американская критика констатирует, что Лига Наций вовлекает своих членов в защиту, а следовательно, и в конфликты из-за территориальных интересов и политического преобладания руководящих держав и группировок, что применение международного принуждения выгодно и доступно лишь сильнейшим державам и переносит решение вопроса о мире и войне из суверенных национальных инстанций в сомнительную во многих отношениях международную организацию, что Лига Наций построена на принципе неравноправия великих и малых держав, что организация ее увековечивает господствующую пентархию и уничтожает свободу этой ассоциации, что система мандатов над турецкими областями и германскими колониями абсолютно несовместима с принципом самоопределения народов.

Не желая связывать свою свободу ни Версальским договором, ни участием в Лиге Наций, С. Штаты заключили в Берлине отдельный мирный договор с Германией 23 августа 1921 г. Этим договором С. Штаты отвергали всякие обязательства, вытекающие из 27-117 ст. ст. Версальского договора, устанавливающих новые границы и государства в Европе, а также особые режимы в бассейне Саар и проч. Столь же решительно они отвергли международную организацию охраны труда. Но С. Штатами приняты версальские постановления о лишении Германии ее прав в Азии и Африке, о разоружении

Германии, о репарациях и проч., с оговоркой, что из этих статей С. Штаты принимают на себя лишь вытекающие из них права и преимущества. В 1924 году между С. Штатами и Германией был заключен торговый договор, построенный уже, однако, на принципе равноправия и взаимности и весьма далекий от версальского образца.

Сен-Жерменский договор. Мирный договор с Австрией, подписанный в Сен-Жермене 10 сентября 1919 года, представляет в полной мере акт одностороннего решения держав-победительниц („Пентархии“ со свитой 12 союзных государств, в том числе Кубы, Никарагуа, Панама, Сиам) о судьбе территории А.-Венгерской империи, занимавшей 676.000 кв. км. с 51 миллионом населения. На долю Австрийской республики приходится теперь лишь 84.000 кв. километров с 6 миллионами жителей. Сен-Жерменский договор подписан, однако, канцлером этой республики. Вступление к договору констатирует, что „бывшая А.-В. монархия перестала существовать, и что вместо нее в Австрии возникло республиканское правительство“, что „великие союзные державы признали свободным, независимым и союзным Чехо-Словацкое государство“, а также объединение некоторых частей империи с Сербией, признанной также свободным, независимым и союзным государством, под названием „королевство Сербов, Хорватов и Словен“. Сен-Жерменский договор, в вопросах территориальных изменений, военных займов и друг., трактует Австрийскую республику, как право-преемника Австро-Венгерской монархии. Чехо-Словакия образована из Чехии, Моравии и Силезии (присоединенных к Австрии в 1526 году), части Венгрии и Прикарпатской Руси. Фактически, революционным порядком пражский Национальный Комитет 28 октября 1918 года овладел властью и положил основание новому славянскому государству. К Италии от Австрии перешли: Трентино, Герц, Градиска, Триест, Истрия, и Зара. Королевство С.-Х.-Сл. составилось из Сербии, части венгерской территории (хорвато-словенской), Бос-

нии и Герпеговины, Крайны, (Карниолия), южной части Штирии и Далмации (см. Трианонский договор). Пльбисцит в Каринтии в 1920 году оставил эту провинцию в составе Австрии. Румыния получила от Австрии Буковину. Польше переданы были Зап. Галиция с Краковом; Восточная Галиция была захвачена поляками в порядке военной оккупации. В отношении конфискаций и возмещений Сен-Жерменский договор является почти повторением Версальского. Безвыходное экономическое положение Австрии заставило победителей отсрочить на неопределенное время ее платежи, рассчитанные договором на 30 лет, и оказать ей финансовую помощь кредитом в 650 миллионов зол. австр. крон. В отношении Австрии договор повторяет „версальские“ военные гарантии и особенно настаивает на недопустимости объединения ее с Германией.

Трианонский договор. Подписанный 4 июня 1920 года договор с Венгрией санкционировал пожелания Юго-Славянского Комитета (декларация 18 дек. 1916 года) и соглашение Сербии (Пашич) с Хорватами (Трумбич), подписанное на Корфу в июле 1917 г., в разрез с тайным лондонским договором союзников с Италией 1915 г. Венгрия сохранила около трети прежнего населения и около четверти прежней территории. Королевство С.-Х.-Сл. получило Хорватию и Словакию, округ Нов. Сада, между нижним течением Тиссы и Дуная, западную часть Баната, Румыния—вост. часть Баната и Семиградье (с 1½ миллион. мадьяр), Чехо-Словакия—Словакию и Прикарпатскую Русь. Судьба Фиуме решилась в 1920 году, после долгих перипетий, Рапальским договором между Италией и кор. С.-Х.-Сл.: он был объявлен автономным городом. В общих положениях Трианонский договор воспроизводит Сен-Жерменский.

Договор в Нейи с Болгарией, подписанный 27 ноября 1919 г., заставил Болгарию уступить в пользу сербов незначительные территории; значительнейшая из них—в Македонии, район города Струмицы; побережье Архипелага передано в распоряжение

союзников; границы с Румынией и Турцией оставлены в том виде, как они были определены в 1913 и 1915 гг. Болгария потеряла всего 8.000 кв. км. с 400.000 жителей из территории в 116.000 кв. км. с 4.900.000 жителей. Болгария обязалась уплатить 2¼ миллиарда франков репараций (не считая 5% годовых), рассроченных на 37 лет, сверх того передать Сербии (С.-Х.-Сл.) 28.000 голов скота, Румынии—30.000, Греции—12.000 и доставлять Сербии в течение 5 лет по 50.000 тонн угля ежегодно. Болгария контролируется, по договору, Международной финансовой комиссией с функциями комиссии по репарациям из представителей Англии, Франции и Италии. Остальные положения договора воспроизводят mutatis mutandis общие постановления предшествующих договоров. По Севрскому договору Болгарии был обеспечен транзит через греческую территорию к Эгейскому морю с портофранко в Дедеагаче.

Севрский договор (10 августа 1920 г.) представлял осуществление, предпринятого во время войны европейской дипломатией, раздела Азиатской Турции, с радикальным, однако, изменением состава участников этого раздела: Россия выбыла из строя империалистических держав, вследствие этого значительно повысилось значение Италии, и теперь уже в противовес Италии выдвинута была, отчасти и Францией, но главным образом, Англией, Греция (об англо-греческом империализме см. ст. „Греция“). Греция рассматривалась, после возвращения интервенционистским путем к власти Венизелоса, как военная сила, направляемая из Лондона и Парижа для удержания „в покое“ турок, как бы для гарнизонной службы; кроме того, Греция, как страна, зависимая от „держав - покровительниц“ экономические и политические, являлась в их руках послушным орудием и политического и экономического проникновения в Малую Азию. В дальнейшем, поскольку Греция пошла всецело на встречу английской дипломатии, решившей положить конец „наполеоновской“ политике Франции в этой стране, Франция совершенно изменила

свою позицию и стала поддерживать кемалистов против англичан и греков. В момент Севрского договора положение это еще не определилось, но англичане, предоставивши французам свободу действий в отношении Германии, компенсировали себя на Ближнем Востоке, диктуя здесь свои условия мира и занимая здесь господствующие позиции,—прежде всего, в самом Константинополе. По Севрскому договору, Турция из 1.788.000 кв. км. территории империи сохранила лишь 569.000 кв. км., из 21.900.000 жителей — 11.650.000. Константинополь, Босфор, Мраморное море, Дарданеллы с европейским и азиатским побережьем нейтрализовались и интернационализировались. Международная комиссия контроля над Проливами намечена в составе представителей — по два — от Англии, Франции, С. Штатов, Японии, России, и по одному — от Греции, Турции, Болгарии, Румынии. Султан оставлен в Константинополе, и там же действуют союзнические власти — военные, полицейские, судебные, финансовые и т. д. Греция передавалась Вост. Фракия до чатаджинской линии (360 тыс. турок, 225 тыс. греков). В Смирне (с районом) султанская власть оставалась лишь номинально и символически, в действительности же передавалась грекам, с предстоящим плебисцитом (в гор. Смирне греческое население решительно преобладало, в вилайте же составляло 18%). Додеканез Турция передавала Италии, а Италия, оставляя за собою Родос, — Греции. Турция отказывалась далее от прав и притязаний на Египет (английское „независимое и свободное“ государство с 16 марта 1922 г.), Судан и Кипр (занятый англичанами на „дружеских“ основаниях в 1878 г.), Палестину, Месопотамию и Геджас Турция признала „временно независимыми государствами“, с отказом от всяких прав в них, при чем оговорено образование „национального еврейского очага“ в Палестине (ст. 92).

Таким обр., в сферу британского влияния перешла половина оттоманской территории (915.000 кв. км. с 4 миллионами жителей). Стратегическое значение этих территорий — обеспе-

чение сухопутных и воздушных сообщений Англии с Индией, а в будущем — (воздушных) и с Австралией; господствующее положение в передней Азии, с угрозой, в особенности, северу; экономическое — моссульский нефтяной район с возможностью провести нефтепроводы и из Персии к Средиземному морю, обширные перспективы хлопководства и сельск. хозяйства. По 139 ст. Турция отказалась также „от всех прав суверенитета и юрисдикции над мусульманами, подчиненными суверенитету или протекторату всякого другого государства“, — попытка подорвать единство мусульманского мира, основанное на универсальной юрисдикции калифа, вызвавшая решительный протест мусульман-индусов. Францией Севрский договор дал призвание Турцией французского протектората над Тунисом и особых прав Франции в Марокко. Сирия с Киликией об'являлась также „временно независимым государством“.

Франция оккупировала в 1919 году Сирию и Киликию, но из последней была скоро вытеснена повстанческим движением, и, в связи с указанным выше поворотом в своей ближневосточной политике, закончила (Франклен-Буйон) в Ангоре 20 октября 1921 г. договор о новом разграничении Турции с французским протекторатом, с исключением из последнего Киликии, но с предоставлением в эксплуатацию французам участка багдадской жел. дор. между Бизанти до Низибина; обе стороны при этом обязались пропускать, в случае надобности, войска по этой дороге, в силу чего турки и произвели теперь переброску своих войск в Курдистан, несмотря на протесты англичан, поддерживающих восстание курдов и требующих гарантии, что эти войска не будут направлены в сторону „спорной“ моссульской области. В пользу Италии Турция отказалась в Севре от калифатских прав султана в Ливии (Триполитании), сохранных итало-турецким мирным договором 1912 г. Остров Родос оставался за Италией. Армения, в составе Эрзерумского, Ванского, Битлисского и Трапезундского вилайетов, об'являлась независимой (362.000

армян против 2.083.000 мусульман), под особым покровительством С. Штатов, которые отклонили, однако, эту комбинацию. В 1921 г. кемалисты ликвидировали окончательно ее на турецкой территории, тогда как свержение дашнаков и образование советской Армении гарантировало дальнейшее существование Армении в составе советского Союза.

Над самой Турцией по Севрскому договору учреждалось международное финансовое управление, а также международная жандармерия для поддержания внутреннего порядка. Турецкая армия ликвидировалась под надзором международной контрольной комиссии. Севрский договор вызвал национальную турецкую революцию и сильное движение во всем мусульманском мире. Еще 28 января 1920 г. бежавшие из Константинополя в Ангору члены Турецкой палаты народных представителей подписали в Ангоре „Национальный Обет“, т.-е. программу полной политической и экономической самостоятельности Турции в этнографических границах (плебисцит в Армении, Курдистане, Лазистане, Ватумской области, Вост. Фракии), с решением вопроса о Проливах черноморскими государствами. 16 марта 1921 г. в Москве был заключен договор о дружбе и братстве между РСФСР и ангорским правительством, 13 октября того же года в Карсе был заключен аналогичный договор о дружбе между закавказскими республиками и Турцией, при участии РСФСР, и 21 янв. 1922 г. аналогичный договор о дружбе и братстве был заключен в Ангоре между Украинской ССР и Турцией. Оставляя в стороне развитие и значение внешней советской политики (которой должна быть посвящена самостоятельная статья), отметим здесь лишь первостепенное значение политики дружбы с Турцией (узел восточной и западной политики), которая дала мир на южных границах Союза и силу Турции противостоять западному империализму. Ближайшим следствием ее были успехи турок в Киликии, компромисс с Францией и разгром англо-греческого наступления (см. статью о Греции), что повлекло

за собой пересмотр Севрского договора. После предварительных переговоров в Лондоне и Париже с константинопольским „правительством“ и действительным правительством Турции, ангорским, и после ликвидации, ставшей интервенционистским орудием константинопольского правительства и султаната, в Лозанне 24 июля 1923 г. был подписан мирный договор с Турецкой республикой.

Лозанский договор. По Лозанскому договору Турция получила в М. Азии (Анатолия и Турецкая Армения) этнографические границы, в Эгейском море—(демилитаризованные) Имброс, Тенедос и Кроличьи о-ва, в Европе—Вост. Фракию, с Адрианополем и Каррагачем (тоже демилитаризованная граница 1915 г. по соглашению с Болгарией). Додеканез остался в руках Италии. Турция признала отторжение Сирии, Палестины, Аравии и Месопотамии. Открытым оставлен был вопрос о Моссульском вилайете, спор из-за которого между Англией и Турцией юридически должен решиться в ближайшем будущем через посредство Лиги Наций; Англия настаивает на включении его в территорию Ирака. Севрские статьи о Кипре, Египте и Тунисе остались без изменения. Принципиальное согласие держав на отмену капитуляций дано под условием заявления турецкой делегации об учреждении смешанной комиссии (5 членов, из них 3—члены Пост. Палаты Межд. Суда), назначающей советников-юристов в турецкие суды для разбора дел об иностранцах. Турки добились после упорной борьбы, сопровождавшейся перерывом конференции, подчинения этих советников министерству юстиции и ограничения срока „переходного периода“ 5 годами. Спор о сохранении Турцией прав на жел.-дор. („километрические“) гарантии перенесен в гаагскую Палату М. Суда. Спор об уплате купонов облигаций по довоенному курсу в золоте предоставлено решить непосредственными переговорами держателей облигаций с турецким правительством. Для уплаты репараций (15 миллионов тур. фунтов) удержаны 5 миллионов т. ф., захваченных союзниками в Берлине и

Вене, и 5 миллионов т. ф. английского долга Турции за реквизированные в начале войны на английских верфях турецкие военные суда. Потверждены концессии, данные до 29 октября 1914 г., с правом Турции добиваться изменений их через третейский суд, под председательством арбитра, назначенного Палатой М. Суда. Особые статуты и привилегии иностранных благотворительных, просветительных и религиозных учреждений отменены, равно как и привилегии иностранцев в отношении налогов.

Признана свобода Турции в установлении таможенных пошлин. Общая сумма оттоманского долга (по займам империи) распределяется между Турцией, государствами, присоединившими с 1912 г. к себе оттоманские территории, и „освобожденными“ территориями, пропорционально доходности всех этих частей империи. Дипломатическая борьба на Лозанской конференции осложнилась борьбой за нефть, в которой деятельнейшее участие приняли С. Штаты. В значительной части своей Лозанская конференция служила отражением закулисной борьбы американского и англо-голландского мировых нефтяных трестов („Standard Oil“ и „Royal Dutch Shell“). Дипломатия Англии и С. Штатов выступала в качестве защитников и поверенных этих двух трестов, и конфликт между ними создал весьма натянутые отношения между Америкой и Англией. Под давлением американского треста, правительство С. Штатов поставило себе главной задачей добиться „открытых дверей“, т.-е. доступа к нефтяным областям, включенным в сферу влияния Англии. Одним из эпизодов этой борьбы был спор из-за американской „концессии Честера“ по сооружению жел. дор. и эксплуатации естественных богатств в М. Азии и сев. Месопотамии. Гарантировав себя перенесением вопроса о Моссульском вилайете на решение Лиги Наций, Англия укрепила свое положение, вынудивши в 1924 г. иракское законодательное собрание ратифицировать заключенное в 1922 г. соглашение о принятии Ираком английского протектора.

Конвенция о Проливах. Отдельно от общего договора в Лозанне была заключена Конвенция о Проливах. Важнейшие постановления ее: 1) во время мира Проливы открываются („днем и ночью“) для военных судов всех наций, с единственным ограничением, что тоннаж вводимых какой-либо державой в Черное море военных судов не должен превышать тоннаж сильнейшего из Черноморских флотов прибрежных черноморских государств. Однако, союзники оставили за собой право иметь, во всяком случае, в Черном море три судна до 10.000 тонн каждое. Условием соблюдения этого ограничения является представление всеми черноморскими государствами сведений (2 раза в год) о числе их военных судов на Черном море; 2) во время войны (с участием или без участия Турции) торговое мореплавание, соблюдающее правила о военной контрабанде и пр., гарантируется против каких бы то ни было стеснений; при участии Турции в войне, она сохраняет право бороться законными мерами против военной контрабанды. Если Турция не участвует в происходящей войне, то военные суда воюющих (и нейтральных) беспрепятственно проходят Проливы, соблюдая в зоне их правила о нейтралитете (XIII Гаагской Конвенции 1907 г.); указанное выше ограничение входящих в Черное море сил в этом случае теряет свою силу; 3) разоружается и демилитаризуется прибрежная полоса вдоль Проливов (шириной в 15—20 км.), все острова Мраморного моря, Лемнос, Имброс, Тенедос и Самофракия с прилегающими мелкими островками; во всем этом районе не допускается сооружение укреплений, устройство баз для подводных лодок, а также прохождение турецких сухопутных сил и пребывание турецкого военного флота; Константинополь сохраняет арсенал, морскую базу и гарнизон не свыше 12.000 человек; 4) наблюдение за осуществлением постановлений Конвенции возлагается на особую Международную Комиссию из представителей Англии, Франции, Италии, Японии, России, Румынии, Болгарии, Греции, королевства С.-Х.-Сл.

и Турции (делегат последней председательствует); 5) уравнивши, т. обр., в правах Турцию и Россию с кор. С.-Х.-Сл. и Грецией, Англия и Франция (вместе с Италией и Японией) объявили себя гарантами „свободы Проловов“, принимающими, в случае надобности, те или иные меры, почетное же право обсуждать последние принадлежит Совету Лиги Наций.

С. Штатам предоставлено присоединиться к этой конвенции и получить место в Комиссии о Проливах; однако, не давая своей подписи, американское правительство посылкой военного судна в Черное море показало, что и здесь оно принимает выгоды данного соглашения, если даже и не считает его обязательным для себя. Русско-украинско-грузинская делегация (союз ССР еще не конституировался), с Г. В. Чичериным во главе, энергично боролась за интересы черноморских государств, предложивши по вопросу о Проливах детализированный контр-проект, обеспечивавший суверенитет Турции и защищавший до известной степени против империалистических морских держав мир и безопасность на Черном море. Однако, Турция в этом вопросе отказалась от борьбы, и это облегчило англичанам задачу проведения конвенции без действительного обсуждения, несмотря на протесты р.-у.-гр. делегации. Доводы последней получили, однако, признание даже во французской официальной прессе, присоединившейся к общему мнению, громко заявленному советской делегацией, что новый режим Проливов выгоден одной Великобритании. Советское правительство согласилось подписать конвенцию, оговоривши, что делает это с целью участием своим в осуществлении ее устранить, по мере возможности, угрозу безопасности советских республик, и что „оно оставляет за собою право — как только обнаружится на практике опасность ее для всеобщего мира и интересов советских республик—поднять вопрос о прекращении ее действия“. Однако, конвенция сов. правительством до сих пор не ратифицирована.

Раттальский договор. Совершенно иной характер, чем рассмотренные

выше договоры победителей с побежденными, имеет договор сов. правительства с Германией (заменивший брест-литовский), заключенный в Рапало 16 апреля 1922 г. во время Генуэзской конференции. Договор этот восстанавливает мирные и дружественные отношения между обоими сторонами на основе взаимного отказа от всяких претензий (в том числе и от русской доли репараций), связанных с минувшей войной, и последовательно проведенного принципов равенства и взаимности в остальных частях. Наиболее важны ст. 2—об отказе Германии искать возмещения за ущерб, причиненный германским подданным мероприятиями, проводимыми сов. правительством на основе советского законодательства, при условии, что сов. правительство не будет удовлетворять аналогичных претензий других государств, и ст. 5—об установлении предварительного обмена мнений, в случае международного урегулирования вопросов, затрагивающих хозяйственные интересы обоих стран.

Генуэзская конференция. Генуэзская конференция выражала неудавшуюся попытку (главным образом Ллойд-Джорджа) добиться урегулирования важнейших вопросов, связанных с экономическим восстановлением Европы, на основе послевоенных мирных договоров, территор. границ и отношений. Занятия конференции происходили с 10 апреля по 19 мая 1922 г. при участии делегатов 34 правительств. Инициатива Англии находит объяснение в двух обстоятельствах: Англия политически заинтересована была в создании и укреплении нового „равновесия сил“ в Европе, т.-е. в обеспечении достигнутых ею завоеваний и выгод более или менее устойчивым миром (ликвидация „политической анархии“ в Европе); с другой стороны, Англия экономически была заинтересована в восстановлении континентальных рынков сбыта, в виду кризиса английской промышленности и торговли (ликвидация экономической и финансовой „анархии“). Вопрос о советской России оказался важнейшим в обоих этих отношениях. 2 мая советской делегации вручен был, по предварительному сго-

вору союзников, меморандум, предлагавший советскому правительству признать довоенные и военные долги России, отказаться от требования возмещения ущерба, причиненного ей интервенцией и блокадой, обязаться вознаградить иностранных подданных за убытки, причиненные им революцией, согласиться на создание особых трибуналов смешанного состава с преобладанием иностранцев, для разрешения споров о претензиях иностранных подданных, а также на создание особого режима для иностранцев, воздержаться от всякого вмешательства в события, происходившие в М. Азии, возвратить Румынии золото, вывезенное ею во время войны в Россию, распустить и воспретить на сов. территории организации, способствующие международному революционному движению. При этом Франция (с Бельгией) настаивала даже не на возмещении, а на восстановлении в натуре конфискованной собственности иностранцев. Удовлетворение всех этих требований дало бы сов. правительству льготы и отсрочку по платежу долгов, а также признание его законным правительством России.

От этой сделки сов. правительство отказалось, ответивши на эти предложения меморандумом 11 мая с контрпредложениями: отказ от взыскания военных долгов взамен отказа от возмещений за интервенцию и блокаду; предоставление непосредственно сов. государству хозяйственных кредитов, взамен согласия начать уплату довоенных долгов через 30 лет, без их принципиального признания, и вознаграждение иностранцев, экспроприированных революцией, предоставлением им преимущественного права на получение принадлежавших им предприятий в концессию или аренду. Никакого соглашения не состоялось, но обсуждение вопроса об экономическом восстановлении Вост. Европы было перенесено, по настоянию Англии, на гаагское совещание „экспертов“. Вопрос о нефти в Генуе еще более выдвинулся, чем в Лозанне. Здесь, как и там, „американский наблюдатель“, т.-е. представитель С. Штатов, назначенный не для участия в самой конференции, но для информации своего правитель-

ства и закулисных, в случае надобности, переговоров, принимал деятельнейшее участие в обострении этого вопроса. Французские требования столкнули интересы первоначальных собственников нефтяных промыслов с интересами трестов, скупавших за время революции акции этих предприятий, а также стремившихся, через голову упомянутых собственников, нащупать почву для получения концессий от сов. правительства. Гаагские совещания привели лишь к большей детализации разногласий, и после месячных переговоров и тщательного и всестороннего выяснения советских условий 18 апр. 1922 г. гаагская конференция закончилась без всяких результатов.

„План Дауэса“. Попытка разрешить во всей совокупности и внутренней между ними связи вопросы экономического и политического характера, обнимаемые выражением „восстановление Европы“, перешла после этого в плоскость, предугазанную международно-кредитной операцией по „восстановлению“ Австрии. Естественность и легкость вступления на этот путь очевидным образом связана с тем обстоятельством, что важнейшие и ближайшие интересы связаны с двумя проблемами: 1) реализации прав на репарации (т.-е. действительного получения их) и 2) получения государствами-кредиторами долгов с государств-должников. Международный кредитный капитал, в первую очередь, господствующий в мире — американский, взялся за решение этого вопроса после того, как дипломатия обнаружила бессилие своих средств для ликвидации послевоенного европейского хаоса, угрожавшего близким банкротством не только побежденным, но и победителям; в особенно тяжелом финансовом положении оказалась Франция, получившая больше, чем все другие союзные страны, экономических преимуществ по ликвидации войны.

В апреле 1924 г. международный комитет экспертов, под председ. автора австрийской операции, американца Дауэса, закончил свои работы по выполнению поручения Репарационной Комиссии (постановление 30 ноября 1923 г.) изыскать средства „для вос-

становления бюджетного равновесия“, а также „мероприятия, необходимые для стабилизации германской валюты“. Комитет исходил из положения, что германское государственное хозяйство находится в зависимости от основного факта—вытекающих для Германии из Версальского договора обязательств. Он представил Репарац. Комиссии: а) план и заключение, б) обзор денежного обращения, бюджета и налогов Германии и в) 9 приложений: 1) об учреждении эмиссионного банка, 2) об индексе благосостояния, 3) о германских железных дорогах, 4) об акционировании железных дорог, 5) о выпуске промышленных облигаций, 6) о способах уплаты (в иностр. валютах) и распределении репарационных сумм, 7) о платежных средствах Германии на 31 января 1924 г., 8) о бюджетном плане и 9) обзор доходов акционерных обществ. Весь этот план представляет как-бы программу конкурсного управления по делам несостоятельного должника и подчиняет Германию контролю и опеке иностранных правительств и агентур в такой мере, в какой это практиковалось лишь в отношении Греции, Турции, Египта и др. полуколоний и колоний.

Германия для операции по осуществлению стабилизации ее валюты должна была получить международный заем в 800 миллионов марок. У нее отбирались в залог выполнения всех ее денежных обязательств прочнейшие и доходнейшие статьи гос. доходов: таможенные пошлины, акцизы на алкоголь, пиво, табак, сахар, бессрочно, с передачей всех этих поступлений агенту иностран. контроля, „комиссару по налогам“. Все железные дороги передаются на 40 лет в концессию акционерному обществу, которое „будет считаться германским“, и устав которого войдет в систему германского законодательства, но закон этот должен быть утвержден (до внесения в герм. парламент) Репарационной Комиссией и, между прочим, освобождая общество от налогов и т. п., передает обществу право залога всего имущества, принадлежащего жел.-дор. сети, а также обеспечивает союзническому контролю полное подчинение общества

иностранной администрации. Германское правительство лишается права эмиссии (это запрещение не касается только золотой монеты), переходящего к „частному банку“ (всцело контролируемому союзниками) на 50 лет. Германская промышленность и торговля, а также банки облагаются так наз. „генеральной ипотекой“, т.-е. особыми долговыми обязательствами, гарантирующими поступление значительной части их доходов иностранным кредиторам. Вышеупомянутый заем уже реализован, и 30 августа 1924 г. рейхстаг санкционировал законы об эмиссии, об управлении железными дорогами и о „генеральной ипотеке“ (подробнее см. ниже *Германия в эпоху мировой войны*).

План Дауэса был принят и утвержден представителями правительств Бельгии, Великобритании (совместно с представителями Канады, Австралии, Н. Зеландии, Ю. Африки и Индии), Франции, Греции, Италии, Японии, Португалии, Румынии, Юго-Славии, а также (как гласит протокол) „правительства Германии, к которым присоединились представители С. Штатов с особо ограниченными полномочиями“ и представители Репарационной Комиссии, — на Лондонской конференции, под председательством Р. Макдональда, 16 августа 1924 г. Там же было подписано соглашение между Репарационной Комиссией и германским правительством о взаимных обязательствах по приведению плана Дауэса в исполнение, соглашение между Союзными правительствами и германским правительством по вопросу о предыдущем соглашении (порядок разрешения споров и проч.), соглашение об условиях восстановления финансового и экономического единства Германии (с протоколом об „экономической эвакуации“ Рура) и соглашение между союзными правительствами об изменении Версальского договора в части VIII (о репарациях) дополнением о включении „американского гражданина“ в Репарац. Комиссию особым порядком, или же просто назначением правительством С. Штатов своего представителя, если оно пожелает, для решения вопросов, свя-

занных с осуществлением плана Дауэса, о гарантиях „займа Дауэса“ на случай „применения санкций“ и т. д.

Литература. Русские источники: 1) „Сборник секретных документов из архива бывш. Минист. иностр. дел“, изд. Нар. Комисс. по Иностр. делам, 6 вып. 1917—1918 г.г. (печатано по старой орфографии в Ленинграде); 2) „Материалы к истории франко-русских отношений 1910—1914 г.г.“, изд. Н. К. И. Д., 1922 г.; 3) „Раздел Азиатской Турции“, печ. по распоряж. Н. К. И. Д., под ред. Е. А. Адамова, 1924 г.; 4) „Константинополь и Пролыны“, печ. по распоряж. Н. К. И. Д., под ред. и вступл. историк. очерком Е. А. Адамова, том 1-ый (т. 2-ой печ.), 1925 г.; 5) „Русско-Германские Отношения 1873—1914 г.г.“, изд. Центриздат, 1922 г.; 6) „Соглашения России с иностр. государствами по военным вопросам до войны“, — „Военно-Историч. Сборник“, Труды Комиссии по исследов. опыта войны 1914—1918 г.г., вып. 2, 1918 г.; 7) „Сношения с союзниками по военным вопросам во время войны 1914—1918 г.г.“, ч. I, сост. Н. Валентинов, под ред. военно-историч. комиссии, 1920 г.; 8) Публикации из архива 6. мин. иностр. дел в „Красном Архиве“, изд. Центриздат; 9) „Переписка Вильгельма II с Николаем II“, 1923 г.; 10) С. Витте, „Воспоминания“, 2 т., 1922, том 3-й, 1924 г.; 11) А. Извольский, „Воспоминания“, пер. с англ., 1924 г. („The Memoirs of A. Iswolsky“, 1920 г.); 12) М. Покровский, „Три совещания“, („Вестник НКВД“), 1919, № 1; 13) М. Покровский, „Как же возникла мировая война“, вступл. статья в перев. Каутского—„Как возникла мировая война“, 1924 г.; 14) S. Dobrowsky, „Die Mobilmachung d. russischen Armee 1914—1918“; 15) В. В. Siebert, см. немецкие источ.; 16) W. Suchomilow, „Erinnerungen“, 1924; 17) Сборн. „Что ждет Россия от войны“, Петр., 1915 г.; 18) „Оранжевые книги“ министр. иностр. дел (также, как и иностран., „цветные“ книги, имеют условное значение); 19) Сборн. „Вопросы мировой войны“, С. П., 1915, 20; „Степноград. отчеты Государств. Думы“; 21) Кн. Е. Трубецкой, „Национальный вопрос“, 1915 г.; 22) Я. Вахер, „Константинополь и Пролыны“, „Красн. Архив“, т. VI; 23) Н. Ленин, „Собрание сочинений“, статьи из „Правды“ за 1917 г.; 24) R. Rosen, „Forty years of Diplomacy“, 2 т., 1922 г.; 25) В. Нольде, „Внешняя политика“, 1915 г. (Начало войны с точки зрения русского мин. иностр. дел); 26) М. Покровский, „Дипломатия и войны царской России в XIX ст.“, 1924 г.; 27) „Версальский договор“, пер. под ред. Клячкинова и Сабанина, 1925 г.; 28) „Вашингтонская конференция“, под ред. А. Сабанина, 1924 г.; 29) „Мирные переговоры в Брест-Литовске“, изд. Н. К. И. Д.; 30) „Ганзуская конференция“, изд. Н. К. И. Д.; 31) „Гаагская конференция“, изд. Н. К. И. Д.; 32) Н. Дюбинов, „План Дауэса“, 1925 г.; 33) „План решения репарационного вопроса“, доклад экспертов, 1925 г.

Немецкие источники: 1) D. Grosse Politik d. Europäischen Kabinete 1871—1914“, Sammlung d. Diplomatischen Akten d. Auswärtigen Amtes, печат. по поручению германского министр. иностр. дел; изд. незакончено—имеется уже 18 томов (1871—1904 г.г.); 2) D. deutschen Dokumente zum Kriegsausbruch 1914; (ред. Kaunitz, Montgelas, Schücking), печат. по поручению мин. ин. дел, 4 тома (от Сараевского убийства до объявления войны между А. Венгрией и Россией). На русском языке издана работа Каутского „Как возникла мировая война“ (с пред. и вступит. статей М. Покровского, М., 1924 г.), написанная на основании этих документов; 3) В. Siebert, „Diplomatische Aktenstücke zur Geschichte d. Ententepolitik d. Vorkriegsjahre“, 1921. (Собрание русских документов, попавших в руки Зибгера, во время его службы секретарем русского посольства в Лондоне, оставленной им при начале войны 1914 г. Документы эти относятся к 1909—1914 г.г.); 4) Schwertfäger, „Zur Europäischen Politik 1897—1914“, 5 томов, 1919 г.; 5) Belgische Aktenstücke 1905—1914. Изд. германским мин. ин. дел собрание бельгийских документов (дипломатические донесения из Берлина, Лондона и Парижа в бельгийское

мин. ин. дел, 1915 г.; 6) Otto Bismarck, „Gedanken und Erinnerungen“, 3 т., есть русский пер. (неполный); 7) O. Hamann, „Der neue Kursus“, 1918; 8) Th. Bethmann-Hollweg, „Betrachtungen zum Weltkrieg“, 2 т.; 9) K. Helfferich, „Der Weltkrieg“, 3 т., 1919; 10) A. Tirpitz, „Erinnerungen“, 1919 и 1920; 11) E. Ludendorff, „Kriegsführung und Politik“, 1922 (есть русский сократ. пер.); 12) H. Moltke, „Erinnerungen—Briefe-Dokumente“, 1923; 13) M. Boghitchewitsch (6. сербский повер. в делах в Берлине), „Kriegsursachen“, 1918; 14) H. Delbrück, „Krieg und Politik 1914—1916“, 1918; 15) Fürst v. Bülow, „Deutsche Politik“, 1916; 16) M. Montgelas, „Leitfaden zur Kriegsschuldfrage“, 1923; 17) Vett Valentin, „Deutschlands Aussenpolitik von Bismarcks Abgang bis zum Ende des Weltkrieges, 1921; 18) Windelband, „Die auswärtige Politik der Grossmächte in d. Neuzeit“, 1922 (обзор эпохи 1484—1919 г. №422 стр.); 19) K. Wilhelm II, „Ereignisse u. Gestalten“, на русском языке: Имп. Вильгельм II События и образы“, 1923, берл. изд.; 20) М. Эрцбергер, „Германия и Антанта“, перев. с нем., Госиздат, 1923 (Erzberger, „Ergebnisse im Weltkrieg“, St. 1920); 21) „Мемуары германского пропрезидента“, перев. с нем., Госиздат, 1923; 22) Th. Wolff, „Das Vorspiel“, 1925 (1-й том); 23) В. Bülow, „d. ersten Studienschläge d. Weltkrieges“, 1922; 24) „D. Sachverständigen-Gutachten v. Dawes u. Mc. Kenna nebst allen Anlagen. Erste auf Grund d. Originale durchgesehene Textausgabe mit volkswirtschaftlicher Einführung etc. Deut. Wirtsch. Zeit.“, 1924; 25) „Was soll Deutschland leisten?“, 2 т.; 26) Fr. v. Schön, „Erlebtes“, 1920; 27) Bernstorff, „Deutschland u. America“, 1923; 28) O. Hamann, „Zur Vorgeschichte d. Weltkrieges“, 1918; 29) H. Eckardstein, „Lebenserinnerungen“, 1921; 30) Pr. Lichnowsky, „My mission to London“, 1918; 31) T. Sosnovsky, „Die Balkanpolitik Oesterreich-Ungarns seit 1866“, 2 т., 1914; 32) В. Bülow, „Die Grundlagen der diplomatischen Verhandlungen bis zum Kriegsausbruch“, 1920; 33) G. Jagow, „Ursachen und Ausbruch des Weltkrieges“, 1919; 34) J. Pourtales, „Am Scheidewege zwischen Krieg und Frieden“, 1919; 35) M. Rothbarth, „Die Grossen Vier am Werk“, 1921.

Французские источники: 1) Documents Diplomatiques, изд. французского министр. ин. дел („Желтые книги“); „Les Affaires Balkaniques 1912—1914“, 3 т.; „L'Alliance Franco-Russe“, 1 т.; 2) „Un Livre Noir. Diplomatie d'Avant-Guerre d'après les Documents d. Archives Russes“, 2 т., 1923—издание параллельное (но не идентичное) „Материалам к истории франко-русских отношений“ (см. ниже); 3) R. Poincaré, „Les origines de la Grande Guerre“, 4) A. Fabre-Luce, „La Victoire“, Paris, 1924. 5) M. Faldouge, „La Russie pendant la Grande Guerre“, 1922; русск. перев. „Дарская Россия“, 2 т., 1923; 6) Польмика Painlevé—Mangin, „Revue de Paris“, 1922 (см. Е. Адамов, „Брест-Литовский мир и превращения держав Антанты в России“, „Международ. Жизнь“, журн. Н. К. И. Д., 1922 г. № 6/124); 7) J. Caillaux, „Où va l'Europe? Où va la France?“ (русск. перев. М., 1924); 8) A. Tardieu, „La France et les Alliances“, 1908; 9) E. Daudet, „Histoire diplomat. de l'Alliance Franco-Russe, 1894; 10) Rapport de la Commission d'Enquete sur les Faits de la Guerre“, 1919; 11) E. Judet, „Georges Louis“, 1925; 12) Bourgeois et G. Pages, „Les Origines et les Responsabilités de la Grande Guerre“, 1922; 13) Debidour, „Histoire diplomatique de l'Europe“, 1916; 14) Dumaïne, „La dernière Ambassade de France en Autriche“, 1921; 15) A. Tardieu, „La Paix“, 1921.

Бельгийские источники: 1) „Belgische Aktenstücke“ (см. нем. кол.); 2) Beyens, „L'Allemagne avant la Guerre“, 1915.

Австрийские источники: 1) Pirbram, „Die politischen Geheimverträge Oesterreich-Ungarns 1879—1914“, 2 т.; 2) „Diplomatische Aktenstücke zur Vorgeschichte des Krieges 1914“, изд. австр. мин. ин. дел, 1920, 3 т.; 3) H. Friedjung, „Das Zeitalter des Imperialismus 1884—1914“, 3 т.; 4) O. Czernin „Im Weltkrieg“, 1919; 5) J. Andrássy, „Diplomatie und Weltkrieg“, 1920; 6) Conrad von Hötzendorf, „Aus meiner Dienstzeit“, 3 т., 1922; 7) Goos, „Das Wiener Kabinett u. d. Entstehung d. Weltkrieges“, 1919.

Английские источники: 1) Ward and Cochrane, „The Cambridge history of British Foreign Policy

1783—1919", 3 т.; 2) *W. Churchill*, "The World Crisis", 2 т., 1923; 3) *Lord Fisher*, "Memories", 1920; 4) *Viscount Haldane*, "Before the War", 1920; 5) *A. Kennedy*, "Old Diplomacy and New", 1922; 6) *Earl Loreburn*, "How the War Came", 1919; 7) *E. Morel*, "The Secret History of a Great Betrayal", 1922; 8) *C. Oman*, "The Outbreak of the War", 1919; 9) *H. Askwith*, "The Genesis of the War", 1923; 10) *G. Buchanan*, "My Mission to Russia and other Diplomatic Memories", 2 т., 1923; 11) *G. Manteyer*, "The Austrian Peace Offer", 1921; 12) *J. Keynes*, "The Economic Consequences of the Peace", 1919; 13) *H. Temperley*, "A History of the Peace Conference at Paris", 6 т., 1923; 14) *M. Sullivan*, "The Great adventure at Washington", 1922.

Американские источники: 1) *Baker*, "Woodrow Wilson and World Settlement", 3 т.; 2) *E. Lansing*, "The Peace Negotiations", 1921; 3) *E. Lansing*, "The Big Four and Others of the Peace Conference", 1922.

Е. Адамов.

XIV. Денежный кризис эпохи

мировой войны. I. Бумажно-денежная эмиссия. Одним из важнейших источников финансирования мировой войны была эмиссия банковых билетов (банкнот) и государственных бумажных денег (см. XLVI т., *Финансирование войны*). К этому источнику вынуждены были прибегнуть все страны как воевавшие, так и нейтральные. Первые добывали этим путем средства для ведения войны, а последние — для покрытия государственных расходов, возросших вследствие всеобщего вздорожания товаров и повышения стоимости жизни. Размеры и форма эмиссии в отдельных странах были различны, но всюду без исключения билетное обращение разных видов увеличилось в значительной степени, а в некоторых странах это увеличение достигло чудовищных, беспрецедентных в истории размеров. Как только вспыхнула война, в главных странах, принявших в ней участие, немедленно были приняты меры к тому, чтобы сделать возможным использование эмиссионных банков для финансирования войны. В результате этих мер эмиссионные банки сделались из учреждений, служивших исключительно интересам торгового оборота, органами финансовой политики государства. Главным их назначением стало доставление государству средств для покрытия военных расходов путем выпуска банковых билетов. С этой целью банки были освобождены от обязанности держаться в своей эмиссионной деятельности пределов, установленных для них законом в условиях нормального времени, самые же банковые билеты были объявлены неразмненными, т.-е. по существу

стали оумажными деньгами. Были также приняты и другие меры, облегчившие банкам их работу в интересах государственного казначейства. Все это внесло существенные перемены в состояние денежного обращения сравнительно с довоенным временем и имело самые серьезные последствия для народного и мирового хозяйства. Важнейшие изменения, внесенные войной в порядок эмиссии и в денежное обращение главнейших стран мира, сводятся в существенном к следующему.

АНГЛИЯ. Перед войной денежное обращение Англии состояло из банкнот Английского банка, золотой монеты в 20 и 10 шиллингов и вспомогательной (разменной) монеты из серебра и меди. Банкноты были разменны на золото по предъявлении и наравне с золотой монетой являлись законным платежным средством в неограниченном размере, т.-е. на любую сумму в каждом платеже. Серебряная монета была обязательна к приему в каждом платеже до 2 фунт. стерл., а медная — до одного шилл. Кроме банкнот Английского банка в сумме 69,5 млн. ф. ст. (к концу 1914 г.) находились в обращении билеты шотландск. и ирландск. банков, и неск. провинц. английских, пользовавш. правом эмиссии. Билетное обращение шотландских банков составляло в конце 1914 г. 9,7 млн. фун., а ирландских — 8,5. Что же касается английских провинциальных банков, то их билетное обращение составляло ничтожную величину. Банкноты Английского банка были обеспечены обязательствами британского правительства на сумму 18.450.000 ф. ст., а сверх этой суммы покрывались полностью по их номинальной цене золотом в монете или слитках. По закону банк имел право держать до 1/3 своего металлического покрытия в серебре, но этим правом он не пользовался.

Главнейшее изменение, внесенное мировой войной в денежное обращение Англии, заключается в выпуске правительством бумажно-денежных знаков мелких купюр в 1 ф. ст. и 10 шилл. (1/2 ф. ст.) в виде так наз. *Emergency Notes*. Так как последние выпускались казначейством, а не банком, то они были „казначейскими билетами“

Франция входила в Латинский Союз, объединивший в отношении денежного обращения, кроме Франции, Бельгию, Швейцарию, Италию и Грецию. В силу договора, заключенного между собою этими странами, монеты каждой из них имели обращение на территории всех государств, входивших в Союз. Война подорвала основу Латинского Союза, поскольку он относился к Франции и Швейцарии. Когда французский франк обесценился, его стали ввозить в большом количестве в Швейцарию, где он имел хождение наравне со стоявшим выше его швейцарским франком. В виду этого между французским и швейцарским правительствами состоялось соглашение, по которому они обязались изъять из обращения, каждое в своей стране, серебряную монету другой страны, достоинствами в 2 и 1 франк и в 50 и 20 сантимов. Т. обр., свободное хождение французских франков в Швейцарии и швейцарских франков во Франции, вытекавшее из условий Латинского Союза, прекратилось.

ГЕРМАНИЯ. Денежное обращение Германии перед войной состояло из следующих элементов. В народном обращении по сделанным подсчетам, как полагают несколько преувеличенным, находилось 2.000 млн. золотых марок и около 1.000 млн. серебра (статистические данные Лиги Наций). Кроме того, военный золотой фонд в Шпандау равнялся 300 млн. зол. марок, и металлическая наличность Рейхбанка состояла из золота на 1.290 млн. мар. и серебряной, никелевой и медной монеты на 340 млн. мар. Состояние германского денежного обращения подверглось во время мировой войны глубоким изменениям, продолжавшим углубляться и в послевоенное время.

По закону 4/VIII 1914 г. были выпущены появившиеся впервые в 1874 г. казначейские билеты (Reichskassenscheine) достоинством в 5 и 10 марок. Они были объявлены законным платежным средством и допущены в состав золотой наличности Рейхбанка в качестве обеспечения билетного обращения. Казначейские билеты рассматривались, как золотые сертификаты, представлявшие собою военный золотой фонд в Шпандау.

Казначейские билеты и банкноты Рейхбанка были объявлены неразменными, а четырем провинциальным эмиссионным банкам (Баденскому, Баварскому, Саксонскому и Вюртембергскому) было предоставлено разменивать свои банкноты на банкноты Рейхбанка. Затем были учреждены ссудные кассы (Darlehenkassen) с правом эмиссии своих билетов, которые также были допущены, наравне с золотом, как покрытие билетного обращения Рейхбанка. Крупные купюры билетов ссудных касс были специально предназначены для покрытия банкнот, а не для обращения.

Наконец, Рейхбанку разрешено было выпускать банкноты под обязательства Государственного казначейства (Reichsschatzanweisungen). Банкноты Рейхбанка и казначейские билеты служили законным платежным средством, а билеты ссудных касс таковыми не являлись. Состояние денежного обращения в конце 1919 года представлялось в следующем виде (по данным Лиги Наций):

В народном обращении находилось (в круглых цифрах, в млн. марок):

Банкнот Рейхбанка.	35 698
Билетов ссудных касс.	13 781
Казначейских билет.	328
Билетов провинц. банк.	237

Всего бумажно-денежных знаков : 50,064

Золото и серебро ушло из обращения и в ответ на призыв правительства поступило отчасти в Рейхбанк. Количество золота, оставшегося на руках у населения к 1919 году, исчислялось в сумме от 300 до 500 млн. марок. Через год, на 31/XII 1920 г., банкнот Рейхбанка было в обращении на 68.805 млн. мар. и билетов ссудных касс на 12.033 млн. мар., а всего бумажно-денежных знаков на 80.838 млн. мар. (не считая казначейских билетов и банкнот провинциальных банков). Рейхбанк объясняет в своем годовом отчете рост эмиссии в течение 1920 г. тем, что, несмотря на окончание войны, улучшение экономических условий для Германии не наступило, вследствие пагубного влияния на положение страны непосильных условий мирного договора. Та же причина продолжала

действовать и в 1921 г., в течение которого эмиссия сделала новый скачок. На 31/XII этого года она достигла 121.964 млн. мар., в составе которых числилось 113.689 млн. марок банкнот Рейхсбанка и 8.324 млн. мар. билетов ссудных касс. Т. обр., за 1921 год билетное обращение Рейхсбанка увеличилось в круглых цифрах на 45 миллиард. марок. Одновременно с увеличением билетного обращения понижалось его обеспечение как количественно, так и качественно. Выше уже было указано, что казначейские билеты и билеты ссудных касс были допущены в качестве покрытия банкнот Рейхсбанка. Кроме того, законом 9/V 1921 г. было отменено впредь до 31/XII 1923 г. правило „третьего покрытия“, в силу которого по крайней мере третья часть билетов Рейхсбанка должна быть покрыта металлом, а по закону 4/VIII 1914 г.— хотя бы билетами казначейства и ссудных касс. Новелла 9/V 1921 г. была вызвана значительным сокращением наличности билетов ссудных касс в Рейхсбанке вследствие того, что в период май-сентябрь 1921 г. были истребованы из касс вклады на крупную сумму (свыше 15 млрд. мар.). Рейхсбанк по закону производит кассовые операции ссудных касс, при чем платежи банка по выдаче ссуд за счет ссудных касс возмещаются ему билетами ссудных касс, а в тех случаях, когда выданные ссуды погашаются, банк возвращает кассам их билеты на соответствующие суммы. Такое именно положение создано в 1921 г. Рейхсбанк был вынужден, вследствие происшедшего сокращения вкладов, возратить ссудным кассам более половины их билетов, соответственно понизив этим обеспечение своих банкнот. При таких условиях банк затруднялся соблюдать правило третьего покрытия, вследствие чего оно было временно отменено. После 1921 г. билетное обращение в Германии продолжало расти.

На 7/IX 1922 г. банкноты, выпущенные Рейхсбанком, равнялись 252,3 миллиард. марок, а на то же число 1923 г.— 1.182 млрд. На 15/IX эта цифра выросла до 3.183 млрд.

СОЕДИНЕННЫЕ ШТАТЫ вступили в войну только в 1917 г., но еще с ноября 1914 г. там была проведена реформа эмиссионной системы. Американская реформа готовилась со времени кредитного кризиса 1907 г., показавшего неудовлетворительность прежней системы. Не вызванная войной реформа 1914 г. тем не менее получила крупное значение в условиях военного времени, когда недостатки старой эмиссионной системы должны были бы обнаружиться с особенной силой и, без сомнения, послужили бы серьезным препятствием для финансирования войны американским правительством. Старая система отличалась крайней децентрализацией банкового аппарата при отсутствии объединяющего центра. Существовали банки двух типов—банки отдельных Штатов (State-Banks), находившиеся в ведении местных правительств, и Национальные банки (National-Banks), подчиненные федеральной власти.

На 30/VI 1914 г. всего функционировало около 27.000 банков, из которых было около 7.000 Национальных банков. Национал. банки выпускали банкноты на очень стеснительных для них условиях, мешавших им своевременно и в надлежащих размерах удовлетворять требования менового оборота в денежных знаках, чем и был вызван кризис 1907 г. При таком множестве местных банков, пользовавшихся правом эмиссии, в стране не существовало центрального банка, который объединял бы всю систему кредита и восполнял бы деятельность местных кредитных учреждений. Эта система отличалась тяжеловесностью и была крайне неэластична. В виду этого в 1908 г. был принят закон (Aldrich Vreeland Act), которым был облегчен выпуск банкнот и учреждена „Монетная комиссия“ для обследования денежного обращения и для выработки предположений о необходимых изменениях в денежной системе Соединенных Штатов. Результатом работ этой комиссии явилась реформа, проведенная в 1914 г.

Она значительно приблизила американский строй банковского кредита и порядок эмиссии к европейскому типу и сделала весь аппарат банков-

ской эмиссии более подвижным. Порядок, установленный в 1914 г. в области кредита, назыв. „системой Федерально-го Резерва“ (Federal Reserve System). Все национальные банки, пожелавшие сохранить за собою право эмиссии, должны были войти в состав этой системы, в качестве ее членов. Впоследствии и банкам Штатов (State Banks) также было разрешено войти в федер. систему, и многие сделали это. Национальные банки и банки Штатов, прикнущившие к федеральной резервной системе, распределены между 12 округами, на которые разделена страна. В каждом округе учрежден федеральный резервный банк (Federal Reserve Bank), а в общем все 12 резервных банков находятся под контролем департамента Федерального Резерва (Federal Reserve Board), назначаемого президентом Соединенных Штатов. В состав этого департамента входят ex officio секретарь казначейства (Secretary of the Treasury—министр финансов) и контролер денежного обращения (Controller of the Currency).

Национальные банки и банки штатов, состоящие членами резервной системы, производят все операции коммерческих банков, а федеративные резервные банки являются только банками банков-членов и непосредственно не имеют дел с публикой. Что касается эмиссионной операции, то она производится банками обеих ступеней. Национальные банки выпускают нац. банкноты (National Bank Notes) под обеспечение в 100% государств. фондами. Кроме того, федеральные резервные банки выпускают федеральные резервные билеты (Federal Reserve Notes), являющиеся совместными обязательствами этих банков и правительства Соед. Штатов. Эти билеты обеспечены металлическим покрытием не менее, чем на

40% и коммерческими векселями. Если покрытие падает ниже этой нормы, то банк уплачивает налог, увеличивающийся в зависимости от сумм недочета. Федеральная резервная система функционировала в течение войны и продолжает функционировать и в настоящее время без существенных перемен. В целом денежное обращение Соединенных Штатов состоит из следующих элементов.

1. Золотой и серебряной монеты, 2. Золотых и серебряных сертификатов, выпускаемых под депозиты в золоте и серебре в казначействе Соед. Штатов, и 3. Билетов следующих видов: а) билетов государств. казначейства (United States Notes), известных под названием „гринбэков“ (Greenbacks) Они были выпущены во время междоусобной войны и обращаются до настоящего времени в качестве платежных обязательств Соедин. Штатов; б) билетов национальных банков (National Bank Notes); в) билетов федерального резерва (Federal Reserve Notes) и г) банковских билетов федерального резерва (Federal Reserve Bank Notes).

Первоначально предполагалось, что билеты последнего вида заменят собою билеты национ. банков по мере изъятия их из обращения, но затем они получили другое назначение. Во время войны американское правительство, в виду усиленного спроса на серебро со стороны Востока, изъяло из обращения для переплавки несколько миллионов долларов, а также серебряные сертификаты, обращавшиеся до войны в качестве бумажно-денежных знаков достоинством ниже 5 долларов. Для пополнения в обращении количества мелкой монеты, сократившегося вследствие упомянутых изъятий, и были выпущены федеральные резервные банковские билеты.

Денежное обращение Соед. Штатов на 1/XII 1917 г. имело такой состав по сведениям Federal Reserve Bulletin.

Золото.	Серебро.	Федер. резерв. билеты. F. R. Notes.	Федер. резерв. банкноты. F. R. Banknotes	Билеты С. Ш. „гринбэки“ и билеты нац. банков.	Всего денег в Соед. Штатах.	Денег в народном обращении на голову населения.
М И Л Л И О Н Ы П О Л Л А Р О В.						ДОЛЛАРЫ.
3.040	788	1.126	13	1.064	6.026	39.10

2. Рост банковской и казначейской эмиссии в разные периоды и по отдельным странам, разделенным на группы по признаку их отношения к войне, определяется след. данными:

I. 1914 — 1920 г.г. 1. (по Фридмену). В 11-ти союзных странах (Соедин. Штаты, Великобритания, Франция, Италия, Россия, Япония, Бельгия, Греция, Румыния, Португалия, Финляндия) до войны (в 1914 г., для Соедин. Штатов — в 1917 г.) банкнотное обращение составляло в миллионных долларах — 3.675, а после войны (в 1920 г.) — 26.821, что дает увеличение в 7,30 раза. Что касается общей суммы банкнотного и бумажно-денежного обращения, то за тот же период она увеличилась в тех же странах в 17,58 раз: перед войной сумма билетного обращения всех видов равнялась 4.208 млн. долларов, а после войны — 73.956 млн. долл.

2. В центр. странах (Германия, Австро-Венгрия, Турция, Болгария) банкнотное обращение перед войной равнялось 923 млн. долл., а после войны — 25.035 млн. долл., т.-е. увеличилось в 25,74 раза. В общем же сумма банкнотного и бумажно-денежного обращения увеличилась за это время с 1.011 млн. долл. до 29.175 млн. долл., т.-е. в 28,86 раз.

3. Если подвести итог всем воевавшим странам, то оказывается, что банкнотное обращение увеличилось в них в 11,28 раз (с 4.598 млн. долл. до 51.856 млн. долл.), а общая сумма банкнотного и бумажно-денежного обращения — в 19,76 раз (с 5.219 млн. долл. до 103.131 млн. долл.).

4. В нейтральных странах (Аргентина, Бразилия, Дания, Голландия, Норвегия, Испания, Швеция, Швейцария) увеличение всех видов эмиссии было значительно меньше: банкнотное обращение увеличилось только в 2,93 раза, а общая сумма банкнот и бумажных денег — в 2,43 раза.

5. В целом увеличение количества бумажных знаков в 23-х главных странах мира выразилось в огромных цифрах. Перед войной сумма бумажных знаков всякого рода составляла 6.414 млн. долл., после войны она до-

стигла 106.033 млн. долл., т.-е. возросла в 16,53 раза. При этом бросается в глаза изменение состава бумажного обращения, происшедшее за время войны: в 1914 г. более 90% бумажных знаков, находившихся в обращении, приходилось на банкноты, и менее 10% — на бумажно-денежные знаки (казначейская эмиссия), а в 1920 г. во всех странах, кроме Соедин. Штатов, бумажные знаки были неразменны.

II. 1920 — 1921 г.г. Хотя в 1921 г. бумажное обращение во всех странах было значительно больше, чем перед войной, все же с 1920 г. уже обнаружилась тенденция к сокращению эмиссии, еще сильнее обозначившаяся к концу 1921 г. К этому времени бумажное обращение оократилось в Соед. Штатах, Великобритании, Франции, Японии (к началу 1922 г.), Швеции, Норвегии, Дании, Швейцарии, Голландии, Канаде, Австралии, Египте и Британской Индии. Напротив, увеличение бумажного обращения произошло в наибольшей степени в Германии (почти в 2½ раза). В новообразованных государствах эмиссия возросла к концу 1921 г.: в Австрии почти в 6 раз по сравнению с концом 1920 г., в Польше более чем в 4½ раза, в Венгрии почти в 2 раза, в Юго-Славии в 1,4 раза, в Чехо-Словакии всего на 7,4%.

Из прилагаемой таблицы (№ 1) можно видеть, что в большинстве стран бумажное обращение в период 1920 — 1921 г. по сравнению с 1919 г. достигло максимума в конце 1920 г. На 1921 г. максимум приходится только на Германию и некоторые второстепенные страны. После 1920 — 1921 г. рост эмиссии останавливается или задерживается в большинстве стран. Самое резкое исключение в этом отношении представляет Германия, где эмиссия продолжала расти безостановочно, особенно быстрым темпом с осени 1923 г. (см. выше).

Прилагаемая таблица (№ 2) дает общую картину развития билетного обращения за 1913—1923 г. В этот 10-ти летний период входят не только 4-х летний период войны, но также, с одной стороны, 1913-й год, последний год мирного времени, а с другой — 5 лет,

истекшие после окончания войны. Для полной характеристики денежного обращения главнейших стран, дальнейшие 3 таблицы (№ 3, 4 и 5) сообщают сведения о металлических запасах, имевшихся у центральных банков и правительств в 1913, 1918 и 1921 г.

Во время войны эмиссионные банки утратили характер „банков банков“, обслуживавших торговый оборот, и сделались органами правительств, служившими, главным образом, для финансирования войны. Перемена в характере банков, происшедшая под влиянием войны, обнаруживается с полной ясностью при сравнении состава их активов в 1913, 1918, 1921 г. Из данных помещенной ниже таблицы (№ 6) видно, как значительно возросло участие правительств в банковских операциях. Рейхсбанк стал к 1921 г. почти исключительно органом государственного кредита. Очень близко приблизился к нему в этом отношении Бельгийский Национальный банк и недалеко отстал Французский.

2. *Рост товарных цен.* Увеличение денежного обращения во время мировой войны всюду сопровождалось сильнейшим повышением товарных цен — явлением, известным под назв. „инфляции“. Тенденция цен к повышению проявлялась уже до войны, но с 1914 г. она резко усилилась и к 1920 г. достигла в большинстве стран своего максимума, после чего начала ослабевать и уже

в 1921 г. перешла в противоположное движение, т.-е. в „дефляцию“. Таблица, приведенная в сравн.-статистич. обзоре современного состояния важнейших государств (см. т. XL, прилож., табл. 43), показывает движение оптовых цен на товары в течение 1913—1922 г.

Из 12 стран, к которым относится таблица, первое место (после Польши) по росту товарных цен принадлежит Германии, где товары в период 1913—1921 г. вздорожали почти в 20 раз и после 1920 г. продолжали расти. В остальных 10 странах максимум повышения цен приходится на 1920 г., после чего начинается понижение. После Германии максимальное возрастание цен приходится на Италию, в 6,2 раза — в 1920 г. и в 5,7 — в 1921 г. Затем следуют Франция — 5,1 раза в 1920 г. и 3,4 — в 1921 г. и Великобритания — около 3-х раз в 1920 г. и менее 2-х раз — в 1921 г. В Швеции, Норвегии и Дании цены повысились к 1920 г. приблизительно в 3,5 раза и к 1921 г. — в 2,5 раза. Менее всего увеличились цены в Соединенных Штатах, где к 1920 г. они стояли в 2,5 раза выше уровня 1913 г., а к 1921 г. — в 1,5 раза.

В странах, в которых бумажно-денежная эмиссия достигла наибольшего увеличения, больше всего повысились и товарные цены. В том и другом отношении страны располагаются приблизительно в одинаковом порядке, как показывает след. таблица:

Относительные цены и бумажная эмиссия.

(данные 1913 г. = 100).

Годы	Соед. Штаты		Канада		Япония		Швеция		Франция		Италия	
	Цены	Эмиссия	Цены	Эмиссия	Цены	Эмиссия	Цены	Эмиссия	Цены	Эмиссия	Цены	Эмиссия
1914	100	101	108	118	91	90	116	131	116	117	101	129
1915	101	109	118	136	108	101	145	149	189	233	170	181
1916	124	124	151	155	131	141	185	190	206	292	234	227
1917	176	151	187	206	166	195	244	253	309	391	385	363
1918	196	157	211	219	214	256	339	360	358	520	437	499
1919	214	172	286	251	289	296	330	329	429	652	457	667

Меньше всего повысились цены в Соединенных Штатах, где и эмиссия была всего слабее. Наибольшее повышение цен приходится на Италию, где эмиссия достигла наибольшего напряжения (если не считать Германии). В общем, темпы движения эмиссии и цен довольно близки друг к другу. Подобный же параллелизм наблюдается в общем и в аналогичной таблице, составленной британским Департаментом Труда для большого числа стран (см. у Фридмана).

Соотношение между увеличением размеров денежного обращения и ростом товарных цен обнаруживается также при сопоставлении движения товарных цен в европейских странах с товарными индексами в Соед. Штатах. Так как американские цены выражены в долларах и поэтому могут быть приняты, как основанные на золоте, то сравнение европейских цен с американскими показывает степень уклонения товарных цен в странах, где происходила усиленная эмиссия, от цен, славившихся при золотом обращении.

Такое исследование было произведено в Америке проф. Митчелем по поручению Департамента Торговли Соед. Штатов и Управления военной промышленностью („History of Prices during the War International Price Comparisons“ prepared in Cooperation by the Department of Commerce and the War Industries Board), цитиров. по Федеральному Бюллетеню (Federal Reserve Bulletin, June 1, 1919) и по Фридману.

В течение 21 года, 1890—1910, колебания товарных цен в Соединенных Штатах, Англии, Франции и Германии в общем очень незначительно уклонялись друг от друга. Во всех этих 4-х странах товарные индексы падают в середине 90-х г. до низшего предела за весь указанный период, затем повышаются в конце 90-х г., падают в тот или другой момент между 1900 и 1904 г., резко поднимаются до нового максимума в 1907 г., вновь понижаются в 1908 г. и снова повышаются между 1908 и 1910 г.

В течение 21-го года крайние пределы расхождения цен в упомянутых странах были таковы:

Разница между ценами в	Пункты*)	Годы
Англия и Америке	10	1902
Франция и Америке	6	1901
Германия и Америке	7	1902
Англия и Франция	5	1900
Англия и Германия	6	1900
Франция и Германия	8	1910

В период войны существовавшее раньше близкое соответствие между ценами в Соединенных Штатах и европейских странах было нарушено в смысле более или менее значительного уклонения европейских цен в сторону повышения.

В Англии возрастание цен началось приблизительно на год раньше, чем в Соединенных Штатах и, в общем, цены значительно больше уклонились от американского уровня, чем в довоенное время. При максимальном подъеме английские цены превысили американские на 30—40 пунктов, т. е. на 15—20% американского индекса. Расхождение между движением цен во Франции и Соед. Штатах значительно шире, чем между Англией и Соед. Штатами. Еще более значительно отклонение от американского уровня товарных цен в Италии. Исследование проф. Митчеля показывает, что в тех европейских странах, где эмиссия была значительнее, отклонение товарных цен от американских было сильнее.

Когда в большинстве западных стран в 1920—1921 г. началось обратное движение цен и наступила „дефляция“, то параллельно с этим процессом происходило и сокращение эмиссии. Параллелизм этих двух процессов довольно ясно выступает в прилагаемой таблице (№ 7). Приведенные данные доказывают, что между бумажно-денежной эмиссией, происходившей в период войны и продолжавшейся отчасти и по окончании ее, существует известная связь. Но подробное рассмотрение тех же данных указывает, во всяком случае, на существование и других факторов повышения цен, кроме эмиссии.

Прежде всего, между увеличением эмиссии и ростом товарных цен не наблюдается строгого параллелизма, а в некоторых случаях существует и прямое расхождение. Напр., в Соед. Штатах резкое повышение цен, на-

*) Пункт—1/100 цены товарного индекса, основанного на среднем уровне цен 1890—1899 г. и принятого за 100.

чавшееся после вступления их в войну в 1917 году, достигло максимума в середине 1920 г., после чего цены пошли на понижение. Между тем, количество денег в обращении продолжало расти почти до 1921 г. Вообще, когда началось понижение цен, то падение их происходило быстрее, чем сокращалась эмиссия.

В одной только Германии наблюдается точное соответствие между движением товарных цен и эмиссией.

Далее, нельзя не заметить, что по отдельным месяцам и годам не только не наблюдается постоянного соответствия между ценами и эмиссией, но довольно часто существует прямое расхождение между ними: в то время, как эмиссия сокращается, цены повышаются, и обратно. Даже в Германии, где параллелизм товарных цен и эмиссии вообще проявляется более определенно, чем в других странах, отмечаются случаи движения показателей эмиссии и товарных цен в противоположных направлениях.

Параллелизм между движениями товарных цен и эмиссии ясно обнаруживается только на протяжении продолжительных периодов, хотя и в этом случае без точного соответствия между темпом и амплитудой этих движений. Отсюда следует, что если рост казначейской и денежной эмиссии во время мировой войны и был причиной общего повышения цен на товары, то все же он не был *единственной* причиной этого явления. На ряду с этим фактором действовали и другие, осложнявшие и изменявшие основную тенденцию.

К таким же выводам приводит и сопоставление данных о бумажном обращении и ценах за 1920—21 г. с концом 1919 г. Из 16 стран только в 5 бумажное обращение на 31/XII 1921 г. было больше, чем на то же число в 1919 г., но эти страны не представляют одинаковой картины в отношении товарных цен. В Германии, Италии и Новой Зеландии расширение бумажного обращения сопровождалось повышением товарных цен, хотя и не в

одинаковой степени, а в двух странах этой же группы (Южной Африке и Японии), при увеличении размеров бумажного обращения, товарные цены понизились; впрочем, надо заметить, что в Японии цифра бумажного обращения на 31/XII 1921 г. имеет случайный характер, в виду того, что в течение всего остального времени на протяжении 1920—21 г. происходило сокращение бумажно-денежного обращения. В остальных странах (Дании, Египте, Швеции, Великобритании, Голландии, Южной Африке, Соединенных Штатах, Канаде, Японии, Австралии, Франции, Британской Индии, Норвегии, Новой Зеландии, Италии, Германии) сокращение эмиссии сопровождалось понижением товарных цен, но в более сильной степени.

Фактический материал о движении эмиссии и товарных цен за время мировой войны и в послевоенное время не оставляет никакого сомнения в том, что между эмиссией, вызванной финансированием войны, и ценами на товары существовала зависимость, хотя и не выражавшаяся в точном параллелизме этих двух процессов. Что же касается характера этой зависимости, то вопрос о нем не разрешается простым сопоставлением ряда числовых показателей товарных цен и бумажного обращения.

Такое сопоставление ничего не говорит о том, было ли вызвано повышение товарных цен ростом бумажной эмиссии или же наоборот—эмиссия была вызвана повышением цен, зависшим от размеров и стоимости производства товаров и условий снабжения ими рынков, или же между этими явлениями существует взаимодействие, что всего вероятнее.

Американский департамент Федерального Резерва (Federal Reserve Board), неоднократно останавливаясь на вопросе о причинах повышения товарных цен в Соединенных Штатах во время войны, доказывал в своих Бюллетенях, что это явление не может быть объяснено эмиссией. По мнению департамента, увеличение билетного обращения в Соединенных Штатах от-

вечало действительным потребностям оборота и поэтому не было чрезмерным. Банковские билеты в Соед. Штатах были все время разменны на золото, и в силу этого излишние билеты немедленно вернулись бы в банки или в Вашингтон. казначейство, которое также производило размен. „По этой причине, утверждал Бюллетень, никогда не может находиться в обращении больше билетов Федерального Резерва, чем требуется страной при данном уровне цен, и по мере того, как сокращается потребность в денежных знаках, количество билетов в обращении должно также уменьшаться путем размена их. Увеличение билетного обращения в течение 1916 и 1919 г., поскольку оно не было следствием прямого обмена на золото и золотые сертификаты, извлеченные из оборота, имело своей причиной рост заработной платы и цен, а не было причиной этого роста“ (F.R. B., Sept. 1, 1919).

Подтверждением правильности этого взгляда является послевоенный период от 1/ХП 1918 г. по 1/VIII 1919 г. За это время общее количество денежных знаков всех видов в Соед. Штатах сократилось на 333 млн. долл., или почти на 3 долл. на голову населения. Между тем индекс товарных цен не понизился за это же время, скорее даже несколько повысился. Отмечая этот факт, управл. департ. Федер. Резерва Гардинг указывал в своем письме председателю Комиссии Конгресса по банкам и денежному обращению, что высокий уровень цен объясняется причинами, не связанными с эмиссией. Главную из них он видел в том, что в период, предшествовавший вступлению в войну Соед. Штатов, и во время участия последних в войне союзники представляли усиленный спрос на американские товары всякого рода, требуя доставки их в кратчайший срок и в больших количествах; при этом союзные правительства вступали на рынке в конкуренцию с частными лицами, не сократившими своих расходов в соответствии с возраставшими расходами государства (Federal Reserve Bulletin, Aug. 1, 1919).

В Европе не было свободного размена банкнот на золото, что, конечно,

имеет существенное значение. Тем не менее не подлежит сомнению, что и в европейских странах повышение товарных цен в период войны, если и связано с эмиссией, то, во всяком случае, не может быть объяснено исключительно ею. Война отвлекла для военных целей громадное количество труда и капитала и сильно сократила производство предметов потребления, и этот факт сам по себе уже должен был вызвать рост товарных цен. Со стороны правительства пред'являлся усиленный спрос на предметы военного снаряжения, за которые государству приходилось платить какую угодно цену, лишь бы получить их. Поэтому на все предметы, прямо или косвенно требовавшиеся для армии, существовал исключительный спрос, вздувавший цены. Цены таких предметов поднимались не по причине эмиссии, а потому, что они спешно требовались государством в огромных количествах.

Эмиссия служила только одним из источников для покрытия этих расходов и вызывалась ими, а не была их причиной. Замечания Гардинга относительно Америки применимы и к Европе.

Причины, вызвавшие инфляцию, во всяком случае, лежали не только на стороне денег, но и на стороне товаров. Они заключались с этой стороны в вызванном войною сокращении производства и подвоза товаров, служивших для населения предметами потребления, в то время как спрос на товары, поддерживаемый эмиссией, не сокращался или сокращался слабее, чем предложение. Значение эмиссии заключалось в том, что она питала спрос на товары, но конечной причиной повышения цен было изменение соотношения между спросом и предложением, вызванное тем, что потребности не сокращались, а для многих предметов потребления и не могли сократиться в соответствии с сокращением предложения. Эмиссия была неизбежным последствием этого факта.

3. *Обесценение денег.* Общее повышение товарных цен означает понижение покупательной силы денег, т.-е. их обесценение, и обратно. При инфляции цены товаров растут, а „ценность“ де-

нег падает, при дефляции цены товаров падают, а „ценность“ денег повышается. Под влиянием инфляции перед войной деньги обесценивались во внутреннем обороте соответственно со степени вздорожания товаров, и так как последнее происходило в отдельных странах с неодинаковой быстротой и в различных пределах, то и степень обесценения денег внутри отдельных стран также была различна. Что касается обесценения валют на международном рынке, то здесь действовали некоторые привходящие факторы, о чем будет сказано ниже. Обесценение денег, происходившее в Европе и в меньшей степени в Америке в период инфляции, выражалось непосредственно в разбухании всех ценностных сумм, выраженных в деньгах. Соответственно обесценению денег номинально росли имущества, доходы и расходы и бюджеты как частных лиц, так и предприятий и учреждений, вплоть до государства. Но этот рост не означал прироста реальных ценностей. Он обуславливался исключительно падением денег, а поэтому, являясь призрачным и фиктивным, затемнял истинное положение вещей, часто создавая мираж экономического и финансового преуспеяния там, где на деле происходил упадок. Капиталы и обороты предприятий, выраженные в обесцененных деньгах, выросли в огромные числа, во много раз превосходившие довоенные данные, но при переводе на золотое исчисление обнаруживалось вместо колоссального увеличения—значительное уменьшение. Этот мираж охватывал все отрасли народного хозяйства. В соответствии со степенью обесценения денег происходило увеличение оборотов и балансов предприятий всех видов, но в переводе на золото получалась совсем другая картина. Особенно резко бросалось в глаза увеличение вкладов в банках. Коммерческие вклады в германских банках в 1913—1920 г. увеличились почти в 9 раз, а фактически понизились на 40%. Сбережения также возросли более, чем в два раза, а в переводе на золото упали в 7 раз. По исследованию Приона „привлеченные деньги“ в 160 германских банках составляли к концу 1913 г. 9, 6 млрд.

мар., к концу 1917 г. (в 127 банках) их сумма достигла уже 23,2 млрд. мар. и к концу 1918 г. — 30 млрд. Но реальное значение этих цифр видно из следующего примера. К концу 1921 г. привлеченные деньги Немецкого банка (Deutsche Bank) равнялись огромной сумме—38 млрд. мар. Если же перевести эту сумму на золото, то она составляет только 881 млн. мар., между тем как в 1913 г. тот же банк располагал привлеченными деньгами в сумме 1,5 млрд. мар. То же самое и в отношении дивидендов этого банка: в 1921 г. они равнялись сумме в 400 млн. мар. и номинально превышали дивиденды 1913 г. ровно вдвое, а на самом деле они были в 1½ раза ниже.

Такое же явление наблюдалось и в других странах. В Великобритании сумма коммерческих вкладов по отношению к 1913 г., принятому за 100, непрерывно росла в течение всего военного периода. В относительных числах она равнялась в 1918 г.—196,3, в 1920 г.—238. Между тем в реальных величинах суммы вкладов в эти годы уменьшились по сравнению с довоенным временем: в отношении 1913 г. цифра 1920 г. выразится в 97,7. Столь же резко обнаруживается призрачность номинального роста сбережений: по сравнению с 1913 г. сумма их составила в 1918 г.—115,2, в 1920 г.—135,5, а в переводе на золото сбережения упали в 1920 г. почти в два раза. Аналогичное явление наблюдалось во Франции, но в более резкой форме. Номинально коммерческие вклады почти утроились за время 1913—1920 г., а на самом деле они сократились на треть, а сбережения, при номинальном увеличении почти в 1½ раза, фактически уменьшились более чем на ½.

Соедин. Штаты не явились исключением из общего правила: номинальное увеличение коммерч. вкладов в 1920 г., по сравнению с 1913 г., на 144% и сбережений на 39,6% сопровождалось их уменьшением в переводе на золото в первом случае на 10,8%, а во втором—на 9,1%. Из воевавших стран выделяются только Италия и Япония, где имело место не только номинальное, но и реальное увеличение депозитов (кроме сбережений в Италии).

То, что наблюдалось по отношению к коммерческим вкладам и сбережениям, происходило и в других областях народного хозяйства. Всюду инфляция маскировала истинное положение. Яркой иллюстрацией сказанного служат многочисленные факты, приведенные Эйленбургом в ст. об образовании капиталов после войны в журн. „Weltwirtschaftliches Archiv“ (Juli, 1923). В Германии, где инфляция прогрессировала гигантскими шагами, особенно резко и выступало отмеченное явление. Перед войной номинальный капитал акционерных обществ составлял 17,4 миллиардов марок, а к середине 1922 г. он поднялся до 74,9 млрд., увеличившись в 4,3 раза. Но за тот же период времени индекс оптовых товарных цен повысился в 100 раз! Перед войной курсовая цена имущества акционерных обществ составляла 31 миллиард марок, а в середине 1922 г. она равнялась 672 млрд., увеличившись, таким образом, в 22 раза. Между тем, в переводе на золото по индексу оптовых цен приведенная выше колоссальная сумма равняется всего только 6,7 млрд. зол. марок, что составляет лишь 8,9% довоенной суммы акционерного капитала.

Другой факт того же рода представляют дивиденды германских промышленных обществ. В 1921 г. 2000 обществ принесли дивиденд в 4,5 млрд. мар. против 1,4 млрд., которые они приносили до войны. Это составило 20% на капитал против прежних 10,5%. При переводе на золото дивиденд 1921 г. составил всего 450 млн. зол. марок, или 2% на капитал.

Обесценение денег при постоянной тенденции их к дальнейшему падению упраздняет в народном хозяйстве твердое мерило ценностей и создает фантастическую обстановку для хозяйственной деятельности. Цифры не выражают, как в нормальных условиях, реальных величин и ничего не говорят о действительных отношениях между хозяйственными ценностями. Они не поясняют реального положения хозяйства, а заволакивают его туманом и мешают видеть действительность.

В странах с сильной инфляцией основным промышленной и торговой деятельности перестает служить хозяйственный расчет. Коммерческая прибыль, основанная на умелом ведении дела и удачном предвидении будущей конъюнктуры, утрачивает свое значение, и на ее место становится погоня за быстрой наживой, дающая несравненно большие, хотя и не всегда верные барыши. Если можно нажать в кратчайшее время крупные суммы на повышении цен, происходящем, как стихийное явление, независимо от предпринимателя, то нет никакого побуждения прилагать особое старание для расчетливого и целесообразного ведения дела, которое, в лучшем случае, может принести только сравнительно умеренную прибыль. При условиях неустойчивой валюты, спекуляция становится руководящим началом хозяйства.

Дух спекуляции руководит и потребителем. В предвидении дальнейшего обесценения денег он спешит обратить их в товары, накупает и нужное и ненужное, лишь бы обменять тающие в его руках денежные знаки на более твердые ценности. Лихорадочные и часто бестолковые покупки продолжаются, пока позволяют покупательные средства; когда же последние истощаются, наступает период застоя, который через некоторое время вновь сменяется покупательной горячкой. Пока цены растут, потребитель спешит закупить товары, опасаясь дальнейшего их повышения. Но если обнаруживается тенденция цен к понижению, потребители воздерживаются от покупок в надежде, что товары еще подешевеют.

Лихорадочными покупками товаров, сменяющимися периодами отказа от покупок, рынок сбыта совершенно дезорганизуется и перестает быть регулятором производства. Подобную картину рынка, дезорганизованного инфляцией, изображает Берлинская торговая палата в своем отчете за 1921 г. Характеризуя положение текстильной промышленности, отчет говорит, что все отрасли ее испытали в течение первой половины года сокращение сбыта при понижающихся ценах. Потребители и торговцы

воздерживались от покупок в ожидании еще более низких цен. Но в середине года, когда марка стала сильно падать после принятия лондонского ультиматума, началось обратное движение. Появляется бурный спрос на все товары при одновременном повышении цен. Все боялись, что при позднейших покупках и заказах придется платить дороже. Несомненно, замечает отчет, что, начиная с сентября мес., многими кругами населения было закуплено свыше потребности.

Промышленность наравне с потребителями принимала участие в этой скачке за товарами в виде сырых материалов и вообще производственных средств. Предприниматели спешили возможно скорее запастись всем необходимым для обеспечения производства, предвидя, что всякая отсрочка угрожает вздорожанием покупок, следовательно—и увеличением себестоимости товаров. Когда инфляция достигает такого развития, то происходит настоящее „бегство от денег“. Все стремятся как можно скорее сбыть их с рук, путем обращения их в прочные ценности; и в то время, как последние неудержимо растут, покупательная сила денег также неудержимо падает. Вздорожание товаров, золота, иностранной валюты и вообще всех твердых ценностей является показателем обесценения денег подобно тому, как движение ртути в термометре показывает изменения температуры. И чем резче эти движения, тем стремительнее бегство от денег, тем быстрее их обесценение. Это та фаза инфляции, которую Кейнс характеризует, как стадию „отвержения“ (Repudiation) денег, а другой исследователь сравнивает с галопирующей чахоткой.

При инфляции цены на товары высоки в оценке на бумажные деньги, но, вследствие обесценения последних, в переводе на золото они оказываются гораздо ниже. В Англии в 1921 году средний уровень цен в бумажной валюте был выше 1917 г. на 214⁰/₁₀₀, а в золоте—только на 142⁰/₁₀₀, во Франции—в бумажной валюте на 378⁰/₁₀₀, а в золоте—всего на 85⁰/₁₀₀. Тем не менее, при инфляции повышение цен ощущается, как дороговизна, по-

тому что предметы потребления становятся недоступными для массы потребителей, по крайней мере в прежних количествах, вследствие чего потребности большинства потребителей удовлетворяются скуднее, чем раньше. Это и вызывает жалобы на повышение цен. Причина вздорожания жизни и связанных с ним тяжелых явлений заключается в том, что цены повышаются сильнее, чем оценка труда. В этом заключается социально-политическая сторона инфляции.

Германия и в этом отношении является особенно показательным примером. В период 1914—1920 г. стоимость жизни в среднем возрасла в Германии в 16 раз. Между тем заработная плата в разных отраслях производства увеличилась значительно меньше, как видно из след. данных:

Специальности.	1913		Отношение 1920 г. к 1913 г.
	9-ти часовой день.	8-ми часовой день.	
Плата в марках за неделю.			
Ст. лт.	43,20	336	7,3
Рабочий по свиному	40,50	220	5,4
Электротехник	39,15	204	5,2
Наборщик	37,00	230	6,2
Каменщик	44,28	216	4,9
Чернорабочий	30,78	206	6,7
Вагоновожатый на трамвае	80,00	218	7,3
Сельский рабочий	20,50	208	10,0
Служащий, бухгалтер, stenograf	40,00	190	4,8

Дефициты в потребительных бюджетах появились сначала у наименее обеспеченных разрядов трудящихся, а затем распространились и на более высокие разряды. Субсидии, которые ассигновывались германским правительством для восполнения этих дефицитов, были недостаточны. Также терпели ущерб от повышения цен и все те, которые живут на проценты и твердые доходы. Их получения, оставаясь номинально без изменений, падали в оценке на товары.

Обесценению подверглись вообще все денежные капиталы.

Если для одних инфляция несла материальные затруднения и нередко обнищание и разорение, сопровождавшиеся понижением культурного уровня жизни, то другим она открывала путь к ничем незаслуженному обогащению. От повышения цен, вызванного инфляцией, выиграли владельцы реальных хозяйственных благ, предметов необходимости, годных для непосредственного потребления и пользования, предметов роскоши и т. п.

Блага этого рода поднялись в цене в то время, когда другие товары и услуги не успели еще подняться до того же уровня. Обогатились также владельцы предприятий, занимавшихся производством предметов потребления и, в особенности, военного снаряжения. Фабрики, сельско-хозяйственные имения, транспортные предприятия не только повысились, как капитальные ценности, но стали приносить и более высокий доход, сбывая свои продукты по повышенным ценам. В этом заключается одна из главных причин повышения курса акций частных предприятий. Если городское домовладение не везде и не в полной мере следовало за общим повышением цен, то причина этого заключается в том, что регулирование наемной платы за помещения препятствовало повышению доходности домовладений. К этому присоединяется еще и то, что вследствие искусственного ограничения наемной платы (а также недостатка строительных материалов) не производился ремонт, что также влияло неблагоприятно на капитальную ценность владений.

Повышение цен в связи с инфляцией содействовало спекуляции и ростовщичеству и вызвало к жизни новый разряд деятелей в виде торговцев изпод полы, производителей суррогатов и получателей военной прибыли. Наконец, должники, уплачивавшие свои долги, оставались в выигрыше: вследствие обесценения денег, они по уменьшенной цене ликвидировали свои обязательства. Инфляция произвела перераспределение имущества и доходов, всего менее оправдываемое

интересами страны и началами справедливости. Если одни обогащались без всякой заслуги с их стороны, то другие терпели нужду без всякой вины. В разряд последних прежде всего попали трудовые элементы, а увеличение богатств выпало, главным образом, на долю получателей спекулятивной прибыли. Инфляция произвела „социальную реформу на выворот“ и оказала глубоко деморализующее влияние на население.

Наконец, одним из чрезвычайно важных последствий инфляции явилось расстройство, которое она внесла в государственные финансы. Непрерывное обесценение денег, не допускающее никакого сколько-нибудь обоснованного предвидения и учета, сделало совершенно невозможным построение бюджета на прочных основаниях. При постоянном изменении мерила ценностей финансовое ведомство не в состоянии исчислить, хотя бы с минимальной точностью, ни будущих поступлений, ни предстоящих расходов. Всякое исчисление при непрекращающемся обесценении денег является чисто номинальным. Реальное же значение цифр, внесенных в смету, представляет неизвестные величины, действительное значение которых не может быть заранее учтено даже приблизительно. Все это лишало бюджеты устойчивости и делало построение твердого финансового плана неразрешимой задачей. Приведенные соображения одинаково относятся к государственному и к местным бюджетам. Нечего и говорить о том, что отсутствие устойчивого финансового плана крайне невыгодно отражается на государственном и местном хозяйстве.

Эмиссия бумажных денег, сопровождаемая повышением товарных цен, сама себя обесценивает. Повышающийся уровень товарных цен при каждом движении вверх понижает покупательную силу денег и обесценивает бумажно-денежную массу в целом. Увеличиваясь количественно, бумажное обращение в то же время теряет свое реальное содержание.

Яркий пример этого явления и вытекающих из него последствий представляет Германия. В год окон-

чания войны бумажная эмиссия Германии в виде банковских билетов, обязательств государственного казначейства и ссудных касс равнялась 33 млрд. бумажных марок, что составляло 23 млрд. зол. мар., а в 1921 г. эмиссия достигла уже 122 млрд. бумаж. марок, т.-е. увеличилась больше чем в 5 раз. Ценность же этой бумажно-денежной массы в золоте равнялась всего только 2,7 млрд. мар., т.-е. уменьшилась в 5 раз против 1918 года. Несмотря на огромное количество выпущенных в обращение бумажных денег, в Германии существовал хронический недостаток капиталов, потому что реальное значение бумажно-денежной массы и предложение капиталов были недостаточны по сравнению с потребностями оборота.

Дальнейшее обесценение марки, вызывая временное оживление промышленной и торговой деятельности, сопровождалось резким повышением цен и заработной платы и усиленным спросом на кредит, а это заставляло банки, и в первую очередь Рейхсбанк, поднимать учетно-ссудный процент. Хотя усиленный спрос на капиталы вызывал напряженное состояние денежного рынка, тем не менее до середины 1922 г. официальный учетный процент держался на 5, а частный колебался между 4,5 и 3. Но в конце июля 1922 г. Рейхсбанк счел необходимым повысить дисконтную ставку до 6, после чего вскоре состоялась дальнейшее повышение до 7% и затем до 10%. К осени же 1923 г. дисконтная ставка Рейхсбанка была доведена до 30%.

На жизнь народного хозяйства оказывает вредное влияние не только резкое повышение товарных цен, происходящее при инфляции, но и резкое падение цен, в котором выражается противоположный процесс дефляции. В последнем случае повторяются аналогичные явления, но в обратном направлении. Понижение цен так же, как и повышение их происходит скачками, которых нельзя заранее учесть, и неравномерно распространяется на отдельные отрасли производства. В то время как цены на готовые продукты падают, расходы по их производству

задерживаются на более высоком уровне, и понижение их происходит медленнее, не в соответствии с ценами. Сокращение заработной платы сопровождается трениями, выражающимися в более или менее острых конфликтах, неблагоприятно отражающихся на производстве. Если при инфляции плата за труд отстаёт от цен в процессе их повышения, то при дефляции она отстаёт от движения цен в сторону их понижения.

От дефляции терпит ущерб доходность тех предприятий, которые в период инфляции получали несоразмерно высокие барыши вследствие того, что издержки производства повышались медленнее, чем цены на продукты. Но так как производство в убыток не может происходить в течение продолжительного времени, то дефляция при длительности дефляционного процесса ведет к сокращению производства и предложения товаров, а в конечном итоге к новому повышению цен. Это и происходило в послевоенное время в странах, где началась дефляция, особенно в Соединенных Штатах и в Англии.

В выигрыше от дефляции остаются кредиторы, получающие от своих должников следуемые им суммы в деньгах повышенной покупательной силы. Соответственно с этим терпят ущерб должники, которым приходится платить по своим денежным обязательствам больше, чем они получили в свое время, потому что долг был заключен в период обесценения денег. Вследствие дефляции увеличивается и тяжесть государственных долгов, хотя в то же время повышается и реальная ценность государственных доходов.

Процессы инфляции и дефляции являются болезненными отклонениями от нормального положения, одинаково нарушаемого резкими движениями цен как в сторону повышения, так и в сторону понижения. При нормальных условиях народного хозяйства происходит постепенное повышение цен, обусловленное ростом населения и связанным с этим фактом удорожанием производства предметов питания и сырых материалов. Последствия мировой войны выразились в нарушении нормаль-

ного хода экономической эволюции, развившемся в глубоком расстройстве производства, обмена и распределения. Денежный кризис, явившийся неизбежным последствием мировой войны, был одним из важнейших факторов общего экономического кризиса, далеко еще не изжитого до настоящего времени.

4. *Денежный рынок и междувалютные отношения.* Мировая война привела в хаотическое состояние денежные рынки всех стран, расстроив существовавшие раньше междувалютные отношения. Еще до объявления войны, как только ее призрак показался на политическом горизонте, обнаружилось тревожное настроение деловых, коммерческих и финансовых сфер. Как это всегда бывает в таких случаях, торговые деятели и лица, занимающиеся денежными операциями, стали усиленно реализовать денежные претензии, следуемые им в других странах, особенно тех, относительно которых можно было предполагать, что они окажутся в случае войны на противной стороне.

Спэлдин след. образом описывает состояние денежного рынка после объявления войны (см. его книгу о международном обмене и иностранных векселях). В подобные моменты, какие переживала Европа перед началом мировой войны, взаимная ликвидация претензий между странами возрастает в своей интенсивности до тех пор, пока не происходит перерыв дипломатических сношений, но она не прекращается и после этого. Как только объявлена война и начались военные действия, требования воюющих стран переносятся для реализации на нейтральные рынки, пока последние не оказываются заваленными такими требованиями в тех многочисленных и разнообразных формах, в каких получает выражение внешняя задолженность. Когда дело доходит до этой стадии, нейтральные страны оказываются вовлеченными в финансовый поток, коснувшийся сначала только воюющих стран. Это и произошло в начале мировой войны. Нейтральные страны были наводнены деловыми обязательствами, которых не успели во-время ликвидировать их держатели в воюющих странах.

Всёобщее желание обеспечить себя надежными ценностями в виду неопределенности будущего выразилось также в настойчивом нажиме публики на банки, с целью получить от них золото. С своей стороны, банки для ограждения своей наличности от этого натиска вынуждены были прибегнуть к повышению учетно-ссудного процента. Английский банк, державший процент на уровне 3-х с начала 1914 г., поднял его 30 июля до 4%, 31-го до 8% и 1 августа—до 10%. Когда кризис первых дней войны миновал, процент был понижен: 6 августа до 6%, и 8—до 5%. То же происходило и в других странах. Под давлением усиленных требований на золото, мгновенно исчезнувшее из обращения, Французский банк повысил учетный % с 3½ до 4½, а ссудный—с 4½ до 5½. В Берлине банки буквально осаждались публикой, при чем особенно сильному натиску подвергся Рейхсбанк, из которого в несколько дней было взято около 200 млн. марок золотом. 31 июля ставки были повышены для учета до 5%, и для ссуд—до 6%.

Европейские события получили свой отклик и в Америке в виде усиленного требования золота со стороны Европы. Защищая свою золотую наличность при помощи повышения процентных ставок, банки вместе с тем принимали меры для увеличения своих наличных средств. Они требовали от своих клиентов возвращения ссуд и накапливали золото. Крупные банки Парижа и Берлина особенно энергично увеличивали свои золотые запасы.

Правительства воюющих стран, заботясь о сохранении золота в центральных банках, с своей стороны принимали соответствующие меры, из которых важнейшей было прекращение размена банкнот на золото. Биржи в это время были переполнены ценными бумагами, предлагавшимися для продажи. Но сделок почти не было. Около 30 июля Лондонская биржа находилась в критическом положении, так как не в состоянии была поглотить огромное количество ценных бумаг, выброшенных на рынок со всех сторон. В виду такого положения она закрылась на следующий день впредь до извещения. На

Берлинской бирже с 31 июля, по распоряжению президиума, было прекращено установление курсов на бумаги, и, хотя было объявлено, что сделки могут совершаться только на наличные, на деле никаких сделок на бумаги не происходило.

После объявления войны европейские центры обратили внимание на Нью-Йоркскую биржу для реализации своих ценностей. В несколько часов огромная ликвидация совершенно деморализовала рынок, и 31 июля биржа должна была закрыться на неопределенное время. Нью-Йоркский денежный рынок оказался в очень трудном положении: нельзя было достать денег в ссуду даже на самые короткие сроки, никаких котировок не происходило, международные меновые операции прекратились, и учетный рынок находился в состоянии паралича. Механизм международных платежей также перестал правильно работать, вследствие затруднительности или даже полного прекращения сношений между странами. Нормальное функционирование вексельного оборота стало невозможным, поприще для международного арбитража крайне сократилось, и передвижение золота, товаров и других ценностей перестало быть свободным, каким оно было до войны. Все это глубочайшим образом изменило валютные отношения между странами.

В довоенное время платежи между коммерческими деятелями отдельных стран производились при помощи переводных векселей (тратт), курсы которых колебались по отношению к денежному паритету в ограниченных пределах. Возьмем для примера курс американских векселей на Лондон. Паритет долларов и фунтов ст. равен 4,866 долл. за 1 фунт ст., потому что в этих монетах содержится одинаковое весовое количество чистого золота. Если бы суммы платежей Соед. Штатов в пользу Англии были в точности равны сумме платежей Англии в пользу Соед. Штатов, то спрос и предложение векселей, нужных для ликвидации взаимной задолженности обеих стран, также были бы одинаковыми: Америке надо было бы на такую же сумму векселей на Ан-

глию, как и Англии векселей на Америку. Это было бы идеальное состояние равновесия, при котором векселя стоили бы столько, сколько на них написано. Для того, чтобы уплатить 1 ф. ст. в Англии, американец должен был бы купить на эту сумму вексель и заплатить бы за него 4,866 долл., и, с другой стороны, англичанин, чтобы уплатить в Америке долг в 4,866 долл. должен был бы купить в Англии вексель на эту сумму и заплатить бы за него 1 фунт стерл.

Но идеального состояния равновесия на практике не существует. Взаимные обязательства между странами не покрывают друг друга точно в точку. Одна страна бывает должна другой стране больше, чем ей приходится получить с нее, или наоборот — ей следует получить с другой страны больше, чем уплатить ей. Поэтому и сумма векселей разных стран, находящихся между собою в торговых и кредитных отношениях (займы и пр.), бывает неодинакова. Соответственно изменяется и соотношение между спросом и предложением векселей той или другой страны, а вместе с тем и вексельный курс. Если Англия больше должна Америке, чем Америка Англии, то на американском рынке окажется английских векселей больше, чем американских на английском рынке. В то же время американцам понадобятся меньше векселей на Англию для того, чтобы расплатиться со своими английскими кредиторами, чем англичанам векселей на Америку для ликвидации их обязательств по отношению к американцам. При таких условиях курс векселей на Америку поднимется выше паритета, а курс векселей на Англию понизится сравнительно с паритетом. Это значит, что англичанам придется платить за 4,866 долл. больше 1 ф. ст., а американцам — за 1 ф. ст. меньше того, что он стоит на доллары, т. е. меньше, чем 4,866 долл. Вексельный курс будет благоприятен для Америки и неблагоприятен для Англии. Английский фунт окажется обесцененным сравнительно с американским долларом.

При обратном соотношении между задолженностью Англии и Америки,

вексельный курс установился бы в пользу Англии и против Америки. Период войны дает примеры того и другого отношения между английской и американской валютами. В первое время вексельный курс был неблагоприятен для Америки, а затем изменился и стал неблагоприятен для Англии. Сначала был обесценен доллар по отношению к фунту, а затем фунт по отношению к доллару. На 4 августа 1914 г. вексельный курс между Нью-Йорком и Лондоном стоял на таком уровне, что за 1 ф. ст. американцам приходилось платить 7 долларов, так что, напр., вексель в 10 ф. на Лондон стоил в Нью-Йорке 70 долларов. При таком курсе доллар оказывался обесцененным по отношению к фунту более, чем на 30%. Это высший предел, до которого доходил в Нью-Йорке курс фунта стерл. в период от 1 августа 1914 г. до 31 декабря 1920 г. Низший предел был достигнут 4 февраля 1920 г., когда за фунт стерл. платили в Нью-Йорке только 3,180, т.-е. почти на 35% меньше паритета. Английский фунт был в это время более, чем на треть обесценен по отношению к американскому доллару.

При нормальных условиях курс векселей не может подняться над паритетом выше известного предела, наз. „золотой точкой“. Когда стоимость пересылки золота в уплату долга окажется ниже разницы между паритетом и вексельным курсом, должники той страны, для которой курс неблагоприятен, предпочитают расплачиваться с своими кредиторами при помощи посылки золота на сумму долга. Это будет для них выгоднее, чем покупка и пересылка векселей. Когда курс достигает этого предела, говорят, что он достиг золотой точки. Когда вексельный курс доходил в довоенное время до уровня, при котором 1 ф. ст. обходился в 4,89 долл., т.-е. на 0,03 долл. больше, чем при паритете, то отправка золота становилась выгоднее посылки векселей. Поэтому при нормальных условиях высший предел, до которого мог подняться в Америке курс на Лондон, был равен 4,89 долл. за 1 ф. ст. Это высшая „золотая точка“ для Нью-Йорка. Существует и низшая „золотая

точка“, являющаяся нижним пределом, до которого может упасть курс. Для Нью-Йорка, например, она была равна 4,827 долл. за 1 ф. ст. Когда вексельный курс на Лондон падал до этого предела, американские владельцы переводных векселей на Лондон предпочитали посылать их в Англию для обмена на золото и привозить последнее в Америку, чем продавать свои векселя на Англию на Нью-Йоркской бирже.

При условиях, существовавших до войны, вексельные курсы могли повышаться и понижаться по сравнению с паритетом только в пределах золотых точек. Когда курс достигал верхней золотой точки, золото уходило из страны, а при достижении нижней точки оно притекало в страну. В первом случае вексельный курс обнаруживал тенденцию к понижению, потому что спрос на векселя, курс которых достигал золотой точки, падал; во втором случае происходило обратное движение: курс векселей поднимался, потому что при помощи векселей можно было дешево покупать золото, и поэтому спрос на векселя увеличивался. Свободное передвижение золота из одной страны в другую служило регулятором вексельных курсов, ставившим пределы их колебаниям и выравнивавшим их по паритету.

Ликвидация международных обязательств производилась также с помощью ценных бумаг, находившихся в стране, имевшей произвести платеж. Вместо золота посылались ценные бумаги, и этим путем восстанавливалось равновесие между обязательствами отдельных стран, и выравнивались курсы их векселей. Той же цели служили займы, заключавшиеся страной с неблагоприятным вексельным курсом, в стране, векселя которой стояли высоко над паритетом. Когда какой-либо страной дается ссуда другой стране, то последняя получает от первой кредит на сумму данной ссуды, и это открывает ей возможность свободнее расплачиваться по своим обязательствам в стране, давшей ей ссуду, и тем улучшать свой курс. Если, напр., Англия должна Америке за сделанные там заказы, то, заключив в Аме-

Таблица № 1.

К столб. 136.

Бумажное обращение в разных странах в 1920—21 гг. в отношении к 1919 году.
По материалам Лиги Наций.

Страны:	1919	1 9 2 0				1 9 2 1			
	дек. 31.	март 31.	июнь 30.	сент. 30.	дек. 31.	март 31.	июнь 30.	сент. 30.	дек. 31.
Египет	100	89,0	73,9	68,3	59,4	54,5	49,7	55,3	56,2
Швеция	100	99,2	98,4	104,3	101,6	95,9	90,8	89,8	84,0
Соед. Штаты	100	101,1	103,4	108,2	110,1	99,3	92,7	88,1	86,3
Канада	100	97,9	91,3	95,1	97,8	87,2	84,3	81,6	88,1
Норвегия	100	99,1	97,1	105,8	106,2	93,8	92,1	91,6	90,3
Австралия	100	98,4	102,4	92,9	106,7	108,0	98,8	95,9	—
Брит. Индия	100	95,4	89,8	86,2	88,2	90,9	93,9	97,5	94,3
Дания	100	107,2	108,2	114,3	113,9	108,7	101,4	98,4	96,3
Швейцария	100	93,8	91,7	94,9	99,3	95,9	91,4	93,8	87,0
Великобритания	100	98,1	104,6	104,3	108,4	102,4	97,7	94,7	87,6
Франция	100	100,2	101,3	105,2	101,7	103,1	100,4	99,6	87,9
Голландия	100	101,8	97,3	99,7	103,8	100,4	98,0	96,4	98,1
Нов. Зеландия	100	106,8	108,3	104,1	113,7	108,8	108,2	97,3	102,7
Япония	100	85,6	84,9	78,6	96,4	77,6	81,8	85,1	103,8
Уругвай	100	100,0	91,9	87,8	87,8	87,8	90,5	—	—
Испания	100	100,1	101,1	106,4	111,9	110,0	108,2	109,8	109,7
Южн. Африка	100	113,4	112,2	111,0	116,9	113,4	109,8	111,0	112,2
Италия	100	98,1	108,3	114,2	118,6	113,4	110,1	110,1	115,8
Аргентина	100	108,5	115,8	115,8	115,8	115,8	115,8	115,1	115,8
Бразилия	100	100,0	100,6	101,7	105,8	107,6	110,5	119,0	119,3
Финляндия	100	111,6	107,3	115,8	119,3	131,3	124,5	126,0	120,6
Болгария	100	109,8	119,2	120,9	117,4	112,6	110,5	119,5	126,5
Чили	100	98,0	115,5	108,4	120,7	121,5	131,1	131,9	—
Греция	100	101,2	100,9	107,7	109,1	116,0	127,2	148,4	166,4
Португалия	100	107,8	120,5	143,7	184,7	171,2	175,2	180,6	194,9
Германия	100	118,8	136,1	151,1	182,6	180,0	188,9	188,8	244,7
Чехо-Словакия	—	—	—	—	100	86,7	98,9	102,5	107,4
Румыния	—	—	—	—	100	104,8	105,9	118,1	131,2
Юго-Славия	—	—	—	—	100	104,7	112,0	133,9	140,2
Венгрия	—	—	—	—	100	109,4	126,5	145,7	176,0
Польша	—	—	—	—	100	150,1	208,6	309,5	465,0
Австрия	—	—	—	—	100	134,0	182,2	299,0	568,1

Таблица № 2.

К столб. 136.

Банковая и казначейская эмиссия. (The Economist Monthly Supplement, 25 Aug. 1923).
(В м и л л и о н а х).

Г О Д Ы.	Великобрит.		Франц.	Италия.		Бельгия	Соед. Штаты.		Германия	
	Банкноты	Казн. билеты	Банкноты	Банкноты	Казначейские билеты	Банкноты	Банкноты	Билеты С. Ш.	Банкноты	Билеты
	Англ. банка.	(Currency Notes).	Франц. банка.	лоты.	лиры.	Франки.	билеты.	(грин-баки).	Имп. банкноты.	Импер. и Соудн. банкноты.
	Фунты стерлинг.	Франки.	Лиры.		Франки.	Доллары.		Марки.		
	млн.	млн.	млн.	млн.	млн.	млн.	млн.	млн.	млн.	
1913 г. (конец года) ..	29,6	—	5.714	2.284	499	1.087	726	343	2,6	0,15
1918 г. " " ..	70,2	323,2**)	31.055	11.750	2.124	3.210	3.402	291	22,19	10,6
1920 г. " " ..	113,3*)	387,8	37.902	19.732	2.268	6.260	4.264	266	68,81	12,3
1921 г. " " ..	107,1	325,8	36.359	19.209	2.287	6.290	3.256	281	113,6	8,5
1922 г. " " ..	102,9	295,4	36.359	18.012	2.287	6.701	3.117	288	1.280,1	13,7
1923 г. (1 янв.) ...	100,9	280,3	37.084	17.448	2.287	6.917	2.931	280	1.984,5	13,7
1923 г. (1 июня) ..	102,7	286,5	36.889	17.288	2.428	6.719	2.984	307	17,281	12,4
1923 г. (авг. сент.) ..	145,5 ¹⁾	283,1 ²⁾	37.807 ³⁾	12.800 ⁴⁾	—	1.138 ⁵⁾	2.263 ⁶⁾	—	31.837 ⁷⁾	—

Г О Д Ы.	Австрия.	Венгрия.	Швеция.	Норвегия	Швейцар.	Польша	Чехо-Словак.	Румыния.
	Банкноты	Банкноты	Банкноты	Банкноты	Банкноты	Банкноты	Банкноты	Банкноты
	Кроны.	Кроны.	Кроны.	Кроны.	Франки.	П. марки.	Ч.-С. кроны.	Левы.
	млн.	млн.	млн.	млн.	млн.	млрд.	млн.	млн.
1913 г. (конец года) ..	—	—	284	108	314	—	—	437
1918 г. " " ..	—	—	814	431	976	—	—	2.489
1920 г. " " ..	30,6	14,3	760	483	1.024	49,3	11.289	9.486
1921 г. " " ..	174,1	25,1	628	410	1.009	229,5	12.130	13.722
1922 г. " " ..	4.080,2	75,9	534	385	976	793,4	10.084	15.126
1923 г. (1 янв.) ...	4.110,5	73,7	520	350	879	909,1	9.222	15.265
1923 г. (1 июня) ..	5.432,7	155,0	586	415	894	356,7	9.376	15.861
1923 г. (авг. сент.) ..	5.870,6 ⁸⁾	444,1 ⁹⁾	541 ¹⁰⁾	394 ¹¹⁾	866 ¹²⁾	687,2 ¹³⁾	9.084 ¹⁴⁾	—

*) Для 1920 и последующих годов, не включая билетов, числящихся по счету обеспечения казначейских билетов (Currency Notes).

**) Включая билеты, подлежащие погашению, но еще не изъятые из обращения (для всех годов).

1) 19—IX, 2) 20—IX, 3) 20—IX, 4) 20—VIII, 5) 13—IX, 6) 13—IX, 7) 15—IX, 8) 7—IX, 9) 7—IX, 10) 15—IX,

11) 15—IX, 12) 15—IX, 13) 31—VIII, 14) 7—IX.

Таблица № 3.

К ст.лб. 137.

Золотые запасы в центральных банках и прочие в главных странах к концу 1913, 1918, 1921 гг. (по данным Лиги Наций. Memorandum sur les Banques Centrales).

I. Банки (центральные).	Золотая наличность в кладовых банков.			Золото за границей		
	1913.	1918.	1921.	1913.	1918.	1921.
Банки Фед. Резерва Соед. Штат. 1)	—	2.086	2.870	—	6	—
Французский Б.	679	664	690	—	393	376
Английский Б. 2)	170	385	625	—	—	—
Имп. Германский Б.	279	539	237	—	—	—
Итальянский Б. 3)	265	203	211	—	83	81
Швейцарский Нац. Б.	33	80	106	—	—	—
Шведский Б.	27	77	74	—	—	—
Бельгийский Нац. Б.	48	51	52	—	—	—
Австро-Венг. Б. 4)	251	53	(85)	—	—	—
Польск. Заемн. Касса	—	—	6	—	—	—
Банк Чехо-Славский	—	—	13	—	—	—
Румынский Нац. Б.	29	—	0,3	—	85	85
в млн. доллар.						
II. Страны.		Прочие золотые запасы.				
		1913.	1918.	1921.		
Соединенные Штаты 5)		—	1.290	572	325	
Великобритания 6)		—	—	139	139	
Италия 7)		—	23	32	33	
Япония 8)		—	—	45	108	

1) Включая зол. сертификаты Ф. Р. банков и золото Гос. Казначейства.

2) В том числе некоторое количество серебр. монет, о котором нет сведений.

3) Смотри 7 прим.

4) По Сен-Жерменскому договору, Банк должен был ликвидироваться и золотые запасы должны были быть распределены между государствами-преемниками Австро-Венгрии.

5) Золото в банках, кроме банков системы Фед. Резерва и в Госуд. Казначействе.

6) Золото Госуд. Казнач., являющееся обеспечением Казнач. билетов (Currency Notes).

7) Золотые запасы казначейства, находящиеся за границей (за искл. 1913 г.).

8) Золотой запас Госуд. Казначейства, не включая золота за границей, являющийся обеспечением казнач. билетов.

Таблица № 4.

К ст.лб. 137.

Золотое покрытие банковских билетов в % к ним к концу 1913, 1918, 1921 г. (по данным Лиги Наций).

Страны, в которых существовала только банковая эмиссия.				Страны, в которых наряду с банковской эмиссией существовала казначейская.			
БАНКИ.	Золотые запасы внутри страны, исчисленные в % к бил. обрац.			БАНКИ.	Золотые запасы внутри страны, исчисленные в % к бил. обрац.		
	1913.	1918.	1921.		1913.	1918.	1921.
Французский Б.	61,6	11,4	9,8	Банк Фед. Резерва Соед. Штат 2)	—	75,3	85
Шведский Б.	43,5	35,1	43,8	Английский Б.	118,1	112,5	94
Бельгийский Б.	23,3	8,3	4,2	Швейцарский Нац. Б. 3)	54,2	42,5	54,5
Банк Чехо-Славский	—	—	0,5	Итальянский Б.	62,8	8,9	5,7
Румынский Б.	34,6	—	0,01	Имп. Герм. Б. 4)	45,1	10,2	0,9
Польская Касса	—	—	0,01	Японский Б. 5)	52,8	61,3	81
Австро-Венгерский Б. 1)	42,2	0,7	—				

1) Золото против банкнот и ассигновок по предъявлению. 2) Золото казначейства плюс золото Федер. Резерва. Банков в %ном отношении к банкнотам государства, Федер. Резерва. Банков и Национал. Золотые сертификаты Фед. Резерва. Банков рассматриваются, как золото; золотой запас, находящийся в казначействе против сертификатов, исключен. 3) Включая банкноты Федер. Резервного Бюро. 4) Золотые запасы Рейсбанка и трех частных эмисс. банков против банкнот Рейсбанка, банкнот частных эмисс. банков, Заемного бюро и казнач. банкнот; запасы трех частных банков включают некот. сумму вспомог. денег.

5) Золото частью находящееся за границей.

Таблица № 5.

К столб. 137.

Металлическая наличность (за искл. золота и серебра за границей) в % отношении к билетному обращению (по данным Лиги Наций. Меморандум о банках).

Банки.	Конец 1913.			Конец 1918.			Конец 1921.		
	Золота.	Серебра	Всего.	Золота.	Серебра	Всего.	Золота	Серебра	Всего.
Испанский Б.	24,8	37,2	62,0	66,8	19,3	86,1	59,2	14,8	74,0
Нац. Швейцарский Б.	54,2	6,8	61,0	42,5	6,1	48,6	54,5	10,9	65,4
Голландский Б. (Конец марта 1914, 1919, 1922)	51,2	3,1	54,3	65,4	0,9	66,3	60,8	0,6	61,4
Французский Б.	61,6	11,2	72,8	11,4	1,1	12,5	9,8	0,8	10,6
Итальянский Б.	60,2	5,6	65,8	8,9	0,9	9,8	5,7	0,6	6,3
Бельгийский Б.	23,3	5,3	28,6	8,3	0,8	9,1	4,2	0,6	4,8
Португальский Б.	8,8	10,2	19,0	3,1	6,3	9,4	1,2	2,6	3,8
Нац. Банк Юго-Славск. (конец 1914, 20, 21)	76,8	9,0	85,8	1,9	0,5	2,4	1,6	0,4	2,0
Нац. Банк Болгарии.	29,3	12,5	41,8	2,8	0,9	3,7	1,1	0,6	1,7
Имп. Германский Б.	45,1	10,7	55,8	10,2	0,1	10,3	0,9	1,2	2,1
Банк Чехо-Славский (конец 20, 21 г.).	—	—	—	0,2	6,6	6,8	0,5	3,7	4,2

Таблица № 6.

К столб. 137.

Центральные эмиссионные банки, как правительственные кредитные учреждения. (По данным Лиги Наций. Меморандум о банках).

Банки.	Государственные фонды (облигации, займы и пр.), суды и авансы государству (краткосрочные кредиты, вроде Ways and Means advances) и пр. в % отношении к сумме активов за исключением резервов и прочих, в том числе недвижимость.			Прочие ценные бумаги, суды и авансы, учтенные векселя, долги иностранных банков в % отношении к сумме тех же активов.		
	Конец 1913.	Конец 1918.	Конец 1921.	Конец 1913.	Конец 1918.	Конец 1921.
Имп. Германский Б.	21	98	95	81	2	5
Бельгийский Б.	12	88	93	88	12	7
Французский Б.	43	87	92	57	18	8
Итальянский Б.	34	77	70	86	23	30
Английский Б.	38	49	40	62	51	60
Японский Б.	27	6	14	73	93	86
Фед. Рез. Банки Соед. Штат..	—	55	35	—	45	85
Австрийский Б.	—	—	84	—	—	16

Бумажное обращение и оптовые цены на товары (составлено на основании данных Лиги Наций. Memorandum on Currency 1913—1921).

(Конец 1919 г. равен 100).

Годы и месцям.	Соединенные Штаты.					Великобритания.					Франция.					Германия.				Швеция.			
	1	2	3	4	5	1	2	3	4	5	1	2	3	4	5	1	2	3	4	1	2	3	4
1920.																							
III.	99	- 1,0	106	-	106,1	98	- 2,0	108	-	-	100	-	131	-	131,0	119	+ 19,0	213	-	99	- 1,0	100	-
VI.	101	+ 2,0	108	+ 3,8	107,0	105	+ 7,1	109	+ 0,9	103,8	101	+ 1,0	116	- 11,5	114,9	130	+ 14,3	172	- 19,2	98	- 1,0	108	+ 8,0
IX.	104	+ 3,0	101	- 7,3	97,1	104	- 1,0	105	- 3,7	101,0	105	+ 4,0	124	+ 6,9	118,1	151	+ 11,0	187	+ 8,7	104	+ 6,1	108	- 1,9
XII.	106	+ 1,9	80	- 20,8	75,5	108	+ 3,3	89	- 13,2	82,4	101	- 3,8	103	- 16,9	102,0	103	+ 7,9	179	- 4,3	102	- 1,9	88	- 17,0
За весь год.	-	+ 6,0	-	-	-	-	+ 8,0	-	-	-	-	+ 1,0	-	-	-	-	+ 63,0	-	-	-	+ 2,0	-	-
1921.																							
III.	97	-; 5	70	- 12,5	72,2	102	- 5,6	71	- 20,2	69,6	103	+ 2,0	85	- 17,5	82,5	160	- 1,8	167	- 6,7	96	- 5,9	71	- 19,3
VI.	98	- 4,1	64	- 8,6	68,8	98	- 3,9	67	- 5,6	68,4	100	- 2,9	77	- 9,4	77,0	169	+ 5,6	170	+ 1,8	91	- 5,2	64	- 9,9
IX.	89	- 4,3	63	- 1,6	70,8	95	- 3,1	63	- 0,6	66,3	100	-	81	+ 5,2	81,0	189	+ 11,8	158	+ 51,6	90	- 1,1	58	- 9,4
XII.	89	-	63	-	70,8	93	+ 3,2	57	- 9,5	58,2	98	- 2,0	77	- 4,9	78,6	245	+ 19,6	425	+ 68,6	84	- 6,7	54	- 6,9
За весь год.	-	- 16,0	-	- 21,2	-	-	- 9,3	-	- 36,0	-	-	- 3,0	-	- 25,2	-	-	+ 50,3	-	+ 143,0	-	- 17,6	-	- 38,6
За 1 год.	-	- 11,0	-	-	-	-	- 2,0	-	-	-	-	- 2,0	-	-	-	-	+ 145,0	-	-	-	- 16,0	-	-

1. Бумажное обращение по отношению к 31 - XII - 1919=100.

2. Процент увеличения (+) или уменьшения (-) бум. обращения по отношению к предыдущему числу.

3. Индекс оптовых товарных цен по отношению к месяцу, когда началось падение цен, кроме Германии и Швеции.

4. Процент увеличения (+) или уменьшения (-) индекса оптовых товарных цен по отношению к предыдущему числу.

5. Процентное отношение товарного индекса к показателям бум. обращения.

Бумажное обращение в разных странах в 1922 и 23 г. в отношении к 1919 г.

(По материалам Лиги Наций).

Страны:	1919 г.	1 9 2 2 г.				1 9 2 3 г.			
	дек. 31.	март 31.	июнь 30.	сент. 30.	дек. 31.	март 31.	июнь 30.	сент. 30.	дек. 31.
Египет.....	100	51	45	44	50	47	41	43	55
Швеция.....	100	84	78	81	78	78	78	80	77
Соедвн. Штаты.....	100	84	82	85	89	88	89	91	93
Канада.....	100	78	73	74	81	78	73	76	78
Норвегия.....	100	87	87	87	87	85	85	91	90
Австралия.....	100	97	86	88	93	91	98	88	91
Брит. Индия.....	100	—	—	—	—	—	—	—	—
Дания.....	100	91	90	96	94	98	99	94	97
Швейцария.....	100	80	76	78	98	86	86	89	94
Великобритания.....	100	91	90	88	90	87	88	87	91
Франция.....	100	95	97	98	98	100	98	101	105
Голландия.....	100	98	98	97	98	94	93	98	103
Н.в. Зеландия.....	100	103	100	89	98	90	92	88	90
Япония.....	100	88	91	84	101	81	87	91	104
Уругвай.....	100	88	85	82	86	89	86	85	93
Чехания.....	100	108	107	107	107	108	108	108	112
Южн. Африка.....	100	104	99	101	104	106	110	109	110
Италия.....	100	110	108	109	109	104	107	108	106
Аргентина.....	100	116	116	116	116	116	116	116	116
Бразилия.....	100	112	118	—	128	—	—	—	152
Финляндия.....	100	128	122	124	126	138	128	123	120
Болгария.....	100	131	133	138	136	137	133	136	145
Чили.....	100	120	118	106	120	111	127	104	117
Греция.....	100	87	124	168	228	269	314	314	329
Португалия.....	100	204	220	246	284	307	327	356	383
Германия.....	100	280	360	668	2.587	11.072	34.637	56.407	—
Чехо-Словакия.....	100	91	87	90	89	81	83	82	85
Румыния.....	100	—	135	145	145	148	155	167	171
Юго-Славия.....	100	143	144	152	151	162	166	177	173
Венгрия.....	100	205	235	415	531	575	1.105	4.115	6.509
Польша.....	100	508	608	939	1.807	3.730	7.225	22.685	253.985
Австрия.....	100	992	1.794	7.588	13.315	14.580	17.727	20.313	23.252

Таблица № 2а.

Банковая и казначейская эмиссия (Econom. M. Suppl. 22. VIII. 1925).

(В м и л л и о н а х).

Г О Д Ы	Великобритания.		Франция.	Италия.		Бельгия	Соедин. Штаты.		Германия.	
	Банкноты Англ. Банка.	Казнач. билеты.	Банкноты Француз. Банка.	Банкноты.	Казнач. билеты.	Банкноты.	Банков. билеты.	С. Ш. (Триг-баки).	Банкноты Импер. Банка.	Билеты казн. и судн. касс.
	Фунты стерлинг.		Франки.	Лирь.		Франки.	Доллары.		Марки.	
1924 г. конец года.	млн. 101,8	млн. 296,3	млн. 40.885	млн. 17.794	млн. 2.400а)	млн. 7.590	млн. 2.555	млн. 297	млн. 1.941	млн. 1.835б)
1925 г. июнь.....	—	—	—	19.017	2.100а)	—	2.825	281	—	1.672б)
1925 г. июль.....	80,0	301,0	44.496	—	—	7.688	—	—	2.530	—
Г О Д Ы	Австрия	Венгрия.	Швеция.	Норвегия	Швейцар.	Польша.	Чехо-Словак.	Румыния.		
	Банкноты	Банкноты	Банкноты	Банкноты	Банкноты	Банкноты	Банкноты	Банкноты	Банкноты	
	Кроны.	Кроны.	Кронч.	Кроны.	Франки.	П. марки.	Ч.-С. кроны.	Левы.		
1924 г. конец года..	млн. 839	млн. 4.518.890	млн. 537	млн. 391	млн. 914	млрд. 3.314.000	млн. 3.810	млн. 19.397		
1925 г. май.....	—	—	—	—	—	2.770.200	—	—		
1925 г. июнь.....	—	—	—	—	—	—	—	19.536		
1925 г. июль.....	837	4.748.642	494	384	824	в)	7.549	—		

а) Исключая билеты в 1 и 2 лиры.

б) В рентах марках.

в) Марки перестали быть разменными на золотой.

Таблица № 3а.

К столб. 175.

Золотые запасы в центральных банках и прочие в главных странах в 1923 году.

(По данным Лиги Наций).

(„Мемор. s. l. Banques Centr.“).

(В миллионах долларов).

I.		Золотая наличность в кладовых банков. 1923 г.		Золото за границу. 1923 г.		I.		Золотая наличность в кладовых банков. 1923 г.		Золото за границу. 1923 г.	
БАНКИ (центральные).						БАНКИ (центральные).					
Банки Фед. Резерва С. Шт.		3.071		—		Шведский Банк.....		73		—	
Французский Банк.....		709		360		Бельгийский Нац. Банк...		52		—	
Английский Банк.....		623		—		Австро-Венгерский Банк.		(8)		—	
Имп. Германский Банк...		103		5		Польск. заем. касса.....		13		—	
Итальянский Банк.....		216		81		Чехо-Славский Банк.....		27		—	
Швейцарский Нац. Банк.		104		—		Румынский Нац. Банк....		25		83	
II.		Прочие золотые запасы. 1923 г.				II.		Прочие золотые запасы. 1923 г.			
СТРАНЫ.						СТРАНЫ.					
Соединенные Штаты.....				761		Италия.....				33	
Великобритания.....				131		Япония.....				34	

Таблица № 4а.

К столб. 175.

Золотое покрытие банковых билетов в $\frac{0}{100}\%$ к концу 1922 и 1923 г.

(По данным Лиги Наций).

БАНКИ.	Золотые запасы внутри страны, исчисленные в $\frac{0}{100}\%$ к бил. обращению.		БАНКИ.	Золотые запасы внутри страны, исчисленные в $\frac{0}{100}\%$ к бил. обращению.	
	1922 г.	1923 г.		1922 г.	1923 г.
Французский.....	10.1	9.4	Фед. Резерва С.-Штат. ...	94	100
Шведский.....	47	47	Английский.....	39	38
Бельгийский.....	3.9	3.6	Швейцарский Нац.....	54	55
Чехо-Славский.....	1.0	1.4	Итальянский.....	5.6	5.9
Румынский.....	0.28	0.7	Германский Имп.....	0.07	*)
Польский.....	0.005	0.00004	Японский.....	38	62
Австро-Венгерский.....	0.000001	0.00009			

*) Процентное отношение золотых запасов ко всему законному обращению, выраженное в рентах (1 рента равняется 1.000.000.000 бумажн. мар.) было к концу 1923 г. около 23%.

Таблица № 5 а.

К стлб. 175.

Металлическая наличность (за иссл. золота и серебра за границей) в ‰ отношении к билетному обращению (по данным Лиги Наций, „Мемор. s. l. Banques Centr. 1923“).

Б а н к и.	К о н е ц 1 9 2 3 г.		
	З о л о т о.	С р е б р о.	В с е г о.
Испанский Банк.....	58,3	15,0	73,3
Швейцарский Нац. Банк.....	54,7	9,2	63,9
Голландский Банк.....	55,9	0,9	56,8
Французский Банк.....	9,7	0,8	10,5
Итальянский Банк.....	6,5	0,7	7,2
Бельгийский Банк.....	3,6	1,0	4,6
Португальский Банк.....	0,6	0,3	0,9
Нац. Банк Юго-Славии.....	1,2	0,3	1,5
Нац. Банк Болгарии.....	1,0	0,4	1,4
Импер. Германский Банк.....	—	—	—
Банк Чехо-Славский.....	1,4	1,6	3,0

Таблица № 6 а.

К стлб. 175.

Центральные эмиссионные банки, как правительственные кредитные учреждения.

(По данным Лиги Наций, Мемор. о банках).

(В п р о ц е н т а х).

Б а н к и.	Государств. фонды (облигации, займы и пр.), ссуды и авансы государству (краткоср. кредиты, вроде (Ways and Means advances) и пр. в ‰ отношении к сумме активов за исключ. резервов и пр., в том числе недвижимость.	Прочие ценные бумаги, ссуды и авансы, учетные векселя, долги иностран. банков в ‰ отношении к сумме тех же активов.
	К о н е ц 1 9 2 3 г.	К о н е ц 1 9 2 3 г.
Имперский Германский Банк.....	—	100
Бельгийский Банк.....	32	18
Французский Банк.....	39	11
Итальянский Банк.....	58	42
Английский Банк.....	46	54
Японский Банк.....	2	98
Фед. Резерв. Б. С. Штатов.....	28	72
Австрийский Банк.....	31	69

Т а б л и ц а № 7 а.

Бумажное обращение и оптовые цены на товары (составлено на основании Лиги Наций, Мемор. об Сург. 1922/23 г.).

Годы и месяцы.	Соединенные Штаты.					Великобритания.					Франция.					Германия.				Швеция.							
	1	2	3	4	5	1	2	3	4	5	1	2	3	4	5	1	2	3	4	1	2	3	4				
1922 г.																											
III.	84 - 5,6	64 + 1,6	70,2			91 - 7,1	54 - 5,3	59,8			95 - 3,1	79 - 5,2	76,8			280	+	14,8	677	+	55,0	84	-		51 - 5,6		
VI.	82 - 2,4	67 + 4,7	81,7			90 - 1,1	54 -	60,0			97 + 2,1	77 + 5,5	79,4			360	+	28,6	876	+	29,4	78 - 7,1			50 - 2,0		
IX.	85 + 3,7	69 + 3,0	81,2			88 - 2,2	52 - 3,7	59,1			98 + 1,0	78 + 1,3	79,6			668	+	84,2	3.578	+	308,2	81 + 3,8			49 - 2,0		
XII.	89 + 4,7	70 + 1,4	78,7			90 + 2,8	53 + 1,9	58,9			98 -	86 - 10,3	87,8			2.587	+	290,2	18.378	+	418,9	78 - 3,7			47 - 4,1		
За весь год.	-	-	-	+11,1	-	-	-	8,2	-	7,0	-	-	-	+11,7	-	-	+	955,9	-	+	4.124,9	-	-	7,1	-	-18,0	
За 3 года. 3)	-	-11,0	-	-	-	-	-	10,0	-	-	-	-	-	-	2,0	-	+	2.487,0	-	-	-	-	-	22,0	-	-	
1923 г.																											
III.	83 - 1,1	71 + 1,4	80,7			87 - 3,3	54 - 1,9	62,1			100 + 2,0	100 - 11,6	100			11.072	+	328	60.912	+	231,4	78	-		48 + 2,1		
VI.	89 + 1,1	69 - 2,8	77,5			88 - 1,1	54 -	61,4			98 - 2,0	97 - 0,3	99,0			34.637	+	212,8	421.558	+	592,1	78	-		47 - 2,9		
IX.	91 + 2,2	58 -	75,8			87 - 1,1	53 - 1,9	60,9			101 + 3,1	100 + 3,1	99,0	56.407 1)	+	162	201.058 2)	-	80 + 2,6			47 -					
XII.	93 + 2,2	68 - 1,4	73,1			91 + 4,6	55 + 3,8	60,4			105 + 4,0	108 + 8,0	102,9			-	-	162.751,9	-	+	47.692.517,9	77 - 3,7			46 - 2,1		
За год.	-	+ 4,5	-	-	2,0	-	-	+ 1,1	-	+ 3,8	-	-	-	7,1	-	-	-	-	-	-	-	-	1,3	-	-	2,1	
За 4 года.	-	-	7,0	-	-	-	-	9,0	-	-	-	-	-	-	5,0	-	-	-	-	-	-	-	-	23,0	-	-	-

1) Тысячи опущены. 2) 000.000 опущены. 3) Принимая также 1920 и 1921 г. (см. табл. № 7).

рике заем, Англия может расплатиться со своими американскими кредиторами и предупредить таким способом падение курса своих векселей или улучшить его. Разумеется, платеж процентов по ссуде и ее погашение оказывают неблагоприятное действие на курс страны - должника, но до тех пор, пока ссуда не погашается и не наступил платеж процентов по ней, она действует на вексельный курс страны, воспользовавшейся кредитом, как экспорт товаров, т.-е. в благоприятном смысле. По отношению же страны, давшей ссуду, действие последней аналогично импорту, в смысле фактора, понижающего курс.

Война существенно изменила действие описанного механизма международных платежей. Он перестал правильно функционировать, потому что валюты оторвались, вследствие бумажно-денежной инфляции, от своего золотого базиса, на котором они раньше держались, и система коррективов, предотвращавших колебания вексельных курсов дальше определенных границ, стала действовать несравненно менее исправно, чем раньше.

Обесценение валюты внутри страны выразилось в отклонении вексельного курса от нормального уровня его в мирное время. При покупке векселя в иностранной валюте, естественно, учитывается покупательная сила тех денег, в которых выражена валюта векселя, в стране, где вексель будет уплачен. Американец, покупая вексель в фунтах стерл., когда английский фунт был обесценен, не мог не учитывать этого факта и поэтому платил за вексель меньше, чем если бы покупательная сила векселя была близка к паритету, как было в довоенное время.

Связь между повышением цен внутри страны, показывающим обесценение бумажных денег, и отклонением вексельного курса от паритета подтверждается сопоставлением товарных индексов с курсом валют в ряде стран. В этом отношении интересна следующая таблица, показывающая в относительных числах движение курса германской марки в долларах в сопоставлении с движением товарных цен в Германии („Frankf. Zeit.“, 2/IX, 1923 г.):

	Курс долл. в м.р.м.	I.	II.	III.	IV.	V.	Общий индекс для 98 товаров.
	Паритет 4,20 мар. за 1 дол. = 1.	Предметы потребления.	Текст.м.м. тов., кожа и пр.	Минералы.	Различн. товары.	Промышл. гот.-ые продукты.	
Средняя 1914 г.	1	1	1	1	1	1	1
Январь 1920 г.	12	20	26	27	11	15	20
" 1921 г.	18	20	23	26	18	17	21
" 1922 г.	45	34	58	52	31	33	42
Февраль "	43	43	63	55	35	36	46
Март "	60	52	68	68	42	41	54
Апрель "	71	63	86	86	53	50	67
Май "	69	66	92	93	60	60	74
Июнь "	65	70	96	101	64	63	79
Июль "	95	83	110	122	69	73	91
Август "	188	137	197	184	110	100	140
Сентябрь "	391	192	322	426	216	227	291
Октябрь "	513	386	662	544	321	350	432
Ноябрь "	1.448	890	1.539	1.290	720	677	945
Декабрь "	1.777	1.448	2.398	2.212	1.342	1.191	1.674
Январь 1923 г.	2.045	1.758	3.206	2.622	1.778	1.518	2.064
Февраль "	9.524	5.850	14.187	9.312	5.347	4.768	7.159
Март "	5.381	5.361	9.450	8.298	6.949	5.514	6.771
Апрель "	5.021	5.350	8.590	7.622	6.434	5.315	6.425
Май "	8.809	7.003	14.066	10.186	6.844	5.903	8.237
Июнь "	18.155	12.575	27.840	19.259	10.924	10.367	14.960
Июль "	39.524	37.683	61.841	45.301	34.736	29.809	39.898
3 августа "	241.905	234.828	457.915	405.405	2.121.135	200.808	2-3.599
16 "	785.714	801.984	1.250.845	1.228.581	665.221	716.064	891.637
31 "	3.095.238	2.649.457	4.084.431	4.746.174	2.668.272	2.341.706	3.068.356

То же самое иллюстрируется таблицей, составленной экспертами брюссельской финансовой конференции. В этой таблице, помещенной ниже, сопоставляются следующие данные:

Цены в Соединенных Штатах рассматриваются, как цены в золоте, и выражены в относительных числах к 1913 г., принятому за 100. Во второй колонке показаны относительные цены доллара в иностранной валюте, при чем за базис принят золотой паритет, приравненный к 100. Перемножение этих чисел дает индексную цену товаров в

Соед. Штатах, выраженную в иностранной валюте по отношению к 1913 г. = 100. Цифры этой колонки показывают степень обесценения валюты каждой страны по отношению к доллару, т. е. уклонение курса валюты от паритета. В последней же колонке даны индексные цены в местной валюте по отношению к 1913 г. = 100, показывающие степень обесценения денег каждой страны вследствие инфляции. Данные относятся к 1919—1920 гг.

Приводим таблицу из книги Фрэнкмана:

Сравнение местной покупательной силы некоторых валют с их покупательной силой в Соединенных Штатах.

Страны.	Товар. индек. Соед. Штат. 1913 = 100.	Относ. цена долл. в иностр. валюте. Паритет = 100.	Внешн. цена. Це- на в иностр. ва- лютах товаров в С. Штатах. 1913 = 100.	Внутр. цена. Местная цена в своей валюте. 1913 = 100.
	(a)	(b)	(c) = (a) × (b) : 100.	(d)
Декабрь 1919 г.	238	—	—	—
Италия, лиры	—	258	609	457
Франция, франки	—	210	499	425
Великобритания, ф. ст.	—	129	308	277
Швеция, кроны	—	125	298	317
Канада, доллары	—	108	258	238
Япония, иены	—	99	235	289
Май 1920 г.	265	—	—	—
Италия, лиры	—	424	1.124	679
Франция, франки	—	319	845	563
Великобритания, ф. ст.	—	126	334	313
Швеция, кроны	—	125	351	354
Канада, доллары	—	109	289	261
Япония, иены	—	100	265	301

В общем страны с более высоким уровнем внутренних цен, т. е. с большим обесценением денег, имеют и более обесцененную валюту на внешнем рынке. Более высокий уровень внешних цен (колонна с) по сравнению с

внутренними ценами (колонна d) указывает на более сильное обесценение валюты на внешнем рынке, чем внутри страны. Исключение составляют только Япония и Швеция.

Более сильное обесценение валюты вне страны, чем внутри ее, ставится в связь с запрещением свободного передвижения золота странами, где существовала разница в оценке валюты на внутреннем и внешнем рынке. Подтверждением правильности этого соображения является то, что Япония и Швеция, где указанной разницы не отмечается, не ограничивали движения золота в послевоенное время, к которому относится таблица.

Страны, из которых не допускался вывоз золота, были вынуждены покупать золото на международном рынке, употребляя для этого свои бумажные деньги. Так делала Германия для уплаты репараций. Следствием этого и было падение вексельного курса таких стран, чему самым ярким примером служит германская марка.

Стеснение свободного передвижения золота из одной страны в другую, наряду с обесценением денег внутри отдельных стран, было одной из важнейших причин валютного хаоса, водворившегося как одно из последствий мировой войны. С одной стороны, передвижение золота было стеснено запрещением вывоза его, установленным многими странами, а в некоторых случаях запрещением или стеснением его вывоза, о чем будет сказано ниже; с другой же стороны, то движение золота, которое существовало, регулировалось не экономическими факторами, как в мирное время, а военными, доминировавшими во время войны над всеми другими.

Говоря о движении золота в период войны и в ближайшие годы после заключения перемирия и мира, приходится прежде всего отметить, как факт первостепенной важности, широкий приток золота из воюющих стран в Соедин. Штаты и, хотя в меньшем, но все же довольно значительном размере, в нейтральные страны. С 1 июля 1914 г. по 30 июня 1917 г., когда Соед. Штаты приняли участие в войне, чистый импорт золота в Штаты равнялся 1.114 млн. долл., что составляет более 60% мировой добычи золота за 1914—1917 гг. Золото приливало, главным образом, из стран союзников (Антанты), которым приходилось расплачиваться по их воен-

ным заказам в Соед. Штатах. По той же причине золото ввозилось в нейтральные страны, где производила закупки и Германия.

После вступления Америки в войну правительство Соед. Штатов начало оказывать союзникам кредит, вследствие чего была устранена необходимость дальнейших посылок золота союзниками для урегулирования крупных платежей Америке по военным заказам. Но в то же время нейтральные страны стали пользоваться нью-йоркским рынком для урегулирования обязательств союзников по отношению к ним, в результате чего начался значительный экспорт золота из Америки в нейтральные страны. За три месяца 1917 г. (июль-сентябрь) было вывезено нейтральными государствами из Нью-Йорка около 100 милл. долл. золота. Это заставило Соед. Штаты запретить вывоз золота, за исключением случаев, предусмотренных в особых правилах. Объявление эмбарго на экспорт золота упразднило один из важных коррективов вексельных курсов, и в результате произошло чувствительное обесценение долларов на тех рынках, по отношению к которым эмбарго проводилось особенно строго. Эмбарго, за незначительными исключениями, было отменено 9 июня 1919 г. С этого времени снова восстановилось регулирующее действие свободного передвижения золота, и курс доллара повысился в тех странах, где он был искусственно понижен.

Англия также прибегла к запрещению вывоза золота. Эта мера, введенная по мотивам военного характера правительственным распоряжением 1 апреля 1919 г. и проведенная затем в законодательном порядке 23 декабря 1920 г., имела своим последствием сильные колебания вексельного курса фунта на доллары и значительное повышение премии на золото по сравнению с обесценением бумажных денег. По этому поводу Фридман замечает: „Если золото свободно переливается между странами, обесценение вексельного курса и премии на золото равняются дисконту на бумажные деньги. Но если золото не переливается свободно, как это было в Европе, то обесценение вексельного

курса не соответствует с такой точностью обесценению бумажных денег“.

На междувалютные отношения влияли также меры регулирования валют, применявшиеся по военным и политическим соображениям. Курсы союзных валют на нью-йоркском рынке поддерживались целой системой мер, прозванной системой „прикалывания“, т. е. закрепления валют. Англия поддерживала курс фунта стерл. при помощи займов, оставшихся в Америке как фонд для платежей по обязательствам союзников. С той же целью Англия продавала в Нью-Йорке обязательства государственного казначейства и американские ценные бумаги, скупавшиеся английским правительством.

Наконец, в случаях необходимости отправлялось золото. К этому времени союзники объединились в финансовом отношении и сообща принимали меры для поддержания своих валют на американском рынке, что и было достигнуто. Союзные валюты в Нью-Йорке были стабилизированы на искусственно высоком уровне, между тем, как на нейтральных рынках они держались на более низком уровне, соответствовавшем их обесценению.

Необходимо заметить в дополнение к вышесказанному, что курс союзных валют поддерживался с 1917 г. расходами Соед. Штатов на содержание американской армии в Европе, на это было израсходовано Америкой с января 1918 г. по ноябрь 1920 г. до 1½ миллиардов долларов, взамен которых союзники получили военные кредиты в Соединенных Штатах.

Несмотря на значительное превышение импорта на стороне союзников, их вексельные курсы, вследствие изложенных выше мер, держались в Нью-Йорке близко к паритету. Искусственное поддержание фунтов и франков при помощи системы „прикалывания“ („Пэг“) невыгодно отражалось на курсе доллара в союзных странах: за него платили там меньше фунтов и франков, чем в нейтральных странах, где „Пэг“ не действовал, и где поэтому английская и французская валюты стояли ниже.

На этой почве широко развилась спекуляция с валютой: было выгодно покупать союзническую валюту на нейтральных рынках и продавать ее по более высокому курсу на стабилизированном нью-йоркском рынке или покупать обесцененные доллары в Лондоне и продавать их в Нью-Йорке по золотому паритету.

Движение вексельных курсов в период 1914-1920 гг. представляется в следующем виде (по данным Фризмана и Лиги Наций).

1. Союзные Державы. В начале войны вексельные курсы на валюты союзников подвергались чрезвычайно резким колебаниям. Фунт стерл. достиг 7 долл. в августе 1914 г., понижился до 5 долл. в октябре и сравнялся с паритетом в декабре, а около сентября 1915 г. упал ниже паритета — до 4,50 долл.

Европа требовала уплаты по краткосрочным ссудам, размещенным на нью-йоркском рынке, вследствие чего возник усиленный спрос на лондонские, парижские и миланские векселя, и в результате курс их в течение первых месяцев войны держался выше паритета. С увеличением экспорта из Соед. Штатов в Европу, вексельные курсы на Англию, Францию и Италию начали понижаться на нью-йоркском рынке, но были стабилизированы Великобританией. К началу 1915 г. курс фунт. ст. составлял 99,74% паритета (100,26%), франк стоял несколько выше паритета, а лира стояла несколько ниже — 97,31% паритета. Фунт ст. держался приблизительно на этом же уровне до марта 1919 г., когда прекратилась стабилизация союзнических валют и началось резкое понижение их. Всего менее упал фунт стерл., который, однако, котировался в декабре 1919 г. почти на 20% ниже паритета. Значительно сильнее было падение франка (почти на 48% против паритета) и лиры (без малого на 60%). В течение 1920 г. продолжалось падение союзнических валют. К концу этого года фунт стерл. котировался всего в 3,42 — 3,49 долл., что составляло обесценение в 28,5 — 29,6%. Падение франка было еще сильнее: оно достигло к этому времени более 69%; что же касается

лиры, то к декабрю 1920 г. она потеряла почти 82% своей цены на доллары. Курсы союзных стран начали улучшаться только с 1921 г., к концу которого фунт стерл. стоял всего лишь на 15% ниже паритета. Все же франк котировался в декабре этого года почти на 60% ниже паритета, а лира — на 77%.

2. Центральные державы. Германская марка и австрийская крона ходили с некоторой премией в первое время после объявления войны, но к октябрю 1914 г. стояли уже ниже паритета и в течение последующих лет почти безостановочно падали. Особенно резко было их падение по окончании войны. К концу 1918 г. марка сохранила только половину своей паритетной цены на доллары, в декабре 1919 г. ее цена составляла в среднем за месяц только 8,98% паритета, а средний курс марки за целый год равнялся 28% ее паритета. Средняя за 1920 г. равнялась лишь 7,32% паритета, а за 1921 г. — 5,05%. Другими словами, потеря марки к этому времени составляла более 95% ее паритетной цены. В течение 1922 г. падение марки продолжалось, и к началу 1923 г. она утратила уже 98%. Падение австрийской кроны было также стремительным. К концу 1920 г. крона котировалась 0,22 цента, т.-е. около 1,1% ее паритета. Таким образом, к этому времени ее обесценение составляло почти 99%.

3. Нейтральные государства. В отличие от валют почти всех воюющих держав курсы нейтральных государств стояли высоко и на продолжительные периоды времени поднимались над паритетом. По характеристике Фридмана, положение нейтральных валют в военное и послевоенное время было таково. Голландские гульден и швейцарские франки поднялись на нью-йоркском рынке вскоре после начала войны, вероятно, вследствие резкого уменьшения американского экспорта в Европу и одновременного увеличения экспорта Голландии и Швейцарии в воюющие страны. Но в течение 1915 г. большинство нейтральных валют упало в Нью-Йорке, под влиянием огромного увеличения

экспорта из Соед. Штатов. Затем, когда началась усиленная стабилизация союзных валют на нью-йоркском рынке, все нейтральные валюты повысились и продолжали держаться выше паритета, несмотря на значительный экспорт из Соед. Штатов. С апреля 1917 г. до марта 1919 г. все нейтральные курсы, без исключения, держались выше паритета. Максимальная премия, до которой поднимались голландские гульден, равнялась 31%, шведские кроны — 70%, швейцарские франки — 35%, испанские песеты — 53% и аргентинские — 8%.

Главная причина высокого курса нейтральных валют заключалась в сильном развитии экспорта нейтральных стран. Экспорт превышал импорт в Испании, Швеции, Аргентине, Бразилии и Чили. Наоборот, превышение было на стороне импорта в Норвегии, Дании, Голландии и Швейцарии, но перевес на стороне импорта в этих странах был значительно меньше, чем в довоенное время. С другой стороны, импорт союзных держав в большинстве случаев значительно возрос. В результате союзные валюты обесценивались на нейтральных рынках. С другой стороны, союзники не могли развивать своего экспорта во время войны не только по экономическим причинам, но также из опасения, чтобы экспортируемые товары не попали в Германию. Посылка золота тоже встречала затруднения, главным образом, вследствие неимения у союзников достаточных запасов этого металла. К тому же некоторые нейтральные страны неохотно принимали золото в уплату за товары. Скандинавские страны одно время даже запретили ввоз к себе золота, а потом стали принимать его с учетом в 8% против паритета. Испания принимала золото с учетом в 6%. Эти страны предпочитали получать платежи в товарах, в которых нуждались, и вообще они опасались, чтобы прилив к ним золота при ограниченности товаров не вызвал непомерного повышения цен. Равплата за импорт ценными бумагами также была связана с затруднениями. Все перечисленные условия препятствовали нормальному урегулированию

расчетов между нейтральными и союзными странами и при превышении экспорта со стороны нейтральных стран содействовали повышению курса их валют.

Хаотическое состояние междувалютных отношений являлось не только отражением денежной инфляции внутриотдельных стран, но, как было уже указано выше, обуславливалось также действием других факторов, заставлявших некоторые страны выбрасывать свои бумажные деньги на международный рынок для покупки золота или иностранных векселей на золото (пример Германии). Вследствие этого оценка многих валют вне стран, которым они принадлежали, не совпала с их оценкой внутри этих стран. Это обстоятельство имело существенное значение для соответствующих народных хозяйств и через них—для мирового хозяйства.

Оценка валюты вне страны непосредственно отражалась на ценах ввозных товаров, в том числе на сырых материалах и других производственных средствах, и этим путем влияла на цены внутри страны. Сначала это влияние отражалось на товарах, в производстве которых участвовали иностранное сырье, машины и пр., а затем по уровню цен на такие товары равнялись и цены предметов, производившихся без участия привозных материалов. В виду этого падение вексельного курса валюты какой-нибудь страны, т. е. понижение ее оценки на внешнем рынке, было причиной повышения внутренних цен. В предвидении последствий этого факта, рынок отвечал на падение курса валюты немедленным поднятием цен на товары. В Германии повышение цены доллара в марках, т. е. падение марки по отношению к доллару, или что то же самое—к золоту, служило сигналом для общего повышения товарных цен.

Другое не менее важное последствие ненормального и, в особенности, неустойчивого положения междувалютных отношений получает свое выражение в области международного товарообмена. Из прошлого опыта известно, что падение валюты страны на внешнем рынке действует на экспорт стра-

ны, как вывозная премия, а повышение валюты имеет обратное влияние—содействует импорту и тормозит экспорт. Причина этого явления заключается в том, что в странах с падающей валютой товарные цены, повышаясь вообще, отстают от падения валюты на внешнем рынке, следовательно, от уровня международных цен. Во всяком случае, как общее правило, цены не повышаются в одинаковом размере и в одно время на все товары. Это значит, что уровень цен в валютах стран, страдающих от значительной инфляции, вообще бывает выше на международном рынке, чем внутри страны, или, другими словами, покупательная сила падающей валюты обыкновенно держится ниже вне страны, чем внутри ее.

При таких условиях экспортер выручает на своих товарах добавочную прибыль в виде курсовой разницы, образующейся вследствие более высокой покупательной силы денег внутри страны сравнительно с их курсом вне ее. Импортер находится в противоположных условиях. Ему приходится получать плату за свои товары в валюте, более обесцененной на внешнем рынке, чем в стране ввоза. Потери, которую импортер несет при этом, увеличивает его издержки и имеет для него такое же значение, как если бы ему пришлось платить усиленную пошлину при ввозе своих товаров в страну с падающей валютой. Яркую иллюстрацию к сказанному дает Германия. Падение германской марки форсировало экспорт из Германии и препятствовало ввозу товаров в Германию. В силу этого создалось парадоксальное на первый взгляд положение. Германия, находившаяся в неимоверно тяжелых экономических и финансовых условиях, с расстроеным денежным обращением и до крайности обесцененной валютой, от покупательной силы которой оставались только жалкие крохи, развивала лихорадочную деятельность по производству товаров для вывоза и наводняла ими рынки стран-победительниц, успешно конкурируя с ними на мировом рынке и даже на их внутренних рынках. В то время как Англия и Америка страдали от сильной безработицы и промышленного застоя,

вследствие недостатка сбыта, в Германии процент безработных падал до ничтожной величины, и фабрики работали полным ходом. Такова была картина в 1920—21 гг. Германия переживала тогда высокую конъюнктуру во вопреки обесценению марки, но вследствие этого обесценения. Ее промышленность пользовалась относительно других стран крупными преимуществами, в виде сравнительной дешевизны труда и низкой стоимости производства. Как велики были эти преимущества можно видеть по следующим примерам: рабочий, который получал бы в Америке 4.000 долл. в год, в Германии зарабатывал 10.000 марок, равные по курсу 1920 г. только 100 долл. В январе 1921 г. средняя почасовая плата в Швеции равнялась 16 кронам, или, по курсу того времени—280 герм. маркам. Между тем, в это время самая высокая плата в Германии не превышала 60 мар. При таких условиях германские товары могли продаваться на мировом рынке по ценам, не допускавшим конкуренции. Примером может служить цена бумаги. Тонна шведской бумаги стоила 1.100 крон, а германская бумага продавалась по 8.000 м., равнявшихся 625 кронам.

По причинам, выясненным выше, германские промышленники пользовались высокой экспортной премией, которая была тем выше, чем ниже падала марка. В отчетах о состоянии германской промышленности за 1920—21 гг. постоянно встречаются указания на то, что та или другая отрасль переживала период необычайного оживления, вследствие дальнейшего понижения марки. Напр., по отношению химической промышленности, упавшей одно время до половины своего размера в довоенное время, сообщалось, что затем ее положение улучшилось только в конце 1921 г., „вследствие катастрофического падения германской марки“. Подъем германской промышленности в послевоенное время, основанный на крушении германской валюты и обесценении труда, был нездоровым цветком, выросшим на почве глубокого экономического упадка страны и тяжелых международных отношений, созданных войною. Непрочность герман-

ской конъюнктуры обнаружилась очень скоро. По мере того, как цены на средства производства росли на международном рынке в значительной степени под влиянием германской конкуренции, повышалась себестоимость продуктов германской промышленности, и, по мере того, как цены германских товаров приближались к международному уровню, Германия теряла свои преимущества перед другими странами. Тому же содействовали меры протекционистского характера, применявшиеся другими странами для ограждения своей промышленности от германской конкуренции.

Падение марки имело также своим последствием покупку иностранцами на твердые валюты движимого и недвижимого имущества в Германии. Дома, имения, промышленные предприятия, драгоценности, произведенные искусства и предметы роскоши покупались в Германии на фунты и доллары по баснословно дешевым ценам, и все, что можно было, вывозилось за границу. В Америке, Голландии и других странах с твердой валютой образовались акционерные общества с специальной целью скупки в Германии ценного, но обесцененного имущества. Происходила буквально распродажа Германии („Deutschlands Ausverkauf“). Германия стала центром и самым ярким проявлением инфляции, но сфера ее действия была гораздо шире, и ее губительные последствия распространялись далеко за пределы Германии и других стран с обесцененной валютой.

Промышленный застой с сопровождающими его безработицей и недостатком сбыта, от которых страдали страны с твердой валютой, составляли прямое последствие понижения покупательной силы многомиллионного населения центральной и восточной Европы, пораженных инфляцией и страдавших от обесценения и падений бумажных денег, которыми она была наводнена. В виду этого денежный кризис, вызванный мировой войной, отразился не только на тех странах, где существовала падающая валюта. Он получил мировой характер, потому что его влияние прямо или косвенно распространялось на все страны мира.

5. *Общее движение валют в последние годы.* Падение почти всех валют по отношению к золоту, происходившее в 1922 г., продолжалось до середины 1924 г., вследствие чего годовая средняя этого года оказалась ниже средней предшествовавшего года. Начавшийся затем подъем был все-таки не настолько велик, чтобы вполне возместить падение 1923 г. и начала 1924 г. В 1925 г. подъем валюты во всем мире продолжался. В начале 1924 г. золотая ценность валют в их %ном отношении к золоту колебалась для всего мира около 73—75%, а в среднем за год составляла 75,62%. В январе 1925 г. золотая ценность валют поднялась до 79%, продолжая затем повышаться, впрочем довольно медленным темпом.

ВЕЛИКОБРИТАНИЯ. Самым крупным событием в области денежного обращения за последние годы было возвращение Англии к золотой единице, или так называемому золотому стандарту, совершившееся путем издания закона от 13 мая 1925 г. (Gold Standard Act, 1925). Еще раньше канцлер казначейства заявил, что закон 1920 г., воспретивший на 5 лет вывоз золота из страны иначе как по специальным лицензиям, не будет продлен после 31 декабря 1925 года. Восстанавливая, т. обр., свободу вывоза золота, британское правительство приняло ряд мер против распыления золотых запасов страны через проникновение золотых монет в обращение и вследствие спекуляции, которой могли подвергнуться фунт стерлинг. Эти предупредительные меры и были выражены в упомянутом законе 13 мая 1925 года. Было признано, что употребление золота во внутреннем обращении не является необходимым для действия золотого стандарта и явилось бы, по мнению канцлера казначейства, ничем не оправдываемой расточительностью при существующем финансовом положении Англии.

В виду этого, закон освободил Английский банк от обязанности разменивать свои банкноты и казначейские билеты (Currency notes) на золотые монеты, а монетный двор—перемеканивать золото, предоставляемому

кем-нибудь, кроме Английского банка. В то же время банк, по этому закону, обязан продавать всем желающим золото в слитках, содержащих около 400 унций по цене 3 фунта 17 шилл. 10,5 пенса за унцию стандартной чистоты, т. е. около 1.700 фунтов за такой слиток. Т. обр., в то время, как банк огражден против требований на золотые монеты для внутреннего обращения, он удовлетворяет все требования на золотые слитки для целей вывоза. Статья банковского акта 1844 г., по которой Английский банк обязан покупать по твердой цене все предлагаемое ему золото, остается в силе. В целях поддержания курса фунта стерлингов, в случае спекулятивного давления, закон уполномочивает казначейство выпускать краткосрочные займы. Кроме того, для тех же целей обеспечен в Америке кредит на сумму до 300 млн. долл.

Разъясняя цели этих кредитов, канцлер казначейства сказал, что они являются торжественным предупреждением спекулянтам всякого рода о тех резервах, с которыми они встретятся, в случае, если попытаются нарушить золотой паритет, установленный Великобританией. Если явится надобность использовать эти кредиты, курс фунта может быть поддержан через покупку в Нью-Йорке и других местах векселей в стерлингах или при помощи отправки в другие страны золота за счет Великобритании. Восстановление золотого стандарта законом от 13 мая 25 года явилось завершением политики британского правительства за последнее время; неуклонно направленной к восстановлению золотой единицы. Достижение бюджетного равновесия, сокращение текущего долга, фундирование долга Соединенным Штатам, энергичное сокращение билетной эмиссии и строгое контролирование кредита—все эти меры привели к стабилизации фунта и подготовили почву для восстановления золотого стандарта. Курс фунта в Нью-Йорке после сильных колебаний стал прочно повышаться в 1924 г.: в январе этого года он стоял на 10-12% ниже паритета, а в начале 25 года это расстояние сократилось до 1%.

Решение правительства восстановить золотой стандарт вызвало горячее сочувствие в деловых кругах Англии и было приветствовано большинством наиболее авторитетных представителей банковского и торгово-промышленного мира. Желательность проэктированной меры не вызвала никаких сомнений. Ставился только вопрос об ее своевременности, разрешавшийся почти всеми в положительном смысле. Назначенная для рассмотрения этого вопроса особая комиссия высказалась в том же смысле. Решительным противником политики правительства в денежном вопросе выступил из виднейших экономистов только проф. Кейнс, считавший, что восстановление золотого стандарта повредит экспорту Великобритании и усилит безработицу. В брошюре, вышедшей вскоре после проведения в жизнь предположений правительства, проф. Кейнс доказывает, что его опасения оправдались.

ГЕРМАНИЯ. Расстройство денежного обращения в Германии достигло к осени 1923 г. крайних пределов. Германская марка упала к этому времени до одной триллионной части своего довоенного паритета, т. е., в сущности, утратила всякую покупательную силу. Оставаться дальше при таком положении было невозможно, и правительство сочло необходимым принять меры к переустройству денежной системы на новых началах. Инфляция росла, гл. обр., вследствие того, что правительство использовало выпуски бумажных денег для бюджетных целей, и эти выпуски производились через Рейхсбанк, который стал, таким образом, учреждением, обслуживавшим прежде всего государственное казначейство, а не торговый оборот. Реформу надо было начать с освобождения Рейхсбанка от учета обязательств правительства и кредитования казначейства. Только при этом условии представлялось возможным дать стране устойчивое денежное обращение с денежным знаком, могущим рассчитывать на доверие населения. В ноябре 1923 г. был учрежден Рентный банк (Renten Bank), капитал которого был образован путем наложения ипотеки на все сельские, про-

мышленные и торговые предприятия и хозяйства страны. Основная задача Рентного банка заключалась в том, чтобы дать стране устойчивое денежное обращение для нужд оборота и помочь правительству оплатить его обязательства Рейхсбанку. Рентный банк должен был удовлетворять в то же время текущие потребности государственного казначейства, имея в виду предстоящее коренное преобразование всей фискальной системы Германии. При этом позаймствования казначейства у Рейхсбанка, служившие главной причиной выпуска банковых билетов, должны были прекратиться.

Затем в апреле 1924 г. был учрежден Золотой Дисконтный банк для содействия германской промышленности и торговле путем обеспечения им зарубежных кредитов. Половина капитала этого банка была расписана Рейхсбанком на основе внешнего займа, а другая половина — консорциумом германских банковских учреждений. Имелось в виду объединить в дальнейшем все три банка в один новый эмиссионный банк на основе предположений, изложенных в докладе Дауэса. Анализ балансов германских банков на 30 июня 1924 г. делаемый Американским Федеральным Бюллетенем, дает следующую картину состояния этих учреждений. В балансе *Рентного банка* первое место занимает ипотека — 3.200 млн. марок, наложенная на земледелие, промышленные и торговые предприятия страны. На стороне обязательств фигурируют: 2.400 млн. марок в качестве капитала и 800 млн., как резервный фонд. Ипотека, наложенная на собственную незанятую территорию, установлена в сумме 2.400 рентных марок, и эта сумма представляет предел эмиссионных возможностей Рентного банка. Ссуды Рентного банка правительству составляют 1.200 млн. — максимум того, что разрешено законом. Из этой суммы 200 млн. были употреблены для оплаты обязательств государственного казначейства Рейхсбанку, и 1 млрд. был назначен на удовлетворение текущих расходов правительства. Ссуды на коммерческие, промышленные и сельскохозяйственные нужды, выданные через Рейхсбанк, состав-

вляют 870 млн. Количество билетов в рентных марках, находившихся в обращении—2.050 млн., часть из которых находится в резерве Рейхсбанка. По вычете этого резерва сумма рентных марок составляла около 50% всего денежного обращения страны, тогда как билеты Рейхсбанка—всего 36%.

Рейхсбанк. В балансе Рейхсбанка на 30 июня 1924 г. главной статьей являются переводные векселя и чеки в рентных марках, составляющие 1 млрд., значительная часть которых состоит из ссуд сельскому хозяйству. Переводные векселя и чеки в бумажных марках равны 840 млн., а сумма в рентных марках в кладовых банка равна 278 млн. Другая статья актива, равная 702 млн., заслуживает внимания, потому что она включает в себя имеющуюся у Рейхсбанка иностранную валюту. Сумма золота в 462 млн. показана в номинальной довоенной ценности. Из этого золотого запаса около половины считается покрытием ссуды в 50 млн., выпущенной во время первой попытки Рейхсбанка стабилизировать курс в начале 1923 г. Самой крупной статьей пассива является билетное обращение в размере 1.097 млн. против 240 млн. на 23 ноября 1923 г. Крупное увели-

чение билетного обращения вызвано в значительной мере изъятием различного рода временных билетов, которые находились в обращении к концу 1923 г. Другая крупная статья пассива—это 800 млн. зол. марок, которые Рейхсбанк должен Рентному банку.

Золотой Дисконтный банк. Этот банк, известный также как банк Шахта, начал свои операции в апреле 1924 г. Из подписанного капитала в 10 млн. фунт. стерл. около 2/3 было оплачено к 30 июня 1924 г. и это, в сущности, представляло об'ем активных операций банка; хотя банк уполномочен выпускать билеты под покрытие в 100% иностранными кредитами, он не воспользовался этим правом. Банк заручился банковскими кредитами в 5 млн. фунт ст. в Лондоне и 25 млн. долларов в Соединенных Штатах, вследствие чего был в состоянии содействовать германской промышленности в получении банковского кредита за границей. Эти услуги были, однако, ограничены лишь теми клиентами, состояние которых позволяло им оплачивать свои обязательства иностранной валютой.

Балансы названных банков на 30 июня 1924 г. в целом представляются в следующем виде:

РЕНТНЫЙ БАНК.

АКТИВ.

	Миллионы ре- нтных марок.
Гипотека на земледелие и промышленность в пользу Рентн. Банка	3.200,0
Облигации Рентн. Банка в наличности	2.399,8
Ссуды правительству: беспроцентные	196,4
процентные	1.000,0
для экстренных надобностей	3,0
Ссуды на коммерц., промышл. и земледел. цели:	
Рейхсбанку	800,0
Друг. эмиссион. банкам	70,2
Временные депозиты в Рейхсбанке для зачетных операций в рентных марках	100,0
Наличные почтовые переводы и обязательства б-а	77,0
Обстановка и имущество	0,6

ПАССИВ.

	Миллионы ре- нтных марок.
Капитал	2.400,0
Резервный фонд	800,0
Билеты в рентных марках в обращении	2.049,8
Облигации Рентного банка в обращении	0,2

РЕЙХСБАНК.

АКТИВ.

Миллиарды марок.

1. Металл. запас, включая германскую валюту, а также золото в слитках и навалоте (1 килогр. чист. зол.=2,484 мар.)	0,4
2. Билеты госуд. казнач. и ссудных касс	697.999.999,4
3. Билеты Рейтного банка	278.188.072.000,0
4. Билеты других банков	452.280,0
5. Переводные векселя и чеки	840.404.929.549,2
6. Переводные векселя и чеки в рент. марк	1.057.554.176.690,0
7. Ссуды под залог, включая ссуды, обеспеченные векселями	21.748.210,0
8. Ссуды под залог в рентных марках	877.041.100.000,0
9. Ценные бумаги	76.377.578.948,0
10. Прочие активы, включая и рентные марки	702.307.411.992,7

ПАССИВ.

Миллиарды марок.

11. Капитал	0,1
12. Запасный капитал	0,1
13. Билеты в обращении	1.097.308.572.181,6
14. Прочие обязательства:	
а) депозиты Империи и др. государств	493.048.147.640,1
б) части депозиты, включая депоз. в рентн. марках	280.884.170.638,0
15. Обязательства Рейтного банка	800.000.000.000,0
16. Прочие обязательства	416.582.471.796,7

ЗОЛОТОЙ ДИСКОНТНЫЙ БАНК.

АКТИВ.

Тыс. фунт. ст.

Золото	9,9
Иностранные банкноты	5,9
Иностранные кредиты до востребования	178,2
Учет векселей краткосрочных	3.789,6
Подписанный капитал еще не оплаченный	3.557,5
Прочие активы	17,0
ВСЕГО	10.557,3

ПАССИВ.

Капитал	10.000,0
Резерв	—
Билетное обращение	—
Срочные депозиты	292,1
Прочие пассивы	265,2
ВСЕГО	10.557,3

ФРАНЦИЯ. Французский франк, сильно пострадавший от инфляции во время войны, не оправился и в послевоенное время. До сих пор (1925 г.) он принадлежит к числу обесцененных и непрочных валют. Сильное падение франка началось с первых месяцев 1919 г. В феврале он составлял несколько более 50% его средней ценности в 1913 г. К концу 1919 г. франк упал до 20% и затем продолжал падать почти до середины следующего года, когда он опустился к марту месяца до 15%. С этого времени началось движение франка вверх, не вернувшее его, однако, к уровню

1919 г. и сопровождавшееся при этом сильными колебаниями по отдельным месяцам. С марта 1922 г. франк снова вступает в полосу падения, которое после повторных колебаний понижает его до 18% довоенного уровня. После некоторого подъема в первые месяцы 1924 г. франк снова упал в начале 1925 г. до 20% и временами даже несколько ниже.

Французское правительство склонно было видеть причину падения франка в злонамеренной спекуляции врагов Франции. Но всестороннее освещение этого вопроса авторитетными органами

печати, представителями финансовых кругов и научными специалистами выяснило, что основные причины слабости и неустойчивости французской валюты заложены в финансовом положении страны: дефицитности французского бюджета и задолженности Франции как внешней, так и внутренней. При этих условиях Франция находится постоянно под угрозой возвращения к инфляции, опасение которой отражается невыгодным образом на покупательной способности ее валюты. Финансовые затруднения Франции являются последствием войны и ближайшим образом необходимости для французского казначейства нести огромные расходы по восстановлению опустошенных департаментов при недостаточной оплате Германией возложенных на нее репараций. Единственным выходом из этого положения являются: сбалансирование бюджета при помощи усиленного обложения и решительного сокращения государственных расходов, урегулирование задолженности Франции, связанной с войной, и повышение производительности ее народного хозяйства. Целесообразность этой программы общепризнана, но, конечно, это не устраняет практических трудностей, с которыми связано ее осуществление.

Бюджет на 1925 г., в окончательной своей редакции, первый раз по окончании войны показывал превышение доходов над расходами в размере 13,6 млн. франков. Дефицит составлял: в 1919 г.—23,8 млрд., в 1920 г.—19,4 млрд., в 1921 г.—12,8 млрд., в 1922 г.—11,5 млрд., в 1923 г.—8,4 млрд., в 1924 г.—3,5 млрд. Но видимо благоприятный результат 1925 г., как указывалось в печати, далеко не соответствует действительности. Так, напр., в этот бюджет не было занесено 250 млн. фр., ежегодно ассигнуемых на почтово-телеграфные расходы; не упомянуты также 1.500 млн. фр., которые имеют быть израсходованы в течение года на уплату военных пенсий. Первоначально Кайо предполагал, что бюджетный дефицит в 1925 г. будет равен приблизительно 3.500 млн. фр., но в дальнейшем сильно возросли расходы по кампании в Марокко, возникли столкновения с друзьями в Сирии. Все

это потребует значительных денег. Весьма вероятно, в конечном результате, 1925 г. даст дефицит в 50.000 млн. фр. Такого, по крайней мере, мнение английского журн. „Статист“.

Что же касается бюджета на 1926 г., то он предвещает дефицит в 3.800 млн. франков, вследствие внесения на этот раз в расходную часть бюджета пенсий и почтово-телеграфных кредитов и невнесения в доходную часть бюджета дауэсовских поступлений, которые впредь будут заноситься в особый фонд погашения государственной задолженности и восстановления разоренных областей. С целью сбалансирования бюджета, предполагается значительное увеличение обложения прямыми налогами крупных доходов до 40%; повышается обложение налогами дивидендов предприятий, акции которых котируются на Парижской бирже, с 12% до 20%, а некотируемых — с 18% до 25%. Кроме того, предполагается обложить налогами так называемые „непроизводительные богатства“, как, например, драгоценности, частные коллекции предметов искусства и тому подобное.

Согласно „Инвентаря национального достояния Франции“, составленного в 1924 г. министром финансов в тогдашнем кабинете Эррио, Клемантелем, „политическая“ задолженность Франции Соединенным Штатам достигала в ноябре 1923 г. 3.6 млрд. долларов и Англии в июле 1924 г.—619 млн. фунтов стерлингов. По поводу английской части задолженности Франции между Черчиллем и Кайо состоялось предварительное соглашение, в силу которого Франция обязуется погасить свой долг Англии в течение 62 лет ежегодными взносами по 12,5 млн. фунтов стерлингов. Это соглашение вступает в силу и будет осуществляться только в том случае, если Соединенные Штаты согласятся на подобные же условия погашения причитающейся им со стороны Франции суммы долга. Таким образом, выполнение договора откладывается на некоторое время и зависит от успеха переговоров Кайо в Вашингтоне. В общем, Франция предстоит уплачивать по своему политическому долгу Англии и С. Штатам

до 28,5 млн. ф. стерлингов в год. Но кроме „политического“ долга существуют еще не менее значительные „коммерческие“ долги Франции. Коммерческий долг Франции Англии состоит из 60 млн. ф. ст., авансированных Английским банком Французскому банку, и из 6 млн. ф. ст., которые Франция обязалась уплатить Великобритании за оставленные последней во Франции военные материалы и запасы; кроме того, Франция должна Англии 2,3 млн. ф. ст. за поставленное ей во время войны воинское снаряжение. „Коммерческий“ долг Франции Соединенным Штатам был равен на 31 июля 1925 г. 631 млн. долларов. Затем в этом инвентаре упомянуты еще разные „коммерческие“ долги Франции — Японии, Канаде, Голландии, Аргентине, Уругваю и Египту, составляющие в общей сумме 480,5 млн. франков. По соглашениям, заключенным в разное время с этими странами, все эти долги, за исключением американского, должны быть погашены к концу 1930 г.

Кроме внешнего долга, на плечах Франции еще внутренний долг, выросший с 34,2 млрд. фр. на 31/VI—1914 г. ¹⁾ почти до 300 млрд. фр. к 1925 г. Обслуживание этого долга, т.-е. уплата процентов по нему и частичное погашение, потребует в 1925 г. 21,7 млрд. фр. Главная надежда у Франции для того, чтобы справиться со своими обязательствами — „дауэсовские“ поступления. На основании соглашения в Спа, Франция имеет получить 52% этих поступлений. Но будет ли Германия в состоянии выкачивать из себя ежегодно по 125 млн. ф. ст., в среднем, по схеме Дауэса? По крайней мере, Черчилль уже учитывает вероятность будущих поступлений по плану Дауэса со скидкой в 50%.

Литература.—Кроме литературы, указанной в ст. *Финансирование войны* (т. XLVI), в особенности книги Фридмана о международных финансах, следует отметить прежде всего издания Лиги Наций: 1. „*Currencies after the War*“, 1920; 2. „*Memoirandum on currency*“, 1913—1921; 3. „*Memoirandum sur les Banques d'entrales*“, 1913, 1918—1921; Затем: 4. *Spalding, Foreign Exchange and Foreign Bills in Theory and Practice*, 1921; 5. *Fr. Eulenburg, International Kapitalbildung nach dem Kriege*. Weltwirtschaftl. Archiv, Juli 1923; 6. Verwaltungsbericht der Reichsbank, 1920—1921.

¹⁾ До войны внешнего долга у Франции не было.

На русском языке: 1. Проф. М. И. Бугаев, „Валютный хаос“, 1922; 2. Проф. А. А. Стиллов, „Проблемы денежного обращения и валютной политики“, 1923 г. (Гл. III. Опыт денежного обращения за границей за время и после мировой войны и некоторые выводы, которые могут быть сделаны на основании этого опыта).

Для справок о статистических данных, начиная с 1913 г. по июль 1923 г., может служить возобновившееся ежемесячное дополнение к английск. журн. „The Economist“, „Monthly Supplement“, New Series; кроме того периодич. издания *Wirtschaft und Statistik*, *Wirtschaftsdienst*, экономическая хроника в „*Jahrbücher für Nat. O-konomie und Statistik*“, финансово-экономический отдел „*Frankfurter Zeitung*“, журн. „The Economist“ и „The Statist“.

The economic consequences of Mr. Charchill J. M. Keynes. 1925. : *Emile Royot. Essai statistique sur la Valeur du Franc*. 1925.

А. Мануилов.

ВАЖНЕЙШИЕ ГОСУДАРСТВА В ЭПОХУ МИРОВОЙ ВОЙНЫ.

XV. Германия эпохи мировой войны. Последние пятнадцать лет в жизни Германии явились периодом огромной исторической важности. По внутреннему своему значению события, пережитые за это время страной, несколько не уступают событиям предшествовавшего сорокалетия (см. т. XII и XIV). Но в то время, как 1870-1910 г. были эпохой стремительного подъема вверх, 1910-1925 г. или, точнее, 1914-1925 г. явились полосой не менее стремительного падения вниз. Ближайшей причиной такого крутого излома в исторических судьбах Германии явилась война 1914-1918 г., окрасившая собой последний период в развитии страны. Поэтому необходимо прежде всего остановиться на тех событиях и явлениях, которые послужили корнями названной войны.

1. Предпосылки войны.

Преобразование Германии в мощное, высокоорганизованное капиталистическое государство (см. XIV, 71—174, „*Индустриализация Германии*“) имело своим последствием стремительное развитие германского империализма. Всякий империализм носит в себе зародыши вооруженных столкновений. Тем более такие зародыши должен был носить в себе германский империализм, получивший в наследство от прошлого воинственные традиции правящего юнкерства и явившийся на свет слишком поздно, уже тогда, когда лучшие части Азии, Африки и Австралии были расхвачены ранее пришедшими империалистическими державами, прежде-

всего Англией и Францией. Действительно, великая война не заставила себя долго ждать. 1914 г. был свидетелем страшной международно-политической катастрофы. Ознакомимся несколько ближе с теми противоречиями, результатом которых явился этот взрыв.

а) *Германо-английские противоречия.* Несмотря на то, что мировая война началась, как война Австро-Венгрии и Германии против Франции и России, в которую лишь позднее вступила Англия, на самом деле основной причиной великого столкновения была борьба за господство между германским и английским империализмами. Эта борьба особенно ярко проявлялась в трех важнейших вопросах.

Экономическая конкуренция. Примерно до 1880 г. Англия являлась безусловным хозяином мирового рынка. Она была единственной страной с мощно развитой промышленностью и забрасывала весь земной шар ее продуктами. В обмен на мануфактурные изделия Англия получала продовольствие и сырье. В результате между Англией и большинством других государств создавались отношения промышленной метрополии и экономически-отсталых аграрных колоний. Такое положение было чрезвычайно выгодно для британской буржуазии, получавшей громадные прибыли и накапливавшей те исполинские богатства, которые, несмотря на радикально изменившуюся с тех пор обстановку, дают ей возможность поддерживать свою власть вплоть до настоящего дня. Однако, с конца XIX столетия господство Англии на мировом рынке стало постепенно ослабевать. Целый ряд европейских и внеевропейских государств начал заводить свою собственную промышленность, которая под защитой высоких таможенных тарифов стремилась захватить в свои руки внутренний рынок этих государств. А две страны — Германия и Соединенные Штаты — не ограничились только такими достижениями. Их промышленность, сравнительно быстро перешагнув за рамки внутреннего рынка, твердой ногой ступила на мировой рынок и начала оказывать здесь жестокою

конкуренцию Англии. Особенно серьезную роль играла германская конкуренция, так как немецкая промышленность, располагая значительно меньшим внутренним рынком, чем североамериканская, раньше и настойчивее последней стала стремиться к захвату иностранных рынков. Внешним мерилом этой конкуренции могут служить цифры импорта и экспорта обоих интересующих нас стран. В самом деле, за период 1870-1910 г. развитие внешней торговли Англии и Германии представляет след. картину:

	Импорт.				Экспорт.			
	Английский.		Германский.		Английский.		Германский.	
	Мил. фунт.	%	Мил. фунт.	%	Мил. фунт.	%	Мил. фунт.	%
1870	303	100	—	—	244	100	—	—
1872	—	—	173	100	—	—	125	100
1880	411	135	144	83	286	117	155	124
1890	421	139	282	168	328	134	247	198
1900	523	173	376	177	354	145	248	198
1910	678	224	477	275	534	218	404	324

Как видим, за сорокалетний промежуток времени английский импорт увеличился на 124%, английский экспорт — на 118%. Наоборот, германский импорт за тот же период вырос на 175%, а германский экспорт — даже на 224%. Так. обр., молодой германский капитализм обнаруживал гораздо более быстрый темп развития в области внешней торговли, чем старый капитализм Великобритании. Если принять при этом во внимание, что и по своим абсолютным размерам германская внешняя торговля к 1910 г. явно нагнала английскую, составляя около $\frac{3}{4}$ последней, то станет совершенно очевидным, сколь серьезную угрозу для господства Британии на мировом рынке представляла Тевтонская империя. При этом необходимо отметить, что особенно интенсивной германская конкуренция начала становиться в период

1890-1910 г. Так, если взять цифры экспорта Англией и Германией только собственных продуктов этих стран, то получится след. таблица:

Общая ценность экспорта составила (в мил. ф. ст.):

	Из Англии.	Из Германии.
1890 г.	263,5	170,5
1910 г.	430,4	373,8
Увеличение . . .	166,9 (+63%)	203,3 (+119%)

Иными словами, за указанное двадцатилетие германский экспорт рос, примерно, в два раза быстрее, чем английский. В высшей степени любопытно также данные о том, в каких странах и частях света Германия становилась особенно опасной для Англии. И тут оказывается, что особенно стремительно немецкий экспорт возростал во Францию (+135%), в Италию (+235%), в Россию (+161%), в Бельгию (+159%), в Канаду (+186%), в Аргентину (+823%), в Мексику (+229%), в Уругвай (+250%), в Соединенные Штаты (+52%),— вообще в страны Европы и Америки. Здесь Германия сплошь да рядом обгоняла Англию по темпу развития в два, три и больше раза. Подобный же темп развития обнаруживала германская внешняя торговля также в Азии, Африке и Австралии, но по абсолютным своим размерам в названных частях света она еще далеко уступала британской.

Из приведенных данных и цифр несомненно вытекает следующий вывод. На протяжении четверти века, предшествовавшего мировой войне, между Англией и Германией обнаружилась серьезная и с годами все более обострявшаяся конкуренция в экономической области. Обе страны превратились в мировые фабрики, стремившиеся отвоевать друг у друга рынки для сбыта производимых ими продуктов промышленности. При этом Германия особенно серьезно была Англию в области химического производства и металло-промышленности. В данной экономической борьбе Англия

была стороной по преимуществу обороняющейся, стремящейся сохранить раньше завоеванные ею позиции на мировом рынке, Германия же, наоборот, являлась стороной нападающей, поставившей себе целью выбить своего соперника из занятых им укреплений и самой расположиться в стенах последних. Такова была общая историческая тенденция, которая, логически развиваясь, должна была вызвать на определенной ступени эволюции вооруженный конфликт между обоими странами. Однако, к 1914 г. эта ступень, судя по всему, еще не была достигнута. Приведенные выше цифры экспорта вполне недвусмысленно свидетельствуют, что, хотя германская внешняя торговля за предшествовавшую войне четверть века увеличивалась с стремительной быстротой, однако, и английская торговля продолжала (правда, более медленным темпом) тоже прогрессировать. Мир оказывался, таким образом, еще достаточно широким для того, чтобы обеспечить возможность успеха обоим соперникам. Ближайшее будущее не угрожало Англии индустриальными и финансовыми руинами. При таких условиях не было еще достаточных оснований для того, чтобы проблемы торговой конкуренции между обоими странами решать с помощью меча. Если, тем не менее, в 1914 г. вспыхнула мировая война, то ближайших поводов для ее возникновения приходится искать в других плоскостях трения, существовавших между Англией и Германией.

Колониальная проблема. Здесь в гораздо большей степени, чем в конкуренции на мировом рынке, лежат корни войны 1914 г. Одним из ближайших последствий развития германского империализма явилась погоня Германии за колониальными владениями. В первые годы после возникновения единой Империи немецкая буржуазия мало думала о заокеанских странах и Востоке. Недаром Бисмарк в парламентской речи, произнесенной им 5 декабря 1876 г., бросил свое знаменитое иречение о том, что с точки зрения интересов Германии весь балканский вопрос не стоит костей одного поморанского гренадера.

Недаром также в середине 70-х годов германское правительство отклонило сделанное ему предложение принять протекторат над островом Занзибаром. Однако, с начала 80-х годов настроение германской буржуазии испытывает значительные изменения. В 1882 г. образуется „Deutscher Kolonial-Verein“ (Немецкий колониальный союз), ставящий своей задачей пропаганду колониальной идеи и оказание в соответственном смысле влияния на органы государственной власти. Около того же времени возникает аналогичное „Gesellschaft für deutsche Kolonisation“ (Общество немецкой колонизации). В 1887 г. обе родственные организации сливаются в одно „Deutsche Kolonial-Gesellschaft“ (Немецкое колониальное общество), которое отныне становится главным носителем империалистических идей Германии. Этот перелом в настроении буржуазии не замедлил сказаться на поведении государственной власти. Бисмарк очень скоро вынужден был прекратить свою первоначальную оппозицию против колониальной идеи, и затем он с чрезвычайной быстротой и решительностью ступил на путь захвата заокеанск. владений.

В истории колониальных приобретений Германии можно различить три основных периода. Первый охватывает 1884-86 г., когда Германией были аннексированы юго-западная Африка, восточная Африка, Того и Камерун на африканском континенте и часть Новой Гвинеи и группа Маршалльских островов в австралийских водах. Второй период обнимает 1897-99 г., когда Германия захватила в Китае Кiao-Чiao с прилегающей территорией (формально заставила китайское правительство сдать себе в аренду на 99 лет), а также купила у Испании Каролинские острова и получила по договору с Англией и Соединенными Штатами группу островов Самоа (и те и другие острова на Тихом океане). Наконец, третий период, относящийся к 1911 г., принес Германии, в результате давления на Францию, громадную территорию в центральной Африке, непосредственно примыкающую к Камеруну. В конечном счете, накануне мировой войны Германия располагала след. колониальн. владениями:

	Площадь [кв. км.]	Население [тысачи].
Восточная Африка	985.000	10.000
Камерун	750.600	3.779
Того	87.200	1.000
Юго-западная Африка	835.100	82
Новая Гвинея [Земля имп. Вильгельма и Архин. Бисмарка]	240.000	530
Острова (вход океана)	2.476	55
Самоа	2.572	37
Кiao-Чiao	652	169
	2.913.500	14.652

Погоня за колониями естественно привела Германию к столкновению с другими колониальными державами. Ниже мы увидим, как борьба из-за колоний в Африке обостряла отношения между Германией и Францией. Для отношений между Германией и Англией гораздо серьезнее были иные империалистические устремления Германии, а именно, ее тяга на Ближний Восток. Цитированная выше фраза Бисмарка о балканском вопросе к началу 90-х годов прошлого века потеряла всякое реальное значение. Наряду с аннексией плохо лежащих территорий в Африке, немецкая буржуазия обратила свой взор на Балканы и Малую Азию. Здесь ее внедрение шло двумя путями. Во-первых, она стремилась превратить Ближний Восток в рынок для своих товаров и для своих капиталов. Действительно, развитие германской торговли с этим районом хорошо иллюстрируется след. цифрами:

	1897 г.		1912 г.	
	Импорт.	Экспорт.	Импорт.	Экспорт.
	(в мил. марок).			
Турция	30,5	30,9	77,8	113,9
Румыния	52,6	33,1	138,2	131,7
Болгария	3,0	6,4	18,0	28,6
Сербия	8,1	3,9	19,7	18,5
Греция	9,2	4,2	25,1	18,9
Египет	24,1	10,5	111,7	88,0
	127,5	89,0	390,5	348,9

Как видим, германская торговля с Ближним Востоком за пятнадцать лет увеличилась в три с половиной раза. Если принять еще во внимание, что торговля Австро-Венгрии с теми же странами (а Австро-Венгрия, как увидим ниже, являлась лишь подручным Германии в деле проникновения на Ближний Восток) за период с 1897-1912 г. также возросла с 288 мил. марок до 629 мил. мар., то станет ясно, каким серьезным фактором постепенно становился немецкий капитал на Балканах и в Турции. Параллельно с ростом торговли шло создание немецких банков на Ближнем Востоке. Так, в 1899 г. возник „Deutsche Palestina Bank“, в целях развития германской торговли в Палестине и Ливанте, очень скоро открывший свои конторы в Яффе, Иерусалиме, Вейруте, Константинополе и Гамбурге. В 1904 г. „Nationalbank“ основал „Banque d'Orient“ в Афинах с 10 мил. франков капитала и с отделениями в Салониках и Смирне. В 1905 г. „Dresdner Bank“ вместе с „Schaafhausenscher Bankverein“ и „Nationalbank“ создал „Deutsche Orientbank“ (капитал в 16 миллионов марок), к началу войны имевший 8 отделений в Константинополе, Александрии, Каире, Бруссе, Смирне, Каламате, Казабланке (Марокко) и Гамбурге. В том же 1905 г. берлинское „Disconto-Gesellschaft“ при участии „Nordd. Bank“, „Bleichröder“ и некоторых болгарских фирм открыло в Софии „Banque de Credit“ с капиталом в 3 миллиона франков. Приведенные и далеко не исчерпывающие сведения дают некоторое представление об энергии, с какой германский капитал стремился стать твердой ногой на Ближнем Востоке.

Все это было для Англии крайне неприятно, ибо, как известно, с давних пор Ближний Восток является для нее чрезвычайно уязвимым пунктом. Но уже совершенно угрожающее для Великобритании значение получило начало Германией в 90-х годах прошлого столетия железнодорожное строительство в Малой Азии. Еще в 1874—88 г. барон Гирш построил ряд железных дорог в Европейской Турции. В 1888 г. Вильгельм II, воспользовавшись визитом на свадьбу своей сестры Софии

с греческим кронпринцем, побывал в Константинополе и получил концессию на постройку железнодорожной линии в Анатолии. В марте 1889 г. возникло „Société du chemin de fer Ottoman d'Anatolie“ с капиталом сначала в 45, а позднее в 60 миллион. франков, — учреждение, питаемое, главным образом, „Deutsche Bank“ и „Dresdner Bank“ и поставившее своей задачей использование дарованной концессии. Вплоть до 1896 г. железная дорога была проложена от Гайдар-Паши на берегу Босфора против Константинополя до Кониа, т. е. на протяжении 600 км. В 1898 г. Вильгельм совершил свое второе, уже гораздо более пышное, путешествие в Константинополь, произнес торжественную речь на гробе султана Саладина и объявил себя другом 300 миллионов мусульман, обитающих на земном шаре. В результате турецкий султан Абдул-Гамид предоставил „Немецкому Банку“ новую концессию на продолжение начатой линии до Багдада и далее до Ковейта, т. е. до самых берегов Персидского залива. Этот крупный дипломатический успех дополнялся не менее крупным экономическим. Для постройки железной дороги Кониа-Багдад было образовано новое общество „Société Imperiale Ottomane du chemin de fer de Bagdad“, получившее право аренды нового рельсового пути на 99 лет. При этом Порта дала обещание уплачивать „Немецкому Банку“ по 11.000 франков субсидии на каждый километр пути и сверх того гарантировала 4.500 фр. ежегодного дохода с километра. Вся линия длиной в 2.400 км. разбивалась на 12 участков по 200 км. каждый, и турецкое правительство уплачивало „Société Imperiale“ по 54 миллиона фр. (капитализированная сумма субсидии) на участок в форме специально выпускаемых государственных бумаг, размещаемых на европейских биржах. Так как действительная стоимость строительных работ была в среднем значительно ниже 11.000 фр. на километр, то общество фактически не только не тратило ни копейки собственных денег, но еще кляло в карман весьма значительные „излишки“. Для размещения турецких государственных бумаг одного немецкого рынка оказа-

лось недостаточно, и „Немецкий Банк“ обратился к парижской бирже. Гешефт был настолько выгодный, что французские капиталисты, несмотря на свою наследственную ненависть к „большим“, не смогли противостать искушению и взяли на определенных условиях часть бумаг багдадской железной дороги. Англия разными способами пыталась оказать противодействие постройке дороги, но без особенного успеха. Накануне мировой войны рельсовый путь протянулся уже на 1.750 км., так что до конечного пункта его оставалось еще около 650 км.

Почти одновременно с багдадской немцы принялись за проведение другой чрезвычайно важной линии — сирийско-аравийской. Под руководством германского инженера Мейснера и при широком использовании турецких войск для строительных целей, прокладывание рельсового пути вдоль восточного берега Средиземного моря пошло быстрым темпом вперед. От Маана была сделана попытка провести небольшую ветку (около 100 км.) на Акабу — порт, лежащий в северо-восточном углу Красного моря, и тем самым создать обход Суэцкого канала. Однако, этот проект наткнулся на решительное противодействие Англии (она поставила Порту ультиматум и послала военную эскадру в Дарданеллы), и его, в конце концов, пришлось оставить (1906 г.).

Проведение названных железных дорог имело колоссальное экономическое и политическое значение. Действительно, линия Константинополь-Персидский залив должна была втянуть в мировой оборот Анатолию и Месопотамию — страны, богато одаренные природой, в частности располагающие большими металлическими и нефтяными запасами. Широкие перспективы имелись здесь и для развития хлебопашества и хлопководства. Поскольку пробуждение к новой хозяйственной жизни просторов Малой Азии явилось бы делом немецкого капитала, — совершенно очевидно, что экономическое влияние Германии в названных районах стало бы доминирующим. Еще глубже и серьезнее было политическое значение багдадской и сирийско-аравийской дорог. Эти дороги, в сущности,

являлись револьвером, приставленным к груди Англии: опираясь на них, Германия, при дружеских отношениях с Турцией, без особого труда могла бы нанести смертельный удар британскому господству в Индии и Египте. Тут была страшная угроза для самых основ британского империализма, и он, конечно, не мог пассивно относиться к совершающимся событиям. Между Германией и Англией на берегах Босфора выросло непримиримое противоречие. Англия в течение всего XIX века стремилась к поддержанию формально независимой, но внутренне слабой, Турции, в которой преобладало бы британское влияние, ибо такая Турция являлась прекрасным буфером между Индией, с одной стороны, и всякой крупной европейской державой (имелись в виду, главным образом, Россия и Австро-Венгрия), с другой. Германия, наоборот, видела свой интерес в том, чтобы, охраняя целостность Турецкой империи, развивать с помощью немецкого капитала ее производительные силы, т. е. итти на риск экономического (и политического) усиления Турции, при условии преобладания в Константинополе германского влияния. Данная политика была направлена не только против Англии, но также и против царской России, однако, в первую очередь, она была по Англии. Примирение интересов Лондона и Берлина на Ближнем Востоке было совершенно невозможно. Наоборот, столкновение здесь этих интересов делало совершенно неизбежным возникновение между ними рано или поздно войны. И с точки зрения Великобритании, такая война была выгоднее скорее рано, чем поздно. Вот почему германо-английские противоречия на Балканах и в Малой Азии, особенно сконцентрировавшиеся вокруг багдадской железной дороги, приходится считать едва ли не самой важной причиной великой катастрофы 1914 г.

Господство на море. Наконец, была еще одна, и чрезвычайно острая, проблема, которая делала неизбежным — и при том тоже скорее рано, чем поздно — вооруженное столкновение между Германией и Англией, — это проблема господства на море. Созданная в 1871 г. Германская империя сразу

стала на путь гигантского усиления своих вооруженных сил. В самом деле, в 1875 г. численность германской армии мирного состава равнялась 402.000 человек, а общая сумма расходов военного министерства — 319 мил. мар.; в 1913 г. соответственные цифры составляли: 791.000 чел. и 775 мил. мар. Увеличение, как видим, на 97% в первом и 143% во втором случае, и это в то время, как население Империи в указанный период возросло лишь с 40,8 до 64,9 мил., или только на 58%. Рост сухопутной армии Германии, конечно, не мог особенно нравиться Англии, но с ним она сравнительно легко мирилась, так как этот род оружия был направлен в первую очередь не против нее, а против Франции и России.

Совсем иными глазами, однако, Англия смотрела на стремление Германии обзавестись сильным военным флотом. Безусловное господство на море считалось основной догмой британской политики, так как только при его сохранении возможно было поддерживать целостность разбросанной по всем частям света Британской империи. От господства на море зависела также и безопасность самой метрополии, ввозившей большую часть сырья и продовольствия из-за границы. Между тем, с конца 80-х г. прошлого века Германия усиленно занялась военно-морскими делами. В 1889 г. было образовано специальное морское министерство, а в 1890 г. Вильгельм II произнес в Штеттине свои знаменитые слова: „Наше будущее лежит на воде“. В 1897 г. морским министром был назначен адмирал Тирпиц, подлинный творец военного флота императорской Германии. В 1898 г. был основан пресловутый „Flotten-Verein“ (Флотский союз), и рейхстагом принята первая „морская программа“, за которой с короткими промежутками последовали еще четыре (1900, 1905, 1908 и 1912 гг.). В результате всех этих мероприятий германский флот стал стремительно быстро расти. В 1875 г. Германия располагала всего лишь сотройка военными судами (в том числе 5 крупными), а сумма всех ее расходов на дело морской обороны достигала 49 мил. мар., в 1890 г. соответственные цифры были: 78 судов (12 круп-

ных) и 80 мил. марок, а в 1913 г. — уже 316 судов (45 крупных) и 480 мил. мар. В течение каких-нибудь двадцати пяти лет Германия превратилась во вторую, по мощи своего флота, морскую державу и стала серьезно угрожать традиционному господству Великобритании над водами океана.

В годы, непосредственно предшествовавшие мировой войне, Англия несколько раз пыталась дипломатическим путем воздействовать на Германию, в целях приостановки или, по крайней мере, замедления темпа морских вооружений последней, однако — сколько нибудь заметных практических результатов от этого не получилось. Германия упрямо стремилась к уничтожению морской гегемонии Великобритании. При таких условиях вопрос о господстве на водных путях мало-по-малу превратился в яблоко раздора между обоими державами и в сильнейшей степени способствовал возникновению войны 1914 г.

б) *Германо-французские противоречия.* Противоречия, лежавшие в основе борьбы между Германией и Францией, были несколько иного порядка. Со стороны Германии здесь действовали два главных момента. Прежде всего — вопрос о колониях. В первые годы после разгрома Франции вся энергия Бисмарка была направлена на то, чтобы не давать побежденной стране слишком успливать. В этих видах он вселчески поддерживал внутри Франции республиканский режим, так как считал, что монархия сможет создать для последней более выгодное международное положение, а в области внешней политики всемерно стремился изолировать Францию и предупредить возможность соглашения ее с другими державами. Действительно, вплоть до падения Бисмарка франко-русский союз, о котором начали говорить чуть ли не тотчас после Седана, так и не мог осуществиться. Однако, желая до известной степени компенсировать Францию за ее потери в Европе, Бисмарк очень покровительствовал всем ее попыткам создать себе мощное колониальное царство. Французская буржуазия не преминула использовать благоприятную конъюнктуру и в течение 1880-1900 г. захватила Тунис, Алжир, Сенегал, Ма-

дагаскар, Конго, Судан, Тонкин, Сиам, Аннам и целый ряд других областей в Азии и Африке, так что накануне войны Франция располагала колониальными владениями в $10\frac{1}{2}$ мил. кв. км. с 54 мил. населения. Она была второй по значению колониальной империей в мире, уступая только Англии.

Но то, что в 70-х годах прошлого столетия германским государственным людям казалось благом, в начале XX века с их точки зрения стало злом. Пока Германия сама не вела колониальной политики, она могла равнодушно или даже с некоторым сочувствием следить за увеличением колониальных владений Франции, довольная тем, что захват заокеанских земель сталкивает ее лбами с другими империалистическими державами, особенно с Англией и Италией, и значительно ослабляет ее военную мощь в Европе (Франции пришлось вести большое количество колониальных войн, и накануне 1914 г. она вынуждена была содержать в колониях до 70.000 белых солдат). Когда же сама Германия ступила на путь колониальной горячки, настроение ее господствующих классов совершенно изменилось. Теперь каждая страна, расширяющаяся крупными заокеанскими владениями, превратилась для нее в лишнего и неприятного конкурента, с которым она готова была, при первом удобном случае, свести кое-какие счеты. В частности, французские владения в Африке с начала текущего столетия стали привлекать к себе особенное внимание правящей Германии. В марте 1905 г. Вильгельм II произвел свою знаменитую высадку в Танжере (Марокко) и произнес там одну из своих зажигательных речей, не предвещавших ничего хорошего Франции, а весной 1906 г. состоялась Алжесирасская конференция, поставившая в порядок дня притязания Германии на марокканское железо. В июле 1911 г. германский крейсер „Пантера“ внезапно явился в Агадире, в результате чего во владения Германии перешла известная часть французского Конго.

Наряду с колониальной конкуренцией действовал еще один момент, касавшийся уже европейских отношений. По правую сторону Рейна расположена знаме-

нитая Рурская область, каменноугольные залежи которой определяются, примерно, в 240 миллиардов тонн. Уголь здесь превосходного качества, при том обладающий способностью превращения в кокс, столь необходимый для развития железодельного производства. По левую сторону Рейна, но уже на территории Франции, в районе Лонгви-Бриэ, неподалеку от франко-германской границы, в недрах земли скрываются колоссальные залежи железной руды, исчисляющиеся, примерно, в 5—7 миллиардов тонн, т.-е. свыше половины всех железорудных запасов Европы. Конечно, рассуждая чисто экономически, рурский уголь и французское железо должны были бы принадлежать к одной и той же хозяйственной системе. Однако, волею исторических судеб, они оказались оторванными друг от друга и включенными в территории двух различных государств. Германская буржуазия, создавшая в Рурской области необыкновенно мощную угольную промышленность, считала необходимым исправить ошибку, допущенную историей, и стремилась к захвату района Лонгви-Бриэ.

Со стороны Франции имелись также свои основания для недоверия и вражды по отношению к Германии. Здесь на первом месте стояло жгучее чувство обиды, испытанной Францией во время войны 1870-71 г., и желание отомстить высокомерному победителю за перенесенное унижение, за потерю Эльзаса и Лотарингии и за 5 миллиардов франков, уплаченных ему в виде контрибуции. Идея реванша охватывала во Франции не только буржуазные круги, но также и круги интеллигенции, крестьянства и даже значительной части пролетариата, — тем сильнее было ее политическое действие.

В том же направлении действовало и другое обстоятельство. Как известно, цифры рождаемости во Франции со времени Наполеона I систематически и неуклонно падают. В 1806-16 г. средняя годовая рождаемость составляла 3,16 ‰ а в 1913 г. — только 1,88 ‰ За сто лет она сократилась почти вдвое. В соответствии с этим прирост населения во Франции в течение всего XIX столетия был совер-

шенно уничтожен. Так, в 1872 г. население Франции составляло 36,1 милл., а в 1911 г. — 39,8 милл.: за сорок лет оно увеличилось только на 6%. Между тем, в соседней Германии за период 1872-1910 г. население возросло с 40,8 до 64,9 милл., или на 58%. Этот громадный перевес Германии в сфере прироста населения вызвал прямо паническое настроение во Франции и еще более обострил ее страх перед Германией и ненависть к ней.

Наконец, необходимо указать еще на то, что проблема угля и железа, являвшаяся одной из причин германской агрессивности по отношению к Франции, аналогичную роль, но уже в обратном преломлении, играла и во Франции. Короли французской металлургии, подобно германским угольным баронам, считали необходимым исправить ошибку истории, разделившую Рур и Лонгви-Бриа, но, конечно, в свою пользу. Они мечтали о присоединении Рура к Франции. В обоснование своих притязаний они апеллировали к принципу справедливости: в то время как Германия располагала в своих границах гигантскими залежами угля, Франция была чрезвычайно бедна черным топливом. Ее угольные залежи не превышали 17 миллиардов тонн, и ее угольная промышленность была не в состоянии покрывать потребности собственной страны, так что Франция в довоенные годы вынуждена была ввозить ежегодно около 20 мил. тонн угля из-за границы. В глазах французских предпринимателей столь неравномерное распределение между обоими странами угольных богатств было явной несправедливостью со стороны провидения, и они не прочь были помочь делу восстановления справедливости с помощью оружия. Правда, в довоенные годы королям французской металлургии приходилось мечтать о Руре с большой осторожностью, ибо реальное соотношение сил складывалось совсем не в пользу Франции. Но зато с тем большей настойчивостью они принялись за осуществление своей давней мечты после разгрома Германии, когда буржуазная Франция на известный период стала решающим фактором европейской политики.

в) *Германо-русские противоречия.* Историческое прошлое связывало Германию и Россию целым рядом достаточно прочных уз. Известная общность внутреннего режима, близкие семейные отношения царствующих домов, совместное участие в разделе Польши, совместная борьба против „революции“ в эпоху „Священного Союза“, наконец, отсутствие серьезных объектов раздора в области внешней политики, — все это способствовало традиционной близости между Берлином и Петербургом. Такое наследство получила образовавшаяся в 1871 г. Германская империя, и его старался всячески умножить и укрепить первый монарх империи — Вильгельм I. Чрезвычайно любопытно отметить, что едва произошла битва под Седаном, как министерство иностранных дел в Берлине поспешило сочинить особую дипломатическую записку, в которой оно убедительно доказывало, что между Германией и Россией нет и не может быть никакого столкновения интересов, так как Германия не имеет владений в Азии и не тяготеет к Черному морю, и что, наоборот, обе державы тесно связывает общность их польской политики. Не менее любопытно также и то обстоятельство, что в 1872 г. Бисмарку удалось свести в Берлине монархов Германии, Австро-Венгрии и России и добиться заключения между ними того, что тогда называли „Dreikaiser-Bündniss“ (Союз трех императоров). Этот союз просуществовал, правда, всего лишь пять лет, но все-таки три императора имели свидания в 1873, 74, 75 и 76 г.г. и обсуждали на них возникавшие вопросы международной политики. Несмотря, однако, на столь, казалось бы, благоприятные для русско-германской дружбы условия, объективный ход событий работал на сторону создания противоречия интересов между обоими державами. Клином, который разбил русско-германскую дружбу и превратил ее во вражду, явился так называемый „Восточный вопрос“.

Мы не можем здесь подробно останавливаться на характеристике ближневосточной политики царской России. Достаточно сказать, что с начала XIX века русское правительство ставило

себе в качестве идеальной цели превращение Черного моря в „русское море“. Это, очевидно, требовало охвата последнего с запада и востока. Завоевание Кавказа и областей Карса и Батума служило осуществлением первой части обширного империалистического плана. Гораздо сложнее обстояло дело с охватом Черного моря с запада, ибо тут России приходилось сталкиваться с могущественным сопротивлением целого ряда других великих держав, в частности Австро-Венгрии, также претендовавшей на захват, если не Константинополя, то, во всяком случае, значительной части Балкан. Вот это-то соперничество между Россией и Австро-Венгрией на Ближнем Востоке и послужило первой причиной для разломки между Петербургом и Берлином. В 1875—76 г. произошло восстание против турецкого господства в Сербии и Герцеговине. В связи с ним сильно обострились отношения между Австро-Венгрией и Россией. Александр II формально запросил Бисмарка, может ли он рассчитывать на нейтралитет Германии в случае войны с Дунайской монархией. Бисмарк, а вместе с ним и только что объединенная Германская империя должны были сделать выбор между двумя друзьями. И „железный канцлер“, не колеблясь, остановил свой выбор на Австро-Венгрии. Он дал понять Александру II, что Германия не допустит разгрома Австро-Венгрии, и тем отвел от последней нависший над ней удар. Он далее постарался на Берлинском конгрессе 1878 г. свести реальные плоды победы России над Турцией к возможному минимуму и, таким образом, облегчить Австрии борьбу с последней на Ближнем Востоке. Бисмарк пошел еще дальше и в следующем 1879 г. заключил с Дунайской монархией оборонительный союз, направленный своим острием, главным образом, против России. Так произошло первое охлаждение в отношениях между Берлином и Петербургом, положившее начало новой эре в русско-германских отношениях, эре, завершившейся войной 1914 г.

В течение 80-х г. прошлого столетия в правящих кругах России постепенно усиливается недоброжелатель-

ство по отношению к Германии, чему в немалой степени способствует политика нового болгарского князя Александра Батенбергского, отказывавшегося быть простой пешкой в руках русского царя. В 1891 г. кладется начало франко-русскому союзу, направленному, прежде всего, против Германии. Начавшаяся в 90-х годах увлечение царского правительства дальне-восточными делами временно ослабляет остроту отношений между Берлином и Петербургом, но, когда после поражения русской-японской войны царская Россия вновь переносит свое внимание на Ближний Восток, интересы Петербурга и Берлина приходят в прямое столкновение. Ибо теперь речь идет уже не о притязаниях Австро-Венгрии на Балканах. Теперь сама Германия стремится стать твердой ногой на Проливах. Она открывает здесь свои конторы и банки, она строит здесь железные дороги, направленные не только против Англии, но также против России. Германия стремится к развитию производительных сил Турции, к охране ее целостности, в конечном счете, к известному ее усилению, — Россия же всегда мечтала о разделе Турции и о захвате Константинополя. При таких условиях никакого соглашения между Германией и Россией не могло быть. Наоборот, между ними становилась неизбежной открытая борьба. Тем самым Россия отбрасывалась в лагерь врагов Германии и подавала руку Англии и Франции.

2) *Союзники Германии.* Впрочем, в области внешне-политических отношений Германия с другими державами имела не только плоскости трения, но также и линии совпадения интересов. У нее были не только враги, но и друзья. Из них наиболее важным, несомненно, являлась Австро-Венгрия. Истории отношений между Берлином и Венной не представляет собой одной прямой линии. Напротив того, на протяжении полувека, предшествовавшего войне, эта история испытала поистине замечательное превращение. До 1866 года между обоими государствами существовала глубокая вражда, разрешившаяся войной.

Военное счастье решило долголетний спор между двумя крупнейшими немец-

кими государствами в пользу Пруссии. Дунайская монархия была сброшена с прежнего пьедестала всемогущества и больше уже не могла служить препятствием для создания единой Германии под главенством Пруссии. И Бисмарк сразу меняет свою политику: с той же настойчивостью и тем же искусством, с какими он до сих пор готовил войну с Австрией, он начинает теперь готовить с ней примирение. Победая ожесточенные сопротивления короля и военной партии, Бисмарк настаивает на скорейшем заключении почетного мира с Дунайской монархией и союзными с ней южно-германскими государствами, отказывается от всяких аннексий австрийской территории, удовлетворяется весьма скромной контрибуцией (20 мил. талеров, т. е. около 28 мил. руб.) и даже заключает еще оборонительно-наступательный союз с Баварией, Вюртембергом, Баденом и Гессеном. Тем самым жало реванша оказывается вырванным из груди Австро-Венгрии, и почва для сближения в будущем подготовлена. И затем начинаются систематические усилия к созданию этого сближения. В 1872 г. по инициативе Бисмарка возникает уже упоминавшийся выше Dreikaiser-Bündnis (Союз трех императоров), а в 1876 г., когда происходит острый конфликт из-за балканских дел между Россией и Австрией, Германия определенно становится на сторону последней. Наконец, в 1879 г. происходит заключение оборонительного союза между Германией и Австро-Венгрией, в полной незыблемости просуществовавшего вплоть до мировой войны. Начиная с 80-х г. прошлого столетия, создается известная кооперация обоих государств в области внешней политики, в особенности на Ближнем Востоке. Дунайская монархия постепенно превращается в аванпост германского империализма в его мощном продвижении на Балканы и в Малую Азию. Тем самым закладывается прочная экономическая и политическая основа под германо-австрийской дружбой, выдержавшая, как мы знаем, все тяжкие испытания мировой войны.

Не довольствуясь, однако, дружбой с Австро-Венгрией, Германия систематически пыталась укрепить свое ме-

ждународное положение приобретением новых союзников и сторонников. Из числа первых необходимо упомянуть Италию, в 1882 г. присоединившуюся к австро-германскому союзу, превратившемуся после этого из двойственного в тройственный. Причины, побудившие Италию к данному шагу, коренились в колониальном соперничестве между Апеннинским королевством и Францией. „Обиженная“ захватом Францией Туниса и Алжира, расположенных на африканском берегу прямо против Италии, последняя стала искать себе поддержки в могущественном противнике французской республики. В последующее десятилетие эта политическая связь между двумя государствами стала постепенно укрепляться проникновением в Италию немецкого капитала; однако, вековой спор между Италией и Австрией из-за пограничных областей с их смешанным населением вносил разлагающий элемент в недра Тройственного союза. Правда, этот союз формально просуществовал вплоть до мировой войны, но его внутренняя сущность постепенно все более выветривалась, так что для Италии не представляло особых затруднений выступить в 1915 г. на стороне Антанты.

Что касается сторонников, то Германия готовила их себе, гл. об., на Ближнем Востоке. Мы уже знаем, какие причины создавали прочную связь между ней и Турцией. Необходимо к этому прибавить еще несколько замечаний относительно Балкан. Кроме экономического внедрения немецкого капитала в балканские государства, Германия широко пользовалась здесь еще одним излюбленным средством: она сажала на престолы маленьких балканских государств захудалых немецких принцев и через их посредство тесно связывала Берлин с балканскими столицами. В Греции, Болгарии, Румынии и Албании в роли монархов неизменно фигурировали отпрыски столь многочисленных немецких владетельских фамилий. Одна лишь Сербия составляла исключение, однако, имея границу непосредственно с Австро-Венгрией, она не могла оказывать серьезного сопротивления германскому натиску на Ближний Восток. Результаты описанного

положения не замедлили сказаться во время мировой войны: Турция и Болгария, как известно, выступили в качестве союзников центральных империй, а Греция и Румыния лишь очень поздно и не очень решительно прикнули к враждебной Германии коалиции.

Таковы были предпосылки войны 1914—18 г. С одной стороны, систематически накапливались глубокие империалистические противоречия между англо-франко-русским блоком и Германией, с другой стороны, крепла связь Германии с Австро-Венгрией, Турцией и балканскими государствами. Создавались два гигантских фронта, которые рано или поздно должны были прийти в острое столкновение. Случайный выстрел в Сараево послужил искрой, взорвавшей европейский пороховой погреб. Буржуазные политики и историки вплоть до настоящего дня продолжают спорить о том, кто являлся нападающей и кто обороняющейся стороной, продолжают тщательно выискивать „виновников войны“. В свете вышеприведенных фактов и соображений становится совершенно ясной абсолютная вздорность и никчемность всех подобных прений и изысканий. Великая катастрофа 1914 г. опрокинулась на мир с неизбежностью чисто стихийного явления, пред которым „вина“ тех или иных государственных деятелей, политических клик и экономических группировок отступает на задний план. Мировая война является законным детищем капитализма, и впредь до уничтожения последнего ничто не сможет нас застраховать от повторения подобных и, быть может, еще худших исторических извержений.

2) Германия во время войны.

Экономика. Война 1914 г. сразу поставила Германию в критическое положение. Правда, на фронте германские войска вначале одерживали крупные победы, однако, хозяйственные перспективы страны рисовались в очень угрожающих очертаниях. Франция и Россия закрывали западную и восточную границы Германии. Сербия преграждала пути на Ближний Восток. Италия, в 1915 г. также вступившая в войну на стороне Антанты, закупо-

ривала выходы для Германии к югу. Наконец, Англия своим могущественным флотом блокировала все морские подступы к центральному монархиям. Германия была изолирована от всего остального мира. Конечно, через маленькие нейтральные страны (Голландию, Швейцарию, Данию, Швецию и Норвегию) она имела возможность ввозить кое-что из-за границы, главным образом из Северной Америки. Но все-таки в основном она отныне должна была рассчитывать вплоть до конца войны на свои собственные внутренние ресурсы и на ресурсы своих союзников. Впрочем, Австро-Венгрия мало чем могла ей помочь, так как сама едва справлялась со своими нуждами, а ресурсы Ближнего Востока, и при том в довольно ограниченных размерах, открылись перед нею только ко второй половине войны.

И тут в полной мере обнаружилось совершенное банкротство частно-капиталистической хозяйственной системы. Как ни могуч был германский капитализм, он оказался совершенно не в состоянии справиться с удовлетворением потребностей страны в условиях военного времени. Для спасения положения на сцену должно было выдвинуться государство, которое весьма жестко стало вносить элементы планового хозяйства в стихийные процессы экономической жизни. В результате гигантской организационной работы создалась своеобразная система *военного капитализма*, подобной которой мир до того еще не видал.

Начало этой громадной перестройке народного хозяйства было положено образованием 8 августа 1914 г., т. е. через несколько дней после начала войны, особого *Kriegs-Industrie-Russchuss* (Военно-промышленного комитета) в составе 24 членов, в котором заседали виднейшие финансовые и промышленные деятели Германии наряду с уполномоченным правительства. В выпущенном Военно-промышленным комитетом воззвании последний ставил своей основной задачей „наиболее рациональным образом собрать и организовать наличные хозяйственные силы“. Конкретизируя далее свои намерения, комитет говорил: „Мы хотим обеспечить

систематическое распределение рабочих и служащих как в промышленности, так и в сельском хозяйстве. Мы будем содействовать доставлению занятия тем отраслям промышленности, которые пострадали от войны, передавая им заказы или части производительных процессов от других отраслей, заваленных работой" и т. д. Военно-промышленный комитет вошел в тесный контакт с правительством и вместе с последним приступил к налаживанию новых форм хозяйственной жизни, вызванных условиями военного времени. Большую роль при этом сыграл тогдашний директор „Всеобщей Компании Электричества“, впоследствии министр иностранных дел республиканской Германии, Вальтер Ратенау. Не останавливаясь на истории развития военного капитализма, дадим здесь краткое представление о важнейших его органах, как они сложились к концу войны.

Среди них на первом месте необходимо поставить *Kriegsamt*, что в буквальном переводе означает „Военное ведомство“, но что правильное было бы назвать „Ведомство снабжения фронта“. *Kriegsamt* находилось в тесной связи с прусским военным министерством и имело своей задачей регулярное снабжение действующей армии оружием, аммуницией, сырьем, вспомогательной рабочей силой и т. д. Оно же занималось хозяйственной пропагандой, научными и статистическими исследованиями по вопросам военной экономики, организовало информационную службу, регулировало объединение предприятий военной промышленности, заботилось о поддержке работниц и их семей и т. п. *Kriegsamt* имело свои местные органы (бюро), главной задачей которых являлось обеспечение предприятий военной промышленности необходимой рабочей силой и наблюдение за правильной организацией посева и сбора урожая. Важнейшей частью *Kriegsamt*, его становым хребтом являлся отдел сырья (*Kriegsgohstoffabteilung*), подразделявшийся на ряд секций, в соответствии с различными видами сырых материалов. Секции преследовали организационно-административные цели: они вырабаты-

вали планы использования сырья, издавали распоряжения, касающиеся секвестра продуктов, повышения производительности труда, твердых цен и т. п. Они же вели расчеты с поставщиками и осуществляли контроль над подведомственными им промышленными объединениями. Самое же осуществление намеченных секцией планов находилось в руках многочисленных „военно-акционерных обществ“, „расчетных бюро“, „наблюдательных комитетов“. Таких органов, подотчетных *Kriegsgohstoffabteilung*, к концу войны имелось 92. Строение их в основном сводилось к следующему: крупнейшие предприятия каждой отрасли производства принудительно объединялись в „акционерные общества“ или „общества с ограниченной ответственностью“, впрочем не приносящие никаких прибылей; подобные общества заботились о приобретении сырья, распределении и доставке его отдельным предприятиям. За деятельностью каждого общества наблюдал особый правительственный комиссар. Важнейшими из только что названных организаций были: „Военно-акционерное общество металла“, „Военно-акционерное общество химических продуктов“, „Военно-акционерное общество кож-сырья“, „Военно-акционерное общество хлопка“ и некоторые другие. Изготовление одежды находилось в ведении „Бюро обмундирования“, резина собиралась и распределялась „Расчетным бюро по каучуку“, „Военный комитет по изготовлению бумаги“ заботился о снабжении фронта изделиями бумажной промышленности, наконец, специальное военно-акционерное общество собирало шкурки кошек, кроликов и зайцев.

Вторым органом, игравшим громадную роль в системе военного капитализма, было *Kriegsernährungsamt* (Военно-продовольственное ведомство). В задачи его входило распоряжение всеми пищевыми продуктами в стране, регулирование ввоза и вывоза предметов питания, а также обращения их среди населения, усиление производства пищевых продуктов, фиксации твердых цен на продовольствие, установление норм потребления, изъятие

продовольственных излишков из хозяйств производителей и т. д. Kriegsernährungsamt, конечно, ведал лишь делом общего руководства в вопросах продовольствия, он вырабатывал определенные планы использования наличных запасов, намечал общую линию поведения. В качестве исполнительных органов выступали отдельные государственные учреждения, общины и союзы общин. Деятельность Военно-продовольственного ведомства в основном сводилась к двум задачам: к развитию общественного хозяйства в области продовольствия и к регулированию частной торговли, главным образом путем определенной политики цен.

Первая задача находила свое осуществление в создании целого ряда „военно-акционерных обществ“ и „имперских бюро“ для заготовки и оптового распределения продуктов продовольствия. Важнейшим из таких органов было „Имперское хлебное бюро“ (Reichsgetreidestelle), состоявшее из двух отделов—административного и коммерческого—заготовлявшее зерно, как в порядке закупки через комиссионеров, так и в порядке обязательной сдачи его производителями по твердым ценам. Бюро имело право фиксировать нормы потребления зерна производителями, запрещать употребление хлеба на корм скоту, ограничивать убой скота в хозяйстве производителя, требовать сдачи скота и молочных продуктов своим органам и налагать секвестр на различные продукты сельского хозяйства. По такому же типу было создано „Имперское картофельное бюро“ (Reichskartoffelstelle). „Закупочное Общество немецких сельских хозяйств“ получило право заготовки дома и за границей удобрений и кормовых средств для скота, регулирование их распределения по твердым ценам при почти полном запрете частной торговли этими продуктами. Специальный „Комитет по изготовлению суррогатов масла“ заботился об извлечении жиров или заменяющих их веществ из имеющегося в стране сырья. Вторая задача—регулирование частной торговли—имела гораздо меньшее значение, так как в руках последней

были оставлены только скоропортящиеся продукты, как свежие овощи, фрукты, мясо и т. п. Здесь Военно-продовольственное ведомство со своими местными органами стремилось (правда, не всегда удачно) влиять на частную торговлю путем установления твердых рыночных цен. Что касается продуктов, изъятых из частной торговли (хлеб, картофель и др.), то они выдавались населению по карточкам в определенном количестве на каждого едока. Карточки эти жители получали из соответственных коммунальных учреждений.

Наконец, третьим важным органом в системе военного капитализма было „Имперское экономическое ведомство“ (Reichswirtschaftsamt), вышедшее из недр министерства внутренних дел. Его главной задачей было регулирование потребления угля и одежды, к чему прибавлялся еще ряд иных функций, о которых речь будет ниже. Для регулирования потребления угля в Имперском экономическом ведомстве был создан особый комиссариат по распределению угольного топлива. Последний имел право секвестра угольных запасов и устанавливал, какое количество черного топлива будет использовано для нужд фронта и какое пойдет на удовлетворение потребностей мирного населения. Комиссариат распределял также ту часть угольных запасов, которые оставлены для тыла, между отдельными крупными потребителями. В связи с угольным комиссариатом имелись особые „имперские комиссары“ по регулированию потребления газа и электричества. Что касается одежды для мирного населения, то ее заготовкой ведало „Имперское бюро одежды“ (Reichsbekleidungsstelle). Бюро наблюдало за экономным расходованием наличных запасов платя и обуви, обеспечивало определенные сорта материи за больницами и государственными учреждениями, заботилось о достаточном снабжении населения одеждою и обувью, фиксировало норму потребления материй при пошивке одежды, изыскивало суррогаты, пригодные для изготовления платья и обуви, принимало меры к использованию старья и т. п. „Имперское

бюро" осуществляло общее руководство, практическое проведение его решений лежало на союзах общин. снабжение населения предметами одежды производилось по карточкам, выдаваемым коммунальными учреждениями. „Имперскому бюро“ был подведомствен целый ряд подсобных организаций, из которых можно упомянуть, напр., „Имперское общество торговли кожей“, занимавшееся покупкой ненужных армии кожаных товаров, „Бюро по изготовлению ремней“, ведавшее производством и распределением между предприятиями приводных ремней, „Наблюдательный комитет обувной промышленности“, принудительно объединявший сапожные предприятия и регулировавший размеры производства в соответствии с запасами сырья, „Общество торговли обувью“—также принудительное объединение торговых фирм данного рода, в целях продажи обуви по твердым ценам, и т. д. Кроме органов, регулирующих потребление угля и одежды, Имперскому экономическому ведомству был подчинен еще ряд иных учреждений и организаций. Так, под его контролем работало „Центральное закупочное общество“, в течении войны фактически осуществлявшее монополию внешней торговли. Далее, под его же контролем развивало свою деятельность „Военно-экономическое общество“, на обязанности которого лежало хранение, управление, использование и распределение имущества, захваченного в оккупированных областях военным ведомством. Тому же Имперскому экономическому ведомству были подчинены: „Бюро по распределению ненужного в армии металла“, „Центральное бюро по распределению соды“, „Военный комитет животных и растительных жиров“, „Имперское бюро по заготовке бочек“, „Имперское бюро по обеспечению запасов бумаги“ и многие другие. Наконец, при Экономическом ведомстве имелись еще третейский суд для разрешения всякого рода споров в связи с секвестром продуктов, установлением цен и т. д., а также особая комиссия, определявшая размеры вознаграждения собственников отчужденного имущества в оккупированных областях.

Три описанных ведомства составляли основной костяк военно-капиталистического хозяйства Германии в 1914-18 г. Они дополнялись рядом учреждений и организаций вспомогательного характера, из которых особенно выделялись по своему значению так наз. *Arbeitsgemeinschaften* (в буквальном переводе — „Трудовые объединения“), составленные на паритетных началах из представителей профессиональных союзов и предпринимательских организаций. *Arbeitsgemeinschaften* имели своей главной задачей в течение всего времени войны поддерживать гражданский мир в производстве, т. е. предупреждать стачки и острые конфликты труда и капитала, разрешая все спорные вопросы в порядке соглашения или третейского суда. Справедливость требует сказать, что вся описанная выше гигантская машина в общем и целом хорошо функционировала на протяжении всего периода войны. Только благодаря этому Германия смогла продержаться четыре года против неизмеримо сильнейшего врага, будучи при том отрезанной от внешнего мира и предоставленной почти исключительно своим внутренним ресурсам. На ряду с тем несомненно громадную роль в повышении боеспособности страны сыграли столь изумительно развитые в Германии техника и наука. Чтобы иллюстрировать значение последних в упомянутую эпоху, приведем несколько характерных примеров.

Недостаток керосина, ввозившегося в Германию из-за границы, повел к переходу во время войны многих небольших городов и особенно сел и деревень на электрическое освещение. Это имело своим последствием увеличение спроса на провода. А так как медь в то время была крайне нужна для военных целей, то немецкие электротехники предприняли целый ряд опытов для отыскания какого-либо подходящего суррогата. Таковой, в конце-концов, и был найден в никелированном мягком железе, успешно выполнявшем функцию проводника электрического тока. Но так как каучук в эпоху войны представлял в Германии также большую редкость,

го резиновые изоляторы были по-всюду (и с значительным успехом) заменены изоляторами из бумаги. Недостаток кожи повел к замене кожаных приводов на фабриках приводами из очень гибкой стали, которые оказались даже лучше, чем раньше употреблялись. Технические масла стали готовиться из касторки, из нее же химическим путем начали добываться твердые жиры. В свою очередь, для получения касторки стали разводиться в широких размерах соответственное растение, которое, как оказалось, могло произрастать в климатических и почвенных условиях Германии. Машинное масло получали из рыбьего жира. Истощение запасов бензина повело к замене его в автомобилях и моторах спиртом, и так как картофель, из которого обычно добывается спирт, приходилось также беречь для еды, то спирт начали получать путем перегонки сахара. В виду прекращения подвоза чилийской селитры были открыты новые фабричные способы получения азота из воздуха (см. XXXVIII, *селитра*). Государство выстроило для этой цели несколько больших заводов и взяло монополию на добывание столь важного для земледелия и для приготовления взрывчатых веществ продукта. Очень много хлопот германским техникам доставила текстильная промышленность. За недостатком шерсти и хлопка они ухитрились найти способы производства таких предметов, как теплые платья, чулки, постельное белье, вата и т. д. из самой обыкновенной бумаги (напр., старых газет). Вместе с тем были произведены довольно удачные опыты в области замены индийского джута некоторыми домашними растениями (хмелем, дромом и др.). Аналогичных примеров можно было бы привести гораздо больше, но и того, что сказано, достаточно. Эта поразительная изобретательность, вписавшая блестящую страницу в историю немецкой техники и науки, в сильнейшей степени помогла Германии ослабить разрушительное влияние войны на народное хозяйство. Тем не менее, экономика страны все-таки не могла не испытать серьезного ущерба в результате великой полити-

ческой катастрофы. Свидетельством того прежде всего служит сокращение производства тяжелой промышленности. В самом деле, добывание угля в Германии за годы войны представляло след. картину:

		В % ^о / _о
1913 г.	209,4 мил. топ. *)	100
1914 "	180,0 " "	85
1915 "	168,5 " "	79
1916 "	179,8 " "	85
1917 "	189,0 " "	90
1918 "	163,3 " "	87

Как видим, несмотря на все усилия, Германии не удалось поддержать свое угольное производство на довоенном уровне: оно сократилось, примерно, на $\frac{1}{6}$. Еще хуже обстояло дело с металлом. Было добыто:

	Чугуна, Стали.	
	мил. тонн.	
1913 г.	13,8	17,6
1914 "	12,6	13,8
1915 "	10,2	12,3
1916 "	11,3	14,9
1917 "	11,6	15,5
1918 "	10,7	13,2

Итак, выплавка чугуна и стали в среднем уменьшилась на $\frac{1}{3}$. И то и другое с несомненностью свидетельствовало о пониженном тонусе жизни в германском народном хозяйстве эпохи мировой войны. И только немецкая буржуазия, несмотря ни на что, продолжала бешеным темпом накопление своих капиталов. Среди всеобщих страданий и разрушений она одна делала прекрасные дела. Тысячи предприятий, работавших теперь на войну, давали ежегодные прибыли в 30, 50, 70, 100 и больше процентов. Капиталы немецкой промышленности и торговли справляли настоящий пир во время чумы.

Финансы. Мы не будем здесь останавливаться на вопросе о финансировании войны Германией: он рассмотрен в предыдущем (XLVI) т. в ст. *"Финансирование войны"* (см. также ст. *"Денежный кризис эпохи мировой войны"* в настоящем томе).

*) Камешный и бурый уголь в переводе на камешный.

Отметим только, что за время войны количество находящихся в обращении бумажных денег увеличилось почти в девять раз, а процент их обеспечения золотом упал почти в шесть раз.

Это видно из следующих цифр:

	Зол. налич- ность.	Общая сум- ма бумаж- ных денег.	Процент обеспе- чения бумажных денег золотом.
	млрд.	мк.	
В декабре 1913 г.	1.422	2.550	56
" 1914 "	2.094	4.962	42
" 1915 "	2.438	6.802	36
" 1916 "	2.494	7.922	32
" 1917 "	2.554	11.276	23
" 1918 "	2.244	21.818	10

Имперский долг, составлявший накануне войны в круглых цифрах 5 миллиардов марок, к началу 1919 г. возрос до 105 миллиардов, или в 21 раз. Само собой разумеется, что щедрая эмиссия и колоссальная задолженность не могли не отразиться на курсе немецких денег. Ценность марки непрерывно падала. Накануне войны доллар стоил в Берлине 4,19 мк., а в январе 1919 г.—8,17 мк. Таково было действие войны на германскую валюту.

Политика. Внешняя политика Германии в эпоху войны делалась, гл. обр., штыком и картечью на полях сражений, но все-таки известную роль играли и другие методы ее проведения. В частности, в 1914—18 г. особенно важное значение имел вопрос о так называемых "военных целях" Германской империи. Чего она хотела? Каких результатов добивалась? На какие "компенсации" рассчитывала? Ответ Германии или точнее ее правящих классов на поставленный вопрос не легко установить во всех деталях, ибо различные группы буржуазии и юнкерства имели различные притязания. К тому же их "военные цели" сильно менялись в зависимости от положения дел на фронте. Однако, с указанными оговорками можно все-таки отметить следующее.

Уже в феврале 1915 г. шесть крупнейших хозяйственных союзов („Союз

сельских хозяев“, „Немецкий крестьянский союз“, „Христианский союз крестьянского населения“, „Центральный союз германской промышленности“, „Федерация германских промышленников“ и „Союз средних классов“) представили правительству особый меморандум, в котором они высказывались за новые территориальные приобретения в случае победоносного окончания войны. В конце 1916 г. имперский канцлер Ветманн-Гольвег в речи, произнесенной в рейхстаге, наметил уже официальную программу германских требований на предмет заключения мира. Эта программа предусматривала на востоке создание независимой Польши и присоединение к Германии Литвы и Курляндии, а на западе—аннексию Льежа и французского железо-рудного района Лонгви-Бриэ. Кроме того, программа настаивала на расширении колониальных владений Германии. Отдельные группы и течения в рядах господствующих классов шли еще далее. Так, руководящие круги морского ведомства настаивали на безусловном захвате Бельгии, как необходимой базы для подводных лодок на случай новой войны с Англией. Известный политический публицист П. Рорбах, представлявший крайнее крыло германских империалистов, требовал расчленения России и создания самостоятельного государства из Украины. Наконец, известный демократ Фридрих Науман выдвигал схему образования так наз. „Серединной Европы“. Под последней он разумел таможенное объединение Германии, Австро-Венгрии, Балканских государств и Турции, которое создало бы исполинскую империю от Гамбурга до Багдада с населением в 200 мил. человек и с господствующим центром в Берлине. Идеи Наумана находили отклик в весьма широких кругах, включительно до социал-демократии. Впрочем, все эти грандиозные империалистические схемы выработались в первую половину войны, когда правящие классы Германии еще верили в свою победу. Вмешательство Америки в европейскую борьбу на стороне Антанты круго изменило их настроение, и 19 июля 1917 г. рейкс-

таг принял резолюцию, уже совершенно иначе формулировавшую приемлемые для Германии условия мира. Резолюция категорически отвергала всякие аннексии, отрекалась от методов политического насилия и высказывалась за ликвидацию войны на основе взаимного примирения народов. Год спустя Германия, разбитая на фронте и пожираемая огнем массового недовольства изнутри, вынуждена была просто капитулировать перед Антантой, признавши в качестве своего идеала пресловутые „14 пунктов“ Вильсона.

Что касается внутренней политики, то на всем протяжении войны она проходила под знаком сохранения „гражданского мира“ в стране. Поэтому правительство и отдельные политические партии избегали поднимать такие вопросы, которые способны были бы вызвать сколько-нибудь серьезные расхождения. Никаких изменений в формах государственного управления не производилось. Никакой открытой политической борьбы не допускалось. Германия, по мысли ее правящих классов, должна была стоять, подобно монолиту, в борьбе со своими многочисленными врагами. Тыл должен был думать только о фронте. Такова была линия поведения буржуазно-юнкерской Германии. Мало того, та же линия поведения была усвоена и подавляющим большинством пролетариата. Как это произошло, мы сейчас увидим.

Рабочее движение. Военная катастрофа застала германскую социал-демократию совершенно неспособной оказать какое-либо сопротивление надвигавшейся опасности. В течение недели, предшествовавшей объявлению войны, политические вожди германского пролетариата бесположно метались между различными решениями, не имея мужества сказать какое-нибудь определенное слово. А когда война, наконец, стала совершившимся фактом, они сразу забыли весь свой интернационализм и превратились в добрых патриотов, готовых помочь своему императору в „час великого испытания“. Не только представители правого, ревизионистского крыла социал-демократии, как Э. Бернштейн, Л. Франк, Э. Давид и др.,

и самые „левые“ и ортодоксальные, как К. Каутский, Г. Кунов, Ф. Шейдеман, П. Ленч и др. стали самыми обыкновенными немецкими националистами, потерявшими всякую способность анализа совершающихся событий и доказывавшими, что Германия подверглась коварному нападению со стороны Антанты. 4 августа 1914 г. правительство внесло в рейхстаг первые военные кредиты, и социал-демократия, всегда до сих пор принципиально отвергавшая обычный государственный бюджет, как бюджет классового государства, теперь голосовала за расходы на войну. Правда, в рядах социал-демократической фракции нашлась оппозиционная „группа 14“ во главе с Карлом Либкнехтом, но и она, подчиняясь партийной дисциплине, ничем не выразила своего отрицательного отношения к военным кредитам. День 4 августа явился, таким образом, днем официального падения германской социал-демократии, как революционной партии интернационального социализма.

Последующие четыре года прошли в упорной борьбе большинства социал-демократии с постепенно нараставшей внутри партии оппозицией и со стихией нарождавшихся революционных настроений масс. Основные факты этой борьбы сводятся к следующему. При втором голосовании военных кредитов 2 декабря 1914 г. Карл Либкнехт, вопреки решению фракции рейхстага, открыто голосовал против ассигнования на войну, за что и был несколько месяцев спустя мобилизован и отправлен на фронт. При третьем голосовании военных кредитов к Либкнехту присоединился еще один левый социал-демократ Рюле, остальные же оппозиционеры, несогласные с общей линией поведения партии, во время голосования покинули зал заседания. Одновременно с третьим голосованием военных кредитов правительство внесло на одобрение рейхстага и нормальный государственный бюджет на текущий год. Большинство социал-демократической фракции голосовало и за нормальный бюджет, тем самым открыто нарушив постановление Магдебургского съезда своей партии (1910 г.). При чет-

вертом голосовании военных кредитов число оппозиционеров во фракции возросло до 44 из общего количества 110, однако, и теперь недовольные нашли возможным выразить свой протест лишь в форме ухода из зала заседания рейхстага перед голосованием. Одновременно с описанными событиями, происходившими в стенах парламента, в широких массах пролетариата, а также среди рядовых членов партии начинали крепнуть революционные настроения. Весной 1915 г. группа левых социал-демократов, объединившихся вокруг Карла Либкнехта, Розы Люксембург, Клары Цеткин и Франца Меринга, выпустила первый и единственный номер журнала „Интернационал“. А в ноябре того же 1915 г. в Берлине состоялась первая рабочая демонстрация за мир.

Рост оппозиции в массах и в партии побудил большинство социал-демократов несколько подновить свой начинающий угасать авторитет. С этой целью 9 декабря 1915 г. социал-демократическая партия внесла в рейхстаг запрос относительно условий будущего мира. Однако, тогдашний глава правительства Бетманн-Гольвег отказался сделать какие-либо определенные заявления по данному поводу, но зато весьма категорически потребовал от Алянты „гарантий на западе и востоке“. Блок буржуазных партий достаточно расшифровал слова первого министра, заявив устами вождя центра, Шпана, что он настаивает на мире с „расширением территории“. Таким образом, социал-демократы, в сущности, получили на свой запрос совершенно недвусмысленный ответ. И тем не менее большинство социал-демократической партии вновь голосовало за военные кредиты. Тогда левая оппозиция в заседании 21 декабря 1915 г. выступила с открытым протестом: 20 депутатов-оппозиционеров голосовали против военных кредитов. В социал-демократической фракции рейхстага произошел, т. обр., открытый раскол. Началась ожесточенная борьба между большинством и меньшинством, при чем большинство совершенно не стеснялось в средствах для сокрушения оппозиции. В особенности энергично оно изгоняло

сторонников оппозиции из редакций газет, сажая туда своих единомышленников. Весь 1916 год прошел в этой внутренней борьбе, но формально оппозиция еще продолжала оставаться в рядах партии. Только 20 левых депутатов с марта 1916 г. образовали в рейхстаге особую фракцию.

Однако, долго такое положение не могло сохраняться. 7 января 1917 г. оппозиционное меньшинство созвало в Берлине обще-германскую конференцию всех левых групп и организаций, на которой присутствовало 157 делегатов, в том числе 35 человек от группы „Интернационал“. Конференция не задавалась целью образования самостоятельной партии, а имела в виду лишь выработать общую линию поведения оппозиционных элементов внутри старой партии. В частности, она приняла постановление бороться против выставления в качестве кандидатов на парламентских и муниципальных выборах тех членов партии, которые участвовали в незаконном захвате оппозиционных газет. Данное решение, направленное в первую голову против лидеров большинства, вызвало с их стороны немедленный отпор. Верховная партийная инстанция — „партийный комитет“ (нечто вроде расширенного пленума ЦК) 19 января 1917 г. принял постановление, гласившее, что оппозиция своими действиями „поставила себя вне партии“, и что все члены партии, примыкающие к оппозиции, отныне должны рассматриваться, как вышедшие из состава организации. Это было совершенно незаконное решение, но тем не менее все оппозиционеры оказались исключенными из социал-демократии. Раскол окончательно совершился 9 апреля 1917 г. В Роте, где за 42 года перед тем происходил первый объединительный съезд германской социал-демократии, ныне состоялся первый формальный съезд оппозиционного меньшинства. На этом съезде была создана „Независимая социал-демократическая партия Германии“. Что касается большинства, то после исключения всех недовольных оно уже совершенно открыто стало проводить свою политику „гражданского мира“ и безусловной поддержки

правительства, при чем теперь в нем стало особенно сильно сказываться влияние правых лидеров профессиональных союзов. Вплоть до самой германской революции официальная социал-демократическая партия оставалась верной служанкой императора Вильгельма, вплоть до участия Шейдемана и Эберта в последнем монархическом правительстве принца Макса Баденского накануне крушения старого режима. За период 1914—18 г. германская социал-демократия прошла длинный путь развития, постепенно превращаясь из партии революционной в партию реакционную.

Аналогичную эволюцию проделало и профессиональное движение. Прежде всего приведем некоторые цифровые данные, характеризующие его развитие в эпоху войны. Число членов „свободных“ (примыкающих к социал-демократии) союзов было:

1913 г.	2.525 тыс.
1914 „	1.502 „
1915 „	995 „
1916 „	945 „
1917 „	1.278 „
1918 „	2.889 „

Как видим, количество членов профсоюзов за период войны, благодаря мобилизациям, сильно сократилось, упав в 1916 г. почти до $\frac{1}{3}$ предвоенного времени, и только в 1918 г. в связи с ликвидацией военных действий стало быстро подыматься вверх*).

Однако, важнее этих количественных изменений были изменения качественные. Вся профсоюзная верхушка, всегда стоявшая на правом фланге партии, с началом войны превратилась в очаг самого безудержного германского шовинизма. В обоснование своей позиции профсоюзные вожди любили приводить, по преимуществу, экономические соображения: развитие профдвижения тесно связано с развитием промышленности, поражение в войне разрушит немецкую промышленность или, по крайней мере, нанесет ей ряд тяжелых ударов, это невыгодно для профсою-

зов и их членов. Отсюда практический вывод: всемерная поддержка правительства и война до победного конца. Исходя, именно, из такой идеологии, профсоюзные вожди на протяжении всего периода военных действий были горячими сторонниками „гражданского мира“ в промышленности, усердно основывали уже упоминавшиеся выше *Arbeitsgemeinschaften* („Трудовые объединения“), имевшие целью предупреждение конфликтов между трудом и капиталом, и всячески боролись против стачек. Для достижения своих целей руководители рабочих организаций совершенно не стеснялись в средствах. Происходивший в конце 1924 г. процесс президента германской республики Эберта (ум. 28 февр. 1925 г.) вскрыл в этом отношении поистине поразительные факты: когда в январе 1918 г. в Германии вспыхнули стачки рабочих на фабриках, изготовлявших аммуницию, Эберт и ряд других видных социал-демократов стали во главе движения с совершенно сознательной целью сорвать его и постепенно свести на нет. Конечно, в рядах широкой массы членов профсоюзов политика профсоюзных вождей нередко вызывала протест и резкое возмущение. Параллельно с ростом оппозиции внутри партии, росла также оппозиция и внутри профессиональных союзов. Однако, мобилизация большинства членов на фронт сильно препятствовала энергичному развертыванию борьбы против шовинистического перерождения профсоюзных организаций. С своей стороны, профсоюзная, бюрократия принимала меры к тому, чтобы не дать оппозиции проявиться открыто. За все время войны она ни разу не созвала обще-профессионального съезда. Между 1914-1919 г. германское профдвижение управлялось лишь своей бюрократической верхушкой. Подобно социал-демократической партии, „свободные союзы“ до последнего момента остались верной гвардией императора Вильгельма.

3) Германия после войны.

Германская революция. Разгром германских армий на фронте и глубокое недовольство, нарастающее в массах в те-

* Христианские профсоюзы, насчитывавшие в 1913 г. 342 тыс. членов, имели в 1915 г. только 182 тыс., а в 1918 г.—539 тыс. Гирш-Дувверовские (либеральные) союзы в 1913 г. насчитывали 107 тыс., в 1916 г.—58 тыс. и в 1918 г.—114 тыс.

чение всего времени войны, породили германскую революцию 1918 г.; первый толчок к ней был дан восстанием матросов военного флота в Киле, разыгравшимся 1 ноября. 4 ноября к кильским повстанцам присоединились все остальные моряки, отказавшись выйти в море навстречу военному флоту Антанты. В Киле был создан Совет рабочих и солдатских депутатов, который разослал вооруженные отряды матросов по различным городам северной Германии. Результатом этой меры было возникновение революционного движения в ряде промышленных центров страны. Одновременно революционная волна высоко поднялась в Мюнхене, где в течение нескольких дней произошла ликвидация старой монархическо-буржуазной власти. 7 ноября известный социал-демократ Курт Эйснер, впоследствии убитый немецкими националистами, провозгласил в Баварии республику. 9 ноября революционный пожар дошел до Берлина. Император Вильгельм одно время носился с мыслью стать во главе возвращающихся с фронта частей и с их помощью „заковать“ непокорную Германию. С этим намерением накануне 9 ноября он даже отправился в ставку. Однако, здесь он убедился, что ему не остается ничего больше, как в ночь с 9 на 10 ноября бежать в Голландию. Старая власть, таким образом, пала. Монархическая бюрократия была совершенно деморализована и не оказывала никакого сопротивления. Даже захват главной полиции в Берлине обошелся без единой человеческой жертвы. Революция совершалась почти бескровно. При таких условиях неудивительно, что решающая роль перешла к социал-демократии, опиравшейся на стихийно возникшие во всех городах Советы рабочих и солдатских депутатов и, прежде всего, на Совет рабочих и солдатских депутатов Берлина. Надо было формировать новую власть, и в обстановке господствовавшего в тот момент хаоса она получила следующую конструкцию. Во главе страны стала социалистическая директория из шести человек (трое с.-д. большинства: Шейдеман, Эберт, Ландсберг, и трое независимых с.-д.: Гаазе, Дитман и Барт),

получившая наименование „Совета народных уполномоченных“. Директория была ответственна сначала перед берлинским Советом рабочих и солдатских депутатов, а позднее — перед Всегерманским ЦИК. Министерствами управляли специально назначенные для того люди. Исполком берлинского Совета в составе 20 человек (10 от рабочих и 10 от солдат), а позднее — ЦИК, должен был непосредственно контролировать работу „Совета народных уполномоченных“.

Пред сконструированным таким образом правительством стояла проблема величайшего значения: быть ли отныне Германии социалистической или буржуазной республикой? Создавать ли в ней советскую или парламентско-демократическую систему управления? В данном вопросе в рядах правительства, а также в рядах социал-демократов вообще наблюдались две тенденции: Шейдеман и его сторонники определенно тянули в сторону буржуазной республики и капитализма; независимые с.-д., наоборот, высказывались в пользу социализма и советской республики. Обе тенденции вступили в борьбу, при чем на практике руководящая роль в правительстве попала в руки шейдемановцев. Благодаря этому, уже 12 ноября 1918 г. „Совет народных уполномоченных“ опубликовал широковетательный декрет, в котором он, с одной стороны, объявлял Германию „социалистической республикой“, а с другой стороны, восстанавливал все гражданские свободы и вводил всеобщее избирательное право для лиц обоего пола свыше 20 лет, с пропорциональной системой для выборов во все представительные учреждения. Декрет был противоречив в самом своем существе, но для шейдемановцев он был простым стратегическим маневром. Тем не менее, и независимые также дали под ним свои подписи. Следующим шагом шейдемановцев было опубликование все от имени того же „Совета народных уполномоченных“ закона о выборах в Национальное (Учредительное) Собрание. Закон был опубликован 30 ноября, а на 19 января 1919 г. были назначены и самые выборы в Национальное Собрание. Неза-

висимые подписали и этот декрет.

В течение декабря 1918 г. борьба между шейдемановцами и независимыми достигла наибольшего напряжения. Она заострилась, главным образом, на двух вопросах. Первый вопрос носил внешне-политический характер: шейдемановцы отказывались признавать всякую вину в возникновении войны за старой Германией, а независимые считали необходимым решительно отречься от дипломатического наследия прошлого и, признавши долю вины старой Германии, строить на новом базисе международные отношения республики. Шейдемановцы стремились также к разрыву с Советской Россией, а независимые — к сближению и союзу. Второй вопрос касался уже целиком внутренней политики и был неизмеримо важнее для судеб революции: независимые требовали радикальной чистки старого государственного аппарата, в особенности старого военного командования, и повсеместного замещения монархистов сторонниками революции. Наоборот, шейдемановцы считали возможным ограничиться только сменой верхушки государственного аппарата и цепко держались за старых генералов, стоявших во главе вооруженных сил страны. В этой борьбе более сильной стороной оказывались шейдемановцы. На первом Всегерманском Съезде Советов, происходившем 17-25 декабря 1918 г., большинство делегатов оказалось вместе с правым крылом партии, и Шейдеману и его сторонникам удалось убедить представителей пролетариата в необходимости передать решение о будущем страны в руки Национального Собрания. Получив столь мощную поддержку, шейдемановцы решили перейти в наступление. Так как левые элементы пролетариата, группировавшиеся около Карла Либкнехта и Розы Люксембург, начали подготовку к восстанию против „Совета народных уполномоченных“, то 23 декабря верные правительству войска произвели нападение на расквартированную в Берлине морскую революционную дивизию. Возмущенные независимые 29 декабря вышли из состава директории и были заменены двумя шейдемановцами — Виссе-

лем и Носке. Однако, независимые не решились открыто стать на сторону повстанцев. Вместо того они продолжали колебаться между двумя лагерями и объявили политический нейтралитет. Это имело роковые последствия для начавшегося движения. Борьба между морской дивизией и правительственными войсками развернулась в начале января в широкое восстание в Берлине, которое, однако, после упорных боев было подавлено превосходящими силами контр-революции. При подавлении восстания 15 января Карл Либкнехт и Роза Люксембург после ареста были предательски убиты озверелыми офицерами. А вслед за тем „Совет народных уполномоченных“ приступил к формированию особой „добровольческой армии“, главной задачей которой должна была быть борьба с революцией и охрана буржуазного порядка.

На этом, собственно, и закончилась германская революция или, по крайней мере, ее первый и наиболее важный период. Дальше уже пошла ликвидация революции. Первым актом этой ликвидации явились выборы в Национальное Собрание, состоявшиеся в назначенный срок, т. е. 19 января, в обстановке еще не совсем подавленного восстания. Они дали след. результаты:

	Число голо- сов.	Число депу- татов.
Социал-демократы	11.509.000	163
Центр	5.980.000	91
Демократы	5.642.000	76
Националисты	3.122.000	44
Независимые социал-демо- краты	2.317.000	22
Народная партия	1.346.000	19
Прочие партии	485.000	7
	30.401.000	421

Итак, социалисты оказались в Национальном Собрании в меньшинстве. Это было несомненным следствием политики шейдемановцев. Так как Берлин все еще продолжал оставаться очагом революции, то Национальное собрание решило переехать в маленький тюрингенский городок Веймар, насчитывающий около 40 тыс. жителей, и здесь, в ти-

шине и спокойствию, вдаль от волновавшихся пролетариев заняты своей „созидательной“ работой. Действительно уже 6 февраля Национальное Собрание открыло свои заседания в этом провинциальном захолустье и прежде всего избрало на пост президента германской республики Фрица Эберта, одного из наиболее правых немецких социал-демократов. „Совет народных уполномоченных“, а также Всегерманский ЦИК, в котором большинство составляли шейдемановцы, покорно сдали власть Национальному Собранию. Вслед за тем Эберт сформировал первый кабинет буржуазной германской республики, премьером которого был Шейдеман, а военным министром—руководивший подавлением революции Носке.

Вновь созданная буржуазная власть занялась прежде всего окончательной ликвидацией революции. Несмотря на разгром январьского восстания в Берлине, настроения рабочих масс в стране продолжало оставаться еще очень повышенным. В начале февраля вспыхнуло восстание в Бремене. В конце того же месяца разыгралась всеобщая стачка в Рурской области. В середине марта в Берлине разразилось новое повторное восстание. В апреле в Мюнхене была провозглашена Советская республика, раздавленная, однако, уже 1 мая соединенными силами баварской и прусской контр-революции. В начале мая бурное революционное движение вспыхнуло в Лейпциге, а в конце июня—в Гамбурге. Пролетарская Германия грозно волновалась, и кабинет Шейдемана рассылал во все стороны карательные экспедиции, которые под непосредственным руководством Носке топили в крови революционный протест немецких рабочих. Только к осени 1919 г. стихия революции оказалась, наконец, сломленной, и немецкая буржуазия могла вздохнуть спокойно.

Новая конституция. Одновременно, под гром выстрелов, оглашавших крупнейшие пролетарские центры Германии, Национальное Собрание занималось выработкой новой республиканской конституции страны. 11 августа 1919 г. эта конституция была официально опубликована. Вот ее наиболее существенные черты.

Веймарская конституция сохраняет федеративный характер германского государства, но увеличивает сферу компетенции центральной союзной власти. Теперь обще-германская власть ведает не только, как это было раньше, внешней политикой, таможенным делом, монетной системой, вооруженными силами, гражданским и уголовным законодательством и почтой и телеграфом. Теперь к ней перешли также железные дороги, находившиеся прежде в распоряжении отдельных государств, расширились ее финансовые права (она может вводить прямые налоги) и права в области военного командования (совершенно уничтожены местные армии в Баварии, Саксонии и Бюртемберге). Новая конституция вместо монархии устанавливает республику, во главе которой стоит президент, избираемый на 7 лет всеобщим, равным, прямым и тайным голосованием граждан обоим поластарше 20 лет. Президент ответственен перед рейхстагом, который может предать его суду и потребовать досрочного смещения его с поста, но в этом последнем случае должен быть произведен референдум (народное голосование). Президент представляет Германию по отношению к внешнему миру и является начальником всех ее вооруженных сил, однако, вопросы войны и мира решаются не им, а рейхстагом. Президент также назначает имперского канцлера (премьер-министра) и, по представлению последнего,—министров кабинета, однако, правительство это ответственно перед рейхстагом и должно опираться там на парламентское большинство. Впрочем, § 48 конституции предоставляет президенту право в особо экстренных случаях самостоятельно издавать исключительные законы. Этим правом президент уже неоднократно пользовался, гл.обр. для борьбы с коммунистическим движением. Первым президентом Германской республики был, как мы уже знаем, Фриц Эберт, умерший в феврале 1925 г. Его избрание было произведено не всеобщим голосованием населения, а Национальным Собранием, так как в момент избрания еще не существовало нынешней конституции Германии. Гинденбург—вто-

рой президент Германской республики — выбирался уже согласно вышеуказанным основаниям.

Представительными органами германской республики являются рейхсрат и рейхстаг. Рейхсрат — это продолжение довоенного бундесрата: он состоит из представителей правительств всех входящих в состав федерации немецких государств (один представитель на 1 мил. жителей), с тем, однако, ранее отсутствовавшим ограничением, что ни одно из государств не может иметь более $\frac{2}{5}$ всего числа его голов. Рейхсрат состоит из 66 членов, распределяющихся по государствам следующим образом: от Пруссии 26, от Баварии 10, от Саксонии 7, от Вюртембурга 4, от Бадена 3 и от остальных более мелких государств 16. Рейхстаг выбирается всеобщим, равным, прямым и тайным голосованием граждан обоего пола старше 20 лет, с применением пропорциональной системы, сроком на 4 года. Реальная власть находится в руках рейхстага, однако, все законопроекты, по старому образцу, прежде чем поступить в рейхстаг, должны быть одобрены рейхсратом. Новой конституцией предусмотрены также законодательная инициатива граждан и референдум. Для внесения в представительные учреждения какого-нибудь законопроекта в порядке народной инициативы, необходимо, чтобы за данный законопроект высказалось не менее 110 всех полноправных граждан. Референдум, т. е. постановка на народное голосование тех или иных вопросов, предусматривается конституцией в следующих случаях: по требованию президента республики, по требованию $\frac{1}{20}$ всех полноправных граждан, при разногласиях, возникших по какому-либо вопросу между рейхсратом и рейхсратом, и, наконец, в тех случаях, если рейхсрат вносит какие-либо изменения в законопроект, возникшие в порядке народной инициативы. Впрочем, на практике законодательная инициатива и референдум почти не имеют никакого значения и служат лишь демократическими украшениями государственного фасада Германии. Последний германский рейхсрат, вышедший из декабрьских выбо-

ров 1924 г., имеет след. физиономию:

	Голоса в тыс.	Мандаты.
Социал-демократы	7.859	131
Националисты	6.122	102
Центр	4.177	70
Народная партия	3.017	50
Коммунисты	2.699	45
Демократы	1.915	32
Баварская Народная партия	1.121	20
Прочие партии	2.643	39
	29.553	489

Конституции отдельных немецких государств в связи с революцией 1918-19 г. также подверглись коренным изменениям; федеральная конституция требует, чтобы во всех входящих в союз государствах были последовательно осуществлены принципы буржуазной демократии. Действительно, конституции союзных государств везде предусматривают республиканский образ правления с выборным президентом, однопалатным парламентом, избираемым всеобщим голосованием, ответственным перед парламентом правительством и наличием законодательной инициативы и референдума по вопросам местного значения. Самое количество союзных государственных единиц несколько сократилось, путем слияния наиболее мелких из них. В настоящее время Германия состоит не из прежних 26, а только из 18 автономных государств, по количеству населения располагающихся в следующем порядке (данные переписи 1919 г.): Пруссия (36.696 тыс.), Бавария (7.140 т.), Саксония (4.663 т.), Вюртемберг (2.518 т.), Баден (2.208 т.), Тюрингия (1.508 т.), Гессен (1.290 т.), Гамбург (1.050 т.), Мекленбург-Шверин (657 т.), Ольденбург (518 т.), Брауншвейг (481 т.), Ангальт (331 т.), Бремен (311 т.), Липпе (154 т.), Любек (121 т.), Мекленбург-Стрелиц (106 т.), Вальдек (56 т.) и Шаумбург-Липпе (46 т.), а всего — 59.858 тыс. Как видим, и в новой Германии Пруссия по-прежнему занимает первое место: на ее долю приходится $61\frac{1}{2}\%$ обще-республиканского населения. Однако, в силу значительного ослабле-

ния авторитета центральной государственной власти, как результата пережитых Германией потрясений, а также в силу иного состава тех социальных элементов, которые осуществляют эту власть, прусское преобладание в германской политике сейчас сказывается гораздо слабее, чем в довоенные годы.

Буржуазные партии. Буржуазные политические партии послевоенной Германии в общем мало отличаются от буржуазных партий предвоенной эпохи (см. XIV, 191—212, „*Политические партии Германии*“). По существу, и сейчас мы имеем те же самые партии, что и до 1914 г., — они лишь немножко перекрасились и приспособились к новой обстановке, изменили свои названия и выдвигают иные практические требования в связи с условиями переживаемого периода. Классовая основа буржуазных партий осталась без особенно серьезных перемен. На крайнем правом фланге мы встречаем сейчас „*Германско-национальную народную партию*“ (Deutschnationale Volkspartei), которая является продолжением предвоенных консерваторов (включая в это понятие и „консерваторов“ и „свободных консерваторов“) с некоторой примесью правых национал-либералов, антисемитов, христианских социалистов и т. п. элементов. Социальной основой националистов, однако, и сейчас является крупное землевладение, поддерживаемое деревенскими кулаками, офицерством и частью чиновничества. Партия националистов формально основана 24 ноября 1918 г., т. е. в эпоху германской революции, и является лишь попыткой консерваторов несколько замаскировать свое слишком ненавидимое народным массам лицо. В области внешней политики консерваторы являются противниками выполнения Версальского договора, а в области внутренней — яркими сторонниками реакции. Они — монархисты и враги республики, готовые при первом удобном случае ниспровергнуть последнюю насильственным путем. В самое последнее время из рядов националистов стал выделяться крайний правый фланг, образующий чисто фашистскую „Тевтонскую партию“ во главе с ген. Людендорфом. В числе виднейших вождей

националистов находятся граф Вестарп, Гитлер, Грефе и др. Националисты в послевоенную эпоху обнаруживают несомненные признаки усиления и развития: на выборах в Национальное Собрание 1919 г. они собрали 3.121 тыс. голосов, а на декабрьских выборах 1924 г. — 6.122 т.

Следующей по порядку, если идти справа налево, является „*Германская народная партия*“ (Deutsche Volkspartei), которая также представляет собой лишь несколько перелицованную (в декабре 1918 г.) национал-либеральную партию предвоенной эпохи. В состав Народной партии в бурные дни германской революции вошла правая часть бывших прогрессистов. Однако, и сейчас базу Народной партии составляет тяжелая индустрия, к которой примыкают некоторые группы чиновничества, верхи интеллигенции и т. д. Во внешней политике Народная партия стоит уже на точке зрения выполнения Версальского договора, но во внутренней политике по силе своей реакционности мало чем отличается от националистов. В числе руководящих фигур Народной партии можно назвать Куно, Штреземана и некоторых др. Чрезвычайно крупную роль в партии играл умерший в 1924 г. Гуго Стиннес. Народная партия, подобно националистам, также обнаруживает несомненный рост: на выборах в Национальное Собрание она собрала 1.346 тыс. голосов, а в декабре 1924 г. — 3.017 тыс.

Передвигаясь далее влево, мы наталкиваемся на *католический Центр* (Zentrumspartei), который почти ни в чем не изменился по сравнению своей довоенной физиономией. По прежнему он является представительством, по преимуществу, католической мелкой буржуазии, особенно сельской и мелкогородской, с известной примесью рабочих, интеллигенции и буржуазии, по прежнему обнаруживает чрезвычайную ловкость и гибкость в выравывании противоречивых интересов, объединяемых в рядах его организации. В области внешней политики Центр является безусловным сторонником выполнения Версальского договора, а в области внутренней стоит на точке зрения охраны республиканской конституции и умеренного со-

циал-реформаторства. Крупнейшие лидеры его — Маркс, Лютер, Гермес и др. Эрцбергер, виднейший политик Центра последнего десятилетия, был убит в августе 1921 г. двумя бывшими офицерами, как „изменник отечеству“ (Эрцбергер был решительным сторонником выполнения Версальского договора).

Баварская часть Центра в январе 1920 г. выделилась из общей организации партии и образовала „Баварскую Народную партию“, которая от Центра отличается, главным образом, лишь сугубым подчеркиванием местного сепаратизма. На протяжении послевоенной эпохи Центр обнаруживает несомненные признаки постепенного упадка: в 1919 г. он получил на выборах 5.980 г. голосов, а в декабре 1924 г. обе католические партии (Центр и Баварская народная партия) вместе взятые собрали 5.298 тыс.

На левом фланге буржуазного политического мира стоит „Германская демократическая партия“ (Deutsche Demokratische Partei), возникшая 16 ноября 1918 г. Эта партия также является лишь перекрашенной „Прогрессивной народной партией“ довоенной эпохи. Ее социальная опора — легкая промышленность, широкие массы интеллигенции, городская средняя и мелкая буржуазия. Большую роль в этой партии играют женщины из буржуазных кругов. В области внешней политики демократы являются сторонниками „политики выполнения“, в области внутренней политики — поклонниками демократической республики и умеренного социально-реформаторского прогресса. Впрочем, демократам, как прежде прогрессистам, не хватает твердости и деловитости в проведении своей программы. Крупнейшим лидером демократов был умерший в 1919 г. Фридрих Науман, пламенный проповедник „Серединной Европы“. В послевоенные годы демократы быстро катятся вниз по наклонной плоскости: на выборах в Национальное Собрание они получили 5.642 тыс. голосов, а на декабрьских выборах 1924 г. — лишь 1.915 тыс.

Таковы основные политические группировки буржуазного лагеря. О мелких партиях, вроде Союза аграриев, Со-

циально-национальной партии Кунце и др., не стоит говорить, они не играют никакой роли в жизни страны. Но если, т. обр., война и революция не внесли сколько-нибудь существенных изменений в характер самих буржуазных партий, то зато они внесли громадное изменение в распределение ролей между этими партиями на государственной арене. До 1914 г. правящей партией были консерваторы, дававшие из своей среды представителей власти на все важнейшие посты империи. Вся военно-бюрократическая машина находилась в руках аграрного юнкерства, несмотря на то, что предвоенная Германия представляла собой одну из наиболее капиталистических стран мира. Такое ненормальное распределение власти между крупным землевладением и буржуазией объяснялось, с одной стороны, большими историческими заслугами юнкерства, как творца объединенной Германии, а с другой стороны, боязнью буржуазии вступить в серьезную борьбу за власть с крупным землевладением, боязнью, вызвавшейся мощным развитием пролетарского движения. Война и революция положили конец этой ненормальности. Республика привела к власти важнейший из господствующих классов Германии — буржуазия, а юнкерство и его политическое представительство в лице националистов превратилось в правую оппозицию. Действительно, почти все правительство, пережитые Германией в 1919 — 25 г. (а их насчитывается целых 13), были либо чисто буржуазными правительствами, либо правительствами коалиционными, в которых буржуазные партии принимали участие совместно с социал-демократами, отчего, впрочем, эти правительства не становились менее буржуазными. Только правительство Лютера (1925 г.) явилось коалицией буржуазии с националистами, однако, решающая роль в этом правительстве осталась за буржуазией. В передовике власти от крупного землевладения к буржуазии — важнейший политический результат революции 1918—19 г.

Версальский мир. Если политические формы послевоенной Германии определились прежде всего под влиянием

революции, то вся ее экономика (а отчасти и политика) того же периода находилась под действием знаменитого Версальского договора. Этот договор, подписанный сторонами 28 июня 1919 г., явился продуктом беспримерных в новейшей истории методов ликвидации войны. До того, по общему праву, в выработке мирных условий, которые должны были закончить вооруженное столкновение и открыть новый период в отношениях между воевавшими народами, принимали участие как победители, так и побежденные. Достаточно вспомнить хотя бы Венский конгресс 1815 г. Именно поэтому послевоенные договоры XIX столетия отличались относительной прочностью; при выработке их принимались все-таки во внимание наиболее важные интересы побежденной страны. В 1919 г. было поступлено совершенно иначе. Представители Антанты сочли излишним выработать мирный договор совместно с делегатами центральных монархий. Они сами на пресловутой Версальской конференции написали текст договора и затем потребовали от германских делегатов принятия его без всякого обсуждения. Германия была связана по рукам и ногам, и ей ничего больше не оставалось, как, стиснув зубы, повиноваться. Так родился знаменитый Версальский договор, который, как это откровенно высказал Клемансо, должен был быть „продолжением войны, но только проводимой другим оружием“. Основные условия этого договора сводились к следующему:

Германия уступала: Эльзас-Лотарингию в пользу Франции, Познань, часть Восточной и Западной Пруссии и часть Верхней Силезии в пользу Польши, некоторые куски Шлезвига, Рейнской провинции и Верхней Силезии в пользу Дании, Бельгии и Чехо-Словакии. В общей сложности в Европе Германия теряла 70.500 кв. км., или 13% своей довоенной территории, и 6.470 тыс. жителей, или 10% своего довоенного населения. Нынешняя Германия занимает территорию в 472.000 кв. км. (против прежних 541 тыс.) и имеет населения по переписи 1919 г. 59,9 мил. (вместо 66-67, которые живут в ее прежних границах). Сверх того

Германия отказывалась от всех своих колоний (2,9 мил. кв. км. и 14,6 мил. населения), переходивших отныне в руки Англии, Франции, Бельгии и Японии. Территориальные потери имели своим последствием и потери экономические. Так, в районах, оторванных от Германии Версальским договором, находилось до 5 мил. гектаров, или 14,2% всей обрабатываемой площади страны. Под посевами там было 4 мил. гкт., или 15,4% всей посевной площади Германии. На ряду с этим в отторгнутых областях осталось около $\frac{1}{3}$ всего немецкого скота. Так как потеря населения исчислялась лишь в 10%, а потеря посевной площади достигала 15,4%, то совершенно очевидно, что, независимо от всех прочих условий, уже одно несоответствие между потерями в населении и в посевных площадях должно было создать известные продовольственные затруднения для Германии. Этим, однако, дело не ограничилось. Вместе с Эльзас-Лотарингией Германия потеряла 75% всей своей годовой добычи железной руды. Оккупация Саарского угольного бассейна Францией и захват части Верхне-Силезского угольного района Польшей лишили Германию 26% ее годовой угольной добычи. В руки Антанты далее попали 68% цинковых руд Германии, а также 7.868 км. ее железнодорожных путей (12% всей железнодорожной сети страны) со всеми строениями и подвижным составом.

Далее, все по тому же Версальскому договору, Германия должна была выдать Антанте почти весь свой военный флот и $\frac{9}{10}$ торгового (из 5,7 мил. тонн—5,1 мил. т.), а также 8.000 паровозов и 232.000 вагонов с громадным количеством всякого иного железнодорожного материала. Германия уступила Антанте также всю свою собственность, находящуюся за границей, и все те долги, которые она имела получить с других государств. Постоянная армия Германии была ограничена 100 тыс. человек, а ее военный флот—16 маленькими судами. Почти все военные заводы страны демилитаризовались и переводились на мирное производство. Особые комиссии Антанты должны были следить за точным выполнением

пунктов договора, касающихся разоружения Германии. Несмотря на все это, части Рейнской области оставались во временной оккупации Антанты, как гарантия покорности побежденного врага и точного выполнения им навязанного ему договора.

Репарации. Как ни чудовищны были указанные выше условия Версальского мира, они являлись все-таки только приказкой, самая же сказка облеклась в форму так называемых „репараций“. Под репарациями подразумевалось возмещение тех разрушений, которые были понесены странами Антанты, главным образом Францией и Бельгией, во время войны. Версальская конференция не установила, однако, точной суммы репараций, а предоставила сделать это особой репарационной комиссией из представителей государств Антанты. Этой же комиссии было поручено определить формы и сроки репарационных платежей. Репарационная комиссия не торопилась с установлением общей суммы репараций, но зато требовала от Германии частичных уплат золотом, углем, красками, химическими препаратами, скотом и т. д. в счет покрытия ее репарационных обязательств. Только в мае 1921 г. репарационная комиссия, наконец, фиксировала общую сумму возмещений в размере 132 миллиардов зол. марок (62 миллиарда зол. руб.). Так как вся сумма национального богатства Германии накануне войны, по подсчетам Гельфериха, достигала, примерно, 350 миллиардов зол. мар., и так как за время войны было истрачено не менее $\frac{1}{3}$ ее национального богатства, то оказывалось, что теперь Антанта требовала от побежденной страны в виде репараций свыше половины всего ее наличного имущества. При расчете на все население выходило, что каждый германский гражданин, независимо от пола и возраста, должен уплатить 1.000 руб. зол., а каждая германская семья — 5.000 руб. зол. в форме репараций. Это были, конечно, совершенно фантастические цифры, не имеющие ничего общего с реальной действительностью. Германия не могла бы уплатить требуемых с нее сумм даже при самом добром желании выполнить

свои обязательства перед Антантой. Неосуществимость репараций прекрасно понимали и руководители антантовской буржуазии. И если, тем не менее, они представляли столь дикое притязание к Германии, то главным образом, потому, что за этими притязаниями скрывалась совсем другая задняя мысль. Репарации являлись прекрасным средством держать Германию в удавной петле, которую, смотря по надобности, можно было то больше, то меньше затягивать (подробнее о Версальском договоре см. выше, *Дипломатия и мировая война*).

Последствия Версальского мира. Экономические последствия Версальского договора были крайне тяжки. Если обратиться к сельскому хозяйству, то можно констатировать, что Германия в послевоенный период понесла в данной области в высшей степени серьезные потери. В самом деле, посевная площадь и сбор пяти важнейших хлебных злаков (пшеница, рожь, овес, ячмень, картофель) представляли следующую картину:

	Площадь (тыс. гект.)	в %	Сбор (тыс. тон.)	в %
1909—13 (средн. годовая)	17.507	100	73.161	100
1914—18 " "	15.286	87	57.346	80
1919	12.062	70	35.912	49
1920	12.809	72	42.146	58
1921	12.706	73	42.827	58
1922	12.587	72	53.487	73
1923	13.109	75	50.394	69
1924	13.452	77	53.465	73

Итак, посевная площадь нынешней Германии упала по сравнению с довоенной, примерно, на $\frac{1}{4}$, а количество производимого ею хлеба даже еще больше. Столь крупное сокращение хлебных запасов страны объясняется не только потерями территорий по Версальскому

договору, но также сильным падением урожайности, что объясняется недостатком удобрений, в большом количестве ввозившихся ранее в Германию из-за границы. В послевоенные годы Германия обеднела и при наличии систематически обесценивавшейся валюты должна была весьма существенно сократить ввоз удобрений из других стран. Правда, начиная с 1922 г. обнаруживается некоторое улучшение по сравнению с 1919 г., но все-таки и сейчас Германия располагает, примерно, лишь 70% того количества хлеба, который она имела до войны. А между тем ее население сократилось только на 10%. Конечно, недостаток собственного хлеба можно было бы возместить импортом из-за границы. Однако, статистика внешней торговли показывает, что в то время, как, например, в 1913 г. Германия ввезла из-за границы 5,2 мил. двойных центнеров (двойной центнер равен 6 пуд.) пшеницы, ячменя и овса, в 1922 г. она ввезла их всего лишь 1,5 мил. Ибо современная Германия слишком бедна и вынуждена покрывать свой хлебный дефицит за счет сокращения народного питания.

Действительно, народное питание оставляет желать весьма многого. Так, в 1913-14 г. годовое потребление хлеба внутри страны составляло в среднем на 1 душу 249 кг. (15,6 пуд.), а в 1921-22 г.—181 кг. (11,3 пуд.), или на 27% меньше. Потребление картофеля, этого важнейшего продукта питания немецкого народа, в 1913-14 г. составляло 700 кг. (43,7 пуд.) на душу, а в 1921—22г.—только 340 кг. (21,2 пуд.), или на 51% меньше. Потребление мяса в 1913 г. составляло в среднем 49 кг. (3 пуд.) на голову населения, а в 1921 г.—33 кг. (2 пуд.), или на 33% меньше. Даже потребление столь излюбленного немцами пива колоссально сократилось. В 1913 г. среднее годовое потребление на 1 человека составляло 102 литра, а в 1920 г.—только на 38 л., или на 63% меньше.

Не лучше, чем в сельском хозяйстве, дело обстоит и в промышленности. Мы знаем уже, как развивалась тяжелая индустрия во время войны. В послевоенные годы развитие ее представляло следующую картину (в мил. тонн):

	Камен. уголь. ¹⁾		Чугун.		Сталь.	
	1913 г.	1924 г.	1913 г.	1924 г.	1913 г.	1924 г.
1913 г. . . .	209,4	100	19,3	100	16,9	100
1919 " . . .	137,5	65	5,7	30	6,7	40
1920 " . . .	155,7	74	6,5	34	7,7	46
1921 " . . .	163,3	77	7,5	40	9,0	53
1922 " . . .	149,6	71	6,5	34	9,0	53
1923 " . . .	88,5	42	4,9	25	6,2	37
1924 " . . .	146,4	70	7,7	40	8,5	50

Как видим, производство угля сократилось на 30% против довоенного, выплавка стали упала на половину, а выплавка чугуна даже почти на $\frac{2}{3}$. Для столь индустриальной страны, как Германия, это исключительно тяжкие удары.

Ту же самую тенденцию мы можем проследить в области *внешней торговли*. Накануне войны Германия являлась одной из величайших торговых держав мира, она лишь немногим уступала Англии. Общий оборот ее внешней торговли в 1913 г. равнялся 20,9 миллиардов зол. мар. Во время войны внешняя торговля Германии, по вполне понятным причинам, сильно сократилась и притом приобрела глубоко пассивный характер: Германия очень мало вывозила, но зато чрезвычайно усиленно импортировала. За 1914-18 г. общая сумма ввоза составила 27 миллиардов зол. мар., а общая сумма вывоза—только 12 миллиардов. Послевоенная эпоха несколько улучшила положение, но далеко не в достаточной степени. За 1919-22 г. общая сумма ввоза за 4 года составила 25,6 млрд. зол. мар., а общая сумма вывоза—14,5 млрд. Таким образом, угрожающая пассивность баланса осталась. На ряду с этим чрезвычайно сократились абсолютные размеры торговли. В самом деле, вот что говорят цифры:

	1913 г.	Средняя годовая за 1919-22 г.	1923 г.	1924 г.
	(в миллиардах золотых марок).			
Ввоз	10,8	6,4	4,8	7,0
Вывоз	10,1	3,6	5,4	5,2
Итого	20,9	10,0	10,2	12,2

¹⁾ Включая бурый уголь в переводе на каменный.

Итак, внешняя торговля Германии за 4 послевоенных года сократилась больше, чем на половину, при чем в то время как ввоз сократился на 41%, вывоз упал на целых 64%; пассивность торгового баланса почти исчезает в 1923 г., но затем вновь сильно вырастает в 1924 г. В чрезвычайно тяжелом положении оказались также *государственные финансы*. Прежде всего в результате Версальского мира федеральный бюджет колоссально увеличился. Так, например, бюджет 1912 г. равнялся 2.039 мил. зол. мар., а бюджет 1924 г. составлял 6.403 мил. мар. Увеличение, как видим, больше, чем втрое. А ведь этот непомерно разбухший бюджет должна оплачивать разоренная войной и Версальским миром Германия. Мало того, теперь значительная доля бюджета уходит за границу. В самом деле, бюджет 1912 г. распался на следующие три основные части:

Расходы на армию и флот	1.030 мил. мар.	50%
Оплата процентов по долгам	523 " "	26%
Прочие расходы	486 " "	24%

Итого 2.039 мил. мар. 100%

Так как размеры заграничных долгов Германии в довоенные годы были невелики, то ясно, что почти весь государственный бюджет целиком расходовался внутри страны. В частности, громадные суммы, тратившиеся на милитаризм, — как ни вредны были эти расходы с точки зрения народного хозяйства страны — все-таки способствовали развитию германской промышленности и германского земледелия.

Теперь картина совсем иная:

Армия и флот	455 мил. мар.	7%
Проценты по долгам	256 " "	4%
Расходы по выполнению Версальского договора	1.033 " "	16%
Прочие расходы	4.660 " "	73%

Итого 6.404 мил. мар. 100%

Как видим, расходы на милитаризм упали в 7 раз и свелись к довольно скромной цифре, но зато они отчасти компенсируются расходами, связанными с выполнением Версальского договора. На первый взгляд несколько пора-

жает сравнительная скромность сумм, расходуемых на оплату процентов по долгам, ибо, как мы видели, военная задолженность Германии достигает колоссальных размеров. Но дело объясняется очень просто. Военные долги Германии — внутренние долги, и они в послевоенные годы все время исчислялись в бумажных марках. При падавшей в течение 5 лет немецкой валюте оплата процентов по этим займам, конечно, не должна поглощать слишком крупных сумм. Но расходы, связанные с выполнением Версальского договора, это нечто иное, как пресловутые репарации плюс некоторые дополнительные платежи по счетам Антанты. Почти все они уходят за границу и, стало быть, являются потерянными для германского народного хозяйства.

Здесь уместно будет несколько остановиться на тех платежах, которые Германия уже сделала в счет различных требований Антанты. До сих пор не существует общепризнанной цифры этих платежей. По официальным данным репарационной комиссии, Германия по 31 декабря 1922 г. всего уплатила 7,9 миллиардов зол. мар. Наоборот, по исчислениям известного мюнхенского профессора Луйо Брентано, Германией уплачено 41,6 миллиардов зол. мар. Между этими двумя крайними цифрами вращаются все иные исчисления уже сделанных Германией репарационных платежей. Так, французский экономист Шарль Жид определяет сумму уплаченных репараций в 14 миллиардов зол. мар., а Институт Экономических Знаний в Вашингтоне — в 23,8 миллиардов зол. мар. Надо думать все-таки, что истина лежит где-то посредине, и что исчисления американских статистиков приблизительно соответствуют действительности. Если это так, то, значит, Германия в течение первых четырех лет после войны заплатила контрибуцию, примерно в 6 раз большую, чем та, которую она в 1871 г. получила с Франции. А ведь Антанта совсем не думает этим удовлетвориться. Она требует от Германии все новых и новых жертв. Впрочем, о них речь будет ниже, когда мы коснемся плана Дауэса.

В конечном итоге германский государственный бюджет послевоенной эпохи является весьма тяжелым бременем для населения и в таком виде долго сохраняться едва-ли сможет.

Бюджетная разруха в чрезвычайной степени увеличивалась еще благодаря тому обстоятельству, что в течение первых пяти лет после войны немецкая валюта систематически падала, продолжая линию развития, начало которой было положено еще во время войны. Падение же валюты, наряду с пассивным торговым балансом и общим замешательством в экономической жизни страны, вызывалось в особенности совершенно неограниченной эмиссией. С легкой руки Гельфериха, министра финансов военной эпохи, государство пыталось покрывать свои возросшие расходы путем усиленного печатания бумажных денег. После заключения мира эта политика несколько не изменилась. Вместо того, чтобы решительными налоговыми мерами привлечь к несению репарационных и всяких иных финансовых тягот состоятельные слои населения, буржуазные правительства, сменявшиеся у власти в послевоенную эпоху, предпочитали затыкать бюджетные дыры эмиссией. В результате создалось совершенно катастрофическое положение. Мы знаем, что в декабре 1918 г. в обращении имелось 21.818 мил. бумажных марок, на 10% обеспеченных золотом. В марте 1920 г. общая сумма бумажных денег составляла 44.679 мил. мар., обеспеченных золотом уже только на 2,5%, а 7 февраля 1923 г. общая сумма бумажных денег достигла астрономической цифры 2.253.000 мил. мар., обеспеченных золотом лишь на 0,00005%. И в дальнейшем, вплоть до начала 1924 г., этот бумажный потоп не прекращался. При таких условиях неудивительно, что немецкая валюта стремительно летела вниз. При окончании войны один доллар стоил в Берлине—8, 17 мк., в дальнейшем наблюдалась следующая картина. Один доллар стоил на берлинской бирже:

Конец 1919 г.	49 мар.
" 1920 г.	73 "
" 1921 г.	184 "
" 1922 г.	7.589 "

Таким обр., за четыре года ценность марки упала в 155 раз. В 1923 г., в связи с оккупацией Рура и внутренним кризисом в стране, наступила настоящая валютная катастрофа. В октябре-ноябре этого года ценность бумажной марки опустилась почти до нуля, и немецкая валюта, в сущности, перестала существовать. Только в 1924 г., в связи с планом Дауэса, наступило некоторое оздоровление в валютной области, но об этом мы будем говорить ниже. Таковы были важнейшие экономические последствия Версальского договора. Если суммировать их значение, то придется признать, что этот хитроумный дипломатический документ превратил когда-то могучий государственный и хозяйственный организм Германии в худосочного калеку, неспособного твердо стоять на ногах. Цель, которую преследовал Клемансо, была, если не совсем, то в очень значительной степени достигнута.

—Но Версальский договор имел не только экономические последствия. Он вызвал также ряд очень крупных социальных сдвигов (конечно, действуя через посредство экономики), из которых самым важным было колоссальное углубление общественной дифференциации. Условия войны, и особенно послевоенной эпохи, нанесли тяжелый удар многочисленному в Германии „среднему классу“ (интеллигенции, чиновничеству, мелкой и средней городской буржуазии и т. д.). Наоборот, грандиозное развитие обнаружили социальные фланги. С одной стороны, численно вырос и усилился пролетариат, в ряды которого теперь опустились новые миллионы ремесленников, интеллигентов, мелких торговцев, мелких предпринимателей и т. д., — с другой стороны, колоссально выросло финансово-экономическое могущество буржуазии. При этом наблюдались два весьма характерных явления. Во-первых, война создала обширные кадры „новой буржуазии“, выросшей на военных поставках, буржуазии спекулянтской, рваческой, мало думающей о будущем, целиком живущей прибылями сегодняшнего дня. Эта новая буржуазия получила особое название „шиберов“ (Schieber) и сейчас в силь-

нейшей степени окрашивает собой капиталистическое лицо Германии. Вторых, эпоха войны, и в особенности послевоенные годы, стимулировали гигантскую концентрацию капиталов и производства в немецкой промышленности. Эта последняя и раньше достаточно отличалась крупно-капиталистическим характером, но то, что совершилось в послевоенные годы, не имеет себе прецедентов в истории. В эти годы в Германии создался ряд испанских концернов (Клекнера, Тиссена, Ганнеля, Стиннеса и др.), которые по своим размерам далеко превосходили знаменитые американские тресты. Крупнейшим из этих концернов являлся концерн недавно умершего Гуго Стиннеса. Он объединял уголь, железо, электрическое производство, корабельные верфи в Германии и Швеции, морское и речное судоходство, торговлю, изготовление целлюлозы, выработку бумаги и, наконец, — через бумагу — периодическую прессу. Около 60 немецких, австрийских и швейцарских газет, в том числе известная „Deutsche Allgemeine Zeitung“, фактически принадлежали Стиннесу. В 1921 г. стиннесовский концерн имел: 290 фабрик, 230 угольных шахт, 65 железных рудников и приисков, 190 транспортных предприятий, 285 предприятий по добычии электрического тока, 160 банков, торговых обществ, бюро и т. д., а всего 1.340 предприятий с 600.000 рабочих и служащих. Правда, в 1925 г. концерн Стиннеса под влиянием финансовых затруднений распался на несколько частей, однако, и эти части представляют собой чрезвычайно крупные предприятия. Создание столь гигантских экономических организмов явилось прежде всего результатом валютной разрухи. Получая громадные кредиты в банках в бумажных марках и возвращая их через известный срок банкам также в бумажных марках, Стиннес и Ко наживали совершенно баснословные капиталы, которые позволяли им скупать одно предприятие за другим. Кроме того, систематическое падение валюты побуждало их немедленно же реализовать полученные суммы в прочных ценностях и тем самым создавало могущественный сти-

мул к приобретению фабрик, рудников, судов и т. д. Указанному процессу в немалой степени способствовала и налоговая система послевоенной Германии: налоги также взимались в бумажных марках, при чем, отсрочивая под разными предлогами их уплату, господа предприниматели наживали и на этом не малую деньги. Создавшиеся условия были настолько выгодны для крупного капитала, что, как теперь совершенно точно доказано, Гуго Стиннес, поддерживаемый директором имперского банка Гавенштейном, быв. министром финансов Гельферихом и целым рядом видных магнатов тяжелой индустрии, совершенно сознательно срывал всякие попытки правительства к стабилизации немецкой валюты, так как падающая марка являлась важнейшим источником их обогащения и могущества.

Внешняя политика. Два основных фактора определяли собой внешнюю политику послевоенной Германии. Это — Версальский договор и Октябрьская революция.

Версальский договор провел глубокую борозду в партийно-политическом мире Германии: на одной стороне оказались народная партия, центр, демократы и социал-демократы, стоявшие за необходимость лояльного выполнения договора, на другой стороне встретились крайние фланги — националисты и коммунисты, две партии, которые, правда по совершенно различным мотивам, решительно высказывались против „политики выполнения“. Партии, стоявшие за лояльное отношение к Антанте, не уставали доказывать, что французского зверя можно усмирить только кротостью, и что временная покорность даст Германии возможность предупредить самое худшее — лишение ее великодержавного суверенитета. Националисты отвечали, что „политика выполнения“ несколько не гарантирует Германию от дальнейших насилий со стороны Антанты и призывали население к вооруженной борьбе с внешним врагом. Коммунисты также не усматривали никаких гарантий самостоятельности в „политике выполнения“, но видели выход не в новой империалистической

войне, а в пролетарской революции, которая одна только могла освободить скованную по рукам и ногам Германию. Правительства, стоявшие в послевоенные годы у власти, все без исключения были сторонниками „политики выполнения“. Они покорно уплачивали дань, возложенную на Германию победителями, лишь от времени до времени выступая с мольбами о пощаде. Тем не менее, эти правительства не смогли уберечь Германию от потери государственного суверенитета. Когда к началу 1923 г., несмотря на бесчисленные конференции и совещания европейских дипломатов, Германия все-таки оказалась не в состоянии выплачивать требуемые с нее суммы, французское правительство, во главе которого тогда стоял Пуанкаре, решило разрешить спор мечом. В начале января 1923 г. французские войска вступили в Рурскую область и, постепенно расширяя зону своей оккупации, в конце концов изолировали весь Рейнско-Вестфальский промышленный район с его угольной и железной промышленностью от остальной Германии. Правительство Куно, стоявшее тогда у власти в Берлине, ответило на военный поход французов комедией „пассивного сопротивления“, которое, как и следовало ожидать, к концу 1923 г. кончилось полным фиаско. Глубокий внутренний кризис, выразившийся в полном обесценении валюты и в революционных восстаниях пролетариата в Гамбурге, Саксонии и Тюрингии, окончательно привел в трепет германскую буржуазию и заставил ее пойти на безоговорочную капитуляцию перед Антантой. Германская буржуазия, притиснутая к стене угрозой пролетарской революции, решила пожертвовать своими великодержавными мечтами ради сохранения своих капиталов. Уже раньше она делала частичные попытки найти выход из созданного Версальским договором положения, путем известного сближения с французским, английским и американским капиталом. Теперь она окончательно поставила ставку на кооперацию с заправилками Лондона, Парижа и Нью-Йорка. И так как эта кооперация оказывалась возможной только на условии превращения герман-

ской буржуазии в приказчиков американских и английских миллиардеров, то вождям немецких банков и промышленности пришлось пойти и на такое унижение. Эта новая ориентация германской буржуазии нашла свое наиболее полное и яркое выражение в принятии ею уже не раз упоминавшегося выше плана Дауэса.

Сущность *плана Дауэса* в основном сводится к следующему. Для ликвидации послевоенной разрухи в Германии необходимы две вещи: во-первых, стабилизация немецкой валюты и, во-вторых, оздоровление ее народного хозяйства. Добиться этого собственными силами Германия, очевидно, не может, поэтому ей на помощь должна прийти Антанта, или точнее, англо-франко-американская буржуазия. В каких именно формах?

Комиссия экспертов, работавшая под председ. американского генерала Дауэса, наметила следующие мероприятия: 1) для создания твердой валюты учреждается особый эмиссионный банк, получающий сроком на 50 лет право чеканки и печатания денег для Германии. Все многочисленные виды бумажной валюты, обращающиеся в настоящее время в стране, постепенно изымаются из обращения и заменяются банкнотами нового банка, обеспеченными на $33 \frac{1}{3} \%$ золотом и иными ценностями. Основной капитал банка в размере 400 мил. зол. мар. получается путем подписки, размещаемой частью в Германии, а частью (и при том большей) за границей. Золотое обеспечение выпущенных банкнот в большей своей части также будет храниться в иностранных банках. Во главе банка будут стоять два правления: одно, более узкое, состоящее из германских подданных, и другое, более широкое, именующееся „Генеральный Совет“, в составе 7 немцев и 7 иностранцев (среди последних представители Англии, Франции, Италии, Бельгии, Соединенных Штатов, Голландии и Швейцарии). Один из иностранных членов „Генерального Совета“ получает звание комиссара. Отношения между банком и германским правительством в плане Дауэса формулированы следующим образом. „Герман-

ское правительство участвует в при-
былях банка, но банк должен быть со-
вершенно свободен от правительствен-
ного контроля и вмешательства“.

2) В целях оздоровления на-
родного хозяйства намечается
такое разрешение репарационного во-
проса. Общей суммы репараций не
устанавливается, что открывает воз-
можности совершенно безграничной
эксплоатации Германии, но фиксиру-
ется твердая цифра ежегодных плате-
жей, а именно (в милл. зол. мар.):

1-й год (по 31 августа 1925 г.)	1.600
2-й " " " "	1926 " 1.200
3-й " " " "	1927 " 1.200
4-й " " " "	1928 " 1.750
5-й " " " "	1929 " 2.500

Пятый год считается нормальным,
и в дальнейшем Германия ежегодно
должна уплачивать 2.500 мил. зол. мар.
Изменение этой цифры возможно лишь
в зависимости от роста или падения
ее благосостояния, определяемого пу-
тем особых индексов, выводимых из
статистики населения, железнодорож-
ного движения, внешней торговли, по-
требления табака и угля и бюджетных
расходов. Для должной оценки приве-
денных цифр необходимо напомнить,
что весь бюджет Германской империи
в последние предвоенные годы не пре-
вышал 2.200 мил. зол. мар.

3) Покрытие репарационных
платежей в указанном размере
предусматривается из трех основных
источников: а) Залог наиболее
верных и доходных статей
германского бюджета, а именно: тамо-
женных пошлин и налогов на алкоголь,
сумо, табак и сахар. Суммы, поступае-
мые по этим статьям, передаются не по-
средственно в руки лиц, уполномочен-
ных на то Антантой. б) Изъятие из веде-
ния германского правительства немец-
ких железных дорог и передача
их в руки особого акционерного обще-
ства сроком на 40 лет. Железные дороги
привлекаются к участию в репарацион-
ных платежах в размере 11 миллиард.
зол. марок, в форме ипотечных за-
кладных листов из 5% и 1% погашения.
Кроме долговых обязательств на 11 мил-
лиардов, новое железнодорожное обще-
ство получает 2 миллиарда привиле-

гированными акциями и 13 миллиардов
обыкновенными акциями (весь основ-
ной капитал германских железных
дорог оценивается в 26 миллиардов
зол. мар.). Проценты и погашение же-
лезнодорожных облигаций, покрывае-
мые доходами железных дорог, должны
йти в кассу ежегодных репарацион-
ных платежей. Управление железными
дорогами осуществляется советом из
18 директоров, большинство которых
является германскими подданными.
Отношения же между обществом и пра-
вительством формулируется в плане
Дауэса в таких выражениях: „Обществу
железных дорог должна быть предо-
ставлена свобода ведения его дел, при
чем предполагается контроль герман-
ского правительства над железнодо-
рожными тарифами и эксплуатацией
для устранения и ограждения интере-
сов публики. Однако, такой прави-
ТЕЛЬСТВЕННЫЙ контроль ни в коем слу-
чае не должен явиться для общества
препятствием к получению справедли-
вой и соразмерной прибыли на вложен-
ный капитал. Комиссар железных дорог
представляет интересы владельцев
долговых обязательств. Поскольку не
будет задержек к поступлению плате-
жей, его главной задачей явится со-
бирание статистических и финансовых
материалов и отчетных данных и об-
щее наблюдение за надлежащей охра-
ной владельцев долговых обязательств“.
Таким образом, и железные дороги
фактически становятся независимыми
от германского правительства. в) На-
конец, наложение на германскую
промышленность, торговлю и банки
ипотечных долговых обязательств на
сумму в 5 миллиард. зол. мар. из 5%
годовых и 1% погашения. Проценты
и погашение по этим облигациям так-
же должны поступать в кассу репа-
рационных платежей.

Так как комиссия экспертов признает
трудности переходного периода при
проведении всех указанных мероприя-
тий, то она считает необходимым ока-
зание Германии в течении первого
года иностранной финансовой помощи
в форме международного займа в 800
мил. зол. мар. Остающиеся еще 200 млн.
(взнос первого года, как мы знаем,
исчислен в 1.000 мил. зол. мар.) дол-

жны быть покрыты процентами по железнодорожным облигациям.

4) Конечно, осуществление столь сложного и разветвленного плана требует специальной организации, представляющей и охраняющей интересы Антанты. Такая организация предусматривается комиссией экспертов в лице ряда полномочных комиссаров. Во главе контрольного аппарата Антанты стоит агент по репарационным платежам. Ему подчинены: комиссар эмиссионного банка, комиссар по железным дорогам и комиссар по заложенным государством доходам. Весьма вероятно создание в дальнейшем также комиссара по долговым обязательствам промышленности. Сверх того, комиссар по заложенным государственным доходам будет иметь ряд помощников, ведающих той или иной отраслью государственных доходов. Равным образом, предусмотрен и особый уполномоченный по расчетам, имеющий своей задачей принимать долговые обязательства промышленности и железных дорог, давать о них отчеты репарационной комиссии, обеспечивать уплату процентов и погашения, устанавливать условия погашения долговых обязательств и т. д. При комиссарах имеются различные советы и комитеты, в которые допускаются также и германские подданные, но... главным образом, в качестве декоративного украшения.

Таковы основы разрешения репарационного вопроса, предложенные весной 1924 г. Антантой и осенью (9 августа) принятые германской буржуазией. Передавая в распоряжение иностранного капитала валюту, железные дороги, ряд важнейших государственных доходов, возлагая на немецкую промышленность постоянную дань в пользу банкиров Лондона и Нью-Йорка, подчиняя всю народно-хозяйственную и государственную жизнь страны усмотрению всемогущих антантовских комиссаров, план Дауэса весьма недвусмысленно лишает Германию ее великодержавной суверенности и, в сущности, переводит ее на положение колонии. И, тем не менее, этот план был принят немецкой буржуазией, а 30 августа 1924 г. рейхстаг уже вотирует вытекающие из

плана законы о новом эмиссионном банке, о денационализации железных дорог и о наложении ипотечного долга на промышленность, торговлю и банки. 15 октября того же года был реализован и предусмотренный планом Дауэса международный заем в размере 800 мил. мар. из 8 % годовых, половина которого была размещена в Соединенных Штатах, четверть — в Англии и, наконец, последняя четверть — во Франции, Швейцарии, Голландии, Бельгии, Швеции и Италии. Одновременно был назначен главный агент Антанты по репарационным платежам, и началось постепенное назначение различных антантовских комиссаров. План Дауэса находится, таким образом, в настоящее время в процессе осуществления и пока обращивается к населению своей положительной стороной: он дал Германии твердую валюту. Пройдет немного времени, и план Дауэса начнет обращиваться к населению Германии, прежде всего к ее трудящимся классам, своей отрицательной стороной: громадные репарационные платежи правительство и буржуазия постараются, конечно, свалить на плечи пролетариата и крестьянства, путем повышения налогов и железнодорожных тарифов, путем удлинения рабочего времени и сокращения заработной платы. План Дауэса таит в себе зародыши новых и грандиозных социальных битв, которые, надо думать, глубоко расшатают, а, может-быть, и превратят в руины основы буржуазного порядка в Германии.

Из вышесказанного ясно, что Версальский договор должен был играть и действительно играл решающую роль в установлении линии внешней политики послевоенной Германии. Однако, был и другой весьма важный фактор, влиявший на иностранную политику Германии, — это Октябрьская революция и порожденная ею Советская Россия. И география и политика создали для Германии промежуточное положение между капиталистическим Западом и социалистическим Востоком. И все поведение ее буржуазии и правительства на протяжении последних семи лет было полно непрекращающихся колебаний между Москвой, с одной

стороны, Парижем, Лондоном и Нью-Йорком, с другой. Положение для Германии, действительно, создавалось крайне противоречивое. С Москвой ее невольно связывала общая борьба против Антанты, но глубоко разделяло различие социальных укладов. С капиталистическим Западом Германию роднила общность хозяйственной системы, но резко отпугивало от него стремление Франции раздробить и искалечить своего „наследственного врага“. В конечном счете, отношения между Германией и Советской Россией представляли собой зигзагообразную линию. В моменты или периоды особенно крутого натиска с Запада Германия бросалась в сторону СССР и, наоборот, в моменты или периоды улучшения отношений с Лондоном и Парижем Германия отдалялась от СССР и даже начинала обнаруживать по ее адресу известное недоброжелательство. Вот почему в апреле 1922 г., в момент, когда Германия находилась под угрозой удара с Запада, она заключила с Советской Россией так называемый Рапальский договор, согласно которому правительства обеих стран восстанавливали в полном объеме дипломатические сношения и подтверждали взаимный отказ от каких-либо экономических притязаний в связи с событиями войны и революции. Вот почему в 1924 г., в момент, когда перед Германией вырисовались перспективы соглашения с Антантой на основе плана Дауэса, она позволила себе ряд некорректных действий по отношению к СССР, важнейшим из которых был майский налет (1924 г.) берлинской полиции на наше торгпредство. И вот почему в 1925 г., когда план Дауэса стал совершившимся фактом, Германия, по наущению Англии, выступила с идеей гарантийного договора, острием своим направленного против СССР. Впрочем, близорукая тактика германской буржуазии, рассчитанная исключительно лишь на нужды сегодняшнего дня, не сможет помешать тому, что в действительно решающий момент для судеб германского народа основным фактором, определяющим его внешнюю политику, явятся отношения с СССР.

Рабочее движение. То реакционное перерождение, которое наметилось в германской социал-демократии в эпоху войны, в послевоенные годы пошло еще более ускоренным темпом. Правда, внешний фасад партии как будто бы сохранял достаточно импозантный вид. Так, число членов ее в 1919 г. равнялось 1.012.000, т.-е. составляло, примерно, столько же, сколько в последний довоенный год. В 1921 г. оно поднялось даже до 1.221.000. В начале 1923 г., после слияния с „независимыми“, о чем речь будет ниже, число членов партии составляло около 1.500.000, но к концу того же года, в связи с громадным ростом революционных настроений в массах, упало, приблизительно, в два раза. Известное успокоение, внесенное в германскую жизнь планом Дауэса, вызвало некоторое укрепление партии, и к началу 1925 г. число ее членов можно считать равным, приблизительно, 1.000.000 (точные данные о числе членов партии последние годы не публикуются). Значительно хуже обстоит дело с избирательными успехами партии. На выборах 1919 г. обе социал-демократические партии вместе получили 13,8 мил. голосов, что составляло 46% всех участвовавших в голосовании; в 1920 г. обе социал-демократические партии собрали уже только 11,1 мил., или 40% всех поданных голосов. На майских выборах 1924 г. число с.-д. голосов упало до 6,2 мил., или 22% всех голосовавших. На декабрьских выборах того же года, происходивших уже после принятия плана Дауэса, социал-демократии посчастливилось несколько больше: за нее было подано 7,8 мил., или 26% всех голосов. Несмотря на этот частичный успех, несходящая линия в развитии избирательных успехов партии совершенно несомненна. За всем тем не приходится отрицать, что вплоть до настоящего дня германская социал-демократия представляет еще достаточно многочисленную и влиятельную организацию.

Однако, процессы, происходящие за стенами партийного фасада, свидетельствуют о безнадежном разложении социал-демократии. Прежде всего, в послевоенные годы происходило значи-

тельное перерождение социального состава партии. До 1914 г. 90% ее членов составляли рабочие. После революции в партию массами хлынули мелкобуржуазные, интеллигентские, чиновничьи элементы. В ее ряды устремились также разнообразные карьеристы и темные личности, рассчитывавшие с помощью социал-демократии лучше устроить свою судьбу (достаточно вспомнить столь шумевшее в начале 1925 г. дело о подкупах видных деятелей партии спекулянтской фирмой Барматов). Так как никаких ограничительных мер против наплыва инородных элементов партия не принимала, то очень скоро в ее рядах большое влияние приобрели выходцы из непролетарской среды. В результате реакционный уклон партии становился все круче и, спускаясь постепенно со ступеньки на ступеньку, она в наши дни доказывала до роли прямой пособницы буржуазии.

Внутреннее перерождение социал-демократии сказывалось как на практике, так и в теории. На практике оно проявлялось в том, что социал-демократия после революции стала важнейшей опорой буржуазного господства. Из двенадцати кабинетов, сменявшихся у власти за 1919-24 г., семь были сформированы при непосредственном участии социал-демократии, в пяти остальных социал-демократы формально не участвовали, но фактически их поддерживали и, таким образом, давали возможность существовать и работать. Иными словами, коалиция с буржуазией стала основой всей социал-демократической политики. Этого мало. Во всех тех случаях, когда выведенный из терпения пролетариат пытался поднять знамя восстания против господствующих классов, партия неизменно приходила на помощь этим последним и деятельно помогала топить рабочие волнения в крови. Так было в 1919 г., когда „кровавый“ Носке рассылал карательные отряды по Германии. Так было в марте 1921 г. во время восстания среднегерманских рабочих. Так было, наконец, в 1923 г., когда рабочие Гамбурга, Саксонии и Тюрингии пытались открыть первую страницу социалистической революции.

И так как борьба с революцией требует надежных, с точки зрения буржуазии, вооруженных сил, то социал-демократия позаботилась об осуществлении и этой важной задачи. В бытность свою у власти она специально формировала рейхсвер из сыновей зажиточных эксплуататорских семей, по рекомендации прусских лейтенантов, а весь командный состав его сверху до низу заполняла монархическими офицерами и генералами. Далее, партия, именуемая себя представительницей пролетариата, приняла самое активное участие в организации послевоенной эксплуатации этого самого пролетариата. Она санкционировала громадное понижение заработной платы немецких рабочих и всю финансовую и налоговую политику буржуазии, сводившуюся к освобождению капитала от всякого обложения и к неограниченному печатанию бумажных денег. Она же является также главной виновницей политического развала республики и превращения ее в колонию англо-американских банкиров, ибо она не только дала свои подписи под Версальским договором, но и все время после того являлась главной сторонницей „политики выполнения“. Она же поддерживала и принятие плана Дауэса. Окидывая общим взглядом деятельность социал-демократии за послевоенный период, приходится констатировать, что она сделала для спасения буржуазного порядка гораздо больше, чем все буржуазные партии вместе взятые.

На ряду с практикой, соответственно изменялась и теория. Старое марксистское учение о классовой борьбе, о социалистической революции, о социализме сменилось социал-реформизмом либерально-демократического типа. Наиболее ярко данная эволюция обнаружилась в том факте, что на партийных съездах 1921 и 1925 г. старая Эрфуртская программа 1891 г. была заменена новой, имеющей очень мало общего с марксизмом. В настоящее время германская социал-демократия является, по существу, не партией пролетариата, а левым флангом буржуазного политического фронта.

Одним из важнейших событий в жизни социал-демократии послевоенного пе-

риода было воссоединение ее с *независимой социал-демократией*. Произошло это следующим образом. Как мы уже знаем, в апреле 1917 г., на съезде в Готе, была создана „Независимая социал-демократическая партия Германии“, в состав которой вначале входила даже и группа „Интернационал“, во главе с Карлом Либкнехтом и Розой Люксембург. Хотя вплоть до конца войны эта партия не обнаружила особой энергии в развитии революционной деятельности, тем не менее она пользовалась значительным обаянием в массах и в бурные дни германской революции играла руководящую роль в „Совете народных уполномоченных“. Однако, обнаруженные ею здесь половинчатость и колебания побудили группу Либкнехта и Люксембург выйти из состава независимых и образовать коммунистическую партию. Позиция нейтралитета, занятая независимыми во время январского восстания 1919 г. в Берлине, вырыла глубокую пропасть между ними и коммунистами. Тем не менее, на выборах в Национальное Собрание, происходивших 19 января того же года, независимые собрали свыше 2 мил. голосов. В течение 1919-20 г. независимые продолжали еще кокетничать левой фразой и провозгласили себя даже сторонниками диктатуры пролетариата и советской системы.

Это была пора наибольшего расцвета партии. В конце 1919 г. число ее членов поднялось до 750.000, а на выборах в рейхстаг в 1920 г. независимые получили уже 4,9 мил. голосов вместо 2,3 мил., собранных ими на выборах в Национальное Собрание. Вслед затем, однако, наступил крах. В партии существовали два крыла—правое, во главе с Дитманом, Каутским и др., и левое, во главе с Паулем Леви. На четвертом съезде независимых в Галле (в октябре 1920 г.) был поставлен вопрос о том, к какому из Интернационалов — II или III — должны примкнуть независимые. Здесь произошел раскол: левое крыло, объединявшее около 300.000 членов, высказалось за III Интернационал и, выйдя из партии независимых, слилось с коммунистами. Оставшаяся часть независимых пыталась вместе с австрийскими социал-демократами,

французской социалистической партией и британской „Независимой рабочей партией“ создать так называемый Венский или 2½ Интернационал, оказавшийся мертворожденным детищем, и, наконец, в октябре 1922 г., на съезде в Нюрнберге, вновь вернулась к правой социал-демократии. Вслед затем и 2½ Интернационал объединился со 2 Интернационалом. Круг развития завершился.

Знамя революционного марксизма, которое в старые годы держала в своих руках немецкая социал-демократия, теперь подхвачено *коммунистами*. Истоки коммунистической партии Германии восходят еще к 1910-1914 г., когда в рядах старой с.-д. партии под руководством К. Либкнехта, Р. Люксембург, Ф. Меринга и др. образовалось левое крыло, поведшее решительную борьбу с реформизмом. После начала войны эта группа, как мы уже знаем, сделала попытку выпустить журнал „Интернационал“. Летом 1915 г. представители группы участвовали на международной конференции в Циммервальде, которую можно считать зародышем III Интернационала, а в январе 1916 г. та же группа устроила в Берлине I-ую нелегальную конференцию своих сторонников, на которой было решено издавать бюллетень „Спартак“ (по имени вождя восставших рабов древности). Отсюда и вся группа левого крыла получила название „спартаковцев“. Очень скоро после того почти все вожди „спартаковцев“ попали в тюрьму, откуда были освобождены только ноябрьской революцией. При основании независимой социал-демократии „спартаковцы“ вошли в ее состав, образуя внутри партии некоторую автономную единицу. После 9 ноября „спартаковцы“ повели энергичную агитацию за превращение германской революции в социалистическую революцию, вышли из рядов независимых и 30 декабря 1918 г. основали „Коммунистическую партию Германии“. Они стояли во главе январского восстания в Берлине, потеряв при этом своих крупнейших вождей — К. Либкнехта и Р. Люксембург, бойкотировали выборы в Национальное Собрание и энергично участвовали в той гражданской войне, которая охва-

тила Германию в течение первых восьми месяцев 1919 г. На втором съезде партии, происходившем нелегально осенью того же 1919 г. в Гейдельберге, произошел раскол: часть „левых“, известных под именем „гамбургского направления“, под руководством Лауфенберга, вышла из состава коммунистической партии и в апреле 1920 г. образовала „Коммунистическую рабочую партию Германии“, обнаружившую анархо-синдикалистский уклон и в 1921 г. исключенную из III Интернационала. Основное же ядро „Коммунистической партии Германии“ продолжало быстро крепнуть и к весне 1920 г. насчитывало 77 тыс. членов. На состоявшихся около того же времени выборах в рейхстаг коммунисты собрали 446 тыс. голосов. В декабре 1920 г. произошло упоминавшееся выше слияние коммунистов с левым крылом независимых, в результате чего число членов партии сразу поднялось до 380 тыс. Однако, этот количественный рост таил в себе известные опасности. Вместе с независимыми в партию вошло много колеблющихся, ненадежных элементов, что очень быстро породило в ее рядах внутренние разногласия. В феврале 1921 г. эти разногласия приняли особенно острый характер, в связи с выходом Пауля Леви из центрального комитета партии. Затем Леви опубликовал брошюру, в которой обвинял ЦК в бакунизме, в стремлении превратить коммунистическую партию в какую-то революционную секту. За это он был исключен из партии. Поболтавший некоторое время в роли вождя парламентской группы „Коммунистический блок“, в которую вошли 13 коммунистических депутатов из общего количества 26, Леви в конце концов вернулся в ряды независимых социал-демократов, а затем вместе с ними вошел в „объединенную социал-демократию“. История с Леви породила в Коммунистической партии внутренний кризис, который особенно обострился в связи с поражением, понесенным мартовским восстанием рабочих 1921 г. III конгресс Коминтерна специально обсуждал германские дела и признал, что мировое коммунистическое движение должно

рассматривать нынешний момент не как момент непосредственной атаки на капитализм, а как момент собирания сил и подготовки к грядущей революции. В связи с этим германская Компартия вступила на путь органического развития и в течение последующих двух лет не только сумела укрепиться внутренне, но одновременно в большой степени усилить свое влияние на массы. С особенной быстротой этот процесс происходил в 1923 г., когда захват Рура создал в Германии революционную ситуацию, и когда значительной части немецкого пролетариата стало ясно банкротство социал-демократии. Недаром Компартия, в январе этого года насчитывавшая 220 тыс. членов, к октябрю имела их уже свыше 500 тыс. Недаром также численность красных пролетарских „сотен“ к августу 1923 г. достигала, примерно, 250 тыс. человек. Недаром, наконец, коммунисты были движущей силой рабочих восстаний в Гамбурге, Саксонии и Тюрингии, поставивших в порядок дня германской жизни вопрос о пролетарской революции. Неудача этих восстаний не могла не отразиться на развитии Компартии. Внутри ее вспыхнула борьба между „правыми“ и „левыми“, закончившаяся усилением левых в руководстве партии. Число членов партии, вынужденной перейти на полулегальное положение, несколько сократилось. Влияние ее на массы частично упало. Несмотря, однако, на столь неблагоприятные обстоятельства, Компартия сумела на майских выборах 1924 г. в рейхстаг собрать 3.712 тыс. голос. и провести в парламент 62 депутата. Менее благоприятны оказались для нее результаты декабрьских выборов того же года, на которых Компартия получила лишь 2.699.000 голосов и провела в парламент 45 своих представителей. Еще хуже оказалось положение Коммунистической партии во время выборов президента (в апреле 1925 г.): на этот раз она собрала лишь 1.800.000 голосов. Поражение 1923 года и план Дауэса создали условия, неблагоприятные для Коммунист. партии Германии. Однако, иллюзорность надежд, возлагаемых на план Дауэса,

на ряду с общими тенденциями эпохи должна привести к новому усилению германской Компартии.

Совершенно своеобразный путь развития в послевоенные годы проделало профессиональное движение. Прежде всего несколько цифровых данных, характеризующих его положение. Мы видели, что во время войны число членов „свободных“ союзов сильно упало (с 2.525 тыс. в 1913 г. до 945 тыс. в 1916 г.) и лишь в 1918 г. снова стало увеличиваться. В дальнейшем картина представлялась в след. виде:

1913 г.	2.889 тыс.
1919 „	5.479 „
1920 „	7.890 „
1921 „	8.350 „

Итак, в первые три послевоенные года „свободное“ профессиональное движение пережило эпоху головокружительного взлета, увеличив число своих членов в 3½ раза по сравнению с довоенным. Однако, на такой высоте оно удержалось очень недолго. Вслед затем начался постепенный отлив, и в 1925 г. „свободные“ союзы насчитывали всего 4.188.000 членов. Никаких серьезных перестроек в структуре или в функциях профессиональных союзов в послевоенные годы сделано не было. Только в 1919 г. была создана „Всегерманская федерация профсоюзов“ („Allgemeiner Deutscher Gewerkschaftsbund“), в просторечии часто именуемая „ADGB“. Но и эта мера, в сущности, лишь узаконяла то положение, которое в порядке стихийного развития сложилось еще в предвоенные годы.

Упомянутый отлив в области профдвижения имел для себя достаточные основания. Как мы видели, профсоюзы во время войны превратились в опору империализма и шовинизма. В дальнейшем положение не только не улучшилось, но значительно ухудшилось. В критические дни 1918 г. профсоюзы, в лице своих руководящих учреждений, стояли на крайнем правом фланге пролетарской общественности. Накануне 9 ноября они были противниками революции. Когда революция, наконец, разразилась, они были противниками Советов. Когда в феврале-

марте 1919 г. по всей Германии прокатились бурные стачки и манифестации с требованием социализации крупнейших промышленных предприятий, они были против социализации и совместно с предпринимателями систематически саботировали работы назначенной правительством комиссии по социализации угольных копей. Так из этой комиссии ничего и не вышло (см. подробнее XL, 294/385, *Социализация и национализация*). Когда осенью 1919 г. в Берлине и других городах страны началось широкое движение под лозунгом „контроля над производством“, профсоюзы постарались разбить его сначала на отдельные ручки, а затем и совсем ликвидировать. Когда в 1920 г. разыгралась массовая революционная стачка в связи с попыткой контр-революционного переворота, возглавлявшейся Каппом, профсоюзные лидеры приложили все усилия к тому, чтобы оборвать ее в самом начале: они боялись, как бы пролетариат, поднявшись однажды на борьбу, не опрокинул с размаху самых основ буржуазного порядка. Когда в феврале 1922 г. вспыхнула грандиозная стачка немецких железнодорожников, профсоюзная верхушка выступила против забастовщиков на том основании, что выступление не было санкционировано центральной инстанцией железнодорожного союза. Профсоюзная бюрократия не обнаружила никакой энергии даже и тогда, когда в 1923 г. началась сильнейшая атака на фабриках и в парламенте против восьмичасового рабочего дня, оставшегося в качестве наследия от германской революции. Вообще германские профсоюзы после войны почти совершенно потеряли характер боевых организаций. В довершение всего они не сумели сохранить даже своего бывшего финансового могущества, т. к. взимали членские взносы и хранили накапливаемые в кассах суммы в бумажных марках. Конечно, такая деятельность германских профсоюзов в эпоху войны и Версальского договора не могла не сказаться на судьбах профессионального движения. С особенной силой этот процесс обнаружился в 1923 г., когда в связи с оккупацией Рура и вызванными ею со-

бытиями авторитет социал-демократии оказался глубоко потрясенным.

При таких условиях неудивительно, что внутри профсоюзов уже сравнительно давно начала обнаруживаться сильная внутренняя оппозиция. В 1919 г. дело дошло даже до выхода из состава „свободного“ союза горнорабочих большого числа членов и образования ими „Объединенного союза рабочих физического и умственного труда“ (сейчас около 160 тыс. членов), находящегося под сильным коммунистическим влиянием. Однако, в дальнейшем подобных случаев почти не было, ибо германские коммунисты, в соответствии с общей линией Коминтерна, дали лозунг: не раскалывать профсоюзы, а завоевывать их изнутри. В связи с этим началась усиленная агитация и пропаганда внутри профсоюзных организаций, образование там коммунистических ячеек и постепенный захват различных командных постов в административной машине профдвижения.

Не будучи в состоянии в достаточной мере овладеть верхушечными органами профдвижения, коммунисты сделали удачную попытку укрепиться в его низовых органах—именно в фабрично-заводских комитетах, стихийно возникших в эпоху революции и затем легализованных законом о „производственных советах“ 1920 г. Особенно крупную роль фабрично-заводские комитеты начали играть с 1923 г., когда они превратились в фактических руководителей экономической борьбы пролетариата, стали создавать контрольные комиссии для борьбы с спекуляцией и дороговизной продуктов, приступили к организации и вооружению красных пролетарских „сотен“ и вообще сделались мощными конкурентами официальных профсоюзов. В тот период влияние коммунистов в фабзавкомах было безгранично. Фабзавкомы созывали свои районные и общегерманские съезды, имели Центральный совет в Берлине и мало-помалу становились гигантским разветвленным организмом, служащим целям революционно-экономической борьбы пролетариата. Некоторый упадок рево-

люционных настроений, наблюдавшийся в 1924—25 г., ослабил значение фабзавкомов и, кроме того, способствовал известному усилению в них социал-демократических влияний.

Закачивая характеристику рабочего движения в послевоенные годы, необходимо коснуться одного очень важного вопроса: чем объясняется столь позорная эволюция когда-то революционной германской социал-демократии? Подробный анализ причин этого явления завел бы нас слишком далеко. Поэтому, мы ограничимся лишь самыми краткими указаниями. Причины, обусловившие крушение социал-демократии, двойного рода: объективные и субъективные. К объективным причинам относятся, прежде всего, длительность и мощь капиталистического расцвета предвоенной Германии, сделавшие возможным, хотя и скромное, но систематическое, из года в год, улучшение экономического положения пролетариата. Такая обстановка, естественно, создавала благоприятную почву для развития реформистских настроений в рабочих массах. К тем же причинам объективного характера необходимо отнести также наличие известного минимума демократических свобод и, особенно, всеобщего избирательного права в рейхстаг, рождавшего иллюзии парламентского реформизма, и крайний подъем националистических чувств, вызванный экономическими и политическими успехами Германии после 1866 г. (война с Австрией). Выросшая в таких условиях партия германского пролетариата подвергалась большой опасности оппортунистического перерождения. К этим объективным причинам присоединялись субъективные, т.-е. лежавшие уже в недрах самого социал-демократического движения. Здесь необходимо указать на излишнюю погоню партии за количеством членов (или избирателей) в ущерб их качеству, что вытекало из переоценки значения парламентаризма, на крайнее развитие в партии централизма и аппаратности, на слабость революционно-воспитательной работы и, наконец, на какой-то почти мистический культ единства партии во что бы то ни стало. Во имя этого культа допускалось пре-

бывание в рядах организации явно вредных, непролетарских, нереволюционных элементов, заражавших гниением и здоровьем ее части. Действие всех этих объективных и субъективных причин до поры до времени оставалось скрытым, и только война 1914 г. с ужасающей ясностью обнаружила, как далеко продвинулась их молекулярная работа. Однако, сейчас, оценивая прош-

лое под углом зрения событий минувшего десятилетия, мы не можем не прийти к выводу, что загнивание социал-демократии началось еще задолго до войны. Его можно датировать приблизительно с конца 90-х годов прошлого столетия, когда Э. Бернштейн выступил с своей „ревизией“ Маркса. Подводя итоги историческому развитию Германии за минувшие 15 лет,

	ЧИСЛО ПОДАННЫХ ГОЛОСОВ (в тыс.)			
	1919 г.	1920 г.	1924 г. (май)	1924 г. (дек.)
Левая:				
Коммунисты	—	440 (2%)	3.712 (13%)	2.699 (9%)
	—	440 (2%)	3.712 (13%)	2.699 (9%)
Средние партии:				
Социал-демократы	11.569	6.104	5.970	7.839
Независимые с.-д.	2.317	4.971	240	—
Демократы	5.842 (18%)	2.334 (8%)	1.657 (6%)	1.915 (6%)
Центр	5.980 (20%)	3.544	3.409	4.177
Баварск. Нар. пар.	—	1.173	1.142	1.121
Народная парт.	1.346 (4%)	3.919 (14%)	2.642 (10%)	3.017 (10%)
	26.794 (88%)	22.345 (80%)	15.051 (54%)	18.089 (61%)
Правая:				
Националисты	3.122 (10%)	4.249 (15%)	5.755 (20%)	6.122 (21%)
Гевертск. парт.	—	—	1.917 (7%)	891 (3%)
Союз аграриев	—	—	598 (2%)	498 (2%)
Др. правые партии	—	—	338 (1%)	906 (3%)
	3.122 (10%)	4.249 (15%)	8.578 (29%)	8.507 (29%)
Прочие партии	485 (2%)	1.024 (3%)	1.000 (3%)	258 (1%)
В с е г о	30.401 (100%)	28.120 (100%)	28.341 (100%)	28.553 (100%)

столь богатые потрясающими событиями, мы должны констатировать, что дважды—в 1918 г. и в меньшей степени в 1923 г. немецкий народ стоял на рубеже великого распутия. Дважды он должен был решать, каким путем ему идти: путем социалистической революции и советского строительства или путем реставрации капитализма? И оба раза трудящиеся классы Германии не нашли в себе пока достаточных решимости и энергии для того, чтобы

сделать прыжок через баррикаду, стоящую на грани капиталистической и социалистической эпох. Поэтому ход развития страны пошел по пути реставрации капитализма. Но надолго ли? Этот вопрос несколько освещается данными парламентских выборов в 1919-24 г. Вот что они говорят:

Если взглянуть в приведенную таблицу, то станет ясно следующее. От выборов 1919 г. в Национальное Собрание и до майских выборов 1924 г.

с полной отчетливостью идет процесс быстрого углубления классовых противоречий: систематически тают средние партии и с чрезвычайной быстротой растут крайние фланги, при чем, хотя левый фланг (коммунисты) количественно представляет еще гораздо меньшую величину, чем правый, темп его развития отличается неизмеримо большей стремительностью. Декабрьские выборы 1924 г. обнаруживают некоторое укрепление средних партий (количество поданных за них голосов увеличилось с 54% до 61%) и частичное ослабление левого фланга (вместо 13% только 9%). Однако, надо иметь в виду момент, когда происходили эти выборы. Избиратели шли к урнам после принятия плана Дауэса, обернувшегося к ним пока лишь своей положительной стороной, утомленные потрясениями предшествующих лет и полные надежды на то, что лихие годы, наконец, миновали. Если при столь благоприятной обстановке средние партии смогли увеличить количество полученных ими голосов всего лишь на 7%, то это приходится расценивать, как очень слабое утешение для сторонников реставрации капитализма. Повидимому, декабрьские выборы являются не исходной точкой длительного подъема буржуазии, а продуктом временного и случайного стечения обстоятельств. Такое предположение тем более основательно, что план Дауэса в дальнейшем своем применении превратился в весьма революционными перспективами. Действительно, систематический рост немецкого экспорта, являющийся неизбежным следствием этого плана, будет создавать постоянные экономические конфликты между Германией и другими великими державами, в сильнейшей степени увеличивая опасность новой войны. С другой стороны, повышенная эксплуатация немецких рабочих, видевших лучшие времена и прошедших большую политическую школу, будет крайне обострять борьбу между трудом и капиталом. Наконец, превращение Германии в колонию несомненно вызовет в массах ее населения сильный прилив национального чувства и все растущий протест против угнетения страны чужезем-

ным капиталом. Все эти факторы вместе взятые будут систематически минировать почву буржуазного порядка Германии и подготавливать новый политический взрыв. И так как немецкая буржуазия теперь вяла курс на сращивание с буржуазией Англии, Франции и Америки, то естественным вождем германского народа в его борьбе за национальную свободу, в конце концов, может быть только пролетариат. Отсюда ясно, что наметившаяся в послевоенные годы тенденция развития в сторону систематического обострения классовых противоречий, несмотря на частичные зигзаги и отступления в сторону, останется неизменной. А это значит, что ближайший исторический период в жизни Германии пройдет под знаком социалистической революции, а не реставрации капитализма.

ЛИТЕРАТУРА по вопросам, затронутым в настоящей статье, всеобщая. Поэтому мы ограничимся здесь лишь самым необходимым.

1. *О предтольмак войны:* *W. Onken*, „Das Zeitalter d. Kaisers Wilhelm I“, 1892; *E. Reventlow*, „Deutschlands auswärtige Politik 1888—1913“, 1914; *J. Seeley*, „The Expansion of England“, 1895; *P. Rohrbach*, „Deutschland unter d. Weltvölkern“, 1908; *I. Riesser*, „Die deutschen Grossbanken“, 1910; *K. Helfferich*, „Deutschlands Volkswohlstand 1848—1913“, 1914 (русск. пер.: *К. Гельферих*, „Развитие народного хозяйства Германии в 1888—1913 гг.“, 1920); *Н. Ленин*, „Империализм, как новейший этап капитализма“, сочин., т. XIII; *O. Bismarck*, „Gesammelte Reden“, 1892; *O. Bismarck*, „Вильгельм II, воспоминания и мысли“, 1923 (русск. пер.): *O. Klien-Hattigen*, „Bismarck u. seine Welt“, 1902—04; „Bismarck und Russland, Enthüllungen eines Diplomaten“, 1888; „Bismarck und England“, 1889; *W. Miller*, „The Ottoman Empire 1801—13“, 1913; *G. Schulze-Gaevernitz*, „England u. Deutschland“, 1908; *E. Ashley*, „The life and correspondence of Viscount Palmerston“, 1879.

2. *О войне и Германии во время войны:* *Э. Людendorff*, „Воспоминания“, 1923 (русск. пер.); *Вильгельм II*, „Мемуары“, 1923 (русск. пер.); *Р. Ланггаре*, „Происхождение мировой войны“, 1923 (русск. пер.); *К. Кавтский*, „Die deutschen Dokumenten zum Kriegs-Ausbruch“, 1918; *Conrad v. Hötten-dorf*, „Aus meiner Dienstzeit“, 1924; *A. Plesch*, „D. Kriegswirtschaftliche Organisation Deutschlands“, 1918; „Kriegsernährungswirtschaft“, herausg. v. Kriegsernährungsamt, 1917; *W. Rathenau*, „Deutschlands Rohstoffversorgung“, 1917; „Kriegshefte d. Archivs f. Sozialwissenschaft“, 1914—18; „Handbuch d. Politik“ (3. Aufl.), herausg. v. Dr. Gerhard Anschütz u. др., 1920; *F. Naumann*, „Mitteleuropa“, 1916; *K. Haenisch*, „D. deutsche Sozialdemokratie in u. nach d. Weltkrieg“, 1918; *P. Lensch*, „D. deutsche Sozialdemokratie u. d. Weltkrieg“, 1915; *ego же*, „D. Sozialdemokratie, ihr Ende u. ihr Glück“, 1916; *E. David*, „Die Sozialdemokratie im Weltkrieg“, 1915; *H. Künow*, „Partei-Zusammenbruch“, 1915; *K. Kautsky*, „Überzeugung u. Partei“, 1915; *R. Luxemburg* (Junius), „Die Krise d. Sozialdemokratie“, 1916; „Spartakusbriefe“, 1920; *К. Цинг*, „Германск. профсоюз. союзы“ (русск. пер.), 1923; *М. Дурье*, „Германское профсоюз. движение и война“, 1917.

3. *Германия после войны:* *E. Bernstein*, „Die deutsche Revolution“, 1921 (русск. пер.): *Э. Бернштейн*, „Германская революция“, 1922; *E. Barth*,

„Aus d. Werkstatt d. deutschen Revolution“, 1920 (русск. пер.: *Э. Барн*, „В мастерской германской революции“, 1924); *R. Scheidemann*, „D. Zusammenbruch“, 1921 (русск. пер.: *Ф. Шейдеман*, „Крушение германской империи“, 1923); *G. Noske*, „Von Kiel bis Kapp“, 1920 (русск. пер.: „Исповедь кровавой сабачи“, 1924); *Г. Вимшток*, „Очерки германской революции“, 1921; *В. Лиге*, „Ноябрьский переворот в Германии“ („Ком. Интерн.“, № 19); *К. Радек*, „На службе германской революции“, 1921; *Д. М. Кейне*, „Экономика последствий Версальского мира“ (русск. пер.), 1924; *его же*, „Пересмотр мирного договора“ (русск. пер.), 1924; *К. Радек*, „Ликвидация Версальского мира“, 1922; „Deutschlands Wirtschaftslage unter d. Nachwirkungen d. Weltkrieges“, herausg. v. Reichsstatistischen Amt, 1923; *Kohlenwirtschaft u. Reparationslieferungen*, 1923; „Material I. ein Studium Deutschlands Wirtschaft“, 1924; *L. Brentano*, „Was Deutschland gezahlt hat“, 1923; *W. Rathenau*, „Sapines und Genau“, 1923 (русск. пер.: *В. Ратенау*, „Каны и Генуя“, 1923); „Die den Allierten seit Waffenstillstand übermittelte deutsche Angebote u. Vorschläge zur Lösung d. Reparationsfrage“, 1923; *Е. Павловский*, „Ванкротство Германии“, 1923; *его же*, „Быть ли Германия колонией“, 1923; „План Дауэса“ (пер. с нем. под ред. проф. Н. Н. Любимова, 1925); *III. Двойничий*, „Германия в 1923 г.“, 1924; „Годовые отчеты НКВД“, *К. Радек*, „Внешняя политика Советской России“, 1923; *И. Майский*, „Внешняя политика РСФСР 1917—1922“, 1922; *его же*, „Профессиональное движение Запада“, 1925; *Г. Зиновьев*, „12 дней в Германии“, 1920; *его же*, „Проблемы германской революции“, 1923; *К. Радек*, „Перед ковшей волной революц. потрясеная“, 1923; „*Международное профдвижение за 1923—24 гг.*“, 1924.

Статистические сборники: *M. G. Mulhall*, „The Dictionary of Statistics“, 1899; „*Statesman's Year Book*“ за соотв. годы; „*Annual statement of trade and navigation of United Kingdom*“ за соотв. годы; „*Statistisches Jahrbuch f. d. Deutsche Reich*“ за соотв. годы; „*Мировое хозяйство за 1913—20 гг.*“, 1922; „*Second statistical Year Book of the International Federation of Trade-Unions*“, Amsterdam, 1924.

II. Майский.

XVI. Австро-Венгрия в эпоху войны (ср. I, 258/311). Предвоенная политическая атмосфера А.-В. вся была насыщена тревожными ожиданиями надвигающегося кризиса. Эти ожидания обуславливались и внутренней жизнью обеих половин двуединой монархии (см. *Австрия и Венгрия*) и их взаимоотношениями, и мировой международной политикой, в которой А.-В. играла весьма активную роль. Взаимоотношения А. и В., нашедшие себе выражение в системе т. наз. „дуализма“, с одной стороны, покоились на достаточно прочных экономических и политических основаниях, но, с другой стороны, таили в себе источники постоянных трений. Установленное в 1867 г. и периодически возобновляемое соглашение между двумя половинами империи было гораздо более выгодно для В., чем для А., что сказалоь хотя бы в нормах общих издержек, принятых для каждой из них. В то же время и внеш-

няя экономическая политика Дунайской монархии в большей степени определялась интересами аграрной В., чем более промышленной и городской А. Невыгодные стороны существовавших с В. отношений вызывали сильную реакцию в А., а особенно в христианско-социалистической партии, которая, идя по традиции австрийских клерикальных партий, склонялась на сторону федерализма и готова была идти на уступки славянам и другим национальным меньшинствам. В противовес дуалистической системе, обеспечивавшей преобладание В., в А. начала приобретать популярность программа т. наз. „триализма“, которая как будто сделала первый шаг к своему осуществлению в аннексии Боснии и Герцеговины и в даровании им конституции в 1910 г. Программа триализма намечала образование нового государства из славянских земель, входящих в состав как А., так и В., при чем оно должно было быть связано с ними личной унией. В частности этой программе сочувствовал наследник престола эрцгерцог Франц-Фердинанд. Но она встречала сильнейшее сопротивление со стороны господствующих партий в В., ревниво охранявших национальную гегемонию мадьяр. Еще тревожней складывалась для А.-В. международная политическая обстановка. Внешняя политика А.-В., в эпоху министерства графа Эренталя и аннексии Боснии и Герцеговины, стала определенно активной в отношении Ближнего Востока и была основана на тесном сотрудничестве с Германией. Эта близкосточная политика А.-В. вызывала усиление враждебности среди ее балканских соседей и вела к изоляции по отношению к державам Согласия, к чему неизбежно влекло ее и сближение с Германской империей. Ее положение на юго-востоке изменялось в неблагоприятную сторону и событиями, имевшими место на Балканах перед самой мировой войной. Образование в 1912 г. балканского союза было для нее тяжелым ударом. Правда, через год он распался, но за это время он дважды успел разгромить Турцию. Результаты этих двух войн против Турции, а также

исход третьей балканской войны—против Болгарии в 1913 г., были весьма невыгодны для А.-В.; они значительно усилили Сербию и Черногорию; способствовали сближению их с Россией, втайне поддерживавшей балканский союз; вызвали сильное возбуждение среди австро-венгерских славян; поселили недоверие в Болгарии, ослабленной и недовольной безрезультатным заступничеством А.-В., и совершенно испортили отношения с Румынией, использовавшей последнюю войну для захвата болгарской территории и принужденной тяготеть к союзу с Сербией и поддерживающими ее державами. Правда, тайная конвенция между А.-В. и Румынией относительно совместной помощи против России осталась неотмененной, но фактически она утратила силу. В Румынии начинается движение в пользу воссоединения с Трансильванией, усиливается пропаганда борьбы за угнетенных соотечественников в пределах Венгрии и увеличивается склонность к союзу с Россией—в особенности среди сторонников румынских либералов, стоявших в это время у власти. Столь же неудачно для А.-В. складывались и ее отношения с Италией. Несмотря на то, что в 1912 г. Тройственный Союз был возобновлен и сохраняло свою силу старое соглашение относительно Адриатического побережья, обязующее обе стороны ничего не менять там иначе, как совместно,—в Италии была очень сильна оппозиция против объединения с центральными державами, а правительство склонно было идти в балканских вопросах скорее с державами Согласия, чем со своими официальными союзниками—в особенности с А.-В. Италия поддерживала притязания сербов на выход к Адриатическому морю, вела с А.-В. на Адриатическом побережье торговую конкуренцию и противодействовала ей в ее албанской политике.—Расчеты А.-В. на вновь образованную самостоятельную Албанию, во главе которой стал принц Вид, и которая рассматривалась, как противовес Сербии, тоже не оправдались. Все это объясняет, почему в 1913-1914 г. австро-венгерские политические деятели смотрели на

положение дел весьма пессимистически. Граф Берхтольд, австро-венгерский министр иностранных дел, еще осенью 1913 г. утверждал, что никогда над Габсбургской монархией не случались на международном горизонте такие темные тучи; а престарелый австрийский посол в Константинополе Паллавичини, прекрасно знавший положение на Ближнем Востоке, предвидя приближение обще-европейской войны, высказывался в том смысле, что единственно возможная политика А.-В. заключалась бы в отказе от всяких притязаний на Балканах и в признании здесь первенствующего влияния России. Но это значило отказаться вообще от великодержавной роли и в значительной мере—от возможности экономически использовать балканский рынок. На этот путь ни А. ни В. не пошли. Вместо этого началось усиление вооружений. В сентябре 1913г. австро-венгерский министр Кробатин внес законопроект относительно увеличения состава австро-венгерской армии. Численность контингента мирного времени была увеличена на 34 тыс. для действующей армии, на 10 тыс.—для ландвера и на 10 тыс.—для гонведа. Общая численность контингента равнялась, таким образом, 262 тыс., при чем 159 тыс. приходилось на А. и 103 тыс.—на В. Это было не так много при пятидесятимиллионном населении А.-В. и, в особенности, при одновременном огромном увеличении численности войск и вооружений во Франции, Германии и России, но для А.-В., с ее экономическим и финансовым положением, эта армия была тяжелым бременем. В то же время она была недостаточна для охраны великодержавных притязаний, которые развернул граф Эренталь и его преемники. При таких условиях А.-В. должна была крепко держаться за Германию, тем более, что в австрийских политических кругах прочно внедрилась имевшая достаточные основания мысль, что Россия поддерживает Сербию и подстрекает ее к агитации в заселенных сербами австрийских землях, особенно в Боснии и Герцеговине. А в это время заканчивался процесс изоляции и Германии, и

между Россией, Францией и Англией устанавливалось молчаливое, но достаточно обеспеченное согласие совместно действовать против нее, дополнявшее Франко-Русский договор.—В такой международной обстановке началась всеобщая европейская война, приведшая к крушению австро-венгерскую монархию.

Все недостатки австро-венгерской государственной жизни немедленно сказались на ведении войны, и уже в первый месяц обнаружилась необходимость постоянной активной поддержки со стороны германских войск. Понесенные А.-В. тяжелые поражения объясняются не только недостаточным численным составом армии, но и ее технической отсталостью, слабостью ее артиллерийского снабжения, плохой подготовкой командного состава и офицерского корпуса. К этому присоединился национальный антагонизм, доходивший до сдачи в плен крупных воинских единиц. Боевая способность отдельных частей была чрезвычайно неравна, что крайне осложняло все планы штаба. Военная слабость А.-В. вела к тому, что постепенно германское командование начало смотреть на нее, как на часть общего театра военных действий. 6-го сентября 1916 г., несмотря на противодействие австрийского генерального штаба, Гинденбургом и начальником австрийского штаба Конрадом было подписано соглашение об объединении командования, во главе которого номинально стоял германский император. Военная, экономическая и финансовая зависимость неизбежно влекли за собой и зависимость политическую. А.-В. реально стала частью Германии и, чем дальше затягивалась война, тем настойчивее выдвигалась идея послевоенного объединения Германии и А.-В.— в форме ли просто таможенного союза или более тесной экономической унии, или даже настоящей политической федерации. В А.-В. эти проекты вызвали особенно отрицательное отношение среди не-немецких народностей и способствовали обострению непрерывно возраставшего национального антагонизма. В особенности роковым обстоятельством был продолжающийся антагонизм между Австрией и Венг-

рией. Венгерские военные части принадлежали к числу лучших в общей армии; без них армия оказалась бы совершенно небоеспособной, во всяком случае — на русском фронте, и венгерское правительство в своих требованиях к А. весьма учитывало это обстоятельство. Находясь в продовольственном отношении в гораздо лучшем положении, оно очень неохотно шло на какие-либо жертвы по отношению к А. Нельзя было добиться и единого продовольственного плана. Разногласие господствовало между ними и в области внешней политики, начиная с вопроса о самых целях войны и кончая вопросами об уступках в пользу еще не вступивших в войну соседних государств, все более повышавших свои требования к А.-В. за обещание помощи или даже за соблюдение нейтралитета. Правительство Тиссы по-прежнему отклоняло все, что означало бы усиление славянских элементов А.-В.; на этом основании оно отвергло присоединение части Польши и поддерживало в польском вопросе более германскую, чем австрийскую ориентацию. Оно требовало от австрийского правительства уступок в пользу Италии, напр., отдачи ей значительной части Далмации и Южного Тироля, но само отказывалось идти навстречу интересам трансильванских румын, хотя бы в смысле предоставления им автономии. Аналогичные разногласия и трения возникают у А.-В. с Германией. Хотя внешним образом было достигнуто полное единение союзников, но их непосредственные военные задачи далеко не совпадали. Для Германии главным фронтом был западный, для А.-В.— русский и итальянский, на который германцы обращали мало внимания. Разногласия были и в оценке значения сербского фронта, ради которого Германия не желала ослаблять своих сил в России и особенно на Западе. И если у немцев по мере поражения австрийцев рождается разочарование в их военной силе, и немецкие генералы, как это видно из мемуаров Гинденбурга, Людендорфа, Тирпица и др., начинают сожалеть о союзе с А., то и в А.-В. создается впечатление, что Германия старается использовать армию и про-

довольственные ресурсы для своих собственных нужд. Еще важнее, чем эти трения, было все растущее сознание различия основных политических целей Германии и А.-В., а следовательно, — и основных препятствий, которые стояли на пути к заключению мира. Для Германии главными противниками были Англия и Франция. Мировое соперничество их с Германией заставляло и А.-В. воевать с ними, хотя ее интересы вовсе не находились с их интересами в таком противоречии, которое оправдывало бы продолжение вооруженного конфликта. Из-за Германии А.-В. принуждена была допустить подводную войну в Средиземном море и даже принять в ней участие, навлекая на себя международный одиум и вызывая на разрыв Соединенные Штаты. И даже в польском вопросе, по которому Германия и А.-В. выработали единую программу, шли постоянные разногласия. Между тем, война затягивалась; ее приходило вести, кроме России и Сербии, еще с Италией и Румынией, внутреннее положение становилось все хуже.

Стремление к миру пробудилось в А.-В. раньше, чем в Германии, но она не могла иметь сепаратного от Германии мира и должна была разделять ее судьбу. Трудность положения увеличивалась тем обстоятельством, что Италия вступила в войну, заручившись от держав Согласия обещанием таких уступок от А.-В., которые были чрезвычайно тяжелы для нее. Тем не менее австро-венгерский министр иностранных дел, граф Чернин, пытался в начале 1917 г. достигнуть соглашения с Германией относительно совместных переговоров о мире. Но, в своих попытках подготовить почву для заключения мира, он столкнулся, с одной стороны, с неуступчивостью союзников, с другой, — с непримиримостью германской военной партии, несочувственно встретившей резолюцию в пользу мира, принятой германским рейхстагом летом 1917 г. Проект Чернина заключался в том, чтобы передать Галицию и Польшу Германии, которая за это должна была идти на уступки Франции в вопросе об Эльзас-Лотарингии. Но проект этот не имел успеха, равно как не

имели успеха и тайные переговоры с французским правительством, которые австрийский император Карл вел через принца Сикста Пармского. Бедственное положение А.-В., толкавшее ее на эти шаги, заставляло ее быть гораздо уступчивее Германии на брест-литовских переговорах: ей важно было как можно скорее получить хлеб из Украины, тем более, что вопросы о Прибалтике и Литве не интересовали ее так, как Германию. Точно так же она была гораздо умереннее и при заключении мира с Румынией, который последовал вскоре за Брест-Литовским. Это различие образа действий было отмечено, м. пр., и Уильсоном, который выражал свое удовлетворение по поводу ответа Чернина на его речь 8-го янв. 1918 г. Но если А.-В. ничего не могла сделать без Германии в смысле приближения мира, то Америка была связана с Францией и Англией, которые слишком считались с Италией, чтобы пойти на какие-либо уступки А.-В. Кроме того, деятельность национальных чехо-словацких, юго-славских и др. комитетов, апеллировавших к принципу самоопределения, провозглашенному Уильсоном, и неудачи всяких мирных попыток привели и американское правительство к мысли о неизбежности расчленения А.-В. на отдельные национальные государства.

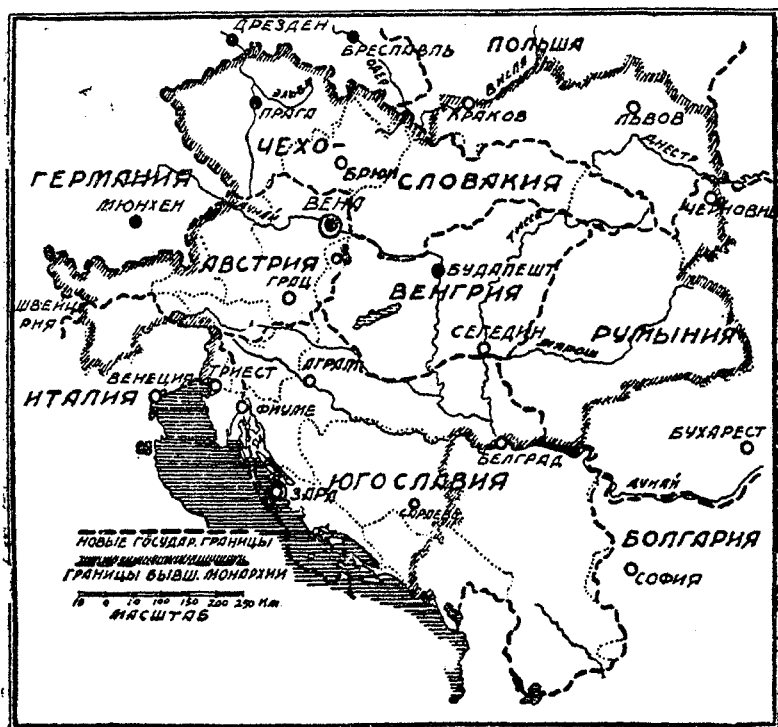
Последний период войны был особенно тяжел для А.-В., хотя Россия и Румыния вышли из войны. Разложение австро-венгерской армии летом 1918 г. шло полным ходом, параллельно с хозяйственным распадом. Оккупация Украины совершенно не оправдала возлагавшихся на нее надежд в смысле извлечения продовольствия. Австро-венгерские части, находящиеся на Украине, подвергались сильнейшему влиянию событий, происходивших в Советской России, и отказывались идти на фронт. Когда же, после несомненного поражения Германии на западе, пришло известие о крушении болгарского фронта, австро-венгерское правительство уже не могло противиться стихийным требованиям населения о заключении мира. Немедленно было послано Уильсону предложение о перемирии, не имевшее, однако, желаемых

результатов, потому что союзники требовали полного расчленения А.-В. В это время в Будапеште началось сильнейшее движение, руководимое Карольи, и 25-го октября 1918 г. образовался венгерский Национальный Совет, который открыл сепаратные от А. переговоры о мире. 3-го ноября 1918 г. было заключено перемирие между союзниками и А.-В., представлявшее собою полную капитуляцию. Но и перемирие не могло спасти австро-венгерской монархии, уже распавшейся на самостоятельные части. А.-В. перестала существовать, вместо нее образовались новые государства — Чехо-Словакия и Польша, и за ее счет расширились ее соседи: Сербия, превращенная в Юго-Славию, Румыния и Италия. А. и В. должны были

отвечать перед международным ареопагом в Париже за грехи старой А.-В. и принять на себя тяжесть Сен-Жерменского и Трианонского мира.

Сен-Жерменский и Трианонский мирные договоры закрепили расчленение А.-В. на отдельные части и способствовали разрушению тесной экономической связи, имевшей место между ними, несмотря на все экономические, политические и национальные противоречия. О хозяйственном значении этого раз'единения дают известное представление следующие данные о распределении экономических ресурсов А.-В. между государствами, вновь возникшими на ее территории. Приводимые данные цитируются по „Wirtsch. und Stat.“, 1922 г.

1. Новые государственные границы на территории прежней Австро-Венгрии.

2. Разделение территории и населения А.-В. (по довоенн. данным).

Новый обладатель.	Название областей.	Площадь в кв. км.	Число жителей.	Жителей на 1 кв. км.
Чехо-Словакия	<i>Прежняя Австрия:</i> Богемия, Моравия, Силезия . .	300.004	28.571.934	95,24
		78.303	10.071.432	128,62
Юго-Славия	Части Штирии, Каринтии, Крайны и Далмации	29.000	1.400.000	48,28
Италия	Южный Тироль, Трентино, Триест, Герц, Истрия, части Крайны, Каринтии и Далмации	25.900	1.708.000	65,95
Румыния	Буковина	10.400	796.104	76,55
Польша	Галиция	78.500	7.962.428	101,43
Чехо-Словакия	<i>Прежняя Венгрия:</i> Словакия, Русьская обл.	324.857	20.886.487	64,29
		62.637	3.525.169	56,01
Юго-Славия	Броцция, Славония, Войводина.	63.497	4.121.167	64,90
Фюме	Фюме	21	49.806	2.371,71
Италия	—	460 ?	30.000 ?	65,22
Румыния	Семиградь	102.787	5.235.444	51,23
Австрия	Бургенланд	4.798	344.240	71,75
Юго-Славия	<i>Восния и Герцеговина</i>	51.200	1.931.802	37,73
Австрийская республика.	—	79.663 ¹⁾	6.131.445	76,97
Королевство Венгрия	—	92.730 ²⁾	7.945.978	85,70
Чехо-Словакия	—	140.485	13.595.816	96,78
Юго-Славия	—	247.916	11.724.915	47,80

Т. обр., на территории бывшей австро-венгерской монархии возникли три самостоятельных государства: Австрия, Венгрия и Чехо-Словакия. Остальные части отошли к Польше, Румынии, Юго-Славии и Италии.

3. Распределение населения по занятиям (по данным 1910 г.).

	Из каждых 100 чел. занято в:			
	Земледелие и лесном деле.	Промышленности и ремесле.	Торговле и транспорте.	Проч.
Современная Австрия	40	35	17	8
Современная Венгрия	58	23	10	9
Чехо-Словакия	42	34	11	13

Отсюда видно, что Венгрия является страной определенно аграрной, в Австрии же и Чехо-Словакия число лиц занятых в сельском хозяйстве лишь незначительно превышает число занятых в промышленности.

¹⁾ Без Бургенланда. ²⁾ С Бургенландом.

4. Сельское хозяйство (по данным 1913 г.).

	Прежние области.		Новые области.		
	Австрия.	Венгрия.	Австрия.	Чехо-Словакия.	Венгрия.
Посев хлебов (в тыс. гект.) 1913	3.178	4.671	604	1.700	2.100
Сбор хлебов (в тыс. тонн)	4.327	5.893	894	2.500	3.000
Зерна на 1 чел. в кгр.	151	282	146	184	378
Сбор хлебов (в тыс. тонн) 1921	—	—	431	2.488	1.843
„ кукурузы (в тыс. тонн)	398	4.865	78	219	1.943
Кукурузы на 1 чел. в кгр.	12	233	13	16	245
Рог. скота (в тыс. гол.)	9.160	6.184*)	2.200	4.600	2.148
„ „ на 100 жит.	32	33	38	35	27
Свиней (в тыс. голов)	6.432	6.418*)	1.830	2.540	3.300
„ на 100 жит.	23	35	30	19	41

Согласно расчетам, на основании до- | хлеба и Чехо-Словакия. Венгрия же
военных потребностей и продукции, | будет и в настоящем состоянии обла-
современная Австрия нуждается в | дать излишками хлеба для вывоза.
ввозе 1,2 милл. тонн зерна для прокорма | В отношении крупного скотоводства
населения, для скотоводства и про- | Австрия оказалась на первом ме-
мышленных целей. Нуждается в ввозе | сте.

5. Лесные богатства (по данным 1913 г.).

Прежние области.	Тыс. гект.	Новые области.	Тыс. гект.
Австрия	9.708	Австрия	3.000
Венгрия	7.397	Венгрия	1.167
		Чехо-Словакия	5.000

Распределение лесных богатств по- | Славии. Австрия и Чехо-Словакия обла-
казывает, что Венгрия испытала самые | дают значительным количеством лес-
большие потери, будучи вынуждена | ного сырья для целей переработки
уступить почти все свои лесные обла- | и экспорта.
сти Румынии, Чехо-Словакии и Юго-

*) Без Крайны и Славонии.

6. Горная промышленность.

Добыча в 1913 г.	Прежние области.		Новые области.		
	Австрия.	Венгрия.	Австрия.	Чехо-Словакия.	Венгрия.
Каменный уголь (в тыс. тонн)	16.460	1.320	87	12.675	864
Бурый уголь (в тыс. тонн)	27.378	8.951	2.600	24.800	5.700
Железная руда (в тыс. тонн)	3.039	2.059	2.000	2.572	200
Золото (в кгр.)	284	2.924	11	400	5
Серебро (в кгр.)	54.484	8.696	2.150	47.500	—
Медь (в тыс. тонн)	3,6	0,4	2,8	1,3	—
Свинец " " " "	22,3	1,1	4,4	3,4	—
Серн. руда " " " "	105,6	106,6	3,6	14,6	—
Графит " " " "	49	—	17	32	—
Нефть " " " "	1.063	—	—	—	—
Магnezит " " " "	—	—	240	103	12
Цемент " " " "	—	—	750	900	670

Таблица показывает, что Австрия и Венгрия потеряли большую часть своих минеральных богатств, отошедших, гл. обр., к Чехо-Словакии. В частности Австрия почти совершенно лишилась источников минерального топлива. Ее главными минеральными ресурсами в настоящее время являются железо, графит и магнезит.

7. Пищевая промышленность.

1913 г.	Прежние области.		Новые области.		
	Австрия.	Венгрия.	Австрия.	Чехо-Словакия.	Венгрия.
Соль (в тыс. тонн)	337	256	167	55	—
" на 1 чел. (кгр.)	12	12	27	4	—
Сахар (в тыс. тонн)	1.326	546	50	1.250	240
Возможная производительн. мельниц (в тыс. тонн)	—	—	1.000	2.100	3.000
Пиво (в тыс. гектолитров)	20.332	3.074	7.500	12.000	2.500
Спирт (в тыс. гектолитров)	—	1.300	134	1.300	400

В таблице обращает на себя внимание концентрация сахарного производства в Чехо-Словакии за счет, главным образом, Австрии, потерявшей 85% своей продукции. Половина ее соляных богатств отошла от нее вместе с Галицией.

*) Возможное производство.

8. Железодельная и машиностроительная промышленность.

	Прежние области.		Новые области.		
	Австрия.	Венгрия.	Австрия.	Чехо-Словакия.	Венгрия.
Чугун (в тыс. тонн)	1.758	623	695	1.420	150
Толстое лист. железо (в тыс. тонн)	100	30	45	45	20
Тонкое " " " " " " " "	120	40	22	66	
Полосов. железо " " " " " " " "	700	300	350	580	120
Проволока " " " " " " " "	105	20	46	20	20
Локомотивы " " " " " " " "	0,6	—	0,4—0,5	0,3	0,2
Тендеры " " " " " " " "	—	—			
Вагоны " " " " " " " "	—	—	5	12	6
Автомобили " " " " " " " "	—	—	20	5	1,2
Эмалеван. посуда " " " " " " " "	—	—	5	27	2

Из обзора таблицы видно, что центр тяжести железодельной промышленности лежит в Чехо-Словакии, к которой перешла большая часть австрийской крупной металлургии. Значительная часть железодельной промышленности осталась в Австрийской республике. Венгрия потеряла 50% своей железодельной промышленности, но только 18% своего машиностроения.

9. Текстильная промышленность.

	Прежние области.		Новые области.		
	Австрия.	Венгрия.	Австрия.	Чехо-Словакия.	Венгрия.
Хлопок, тыс. веретен	4.481	350	1.171	3.568	31
Механ. ткацк. стан. (в тыс.)	142	10	11	136	5
Шерсть, ткацк. станк. (в тыс.)	37,5	5,5	1,3	37	0,5
Камвольн. веретена (тыс.)	608	29,7	163	465	—
Кардн. веретена (тыс.)	737	200	48	630	15
Лен, веретена (тыс.)	311	16	9	280	10
Мех. ткацк. станки (в тыс.)	15	0,9	0,3	14,9	0,3
Пенька, веретена (тыс.)	34,8	—	13	18	8
Джут, веретена (тыс.)	52	18	10	34	18
Ткацк. станки (в тыс.)	—	1	0,4	14	1

Так, обр., около 80% текстильного производства прежней Австрии отошло к Чехо-Словакии. В современной Австрии ткацкое производство развито слабее прядильного. Значительная часть австрийской пряжи перерабаты-вается чешскими фабриками, снабжающими немалое количество венских швейных предприятий. Венгрия также потеряла большую часть своей текстильной промышленности.

*) Возможное производство.

10. Бумажная, кожаная и химическая промышленность.

	Прежние области.		Новые области.		
	Австрия.	Венгрия.	Австрия.	Чехо-Словакия.	Венгрия.
Бумага (в тыс. тонн)	345	63	187	180	2,5
Резина (1920 г.) (в тыс. тонн)	—	—	20	2,5	2
Кожа, переработка в неделю*: подшп. кожи (тыс. штук)	48,7	—	23	15	10
тонкой » » » » » » »	51	—	19	30	8
Серная кислота (в тыс. тонн)	—	70	10	88	12
Соляная » » » » » » » » » » » » »	—	—	2,5	48	1
Сода » » » » » » » » » » » » »	—	—	40	30	—
Едкий натр » » » » » » » » » » » » »	—	38	3,6	12	—
Карбид и азотист. удобр. (в тыс. тонн)*	—	—	15	40	2
Спички (тыс. штук, по 5.000 кор.)	340	100	100	300	30

Из указанных в таблице отраслей особого внимания заслуживает производство бумаги в Чехо-Словакии и в Австрии. Последняя имеет возможность вывозить около половины своей продукции.

Из общего обзора индустрии трех указанных в таблице государств можно, повидному, сделать вывод, что в наиболее благоприятном положении находится промышленность Чехо-Словакии.

Австрийская индустрия, обладая значительными источниками сырья

в своем скотоводстве и лесном хозяйстве, оказывается отрезанной от минерального топлива. Венгерская индустрия не имеет непосредственного доступа ко многим видам сырья.

ЛИТЕРАТУРА: Kleinwächter, F., „D. Untergang Oesterreich-Ungarns“; Friedjung, H., „D. Zeitalter d. Imperialismus“, 1922; Pribram, A. F., „D. politischen Geheimverträge Oesterreich-Ungarns 1878 bis 1914“, 1920; V. Cramon, A., „Unser Oesterreich-Ungarischer Bundesgenosse im Weltkrieg“, 1920; Czernin, O., „im Weltkrieg“, 1919; Szilassy, I. V., „D. Untergang d. Donaumonarchie“, 1921.

С. Котляревский.

XVII. Австрия в эпоху войны (см. I, 172/256). Вплоть до своего раздела в 1918 г. А., или Цислейтания, являлась собранием областей, в высшей степени разнородных по своему экономическому и национальному облику, что отразилось и в ее официальном наименовании: „Королевства и земли, представленные в рейхсрате“. Целая пропасть отделяла, например, высоко промышленную чешскую Богемию от патриархального немецкого Тироля. Уяснение этой разнородности географического состава А., в связи с характеристической основных особенностей ее экономического развития и политической жизни, позволяет наметить главные внутренние условия, определившие ее военную и послевоенную судьбу.

Несмотря на рост различных отраслей промышленности, А. к началу войны остается страной по преимуществу земледельческой, составляя как бы середину между чисто аграрной Венгрией и промышленной Германией. По переписи 1910 г. из 16 миллионов самостоятельного населения были заняты в сельском хозяйстве и лесном деле 8,5 м., в промышленности — 3,6 м., в торговле и транспорте — 1,6 м., в остальных профессиях — 2,3 м. Однако, А. могла бы довольствоваться собственным урожаем лишь в исключительно благоприятные для земледелия годы; обычно же она принуждена была ввозить хлеб прежде всего из Венгрии, и эта экономическая зависимость чрезвычайно существенно

*.) Возможное производство.

отразилась на взаимоотношениях двух половин империи. В смысле развития производительных сил А., несомненно, далеко отставала от экономически передовых стран Европы. И хотя в некоторых областях наблюдался значительный рост, в других — положение складывалось не совсем благоприятно. Большие успехи в довоенный период обнаруживает сахарная промышленность. Подъем идет в горной промышленности: увеличивается добыча железа, угля и нефти. Наоборот, в таких основных отраслях, как обработка металлов и текстильное производство, не наблюдается сколько-нибудь заметного движения вперед. Общая сеть австрийских железных дорог почти не превышает трети германской, и это отношение остается неизменным ко времени начала войны, несмотря на усиленное стратегическое строительство. На экономическую депрессию в последние предвоенные годы указывает, между прочим, статистика австрийских сберегательных касс, отмечающая в это время превышение выдач над взносами. Часто повторяющиеся кризисы и связанные с ними периоды безработицы характеризуют другую сторону хозяйственной жизни предвоенной А. Положение рабочего постепенно ухудшается, несмотря на рост денежной заработной платы, вследствие общего роста дороговизны. К этому надо прибавить тяжесть налогов, особенно дававших себя знать в связи с ускорением темпа вооружений. Резкое недовольство накаплиется в мелко-буржуазной среде городского населения и в значительной части австрийского крестьянства. По своим экономическим ресурсам и платежным средствам населения А. могла бы благополучно вести жизнь второстепенного европейского государства, но она была частью двуединой монархии — великой державы, следовавшей за Германией в ее вооружениях, и эта роль оказывала на нее разорительное влияние. Как теперь выясняется, А. экономически была глубоко не подготовлена к войне.

Еще менее благополучно обстояло в А. дело с национальным вопросом. Национальные противоречия выливались, с одной стороны, в форму от-

стаивания областных экономических интересов в противовес интересам других областей, с другой стороны — в форму ожесточенной борьбы за права подавляемых национальных меньшинств в пределах отдельных областей со смешанным населением. Борьба ведется везде, где отдельные нации приходят во взаимное соприкосновение в парламенте, в местном самоуправлении, в высшей школе и т. д. Дело доходит до террористических актов, побищ и военных репрессий; парламентские обструкции становятся обычным явлением в австрийской политической жизни. Особенно остро стоит вопрос о немецко-чешских взаимоотношениях в Богемии. Представители немецких интересов, указывая на противоречие между численностью немецкого населения в Богемии (где оно составляет более трети всего населения и уплачивает более половины общей суммы налогов) и его политическим значением (90% состава администрации принадлежит чехам), выступают с требованиями такого перераспределения административных округов, которое предоставило бы богемским немцам долю политического влияния, пропорциональную их численности и экономическому весу. С другой стороны, немцы ведут непримиримую национальную политику в своих областях, запрящая, например, чешские школы и вводя обязательность немецкого языка в школах коронных немецких земель. Со своей стороны, чехи всячески противятся какому-бы то ни было расширению прав немецкого населения в Богемии, поддерживают обособленность чешских колоний в немецких центрах и стремятся добиться определенной доли участия в имперском правительстве и администрации. В 1908 г. в Праге созывается всеславянский съезд, сопровождающийся резкими анти-немецкими выступлениями. В соседней с Богемией Галиции также кипит национальная борьба, и центральной власти приходится балансировать между окружающими наместника польскими группами и украинцами, которые приобретают все возрастающее влияние в галицийском сейме. Постоянную угрозу представляет собою националь-

ная близость галицийского населения к соответствующим национальным группам соседней России; все австрийские кабинеты довоенного периода пытаются объединить поляков и украинцев в борьбе с москалефильскими элементами в Галиции и провести возможно более резкую демаркационную линию между Галицией и Россией, прибегая к таким мерам, как введение фонетического правописания, подготовка замены русского алфавита латинским и т. д.

Двойственная политика австрийского правительства в Галиции естественно питает постоянное раздражение против центральной власти, выливающееся в акты открытого протеста, вплоть до убийства галицийского наместника, графа Поточко, украинским студентом в 1908 г. В экономической области представители Галиции выступают с настойчивыми требованиями крупных средств на улучшение галицийских водных путей, указывая на большие затраты, произведенные правительством для упорядочения железно-дорожного сообщения в немецких областях.

На противоположном конце, в южной и юго-западной А., правительству постоянно приходится считаться, с одной стороны, с итальянской ирредентой, с другой—со славянскими народностями, при чем в Тироле правительство поддерживает против итальянских притязаний немецкие группы, а на Адриатическом побережье все более и более покровительствует группам славянским, преобладающим в сельских местностях, но составляющим меньшинство в более крупных городских, особенно в приморских поселениях. Однако, и славянское население южной А. проникнуто оппозиционными настроениями по отношению к немцам и тяготеет к объединению со славянскими группами, отделенными венгерской и сербской границей. Отношения с Венгрией также не обходятся без трений. Яркой иллюстрацией этих отношений являются крупные венские демонстрации впервые с участием многочисленных чиновников в форме против аграрной Венгрии, добившейся от правительства запрещения ввоза аргентинского мяса в период острого недостатка и под'ема

цен. Показателен и финал этих демонстраций—правительственные репрессии против участников и ответные выстрелы в министра юстиции с парламентских хоров. Общее состояние национального вопроса в А. характеризуется неустойчивостью политики центрального правительства, с одной стороны, и развитием центробежных стремлений среди различных национальных групп, с другой.

При указанных условиях становятся понятными трудности и постоянные заминки в австрийской политической жизни. Неудивительным становится также, что введение всеобщего избирательного права не оправдало возлагавшихся на него правительством надежд: практика не подтвердила мысли, что новый парламент бросит заниматься национальным вопросом и посвятит главное внимание разрешению социальных и хозяйственных проблем. Так же часто применялись обструкции, так же часто парламент оказывался неработоспособным; бюджеты и военные контингенты вотиrowались с большим опозданием, правительство принуждено было обращаться к роспуску палат и к изданию указов с временной силой законов, на основании параграфа 14 австрийской конституции. Сменявшие друг друга министерства представляли собой чиновничьи кабинеты без яркой политической физиономии, с программами, в которых в качестве первых пунктов неизбежно стояли обещания о непартийном соблюдении законов и равноправии различных национальностей. Чтобы добиться большинства в палатах, правительству приходилось прибегать к привлечению в кабинет представителей отдельных национальных групп и к переговорам на предмет согласования противоположных национальных интересов. В парламенте не находилось партии, на которую правительство могло бы опереться. Из 516 членов его принадлежали: 221—к представителям славянских национальностей, 177—к немецким группам; 87 мест имели социал-демократы, от которых, таким образом, зависило решение национальных споров. Но „интернационализм“ австрийских социал-демократов и других пред-

ставителей широких народных масс, на которые так надеялось правительство при введении всеобщего голосования, также принес ему разочарование, так как социал-демократия сама раскололась на национальные группы подобно буржуазии и интеллигенции.

На ряду с социально-экономическими и национальными противоречиями, разлагавшими довоенную А., следует отметить все растущее влияние католической церкви, воинствующая политика которой не раз вызывает серьезные общественные конфликты. Достаточно упомянуть, например, дело Вармунда — инсбрукского профессора, решившегося подвергнуть критике догмат непорочного зачатия, что сопровождалось переводом его в другой университет и чуть не вызвало всеобщей забастовки в высших учебных заведениях. Усиление клерикалов заставляло австрийские либерально-прогрессивные группы легко идти на соглашение с социал-демократами, но соглашение проведенное среди представителей немецкого населения, не означало единства чешских и галицийских групп. Политическая жизнь А. оставалась какой-то пестрой мозаикой, подготавливая под покровом внешнего единства, олицетворяемого дряхлеющим императором Франц-Иосифом, неизбежный распад.

Австрия во время войны. Война застала А. в разгар полевых работ; мобилизация оторвала от сельского хозяйства массу рабочих рук и лошадей, и плохой вообще урожай 1914 г. еще хуже был реализован. Продовольственные затруднения начались в А. почти с первых дней войны, как и порожденная ими спекуляция. Уже 1 августа 1914 г. был издан указ о снабжении населения необходимыми средствами питания, с предоставлением общинам права учитывать запасы, в случае надобности реквизировать их и устанавливать предельные цены для розничной торговли. В следующем году правительство было вынуждено признать совершенную недостаточность этих мер и должно было прибегнуть к системе государственного регулирования торговли, производства и распределения сельскохо-

зяйственных продуктов. С целью смягчения продовольственных затруднений отменяются таможенные пошлины на продукты питания, ввозимые из-за границы; организуется под правительственным контролем монопольные комиссии для снабжения армии и населения; вводятся хлебные карточки; поощряется запашка и обсеменение полей, в конце становящиеся принудительными. Однако, все эти меры не в силах остановить все растущей продовольственной нужды, обусловленной расширением круга враждебных держав, сокращением ввоза из Венгрии, оккупацией противником некоторых хлебобродных районов и быстрым падением земледелия в пределах самой А., собирающей лишь половину своего довоенного урожая. Цены на хлеб и на мясо неуклонно растут, молочные продукты почти совершенно исчезают в городах из общего потребления. Австрийское правительство, подражающее Германии в продовольственной политике, действует, однако, с большим запозданием и без той решительности и планомерности, которые были несомненно присущи германской системе. У него не хватает и хорошего бюрократического аппарата, а создаваемые им продовольственные органы вызывают многочисленные и нередко законные нарекания со стороны населения. Система твердых цен на сельскохозяйственные продукты оказалась весьма трудной для проведения в А. с ее сравнительно мало развитой промышленностью. Благодаря этой системе, австрийский крестьянин должен был продать свои продукты по дешевым ценам и не мог получить в обмен безмерно вздорожавшей мануфактуры. Один из видных представителей германского командного состава, ген. Крауз, указывает, что австрийская система реквизиции продуктов сельского хозяйства была бы очень хороша на оккупированной неприятельской территории, но совершенно не годилась у себя на родине: она создавала враждебные отношения между деревней и городом и разбрасывала в деревне семена гражданской войны.

На ряду с продовольственной нуждой

быстро стали обнаруживаться серьезные затруднения с топливом. Зимой 1915-16 г. в А. господствовал сильнейший угольный голод, и если бы не маршрутные поезда с силезским углем, Вена погрузилась бы в полный мрак. Испытывалась крайняя нужда и в нефти, особенно после вступления в войну Румынии. Глубокое расстройство транспорта вполне определилось уже в 1915—16 г., а с конца 1917 г. австрийские железные дороги находились в состоянии полного паралича и анархии. Австрийский транспорт, в особенности на востоке, в районах, соприкасающихся с театром военных действий против России, оказался далеко недостаточным для развернувшейся войны.

Быстро сказалась война и на австр. промышленности. Уже в первые недели огромное количество предприятий должно было закрыться, и, несмотря на мобилизацию, началась сильнейшая безработица. Правительством не было принято никаких серьезных мер, чтобы предотвратить наступивший кризис. Возрождение промышленности началось тогда, когда затягивавшаяся война и военные заказы предоставили ей новый выход для сбыта товаров и в значительной мере позволили компенсировать себя за понесенные в начале войны убытки. Однако, это возрождение длилось также не особенно долго и постепенно сменялось периодом застоя по мере того, как окружающие А. страны вступали в войну, и союзники усиливали блокаду, прекращая доступ сырья из нейтральных стран. Для закупки и распределения главных видов промышленного сырья были созданы центральные организации, аналогичные продовольственным, и они до некоторой степени помогали смягчать затруднения, но, конечно, были не в состоянии компенсировать результатов закрытия внешних границ. Крупная австр. индустрия неуклонно разрушалась; на ее развалинах распустились кустарные промыслы; в виду полного расстройства транспорта и разобщенности города и деревни, страна распалась на ряд хозяйственных районов, которые жили своей замкнутой

жизнью. В то же время А. с каждым месяцем все больше и больше ставилась в экономическую зависимость от Германии, как это с наглядностью вырисовывается из наиболее осведомленных свидетельств о положении ее во время войны, например из вдумчивых мемуаров графа Червина.

Столь же печальной является история австр. финансов в военный период. А. начала войну с золотым запасом, хранившимся в Австро-Венгерском банке, в 1.288 милл. крон и с серебряным запасом в 291 милл. крон. В августе 1914 г. банк был превращен в учреждение, могущее, путем выпуска банкнот, снабжать правительство займами в неограниченных размерах. С этого момента выпуск банкнот идет с прогрессирующей быстротой, достигая к 31 дек. 1918 г. 35.589 милл. крон. Соответственно ему идет рост цен и обесценение кроны. Правительство безуспешно пытается бороться с финансовым кризисом, регулируя и ограничивая операции с иностранной валютой и монополизировав их в руках особого учреждения. К дек. 1918 г. крона по отношению к доллару представляет всего треть своей довоенной стоимости. На ряду с выпуском банкнот колоссально увеличивается общая сумма внутреннего и внешнего долга А. И в финансовом отношении А. становится в зависимость от Германии, оказывающей ей систематическую помощь валютными займами, несколько замедляющими падение австр. кроны.

В области национальных отношений война не только не привела ни к какому объединению, но, наоборот, способствовала развитию сепаратизма, хотя и в начале и в конце войны не было недостатка в патристических демонстрациях различных славянских групп, заявлявших о своей верности австр. монархии. Сплетавшееся с национальными мотивами раздражение против правительственных реквизиций постепенно ухудшение экономического и военного положения центральных держав и двойственная национальная политика австр. правительства, прибегавшего к суровым репрессиям, чередовавшимся с периодами некото-

рой уступчивости, помогали быстрому разрушению государственного единства. В Чехии с начала войны военная диктатура приняла характер национального подавления, и приказом наместника 15 января 1915 г. единственным официальным языком был признан немецкий. Наиболее видные политические деятели Чехии, как Клофач и Массарик, были арестованы или принуждены эмигрировать, а Крамарж был даже приговорен к смертной казни, не приведенной в исполнение благодаря вмешательству премьера, выступившего в пользу подсудимого в военном суде. Среди чехо-словаков были нескрываемые симпатии в пользу держав Согласия; они сказались и в армии, ряд чешских полков сдавался сербам и русским или начал открытые возмущения. Радикальная и национал-социалистическая партии Чехии уже в первый год войны провозгласили ее независимость, а в Париже образовался Чешский Национальный Совет, сносившийся с правительствами Англии и Франции. Совершенно те же явления имели место и среди сербо-хорватов. Уже в марте 1915 г. югославский комитет в Париже предлагал образование независимого государства с 12 милл. населения. С другой стороны, между южными славянами и итальянцами в Далмации и во время войны продолжалась национальная борьба, которую правительство оказалось не в силах использовать, потому что обе ирреденты были совершенно непримиримо настроены по отношению к Вено. И одним из поводов к войне, указанных в манифесте Италии, было угнетение итальянских элементов Далмации в пользу славян. Лучшее было положение в Галиции, особенно после весны 1915 г., когда ее покинули русские войска, но и здесь австрийское правительство не встречало какой-либо серьезной поддержки. Русская революция 1917 г. еще более усилила тяготение галицийских украинцев к России и к русской Украине. А обещанная полякам автономия, с одной стороны, не давала никаких гарантий польской самостоятельности, а с другой, снова заставляла ставить

в острой форме вопрос о судьбе Восточной Галиции и о польско-украинских отношениях. Уступка Холма Украине вызвала с польской стороны угрозу продовольственным бойкотом и воздержание от голосования за бюджет. Процесс национального обособления в А. быстро шел вперед, и когда манифестом было возвещено преобразование австр. монархии в федеративное союзное государство в составе Немецкой Австрии, Чехии, Украины и Юго-Славии, этот запоздалый акт не встретил никакого сочувствия в национальностях, населяющих А., и они охотно последовали на призыв Уильсона образовать самостоятельные государства.

В политическом отношении А. во время войны представляет картину безостановочного распада. Вступая в нее, А., подобно большинству европейских государств, переживает все противоречия капиталистического строя. Правда, ее рабочее движение не носило того организованного и мощного характера, какой оно имело в Германии, и его руководители с самого начала стали на точку зрения поддержки войны и сохранения гражданского мира. Однако, не подлежит сомнению, что стихийная сила рабочего движения была далеко не дооценена вождями социал-демократии, и она неуклонно нарастала параллельно с ростом голода и дороговизны: в 1917 г. в ряде австр. городов идут рабочие волнения, а в начале 1918 г. правительству приходится испытывать величайшие затруднения в борьбе с антивоенной пропагандой в среде рабочего класса. На ряду с этим в деревне нарождается глухое недовольство реквизициями. Правительство нытается справиться с военными трудностями самостоятельно, без участия рейхсрата, бездействующего с самого начала войны. В мае 1917 г. рейхсрат снова был создан премьером Клам-Мартиноцем, который рассчитывал на международный компромисс. Но в первом же его заседании чехи и югославы выступили с националистическими декларациями, и даже поляки не скрывали, что дела А., как таковой, их не интересуют. Вообще говоря, открытие

парламента только ускорило государственное разложение, внешним выражением которого была быстрая смена кабинетов. И если при Франц-Иосифе еще оставался какой-то облик силы монархических традиций, то при его преемнике, императоре Карле, они чрезвычайно быстро пошли на убыль, чему немало способствовал сам император своим легковесным диллетантизмом и явно очевидной неспособностью стоять во главе государства при таких катастрофических обстоятельствах. Военное поражение 1918 г. окончательно разрушило монархию в А., как оно разрушило ее территориальное единство, и эта монархия не нашла себе защитников. Когда начались переговоры Венгрии о сепаратном мире, все партии австр. рейхсрата, т.-е. той его части, которая осталась за выходом чехов, поляков, украинцев, юго-славов и итальянцев, признали, что единственный выход из создавшегося положения лежит в образовании особого Австро-Германского государства. 21 октября 1918 г. из обломков рейхсрата было создано Национальное Собрание, единодушно провозгласившее республику. Монархия просто оказалась как бы исчезнувшей, как исчез и сам император Карл. Одновременно с австр. Национальным Собранием возникли Национальные Советы: украинский—в Львове, словенско-кroatский—в Загребе, чешский—в Праге и венский—в Будапеште.

Австрийская республика. Современная Австрийская республика представляет собою лишь незначительную часть старой А. К настоящему времени она занимает территорию в 82.904 кв. км. с населением приблизительно в 6 $\frac{1}{2}$ мил. человек. Она делится на провинции: Вену, Нижнюю А., Верхнюю А., Зальцбург, Штирию, Каринтию, Тироль, Форарльберг и Бургенланд. В своем новом составе А. потеряла более двух третей своей прежней территории и более трех четвертей населения. В ее пределах осталась Вена, но более населенные и богатые области на севере, востоке и юге отошли от нее. Она лишилась своих каменноугольных и нефтяных районов и широко развитой чешской индустрии; ее

положение в смысле снабжения хлебом значительно ухудшилось. Из естественных богатств старой А. в ее распоряжении остались большие леса, занимающие 42, 5 % всей ее полезной территории, а также залежи железа, графита и магнетита, питающие ее добывающую и отчасти обрабатывающую промышленность. В этой последней занято 35 % самостоятельного населения Австр. республики, на ряду с 40 % занятыми в сельском хозяйстве и лесном деле, и 17 %, занятыми в торговле и транспорте. В сельском хозяйстве А. видное место занимает садоводство и виноградарство. Преобладающая масса земли находится под крестьянскими хозяйствами. Несмотря на бедность сырьем, А. располагает весьма разнообразной промышленностью. Большое место в ней занимает выработка железа и стали, крупное и мелкое машиностроение и производство различных металлических изделий, гл. обр. для сельского хозяйства. Широко развита деревообделочная и писчебумажная промышленность и всевозможные отрасли текстильного производства, начиная с выработки пряжи и кончая изготовлением готового платья. Вена является, между прочим, крупным центром прикладного искусства.

Тяжелое положение Австрийской республики усугубляется тем обстоятельством, что ей остается в наследство хозяйство, приведенное в полное расстройство войной; при чем это относится как к ее сельскому хозяйству, так и к ее промышленности. В послевоенный период начинается медленный процесс его восстановления. В земледелии с каждым годом увеличивается площадь запашки и общий сбор сельскохозяйственных продуктов. Однако, даже к 1924 г. урожай пяти главных хлебов почти на треть меньше урожая 1913 г. Аналогичная картина наблюдается и в культуре главных корнеплодов. Скотоводство А. также еще не может достигнуть довоенного уровня, хотя в разведении коз и овец оно превзошло его на 60 и на 100 процентов. Процесс возрождения австр. индустрии, еще далекой от своего полного восстановления, сопровождается

большими колебаниями. Некоторый толчок она получает от дезорганизации промышленности в Германии, в частности от оккупации Рура. В двадцатые годы австрийская промышленность начинает конкурировать с германской в странах, образовавшихся из Дунайской монархии, и на Балканах. Однако, такая конкуренция едва ли может быть успешной, если германская промышленность начнет работать нормальным ходом, по крайней мере в области крупного металлургического и текстильного производства. Тем более, что и в ее настоящем положении А. испытывает большие затруднения, страдая от потери большей части своих прежних рынков, от лишения покровительственных железнодорожных тарифов на территориях Австро-Венгрии, от недостатка оборотного капитала и весьма высоких процентов на кредит, от обеднения большей части австр. населения, от таможенного соперничества с соседями и др. причин. Безработица все время стоит на довольно высоком уровне, временами превышая 100 и 150 тыс. чел. Отсутствие собственного каменного угля (в А. имеются лишь залежи бурого угля) и нефти заставило А. обратить усиленное внимание на использование ее богатых источников водной энергии. В двадцатые годы произведена закладка ряда электрических станций, позволивших электрифицировать несколько австр. железных дорог. Заработная плата в А. стоит на весьма низком уровне, хотя стоимость жизни, благодаря запрещению экспорта, ниже довоенной. Служащие часто оплачиваются хуже, чем рабочие. Последствием является большая стачка чиновников с требованием повышения жалованья. На ряду с другими затруднениями, А. переживает острый жилищный кризис. Правительственные попытки прийти на помощь рабочему населению страны, например введенное в ноябре 1918 г. социальное страхование от безработицы, оказались весьма недостаточными, в виду полного расстройств финансов и стремительного падения кроны. Само правительство оказывается, с другой стороны, перед необходимостью увеличивать безрабо-

тицу, будучи вынуждено сокращать до последней степени штаты государственных служащих и рабочих. Причины необычайных экономических затруднений, переживаемых А., коренятся, очевидно, не только во временных условиях, порожденных войной и Сен-Жерменским мирным договором, но и в самом ее строении в виде огромного города со слабо населенным и сравнительно бедным Hinterland'ом. При чем надо заметить, что город этот, в котором живет почти треть всего населения страны, при разделении А. и Австро-Венгрии утратил свою роль административного и хозяйственного центра прежней великой державы и вместе с тем потерял значительную часть питавших его внешних экономических источников. Однако, в последнее время Вена, с ее огромным штатом банковских и коммерческих деятелей, вновь начинает восстанавливать свое значение торговой биржи для всего юго-востока Западной Европы. Жизнеспособность А. в ее настоящем виде была вполне признана самими державами Согласия еще в 1921 г. во время конференций в Лондоне и Париже, посвященных вопросу о германских репарациях, и заставила их оказывать ей широкую финансовую помощь, благодаря которой она только и была спасена от полного разорения. Со времени заключения мирного договора А. находилась в полной политической и экономической зависимости от Антанты и была неспособна даже к тому пассивному сопротивлению, какое оказывалась в Германии. С другой стороны, отношения Антанты с А. сложились гораздо более благоприятно; в особенности она встретила поддержку во Франции, которая предлагала Англии уже в 1921 г. совместную политику серьезной экономической помощи, которая была безусловно необходима в виду страшной продовольственной, топливной и сырьевой нужды, особенно чувствовавшейся в австр. городах. Английское правительство довольно холодно отнеслось к судьбам А., и 1921 и 1922 годы продолжались при чрезвычайных хозяйственных и финансовых затруднениях. Только к концу 1922 г. была организована такая международ-

ная помощь, которая позволила ей выйти из тяжелого финансового положения. С ноября 1922 г. А. смогла прекратить самостоятельную эмиссию: Лигю Наций был организован для нее международный эмиссионный банк и предоставлен необходимый заем. С этого момента прекращается падение кроны, стабилизированной в определенном отношении к доллару. Но эта международная помощь покупается ценой признания полного финансового и политического контроля Антанты, в заведывание органов которой переходят железные дороги, таможенные пошлины, государственные промышленные предприятия и т. д. Антанта действует в А. через Лигу Наций, представляющую верховным комиссаром, который и является действительным правительством страны. Получается положение, напоминающее страны Востока под европейским протекторатом. Контроль через верховного комиссара был первоначально рассчитан на два года, но, повидимому, будет продлен еще некоторое время. „Оздоровление“ австр. финансов, стабилизация валюты и покрытие дефицита во вторую половину 1924 г. проводится комиссаром при помощи крутых мер: сокращения штатов, уменьшения размеров социальной помощи, продажи убыточных правительственных предприятий, „коммерциализации“ государственных железных дорог, обложения предметов массового потребления, высоких налогов и таможенных тарифов и т. д. Национальный вопрос, столь роковой для старой А., в новом маленьком государстве оказался разрешенным. Население в нем — определенно немецкое. Многие чешские, итальянские и польские семьи, жившие в Вене и придававшие ей некоторый космополитический облик, в настоящее время покинули А. и перекочевали в свои национальные государства. Однообразие национального состава лишь несколько нарушается многочисленными иностранцами, например английскими и американскими, колониями, осевшими в Вене уже после войны.

Политическая история Австр. республики представляется в следующем

виде. Образовавшаяся в октябре 1918 г. Провизорное Национальное Собрание установило временную конституцию, признав за собой полноту законодательной и исполнительной власти и выделив из своего состава Государственный Совет, в качестве временного правительства, в котором были пропорционально представлены три главные парламентские партии: христианские социалисты, социал-демократы и германские националисты. Законодательная власть Национального Собрания была ограничена лишь в вопросах, касающихся автономных прав отдельных провинций, сделавшихся центрами движения в пользу федерального устройства. Постановление Национального Собрания могло быть опротестовано Государственным Советом, однако оно становилось законом, если билль вторично проходил через собрание. Очень многие стороны государственной и административной жизни были оставлены без всякого регулирования, и главное внимание было устремлено на подготовку выборов в Учредительное Собрание, которое должно было состоять из 225 членов, избранных в 38 округах на основе всеобщего, равного и тайного голосования по принципу пропорционального представительства. Однако, избрано было всего 170 членов, потому что часть избирательной территории была занята Чехо-Словакией, Италией и Югославией. Из 170 депутатов было 72 социал-демократа, 69 христианских социалистов, 26 германских националистов, 1 буржуазный демократ, 1 чехо-словак и 1 еврейский националист.

Открывшееся 4 марта 1919 г. Учредительное Собрание изменило некоторые стороны временной конституции, поставив все провинциальное законодательство в зависимость от утверждения центральной власти и передав исполнительную власть кабинету, избранному парламентским комитетом в составе представителей парламентских партий, пропорционально их количественному распределению в Собрании. Этот парламентский комитет до некоторой степени заменил собою прежний Государственный Совет, пе-

рестав, однако, играть роль временно-го правительства, большая часть функций которого перешла непосредственно к председателю Учредительного Собрания. Дальнейшие изменения конституции были связаны с Сен-Жерменским миром, заставившим А. признать указанные договором новые ее границы и заменить названием „Австр. республика“ прежнее название „Немецкая Австр.“, указывавшее на возможность, если и не в настоящем, то в ближайшем будущем ее объединения с Германией. Соответственно был вычеркнут параграф конституции, признававший это объединение, весьма популярное не только среди немецких националистов; оно подсказывалось и самой хозяйственной беспомощностью нового государства.

Главной трудностью при установлении учредительным собранием новой конституции, получившей федеральный характер, было разграничение законодательных и исполнительных функций федерального правительства и провинциальных властей. В результате все вопросы были разделены на четыре категории по довольно сложному принципу: одни вопросы ведаются исключительно центральными органами; в других—центральная власть лишь издает законы, а выполнение их возлагается на отдельные провинции; в третьих—центр устанавливает только общие принципы, которые на местах должны воплощаться в форму конкретного законодательства; наконец, четвертая группа вопросов подлежит исключительно ведению провинций. Центральными законодательными органами федерации являются Национальный Совет, составленный на основании закона о выборах в учредительное собрание, и Союзный Совет, куда отдельные провинции посылают своих представителей пропорционально их населению, однако без строгого соблюдения этого принципа. Избираемый провинциальными законодательными органами Союзный Совет имеет право veto, теряющее свою силу при вторичном прохождении билля в Национальном Совете. Исполнительная власть Австр. республики сосредоточивается в союзном президенте, избираемом на один год на соединенном

заседании Национального и Союзного Советов, и в союзном кабинете министров, избираемом Национальным Советом по представлению его главного комитета. Согласно общесоюзной конституции, провинции возглавляются однопалатными законодательными органами, избирающими для своей области „начальника провинции“, который является высшей местной исполнительной властью и в то же время органом центрального правительства в делах, относящихся к выполнению местами общесоюзных постановлений. Специальный суд учреждается новой конституцией для охраны прав частных лиц от нарушения их органами центральной и местной администрации. Состав этого суда назначается президентом по представлению правительства, причем представление одной половины нуждается в согласии главного комитета Национального Совета, другой— в согласии Союзного Совета. Охрана конституции, разрешение вопросов компетенции центральной и местной власти и т. д. поручаются конституционному суду, избираемому наполовину Национальным, наполовину Союзным Советом.

Политической жизнью Австр. республики до середины 1920 г. руководят социал-демократы, поддерживаемые христианскими социалистами, побуждаемыми к коалиции необходимостью ликвидировать последствия войны и страхом перед социальной революцией, в особенности в связи с провозглашением в начале 1919 г. советских республик в соседних Венгрии и Баварии. Положение австр. правительства, с Реннером во главе, оказывается чрезвычайно затруднительным. Главные проблемы в области внешней политики, которые стоят перед ним в этот период, это— заключение мирного договора, объединение с Германией, возобновление международных торговых сношений с соседями и получение иностранной помощи от держав согласия. В мае 1919 г. австр. правительство подписывает Сен-Жерменский договор, не менее беспощадный по отношению к А., чем Версальский договор по отношению к Германии. В области внутренней политики старания австр.

правительства направлены на углубление и обеспечение демократических и социальных завоеваний и на проведение ряда реформ на пути к социализации народного хозяйства (см. XL, 379), по большей части безрезультатной, ввиду бессилия правительства перед сопротивлением отдельных провинций и иностранного капитала. Правительственная коалиция распадается в июне 1920 г.; создается так называемый пропорциональный кабинет, в котором каждая партия имеет своих представителей, но не берет на себя ответственности за его деятельность в целом. Новые выборы в конце 1920 г. принесли с собой усиление христианских социалистов; социал-демократы потеряли часть своих голосов (см. прилож. к XL т. 68 табл.). Президентом республики был избран М. Гайниш; кабинет был составлен христианским социалистом М. Майром из представителей партии и беспартийных чиновников. Германские националисты обещали свою поддержку правительству, социал-демократы перешли в открытую оппозицию, пытались объединиться с более левыми партиями и имея в виду заключение коалиции с кругами близкими к коммунизму. Так образовался новый венский Интернационал, который должен был объединить принципы второго и третьего Интернационалов и создать единый социалистический фронт. Если бы этот, так называемый „двух-с-половинный“, Интернационал имел успех, австр. социал-демократы могли бы найти в нем серьезную опору в борьбе с христианскими социалистами. Но объединение оказалось невозможным, 2½ Интернационал был поглощен 2-ым, и австр. социал-демократия осталась бессильной перед лицом внутренних и внешних затруднений А. Парламентские выборы 1923 г. усилили главные австр. партии за счет партий более мелких. Из 165 мест 68 (41%) получили социал-демократы, 82 (50%) — христианские социалисты, сплотившие на весьма широкой политической платформе почти всю австр. буржуазию, включая сюда и представителей еврейского капитала. Большие успехи за время существования республики сделало в А. профессиональ-

ное движение, переживавшее период упадка во время войны. В 1923 г. числилось 1.049.949 членов профессиональных союзов. Революция выдвинула и новые формы организации: учрежденные в законодательном порядке фабрично-заводские комитеты и рабочие палаты, а также возникшие явочным порядком советы рабочих депутатов. Закон 1919 г., учредивший фабрично-заводские комитеты во всех предприятиях с более чем 20 рабочими и служащими, предоставил им довольно широкие права по наблюдению за всей хозяйственной жизнью предприятия. Задачей рабочих палат является изучение положения рабочего класса и содействие органам власти в деле улучшения быта рабочих.

ЛИТЕРАТУРА: Bauer, O., „D. Oesterreichische Revolution“, 1923; Bibl, Viktor, „D. Zerfall Oesterreichs“, 1924; Feiler, A., „D. neue Oesterreich“, 1924; Hudeczek, Karl, „D. Wirtschaftskräfte Oesterreichs“, 1921; Pribram, A. F., „Austrian Foreign Policy“, 1923; Stepan, E., „Nen Oesterreich“, 1923; Strakosch, S., „D. Grundlagen d. Agrarwirtschaft in Oesterreich“, 1917; Stolper, G., „Deutschösterreich als Sozial u. Wirtschaftsproblem“, 1921; Renner, K., „Oesterreichs Erneuerung“, 1916; Wieser, Fr., „Oesterreichs Ende“, 1919; „Treaty of Peace between the Allied and Associated Powers and Austria“, Treaty Series, № 11, 1919; „Statist. Handb. f. d. Republik Oesterreich“ (ежегодн.); „Statist. Nachricht.“, изд. Bundesamt f. Statistik; „Oesterreich. Jahrbuch.“; „Staatshandbuch d. Republik Oesterreich“ (ежегодн.).

С. Котляревский.

XVIII. Венгрия в эпоху мировой войны (ср. IX, 367/454). I. Венгрия перед войной. 1. Экономика. Довоенная В. была типичным крупно-землеладельческим феодальным государством. Это ярко отражается статистикой землеведения (см. IX, стат. обзор Венгрии, стр. III — IV). Из неполных 2½ милл. хозяйств 1½ милл. участков не достигала 5 нхов (215 аров). В руках неполных 2.000 крупных помещиков было слишком в 5 раз больше земли чем у 1½ миллиона parcelных крестьян. Но не только распределение земли напоминает в довоенной В. феодальную эпоху. Наряду с преобладающим крупного землеведения, громадный процент его составляли т. н. „связанная“ (церковная) собственность и неотчуждаемые и неделимые фиденкомиссы, и, так. обр., создавалось непреодолимое юридическое препятствие для перехода земли в руки крестьян. В

земледельческой стране 8/10 земледельцев не имели ни клочка земли или же имели участки, совершенно недостаточные для существования, и поэтому наряду с обработкой собственной земли вынуждены были работать по найму.

Такое распределение земельной собственности, разумеется, определяет социальное, культурное и общественно-санитарное состояние В. В В. рабочая сила была дешевле, чем где-бы то ни было в Европе, и при этом существовала огромная армия безработных. К характерным пережиткам феодализма принадлежало, между прочим, и то, что в В. труд сельского рабочего частично оплачивался натурой, что сплошь и рядом еще сопровождалось обманом и обчетом рабочего. В докладе правительству окружной начальник комитата Чанад вынужден констатировать, что „этот наиболее полезный слой населения не является гражданином государства, а парнем земли, о котором нельзя сказать, что он живет, а лишь, что он „прозябает“. При таких условиях неудивительно, что в В. предрасположение к легочным заболеваниям было больше, чем в какой-либо иной европейской стране, что здесь больше, чем в какой-либо культурной стране, гибли дети от эпидемических заболеваний. В. именуют „страной девы Марии“. Действительно, в ней в 5 раз больше попов, чем врачей, и не меньше церквей, чем больниц. Число общественных больниц с 1870 г. по 1910 г. падало. Неграмотных, в среднем, по всему государству было 60%, а по некоторым комитатам—80%.

Таково было положение в довоенной В. несмотря на то, что индустриализация приобретала в течение трех десятилетий до войны все большее развитие. Начало ее относится к 1867 г., но сильно подвинулась она с 80-х г. В результате такого развития страна стала в состоянии покрывать собственным производством как потребность в промышленных товарах, так и потребность в продуктах земледелия.

Для развития промышленности в В., помимо богатых запасов сырья, было

достаточно много леса, угля и железной руды. Высокие железнодорожные тарифы того времени повели к тому, что, начиная с 80 х гг., австрийский капитал, чтобы использовать дешевую рабочую силу В., начинает создавать здесь крупные промышленные предприятия. Первое место занимала тогда—да и сейчас занимает,—в ряду этих предприятий самая крупная австрийская финансовая группа Ротшильда, банк которой „Hitel-bank“ (Кредитный банк) не только создал в В. металлургическую промышленность, но, арендуя крупные земельные владения, открыл путь к развитию венгерской сельско-хоз. промышленности. В 1890 г. число венгерских заводов едва превышает тысячу, но двадцать лет спустя уже достигает 4.241. При этом одно время венгерская мукомольная промышленность занимала на мировом рынке 2-е место.

Во время войны в В. были уже предприятия с 15—30 тысячами рабочих. Венгерские металлургические заводы выплавляли в 1913 г. 15.000.000 килгр. чугуна; одни только будапештские мельницы смолотли 9.365.000 килгр. зерна; в 1913 г. в В. работало 747 заводов по переработке продуктов сельского хозяйства и 40 винокуренных заводов, вырабатывавших спирт для промышленных целей, и т. д. Процент промышленного пролетариата, достигший в 1890 г. 12, в 1916 г. возрос до 20, а в центральной области В., и в первую голову в Будапеште, в том же 1890 г. достигал 18 и поднялся до 32. Во главе индустриализации шла столица Будапешт и ее окрестности. Здесь было занято 70% промышленного пролетариата, и Будапешт и окрестности вырабатывали более 80% машиностроительной продукции.

Само собой разумеется, что вторжение финансового капитализма в область сельского хозяйства способствовало интенсификации последнего, хотя вообще в В. даже в последнее десятилетие не могло быть речи об интенсификации сельском хозяйстве.

2. *Классовые соотношения.* Непосредственно перед войной в В. все более находит себе осуществление идея союза класса крупных землевладель-

дев с крупными промышленниками для создания финансового капитала.

Класс крупных землевладельцев являлся в В. господствующим классом в течение целого тысячелетия. Внешние политические осложнения и гражданская война способствовали тому, что господствующий класс в В. сумел сохранить и все сильнее укрепить свою власть. Вся история В. полна предательства венгерских помещиков-магнатов.

Ради освобождения от налога земельных владений и усиления основанной на этой собственности исключительной политической власти, они продавали независимость В. то туркам, то Габсбургам, и в 1848 г., чтобы разгромить революцию, призвали в В. царские войска. Беспощадное кровавое подавление крестьянских восстаний и систематическое уничтожение мелкой земельной собственности, таков был путь развития в В. крупного землевладения.

До войны венгерская история не знала ни одной земельной реформы. Революция 1848 г. принесла освобождение крепостным более на бумаге и не прибавила крестьянству ни клочка земли. До 48-го г. крупные земельные владения были юридически свободны от налогового обложения, а с того времени до самой войны² произошло только то изменение, что в теории провозглашался принцип „равного бремени налогов“, а на практике осуществлялась такая система налогового обложения, что крупные землевладельцы облагались в пять раз, иногда даже в десять раз меньшим налогом, чем мелкие владения. Постепенное распространение в В. финансового капитала за последнее 10-летие повлекло за собой большую задолженность значительной части крупных земельных владений, но, с другой стороны, помещики получили компенсацию в виде крупных доходов, которые приносила им долгосрочная аренда и занятые ими видные посты в правлениях всех крупных венгерских банков.

Средний слой помещиков (джентри), который на протяжении венгерской истории неоднократно выступал в ка-

честве значительного противника крупных магнатов, совершенно утратил роль политического фактора, ибо постепенно утрачивал свою землю. Капиталистическое развитие ускорило этот процесс. Джентри, как значительный слой помещиков, тоже было не менее реакционно, чем класс крупных помещиков, и после того, как лишилось собственности, оно как деклассированный слой населения стало самым реакционным, самым подлым исполнителем политики государственной власти, стало неукоснительно проводить в государственном и административном аппарате центра и комитатов волю класса крупных землевладельцев. Оно заполнило все более значительные должности в управлении довоенной В. Вся администрация составлялась из этих по горло задолженных, выродившихся, полуграмотных, презирающих крестьянина и рабочего безземельных дворян. Диктатура пролетариата застала в министерствах, которыми в течение двух десятилетий руководило это дворянство, горы неисполненных дел и неудовлетворенных прошений, а также заявлений о т. н. „урбаримах“, тянувшихся по 30 лет. В каждом управлении комитата, в каждом управлении окружного начальника мы встречаем „барина“, и у него на стене—орудие власти, плетку—символ отношения помещика к крестьянину и рабочему.

Развитие венгерской промышленности наложило свой отпечаток на венгерскую буржуазию. Развитие крупной индустрии в В. является, гл. обр., результатом прилива иностранного капитала. Тщетно мы стали бы искать в В. выработавшихся из мелкой буржуазии представителей крупной индустрии; таких мы найдем лишь двух-трех. Местный венгерский капитал—капитал в высшей степени консервативный и до последней возможности воздерживается от промышленного помещения, от создания промышленных предприятий. Впоследствии только созданные специально с этой целью банки начинают строить промышленность, но уже со значительным участием иностранного капитала. Венгерская буржуазия, т. обр., фактически является доверенным иностранным капиталом в В. Если в

сельско-хозяйственной промышленно-сти доминирует несколько отечественных буржуазных „династий“, а в области индустриальных производств мы встречаем 2—3 крупных венгерских имени, то, в общем и целом, все же надо констатировать, что как промышленная, так и финансовая буржуазия В. целиком состоит из представителей иностранного капитала. В первых рядах этих насадителей иностранного капитала с самого начала фигурируют представители крупного венгерского землевладения. Этим можно, между пр., объяснить и то обстоятельство, что, хотя в течение последних десятилетий промышленность и финансовый капитал в В. начинают играть громадную роль, политическая власть их еще едва заметна. Венгерский парламент целиком состоит из крупных помещиков, безземельного дворянства, духовенства, адвокатов, представляющих интересы класса крупных землевладельцев, но в течение десятилетий мы не находим там ни одного фабриканта и ни одного крупного коммерсанта.

На развитие венгерского промышленного пролетариата оказали решающее влияние два обстоятельства. Одно заключалось, так сказать, в сращении социал-демократической партии с профсоюзами. В В. рабочий, становившийся членом профсоюза, тем самым автоматически вступал в социал-демократическую партию. С другой стороны, профсоюзы официально, по своему уставу, не имели права руководить экономическим движением, движением за повышение заработной платы, а являлись только культурными организациями. Профессиональные союзы были вынуждены создавать нелегальные свободные союзы для руководства экономическим движением. Правда, эти нелегальные профсоюзы впоследствии пользовались большей или меньшей терпимостью со стороны власти, но официально венгерская власть никогда их не признавала. Эти свободные профсоюзы фактически выполняли и существенные функции партии, являясь фактически организационным стержнем политической партии, между тем как т. н. партийные организации были только рамками без какого-бы то ни было содер-

жания и функций. Другое существенное обстоятельство, оказавшее большое влияние на развитие пролетариата, заключалось в том, что в В. не только не было, но и сейчас нет всеобщего избирательного права, и что здесь царилла самая реакционная в Европе цензовая избирательная система (см. IX, 424-430). Правом голоса пользовались только плативший большую сумму прямых налогов, так что промышленному рабочему и сельскому пролетариату не приходилось до войны и думать о каком-либо избирательном праве; но мало того, правом голоса не пользовались и многие ремесленники и владельцы парцельных участков. Т. обр., рабочий класс вообще не имел представительства в парламенте. Благодаря этому, у венгерских рабочих не было и не могло быть никаких т. наз. демократических иллюзий. Им еще приходилось бороться за всеобщее избирательное право, и в этой борьбе ни в одной из стран Европы рабочий класс не принёс столько больших жертв, чем венгерский пролетариат. Более 10-ти всеобщих забастовок, много сотен кроваво подавленных демонстраций, вооруженные выступления и баррикадная борьба свидетельствуют о настоятельности этой борьбы венгерских рабочих за всеобщее избирательное право. И средства, к которым приходилось прибегать в этой борьбе, вели к тому, что венгерские рабочие не были заражены ни патриотизмом, ни демократической идеологией.

С другой стороны, из того факта, что в В. не было в точном смысле слова партийных организаций, следовало, что организация партии была самым анти-демократическая. Центральный комитет социал-демократической партии, который даже по своему личному составу являлся одновременно и центральной организацией крупных профсоюзов, вел по отношению к массам такую политику, которая являлась не только отрицанием классовой борьбы, но была осуждена на безрезультатность и в области борьбы за реформу. Венгерская социал-демократическая партия в течение 15-ти лет вела политику сотрудничества с классами. Вступая в союз то с Габсбургами, то с

промышленниками, то с помещиками, т. е. каждый раз с бессильными из этих классовых группировок, она одновременно заключала союз и с мелкобуржуазными партиями, в целях завоевания избирательного права. В этой борьбе партия толкала рабочих на величайшие жертвы, для того, чтобы в разгар борьбы отступить и напасть с тылу на самих же рабочих. В этом отношении самым знаменательным является тот факт, что когда австрийские рабочие, под влиянием русской революции 1905 г., развернув революционное выступление, завоевали избирательное право, венгерская социал-дем. партия, чтобы добиться той же цели, заключила союз с Габсбургами.

При таких обстоятельствах бесплодная борьба за всеобщее избирательное право еще более способствовала тому, что венгерский пролетариат не переживал демократических иллюзий, революционизировался и проникался сознанием своего классового единства. Союз соц.-демокр. партии с партиями буржуазии привел также и к след.: в то время, как партия все более и более приобретала характер буржуазной политической организации, она все более и более пренебрегала насущными интересами большинства населения страны — промышленного пролетариата и парцельного крестьянства.

3. *Крестьяне и сельско-хозяйственный пролетариат.* В прежней В. крестьянство и сельско-хозяйственный пролетариат составляли большинство населения (ок. 65%). Как было отмечено, насчитывалось 2,5 миллиона самостоятельных хозяйств, при чем 1,3 мил. крестьян с семьями хозяйничали на наделах, не превышавших 5 йохов. Из этих 1.300.000 хозяйств 55% были меньше йоха (43 ара). Около 500.000 крестьян хозяйничали на наделах величиной от 5 — 10 йохов, 385.000 — от 10 до 20 йохов. Это означает, что 88% самостоятельных хозяйств-крестьян были полупролетариями или, во всяком случае, должны были бороться с величайшим упорством, чтобы не стать батраками. В два последние десятилетия перед войной задолженность крестьянства приняла такие размеры, что к началу войны все крестьянство ока-

залось задолженным. Вследствие этого были такие комитаты в которых за последние 2 десятилетия 70% крестьянских хозяйств переменили владельца. Если в течение этого времени и выкристаллизовалась небольшая группа зажиточных крестьян, то в процентном отношении эта группа была ничтожна, и тип „дулака“, в русском смысле слова и в русских размерах, был, можно сказать, почти что неизвестен в В., так как кредитованием крестьянства занимались частные торговцы-спекулянты и мелкие сберегательные кассы; а эти последние прилагали все старания к тому, чтобы крестьянство беднело.

Число сельских пролетариев доходило до 2 миллионов (если не считать членов семьи, но включить в расчет тех из них, которые являются полезными в хозяйстве). Для того, чтобы охарактеризовать положение этого класса, достаточно будет указать на то, что в Румынии, в боярской стране, поденная плата в среднем была на 30% выше, чем в В. Сельский пролетарий был „вне закона“ в самом строгом смысле этого слова. Для него существовал особый вид принудительного труда; было запрещено устанавливать минимальные ставки; зато о каком-либо законном максимуме работы не могло быть и речи: 14-ти или 16-часовой рабочий день был рядовым явлением. Жалобы крестьян не входили в компетенцию коронных судей: они, согласно закону, подлежали решению окружного начальника; эти же начальники избирались, а выборы, можно сказать, находились в полной зависимости от крупных помещиков. Сельский пролетариат не имел своей основной кассы, и в его среде в отношении жилищного вопроса и здравоохранения царил такие условия, что даже председатель союза крупных аграриев в 1908 г. вынужден был констатировать, что „если смертность сельского пролетариата будет продолжаться в том же темпе, то страна обречена на гибель“. Характерно также, что, согласно подсчету 1910 г., 51,4% деревенских домов в В. строились из кизяка. Этими обстоятельствами объясняется то, что В. стояла на первом месте в отношении крестьянской эмиграции. За последнее десятилетие перед

войной из В. эмигрировало 1.500.000 крестьян и сельских пролетариев. В количественном отношении к густоте населения это была самая крупная эмиграция в Европе.

4. *Национальности.* В. никогда не была единообразным национальным государством. Хотя в последние десятилетия индустриализация значительно увеличила число говорящих по-венгерски, все же „господствующая мадьярская нация“ (т.е. класс крупных мадьярских помещиков с его бюрократией) никогда не могла насчитать в В. венгерского большинства. Правда, это была самая крупная национальность в стране, по другим национальностям (румыны, словаки, сербы, немцы, хорваты и т. д.), вместе взятые, превосходили венгров численностью. Только в порядке произвола и с явными подтасовками можно было составлять официальные статистические подсчеты, в которых значился 51% мадьяр.

Классическая страна латифундий была также классической страной угнетения. Без точно установленной культурной или хозяйственной „национальной“ программы, правящие классы проводили это угнетение, в особенности по отношению к румынам, словакам и хорватам, в таком масштабе, что национальные противоречия обострились до полной невыносимости. Существовал, правда, закон 1868 г., признававший „равноправие“ национальностей, но закон этот оставался на бумаге, несмотря на то, что так называемое „равноправие“ предоставляло национальностям лишь весьма скромные права. В самом деле, бывали такие периоды, когда в каком-нибудь комитате, где 80% населения говорили по-румынски, запрещалось преподавание румынского языка; когда защита закона о национальностях рассматривалась как государственная измена и каралась долгосрочным тюремным заключением; когда закрывались все „противоотечественные национальные школы“ (Банфи, Апоњи), когда на должности в комитатах, в городах, в министерствах назначались только мадьяры или люди, открыто изменившие своей национальности. Господ-

ствовала произвольная налоговая политика, весьма тяжело отражавшаяся на имущественном состоянии национальных меньшинств.

II. В. во время мировой войны.

Вся помещичья и крупно-буржуазная В. единодушно высказалась за империалистическую войну. Аграрная политика венгерских магнатов сыграла не последнюю роль в подготовке войны против Сербии. Можно с уверенностью установить, что эта политика породила югославский предредентизм, который, в свою очередь, привел к убийству эрцгерцога из габсбургского дома. Ультиматум, предъявленный Сербии, вызвал полнейшее удовлетворение в среде венгерских аграриев. Граф Апоњи, в течение нескольких десятилетий считавшийся „апостолом мира“, ликовав в первый день объявления войны: „Наконец-то!“ Граф Карольи, впоследствии „пацифист“, „революционер“, „потрясатель основ“ и „друг Антанты“, заявлял в парламенте, что „все венгры должны, как львы, бороться против Румынии“. Руководящие круги радикальной буржуазии и массовства развили военно-агитационную публицистическую деятельность в пользу центральных держав, „носителей демократии“. Официальный печатный орган социал-демократии, „Непсава“, с первой минуты встал на почву „национальной обороны“. Несмотря на науськивания официальных органов, массы оставались равнодушными: они явственно держались в стороне от „национального вододушевления“. Промышленный пролетариат даже протестовал против позиции, занятой социал-демократической прессой — протестовал, правда, только в такой форме, какая тогда была допустима. Тысячи абонентов социал-демократической прессы потребовали верности идее интернационализма и прекратили подписку.

Господствующий класс в значительной степени способствовал тому, чтобы во время войны обострились классовые противоречия. Начиная с главного командующего, эрцгерцога Фридриха, который был одним из богатейших помещиков В., начиная с крупных банков до мельчайших военных поставщиков, —

вся буржуазия заботилась о том, чтобы все мероприятия в пользу населения оставались на бумаге, чтобы в тылу спекуляция на продуктах питания могла свободно взвинчивать цены до ужасающей дороговизны, а на фронте солдаты получали обувь с картонными подметками и негодное сукно. Система обмана, открытого насилия и административных злоупотреблений становилась с каждым днем все беззастенчивее, и мировая война еще более подрывала „социальный и политический порядок“. Чудовищные военные барыши еще сильнее заострили эти противоречия, и пока голодные и оборванные массы гибли в тылу и на полях сражений, буржуазия уклонялась от военной службы и роскошествовала в неслыханных до той поры размерах. Чудовищные панамы всплывали наружу, еще большие панамы затушевывались. Администрация дерзко и цинично вела травлю против инвалидов войны и солдатских вдов, а это приводило там и сям к открытым возмущениям, которые подавлялись кровавым путем.

Когда Италия в мировой войне стала на сторону Антанты, никто в В. уже по-настоящему не верил в победу центральных держав. Это выразилось сначала в правящих классах в виде неясного пацифистского настроения, а затем в войсках в форме массового дезертирства и, наконец, у промышленного пролетариата в волне забастовок. Начавшаяся антимилитаристская пропаганда пользовалась успехом, главным образом, на будапештских заводах. Венгерское правительство ответило жесточайшими репрессиями. На фронте полевой суд работал усерднее, чем в какой-либо другой стране. В тылу массами казнили румын, сербов и словаков.

В середине апреля 1918 г. был опубликован королевский указ, который предписывал премьер-министру, графу Тиссе, приступить к коренной реформе избирательного права и к проведению в жизнь социальных установлений. Ни Тисса, подавший в отставку 23 мая, ни следовавшие за ним правительства не сделали ни единого шага в этом направлении. Мало того: был про-

веден избирательный закон, отказывающий крестьянам в избирательных правах и искусственно исключающий национальные меньшинства из голосования. Против бастующих рабочих учреждаются полевые суды, и жандармы расстреливают рабочих, требующих платы. На периферии, населенной другими национальностями, свирепствует ужаснейший террор. Драконовские наказания, интернирование, закрытие школ, конфискация имущества, казни — вот панacea, применяемые повиннической венгерской гегемонией. Еще в сентябре 1918 г., за месяц до крушения, национальные меньшинства выставили свои требования, и граф Тисса, ведший переговоры от имени правительства, чрезвычайно грубо оскорбил южных славян.

Прилагаются безумные усилия, чтобы победоносно закончить войну, хотя премьер-министр в разговоре с представителями прессы заявил, что война нами проиграна. Крестьяне в возрасте до 50 лет противозаконно посылаются на фронт. Крестьян, в буквальном смысле слова, принуждают подписываться на военные займы. С другой стороны, помещики и богатые мужики, финансовые магнаты и их родные и прислужники — все, без исключения, освобождаются от воинской повинности, и можно доказать, что правящие классы совершенно не участвовали в подписке на три последние выпуска военного займа.

Крестьянство, до сих пор шедшее на буксире за крупными аграриями, начинает восставать против помещиков, и прежде абсолютно незначительная партия маломощных крестьян приобретает в парламенте известное влияние, несмотря на то, что ее лидеры ведут ясно выраженную консервативную политику. В деревне тоже, там и сям, развертывается классовая борьба, вследствие чего богатый мужик, помещик, капиталист, судья, нотариус, священник и жандарм, все без исключения, рассматриваются, как злейшие враги мелких крестьян. Это направление умов становится тем опаснее для господствующих классов, чем больше мелкие крестьяне и середняки или, вернее, их невоюющие сродники получают воз-

возможность (благодаря до невероятия вздувшимся ценам на хлеб) расплатиться с долгами и, таким образом, добиться экономической независимости. В конце 1917 г. крестьянин, несмотря на строжайшие правительственные мероприятия, отдает сельско-хозяйственные продукты исключительно в обмен на текстильные товары, в 1918—исключительно под вооруженным давлением реквизиционных комиссий.

К концу 1918 г., в октябре месяце, крестьяне-дезертиры начинают группироваться на окраинах и, вооружившись, образуют т. наз. „зеленые кадры“. Это — бандиты-грабители.

Промышленный пролетариат усилился за время войны как количественно, так и политически. Предоставленная самой себе военная индустрия создала в В.исполнские промышленные предприятия. В момент объявления войны число организованных рабочих рабочих едва достигало 100.000. В начале 1918 г. оно значительно превышало 200.000; а число лиц, занятых в промышленности вообще, за время войны учетверилось. Очень многие из т. наз. „одиночек“ сошли в ряды пролетариев. Особенно быстрым темпом пошла в 1917/18 г. пролетаризация интеллигенции.

Патриотический и шовинистический дурман ни на минуту не ослепил и не обманул пролетариата: он очень быстро ощутил на собственной шее, что означает пресловутое самопожертвование „патриотов“. Обострившиеся классовые противоречия красноречиво говорили за себя. Социал-демократы никогда не были представлены в венгерском парламенте. Непосредственно перед войной и во время войны парламентом был одобрен реакционный избирательный закон. Настоящая рабочая аристократия, в западном смысле этого слова, в Венгрии еще не могла выкристаллизоваться. Элементы, обладавшие классовым сознанием, были настроены антимилитаристически; широкие же массы относились к войне равнодушно. Уже на втором году войны пришлось, благодаря недостатку в квалифицированных рабочих, массами освобождать рабочих от фронтовой службы. Эти элементы оказывали в тылу революционизирующее влияние.

Несмотря на то, что на фабриках было введено военное управление и действовали чрезвычайные законоположения, все же там с конца 1916 г. из месяца в месяц стали повторяться внезапные, порой довольно значительные волнения на почве увеличения заработной платы и непрерывно продолжались до конца войны, не взирая на преследования и препятствия со стороны профсоюзной бюрократии. Из множества таких движений заслуживают упоминания открытое движение за введение 8-ми часового рабочего дня (в июле 1917 г.), сорванное благодаря предательству профсоюзной бюрократии, и победоносная железнодорожная забастовка в октябре 1917 г. из-за призыва рабочих делегатов, при которой во время наступления итальянцев все воинские поезда Южной железной дороги были задержаны.

Огромное влияние оказала на венгерский пролетариат русская Февральская революция 1917 г., но в особенности победа Октябрьской революции. Под этим влиянием во время войны было впервые организовано празднование 1-го мая и проведены бесчисленные демонстрации и общеполитические забастовки, зачастую против воли социал-демократии. При заключении брестского мира в Венгрии вспыхнула поразительная, стихийная, чисто политическая всеобщая забастовка 18, I-1918 г., которая в качестве первого требования выставила „отозвание генерала Гофмана“. Много дней продолжалась эта героическая забастовка, и значительные массы рабочих продолжали бастовать и выражать симпатии советской России уже после того, как Берлин и Вена давно затрубили отбой, и социал-демократические партийные руководители объявили забастовку оконченной. Это был первый случай в истории социал-демократии, когда комитет партии должен был подать в отставку под давлением революционных масс. Какой притягательной силой обладала русская советская власть, можно судить по тому, что социал-демократические лидеры в июне 1918 г. не посмели сами затормозить многодневную всеобщую забастовку и наскоро, ad hoc, организовали рабочие

советы, чтобы от имени этих советов провозгласить окончание забастовки.

Венгерский пролетариат в буквальном смысле слова возненавидел продажный венгерский парламент и рассматривал господствовавшие в парламенте правящие классы уже не как классовых противников, а как классовых врагов. Он не верил в вильсоновские демократические иллюзии: его надеждой была скорее советская Россия. Характерно для тогдашнего настроения, что весной 1918 г. демократ. министр юстиции, союзник венгерской соц.-демократии, вынужден был произнести в парламенте громовую речь против большевизма, в которой он грозил подавить венгерский большевизм самыми жестокими мерами; а еще характернее то, что социал-демократическая партия на ближайшем партийном конгрессе должна была под давлением масс официально и энергично протестовать против этой „дерзости“, хотя партийный комитет, на самом деле, своей политикой преследовал интересы буржуазии и находился в союзе с реакционными буржуазными партиями. В середине сентября 1918 г. болгарский фронт был прорван. Тысячи и тысячи дезертиров наводнили страну и, главным образом, Будапешт. Военное командование оказалось бессильным, несмотря на драконовские казни. Целые батальоны открыто отказываются повиноваться, когда их посылают на фронт. Два полка в тылу взбунтовались; рабочие и крестьяне тайне начинают вооружаться. А венгерский парламент болтает и разглашает о супрематии, как будто он не имеет ни малейшего представления о том, что происходит в стране.

Правда, в парламенте выделяется небольшая группа графа Карольи, проявляющая робкие и шаткие пацифистские тенденции, но вся страна чувствует, что она больше ни в каком отношении не связана с этим пресмыкающимся парламентом.

В октябре революционное движение национальных меньшинств уже не скрывает своих требований относительно образования новых государственных единиц. Чешские и южно-славянские депутаты австрийского парламента

опубликовывают общую декларацию, согласно которой австрийское правительство неправомочно делать мирные предложения от имени славян; даже в самой Вене многочисленное народное собрание требует образования самостоят. Немецкой Австрии. 16 октября выходит императорский манифест об австрийской федерации, но пражский национальный комитет заявляет, что не хочет вступать в переговоры с Веною. 18 октября чешский национальный совет назначает в Париже посланника „независимой Чехо-Словакии“; 24 октября венгерский парламент получает известие, что в Фиуме венгерские гонимые разоружены именем югославского национального совета, а флот передан этому совету адмиралом Хорти; все национальные советы отзывают с фронта „своих“ солдат для обороны национальных границ; а официальная В. все еще не трогается с места. И вот, в последних числах октября, подавляющим большинством принимается внесенный законопроект о независимости.

III. Разгром. „Октябрьская революция“.

25-го октября был сконструирован Венгерский Национальный Совет. Когда же 27-го октября к нему примкнула вся будапештская полиция, то Совет, состоявший из парламентской партии Карольи и внепарламентских групп социал-демократов и радикалов, не помышлял еще ни о каком-либо перевороте, ни о революции. Он требовал только, чтоб король назначил графа Карольи премьер-министром. Только небольшая, еще нелегальная, группа составленного 28-го того же месяца в клубе Карольи Военного Совета, работавшая под флагом Национального Совета, хотя и вошедшая примитивным образом, интересовалась „народным движением“ и готовилась к перевороту. Между тем, в В. и в особенности в Будапеште с каждым часом росло охватывающее широкие слои народное волнение и брожение, каких эта страна не знала с 1848 г. Еще за три дня до этого будапештская полиция стреляла в огромную толпу, требовавшую назначения Карольи, а начиная с 28-го октября войска и по-

лиция перестали вмешиваться в демонстрации рабочих, солдат и мелкой буржуазии. 28 октября рабочие оружейного завода взломали несколько складов и вооружились. Одна группа антимилитаристски настроенных и революционных рабочих добыла динамит, распределила оружие и готовилась за свой страх и риск к активному выступлению. Одна демонстрация следовала за другой. Десятки тысяч требовали немедленного заключения мира и смерти подстрекателей к войне. 30 октября отряды, назначенные к посылке на фронт, отказались повиноваться и демонстрировали перед Национальным Советом. Будапештская полиция также готовилась к демонстрации для выражения своего сочувствия Национальному Совету.

В эти дни Венгерский Национальный Совет играл до последней минуты роль „успокоительного совета“ в полном смысле этого слова. Еще 30-го октября он объявил в одном из заседаний, что он противник революции. Еще 30-го октября он посмел обратиться с воззванием к солдатам.

Он растерянно ждал только того, чтоб король вступил с ним в переговоры. Однако, король 30-го вечером назначил новый кабинет министров, при чем не из состава Национального Совета. А Национальный Совет обратился к десяти тысячной демонстрации рабочих и солдат с просьбой сохранять терпение, порядок и лояльность.

Того же 30-го вечером по всему городу демонстрировал отряд солдат, заявивший, что он отказывается идти на фронт, и приглашавший толпу присоединиться к нему. В полночь они ворвались в городскую комендатуру, обезоружили стражу, арестовали трех генералов, в том числе коменданта города, и отвели их под стражей к Национальному Совету. Совет растерялся и не знал, что ему делать. Несколько человек солдат и членов нелегальной рабочей организации заняли с менее чем двумястами солдат ряд общественных зданий и мостов.

Великая империалистская держава Австро-Венгрия не оказала никакого сопротивления. В земельных магнатов и финансовых олигархов пала без

противодействия. Несмотря на это, Национальный Совет торжествовал, когда на следующий день монарх назначил правительство из руководителей Совета во главе с графом Кароли, и оно принесло клятву верности престолу Габсбургов. И только под давлением масс, требовавших провозглашения республики, „революционеры“, в том числе два социал-демократа, вернули мандаты и объявили себя „революционным правительством“.

Вся страна требовала немедленного заключения мира и провозглашения республики. Толпы громили усадьбы, прогоняли помещиков, окр. начальников, сельских нотариусов и жандармов. Они требовали осуществления своих прав, они требовали земли. Первым делом „революционного правительства“ было вооружить рабочих и защитить их руками священную частную собственность земельных магнатов. Венгерская социал-демократия, которая никогда не заботилась об интересах бедных слоев крестьян, которая даже часто предавала их интересы, содействовала и теперь, после падения Австро-Венгерской монархии, подавлению при посредстве пулеметов крестьян, требовавших земли и уничтожения латифундий, а в некоторых местностях не препятствовала расстрелу главарей крестьянского революционного движения. Единственная революционная вспышка была в несколько дней подавлена в зародыше самым грубым образом.

Для успокоения масс торжественно было провозглашено заключение мира, а 18-го ноября объявлена республика, и старый парламент распушен. „Декретом народа“ устанавливалось всеобщее избирательное право, право собраний, восьмичасовой рабочий день и в принципе „революционная земельная реформа“.

Однако, уже в первые дни контр-революция подняла голову. Это произошло, так сказать, одновременно как в самом правительстве, так и в среде господствующих классов. Прежнее войско было как бы распущено мирным путем, и на его месте была создана лишенная всякого значения но-

вая армия, именуемая „революционной армией“, и хотя и с „солдатскими советами“, однако, с сохранением офицеров старого состава. Заключенное Национальным Советом и антантовским генералом Франш д'Эсперэ перемирие было нарушено Антантой. Чехи, румыны, сербы захватывали изо дня в день все больше и больше территории, причем армия не была в состоянии оказать какое бы то ни было сопротивление. Дороговизна росла с каждым днем, а правительство не принимало никаких мер. Рабочие выставляли требования, которые капиталисты отклоняли, но которые правительство удовлетворяло, выдавая капиталистам нужные для этого средства из государственной казны. Одновременно с контр-революционными течениями и их активными проявлениями царило страшное недовольство среди пролетариата и малоземельных крестьян. Пролетарии очень скоро поняли, что власть осталась за капиталистами, а крестьяне увидели, что обещанная земельная реформа не ушла ни на шаг вперед. В сущности, члены правительства, за исключением социал-демократов, не являлись представителями какого-либо класса. Хотя граф Кароли благодаря своему пацифизму и представлял народные интересы, однако, ни мелкая буржуазия, ни малоземельные крестьяне явно не доверяли его партии. Радикалы были беспочвенной, чисто интеллигентской партией. Что же касается социал-демократов, то организованный пролетарий не доверял им уже во время войны.

Одновременно с правительством, терявшим с каждым днем все больше и больше почву под ногами, существовал совет рабочих деп., в который входили также и представители совета солдатск. деп. Хотя совет раб. деп. по своей структуре и „законным“ функциям представлял только карикатуру своего прообраза — русского совета рабочих депутатов, однако, спустя три месяца после образования правительства он обладал значительно большей властью, чем само правительство, которое не решалось защищать ни интересы буржуазии, ни интересы пролетариата.

В последних числах ноября, когда Бела Кун вернулся из Советской России, в Будапеште была организована венгерская коммунистическая партия. Вождями партии были находящиеся в оппозиции к социал-демократам интеллигенты и несколько сочувствовавших им рабочих. Венгерская коммунистическая партия немедленно поставила вопрос: демократия или диктатура? И хотя она была еще слабо организована, ей удалось сорвать маску с демократии и приобрести среди масс значительное влияние.

Она доказывала в своем органе, в своих воззваниях и на митингах, что демократия только другой вид владычества капитала. Социал-демократы предлагали разрешить все проблемы на предстоящем Национальном Собрании. Коммунисты же доказывали, что, в случае преобладания рабочего большинства, буржуазия немедленно перейдет в наступление, а в случае меньшинства — обеспечит себе власть при посредстве так называемой демократии. Их злободневные лозунги подействовали, и несмотря на огромные трудности они с каждым днем приобретали все большее влияние в профсоюзах. Спустя короткое время венгерской коммунистической партии удалось добиться, чтобы конференция депутатов крупнейшего профессионального союза, союза рабочих металлистов, вынесла следующее постановление: „Конференция делегатов заявляет, что она ничего не имеет против вступления своих членов в коммунистическую партию“. Это была большая победа для партии, так как до тех пор все члены профсоюзов автоматически входили в социал-демократическую партию. Партия приобрела также многих сторонников в армии и завладела движением молодежи, которое социал-демократы подавляли в течение десятилетий. Если развитие организации венгерской коммунистической партии не могло в столь короткий срок угнаться за ростом ее политического влияния, то это следует приписать тому, что социал-демократия опиралась на профсоюзы.

Под влиянием коммунистической партии рабочие, несмотря на противодействие профсоюзной бюрократии, об-

разовали настоящие советы рабочих депутат., и партия начала приобретать значение не только в Будапеште и его окрестностях, но также и в провинции и среди крестьян. Демократическое правительство чувствовало себя вынужденным прибегнуть в отношении коммунистов к грубому террору. Демобилизованные солдаты напали на редакцию социал-демократического органа „Непсава“, при чем было убито несколько полицейских. На след. день профсоюзная бюрократия мобилизовала своих сторонников на демонстрацию против коммунистов, и правительство воспользовалось этим, чтобы арестовать вождей коммунист. партии. Социал-демократии удалось, таким образом, отвести на некоторое время оставшуюся без руководителей коммунистическую партию; но обесиленному правительству не помогло даже и это. Правительство было не в состоянии разрешить ни одной из проблем текущего момента. Возмущенные долгим ожиданием крестьяне стали организованно захватывать латифундии и образовывать в крупных социализированных поместьях производственные коммуны. То же самое происходило в некоторых местностях под руководством коммунистов.

В середине марта 1919 г., по инициативе одного революционного рабочего, Бела Кун, находившийся в тюрьме, от имени коммунистической партии обратился с письмом к предводителям социал-демократов, в котором предлагал стать на платформу единого фронта. В общих чертах там было сказано следующее: 1) единство только на принципиально революционном основании; 2) максимальная программа партии, по которой империализм признается последней стадией капитализма, констатируется упадок последнего и выдвигается требование диктатуры пролетариата, как переходной ступени; 3) присоединение к революционному Интернационалу. Почти в тот же день самый большой из венгерских заводов потребовал освобождения коммунистов.

Между тем, правительство готовилось к выборам в Национальное Учредительное Собрание. На предвыборных собраниях рабочие оскорбляли буржуаз-

ных министров. 20-го марта полковник Виск передал правительству от имени Антанты ноту, в которой демаркационная линия не только отодвигалась не в пользу В., но и признавалась политической границей. Одновременно вспыхивает забастовка типографских рабочих из-за заработной платы, и они отказываются печатать даже официальный орган социал-демократов. Правительство подает в отставку, и президент республики, граф Карольи, выпускает манифест, которым передает власть пролетариату.

20-го марта социал-демократ. партия решила принять на себя управление и заключить мир с коммунистами. Она отправила своих представителей к заключенным коммунистам, и там, в тюрьме, было составлено следующее соглашение: „Социал-демократическая и коммунистическая партии В. постановили на совместном заседании объединение обеих партий. Впредь до отмены Интернационалом новой партии будет именоваться „Венгерской социалистической партией“. Объединение происходит на базе коммунистической платформы, и обе партии принимают участие в правительстве. Партия немедленно берет власть в свои руки от имени пролетариата. Пролетариат осуществляет свою диктатуру при посредстве советов рабочих, крестьянских и солд. депутатов. Выборы в Национальное учредительн. собрание отменяются. Немедленно организуется пролетарское войско и обезоруживается буржуазия. В срочном порядке надлежит наладить искреннюю революционную связь с Советской Россией“. В тот же вечер рабочий совет с радостью принял это соглашение и провозгласил диктатуру пролетариата. Переход власти не встретил по всей В. никакого противодействия.

IV. Диктатура пролетариата.

Венгерский пролетариат революционизировался во время войны. Хотя венгерская социал-демократическая партия никогда теоретически не поднимала вопроса о власти пролетариата, однако, пропаганда и агитация постоянно велись против аграрных феодалов и, таким образом, хотя и на словах, носили революционный вид. Со-

циал-демократы в течение десятилетий выставляли теоретическое положение, что В. страна аграрного феодализма, и что власть последнего может быть разрушена только при совместных действиях с либеральной буржуазией. После переворота десятки тысяч мелко-буржуазных элементов устремились в социал-демократическую партию, и партия, которая до войны состояла исключительно из пролетарских масс, явно превратилась в мелко-буржуазную партию, которая стала править в коалиции с другими мелко-буржуазными партиями. Пролетарские массы инстинктивно чувствовали, что демократия им ничего дать не может. Яркий пример русской революции действовал на них ослепляюще. Активные выступления этих масс на политическом поприще, как-то: разгром контр-революционной буржуазной прессы, применение террора к буржуазным министрам, так же, как и их экономическая борьба (уничтожение аккордной системы, несмотря на противодействие профсоюзной бюрократии, введение рабочего контроля в предприятиях), доказывали, что они по горло сыты демократией и что они хотят положить решительный конец эксплуатации со стороны капиталистов.

Профессиональные союзы имели в конце 1918 г. 721.437 членов, не считая железнодорожников и государственных чиновников. Характерно, что самый крупный профессиональный союз, союз государственных чиновников, вообще не существовал до войны. Характерно и то, что из двух миллионов сельскохозяйственных рабочих (после переворота—1.200.000) в союз входило только 44.950 чел. Социал-демократическая партия оттолкнула от себя массы незаможных крестьян тем, что в ноябре 1918 г. подавила силой оружия крестьянское восстание.

Диктатура в своем осуществлении опиралась на массы городского пролетариата и отчасти на сельскохозяйственных рабочих. Можно вполне объективно утверждать, что большинство пролетариата не только стояло за диктатуру, но и готово было бороться за сохранение диктатуры не на жизнь, а на смерть. Кроме того, с первых же

дней к коммунистам примкнуло много интеллигентов, и при провозглашении диктатуры казалось, что некоторые слои интеллигенции сочувственно относятся к новому строю.

Совершенно неверно утверждение, что диктатура базировалась на националистическом большевизме. С самого своего основания венгерская коммунистическая партия выступила против империалистских грабителей Антанты и провозгласила гражданскую войну и мировую революцию, не становясь притом на сторону ирредентизма. Благодаря этой пропаганде национальное чувство в широких массах превратилось в революционную энергию, что далеко не идентично с националистическим большевизмом. Но несомненно также и то, что некоторым мелко-буржуазным элементам, чиновникам, офицерам старой армии, мерещились, как идеал, прежние границы Великой Венгрии.

В Советах принимали участие социал-демократы и коммунисты. За немногими исключениями, все социал-демократические лидеры приняли участие в Советах и взяли руководящие посты. Объединение социал-демократической и коммунистической партии не обошлось, конечно, без трений, но трудности были преодолены, хотя взаимное недоверие и не могло быть устранено. За исключением нескольких крайних левых социал-демократов, безоговорочно принявших диктатуру, подавляющее большинство этой партии и профсоюзов не могли с начала и до конца диктатуры „переварить“, как они выражались, ее методов. Их поведение уже в начале тормозило успешный ход революции, а впоследствии—стало открыто контр-революционным. На первом заседании Совета народных комиссаров был выделен небольшой революционный политический Совет, в котором большинство составляли коммунисты. Уже на первом этом заседании была установлена база диктатуры. Коммунисты и левые социал-демократы находили, что если пролетариат хочет сохранить за собой диктатуру, он должен уничтожить буржуазный государственный аппарат.

Было постановлено немедленно назначить выборы в советы рабочих, солдатских и крестьянских депутатов и приступить к их подготовке. Во главе сел, городов, округов и комитатов должны были стать комитеты „Директории“. Были решены в принципе социализация предприятий и отделение церкви от государства; был запрещен алкоголь строжайшим образом.

21-го был принят Советом Народных Комиссаров проект образования красной армии. Согласно этому постановлению, сохранялась старая октябрьская армия, которую предполагалось реорганизовать и пополнить вербовкой и добровольцами. В первую очередь имели в виду организованных рабочих. Вооружили будапештский пролетариат и сформировали на фабриках рабочие батальоны. Хотя агитация за образование новой красной армии велась с большим воодушевлением, однако, за исключением тех мест прежней Венгрии, где румыны при оккупации изгоняли крестьян, вербовка имела мало успеха. Зато из этих местностей вышли лучшие батальоны красной армии.

27-го вышел подробный декрет о социализации предприятий, а 28-го — о социализации банков. Первым декретом социализировались все предприятия с свыше чем двадцатью рабочими. Народный комиссариат по социализации объявлялся по соглашению с соответствующим профсоюзом поставить во главе каждого предприятия производственного комиссара, на которого возлагалось ведение дела при содействии и под контролем фабзавкомов. Профессиональные союзы, сохраняя свои прежние функции по охране труда, получали новые задания в связи с экономическим строительством. Декретом о социализации банков конфисковывались казначейские суммы и все прочие вклады. Только суммы на приобретение материалов и для выплаты заработной платы широко отпускались по требованиям, подписанным фабзавкомами. Впоследствии был образован Высший Совет Народного Хозяйства, которому вверялось высшее руководство хозяйством Советской В. Его задачей была борьба с анархией капиталистической экономики и подготовка

социалистического производства и потребления. Профессиональные союзы получили право иметь своих представителей в Высшем Совете Народного Хозяйства. В связи с декретом о социализации вышел и другой декрет, которым признавалось право каждого на работу и которым советское государство принимало на себя заботы о неспособных к труду и о безработных.

4 апреля был опубликован декрет о социализации земли. Согласно главным пунктам его, подлежали социализации все крупные и средние земельные владения вместе со строениями и инвентарем. Карликовые и мелкие наделы вместе с жильем оставались частной собственностью. Управление социализированными латифундиями переходило к сельскохозяйственным производственным кооперативам, члены которых вербовались из сельскохозяйственного пролетариата. Членом кооператива могло быть всякое лицо в возрасте от 16 лет, без различия пола, при условии, что оно будет принимать участие в работе не менее 120 дней в году. Распределение продуктов должно было соответствовать фактической работе каждого члена.

Затем последовали декреты о заработной плате рабочих и чиновников. Рабочие были разделены на 4 класса: 1) квалифицированные рабочие, 2) опытные рабочие, 3) подсобные рабочие и 4) ученики. Ставки были повышены и установлены для каждой категории. Женщины получали за соответственную работу столько же, сколько и мужчины. Старая скала заработной платы была выравнена. Одновременно вводилась комбинированная аккордная и премиальная система. Скала окладов чиновникам не была твердо установлена, но согласно руководящему принципу ставка советского чиновника советского государства не должна была превышать ставки квалифицированного рабочего. В больших городах дома были социализированы, и квартирная плата понижена на 20%. Много зданий было реквизировано и заселено пролетарскими элементами. Было создано особое учреждение, которое распределяло новую и починенную мебель среди нуждающихся. Больницы,

санатории и бани были социализированы. Были организованы летние каникулы для пролетарских детей, и регулирована охрана материнства и младенчества. Рабочее страхование распространено на некоторые новые категории рабочих и на солдат. Все театры и кинематографы, а также все библиотеки перешли в ведение государства. Произведения искусства были социализированы. Было установлено обязательное обучение для детей до 14 лет, а преподавание построено на принципе восьмиклассной школы одного типа. Рабочий университет делился на два отделения: в одном велась подготовка рабочих к дальнейшим научным занятиям, в другом читался курс по управлению государством. При этом пропаганда социализма была признана государственным заданием и организована по всей стране.

Непреодолимым препятствием как при издании, так и при проведении в жизнь этих декретов служило отсутствие единого руководства, иначе говоря, сознательной организованной коммунистической партии. Партийный комитет „Социалистической партии“ (как называлось объединение коммунистической и социал-демократической партий) в первое время совсем не функционировал. Об этом факте свидетельствуют протоколы Совета Народных Комиссаров. Когда там дебатировались вопросы о „вольных ценах“, о терроре, о контр-революции, о создании Красной армии, которые были уже освещены победоносной русской революцией, большинство социал-демократических народных комиссаров высказалось за полную свободу цен и как против применения какого-бы то ни было террора, так и против антиалкогольных законов; и тот факт, что они во всех случаях ратовали за полную амнистию самых опасных контр-революционеров, свидетельствует об отсутствии у высшего органа венгерской Социалистической партии единой воли для укрепления диктатуры пролетариата. Даже когда какой-нибудь декрет и проходил под давлением коммунистов, он встречал при проведении в жизнь самые тяжелые препятствия. Большинство социал-демократических народных ко-

миссаров старалось возбудить общественное мнение даже против тех декретов, которые они сами санкционировали.

Следует далее иметь в виду, что диктатуре приходилось постоянно бороться с громадными внешними затруднениями.

Урожай 1918 г. был самым худшим в В. за последние двадцать лет. Крупные запасы были отобраны союзниками Антанты, главным образом сербами, еще во время Каролюи. При объявлении диктатуры предстояли еще долгие месяцы до нового урожая. Тем не менее можно констатировать, что от начала и до конца диктатуры пролетариат непрерывно снабжался хлебом. И хотя овощи и мясо, — правда, часто второго сорта, — были налицо в достаточном количестве, социал-демократы и профсоюзные бюрократы издевались над пролетарской диктатурой за подобное питание народа. Вначале они выдвигали на вид, что, несмотря на диктатуру, буржуазия все же лучше питается, чем правящий пролетариат; затем, открыто агитируя за демократические иллюзии, они уверяли, что в случае демократического переворота Антанта готова предоставить в нужном количестве жиры, мясо, сахар и мануфактуру. Состоявший под управлением социал-демократов Всеобщий Потребительский Союз, которому Совет предоставил все права и неограниченные полномочия относительно предметов продовольствия, открыто уклонялся от устройства общественных столовых, что оказывало неблагоприятное влияние на настроение рабочих, не ведущих своего хозяйства.

Еще во время режима Каролюи В. находилась под экономическим бойкотом. Четыре с половиной года войны губительно отразились на промышленности. Продукция значительно упала. Одновременно с социализацией предполагалось ввести новую рабочую дисциплину, концентрацию предприятий, а также уничтожить некоторые предприятия для производства предметов не первой необходимости. Это все очень трудные задачи, требующие величайшего напряжения даже тогда, когда во главе стоит организованная и руководящая коммунистическая пар-

тия. Но в данном случае большинство заправил профсоюзов использовало все способы, чтоб запугать массы. Оно внушало, что эта новая рабочая дисциплина, концентрация производства, и уничтожение некоторых предприятий неизбежно приведут к безработице. Несмотря на это, введением в некоторых местах новой аккордной системы и рабочей дисциплины удалось достигнуть увеличения продукции по сравнению с режимом Кароли. Так, например, оружейный завод при 6.000 раб. производил во время войны 800 ружей в день, а на третий и четвертый месяц диктатуры при 3.000 рабочих — 500 ружей.

Диктатура встретила с большими затруднениями в области денежного вопроса. Уже во время диктатуры Австро-Венгерский банк в Вене опубликовал сообщение об истечении срока некоторых старых банкнот. Оно появилось в одном еще существовавшем при поддержке социал-демократов, хотя и под „революционным контролем“, буржуазном листке. Во вторую половину эпохи диктатуры никто не хотел принимать советских знаков, так называемых „белых денег“,*) и хотя это печальное явление частично парализовалось эмиссией сберегательных касс, однако же, недостаток в „добрых старых синих деньгах“ служил для контр-революции могучим орудием агитации. Некоторые крестьянские восстания и отчасти железнодорожная забастовка, имевшие место в июне, были организованы под знаменем борьбы за „синие деньги“ и против советских знаков.

Разрешение крестьянского вопроса было также чревато большими затруднениями. Коммунисты и некоторые социал-демократы на руководящих постах отлично знали, что первой предпосылкой победы диктатуры является правильное взаимоотношение между промышленным пролетариатом и крестьянством. Хотя и велась в этом направлении широкая пропаганда в деревне, которая, если не считать ошибок первого вре-

мени, оказала хорошее влияние, однако, под конец диктатуры возникли в отношении тесного сближения пролетариата и крестьян большие осложнения. Главная причина этих непреодолимых трудностей заключалась в том, что аграрная политика Советов была в корне ошибочна. Вместо того, чтоб следовать урокам и опыту победоносной русской революции и поделить землю между крестьянами, придерживались догматических принципов и прилагали все усилия к рациональному ведению крупного хозяйства для прокормления городского пролетариата. Для этого социализировали латифундии, некоторые крупные и средние имения и создали продовольственные кооперативы. Все же необходимо констатировать, что положение сельскохозяйственных рабочих настолько улучшилось, что его нельзя было сравнить с прежним временем. Несомненно и то, что мелким землевладельцам пытались оказать всяческое содействие. Но широким массам крестьянства диктатура пролетариата не пошла в той степени навстречу, в какой это было необходимо, чтоб она могла в аграрной стране, в стране крупного землевладения, встретить с их стороны должную поддержку. Недовольство крестьян вызвало во время диктатуры пролетариата целый ряд контр-революционных крестьянских восстаний.

Хотя в Вене и образовался центр контр-революционной эмиграции, которая впоследствии, благодаря ограблению венгерского советского посольства в Вене на 140 миллионов крон, располагала и значительными суммами, хотя в Середине, теперь втором по значению городе в В., занятом тогда Антантой — и существовало при поддержке последней постоянное контр-революционное „правительство Хорти“, однако, следует признать, что ни организация этих восстаний, ни их руководство не были централизованы. Вспыхивая там из-за запрещения алкоголя, тут из-за принудительного приема „белых денег“, то из-за реквизиций, то из-за постановлений сельской дирекции, они были хоть симптоматичными, но, за исключением

*) Одна сторона советских банкнотов не имела печатного текста и осталась белой.

„Калочарского¹⁾ восстания“, охватившего несколько округов, во всяком случае местными явлениями. Только за несколько недель до падения диктатуры появились подстрекаемые будапештскими социал-демократическими профсоюзными лидерами массовые волнения крестьян, направленные против принятия „белых денег.“ За исключением Калочарской контр-революции, которая была хорошо вооружена и продолжалась 6 дней, остальные вспышки по большей части подавлялись в несколько часов. В этих столкновениях особенно отличался один из самоотверженнейших и храбрейших коммунистов — Тибор Самуэлли²⁾, который, предводительствуя по большей части незначительными отрядами, успешно справился с крестьянскими восстаниями.

Более значительные размеры приняла поддерживаемая Антантой забастовка железнодорожников, имевшая место в начале июня и продолжавшаяся целую неделю. Хотя лозунгами забастовки были „Долой белые деньги!“ и „Мы хотим работать, а не быть солдатами“, однако, она носила уже чисто политический характер и была направлена против системы Советов. Эта забастовка произошла во время наступления на чешских империалистов, и страна стояла перед опасностью всеобщего прекращения средств передвижения, что повлекло бы за собой

невозможность защиты и военное поражение. Благодаря выступлению революционных рабочих железнодорожных мастерских и кочегаров, а также энергичным мерам, немедленно принятым Самуэлли, удалось локализовать забастовку на небольшой железнодорожной линии на юге и справиться с нею без кровопролития.

Но опаснее всего и значительнее по размерам была систематическая контр-революционная деятельность профсоюзной бюрократии. Стоящий уже более 20 лет во главе Совета венгерских профсоюзов Яссаи с гордостью заявляет в своей книжке, вышедшей в 1925 году, что именно эта деятельность „явилась главной причиной низвержения диктатуры“. В то время, как некоторые профсоюзные вожди честно работали для восстановления производства, большинство профсоюзной бюрократии, состоящее из старых командиров и субальтернов социал-демократии, вели сначала тайно, а затем почти открыто контр-революционную пропаганду и агитацию за демократию среди заводских рабочих и среди рабочих батальонов, находившихся на фронте. С другой стороны, они вели переговоры с Антантой о том, как нисвергнуть диктатуру и захватить власть под лозунгом демократии. Хотя в большинстве профсоюзов коммунистически настроенные рабочие и коммунистические профсоюзные вожди противодействовали этим подвхам с большим или меньшим успехом, однако, эта работа имела весьма разрушительные последствия.

24-го июня, когда красная армия все еще наступала на империалистов, Антанта организовала в Будапеште при посредстве дунайских мониторов и учеников военной школы (старое монархическое заведение, подлежащее как раз реорганизации) строго продуманное вооруженное восстание. Артиллерия „казармы Энгельса“ стала бомбардировать остров, где летом жили коммунисты, а два монитора обстреливали с Дуная „Дом Советов“, вывесив национальный флаг и провозгласив лозунг: „Да здравствует социал-демократия“. Ворвавшись на центральную телефонную станцию, юнкера забаррикади-

¹⁾ Калоча — провинциальный город.

²⁾ Самуэлли Тибор, (Szamuely), род. в 1890 г. в Ниредьхазе. Принимал участие в студенч. движении и по окончании образования стал членом соцдем. партии и сотр. „Непсава“. В 1915 г. попал военнопленным в Россию и работал на Урале на Надежденск. зав. В 1918 г. перешел в Москву, где совместно с Бела Куном организует венгерские красные отряды и редакт. изд. на венг. языке „Szociális forradalom“ („Социал. Революция“). Начальник т. н. „Венгерской национальной армии“, во главе которой принимает участие в подавлении восстания левозеросов и других контр-революц. восстаний в России. Возвратившись в январе 1919 г. в Будапешт, берет на себя редактирование единств. органа только-что созданной венг. компартии: „Vörös Újság“ („Красная газ.“) и принимает активное участие в комму. пропаганде и агитации среди венг. рабочих и солдат. Арестованный дважды, просидел в тюрьме до завоевания власти пролетариатом 19/II 1919 г. В правят. венг. совет-республики работал в качестве замест. военного комиссара, Наркомпроса, комиссара по жилищным делам, председателя ЧК. После разгрома советской власти в В. бежал на автомобиле, но по пути 2/VIII был убит. С. был одним из самых энергичных и стойких борцов революции. Одно имя его и появление вносило смятение в ряды врагов венг. пролетариата.

ровались там и еще в одной казарме. Они рассчитывали на помощь социал-демократов, которая будто бы им была обещана через одного народного комиссара. Но вооруженный будапештский пролетариат справился в несколько часов и с этим контр-революционным восстанием.

В Сегедине с апреля месяца образовалось контр-революционное правительство, во главе которого стоял Хорти. Хотя Антанта занимала город и поддерживала это правительство, оно было совершенно бессильно и неспособно ни на какую активность. Однако, у него были отличные связи с кадровыми офицерами Красной армии. Когда Красная армия отошла назад после победоносного наступления в Чехословакии, это правительство привлекло на свою сторону нескольких старых специалистов Красной армии. Последствия этого сказались при неудаче наступления на румынском фронте.

Несмотря на все эти трудности, Красная армия совершила победоносный поход против чехословацких империалистов, которыми сначала руководили итальянцы, а затем французы.

До 1-го мая военный комиссариат безуспешно старался реорганизовать старую армию режима Карольи, состоявшую из lumpenпролетариата и контр-революционных *секлеров*, и только изредка ему удавалось влить в нее новые части. Уже при Карольи, но главным образом во время диктатуры, чехословацкие, румынские и сербские империалисты продвигались с каждым днем вперед и занимали все новые местности В. Они перешли провозорно установленную мирным договором демаркационную линию. Чехословаки заняли Мишкольц, югославы Печ, лежащий в угольном районе, а румыны дошли до Тиссы. Это произошло почти без сопротивления. Дезорганизованная еще при Карольи армия не поддавалась никакой дисциплине и за очень немногими исключениями очищала лучшие позиции, можно сказать, без единого выстрела. Правда, в середине апреля было набрано в Будапеште и вооружено двадцать пять рабочих батальонов, но их оставили в городе для борьбы с контр-революцией и не посы-

лали на фронт. В действующей армии не было и хорошего командного состава, так как кадровые офицеры очень скоро принялись за саботаж. 15-го апреля было решено учредить курсы для надежного пролетарского командного состава, но эта школа оказалась не в состоянии удовлетворить потребность в командирах в столь короткий срок. Не хватало также энергичных, дисциплинированных политических комиссаров. В середине апреля румынские империалисты подготовили генеральное нападение на советскую В. Их конечной целью был, повидимому, Будапешт. Наступление началось одновременно с севера, востока и юга. Первого мая Красная армия была окончательно разбита, и отступление было таким паническим, что уже нельзя было предотвратить гибель армии. Прославленные, как храбрейшие и боеспособнейшие, войска режима Карольи, секлеры, которых коммунисты считали контр-революционными, сдались румынам.

Пролетариат праздновал 1-е мая с небывалой до тех пор пышностью. В „красном Будапеште“ манифестировало 200.000 рабочих и 25 рабочих батальонов. А в этот же день Красная армия была совершенно разгромлена. Главнокомандующий Красной армией сообщил в эту же ночь в Совете народных комиссаров, что румыны перешли Тиссу, что вооруженные красные войска бегут к Будапешту, и что после перехода Тиссы, являющейся естественной и лучшей защитой Будапешта, серьезная оборона города станет невозможной. Он предлагал сейчас же отправить к румынам парламентариев для заключения немедленного перемирия. Предложение встретило сочувствие. Но присутствовавшие на заседании коммунисты советовали обратиться к вооруженному пролетариату с предложением отправиться на фронт для защиты диктатуры. Главнокомандующий, социал-демократ Вильгельм Бём, энергично протестовал против этого „революционного романтизма“ и сослался на прецедент, имевший место 19-го апреля, когда такое же обращение к пролетариату осталось без всякого результата. Наконец, приняли решение созвать командиров будапешт-

ских пролетарских батальонов и на этом собрании выяснить настроение будапештского пролетариата. Но коммунисты решили между собой в ту же ночь, что они даже против воли социал-демократов еще призвуют на всех предприятнях пролетариев к защите диктатуры.

Тут же было назначено на следующе утро заседание Совета народных комиссаров. На этом заседании все социал-демократы без исключения требовали передачи власти временной комиссии, составленной из представителей профсоюзов. Присутствовавшие коммунисты, Кун, Ландлер, Погань, Санто и Самуэлли, требовали немедленного призыва пролетариата к спасению диктатуры. Представители профсоюзов тоже совещались рано утром о положении дела. Были приглашены делегаты разных предприятий. Одни требовали немедленной передачи власти. Другие, напротив, указывали на препятствия, которые подобное решение встретит со стороны пролетариата. Совещание разошлось, не приняв никакого решения. Зато его делегация появилась на заседании Совета народных комиссаров. И к величайшему удивлению социал-демократических комиссаров делегация присоединилась к предложению коммунистов. Под этим давлением большинство Совета народных комиссаров постановило обратиться к пролетариату.

Два часа спустя Баяки¹⁾ и Ландлер²⁾ выступали на собрании делегатов от металлистов, численностью в 1.200 человек. Они описывали тяжелое

¹⁾ *Баяки*, Франц (Bajaki), профсоюзный деятель, с 1917 г. — секретарь и с 1918 г. член президиума союза металлистов, во время диктатуры — народный комиссар социал. производства. После крушения советской власти был арестован и после обмена приехал в Россию. В настоящее время член ВКП (б) и работает у станка.

²⁾ *Ландлер*, Евгений (Landler), лидер венг. рабочего движения. Один из организаторов первой крупной стачки (железнодорож.) в 1905 г. и забастовки трамвайных работников в 1907 г. После закрытия профсоюза железнодорожников организовал нелегальный союз. В 1918 г., во время войны, на большом митинге рабочих перед парламентом призывал к забастовке и был арестован. Во время диктатуры был нар. комиссаром внутренних дел и командующим Красной армией. После свержения советской власти эмигрировал. В настоящее время — один из руководителей венгерского коммунист. движения.

положение и требовали, чтоб будапештские рабочие немедленно шли на фронт для защиты диктатуры. Говорили и некоторые делегаты, и, несмотря на запугивания появившегося позднее главнокомандующего, собрание с огромным воодушевлением приняло резолюцию призвать рабочих всех предприятий к спасению диктатуры и немедленно послать на фронт новые рабочие батальоны. А созданное в то же время совещание командиров рабочих батальонов большинством голосов отклонило после речи Бёма проект отправления на фронт будапештских рабочих батальонов.

В тот же вечер Совет рабочих депутатов после реферата Бела Кун (см. XLI—I ч., „Деятели СССР и Окт. рев.“, 260) постановил единогласно и с величайшим воодушевлением предложить пролетариату отправиться на фронт и немедленно послать туда же половину членов Совета рабочих депутатов в целях пропаганды.

3-го мая на рассвете несколько коммунистических лидеров стали обходить заводы и приглашать рабочих выступить на защиту диктатуры, и уже в то же утро в казармах собрались десятки тысяч рабочих. Шестнадцатилетние мальчики, шестидесятилетние старики соперничали с инвалидами войны. Революционный будапештский пролетариат чувствовал, что он теряет. Каждый день формировались новые полки, новые маршевые роты. В несколько дней была создана новая артиллерия. Шесть хорошо обмундированных и вооруженных полков и два батальона были подготовлены к походу и в течение пяти дней отправлены на фронт. Формирование продолжалось. Боеспособная, сильная, победоносная Красная армия Советской Венгрии была создана, в полном смысле этого слова, в течение нескольких дней.

Одновременно набирались и экипировались в тылу новые крестьянские полки. Корпусными командирами были назначены коммунисты. В несколько дней Красная армия обогатилась командирами и самоотверженной революционной гвардией из комиссаров. Глав-

нокомандующим был назначен Бём*), его заместителем—Кун, а начальником генерального штаба—Штрэмфельд.

В это время Красной армии угрожали на юге четыре сербских дивизии, три батальона французской пехоты и шесть эскадронов французской кавалерии; на востоке—пять дивизионов румынской пехоты и один дивизион кавалерии, а на севере—четыре чехословацких дивизиона. Можно было предвидеть, что враждебные войска в ближайшие дни предпримут наступление. Но советское правительство должно было само начать нападение, так как этого настойчиво требовали как рабочие, так и крестьянские батальоны, и, учитывая стратегическое положение, оно решило наступать на чехословацких империалистов.

Первоначальный план состоял в том, чтоб начать нападение от Шальготаряна к востоку на Рутку и к югу на Пожонь (Братислава). Первый шаг неожиданно увенчался крупной победой. Две третьих Красной армии было сконцентрировано под Шальготаряном. Два батальона под прикрытием артиллерии начали наступление, и через сорок восемь часов чехословаки были отброшены за демаркационную линию. Тут же выяснилось, что советская артиллерия значительно превосходит империалистическую. Первая победа тем сильнее воодушевила рабочих и крестьян, что была достигнута без значительных потерь.

На следующий день был получен приказ: „остановиться на демаркационной линии“, принятый войсками с величайшим возмущением. Причиной этого приказа было полученное штабом Красной армии тайное сообщение, что французы замышляют нападение со стороны Сегедина. Хотя это казалось маловероятным, и некоторые коммунисты протестовали против этого приказа, однако, главные силы были оттянуты от Шальготаряна и переброшены на юг. Другая часть армии, 3-й армей-

ский корпус, был перегруппирован, и предполагалось начинать наступление на север. Этот план предлагали и раньше, но тогда высшее командование доказало, что хотя он имеет политическое значение, зато стратегически он бесполезен и опасен, так как, с одной стороны, это может повести к соединению чехов с румынами, а с другой, даже в случае победы красных войск, не гарантирует уничтожения чехословацкой армии. А если бы остановились тогда на первоначальном плане, северный фронт чехов был бы разбит, несмотря на то, что там были сосредоточены их главные силы.

Несмотря на эти неблагоприятные условия, 3-й корпус предпринял 19-го мая наступление и нападением с фронта победоносно взял Мишкольц, один из главных городов В. Но этот корпус, состоявший, главным образом, из фабричных рабочих, был поставлен в тяжелое положение. Через три дня оправдалось предположение, что это наступление должно повести к соединению румынских и чешских сил, так как на этой линии фронта их интересы становились общими. Уже 23-го числа румыны и чехи предприняли общее контр наступление. Во время этого нападения часть батальона рабочих почтовых учреждений была уничтожена, другая взята в плен и перебита, полк судостроительных рабочих был стерт с земли. Пянка охватила 1-ю дивизию, состоявшую из одних только рабочих, и они в беспорядке покинули фронт. Были приложены все усилия для восстановления порядка, и 3-я бригада, состоявшая из мишкольцских крестьян, а также самостоятельный батальон строителей рабочих и тотчас же вооруженные мишкольцские железнодорожники отбили нападение и храбро перешли в успешное наступление против в десять раз более численного врага. Но победа эта обоилась дорого. Единственный коммунистически настроенный генштабист, бывший полковник Керекеш, начальник штаба 1-ой дивизии, предсказал это обстоятельство в своем меморандуме еще до наступления; он предостерегал против того, чтоб возлагать на вновь организованные революционные рабочие батальоны

*) Бём, Вильгельм (Böhm), соц.-демократ, по профессии механик. С 1905 г. — член комитета Венг. соц.-дем. партии. Во время режима Кароля — статс-секретарь в министр. военных дел. Во время диктатуры — член ком. социализации, потом главнокомандующий Красной армии. После свержения диктатуры крайний левый социал-демократ.

тала, и что она не выдержит нового напряжения. Этим он добился того, что замена фронтовиков рабочими с предприятый стала невыполнима. Пока он действовал в этом направлении, а Клемансо выступил с предложением мира, социал-демократы согласились на назначение Поганя корпусным командиром правого крыла армии. Но в это время, после ноты Клемансо, отступление войска было уже совершившимся фактом.

Красная армия отвоевала обратно у чехословацких империалистов 2.835 квадратных километров и на время сосредоточила на Советской Венгрии внимание победоносных империалистических грабителей; она отчасти приняла на себя удары, предназначавшиеся Советской России, и даже до известной степени отразила их. Моральная победа Красной армии была значительнее, чем стратегическая. Антанта питала сильнейшие опасения, что большевизм заразит всю Среднюю Европу. Она стояла тогда перед Сен-Жерменским и Версальским миром. Из перехваченных радио можно было установить, что „союзники не могут рассчитывать ни на какую военную поддержку со стороны Антанты“.

При таких обстоятельствах Высший Совет Антанты в Париже счел наилучшим вступить на дипломатический путь. 13-го июня Клемансо по телеграфу обратился к председателю Совета Народных Комиссаров с нотой, в которой сообщалось, что, так как разрабатывается вопрос об установлении границы, Антанта предлагает Венгрии, Чехословакии и Румынии немедленно прекратить войну. Оперирующей на чехословацкой территории венгерской армии предлагается отступить свои силы в Венгрию. Если венгерская армия в течение 4 дней, начиная с 14-го июня, не выполнит означенного требования и не прекратит военных действий, то Антанта вместе со своими союзниками примет соответствующие меры для обеспечения мира. Румынские войска будут отозваны в тот самый момент, когда венгерские войска очистят Чехословакию.

Среди коммунистов было два течения. Одни предлагали решительно отвергнуть ноту и вызвать в массах такое

настроение, которое позволило бы поднять значительно понизившуюся во время походов боеспособность Красной армии. Другие же держались мнения, что следует вступить в переговоры и затягивать их по возможности, не прекращая, однако, наступления. Социал-демократы же смотрели на ноту Клемансо, как на желанное орудие для подавления советской власти. Тем не менее было решено наступать, но верховное командование прибегло к саботажу и пользовалось каждым не увенчавшимся немедленной победой движением Красной армии, чтоб доказать, что она потеряла свою наступательную энергию, и что поэтому следует немедленно заключить мир. С 13-го по 24-е июня, когда официально были прекращены военные действия, и вплоть до 30-го июня, когда вышел приказ об отступлении, главнокомандующий Бём и его соратники систематически дезорганизовывали армию агитацией, приказами и распоряжениями и намеренно свели ее боеспособность к минимуму. Пропаганда „мира, ведущего к установлению социализма при помощи Клемансо“, была так широко поставлена, что поражение обуяло массы. Эта беспрепятственная агитация довела до того, что 30-го июня советской власти не оставалось ничего, как дать приказ об отступлении.

С этого момента боеспособность красной армии стала падать с каждым днем. Обман Клемансо выяснился спустя несколько дней. Даже телеграммы с требованием, чтоб румынские войска очистили венгерскую территорию, оставались без ответа. Главнокомандующий Бём подал в отставку, но таковая не была принята, и ему был только дан отпуск по болезни; тем не менее он оставался на своем посту до 21-го июля и продолжал свою разрушительную работу. Профсоюзная бюрократия поддерживала его теперь открыто. Дезорганизующими лозунгами были: „демократия“, „мясо“, „жиры“ и „вино“. Начальника генерального штаба, талантливое Штромфельда, увольняют и назначают на его место совершенно непригодного для такого ответственного поста полковника Жюлье. До отставки Бёма был выпущен приказ по армии, который не только окончательно восста-

новлял права кадровых офицеров, но и был смертельным ударом для авторитета диктатуры. Командирам давалось право немедленно арестовывать политических комиссаров, которые попытались бы вмешиваться в военные операции, и принимать против них всяческие меры. Хотя этот приказ был отменен спустя некоторое время по настоянию коммунистов, однако, он как бы давал указание кадровым офицерам, что они могут открыто продолжать свою контр-революционную пропаганду. Рабочие массы, перед котор. в июле впервые серьезно стал продвигаться вопрос и которым сулили помощь Антанты, постепенно подпали под влияние профсоюзной бюрократии, которая открыто вела переговоры с представителями Антанты о передаче ей власти. Имевшая еще перед тем место реорганизация Совета рабочих депутатов привела к тому, что во главе его стали два контр-революционных профсоюзных руководителя, Вельтнер ¹⁾ и Миакич. ²⁾ Путь профсоюзной бюрократии на партийном съезде увенчался успехом. Боканьи, ³⁾ самого старого руководителя социал-демократической партии, исключили из партийного комитета за его пламенную речь в защиту точки зрения коммунистов против политики социал-демократов. Робкая попытка организовать при этих обстоятельствах коммунистическую партию так и осталась попыткой. Наиболее способные коммунистические деятели были на фронте, и потому некому было работать в тылу.

¹⁾ *Вельтнер*, Яков (Weltner) — соц.-демократ. Род. в 1874 г. Деревообделочник. В 1894 г. — ред. органа профсоюза деревообдел. С 1898 г. — секретарь Венг. соц.-дем. партии. Во время диктатуры не нес никакой ответствен. работы и занимал оппозиционную позицию.

²⁾ *Миакис*, Франц (Miakits) — соц. демок. Секретарь профсоюза металлистов. Во время диктатуры вел тайные переговоры с буржуазным правительством Бегедана. Во время белого террора, после свержения диктатуры, занимал пост статс-секретаря в минист. торговли.

³⁾ *Боканьи*, Дезидериус (Bokányi) — коммунист. Род. в 1871 г. По профессии каменщик. С 1891 г. — член исполкома Венг. социал-демок. партии. До мировой войны — лучший агитатор и участник всех международных конгрессов. 10 лет провел в разных тюрьмах за социалист. деятельность. Во время диктатуры — наркомтруда, член презид. Будапештского совета, коркомандант. После свержения советской власти арестован и приговорен к смертной казни, но после обмена приехал в Россию. Он был одним из общественных обвинителей в процессе социал-революционеров.

В результате усилий Куна, Варги, ¹⁾ Ленгеля, ²⁾ Баяки и революционного меньшинства было достигнуто только то, что бюрократия не решилась открыто выступить против диктатуры.

При этих обстоятельствах произошло наступление Красной армии на румын. Было много серьезных доводов против него. Но решение, постановившее наступление, опиралось на следующие веские основания: 1) крестьянские полки были выбиты румынами из провинций, которые, согласно ноте Клемансо, подлежали очищению; 2) контр-революционная пропаганда действовала растлевающе; 3) были получены точные информации, что 23-го июля румыны предпримут наступление на Будапешт.

20-го июля ночью Красная армия двинулась вперед с трех пунктов на Тиссе: у Солнока, Чонгра и Токая. Вышший главнокомандующий Бём уехал на следующий день в Вену, в качестве посла Советской Венгрии.

Командование принял Ландлер, который до этого командовал корпусом, оперировавшим на чехословацком фронте. Утверждали с разных сторон, что будто бы начальник генерального штаба Жюлье выдал план румынского наступления. Но точных доказательств пока не установлено. Несомненно только одно: наступление главных сил на Тиссе блестяще удалось. Хотя переход у Чонграда и Токая был не так успешен, тем не менее центр двигался вперед в течение трех дней. На третий день оставалась в запасе еще одна дивизия, но офицеры лучших крестьянских полков потребовали отступления и, несмотря на все усилия коммунистов, им удалось привлечь солдат на свою сторону. Надо, однако, признать, что как командование, так и экипировка румынской армии стояла выше чехословацкой, и что боеспособность Красной

¹⁾ *Варга*, Евгений (Warga) — известный венг. экономист. Род. в 1879 г., был пекарем. Самоучка. Впоследствии стал учителем в коммерч. училище. Состр. центр. органа Венг. соц.-демок. партии и целого ряда социалист. журналов. После буржуазной революции в 1918 г. получает кафедру политич. экономии будапештского унив. Во время Советской власти был нар. комиссаром финансов, нар. комисс. социализаций и потом председателем В. С. Н. X. После крушения бежал. В настоящее время член совета русского торгпредства в Берлине. (ср. XLVII, *истор. деятели*, 14)

²⁾ *Ленгель*, Юлиус (Lengeyl) — коммунист. Во время диктатуры — нар. комиссар финансов. В настоящее время председ. правл. Русскерторга в Берлине.

армии на этот раз была ниже, чем в боях против чехов. Не оставалось никакого другого выхода, как отступить, и отступление прошло в полном порядке. Румыны не преследовали Красной армии. В дальнейшем предполагалось снова реорганизовать красные войска и бросить их на защиту тисской армии.

Между тем, венский посланник вел с Антантой переговоры в контрреволюционном духе и немедленно сошелся с контрреволюционным вождем эмигрантов Гарами,¹⁾ который еще раньше вступил в такие же переговоры с Антантой. Одновременно также постарались распространить слух на фронте и в тылу, что в случае переворота Антанта готова сохранить все социальные завоевания и согласно своему обещанию предоставить продовольствие для венгерских рабочих. Позаботились и о том, чтоб распространить панику в Будапеште сообщением о захвате в плен всей Красной армии и разгласить на фронте ложные известия о переходе власти в руки социал-демократов. Старания коммунистов противодействовать нарастающему настроению умов были уже бессильны.

Через два дня после отступления, румыны двинулись вперед. Можно было противопоставить им только отдельные части Красной армии. Перегруппировка артиллерии только что началась, и для отражения румынского нападения были налицо только незначительные боевые силы. Некоторые части, как-то лучшая 6-я дивизия и 1-й будапештский красный полк, отказались повиноваться. Они заявили, что они больше не желают воевать. 29-го на фронте ни в командном, ни в административном составе не было уже ни одного социал-демократа. Только несколько коммунистов работали еще на фронте, пытаясь организовать контрнаступление. 3-го мая действительно произошла атака, и удалось загнать румын за Тиссу, но в двух местах румыны легко прорвали фронт. О новом 2-ом

мае при создавшемся тогда благодаря пропаганде социал-демократов настроении нельзя было и думать. Собравшийся 30-го утром Совет Народных Комиссаров постановил передать власть социал-демократическим руководителям профсоюзов, составившим министерство во главе с Пейдлем.²⁾ Днем Рабочий Совет присоединился к этому решению. Диктатура пролетариата пала.

Диктатура венгерского пролетариата не была экспериментом отдельных личностей, она была естественным, самым ярким революционным созданием всего венгерского рабочего движения. Она глубоко потрясла имущественные отношения, пролетариат сделался действительно правящим классом и, несмотря на тяжелые условия, несмотря на гражданскую войну и на героическую борьбу с империалистическими хищниками, она оказалась в состоянии заложить предпосылки для постройки социалистического здания. Несмотря на все свои слабые стороны, она остается величайшим подвигом венгерского пролетариата.

Опыт венгерской советской власти доказал пролетариату всего мира, что закрепление диктатуры немислимо без единого руководства коммунист. партии. В. переживала исторический момент, когда правящие классы были уже не в состоянии управлять и когда захват политической власти пролетариатом стал как бы естественной необходимостью. Было бы совершенно непонятно, если бы коммунисты отказались тогда принять власть. Но не было диктатуры единой коммунистической партии, и в этом основная причина поражения революции. Все недочеты и ошибки венгерской диктатуры в конечном счете вытекают из этого. Ошибки при диктатуре неизбежны. Но совершенно исключается возможность исправить эти ошибки без руководящей коммунистической партии. Ошибки при организации пролетарского государства, крас-

¹⁾ Гарами, Эрнест (Garami) — соц.-демокр. Род. в 1878 г. Механик. С 1898 г. — гл. редактор центр. органа и член центр. комит. Венг. соц.-демокр. партии. Во время режима Кароля и — министр торговли. В первые дни диктатуры эмигрирует и возвращается только после ее свержения. Участвует в позорном Пейдловском министерстве. Потом опять эмигрирует.

²⁾ Пейдль, Юлиус (Péidl) — соц.-демокр. Секретарь, а потом председ. профсоюза печатников. С 1913 г. — член и. комит. Венг. соц.-дем. партии. После свержения диктатуры возглавлял правительство в течение 12 дней, пока это правительство не было свергнуто вооруженной шайкой белогвардейцев во главе с Фридрихом. В настоящее время председ. соц.-демокр. фракции венгерского парламента.

ной армии, социализации и проч. могли бы быть исправлены, если б во главе советской власти стояла одна только коммунистическая партия. За отсутствием такого единства власти все промахи, неизбежные в начале даже при самых благоприятных обстоятельствах, стали не только непоправимы, но благодаря злостным проискам социал-демократов опорочили самый принцип диктатуры и тем помогли подорвать ее. В корне ошибочную аграрную политику венгерской советской власти, то обстоятельство, что эта политика, несмотря на имевшиеся с самого начала данные, не была изменена, и земля не была поделена между крестьянами, следует, в конечном счете, приписать опять-таки отсутствию единого руководства организованной, массовой революционной партии.

У. Современная В. Белый террор.

Правительство Пейдля могло держаться только 12 дней. Оно тотчас же предложило румынам заключить перемирие и немедленно разоружило пролетариат, так как представители Антанты обещали ему, что румыны отступят. Росчерком пера оно восстановило власть капиталистов и аннулировало постановления Советов. Оно выразило готовность вступить по настоянию Антанты в коалицию с буржуазными политиками.

Между тем, несмотря на приказ Антанты, румынские войска маршировали на Будапешт. Они разоружили Красную армию и красную милицию и расхитили и разграбили столицу В., которая сдалась без сопротивления. В арестах и зверствах, имевших место в Будапеште, также сильно помогали румынские патрули. Стефан Фридрих устроил свой путч при непосредственной поддержке румын. Несколько совершенно незначительных политических деятелей появились в здании министерства, где в это время заседал совет министров правительства Пейдля. Они потребовали именем нации, чтобы правительство немедленно подало в отставку, и объявили его арестованным. Правительство Пейдля не сопротивлялось. Тут же эрцгерцог Иосиф Габсбургский был объявлен правителем,

а Стефан Фридрих — председателем совета министров.

Одновременно была организована под протекторатом Антанты из офицеров старой армии сегодинская национальная армия, которая отправилась в задунайскую область и произвела там самые невероятные зверства. Уже в первых числах августа были казнены, брошены в озеро Балатон, сожжены и расстреляны 200 рабочих, мещан и красноармейцев. В своей книге „Белый террор в В.“, появившейся в Вене в 1920 г., Иосиф Погань пишет след.: „Во время белого террора В. превратилась в ужасную тюрьму, в тюрьму, в которой чахли сорок тысяч пленных и заключенных. В. превратилась в массовое кладбище, где было зарыто шесть тысяч трупов убитых людей. В. превратилась в грандиозный морг, где валялись сотни неизвестных и до неузнаваемости изуродованных покойников. В. превратилась в необозримый лес виселиц, тянувшийся вдоль городов и деревень, в грандиозный застенок, в котором бесследно похоронены все ужасы пыток, все предсмертные крики сотен и тысяч замученных“.

Передавали об ужаснейших жестокостях, о массовых убийствах, разбойничьих нападениях, грабежах, кровавых банях, „актах справедливой мести“ и „народных судах“. Исполнителями были офицеры и унтер-офицеры национальной армии, которыми руководил Хорти. Лозунги гласили: „за отечество“ и „против жидов и большевиков“. Тысячи красноармейцев, рабочих, крестьян и евреев были убиты после ужасных, длившихся по несколько дней, пыток; тысячи были брошены в темницы, подвергнуты мученьям, искалечены, ограблены и изгнаны из В. После четырех месяцев белого террора уже насчитывали шесть тысяч убитых, сорок тысяч арестованных, восемьдесят тысяч эмигрантов и тридцать тысяч изгнанных из деревень.

Румыны не занимали задунайской В.; самые же ужасные зверства имели место именно там. Хотя случаи исчезновения, случаи вытаскивания людей из Дуная были часты не только в задунайской области, но и во всей В., а в особенности в Будапеште, хотя в

самом Будапеште в течение нескольких недель арестовали и варварски мучили 20 тысяч пролетариев, пока они не прибегали к „самоубийству“, но в задунайской области белый террор достиг своего апогея. Когда в середине ноября румынские войска очистили В., и туда вступила „национальная армия“, В. превратилась в полном смысле этого слова в массовую тюрьму, в массовое кладбище, в массовый концентрационный лагерь. Итальянская делегация, обследовавшая в 1920 г. венгерские тюрьмы, удостоверяет, что венгерский белый террор может быть сравним разве только с ужасом режима Тьера после французской коммуны, при чем венгерские жестокости по грубости, по садическим приемам значительно превосходят белый террор во Франции (допросы, на которых прижигали „сигарами“, насилия целой роты над женщиной, ломанье костей, подвешиванье за ноги, привязыванье к хвостам лошадей и т. п.). То же самое, только в других выражениях, подтверждает и делегация английской рабочей партии.

Не только были запрещены и сожжены произведения Маркса и Энгельса, но в перечень недовольных изданий, состоящий из 179 названий, вошли и такие книги, как, например, книга Масарика о марксизме, Сигмунда Энгеля „Охрана покинутых и незаконных детей“ и т. п., в том числе и некоторые стихотворения Петёфи. И не только в магазинах, но и у частных лиц и в общественных библиотеках высеживают эти книги, конфискуют их и сжигают. Уничтожают типографии даже буржуазных газет; устраивают в продолжение нескольких недель еврейские погромы в университете и в средней школе; исключают из школ десятилетних детей за „антипатриотическую большевистскую ориентацию“, а семидесятилетних приговаривают к 15 годам тюрьмы.

У кормила белого террора стоит сам Хорти. Он дает указания и поощряет своих лучших офицеров, которые отрядами ходят из деревни в деревню и творят всякие ужасы. В Будапеште организуют „летучие отряды студентов и учеников высшей технической

школы“, а также союз „пробуждающихся венгров“, который разветвляется филиалами по провинции и устраивает погромы, покушения с бомбами и всяческие разрушения, превосходя по жестокости даже офицеров.

При вступлении национальной армии в Будапешт Антанта утверждает министром-премьером христианина социалиста Карла Хусара, и так как она еще перед тем принудила эрцгерцога Иосифа Габсбургского подать в отставку, то верховная власть остается за Хорти. Так как по приказу Антанты Хорти признал всеобщее избирательное право в принципе необходимым, то социал-демократы вступают в правительство. На ряду с „народными судами“, с каждым днем расширяющими свою кровавую деятельность, выступают государственные ускоренные чрезвычайные суды, которые в час выносят дюжинами смертные приговоры, и против которых нет никакой защиты. Вздергивают на виселицу таких самоотверженных социалистов, как Отто Корвин¹⁾, Кои-Керекеш²⁾, Евгений Ласло³⁾, Латинка⁴⁾, Оскар Левай Кра-

1) *Корвин, Отто (Korvin)*, род. в 1894 г. в Нагбачо. С 1916 г. участвует в венг. профес. движении. Во время мировой войны участник и руководитель нелегального антиимпериалист. движения. После разгрома этой группы беспрерывно продолжает свою деятельность до конца войны. Один из организаторов покушения на Тисса, соверш. в 1918 г. Левай Один из основоположителей венг. коммунист. партии. Во время диктатуры участвовал в создании красной милиции. Организует Чрезвычайную комиссию и является ее начальником. После свержения советской власти попал в руки белых палач. Я и испытал неслыханные пытки. Казнен 29/XII—1919 г.

2) *Кои-Керекеш, Арпад (Koi-Kerekes)*, род. в 1891 г. Коженин. Бывший военнопленный в России. Участвовал в Москве в уличных боях во время революции, проходил кремлевские курсы красных командиров. Возвратился в Венгрию вместе с Бела Куном. До захвата власти организует военные отряды комму. партии. Во время диктатуры—чисткомиссар отряда. Казнен 29/XII—1919 г.

3) *Ласло, Евгений (Lasklo)*, — руководитель венг. студенч. движения в 90-х г. и участник соц.-демокр. движения. Отр. центр. органа Венг. соц.-дем. партии „Нешаса“. До войны исключен из партии за левую оппозицию. Один из основоположителей венг. комму. партии. Во время диктатуры — полит. комиссар революц. трибунала. После свержения сов. власти был казнен 29/XII—1919 г.

4) *Латинка, Александр (Latinka)*—старый деятель венг. рабоч. движения. Находился на левом крыле соц.-демокр. партии. Во время режима Кароля правительств. комиссар в комитете Шомоги. Тут он возглавляет крестьянское движение. Захватывая крупные латифундии и выгоняя помещиков, организовал первую сельско-хозяйственн. комму. Во время диктатуры оставался там-же комиссаром. После свержения сов. власти был белыми привязан к хвосту лошади и замучен.

подобные задачи, которые даже в случае успеха должны были повлечь за собой огромные потери, ослабляя тем боевое настроение рабочих и питая в тылу происки контр-революции. Профсоюзная бюрократия действительно распространила слух, что вся армия разгромлена, и позаботилась о том, чтоб омрачить радость пролетариата, царившую в Будапеште по случаю победы.

Однако, спустя два дня рабочие полки снова пошли в наступление, но им удалось достигнуть только незначительных успехов и то с большими потерями. Коммунисты принуждены были выступить и энергично потребовать, чтоб дальнейшим „тайным сведениям“ был положен конец, так как выяснилось, что французы окопались и не думают ни о каком нападении. Наконец, 30-го мая были отправлены назад на фронт два дивизиона и одна бригада, и началось новое наступление, на этот раз против чешских и румынских войск. С этого момента начался длившийся много недель победоносный поход Красной армии.

Главные неприятельские силы были сломлены. В течение двух недель были взяты: Хидашнемети, Сиксо, Кашша, Эпереш, Бартфа, Серенч, Зольом, Шаторалульхель, Левк, Римасомбали, Лощонц, Шельмед, Корпона, Надьшурьян и т. д., и победоносная Красная армия вплотную подошла к старой венгерской границе. Так же и на другом фронте был временно занят Эршекуйвар, и Красная армия угрожала Пожонь (теперешний Братислав), главному городу Словакии.

Таким образом, Красная армия отобрала у чешских империалистов для Советской Венгрии большую часть старой территории. Румыны тоже были отброшены за Тиссу, и этим предотвращено соединение румынских и чешских империалистических армий.

Центр Красной армии непрерывно продвигался вперед. Правое крыло, находившееся под непосредственным руководством верховного командования, и начальником штаба которого был бывший полковник, контр-революционер Краненброк, не могло угнаться за таким темпом. Оно мешало продвижению

центра и левого крыла и было причиной нескольких маленьких временных поражений и довольно значительных потерь. Этим воспользовалась профсоюзная бюрократия и старалась ложными сведениями о небывалых потерях омрачить радостное настроение будапештских рабочих по случаю победы. Та же агитация была перекинута и на фронт, главным образом в рабочие батальоны. Коммунисты непрерывно настаивали на том, чтоб правое крыло было отдано под команду коммуниста. Кун ежедневно требовал назначения корпусным командиром правого крыла Погана¹⁾. Но главнокомандующий Бём и социал-демократы противились этому из опасения, что тогда Красная армия очутится целиком в руках коммунистов. Корпусным командиром центра был Ляндлер; политическим комиссаром у Тиссы — Ваго²⁾, пятой дивизии — Лукач³⁾, шестой дивизии — Мюнх⁴⁾; заместителем главнокомандующего был Кун, народным комиссаром на фронте — Санто⁵⁾, комиссаром тыла — Самуэлли. Социал-демократы всеми силами препятствовали назначению другого командира правого крыла. Вялое состояние этих частей должно было вызвать пассивистские и пораженческие настроения; Бём организовал делегации от рабочих полков, требовавшие заключения мира (ни один крестьянский полк не пошел на это). Он непрерывно уверял в Совете Народных Комиссаров и в Рабочем Совете 150-го Комитета, что армия ус-

¹⁾ Погань (Pogány, Josef) (см. XLVII, Иностр. деятели, 65) в рабочем движении участвовал с 1906 г. Один из редакторов центр. органа соц.-демокр. партии с 1911 г. Во время буржуазной революции в 1918 г. — председатель совета солдат, депутат и вместе с Ляндлером лидер левого крыла соц.-демокр. партии. Во время диктатуры — член Ц. К. партии и наркомвоен., а потом наркомпроса и одновременно наркомкомандит. В настоящее время находится в Москве и работает в И. К. Коминтерна.

²⁾ Ваго, Бела (Vágó), коммунист, старый профсоюзный деятель. Во время сов. власти — замест. нар. комиссара внутр. дел. В настоящее время находится в рядах коммунист. партии Германии.

³⁾ Лукач, Георг (Lukács), коммунист. Философ. Во время советской власти — нар. комиссар просвещения и потом полковник в Красной армии. В настоящее время в эмиграции. Известны его труды по эстетике и философии.

⁴⁾ Мюнх, Франц (Münich), коммунист. Был военнопленным в России и возвратился в Венгрию вместе с Бела Куном.

⁵⁾ Санто, Бела (Szántó) коммунист. Род. в 1878 г. Участ. в рабочем движении с 1903 г. Во время сов. власти — наркомвоен. В настоящее время профсоюзный деятель в Германии.

мер¹⁾; убивают тысячами лучших рабочих, крестьян; венгерская социал-демократическая партия провозглашает лозунг дня: „виновники диктатуры должны быть наказаны“. Зверски убивают секретаря социал-демократической партии и редакторов официального социал-демократического органа, Шомоги²⁾ и Бачо³⁾; пять народных комиссаров приговаривают к смертной казни. После ужасной расправы с Шомоги и Бачо за их гробом следуют 200.000 рабочих, огромная, небывалая по размерам демонстрация, которая ставит палачей в тупик. А социал-демократы печатают два дня спустя в „Непсаве“ воззвание, в котором они от имени рабочего класса предлагают Хорти руку помощи для совместной работы.

В начале контр-революции крупные землевладельцы и плутократия остались на заднем плане. Правительство Хорти опиралось на мелкую городскую буржуазию и на средних и мелких землевладельцев. Белые хозяева играли на антибольшевистских и даже антисоциал-демократических, на антисемитических, но и на антипомещичьих и антикапиталистических лозунгах, прикрываясь флагами венгерского ирредентизма и христианства. Была обещана широкая земельная реформа, по которой небольшие поместья должны были быть округлены, а незаможные крестьяне получить наделы. Новая программа приняла демагогический харак-

тер: „средние классы должны играть в В. руководящую роль“, контр-революционная бюрократия под эгидой дворянства имеет наибольшие права решать судьбы В., состояния, нажитые во время войны, должны быть безусловно конфискованы; мелкие предприниматели должны широко пользоваться поддержкой“ и т. п. Во время войны венгерское крестьянство оказалось в состоянии выйти из долгов. Оно думало, что политическая власть теперь находится в его руках, а потому многие поддержали новый курс. Крестьянам и мещанам, входившим в христианские и патриотические общества, роздали оружие; из них образовали наряду с официальными государственными органами насилия полу-официальные, которых выдавали за индивидуально действующие террористические группы. Они получили свободу грабежа, реквизиций и экспроприаций под руководством деклассированной аристократии, а когда власти выступали для виду, то эти акты, „как совершенные в силу патриотических побуждений“, признавались подлежащими амнистии. В. стала образцовой страной белого террора, и ее палачи в форме венгерской национальной армии появились во всех концах буржуазной Европы в качестве инструкторов застенка. Но кроме этого права на грабеж, крестьянам не досталось ничего. За исключением жалких, так называемых, „геройских наделов“, они не получили ни пяди земли. Мелкая буржуазия бедствовала. Контр-революционная бюрократия, и ее низшие слои в особенности, вынуждены были требовать, чтобы выплата жалования была урегулирована. По данным министерства финансов поддержка контр-революционного аппарата стоила в 1920 г. в три раза дороже, чем содержание его прежде, когда В. была в три раза больше. Количество органов насилия вместе с подсобными организациями было в пять раз больше, чем в „великой В.“. Хотя плутократия и владельцы крупных поместий заявляли протест против этого, однако, можно утверждать, что многие и значительные слои буржуазии поддерживали белый террор, и что страх перед революцией объединял их

1) Крамер, Александр (Крамер) коммунист. С 1912 г. участвовал в движении социалист. молодежи. Во время режима Карольи состоял членом военного комитета коммунист. партии. После завоевания власти был прокур. револ. трибунала. Потом уехал на фронт, как команд. зап. фронта; подавил Сексаруское контр-револ. восстание. После свержения советской власти эмигрировал в Юго-Славия и вел коммунист. пропаганду; был арестован и передан венгерскому белому правительству. После долгих мучений и пыток был приговорен к смертной казни. Приговор приведен в исполнение в июне 1920 г.

2) Шомоги, Вела (Schomogyi, Vela), родился в 1878 г., соц.-демокр., один из организат. профсоюз. учителей. Участв. в движении с 1895 г. Редактор центр. органа соц.-демокр. партии „Непсава“. Во время режима Карольи — статс-секретарь министр. нар. просвещения. После пролетарской революции — член Воевентр. Центр. Исполнит. Комитета советов раб.-кр. депутатов. После свержения советской власти — глава, редактор „Непсава“ и на стран. этого органа раскрыл ужасы Оргована. Белые офицеры, по личной инициативе Хорти, из мести за это разоблачение покончили с ним: увели его вместе с Бачо на автомобиле, убили и сбросили в Дунай. Убийцы уже разоблачены и известны всем, но до сих пор не наказаны.

3) Бачо, Вела (Batscho), соц.-демокр. писатель.

между собой, несмотря на разнь интересов. Хотя режим Хорти старался возбудить иллюзии в мелкой буржуазии, но в действительности он служил интересам крупных аграриев и финансового капитала.

Запугивание, подавление, полное поражение городского и сельского пролетариата было с самого начала высшим законом белого террора. Рабочего, который осмеливался заикнуться о доведенной до минимума заработной плате, убивали или сажали в тюрьму, как большевика. Офицерские команды появлялись на крупных заводах и вели там „политический и хозяйственный контроль“ с такой жестокостью, которая за последние десятилетия не имеет примеров в истории рабочего движения Европы. Но, несмотря на ужасы террора, на разные уговаривания и лживые льготы, Хорти не удалось ни на минуту обмануть пролетариат. Не только христианские и национальные союзы не находили приверженцев, но и с каждым месяцем росло число членов профсоюзов. Несмотря на противодействие социал-демократов и руководителей профсоюзов, венгерский пролетариат вел в 1920 и 1921 г. героическую борьбу, какой не знала до того история венгерского рабочего движения.

В то же время руководящие слои социал-демократии и профсоюзов дали двух министров в первый состав правительства Хорти, несмотря на то что Антанта ставила вступление национальной армии в зависимость от участия в министерстве социал-демократов, и что всякий знал, что это означает массовые убийства рабочих и крестьян. Социал-демократические министры могли быть сброшены с своих министерских кресел только энергичным напором масс. Революционные эмигранты бичевали режим Хорти в мировой прессе. Но представители профсоюзов опровергли как внутри страны, так и за границей все известия о белом терроре; они заявили, что имели место только единичные случаи насилия, и что эти случаи являются естественной реакцией против зверств красного террора. Когда в начале лета 1920 г. профсоюзный интернационал организовал бойкот контрреволюцион-

ной В., социал-демократы В. выразили протест против того, что их предвительно не запросили, и отреклись от действий интернационала пролетариата. А между тем были моменты, когда даже самые усердные социал-демократические защитники этого режима ужасов принуждены были спасаться за границу.

15-го января 1920 г. статьи триантонского соглашения были вручены венгерскому правительству, и Антанта обязала его немедленно провести национальные выборы и ратифицировать соглашение в Национальном собрании. На этих выборах победили мелкие земельные собственники во главе с Стефаном Надятади Сабо (см. XLVII, *иностр. деятели*, 69), бывшим министром правительства Карольи. Лозунгами были: аграрная реформа, крестьянская власть и независимая В. без Габсбургов. Новое правительство, в котором Надятади был назначен министром земледелия, утвердило триантонское соглашение. Согласно последнему, территория В. уменьшилась с 325.411 квадратных километров до 92.916, т.-е. слишком на две трети своих прежних размеров. В то время как население старой В. равнялось 18 млн., оно после триантонского соглашения составляло меньше 8 млн. Национальное собрание в первую голову издало закон, по которому В. временно оставалась королевством, а Хорти провизорно назначался правителем; одновременно оно санкционировало некоторые предшествовавшие распоряжения и полномочия контрреволюции. Новый закон о реформе землевладения 7 дек. 1920 г. (см. XLVI, 579/581) гласил, что надлежит произвести более правильный и целесообразный раздел земли. Закон ставил себе целью оказать содействие в приобретении земли добросовестным лицам, желающим и могущим ее обрабатывать, но не имевшим до тех пор этой возможности. Необходимые для этого владения предполагалось приобрести путем установления для государства преимущественного права покупки, а также путем выкупа. Закон держался основного принципа, что владелец земли должен быть полностью компенсирован. При проведении земельной реформы был создан особый.

судебный орган — „Суд для урегулирования землевладения“. Этот закон был дополнен в 1924 году, и означенному суду вменялось в обязанность закончить земельную реформу не позже конца 1925 г.

Между тем стали выдвигаться вперед крупные землевладельцы и финансовые магнаты, которые полностью сохранили свое экономическое могущество и пользовались за ширмой мелкобуржуазной и христианской партий большим политическим влиянием. Они были против белого террора, против всяких индивидуальных выступлений и за укрепление законного престола Габсбургов. Вопрос о короне был выдвинут на первый план, и когда под давлением мелких землевладельцев большинство правительственной партии приняло резолюцию, отменявшую старый закон о праве династии Габсбургов на венгерскую корону, то крупные аграрии и крупная буржуазия решили прибегнуть к так наз. первому габсбургскому путчу. Первая попытка, имевшая место 27-го марта 1921 г., окончилась неудачей.

После этого путча премьер-министром сделался граф Бетлен. Под растущим влиянием легитимистов окрепла также и образовавшаяся еще до этого „Малая Антанта“. Так как легитимисты привлекли на свою сторону также и Бетлена, то 22-го октября 1921 г. они произвели второй габсбургский путч, но Бетлен, отступившись от них, при помощи „Пробуждающихся венгров“ обстрелял поезд короля Карла V, намеревавшегося вступить в Будапешт, и арестовал его. Последствием этого путча был закон, отменивший права Габсбургов на венгерский престол.

С самого начала правительство Бетлена стремилось укрепить власть крупных аграриев и плутократии. На первых порах оно встретило враждебное отношение со стороны легитимистов, представлявших интересы этих классов, но не хотевших простить Бетлену его измены. После второго путча его положение заколебалось. Но когда 21-го декабря 1921 г. вожди социал-демократической партии вошли с ним в соглашение, его позиция сильно окрепла,

и он мог систематически преследовать свои цели. Согласно этому позорному соглашению, социал-демократы открыто отступались от права организации союзов сельскохозяйственных и железнодорожных рабочих и соглашались при создавшихся обстоятельствах отказаться от всякой агитации среди этих слоев населения. В этом же договоре они признали, что свобода восстановления в В., и объявлялись не вступать ни в какие союзы ни с демократическими буржуазными партиями, ни с социал-демократией. Кроме того, они принимали на себя обязательство опровергать через свои союзы и вместе с министерством иностранных дел все ложные клеветы эмиграции и работать как внутри страны, так и за границей в интересах режима Хорти. За это им предложили 25 парламентских мандатов.

Это соглашение легко дало Бетлену возможность превратить в пустой звук введенное в 1919 г. по приказу Антанты всеобщее избирательное право и создать реакционный избирательный закон, который вполне удовлетворил консервативную часть парламента и крестьянскую партию. Этот избирательный закон давал ему возможность провести новые выборы по своему усмотрению, и ему удалось без помощи легитимистов, и даже против их воли, установить политическую линию, защищающую интересы крупных аграриев и крупной буржуазии. При посредстве подкупов и террора он создал парламент, где националисты („рассеянцы“) и так называемые христианские группы, либеральные и консервативные, помогли ему в его политике консолидации и в защите прерогатив владельцев латифундий и плутократии. Несмотря на растущую с каждым днем рознь классовых интересов, партия мелких землевладельцев постепенно тоже попала в фарватер крупных аграриев. 25 социал-демократических депутатов в парламенте, подкупленные соглашением, так же как и все прочие партии, тем не менее придавали гибкому орудию Бетлена „демократический“ оттенок.

В то время как предшествовавшие правительства путем штемпелевания денег, налогов и других мероприятий

пытались стабилизировать крону, правительство Бетлена проводило сознательную политику инфляции. Сельскохозяйственные налоги повысились; ввоз почти всех предметов промышленности был запрещен или были установлены столь высокие пошлины, что делали импорт невозможным. С начала 1922 и до середины 1924 г. царило под лозунгом „все для промышленности“ дутое и лихорадочное грюндерство. В этот период было создано 70 железодельных и металлургических заводов, 55 машиностроительных заводов, 43 цементных, стекольных и фарфоровых заводов и т. п. Наравне с серьезными предприятиями было много эфемерных. Снова началась индустриализация В., которая налаживалась до войны в течение 25 лет и была прервана на это время. Видимость благоприятной конъюнктуры поддерживалась искусственными способами.

Хотя благодаря трианонскому соглашению от В. отпали многие богатые сырьем области, все же удалось развить некоторые отрасли промышленности, в частности текстильную и химическую. Стоимость продукции машиностроительных заводов достигала в 1913 г. 226 млн. зол. крон. В то время в этой отрасли было занято 55.000 рабочих. Хотя в эпоху Бетлена машиностроительные заводы работали не с полной нагрузкой, однако, в 1924 г. на них снова числилось 45.000 рабочих, а стоимость их производства оценивалась в 250 млн. зол. крон. И, несмотря на то, что после войны В. потеряла 47% пеньковой, 53% льняной, 73% хлопчатобумажной, 30% джутовой и 90% шерстяной промышленности (ср. выше, XLVII, 285/88), эти отрасли развились в таком масштабе, что на них было занято в 1924 г. на 30% больше рабочих, чем в великой В. 1913 г. Электротехническая промышленность опять воскресла и стала вывозить свои произведения за границу. Она экспортировала в 1923/24 г. 17.172 квантов динамомашин и трансформаторов, 8.456 квант. электрических аппаратов и 12.056 квант. калачных ламп. Быстро также окрепла в эти годы сельскохозяйственная промышленность и, в первую голову, сахарная и мукомоль-

ная, хотя они и отстали от довоенного времени. Так, в 1924 г. 42% всего чешского импорта муки падает на В. В 1920/21 г. было засеяно 32.028 гект., а в 1924 г. 73.722 гект. В 1920/21 г. продукция рафинада выразилась в 269.754 квант., а в 1923/24 г.— в 110.819 квант. В 1922 г. В. была принуждена ввезти 87.253 квант. сахару, а в 1924 г. сахарная промышленность экспортировала 440.997 квант.

Кроме того, что это развитие поощрялось государственными льготами, экспортными премиями и запрещением ввоза, основой этого расцвета промышленности была нищенская заработная плата рабочих и неограниченная эксплоатация внутреннего рынка. В большинстве предприятий был вложен иностранный капитал. Так, в текстильной промышленности приняли участие американские, чешские, немецкие, голландские, швейцарские и другие капиталы. Железодельная и металлургическая промышленность и в настоящее время находится, б. ч., в руках Австрийского Кредитного банка. Успешному развитию промышленности не мало способствовало и то, что чехословаки по экономическим и политическим причинам закрыли в Словакии целый ряд предприятий и перенесли крупные текстильные, а также и другие фабрики на венгерскую почву. За исключенным революционных лет 1918/19, число организованных рабочих никогда не было так велико в В., как в начале 1923 г.

Несмотря на белый террор и загугивания профсоюзной бюрократии, рабочий класс с самого начала старался использовать политическую конъюнктуру для своих целей. Союз владельцев промышленных предприятий хотел уничтожить восьмичасовой рабочий день и снизить заработную плату. Уже в 1921 г. начинается волна стачек. Бастуют на 69 металлургических заводах, печатники проводят всеобщую забастовку, почти все мебельные фабрики по-одиночке устраивают стачки. Почти во всех отраслях проводят требования о повышении заработной платы, часто даже против воли профсоюзной бюрократии; но обесценение денег и растущая дороговизна жизни вынуждают все к новым и новым вы-

ступлениям. Рабочее движение растет и, несмотря на противодействие вождей, оно переживает новый расцвет. 12-го июля 1923 г. министр внутренних дел закрывает на 8 дней „Непсаву“, орган социал-демократов. Тогда печатники всех типографий устраивают забастовку, и ни одна газета не может выйти. Это происходит против желания профсоюзной бюрократии, и парламентская фракция социал-демократов заявляет в парламенте, что она относится отрицательно к действиям печатников и что она не имеет ничего общего с большевиками и политическими забастовщиками. В марте 1924 г. типографские рабочие снова устраивают всеобщую стачку против воли профсоюзной бюрократии. Эта забастовка была направлена против закрытия некоторых предприятий. Позже были выставлены требования о повышении заработной платы, и неделями представители рабочих единодушно отвергают совместные предложения предпринимателей и профсоюзной бюрократии.

Когда правительство грозит профсоюзам насильственными мерами и объявляет эту забастовку политической забастовкой, — рабочие Будапешта и окрестностей выражают намерение присоединиться к бастующим и устроить всеобщую забастовку. Но руководители союзов прилагают все усилия, чтоб расстроить это дело, и они добиваются своего, опираясь на запугивания властей. Страх правительства был так велик, что до 21-го марта 1924 г. почти вся венгерская жандармерия была сконцентрирована в окрестностях Будапешта; особенно оно опасалось взрыва революции в день годовщины диктатуры (доклад начальника полиции 20-го марта, 1924 г.). Пять недель длится всеобщая победоносная стачка горнорабочих. Рабочие кожевенных заводов, обувных и обойных фабрик, кирпичных заводов, каменщики и др. устраивают забастовки и добиваются повышения заработной платы. Однако, несмотря на эти повышения, условия жизни рабочих ухудшались с каждым днем. В 1923 г. рабочее движение улучшило положение рабочего, но в 1924 г. оно становится хуже, так как покупательная способность венгерской кроны па-

дает, и дороговизна принимает невиданные размеры. В то время, как в январе 1923 г. 1.000 венгерских крон равнялись 4 кронам мирного времени, в апреле 1924 г. они стояли только $6\frac{2}{3}$ геллера. Бумажная денежная масса распухла с 70 до 2.600 миллиардов крон. Весной 1924 г. произошел экономический кризис, и государственные финансы стояли накануне банкротства. Коммунальным служащим как в столице, так и в комитатах жалование могло быть выплачено только частью и то при помощи правительственных субсидий. Кочегары паровозов забастовали; чиновники тоже грозили всеобщей забастовкой.

В то же время банки делали прекрасные дела, да и крупным аграриям не на что было жаловаться. Они получали краткосрочные и долгосрочные кредиты (от 6 месяцев до полутора и двух лет), которые они имели возможность погасить, не переводя на твердую валюту и расплачиваясь кроной, почти потерявшей всякую ценность. В эти годы крупное землевладение было, так сказать, совершенно освобождено от налогов. Промышленность пользовалась неограниченным кредитом, и необузданное ростовщичество царило во всю. Одновременно выяснилось, что земельная реформа, под лозунгом которой правительство одержало свою победу на выборах, не принимается всерьез. При поддержке правительства органы власти саботировали ее. Часть имевшейся в распоряжении земли была использована для округления средних землевладений, другую часть вернули себе крупные аграрии под разными законными предлогами, и только самая маленькая часть была предложена крестьянам по столь высоким ценам, что незаможный пролетарий не мог мечтать даже о взносе задатка.

В настоящее время сельскохозяйственные классы В. распределяются след. образом:

Сельскохозяйственные рабочие и работающие члены их семейств	1.200.000
Владельцы до 10 нох (полупролетарии)...	332.000
" от 11 до 100 нох	177.000
" свыше 100 нох	10.704
" крупн. имен. свыше 1.000 нох.	1.444

В то время, как почти $\frac{2}{3}$ „собственников“ владеют двумя миллионами нохов, 1.444 крупных аграриев имеют в

три раза больше земли, а именно, 6.323.000 иохов, а число безземельных в 2½ раза превосходит число собственников. В. потеряла 68% своей территории, но сохранила 50% посевной площади, так что в теперешней В. осталось 70,2% старых латифундий (по посевной площади). 2,9 миллионов иох. латифундий состоят из фидеикомиссов и церковных поместий, которые по венгерскому закону не подлежат отчуждению. Таким образом, после трианонского соглашения В. осталась еще в большей степени, чем до войны, совершенно исключительной во всем мире страной по преобладанию крупного землевладения.

Постепенно для всех стало очевидным, что земельная реформа не имеет в виду исправить имущественные соотношения в В., что ею первоначально воспользовались, как демагогическим лозунгом, а затем фактически превратили в карикатуру. Если принять за чистую истину — хотя это и весьма сомнительно — что до 28 апреля 1925 г. (к этому времени истекает закон) было распределено в В. 645.800 иохов под постройки и посевы (в том числе и самостоятельно купленные крестьянские и среднепомещичьи земли), то и тогда дело идет только 10% латифундий и о таком незначительном числе заинтересованных, что вне всякого сомнения вся эта комедия ни на йоту не изменит крупноаграрного характера В. и едва затронет имущественные соотношения и классовые расслоения. Выходя в отставку, лидер крестьянской партии заявил в мае 1924 г., что „самая скромная в мире реформа“ провалилась из-за противодействия крупных аграриев.

Венгерские сельскохозяйственные рабочие, которые во время инфляции страдали от все растущей безработицы и вынуждены были голодать в полном смысле этого слова, возлагали надежды на земельную реформу и переживали полное разочарование. То же самое относится и к незаможным. Кроме того, несомненно, что мелкие землевладельцы не только не получили никаких выгод от инфляции, но что, наоборот, этот период подорвал их кажущуюся хозяйственную само-

стоятельность. Во время войны они погасили свои долги, в начале белого террора им казалось, что они взяли власть в свои руки, но успехи крупных аграриев и финансовой буржуазии при правительстве Бетлена не только рассеяли их надежды, но с 1924 г. привели к тому, что они снова были вынуждены влезать в долги. Крупные аграрии пользовались государственным кредитом и имели возможность не только покрывать ссуды обесцененными деньгами, но и располагали свободным капиталом; они не только ухитрялись освободиться от налогов, но и ввозить из-за границы беспошлинно и дешевле нужное им оборудование, как-то: грузовики, тракторы, сеялки, бензиновые моторы и т. п. Во то же время мелкие и отчасти средние землевладельцы изнемогали под тяжестью налогов, и хотя они были заинтересованы в вздорожании жизни, но, благодаря бешеному росту цен на предметы промышленности в период инфляции, их, как потребителей, эксплуатировали в значительно большей степени, чем они могли эксплуатировать других, как производители. Инфляция в значительной мере обострила рознь между аграриями и крестьянами, и так как эти последние одно время, хоть и недолго, пользовались призрачной властью, они путем собственного опыта осознали истинное положение своего класса.

В этот период белый террор принял другие формы и другое направление. За некоторыми исключениями, как-то подбрасывание бомб, он был направлен исключительно против рабочих. Террористические акты „пробуждающихся венгров“ сплошь да рядом оставались безнаказанными, и правительство делало вид, что считает их индивидуальными выступлениями. Карательные отряды были постепенно упразднены и влиты в государственный аппарат, и таким образом был создан контрреволюционный, так называемый консолидированный механизм власти.

Результатом первого периода правления Бетлена было укрепление могущества крупных аграриев и финансовой буржуазии, обострение розни между помещиками и незаможными, консолидация контрреволюционного аппарата

власти при содействии социал-демократии. Но на ряду с искусственным в большой степени возрождением индустриализации вновь разгоралось рабочее движение. Факты вновь доказали, что контр-революция успешно готовит почву для революции. Сближение легитимистов с Бетленом и рознь между ними и правителем Хорти сделали за это время крупные шаги вперед. Этот период заканчивается полным расстройством государственных финансов, окончательным обесценением денег и глубоким экономическим кризисом. Оставалось единственное, всеисцеляющее средство: заграничный заем, оздоровление В. в духе оздоровления Австрии. Единый и умеренный поимущественный налог мог бы при условии упразднения контр-революционного аппарата привести в порядок государственные финансы. Но для укрепления своей власти правительству крупных аграриев и финансовых магнатов нужен был внешний контроль, симуляция иностранного насилия. Это давало им возможность эксплуатировать и обирать рабочих и переложить всю тяжесть „оздоровления“ на их плечи, при чем рабочие должны были думать, что все это является последствием бедственного положения страны, а не актом продуманной классовой политики. Таким образом, они пытались использовать „оздоровление“, чтоб ввести рабочих в заблуждение.

Сущность закона о санации заключалась в следующем. Лига Наций и международная репарационная комиссия отменили приоритет репарационного залогового права и позволили правительству Бетлена получить на известных условиях заграничный заем в сумме до 250 миллионов золотых крон. Закон уполномочивал правительство на проведение этой операции. Обеспечением займа должны были служить поступления от таможенных сборов, сахарных налогов, казначейские поступления от участия в продаже сахара, доходы от табачной и соляной монополий. Государственный бюджет был установлен на пять полугодий по соглашению с заграничными экспертами. Финансы В. должны быть санированы до июня 1926 года. За эти пять

полугодий дефицит должен быть прекращен путем уменьшения расходов и увеличения доходов. Заем служит исключительно для покрытия дефицита этих пяти полугодий. В течение этого времени парламент не имеет права ни превысить расходы, ни снизить доходы. Если бы имеющиеся в виду меры оказались недостаточны, чтоб восстановить равновесие к середине 1926 г., то правительству предоставляется право принимать все нужные меры для уменьшения расходов и увеличения поступлений без обязательства обращаться за разрешением к Законодательному Собранию. Во время санации высшим органом в финансовом отношении является генеральный комиссар по назначению.

Кроме того В. обязывалась: во 1-х, заплатить репарации в размере 170 млн. зол. крон и предоставить угля на сумму в 28 млн. зол. крон; во 2-х, принять на себя долг Будапешта в сумме 133 млн. зол. франков и долг Эмиссионного банка в сумме 55 млн. зол. франков; в 3-х, безвозмездно передать Чехословакии 80 локомотивов и 1.185 вагонов.

Уже согласно первоначальному проекту тяготы распределялись так, что они должны были целиком лечь на плечи рабочего класса и совершенно миновать крупных аграриев и буржуазию. Кроме того, закон о санации устанавливал, что квартирные ставки должны быть повышены и ограничение квартирной платы совершенно отменено к середине 1926 г. Согласно тому же первоначальному проекту предполагалось увеличить доходы на $\frac{2}{3}$ путем тяжелых и значительно повышающих стоимость жизни косвенных налогов. Устанавливался известный налог с оборота, благодаря которому все товары должны были вздорожать от 15 до 21%. Все парламентские партии одобрили закон. Социал-демократы, публично обязавшиеся всеми силами противиться его проведению, снова заключили с Бетленом пакт и тоже дали свое согласие. Первоначальный проект, однако, не был одобрен; его авторы опасались, что прямые налоги не поступят, за то пошрины, налоги с оборота, налоги на предметы потребления, словом все

косвенные налоги, долженствовавшие удорожить жизнь рабочего класса, были настолько повышены, что в первый год они составляли уже не $\frac{2}{3}$, а более $\frac{3}{4}$ дохода. На первый год был предусмотрен дефицит в 103 млн., который должен был быть покрыт заграничным займом; на самом же деле оказался избыток в 68 млн. зол. крон. Из этого можно заключить, как работал налоговый пресс.

Санация вызвала сильный экономический кризис. Правда, крона была стабилизирована и финансы государства приведены в порядок, но зато частное хозяйство было глубоко потрясено. Сотни предприятий погибли, тысячи торг. предприятий принуждены были закрыться, и над В. прокатилась еще невиданная волна банкротств. Импорт снова был разрешен, но, несмотря на чрезмерные ввозные пошлины, индустрия пострадала, так как покупательная способность крестьян и рабочих дошла до минимума. Безработица росла с каждым днем и становилась сравнительно наибольшей на европейском континенте. При этом государственные расходы не только не были понижены, а даже, наоборот, повышены. Бюрократический аппарат В. стал теперь значительно больше, чем аппарат довоенной империи. Для одного только поддержания спокойствия внутри страны правительство оплачивает в настоящее время за счет рабочих 72.000 чиновников. Несмотря на то, что было произведено фиктивное сокращение контр-револ. аппарата, расходы на содержание аппарата насилия в действительности поглощают 85% всех государств. доходов.

На ряду с беспощадным обременением масс косвенными налогами, крупная промышленность приносит такие доходы, каких она еще никогда не знала, а земельные магнаты получают из доходов от этих косвенных налогов долгосрочные кредиты. Само собой понятно, что при таких условиях ремесленники, кустари, а также лица свободных профессий постепенно опускаются до уровня пролетариев, а городской пролетариат голодает и ведет нищенское существование. Конечным результатом первого года „оздоровления“ была новая задолженность крестьянст-

ва, и свыше 100.000 сельскохозяйственных рабочих голодали.

Несмотря на „оздоровление“, несмотря на стабилизацию валюты, несмотря на предстоящее введение золотой валюты, В. не смогла заключить в первый год „оздоровления“ ни одного торгового договора со своими соседями. Несмотря на то, что крупные аграрии и крупные промышленники много говорят об общности своих интересов, рознь между ними обостряется и мешает заключению торговых договоров. Итоги первого года „оздоровления“ В. выявляют не только обострение противоположности интересов крупных аграриев и мелких хозяйств, но и зачатки расхождения интересов крупных аграриев и промышленников.

Все эти обстоятельства порождают недовольство во всех слоях, за исключением крупных землевладельцев и plutократии. Нарастает народное движение; тяжелы оказываются жертвы, которых требуют во имя „оздоровления“, и начинаются поиски выхода из бедственного положения. Этой ужасной нуждой, этим брожением умов и всеобщим недовольством успешно пользуются для своих целей легитимисты. Их поддержкой является крупная буржуазия. Но они опираются также на мелкую городскую буржуазию, на известные слои крестьянства и отчасти на социал-демократию. Они уверяют, с одной стороны, что национальная габсбургская монархия не представляет международной опасности, а с другой стороны, они проповедуют восстановление в неприкосновенности старой В., что может быть достигнуто только ими, легитимистами. Так как победоносная контрреволюция не разрешила ни одной из задач пролетарской революции и так как все ее целительные средства, в том числе и „оздоровление“, потерпели крах, то даже габсбургская пропаганда привлекает массы и будит в широких слоях разные иллюзии, главным образом потому, что режиму Бетлена, представляющему крупную буржуазию, не противопоставляют в данное время ничего другого.

Социал-демократ. партия продолжает ту же политику, что и в первые дни бе-

лого террора: политику фиктивной оппозиции. Под давлением масс, под давлением революционных рабочих образовалась на партийном съезде, имевшем место в 1924 г. на пасхе, сильная оппозиция, которая не только настаивала на организации крестьянского союза под пролетарским руководством, но и требовала разоблачения заключенного с графом Ветленом 21 декабря 1921 г. позорного соглашения. Когда содержание этого постыдного пакта было передано гласности, социал-демократической партии пришлось для виду изменить свою тактику! Она связалась с мелко-буржуазными реакционерами, отчасти с легитимистами, отчасти с беспочвенной партией „48-го года“ и предоставила буржуазным партиям руководство в опозорившемся впоследствии „демократическом блоке“. В силу этих соглашений она предоставила на столичных выборах буржуазным партиям большинство мандатов. Будапешт насчитывал в конце 1924 г. 1.179.282 жителя, т.-е. более 1/6 всего народонаселения. Будапешт—типично промышленный город, а в урезанной на две трети трианонским соглашением В. соотношение между земледелием и промышленностью в общем сильно сдвинулось в пользу последней. Отсюда ясно значение промышленного пролетариата, как и значение для всей страны руководящей роли Будапешта. Поэтому такой блок, осуществленный социал-демократами, являлся предательством не только в местном, но и в общегосударственном масштабе.

Образовавшаяся внутри социал-демократической партии оппозиция не желала принять участия в этом обмане масс и организовала „Венгерскую социалистическую рабочую партию“. Несмотря на преследования правительства, несмотря на угрозы профсоюзной бюрократии, исключавшей массами из союза членов этой партии, и несмотря на то, что социал-демократы объявили рабочую партию большевистской, эта партия кристаллизировала рабочие массы, недовольные гибельной для пролетариата тактикой В.С.П. и реформистской профсоюзной бюрократией. Созданная с.-дем. партии имеет крупное исто-

рическое значение, так как социал-демокр. партия перестала быть единственной легальной партией венгерского пролетариата. Основные положения программы рабочей партии следующие: 1) последовательная классовая борьба, 2) вместо коалиции с буржуазными партиями союз с малоземельными крестьянами. Первое опубликованное постановление партийного комитета высказывалось за единство профессионального движения в национальном и интернациональном масштабе. Это не коммунистическая партия, но она борется за освобождение рабочего класса всеми пролетарскими приемами, как это показала ее сознательная, хотя и лишенная широкого размаха деятельность. Ей приходится преодолевать весьма тяжелые препятствия. Почти все ее вожди находятся в тюрьме. Предприниматели удаляют ее членов с предприятий, а профсоюзная бюрократия выбрасывает их из профсоюзов. Несмотря на то, что партия пользуется глубокой симпатией социал-демократических рабочих, ей не дают развиваться, запрещая ей собрания и издание собственного печатного органа. Но еще тяжелее положение венгерской коммунистической партии. После падения диктатуры не осталось ни одной коммунистической организации. Лучшие оставшиеся в стране коммунисты или были казнены, или убиты в тюрьмах. Тысячи революционных рабочих бесследно исчезли. Пришлось организовать венгерскую коммунистическую партию за границей. Но и в самый разгар белого террора в Будапеште появлялись эмигранты, работали над организацией партии и вели агитацию. В то время, как одно подозрение в коммунизме означало смерть, снова застрелили на стенах и в трамваях прокламации, направленные против белого террора и кончавшиеся лозунгом: „Да здравствует диктатура пролетариата“. Когда при открытии патриотических ирредентистских памятников с них сдернули завесу, они оказались облеплены плакатами, восхвалявшими диктатуру. Оставшиеся на родине коммунисты безостановочно работали над созданием мощной тайной организации внутри страны. Братья

Вадаш¹⁾, Франц Сита, решившие приступить к подпольной работе, подверглись в течение многих дней зверским пыткам и, наконец, были убиты. Уже в середине 1921 г. будапештский чрезвычайный суд привлек 61 человека по обвинению в коммунистической пропаганде и в создании коммунистических организаций. Многих приговорили к смерти. Но несмотря на жестокости белого террора, не уменьшившись и в 1923 г., коммунистическая пропаганда не приостановилась. В 1922 г. коммунистическая партия имела в В. организацию, которая в течение шести месяцев регулярно выпускала нелегальный орган. Последовавшие затем жестокие преследования приостановили на время деятельность организации, но затем она опять твердо стала на ноги.

С эпохой „оздоровления“ наступила новая фаза венгерского революционного рабочего движения. Нужда, им вызванная и затрагивавшая, кроме пролетариев, также и широкие массы населения, действовала в В., как революционирующий фактор. Революционные традиции никогда не проявлялись так живо, как теперь в В. Эти обстоятельства содействовали тому, что свежая в памяти диктатура сделалась для пролетариата путеводной звездой и примирила крестьян с мыслью о диктатуре. Уступка социал-демократов в вопросе об „оздоровлении“ была пределом их соглашательской тактики по отношению буржуазии. Поведение профсоюзной бюрократии и парламентской фракции в эту эпоху растущего обнищания рассеяло обаяние демократических лозунгов. Венгерский пролетариат давно уже оценил услуги Советской России, которая спасла от смерти сотни и сотни преданных социал-демократами жертв, осужденных на казнь и на пожизненное или 15-летнее тюремное заключение. Но только теперь он начинает понимать разницу между капиталистическим и пролетарским „оздоровлением“

и в то время, как симпатии к Советской России все более растут, он все интенсивнее чувствует, что рабочий класс потерял с падением диктатуры. Все это сильно способствует революционизированию пролетариата и делает все более успешной нелегальную организационную и пропагандистскую работу. Только в такую эпоху, когда классовые разногласия особенно обостряются, когда выявляются рознь даже внутри имущих слоев, когда нужна действует в качестве революционирующего фактора, венгерский революционный пролетариат мог, несмотря на преследования и при существующей структуре профсоюзов и социал-демократической партии, выступить за единый профсоюзный фронт и добиться на этой почве существенных успехов.

Когда в В. свирепствовал отчаянный террор, революционные массы оказывали упорное сопротивление воле социал-демократических вождей. Они сумели создать себе известную свободу действия. Во время кризиса „оздоровления“ венгерский революционный пролетариат противопоставил социал-демократии новую полулегальную, хотя и не коммунистическую организацию: как раз в то время, когда правительство Хорти с триумфом оглашало бюджетные результаты „оздоровления“ (санации), коммунисты впервые после падения Советской власти могли использовать зал чрезвычайного суда в качестве публичной трибуны. Коммунисты Ракоши,¹⁾

1) Ракоши, Матвей (Rakosi) — род. в 1891 г. Участв. в рабочем движ. с 1912 г. Во время мпр. войны был военнопленным в России. Участник русской революции, вел коммунист. деятельность в Чехе. В 1918 г. возвратился на родину. Один из основоположников Венг. комму. партии и член ее Ц.К. Во время диктатуры пролетариата — нар. комиссар по делам социализации и военный командир. После свержения советской власти эмигрировал. Долгое время был секретарем Коминтерна и вел усиленную деятельность в международном коммунист. движении. В 1924 г. опять возвратился в Белую Венгрию, несмотря на постановление верховного суда, в силу которого все нар. комиссары сов. правительства были приговорены к смертной казни. Он приступил к организации нелегальной коммунист. партии, и ему удалось быстро развить эту работу. В октябре 1925 г. был арестован и предан чрезвычайному суду. Перед судом он вел себя как истинный вождь рабочего класса. Ему удалось превратить зал суда в народную трибуну и использовать ее для того, чтобы во всеуслышание объявить программу венгерской коммунист. партии и коммунист. Интернационала. В настоящее время он находится все еще в тюрьмах Венгрии.

1) Вадаш, Мартин (Vadasch) — с 17-ти лет. возраста участвовал в рабочем движении. Во время белого террора занимался распространением нелегальной литературы, был арестован и после 4-х недельных пыток 20-тилетний юноша был убит вместе со своим младшим братом Андрозом.

Вейнбергер ¹⁾, Эри, Гаман и Гэгэш ²⁾ произнесли перед чрезвычайным судом под надвигающейся тенью виселиц такие речи в защиту III-го Интернационала, Советской России и венгерской коммунистической партии, что задрожала вся буржуазия, всколыхнулся пролетариат. Нужда, выванная „оздоровлением“, дала на суде лишний довод для аргументации коммунистической партии. С этого момента борьба победной революции с победоносной контрреволюцией вступает в новую фазу.

Окрепшая коммунистическая партия будет в новейшей истории движущим мотором революционного движения.

Библиография. I. Источники. „Nepszava“ — „Непсава“, ежедн. газ., орган социал-демократ. парт. 1908—15 г. Сельское Хозяйство Венгрии с 1901 по 1915 г., изд. Венгерского статист. бюро 1908—15 г. „Венгерский статистич. ежемесячник“, Takacs, „Landwirtschaftliche Arbeiterfrage“; Kristofy, „Vom Königsreich zum Kommunismus“; Petö, „Von Vilagos bis Trianon“ (Ungarns Geschichte von 1848—1922).

II. Война. С. Ясан, „История венгерских профессиональных союзов“, „Непсава“ 1917—18; Оскар Яси, „Венгерское искусство“; „Социализм“ (Экономич. еженед. социал-демократ. партии 1917—18).

III. Режим Кароля. „Возвеш Уйтар“ (газета венгерской коммунист. партии, ноябрь 1918 по февраль 1919). Э. Гарамид, „Венгрия в брожении“; В. Бём, „Под перекрестным огнем двух революций“, „Непсава“ 1919 г.; О. Яси, Венгерское искусство“.

IV. Диктатура. „Декреты Диктатуры“, 5 том.; Bela Szantö, „Die Ungarischen Klassenkämpfe und die Diktatur des Proletariats“; Gustav Gratz, „Sammelband über die Diktatur“; Bela Kun, „Von Revolution zu Revolution“; I. Varga, „Wirtschaftliche Probleme der Diktatur“; Wilhelm Böhm, „Im Kreuzfeuer zweier Revolutionen“; „Протокол Второго мирового Конгресса“ (Бухарин о крестьянском вопросе).

V. Теперешняя Венгрия. Buday, „Rumpfungen“; Petö, „Von Vilagos bis Trianon“; венгер. „Статистический ежемесячник“ 1921—24; Gustav Gratz, „Ungarisches Wirtschaftsjahrbuch“; Iosef Pogani, „Der weisse Terror in Ungarn“; To dor, „Wirtschaftsgeografie Ungarns“; Bela Kun, „Kommt eine Revolution in Ungarn“; E. Landler, „Industrialisierung in Ungarn.“

Э. Ландлер.]

XIX. Великобритания в эпоху мировой войны (ср. т. IX, 258/343).

1. Экономическое положение Англии накануне мировой войны. Первое десяти-

летие XX в. в истории Англии отмечено значительным изменением в ее хозяйственном положении. Уже к концу предшествующего столетия ей приходится со все возрастающими трудностями поддерживать свое монопольное положение на рынках, так как на смену безраздельного господства приходит борьба с новыми индустриальными странами — в особенности с быстро развертывающими свои производительные силы Соедин. Штатами и Германией. С наступлением же нового столетия ее позиции на мировом рынке оказываются уже значительно подорванными.

Правда, как раз именно первое десятилетие XX в. приносит Англии некоторый хозяйственный расцвет и подчеркивает роль страны, как „мастерской мира“, играющей главную роль в снабжении своими фабрикатами мирового рынка. Внешняя торговля Англии все еще продолжает давать цифру, превышающую цифру внешней торговли других стран. Так, вывоз для Англии и ее ближайших соперников выражался (в млн. ф. ст.):

	1908 г.		1910 г.	
	Фабрикатов	Сырья	Фабрикатов	Сырья
Англия	284	36	343	58
Соед. Штат.	97	85	180	118
Германия	161	60	244	86

Но вместе с тем — несмотря даже на хозяйственный расцвет, переживавшийся Англией в это время, темп роста вывоза оказывается менее резко выраженным для нее, чем для тех стран, которые выступают ее соперниками на мировом рынке (см. выше статистическую сводку при ст. „Империализм“).

Англии уже приходится выдерживать успешную с ней конкуренцию со стороны Соединенных Штатов и Германии. Несмотря на все еще благоприятную цифру ее вывоза, Англия отстает в развертывании своей промышленности. Фактически, ее положение главного поставщика мирового рынка поддерживается почти исключительно ее текстильной промышленностью. Из общего числа веретен в мировом производстве хлопчатой пряжи в 143 млн. на долю Англии приходится в 1913 г. 55,6 млн., т.-е. 38,8%, по сравнению с 32 млн. веретен

1) Вейнбергер, Золтан (Weinberger), род. в 1903 г. Во время диктатуры пролетариата служил в ЧК. После свержения Сов. власти эмигрировал. Потом возвратился на родину и участвовал в организации нелегального комсомола. Был арестован. Избежал смертной казни только потому, что был несовершеннолетний. Был приговорен к 15-ти. тюрем. заключ. Благодаря обмену он приехал в Москву. Весной 1925 г. опять вернулся на родину и стоял во главе нелегального комсом. движения. В октябре был арестован вместе с Ракоши.

2) Гаман, Катерина (Haman), Гэгэш, Игнац Gezes и Эри (Karl Oeri) — деятели новейшего венг. нелегального коммунист. движения. Были арестованы в октябре 1925 г.

Соединенных Штатов, почти 9 млн. веретен России, 6½ млн. веретен Индии и т. д. В области же производства чугуна она к этому времени занимает только третье место, далеко отстав от Соединенных Штатов (ежемесячная выработка в Англии в 1913 г. — 869 тыс. тонн и в Соединенных Штатах — 2.601 тыс. тонн), а в области выработки каменного угля — второе место (5.617 тыс. тонн в неделю по сравнению с 9.946 тыс. тонн в Соединенных Штатах).

Само собою, такое отставание темпа развития английской промышленности объясняется не столько успешной конкуренцией со стороны более благоприятно снабженных сырьем и рабочей силой стран, сколько именно тем, что делает эту конкуренцию успешной. Англия — страна старейшего капитализма. Ее соперники выступили на мировом рынке тогда, когда промышленное развитие Англии достигло значительной высоты. Использование английским капиталом естественных ресурсов, таким образом, продвинулось далеко вперед к тому времени, когда другие страны лишь приступали к их эксплуатации. К тому же запасы сырья и другие условия развития промышленности в Англии были далеко не значительны. За исключением каменного угля — этой основы хозяйственной мощи Англии — страна не располагала, в сущности, никакими ресурсами. Совершенно естественно, что через два столетия быстрого промышленного развития Англия оказалась близкой к концу своих ресурсов. Даже в наиболее значительной части их, в области каменно-угольных залежей, к 1911 г. имеющиеся запасы, по исчислению сэра Вильяма Рамзей, президента Британской Ассоциации Наук, не превышали уже 100 миллиардов метрических тонн, что приводило к выводу о полном истощении каменно-угольных ресурсов в течение не более 175 лет, если темп роста выработки будет таким же, как и до 1911 г. Совершенно естественно, что степень эксплуатации английских ресурсов являлась в начале XX века более значительной, чем в других странах. Отсюда вытекала большая выгодность

для английского капитала помещений за границей, а не в самой Англии, где с сокращением ресурсов процент прибыли оказывался ниже. По сравнению с степенью эксплуатации природных богатств в других странах, предприятия Англии были гораздо более насыщены капиталом и могли „оплачивать“ капитал лишь более низким процентом, чем предприятия зарубежные. Так, по данным Джона Ли („The Britains Decline“), доходность капитала, помещенного в английских железных дорогах, неизменно понижалась с 1896 г., тогда как доходность железных дорог в „молодых“ колониальных и зарубежных странах, напротив, за тот же период возрастала:

Шеры англ. дорог.		1911 г.	
Дивиденд.....	1896 г. 5,23%	1911 г. 5,09%	
Цена шерш.....	154,76 пунктов	107,91 пунктов	
Шеры колон. и иностр. дор.		1911 г.	
	1896 г. 6,30%	1911 г. 8,1%	
	117,87 пунктов	155,81 пунктов	

Данные эти относятся к железным дорогам, шеры которых котировались на английской бирже, и они совершенно определенно свидетельствуют о том, что английский капитал необходимо должен был проявлять с конца XIX — начала XX века тенденцию к отливу из страны. И на самом деле — анализ назначения новых капиталов в период времени, непосредственно предшествовавший мировой войне, не оставляет никаких сомнений в том, что именно такова была тенденция английского капитала. В течение 1911—1913 годов, напр., новые капиталы распределялись, по данным „Economist“, след. обр:

Назначение капиталов.	1911 г.		1912 г.		1913 г.	
	Млн. ф. ст.	%	Млн. ф. ст.	%	Млн. ф. ст.	%
Англия.....	28	13	45	22	36	18
Британские колонии..	65	34	73	34	78	39
Другие страны.....	101	53	98	44	84	43

Таким образом, ко второму десятилетию XX в. Англия еще в большей степени, чем раньше, стала страной, вывозящей капиталы и развивающей промышленность в других странах

(даже не преимущественно в пределах самой Британской империи). Другими словами, она превращалась из страны, строящей производство преимущественно внутри, в страну, базирующуюся на развитии промышленности за своими пределами, т. е. превращалась из страны промышленного капитализма в страну капитализма финансового. В этих особенностях экономического быта Англии начала XX в. и необходимо искать объяснения явлений ее политической жизни накануне мировой войны 1914—1918 г.

2. *Британский империализм.* Относительный застой в самой Англии уже с конца XIX века заставляет английских государственных деятелей пересмотреть основы английской колониальной политики. Истощение ресурсов в метрополии превращает в чрезвычайно острый вопрос для английской промышленности проблему контроля над колониальными ресурсами. Британская империя создавалась в период между концом XVIII и началом XX века в результате экономической, а не политической экспансии Англии. Развитие английской промышленности, в период безусловного господства ее (вплоть до семидесятых годов), зависело целиком и полностью от внешних рынков. Вступавшие на путь капитализма позднее Англии страны опирались при этом на свой внутренний рынок и лишь с укреплением этого последнего (обычно—при высоких таможенных пошлинах, ограждавших туземную промышленность от конкуренции) переходили к „завоеванию внешнего рынка“. Уже в начале XIX века в Англии, напротив, чувствуется непосредственная зависимость хозяйственной конъюнктуры от положения на внешнем рынке: континентальная блокада Наполеона, напр., в 1811 г. вызывает жесточайший кризис. Таким образом, в отличие от всех остальных стран Англия все время ищет рынков. Но этими рынками вплоть до семидесятых годов были, главным образом, рынки европейских стран. Даже в начале XX в. вывоз Англии направлялся преимущественно на эти рынки. Экспорт в колонии в 1904

году и позднее не превышал и половины экспорта Англии в самостоятельные государства, при чем наиболее крупным потребителем английской промышленности была Германия. Колонии для Англии представляли собою преимущественно рынки сырья. Это положение сохранилось вплоть до мировой войны, как об этом свидетельствует следующая таблица:

Ввоз в млн. фунт. стерлингов.

Характер товаров	В 1906 г.		В 1910 г.	
	Из колоний	Из др. стран	Из колоний	Из др. стран
Прод. питания	58,5	179,6	71,9	185,8
Сырье	63,5	147,9	79,5	181,0
Фабрикаты	19,5	136,3	18,7	133,1
Прочие	0,6	1,8	0,5	2,0

Даже в первое десятилетие XX в., таким образом, из колоний вывозилось на первом месте сырье, а из других стран—продукты питания. Этим и объясняется в течение всего XIX века особенность английской колониальной политики. Еще с момента отпадения северо-американских колоний, образовавших самостоятельные Соединенные Штаты, внимание английских государственных деятелей обращается не на те колонии, которые поглощают избыточное население метрополии (так наз. „белые“ колонии), а на те участки земного шара, которые по своим климатическим и иным условиям представляют относительно плохую почву для заселения, но зато отличаются богатством естественных ресурсов (так наз. „цветные“ колонии). Только по отношению к последним Англией ведется колониальная политика в смысле закрепления политического господства метрополии. „Белые“ колонии остаются фактически независимыми странами, номинально являющимися „британскими владениями“, но свободными от какого бы то ни было вмешательства в их дела со стороны метрополии. Британская империя на протяжении всего XIX века остается, поэтому, политическим организмом, лишенным единства управления и единого законодательства.

Английский парламент законодательствует только для метрополии и цветных колоний, и английский кабинет управляет только метрополией и цветными колониями. Зато по отношению к „цветным“ колониям последовательно применялся порядок управления из метрополии, вызывая нередко в этих колониях восстания (Индия), и именно к овладению такими колониями направлена была мысль. О захвате все новых и новых колоний в тропических и субтропических странах, способных расширить ресурсы английской промышленности, свидетельствует вся история Англии в течение XIX века. Уже министерство Дизраэли энергично проводит политику колониальной экспансии. Его преемники продолжают эту политику с таким успехом, что в течение последних 17 лет XIX в. поверхность Британской империи возрастает на треть (с 7 до 11 млн. кв. миль)—за счет, главным образом, Африки (см. *колонии*, статист. прил., XXIV, 523/4). И эта политика продолжает усиливаться. „Говорят, наша империя и без того велика, и нам не нужны новые территории—возражал лорд Розберри в 1883 г. противникам колониального расширения—но ведь мир ограничен пространством, и нужно иметь в виду потребности будущего: водружая наш флаг в новых странах, мы приобретаем права, которыми воспользуемся позднее... Нужно помнить, что наш долг, завещанный нам историей, заботиться о том, чтобы мир принял не чужую, а нашу окраску“.

Эта особенность английской колониальной политики—укрепление мощи метрополии в „цветных“ или, как их иначе называют, „коронных“ колониях при полном отсутствии государственного единства между „белыми“—начала, однако, сходить на-нет с 80-х годов, когда в экономическом быту Англии стали чувствоваться последствия экономического соперничества Германии и Соединенных Штатов. Если в предшествующие периоды (особенно в середине XIX в.) главными своими врагами Великобритания считала Россию и Францию (сначала угроза Индии, затем английскому влиянию в северной Африке), то постепенно к числу их

прибавилась и Германия. Правда, вражда к Франции была сильнее вплоть до конца XIX в. После фашодского инцидента, когда полковник Маршан своей экспедицией к верховьям Нила едва не вызвал войну между Францией и Англией в сентябре 1898 г., отношения продолжали еще оставаться натянутыми. Но прежнее мирное сожительство между Англией и Германией, установившееся с 1890 г. (после заключения соглашения о спорных границах в Африке) вскоре было нарушено, с одной стороны, попытками германского колониального расширения в Африке, а с другой—тягой Германии к Ближнему Востоку и ее успехами в этой области. И в результате Англия начала сближаться сначала с Францией, а затем и с союзницей последней, царской Россией, чтобы в Европе создать противовес растущей конкуренции со стороны Германии. „Каковы резонные требования Германии и каково то „место на солнце“, которого она добивается—спрашивает в печати один из крупнейших консервативных публицистов Англии в 1911 г.—Немецкое недовольство есть недовольство спекулянта, который, строя не по средствам и заложив свои постройки, производил без учета требований рынка, не зная куда славлять свои товары... и теперь боится дня расплаты, грозящего ему разорением.“ „Англия не вправе—продолжает он—даже если бы и хотела, предложить Канаду, австралийские колонии или Южную Африку на предмет удовлетворения германского недовольства. Франция не отдаст ни Индо-Китаю, ни северо-африканских колоний“. При таких условиях „согласие“ между колониальными империями против нового конкурента диктовалось самыми прямыми интересами и Англии и Франции.

Но то же, что вызывало сближение между Великобританией и Францией, а затем и между Великобританией и Россией накануне мировой войны,—еще раньше поставило вопрос о консолидации самой Британской империи. С одной стороны, экономическое соперничество Германии, вылившееся в форму соперничества политического,

создавало потребность в усилении защитного аппарата всей империи. До начала XX в. дело охраны империи лежало на метрополии. В 1902 г. из 80 млн. ф. ст. военного бюджета Англии на долю самоуправляющихся колоний приходилось всего 2 млн. Постоянная армия Канады не превышала 100 человек, армия Австралии—2000, а Новая Зеландия обладала армией в 300 человек. Флот точно так же был целиком английским: военным судостроением не занимались ни Канада, ни Австралия, ни Новая Зеландия. Поэтому возникал уже в конце 80-х годов вопрос об организации общеимперской военной силы, а это, в свою очередь, ставило вопрос о перестройке политической, о создании общеимперского парламента и министерства. Такую цель вписала в свою программу возникшая в 1884 г. „Лига Имперской Федерации“. С другой же стороны, экономическое соперничество Германии приводило к необходимости консолидации империи и в области экономических отношений. Торговые сношения, построенные на фритредерских принципах, не обеспечивали за метрополией никакого контроля над торговыми операциями и развитием промышленности во всей Британской империи. Поэтому к концу XIX в. возникает мысль о таможенном союзе, проповедь которого берет на себя талантливый министр колоний, Джозеф Чемберлен, в 1903 г. оставивший этот пост специально ради кампании в пользу „тарифной реформы“.

Методом укрепления империи явились имперские конференции, т.е. совещания министра колоний с представителями колониальных министерств (преимущественно — колониальными премьерами). Первая конференция собралась в 1887 г. по случаю бриллиантового юбилея королевы Виктории, и ее результаты были чрезвычайно ничтожными: вопрос о сплочении империи на ней не был даже поставлен. Лишь на второй конференции (1897 г.) Чемберлен сделал первый доклад о таможенном союзе, но и вторая конференция не дала практических результатов, так как „домини-

оны“, или самоуправляющиеся колонии, не проявили отзывчивости к самой мысли о создании имперского таможенного союза. Потребовалась бурская война и участие в ней добровольческих контингентов из самоуправляющихся колоний, чтобы собравшаяся немедленно после окончания этой войны третья конференция вынесла несколько пожеланий о более активном участии колоний в деле защиты империи.

Несмотря, однако, на задержки в практическом проведении в жизнь новых течений в деле имперского строительства, факт изменения основ британской колониальной политики к моменту заострения экономического соперничества между Англией и Германией уже давал себя чувствовать в английской политической жизни. Водораздел в политических группировках все более и более стал пролегать по линии отношения к вопросам имперского строительства (вопрос о таможенном союзе, вопрос о военном судостроении и усилении армии, вопрос о перестройке политической организации империи, вопрос об отношениях с Германией). В парламенте и вне его, во всей Британской империи наметились две основные группировки, две основные линии решения поставленных вопросов. Это наметилось особенно резко во время бурской войны, когда в самой Англии возникла сильная оппозиция „южно-африканской авантюре“, возглавляемая радикалами и поддержанная рабочими. К 1906 г. борьба тенденций развернулась вокруг вопроса о „тарифной реформе“, поставленного чрезвычайно остро в порядок дня политической жизни Англии Чемберленом с 1903 г.

3. *Борьба тенденций в Британской империи.* Весь период времени с момента заострения вопроса об имперском строительстве и по начало мировой войны рисуется периодом поражений сторонников укрепления империи. Если до конца XIX ст. впечатление все больше и больше складывалось в том смысле, что Англия начинает управляться преимущественно сторонниками империализма—с 80-х годов пребывание у власти либералов быва-

ло крайне непродолжительным, а их парламентское большинство, складывавшееся к тому же из голосов ирландских депутатов, все уменьшалось, — то с 1906 г. наступает период длительных побед именно либеральной партии. Правда, только в 1906 г., т. е. на первых после бурской войны выборах, либералы получили подавляющее большинство в 354 голоса, что давало либералам „чистое“ большинство без голосов ирландцев и впервые появившейся в стенах Вестминстера Рабочей Партии. На выборах в январе 1910 г. это большинство упало до 124, а на выборах в декабре 1910 г. — последних имевших место до мировой войны — до 126 голосов. Однако, с 1906 и по 1918 г. либеральная партия неизменно пребывала у власти, поддерживаемая и ирландцами и рабочими коммунерами. Эта картина значительно отличается от той, какая была характерна до конца бурской войны, когда на протяжении 26 лет на долю либералов пришлось всего девять лет пребывания у власти, а на долю унионистов — вдвое больший период времени. Но несмотря на такой характер политической жизни Англии накануне войны 1914—1918 г., борьба тенденций внутри Британской империи, заострившаяся с окончанием англо-бурской войны, разворачивалась неизменно в сторону положительного разрешения проблемы консолидации империи.

Вопрос о создании единой военной силы для империи разрешен был первоначально в 1909 г., когда между Австралией и Новой Зеландией, с одной стороны, и Англией, с другой, было заключено соглашение о постройке за счет этих колоний двух дредноутов, девяти контр-миноносцев, одного крейсера, а для Канады построено было шесть контр-миноносцев. Правда, Австралия специально оговорила, что предназначенный для нее дредноут должен находиться в австралийских водах, и что без специального голосования австралийского парламента данное судно не может принять участия ни в каких операциях метрополии. Правда, сэр Вильфрид Лорье, премьер Канады, еще резче подчеркнул суверенность самоуправляющихся колоний, заявив

в 1911 г. на имперской конференции, что безотносительно к характеру военных действий метрополии Канада сохраняет за собою право решать, будет ли она принимать участие в войнах метрополии или нет. В Индии в 1907 г. вспыхнуло серьезное восстание, а с тех пор там усилились течения в сторону „экономической самостоятельности“ и политического освобождения. Таким образом, в течение всего довоенного периода преобладали до известной степени центробежные тенденции, стремление каждой отдельной колонии защитить себя от каких бы то ни было притязаний со стороны метрополии. Но вопрос о политической консолидации империи все-таки оказался сдвинутым с мертвой точки фактом создания вооруженных сил всей империи.

И это вполне понятно. Тот тип имперского строительства, который был свойствен Англии в пору ее мировой промышленной гегемонии, тип торгового влияния на колонии, отпадал с превращением Англии в страну, вывозящую капитал во все возрастающей доле. Финансовый контроль над экономикой и политикой оказывался недостаточным, так как при наличии крупного влияния со стороны финансового капитала иного происхождения этот контроль не всегда обеспечивал и политическое влияние Англии в делах колоний. Наиболее яркую иллюстрацию такого положения доставляли англо-канадские отношения. По данным Григга, британского торгового комиссара в Канаде, в 1910 г. положение дела было достаточно грозным для английского капитала. В общей сумме вложенный в канадские предприятия американский капитал достигал к этому времени 226,8 млн. долл. Правда, Англия являлась все еще главным вкладчиком в канадские предприятия, имея на своем активе 605.453.852 доллар. Но наличие в Канаде 168 промышленных компаний чисто американского происхождения, наличие значительной доли американского капитала в лесном хозяйстве колонии и даже в земельных участках Альберты и Британской Колумбии, а главное — возрастание заинтересованности аме-

риканского капитала в канадском хозяйстве свидетельствовали о начавшейся конкуренции между финансовыми капиталами Англии и Соединенных Штатов. И не трудно было усмотреть именно в этой конкуренции источник некоторых „сепаратистских“ устремлений, установившихся с XX веком в канадской политике. Прямым следствием возрастающей роли американского финансового капитала нужно было объяснить проект договора о взаимности, защищавшегося канадским кабинетом в 1911 г. и построенного на признании необходимости снижения таможенных пошлин на американскую продукцию. Т. обр., одного только финансового контроля становилось уже столь же недостаточно, как и одного торгового контроля, сохранившегося, а уже быстро сходящего на-нет под влиянием конкуренции Соединенных Штатов и Германии. Вопрос о политическом завершении торгово-финансового единства империи вытекал, иначе говоря, не только из необходимости имперской организации военной обороны, но и из потребности сохранения экономического единства.

На этой то почве и развертывалась в Британской империи борьба тенденций. Мы видели уже, что в области военной защиты разрешение вопроса пролегло между двумя тенденциями: колонии начали принимать участие в образовании вооруженной силы империи, но при этом сохраняли за собою контроль за этими силами. Как и всякий компромисс, это решение вопроса оказалось неудовлетворительным и быстро привело, через усиление борьбы тенденций, к новому, более прямолинейному решению. В Канаде в 1911 г. выборы дали большинство сторонникам единства империи во главе с сэром Робертом Борденом, который по образованию кабинета отверг проект Вильфрида Лорье относительно принципа взаимности и занял позиции, соответствовавшие позициям английских унионистов.

4. *Усложняющие вопросы: Ирландия, сепаратизм, земельный вопрос и рабочее движение.* В самой Англии, однако, в одной только области, именно в области внешней политики, эта борьба

тенденций приводила прямо к актам, свидетельствующим о доминировании в английской политической жизни проблемы укрепления политического единства Британской империи. Здесь сэром Эдвардом Греем, министром иностранных дел, продолжен был последовательно курс, взятый еще лордом Розберри. Несмотря на то, что в кабинете Асквита, продержавшемся у власти неизменно до августа 1914 г., находились люди, пытавшиеся организовать сближение между Англией и Германией (лорд Холден, военный министр, и Джон Бернс, министр местного управления), несмотря на то, что либеральная печать вела кампанию за кампанией против и „тарифной реформы“, и проектов всеобщей воинской повинности, и создания общеимперского парламента (выдвинутого новозеландским премьером Уордом на имперской конференции 1911 г.)—внешняя политика Англии продолжала вестись в направлении к созданию защитных союзов и соглашений против Германии. Уже 4 августа 1914 г. выяснилось, что Греем были взяты определенные обязательства относительно участия Англии в войне между Францией и Германией. Связь между Россией и Англией точно так же была гораздо серьезнее, благодаря работе Грея, чем это можно было предполагать и чем это предполагалось населением Англии до мировой империалистической войны. Но еще во время агадирского инцидента—когда империалистические круги Германии решили было использовать „миролюбие“ Англии для нажима на Францию и активной политики в северной Африке—враждебность внешней политики Англии всяким попыткам германской экспансии выявлялась в совершенно ясной форме. Такой ясности, однако, не было ни в чем ином. И это находило свое объяснение в ряде ягучих вопросов, волновавших политическую жизнь метрополии. Такими вопросами были—ирландский, женский, земельный и рабочий.

Ирландский вопрос, еще с восьмидесятих годов являвшийся одним из рещающих вопросов для обеих правящих партий—тори и либералов—по-

существо накануне мировой войны перестал уже быть ирландским. Он стал вопросом о характере имперского строительства. Как раз с проблемой создания политического единства Британской империи, требования населения Ирландии о предоставлении ему права самоуправления (гомруля) поставили перед политическими партиями метрополии дилемму: имперский централизм или федерализм. Опиравшиеся на „протестантский гарнизон“ северо-западных провинций Ирландии унионисты, допуская самоуправление в уже пользовавшихся этим самоуправлением „доминионах“, вместе с тем не намеревались усложнять дело имперского строительства гомрулем для Ирландии. Опыт, говоривший о том, что наибольшие препятствия создаются на пути имперского строительства именно привычкой к отсутствию контроля со стороны метрополии (пример Канады и Австралии, отчасти Южной Африки), заставлял их высказываться против ирландского гомруля. Либералы же, сначала (во время Гладстона) принявшие с некоторой неохотой мысль об ирландском самоуправлении в обмен за голоса ирландских депутатов, с 1906 г. окончательно перешли к идее федерации, как основы государственного единства империи. Пропаганда „деволюции“, т. е. перестройки даже метрополии на началах самоуправления отдельных ее частей (Шотландия, Ирландия, Англия, Уэльс), заняла видное место в деятельности либералов. Но так как голоса ирландцев попрежнему продолжали — в особенности после выборов в январе и в декабре 1910 г. — играть роль решающего фактора в палате общин, то общий имперский характер этого вопроса отступал на задний план. В период 1912—1914 г. этот вопрос, породивший ожесточеннейшую борьбу (вплоть до вооружения и подготовки восстаний кзк „оранжистами“, сторонниками униии, так и националистами и шин-фейнерами, т. е. сторонниками гомруля и полной независимости Ирландии), становится вопросом о насилии над „меньшинством“, об „исторической справедливости“, об „историческом долге Англии“ и т. д. Все годы, непосредствен-

но предшествовавшие мировой войне были годами упорной борьбы унионистов с проектом гомруля, внесенным кабинетом Асквита на рассмотрение палаты общин, трижды ею принятым и трижды же отвергнутым палатой лордов. В самый канун войны в третий раз отвергнутый проект должен был уже стать законом на основании акта о праве палаты лордов на вето, но по взаимному согласию между партиями проведение его в жизнь было отложено до окончания войны.

Второй вопрос, усложнявший картину борьбы тенденций, это — женский вопрос. С начала XX в. в Англии зарождается и крепнет стремление женщин средних классов к равноправию. Разительная разница в образовании, подчеркиваемая частичными исключениями, в политических правах, в семейном положении полов при все усиливающемся вовлечении женщин в капиталистическое производство — ставила перед женщинами ряд вопросов перестройки бытового уклада. В связи с этим здесь возник ряд женских обществ, ставивших своей задачей как политическое, так и экономическое равноправие женщин. Наибольшей известностью пользовался Женский Общественно-Политический Союз, основанный г-жей Панкхерст. К 1911 г. вопрос о женском политическом равноправии был уже поставлен в порядке дня английского парламента. Короткий законопроект, предоставляющий каждой женщине, которая является квартирантисателем, избирательные права (так наз. „примирительный законопроект“), 5 мая 1911 г. был принят палатой общин во втором чтении. Но в виду остроты других очередных проблем английской политической жизни и заострения борьбы вокруг вопроса об ирландском гомруле, продвижение вопроса об избирательных правах женщин задерживалось. В силу этого в политическую жизнь внесен был новый усложняющий момент в виде террористических выступлений деятельниц Женского Социально-Политического Союза. Попытки покушений на министров (суффражистки бросали в них топором, избивали, срывали их митинги и т. п.) завершили собою кампанию

битья стекол в магазинах и других выступлений, имевших целью обратить общественное внимание на женское бесправие (см. *Женский вопрос*, пр. 6/17).

Вносило усложнение в политическую жизнь Англии накануне мировой войны и то обстоятельство, что после победы либералов над палатой лордов по вопросу о праве вето борьба между мелкой буржуазией, представленной либералами, и земельными собственниками, составляющими значительную часть реакционного большинства палаты лордов, перенесена была в экономику. Земельная монополия представляла собою экономическую базу мощи землевладельческой части палаты лордов, и завершение победы над этой палатой либералы основательно видели в изменении всей системы земельных отношений, в уничтожении монополии земельной собственности. Дело, начатое еще консерваторами в интересах укрепления мелкой реакционной поземельной собственности, либералы перестроили уже в 1907 г. на началах муниципальной собственности, сдающей в аренду мелким хозяевам (см. XXI, 106/112. На основании закона 1907 г. до 1914 г. было образовано всего 8.300 собственных земельных и 130.526 арендных хозяйств парцеллярного типа). Ллойд Джордж, после успехов своего „революционного“ бюджета (прогрессивно-подходное обложение и обложение незаработанных доходов) и борьбы с вето лордов, предпринял кампанию против земельной монополии. За два месяца до войны вышло два доклада специальной комиссии, назначенной либеральной партией для обследования земельного вопроса, а еще ранее этого по всей стране проведен был Ллойд Джорджем „крестовый поход“ против крупной земельной собственности.

Наконец, самое крупное значение в смысле усложнения английской политической жизни имело рабочее движение.

Уже с 1900 г. в палате общин появляются два рабочих коммонера, которые занимают независимую позицию и, вопреки установившейся с 1871 г. традиции, не входят в радикальное крыло либеральной партии. В 1906 г.

выборы дают уже 29 рабочих депутатов, образующих свою рабочую фракцию. К 1910 году 12 депутатов углекопов, после выборов в 1906 г. вошедших в состав либеральной партии, переходят к фракции рабочей. С этого момента влияние английских рабочих на парламент начинает как будто крепнуть. Особенно сильно проявляется оно во время обсуждения в парламенте закона о стачках (1906 г.), которым палата общин отменяет судебный вердикт по делу о стачке в Таффской долине. Либеральный кабинет в тот момент подготовил законопроект, который не столько снимал с профессиональных союзов материальную ответственность за причиненный предпринимателям во время стачек ущерб, сколько регулировал эту ответственность. Профессиональные же союзы требовали полной и безоговорочной отмены вердикта суда. Во время выборов каждый кандидат должен был, если рассчитывал на голоса рабочих, дать обещание, что будет поддерживать отмену вердикта. И когда правительственный законопроект был внесен на рассмотрение палаты общин, оказалось, что большинство палаты поддерживает поправки рабочей партии. Это было симптомом возросшего значительно политического удельного веса рабочего класса Англии, при чем факт появления в стенах парламента самостоятельной рабочей фракции, принявшей затем имя „Рабочей Партии“, был лишь слабым выражением тех глубоких изменений, какие произошли в английском рабочем классе накануне войны.

В основе этих изменений лежало как раз именно то, что и порождало попытки перестройки всей британской империи — именно изменение в хозяйственном положении Англии на мировом рынке. В течение длительного периода времени, — фактически с крушения чартизма в 1848 г. — английский рабочий класс совершенно мирился с капиталистическим способом производства и со своим положением в капиталистическом обществе в силу быстрого роста материальной культуры рабочих в обстановке хозяйственной монополии Англии. С конца XIX в.

этот рост приостанавливается, а с начала XX в. рабочий класс переживает реальное ухудшение своего положения. К 1910 г. реальная заработная плата в Англии уже определенно падает: при падении номинальной заработной платы на 0,3%, с 1900 г. по 1910 г. стоимость существования поднялась на 9,9%. Это порождает в 1911-1914 г. резкий подъем стачечной волны и стремление рабочей массы действовать помимо сложившихся исторически правящих партий на аппарат государственной власти. Первоначально вызывая со стороны либерального кабинета Асквита попытки подавления (посылка солдат в Фетерстон, где произошли во время стачки столкновения между войсками и бастующими в 1907 г.), нарастающее рабочее движение скоро ставит в порядок дня политической жизни Великобритании вопрос о социальных реформах. В 1912 г. обе партии — и консервативная и либеральная — соперничают друг с другом в области именно социального законодательства, хотя такие идеологи консерваторов, как лорд Роберт Сесиль, высказываются против либеральных законопроектов, выдвигая теорию государственной безответственности за материальное благополучие населения. Кабинетом Асквита проводится в 1912 г. закон о социальном страховании, далеко оставляющий позади более старый закон германский (о страховании на случай болезни и инвалидности). Даже проблема „тарифной реформы“ в политической литературе начинает окрашиваться в тона, отвечающие удельному значению рабочего движения. В двух сериях памфлетов, появившихся в период ожесточенной политической борьбы 1909—1910 г., необходимость тарифной реформы и нежелательность ее защищались аргументами, способными привлечь на сторону противников или защитников именно рабочую массу. Речь в этот период идет уже не об имперских нуждах и интересах, а о влиянии тарифной реформы на рабочий бюджет.

Такие явления английской политической жизни значительно усложняли, как мы уже говорили, общую картину политической и общественной жизни

Великобритании, вносили в нее новые, дополнительные черты, иногда совершенно затуманивавшие вопросы общеимперского строительства. Тем более это было так, что внутри страны намечалась борьба общественных сил в направлении, неблагоприятно сказавшемся четкой и ясной постановке вопросов последнего порядка.

5. *Классовые отношения в Англии накануне войны.* Выборы 1906 г. дали либералам абсолютное большинство в палате общин. Вместе с тем они впервые выдвинули в качестве самостоятельной силы в английской политике и Рабочую Партию. Как мы видели, оба эти факта были тесно связаны с положением английской промышленности на мировом рынке. Оба эти же факта свидетельствовали и о складывавшихся в Англии классовых отношениях.

Либералы, победившие на выборах 1906 г. и затем проведенные более или менее удовлетворительно выборы в январе и декабре 1910 г., представляли собою к началу XX в. совершенно иной общественный лагерь, чем та партия, которая носила это имя до восьмидесятих годов XIX ст. Английский либерализм эпохи Кобдена представлял собою течение мысли, свойственное промышленному капиталу. Промышленная буржуазия создала эту партию для борьбы за индивидуализм, пользовалась ею для борьбы с фабричным законодательством, ставила перед ней задачу проведения в жизнь свободной торговли. Либеральная партия к XX в. утеряла уже значительную часть поддержки со стороны промышленной буржуазии. Вся тяжелая индустрия целиком и полностью стала на позиции „тарифной реформы“ и империализма. Крупный центр тяжелой индустрии, Бирмингем, дал Джозефа Чемберлена, личная история которого символизировала собою отход тяжелой индустрии от либерализма (Чемберлен был радикалом и стал унитаристом). Либералы продолжали пользоваться поддержкой только части промышленной буржуазии, чьи интересы попрежнему требовали свободы торговли, поддержкой легкой индустрии. Вместе с тем, с изменением положения Англии на мировом рын-

ке и с усилением в ее экономической активности роли финансового капитала — главную политическую силу стал представлять собою именно этот последний, целиком и полностью занявший позиции британского унионизма. К концу XIX в. глэдстоновская партия настолько уже утерала опору в капиталистических кругах, что могла удерживаться у власти только голосами ирландцев.

Бурская война — заострив империалистические устремления унионистов и столкнув их с интересами потребителя идеей таможенного союза и протекционизма — заставила массы населения, обладавшие избирательными правами, снова поддержать либералов. Выборы 1906 г. вернули либералов к власти независимо от ирландских голосов. Но вместе с тем, эти выборы указали либералам, что главная поддержка партии находится в мелко-буржуазных, страдающих от развития мощи финансового капитала, кругах населения и отчасти в рабочей массе, уровень классового сознания которой еще недостаточно высок для борьбы за власть. Вот почему либеральная партия, с таким изменением социального остова ее избирательской массы, повернула далеко в сторону от идей либерализма середины XIX в. и перешла к платформе социального реформаторства. Идеологи английского либерализма попытались дать принципиальное обоснование этому новому перевоплощению либерализма (Герберт Самюэль, Вальтер Ренсимэн, Ллойд Джордж) в теории коллективной, государственной ответственности за индивидуальное благополучие. И практически весь довоенный период отмечен законодательством, которое носит определенное демократический характер: 8-ми часовой рабочий день в копиях (1912 г.), страхование от безработицы, болезни и инвалидности (1911 г.), женское избирательное право в муниципалитетах, государственные пенсии старикам, принудительное отчуждение земель для мелкой муниципальной аренды (1907 г.) и т. д.

Но уже выборы 1910 г. показали, что основной классовый водораздел пролегает не в направлении „тариф-

ной реформы“ против „социальной реформы“, что либералы, по существу, играют роль промежуточного буфера между двумя основными классами английской общественности. Консерваторы-унионисты сплотили вокруг себя весь финансовый и промышленный мир Англии, за вычетом части легкой индустрии (с 1910 г. даже текстильные округа Англии перестали быть безраздельно либеральными). Либералы опирались на неопределенную массу избирателей, еще не нашедшую своей классовой партии и лишь прощупывавшую эту партию в Рабочей Партии. И как ни ничтожны были количественно силы последней, именно она играла роль того лагеря, какой в политической жизни противостоит империалистическому. Либералам не оставалось ничего иного, как использовать для укрепления своего влияния в тех же массах, на которые опирается и Рабочая Партия, именно программы практических мероприятий этой последней. Но и такая тактика либералов не меняла картины. Рабочее движение в стране не утихало. По числу стачек и участвующих в них 1913 г. был рекордным, а первая половина 1914 г. — до начала войны — давала повод ожидать не менее крупных итогов и для этого года. В рабочем классе эти стачки порождали необычайный подъем и укрепляли чувство солидарности в классовой борьбе. Во время, напр., всеобщей дублинской стачки, руководившей Дж. Ларкиным, конгресс тред-юнионов поддерживал стачечников подвозом продовольствия, которое было им заказано у Английского Общества Оптовых Закупок (объединение потребительских рабочих кооперативов в Манчестере). В той же Ирландии образовалось два вооруженных лагеря, при чем рабочим и там, в этой борьбе унионистов, во главе с Карсоном, с националистами и шин-фейнерами, принадлежала немалая роль: рабочие создали и вооружили „гражданскую армию“, во главе которой стояли в частности и вожди стачки (Джемс Коннолли и др.), и которая в 1915 г. восстала против Англии. Женское движение продолжало разрушать традиционное уважение к законности и парламен-

таризму. А работа унионистов среди армии и отказы офицерского состава подчиняться распоряжениям правительства содействовали еще больше ослаблению авторитета власти.

Т. обр., классовые отношения в Англии в самый канун мировой империалистической войны складывались определенно, как отношения между двумя основными классами общества, консервативным классом собственников и революционным, несмотря на недостаточный еще уровень классового сознания, классом рабочим. Естественно, что это и должно было необходимо найти отражение в позициях либералов, — ни к одному из этих классов не принадлежавших и опиравшихся на промежуточные мелко-буржуазные слои населения, — расхождением практики и принципов.

Несмотря на то, что пацифизм и сокращение вооружений фигурировали в программе либералов, рост вооружений шел непрерывно в течение всего периода пребывания либералов у власти. Несмотря на то, что формальная демократия являлась одним из самых важных пунктов в либеральной программе — и даже была основным аргументом в борьбе либералов с палатой лордов — именно либералы первыми внесли в практику английского парламентаризма приемы управления, сводившие на нет роль представительного собрания. Так, окончательное решение вопроса о гомруле и вопроса о вето лордов дано было не столько вотумом палаты общин, сколько сговором между лидерами либеральной и консервативной партии. Так, отвергнув идею общеимперского парламента и кабинета, либералы одновременно проводили в жизнь политику, требовавшую расширения компетенции английского государства в вопросах имперского строительства и потому проводившую еще более глубокую борозду между прежней полной ответственностью кабинета перед парламентом и установившейся накануне войны свободой действий в ряде общеимперских актов.

6. *Война и политический строй Англии.* Особенно все эти тенденции сказались в политическом быту Англии немедленно после того, как 4 августа 1914 г.

сэр Эдвард Грей внес в палату общин свое предложение о выступлении Англии против Германии, и палата вотировала объявление войны. Самое участие Англии в войне, — вытекавшее с логической неизбежностью из общеимперской политики страны, в свою очередь явившейся результатом положения Англии на мировом рынке, — было формально предусмотрено рядом соглашений, о которых английский парламент вовсе не был осведомлен. „Сэр Эдвард Грей — говорилось совершенно основательно в циркулярном письме исполнительного комитета Рабочей Партии к входящим в партию организациям от 7 авг. 1914 г. — как это совершенно доказано фактами, общенными им самим палате общин, обязал страну, без ведома нашего народа, поддерживать Францию в случае возникновения какой бы то ни было войны и дал гарантии поддержки ранее, чем палата общин имела какую-либо возможность обсудить этот вопрос“. Именно в силу такой фактической независимости внешней политики Англии от народного представительства немедленно после начала войны здесь образовывается „Союз Демократического Контроля“, ставящий себе целью борьбу за уничтожение „тайной дипломатии“, что и нашло выражение в следующих двух положениях программы Союза: 1. Никакая часть территории не может быть передана от одного правительства к другому без согласия, выраженного плебисцитом или иным способом, самого населения данной территории. 2. Никакой договор, соглашение или обязательство не могут быть заключены от имени Великобритании без санкции парламента. Должен быть создан соответствующий аппарат демократического контроля над внешней политикой. Основоположниками этой организации были в равной мере и рабочие и либералы. Так, секретарем Союза стал с самого начала Э. Д. Морел, скончавшийся в ноябре 1924 г., а в числе членов исполнительного органа его были Рамзей Макдональд, Артур Понсонби, Чарльз Тревелльян, Норман Энджел, Джон Гобсон и др. Другими словами, Союз Демократического Контроля сразу же привлек, в подлинном

смысле этого слова, цвет мелко-буржуазной интеллигенции Англии — и это было результатом определенно недемократического характера английской внешней политики, вскрытого первыми проявлениями войны в английской политической жизни.

Но отсутствие подлинного подчинения кабинета парламенту представляло собою явление, которое было лишь вскрыто войной, а существовало в английском политическом быту давно, прикрываясь различными формами и традициями (напр., „традицией непрерывности внешней политики“, т.-е. неизменности ее при всех кабинетах). Равным образом, существовало в английском быту и ранее усиление роли „постоянных чиновников“ различных министерств — до такой степени, что некоторые авторы (напр., Веббы) считали такую роль чиновников даже положительным явлением, усматривая в ней укрепление влияний, „независящих от классовых интересов“. Война же произвела в политическом строе Англии несравненно более радикальный переворот. Речь идет о фактическом уничтожении всякого значения парламента на время войны.

Кабинет Асквита еще продолжал некоторое время довоенную политику правительства партий. Но уже с мая 1915 г. партийный кабинет Асквита был сменен коалиционным кабинетом национальной обороны, совершенно порвавшим с традицией правительства партий. В этот кабинет, под руководством попрежнему Асквита, вошли и либералы, и консерваторы (в том числе вождь олстерских „бунтарей“, Карсон), и рабочие, при чем Гендерсон занял пост министра народного просвещения, а Робертс и Брейс поделили между собою портфели товарищей министра финансов и внутренних дел. Смысл перестройки кабинета заключался в укреплении его авторитета и освобождении его от парламентского контроля. Все дела решались после перестройки фактически без обсуждения в парламенте. Да и могло ли быть иначе, раз кабинет превращался в своего рода представительное собрание всех партий, вместо того, чтобы быть аппаратом партийного господства?

Менее, чем через полтора года к этой перестройке прибавилось еще образование так наз. Военного кабинета из пяти представителей министерства, во главе с Ллойд Джорджем, ставшим тогда уже премьер-министром. Этот Военный кабинет представлял собою совершенно определенно исполнительный орган при представительном собрании — собственно кабинете. Но и юридически отрыв кабинета от парламента был оформлен в ряде законодательных актов. Свободу действий правительства не могли умалить после издания „Актов о защите державы“ не только партийные соображения, программы или обязательство, но и конституционные гарантии. По этим актам „король в Совете“, т.-е., на деле, кабинет министров получил ничем неограниченное право в области организации обороны и забот об общественной безопасности, что сводилось, в частности, к предоставлению министру внутренних дел неограниченного права ареста и высылки в концентрационные лагеря „любого, живущего в пределах королевства, лица“.

Подобная политическая революция привела, разумеется, и к созданию нового аппарата в государстве. В частности, прежний характер кабинета, как совещания премьера с товарищами по министерству, не имеющего формального значения, изменился, и кабинет превратился в формально заседающий и ведущий протоколы государственный орган. Был создан и специальный „секретариат кабинета“, на который возлагались обязанности по координированию работ отдельных министерств, по обслуживанию конференций между премьерами различных государств и т. п. Окончательно этот аппарат сложился уже по восстановлении мира, в ноябре 1919 г., но ведет он свое происхождение еще с начала 1917 г.

Во время войны был сделан шаг и к тому, чтобы превратить английский кабинет в аппарат управления всей империей. Прежде всего, колонии приняли самое горячее участие в военных операциях Англии. Канадские войска сражались у Ипра и в других пунктах французского фронта; австралийские войска принимали участие в галлипол-

дийских, месопотамских и иных операциях. К концу 1916 г. Австралия дала войне не менее 500 тысяч солдат и Канада — почти полмиллиона. Новая Зеландия ввела в июле 1916 г. всеобщую воинскую повинность. Даже буры, во главе с генералом Сметсом, героем бурской войны, и индусы приняли активное участие в войне. Таким образом, военное единство Британской империи получило значительный размах и окрепло в результате войны. Но участие в войне поставило перед колониями вопрос и об участии в направлении внешней политики. „Империя — говорил в декабре 1915 г. сэр Роберт Борден, премьер-министр Канады — значительно выросла в наших глазах по сравнению с тем, что она прежде представляла год тому назад. После того, как мощные армии доминионов и коронных колоний выстроились в боевую линию, началась новая и удивительная эпоха для империи. Чрезвычайно важным событием открывают собою новый порядок вещей, и мы уже можем сказать, что внешняя имперская политика не является более делом одной Великобритании; вопросы войны и мира не могут и не будут решаться в империи ею одной“. В таком же духе высказывались и Андроу Фишер, бывший премьер Австралии, и Вильям Юз, тогда занимавший этот пост. Но дело не ограничилось только декларациями колониальных премьеров. В 1916 г. на заседании кабинета, на котором намечались и ближайшая политика империи и условия участия доминионов в мирных переговорах, принимали участие премьеры Канады и Австралии, Борден и Юз, в качестве полноправных членов кабинета. Т. обр., война сильно сблизила отдельные части империи с метрополией и фактически поставила вопрос о перестройке государственного аппарата всей империи.

К этому следует еще прибавить и сдвиг в вопросе о протекционизме. Во время войны, в интересах ограждения английского производства, введен был ряд таможенных тарифов, так наз. тарифы Мак Кенны. Врешь в фритредерских позициях либералов была, таким образом, пробита.

Мировая империалистическая война, однако, сблизив колонии с метрополией и вызвав ряд значительных перемен в общем строе политической жизни страны, подрывала одновременно экономический базис, на котором строится единство Британской империи. Она привела к экономическому истощению Англии (см. т. XLVI, *Финансирование войны* и т. XLVII, *Денежный кризис эпохи войны*)—и чрезвычайно ослабила мощь английского финансового капитала.

7. *Период капиталистической спекуляции.* Война с ее повышенным спросом на продукты определенных ответвлений народного хозяйства и созданием искусственной монополии на ряд предметов массового потребления необходимо содействовала развитию капиталистической спекуляции. Рост цен, инфляция, финансовые операции в связи с займами, законодательное и административное воздействие на заработную плату, в смысле задержки ее роста — все это имело место в Англии в годы войны и все это порождало накопленные огромные состояния. Частично, когда источник состояния заключался в „сверх-прибылях“ военных предприятий или предприятий иного характера, этот рост поддавался немедленно учету и даже в условиях острой финансовой нужды государства экспроприировался государством в виде налога на сверх-прибыль, доходившего до 80% последней. Но общая картина выяснилась только по окончании войны, когда налоговая политика государства дала возможность установить нарастание богатства для всего населения, облагаемого подоходным налогом. Особой комиссии палаты общин по вопросу о росте богатств во время войны в 1920 г. были доставлены след. сведения (см. ст. 409/10).

Т. обр., за время войны состояния, учитываемые при подоходном обложении, выросли до 13 миллиардов ф. ст. в год. И надо принять во внимание, что во время войны дивиденды отдельных фирм росли чрезвычайно быстро.

Борьба с этой спекуляцией велась государством в Англии в различных направлениях. С одной стороны, с первых же моментов войны был при-

Группы с доходом		Число лиц	Общая сумма дохода после войны	Увеличение дохода за время войны
от	до		в млн. ф. ст.	в млн. ф. ст.
—	5.000 ф. ст.	—	3.946	1.334
5.000	10.000	146.560	1.054	286
10.000	25.000	120.000	1.909	549
25.000	50.000	42.310	1.500	423
50.000	100.000	17.870	1.241	401
100.000	250.000	9.700	1.400	469
250.000	500.000	2.575	884	314
500.000	750.000	585	351	129
750.000	1.000.000	200	169	64
1.000.000	и выше	280	590	200
Всего . . .		340.010	13.046	4.189

нят ряд мер по контролю над рынком некоторых продуктов массового потребления (сахар, затем пшеница и т. д.). К 1919 году фактически весь продуктовый и сырьевой рынок находился уже под правительственным контролем, при чем к концу войны была введена и карточная система распределения наиболее важных продуктов. С другой стороны, за время войны введено было обложение сверх-прибылей, давшее за период с 1916 по 1920 г. свыше 900 млн. ф. ст. дохода казначейству, несмотря на то, что фирмы широко практиковали „разжижение“ своего основного капитала, выдавая акционерам дополнительные акции без взноса какой бы то ни было платы за них, и скрывали сверх-прибыли под видом повышенных отчислений на амортизацию, в резервный фонд и т. д. Все меры этого порядка, вошедшие в историю под именем „военного социализма“, однако, не помешали образованию колоссальных капиталов в руках у немногих фирм (см. в XLVI т. *Рабочее движение во время войны*).

Другой чертой этого периода спекуляции было укрепление концентрации капитала. Из 43 акционерных банков в Англии 1913 г. к концу войны осталось всего только 20. При этом именно в военный период все банковское дело оказалось в руках у „большой пятерки“, пяти финансистов, располагающих 83% всего английского банковского капитала. Этот процесс амальгамации и концентрации развернулся и в промышленности. Так, известная, мыловаренная фирма „Левер и братья“, располагавшая акциями 40 компаний в 1913 г. на сумму в 11,7 млн. ф. ст., к 1921 г. была уже владельцем 158 компаний с капиталом в 46,7 млн. ф. ст. Наконец, для характеристики этого периода капиталистической спекуляции необходимо привести еще и тот факт, что образовавшийся в данный период новый капитал шел не на создание новых предприятий, а на усиление финансовой мощи старых по преимуществу. Число новых предприятий и компаний за время войны значительно сократилось, как сократилась и сумма вложенных в них капиталов:

Годы	Число компаний	Компаний, капитал млн. ф. ст.
1913	7.425	157,2
1914	6.214	113,2
1915	4.082	53,3
1916	3.393	50,4
1917	3.983	67,8
1918	3.504	127,9

Таким образом, военный период в истории Англии был отмечен, во первых, концентрацией капитала, а во вторых, значительным укреплением финансового капитала при общем хозяйственном и финансовом истощении страны. Это и предопределило собою политическую жизнь в последовавшие вслед за окончанием войны годы.

8. *Крах либерализма.* Организатором военной Англии с 1916 г. был Ллойд Джордж, в довоенный период являвшийся пугалом для всех прекраснодушных дам из „Лиги подснежника“ (женская консервативная ассоциация). Он был вождем либералов и радикалов в их борьбе с лордами и с крупным финансовым капиталом. Он явился вдохновителем и проводником социального законодательства накануне войны. Но война изменила ориентацию мелкой буржуазии, фактическим лидером которой был Ллойд Джордж. Склонявшаяся к союзу с рабочими, в свою очередь еще недостаточно освоившимися с мыслью о самостоятельной борьбе за власть, либеральная партия в момент войны раскололась. Часть ее, проникнутая настроениями либерализма середины XIX в., вышла из партии, не приняв войны и уйдя в оппозицию (Союз демократического контроля поглотил значительную часть этих сецессионистов). Часть продолжала оставаться в партии, но, не разделяя все усиливавшегося империализма Ллойда Джорджа, сошла на время с исторической сцены вместе со своим вождем Асквитом. На переднем плане во время войны продолжали оставаться только национальные либералы, как их впоследствии стали называть,

быстро усваивавшие и империализм и общую линию политики унионистов.

Эти расколы военного времени были предверием к расколам послевоенного периода. До 1922 г. Ллойд Джордж продолжал оставаться у власти, проводя уже политику не довоенного либерализма, а унионистов, с которыми он и составил свой кабинет после выборов 1918 г., оставивших у власти коалиционный кабинет, но без участия представителей Рабочей Партии (об эволюции последней к этому времени см. т. XLVI, *Рабочее движение во время войны*). Данный кабинет оказался всецело во власти финансовых группировок Англии. Когда один единственный раз кабинет министров, под влиянием Ллойда Джорджа, попытался занять позиции, расхволившиеся с позициями банковского капитала, „Financial Times“ (26.IX, 1921) напомнил кабинету об этой его зависимости: „Разве он и его коллеги не представляют себе ясно, что „полдюжины человек“, руководящие пятью крупными банками, могут свергнуть всю правительственную постройку финансов, отказавшись возобновить векселя казначейства?“ И вместо политики социальных реформ, вместо политики свободной торговли — коалиционный кабинет постепенно усвоил политику финансового капитала, подготавливавшего тот процесс накопления, какой в последующие годы перекладывал все бремя восстановления английской экономики на плечи рабочих и порождал небывалое в истории страны заострение классовых противоречий. Именно этот коалиционный кабинет провел 19 авг. 1921 г. закон об охране промышленности, служивший первой послевоенной ступенькой к последовательному протекционизму и завершавший „тарифы Мак Кенны“. Именно этот кабинет отвергал все мероприятия, предлагавшиеся рабочими (в частности Ллойд Джордж решительно выступил против проекта национализации копей, выдвинутого горнорабочими в 1919 г. и поддержанного всей Рабочей Партией). Именно этот кабинет провел отказ от контроля над железными дорогами и копами, установленный во время войны, но связывавший руки капиталистам. Именно этот кабинет вел

политику ослабления со стороны рабочих организаций, всячески втягивая их в органы по классовому сотрудничеству (комиссии Уитли по примирительному разбирательству и т. п.). Словом, от либерализма новой формации, либерализма 1906—1914 г.г. не остается и следа. Вместе с тем, кабинет Ллойд Джорджа ведет политику сначала интервенции, затем блокады Советской России, тем самым закрывая английским товарам доступ на огромный и емкий русский рынок. Вместе с тем, он проводит последовательно в жизнь постановления мирной конференции в Версали, превратившей главного из европейских потребителей английской промышленности, Германию, в банкрота.

В результате, отколы от либеральной партии продолжают постоянно и неизменно. Недовольная союзом с протекционистами мелкая буржуазия начинает искать защиты своих потребительских интересов то у старой гвардии либерализма (независимые либералы во главе с Асквитом), то у Рабочей партии, в которую вливается значительная часть бывших либералов еще в 1918 г. Ллойд Джордж остается в ничтожном меньшинстве даже в коалиционном кабинете. На выборах 1922 г. за него и его сторонников подано было уже только 1.678.088 голосов, по сравнению с 5.383.896 голосами консерваторов, 4.236.733 голосами Рабочей Партии и 2.507.204 голосами независимых либералов (последователей Асквита).

9. *Безработица и ее причины.* Оселком испытания нового политического строя, установившегося после войны, оказывается безработица, нависающая черной тучей над всей английской жизнью с 1921 г.

Первым экономическим отображением окончания войны явился лихорадочный подъем промышленности. Несколько лет отсутствия надлежащего снабжения мирового рынка мирной промышленностью, несколько лет повышенного голода на предметы широкого потребления и восстановление изношенных орудий производства создают картину повышенной активности всех предприятий немедленно после оконча-

ния войны. Но эта ложная конъюнктура под'ема очень быстро сменяется чрезвычайно тяжелым и затяжным кризисом. Уже в 1920 г. чувствуются некоторые признаки наступающего перепроизводства. К 1921 г. емкость рынка быстро и катастрофически сжимается. И в Англии наступает длительная полоса самой тяжелой безработицы, которая когда-либо переживалась рабочим классом страны. На протяжении всего военного периода число безработных членов тред-юнионов колебалось от 1,1% (в 1915 г.) до 0,4% (в 1916 г.). На протяжении всего XX века средняя безработица установилась в 4,4%. Между тем, в 1921 г. пропорция безработных среди членов профессиональных союзов сразу поднялась до 15,3%, а в 1922 г.—до 15,4%. Правда, в 1923 г. эта пропорция понизилась до 11,3%, а в 1924 г.—до 8,1% (см. XL, 40, прил., табл. 52-53), но в 1925 г. вновь повышается до 10,5%. При этом следует иметь в виду, что данные о безработице берутся преимущественно из записей в „вакантных книгах“ тред-юнионов, а длительный безработный в большинстве случаев выходит из союзов (за это время число организованных в союзы сократилось с 8 миллионов с лишним в 1920 г. до 4 с половиною миллионов в 1923 г.); поэтому эта пропорция не дает правильного представления о степени интенсивности безработицы, преуменьшая ее значительно. Как бы там ни было, в течение всего периода с 1921 г. в Англии установилась длительная и значительная безработица, бедствия которой не исчерпываются только фактическим числом потерявших работу, а концентрическими кругами отдают по всей промышленности. В отдельных отраслях народного хозяйства эта безработица сказывается сокращением работ без актуального расчета рабочих (в текстильной промышленности в 1924 г. помимо 15% безработных, 29% работало всего по 19 часов в неделю, получая заработка сдельно). В других она сказывается падением заработной платы.

Боули (в сборнике „These eventful Years“, The Encyclopaedia Britannica Comp., v. I, ch. 25) дает следующую

сводку движения денежной заработной платы для некоторых профессий и средней для всех видов труда к середине каждого года от 1915 по 1923 г., по сравнению со серединой 1914 г., и изменение стоимости жизни (питание, одежда, кварт. плата, отопление и разные) по официальным данным за тот же период (см. ниже).

Принимая во внимание спорность и преуменьшенность официальной оценки вздорожания жизни (см. LX, прилож., табл. 47), нельзя не признать,

что положение английского рабочего значительно ухудшилось.

О том же процессе пауперизации рабочих говорят и данные о деятельности попечительства о бедных, к помощи которых прибегают, хотя и чрезвычайно неохотно, поставленные в тяжелое положение рабочие. В 1920 г. число пользующихся помощью этих попечительств составляло в день (в январе) в среднем только в Англии (с Уэльсом) 574.383, в 1921 г.— 659.583, а в 1922 г.—уже 1.486.494 и в 1923 г.—1.530.362.

Профессии.	1914	1915	1916	1917	1918	1919	1920	1921	1922	1923
Каменищик-мастер..	100	102	108	122	157	185	235	222	188	131
„ подручный	100	103	115	134	185	224	300	278	185	177
Квалиф. раб. механ. отр.....	100	110	111	134	173	197	230	230	188	146
Углекопы.....	100	113	119	136	187	222	242	208	133	130
Сельско хоз. раб....	100	112	—	—	189	226	227	277	192	188
Среднее по всем профессиям.....	100	{ 105— 110	{ 115— 120	{ 135— 140	{ 175— 180	{ 210— 212	260	264	197	176
Стоимость жизни по официальным данным.....	100	125	145	185	205	210				

Словом, с 1921 г. картина складывалась самым определенным образом, как картина затяжной тяжелой депрессии. И причины этой депрессии были совершенно ясны. Они заключаются в сокращении, и весьма значительном, внешних рынков Англии (см. XL, прилож., табл. 38 в).

И столь же ясны были причины сокращения емкости английского рынка. С одной стороны, из системы мировых товарных отношений вышиблена была политикой блокады вся восточно-европейская равнина, с другой, и центральная Европа перестала потреблять английскую продукцию за неимением возможности оплачивать ввозимые товары. Слабым оказывался после войны спрос и со стороны колоний, так как за время войны отсутствие снабжения из Англии вызывало в колониях к жизни строительство собственной промышленности.

Т. обр., безработица, а главное—ее затяжной характер и причины, порождающие столь интенсивное сокращение емкости английского рынка—ставили перед государством совершенно определенную проблему восстановления народного хозяйства в самый короткий срок. И от ответа на этот вопрос со стороны той или иной политической группировки и зависели, в сущности, судьбы этой группировки в политической жизни страны.

Ллойд-Джордж, как мы видели, попытался в своем коалиционном кабинете пойти по пути тарифной реформы. Но опираясь на мелкую буржуазию и те рабочие массы, которые еще не доросли до понимания необходимости завоевания политической власти, он недооценил потребительских интересов своей социальной базы. Идея протекционизма у этой массы непопулярна в силу значения для нее де-

шевых продуктов питания, т. е. основных статей английского импорта (см. табл. в начале статьи). Вместе с тем, коалиционный кабинет не придерживался твердой линии даже в этом вопросе. Неопределенность политических позиций промежуточных слоев населения в критические моменты лишает их твердости и решительности. В силу этого политическая жизнь Англии необходимо должна была вернуться к одной из двух альтернатив: либо последовательный империализм, с перестройкой всей Британской империи на началах таможенного союза, либо радикальное изменение всей европейской политики Англии в поисках европейских рынков.

10. *Победа и поражение консерваторов.* Выборы 1922 г. должны были дать ответ на этот кардинальный вопрос английской политики и экономики. Результаты выборов показали, что либерализм в Англии уже окончательно сошел на нет, что здесь постепенно водораздел начинает проходить между консерваторами и Рабочей Партией. Рабочая Партия почти целиком отвоевывала места у либералов, консерваторы же сохранили фактически прежнее количество мест (см. XL, прилож., табл. 64).

Либералы превратились в третью по численности партию в парламенте. Правда, число голосов, поданных за каждую группировку, еще говорило об относительном равенстве избирательных шансов и либералов и рабочих кандидатов. Так, собрано было голосов:

консерваторами.....	5.383.896
рабочими.....	4.236.733
над. либералами.....	2.507.204
вез. либералами.....	1.678.068
прочими.....	375.510

Вместе с рабочими коммонерами либералы имели бы абсолютное большинство, если бы избирательная система Англии—после реформы 1918 г., предоставившей избирательные права всем взрослым мужчинам и части женщин (в возрасте от 30 лет самостоятельным и 25 лет самостоятельным), но оставившей деление на округа неизменным и неравномерным—давала точное отражение в парламенте числа поданных голосов. Тем не менее—выбо-

ры 1922 г. предоставили решение кардинального вопроса о путях политического и хозяйственного развития Англии консерваторам.

И как раз эта партия, имевшая в таможенном союзе империи определенное решение, потерпела на этом именно вопросе поражение. Имперская конференция, созданная для решения вопроса о таможенном союзе, на этот раз определенно отвергла единственное решение, какое консерваторы могли предложить.

В результате, предложения Болдвина, премьер-министра консервативного кабинета, не нашли поддержки и в палате общин, так как нац. либералы по вопросу о тарифной реформе опять колебались, учитывая, с одной стороны, настроения избирателей, а с другой—настроения колоний. К январю 1924 г. Англия поэтому пережила новые выборы.

Но прежде чем перейти к ним, необходимо остановиться на подлинных причинах поражения кабинета Болдвина. Если непосредственным поводом к отставке его был вотум палаты, то в основе этого поражения консерваторов лежит основное противоречие английского капитализма, создавшего до войны огромную семью колоний, плохо связанных политически с метрополией, а во время войны утратившего прежний свой финансовый контроль над ними. Мы уже отмечали, что за время войны английские колонии значительно развернули свою промышленность. Это, разумеется, не представляло собою ничего отрицательного с точки зрения английского финансового капитала, поскольку последний был фактическим хозяином этой промышленности. Ведь в отличие от французского капитала, довольствовавшегося всегда более низким процентом, английский получал с этих предприятий более высокую прибыль и оставался полновластным хозяином. До войны, как читатель уже знает, в Канаде, напр., в предприятиях английский капитал определенно преобладал. И если бы строительство колониальной промышленности продолжалось и во время войны при помощи английского финансового капитала, в результате полу-

чился бы рост внутримперской мощи, рост тяги к имперскому единству и даже повышение спроса на английскую продукцию со стороны колоний.

Но в том то и дело, что за время войны Англия не экспортировала не только своей продукции, но и своего капитала; капитал оставался для погашения военных издержек. Более того. Акции различных предприятий, в том числе и колониальных, ею распро-

вались. Таким образом, контроль над колониальной промышленностью стал переходить в другие руки. Но и по окончании войны, благодаря крайне большому финансовому голоду в самой Англии, приток капиталов в колонии оказывался чрезвычайно незначительным. Так, в течение послевоенного периода назначение новых капиталов приобрело следующий вид:

для	1920 г.		1921 г.		1922 г.		1923 г.	
	млн. ф. ст.	%	млн. ф. ст.	%	млн. ф. ст.	%	млн. ф. ст.	%
Англии.....	323	89	278	71	443	77	92	51
колоний.....	32	9	90	23	75	13	52	29
др. стран.....	8	2	22	6	55	10	37	20

В результате, естественно, оказывается, что финансовый контроль в колониях переходит все больше и больше в руки, главным образом, американского капитала. Особенно сильно это чувствуется в Канаде, территориально близкой к Соединенным Штатам и давно уже служившей ареной соперничества для английского и американского капиталов. Здесь к началу 1923 г. ни в одном предприятии не было более 13% английского капитала, в ряде же ответвлений народного хозяйства Канады пропорция английского капитала упала до 0,3%. Но Канада—не исключение. Когда в конце 1923 г. премьер-министр Квинсленда, Теодор, искал займа для государственной промышленности этой колонии, Лондон отказал ему в займе, а Соединенные Штаты покрыли заем своей подпиской—несмотря на то, что в Квинсленде это означало усиление „национализаторских“ склонностей рабочего правительства...

Это то ослабление финансового контроля метрополии над колониальной экономикой и является в основе причиной того крушения политики тарифной реформы, которое вызвало в конце 1923 г. падение кабинета Болдвина и повлекло за собою выборы в январе 1924 г.

11. *Первое рабочее правительство и нарастание классово-борьбы.* Кабинет Болдвина был вынужден подать в отставку в результате голосования против него и либералов и рабочих. Поэтому на выборах в январе 1924 г. установилось и своего рода избира-

тельное соглашение между этими двумя партиями против консерваторов. В результате, хотя соотношение голосов, поданных во время выборов, фактически не изменилось—консерваторы потеряли всего 24 тысячи, рабочие выиграли 66 тысяч, а либералы—111 тысяч—тем не менее, благодаря объединению национальных и независимых либералов и определенному избирательному соглашению в одних округах и борьбе „в три угла“ в других, численное соотношение сил в парламенте оказалось изменившимся не в пользу консерваторов (см. XL, прилож., табл. 38 в).

Ни одна партия, в результате, не могла самостоятельно образовать кабинета. Известное соглашение, если не прямая коалиция, представляло единственный выход из создавшегося положения. Второй по силе партией была рабочая. На ее долю и выпало решение вопроса о форме образования нового кабинета. Путем сговора с либералами лидер Рабочей Партии, Макдональд, выбрал путь согласованной работы, при чем основой для соглашения был избран тот выход из политического и экономического тупика, который был альтернативен проекту таможенного союза, а именно—путь сближения с СССР и с Германией, путь фактического отказа от прежней внешней политики Англии. Либералы пошли на это соглашение, обезопасив себя от „социалистических экспериментов“. Таким образом, впервые в истории Англии на политической арене появился рабочий кабинет.

Первым же шагом нового кабинета было признание СССР „de jure“ и начало переговоров, закончившихся в августе подписанием ряда англо-советских договоров. Но поскольку признание вытекало из соглашения и было поддержано либералами, постольку в вопросе о конкретном характере договоров наметился раскол между „союзниками“. При ожесточенной оппозиции консерваторов, либералы заколебались. „Уступчивость“ кабинета Макдональда (вызванная прямым нажимом на него со стороны тред-юнионов) им рисовалась чрезмерной, и они не оказывали договорам столь бесспорной поддержки. В результате этого расхождения и прикрываясь—из за отсутствия альтернативного решения вопроса—отказом кабинета привлечь к судебной ответственности редактора коммунистического органа Кемпбелля, либералы, вместе с консерваторами в октябре оставили рабочее правительство без большинства в парламенте и вызвали парламентский кризис, разрешение которого дано было выборами 29 октября 1924 г.

Но и ранее неоднократно непрочность соглашения была ясна. Неоднократно кабинет Макдональда оставался в меньшинстве. И хотя парламентские традиции требуют в таком случае ухода кабинета в отставку, по молчаливому нежеланию всех итти на выборы без программы признавалось, что такое голосование не имеет принципиального значения и не влечет за собою отставки кабинета. Несмотря, однако, на непрочность парламентского положения кабинета Макдональда, он представлял собою, с точки зрения и консерваторов и либералов, определенный плюс. Рабочая масса рассматривала его, как свой кабинет (в составе его преобладали рабочие, хотя многие посты замещены были независимыми либералами) и потому считала, что этот кабинет даст ей разрешение ряда больших вопросов (безработица, жилищный вопрос) и гарантирует ее безопасность от наступления капитала по линии государственных преследований союзов. В этих условиях заострявшаяся в течение всего периода с 1921 г. классовая борьба необходимо

должна была смягчиться—и смягчилась.

Но не надолго. Наличие рабочего кабинета возбудила в рабочих такие ожидания, каких не мог оправдать кабинет Макдональда, гораздо более близкий по духу либеральным кабинетам прежнего времени, чем рабочей классовой борьбе. Макдональд неоднократно подчеркивал, что он не сторонник классовой борьбы, а его министры, в роде ближайших его заместителей Томаса и Кляйнса, с 1918 г. являлись и являются активными участниками „Ассоциации предпринимателей и рабочих“, созданной с целью „примирить интересы хозяев и рабочих“. Таким образом, очень быстро наступило разочарование в кабинете. Вожди профессиональных союзов начали открыто критиковать поведение рабочих министров, при чем их критика вполне нередко совпадала с критикой, исходящей от небольшой численно, но хорошо построенной Коммунистической Партии Великобритании. Вполне поддерживая политику Макдональда в деле сближения с СССР, вожди профессиональных союзов на гульском конгрессе (сентябрь 1924 г.) определенно указывали кабинету, что его задача—не выполнять придворные функции, а выступить с программой реформ, „для проведения в жизнь которых мы и создали“ Рабочую Партию. В свою очередь, профессиональные союзы Англии начали сближаться с союзами СССР (посещение делегацией последних, во главе с Томским, гульского конгресса). При наличии же такого расхождения между союзами, имеющими внутри Рабочей Партии главную массу голосов, роль рабочего кабинета в смысле „умиротворителя“ уже не была столь значительной, чтобы консерваторам и либералам необходимо было в классовых своих интересах поддерживать не имеющий большинства в палате кабинет.

Отсюда то поражение кабинета, которое и вызвало выборы в октябре 1924 г. Выборы проходили целиком под знаком борьбы за англо-советские договоры, т.-е. за то решение вопроса о дальнейшем развитии английской экономики и Британской империи, ка-

кое предлагается рабочим классом Англии. Во время выборов и на этот раз либералы перестали играть самостоятельную роль. Из-за желания не допустить рабочего кандидата, либералы отдавали свои голоса консерваторам. Таким образом, выборы превратились в неосложненную прежними партийными делениями генеральную схватку между двумя классами: капиталистическим и рабочим.

Исход выборов все еще был далеко неопределен, когда Макдональд был поставлен в тяжелое положение неожиданно для него сфабрикованным „письмом Зиновьева“, рассчитанным на запугивание рядового избирателя призраком „красного заговора“ (как это было названо в Англии), коммунистической революции. Растерявшись и не успев в достаточной мере овладеть аппаратом министерства иностранных дел, где он оставил на своих местах всех старых чиновников, Макдональд допустил посылку вызывающей ноты представителю СССР, Раковскому, по поводу этого „письма“, чем создал в умах у многих избирателей убеждение в подлинности последнего и придал консервативным аргументам против сближения некоторую долю убедительности. В результате—хотя число голосов, поданных за рабочих кандидатов, увеличилось почти на 1.100.000—число мест в парламенте оказалось ничтожным, по сравнению с предшествующими выборами: именно 151, вместо 192.

Больше всего, однако, пострадали в эти выборы либералы, число представителей которых упало до 40 (вместо 158). Выиграли консерваторы, которые получили 400 мест. Т. обр., как это всегда бывает в исторические периоды, отмеченные значительным заострением классовых отношений, политическая роль промежуточных классов сходит на нет, лицом к лицу остаются два основных класса.

Это наиболее выпукло обрисовалось в апреле—мае 1926 г., в силу заострения до степени всеобщей забастовки конфликта в горно-заводской промышленности.

Основным непосредственным поводом к обострению было стремление

горнопромышленников добиться сокращения заработной платы (до 25%), удлинения 7-часового рабочего дня (до 8 ч.) и заключения коллективных договоров в областном, а не общегосударственном масштабе. Горняки чрезвычайно упорно сопротивлялись этим притязаниям горнопромышленников, усматривая в данном наступлении капитала лишь первый шаг к общему ухудшению положения рабочего класса и переложению на рабочих бремени восстановления народного хозяйства Англии. Этот конфликт назревал еще с 1925 г., когда угроза всеобщей стачки побудила министерство Болдуина пойти на субсидирование горной промышленности и тем временно снять с порядка дня политической жизни страны вопрос о положении в горной промышленности. Но более слабая степень сопротивляемости континентальных рабочих (Германия, Бельгия, Франция) наступлению капитала вызвала столь значительное ухудшение их положения, что успешная конкуренция английской горной промышленности с пользующейся дешевым трудом промышленностью других стран стала невозможной иначе, как при условии чрезвычайного возрастания сумм, отпускаемых правительством. Последнее в конце концов вынуждено было отказаться от политики субсидирования. Это уничтожило смягчающие конфликт условия, и конфликт стал обостряться с 1926 г. до такой степени, что была назначена под председательством Герберта Самюэля специальная парламентская комиссия, которая признала необходимым ввести ряд изменений в строение английской горной промышленности с целью удешевления продукции, но вместе с тем и настаивала на сокращении и заработной платы.

Переговоры между заинтересованными сторонами фактически прервались еще в апреле, когда промышленники довели до сведения горняков, что в случае отказа принять условия хозяев рабочие будут подвергнуты локауту. В свою очередь горнорабочие объявили о своей готовности начать всеобщую забастовку с 1 мая, т.-е. с момента вступления в силу решения

о локауте. Правительство выступило в роли посредника, но по своей классовой природе выполняло эту роль в интересах горнопромышленников и, воспользовавшись, с одной стороны, угрозой Генерального Совета тред-юнионов поддержать выступлением всех рабочих стачку горняков, а с другой, отказом наборщиков и печатников газеты „Daily Mail“ печатать направленные против рабочих статьи, — прервало переговоры. В результате вспыхнула не только стачка горняков, но и еще 3½ миллиона рабочих бросили работу в стачке солидарности с горнорабочими.

Стачка, охватившая всю страну и превратившая „в войну“ „вооруженный мир“ в английской общественности, закончилась поражением Генерального Совета, который с самого начала, под влиянием правых вождей и благодаря неустойчивости левого крыла, отказывался толковать это столкновение классов, как политическую борьбу (какой она и являлась в обстановке современных классовых отношений в Англии). Но независимо от своего исхода стачка оказалась тем оселком, на котором испытанию подверглись все классовые отношения в стране. Мобилизация всех сил буржуазного общества, сказавшаяся не только тем, что против горняков и рабочих других производств выступали единодушно и „правые“ (Черчилли и Джонсоны Гиксы), и „левые“ буржуазного лагеря (Асквит, Самюэль, Джон Саймон), но и тем, что штрейкбрехерство организовывалось буквально всеми имущими (использование автомобилей частных лиц для обслуживания населения транспортом, работа „специальных констеблей“) — имела своим противовесом мобилизацию всех сил рабочего класса. Снова оба основных класса английского общества столкнулись в обостренном конфликте. И тем самым классовые противоречия еще более углубились, приобрели еще более непримиримый характер, а классовые отношения проступают в еще более обнаженной форме, без всякого смягчения, достигавшегося ранее ролью промежуточных классовых групп.

И на этом, естественно, обрывается эпоха в истории Великобритании, в послевоенный период стоящей перед целым рядом острых вопросов внутреннего и имперского, политического и экономического строительства и переживающей такое обострение классовых отношений, какого она не переживала со времен Кромвелля.

ВИБЛИОГРАФИЯ. Л. Троцкий, „Куда идет Англия“; Макс Бер, „А. наших дней“; А. Чезим, (В. Яроцкий), „Соврем. рабочая А.“; И. Герасков, „А. до и во время войны“; М. Бер, „Соврем. английский социализм“; Крег, „Кратк. очерк рабочего движения в Великоб.“; А. Чезим (Яроцкий), „Очерки соврем. тред-юнионизма“; „These eventful years“, Encyclopedia Britannica; E. MacDonald, „The Labour Foreign Policy“; P. Snowden, „Should labour govern“; S. B. Webb, „The decline of Capitalism“; John Lee, „The Britains Decline“; J. Humphry, „The History of Labour Representation“; J. Hendeisen, „The Labour Policy“; Walter Croch, „Industrial Anarchy and the Way-out“; Labour Yearbooks, за 1910, 1919, 1923, 1924 и 1925 годы; Monthly Bulletin of the Labour Research Department; The Ministry of Labour Gazette за 1919—1925 г., The Round Table за 1916—1924 г.г. (ежемес. журн., содержит крайне ценные по материалу статьи по вопросам имперского строительства); „The Statist“, за 1910—1924 г.г., „The Economist“ за те же годы.

В. Яроцкий.

XX. Ирландия в эпоху мировой войны. 1. Редмондизм. Вся история Ирландии со времени завоевания ее Кромвеллем (см. IX, 80/100) представляет собою историю непрестанной борьбы и восстаний против „чужеземного владычества“. Наиболее крупные эпизоды этой борьбы — восстание Вольфа Тона и „объединенных ирландцев“ в 1798 году, борьба, возглавлявшаяся Робертом Эмметом в 1803 году, Смитом О'Брайеном в 1848 году и, наконец, фенианство пятидесятих — шестидесятых годов, завершившееся восстанием 1867 года — превращались временами в подлинные войны между „английским гарнизоном“ и коренным населением страны. Но в этой истории непрестанных войн совершенно особое место занимает период с конца парнеллевской деятельности (смерть Парнелля в 1891 г.) и по начало империалистической войны.

Парнелль (см.) представлял собою последнюю связь между представительством Ирландии в английской палате общин и революционными движениями в Ирландии. Все его прошлое говорило о том, что ирландскими революционерами участие в парламенте рассматривается, как исполь-

зование „легальных возможностей“, как столкновение в парламенте британского империализма с фактом упорной и непреклонной воли ирландцев к самостоятельности. И хотя в 1870 года Исаак Бют (см.), а затем Шоу, сменивший последнего на посту лидера ирландских депутатов, ставят вопрос исключительно в плоскость парламентской борьбы за ирландское самоуправление (гомруль), и сам Парнелль втягивается мало по малу в политику закулисных соглашений, тем не менее вплоть до самой смерти Парнелля история Ирландии тесно связывает ирландское представительство в палате общин с революционным движением в Ирландии. „Как искусный дипломат и проницательный политик—говорит П. М. Керженцев в своей работе „Революционная Ирландия“—Парнелль сумел в начале своей карьеры объединить самые различные слои ирландского населения и всевозможные тактики. Он придал движению единство задач и внутреннюю сплоченность. Эти первые годы общественной работы Парнелля (1877—1881) были самыми плодотворными для Ирландии. Впервые ирландское парламентское меньшинство заставило почувствовать свою силу. Впервые аграрное движение приобрело такие исключительные размеры. Открытая борьба сошлась с подпольной работой, парламентская обструкция подала руку широкой массовой агитации. И для парламента и для массовой борьбы Парнелль и его товарищи нашли новое и сильное оружие—„обструкцию“ и „бойкот“. Эти „легально-нелегальные“ методы были, в сущности, революционными приемами, облеченными в форму „конституционализма“. Сам Парнелль к концу своей деятельности начинает отходить от этой политики и все больше втягивается в закулисные соглашения, в значительной мере ослабляющие его личную популярность и переносящие центр тяжести ирландской политики из массовых движений в парламентские комбинации. Смерть его окончательно кладет предел связи между ирландским представительством и массовым движением в Ирландии.

Весь период времени с 1891 г. и по 1914 г. поэтому отмечен ослаблением революционных движений, точнее—ослаблением отражения настроений ирландского населения в английской палате общин. Под руководством Джона Редмонда борьба за гомруль становится единственной целью существования ирландской националистической партии, а конституционные методы борьбы—единственными ее методами. На весь период и создается впечатление, что Ирландия прочно вошла в полосу мирного развития. Политика Исаака Бюта—использование постепенного ослабления либеральной партии в интересах гомрулеров,—так блестяще проводившаяся Парнеллем благодаря его связи с революционными массовыми движениями, приобретает в этот период характер исключительно парламентских соглашений между английскими либералами и ирландскими националистами, поддерживавшими в обмен за обещание гомруля всю политику Гладстона и его преемников. Тогда, как при лидерстве Парнелля лишь часть ирландских депутатов—после выборов 1886 года всего 18 из 103—высказывалась против сочетания революционной тактики с парламентскими методами работы под руководством Редмонда; накануне мировой войны лишь один ирландский депутат (Гиннелль) продолжал парнеллистские традиции.

2. *Социальная дифференциация Ирландии.* Объяснение такого рода изменения в характере ирландского представительства и его тактики мы находим в картине социальных отношений, развивавшихся на протяжении всей второй половины XIX в., отчасти под влиянием специального английского законодательства, в сторону дифференциации социального строя Ирландии.

Уже выступление Исаака Бюта с его идеей конституционной борьбы за гомруль, вместо борьбы за изгнание „чужеземных насильников“, явилось результатом усложнения аграрных отношений в стране. Первоначально Ирландия представляла собою страну чрезвычайно дробного землепользова-

ния. Крупных или средних хозяйств здесь было еще в сороковые годы XIX в. исключительно мало. Преобладали хозяйства карликового характера (до 5 акров), на состоянии которых малейшее изменение в налоговой политике и в урожае отражалось зачастую катастрофически, что при системе арендного хозяйства сталкивало земледельцев в заостренном конфликте равно и с землевладельческим классом и с английским государством, с одной стороны, защищавшим всем своим полицейским и военным аппаратом крупное землевладение, а с другой — законодательными мерами предоставлявшим монополию земледелия пришлым протестантским элементам. Но влияние капиталистических методов производства и необходимость укрепления хозяйства вы-

зывали значительные изменения именно в характере отдельного арендного хозяйства. Последовательные неурожай, разорявшие мелкого и мельчайшего арендатора и вызывавшие массовую эмиграцию, приводили в такой же мере к укрупнению отдельных хозяйств, как и политика крупных землевладельцев, предпочитавших аккуратных арендаторов, и английского правительства, нуждавшегося в хороших налогоплательщиках. В результате, картина сельского хозяйства в Ирландии уже с пятидесятых годов начинает значительно меняться. Так, на протяжении сорокалетия, предшествующего образованию в английской палате общин фракции конституционалистов — сторонников гомруля, эта картина изменилась след. образом:

А р е н д н ы е х о з я й с т в а .

Годы.	Менее 1 акра.	1—5 акров.	5—15 акров.	15—30 акров.	Свыше 30 акров.
1841	135.314	310.436	256.799	79.342	48.625
1851	37.728	88.083	191.854	141.311	149.090
1861	40.080	85.469	183.981	141.251	157.833
1871	48.448	74.809	171.383	138.647	159.303

Другими словами, даже в этот период наблюдается известное и достаточно резко выраженное укрупнение размеров отдельного хозяйства. В Ирландии появляется крепкий крестьянин-арендатор. И хотя в этот период бесправие арендатора все еще стоит на пути возрождения земледельческих округов—все же некоторая тенденция к улучшению положения части земледельческого населения уже начинает давать себя чувствовать расслоением политических симпатий ирландской деревни. Само собою, что это расслоение и должно было сказаться возникновением разнобоя в программе и тактике ирландских представителей в английской палате общин. Появление на исторической сцене ирландского представительства, участие подлинных выборов Ирландии в английской палате общин уже само по себе

свидетельствовало о новых течениях в английской деревне. И конституционализм Исаака Бьюта был ничем иным, как отражением в этом представительстве экономически более мощной и постепенно связывавшейся все более с английским режимом части деревенского населения страны.

Эта дифференциация социальных сил Ирландии не только не приостановилась с концом парнеллизма, но, напротив, значительно усилилась. После 1871 г. действовало земельное законодательство Гладстона (законы 1870 и 1881 г.), которое при всех своих огромных недостатках, с точки зрения радикального решения аграрного вопроса в Ирландии, вводило еще один новый элемент в общественные отношения—именно земельную собственность мелкого сельского хозяина. Несмотря на то, что выкуп

земли был обставлен рядом неблагоприятных условий, все же на основании глэдстоновского законодательства свыше полутора тысяч фермеров стали собственниками обрабатываемых ими участков земли. Особенную же роль в смысле ликвидации арендных отношений в ирландской деревне сыграли два консервативных акта, проводивших политику насаждения мелкой поземельной собственности. Первый из них, вошедший в историю под именем акта Эшборна и изданный в 1885 г., предусматривал долгосрочную рассрочку при выкупе земельного участка, при чем государство сужало земледельцу всю нужную сумму на срок до 49 лет из 4% годовых. Свыше миллиона акров поступило на основании этого закона на рынок и превратилось в собственность мелких хозяев, число которых достигло 25 тысяч еще до 90-х годов. Дополнительные законодательные акты усилили собственническую часть ирландской деревни, и новые законы 90-х годов вызвали образование еще 47 тысяч собственнических хозяйств с общей площадью в полтора миллиона акров. Второй крупный консервативный акт — изданный в 1903 г. и называющийся актом Уиндгема — создал дополнительный стимул к продаже земли для разорявшихся помещиков, которым вся политическая обстановка ирландской деревни мешала надлежащим образом пользоваться своим экономическим господством. Установление повышенной расценки продаваемого участка на 12% сверх рыночной, вместе с сокращением ссудного процента до 3%, — вызвало перемещение земельной собственности от крупных лэндлордов к мелким и средним хозяевам в небывалых для Ирландии размерах (см. XXI, 97/106 и IX, 343, прилож., ст. III—IV). Движение земельной собственности за последние годы выражалось след. цифрами: в 1913 г. было 224 тысячи собственников мелких земельных участков, в 1918 г. — 291 тысяча их.

Само собою, что такого рода процесс социальной дифференциации ирландской деревни означал и изменение политических уклонов ее. Вместо

неосложненной ничем борьбы с помещиками и неизбежных при этом столкновений с государственной властью, представленной в Ирландии „чужеземной оккупацией“ — деревня стала переживать стремление к закреплению всего достигнутого в области земельных отношений путем парламентской работы. Собственнические элементы деревни начали выявлять свое лицо, как элементы „порядка и законности“ — что и сказалось, в условиях конца XIX и самого начала XX в., укреплением в парламентском представительстве Ирландии строго конституционных методов работы, или, другими словами, „редмондизма“.

3. *Отрыв парламентского представительства от ирландских настроений.* Процесс социальной дифференциации ирландской деревни, однако, не развивался настолько гладко, чтобы политические сдвиги в ирландской политической жизни были столь четкими, как это можно было бы думать на основании показаний самого парламентского представительства. Прежде всего, огромную роль играло не только повышение материального уровня существования населения Ирландии. Хотя законодательство как консерваторов, так и либералов и усилило собственнические элементы ирландской деревни и тем самым расширило социальную базу „порядка и законности“ прибавлением к „английскому гарнизону“ и классу землевладельцев-помещиков еще и крестьянского кулачества, оно не в состоянии было приостановить наблюдающийся неуклонно с 1841 г. процесс обезлюдения Ирландии (см. IX, 343, прилож., ст. I). Правда, некоторое замедление в сокращении числа населения страны было достигнуто. Но дальше этого дело не пошло. Так, было населения в Ирландии по данным всеобщих переписей:

годы	населения
в 1841.....	8.175.124
1851.....	6.552.386
1781.....	5.798.584
1871.....	5.412.377
1881.....	5.174.836
1891.....	4.704.750
1901.....	4.458.775
1911.....	4.380.219

Уже одно это свидетельствовало о том, что и в области материального

благополучия не все обстоит достаточно хорошо. Расслоение в ирландской деревне создавало лишь острое противоречие интересов внутри самого деревенского населения, переносило борьбу из плоскости, на которой аграрное движение совпадало с борьбой за гомруль, на которой борьба за экономические интересы крестьянства была вместе с тем и борьбой за право на самоуправление,—в плоскость, где сталкивались уже в самом ирландском обществе различные социальные силы.

Это изменение в характере социальных отношений не могло не сделать парламентское представительство выразителем лишь одной из общественных сил Ирландии. Под руководством Редмонда националистическая партия превратилась в выразителя именно крепкого, хозяйственного ирландского крестьянина-собственника.

Но помимо этого последнего и в ирландской деревне и в ирландском городе имелись налицо и иные общественные силы. Правда, статистика как будто говорит о преобладании именно собственнических интересов в ирландской деревне. Так, в 1918 г.—уже после войны—из 441.663 хозяйств в Ирландии 291.473 хозяйства, или 66%, были собственническими, и лишь 34% (150.190)—арендными. Равным образом, развитие городской промышленности точно так же было относительно слабым. Наиболее крупные предприятия как судостроения, так и текстильной промышленности сосредоточивались в Ольстере, северо-восточных провинциях Ирландии, где как раз и слабее всего выражалось стремление к гомрулю или независимости. В Дублине и других городах Ирландии за пределами Ольстера мы находим преимущественно пивоварение, рыбный промысел, незначительно развитую горную промышленность и, главным образом, транспорт. Но несмотря на преобладание в деревне собственнического хозяйства и слабое, относительно, развитие промышленности—что превращало Ирландию в типичную страну крестьянского землевладения—налицо имелись раз-

личия как в самой деревне, так и в положении городского населения.

На ряду с состоятельным крупным хозяином-собственником в деревне образовались группы мелких собственников, чье положение было чрезвычайно непрочным и чья экономическая зависимость от крупных хозяев образованием типично собственнической психологии не ослаблялась, благодаря недавнему происхождению их права собственности на участок, а еще более—вследствие незавершения выкупной операции. С этой группой тесно была связана и все еще крупная группа арендаторов. В городе же развитие промышленности, как оно слабо ни было, порождало типичный городской пролетариат. Таким образом, политика ирландского представительства, вытекавшая из интересов наиболее состоятельных группировок ирландской деревни, оказывалась совершенно оторванной от основной массы ирландского населения.

4. *Гэльская Лига и Шин-Фейн.* Парнелль, проводя свою политику объединения конституционных и революционных методов борьбы, объединял, вместе с тем, и все, еще слабо дифференцированное, население ирландской деревни. Редмонд, как мы видели, не отвечал своей политикой интересам огромной массы ирландского населения. Совершенно естественно, что последняя начала находить для себя новые формы организации.

Первой появляется „Гэльская Лига“, основанная в 1893 г. Дугласом Гайдом. Первоначально небольшая ассоциация сторонников возрождения древне-ирландского языка, или, по выражению ее устава, „сохранения и развития самостоятельной ирландской культуры путем поощрения национального языка, литературы, музыки, песни, танцев, обычаев, искусства и ремесел Ирландии“—эта Лига, казалось, не опиралась ни на какую прочную основу. Джемс Коннолли в своей работе „Отвоевание Ирландии“ (Reconquest of Ireland) прямо говорил, что сторонники „Гэльской Лиги должны признать, что капитализм в одно столетие сделал больше для уничтожения гэльского языка, чем меч саксонцев—в шесть

столетий". И в самом деле—по переписи 1891 г. не больше 14,5% всего населения Ирландии владело древне-ирландским языком, а на нем одном говорила совсем ничтожная часть—около 17 тысяч, преимущественно рыбаки далеких уголков и островов западного побережья. Все предшествовавшие попытки сохранить язык от вымирания (Гэльское общество 1808 г., Оссианское общество 1853 г.) не в состоянии были бороться с вытесняющим древне-ирландский язык языком английским.

Тем не менее, Гэльская Лига оказалась весьма жизненной организацией: через десять лет после своего основания она уже имела большое число сторонников, а через двадцать—число ее отделов достигло 1.200. В 1916 г. в 3.000 начальных школах Ирландии гэльский язык уже преподавался, как один из обязательных предметов, а в 200 школах преподавание велось равным образом и на гэльском и на английском языках. И эта несомненно возрастающая популярность Гэльской Лиги находила свое объяснение, конечно, не в реакционном, по существу, реставраторстве Лиги, в общем и целом не находившем никакого оправдания в экономике Ирландии. Ее популярность была следствием того, что при внешнем аполитизме, при отсутствии с ее стороны каких-либо чисто политических шагов—Лига представляла собою политический фактор ирландской жизни. Ее борьба с властью английского языка и английских обычаев ставила ее в оппозицию ко всему английскому, в том числе и к английской власти. И точно так же как в настоящее время в Индии призыв Махатмы Ганди к отказу от товаров английского производства и возвращению к первобытному кустарному производству тканей при всей своей реакционности является перворазрядным политическим фактором и оформляет революционные объединения индусских крестьян, так и проповедь Гэльской Лиги была политической и ее проповедью, при всем своем внешнем аполитизме, и опиралась на значительные массы ирландского крестьянства.

Логически завершая работу Гэльской Лиги и являясь политическим ее детищем, в 1906 г. возникло новое объединение, которое поставило своей задачей организацию пассивного сопротивления всему английскому. Молодой ирландский литератор, Артур Гриффитс, выпустивший в 1905 г. книжку о „Воскресении Венгрии“, в которой проводилась мысль о возрождении национальной независимости путем пассивного сопротивления и самостоятельного строительства всей жизни в противовес чужеземному владычеству, эту мысль оформил в программу целой организации, получившей название „шин-фейн“, что по древне-ирландски означает—„я сам“. Основные положения программы сводились к след.:

- 1) „Мы являемся самостоятельной и особой нацией“;
- 2) „мы не вступаем с Великобританией ни в какое добровольное соглашение, пока она не восстановит своего собственного договора 1783 г.“;
- 3) „в целях развития нашей страны и создания процветающей, мужественной и независимой нации, мы решили воспользоваться всеми доступными нам теперь или в будущем средствами“.

Тактика Шин-Фейна заключалась в полном отказе соблюдать английские законы и порядки. Шин-фейнеры должны были считать Ирландию самостоятельным государством, которое само должно издавать для себя законы, добровольно принимаемые к исполнению всяким ирландцем. Ирландские депутаты должны немедленно покинуть палату общин и перестать принимать какое бы то ни было участие в законодательстве английского парламента. Участие в парламентарских работах Великобритании рассматривается, как акт государственной измены. Таким образом, власть Англии не признавалась на деле. А на смену органов английского государства шин-фейнеры выдвигали органы государства ирландского—именно „Совета Трехсот“. Последний должен был состоять из депутатов, выбранных местными самоуправлениями, и превратиться в национальный парламент Ирландии.

Само собою, что такое „добровольное государство“ должно опираться на экономическую базу. Программа шин-фейнеров доставляла и эту последнюю. Борьба за экономическую самостоятельность Ирландии сочетается в ней с борьбой за самостоятельность политическую. Поощрение развития ирландской промышленности проектировалось осуществить путем сложной системы бойкота английских товаров и покупки товаров, на которых стоит особая ирландская марка, привлечения из Америки ирландских капиталов, организации промышленных предприятий через местные самоуправления и т. д. Проектировалось даже посылать специальных „консулов“ за границу для поддержки и укрепления торговых связей ирландской промышленности, развивать торговый флот Ирландии и т. д.

Все это вместе взятое и составило программу новой организации, проводившей или пытавшейся проводить в политике и экономике то, что в области культурного строительства делалось Гэльской Лигой. Шин-Фейн, как и эта последняя, давал выход настроениям, которые оставались неудовлетворенными „конституционной“ работой националистической партии, возглавлявшейся Редмондом. И хотя политическая программа шин-фейнеров не могла быть проведена в жизнь путем, который рекомендовался Гриффитсом, тем не менее сильное движение шин-фейнерства стало не менее крупным фактором политической жизни Ирландии вскоре после образования этой организации, чем Гэльская Лига. Как справедливо указывает П. М. Керженцев, „если практические результаты агитации шин-фейнеров были незначительны, то совсем иное приходится сказать об их идейном влиянии. До 1916 года оно не бросалось в глаза и производило свою работу где-то в народных глубинах. Восстание и годы, следовавшие за ним, показали... что многие идеи Гриффитса были глубоко усвоены широкой массой“.

Как и Гэльская Лига, Шин-Фейн был отражением настроений ирландского мещанства в том его своеобразном оформлении, какое получилось в

итоге столетий национального гнета и экономической эксплуатации, сошедшей по своим граням с национальным гнетом. Вот почему вдохновитель и вождь Шин-Фейна, Артур Гриффитс, вел решительную борьбу с возникающим с началом XX в. рабочим движением, а шин-фейнеры считали „стачку — непростительным пороком“. „Шин-фейн — говорил в разъяснение своей точки зрения Гриффитс — („Sinn-Fein“, ноябрь, 1913 г.) — национальное, а не групповое движение. И потому, что оно национальное, а не групповое движение, оно не должно и не может терпеть несправедливости и угнетения внутри нации. Оно не будет связано... ни с какой войной классов или попытками вести войну классов. Может существовать много классов, но нация лишь одна. Если существуют люди, полагающие, что Ирландия — только имя и ничего больше, и что интересы ирландского рабочего лежат в направлении не к укреплению нации, а ее разрушению, что путь к искуплению человечества лежит через универсализм, космополитизм или любой иной „изм“, то я не в их числе... Свободная нация, которую я желал бы видеть возродившейся на ирландской почве, не является детищем отчаяния, новым феодализмом, с Марксом, Лассалем и Прудоном во главе, как своими пророками“...

5. „Ларкиннизм“ и „Либерти-Голл“. Шин-Фейн и Гэльская Лига опирались, т. обр., преимущественно на бесправные крестьянство и мещанство Ирландии. Влияние обеих организаций, о степени которого не знали до конца мировой войны ни в Англии, ни за пределами ее, кроме Соединенных Штатов (где сосредоточивались многие ответвления и Шин-Фейна и Гэльской Лиги), пустило глубокие корни в тех прослойках ирландской деревни и ирландского города, какие оставались неудовлетворенными деятельностью националистической партии и руководимой Редмондом ирландской фракции английской палаты общин. Такими прослойками не могли быть ирландские рабочие. Совершенно лишены типично националистических традиций, еще сохранявшихся в менее затронутых капи-

тализмом уголках Ирландии и потому доставлявших прекрасную почву для Гельской Лиги, они не могли не идти против Шин-Фейна, который так решительно пытался во имя общенациональных интересов лишить их главного орудия борьбы. Поэтому наличие пролетариата в ирландской общественности обуславливала зарождение и типично рабочих организаций,

Несмотря на то, что еще в середине XIX ст. и ранее в Дублине, Бельфасте и ряде других городов имелись рабочие организации, рабочее движение в Ирландии начинает играть заметную роль лишь с самого конца девяностых годов. Наиболее яркий эпизод—выступление рабочих на демонстрации по поводу бриллиантового юбилея королевы Виктории, в июле 1897 г. Основная мысль демонстрации, собравшей десятки тысяч рабочих, выражена была в воззвании, написанном Джемсом Коннолли. „В течение этого славного царствования—читаем мы в воззвании—1.225.000 детей Ирландии умерло от голода, истощенные до смерти в то время, как продукты ее земли и их труда съедены были стервятниками-аристократами, вышибавшими арендную плату штыками наемников-убийц из армии „лучшей из английских королей“. Выселение из своих жилищ 3.668.000 человек—число, превышающее население всей Швейцарии. 4.186.000 душ принуждено эмигрировать—масса, превышающая население целой Греции. В настоящий момент 78% всех рабочих получает менее одного фунта ст. в неделю, наши улицы наполнены голодающими толпами безработных, скот пасется на неарендованных фермах и вокруг развалин наших жалких жилищ, наши порты переполнены отъезжающими эмигрантами, а наши рабочие дома переполнены нищими. Таковы те материалы, из которых нас приглашают возвести дворец Национального Праздника Радости“... В процессии, устроенной рабочими и высмеивавшей юбилей Виктории, приняло участие свыше 30 тысяч демонстрантов. Этот эпизод засвидетельствовал, что в Ирландии появилось и сложилось рабочее движение, ставящее ударение уже

не на борьбе за гомруль или национальную независимость, а за уничтожение капитализма.

Хозяйственный быт Ирландии в течение всего последующего периода выдвигал на первый план преимущественно малоквалифицированных рабочих. За исключением протестантского Бельфаста, в Ирландии, все еще переживавшей последствия формального запрещения католикам владеть недвижимым имуществом, почти не было фабрик и заводов. Хозяйственная активность сводилась, по преимуществу, к пищевкусовой промышленности и к транспорту. Поэтому главные категории ирландских рабочих составлялись из докеров, булочников, пивоваров, табачников и отчасти работников швейной промышленности. Среди этих категорий не могли сложиться цеховые союзы, а исключительно тяжелое положение рабочих, некоторое представление о котором дает вышеприведенное воззвание, не позволяло зародиться чувству примирения с капитализмом. Этим объясняется своеобразие ирландского рабочего движения, с 1911 г. получившего имя „ларкинизма“ — по имени того вождя Ирландского Союза Транспортных Рабочих, Джемса Ларкина, который провел чрезвычайно бурную стачку докеров в 1911 г., а затем руководил рабочими во время грандиозного локаута дублинских рабочих в 1913 г.

Под „ларкинизмом“ понималось революционно-настроенное рабочее движение, сразу же применившее такие методы борьбы, которые были чужды английскому обиходу того времени или лишь медленно начинали усваиваться последним. Бойкот, стачка солидарности, „стачка постоянного раздражения“ („Irritation Strike“) — вот те методы, к которым прибегали рабочие Ирландии накануне империалистической войны.

Но хотя это движение получило свое имя от Джемса Ларкина, по существу направляющей силой движения был казненный английскими властями после восстания на пасху 1916 г. Джемс Коннолли. Первый представлял собою тип народного трибуна, способного увлекать массы своим грубоватым, но чрезвычайно насыщенным революци-

онными настроениями ораторским искусством. Последний был вдумчивым теоретиком и практиком, одним из лучших организаторов, когда-либо работавших в ирландском рабочем движении. Его биограф, опирающийся на громадное число статей, написанных Коннолли в „Workers' Republic“ (им же основанной в 1898 г.), и ряд книг, вполне основательно указывает, что „Джемс Коннолли должен быть расценен, как сторонник рабочей республики и коммунист. Доктрины и методы, с которыми русская революция впоследствии познакомила весь мир, им вполне разделялись“ (Десмонд Райан, „Джемс Коннолли“). В своем предисловии к книге „Отвоение Ирландии“ (Reconquest of Ireland) Коннолли формулирует программу ирландского рабочего движения следующим образом: „Рабочее движение в Ирландии должно поставить себе конечной целью отвоение Ирландии, при чем это отвоение означает захват всей страны, всех ее производственных средств и всех ее естественных ресурсов и организацию их всех на основе кооперации во благо всем“.

Рабочее движение в период, когда оно окончательно формируется под знаком „ларкинизма“, сосредоточивается преимущественно в Дублине, где его штабом оказывается „Либерти Голл“. В это время Джемс Коннолли, эмигрировавший в Америку еще в 1903 г. и там работавший вместе с Даниэлем де-Линоном в рядах Социалистической Рабочей Партии и в организации Индустриальных Работников Мира, высказывается за организацию единого профессионального объединения. Поэтому „Либерти Голл“ представляет собою штаб „Ирландского Союза Транспортных рабочих и чернорабочих“, и он оказывается центром, к которому тяготеет вся масса ирландского пролетариата, и против которого направлена вся сила ирландского молодого капитализма. В 1913 г. последний, по настоянию Мэрфи, владевшего чуть ли не половиной Дублина и многими предприятиями за его пределами, пользуется стачкой трамвайных рабочих, чтобы открыть наступление против „Либерти Голла“

и „ларкинизма“. В ожесточенной борьбе, затянувшейся на пять месяцев, движение серьезно пострадало от полицейских репрессий и арестов. В числе арестованных были и Ларкин и Коннолли и ряд других руководителей. Эта борьба, в которую было втянуто свыше 30 тысяч раб., таким образом, столкнула рабочие массы не только с предпринимателями, но и со всем аппаратом государственной власти. Как увидим дальше, это повлекло за собою новую тактику и в рабочем движении.

6. *Кризис редмондизма и олстерское движение.* В то время, как в Ирландии развиваются такие мощные общественные силы, и деятельность Гэльской Лиги и шин-фейнеров вместе с развитием рабочего движения направляет ход общественной жизни в новые русла, борьба за гомруль в английском парламенте оказывается поставленной в условия, совершенно лишающие ее всякого интереса даже для социальной базы ирландского представительства в палате общин. Правда, на первый взгляд с 1906 г. идея гомруля как будто делает большие успехи. Парламентские комбинации, ставящие либералов в зависимость от голосов ирландских депутатов, приводят к постановке на обсуждение палат билля о гомруле. Но это успех, по существу, представляет собою поражение гомрулеров. Редмонд и его группа связали свою судьбу с судьбами либералов. Последние же не отвечают уже основным тенденциям развития буржуазной Англии. Здесь торжествуют империалистические настроения. Либералы в силу этого оказываются бессильными принудить парламент принять требующийся Ирландии законопроект. В 1910 г. противоречия английской политики сказываются резким парламентским кризисом, выход из которого — выборы в начале и в конце 1910 г. — свидетельствуют об ослаблении либералов. Кабинет Асквита в это время оказывается в незначительном большинстве, даже опираясь на голоса ирландцев и рабочих депутатов. В силу этого законопроект кабинетом смягчается, превращаясь в компромисс между унитаристским стремлением к

полному подчинению Ирландии власти имперского правительства и ирландским стремлением к самоуправлению. Но и этот компромисс не решает вопроса. Империалистические круги Англии переносят борьбу с парламентской плоскости в плоскость внепарламентских выступлений.

Раньше всего такого рода тактика применяется в качестве угрозы, исходящей из северо-восточных провинций самой Ирландии, из протестантского Ольстера, заселенного эмигрантами из Англии („протестантский гарнизон“). Для того, чтобы поставить препятствия на пути к гомрулю, здесь уже давно—еще при лорде Рандольфе Черчилле—сложилось несколько организаций, поставивших своей целью борьбу с движением в пользу гомруля. Раздвывая религиозную вражду, эти организации долгое время пользовались значительным успехом, запугивая английский парламент. Когда, с появлением у власти либерального кабинета в 1906 г. и особенно после выборов 1910 г., выяснилась неизбежность заостренной борьбы за гомруль, от словесных угроз унионистские (или, как они иначе назывались, „оранжистские“) организации Ольстера перешли к угрозе оружием. Под руководством сэра Эдварда Карсона, английского адвоката и члена палаты общин, видного консерватора, эти организации создали специальную конференцию, на которой и была принесена „торжественная клятва“ не допустить проведение гомруля. В подтверждение своей решимости олстерские унионисты начали создавать вооруженные отряды для защиты себя от „католического засилья“. Частично эта угроза действовала на кабинет Асквита, который попытался ослабить силу противодействия предложением выделения Ольстера из сферы действия закона о гомруле. Но, с одной стороны, олстерское движение имело своей целью отнюдь не выделение Ольстера, а недопущение самоуправления для всей Ирландии, с другой же стороны,—для ирландских националистов предложенный Асквитом компромисс не был приемлем, так как лишал Ирландию ее единственного развитого в промышленном отношении

района. Таким образом, несмотря на попытки Редмонда убедить своих сторонников в Ирландии в целесообразности выделения Ольстера, настроение в самой Ирландии складывалось против компромисса. Равно и олстерцы продолжали вооружаться, считая, что предложение Асквита не меняет политической ситуации. Ряд закулисных совещаний между либералами и унионистами не привел ни к каким результатам, кроме дальнейшего ослабления степени самоуправления Ирландии по проектировавшейся мере.

Продолжавшееся вооружение Ольстера, однако, грозило в Ирландии гражданской войной, которая в обстановке непрестанно повышающейся волны рабочего движения никоим образом не соответствовала интересам недостаточно прочно чувствовавшего себя кабинета Асквита. Поэтому, военному командованию в лагере Куррах был отдан приказ направить войска в Ольстер для демонстрации готовности государственной власти применить силу оружия при подавлении самочинного выступления олстерцев. Но кабинет Асквита не учел того обстоятельства, что олстерское выступление было следствием не изолированных настроений этого уголка Ирландии, а представляло собою лишь орудие империалистических кругов всей Англии. Самовооружение олстерцев происходило за счет финансировавшего их крупного английского капитала; позиции олстерцев вполне разделялись всеми английскими унионистами, которые пользовались этим выступлением в борьбе с кабинетом, продолжавшим еще политику фритредерства и „деволюции“, т. е. усиления самостоятельности отдельных частей Британской империи, а также сближения с непосредственным противником английского капитала на мировом рынке,—с Германией. В силу этого кабинет не учел, что и английская армия, целиком находившаяся под влиянием аристократических и империалистических кругов, в состоянии действовать против ирландских националистов, шин-фейнеров и рабочих, но не против олстерцев. В результате приказа двинуться из военного лагеря в Куррах на расквартировку в Ол-

стере получилось обратное ожидавшееся кабинетом демонстрацию силы гомрулерского правительства. Военные власти отказались подчиниться приказу, заявляя, что скорей готовы пойти под расстрел, чем идти против „своих братьев“ в Ольстере. Этот бунт военных в лагере Куррах нашел поддержку в высшем командовании, и ряд генералов в Англии подал в отставку (ген. Френч и другие). Таким образом, слабость государственного аппарата, руководимого сторонниками гомруля, получила достаточно наглядную и убедительную иллюстрацию.

И хотя кабинет Асквита провел в течение 1912—1914 г. билль о гомруле через все конституционные инстанции, судьба закона этим не предreshалась. Вооружение олстерских волонтеров продолжалось. К концу 1913 г. число волонтеров в армии Карсона достигало, по несомненно преувеличенным данным корреспондентов унионистских газет, 100 тысяч, и в их распоряжении имелось уже до 40 тысяч винтовок и до 20 тысяч револьверов. Эмиссары Карсона закупали оружие даже в Германии, а сам Карсон имел свидание с Вильгельмом II в Потсдаме, после чего (весной 1914 г.) судно, прибывшее из Германии, выгрузило для олстерских волонтеров значительное количество оружия—при полном бездействии полицейских и таможенных властей Вельфаста. В Ольстере, затем, было образовано Временное правительство, наместен и избран „советом четырехсот“ кабинет министров, созданы учреждения для управления страной. В палате общин все это толкало консерваторов на самые недвусмысленные угрозы по адресу правительства. Бонар Лоу, официальный лидер унионистов-консерваторов, прямо и откровенно заявил, что проведение гомруля будет означать гражданскую войну в Ирландии. Вождь же олстерцев, Карсон, без обиняков, говорил, что в случае прохождения гомруля он предпочтет правительство Вильгельма II правительству короля Георга V.

Само собою, что такого рода перенесение борьбы за гомруль и против

него с плоскости парламентских выступлений в плоскость гражданской войны означало полный крах редмондизма и его тактики парламентских, конституционных комбинаций. Ирландия возвращалась, после свыше пятидесятилетнего перерыва, к методам революционной войны с Англией.

7. „Гражданская армия“ и ирландские волонтеры. Еще в 1913 г., когда локаут, объявленный дублинскими предпринимателями, привел к заострению классовых отношений и вызвал использование капиталистами всего аппарата государственного принуждения против рабочих, у последних возникла мысль о необходимости создания специальной охраны для себя и для своих вождей. Ларкин вскоре вынужден был бежать от преследований в Соединенные Штаты. Но выпущенный под залог Джемс Коннолли взялся энергично за дело создания вооруженных рабочих отрядов. Дублинская полиция проявила себя в необычайно благоприятном свете в борьбе между дублинскими рабочими и капиталистами. Уже с самого начала локаута вооруженные револьверами и тяжелыми дубинками полицейские вели себя по отношению к рабочим, как к побежденным врагам. А когда на улице О'Коннелли был назначен большой митинг и он был запрещен—имело место то столкновение между рабочими и полицией, которое послужило толчком к самовооружению рабочих. Несмотря на запрещение, с балкона отеля, принадлежавшего крупнейшему капиталисту Ирландии, Вильяму Мартину Мэрфи, Ларкин обратился к собравшимся с речью. Он был немедленно арестован, а толпа подверглась такому избиению, что жертвы насчитывались сотнями. Несколько человек умерли от полученных ран; в их числе был и молодой рабочий Нолан, во время похорон которого появились первые на улице вооруженные отряды рабочих. В ноябре 1913 г. Ларкин, Коннолли и капитан Уайт основали, в противовес полицейским насилиям, „гражданскую армию“, в состав которой вошло около 270 человек. Ольстер в данном случае сыграл роль заслуживающего подражания примера. Выступая после

событий на улице О'Коннелля, Ларкин заявил, что рабочий класс не потерпит над собою правительственных насилиев, а вооружится, подобно Олстеру, который это проделал при покровительстве „высокого звания людей“.

Эта „гражданская армия“ представляла собою чисто рабочую организацию. Но угроза Ирландии и ее самоуправлению со стороны Олстера породила и другую вооруженную силу. Речь идет о так наз. „ирландских волонтерах“. К осени 1913 г. в Ирландии достаточно выяснились настроения в пользу решительной борьбы с противниками гомруля. Небольшая группа лиц выпустила воззвание, в котором указывалось на необходимость отпора вооруженному насилию со стороны „одной из главных политических партий Англии“. В Дублине авторы воззвания создали большой митинг для организации такого отпора. На митинге присутствовало свыше 5 тысяч человек, и на нем было положено начало созданию вооруженных отрядов. Через два дня британское правительство запретило ввоз в Ирландию оружия, хотя до того олстерцы ввозили оружие почти совершенно свободно. Это было признаком того, что фактически весь аппарат государственной власти двинут против Ирландии, несмотря на показную готовность даровать ей гомруль. Инициативная группа (во главе с Пирсом, Мак Нейлем, Мак Дона, несколькими шин-фейнерами, сторонниками гомруля, и т. д.) поэтому нашла весьма сочувственный отклик в самых широких кругах населения. Вооружение населения и военная подготовка его, несмотря на все запреты и полицейские преследования, стали происходить чуть ли не на самых людных площадях и улицах Дублина.

„Ирландские волонтеры“ представляли собою иную группировку, чем „гражданская армия“. „Мы хотели—говорит один из участников движения, О'Рахилли, создать широкое национальное движение, не связанное с какой-либо определенной политической партией, и поэтому нашей первой задачей было привлечь к делу видных деятелей всех существующих организаций:

„парламентскую фракцию“, „объединенных ирландцев“, „старинный орден Ибернийцев“, гольские атлетические организации и др“... К весне 1914 г. волонтеров насчитывалось уже до 70 тысяч, и летом 1914 г. вся Ирландия от крайнего севера до крайнего юга представляла собою вооруженный лагерь.

8. *Коннолли, Пирс и шин-фейнеры.* Эрскин Чилдерс („Ирландская война за независимость“) говорит, что об- явление войны в августе 1914 г. не вызвало „внезапного отрыва Ирландии от Англии. К католической Бельгии наблюдались широкие симпатии, и в массах складывалось вначале убеждение, что данная война является освободительной. Рекруты-добровольцы поспешили записываться в ряды армии раньше из католической, чем из протестантской Ирландии, и в первый же год свыше 50 тысяч добровольцев предоставило себя английскому правительству“. Однако, это наблюдалось не долго. Иллюзии в Ирландии рассеялись несравненно скорее, чем в других странах. Военное министерство сразу же отказалось составлять ирландские полки, закон о гомруле, уже утвержденный королем, был по соглашению между партиями английского парламента отложен до „окончания войны“; одиозная для всех ирландцев фигура Карсона была включена в первый же коалиционный кабинет, олстерским волонтерам даны были особые привилегии, а Олстер получил формальное обещание, что его „оранжистские требования“ будут выполнены. Как только все это выяснилось, от первых проявлений военного угара ничего не осталось. Вместо притока рекрутов в полки, которые немедленно посылались на самые опасные фронты (у Кута погибли мюнстерские стрелки, у Дарданелл—другой ирландский полк), начало наблюдаться обратное: бойкот рекрутировочных митингов. В настроениях масс стал преобладать мотив недоверия к официальным целям войны. Все это усиливало влияние людей, сразу же резко враждебно отнесшихся к империалистической войне.

Среди этих последних наиболее выдающейся фигурой был Джем с Коннол

ли. „Коннолли—пишет далеко не революционно-настроенный Роберт Линд—не мог заинтересоваться войной, которую он понимал... как борьбу двух соперничающих капиталистических групп... Во всяком случае ясно, что он не соглашался с теми из нас, кто считал, что победа Германии, представляющая ей господство на море, закончится побороением И. и колонизацией ее Германией, которые принесут И. еще большие разрушения, чем победа и колонизация Англией... Вся энергия его была це ликом поглощена борьбой между правительством и народом, а не борьбой между правительствами или даже народами. Вероятно, он отрицал бы возможность войны между двумя подлинными демократиями“. И потому, не формулируя эту мысль так отчетливо, как она была впоследствии выражена Лениным, Коннолли с самого начала войны бросил в массы лозунг превращения империалистической войны в войну гражданскую. И наступившее чрезвычайно быстро разочарование масс в „идеалах“ войны подготовило почву для восприятия точки зрения Коннолли.

Но Коннолли не был одинок. Рядом с ним находились и другие деятели революционной И., которые точно так же не считали империалистическую войну поводом к гражданскому миру. Из числа их глубокий знаток древне-ирландского языка Пирс сыграл крупную роль в последующих событиях, выступая бок-о-бок с Коннолли. У Пирса „философия истории“ была совершенно иной, чем у Коннолли. Мистик и поклонник старины, он считал, что каждому поколению ирландцев обязательно необходима испуительная жертва, и что иначе освобождение И. немислимо. И так как с его точки зрения между Англией и И. и не могло быть ничего общего, то естественно, что и Пирс выдвигался в качестве вождя недовольной войною массы.

По самой своей программе шин-фейнеры не могли пойти в ряды сторонников войны. Как и Пирс, они считали, что судьбы И. лишь насильст-

венным завоеванием связаны с судьбами Англии, что отказ защищать Англию является патриотическим подвигом, а не государственной изменой. И с самого начала они поэтому готовы были продолжать свою борьбу с Англией, несмотря на военное положение.

Сюда-то, к этим трем фокусам протеста против войны и продолжающегося господства Англии, и направилось внимание масс, постепенно разочаровавшихся в войне. Если первоначально из всего волонтерского движения лишь ничтожная часть (из 180 тысяч едва 11 тысяч) осталась верной знамени борьбы, а главная масса пошла временно за Редмондом и националистами, то это быстро сошло на нет. Уже с осени 1914 г. число ирландских волонтеров, отколовшихся в первые дни войны от общеволонтерского движения и принявших типично шин-фейнеровскую программу самостоятельности И., стало расти за счет националистических волонтеров. К тому же, рядом с ирландскими волонтерами находилась „гражданская армия“, насчитывавшая, правда, всего около 2 тысяч человек, но состоявшая из рабочих, готовых к борьбе, и ставившая своей целью „создание рабочей республики и освобождение трудя“. Кроме того, и Гельская Лига, и шин-фейнеры, и атлетические спортивные общества, и даже отряды ирландских мальчиков-разведчиков образовывали сочувствующую мысли о борьбе с англичанами среду.

9. „Кровавая пасса“. Коннолли был давно поклонником одного из руководителей восстания 1848 г., Финтана Лалора. Он нередко сочувственно цитировал слова этого революционера о том, что нет преждевременных и незрелых революций. „Всякий, кто скажет вам,—писал Лалор в своем органе „Ирландский преступник“ („Irish Felou“) —что акт вооруженного сопротивления, хотя бы это было сопротивление десяти человек, вооруженных камнями, есть акт преждевременный, незрелый, неблагоприятный или даже опасный, заслуживает немедленного презрения и плевка. Ибо —заметьте это себе хорошенько и запомните

это — где-то, как-то и кем-то должно быть положено начало, и первый акт сопротивления всегда был, есть и должен быть преждевременным, неблагоприятным и опасным". Коннолли придерживался точно такой же точки зрения. Его биографы все сходятся на признании, что, подготавливая восстание в 1916 г., Коннолли был уверен в его неуспехе. Но он вместе с тем отдавал себе полный отчет в преимуществах восстания в момент внешних осложнений и считал необходимым войну капиталистических государств превратить в войну классов. В январе 1916 г. он эту свою точку зрения изложил совершенно отчетливо в „Worker's Republic". „Мы понимаем открывшиеся перед нами возможности — писал он в своем органе в это время — и мы знаем момент, когда эти возможности исчезают. Мы знаем, что в конце нынешней войны Англия будет располагать по меньшей мере миллионной армией — что более, чем вдвое, превышает численность мужского населения И. А эти солдаты будут ветеранами величайшей в истории мира войны. С этими солдатами мы не пожелаем сражаться. Мы отдадим свои силы организации их товарищей, возвращающихся к гражданской жизни, организации их в профессиональные союзы и рабочую партию — если только мы не эмигрируем куда-либо, где живут мужчины, а не жалкие трусы"... И в то же время он надеялся, что, „начав таким образом, И. в состоянии все же будет зажечь в Европе пламя, которое не потухнет покуда последний трон и последняя капиталистическая акция или облигация не сгорят на похоронном костре последнего из виновников войны".

История восстания в апреле 1916 г. показывает, что призыв Коннолли был воспринят не только участниками „гражданской армии" или той организации молодежи, которая была создана графиней Маркевич, но и среди ирландских волонтеров. В конце января Коннолли уже был готов бросить отряды „гражданской армии" в бой, на восстание. Но Пирс и Мак Дермот, руководители левого крыла ирландских волонтеров, в конце концов переубе-

дили его и обещали, что в выступлении он будет позднее поддержан ирландскими волонтерами. „Я согласен, — ответил он после длительного спора Пирсу, — но да будет воля божья, чтобы вы оказались правы"...

Правым, все-таки, оказался не Пирс. Восстание на пасху 1916 г. не нашло должной поддержки в той крестьянской массе, из которой и состояли, главным образом, ирландские волонтеры. 23 апреля 1916 г. в движении приняли участие далеко не все отряды волонтеров, так как глава последних, проф. Мак Нейль, отдал в последнюю минуту приказ не выступать. И, хотя в ряде городов началось движение (в одном из них даже некоторое время повстанцы торжествовали победу), фактически только Дублин и его отряды приняли участие в боях. Отчасти это вытекало из нерешительности руководителей, опасавшихся победы в восстании, где главной действующей силой, авангардом были отряды рабочих и Коннолли. Один из деятелей республиканской партии говорил в то время, выражая несомненно довольно распространенное среди мелкой буржуазии И. настроение: „Да поможет нам бог, коли Коннолли возьмет верх — он половину из нас гильотинирует за умеренность"... Но, в общем, сказалась та социальная дифференциация, которая уже существовала, разделила городской пролетариат и собственнические массы деревни. Сам Коннолли в день восстания ясно чувствовал, что восстание осуждено на разгром. „Мы идем на бойню — сказал он своему другу Вильяму О'Брайену — лично я ничего не боюсь и ни о чем не жалею, я полностью пожил и не хотел бы лучшего конца"... Иначе не могло быть при наличии раздробленности сил, при отсутствии сплоченности огромной массы ирландского крестьянства с передовыми дублинскими рабочими. А такая сплоченность не имела места. Против сильной в военном отношении Англии дублинские повстанцы могли противопоставить только 118 человек „гражданской армии" и около 900 человек ирландских волонтеров...

Подавление восстания, однако, оказалось несравненно более трудным

делом, чем можно было бы ожидать в виду численной слабости повстанцев и отказа организации Мак Нейля поддерживать их. В течение пяти дней цитадель восстания, здание почтамта в Дублине, выдерживало артиллерийский бой. И только рана самого главнокомандующего Коннолли, получившего разрывную пулю в ногу, положила конец героическому сопротивлению. Пирс, Мак Дермот, Маркевич и ряд других были взяты в плен, и большинство из них, вместе с Коннолли, были осуждены военно-полевым судом и расстреляны.

10. *Пассивное сопротивление.* Расстрел Коннолли и других—при чем, как будто для того, чтобы подчеркнуть ненависть, возбужденную в сторонниках „порядка и законности“ восстанием, Коннолли казнили еще не оправившимся от ранения, расстреляли в сидячем положении—послужил, однако, сигналом не к успокоению И. Напротив, именно восстание 1916 г. является началом новой главы в истории страны, главы, заканчивающейся образованием „Свободного Ирландского Государства“. Восстание напугало английское правительство, вызвав серьезность революционного движения. В силу этого политика правительства в И. в течение ближайших нескольких лет (вплоть до начала 1919 г.) была политикой военного террора. На основании Актов о защите державы (кратко именовавшихся ДОРА) и не отмененного к тому времени старого акта о преступлениях (Criminal Offences Act) „Дублинский Замок“ (т.-е. исполнительная власть в И.) арестовывал сотни по самому незначительному поводу: за „изменическую речь“, за хранение „изменической литературы“, за пение национальных песен. В период времени с 1916 г. по 1918 г. 28 газет и журналов было закрыто. В течение одного лишь 1918 г. 81 мирный митинг был разогнан штыками и дубинками, при чем несколько сот человек пострадало от того и другого весьма серьезно. Солдатам с подавления восстания (когда офицеры расстреливали по пути к месту заключения всех „подозрительных“ лиц) предоставлялась свобода

да от судебных преследований. Из известных случаев Эрскин Чилдерс приводит семь, когда ни полиция, ни солдаты не отвечали перед судом за избивание до смерти или пристреливание арестованных ими. Неполные данные процензурованных газет дают следующую картину политических репрессий этого периода военного террора:

	в 1917 г.	в 1918 г.
Вооруж. обыски и перестр.	11	260
Арестов за полит. преступл.	849	1.107
Приговоров за полит. преступл.	269	973
Военно-пол. процессов	36	62
Высылка из Ирландии без суда	24	91
Запрещение газет	—	12
Запрещение собр., ярмарок и т. п.	—	32
Разгон собраний оружием	18	81
Смерть от обращения в тюрьме	5	1
Убийство частных лиц солдатами	2	5

„Следует заметить, что все эти факты—говорит Эрскин Чилдерс—представляют собою эпизоды насилий над мирным, небооруженным населением, попытки подавить настроения, а не насильственные выступления. Как ни огромна была провокация, режим этот выносился терпеливо и пассивно. На полицию не нападали... Склоняясь перед силою бури, народ строил свою политическую организацию, через которую требование национальной независимости могло бы найти конституционный выход... Но именно в этот период накапливалась та энергия, какая в дальнейшем стала источником огромной силы наступления. Именно в этот период почти что утопические планы шин-фейнеров относительно самостоятельной, добровольной организации ирландского парламента оказались приемлемыми для населения и в конце концов дали в результате образование такого самостоятельного парламента без всякой законодательной санкции английской палаты общин или английской палаты лордов. Активно не выступая, ирландское крестьянство проводило в малейших проявлениях своей хозяйственной и политической жизни положения Шин-Фейна. Репрессии, вызванные восстанием 1916 г., в течение последующих трех лет сглаживали социальные противоречия и сплывали всю массу населения—рабочих и крестьян, мелких фермеров-арендаторов и крестьян-собственников—в пассивном сопроти-

влении правительству, которое на каждом шагу отвечало на малейшее проявление даже пассивного сопротивления со стороны населения военным террором. Само собою разумеется, что такого рода напряженное состояние настроений вражды не могло не явиться благоприятной почвой для плана создания самостоятельного, неподчиненного Англии, законодательного и исполнительного органа ирландской государственности.

11. „Даил Эйринн“. Такой орган и был создан. Выборы 1918 г., протекавшие в обстановке жесточайшего террора, дали возможность населению продемонстрировать всю сплоченность. Из выдвинутых шин-фейнерами кандидатов 31 находились в тюрьме, многие скрывались в подполье в ожидании ареста. Только 26 кандидатов смогли появиться перед избирателями. Каждый кандидат давал обязательство, получив мандат на представительство, рассматривать этот мандат, как полномочие заседать в ирландском парламенте, а не в английской палате общин. Английское правительство приняло все меры к тому, чтобы не допустить такого рода кандидатов к избранию. Организаторы избирательных собраний арестовывались, выпуск газет и листовок республиканского характера запрещался, и таковые конфисковывались. Республиканцам давалось знать, что подача голоса за республиканского кандидата ставила их под угрозу репрессий... Тем не менее— выборы дали 105 депутатов, обязавшихся не являться в палату общин, а составить республиканский парламент. Выборы были ошеломляющими по своим результатам. Остатки националистической партии сохранили за собою лишь пять мест в Олстере и в Уотерфорде. Унионисты получили мандаты, кроме университетов и одного дублинского пригорода, только в восточном округе Олстера, так что за ними осталось лишь одно графство Антрим. Рабочие, за исключением Бельфаста, не выдвигали самостоятельных кандидатур и голосовали за республиканцев.

Выбранные депутаты выполнили взятые на себя обязательства. 21 января

1919 г. они съехались на первое заседание ирландского парламента, и этот последний, названный на древне-ирландском языке „Даил Эйринн“, выбрал президентом республики де-Валера и назначил министерство. „Даил Эйринн“ немедленно наметил ряд экономических и финансовых мероприятий и произвел внешний заем в Америке и внутренний в самой И. С момента избрания шин-фейнеровского парламента начинается период уже не пассивного, а активного сопротивления английской власти.

Выборы позволили властям составить черные списки наиболее активных деятелей республиканской партии. „Дублинский Замок“ повел правильную военную осаду. Опираясь на 50-ти тысячную армию и специальную ирландскую полицию численностью в 11 тысяч душ, он „вычистил“ страну, изъяс фактически все оружие, каким ранее запаслись ирландские волонтеры, и усилил политический и военный террор. В 1919 г. число обысков, преданий суду, разгонов собраний и т. п. увеличилось даже по сравнению с 1918 г. Так, имело место:

вооруж. обысков в частных квартирах.....	13.782
арестов за полит. преступления.....	959
приговоров за полит. преступления.....	636
военно-пол. судов над гражданскими лицами.....	209*
высылка выдающихся ирландских деятелей без суда.....	20
запрещение газет.....	25
разогнанных митингов.....	385
нападеный на собравшихся.....	478
погромы в городах.....	3
„убитых при попытке к бегству“.....	8

При таких условиях идея о вооруженном восстании не могла пустить корней в ирландской массе. Но такое положение наталкивало эту массу на партизанскую войну. „Даил Эйринн“, Шин-Фейн и даже Гельская Лига были объявлены незаконными организациями и вынуждены скрыться в подполье. В защиту свою ирландское крестьянство и ирландские рабочие могли выдвинуть только около 100 тысяч почти что небооруженных волонтеров. Против крепкой военной власти этого было мало в открытых боях. Поэтому И. с 1920 г. становится полем действия многочисленных партизанских отрядов. Крестьянство, не поддержавшее восстания Коннолли в „кровавую пасху“, теперь начало действовать.

В октябре 1919 г. в графстве Мит две полицейские казармы подверглись нападению со стороны волонтеров, причем один из полицейских был убит, а остальные разоружены. С этого момента нападения на казармы начинают становиться постоянным явлением ирландской жизни. Целью их является почти всегда не только террор по отношению к полиции, но и добыча оружия. С последней целью налеты в течение первой половины 1920 г. все учащаются: произведено до 46 налетов на казармы (из них только в 10 случаях волонтерам удалось захватить оружие), до 363 налетов на частные дома, где хранилось оружие, до 10 налетов на охрану таможенную, до 77 — на почту. Было вместе с тем разрушено 23 здания судов, убито и ранено 50 сборщиков налогов и 15 полицейских (преимущественно высших чинов).

В этой обстановке ожесточенной гражданской войны, заставлявшей английское правительство менять главнокомандующих и секретарей по ирландским делам в поисках выхода из невыносимого положения, происходили в июне 1920 г. выборы в сельские самоуправления. Выборы продемонстрировали необычайную популярность шин-фейнеров (республиканской партии). Из 953 мандатов в Советы графств на долю республиканцев пришлось 794, или 83,30%. Отдельные Советы стали объявлять о своем подчинении загнанному в подполье „Даил Эйринн“. Республиканские суды, к этому времени установленные повсеместно для разрешения всех гражданских дел и для вынесения приговоров и по уголовным делам, стали пользоваться к этому времени такой популярностью, что даже унионисты начали обращаться к ним. Королевский суд всеми обходился и превратился в посмешище. Внутренний заем, объявленный ирландским парламентом, был исключительно успешен и дал больше, чем намеченную сумму, несмотря на 84 ареста, закрытие 22 газет и бесчисленные обыски в связи с агитацией за заем. Аресты волонтеров были единичным явлением, несмотря на объявленные награды в 10 тысяч ф. ст. за каждого. Рабочие отказывались перевозить военное снаря-

жение для подавления партизанских отрядов. Словом, при всей свирепости военного террора, английское правительство было совершенно бессильно...

В виду этого кабинет решил принять особые меры, сущность которых сводилась к полному производству солдатчины. Солдаты громили и грабили города, насильовали женщин — за это им угрожал только прекращение следующего отпуска на побывку (ответ военного министра 29 июля 1920 г. на запрос о погроме в Фермой). Подготовлялось нападение протестантских террористических отрядов на католиков — нечто в роде повторения Варфоломеевской ночи. Для узаконения всех мероприятий в августе 1920 г. был принят акт о восстановлении порядка, подчинявший даже уголовный суд военным властям.

В результате, однако, получилось не восстановление порядка, а усиление гражданской войны. К концу года число убитых представителей власти достигло 236. В ответ следовали, конечно, жесточайшие репрессии. Волонтеры, правда, потеряли в 1920 г. убитыми всего 77 человек и ранеными — около 200. Но зато из числа населения свыше 2.000 человек потеряло свою жизнь в борьбе, и около тысячи предприятий, построек, лавок, типографий и т. п. было разгромлено солдатами. Арестованные объявляли голодовку (известен случай голодовки, закончившийся смертью при насильственном кормлении — мер гор. Корка, Мак Свины). Работа „Даил Эйринн“ и республиканских судов, министерств и т. д., загнанных в подполье, продолжалась попрежнему. Население, доведенное до ожесточения усилением военного террора, еще прочнее связывалось с республиканскими учреждениями и их поддерживало.

Эта упорная борьба ирландцев, превративших восстание Коннолли в затяжную партизанскую войну, привела, наконец, в декабре 1921 г., после неудачного закона о гомруле (1920 г.), установившего самостоятельные парламенты в Ольстере и в Южной Ирландии, к заключению договора между представителями республиканцев и британского правительства об образовании „Свободного Ирландского Го-

сударства". Закон 1922 г. оформил это соглашение.

12. „Свободное Ирландское Государство“. Закон этот устанавливает следующие положения: И. пользуется „в общине наций, известной под именем Британской империи“, тем же юридическим положением, как самоуправляющиеся колонии, именуется „Свободным Ирландским Государством“. К имперскому парламенту она находится в отношении, аналогичном отношению Канады, и представитель короны в И. назначается так же, как и представитель короны в Канаде. Свободное Ирландское Государство берет на себя береговую защиту, при чем морская защита Великобритании и И. принадлежит имперским морским силам; это положение подлежит пересмотру по истечении пяти лет. Свободное Государство предоставляет британскому правительству нужные ему приют и облегчения „в случае войны и натянутых отношений“ с другими державами. Численность военных сил И. не должна превосходить по отношению к населению пропорции, в какой армия находится к населению в Великобритании. Порты И. должны быть открыты для английских судов, по оплате установленных сборов. Специальная комиссия может быть назначена совместно для установления границ между Северной И. и Свободным Государством, „в соответствии с желаниями населения, поскольку это позволяют экономические и географические условия“

На основании такого порядка взаимоотношений между Великобританией и Южной И. временное ирландское правительство, созданное 16 января 1922 г. для проведения договора в жизнь, и подготовило созыв в сентябре временного парламента, сконструировавшегося в Учредительное Собрание и выработавшего конституцию Свободного Государства. 6 декабря 1922 г. эта конституция была промульгирована королевской прокламацией. По конституции избирательным правом наделено всякое лицо, независимо от пола, достигшее 21 года (30 лет для участия в выборах в сенат). Верховным законодательным органом является

Ойрехтас, т.-е. нижняя и верхняя палаты на совместном заседании под председ. короля. Только Ойрехтас имеет право изменения конституции. Бюджет и мероприятия финансового порядка утверждаются лишь нижней палатой депутатов (Даил Эйрини). Все прочие законопроекты должны пройти также и через сенат (Сенат Эйрини). Суверенность Свободного Государства подтверждается тем, что без согласия Ойрехтас И. не может быть втянута ни в какую войну, за исключением случая прямого десанта. Право быть выбранным предоставляется на таких же условиях, как и право избрания. Даил Эйрини состоит из 153 членов, сенат из 60. В конституции проведена полная ответственность министерства перед палатой депутатов, из числа членов которой и составляется министерство.

В течение последующих лет жизнь И. начала постепенно входить в нормальное русло на основе новой конституции, сохраняющей за Англией верховные права лишь в весьма ничтожной, формальной степени. Однако, внутри страны борьба еще и к 1925 г. не вполне закончилась. С момента эвакуации английских войск из Ир. (январь 1922 г.) правая часть Шин-Фейна, опирающаяся на крепкое хозяйственное, собственническое крестьянство, стала правящим классом. Президентом был выбран Кострев, а не де-Валера, прошедший всю партизанскую кампанию с таким успехом. Левая часть, однако, не сочла победу полной. Не учитывая того, что в условиях, сложившихся к 1922 г., на полную независимость И. не могла рассчитывать, не вызывая развала Британской империи и ряд восстаний в колониях (на что не было данных), де-Валера и левые шин-фейнеры высказались против соглашения, требуя продолжения войны с Англией. Это вызвало внутреннюю борьбу, сопровождавшуюся вооруженными столкновениями между сторонниками де-Валера и его противниками.

С другой стороны, единство фронта в борьбе с английской солдатчиной ивоенным террором, установившееся между шин-фейнерами и рабочими, нару-

шено было победой шин-фейнеров. Последние, как мы видели, стоят на точке зрения недопустимости стачек и считают актом государственной измены классовую борьбу. Между тем, восстановление нормальной жизни приводит неизбежно к возрождению тех общественных отношений, которые порождают и конфликты. Кроме того, идеалы Коннолли живы в рабочем движении И. Правда, с возвращением своим из Соединенных Штатов Джемс Ларкин высказался против немедленного продолжения военных действий, проповедуемого де-Валера. Но и сам Ларкин и целый ряд других деятелей ирландского рабочего движения либо примыкают к ирландской коммунистической партии (в числе их находится и сын героя ирландского пролетариата, Родерик Коннолли), либо очень близки к коммунистам. Покуда, таким образом, „отвоевание И.“ по плану Коннолли еще не свершившийся факт, условия ирландской жизни готовят внутреннюю классовую борьбу. Дифференциация ирландского общества, наметившаяся еще в семидесятые годы, не прервана годами борьбы и рано или поздно скажется в классовых отношениях современной И., „Свободного Ирландского Государства“, резкими конфликтами.

Образованием „Свободного Ирландского Государства“ положен лишь конец семисотлетней трагедии маленькой нации, покоренной чужеземными завоевателями и в конце концов освобожденной в муках революционной борьбы от этого многовекового гнета.

Литература. П. М. Керженцев, „Революционная Ирландия“, 1922; статьи Дионео в „Русск. Богатстве“, „Вестн. Европы“; А. Чеккин, „Ирландский Гомруль“ (Итер. Наук. Вестник, 1912 г.); „Labour in Ireland“, Джемса Коннолли; „James Connolly“, Десмонда Райана; „Two Centuries of Irish History“, с введ. Дж. Брауна; Brodrick's, „The Irish Land Question, Past and Present“; „Parliamentary History of the Irish Land Question“, Барри О'Брайена; „The man called Pearse“, Десмонда Райана; „History of the Irish Citizen Army“, Сина Казей; „James Connolly, revolutionist“, Норы Коннолли; „What Sinn-Fein Stands for“, В. Лакама; „Sinn-Fein Policy“, А. Гриффитса; „History of the Sinn-Fein Movement and the Irish Rebellion of 1918“, Ф. Джонса; „The Irish Yearbook: 1908 г., „Ireland to-day“ (изд. „Times“, 1913 г.), „Times History of War“, Statesman's Yearbook за 1916, 1924 г., „Irish Worker“, „Worker's Republic“ (с 1898 г.). Официальное расследование восстания опубликовано в виде стенограф. отчета „Royal Commission on the Rebellion in Ireland. Minutes of Evi-

dence“, 1916 г. В „Daily Herald“ за январь, февраль и март 1925 г. помещены интересные очерки Седж Янгала Синга (яндуса) о современной Ирландии.

В. Яроцкий.

XXI. Франция в эпоху мировой войны. I. Перед войной (ср. XLIV т.). Социальная история Ф. в период между 1910—1925 г.г. может быть разделена на 3 фазы: первую, предвоенную, которая оканчивается в июле 1914 г.; вторую—военную, в собственном смысле; и третью,—начинающуюся с перемирия в ноябре 1918 г.

Мировая война, завершившая целый период экономической и политической эволюции и давшая начало бесчисленным революциям и кризисам, является событием такого значения сама по себе и по своим последствиям, что ею устанавливается демаркационная линия, не менее ясная и резкая, чем раздел Римской Империи или падение Константинополя—в другие эпохи. Все попытки связать воедино мир в 1919 г. с миром 1913 г. оказываются безуспешными: правящие классы не смогли снова обрести своего спокойствия и своей устойчивости; буржуазное государство не восстановило своих основ; классы эксплуатируемые не обнаруживают прежней пассивности в своем рабстве. Не напрасно потерпели крушение три военных империи, и не напрасно русская революция бьет своими волнами центральную и западную Европу.

* * *

Если мы возьмем Ф. в 1910 г., то сможем констатировать, что ее экономическая и социальная структура изменилась довольно мало по сравнению с предшествующей четвертью столетия. В этот период она эволюционировала гораздо медленнее, чем другие страны, напр. Германия или Америка: в ней мы не найдем ни изумительной быстроты развития механического оборудования, представляющего собою главную силу производства, ни столь резко обозначившегося там исхода населения из деревни и концентрации его в городах. Правда, французские консерваторы уже в 1910 г. жалуются на опустошение деревни, но это, хотя и продолжается непрерывно,

не становится от этого быстрее. Здесь нет ничего, подобного стремительному наплыву населения в индустриальные центры, как это имело место за Рейном или за Атлантическим океаном. Движение населения здесь не быстрее течения французских рек: Сены или Луары. Нетрудно понять, насколько важно констатирование этого факта, если принять во внимание, что из него вытекают многие следствия: положение во Ф. оказывается менее революционным; оно дает меньше непосредственных шансов для революции, чем в странах с огромной индустрией и сильно отставшим сельским элементом. Необходимо, чтобы пришла война и до дна всколыхнула массы.

По профессиональной переписи 1911 г. (последней, результаты которой известны целиком) сельское население, которое не следует, впрочем, смешивать с сельскохозяйственным, составляет половину всей нации.

Годы.	Все население в млн.	Сельское население в млн.	%
1846	35,4	28,7	75,6
1861	37,4	26,5	71,1
1876	38,9	24,9	67,5
1886	38,2	24,4	64,1
1896	38,5	23,5	62,6
1906	39,3	22,7	57,9
1911	39,6	22	55,8

Ни Англия, ни Германия давно не дают подобного сельского коэффициента.

В некоторых департаментах еще имеется сельское население, превышающее 80%. Это имеет место в Эн, Канталь, Ла-Коррэз, Кот-дю-Нор, Жэр, Ланд, Ла-Лозэр, в Савойе и в департаменте Нижней Сены (где, однако, находятся большие индустриальные центры Руана и Гавра). Очень немногие департаменты спускаются ниже 40%: это—Рона, Нор, Буш-дю-Рон, Сена-и-Уаза, Вар. Департаменты Па-де-Кале и Луары, несмотря на все значение их каменноугольных бассейнов, насчитывают еще 41 и 44% сельского населения.

Если, однако, взять не отношение сельского населения ко всей его совокупности, а отношение сельскохозяйственного элемента к самостоятельному населению, то придется прийти к несколько отличному заключению, не-

смотря на то, что нельзя отрицать мощности сельскохозяйственных групп.

На 20.210.000 чел. самостоятельного населения в 1911 г., перепись показывает 8.517.000 лиц, живущих, так или иначе, на счет земледелия. Из них 5.219.000 объединяется под рубрикой хозяев, в том числе—собственники, фермеры и арендаторы,—несмотря на то, что среди них встречаются группы, находящиеся в самых различных экономических условиях; кроме указанных категорий, насчитывается 2.403.000 рабочих и поденщиков, 745.000 домашней прислуги, 29.000 возчиков и 115.000 садовников. Всего—3.292.000 лиц, живущих на заработную плату. Число лиц, отнесенных к категории собственников, как будто превышает число не обладающих собственностью. Но первая категория, наряду с крупными аграриями, охватывает и владельцев ничтожных участков и мелких арендаторов, знакомых с материальной нуждой. Впрочем, знаменитое дробление французского сельского хозяйства, о котором так часто и так много говорилось, повидимому, остановилось перед войной. Парцелл насчитывалось: в 1890 г.—14.140.000, в 1900 г.—13.618.000, в 1910 г.—13.440.000 и в 1913—г. 13.392.000.

Стоимость аграрного капитала оценивалась во время переписи 1911 г. в 62 млрд. фран.; следовательно, он составлял весьма значительную часть всего национального капитала.

О значении сельского хозяйства говорит также величина обрабатываемой площади земли и сельскохозяйственной продукции. В годы, предшествующие началу мирового конфликта, пшеница занимает в среднем 6½ млн. гектаров, другие хлебные злаки—7 млн., картофель—1½ млн.; 10 млн. гектаров состоит под пастбищами и 250.000—под сахарной свекловичей.

Перед 1914 г. Ф. производит в среднем ежегодно 86 млн. квинталов пшеницы и 87½ млн. квинт. других видов зерна. Она близка к тому, чтобы довольствоваться своим хлебом. Крестьянин жалуется на хлебные цены, обеспечивающие ему лишь скудное пропитание. Квинтал пшеницы продается по 27 фр., а овес стоит ниже 22. Производитель-

ность на гектар (несколько более 13 квинталов) остается довольно слабой, поскольку дело идет о пшенице и об овсе. Тем не менее сельское хозяйство сохраняет свое место и притом—весьма значительное место в общей совокупности французской экономики. Поэтому-то во Ф. не наблюдается такого, как в других странах, ухода сельского населения в большие города, несмотря на всю их притягательность, несмотря на развитие индустрии и соответствующее влияние воинской повинности.

Французская промышленность этого периода далеко не может сравниться с промышленностью Англии и Германии. Она растет в течение XIX в., но не обнаруживает, однако, исключительной силы роста. Будучи менее богатой каменным углем по сравнению с Англией и Германией, вывозящими значительное количество топлива, Ф. оказывается неспособной удовлетворить свои собственные топливные нужды. Она ввозит по меньшей мере треть нужного ей угля. Несмотря на свои обильные залежи железа в Лотарингии, она не развивает такой металлургии, какая имеется у ее конкурентов за Рейном и за Ламаншем. Равным образом, она отстает от Англии в текстильной промышленности и от Германии—в химических производствах. Ей принадлежит первенство лишь в переработке шелка (Лион, Сен-Этьен и их округа). В 1906 г. профессиональная перепись давала 6.200.000 промышленных рабочих. С 1906 по 1910 гг. их кадры несколько увеличились.

Торговля, со своей стороны, занимает в 1910—14 г.г. от 1,5 до 1,6 млн. человек. Внешний товарообмен Ф. растет не особенно быстро. Ввоз в 1913 г. доходит всего до 4.450 млн. фр., тогда как вывоз дает 4.600 млн. Морская навигация и тоннаж коммерческого флота также остаются в своих скромных размерах. Во всех областях экономического роста Ф. отстает от многих других стран. Этот факт приходится констатировать прежде всего, когда приступаешь к изучению ее социальной истории.

Со своей медленно эволюционирующей экономикой Ф. давно бросилась

в объятия колониального империализма. Можно даже сказать, сохраняя все пропорции, что ее колониальные предприятия были наиболее смелыми и наиболее дорогими из всех. Английский „колониализм“ находит свое объяснение в первую голову, если не исключительно,—в самом механизме капиталистического строя, который ищет все новых источников сырья и новых, более широких, рынков для сбыта. Невольно спрашиваешь себя, каким образом без Индии, Канады и Австралии промышленная и коммерческая аристократия Соединенного Королевства могла бы продержаться на уровне своего господства и довести до такой степени концентрацию своих богатств. Но как раз вследствие меньших размеров своей индустрии и в виду отличительных особенностей ее хозяйственной структуры по сравнению с Великобританией, Ф. должна была бы менее тяготеть к расширению своих экзотических владений. Здесь сыграли, однако, роль психологические основания и соображения международной политики, на которых не стоит останавливаться подробнее. С 1880 по 1914 г. были аннексированы Тунис, Мадагаскар, Тонкин, Аннам, Дагомея и Марокко, и в то же время непрерывно увеличивались суданские и экваториальные владения республики. Эти приобретения, произведенные чаще всего вооруженною рукою, чуть не вызвали несколько раз конфликты с великими державами. Достаточно вспомнить тяжелые инциденты, возникшие между Ф. и Германией по поводу Марокко, и нет сомнения, что они в значительной мере подготовили ту атмосферу, в которой разразилась мировая война. Кроме того, колониальные экспедиции оплачивались миллионами франков, тогда как захват новых африканских и азиатских территорий давал лишь скромные экономические результаты.

Французский бюджет, обремененный подобными издержками и ежегодным увеличением стоимости милитаризма, продолжал безостановочно отягощаться в предвоенный период. В среднем, он равнялся 5½ миллиардам; иными словами, он поглощал более одной шестой

всего национального дохода страны. Из всех стран мира Ф. обладала наиболее тяжелым государственным долгом; так, в 1914 г. она должна была выплатить своим кредиторам 1.119 млн. Ее военные расходы на голову населения были самыми большими (22,35 фр. против 15,55 фр. в Германии). Ее бюджет, в своей расходной части, являлся наиболее ярким воплощением буржуазного бюджета вообще. Та же самая картина раскрывалась и при рассмотрении росписи доходов. При капиталистическом строе все налоги оплачивает всегда пролетариат. Но капитализм предпочитает прямым налогам косвенные, так как их легче возложить на массы. Во Ф., особенно в этот период, прямые налоги сведены к минимуму, и буржуазия ведет сильную кампанию против подоходного обложения, хотя бы и сведенного к простому праву на статистику. Таможенные пошлины, налоги на предметы широкого потребления и государственные монополии являются главными источниками доходов во французском бюджете.

Ф. представляет собою буржуазную демократию, в полном смысле этого слова. Всеобщее голосование существует в ней с 1848 г.; исполнительная власть выполняет свои функции под контролем палат; но так как Гражданский Кодекс не ставит никаких границ праву собственности, и так как капиталистический строй — подчинение миллионов рабочих и служащих промышленной, аграрной и финансовой plutократии — остается во всей своей силе, то несколько сот тысяч людей диктуют свою волю миллионам других и живут их трудом. Кустарные промыслы мало по-малу были разрушены средней и крупной индустрией: остатки кустарей работают на хозяев, а не на потребителя. Точно так же и мелкий земледелец является свободным лишь по внешней видимости: ипотека гложет его хозяйство, и, чтобы продать свои продукты, он должен подчиниться ценам, устанавливаемым крупными — отдельными или коллективными — посредниками, спекулирующими на его нужде. Но не может быть истинной политической демократии до тех пор,

пока капиталистическая система под-держивает экономический феодализм.

Состав правящей политической группы, без сомнения, изменился. Во времена июльской монархии и империи он вербовался в среде крупной буржуазии. В период третьей республики он вербуется из рядов буржуазии средней и мелкой, но мелкобуржуазные министры остаются в порабощении интересам крупных промышленных и финансовых компаний. Об этом свидетельствуют структура бюджета, международная политика и политика колониальная. И когда рабочему классу удается путем организованного давления вырвать ту или иную реформу, имущие классы стремятся ее аннулировать, прямо или окольными путями.

Наиболее влиятельными министрами периода 1910—1914 г.г. являются: Бриан, Кайо, Вивьани, Пуанкаре, Мильеран, Думерг, Делькассе, Рибо. Одни из них, напр. Рибо и Пуанкаре, выдвинулись на сцену из рядов прежней умеренной республиканской партии; другие, напр. Думерг, Кайо и Делькассе, — из партии радикальной; третьи — Мильеран, Вивьани и Бриан — на известном этапе своей карьеры числились в социалистической партии и в свое время являлись даже лидерами ее. Но практически они осуществляют одну и ту же политику и работают рука об руку в ряде смежных друг друга правительств. Они защищают Гражданский Кодекс, конституцию 1875 г. и капиталистические привилегии; способствуют усилению вооружений (закон о трехгодичной службе) и служат прочной опорой находящегося в силе социального строя. Радикальная партия, опиравшаяся при своем возникновении на мелкое земледелие, мелкую торговлю и мелкое чиновничество, с течением времени стала партией консервативной. Между политическими партиями, которые оспаривают друг у друга власть (справа на-лево: демократический союз, радикалы и радикалы-социалисты, республиканцы-социалисты), гораздо менее различия в программах, чем личного соперничества представителей этих группировок. Каждый министерский кризис сопровождается компромиссами

между представителями средней и крупной буржуазии. Крупная буржуазия выражает согласие на те или иные мнимые реформы, а средняя буржуазия уже давно перестала выставлять требование истинной демократии. Что касается мелкой буржуазии, то она идет против своей прежней тактики; это ясно обнаружилось в связи с законом о трехлетней военной службе и событиями в Марокко; большинство, огромное большинство депутатов, высказывается за банальную формулу: ни реакции, ни революции, иными словами—высказывается за застой.

Оно борется, с одной стороны, против роялистов из Action française, дерзости которых возрастает с каждым годом; и против католиков, которые не отказались от намерений вновь набросить на Ф. свои цепи, восстановить конкордат и вызвать к жизни религиозные конгрегации. С другой стороны, оно борется против социализма и синдикализма, являющихся постоянными объектами его опасений. Но оно гораздо более враждебно настроено по отношению к социализму и синдикализму, чем по отношению к роялизму и клерикализму. Впрочем, уже в этот период можно констатировать то, что еще чаще придется констатировать во время и после войны, а именно, — что часть буржуазии вновь устремляется к церкви; она полагает, что для того, чтобы обуздать революционные течения, защитники капиталистической собственности должны сблизиться друг с другом, оставая в стороне, если не свои предпочтения в области политики, то, по крайней мере, свои философские убеждения. Таким образом, в действительности мы приходим в конце концов к схематически намеченной борьбе классов.

* * *

Однако, если во Ф. и не наблюдается такой концентрации производства, как в других странах; если сельское хозяйство еще занимает в ней значительное место; если средний класс здесь более компактен и стоит под меньшей угрозой непосредственной пролетаризации; иными словами, если во Ф. имеется, при указан-

ной структуре, больше данных и шансов для социального консерватизма, — не следует забывать, что в ней весьма жива революционная традиция. Со времени XVII века Англия шла размеренным историческим курсом, спокойным, лишенным бурных эпизодов. Германия этого периода является страной покорности и пассивности; остальная Европа почти не знала иных политических бурь, кроме национальных возмущений и временных восстаний, — если не считать грандиозного русского потрясения 1905 г. Но у Ф. была ее Великая Революция, ее мятежная Коммуна 93 г., ее славные июльские дни, дни 1831 и 1834 г.г., июль 48 г., Коммуна 1871 г. И хотя различные слои буржуазии поднимались один за другим, чтобы освободиться сперва от господства привилегированных сословий, затем от вернувшегося абсолютизма и, наконец, от цезарового режима Гизо, — буржуазия никогда не побеждала иначе, как с помощью вооруженных рабочих. Эти последние, полагая, что они борются за самих себя, боролись вначале за буржуазию. Потом, в июне 48 г. и в марте 1871 г., они воздвигли свои баррикады во имя социальной демократии и подняли красное знамя. Воспоминание об их поражениях живет нетронутым в пригородах Парижа. Обладая меньшей сплоченностью, французский пролетариат проникнут зато большей инстинктивной и сознательной враждебностью по отношению к капиталистическому строю. Он не перестал каждый год вспоминать 18 марта и „кровавую неделю“. И если он так жестоко нападает на милитаризм, то это потому, что армия подавляла одно за другим его восстания. Настроение борьбы в нем сильнее, чем в пролетариате германском и англо-саксонском. Бланкизм продолжает жить в нем с редкой силой. Он не ждет своего освобождения от автоматизма событий; он подгадывается на самого себя и на свои действия. Правильно или неправильно, он верит, что опрокинет господство буржуазии, подобно тому, как опрокинул Карла X, Луи-Филиппа, Наполеона III, и это обстоятельство объясняет, почему революционный синди-

кализм так легко преобладал во Ф., тогда как в других странах ему удавалось завербовать лишь ничтожное количество сторонников. Мы встретим его во всей полноте его развития в период 1910—1914 г.г., и нам придется, далее, констатировать его несомненное влияние на дух французского социализма.

Каковы материальные условия, в которых живет французский пролетариат?

Крупная индустрия держит его под своей строгой опекой и стремится сохранить длительный рабочий день. Она продолжает оставаться весьма непопулярной в отношении социальных законов, а когда они вступают, ухитряется их нарушать и обходить. Торговые и банковские служащие почти лишены защиты закона. Французское законодательство не знает сельскохозяйственного рабочего. Закон 30 марта 1900 г., устанавливающий на фабриках десятичасовой рабочий день, говорит лишь о женщинах и детях, а о взрослых рабочих, лишь занятых в одних с ними помещениях. Иными словами, взрослых рабочих, занятых отдельно от женщин и детей, можно заставить работать 11 и 12 часов. Но и закон 1900 г. не применяется в ряде районов, а инвентаря труда часто оказываются бессильными в своих обещаниях. Закон 29 июня 1905 г. установил восьмичасовую смену для работ в шахтах, но шахтеры неперестают жаловаться на злоупотребление долгим рабочим днем. К этому надо прибавить закон 13 июля 1906 г. об еженедельном отдыхе, который был вырван у правительства прямыми действиями пролетариата и который хозяева умеют лишать реального значения; закон 27 ноября 1909 г., который обеспечивает сохранение работы, и законы 5 апреля 1910 и 7 февраля 1912 г., устанавливающие образовательный фонд социального страхования (путем вычетов из зарплат и взносов со стороны предпринимателей и государства) и вводящие ничтожные пенсии для достигших 65, затем — 60 лет. Этими законами и исчерпывается существенное содержание социального законодательства в изучаемый нами период. Из этого Ф. отстает от Германии и Англии.

Относительно размеров заработной платы в этот, предвоенный, период имеются довольно точные данные в раскладах мюри и промышленных судов. Приводимые данные относятся к 1911 г. Интересно их отметить, с тем, чтобы впоследствии сравнить с послевоенными ставками.

В Париже за девяти—десятичасовой день получают: печатники — 7,20 фр., переплетчики — 6 фр., ковальные — 6,50 фр., портные — 7,50 фр., токари по дереву — 7,50 фр., столяры-краснодеревцы — 9 фр., плотники — 9 фр., столяры и водопроводчики — 8 фр., кузнецы — 10 фр., слесари — 8 фр., токари по металлу — 8,25 фр., часописчики — 7 фр., каменотесы — 7 фр., каменщики — 8,55 фр., землекопы — 7,60 фр., кровельщики — 8 фр., маляры — 7,25 фр., штукатуры-орнаментчики — 10,80 фр., стекольщики — 7,65 фр. Минимальная ставка — 3 фр., максимальная — 10,80 фр. Но в провинция плата гораздо ниже, даже если иметь в виду лишь городские ставки; рабочий же день более продолжителен: нередко он превышает 10 часов. В провинции получают в среднем: пивовары — 4,21 фр., наборщики — 4,94 фр., переплетчики — 4,67 фр., ковальные — 4,09 фр., седельники — 4,25 фр., сапожники — 3,95 фр., портные — 4,55 фр., красильщики-пятновыводчики — 4,15 фр., ткачи — 3,32 фр., веревочники — 3,64 фр., каретники — 4,44 фр., токари по дереву — 4,88 фр., бочары — 4,48 фр., высококвалифицированные деревообделочники — 4,86 фр., обойщики — 5,06 фр., плотники — 3,07 фр., столяры — 5,05 фр., мелники — 5,40 фр., жестяники — 4,74 фр., водопроводчики — 4,92 фр., кузнецы — 4,40 — 5,12 фр., слесари — 4,65 фр., токари по металлу — 5,39 фр., часовщики — 5,31 фр., каменоломы — 4,16 фр., каменотесы — 5,11 фр., каменщики — 4,80 фр., землекопы — 3,82 фр., кровельщики — 5,05 фр., маляры — 4,76 фр., штукатуры-орнаментчики — 6,39 фр., кирпичники — 4,17 фр., горшечники — 4,26 фр., стекольщики — 4,72 фр., поденщики и чернорабочие — 3,26 фр. Здесь минимум — 3,26 фр., максимум — 6,39 фр. Заработная плата женщин

еще ничтожнее. Гладильщица получает в день в среднем — 2,15 фр., портниха — 2,18 фр., белошвейка — 2,08 фр., швейщица — 2,50 фр., кружевница — 2,13 фр., вышивальщица — 2,44 фр.

Если взять всю совокупность мужских профессий в 1911 г., средняя городская ставка будет около 4,77 фр. за рабочий день. Она опускается ниже 4 фр. в Нижних Альпах (3,90), в Верхних Альпах (3,83), в Арденн (3,94), Ол (3,98), Канталь (3,92), Фаншетар (3,93), Жар (3,55), Ланг (3,69), в деп. Верхней Луары (3,57), в Ло (3,50), Лозер (3,59), Морбиган (3,96) и в Банде (3,72), т.-е. в тех областях, где не акклиматизировалась крупная индустрия и где рабочий еще близко соприкасается с деревней.

Наоборот, средняя заработная плата превышает 6 фр. в департаментах Устья Гзынь, Сены и Марны, Сены и Уазы — в департаментах с большой плотностью населения, имеющих на своей территории крупные фабрики и заводы и примыкающих к столице, куда они ежегодно посылают большое количество рабочих. В силу первого из указанных оснований, средняя заработная плата доходит до 5,97 фр. в Об (текстильное производство) и Бельфоре (текстиль), 5,41 фр. — в деп. Луары (кожи, металлургия, текстиль), 5,63 фр. — в Нор (кожи, текстиль, стекольное производство, металлургия), 5,92 — в деп. Уазы (металлургия, цветочные и чулочные фабрики). Для деп. Сены средняя ставка намечалась в 7,35 фр. Все эти ставки, указанные для 1911 г., лишь весьма незначительно варьировались с 1911 по 1914 г. Стоимость месячного содержания (квартира и питание) для одиночного рабочего доходила в это время в провинции в среднем до 70 фр.; иными словами, принимая среднюю месячную заработную плату в 110—120 фр., она составляла $\frac{1}{2}$ всего заработка. Правда, надо оговориться, что стоимость жизни довольно значительно колеблется в пределах одного и того же департамента: от 67 до 90 фр. — в Эн, от 60 до 75 — в Приморских Альпах, от 67 фр. — в Кальвадос, от 50 до 90 — в деп. Нижней Сены, от 80 до 125 — в деп. Сены и Уазы, от 40 до 75 — в Нор, от 55 до 86 — в Эро.

Отметим еще цены на некоторые предметы потребления и на съестные припасы в предвоенный период, чтобы иметь возможность сделать в дальнейшем полезные сопоставления. Бумажные носки стоили 0,50 фр. пара; шерстяные носки — 1,15 фр.; готовый мужской костюм — 38 фр.; дамская блуза — 3,30 фр.; детская ботинка — 12,70 фр.; ботинки женские — 13,60 фр.; ботинки мужские — 18 фр.; метр простой бумажной материи — 0,85 фр.; дюжина носовых платков — 3,50 фр. (здесь указаны цены потребительской лавки при одной из железных дорог). В то же время рабочие Крезе платили в розничном магазине за костюм — 70 фр., за пару обуви — 25 фр., за шляпу — 5 фр., за фуражку — 3,50 фр., за рубашку — 4 фр., за рабочий костюм 6 фр., за дюжину платков — 3,50 фр., за новые подметки — 5,60 фр., за носки — 1,25 фр. Антрацит стоил в Париже 56 фр. 1000 кг. уголь — 42 фр., кокс — 1,90 фр. 100 кг., дрова — 45 фр. 1000 кг., керосин — 0,45 фр. литр, бензин — 0,65 фр., белое мыло — 35 фр. 100 кг., вино — 62 фр. бочка, мясо — от 0,60 до 4 фр. кило, телятина — от 1 до 2,80 фр., баранина — от 0,50 до 2,40 фр., сахар — 0,75 фр., растительное масло — 1,75 фр., соль — 0,24 фр., рис — 1 фр., фасоль — 0,80 фр., чечевица — 0,85 фр., картофель — от 0,08 до 0,10 фр., капуста — 0,30 фр. котач, ветчина от 3 до 5 фр. кило, молоко — 0,25 фр. литр, сливочное масло — 4,25 фр. кило, яйца — 12 фр. сотня. У Крезе хлеб стоил 0,27 фр. кило, вино — 0,35 фр. литр, картофель — 0,07 фр. кило, фасоль — 0,36 фр. кило, сливочное масло — 3 фр. литр, яйца — 1,10 фр. дюжина, молоко — 0,25 фр. литр, мясо — 1,25 фр. кило, свиная — 1,80 фр., телятина — 1,80 фр., баранина — 1,75 фр., сахар — 0,70 фр., кофе — 5 фр., мыло — 0,60 фр., керосин — 0,35 фр. литр.

Синдикат металлургических рабочих Крезе высчитал, что семья из двух человек тратила ежедневно, помимо непредвиденных расходов, 10,65 фр., семья из 6 человек, из которых 4 детей, тратила 15,60 фр.

Профессиональные и политические организации рабочего класса заметно усилились в годы предшествовавшей войне. Со своей стороны, буржуазия стала прилагать большие старания к образованию в своей среде сильных корпораций, самое возникновение которых поддерживало борьбу различных социальных категорий.

Наиболее воинственными из этих предпринимательских союзов были: Объединение металлургической и каменноугольной промышленности, а также Объединение текстильных союзов, в которых примыкали организации не синдикатного характера: Комитет угольной промышленности и Федерация французской индустрии. Объединение металлургической и каменноугольной промышленности и Федерация промышленности и торговли учредили у себя предпринимательские кассы страхования от несчастий. Были еще и другие предпринимательские организации, которые играли роль в конфликтах между трудом и капиталом: Комитет парижских швейцаров, Федерация строительной промышленности, Группа синдикальных палат города Парижа и департамента Сены. Все эти койки объединения, устанавливавшие ставки заработной платы и продолжительность рабочего дня, решавшие вопросы об объяснении локутов и забастовку следившие за поведением рабочих организаций, тем сильнее оспаривали права этих последних, чем больше росли их собственные значения.

Жизнь профессиональных организаций регулировалась перед войной законом 1884 г. устанавливавшим условия при соблюдении которых они могли жить и функционировать. Так как этот закон берет свое начало в другую эпоху, мы не считаем уместным подвергать его анализу. Как мы увидим в дальнейшем, он был несколько изменен лишь в последованное время. С величайшими трудностями удалось рабочим организациям постепенно добиться возможности легального существования. Когда власти признали свою несостоятельность проводить далее прежнее сверху вниз политику по отношению к десяткам тысяч рабочих, которые объединялись для защиты своих экономических интересов, они просто зарегистрировали этот факт синдикальной жизни. Но закон 1884 г. предоставлял столь же мало свободы союзам, сколько мало свободы ставил устанавливал закон 1864 г. Пролетарские организации продолжали рассматриваться, как опасные и антисоциальные объединения, против которых должны направлять свои усилия государство и хозяева. Элементарные права оспаривались у железнодорожников, служащих общественных предприятий, у коммунальных и государственных чиновников. Вот несколько фактов из этой области, заслуживающих упоминания.

В ноябре 1911 г., на следующий день после стачки железнодорожников, Бриан, президент совета, заявлял, что следует усилить законы о профессиональных союзах, вернее, против них. И крупные предпринимательские организации поощряют его намерение подготовить дополнительное рабочее законодательство, т.-е. ввести новые ограничения.

В июне 1913 г. правительство вносит в палату проект закона о союзах. Этот проект расширял сферу их легальной деятельности, потому что расширение их прав в коммерческой области считается средством отвлечения их от революционной пропаганды; он изменяет и отменяет условия их ликвидации, он обязывает корпоративные группировки ввести у себя пропорциональное представительство, отвергнутое большинством из них, — иными словами, подвергает эти группировки опасности вмешательства со стороны государства. Проект был, однако, передан забвению, так как подвергся энергичным нападкам со стороны ВКГ (Всеобщей Конфедерации Труда).

Впрочем, юстиция и полиция значительно умели прибегать к существующим законам и так же хорошо умели нарушать их для застраивания воинствующих союзов.

В мае 1913 г. Всеобщей Конфедерации Труда угрожал роспуск, так как она высказалась против трехлетней военной службы. Затем, в июле, 19 синдикальных деятелей были арестованы за антиимпериализм. В палате Барту от имени кабинета объявил ВКГ организации незаконной по своим целям и по направлению своей деятельности, и палата вотировала расклевку его речи большинством 547 против 167 голосов. ВКГ Тотвельта, что ей смешны все эти чуждые угрозы.

В течение этого периода имело место постоянное вмешательство армии в стачки (Марсель, апрель 1910 г.; Дюнкерхен, май 1910 г.; Гавр и Бордо, июль 1912 г.). Это вмешательство осуществлялось совершенно давно установленной традицией. Под видом защиты свобод трудя, солдаты должны были служить интересам хозяев.

Хозяева не пренебрегали никакими средствами, чтобы разбить рабочие синдикаты, которые они назвали как разрушению. Не только оружие, они отказывались признавать синдикаты и всячески преследовали беспорядочный элемент в них. В апреле 1903 г. лидер отрядного треста, Виллемей, организовал локут, неудача которого его, однако, не обескуражила. В ноябре 1910 г. секретарь союза угольщиков в Гавре, Дюран, был приговорен и смертной казни за моральное соучастие в смерти «жесткого» рабочего. В действительности это было прямым и явным нарушением правосудия. Дюрана должны были в конце концов освободить, но от него осталась лишь тень человека — хозяева его отомстили.

В особенности против рабочих в общественных предприятиях направляло свои удары буржуазное государство, потому что оно полагало, что здесь затронут его престиж. Железнодорожники, число которых доходило до 300.000, занимали во Ф. промышленное положение между промышленными рабочими и административными служащими. Им всегда отказывали в праве кооптации и в праве союзов.

10 октября 1910 г., после долгого периода напряжения, разразилась забастовка на Северной сети, распространявшаяся затем и на другие дороги. Премьер Бриан приказал арестовать стачечный комитет, мобилировал 15.000 железнодорожников и заявил, что, если бы ему не удалось сломать движения, он обратился бы к незаконным мерам. 22 декабря он внес три законопроекта, которые запрещали какое бы то ни было прекращение работ на железных дорогах и вводили организацию принудительного улаживания конфликтов и арбитража. Но эти проекты потерпели крушение.

Чиновники, со своей стороны, боролись с необычайным упорством, чтобы добиться для себя права профессиональных организаций. Период 1905 — 1910 г. был временем мощной кампании, отмеченной в особенности двумя стачками почтово-телеграфных служащих (март и май 1909 г.). Потерпев временное поражение (судебный роспуск синдиката внешних почтовых служащих, июль 1909 г. и октябрь 1910 г.), государственные служащие не замедлили пересорганизоваться. Всеобщая федерация чиновников насчитывала 164.000 членов. Почтовые служащие сошлись в Париже международный конгресс. Национальная федерация ассоциаций служащих (государства, департаментов и коммун) высказалась за форму синдиката. Правительство пыталось прибегнуть к репрессиям, напад преследования против союзов учителей, которые ранее были им терпимы (сентябрь 1911 г.). Но союзы оказывали сопротивление вопреки направленным против них административным мерам и судебным приговорам. Конгресс чиновников, который собрался в Париже в декабре 1912 г., протестовал против этих репрессий и потребовал нового и безоговорочного распространения на своих членов закона 1884 г. Он возобновил эти требования в декабре 1913 г., а в апреле 1914 г. конгресс внешних почтовых служащих провозгласил, наконец, принцип солидарности государственных служащих и служащих в промышленности. Таким образом, властям не удалось загнать эти группы протестариаля.

Сколько было во Ф. перед войной организованных рабочих?

Надаться статистике этого рода было всегда трудным делом, потому что синдикальные организации, или по крайней мере большинство из них, никогда не проявляли должного серьезного отношения и подобным работам. Что же касается сведений, собранных министерством труда, то на них нельзя ссылаться иначе, как с крайней осторожностью. Население, из которого зарывалось членом союзов, насчитывало, по переписи 1906 г., приблизительно 8.431.000 человек (промышленность, торговля, общественные предприятия). Министерство труда, которое не желало упоминать союзов чиновников и низших государственных служащих, показывало наличность в 1906 г. — 4.857 союзов, в 1910 — 5.260, в 1911 — 5.325, в 1912 — 5.217, в 1913 — 5.046, в 1914 — 4.846. Что касается числа членов союзов, то оно, по данным того же министерства, оценивалось в 1906 г. — в 836.000, в 1910 — в 977.000, в 1911 — в 1.029.000, в 1912 — в 1.064.000, в 1913 — в 1.027.000, в 1914 — в 1.026.000. На 1-ое января 1914 г. наиболее крупными союзами обладали департаменты: Сены (331.000), Нор (114.000), Уэльс Роны (41.000), Роны (37.000), Па-де-Кале (32.000), Луары (28.000), Жиронды (28.000).

С другой стороны, некоторые департаменты, в роде Верхних Альп, Нижних Альп и Верхней Савойи, насчитывают менее 200 членов. Союзы имели в 1914 г. 1187 рекомендательных комитов, 1502 библиотеки, 808 касов взаимопомощи, 624 касом помощи безработным, 478 отделений Виагитума — бюро передвижений, 357 профессиональных курсов, 96 потребительских кооперативов, 185 изданий и пр.

Синдикаты образуют первую ступень профессиональной организации. Объединение синдикатов (Union), которое заключает в себе группировки всех профессий в данном городе или департаменте, и федерация, которая объединяет все синдикаты одной и той же профессии или одной и той же отрасли индустрии во всей Ф.—образуют вторую ступень. Всеобщая Конфедерация Труда (ВКТ—CGT) является третьей ступенью, объединяя в себе организации второй ступени. Объединенный синдикатов было: 188 — в 1910 г., 196 — в 1911, 200 — в 1912, 207 — в 1913, 201 — в 1914. В них было зарегистрировано членов: 903.000 — в 1911 г., 934.000 — в 1912, 941.000 — в 1913, 839.000 — в 1914. Период 1913 — 14 гг. был временем ослабления профессионального движения. На конгрессе на национальном конгрессе в Гавре (1912) отчет показывал 53 записанных в ВКТ федераций. Некоторые объединения в себе более 100 синдикатов (питание, строительные профессии, дорожные, железные дороги, книга, металлы, текстиль); в других число участвующих синдикатов печислялось несколькими единицами (спичечники, обувщики, перчаточники, моряки).

Цифры, указываемые конфедеральными отчетами, часто, однако, отличаются от цифр, представляемых различными федерациями конгрессу. Случалось, что федерация записывала не всех своих членов в ВКТ. Случалось, наоборот, что рабочие брали карточки, уклоняясь затем от уплаты взносов и, естественно, что те и другие цифры в результате не совпадали. В 1910 г. ВКТ показывала в числе членов 139.000 строительных рабочих, 11.000 работников питания, 50.000 железнодорожников, 10.000 ковачников, 10.000 работников книги, 40.000 металлистов, 30.000 шахтеров, 20.000 текстильщиков, 29.000 транспортников, 27.000 работников муниципальных предприятий и т. д. Конгресс железнодорожников насчитывал 48.000 членов в 1909 г., 24.000 — в 1911, 23.000 — в 1913; в то время как конгресс шахтеров в 1908 г. показывал 60.000 записавшихся в представляемые на нем синдикаты. Федерация строительных рабочих насчитывала 35.000 участников в 1908 г., 59.000 — в 1910 и 80.000 — в 1912. Число местных или охватывающих целый департамент объединений, групповавшихся в ВКТ, достигало в 1912 г. количества 153 участников. В это же время, Интернационал профессиональных союзов в своем восьмом отчете оценивал в 400.000 чел. наличный состав членов, уплачивавших свои членские взносы по К. Но так как платили не все к нему примыкавшие, то количество этих последних можно предполагать доходившим до 600.000 человек.

Тридцать восемь печатных органов выходили в 1914 г. Предсказание статута ВКТ, которые несомненно раз пересматривались, могут быть резюмированы следующим образом:

ВКТ объединяет лиц, работающих по найму, для защиты их моральных и материальных интересов. Она допускает в число своих членов всех трудящихся, которые ведут борьбу за уничтожение института хозяев и наемного труда, независимо от их принадлежности к той или иной политической школе. Она охватывает, во-первых, национальные промышленные федерации и синдикаты; во-вторых, — местные и департаментские объединения. Чтобы войти в состав ВКТ, союз должен стать участником федерации и примкнуть к какому-нибудь объединению. Комитет Конфедерации составляется из делегатов примыкающих организаций. ВКТ делится на две секции: секцию федераций и секцию бирж труда (местные и департаментские объединения). Секция федераций, в которую входят делегаты этих организаций, координирует их действия, поддерживает профессиональную борьбу во всех областях экономической жизни, вызывает к жизни новые федерации. Секция бирж труда имеет аналогичные функции в делах, касающихся территориальных объединений.

Кроме того, имеются 3 постоянных комиссии: журналиная, контрольная, стачечная и всеобщей стачки. Соединение обеих секций образует Комитет Конфедерации, который приводит в действие решения националь-

ных конгрессов и принимает участие во всех событиях, интересующих рабочий класс.

Конгресс собирает каждые два года. Каждая организация имеет только один голос: иными словами, все организации считаются равными, и принцип пропорционального представительства устраняется. На предвоенных конгрессах Конфедерации дебатировалось много вопросов, касающихся ее устава, и особенно вопрос о пропорциональном представительстве, которого требовали реформисты и которое отвергалось революционерами. Оно было отвергнуто на конгрессе в Бурже (1904) 822 голосами против 384 и на конгрессе в Марселе (1908) 741 голосом против 399. Равным образом, много и долго дискутировался вопрос о сравнительной ценности объединения по профессиям и по отраслям индустрии, причем указывалось, что производственные объединения более значительны по размерам и более способствуют устранению корпоративного духа, так как они выходят из узких рамок отдельной профессии. Тулузский конгресс (1910) высказался за производственные объединения, предлагая объединиться рабочим литейных, механических и металлургических заводов, большинством 819 против 180 голосов. В период 1906 — 1914 г. генеральным секретарем ВКТ был сначала ее подлинный основатель Гриффюль, лидер революционного крыла, человек большого ума и огромной активности, обладающий несравненным тактическим искусством. В феврале 1909 г. его сменил Нисель, избранный реформистов, а после отставки Ниселя в марте 1910 г. — Жю, личный друг Гриффюля, входивший в число революционеров.

С 1906 по 1914 г. имели место конгрессы: в Амьене (1906), в Марселе (1908), Тулузе (1910), Гавре (1912) и экстренный конгресс в Париже (июль 1912). Амьенский конгресс занимает важное место в истории ВКТ, потому что он возобновил ряд предложений, сделанных на долгое время хартии французского революционного синдикализма. Он подтвердил новую дискуссию лишь в последние годы. Многие сторонники УВКТ (Унитарной Всеобщей Конфедерации Труда — организации с коммунистическими тенденциями, существующей, после раскола, наряду с ВКТ) считают их отжившим видом все. На Амьенском конгрессе речь шла о взаимоотношениях профессионального движения и политических партий. Федерация текстильщиков, секретарем которой был Ренар (Нор), гедит (гедиты считали себя точными последователями марксизма), внесла проект резолюции, приглашающей комитет Конфедерации входить в соглашение с социалистической партией путем временных или постоянных делегаций всякий раз, как того потребуют обстоятельства. Но этот проект был отвергнут большинством 774 голосов против 34. Затем, 830 голосами против 8, было принято предложение Гриффюля, главные пункты которого сводятся к следующему:

«Конгресс подтверждает пункт устава, на основе которого ВКТ ведет свою объединительную деятельность: вне зависимости от какой бы то ни было политической школы, все трудящиеся, сознательные готовые вести борьбу за уничтожение наемного труда и класса хозяев»...

«Эта декларация есть признание классовой борьбы... «В текущей ежедневной борьбе синдикализма, стремится к кооперации уселной рабочего класса, к улучшению положения трудящихся»... Но это является лишь одной из задач профессионального движения: оно подготавливает, далее, полную эмансипацию рабочего класса, которая может осуществиться лишь путем экспроприации капитала. В качестве метода ее достижения синдикализм выдвигает всеобщую стачку и при этом полагает, что профессиональные союзы, являющиеся в настоящее время организациями для отпора хозяевам, впоследствии станут органами производства и распределения. Конгресс подтверждает полную свободу отдельного члена профессионального союза принимать участие вне профессионального объединения в различных формах борьбы, соответствующих его философским или политическим взглядам, ограничиваясь лишь требованием не распространять в союз взглядов, которые он отставляет вне его. Что касается профессиональных организаций, конгресс заявляет, что для достижения максимальных результатов экономическое давление должно быть направлено непосредственно против хозяев; кооперированные организации, поскольку они являются профессиональными союзами, не должны заниматься партиями и сектами, которые могут на стороне и вне профессионального дви-

жения свободно готовить социальный переворот.

На Марсельском конгрессе 1908 г. большие дебаты вызвал вопрос об антиимпериализме. Конгресс, 681 голосом против 421, одобрил декларацию, которая требовала проведения всеобщей революционной забастовки в ответ на возможное объявление войны. Тулузский конгресс 1910 г. подверг обсуждению проект закона о рабочих пенсиях, одобренный большинством палаты. Этот закон является опасностью для рабочего класса, заявил Меррей (представлял металлистов). По предложению Жюко, конгресс, большинством 1049 голосов против 258, принял резолюцию, выражающую отрицательное отношение к нему ВКТ: ВКТ должна парализовать применение этого закона, полезного в принципе, но в своей разработке идущего в разрез с интересами трудящихся. Конгресс в Гавре (1912) возобновил амьенскую дискуссию о взаимоотношениях между ВКТ и политическими партиями.

На этом конгрессе Ренар нападал на конфедеральное большинство, упрекая его в революционном вербализме; он выразил сожаление по поводу опубликования лидерами Конфедерации манифеста, направленного против нарушения синдикальной автономии некоторыми социалистическими депутатами. Он пытался показать ценность парламентской борьбы. Дюмулен, Домерк, Меррей и Гриффоль защищали принцип революционного синдикализма. Большинством 1057 голосов против 35, конгресс вотировал резолюцию, провозглашавшую желание Конфедерации «сохранить свою автономию и свою независимость», которые показали свое значение в прошлом и которые являются залогом ее прогресса и ее развития. Таким образом, нарочно была подтверждена амьенская тактика, против которой высказывалось незначительное меньшинство.

Экстренный конгресс в Париже (ноябрь 1912) был созван по поводу Балканской войны, — в момент, когда появились опасения, что она может непосредственно отразиться на общевосточных делах. Результаты парижских дискуссий были формулированы в следующей резолюции: «Будучи далек от желания идти на какие бы то ни было жертвы войне, рабочий класс принял решение пренебречь к революционным действиям, пользуясь случаем любого социального кризиса. В случае наличия войны авантюры, долг каждого трудящегося — не отвечать на расширение о призыве и присоединиться к своей классовой организации на предмет борьбы со своими единственными противниками — капиталистами. Конгресс, таким образом, зафиксировал общие принципы пролетарской борьбы против хозяев и государства. В повседневной жизни синдикаты и возникающие на их фундаменте группировки 2-й и 3-й степени прояснило свою верность вытекающим из них директивам. Так, в 1911 г., во время франко-германского конфликта по поводу Атадрского инцидента, делегаты Конфедерации, по соглашению с их зарубежными товарищами, отправились на большой митинг в Берлин; в 1913 г. ВКТ опубликовала манифест против законопроекта о трехлетней военной службе.

Одной из нормальных форм синдикальной борьбы является стачка. Профессиональные союзы всегда придавали ей огромное значение, потому что всеобщая стачка считалась первым актом будущей революции. В 1910 г. насчитывалось 1502 конфликта с 281.000 участвующих и 4.890.000 потерянных дней; в 1911 — 1471 стачка с 203.000 участников и 4.096.000 потерянных дней; в 1913 г. 1271 стачка с 220.000 бастующих и 2.283.000 потерянных дней. В первые 7 месяцев 1914 г. имели место 634 стачки со 141.000 бастующих. Наиболее крупными в этот период были конфликты марсельских моряков и железнодорожников (1910), строительных рабочих (1911), моряков и докеров в больших портах (1912) и горнорабочих в Паде-Кале (1913).

Французские федерации прамыкали к международным объединениям задолго до 1910 г. В 1890 г. заседал 1-й Международный конгресс горнорабочих. В это время уже существовали интернациональные объединения шпалников, типографов и пр. Французы вошли в 1910 г. во всеобщее объединение строительных рабочих и в 1911 г. — во всеобщий почтово-телеграфный союз.

Центральные профессиональные организации, адаптированные ВКТ, со своей стороны, делали попытки взаимного объединения (конференции в Париже 1900, в Коллежане, Штутгарте, Дублине, Антверпеме). Было создано Международное Бюро, но ВКТ не поддержи-

вала с ним близких отношений, потому что в своей деятельности она руководилась иными тенденциями, например, отвергала всякую связь с социалистической партией. Революционеры упрекали Бюро за отказ допустить какие бы то ни было прения об антиимпериализме и о всеобщей стачке. Реформисты, на конгрессах конфедерации, требовали установления с Бюро более тесных отношений. Но они постоянно терпели поражение. На Парижской конференции, которая была созвана по инициативе заседающего в Берлине Международного Бюро, установились более спокойные отношения между большинством ВКТ и иностранными центрами. Но соглашение, тем не менее, не вышло. Конференция в Будапеште (1911) и в Дюрхе (1913) вновь констатировали противоположность точек зрения.

Французские синдикалисты тесно требовали замены конференций конгрессом. В результате, международная организация была более кажущейся, чем реальной.

Социалистическая партия конституировалась в апреле 1905 г. на конгрессе в Salle du Globe, утвердившем ее программу. Программа была вотирована под влиянием международного конгресса в Амстердаме (август 1904). По своей программе социалистическая партия является партией классовой. Ее цель — социализация средств производства и обмена, превращение капиталистического общества в общество коллективистическое или коммунистическое. Вуэчки партии революции, она должна, в лице своих депутатов, отказывать правительству в средствах, обеспечивающих господство буржуазии. Таким образом, были окончательно осуждены участие в органах власти и утверждение государственного бюджета. Это было поражением ревизионизма и реформизма и завершением продолжительной внутренней борьбы, которая началась во время вступления Миллерана, — бывшего тогда социалистическим депутатом, в кабинет Вальдема-Руссо в 1899 г. Но ревизионизм и реформизм, потерпев поражение — в значительной степени благодаря полному революционному синдикализму, продолжали вести свою подпольную работу. Они представляли собой течение, не желавшее умирать. Они вновь будут появляться на сцене через короткое промежуток времени и с большой решительностью укрепят свои позиции после объявления войны. Наличный состав французской социалистической партии, унифицировавшийся в 1905 г., будет расти одновременно с повсеместным ростом социалистических партий в других странах. Она извлечет пользу — даже в деле расширения своих кадров, из того значения, которое имеет в глазах пролетариев провозглашенное единство; — из авторитета, который она приобретает благодаря принятию определенной доктрины, и из популярности ее вождей: Жюреса, Гедэ, Лафарга, Вальяна. Сложившись перед решением Амстердама, Жюрес увеличит свое влияние на народные массы. Демократический и марксистское течение будут идти рука об руку, способствуя численному расширению партии. Время от времени будут происходить столкновения. Социалисты-демократы и марксисты выступят друг против друга на конгрессах. Развернутся страстные прения. Но в эту фазу они неизменно будут заканчиваться компромиссами. Чтобы избежать разрыва, оба течения будут делать шаг к улачению разногласий. Условия внутри французской социалистической партии не являются, однако, ее особенностью, и те же глубокие расхождения можно найти среди больших партий в других странах.

Французская социалистическая партия имеет за собой долгую историю — гораздо более долгую, чем любая другая партия. Наиболее глубокие ее корни восходят к секциям Парижской Коммуны 92 г. Она гордится «Завоеваниями» Сен-Симона и Фурье с его школой оставили ей свое наследие. Луи Блан, перенесший влестивости и буржуазии, и Прудон, терпевший в своих бесцельных противоречиях и прославивший формулу: «особенность — вражда», — прежде чем начать похищать коммунизм, — завещали ей ряд идей, никогда, впрочем, не отличавшихся особой ясностью. Государственный социализм в 1848 г. предшествовал социальной войне ноябрьских дней. Затем, после шестнадцатилетнего периода упадка, вновь началось пробуждение. Бланшизм и первый Интернационал одновременно вызвали к жизни рабочие массы, комбинируя в той или иной мере свои усилия. Индустриализм второй империи подготовил социализму поле для расширения его кадров, которые и доминировали в первый период чрезвычайно сложного движения

Коммуны 1871 г. В конце, когда начинается Кровавая Неделя, эта гражданская борьба определенно принимает характер войн классов, и Тьер возобновляет против восставших пролетариев ревю Судьи. После кровопролития — новая фаза молчания. Затем следуют друг за другом рабочие конгрессы. Гек и Лафарг создают французскую рабочую партию с марксистской программой. Эта организация не задела, однако, расколотся вследствие различия тенденций, проводившихся бруссистами и аллемансистами (см. Брусс). Своеобразная линия связывается, далее, с именами Вальея и бланкистов. Независимые образуют левое крыло демократии и отвергают марксизм... Но из всех этих элементов после долгого кризиса возникает объединенная партия, которая не может, впрочем, отрешиться ни от своего смутного прошлого, не лишнего героических переживаний, ни от продолжавших в ней жить древних разногласий.

В момент унификации французской социалистической партии, в 1905 г., число записанных в нее членом составляло 34.688 человек. Оно дошло до 1906 г. до 43.462 человек; в 1907 — до 48.237; в 1908 — до 49.348; в 1909 — до 51.692; в 1910 — до 55.928; в 1911 — до 63.858; в 1912 — до 63.857; в 1913 — до 68.864; в 1914, перед всеобщими выборами, — до 72.765 и до 90.725 человек после выборов, состоявшихся накануне войны. Таким образом, с 1905 по 1910 г. партия приобрела 17.000 новых сторонников, а с 1910 по 1914 г. — более 36.000. Департаментами, которые обладали в 1914 г. наибольшим числом членов партии, были: Нор (12.310), Сена (11.020), Падде-Кале (2.425), Гар (2.400), Жиронда (2.200) и От-Вьенн (2.050).

По отношению к общему числу жителей департамента, первое место занимает Нор со своими 6,5 членами партии на 1000 жителей; за ним следуют: Гар с 5,7; От-Вьенн с 5,3; Об с 4,9; Воклюз с 4,4; Арденны с 4,1; Восточные Пиренеи с 2,9 и Сена всего только с 2,8. Это значит, что Париж с прилегающим к нему промышленным районом в меньшей степени способствовал расширению партийных кадров, чем металлургические и угольные бассейны или даже некоторые специфически сельскохозяйственные округа.

Число голосов, собранных на последних выборах, резко расходилось с числом членских взносов. Следует, однако, заметить, что социализм некоторых избирателей был весьма сомнительного качества и в иных случаях всего влиял на позицию некоторых депутатов. Не следует также забывать, что Ф. является страной, где политические организации могут пользоваться огромным влиянием, не опираясь на значительные партийные контингенты. Все французские партии обладают довольно текущим составом и достаточно скудными кадрами.

Первые после унификации парламентские выборы 1906 г. дали социалистической партии 878.000 голосов и 62 депутата. В 1910 г. она получила 1.106.000 голосов и 76 мест; в 1914 — 1.400.000 голосов и 103 кандидата.

Муниципальные выборы также свидетельствовали о росте успехов партии. В 1912 г. она завоевала 8 муниципалитетов в Эн, 24 — в Альпе, 1 — в Нанжис Альпях, 15 — в Арденнах, 2 — в Об, 1 — в Ок, 5 — в Авейроне, 1 — в деп. Устье Роны, 1 — в Шаранте, 1 — в Нижней Шаранте, 12 — в Шер, 2 — в Корсике, 2 — в Крез, 4 — в Дром, 4 — в Финитер, 29 — в Гар, 1 — в Верхней Гаронне, 2 — в Жиронде, 5 — в Эро, 6 — в Изере, 3 — в Юре, 2 — в деп. Луары, 2 — в деп. Луары и Шер, 1 — в деп. Мэн и Луары, 1 — в Ламаше, 1 — в Морбьяне, 1 — в деп. Марны, 14 — в Ниèvre, 15 — в Нор, 2 — в деп. Вазы, 14 — в Падде-Кале, 8 — в Пювде-Дом, 4 — в Восточных Пиренеях, 2 — в деп. Роны, 7 — в деп. Сены и Луары, 1 — в Савоие, 8 — в деп. Сены, 1 — в деп. Нижней Сены, 1 — в деп. Сены и Марны, 5 — в Де-Севр, 6 — в Тарн, 9 — в Вар, 4 — в Воклюз, 11 — в От-Вьенн. Социалистическими оказались индустриальные города: Монлюсон, Комаэтра, Вьеравр, Брест, Ним, Тулуза, Вьенн, Рубе, Сен-Дени, Сент-Уан, Лимож.

Программа партии на выборах притязала на определенную программу и, хотя она содержала требования немедленных реформ, она указывала в то же время на их ограниченную ценность. Манифест 1910 г. гласил: «До тех пор пока средства производства будут в руках одного класса, до тех пор пока этот класс капиталистов, расширяющийся большими именьями и крупными заводами, будет господствовать и эксплуатировать ваш труд, — у вас не будет ни свобод, ни обеспеченности, ни благополучия. Вы будете надирать кожу, чтобы доставить капиталу

его ренту, его наемную плату, его дивиденд, его аренду, его «цедяны», умноженные и разросшиеся; вашими средствами будет создаваться богатство ваших хозяев; ваша пассивность будет укреплять их силу».

В этот период в распоряжении социалистической партии имеются 4 ежедневных газеты: L'Humanité (Париж), Le Droit du Peuple (Гренобль), Le Populaire du Centre (Лимож) и Le Midi socialiste (Тулуза), в которых в конце присоединяется еще Le Populaire du Midi. La Guerre sociale Эрве, проводившая бунтарские тенденции, некоторое время пользовалась известным влиянием (впоследствии Эрве примкнул к буржуазным партиям, наиболее агрессивно настроенным против социализма). Кроме того, выходили 5 ежедневных и 66 еженедельных периодических изданий. Все эти издания вместе взятые достигали тиража в миллион экземпляров в неделю. L'Humanité, основанная Жоресом, стала собственностью партии и получила в 1911 г. свой устав, с оставлением Жореса в роли редактора. Еженедельный Le Socialiste был официальным органом, который публиковал отчеты конгрессов и национальных совещаний. Три издания были поставлены под контроль партии: La Revue socialiste с реформистскими тенденциями; Le Mouvement socialiste, орган революционного синдикализма; и Le Socialisme, представлявший марксистские течения. С 1905 по 1914 г. Луи Дюбрейль был генеральным секретарем и Камелия, старший борец Коммуны, — казначеем партии.

При изучении интеллектуальной жизни и эволюции французского социализма в течение этой фазы и при выяснении взаимной борьбы различных течений — течений, которые не менее отчетливо обнаружилось во всем 2-м Интернационале, — можно идти двумя различными путями.

Можно, во-первых, взять каждую проблему в отдельности, освещая позиции, занимаемые в ней различными течениями, воплотившимися в трех главных лидерах: Гек, Вальея и Жорес. Проблемы, о которых здесь идет речь, это — антимилитаризм, взаимоотношения с корпоративными рабочими организациями, связь с кооперативными обществами и т. д. Во-вторых, можно просто следовать хронологическому порядку, перечисляя конгрессы и давая обзоры происходивших на них дискуссий. Этот второй путь кажется нам более предпочтительным.

Двенадцать конгрессов имели место в период с 1905 по 1914 г.: в Шалоне на Соне (октябрь — ноябрь 1905), Лиможе (ноябрь 1906), Канси (август 1907), Тулузе (октябрь 1908), Сент-Этьене (апрель 1909), Ниме (февраль 1910), Париже (июль 1910), Сен-Кантена (апрель 1911), Лиможе (февраль 1912), Бресте (март 1913), Амьене (февраль 1914) и Париже (июль 1914).

Напомним кратко содержание первых конгрессов до 1909 г.

В Шалоне конгресс занялся исключительно вопросом о выборной тактике. Конгресс в Лиможе одобрил восторгованную национальным советом в марте 1906 г. резолюцию, исключавшую из партии Аристидя Бриана, в виду его вхождения в буржуазное министерство. Затем на нем обсуждался вопрос о взаимоотношениях социализма и синдикализма. Предложение, выдвинутое делегатами деп. Нор и подержанное Жюлем Годом и Реваром (представителем текстильщиков), заимчивалось следующим образом: «Наступило время принять меры к тому, чтобы в нужные моменты профессиональные и политические выступления трудящихся могли быть согласованы друг с другом». Вальея и Жорес защищали предложение деп. Тарн, которое следовало за резолюцией Амьенского конгресса ВКТ и признавало принцип автономности политических и профессиональных организаций. Тарнская резолюция была принята большинством 148 против 130 голосов. Конгресс в Лиможе занимался также вопросом о том, какую позицию следует занять по отношению к антимилитаризму. «Бунтарское» предложение, привнесшее граждан ответить всеобщей стачкой и революцией на объявление какой бы то ни было войны, получило 31 мандат; 153 мандата собрал резолюция деп. Сены, вывавшая к международной солидарности пролетариата и одобрявшая все средства, могущие способствовать предотвращению войны; парламентские выступления, агитацию, всеобщую стачку, восстание. Она признавала также желательность разоружения буржуазии и вооружения рабочего класса. Предложение деп. Нор, расматривавшее войну и милитаризм, как необходимые средства капиталистического строя, и требовавшее отказа в кре-

дтах и всеобщего вооружения народа, собрало 98 мандатов. Эти дебаты возобновились и в Нансе, причем франция сохранила свои относительные силы. В Тулузе открылась большая дискуссия об общей политике. Под влиянием Жюреса была единогласно принята примирительная резолюция, объединившая реформистское и революционное течения. «Пролетариат идет вперед и завоевывает себе свободу своими прямыми усилиями, своим прямым давлением — коллективным и организованным — на хозяев и на власти; в этой борьбе он прибегает к различным средствам вплоть до всеобщей стачки, объявляемой им для защиты рабочих свобод и великих рабочих требований, и вплоть до совместных выступлений всех организованного пролетариата, направленных на осуществление экспроприации капитала. Подобно всем эксплуатируемым классам прошлого, пролетариат утверждает за собой право прибегать в крайних случаях к революционной силе; но широкие революционные выступления, могущие возникнуть лишь на почве всеобщих движений в глубине пролетариата, он не смешивает с бунтарскими вспышками, в которых трудящиеся необдуманно бросаются против соединенных сил буржуазного государства». Конгресс в Сент-Этьенне, который собрался накануне предвыборных совещаний 1910 г., ввел в порядок дня вопрос о выборах и аграрный вопрос. Он отверг предложение о блоке левых партий (с радикалами) и о систематической поддержке на выборах социалистических кандидатов.

Аграрная проблема, которая занимала — и вполне закономерно — все социалистические партии, была особенно серьезной для Ф., в виду значения сельскохозяйственного населения в этой стране. Несколько раз в 1848 и 1871 г.г., деревня способствовала подавлению рабочих восстаний. Рабочая партия выработала некогда программу, касающуюся сельскохозяйственных рабочих, а также мелких собственников, фермеров и арендаторов. Конгресс в Лиможе назначил агентскую комиссию, изыскания которой и были закончены в свое время. Но Сент-Этьеннский конгресс вотивал предложение об отсрочке: он назначил новую комиссию для изучения предлагаемых ранее проектов и для подготовки деклараций, которая должна была быть рассмотрена на следующем конгрессе.

В порядке дня на Нимском конгрессе стояла общая проблема социальных реформ при капиталистическом строе, — старая проблема, но становившаяся все актуальнее по мере того, как росла научный состав и влияние партии. Дебаты о рабочих пенсиях выдвинули ее на передний план. БКТ уже высказалась и поддержала суровой критике правительственный проект. Парламентская группа должна была вотивовать в палате. Одним ударом перед партией встала целая серия классических вопросов: какова ценность социальных реформ? Нужно ли и можно ли за них держаться? Улучшат ли они в конспективном положении трудящихся? Партия всегда признавала, что, хотя конечной целью ее стремлений является переустройство общества, уничтожение капиталистического строя и переход к коллективизму или коммунизму, — что, тем не менее, социальные реформы должны быть требуемы и выражаемы из рук буржуазии при каждом удобном случае, чтобы иметь возможность, пользуясь уже достигнутыми этапами, продолжать дальнейший путь к конечной цели. Такую концепцию отстаивала революция деп. Тулузы, которая в подробно развитой форме отдавала должное всем партийным течениям. Можно было, таким образом, думать, что проблема в принципе уже решена. Но тут она вновь вышла на поверхность, в связи с начавшейся дискуссией о пенсиях, пробуждая разногласия, разделявшие рабочий класс... В подобном случае всегда прибегают к теоретическим соображениям на ряду с более конкретными аргументами. Правительственный проект не возмущал издержек по рабочему страхованию исключительно на государство и хозяев. Он требовал взносов и с рабочей стороны. Одна партийная фракция принимала это основание (Жюрес, Вальян, Самба), рассчитывая на улучшение закона с течением времени. Другая фракция, состоявшая из прежних гедистов и синдикалистов-революционеров, отвергла его. Резолюция Вальяна, формулируя все возражения, заканчивалась принятием проекта, так как он признавал за рабочим право на существование. Но при этом партия публично декларацией брала на себя обязательство принять меры к его улучшению и указывала, в каком смысле следует это улучшение понимать. Против этой резолюции, собравшей 183 мандата, была выдвинута другая, имевшая за

себя 156 голосов и отвергавшая, согласно пожеланиям БКТ, правительственный проект. Парижский конгресс должен был установить позицию французских делегатов на международном совещании в Копенгагене. Прежде всего на нем рассматривался вопрос о безработице. Она является бичем, неотделимым от капиталистического строя; но рабочий класс должен стремиться ослабить ее влияние, увеличивая силу своего сопротивления и свою боевую мощь. Он должен, кроме того, согласовать свои действия в международных размерах. В число требований по рабочему вопросу должны войти: совместное проведение анкет синдикатами и общественными властями, уменьшение рабочего времени, устранение посредничества при найме и отмена сдельной работы. Наконец, было признано, что следует начать кампанию за проведение всеобщего социального страхования. В другой резолюции конгресс признавал необходимость национального и международного рабочего законодательства, оговариваясь при этом, что только социалистическое общество принесет с собою полное освобождение трудящихся.

В это время все настойчивее привлекала к себе внимание проблема войны и мира в Европе, находившейся под угрозой нарастающего антагонизма между империалистическими державами. По этому вопросу была единогласно вотивована следующая резолюция Вальяна: «В случае появления угрозы вооруженного конфликта между двумя или более странами и наличности колебаний или запаздывания в решениях их национальных партий, секретарь международного социалистического бюро, по требованию хотя бы одного из заинтересованных пролетариатов, составляет в экстренном порядке международное социалистическое бюро и межпарламентскую социалистическую комиссию, которые должны немедленно собраться в Брюсселе или в каком-нибудь другом месте, если оно, смотря по обстоятельствам, будет признано более подходящим». Федерация деп. Сены провела, кроме того, следующую резолюцию: «Война не перестанет быть постоянной угрозой до тех пор, пока существует капиталистический строй. В настоящее время рабочий интернационал является лучшим орудием охраны мира. Но он не может игнорировать пошлости, которые, вне его, делаются в тех же целях. Не пытая никаких иллюзий, он должен оказывать давление на правительства, чтобы обеспечить всеобщее применение арбитражных комиссий... Он должен делать усилия, чтобы добиться одновременного разоружения».

Кроме всего сказанного, на конгрессе имела место дискуссия по вопросу о кооперации между делегатами, приспешившими ей самостоятельное значение, и группой, которая отрицала за ней какую бы то ни было социалистическую ценность, если она не связана с общей деятельностью партии. Первая точка зрения собрала 202 голоса, вторая — 142.

Сен-Навтанский конгресс интересовался дебатами о национализации железных дорог и об управлении муниципальных предприятиях. По первому пункту конгресс вынес постановление, пригласящее центральные органы исследовать вопрос о том, каким образом может быть осуществлена национализация железных дорог при условии наилучшего соблюдения общественных интересов и интересов железнодорожников. По второму вопросу конгресс признал, что борьба за завоевание городских управлений является лишь одной из сторон рабочей борьбы. Лишь всеобщее преобразование права собственности может обеспечить пролетарскую свободу. Но муниципальная борьба может, со своей стороны, увеличить боевую мощь трудящихся. Поэтому конгресс одобрил муниципализацию коммунальных работ и предприятий и участие в управлении ими представителей профессиональных и кооперативных организаций рабочего класса. Трудящиеся должны иметь все гарантии для обеспечения своего существования и свободы. Но аграрная проблема еще раз была отложена.

Взаимоотношения партии с БКТ дали повод для новой полемике на Липсонском конгрессе. Второго декабря 1911 г. два социалистических депутата, Гескьер и Компьр-Морель, критиковали в палате революционную тактику центрального органа профессионального союза; эта критика, вызвавшая раздражение со стороны синдикатов, возбудила, равным образом, недоверие и в партии. Жюрес не скрывал своего оттошения к этому делу. Конгресс вотивовал довольно неясную резолюцию. Она подтверждала постановления прежних конгрессов, но в то же время призывала, что оба назван-

ных депутата желали поддержать интересы рабочего класса. Предметом другой дискуссии было масонство: 1535 голосов высказались за предоставление членам партии свободы оставаться в любой организации филозофского или просветительного характера, участие в которой не приводит к расхождению с принципами социализма. 927 голосов призывали членов партии посылать себя социалистической пропаганде и 105 рекомендовали разрыв с масонством. Конгресс в Бресте продолжался лишь короткое время, так как его работа была прервана политическими событиями. Он присутствовал к большой дискуссии о проекте введения трехлетней военной службы (вместо прежних 2 лет) и о вооружениях, которые волновали пролетариат, — особенно в виду разгара империалистических appetitов в Европе, находившейся под угрозой войны. Вальян и Преасане произносили две важных речи. В результате была принята резолюция, заканчивавшаяся следующим образом: «Конгресс с удовлетворением отмечает общность действий германской и французской социалистических партий и солидаризуется с вылаз-лотаринскими социалистами, которые, выражая пожелания всего населения Эльзас-Лотарингии, подтверждают, что они ни в коем случае не одобряют реванша, который привел бы к конфликту между Ф. и Германией. Конгресс поручает социалистической парламентской группе и постоянной административной комиссии вести в парламенте и в стране самую энергичную и самую решительную агитацию за франко-германское сближение, за международные третейские суды, за национальную милицию и против закона о трехлетней службе».

Состоявшийся накануне парламентских выборов конгресс в Амьене постановил отложить аграрный вопрос и присутствия и обсуждению выборной тактики. Партия высказалась за пропорциональное представительство. За исключением его, необходимо иметь своих кандидатов еще на первой стадии выборов. На второй стадии следует голосовать за других более подходящих кандидатов, в зависимости от степени их оппозиционности по отношению к трехлетней службе.

Парижский конгресс, в июле 1914 г., состоялся за две недели до начала мировой войны. Атмосфера была уже в высшей степени насыщена грозой. Буржуазный империализм, не сдерживаемый ничем, устремился к осуществлению своих воцелений. Балканский полуостров был охвачен тревогой и волнением, и за сложной игрой, развернувшейся на юг от Дуная, выступила колымага австро-русского антагонизма. Сараевские события разкатились по Европе громавыми ударами, и для тех, кто помнил 1908, 1909, 1912 и 1913 г.г., шансы сохранения мира свелись к минимуму. На этом конгрессе речь шла о международном положении, о противодействии, которое пролетариат может оказать зачинщикам новой резни, и о средствах, которые можно применить по отношению к ним. Французские социалисты отдавали себе отчет в угрозах, которые таила в себе царская политика. Еще раз встретились точки зрения, которые не раз сталкивались на национальных и международных совещаниях. Так, например, на этом национальном конгрессе вызвала доброту поправка к резолюции о войне, предложенная на международном конгрессе в Копенгагене в 1910 г. Вальяном—Кейр-Гарди.

Эта поправка была составлена следующим образом: «Наиболее действительным средством конгресс считает всеобщую забастовку, в особенности — в отраслях промышленности, снабжающих войну ее орудиями: амундией, вооружением, транспортными средствами. Вальян, Жорес и Гед, на ряду с другими ораторами, произнесли обстоятельные речи. Было принято, 1670 голосами против 1184, предложение, которое присоединило к резолюции предыдущих конгрессов несколько измененную резолюцию Вальяна—Кейр-Гарди. Резолюция предыдущих конгрессов говорила, что война оканчивается лишь с уничтожением империалистического строя. Рабочие должны стараться проливать свет на причины войны, а депутаты должны отказываться в кредитах. К этим положениям было теперь добавлено: «Среди средств, применяемых для того, чтобы помешать правительствам начать войну и заставить их прибегнуть к мировому улажению конфликтов, особенно действительным конгресс считает всеобщую забастовку, организованную одновременно и в интернациональном масштабе в заинтересованных странах, равно как широкую агитацию и народные выступления в наиболее активных формах».

Наконец, вновь были подтверждены резолюции международных конгрессов:

«Если разразится война, долг рабочего класса — использовать события для ускорения гибели капиталистического строя».

Нам пришлось здесь вспомнить о международных конгрессах; к ним приходится вернуться хотя бы для того, чтобы восстановить в памяти ту роль, которую французский социализм играл на совещаниях в Копенгагене (август 1910) и Базеле (ноябрь 1912) — последних, имевших место перед войной. И Копенгагене заседали 49 французов, при общей наличности около 900 делегатов. Они принимали участие (в их числе Гед) в дебатах по кооперации. Вальян, которого особенно занимала угроза войны, подписал предложение, выработанное им совместно с Кейр-Гарди.

Следующий конгресс должен был собраться в Вене в 1913 г. Но обстоятельства потребовали, чтобы делегаты Интернационала собрались в Базеле и притом гораздо ранее. Конфликт на Балканах — предвестник других конфликтов, был в полном разгаре. И можно было опасаться, как бы Австрия и Россия, а за ними Ф. и Германия, не оказались втиснутыми в него. Здесь, в Базеле, Жорес произнес одну из своих наиболее знаменитых речей, развивая мысль шиллеровского «Kolonosol»: «Vivos voco, mortuos plango, fulgura iungo».

«Я зову живых на защиту чудовища, появившегося на горизонте. Я оплакиваю бесчисленных мертвых, павших там, на Востоке, откуда грустный смрад доходит до нас, пробуждая угрозыния совести; я разобью громавные стрелы, которые грозят нам из-за туч... да, я слышал это слово надежды. Но этого мало, чтобы помешать войне; необходимо совместное выступление всего мирового пролетариата».

Теперь нам остается рассмотреть усилия партии в течение этого периода — в парламенте и за его пределами.

Выполняя свой долг, французский социализм поддерживал рабочие требования и становился на сторону профессиональных союзов великий раз, как они оказывались под угрозой. И хотя тактика ВКТ, которая была революционной в своем подавляющем большинстве, встречала критику со стороны депутатов, тем не менее разрыва между ними не было. Этого не допустила бы избирательская масса. Партия выступает при каждом удобном случае, могущем служить поводом для выявления противоречия между интересами трудящихся и капиталистическим строем. Так, это имело место, напр., во время кризиса в связи с дороговизной 1910—11 г.г., которая тягуче давила на население севера, откуда и пошло движение. Когда власти начали свою борьбу против административного синдикализма, партия обещала чиновникам свое содействие. Железнодорожная стачка в октябре 1910 г. была значительным впадом в социальную жизнь Ф. Исполнительный комитет и парламентская группа подписали обращение к стране, призывая трудящихся на защиту права стачек, находящихся под угрозой. Члены стачечного комитета были арестованы в помещении центрального органа партии, L'Intransigant в присутствии большого количества делегатов и стачечников. Стараниями секций была организована широкая агитация в департаментах.

Одной из существенных глав истории этого периода является борьба, которую французский социализм безуспешно вел против милитаризма и надвигающейся войны. Национальные и интернациональные конгрессы были свидетелями того, что он предвидел великую опасность. От его внимания не ускользала смертоносная игра различных империализмов. Он восставал против ягтра экспансионистов, которые концентрировали свои усилия в связи с вопросом о Марокко; он протестовал против тайной дипломатии, которая связывала Ф. с царизмом. Он всегда боролся против союза между Парижем и Петербургом, заключенного без опубликования текста его статей и обязательств. Он всегда выступал против колониальных авантур, и последняя из них — марокканская, ему казалась наиболее опасной из всех. Активность его лидеров в парламенте и в стране — Жорес в особенности — не прерывалась ни на минуту. В июне 1911 г. великий оратор, одаренный удивительным чутким слухом, нарисовал с поразящей точностью картину Европы. Это был момент, когда был захвачен Фец. Но его не слушали, его бранили... Мировая война готова была вспыхнуть с минуты на минуту... В следующем году, когда

Балканская война чуть не вызвала всеобщего пожара, партия усилила свои призывы, умножила митинги...

Европа переживала новую фазу вооружений, тесно связанную с событиями на Востоке. Германия и Ф. одновременно старались усилить наличный состав и вооружение армии. Каждая из них ссылалась при этом на предпринятые другие шаги. Против установления трехлетней военной службы партия развернула активность, не имевшую себе предела. В больших и в малых городах — везде собирались многочисленные аудитории, чтобы поддержать ораторов своими аплодисментами. Ораторы непрестанно встречали новые аудитории. Они обращались как к крестьянам, оставшимся антиимпериалистами в глубине своего сердца, так и к промышленным рабочим. Массы чувствовали отчетливо, что, чем больше будет вооружений, тем ближе будет война. Они различали в органах власти проявления деятельности воинственных сил, которые в более или менее замаскированном виде распоряжались действительными судбами нации. — И тем не менее социализм был победен. Однако, он развил большую деятельность, увеличил свой престиж, расширил свои контингенты. И никто в этот момент не мог предвидеть того перелома во взглядах, которому вскоре суждено было совершиться и который обнаружился, впрочем, во всех или почти во всех странах одновременно.

С 1910 по 1914 г. французский социализм проявлял неслабую деятельность в различных областях. Он боролся против буржуазии, обличал темные стороны капитализма и милитаризма, раскрывал империалистические прожекты и поднимал свой голос против угрозы вооруженного конфликта. И хотя в его рядах, подобно другим рабочим партиям, считавшим себя марксистскими, реформистские элементы сооточались с элементами революционными, — он отвергал сотрудничество с буржуазией и шел, по большей части, нога в ногу с профессиональными рабочими организациями, в которых господствовало классовое сознание пролетариата.

II. Период мировой войны.

Мировая война, включая и короткий период напряженного ожидания перед формальным ее объявлением, продолжалась с июля 1914 г. по ноябрь 1918 г. Мы не станем подробно останавливаться на причинах этого великого столкновения народов, наиболее кровавого и разорительного по своим последствиям, какие знает история. Мы не будем также рассматривать, на ком лежит ответственность за эту войну. Этому вопросу посвящены многие исследования, причем одни исследователи всю ответственность за эту войну возлагают на германское и австрийское правительство, другие обвиняют русский империализм, вступивший в союз с империализмом французским. Но действительной причиной войны является эволюция самого капиталистического строя. Вождения держав, руководимых торговой и военной plutократией, должны были в известный момент неизбежно привести к катастрофе. Эта катастрофа была избегнута каким-то чудом в 1905, 1908, 1909, 1911, 1912 и в 1913 г. г. Эти даты вызывают в памяти инциденты в Марокко,

в Боснии, на Балканах и т. д., в которых сталкивались не только два или несколько государств, но, благодаря существующей системе альянсов, — большинство, если не вся совокупность держав.

Если бы война не разразилась в 1914 г., она была бы отсрочена лишь на недолгое время.

Лица, которые придают исключительное значение докладам дипломатов и их нотам, видят лишь внешнее проявление вещей. Трагическая действительность, основная причина, из которой вытекало все остальное, — это столкновение интересов буржуазии. События, которые последовали вслед за высадкой Вильгельма Второго в Танжер вплоть до австро-венгерского ультиматума Сербии, логически связаны между собой. В основе этих конфликтов лежали вопросы о французской колонизации, об интересах железнодорожной промышленности, которыми руководились германские металлурги, являвшиеся истинными властителями империи, стремление Австрии к Эгейскому морю, честолюбивое желание царского правительства захватить Константинополь и пролива, расширение второстепенных балканских государств, которые являлись орудием в руках больших европейских объединений и, в особенности, становившаяся все обостреннее промышленная конкуренция между Англией и Германией.

Мы видели, что в период, непосредственно предшествовавший войне, французский рабочий класс, организованный в свои профсоюзы и в социалистическую партию, не останавливался ни перед чем, чтобы противодействовать воинственным стремлениям. Руководящие же элементы французской буржуазии довели вооружение страны до максимума, проведя закон о трехлетней воинской повинности. Этот закон был делом не одной только крупной французской буржуазии, социальные интересы которой не позволяли никогда ни в чем отказывать французскому генеральному штабу.

Правда, пресса была в руках крупной буржуазии, но она оказалась бы бессильной, если бы средняя и мелкая

буржуазия не поддались ее подстрекательствам. Но средняя буржуазия рабски подражала крупной; а мелкая буржуазия, продолжавшая представлять собою значительный фактор, была в некоторой своей части заражена шовинистическим духом. Не надо забывать, что немалая часть радикалов перешла на сторону Пуанкаре и консерваторов и что радикалы вообще имели склонность к милитаризму.

Провозглашая себя пасифистами, они все же хотели, чтобы Ф. имела великую армию. Критикуя от времени до времени колониальное бешенство правительства,—что они делали больше для успокоения тех своих избирателей, которые осуждали дальние экспедиции—радикалы охотно содействовали расширению колониальных владений республики, когда их представители были у власти. Не надо забывать, что если вначале радикалы и высказывали некоторое недоверие к союзу с русским царским правительством, то уже с давних пор они перестали его критиковать.

Делькассе, который в качестве министра иностранных дел в течение многих лет вел переговоры с Россией, вышел из рядов радикалов и, вместе с Пуанкаре, всецело подчинился влиянию русского правительства.

Все буржуазные политические партии так или иначе виновны в совершившейся катастрофе, и только на французском пролетариате не лежит ответственности за эту катастрофу, столь внезапно, но в это время не неожиданно разразившуюся.

Но, если французский пролетариат не хотел и не подготовлял этого столкновения, он все же не сумел противостоять в решительный час военному порыву. Он оказал не более сопротивления, чем германский или австро-венгерский пролетариат. Подобно циклону, воинственный порыв охватил и увлек массы. И лишь спустя много месяцев после объявления войны среди масс пробудилось снова сознание, и начался отрезвление от военного угара.

Военные инстинкты проснулись у буржуазии всех стран. И если некоторые представители буржуазии в по-

следнюю минуту испугались громадности предстоящего разрушения, если правительства и высказывали колебания перед решительным шагом, праящая олигархия и люди власти не были уже больше хозяевами положения.

Ф. была связана договором с царской Россией и, таким образом, балканский или восточный кризис становился кризисом всеевропейским. История французской буржуазии в те дни, когда решалась судьба миллионов человеческих существ,—я говорю о последних днях июля 1914 г.—тесно связана с историей актов французского правительства. Эта буржуазия вверила тогда свои дела „левому кабинету“, главой которого был Вивьени, бывший социалист, и президенту республики—Пуанкаре.

Французская буржуазия слишком подчинялась политике Николая II и его министров, чтобы оказывать на них реальное влияние. Подобно буржуазии и феодалам Германии и Австро-Венгрии, она была слишком привержена к милитаризму, чтобы сдержать необузданные стремления зачинщиков конфликта. Оставалась только Всеобщая Конфедерация Труда и социалистическая партия. Крестьянский класс, будучи инертным и плохо осведомленным, представлял послушное орудие в руках власти.

В это время ВКТ готовилась к своему конгрессу, который должен был состояться в Гренобле.

Деятели Конфедерации были заняты предварительным обсуждением тех вопросов, которые должны были быть поставлены в порядке дня съезда. Среди этих вопросов был и вопрос об антимиитаризме.

Незадолго до этого состоялся съезд горнорабочих. Съезды швейников и текстильщиков были назначены на ближайшее время.

Когда в газетах было напечатано известие об австрийском ультиматуме Сербии, опасность положения и близость войны стала несомненной для синдикалистов. Тогда оба конфедеральных секретаря, Жуо и Дюмулен, немедленно выехали в Брюссель 26 июля, куда они были приглашены на конгресс бельгийских профсоюзов. В Брюс-

селе они встретились с Карлом Легинном, секретарем центральной комиссии германских профсоюзов.

Согласно изложению „Голоса Народа“, официального органа ВКТ, Жуо предложил Легину следующие вопросы:

„Что думаете вы предпринять для предотвращения готовящейся войны? Решили ли вы начать борьбу? Мы, с своей стороны, готовы ответить на ваш призыв и выступить одновременно и согласованно с вами“.

Легин оставил эти вопросы без ответа.

Двадцать седьмого июля союз синдикатов Сенского департамента, который по числу своих членов принадлежал к самым мощным организациям Ф., выпустил воззвание к рабочим Парижа. В этом воззвании указывалось на близость надвигающейся войны. И союз спрашивал парижских рабочих—допустят ли они совершение такого злодеяния, не попытавшись сделать все зависящее от них для предупреждения грозящей опасности.

18 июля состоялось совместное заседание синдикальных советов департамента Сены и конфедерального комитета ВКТ. Синдикаты были охвачены тревогой и повсюду в провинции.

После этого заседания ВКТ опубликовала манифест, в котором она провозглашала свое непримиримое отношение к войне, указывая на то, что долг организованных рабочих напрячь все свои силы, чтобы предотвратить надвигающуюся опасность, действовать коллективно и сознательно в международном масштабе. „Война может быть еще избегнута, говорилось в манифесте, если протесты пролетариата будут достаточно сильны и энергичны“.

„Наступил трагический момент“, писали синдикалисты, „никто не вправе оставаться равнодушным. Война никоим образом не является средством разрешения проблем, которые стоят перед европейскими народами. Долой войну! Да здравствует мир!“ В зале Ваграма был назначен митинг, который и состоялся, несмотря на запрещение правительства.

30 июля ВКТ и союз синдикатов Сенского департамента снова органи-

зовали совместное заседание, чтобы выпустить новое воззвание. В этом воззвании говорилось, что еще не исключена возможность сохранения мира и что рабочий класс должен энергично бороться с произволом правительства.

В это же время Жуо послал Легину телеграмму для согласования действий немецкого и французского пролетариата. 31 июля конфедеральный комитет обсуждал вопрос, на какое число назначить большую демонстрацию против войны. Во время этого заседания получилось известие об убийстве Жореса.

1-го августа ответственные работники-синдикалисты, собравшись в Париже, обратились с последним воззванием к французским пролетариям. Это воззвание заслуживает того, чтобы быть приведенным полностью. Вот его текст:

„Если наши усилия не дали, по видимому, тех результатов, которых мы были в праве ожидать и на которые надеялся организованный рабочий класс, то это произошло потому, что события оказались сильнее нас, а также и потому,—мы обязаны это сказать открыто,—что пролетариат не вполне осознал еще, какую энергичную борьбу нужно было вести, чтобы предохранить человечество от ужасов войны. Можем ли мы требовать от наших товарищей еще больших жертв? Как ни тяжело это признать, мы должны сказать — нет. Но мы требуем от всех беззаветной преданности синдикализму, который должен пройти сквозь предстоящий кризис и пережить его. И так же твердо, как и прежде, мы останемся верны нашим убеждениям и верим в их конечное торжество. Рабочий Интернационал всегда останется целью нашей борьбы“.

Посмотрим теперь, каково было поведение социалистической партии в продолжение этого короткого периода, но столь важного по своим решающим событиям.

На конгрессе социалистической партии, происходившем в Париже в середине июля 1914 г., ораторы выясняли общее положение Европы, и многие из них указывали на то, что австро-

венгерский империализм, начиная с 1908 года, постоянно из года в год усиливал свои угрозы. Ультиматум Сербии, говорили одни ораторы, является одним из обычных актов австрийской дипломатии. Жорес, который столько раз нападал на русский царизм, клеймил теперь камарилью, окружавшую Франца Иосифа.

25-го июля он напечатал в L'Humanité свою большую статью против войны. 26-го июля в Лионе, на собрании, Жорес, говоря об общем положении в Европе, сказал: „Никогда в течение последних сорока лет Европа не переживала более грозных и трагических моментов. В настоящую минуту всем нам, миру, жизни людей грозит ужасная катастрофа, и нужно, чтобы пролетарии Европы напрягли все усилия, проявили бы наибольшую солидарность, на которую они способны, чтобы предотвратить надвигающуюся опасность“.

И Жорес анализировал угрозы, нависшие над миром, и перечислял виновников могущей произойти катастрофы. „Каждый народ выходит на улицы Европы со своим маленьким факелом в руках, и ответственность в настоящий момент лежит одинаково и на французах, и на австрийцах, и на русских, и на немцах. Только пролетарии, соединив свои усилия, смогут устранить надвигающийся ужасный кошмар“. Центральный партийный орган заседал непрерывно. Тучи продолжали сгущаться.

28-го июля социалистическая парламентская группа протесовала в парламенте против вооруженного вмешательства России, „которая сыграла бы в руку наступающему пангерманизму“, и рекомендовала формулу посредничества, предложенную Англией, заявляя, что Ф. не должна быть втянута в войну в силу тайных договоров. Административная комиссия партии издала воззвание в пользу мира и приглашала правительство оказать в этом направлении давление на Россию. Секция партии было предложено умножить количество собраний.

29-го июля Жорес, Гед, Вальян, Самба и Лонге присутствовали, в ка-

честве представителей Франции, на собрании международного социалистического бюро в Брюсселе. Они встретились там с Адлером (от Австрии), Гаазе (от Германии) и Кейр-Гарди (от Англии). Обменявшись своими впечатлениями о положении дела, делегаты решили, что международный социалистический конгресс, назначенный на конец августа в Вене, должен быть созван 9-го августа в Париже. За это время секции Интернационала должны были напрячь все усилия, чтобы способствовать сохранению мира:

„Немецкие и французские пролетарии должны оказать самое энергичное давление на свои правительства для того, чтобы Германия сдержала воинственный пыл Австрии, а Ф. потребовала бы от России невмешательства в конфликт“.

30-го июля в L'Humanité была напечатана статья Жореса, в которой указывалось на необходимость организации большой народной демонстрации против войны в день открытия международного социалистического конгресса.

В своей статье 31 июля Жорес, констатируя растущее напряжение и усиливающуюся панику, настаивал на том, чтобы увеличить рабочее давление на правительство. В той же статье Жорес призывал рабочих на митинг, назначенный на второе августа в зале Ваграма, где он хотел полностью обрисовать международное положение.

Сознавая опасность, идущую со стороны Петербурга, а также Берлина и Вены, Жорес участил свои визиты к представителям правительства.

Вместе с другими депутатами социалистами 31-го июля он отправился к председателю совета министров. Но последний не принял его, под предлогом занятости другими посещениями, и Жорес виделся только с помощником государственного секретаря.

Выходя после этой беседы, Жорес сказал своим друзьям: „Начинается война, и мы станем первыми жертвами сорвавшихся с цепи националистов“.

Странное предчувствие! Через два часа после этого Жорес был уже мертв, сраженный пулей фанатика Виллена.

Около 8 часов вечера 31 июля Жорес покинул редакцию L'Humanité и пошел обедать в соседний ресторан. Когда он заканчивал свой обед, редактор одной левой газеты протянул ему портрет своего ребенка. Жорес внимательно разглядывал фотографию; в это время раздались два выстрела с улицы, через окно. Великий оратор упал. Немедленно был вызван доктор, который, осмотрев раненого, объявил, что нет никакой надежды. Через три минуты доктор прибавил: „Жорес умер“, и присутствующие разразились слезами. Это убийство и в этот день было событием символическим.

Слух об убийстве Жореса распространился по рабочему Парижу с быстротой молнии. Под влиянием быстрой смены событий, в рабочих кварталах Парижа началось лихорадочное возбуждение. Повсюду собирались рабочие митинги, на которых обсуждались шансы войны и мира. И вот народные массы с шумом лавины двинулись из предместий в центр—достаточно было малейшего инцидента, чтобы в Париже вспыхнуло восстание.

Правительство расклеило на улицах Парижа воззвание к населению, призывая народ к спокойствию. Воззвание клеймило убийство и воздавало должное Жоресу. Ночь на 1 августа закончилась громовыми раскатами гнева, но восстание не разразилось.

1 августа германский депутат рейхстага, социалист Мюллер, приехал в Париж и посетил палату депутатов. Здесь он был принят парламентской группой социалистов. По словам одного из свидетелей этого свидания, Мюллер просил, чтобы французские социалисты придерживались той же тактики, как и германские. Принципиально было условлено, что социалисты обеих стран будут воздерживаться при голосовании военных кредитов в том случае, если правительство будет их испрашивать. Однако, на этот счет не было заключено никаких обязательств, и с той и другой стороны парламентарии сохраняли свою автономию. После этой конференции и отъезда Мюллера из Парижа парламентская группа социалистов выступила перед правительством с требованием, чтобы войска, послан-

ные для прикрытия границы, раз декрет о мобилизации уже опубликован, были бы задержаны в нескольких километрах от немецкой границы.

Это был конец. Синдикализм, как мы видели выше, сдался перед надвигающейся бурей. Социализм также признал свое бессилие. Французские социалисты голосовали за военный бюджет, возлагая ответственность за войну на Германию. За военный бюджет голосовала и социал-демократия, которая, со своей стороны, возлагала ответственность на Россию. Таким образом, социалисты отреклись от прошлого. Кризис Интернационала начался вместе с разрывом международных сношений.

Германия объявила войну России. 2 августа немецкие войска вошли в нейтральный Люксембург, и в то же время Германия предъявила Бельгии ультиматум.

Митинг, который предполагал организовать Жорес незадолго до своей смерти, состоялся в зале Ваграма. Социалисты вынесли резолюцию, провозглашавшую волю партии до конца сохранять надежду на мирный исход: „Как бы ни было гнусно нападение Австрии на Сербию, как бы ни были вероломны и провокационные действия германского империализма, который объявил войну России, мы сохраняем всю нашу осторожность по отношению к тайным договорам, которые нам неизвестны и которых не утверждал наш парламент. Но, как мы указывали всегда и раньше, мы заявляем и теперь, что на нападение на республиканскую и мирную Ф., угрожающее цивилизации и человечеству, мы ответим со всей нашей силой и энергией“.

Эта резолюция, конечно, значительно отличалась от взглядов партии за последнее время. Но она соответствовала взглядам партии в настоящий момент. И лишь гораздо позднее в партии начнутся споры об ответственности за войну; спадут некоторые заветы; наметятся разногласия по вопросу о тактике, которой следует держаться, и сформулируются соответствующие критические точки зрения.

3 августа Ф. получает от Германии ноту с объявлением войны. В тот же день Вальян, во главе парламент-

ской делегации, закликает Вивияни добиться от Англии новой попытки посредничества.

4 августа состоялись похороны Жореса. В этот же день палата депутатов единодушно, вместе со всеми депутатами социалистами, голосовала за все законопроекты, касающиеся войны.

Война началась. Принцип „сотрудничества классов“, лозунг „священного союза“ пролетариата и буржуазии восторжествовал и во Ф., как в Германии, Бельгии и т. д. Военная буря смела принцип „классовой борьбы“, который до того времени принимали все социалисты. Им придется долго ждать, прежде чем снова восторжествует это основное понятие социализма.

* * *

Какова была роль французской буржуазии во время мирового кризиса?

Она постаралась, с одной стороны, сомкнуть свои ряды, а с другой,— привлечь представителей пролетариата к власти, уверившись предварительно, что они не воспользуются этой властью для того, чтобы пробить брешь в существующем политическом и социальном строе. И в то время, как она ведет переговоры с вождями социалистической партии и профессиональных союзов, она уничтожает самые элементарные свободы, оправдывая это необходимостью национальной защиты.

Период войны был для французской буржуазии периодом такого абсолютного господства, какого она не знала уже с давних пор. Роялисты, бонапартисты, католики, умеренные республиканцы, радикалы и т. д. брались в министерствах и во всех организациях, которые ставили своей целью достижение солидарности или удовлетворение экономических потребностей страны. Люди, в роде Дени Кошена, которые, вследствие их слишком явной близости к церкви, показались бы компрометирующими фигурами в обычное время, теперь получили видные и ответственные места; Альберт де-Мэн (de Mun), один из лидеров воинствующего клерикализма, стал влиятельным членом правительства.

В то же время президент Пуанкаре и премьеры военного времени предлагают несколько мест в правительстве социалистам, которые в продолжение трех лет заседают рядом с буржуазными министрами. Этим социалистам было, однако, не все известно, что делало правительство. От них очень многое скрывали. Они являлись как бы заложниками в лагере буржуазии, и когда рабочий класс волновался и роптал, их посылали к рабочим давать объяснения и вновь завоевывать их доверие.

Правительство старалось привлечь на свою сторону и вождей Всеобщей Конфедерации Труда, которым давались места в государственных учреждениях. Правящий класс употреблял всю свою дипломатию, так как знал, что не сумеет продолжать войну до победного конца, если общенациональный блок перестанет существовать и если „священный союз“ между классами нарушится. Буржуазия чувствовала себя более покойной, когда она видела, что три министра социалиста оказывают содействие ее собственным уполномоченным.

Буржуазия не хотела преждевременного мира и не желала точно также и „мира в ничью“. Преждевременный мир помешал бы ей выполнить тайные договоры, которые были заключены в 1915 г., но происхождение которых, в частности—по вопросу об уступке России Константинополя и проливов, повидимому, восходит ко времени до 1914 года. Делькассе, возвратившись снова на пост министра иностранных дел, объявлял каждому пришедшему, что он низведет Германию до степени простого географического термина. Италии было обещано полное разрушение Австрии. Вот почему, вплоть до 1918 года, т.-е. до того момента, когда Америка заставила заключить перемирие, французская буржуазия упорно отказывалась от всякого даже предварительного обсуждения вопроса о возможности окончания войны. Весьма показательна в этом отношении история с Карлом I, принцем Сикстом, Пуанкаре и Рибо. Французская буржуазия не соглашалась и на мир в ничью и не только потому, что тогда сохранились бы

государства центральной Европы, но потому, что французский милитаризм стремился к полному торжеству, и правящий класс во Ф. как и всюду, считал, что военный успех укрепит существующий социальный строй. И она выставила формулу „война до победного конца“ столько же против Германии, сколько и против своего пролетариата.

И лишь одного обстоятельства не предвидела французская буржуазия, это—падения своего союзника, царизма. Благодаря сплочению всех своих политических фракций, равно как и своих различных пластов, начиная с финансовой олигархии и кончая мелкими лавочниками; благодаря соглашению с представителями рабочих союзов, буржуазия смогла осуществить свою полную диктатуру. Во время войны не существовало во Ф. ни свободы печати, ни свободы собраний. С 1914 по 1918 год во Ф. царил приблизительно такой же порядок, как при Наполеоне I. Военные суды выносили строгие приговоры всем тем, кто пытался бороться с политикой правительства. И в то время, как пролетариат был принужден молчать или молчал в состоянии пассивности, партии прошлого становились с каждым днем все смелее: потому что у республиканского правительства не осталось снисходительности ни для кого, кроме монархистов, духовенства и конгрегаций.

В то же время экономическая политика правительства дает полное удовлетворение крупным капиталистам, благодаря введению удлинненного рабочего дня и учреждению консорциумов. Огромные состояния наживаются в несколько месяцев в ущерб обществу, благодаря сообщничеству государственного аппарата. Казна безнаказанно разграбляется поставщиками оружия, провианта и военных припасов. Всякий, у кого имеются хорошие связи, может быть уверен в получении заказов, которые обогатят его с исключительной быстротой.

Подкуп, раздача концессий, воровство совершаются безнаказанно. Что касается до налогов, то их оставили почти без изменения,—тяжелые для

неимущих и легкие для богачей. Вместо обложения накопленных капиталов правительство прибегает к бесчисленным займам. Буржуазное правительство избегает причинять убытки своему классу, и буржуазия патристически ссужает казну деньгами за большие проценты. На почве Ф. вырастает, как огромный паразит, грубая и беззащитная сила „нуворш'ей“ (новых богачей), еще более жадных до добычей, чем старая промышленная и банковская буржуазия. Война укрепила, таким образом, положение правящих классов, и буржуазия будет прочно чувствовать почву под ногами вплоть до того дня, когда она окажется перед лицом революции и когда перед ней встанут квази-неразрешимые задачи.

Французская буржуазия поставила у кормила правления преданных ей людей.

Кто же эти люди? Это, во-первых, Пуанкаре, во имя которого на президентских выборах были потеряны голоса социалистов, верных принципу пропорционального представительства, но который является прежде всего представителем правых, воплощением консервативного политика, как Гизо и Тьер; Пуанкаре—чемпион капиталистической собственности, непримиримый враг социализма, верный слуга милитаризма, в котором он видит главного защитника государства. Затем идет Мильерай, бывший социалист, холодный, юридический ум, подобно Пуанкаре. Продолав эволюцию вправо, падая со ступеньки на ступеньку, он сделался, в конце концов, верным союзником высшего военного сословия и духовенства и ярым противником рабочего класса, тем более опасным, что раньше он близко стоял к нему и знал его лучше других. Из всех военных министров он был наиболее угодливым слугой генерального штаба. За ними следует Бриан, бывший социалист, пришедший к власти благодаря Клемансо, выдающийся оратор, с гибким характером, способным защищать и крайних правых и льстить крайним левым, смотря по требованию момента; парламентский тактик и посредственный работник. На ряду с ним нужно поставить Вивьяни, бывшего

социалиста. Из всех современных политических деятелей Вивьяни,—подобно Бриану неспособный серьезно изучить ни одного дела,—больше всех рисуется в своих речах и на словах больше других не идет на соглашения с правыми. Делькассе,—бывший радикал, мегаломан и империалист, который считал себя новым Ришелье. Он являлся уполномоченным Ф. при заключении многих тайных договоров, которые наряду с другими вызвали мировой конфликт. Делькассе—наиболее преданный царизму изо всех французских министров, менее всех был осведомлен о действительном положении дел. Рибо—тип неостоянного парламентского деятеля, ловкий спорщик, бывший глава правого центра, ставший затем главой „левого“ центра, и в то же время облеченный доверием католиков, несмотря на то, что сам он протестант. Рибо пользуется репутацией финансиста, потому что он всегда защищал простую формулу „займа“, столь приятную банкирам. Пенлеве,—вначале с некоторым социалистическим оттенком, большой ученый, который захотел играть политическую роль, робкий с генералами, мало с ним считающимися; жадный до политической известности, залутовавшийся среди приводящих его в замешательство политических комбинаций и интриг в парламентских кулуарах. Наконец, Клемансо, один из главарей парламентского мира, бывший радикал, убежденный защитник принципа авторитарной власти, вернее—диктатуры, при условии, что он сам будет диктатором,—тупой и непримиримый враг социализма, шовинист до мозга костей; бывший когда-то защитником всех демократических свобод, он теперь уничтожал самые основные из них. Протестуя когда-то против цензуры, он вводил ее теперь со всей непреклонной суровостью; сблизивший когда-то министров за то, что они развивали фаворитизм, Клемансо, став у власти, окружил себя самыми гнусными людьми. Невежда во внешней политике и во внутренних делах, как и в экономических вопросах, идол буржуазии, организатор самой сильной реакции, которую когда-либо переживала Ф. со времен Ком-

муны. „Я веду войну“, говорит Клемансо, и это в его глазах и в глазах его поклонников оправдывает все. Благодаря полиции и военным судам он мало-по-малу ввел во Ф. террор; продолжив войну невозможно дольше, он является одним из главных авторов ужасного Версальского мирного договора, который сделал из Европы очаг новых столкновений.

Таковы были передовые люди правящего класса, или по крайней мере те, которые обладали видимой властью. Конечно, за этими людьми стояли коллективные силы: церковь, высшее военное сословие, промышленники и банкиры. Эти закулисные силы проявлялись теперь с большей дерзостью, чем прежде, так как теперь они могли низвести до молчания и отправить в тюрьму или на фронт всех своих противников, которые осмелились бы бороться с ними.

**

Война сразу парализовала производство и торговлю. Миллионы людей были призваны под знамена; многие отрасли промышленности закрылись, а в других работа сократилась.

Обследования, произведенные инспекторами труда, дают нам возможность выяснить состояние заводов и мастерских, продолжавших работать и после объявления войны.

Из 27.610 предприятий, доставивших сведения и работавших в июле 1914 г. с полной нагрузкой, производили работы в августе только 12.422 предприятия, а в октябре—16.102, в январе 1915 года—19.106, а в апреле того же года—21.269.

Эти предприятия, на которых в июле 1914 года было занято 1.087.000 рабочих, в августе насчитывали только 378.000 рабочих; затем число рабочих стало увеличиваться и дошло до 615.000 весной 1915 года.

Оживление промышленности продолжало увеличиваться и дальше.

Анкета инспекции труда в начале 1917 года содержит в себе данные о 44.880 предприятиях, существовавших накануне войны, а именно: предприятий пищевой промышленности, химической промышленности, резиновых изделий, полиграфического производства, текстильной промышленности, предприятий по производству готовой одежды, кожевенной промышленности, по обработке дерева, драгоценных камней, металлов; по металлургии, по производству кирпичей, транспортным предприятиям и различным торговым предприятиям.

Процент предприятий, продолжавших существовать во время войны, был таков: 62 в августе 1914 года, 68 в январе 1915 года, 77 в июле 1915 года, 84 в январе 1916 года, 87 в июле 1916 года, 89 в январе 1917 г.

Число рабочих, занятых в этих предприятиях, равнялось 1.612.000 человек до войны (в июле месяце 1914 года), 524.000 в августе того же года, затем 844.000 в январе 1915 года, 1.045.000 в июле 1915 года, 1.238.000 в январе 1916 г., 1.371.000 в июле 1916 года и 1.481.000 в январе 1917 года. В некоторых предприятиях производительность пала больше, чем в других, это можно видеть из следующих данных. Так, в полиграфическом производстве число рабочих упало о 42.000 в июле 1914 г. до 15.000 в августе того же года; причем в январе 1917 г. в полиграфическом производстве насчитывалось только 23.000 рабочих; в строительном производстве число рабочих с 62.000 упало до 12.000, но затем подья-

появ до 31.000. В кирпичном производстве вместо 92.000 рабочих, зарегистрированных в июле 1914 г., в январе 1917 г. оставалось только 17.000, а в январе 1917 г. насчитывалось 44.000. Но зато в предприятиях, работающих на военные нужды, число рабочих не только не уменьшилось, но, наоборот, превысило нормальное количество. Химическая промышленность насчитывала в июле 1914 г. 77.000 рабочих; в августе число рабочих, занятых в этой промышленности, упало до 34.000, в январе 1916 г. увеличилось до 53.000, в июле до 64.000, а в январе 1916 г. в химическом производстве работало 75.000 человек. Число рабочих химической промышленности продолжало расти; в июле 1916 г. насчитывалось уже 82.000 рабочих, а в январе 1917 г. — 91.000 человек — 117% довоенного количества.

То же самое мы наблюдаем и в металлургической промышленности. В августе 1914 г. рабочих металлургов насчитывалось 125.000, вместо 369.000 рабочих, бывших в июле. Но затем число рабочих металлургов увеличилось: в январе 1916 г. их было уже 427.000, а в январе 1917 года 585.000 чел., т. е. 158% довоенного количества. Рабочая сила постепенно переместилась, концентрировалась в предприятиях, работающих на военные нужды. В то же время произошло и территориальное перемещение рабочей силы, объясняющееся в значительной мере оккупацией северных и северо-восточных областей и сосредоточением в известных областях предприятий, работающих на войну. Так, в Парижском округе было зарегистрировано в августе 1914 г. 109.000 рабочих, а в январе 1917 г. 882.000. В Руанском округе, в те же месяцы — 12.000 и 35.000, в округе Бордо — 42.000 и 96.000, в Тулузском округе — 21.000 и 68.000, в Лимоском — 85.000 и 266.000. Эти цифры показывают, что в металлургических предприятиях число рабочих во время войны стало больше, чем до войны. Наоборот, напр., напеч насчитывался временами не более одной десятой своего прежнего рабочего населения.

Затем в промышленности во время войны наблюдается и другое явление — это «феминизация» промышленности. Мужчины ушли на войну, и женщины заняли их место на заводах, в мастерских, конторах и в государственных учреждениях. В период, предшествовавший войне, женщины были затруднены доступ в известные профессии. Во время же войны наблюдается полный доступ ко все производство. Им не только не чинят препятствий, но открывают свободный доступ войну и даже приветствуют это явление. В самом деле, без женского труда оказались бы невозможными продолжать многие производства, и многие учреждения должны были бы закрыться. Правда, капиталистический строй даже уже отрывал жену и дочерей пролетариев от домашней работы, но за 62 месяца войны эта экономическая эволюция значительно усилилась. Перед синдикатами открылось новое поле для вербовки новых членов. В силу обстоятельств, девушки и женщины перестали оставаться равнодушными к профессиональному движению.

Накануне войны в 52.278 промышленных и торговых предприятий Ф., упомянутых в анкете инспекции труда на июль 1917 г., работало 1.037.000 мужчин и 487.000 женщин. 1 августа 1914 г. число женщин работниц падало до 193.000, а в июле 1916 г. повышается до 418.000, в июле 1917 г. — до 626.000, превышая нормальный состав женщин работниц в 1913—1914 г. на 139.000. Процентное отношение здесь — 129%. Но это лишь средняя артельная цифра. В книжном деле и в некоторых других отраслях это отношение меньше, потому что там наблюдаются сокращения производства. Но в химической промышленности количество женщин по сравнению с довоенным уровнем доходит до 164%; в деревообработочном производстве — до 164%; в погрузочном деле и в транспорте — до 454%; в металлургии — до 918%. В металлургической промышленности было занято в июле 1914 г. 18.800 женщин, в июле 1917 г. — 171.700. Здесь всего явнее сказалось влияние войны.

В июле 1917 г. женщины составляют 26% рабочего состава в химической промышленности (против 18% в 1914 г.), 26% — в металлургии (против 5%), 44% — в пищевой промышленности (вместо 37%), 71% — в текстильном производстве (вместо 61%), 40% — в коньячном (против 32%).

Но это лишь частичные данные, в которые не входят женщины, работающие в государственных и общественных учреждениях, на железных дорогах и в военном

ведомстве, а между тем только в одном военном ведомстве на 1 января 1918 г. было занято 132.000 женщин.

Другим важным явлением военного времени во Ф. был непрерывный рост дороговизны. Правда, это явление наблюдалось не только во Ф., но и в других странах, и оно стало замечаться и в период предшествовавшей войне, хотя и в несравненно меньших размерах, чем во время войны. Причины этого вздорожания жизни различны.

В годы войны во Ф. не наблюдалось падения курса франка, оно началось лишь после заключения перемирия. По мнению некоторых экономистов, которые защищают интерес правящих классов, повышена цен на продукты явилось следствием повышения заработной платы. Но это совершенно неверно. Вздорожание цен наблюдалось разуме повышение заработной платы. Оно увеличивалось гораздо быстрее, чем рост заработной платы, как это мы можем видеть из данных официальной статистики. Надо, следовательно, найти другое объяснение. Причинами дороговизны являются: сокращение производства как в земледелии, так и в промышленности, увеличение потребления некоторых продуктов и, кроме того, алчность производителей и посредников, которым благоприятствовало наличие безнаказанно действующих конторщиков и картелей, и все возрастающее стремление к наживе, которое охватило всех тех, у кого на руках имелись те или иные товары.

Во время войны наступила действительная экспроприация потребителя. Рабочий класс вынужден был сокращать свои потребности, будучи связан по рукам и по ногам законами, отменяющими гражданские свободы. Капитализм становился все беспощаднее по отношению к рабочему классу тем более, что рабочий класс фактически лишен был возможности бороться с произволом капиталистов.

Принимая за 100 стоимость набора из 20 пищевых продуктов широкого потребления в период с 1901 по 1914 год, мы имеем индекс в 121 в конце 1914 г., 159 в конце 1915 г. и 279 в конце 1917 г. и даже 238 в последние дни декабря 1917 г.

Индексом для набора из 25 промышленных изделий за период с 1901—1910 г. со 100 поднимаются до 126 в конце 1914 г., до 187 в конце 1915 г., 387 и 402 в конце 1917 г. Больше всего повысились цены на картофель, рис, свиному, сахар, шерсть. Рост цен с августа 1914 г. по август 1917 г. выразился в 347 для картофеля и 473 для свиных овец.

Особенно увеличилась цена на мясо. Согласно таблице, составленной синдикатом производителей парижских ресторанов, цена за одно кило мяса повысилась за три года с 60 сантимов до 2 франков 90 сантимов; кило баранины с 75 сантимов до 3.10; прованское масло с 1.75 до 4.80 за литр, уксус с 48 сантимов до 2.50, южача капусты с 30 сантимов до 1 франка 20; свежие яйца сотня о 12 до 42 франков, а цена на сыр увеличилась в четыре раза. Пищевые продукты, которые являлись предметом роскоши, поднимались в цене значительно меньше.

Но рабочая семья не могла ограничить потребление одних только съестных припасов. Она нуждалась также в топливе, одежде и т. д.

Цена на уголь увеличилась во Ф. за время войны в четыре с половиной раза, за кокс в 8 раз, цена керосина в 5 раз, бензина в 7 раз, зеленое масло в 9 раз. Помогать теперь жавола была стоимость набора первой необходимости для семьи в 4 человека. Согласно данным официальной статистики, получаются следующие цифры: 1020 франков в 1913—1914 г., 1105 франков в первые три месяца 1915 г., 1.396 в первые три месяца 1916 г., 1547 в первые три месяца 1917 г., 2120 в первые три месяца 1918 и 2351 за второй триместр этого г.

Если мы перейдем к рассмотрению повышения цен на одежду, то увидим, что процент вздорожания поднимался с 71 до 218. В дальнейшем мы увидим повышение цен и на другие предметы, но и указанное выше вздорожание цен могло нарушить равновесие рабочего бюджета ⁴⁾.

⁴⁾ Для более ясного представления о дороговизне, мы приводим здесь цены в потребительских лавках при железных дорогах (за январь 1918 г.) для сравнения с теми, которые были приведены в первой части нашей статьи.

Бумажные носки..1 ф. 70 с.	Цены в Кресо.
Шерстяные носки. 2.40	Мужской костюм. 150.00
Дамская кофта.... 6.10	Ботинки..... 45.00
Мужской костюм.. 67.00	Шляпа..... 10.00
Детские полуспор- ти 39.00	Фуркача..... 8.00
Женские башмаки. 33.60	Рубашка..... 10.00
Мужские ботинки.. 31.40	Проздежда..... 13.55
Простая бумажная ткань за метр... 1.65	Подметки..... 12.00
	Носки..... 3.50
	Дюжина плавок.. 12.00

В начале 1918 г. синдикат горнорабочих в каменноугольном бассейне департамента Изеры вычислил минимальный бюджет семьи из двух человек. Согласно этим вычислениям, в 1914 г. расходы рабочей семьи в день составляли 7,44 фр., а в начале 1918 г.—20,93. Между тем заработная плата для шахтера равнялась в то время лишь 11 фр. 25 с.—12 фр. 10 с., а для сортировщика угля—8 фр. 50 с. в день. Из приведенного примера мы видим, что семье, состоящей из шахтера и сортировщика угля, не хватало заработка на удовлетворение самых насущных потребностей.

Обследование и изучение этого явления, предприятия с разных сторон, указывают, что не было никакого параллелизма между двумя кривыми: кривая повышения цен на продукты значительно обогнала кривую роста заработной платы.

В Бюллетене Общей статистики Ф. мы видим, что заработная плата с июля 1913 г. по 1916 г. повысилась на 25% для рабочих мужчин и на 38% для женщин (в крупной промышленности), а в мелкой промышленности: на 22% для мужчин и на 16% для женщин. Между тем за этот же период времени стоимость жизни возросла на 45%.

Согласно данным промышленных советов, с 1913 по 1916 г. заработная плата повысилась: на 43% в Бпинале, на 40% в Ренне, на 37% в Бурже, на 27% в Безансоне и Руаче, на 23%—в Динможе, на 18%—в Пуатье, на 15%—в Париже, на 7%—в Дюнкерхене и на 3%—в Марселе.

Все эти данные относятся к крупной промышленности.

Из приводимой ниже таблицы легко увидеть все несоответствие заработной платы со стоимостью жизни. Принимая за сто уровень заработной платы и стоимость жизни в довоенное время, мы получим следующие цифры для 1916 г:

	Заработная плата.	Стоимость жизни.
Марсель.....	103	143
Динюв.....	117	153
Ним.....	118	157
Ла Рошель.....	116	157
Орлеан.....	109	150
Анжер.....	106	143
Бар-ле-Дюк.....	103	142
Шамбери.....	114	153
Ницца.....	92	148
Драгуйная.....	108	175
Осер.....	117	153
Ажакс.....	115	141

Таким образом, в Ницце, например, заработная плата даже уменьшилась, в то время как стоимость жизни увеличилась в полтора раза.

Во время войны существовало мнение, что рабочие предприятий, работающих на оборону, получали особо повышенную плату. Но по официальным данным, согласно декрету от 16 января 1916 г., часовая оплата труда выражалась в следующих цифрах:

В деп. Па-де-Кале—от 65 сант. до 95 сант. В деп. Шер—от 65 с. до 80 с.

В Париже, при сдельной работе, часовой заработок равнялся 80 сант.—1 фр. 25 с.; когда стали выдавать пособия на дороговизну, общая сумма заработной платы в Париже не превышала 17 фр. 50 сант. И такая заработная плата существовала в 1917—1918 г.

Легенда о высокой заработной плате в предприятиях, работающих на оборону, настолько распространилась среди широкой публики, что в начале 1917 г. профсоюзы, входящие в федерацию металлистов, сочли нужным выступить с опровержением этой легенды, приводя цифр фактических заработков.

Недостаточность заработной платы и ее медленный рост по сравнению с ростом дороговизны вполне объясняют рост рабочих выступлений, которые, начиная с 1917 г., иногда принимали даже революционный характер.

**

Во время войны почти вся власть во Ф. перешла к высшему военному командованию. Почти все завоеванные ранее свободы были отменены: право собраний союзов и коалиций существовало больше на бумаге. Значительная часть рабочих, хотя и работавших в промышленных предприятиях и сохранивших штатскую одежду, фактически была милитаризована.

При малейшем неповиновении их сажали в тюрьму, предавали военному суду и высылали на фронт. Во всякую минуту префекты и полицейские комиссары могли подвергнуть каждого рабочего под тем или иным предлогом аресту или надзору.

Цензура, находившаяся в руках радикалов или даже социалистов, так урезывала печать, что не было никакой возможности вести пропаганду тех или иных идей. Самое упоминание о мире считалось преступлением. Многие факты не были известны широкой публике; даже те, которые не касались военных операций, могли печататься лишь с разрешения правительства.

Таким образом, вполне понятно, что канал бы то ни было синдикальная борьба была в это время затруднительна; активные работники профсоюзов постоянно подвергались опасности самых тяжелых репрессий. Так, правительство, в согласии с железнодорожными компаниями, запретило железнодорожникам устраивать собрания, грозя увольнением. Горнорабочие горько жаловались на преглятыя, чинимые правительством в дела вербовки новых членов. Самое простое заявление в этом роде подвергало автора риску попасть в тюрьму.

Печатный орган федерации металлистов «Союз металлистов» вынужден был издаваться нелегальным образом; этот журнал является ценным документом той эпохи.

В нем отражались взгляды оппозиционного меньшинства, т.-е. тех синдикалистов, которые оставались верны духу революционного синдикализма. На каждой странице «Союза металлистов» мы видим сообщения о грубом нарушении прав профсоюзов предпринимателями и представителями власти.

Так, летом 1916 г. префект и полицейский комиссар запретили рабочее собрание, имевшее чисто профессиональный характер, по той причине, что одного докладчика они считали неподходящим. Объединение профсоюзов Ронского департамента решило созвать конгресс в 1916 г., префект не дал разрешения. Бельфорские рабочие были уволены только за то, что они пытались создать синдикат. В Со-дю-Тари, в металлургическом центре, синдикалисты, временно демобилизованные для работы в военнопромышленных предприятиях, были отосланы в армию за попытку организоваться,—и так далее. Профессиональная деятельность становилась невозможной. Каждый раз, когда рабочие хотели устроить собрание, им угрожали и производили аресты, напоминая о том, что префекты обладают неограниченными полномочиями. Невозможно даже перечислить или высчитать какое огромное количество арестов среди рабочих было произведено и сколько внесено приговоров за этот период за участие в профессиональном движении. Каждый активный работник попадал в список неблагонадежных, и за ним устанавливалось постоянное наблюдение.

Государственные служащие находились в таком же, если не в худшем положении. Однако, несмотря на это, они возобновили в конце войны борьбу за право синдикальной организации. В сентябре 1917 г. иницие почтовых служащих потребовали распространения на них закона 1884 г. о профсоюзах. Народные учителя, с которыми правительство считалось еще меньше, чем с другими служащими государственных учреждений, протестовали против запрещения их федерального съезда и против обысков у членов их профсоюза.

В 1918 г. начинается период усиленной профсоюзной деятельности среди государственных чиновников. Чиновникам удается создать съезд. Всеобщая ассоциация служащих почты и телеграфа на своем конгрессе в мае 1918 г. хотя и откладывает немедленную реорганизацию своего объединения в синдикат, но при этом заявляет, что эту реорганизацию она проведет не позднее 1 января

1919 г., независимо от того, какую позицию займет правительство.

Явным нарушением права профсоюзов был декрет от 18 янв. 1917 г. об обязательном арбитраже. В этом декрете указывалось на случаи утаивания стачек в парижском районе, в результате которых работа на заводах совершалась не с полной нагрузкой.

Согласно декрету, ни предприниматели, ни рабочие предприятия, работающих на войну, в случае конфликтов, имеющих коллективный характер, не имели права прекращать работу ввиду до разбора конфликта и спорных вопросов в примирительных камерах. В случае отказа предпринимателя подчиниться решению арбитражного комитета, его предприятие реквизируется. В случае отказа рабочих, — они также могли подвергнуться реквизиции. Бросятся в глаза неравенство наказания для той и для другой стороны; в одном случае государство брало в свое распоряжение имущество ответчика, в другом — его личность.

Права стачки более не существует во Ф., писал «La Bataille syndicaliste». «Мы не можем», горлоплоше в этой газете, «допустить столь серьезные нарушения наших прав».

**

Несмотря на все препятствия, которые ставились их деятельности, профсоюзные организации стремились не впасть в состояние пассивности. Немедленно после мобилизации они принялись за работу по поддержке связи между организованными рабочими и по пополнению рядов новыми членами.

Между тем в августе 1914 г. безработица достигла громадных размеров, потому что многие предприятия закрылись; чтобы облегчить положение рабочих, профсоюзы создали комитеты помощи безработным. Под влиянием безработицы, многие синдикальные организации приходили в упадок. Так, от всей организации строительных рабочих, бывшей раньше одной из самых мощных как по числу своих членов, так и по своей массе, осталось только небольшое ядро активных работников; это ядро взяло на себя инициативу реорганизации федерации. Благодаря их усилиям орган федерации «Строительный Рабочий», прекративший свое существование за неимением средств, снова стал выходить в апреле 1915 г. Союзы механиков, машинистов, шапочников и печатников обратились с воззванием к своим членам, призывая теснее сплотиться вокруг своих профсоюзных организаций.

Особенную энергию в этом отношении проявила федерация металлистов. Правда, что численный состав рабочих этой профессии увеличивался по мере развития войны, но, с другой стороны, следует отметить, что предприятия по снабжению фронта оружием и провантом находились под особым надзором военных властей. Относясь к первым месам мирового конфликта, возмущения о необходимости взаимного объединения и сплочения своих рядов можно найти также в федерациях швейников, трактористов, землекопов и рабочих в электрической промышленности.

В октябре 1915 г. Всеобщая Конфедерация Труда обратилась в свою очередь к профсоюзам, указывая на необходимость поддержать профсоюзную деятельность и перечисляя вопросы, которые встают перед рабочим классом. В мае 1916 г. съезд союза синдикатов Сенского департамента обращается к рабочим с призывом не допускать понижения заработной платы, бороться с урезыванием социальных законов и привлекать в организации женщин, экономическая роль которых непрерывно продвигает возрастать.

С течением времени работа по восстановлению профессиональных организаций все более и более усиливается, в связи с возрастающей дороговизной.

В январе 1917 г. отдельные профсоюзы железнодорожников сливаются в объединения по железногорным сетям. В марте 1917 г. на съезде горнорабочих обсуждаются вопросы о повышении заработной платы. В сентябре, на съезде швейников, высказывается требование «английской» недели. В то же время от езд металлистов подвергается рассмотрению вопрос о делегатах от фабрично-заводских предприятий. В мае 1918 г. на съезде железнодорожников разгорается борьба между революционерами и реформистами, т. е. между меньшинством и большинством. Это — первый из федеральных съездов, который в новь принимает довоенный облик и тон. В июле, во

время большого наступления немцев на Париж происходят съезды строительных рабочих, печатников, железнодорожников, рабочих автомобильного транспорта, рабочих пороховых складов и бочаров.

И на конгрессе металлистов подвергается резкой критике Всеобщая Конфедерация Труда за поддержку, оказываемую ею органам власти.

**

Если численный состав членов французских профсоюзов значительно сократился в первые месяцы после объявления войны, то надо заметить, что вскоре началось снова прилив членов в профессиональные союзы.

К сожалению, у нас не имеется за этот период точных статистических данных. Министерство Труда не печатало никаких сведений по этому вопросу за весь период с 1 января 1914 г. по январь 1920 г. С своей стороны, и Всеобщая Конфедерация Труда не собирала никаких данных, указывающих на ее численный состав. Мы должны поэтому довольствоваться сведениями, приводимыми на конференциях и съездах некоторых наиболее значительных профсоюзных объединений.

Так, в отчете федерации металлистов за 1915 г. указывается на наличие 84 синдикатов и 7.500 членов. В 1916 г. федерация объединяет 84 синдиката и 15.000 членов; в 1917 г. — 160 синдикатов и 163.000 членов; к концу апреля 1918 г. — 210 синдикатов и 195.000 членов. В ноябре число членов дошло до 204.000 — против 40.000 в 1913—14 г.

Железнодорожники насчитывали в своем национальном синдикате в июне 1916 г. 25.000 членов. В начале 1917 г., после слияния, их синдикат объединял 70.000 членов, а в июне 1918 г. число их достигло 75.000. В то время тираж его двухнедельного органа достиг 190.000 экземпляров. Союзом горнорабочих и прочих почтовых служащих отмечают, что число их членов возросло по сравнению с 1914 г. В связи с выступлением за повышение заработной платы наблюдался прилив новых членов в союзы швейников и банковских служащих. Одним словом, всюду мы видим быстрый рост профессиональных организаций, даже и в тех производствах, где вербовка новых членов всегда происходила с большим трудом.

**

В начале войны стачки были редки, но затем постепенно число их увеличивается. Число участников стачек увеличивается по мере того, как растет число членов профсоюзов. Рабочие борются одновременно за улучшение жилищных стремлений торговцев и за повышение заработной платы, соответствующее вздорожанию жизни.

Позднее и этому стали присоединяться и требования политического характера, причем рабочие выступления в районе департамента Луары и Роны и в парижском округе приняли также размеры, что правительство было не в состоянии скрыть их при помощи цензурных зазротов.

В ноябре 1914 г. замечается первое недовольство в пригороде Парижа. Заработная плата систематически понижается, и тем рабочим, которые протестуют против этого, грозит, что их отправят на фронт. В январе 1915 г. происходит волнения среди парижских швейников, заработная плата которых была: у мужчин — 30 фр. в неделю, а у женщин — 26. Затем недовольство распространилось среди железнодорожников и горнорабочих; 1915 г. является самым тяжелым годом для французского пролетариата, несмотря на наличие стачек.

В 1916 г. происходит забастовка швейников, у которых заработная плата уменьшилась почти в двое; волнения распространились и среди женщин, работающих в автомобильном транспорте, а также и среди рабочих оптического производства и трамвайных служащих Сенского департамента.

В 1917 г. горнорабочие, т. е. в Роанне и формовщики оптических инструментов постановили начать совместную борьбу за улучшение своего положения. В апреле этого же года выступают служащие государственных учреждений, указывая правительству на невозможность существовать на установленные жалованья. Затем выступают парижские строительные рабочие, союза женщин, работающих в швейном производстве, и другие женские союзы с требованиями прибавки на дороговизну,

так как зароботок модисток и корсажниц в это время не превышал 3 фр. 75 с. в день.

В конце мая в Париже забастовали 23.000 рабочих в швейных предприятиях, а вскоре объявили стачку банковские служащие, приказчики мелочных лавок, скорняки, прачки и рабочие-ювелиры. В марте 1913 г. волнения приняли еще более острый характер. Парижские рабочие выступили с новыми требованиями. Но что больше всего беспокоило правительство, так это растущее недовольство рабочих в предприятиях, работающих на войну. В этом движении приняли участие около 380.000 рабочих.

Это было наиболее ярким выступлением французских рабочих за весь период войны, и несмотря на цензурные запрещения и на все меры, принятые правительством, чтобы парализовать движение, оно приняло большие размеры и призывало к себе всеобщее внимание.

Движение началось в Париже, затем распространилось на всю область Центра, от долины Луары до Роны. Оно началось стихийно, когда были уволены некоторые категории рабочих для отправки их на фронт. К этому движению тотчас же присоединились 180.000 парижских рабочих. Они в первую очередь потребовали от правительства опубликования точных сведений о целях войны, о которых правительство до того времени систематически умалчивало. Вскоре руководство движением перешло в руки профессиональных организаций. В Париже был образован комитет в составе трех федеральных секретарей, секретарей спонсоров и делегатов от стачечников. Движение захватило и рабочих в Гавре, в Бурже, в Неве, в Фуршамбо, Гериньи, Рив-де-Жиере, Сен-Шамон, Сент-Этьене, Роанне и Лионе, т.-е. во всех областях, где изготовлялись пушки, ружья и военное снаряжение.

Рост стачечного движения во Ф. за время войны рисуется в таком виде: за последние месяцы 1914 г., являющиеся в то же время первыми месяцами мировой войны, во Ф. было всего 17 стачек с 900 участниками. В 1915 г., по официальным сведениям, было 98 стачек с 9.600 стачечниками и 55.000 потерянных рабочих днями. Это, конечно, очень мало, особенно если мы вспомним, что в 1913 г., например, забастовали 22.000 рабочих и было 2.223.000 потерянных рабочих дней. В 1916 г. было 315 стачек с 41.000 стачечников и 236.000 потерянных рабочих дней. В 1917 г. 696 стачек с 294.000 стачечников и 1.481.000 потерянных рабочих дней. В 1918 г. 499 стачек с 146.000 стачечников и 930.000 потерянных дней.

Таковы официальные данные, но они значительно ниже действительных. Напр., в эту статистику не вошли большие выступления металлистов в 1917 г. В официальных отчетах министерства труда говорится, что за время с 1914 г. по 1918 г. было всего 275 стачек у металлистов при участии 123.000 стачечников. На самом же деле стачек было значительно больше.

Время между объявлением войны и заключением перемирия является одним из наиболее интересных периодов во внутренней жизни ВКТ.

Это время характеризуется оживленной полемикой между синдикалистами разных направлений, причем число сторонников реформистской тактики уменьшается, а революционной—увеличивается. Это расхождение и послужило причиной раскола, который произошел позднее.

С начала августа 1914 г. исполнительное бюро Конфедерации Труда стало сотрудничать с правительством по вопросам, связанным с интересами рабочего класса. Например, секретарь ВКТ и секретарь объединения синди-

катов Сенского департамента участвовали в Национальном Комитете по оказанию общественной помощи, который ведал распределением пособий.

В сентябре 1914 г. правительство и парламент, точно так же, как и главные административные государственные учреждения, опасаясь, что германские армии захватят Париж, переехали в Бордо. Туда же направило пятерых человек и исполнительное бюро Конфедерации.

Около того же времени был создан Комитет действия, в котором ВКТ вошла в контакт с социалистической партией. Немного позднее ВКТ предложила создание смешанных комиссий из представителей предпринимателей и рабочих, для изыскания возможностей оживления экономической жизни и для борьбы с безработицей.

Здесь уместно продолжить наше рассмотрение деятельности ВКТ, так как это даст нам возможность понять, какое направление принимала в это время деятельность этого центрального объединения французских синдикатов. В январе 1915 г. Всеобщая Конфедерация Труда обратилась с воззванием к рабочим, призывая их бороться за то, чтобы разразившаяся война была последней. В следующем месяце ВКТ послала 5 делегатов на конференцию социалистов союзных стран. На этой конференции делегаты ВКТ, войдя в соглашение с английскими тред-юнионами, потребовали перевода международного секретариата профсоюзов из Германии в нейтральную страну.

Весной 1915 г. в синдикатах раздались впервые голоса, критиковавшие позицию ВКТ. Среди синдикалистов образовалось меньшинство, во главе которого стала федерация металлистов. Печатный орган федерации—„Союз металлистов“, напечатал в мае очень резкую статью: „Мы подняли свой голос против тех из наших товарищей и друзей,—говорилось в статье,—которые, ни во что не ставя принципы синдикализма и интернационализма, прикрывают моральным авторитетом ВКТ политику правительства и оправдывают бойню и разоре-

ние, вызванные войной". Затем федерация металлистов протестовала против участия ВКТ на социалистической конференции, на которой присутствовали министры.

В августе 1915 г. состоялась конференция ВКТ. На этой конференции присутствовали представители 38 федераций, 34 департаментских объединения и 42 биржи труда или местных объединения. Конференция высказала порицание всякой завоевательной политике и одобрила предложение Американской Федерации Труда о созыве Всеобщего Международного Рабочего Конгресса одновременно и в том же самом месте, где соберется дипломатическая конференция для выработки условий мира.

Через несколько недель после этого состоялась в Швейцарии знаменитая Циммервальдская конференция, которая в некотором роде озаменовала собой исторический поворот в социалистическом и рабочем движении. Меньшинство Всеобщей Конфедерации Труда было представлено на этой конференции Бурдероном (от союза бочаров) и Мерреймом (от союза металлистов). Мы не будем подробно останавливаться на дебатах, которые имели место на этой конференции. Резолюции сводились, главным образом, к требованию скорейшего мира без аннексий и контрибуций. Конференция вынесла также порицание организациям, виновным в сотрудничестве с властью. Конференция призывала пролетариат всех стран возможно скорее восстановить международные сношения.

Тем временем „меньшинство“ продолжало усиливаться; оно насчитывало в своих рядах: федерации шляпников, гончаров, бочаров, металлистов, кожевников и местные объединения департаментов: Гар, Луары, Роны и Верхней Вьенны.

С своей стороны, „большинство“ стало также организовывать свои силы. Исполн. бюро ВКТ вынесло порицание федерации металлистов за ее критику и обвинения, направленные против представителей ВКТ.

Но федерация металлистов решила продолжать свою тактику; она присоединилась, вместе со всем меньшин-

ством, к резолюциям, вынесенным конференцией в Кинтале (май 1916 г.), которая являлась продолжением Циммервальдской конференции.

В том же месяце „Союз металлистов“ напечатал статью против Жуо, порицая его за участие в банкете, организованном федерацией французских промышленников и коммерсантов.

В следующем месяце 10 представителей конфедерального „большинства“ присутствовали на Лидской междусоюзнической конференции. На этой конференции было принято решение перенести секретариат Интернационала профсоюзов в Женеву и было выставлено требование включить в будущий мирный договор целый ряд требований, касающихся охраны труда. Федерация металлистов резко критиковала и обвиняла участников конференции за их деятельность, полную компромиссов и отречения от прошлого синдикализма.

В декабре состоялась конференция федераций и объединений, на которой Меррейм и Бурдерон выступили с теми же обвинениями.

Но резолюция Жуо, при поддержке Кефера, собрала 99 голосов за, против 26, и конференция одобрила деятельность исполнительного бюро ВКТ.

Затем конференция единогласно выставила требование, чтобы правительство опубликовало условия мира и чтобы в будущий мирный договор были включены пункты о недопустимости тайных договоров, о восьмичасовом рабочем дне и т. д.

1-ое мая 1917 г. пришло в самый разгар общего возбуждения. События русской революции электризовали массы и давали мощную поддержку „меньшинству“, престиж которого значительно выигрывал, благодаря начатой им борьбе за повышение заработной платы. ВКТ. со своей стороны приветствовала падение царизма. Союз металлистов выражал радость по поводу победы Советов, заявляя о солидарности французских рабочих с русскими и немецкими товарищами.

В то время как французские организованные рабочие с жадным любопытством следили за развитием событий на востоке Европы, в политическом

мире Ф. усиливалось реакционное течение, и некоторые политические деятели стали настаивать на применении репрессий.

Всеобщая Конфедерация выступила против этой провокационной кампании и выпустила манифест в сентябре 1917 года, общий тон которого, однако, глубоко отличался от подобных документов 1915 и 1916 г.г. В это же время Конфедеральный Комитет созвал конференцию в Клермон-Ферране. Федерация металлистов протестовала против того, что Конфедеральный Комитет, под предлогом военной опасности, созывал конференцию не в Париже, а в провинции. Эта конференция была отмечена дебатами о войне и мире.

Отвечая представителям „меньшинства“, Жуо заявил, что он не хочет отделять интересы страны от интересов пролетариата, и что он, со своей стороны, лично готов вернуться в ряды армии.

Конференция решила созвать конфедеральный конгресс с предварительными съездами федераций и департаментских объединений, как это было в обычае до того времени.

Прошло несколько месяцев, но конгресс все еще не созывался. Тогда „Комитет Защиты Синдикализма“, в который объединилось революционное „меньшинство“, взял на себя инициативу созыва общего синдикального конгресса, приглашая рабочие организации немедленно высказаться по этому вопросу (апрель 1918 г.) Но это предложение встретило отрицательное отношение со стороны не только федерации строительных рабочих, но и со стороны федерации металлистов, то-есть федерации, бывшей на стороне „меньшинства“. Федерация металлистов напоминала, что, борясь с представителями реформистского течения во Всеобщей Конфедерации Труда, она никогда не забывала, что ВКТ является органом национального единства французских рабочих, и что инициатива, взятая на себя „Комитетом Защиты Синдикализма“, является выступлением нежелательным и незаконным. „Комитет Защиты Синдикализма“, защищая принципы единства рабочего класса, тем не менее принесет ему

вред, беря на себя инициативу созыва общего конгресса, который должен быть созван Конфедеральным Комитетом.

Вследствие этого, федерация металлистов отказалась принять участие в предполагаемой конференции. Тем не менее, конференция была созвана и состоялась в Сент-Этьене. На этом конгрессе присутствовали представители 200 синдикатов.

В это время возбуждение в рабочих кругах дошло до максимума. Конференцией была принята резолюция, в которой она подтверждала свое намерение оказать поддержку движению. Делегаты обращались к городскому и сельскому пролетариату с призывом немедленно присоединиться к бастующим рабочим. В резолюции указывалось, что конференция, не желая заменять собой центральные организации, т.-е. ВКТ, требует, чтобы представители рабочих прислушивались к требованиям масс.

В случае, если бы центральные организации, не желая или не будучи в состоянии взять на себя руководство борьбой, стали бы уклоняться от нее, конференция считает, что „Комитет Защиты Синдикализма“ сможет с полным правом взять тогда на себя защиту и проведение в жизнь принятых постановлений.

В это время ВКТ созывала свой конгресс в Лиможе. Она не могла дольше уклоняться от взятых на себя обязательств, тем более, что правительствами были приняты репрессивные меры для подавления забастовок, которые все учащались. Жуо, Меррейм и другие отправились в палату депутатов обсудить создавшееся положение совместно не только с депутатами социалистами, но и с депутатами различных других группировок.

В июле месяце состоялся съезд производственных федераций и департаментских объединений. На съезде рабочих-построечников произошло разделение делегатов на две почти равные части между „большинством“ и „меньшинством“. На съезде федерации металлистов обсуждалось поведение „Комитета Защиты Синдикализма“. Была принята резолюция, в которой одобря-

лась тактика оппозиции, которую вела федерация внутри конфедерального комитета до конференции в Клермон-Ферране; но в то же время резолюция одобряла верность принципу рабочего единства и высказывалась против Комитета Защиты, который, по словам резолюции, пришел в Сент-Этьене к пагубным решениям. Затем съезд федерации металлистов потребовал опубликования целей войны и высказался за то, чтобы мир был заключен без аннексий и контрибуций. Приветствуя русскую революцию, съезд выразил протест против какой бы то ни было интервенции союзников в русские дела.

На съезде федерации транспортных рабочих и на съезде пищевиков большинство высказалось за ВКТ и одобрило поведение конфедерального бюро.

Съезд ВКТ открылся 16 июля в Париже, а не в Лиможе. На нем были представители от 32 производственных федераций, 30 бирж труда и 40 департаментских объединений и от 1.151 синдиката.

Секретарь федерации синдикатов Сенского департамента, Блед, выступил с резкой критикой против тех, кто начал кампанию против ВКТ. Он призывал конгресс вынести порицание членам Конфедерации, которые „едва не погубили единства профессионального движения“, и указывал на „клевету, которая создала атмосферу подозрения, недоверия и разделения среди рабочих“. Бурдерон, представитель „меньшинства“ и участник циммервальдской конференции, возражая Бледу, обвинял „большинство“ в отклонении от своей прежней политики и в том, что оно вошло в соглашение с правительством. Бидегаре, защитник тактики „большинства“, выступил с критикой сент-этьенского съезда и требовал от меньшинства ответа на вопрос, что оно сделало для спасения Рабочего Интернационала?

Валле, представитель союза строителей, оправдывал „Комитет Защиты синдикализма“, который, по его словам, ограничивался лишь синдикальной пропагандой, избегая всего, что могло бы привести рабочее движение к расколу. Мало того, он заявил, что этот

комитет готов самоупраздниться, если ВКТ вернется к своей довоенной тактике.

Савау, защищавший тактику „большинства“, говорил в том же духе, как и Блед: „Никто не имеет права нас упрекать в том, что мы не организовали всеобщую революционную стачку в момент объявления войны, так как никто не требовал этого от нас“. Не смотря на протесты оппозиции, он добавил: „Мы не можем отделять себя от нации. Мы связаны с нею, равно как рабочий связан некоторым образом и с национальной промышленностью“.

Большие программные речи были произнесены Мерреймом и Жуо. Выступая по вопросу о довоенной пропаганде, Жуо говорил, что она велась в тех формах, в которых тогда надлежало ее вести, при помощи простых, иногда даже грубых образов, способных потрясти сознание масс. Но в настоящее время, добавлял он, речь идет о строительстве“. Желая оправдать свое поведение с 1914 по 1918 г., Жуо сказал: „Мы должны установить связь между интересами производителя и потребителя, так как эти интересы сливаются в одном и том же лице. Мы должны добиться осуществления лозунга: максимум производительности с наименьшей затратой времени,— ради максимальной заработной платы и расширения покупательной способности масс. Мы должны вызвать улучшение техники там, где инертность и алчность предпринимателей препятствуют этому“.

Конгресс принял 908 голосами против 283 при 46 воздержавшихся резолюцию по ряду очередных вопросов.

В этой резолюции напоминалось, что устав ВКТ представляет полную возможность проявления всем идейным течениям внутри единого рабочего движения. В ней утверждалось, что нельзя допустить, чтобы организации, входящие в Конфедерацию, были бы отстранены от руководства профессиональными выступлениями рабочих. В резолюции также подтверждалось, что поведение ВКТ было продиктовано исключительной заботой об интересах рабочего класса

и стремлениями скорее положить конец войне, и выразилось доверие ответственным работникам ВКТ. Затем в ней высказывалось осуждение секретной дипломатии и высказывалось требование опубликования условий мира, которые должны быть согласованы с условиями, предложенными Вильсоном, выставленными русской революцией и указанными на циммервальдской конференции.

Затем на съезде обсуждалась политика Антанты по отношению к России, и съезд категорически высказался против вооруженной интервенции, так как эта интервенция делается вопреки воле самого русского народа. На съезде оппозиция, т. е. течение меньшинства, представляла более одной пятой всех голосов, причем не нужно забывать, что в военный период всякая пропаганда идей „меньшинства“ строго преследовалась правительством.

В то же время съезд не ограничился только обсуждением общей политики ВКТ, а пересмотрел устав Конфедерации и внес в него значительные изменения, которые были окончательно приняты в декабре 1918 г.

Согласно новому уставу, ВКТ отныне должна состоять из национальных федераций по производствам, с одной стороны, и из объединений синдикатов по департаментам — с другой (федерации по профессиям и местные объединения стали, таким образом, пройденным этапом). Конфедеральный комитет состоит из делегатов от федераций и департаментских объединений и избирается на два года. Из среды комитета выделяется ревизионная комиссия из шести человек и административная комиссия из тридцати. Конфедеральный комитет нормально собирается три раза в год. Комитет назначает членов исполнительного бюро. На этот раз были избраны: в качестве генерального секретаря — Жуо, а в качестве секретарей-заместителей — Лоран и Дюмюлен. Казначеем Конфедерации был выбран Кальвейрак. Административная комиссия, избранная согласно новому уставу ВКТ, должна была быть промежуточным звеном между испол-

нительным бюро Конфедерации и конфедеральным комитетом.

В сентябре 1918 г., во время германского отступления из Ф., ВКТ опубликовала манифест против репрессалий, требуя, кроме того, чтобы война не шла далее установленных Вильсоном пунктов.

11-го ноября 1918 г., приветствуя германскую революцию, ВКТ выступила с новыми требованиями различных реформ, которые улучшили бы положение французских рабочих. Но в это время Конфедерация уже переживала кризис, который парализовал ее силы и привел, в конце концов, к расколу, о котором мы будем говорить дальше.

* * *

Эволюция Социалистической партии в период 1914—1918 г.г. совершалась почти тем же путем, как и эволюция профессиональных организаций. Вначале большинство, поддерживавшее идею „священного гражданского мира“, было близко к полному единодушию, затем небольшая группа начала борьбу за выпрямление партийной тактики, и с течением времени она стала приобретать все более и более приверженцев.

Первая мобилизация привела партию в состояние дезорганизации. Ее кадры потеряли сильный урон. В то же время она покинула свою традиционную идеологию. Лозунгу „борьба классов“ было теперь противопоставлено „сотрудничество классов“. Руководство партией было предоставлено тесно объединившимся между собою: административной комиссии, парламентской группе и административному совету газеты L'Humanité. Эти организации в начале войны вынесли резолюцию, в которой говорилось: „Французские и бельгийские социалисты подчиняются тяжелой необходимости вести войну, будучи твердо убеждены в том, что они этим самым поддерживают принцип свободы и право народов на самоопределение“.

В начале августа 1914 г. партия отказалась сотрудничать с правительством, каковы бы не были делаемые ей предложения. Но в конце августа,

в то время, когда германские армии приближались к Парижу, партии были сделаны правительством новые предложения, и партия приняла их. Чтобы точно обрисовать характер этого эпизода, который так тяготеет над историей французского пролетариата, нам следует познакомиться с докладом, который был сделан на партийном конгрессе в Париже в 1915 г. Прочитируем его дословно: „Принимая во внимание серьезность положения, которое переживает страна, президент республики выразил желание образовать правительство национальной обороны, в которое входили бы представители всех фракций республики. Вместе с председателем совета министров президент обратился с призывом к патриотизму социалистов, приглашая их войти в правительство, главной целью которого будет усиление национальной защиты. Надо всем доминировал вопрос, усилит ли присоединение социалистической партии национальную защиту? Дело шло в это время о спасении Парижа и Ф. Вот под каким углом зрения рассматривалось нами создавшееся положение“. Правящий орган партии уполномочил тогда Жюль Гед и Марселя Самба войти в правительство, причем Жюль Гед был назначен министром без портфеля, а Самба получил портфель министра общественных работ (декрет 28 августа). В манифесте по этому поводу, напечатанном в партийном органе *L'Humanité*, говорилось: „Партия дала им следующие полномочия: потребовать, чтобы правительство раскрыло истинное положение дел, привлечь массы к делу обороны и усилить производство военного снаряжения. Они должны были обеспечить спасение отечества и прогресс человечества“. Когда министры социалисты отправились в Бордо вместе с правительством, партия образовала в Париже „комитет действия“, целью которого было способствовать защите страны и охранять республиканский строй. В этот комитет вошли депутаты социалисты, оставшиеся в Париже, и представители федерации Сельского департамента и союза синдикатов. Мало по малу партия восстановила

свой численный состав. Через 5 месяцев после начала войны она продолжала стоять на той же позиции, как и в начале войны. Это видно из манифеста, опубликованного административной комиссией и парламентской группой, в котором они называли войну „освободительной“. „Мы боремся за то,—говорилось в воззвании,—чтобы области, аннексированные 44 года тому назад вопреки их желанию, получили бы право свободно вернуться к своей родине. Мы боремся еще за то, чтобы эта ужасная война была бы последней“. В следующем месяце конференция секретарей федераций одобрила принятую тактику и послала 10 делегатов на конференцию социалистов союзных стран, созванную в Лондоне. На этой конференции были приняты три резолюции. В первой резолюции ответственность за мировой кризис возлагалась на капиталистический строй, но в то же время напоминалось, что вторжение германской армии в Бельгию представляет угрозу для других наций.

Во второй резолюции указывалось на необходимость восстановления международного объединения рабочих—восстановления Интернационала—и учреждения международного третейского суда. В третьей резолюции клеймилось дарское самодержавие. Здесь наметились, таким образом, контуры Лиги Наций—Лиги Наций без уничтожения капиталистического строя. Но если направляющий орган социалистической партии и соглашался обсудить положение дел вместе с партиями союзных стран, то в то же время он отказывался вступать в какие бы то ни было другие переговоры. Так, он отверг в апреле и мае 1915 г. предложения швейцарской и итальянской партий созвать международную конференцию.

Май 1915 г. ознаменовался в жизни партии важным событием. 15 мая федерация департамента Верхней Вьенны разослала другим федерациям циркуляр. Следует сказать, что эта федерация является одной из наиболее значительных по своей численности, что она состоит почти исключительно из рабочих и крестьян, и что в ней живы идейные традиции старой французской рабо-

чей партии. Федерация эта отличалась ярким антимилитаристическим направлением, присущим французскому крестьянству, и этот инстинктивный антимилитаризм еще углублялся систематически партией. Федерация Верхней Вьенны пользовалась большим авторитетом; вот почему циркуляр этой федерации напел себе широкий отклик, несмотря на все старания верхов задуть его.

После изложения общего положения дел в стране, в циркуляре высказывались следующие упреки. „Мы спрашиваем руководящий орган партии, сделано ли было все, что можно было сделать, чтобы сохранить тесную связь между членами партии и партийными организациями... Федерации виновны в том, что они не проявили большой активности; но они были вправе ожидать более энергичного выступления со стороны тех, кто поставлен во главе партии и действует от нашего имени“. Далее в циркуляре говорилось, что не дело партии призывать к войне до победного конца, и указывалось на шовинистический дух, которым были проникнуты некоторые статьи видных членов партии. Федерация требовала, кроме того, внимательного отношения к мирным предложениям.

Административная комиссия партии ответила, что до сих пор партия единодушно одобряла ее деятельность. Между тем федерация департамента Изера и Роны, точно так же, как и сильное меньшинство социалистов департамента Сены, одобряли выступление федерации Верхней Вьенны. Назначение Альберта Тома, депутата социалиста Сенского департамента, в военное министерство также вызвало резкую критику. Большинство оправдывалось, опираясь на постановление, принятое Национальным Советом партии (14—16 июля 1915 г.).

В этом постановлении партия признавала законность и необходимость голосования за военные кредиты и основывала будущий мир на принципах самоопределения национальностей и их политической и экономической независимости, с учреждением обязательного третейского суда.

В постановлении высказывалась также готовность партии неуклонно оказывать свою помощь делу национальной защиты. В общем, этой резолюцией одобрялась политика руководящих органов партии.

Но через несколько недель после этого состоялась Циммервальдская конференция, о которой мы упоминали выше, и на которой присутствовал персонально Бурдерон, член синдиката бочаров и в то же время член федерации деп. Сены. На Циммервальдской конференции было вынесено, как известно, осуждение политике „священного гражданского мира“, и в то же время рабочие и социалисты призывались к возобновлению международных сношений. Таким образом, намечался возврат к традициям социализма.

Но административная комиссия, которая уполномочила Геда, Самба и Тома войти в правительство, выступила против Циммервальдской конференции. Она указывала на неправомочность Циммервальдской конференции и предупреждала секции о том, что пропаганда идей „циммервальдизма“ вредна и интересам национальной обороны, и самому социализму.

Однако, это выступление осталось без всякого результата.

В декабре 1915 г. в Париже состоялся социалистический конгресс. На нем присутствовали представители от 24.638 членов партии. Принятые съездом резолюции не отличались от тех, которые были приняты на предшествующих съездах. В постановлениях съезда рекомендовалось голосование за военные кредиты и предлагалась согласованность действий при баллотировке как в парламенте, так и в секциях: это уже являлось указанием на то, что в партии существовало некоторое разногласие. Однако, постановления съезда вотировались подавляющим большинством.

В это время в жизни Ф. наступал перелом. Громадные потери, нанесенные войной, непрекращавшиеся мобилизации, рост дороговизны и трудность существования заставили задуматься народные массы, которые до этого времени верили, что война будет непродолжительной.

После разоблачения некоторых тайных договоров, недовольство еще увеличилось, и народ стал отдавать себе отчет в том, что в силу этих тайных договоров мировая война может затянуться на бесконечно долгое время. Огромные состояния, которые наживались спекулянтами у всех на глазах, возбуждали у рабочих ненависть к капиталистическому строю и недовольство правительством. В это время революционное „меньшинство“ укрепило свои позиции, и „военный социализм“ поневоле должен был начать отступление. Руководящие органы партии также начинают раскалываться надвое. Четыре члена административной комиссии отказались вотировать резолюции против федеральных газет Лиможа, Тулузы и Гренобля, которые критиковали последний конгресс. Многие федерации открыто выступают с критикой Международного Социалистического Бюро и упрекают его за то, что оно не выполнило своей миссии.

В апреле 1916 г., среди всеобщего возбуждения, состоялась сессия Национального Совета партии. При этом произошла большая неожиданность. „Меньшинство“ собрало 960 голосов, когда вотировали резолюцию, предложенную „большинством“; „большинство“ собрало 1996 голосов. Эта резолюция была всецело направлена против тех, кто требовал восстановления международных сношений между секциями различных стран: „Никакой международный съезд в данный момент не желателен и не будет иметь авторитета до тех пор, пока различные секции Интернационала не созовут своих национальных съездов. На этих съездах надлежит публично заявить свое отношение к вопросам, поставленным войной, в особенности к вопросу об ответственности за начало войны, и обеспечить гарантии, которые должны требовать социалисты, чтобы обеспечить продолжительный мир“. Помимо этих заявлений, в резолюции заключались угрозы, направленные против меньшинства. Подтверждая постановление административной комиссии, резолюция напоминала членам партии, что созданием внутривнутрипартийных органи-

заций они нарушают уставы партии, под контролем которой они находятся“.

Этот параграф был направлен специально против „циммервальдистов“ и против „Комитета защиты международного социализма“, который только что образовался.

Резолюции „большинства“, защищаемой Реноделем, депутатом департамента Вар, „меньшинство“ противопоставило свою резолюцию, которую подписали, наряду с другими, Лонге, депутат департамента Сены, и Пресманс, депутат департамента Верхней Вьенны. В этой резолюции выставлялось требование немедленного возобновления сношений между секциями Интернационала.

В апреле собралась Кинтальская конференция. На ней присутствовали три французских депутата-социалиста: Александр Блан, Бризон д'Алье и Раффен-Дюжан. Она явилась продолжением Циммервальдской конференции. В первой резолюции, которая была принята на этой конференции, было вынесено осуждение „националистическому социализму“. Затем было выставлено требование амнистии и усиления деятельности для низвержения капитализма. Вторая резолюция содержала нападки на тактику Международного Социалистического Бюро, которое отказалось созвать пленарное заседание, и председатель которого, Вандервельде, принял пост министра.

Административная комиссия французской партии полагала, что не может обойти молчанием это событие. Она публично заявила, что никто не был уполномочен быть представителем французской социалистической партии в Кинтале; затем 11 голосами против семи была принята резолюция, в которой предлагалось тем федерациям, членами которых были кинтальские делегаты, принять против них необходимые меры.

Этот вопрос бы снова поднят на августовской сессии Национального Совета партии. 1914 голосами против 972 воздержавшихся совет партии высказался против „опасного циммервальдского и кинтальского раскола“. Мало того, совет партии считал противным духу социализма отрицать

право самозащиты за страной, которая подверглась нападению. В другой резолюции заявлялось, что партия должна продолжать оказывать полную поддержку делу национальной защиты. Меньшинство, представлявшее, как видно из указанных выше цифр, добрую треть всех делегатов съезда, требовало, со своей стороны, чтобы партия начала кампанию за немедленный мир без аннексий и контрибуций и за немедленное восстановление международных сношений. Меньшинство настаивало также, чтобы партия потребовала от правительства опубликования военных целей Ф. и ее союзников.

Национальный съезд партии был созван в декабре 1916 г. Он был отмечен новыми успехами „меньшинства“. „Меньшинство“ разослало предварительно циркуляр, подписанный 31 депутатом парламента.

В нем критиковалось участие социалистов в правительстве и указывалось, что это участие компрометирует социализм. „Черный и Желтый Интернационалы могли быть созданы в данный момент, говорилось в циркуляре, но рабочий Интернационал никак не может восстановить свою деятельность, а между тем рабочим надлежит также выработать свои условия мира“.

На съезде произошли оживленные прения. „Большинство“, главными ораторами которого были Рендель, Жюль Гед и Леба, поддерживало резолюцию, в которой указывалось на последовательность партийной политики, диктуемой двойным чувством долга перед страной и рабочим классом. В резолюции говорилось, что партия тотчас же перестанет стоять за войну, как только Германия заявит, что она согласна прекратить военные действия и заключить мир на основе признания принципа права. В резолюции выражалось также одобрение деятельности парламентской группы.

Резолюция „меньшинства“ была составлена в следующих выражениях: „Конгресс заявляет о своем решении продолжать политику, согласную с интересами пролетариата, как это было определено в постановлении Амстердамской конференции, в договоре об

единстве и в резолюциях международных социалистических конгрессов“.

Таким образом, съезд пригласился порвать связь с „министериализмом“ и отказаться от сотрудничества с правительством. Однако, за первую резолюцию, предложенную „большинством“, было подано 1603 голоса, а за резолюцию, предложенную „меньшинством“ только 1348. Голосование резолюции по вопросу о возобновлении международных сношений дало еще более благоприятные для „меньшинства“ результаты.

За резолюцию „большинства“, — предлагавшую отложить созыв Интернационала до того момента, когда немецкие социал-демократы доставят в Международное Социалистическое Бюро резолюции, принятые на съезде и выясняющие их отношение к своим правительствам, отказывающимся определить их условия мира, — было подано 1537 голосов. За резолюцию „меньшинства“, требовавшую немедленного созыва Международного Социалистического Бюро, было подано 1467 голосов.

Таким образом, расхождение между двумя фракциями французской социалистической партии становилось все больше и больше, и „большинство“ видело, как таяли его ряды. Перед партией продолжали стоять два вопроса: вопрос о дальнейшем участии социалистов в правительстве и вопрос о полном отсутствии каких бы то ни было сношений между социалистами воюющих стран. Оба эти вопроса были тесно спаяны друг с другом. На самом деле, до тех пор, пока французский пролетариат (точно так же, как и пролетариат других стран) оставался прикованным к своей буржуазии, он не мог через объятый пламенем фронт вести борьбу за международное объединение рабочих.

После парижского съезда в административную комиссию партии вошли новые представители „меньшинства“; это были Бешар, Делепин, Живер, Гуд, Гурдо, Гранвале, Жан Лонге, Мистраль, Муре, Поль Луи, Верфель. Против этих одиннадцати представителей „меньшинства“ стояли тринадцать делегатов „большинства“: Альберт

Тома, Брак, Камелина, Дормуа, Дюбрейль, Жерар, Гэд, Элье, Леви, Пуасон, Ренодель, Селье и Самба. Борьба между этими двумя группами не прекращалась.

Голландские члены Международного Социалистического Бюро предложили в январе 1917 г. созвать пленарное заседание Бюро. Это предложение было отклонено 13 голосами против 11. Национальный Совет в марте снова отклонил, как антисоциалистические, резолюции Циммервальда и Кинтала, однако, резолюции по этим вопросам не собрали большинства голосов присутствовавших.

Все эти события происходили как раз накануне русской революции, мировое влияние которой было необычайно велико. Эта революция привела в замешательство старые социалистические партии. Громкий взрыв энтузиазма охватил французские массы при известии о победе русской революции. На революцию в России смотрели, как на начало новой эры, как на провозвестницу близкой мировой революции.

25 марта федерация Сены шлет русским революционерам свой привет и выражает свое восхищение перед всеми, кто подготовил и обеспечил освобождение России. В конце апреля Гюисманс, секретарь Международного Социалистического Бюро, объявил о созыве Международной социалистической конференции, назначенной на 15 мая в Стокгольме. 13 голосами против 11 административная комиссия французской партии отклонила это предложение и в то же время она решила, что Национальный Совет партии соберется 27 мая, чтобы обсудить быстро развивающиеся события. Но 1-го мая „Газета Народа“, в которой сотрудничали представители меньшинства, опубликовала призыв Комитета Защиты международного социализма, предлагая созвать конференцию „меньшинства“. Большинство административной комиссии выступило в ответ на это с обвинением меньшинства в том, что оно создает новую организацию внутри партии без санкции партии.

„Меньшинство“ на это возражало, что 4 депутата „большинства“: Камен, Тома, Муте и Лафон, отправились в Россию, не имея на то полномочий от партии. Конференция „меньшинства“ собирается 8 мая и высказывается за участие на Стокгольмском съезде. Национальный Совет партии открывает свои заседания в самый разгар стачечного движения в Париже, когда настоящий революционный порыв охватил массы. Камен и Муте, вернувшиеся из России, заявили, что русские революционеры требуют созыва Интернационала и что Стокгольмская социалистическая конференция послужит подготовкой к этому конгрессу.

Приверженцы тактики „большинства“, видя свое бессилие, единогласно решают присоединиться к требованию русских Советов рабочих депутатов о созыве конференции в Стокгольме. Было решено, что французская партия пошлет в Стокгольм свою делегацию. Это решение было первым крушением военного социализма.

Французское правительство отказало делегатам в выдаче паспортов. В это время намечался также созыв междусоюзнической социалистической конференции. Часть депутатов, стоявших на позиции „большинства“, внесла предложение, чтобы в порядок дня конференции был внесен вопрос об ответственности за войну. Это предложение было отвергнуто. Но на самой этой междусоюзнической конференции представители „большинства“ снова подняли этот вопрос, но и на этот раз они потерпели поражение.

С своей стороны, „кинтальцы“ отделались от другого „меньшинства“, представителем которого был Жан Лонге. Конференция приняла предложенную Мак-Дональдом резолюцию о необходимости участия в Стокгольмской конференции, на которую должны быть допущены и представители „меньшинств“.

Несколько позднее во Ф. произошло одно важное событие. Кабинет Рибо, в котором был министром Альберт Тома, вышел в отставку (7 сентября). Перед партией снова встал вопрос об участии в правительстве. Должны ли социалисты вступать

в министерство, если им будет сделано предложение? По этому поводу административная комиссия и парламентская группа собрались на совместное заседание. „Большинство“ решило войти в переговоры с новым председателем совета министров; но, в конце концов, партия отказалась участвовать в правительстве.

* * *

Очередной съезд партии открылся в Бордо через месяц после того, как был ликвидирован министерский кризис. Партия стояла теперь перед новой политической ситуацией. Тем не менее одна из фракций французского социализма продолжала отстаивать безоговорочное голосование за военные кредиты. Эта фракция провела на съезде свою резолюцию, предложенную Реноделем, и собрала 1552 голоса. За другую резолюцию, — в которой выражалось согласие на участие в Стокгольмской конференции, принципиально отвергалось участие в правительстве и предлагалось депутатам голосовать за военные кредиты до того момента, когда правительство отклонит сделанные ему приемлемые условия мира, был подан 831 голос. Резолюция, предложенная Бризоном, отклонявшая участие социалистов в правительстве и запрещавшая голосование за военные кредиты, собрала лишь 385 голосов, и, наконец, резолюция, предложенная „книтальцами“, собрала всего лишь 188 голосов.

В общем, хотя съезд и выказался единодушно за созыв Международного Социалистического Конгресса, каждая из фракций шла на него со своей особой точкой зрения. Несмотря на все разногласия, „большинство“ тем не менее одержало победу и на этот раз, благодаря выходу из правительства — выходу в глазах большинства никоим образом не окончательному.

В это время во Ф. у власти встал Клемансо. Реакция усилилась. Роялисты и бонапартисты стали играть роль, о какой они раньше не смели и мечтать. Начались большие политические процессы. Подавление рабочих волнений принимает все более и более жестокий характер. Пред-

седатель совета министров отказывает в выдаче паспортов в Россию. Октябрьская революция вызывает в правительственных кругах Ф. резко отрицательное отношение, которое все усиливается. Французской буржуазии кажется, что против такой революции все средства хороши.

В феврале 1918 г. собрался Национальный Совет партии. Снова разгорается борьба по вопросу о военных кредитах. Будут ли представители партии в парламенте голосовать за военные кредиты после того, как в Брест-Литовске раздались призывы ко всеобщему миру, на которые не дано никакого ответа? 1548 голосов высказалось за то, чтобы продолжать голосование за военные кредиты, и 1415 голосов высказались против. Но это была уже последняя победа „большинства“.

Следующее заседание Национального Совета партии было созвано в конце июля 1918 г., в тот момент, когда соотношение воюющих сил изменилось, и германские армии были в полном отступлении. В это время против „L'Humanité“ — партийного органа, находящегося в руках „большинства“, выдвигается газета „Le Populaire“, орган „меньшинства“ (Лонге, Поль Фор, Поль Луи, Рену). „Le Populaire“ скоро завоевала симпатии у парижских рабочих, и ее тираж достиг большой цифры. Резолюция меньшинства (Лонге), требовавшая от правительства точного определения мирных условий и порицавшая всякую попытку вооруженного вмешательства в русские дела, собрала 1544 голоса, в то время, как за резолюцию „большинства“, предложенную Реноделем, высказалось только 1172 голоса и за книтальскую резолюцию — 152 голоса. Потерпевший поражение Ренодель выходит из состава редакции „L'Humanité“.

В момент следующего собрания Национального Совета в октябре 1918 г. партия насчитывала 34.063 члена (более на 6.000 человек, чем в предыдущий год). Весь мир думает только о мире. Партия высказывает одобрение политике Вильсона, который только начинает с нею выступать. На этот

раз „меньшинство“, имея 1528 голосов, укрепляет свое преобладающее влияние в партии. Экс-„большинство“ собирает 1212 голосов; небольшая группа „центра“ (Блюм, Кашен и др.) насчитывает всего 128 голосов,

Национальный Совет, руководимый прежним „меньшинством“, высказывается за восстановление Интернационала, против участия в правительстве, против всякого враждебного действия, направленного на подавление русской революции. Бывшее „меньшинство“ берет в свои руки управление партией. Фроссар избирается генеральным секретарем, а Кашен, „центрист“—становится главным редактором „L'Humanité“. Экс-„большинство“ выступает с рядом обвинений против нового состава административной комиссии партии, но административная комиссия, не обращая внимания на эти обвинения, приветствует перемирие и германскую революцию и порицает преступное вмешательство французского правительства в русские дела. В общем, новое „большинство“ заняло почти такую же позицию и держалось почти такой же тактики, какой придерживалась партия перед 1914 г. Разница была только та, что мировое положение было иное, чем до 1914 г. Теперь почти везде поднималась революционная волна, и вследствие этого перед французским пролетариатом, как и перед пролетариатом других стран, стояли более сложные и широкие задачи, требовавшие срочного разрешения.

III. После войны.

Семилетний период с момента заключения перемирия до настоящего времени был беспокойным и хаотичным—во Ф., как и везде. Война внесла огромное опустошение в народную жизнь; но тяжкие мирные договоры, продиктованные победителями в Версале, Сен-Жермене, Трианоне, Нельи и Севре и рассчитанные лишь на то, чтобы раздавить противника, создают положение вещей не менее грозное, чем сама война. Вновь накаплиются

благоприятные условия для конфликтов; множатся ирредентистские движения. Брошенные на ветер формулы, например—о правах наций на самоопределение, ни для кого не пропали даром. Уже начинают пробуждаться народы Востока; чувствуется возбуждающее и распатывающее влияние русской революции; глубокие потрясения вызываются полуреволюциями в Германии, Австрии и Венгрии. Никогда не наблюдалось подобной политической и социальной неустойчивости. Французский милитаризм, французская дипломатия и французский консерватизм играют первенствующую роль в послевоенных событиях,—стоит лишь вспомнить о переговорах между Антантой и ее бывшими противниками или о реакционных попытках, направленных против Советской России.

Прошлое не знало колебаний, характеризующих современное состояние промышленной, коммерческой и валютной неустойчивости. Старая теория кризисов превзойдена, преодолена и упразднена необычайным ускорением их ритма в ходе современных событий. Как Ф., так и остальная Европа оказываются в этот период свидетелями жесточайшего краха. Он отмечен резким сокращением товарообмена, катастрофическими колебаниями цен и понижением заработной платы. Впрочем, промышленный кризис во Ф. значительно меньше английского потому, что процент промышленного населения во Ф. остается ниже соответствующего процентного отношения по ту сторону Ламанша.

Капитализм трещит по всем швам. Начинает казаться, что у него уже не хватает сил для восстановления своей нормальной активности, и что необычайные скачки в экономике возвещают приближение новой эры.

И тем не менее, во Ф. реакция оказывается способной бороться против революционных угроз. У власти становится сперва национальный блок, управляющий в интересах крупной буржуазии, аграриев и промышленных трестов; затем, после выборов 1924 года начинается фаза преобладания радикалов-социалистов, во время которой правящему классу удается

охранять и спасать свои привилегии, благодаря пособничеству, соучастию или пассивности так называемых демократических партий. Формы буржуазной самозащиты видоизменяются с чередованием различных этапов, но она осуществляется с неизменным упорством и настойчивостью. Что касается пролетариата, то он переживает в шестилетие с 1919 по 1925 г. период большого кризиса, о котором мы постараемся рассказать с максимальной объективностью; и обнаруживающиеся в его среде разногласия по вопросам политической и профессиональной жизни помогают имущим классам усилить свои позиции и обеспечить себе неожиданную и изумительную победу — победу без завтрашнего дня, потому что процесс экономической эволюции, перипетии французской истории и истории мировой быстро подтачивают устои существующего строя. Но ни консерваторы, ни радикалы, стремящиеся спасти эти устои (т.-е. прежнюю концепцию классового государства), ни социалисты, желающие подкопаться под эти устои, чтобы подготовить иной правопорядок, не замечают мощных революционных сил, действующих в современном обществе. Одни верят в незыблемость этого общества; другие думают, что для того, чтобы его изменить, нужны десятки и десятки лет. Вот почему эти социалисты играют в руку консерватизму. Они ясно обнаруживают эти тенденции, вотируя за государственный бюджет.

По своему населению послевоенная Ф. близко напоминает Ф. перед войной. Мы хотим этим сказать, прежде всего, что общее число жителей в ней остается почти тем же, несмотря на присоединение Эльзас-Лотарингии. В 1921 г. у нее было даже на 400.000 чел. меньше, чем в 1911: в 1911 г. — 39.600.000 и 39.200.000 — в 1921. Но ведь она потеряла сотни тысяч людей на полях сражений, и некоторые области обезлюдели в результате войны.

Более того, сельское население, несмотря на то, что оно было особенно затронуто войною, остается весьма сильным; причем продолжают сохраняться все основные соотношения. Оно составляло 57,9% в 1906 году,

55,8% — в 1911 и 53,6% — в 1921 году, во время последней переписи. Считают, что было убито 600.000 земледельцев. Однако, уход из деревни в город был менее чувствительным, чем казалось. Города выросли, в особенности, благодаря приливу иностранцев, число которых, по данным 1925 г., превосходило 3 миллиона, — главным образом: итальянцев, испанцев, бельгийцев, люксембуржцев, поляков и чехо-словаков. Напр., среди углекопов в деп. Нор и Па-де-Кале насчитывается 100.000 иностранцев; на разработках железной руды в деп. Мерты-и-Мозеля имеется большое число рабочих, пришедших из северной Италии.

Наоборот, средний класс во Ф. переживает в этот период кризис необычайной интенсивности, что является фактом большого значения, так как этот средний класс был виновником буржуазных революций 1830 г., 1848 г. и 4 сентября 1870 г. Он был самой прочной основой демократической и капиталистической республики; теперь он стал подвергаться процессу быстрой пролетаризации. Жизнь, тяжелая для работников ручного труда в собственном смысле, сделалась еще тяжелее для работников умственного труда, работа которых стала оплачиваться значительно ниже довоенного уровня. Мелкая буржуазия подверглась жестокой экспроприации там, где мелкой индустрии еще удавалось себя отстоять. Так, явным образом понизился реальный заработок чиновников, составлявших значительную часть этого класса. Рантье и пенсионеры оказались не в состоянии жить на свои нормальные ресурсы. Тот, кто двенадцать лет тому назад имел на 3.000 фр. ренты или пенсию в 1.500 фр. и таким образом достиг реализации своей давнишней мечты, превратился теперь в обладателя менее, чем 780 фр. ренты и менее, чем 375 фр. пенсии, — если принять во внимание обесценение денег. Он возвратился, следов., в ряды пролетариата и имел иногда более оснований для жалоб, чем подлинный пролетарий, потому что, состарившись или переутомившись, он оказался прикованным к своему жребию, не имея возможности бороться с надеждой на успех. Он пере-

шел в ряды недовольных; он потерял для социального консерватизма и для традиционной демократии, для которой он был одной из опорных точек и которая обладала миллионами опорных точек этого рода.

Французская индустрия в этот период делала необычайные скачки. То богатая и счастливая, то стоящая под угрозой катастрофы, она тем не менее шла, непрерывно прогрессируя, все к большей и большей концентрации. Благодаря колебаниям франка, трудно измерить национальное богатство страны. Согласно статистическим расчетам американских банковских деятелей, оно достигло в 1924 г. 58 млрд. долл., т.-е. почти равнялось национальному богатству перед войной; но доллар, который стоил 5,15 фр. в 1913 г., превышал 23 фр. в 1925 г. Ежегодный доход, исчисляемый на 1924 г. в 7 млрд. долл., почти не изменился, хотя территория Ф. и увеличилась, благодаря присоединению Эльзас-Лотарингии.

Специалисты по сельскому хозяйству говорят, что земельный капитал, оценивавшийся в 1913 г. в 62 млрд. фран., или 12 с дробью млрд. долл., в 1923 г. оценивался в 110 млрд. фр., или 6,6 млрд. долл., иными словами, — понижался вдвое; однако, эти цифры не вполне надежны, и выводы, по-видимому, преувеличены. Тем не менее, во всяком случае можно утверждать, что индустриальный и финансовый капитал вырос реально, за счет капитала сельскохозяйственного. Это легко заметить, если бросить взгляд на статистику обрабатываемой площади земли и сельскохозяйственной продукции.

Пшеница занимала в 1913 году 6.542.000 гект., в 1923—5.533.000 гект.; другие хлеба: 1913 г.—7 миллионов гект., в 1923—6.800.000 гект. картофель—1.548.000 и 1.451.000; свекловича—249.000 и 162.000. Таким образом, только для одних этих категорий имело место уменьшение более, чем на 1.350.000 гект. Производительность на гектар в период с 1913 по 1923 г. также упала: для пшеницы—с 13,28 квинтала до 12,51*) (в 1923 г.); для овса—

с 13,22 до 12,17. Цена квинтала пшеницы поднялась с 27 до 79 фр., а цена квинтала овса—с 21,78 до 63,15 фр., но это увеличение не соответствовало увеличению курса золота.

Нельзя считать абсолютной истиной непомерное обогащение французского крестьянина в течение военного и послевоенного периода. Этот крестьянин, бывший одним из крупных покупателей государственных займов и купивший банковские билеты, должен был страдать от обесценения тех и других, а также от обесценения ренты. Правда, можно было констатировать, что многие арендаторы к 1919 г. стали собственниками и что некоторое количество владений было очищено от ипотеки; но уже давно обнаружилось и обратное движение, и приходится лишь сожалеть, что статистика не дает возможности составить точное представление о ходе фактов.

Достоверным можно считать то обстоятельство, что главные отрасли промышленности: копи, металлургия, машиностроение, текстильное и химическое производства, продолжали увеличивать свои капиталы и концентрировать свою деятельность. Угольный и железодобывательный комитеты предполагают в настоящее время средствами, значительно большими, чем до войны. Угольные бассейны (оставляя в стороне реаннексированную Лотарингию) занимают в настоящее время на 80.000 шахтеров более, чем в 1913 г.; здесь мы имеем, таким образом, увеличение на 40%. Также весьма заметно увеличились контингенты железнодорожников и кадры работников кредитных учреждений.

Точными данными мы располагаем, далее, относительно французской внешней торговли. В 1913 г. ввоз во Ф. оценивался в 8,4 млрд., вывоз—в 6,9 млрд. фр.; всего—15,3 млрд. В 1922 г. общая стоимость внешней торговли достигла 45,2 млрд. в 1923—63 млрд. и в 1924—81,5 млрд. Даже если принять во внимание, что франк упал ниже четверти своего довоенного курса, все-таки придется констатировать, что результаты 1924 г. на треть превосходят результаты 1913 г. Годы 1923 и 1924 были благоприятными для

*) Она поднялась в виде исключения в 1925 г., но, как известно, в этом году повышение можно было констатировать по всей Европе.

промышленного и торгового капитала во Ф. однако, процветание этих лет является, прежде всего, искусственным потому, что инфляция и обеспечение денег позволили экспортерам расширить свои рынки, и, следовательно, в любой момент оно может смениться периодом депрессии, тем более, что экономические колебания становятся все шире и быстрее.

Период господства национального блока занимает 55 месяцев внутренней истории Ф.—и даже более, потому что в него должен быть включен и режим Клемансо. Выборы 1919 г., проведенные с применением поддельного пропорционального представительства, дали социалистам всего 67 мест, тогда как по справедливому математическому принципу они должны были иметь 100 мест или более. Основное ядро палаты вышло из среды шовинистической и консервативной буржуазии, преданной интересам крупного землевладения, крупной индустрии, крупной торговли и банков. Во внешней политике этот период характеризуется жестоким и бесплодным применением Версальского договора; умножением военных союзов и предоставлением больших займов второстепенным государствам — вассалам Ф.; оккупацией Рура и вооруженной интервенцией против Советской России, когда Врангель нашел у парижского правительства ту же поддержку, которую ранее у него получали Деникин, Юденич и Колчак. Ф. национального блока была как бы главой нового Священного Союза, но направленного не против Запада, а против Востока. Внутри страны это был режим подавления рабочего класса, ограничения приобретенных свобод; режим полицейского сыска, заключения в тюрьмы беспокорных элементов, вмешательства армии в стачки и фискальной политики, тем сильнее давившей на слабых, чем больше она шадила сильных. В результате этой политики на государственный долг выросло к 1924 г. около 19 млрд. недоимок. Тресты обирали народную массу под защитой государства, потому что оно,

хотя и угрожало постоянно монополистам и слишком жадным посредникам, никогда не било по ним. Господствующая олигархия, напуганная событиями 1918 — 1919 г.г., но победоносно выбравшаяся из опасного испытания, прибегла к репрессиям и к беззастенчивому подавлению своих противников. Ее погоня за наживой, ее жажда наслаждений, ее безумная спекуляция пользовались полной свободой. Накануне выборов в мае 1924 года, чувствуя, что против нее нарастает общественный гнев и презрение, она попыталась возобновить махинации 1919 г., выбросив на борьбу огромные суммы денег; на этот раз она потерпела поражение, но это поражение было более видимым, чем реальным.

Прежний национальный блок был раздавлен. Новая палата насчитывала 27 коммунистов, 106 социалистов, 3 социалистов-коммунистов — вдвое более числа мест, которое бывшая объединенная социалистическая партия получила в 1919 г. Радикалы и радикалы-социалисты также выиграли, со своей стороны, значительное количество мест. Было очевидно, что прежний состав лиц, стоявших у власти, все эти Пуанкаре, Мильераны, Жаино, Ластери, Франсуа-Марсали, Лейги и пр. должны сойти со сцены. Но в то же время было не менее очевидно, что среди избранных 11 мая 1924 г. радикалов было не мало членов национального блока, которые лишь переменили лица и этикетки. Правительство группы, объединившейся вокруг Эррио при поддержке социалистов — в дальнейшем мы познакомимся с ображениями социалистической партии на этот счет — столкнулось со следующими крупными вопросами:

1. Продление или немедленное прекращение оккупации Рура, т.-е. Вестфальского промышленного бассейна?

2. В фискальной политике: уничтожение „двойной десятой“ (против которой во время господства национального блока боролись радикалы и социалисты, потому что она давила на потребителя) или укрепление прежней системы? Всеобщий пересмотр бюджета с уменьшением косвенных налогов и усилением прямых — или

продолжение практики национального блока, который прибегал к займам, чтобы избежать обложения состоятельных классов?

3. В социальной политике: будут ли восстановлены в служебных правах железнодорожники, уволенные из-за железной стачки 1920 г.? Будут ли признаны профессиональные союзы чиновников?

4. В колониальной политике: какой линии поведения следует придерживаться в Марокко и в Сирии, где сконцентрированы крупные военные силы?

Кабинет Эррио во всех вопросах — в указанных только что, равно как и во всех прочих — старался не возбудить против себя недовольства буржуазии, и хотя он нередко говорил иным языком, чем национальный блок, на практике он придерживался той же линии поведения. Он весьма долгое время не эвакуировал Тура; он сохранил „двойную десятую“; он не затрагивал фискальной системы или старался ее не затрагивать вплоть до того часа, когда оказался на краю банкротства; он отступил перед железнодорожными компаниями и nepотребовал массового возвращения железнодорожников; он фактически признал профессиональные союзы чиновников, — по крайней мере, некоторые из них, — но не провел никаких законов, чтобы санкционировать их права; он провоцировал восстание риффов, оккупировав северный край бассейна Уэрги. Он не провел ни одной из обещанных им мер против купцов, которые грабили казну в разоренных районах, и против торговцев, создававших дороговизну. Правда, когда Эррио уходил со своего поста перед лицом оппозиции сената в апреле 1925 г., передавая председательство в совете министров Пэнлеве, крупная буржуазия испустила более криков, чем она получила ударов. Но было бы грубой ошибкой думать, что блок радикальной и социалистической партий напал на самый строй. Радикалы и социалисты проектировали лишь частичные реформы, которых они, однако, не осмелились осуществить. Хотя они и прогнали Мильерана на следующий день после парламентских выборов с президент-

ского места, они не смогли провести в Елисейский дворец Пэнлеве, которого они тогда считали своим человеком, и место было занято Думэргом. И затем, когда Пэнлеве занял председательское место в совете министров, они пришли к тому мнению, что французская политика эволюционирует вправо. Пэнлеве попытался вернуться к „священной коалиции“, стараясь использовать войну с риффами, которая разразилась в момент его прихода к власти. Он призвал в свой кабинет, помимо Кайо — осужденного в свое время Верховным судом, — людей в роде Бриана и Стага, которые более или менее осторожно служили национальному блоку, и социалисты — они тоже — вначале поддержали своими голосами марокканскую кампанию, возвращаясь, таким образом, к „священной коалиции“ эпохи войны. Левые партии немало торжествовали по поводу коммунальных выборов в мае 1925 г. и по поводу кантональных выборов в июле 1925 г., но буржуазия укрепилась у власти или думала, что укрепилась; и, чтобы избежать банкротства и обложения капитала, перед лицом бюджета в 36 миллиардов фр. (номинально, более чем в шесть раз превосходящего бюджет 1913 г.), Кайо решил прибегнуть к займу по твердому курсу, санкционируя, таким образом, обесценение франка*).

В конечном итоге, промышленные картели, крупные банки и крупная торговля, благодаря соучастию парламентских деятелей, сумели обернуть в свою пользу выборы 1924 г., которых, впрочем, никто не приветствовал с наивным оптимизмом, как преддверие больших перемен.

В течение этого периода 1919—1925 г., как при режиме национального блока, так и при главенстве обидливых левых партий, жизнь продолжала сильно дорожать. 1920-й год отмечен максимумом; вслед за тем имел место весьма резкое понижение цен, во за ним последовал новый период вздорожания, особенно значительного в 1924—25 г. Причины этого вздорожания весьма многочисленны: обесценение франка, который в 1923 г. стоял ниже трети, а в 1925 г. — ниже четверти своей стоимости; увеличение прямых и косвенных налогов, неизменно отразившееся на ценах; алчность производителей и поставщиков и т. д.

* Вскоре после того, как были написаны эти строки, произошел министерский кризис: после крушения займа Пэнлеве реформировал свой кабинет, устранив Кайо (29 октября 1925 г.).

Для Парижа, по данным общей статистики, стоимость гривендана определяющих видовых товаров выражалась по отношению к 1914 г.: в июле 1918 г.—203%, в январе 1919 г.—243%, в июле—261%, в январе 1920 г.—290%, в июле—373%, в декабре—424%, в июле 1921 г.—512%, в декабре—323%, в мае 1922 г.—327%, в декабре—305%, в мае 1923 г.—325%, в декабре—365%, в августе 1924 г.—366%, а августа 1925 г.—423%. Но эти индексы относились лишь к пищевым продуктам. В расчет не входили ни одежда, ни хозяйственные принадлежности, ни отопление, ни издержки по передвижению и т. д. Цены, удвоившиеся с 1914 по 1919 г., вновь удвоились с 1919 по 1925 г.

Министерство труда провело анкету относительно вздорожания месячного содержания для одинокого рабочего (питание и квартира). Стоимость такого содержания в сравнении с предвоенным периодом поднялась: в г. Бурге—с 65 фр. до 390 фр.; в Лаве—с 90 до 540; в Ницце—с 75 до 525; в Монлюсон—с 75 до 325; в Шаранвилле—с 57 до 450; в Нарбонне—с 55 до 285; в Марсели—с 75 до 390; в Ангулем—с 67 до 300; в Лионе—с 85 до 360; в Периге—с 75 до 285; в Шартре—с 80 до 345; в Тулузе—с 77 до 300; в Сетте—с 67 до 315; в Ренне—с 71 до 280; в Сен-Мало (в том же департаменте)—с 75 до 420; в Шатору—с 60 до 360; в Гренобле—с 77 до 360; в Блуа—с 70 до 360; в Нанте—с 80 до 300; в Алжире—с 70 до 330; в Алжире—с 60 до 350; в Реймсе—с 70 до 425; в Нанси—с 75 до 325; в Мобеже—с 67 до 400; в Аррасе—с 75 до 345; в Лионе—с 80 до 465; в Маве—с 67 до 255; в Руане—с 55 до 300; в Аньенне—с 56 до 450. Этот перечень показывает, что вариации индексов являются весьма значительными; во многих случаях перед нами более чем учетверение, в других дело идет об увеличении в 6 и более раз.

Перейдем к заработной плате. Объединение металлургической и горной промышленности, механических заводов и пр. (хозяйская организация)—опубликовало отчет о заработной плате, выдававшейся входящими в него предприятиями в 1924 г. Из этого отчета вытекает, что квалифицированные рабочие получали, в среднем для всей Ф., 3,29 фр. в час; все взрослые рабочие, независимо от квалификации,—2,91 фр. По данным анкеты, проведенной иррами и промышленными судами, подневная заработная плата в Париже поднялась за время с 1914 по 1924 г., смотря по производству, от 233 до 393% (минимум и максимум). Иными словами, для многих отраслей она не учетверилась. Например, подневный заработок кузнеца поднялся с 10 до 36 фр., плотника—с 9 до 30, каменотеса—с 9 до 32. В остальной Ф. заработная плата поднялась на 377%. С 4,61 фр., в среднем, перед войной, она поднялась до 22 фр. в 1924 г.— Однако, доступные каждому факты показывают, что эти указания анкеты преувеличены. Но если даже полагать их правильными, то и тогда придется признать, что заработная плата отставала от кривой повышения стоимости паншона.

Правно здесь дело идет исключительно о рабочих. Обследование заработной платы чиновников и служащих, доведенные, правда, только до 1923 г., дают следующие результаты. К этому времени стоимость жизни более чем утроилась; служащие же, которые получали до войны от 2400 до 2700 фр., теперь имели от 7000 до 7900 фр., т. е. им не удалось достичь повышения жалования, соответствующего вздорожанию жизни. Что касается чиновников, то только наиболее скудно оплачиваемые из них достигли утрения своего вознаграждения; жалование промежуточных категорий едва удвоилось.

В общем, вздорожание жизни не компенсировалось увеличением жалования и, во всяком случае, оно всегда обгоняло повышение последнего. Вздорожание жизни вызвало не повышение заработной платы: на самом деле имелось место обратное явление.

В период 1918—1925 г. французское рабочее законодательство не было особенно изобильным. Если оставить в стороне закон о синдикатах, к которому нам придется еще вернуться, единственный акт первостепенной важности, который был издан за это

время, это—закон о восьмичасовом рабочем дне. Предварительный законопроект был вотирирован палатами вскоре после перемирия, когда рабочие массы наскоро сорганизовались и перешли в наступление по всей линии. Но со времени опубликования текста закона в „Официальной Газете“ 23 апреля 1919 г., крупные хозяева не переставали нападать на него, старались его обойти, требуя многочисленных изъятий, или настаивали на его пересмотре. И в действительности, он не применялся в большинстве промышленных областей; а на многих заводах 8 часов были заменены восемью с половиной, девятью, десятью, даже одиннадцатью часами. Инспектора труда закрывали на это глаза. Весьма нередко рабочие сами охотно шли на удлинение рабочего дня, который давал им увеличение заработной платы, освобождая их от необходимости добиваться этого увеличения путем борьбы. Хотя некоторые рабочие объединения были достаточно сильны для того, чтобы принудить предпринимателей соблюдать закон, другие уступали позиции, и таким образом установилось фактическое положение, которое вредило всему пролетариату. Ортодоксальные экономисты продолжали, даже вопреки официальной статистике, утверждать, что восьмичасовой рабочий день уменьшает продукцию. Они утверждали также, что он повышает издержки производства, хотя там, где закон применялся, повсеместно наблюдалось повышение часовой производительности.

На следующий день после окончания войны рабочим был обещан другой закон, который должен был охватить все формы социального страхования, тогда как до того лишь старость и несчастные случаи давали право на пенсию или на возмещение. Этот закон, весьма далекий от пожеланий трудящихся, прождав 5 лет, был, наконец, принят палатой накануне самых выборов 1924 г. Однако, с тех пор он был еще задержан в сенате, который стремится по возможности умалить предоставляемые им права.

Крупные предприниматели, организовавшие во Ф. наподобие своих

германских, скандинавских или английских коллег; снабжая обильными средствами кассы своих объединений; располагая солидно оборудованными бозвыми газетами и распространяя свое влияние на всю прессу,—борются шаг за шагом против этого социального законодательства, равно как и против требований повышения заработной платы. Они стремятся возложить на рабочий класс тяготы фискального обложения и вздорожания жизни, и им это легко удается, благодаря механизму капиталистического строя.

По данным министерства труда, на 1 января 1924 г. существовало 6210 предпринимательских синдикатов, объединивших 434.000 чл. На 1 января 1914 г. было 4967 синдикатов с 403.000 чл. Правда, вначале эти объединения не имели своей целью защиты классовых интересов; но с течением времени они превратились в боевые организации. Именно этот боевой характер отличает организации крупной индустрии: Объединение горной и металлургической промышленности, Комитет угольных предприятий Франции, Объединение синдикальных палат текстильного производства, Комитет военной промышленности, Всеобщую конфедерацию французской промышленности, Комитет торговли и промышленности республики.

Объединение горной и металлургической промышленности образовалось вокруг Комитета железнорудных заводов, который и остается душой объединения. Оно охватывает 75 синдицированных палат с 6743 членами, причем каждый из этих членов командует, в свою очередь, многочисленной группой лиц. Оно создало, между прочим, кассу взаимопомощи против стачек. Также и Комитет угольной промышленности установил у себя боевой фонд. Кроме того, все эти ассоциации находятся в контакте друг с другом и, идет ли дело о вмешательстве в пользу хозяев в экономической области в собственном смысле, или о том, чтобы надавить на политику, повлияв на избирателей или на палаты,—хозяйские объединения преобладают в тесном согласии друг с другом. Они финансировали, между про-

чим, реакционные и буржуазные партии в 1919 и в 1924 г. г.,—в союзе с крупными банками, страховыми обществами и транспортными компаниями.

В годы, последовавшие за окончанием войны, синдикальные рабочие организации обнаружили сперва значительный рост во Ф., равно как и в других странах. Демобилизованные солдаты массами вливаются в „федерации“, заставляя их внезапно раздвинуть свои рамки. Вновь пришедшие изменяют облик и дух рабочих группировок, требуя немедленного перехода к действию: серия наступательных стачек является показателем этого боевого настроения. Созидательные попытки и опыты реорганизации сопровождаются требованиями относительно заработной платы. Весной 1920 г. французский синдикализм достигает максимума своей качественной и моральной мощи. Но после крушения большой железнодорожной стачки начинается отлив. Кадры организованных рабочих подвергаются уменьшению. Их ослабление объясняется, впрочем, и экономическим крахом, который свирепствовал во всем мире и везде вызвал сокращение рабочих организаций. Но, кроме того, наличие в рабочем движении различных тенденций, затем раскол на ВРТ и на УВКТ и его непосредственные последствия также способствовали ослаблению рабочих союзов. Борьба между соперничающими организациями слишком часто предшествует социальной борьбе в собственном смысле слова, и каковы бы ни были стремления к перегруппировке (между прочим, совершенно нескрываемые), единство не восстановлено до конца 1925 г.

Юридическое положение рабочего синдиката за это время несколько изменилось. Пересматривая законы о союзах, парламентское большинство имело в виду отвлечь организованных рабочих от политических и социальных выступлений и направить их внимание на другие сферы деятельности. Закон 13 марта 1920 г., переделывавший закон 1884 г.—официальную „хартию“

рабочих объединений, — примыкал к закону 25 марта 1919 г. относительно коллективных договоров. Подобно этому последнему, он вызвал сильную оппозицию со стороны революционных рабочих.

Этот закон расширил экономическую компетенцию синдикатов, давая им право на целую серию новых видов деятельности. Его авторы надеялись, что рабочие синдикаты займутся внутриорганизационными и экономическими вопросами и будут менее думать о наступлении на капитализм. Закон предоставлял возможность свободным профессиям воспользоваться вытекающими из него правами, но намечал специальные статьи относительно чиновников. Вопрос о них был наиболее спорным, так как государство придерживалось традиции преследования административного синдикализма. В ожидании будущего, министерство заявило, что оно будет признавать status quo, но опыт показал, что это обещание не имело никакого определенного значения.

Законопроект, предусмотренный актом 13 марта 1920 г., был доложен палате 1 июня того же года, но, практически, он исключал истинный синдикализм; он распределял чиновников на несколько обособленных групп и запрещал им всякий контакт с рабочими массами. Он должен был установить для союзов подлинный драконовский режим. Но будучи встречен бурей негодования, он не был даже подвергнут дискуссии.

Гонения на синдикаты продолжались непрерывно с 1919 по 1924 г. Настоящее преследование началось в феврале и мае 1920 г., после двух железнодорожных стачек. Даже сама ВКТ была привлечена к суду, на предмет ее роспуска, и, в результате, была „распущена“ судом исправительной полиции Сены 12 января 1921 г. Однако, дело осталось для нее без реальных последствий. В этот период, когда правительство мало щадило и рабочие организации, особенно доставалось синдикатам чиновников.

В конце 1918 г. служащие почты, телеграфа и телефона решили пре-
вратить свою организацию в синдикат.

Их пример вызвал подражание, напр., у учителей, которые вотировали в принципе необходимость создания обширного синдиката и присоединения его к ВКТ. Чрезвычайный конгресс ратифицировал это решение. В мае 1920 г. федерация чиновников собралась на конгрессе, который объединил 200.000 членов и высказался за установление связи с ВКТ. В этот именно момент правительство выдвинуло указанный выше законопроект, и возбуждение возросло еще больше.

Тогда власть решается перейти в наступление. Она начинает преследования против организаций почтовых чиновников, служащих министерства финансов и министерства колоний и требует роспуска федерации учительских синдикатов. Но она наталкивается на мощное сопротивление, а ВКТ обещает свое содействие чиновникам общественных предприятий.

Во время министерств национального блока опасность угрожала всем ассоциациям синдикального типа, созданным государственными служащими. Федерация чиновников, которая объединяла все ведомства (ее конференция в 1921 г. представляла более 150.000 чл.), не отступила, однако, ни на один шаг.

Объединение левых партий обещало перед выборами 1924 г. санкционировать законом право чиновников на свой синдикат. Но этого закона, вероятно, еще долго придется ожидать, и если чиновники имели некоторую передышку в месяцы, следовавшие за выборами; если их делегации имели фактическую возможность предпринимать шаги даже перед министрами, — тем не менее преследования не замедлили возобновиться: правительство Пенлеве отказалось иметь дело с подобным синдикатом, в виду его тенденций, и некоторые синдикальные работники были временно удалены со службы за участие в демонстративной стачке в сентябре 1925 г.

Количество входивших в синдикаты рабочих, правильно возрастающее с 1904 по 1914 г. и упавшее в начале мирового кризиса, чтобы затем вновь начать подниматься, — быстро увеличи-

лось на следующий день после перемирия.

Как указано выше, цифры официальной статистики требуют ряда оговорок. Эти цифры показывали на 1920 г. 5283 рабочих синдиката с 1.581.000 членов,—на 437 синдикатов и 554.000 членов больше, чем в 1914 г. Один департамент Сены насчитывал 291.000 синдицированных рабочих, Нор — 166.000, Па-де-Кале—88.000. В организации входило 293.000 женщин. Среди отдельных союзов на первом месте шил транспортники грузчики с 508.000 членов, затем металлисты с 234.000, текстильщики—с 174.000, шахтеры—с 120.000, и строительные рабочие—с 146.000. На 1-е января 1920 г. насчитывалось 192 биржи труда с 2470 синдикатами и 832.000 членов. Однако, эти цифры решительно расходятся с данными союзных отчетов и с конфедеральными документами.

На сессии Национального Комитета ВКГ в январе 1920 г. число членских карточек, взятых различными федерациями, исчислялось в 2.400.000, т.е. на 800.000 превосходило цифру, указанную министерством труда. Впрочем, это было максимумом, потому что общее число членов быстро понизилось в период внутренней борьбы, который последовал за большой железнодорожной стачкой. Возникший в результате нее раскол также заставил многие и многие тысячи рабочих отойти, в ожидании перегруппировки. К концу 1920 г. было не более 1.300.000 членов Конфедерации, к концу 1921 г. состав ее опустился до своего минимума—550.000, чтобы вновь подняться до 750.000 в следующем году и до приблизительно 1.000.000 в 1925 (ВКГ и УВКГ). Чтобы дать представление о характере имевших место колебаний, достаточно указать, напр., что количество организованных железнодорожников в несколько месяцев упало с 320.000 до 57.000.

Министерство труда насчитывало на 1-е января 1924 г. 6540 рабочих синдикатов с 1.809.000 членов, но, по всей вероятности, оно включало в это число некоторые организации, не имевшие синдикального характера, и истина обязывает сказать, что этот расчет страдает излишним оптимизмом. Стачки

были наступательными с 1918 по 1920 г., затем они сменились периодом оборонительных стачек. В последнее время они были то наступательными, то оборонительными. В первую фазу непосредственно вслед за заключением перемирия, соответствующим максимуму рабочего возбуждения, стачки имели целью вырвать у хозяев увеличение заработной платы и заставить их применять восьмичасовой рабочий день.

Вот некоторые цифры. С января по апрель 1919 г.—213 стачек с 41.000 участников; с мая по август—1483 стачки с 415.000 участников; с сентября по декабрь—560 стачек со 195.000 участников; с января по апрель 1920 г. 1165 стачек с 570.000 участников; с мая по август—373 стачки с 568.000 участников; с сентября по декабрь—249 стачек с 39.000 участников.

В течение этого периода не раз вздымались огромные волны рабочего движения. В апреле 1919 г. забастовали парижские швейники, требуя 44-часовой недели; 1-го мая вся экономическая жизнь столицы совершенно прекратилась, и на улицах имели место столкновения. В это же время происходила и забастовка банковских служащих. Месяцем позднее разразилась стачка металлистов, распространившаяся на 150.000 человек. Затем поднимаются служащие больших магазинов, шахтеры в Нор и Па-де-Кале, мобилизованные портовые рабочие, докеры Марсели, рабочие лотарингских металлургических заводов, ткачи во Вьенне и в Изере, строительные рабочие севера—числом до 80.000 человек.

В начале 1920 г. появляются признаки нарастающего возбуждения среди железнодорожников; вскоре наступает быстрый подъем настроения, ведущий за собой историческую стачку. 23 февраля рабочие в мастерских сети Париж-Лион-Средиземное море бросают работу из солидарности с одним из товарищей, и движение начинается перебрасываться с одного угла на другой. Федеральный совет железнодорожников объявляет всеобщую стачку; правительство декретирует чрезвычайные меры и приступает к арестам. Однако, стороны заключают соглашение. Этот эпизод, впрочем, послужил лишь

вступлением к дальнейшим событиям.

В марте 1920 г. 90.000 шахтеров в Нор и Па-де-Кале оставляют работу; в то же время бастуют 70.000 ткачей Лилльского района и 30.000 рабочих металлургических предприятий в восточных департаментах. Бастующие выставляют требование 8-часового рабочего дня и увеличения заработной платы. Вновь возникает движение среди железнодорожников. Организованные рабочие сети Париж-Лион-Средиземное море высказываются против слишком осторожной политики федерации и требуют от нее перехода к революционным действиям, а от правительства — национализации железных дорог. Синдикаты восточных департаментов присоединяются к их вотуму. Федеральный конгресс в Обервильере в апреле санкционирует принцип всеобщей стачки, начало которой федеральный комитет назначает на 30 апреля. ВКТ обещает поддержку со своей стороны. Благодаря присоединению шахтеров, число бастующих быстро достигает 500.000. В этот момент металлисты и строители заявляют о своем желании вступить в их ряды, чтобы придать производимой атаке грандиозный размах. ВКТ советует им ожидать ее призыва.

Но металлисты не могут ждать. Призыв к стачке быстро переходит от федерации к федерации. Электрики, рабочие на газовых заводах и мебельщики бросаются в борьбу. Правительство отвечает массовыми арестами. 15 мая конфедеральный комитет, в виду наличности проекта реорганизации железных дорог, заявляет, что правительство признало законность рабочих требований, и предлагает организациям, поддержавшим железнодорожников, приступить к работе, выдав бастовавшим некоторую субсидию. Затем и сами железнодорожники прекращают стачку. В результате остается 22.000 уволенных со службы. Это — одна из наиболее значительных перипетий в истории синдикальной борьбы. Пролетариат в ней получил жестокий удар. Он потерпел поражение. В последующие месяцы число конфликтов уменьшается. Даже в последние месяцы 1920 г. отмечается некоторое затишье.

В 1921 г. насчитывается несколько более 500 стачек с 360.000 участвующих. Количество участвующих — но не стачек — здесь меньше, чем за один месяц 1920 г. Также и 1922 г. оказывается исключительно спокойным — 306 стачек с 76.000 участников за все первое полугодие. В ряду этих лет 1924 год дает 1345 стачек, но всего лишь 242.000 участников. Здесь встречаются также и наступательные стачки, которые выступают на передний план в 1925 г. Одной из наиболее значительных наступательных стачек этого времени является неудачная стачка банковских служащих (август — сентябрь 1925 г.). В итоге, даже до настоящего времени рабочее движение не смогло восстановить своей мощи 1919 — 20 гг.

История раскола, который совершился в рядах французского синдикализма и начало которого приходится на конец войны и на ближайший послевоенный период, является одной из наиболее печальных страниц французского профессионального движения. Сначала мы увидим, как ВКТ распадется на два отдельных обрубка; затем обнаружится новый разрыв, из которого возникнет третий обрубок.

В 1918—19 г. ВКТ посвящает свое внимание тому, что она называет своей программой реорганизации. Эта программа подвергается резкой критике со стороны революционных элементов, и с течением времени их критика будет становиться все более и более суровой.

Вскоре после заключения перемирия, в Зимнем цирке в Париже состоялось собрание, на котором обсуждалась минимальная программа рабочих требований. Программа, принятая собранием, требовала участия пролетариата в мирной конференции, отмены военных ограничений гражданских свобод, синдикального права для чиновников, восьмичасового рабочего дня, охраны женщин и подростков и т. д. Эта программа позднее была санкционирована конфедеральным комитетом на декабрьской сессии его в 1918 г. Следующая сессия, в марте 1919 г., выразила пожелание об учреждении националь-

ного экономического совета и выскзалась против аннексионистского мира. На 21 июля была назначена международная демонстрация, в которой должна была принять участие и Ф. протестуя против интервенции в России и требуя признания программы ВКТ. Но в последний момент демонстрация была отменена конфедеральным бюро, и это решение, несмотря на одобрение его национальным комитетом (91—за, 16—против, 8—воздержавшихся), вызвало чрезвычайно энергичные нападки со стороны революционного меньшинства.

Большинство в это время особенно озабочено, во-первых, созданием экономического совета, который должен стать внутренним механизмом всего государства; во-вторых, — национализацией железных дорог и копей. В сентябре 1919 г. ВКТ принимает участие в официальной рабочей конференции в Вашингтоне, а после своего Лионского конгресса вновь собирается для создания неофициального экономического совета, имеющего целью способствовать реконструкции французской индустрии. Это решение было одобрено комитетом в январе 1920 г. 104 голосами, против 18 мандатов революционного меньшинства,

В момент первой стачки железнодорожников ВКТ поднимает свой голос в пользу промышленной национализации, требуя: перехода железных дорог в коллективную собственность, передачи эксплуатации и управления ими автономному организму, представляющему общие интересы, и создания совета, образованного государством совместно с производственными и потребительскими организациями. Во время второй стачки ВКТ заявляет, что эта программа должна быть распространена также на копи и на производство электрической энергии. Но мы уже видели: поражение, понесенное железнодорожниками, указало свое влияние на все рабочее движение; ВКТ должна была свести свою деятельность к обороне; пролетариат принужден был ограничиться защитой своей заработной платы, а внутренняя борьба, с отыскиванием несущих ответственность за поражение, начала все больше и

больше выдвигаться на передний план. Революционное меньшинство обращало к большинству упреки в реакном снижении уровня синдикальной энергии; реформистское большинство обвиняло революционеров в недостаточной зрелости их выступлений.

Расколу французского синдикализма предшествовал международный раскол профессионального движения. Прежде, чем появилось во Ф. раздвоение на ВКТ и УВКТ, Московский Интернационал уже противопоставил себя Амстердаму.

Амстердамский Интернационал организован в июле 1919 г. Им было назначено бюро в составе 4 членов: Эпльтона (Англия) — президента; Жуо (Франция) и Мертенса (Бельгия) — вице-президентов, и Фиммена (Голландия) — секретаря. В качестве его постоянного местопребывания избран указанный выше большой голландский порт. Амстердамский Интернационал составился из ряда национальных объединений, входивших в довоенный Интернационали ставших в некоторых — не последних, странах на платформу политики сотрудничества.

Интернационал красных профсоюзов был основан в Москве. Его первый конгресс состоялся в июле 1921 г. В основу своей деятельности он положил принцип классовой борьбы и диктатуры пролетариата. Несколько французских делегатов подписались под его декларацией, что вызвало отречение от них „Комитета Революционных Синдикалистов“ (КРС—КСР), представлявших левое крыло ВКТ. В том же смысле высказалось и объединение синдикатов деп. Сены; эти организации отказались установить существенную связь между коммунистической партией и синдикатами — будь то в национальном или в интернациональном масштабе. Такова была их позиция, по крайней мере вначале.

Тем временем внутри самой ВКТ продолжалась борьба между правыми и левыми. На Лионском конгрессе в сентябре 1919 г. реформисты имели подавляющее большинство: 1393 голоса

против 588 (при одном голосовании) и 1633 против 323 (при другом).

После второй железнодорожной стачки реформисты, потерпевшие перед нею поражение на некоторых железнодорожных узлах, вновь одержали верх. На федеральном конгрессе они собрали 155.000 голосов против 116.000, и резолюция, враждебная Коммунистическому Интернационалу, была принята 294 голосами против 118.

На Орлеанском конгрессе в сентябре 1920 г. меньшинство, объединяющее коммунистов и революционных синдикалистов, оказывается уже более сплоченным и организованным. В одном голосовании они собирают 691 голос; представители большинства—1482 голоса. Последние провозглашают неприкосновенность Амьенской Хартии, хотя сотрудничество и без того фактически проводилось на практике. Со своей стороны, меньшинство созывает на исходе конгресса особое совещание, создает комитет действия и решает примкнуть к Московскому Интернационалу, сохраняя, однако, во всей целости принцип автономии профессионального движения. КРС удваивает активность. Национальный комитет ВКТ прибегает к угрозам, обвиняя левых в том, что „они смущают совесть рабочего класса“ (ноябрь 1920 г.). Резолюция собирает 72 голоса против 28, при 23 воздержавшихся.

Однако, в декабре 1920 г. объединение синдикатов деп. Сены назначает бюро из представителей меньшинства. Наоборот, федерация сельскохозяйственных рабочих одобряет тактику исключения по отношению к КРС, и ряд других федераций следует ее примеру. Конфедеральный комитет в феврале 1921 г. подтверждает, 80 голосами против 24, необходимость подчинения Амстердамскому Интернационалу, и заявляет, что группировки, примыкающие к Москве, тем самым исключают себя из ВКТ.

Борьба развертывается со все возрастающей силой. Несколько департаментских объединений протестуют против новых исключений сторонников КРС. Революционеры оказываются победителями в федерации строительных рабочих и на некоторых железно-

дорожных узлах. Конгресс железнодорожников раскалывается надвое, и два федеральных бюро оказываются стоящими друг против друга. Это первый случай раскола (июнь 1921 г.).

Между тем Исполнительный комитет Амстердамского Интернационала увеличивает смуту, исключая из этого Интернационала группировки, примыкающие к Москве. Соответствующее решение было опубликовано как раз накануне конфедерального конгресса в Лилле. В этот момент еще несколько федераций перешли от большинства к меньшинству.

Обе стороны явились на конгресс в чрезвычайно воинственном настроении. Меньшинство (имевшее 840 делегатов—в 6 раз больше, чем в Орлеане) устроило предварительную конференцию и вотировало посылку делегации в Россию. Доклад бюро был утвержден на конгрессе всего лишь 1556 голосами против 1348 при 46 воздержавшихся (27 июля 1921 г.). Дебаты об ориентации профессионального движения продолжались 3 дня и закончились принятием резолюции большинства, которая собрала 1572 голоса. Но и резолюция меньшинства собрала 1325 голосов. Она требовала разрыва с Амстердамским Интернационалом и вхождения в Московский Интернационал, под условием признания им автономии синдикального движения; следует добавить, что центральный совет Красного Интернационала Профессиональных Союзов прислал сообщение о своем согласии на предлагаемое условие.

Лилльский конгресс не привел даже к перемирию. Обе стороны обвиняли друг друга в сепаратизме, ссылаясь на ежедневные инциденты, имевшие место в синдикальной жизни. На обострение их политики оказывала немалое влияние война, которая велась между двумя бюро железнодорожников. Сессия конфедерального комитета в сентябре 1921 г. еще более усилила процесс разложения. Меньшинство протестовало против исключения Комитетов Революционных Социалистов; большинство настаивало на осуждении последних и на исключении их из конфедеральной организации. Большинство получило на сессии 63 голоса

против 55, при одиннадцати воздержавшихся. Исключения из ВКТ все умножались: тогда объединения деп. Сены и деп. Уазы, а также федерация строительных рабочих, заключили между собой соглашение о созыве национальной конференции революционных объединений и федераций. Эта конференция потребовала, чтобы ВКТ созвала общий конгресс железнодорожников. Но ВКТ отказывает в этом, и с этих пор, практически и официально, существуют две федерации работников железных дорог.

В декабре меньшинство выставляет требование созыва чрезвычайного конгресса конфедерированных синдикатов, объявляя в опасности единство конфедерации. 14 объединений и 11 федераций подписывают этот призыв. ВКТ отвечает манифестом, в котором, со своей стороны, объявляет предполагаемый конгресс незаконным. Конгресс тем не менее открывается 21 декабря, при чем регистрирует присутствие 1528 синдикатов. Он настаивает на том, чтобы ВКТ назначила чрезвычайную сессию для обсуждения вопроса о синдикальном единстве. Конфедеральное бюро отказывается вести с ним переговоры. 24 декабря конгресс самостоятельно назначает новую сессию на первое полугодие 1922 г. Если до 31 января комитет Конфедерации не выскажется в пользу этого проекта, специальная комиссия, назначенная унитарным конгрессом (название, которое только что было принято), созвет по собственному почину конгресс, чтобы объявить о несостоятельности центральных органов. Кроме того, унитарный конгресс рекомендует воздержаться от взятия членских карточек и марок из федераций и объединений, одобряющих политику исключения. Конгрессом были назначены бюро и административная комиссия для поддержания связи между унитарными синдикатами.

ВКТ оспаривает указанную выше цифру 1528 синдикатов и констатирует, что опубликованные резолюции создают раздвоение в рабочем классе и фактически осуществляют раскол. ВКТ обращается к синдикатам и синдикальным меньшинствам, уважающим ее

решения, с предложением брать свои карточки и марки непосредственно от нее; она будет строго держаться резолюций конгрессов, провозглашающих несовместимость вхождения в синдикальное единство с нарушением постановлений, принятых сообща всей конфедерацией.

Вскоре после этого, на ряду с ВКТ, возникает Унитарная Всеобщая Конфедерация Труда — УВКТ (CGTU). Начинается новый период синдикальной жизни, характеризующийся наличием двух центральных органов профессионального движения.

На сессии конфедерального комитета в феврале 1922 г., на которой были представлены 71 объединение и 37 федераций, ВКТ вынесла резолюцию, возлагающую на УВКТ ответственность за происходящую ломку.

Со своей стороны, 5 марта собрался комитет УВКТ. Он подвиг обсуждению условия организации конгресса, который должен был состояться в том же году, а также проект устава новой конфедерации. По этому последнему вопросу немедленно возникли разногласия между революционными синдикалистами и коммунистами или сочувствующими коммунизму. Некоторую роль в этом расхождении мнений играли и анархисты. Затем дискуссия еще более усложнилась. Коммунисты требовали безоговорочного вхождения в Красный Интернационал профессиональных союзов; революционные синдикалисты соглашались на вхождение в него, но настаивали на оговорке относительно синдикальной автономии; анархисты желали присоединения к чисто синдикальному Интернационалу, основания которого были заложены в Берлине.

Конгресс в Сент-Этьене, собравший, по его собственному исчислению, делегатов от 360.000 рабочих, заседал с 26 по 30 июня 1922 г. Главным пунктом его был вопрос о присоединении к Московскому Интернационалу. Оно было вотировано 777 голосами против 391, при условии, что вопрос будет пересмотрен, если за УВКТ не будет признано права на национальную автономию. Делегаты меньшинства заявили, что они остаются в органи

зации лишь в целях защиты находящегося в большинстве синдикализма. Представители большинства ответили, что они намерены идти к революции без опеки какой бы то ни было партии или секты. Во главе бюро был поставлен Монмусс. Затем конгресс утвердил устав, который сильно походил на устав ВКТ: структура обеих группировок была продиктована сущностью вещей; она имела свои корни в глубине жизни воинствующего пролетариата.

В дальнейшем приходится рассматривать отдельно историю ВКТ и УВКТ. Последняя современем увидит новые распри в рядах своей организации, но в течение всего периода между сент-этьенским конгрессом и настоящим моментом (октябрь 1925 г.) она не перестанет развертывать свою деятельность, организуя стачки, ведя агитацию в рабочих массах и стараясь принудить ВКТ вернуться единству на отстаиваемых ею условиях — в силу решения конгресса, на котором встретились обе организации. ВКТ, со своей стороны, посвящает свою деятельность завоеванию частичных улучшений, она прибегает все менее и менее к стачечной тактике, продолжает придерживаться методов сотрудничества, обвиняет свою соперницу в подчинении коммунизму и заявляет, что объединение возможно лишь в ее собственных рамках.

В ноябре 1922 г. она принимала участие в пацифистском конгрессе в Гааге, организованном Амстердамской федерацией профессиональных союзов. В январе 1923 г. открылся ее собственный национальный конгресс в Париже, на котором было представлено 1.500 синдикатов. Его заседания отличались замечательным спокойствием. Конгресс высказался против внешней политики национального блока и против оккупации Рура; он требовал строгого применения восьмичасового рабочего дня, введения социального страхования и предоставления синдикального права чиновникам.

В следующем году реформистская программа была слегка переработана перед выборами 11 мая. Нападая на дороговизну, ВКТ сочла нужным повторить пожелания конгресса 1923 г., на-

ставившая на пересмотре системы обложения, введении налога на капитал и создании монополий на сахар, керосин и страхование; равным образом она повторила требование национализации и создания экономического совета труда, где должны встретиться делегаты производителей и потребителей. „Этот совет“, сказал генеральной секретарь ВКТ Жуо, „не будет буржуазным органом, подобно высшему совету труда“.

Появление у власти кабинета Эррио (июнь 1924 г.) было благожелательно встречено конфедеральными кругами, оказавшими поддержку новому правительству. Они согласились на то, чтобы бюро ВКТ приняло участие в предварительной подготовке вопроса о создании экономического совета труда, а также на то, чтобы Жуо заседал в качестве делегата Ф. в Лиге Наций. В этот момент взаимоотношения ВКТ с социалистической партией были более тесными, чем когда-либо. =

Наоборот, полемика с УВКТ продолжала вестись с большим ожесточением. УВКТ, пользуясь каждым удобным поводом для возобновления своих предложений относительно сближения и объединения, осуждала, однако, действия бюро ВКТ; ВКТ, со своей стороны, не упускала случая упрекнуть УВКТ в подчинении коммунистической партии. В августе 1925 г. Национальный Учительский Синдикат, осуществляя давно лелеемую мечту, предложил ВКТ принять в ее состав 70.000 его членов. Это присоединение состоялось накануне конфедерального конгресса в Париже (в конце августа), на котором должен был быть поднят вопрос об единстве рабочего движения.

В феврале комитет ВКТ уже ответил на шаг УВКТ решительным отказом. „Рабочее единство“, по мнению комитета, „может осуществиться лишь путем возврата трудящихся в ряды законно конфедерированных организаций (т.-е. путем безоговорочного упразднения УВКТ)“. В то же время комитет подтверждал правильность своего вхождения в Международное Бюро Труда и участия в работе Лиги Наций, на которую нападала УВКТ.

Тогда бюро УВКГ решило предложить назначенному на лето конгрессу ВКГ устройство межконфедерального конгресса, объединяющего обе организации. С этой целью оно постановило перенести в Париж сессию конгресса УВКГ, который по плану должен был собраться в Бурже.

Конгресс ВКГ, одобрив почти единогласно доклад секретариата, высказал свое решение по вопросу об единстве (29 августа), вотируя 1627 голосами против 118 резолюцию, предложенную комиссией. Резолюция заявляла, что единство может восстановиться лишь в лоне ВКГ. Это единство может быть восстановлено лишь на основании принципа: один местный синдикат, по профессии или по производству. Конгресс отверг, таким образом, сделанное ему предложение об объединении и, кроме того, поставил под сомнение искренность членов УВКГ, называя их инициаторами раскола.

Четыре месяца спустя после конгресса в Сент-Этьене, на котором был вотирован устав УВКГ, ею были отправлены делегаты на 2 конгресс Красного Интернационала Профессиональных Союзов в Москве, на предмет переговоров относительно гарантий автономии для французской организации. Считая, что их требования удовлетворены Профинтерном, делегаты исполнительной комиссии УВКГ окончательно примкнули к нему, но встретили критику своих действий со стороны революционных синдикалистов и анархистов, заявлявших, что полученные уступки являются одной формой. В этот момент в Берлине возникла Международная Ассоциация Трудящихся (МАТ—АИТ), соответствовавшая взглядам меньшинства в УВКГ.

В марте 1923 г. Национальный Комитет УВКГ ратифицировал присоединение к Красному Профинтерну 75 голосами против 23. Это был момент, когда правительство, воспользовавшись рурскими событиями, сочинило дело о заговоре, в которое старалось замешать коммунистов и УВКГ. Дело окончилось, однако, не к выгоде правительства, потому что сенат, который должен был вынести свое решение в качестве высшей апелляционной

инстанции, признал себя в нем некомпетентным.

Раздоры в УВКГ между коммунистами и их противниками шли, усиливаясь с недели на неделю. Коммунистов упрекали в создании синдикальных комиссий, которые в глазах их противников символизировали опеку коммунистической партии над профессиональными союзами. На сессии комитета в июле 1923 г. большинство собрало 60 голосов, против 37 голосов революционных синдикалистов и анархистов. 12 членов комитета вышли в отставку, что обозначало явное наступление кризиса. Вероятность кризиса еще более усилилась, благодаря угрозам, выставленным некоторыми группами.

В ноябре 1923 г. был созван чрезвычайный конгресс в Бурже, на котором большинство имело огромный перевес, проведя 967 голосами против 367 резолюцию, в которой говорилось, что синдикальная автономия не понесла никакого ущерба. Большинство имело успех и в вопросе о присоединении к Москве, которое было ратифицировано 1114 голосами против 220. По поводу Амьенской резолюции, когда-то считавшейся органической хартией синдикальной деятельности, конгресс вынес следующее постановление:

„Конгресс считает опасным истолкование Амьенской резолюции, как требования рассматривать социальную революцию лишь под узким углом экономической концепции, во имя которой синдикализм должен был бы запретить своим сторонникам свободное выражение их политических и философских взглядов в лоне профессиональных союзов. Конгресс полагает, что подобная концепция должна неизбежно привести к ограничению синдикальной деятельности одними лишь внутри-организационными вопросами“.

Разрыв между коммунистами и меньшинством, или меньшинствами, был неизбежен, но лишь на короткое время.

Кровавые инциденты на одном парижском митинге (в январе 1924 г.), необычайно резкий тон полемики, а также июльские резолюции 3-го конгресса Красного Профинтерна о желательности установления связи с Ком-

мунистическим Интернационалом ускорили кризис. Объединенный синдикат строительных рабочих в Париже, ухватившись за утверждения одной газетной статьи, порвал с УВКТ. Комитет национальной федерации строительных рабочих последовал за ним. В первых числах ноября в Париже собралась конференция меньшинства УВКТ, заявлявшая, что она представляет около 200 синдикатов. Конференция постановила создать Федеративное объединение французских автономных синдикатов и высказалась за разрыв с УВКТ, осуждая, однако, и позицию ВКТ. Но она при этом добавляла, что не желает создавать третьей конфедерации. Тем не менее во Ф. имелись теперь три центральных профессиональных организации, и война велась как между новым федеративным объединением и УВКТ, так и между УВКТ и ВКТ. Федеративное объединение стало на платформу прежнего революционного синдикализма, который поддерживал неприкосновенность Амьенской партии.

Выше мы видели, что УВКТ постановила назначить свой конгресс 1925 г. на то же время, что и ВКТ. Конгресс УВКТ заслушал сообщение о предложениях, сделанных Всеобщей Конфедерации труда; обсуждал вопросы стачечной стратегии; подверг пересмотру уставы; высказался в пользу перевыборности должностных лиц (948 головами против 425) и исследовал вопрос о заработной плате. За конгрессом немедленно последовала конференция по объединению, на которой делегаты конфедерации и автономных группировок заседали бок-о-бок с представителями УВКТ. Конференция требовала безотлагательного принятия мер к осуществлению синдикального единства и рекомендовала образование смешанных комитетов. Это было само по себе эпизодом немалого значения, но лишь будущее сможет оценить его реальный вес. Этот эпизод показал с очевидностью, что французский пролетариат не может оставаться долгое время безразличным к лозунгу единства.

В послевоенный период имел место, если и не полный, то по крайней мере

весьма далеко идущий параллелизм между историей социализма и историей профессионального движения. Национальный конгресс в июле 1918 г. перевернул соотношение сил в Социалистической партии. Меньшинство в ней приобрело руководящее влияние. Но ведь другие проблемы тревожили пролетарские массы в революционный период, в который вступал мир.

С 8 по 10 февраля 1919 г. в Берне заседала международная социалистическая конференция. Среди других вопросов обсуждался и вопрос: демократия или диктатура. Причем под последней разумелась рабочая диктатура, установившаяся в России. Французская делегация раскололась, и ее меньшинство, вопреки голосу большинства, осудило принцип диктатуры.

В апреле был созван в Париже чрезвычайный конгресс французской Социалистической партии. Он представлял 57.000 сторонников, тогда как в предыдущем году их было всего 37.000. Этот конгресс имел первостепенное значение. Кинталеский комитет предложил конгрессу резолюцию, требующую полного захвата власти „для восстановления международных отношений“. Третий Интернационал появлялся на сцену.

Уже в Кинтале Ленин и Троцкий высказали мнение о необходимости создания нового Интернационала. 24 января 1919 г. они обратились с призывом на первый конгресс, от лица русской Коммунистической партии и в согласии с другими коммунистами. Среди провозглашенных ими тезисов находилось, между прочим, и требование установления пролетарского правительства нового аппарата, покоящегося на диктатуре. Возвещенный ими конгресс состоялся в марте в Москве. Конгресс вынес постановление о необходимости повсеместной замены буржуазной демократии демократией пролетарской в форме советской власти, заявляя, что наступил час последней борьбы. Тотчас же Итальянская Социалистическая партия постановила приложить старания к созданию нового Интернационала и, подобно швейцарским социалистам, отказалась принять участие в Бернской конференции.

На конгрессе Французской Социалистической партии некоторые делегаты потребовали разрыва со 2-ым Интернационалом. Но они собрали всего 270 голосов. Наибольшее число голосов получило предложение о временном сохранении вхождения в эту организацию, с требованием возврата к прежним принципам (874). Третье предложение было за безоговорочное сохранение с ним прежних отношений (757).

Конгресс принял программу для предстоящих выборов, запрещая какую бы то ни было коалицию с буржуазными партиями. Таким образом началась борьба вокруг двух Интернационалов и уже можно было предвидеть раскол во Французской Социалистической партии, происшедший в конце 1920 г.

В то время как 2-ой Интернационал, чувствуя себя под угрозой, пытался реорганизоваться, Ф. приступила к ноябрьским выборам 1919 г. По разным причинам и в особенности из-за самого порядка выборов, они были ударом и разочарованием для социалистов. Против них была направлена грандиозная кампания лжи и клеветы, организованная на миллионы, отпущенные на это дело финансовыми промышленными картелями. За социалистов голосовало, правда, большее число избирателей, а именно 1.700.000, но число проведенных ими депутатов уменьшилось до 67. Национальный блок торжествовал.

Социалистическая партия выступила против него. Но отныне она обнаруживала те же характерные черты, что и ВКП: в ней имелось правое и левое крыло, которые вели упорную борьбу друг с другом и становились все менее и менее способными находиться в рамках одной организации—настолько были различны их общие принципы действия. Эта внутренняя борьба еще более усиливалась под влиянием развертывающегося зрелища аналогичной борьбы в большинстве других европейских стран. Швейцарская партия уже высказалась в принципе за вхождение в 3-й Интернационал (август 1919 г.). Германская Независимая партия на своем конгрессе в Лейпциге (ноябрь-декабрь 1919 г.) порвала со 2-ым Интернационалом и сделала решительный

шаг к третьему. И ее действия нашли себе глубокий отклик во Ф., где все более и более ясно обозначалось охлаждение ко 2-му Интернационалу.

Страсбургский конгресс—национальный конгресс Французской Социалистической партии—заседал в феврале 1920 г. Борцы за 3-й Интернационал оказали активное влияние на его подготовку, а германские Независимые обратились к его делегатам с посланием, настаивая на переговорах с ними. В самом деле, вопрос: за или против Москвы, заполнил собою почти всю сессию.

Три выдвинутых на конгрессе проекта резолюций огуляли тенденции трех партийных группировок: во-первых, сведенной к небольшой горсточке группы защитников 2-го Интернационала; во-вторых,—группы партизанов немедленного и безоговорочного присоединения к Москве, представлявших собою внушительное меньшинство; в третьих,—группы центра, которая была самой многочисленной, но в то же время наименее однородной из фракций.

Сперва конгресс вотировал выход из 2-го Интернационала (4330 голосами против 337), по предложению федерации деп. Нор, которое гласило: „Конгресс констатирует невозможность восстановить прежнюю международную организацию в рамках 2-го Интернационала; поэтому он признает необходимым выход из него французской секции“.

Затем открылась дискуссия по вопросу о присоединении к 3-му Интернационалу, которого требовал „Комитет 3-го Интернационала“ (бывший кинтальский). Резолюция в пользу присоединения собрала 1621 голос. 3031 голос получила резолюция группы „реконструкторов“, которые стремились к всеобщей перегруппировке социализма, стоящего на почве классовой борьбы. Резолюция ссылалась на традиционную доктрину, апеллируя одновременно и к Коммунистическому Манифесту и к санкционированной в 1904 г. в Амстердаме резолюции о выпрямлении партийной линии. Резолюция указывала, что ни один из главных тезисов, отстаиваемых Москвою, не расходится с этой традиционной доктри-

ной, но говорила, что необходимо считаться с позицией, занятой крупными рабочими партиями Центральной и Западной Европы, и рекомендовала поэтому взаимные переговоры между ними и партиями, входящими в 3-ий Интернационал.

Комитет 3-го Интернационала после конгресса продолжал свою пропаганду, опираясь на федерацию деп. Сены. Все увлекало партию к Москве, в том числе и аресты главных руководителей указанного комитета. В партии намечался глубокий и быстрый переворот во взглядах и симпатиях. В начале мая два „реконструктора“—Кашен, директор L' Humanité и Фроссар, генеральный секретарь партии,—отправились в Россию с мандатами от административной комиссии на предмет выяснения возможности устройства согласительной конференции между партиями, входящими в 3-ий Интернационал, и партиями, еще не примкнувшими к нему, но твердо стоящими на революционной платформе. После первой встречи с Исполкомом 3-го Интернационала, Кашен и Фроссар потребовали от Национального Совета Французской Социалистической партии посылки на второй конгресс Коминтерна делегации с совещательным голосом. 2735 депутатов высказались за посылку делегации, 454—против; 1262 воздержались (это были сторонники немедленного присоединения к Москве—4 июля).

Московский Конгресс фиксировал 21 условие, которые должна была принять Французская Социалистическая партия, если она пожелает примкнуть к 3-му Интернационалу. Первыми условиями были: строго коммунистическая пропаганда и агитация—на основе принципа диктатуры пролетариата,—и удаление с ответственных постов реформистов и центровиков. Сообщив эти условия, Кашен и Фроссар начали кампанию за их принятие по всей Ф. И чем сильнее проявлялась ненависть буржуазии к 3-му Интернационалу, тем больше увеличивался его престиж в сознании рабочей массы.

Тем временем 2-ой Интернационал, в котором оставалась лишь незначительная диссидентская группа, именовавшая себя Французской Социали-

стической партией, перенес свое местопребывание в Лондон. Германские Независимые раскололись на две группы (Галле, октябрь 1920 г.), при чем большинство образовало, совместно с прежними коммунистическими элементами, Германскую Коммунистическую партию.

Турский конгресс Французской Социалистической партии стоял под непосредственным влиянием этого решения Независимых. Впрочем, он был и тщательно подготовлен на федеральных конгрессах. На нем было представлено 180.000 сторонников партии—цифра, которой не знало прошлое и которая показывала значение партийного призыва последнего времени и энтузиазм молодых рабочих поколений.

Три проекта резолюций были предложены на обсуждение конгресса:

1. Проект резолюции первых сторонников Москвы и „левых реконструкторов“, которые соглашались на подписание 21-го условия с некоторыми оговорками (название партии; исключения; взаимоотношения с синдикатами, которые энергично отстаивали свою автономию).

2. Проект резолюции „правых реконструкторов“, которые отвергали большую часть московских условий, объявляя их неприменимыми для Ф.

3. Проект резолюции реформистов, которые отвергали все вообще концепции 3-го Интернационала и подчеркивали расхождения с ним в вопросах теории и тактики.

Между представлением этих резолюций и открытием конгресса произошло еще одно важное событие—конференция в Берне.

Ни правое крыло германских Независимых, ни швейцарская партия, ни австрийская социал-демократия не отказались от мысли о „реконструкции“. В декабре они созвали небольшой конгресс в федеральной столице Швейцарской республики. Этот небольшой конгресс решил подготовить новое объединение, в которое должны были войти все те, кто оставался в стороне от обоих Интернационалов. В этот момент французские реформисты присоединились к резолюции правого

крыла реконструкторов. Таким образом, в Туре стояли один против другого 2 партийных блока.

Присоединение к Москве было вотировано на этом конгрессе 3252 голосами против 1082, при 397 воздержавшихся. В партии намечался разрыв: оставалось только неясным, в каком месте он произойдет. Одно из писем Зиновьева на этот счет гласило: „Интернационал не может иметь ничего общего с членами центра“ (т.-е. с правым крылом реконструкторов, лидером которого был Лонге). Левые предложили резолюцию, которая разрешала оставаться в партии лишь тем, кто подчинится принятому решению. Центр требовал сохранения единства—в том виде, как оно существовало до того времени, т.-е. с включением и реформистов. Резолюция центра и правого крыла собрали лишь 1398 мандатов против 4685. Обе фракции, оставшиеся в меньшинстве, покинули залу. Партия, объединившаяся в 1905 г., таким образом вновь раскололась в декабре 1920 г.

С тех пор во Ф. имеются две партии, примыкающие к двум Интернационалам, находящимся в антагонизме друг с другом, что еще более обостряет их отношения. Уже в Туре КП выпускает манифест, в котором определяет свою позицию. Она организует свой исполнительный комитет, который назначает Фроссара генеральным секретарем, а Кашена—редактором L'Humanité. Вновь созданный партийный орган приступает к реорганизации федераций, приспособляя их к новому положению.

Годы, истекшие со времени Турского конгресса до настоящего момента, отмечены интенсивной деятельностью КП, оживленной полемикой ее с СП, многочисленными репрессиями по отношению к ней со стороны правительства и рядом внутренних кризисов, совпавших в период 1922—25 г. с глубокой реорганизацией ее общей структуры.

Несколько месяцев спустя после Турского конгресса представители французской социалистической молодежи напали в Московском Исполкоме на комитет Французской Коммунистической партии. Состоявшийся вскоре

после этого международный конгресс предложил партии ликвидировать в ее рядах остатки „националистического пацифизма и парламентского реформизма“. Эти первые несогласия стали в дальнейшем расти и умножаться.

Национальный коммунистический конгресс собрался в Марселе в декабре 1921 г. В это время в ФКП было более 130.000 членов, из которых 21.200 приходилось на деп. Сены, 20.700 — деп. Нор, 14.000 — деп. Па-де-Кале. Она имела 15 депутатов и 48 генеральных советников; в ее руках находилось много муниципальных советов, 8 ежедневных газет (в Париже: утром—„L'Humanité“, вечером—„L'Internationale“), 2 двухнедельника и 46 еженедельных периодических изданий.

В Марселе был вынесен ряд резолюций по вопросам общей политики и профессионального движения, по аграрному вопросу и по вопросу о национальной защите. Затем обсуждалось сообщение из Москвы, которое подвергло критике действия исполнительного комитета ФКП по отношению к партийной прессе. Это обсуждение и выборы нового комитета дали повод к нескольким инцидентам. Так как один из прежних членов комитета, Суварин, оказался не переизбранным, 4 вновь назначенных члена солидаризировались с ним.

Дискуссии этого конгресса продолжались и в 1922 г. В феврале, на федеральном конгрессе деп. Сены левое крыло стало обвинять партийное большинство в оппортунизме. Немного спустя было получено письмо Исполкома Коминтерна, которое указывало на наличность во французской КП мелкобуржуазных и реформистских пережитков, настаивало на тактике единого фронта, оспариваемой комитетом ФКП, и требовало возвращения ушедших в Марселе членов комитета. Но в апреле национальный совет встал на сторону комитета и высказался против согласительных органов между социалистическими главными штабами, в роде проектируемого комитета трех интернационалов: 2-го, 2^{1/2}-го*) и 3-го,

*) 2^{1/2} Интернационал—организация реконструкторов, которая была учреждена в Вене и в которой примкнуло Турское меньшинство.

хотя такое решение и было принято на Берлинской конференции, инициатива которой принадлежала Коминтерну. Это значило начинать конфликт. В июне тактика ФКП вновь подверглась суровой критике расширенного Исполкома Коминтерна, при чем Троцкий подчеркнул серьезность имеющихся разногласий. Исполком Коминтерна заявил, что отныне более половины членов комитета ФКП должны посвящать себя политической или синдикальной работе; что этот комитет будет иметь непосредственное право исключения; что революционные синдикалисты должны быть изгнаны из партии; что должна быть изменена структура партийной прессы и т. д. В середине 1922 г. количество членов ФКП опустилось до 78.000.

В сентябре было получено новое обращение Исполкома Коминтерна к ФКП. В этом обращении констатировалось существование 4 группировок: 1) правой, „враждебной революции“ и подлежащей исключению; 2) крайней левой, локалистской и федералистской, и потому именно опасной; 3) левой, которая пользуется симпатией Москвы, и 4) центра, который, предварительно очистившись, должен к ней присоединиться. Первое исключение из партии было произведено федерацией деп. Сены. Тогда в „L'Humanité“ появилась декларация, подписанная несколькими членами исполнительного комитета ФКП, которая, настаивая на чисто коммунистической политике, требовала сохранения прав за меньшинствами. Эта резолюция отражала тенденции центра. Руководящие круги левой отвечали на нее декларацией, со своей стороны.

Весьма страстные дебаты развернулись на национальном конгрессе в Париже (октябрь). На нем решался вопрос об общей ориентации и структуре партии и вместе с тем — о распределении ответственных партийных постов. Так как большинство голосов оказалось на стороне центра (1698 голосов против 1516 левой, при 814 воздержавшихся правой), то к нему перешли обсуждавшиеся партийные посты до момента соответствующих решений 4-го мирового конгресса.

Этот конгресс заседал в ноябре и был посвящен специально французским делам. Он вынес ряд постановлений касательно профессионального движения; несовместимости пребывания в партии с вхождением в Лигу прав человека или в масонскую организацию; касательно тактики единого фронта, состава главного партийного комитета, партийного бюро и пр. 16 ноября большинство членов избранного в Париже партийного комитета заявили о своем подчинении принятым решениям. Произошел раскол. К концу 1923 г. число членов ФКП дошло до 60.000.

После конгресса партия вновь принялась за работу, заявляя, что отставки и исключения из партии не ослабили, а скорее усилили ее, очистив ее от „нежелательных элементов“.

1923 год начался кампанией партии против Рурской оккупации; правительство национального блока, стремясь уничтожить всякие следы революционной пропаганды, объявило эту кампанию заговором. Но, несмотря на аресты лидеров КП и УВКТ, правительство в конце концов понесло поражение.

Правительственные репрессии пошли лишь на пользу организациям, против которых они были направлены. На выборах 1924 г. ФКП пошла на выборы одна, под именем рабоче-крестьянского блока. Она противопоставила свою позицию тактике ФСП, которая в большинстве департаментов вошла в блок с радикалами. Она собрала 900.000 голосов и завоевала 26 мест; но большинство полученных ею мандатов приходилось на парижский округ: в департаментах даже с большой плотностью рабочего населения в роде деп. Па-де-Кале, Роны, Устье Роны, Соны и Луары она осталась довольно слабой.

1924, 1925 годы были посвящены внутренней большевизации ФКП, т. е. реорганизации ее по плану, указанному Коминтерном. По этому плану она должна была прежде всего приложить старания к укреплению своих корней в рабочей массе, заменяя прежнюю структуру секций и федераций организацией ячеек и районов. Объединение рабочих отдельного завода, промысла, копи и т. д. заменяет,

в качестве первой единицы, при этой системе объединение членов партии по местности или городскому району. Одновременно с проведением этой системы, был реорганизован и центральный аппарат ФКП, причем было создано организационное бюро на ряду с политическим, которое с 1922 г. представляет собой постоянный орган центрального комитета. Основные линии этой внутренней реформы были установлены 5-м конгрессом Коминтерна.

Попутно с проведением всех этих мер партия продолжала „чистку“, борясь против фракции „правых“. Суварини, Монатт, Ронье, Делагард и их группа были исключены из партии за несоблюдение партийной дисциплины: с вопросом об их исключении было, однако, покончено лишь на конгрессе в Клиши, в январе 1925 г. Исключенные выпустили „La Revue prolétarienne“, в которой стали на сторону Троцкого против большинства Коминтерна, но Троцкий рекомендовал им подчиниться партийной дисциплине.

КП заняла безусловно отрицательную позицию по отношению к кабинетам Эррио в 1924 г. и Пенлеве в 1925; она начала решительную борьбу против мароккской кампании и против фискальных мероприятий Кайо. Она приступила к организации комитетов действия, обращаясь с призывом ко всем пролетариям, но встретила со стороны СП лишь весьма незначительную поддержку. Несколько партийных деятелей были арестованы за пропаганду против войны. Но связи партии с УВКТ, направляющие круги которой обещали ей свою поддержку, становились все теснее и теснее. В середине 1925 г. в партии насчитывалось 70.000 членов.

* * *

Большинство Турского конгресса реконституировалось в качестве французской секции рабочего Интернационала и продолжало вести жизнь параллельную Коммунистической партии, согласуя свою деятельность с работой ВКТ. Между двумя партиями все время велась ожесточенная полемика. 22 февраля 1921 г. СП, органом которой

остался „Le Populaire“, принимала участие на конференции 2½-го Интернационала в Вене, где были вотируются статуты Международного Социалистического Объединения, которое не претендовало на роль Интернационала, но считало себя лишь средством его осуществления.

И почти тотчас же начались попытки сближения со 2-ым Интернационалом, при посредничестве его секретаря, Рамзея Макдональда. В ноябре, национальный конгресс СП принял резолюцию, приглашающую Венское бюро войти в переговоры со 2-ым Интернационалом, подтверждая в то же время свою верность хартии единства 1905 г. Берлинская конференция, на которой собрались делегаты 3-х Интернационалов в мае 1922 г., как известно, потерпела крушение. В противовес ей, объединительный комитет 2-го и 2½-го Интернационалов, в котором Брак представлял Французскую Социалистическую партию, созвал конгресс в Гамбурге.

Его открытию предшествовал новый конгресс ФСП (в феврале 1923 г.), на котором было констатировано увеличение числа членов партии и был отвергнут единый фронт, предложенный КП. Гамбургский конгресс санкционировал слияние 2-го и 2½-го Интернационалов в одну организацию, которая открыто допускала сотрудничество в органах власти при буржуазном строе. В конце января 1924 г. конгресс ФСП вынес ряд резолюций по вопросу о позиции партии на предстоящих парламентских выборах. В одной из них говорилось: „Партия должна изо всех сил бороться против национального блока; выборный закон принуждает ее к коалициям, но она на них пойдет с сохранением целости своей доктрины. Следовательно, она санкционирует коалиции, под контролем своей административной комиссии“.

Выборный блок с радикалами, который должен был автоматически вести за собою и блок политический, осуществился почти во всех департаментах. Он имел место в деп.: Сены, Роны, Устье Роны, Жиронды, Гар и т. д. Исключение составляли три департамента (Нор, Па-де-Кале, От-Вьени) и

один парижский сектор. Благодаря самой структуре этой коалиции, было невозможно учесть количество голосов, поданных за СП; некоторые социалистические депутаты оказались представителями областей, где партия была чрезвычайно слаба. В палате она получила 103 места — максимальная цифра, которой ей удавалось достичь.

После выборов, кабинет национального блока, составленный Пуанкаре, был принужден выйти в отставку, и Социалистической партии предстояло определить свое отношение к вновь создавшемуся положению. Для этой цели был созван конгресс в Париже, который отклонил предлагаемое радикалами участие в министерстве, но отклонил „при настоящей ситуации“: иными словами, он допускал в будущем возможность таких обстоятельств, при которых вхождение в министерство могло оказаться приемлемым. Наоборот, политика поддержки была одобрена конгрессом. В силу этого постановления, СП взялась поддерживать — не в исключительных только случаях, а как правило — кабинет Эррио, получившего власть благодаря обещаниям провести некоторые реформы. И фактически она следовала за новым правительством во всех его решениях; она дала свое согласие и на секретные фонды, и на военные кредиты, и на бюджет в целом. По этому последнему пункту была принята резолюция Национальным Советом в ноябре 1924 г. Поль Бонкур сделался делегатом Ф. в Лиге Наций, а Ориоль, другой социалистический депутат, — председателем финансовой комиссии палаты, с одобрения Социалистической партии. Гренобльский конгресс в феврале 1925 г. постановил, что политика поддержки должна продолжаться, хотя партия при этом заявляет, что „она остается попрежнему на традиционной позиции классовой борьбы“. Муниципальные выборы в мае 1925 г. и кантональные выборы в июле 1925 г. вновь соединили Социалистическую партию с радикальной. Но в это время кабинет Эррио пал, а Пенлеве, который сменил его, призвал в кабинет людей, стоящих вне коалиции радикалов с социалистами. Парламентская

социалистическая группа высказалась против дальнейшей поддержки правительства, но ее отношение к Мароккской кампании, провозглашенной кабинетом Эррио, осталось двусмысленным; и несколько раз она раскалывалась по этому вопросу.

Конгресс, собравшийся в августе 1925 г., исключил из партии Александра Варенна, социалистического депутата, самостоятельно решившего принять губернаторство в Индо-Китае, и определил условия, на которых могла бы быть возобновлена политика поддержки — при другом председателе совета министров, — потому что конгресс подтверждал необходимость разрыва с Пенлеве. Он отклонял, 2210 головами против 559, участие в органах власти „при настоящем состоянии партии и создавшейся общей конъюнктуре“. Этой резолюцией конгресс стремился дать удовлетворение тем, кто протестовал против отхода от партийной программы и тактики и критиковал поддержку депутатами Мароккской кампании. Этот Парижский конгресс непосредственно предшествовал Международному конгрессу в Марселе, на котором встретились социал-демократические делегации всех стран и который ни в каком отношении не напоминал довоенных конгрессов.

В октябре 1925 г. СП насчитывала 110.000 членов.

С конца декабря 1922 г. существует третья французская организация. В это время выделилась группа коммунистов, критиковавшая решения 4-го Московского конгресса и заявившая свой протест против его постановлений. 1-го января Фроссар подал в отставку из генерального секретариата КП. Центральным комитетом партии был пропозоведен ряд исключений. Исключенные и вышедшие в отставку образовали комитет Коммунистического объединения, который в апреле 1923 г., на конгрессе в Булони, слился с Социалистическим федеративным союзом — организацией аналогичного происхождения. Так возникло Социалистическо-коммунистическое объединение, которое имело в виду создание классовой партии для революционного завоева-

ния власти пролетариатом, с временной и непersonальной диктатурой пролетариата, при переходе от капиталистического строя к социалистическому или коммунистическому. Новая партийная группа отвергает голосование за бюджет и участие во власти; во всех своих органах она устанавливает пропорциональное представительство. На конгрессе в Сент-Уене часть Социалистическо-коммунистического объединения предложила слияние с СП; авторы этого предложения остались, однако, в меньшинстве и вышли из общей организации. В июне 1924 г. СКО реорганизовалось (с П. Луи в качестве генерального секретаря) и сохранило или создало ряд федераций в деп. Сены, Па-де-Кале, Нор, Устье Роны, Луары, Шаранты, Ду и т. д., причем на первом плане стояло осуществление принципа революционного единства. СКО имеет трех депутатов и некоторое количество генеральных советников и муниципалитетов. В 1925 г. СКО имело два конгресса и примкнуло к новой группировке, в которую вошли Норвежская Рабочая партия, Итальянская СП, германские Независимые, левые эсеры России и Украинны и польский Бунд. Это объединение не претендует на то, чтобы стать новым интернационалом, работает, однако, в направлении мирового единства.

Несмотря на образование коалиции, несмотря на выборные и парламентские комбинации, классовый антагонизм является реальной действительностью во Ф. 1925 г. так же, как и во всех других странах мира. Богатства сконцентрировались; фактические монополии, все более и более прибыльные, сосредоточились в руках современных олигархов. Капиталистический строй, потрясенный войной и ее последствиями и сам являющийся ее величайшим зачинщиком, укрепился по внешней видимости. Перед нами бесчисленные свидетельства его упадка: отягчение налогового бремени, дороговизна, неустойчивость положения, военные угрозы, колониальные экспедиции. Все сошлось для того, чтобы возбу-

дших классов, которые — под видом ли национального блока или правительств, составленных радикалами, — защищают капиталистические вооружения, в качестве гарантии собственного господства. И их позиция логична. Они рассчитывали сделать ловкий шаг, во Ф., как и в других странах, призвав социал-демократию к прямому или косвенному участию во власти и внося, таким образом, разделение в среду пролетариата. Но это разделение может быть лишь временным, и уже сейчас, в конце 1925 г., замечаются признаки одушевляющей пролетариат воли к единству, которая, победив, изменит лицо истории.

Полю Луи.

XXII. Россия в эпоху мировой войны
см. *Россия и СССР.*

XXIII. Бельгия (см. V, 241/316). Географическое положение Б. посередине между тремя соперничающими великими державами, не раз делавшее ее ареной крупных военных столкновений, принудило ее сделаться участницей и четырехлетней европейской войны 1914—18 г. (см. XLVII, *Дипломатия и миров. война*, и XLVI *Общ. обзор сухопутных операций*). Война заставила Б. в состоянии большого внутреннего напряжения созданного основным противоречием бельгийской социально-политической жизни, — сосредоточением власти в руках клерикально-консервативного правительства, с одной стороны, и, с другой, — ростом и тяжелым положением промышленного пролетариата, составляющего почти половину всего самостоятельного населения Б. В то же время промышленность Б. быстро растет; бельгийская торговля завоевывает огромные рынки, выступая с дешевыми продуктами, благодаря низкой заработной плате. Политическая борьба ведется, главным образом, вокруг всеобщего и равного избирательного права, национального вопроса и вероисповедной школы, являющейся мощным орудием в руках консервативного правительства. Социалистические рабочие союзы, поддерживаемые либералами, требуют уничтожения множественных вотумов и предоставления избирательного права всем, достигшим 25-летнего возраста; в противовес этому, католики, располагающие большинством в палате, вносят билль об уравнивании в финансовой поддержке с государственными школами многочисленных школ различных вероисповедных организаций. Дело доходит до огромных демонстраций и, наконец, в апреле 1913 г., до всеобщей стачки, в которой принимает

участие несколько сот тысяч рабочих по всей стране. Тем не менее католическая партия, вновь получившая большинство на выборах 1912 г., одерживает победу; школьный билль становится законом, хотя правительство принуждено согласиться на принцип обязательного обучения (законы 19/V и 15/VI 1914 г.), давно выдвигаемый либералами. Неуступчивость фламандско-католического правительства вызывает в некоторых валлонских округах движение в пользу административного отделения от Фландрии. Однако, все сепаратистские тенденции встречают энергичную оппозицию в палате, которая, стремясь устранить поводы для национальных конфликтов, устанавливает законами 1913 и 14 г. окончательное равноправие фламандского и французского языка. В это же время, несмотря на оппозицию консерваторов, правительство, побуждаемое королем, завершает фактическое введение всеобщей воинской повинности (1912 г.) и проводит билль о полной реорганизации армии в пятилетний срок (1913 г.).

Война радикально меняет политическую ситуацию. Экстренно созданный парламент единогласно высказывается за необходимость военного отпора наступающей Германии. Образуется коалиционное правительство, в которое входят, в качестве министров, два либерала и один социалист— Э. Вандервельде, заявляющий о безоговорочной поддержке правительства его группой. События развиваются с необычайной быстротой. Большая часть Б. оккупирована неприятелем, около миллиона беженцев покидает страну, правительство принуждено переехать во Францию. Все его силы уходят на поддержание армии, доведенной до 150.000 человек и поддерживаемой на этом уровне, несмотря на потери. Отрезанная от внешнего мира, Б. оказывается в исключительно тяжелом положении; производственные затруднения немедленно дают себя знать; оккупация превращается в систематическое разрушение хозяйства и внутренней жизни Б. Основными мотивами, определяющими направление германской политики в Б., являются стремление использовать все, что возможно, для военных целей и намерение подготовить ее для аннексии, в случае победы, и обезвредить, как промышленного конкурента, в случае поражения. Бельгийские промышленные предприятия частью принуждаются работать в качестве поставщиков на германские правительственные органы, частью закрываются, частью просто подвергаются уничтожению. Сырье и машины массами реквизируются и перевозятся в Германию, сотни тысяч рабочих рассылаются по Германии и северной Франции, в качестве дешевой

или совсем неоплачиваемой рабочей силы. Создаются специальные органы для проведения в жизнь германской монополии на некоторые важнейшие продукты бельгийской промышленности, напр., „Kohlenzentral“, при чем устанавливаются чрезвычайно низкие цены и создаются невозможные условия расплаты. Прямое разрушение предприятий особенно широко практикуется во время германского отступления. Безработица растет с каждым днем. Рабочие обрезаются на нищенское существование. О размерах разрушения народного хозяйства Б. дают представление, напр., следующие цифры: из 56 доменных печей 26 совершенно уничтожаются, 20 приводятся в негодность и только 10 продолжают работать; к середине 1918 г. разрушается 167 фабрик, 93 подлежат разрушению; по заключению перемирия, более 20 тысяч бельгийских машин возвращается Германией. На ряду с хозяйством, Германия стремится наложить свою руку и на другие стороны внутренней жизни Б. Правительственная власть в Б. переходит в руки немецкого генерал-губернатора с административным органом при нем; округа и кантоны подчиняются управлению немецких властей. Бельгийская администрация постепенно лишается своих прав и функций и, наконец, в июле 1918 г. упраздняются последние ее остатки, в лице провинциальных советов. Аналогичная судьба постигает и бельгийский суд, который к апрелю 1918 г. окончательно заменяется специальной германской судебной системой. Стремясь к разрушению общественно-политической жизни Б., Германия старается использовать в своих целях национальные различия между Фландрией и Валлонией. С этой целью оказывается особое покровительство фламандскому языку; французский язык, в качестве государственного, изгоняется из фламандских провинций, и постепенно подготавливается полное административное разделение Б., которое и вводится в жизнь в марте 1917 г. Образуются два правительства: одно—с резиденцией в Брюсселе, другое—в Намюре. В своей национальной политике Германия стремится опереться на группу фламандских активистов, образующих организацию „Raed van Vlaenderen“, которая выступает в роли совещательного органа при германских губернаторах. Центром германско-фламандской политики в Б. должен был стать Гентский университет, искони французский по языку. В 1916 г. издается распоряжение о том, что все лекции в нем должны читаться исключительно на фламандском языке. Профессура энергично протестует, и из всего преподавательского состава только 4 профессора остаются на местах. С величайшими уси-

лиями удается набрать около 200 студентов путем обещаний денежных и продовольственных преимуществ, под угрозой отправки в Германию, в случае отказа. Национальная политика в Б. вызывает массовое озлобление в населении, когда германское правительство собирается передать в руки националистической фламандской ассоциации распределение продуктов питания в стране. Слабость фламандского „активизма“ сказалась на послевоенных выборах, на которых им удалось собрать лишь немного более 3%, всех голосов. Но если национальная политика Германии в Б. и оказалась безуспешной, ее экономическая политика поставила, по окончании войны, задачи огромной трудности перед бельгийским правительством; на его руках оказалось около 800.000 безработных, и треть населения жила целиком или отчасти на общественном иждивении; промышленность была разрушена. Положение ухудшалось тем, что рынки были захвачены во время войны Англией и Америкой; Франция стремилась прервать доступ иностранным товарам протекционистской политикой; Германия, благодаря инфляции и репарациям, побивала своих конкурентов дешевизной продуктов. Тем не менее хозяйственная жизнь Б. начала восстанавливаться с большой быстротой. К концу 1919 г. окончательно восстановлены бельгийские железные дороги. Угольные копи вскоре достигают довоенного уровня выработки. Несколько медленнее восстанавливаются другие отрасли бельгийской промышленности, напр., текстильное дело и металлургия, но и они в двадцатых годах начинают более или менее быстро приближаться к довоенному уровню. Безработица быстро уменьшается. Несмотря, однако, на быстрое восстановление народного хозяйства, Б. продолжает испытывать значительные финансовые затруднения, и ее задолженность к 1925 г. достигает колоссальной цифры в 36 миллиардов франков, хотя ответственность за военный долг Б. была перенесена союзниками на Германию. Восстановление промышленности и займы крайне усиливают влияние бельгийских банков. Война оставила Б. тяжелое наследство, а политика союзников после войны не оправдала надежд Б. на разрешение крайне важных для нее пограничных проблем, значение которых ей так тяжело пришлось почувствовать во время германского наступления. Ее голландско-германская граница попрежнему остается беззащитной при отделении от нее половины Лимбурга и Люксембурга, и ее главный порт, Антверпен, через который проходит более половины всего импорта и экспорта, остается отрезанным от моря голландскими владе-

ниями. Попытка войти в переговоры с Голландией по вопросу об урегулировании взаимных границ вызвала со стороны последней ответную претензию на морской проход Вейлинген, т. е. на бельгийские территориальные воды, начиная от голландской границы и до Зебрюгге включительно. Эта претензия встретила поддержку в английской доктрине относительно устьев Шельды, и Б. пришлось прервать переговоры. По Версальскому трактату Б. получила от Германии 2 валлонских округа: Эпен и Мальмеди, протяжением около 1000 кв. км., и две колониальных области: Урунди и Руанда, из занятой ею территории Германской Восточной Африки.

Окончание войны вызвало оживление политической жизни Б.; однако, главные политические партии: католики, социалисты и либералы, продолжали еще долго держаться за идею „священного союза“, и вплоть до ноября 1921 г. Б. управлялась коалиционными кабинетами: до 1918 г.—де Броквилля, с ноября 1918 г.—Делакруа, с ноября 1920 г.—Картон де Виара.

В первый же год после окончания войны была проведена в Б. избирательная реформа. Предоставление избирательного права всем мужчинам, достигшим 21 года, и уничтожение множественных вотумов на первых же послевоенных выборах 1919 г. лишили консерваторов абсолютного большинства. Католики получили на этих выборах всего 71 место, социалисты—70 мест и либералы—34. Приблизительно то же соотношение сил сохраняется и на след. выборах—1921 г. (кат.—80, либ.—33, соц. 67). Однако, к этому времени „священный союз“ партий, не раз подвергавшийся опасности и раньше, распадается и уступает место новому блоку—католиков с либералами (кабинет Тэниса); социалисты на несколько лет уходят в оппозицию, чтобы вновь вернуться к правительственной власти после выборов в апреле 1925 г. (кат.—78, либ.—23, соц.—78, фламандские националисты—6, коммунисты—2), когда блок католиков с либералами заменяется блоком католиков с социалистами (кабинеты: Пулле—с июня 1925 г. и Жаслара—с мая 1926 г.).

Значительную роль в бельгийской политической жизни продолжает играть после войны национальный вопрос, осложняемый, с одной стороны, внутренними экономическими различиями между фламандским севером и валлонским югом, а с другой,—различием международной ориентации в сторону большего сближения с Францией или в сторону большей независимости от нее. На выборах 1921 г. немало усиливаются так называемые „фламманганы“ (фламандско-националистический элемент в составе бельгийских политических пар-

тий), и кабинету Тэниса приходится провести (в 1923 г.) закон о фламандизации Гентского университета (о чем так безуспешно старались немцы во время оккупации). В 1924 г. палата отвергает проект таможенного договора с Фральной, имевший в виду тесное экономическое объединение с последней. Коалиционными кабинетами послевоенного времени был проведен ряд социальных реформ: был введен восьмичасовой рабочий день (впрочем, позднее, чем в других европейских странах), издан закон о свободе союзов; изданы положения о страховании от безработицы, о пенсиях для престарелых, о медицинской помощи рабочим и о страховании от несчастных случаев. Введение восьмичасового рабочего дня не обходится без трений, в виду имеющейся в законе оговорки, предоставляющей королю широкое право его отмены, чем постоянно стремятся воспользоваться предприниматели. Несмотря на перечисленные реформы, положение бельгийского рабочего продолжает оставаться весьма тяжелым. Средний заработок бельгийского рабочего все время отстает от растущей стоимости жизни. Реальная заработная плата (в Брюсселе) попрежнему колеблется между 50—60% заработной платы в Лондоне (56% на 1 апреля 1926 г.). Движение реальной заработной платы, напр., горнорабочих, иллюстрируется след. таблицей (в процентах):

1913	1922	1923	1924	1925
100	96	103	97	85

Положение бельгийского пролетариата особенно ухудшается в 1921 г. во время большого промышленного кризиса, когда более 30% застрахованных от безработицы остается без работы. Все это толкает бельгийских рабочих к самоорганизации и, действительно, в послевоенные годы наблюдается необычайный рост профессионального движения. Число членов социалистических рабочих союзов поднимается со 130 тыс. в 1913 г. до более чем 700 тыс. в двадцатые годы (600 тыс. на 31 дек. 1923 г.). Христианские рабочие союзы, насчитывавшие до войны около 100 тыс., к 1922 г. насчитывают 225 тыс. Таким образом, более половины всех занятых в производстве рабочих входит в те или другие союзы. Социалистические рабочие союзы объединяются вокруг „Синдикальной Комиссии Рабочей Партии и независимых союзов Б.“, энергично проводящей политику централизации профессионального движения. Цели Синдикальной Комиссии: объединение всех профессиональных организаций, стоящих на почве классовой борьбы; укрепление профессионального движения; борьба за материальное и интеллектуальное осво-

ждение трудящихся, за уничтожение наемного труда и за социализацию орудий производства. Круг деятельности отдельных профессиональных союзов весьма различен. Союзы большое место начинают отводить культурно-просветительной деятельности, которую руководит созданная в 1911 г. по инициативе Рабочей Партии, „Центральная Комиссия по рабочему просвещению“, организующая, между прочим, ряд школ и курсов: для агитаторов, коммунальных советников, кооперативных счетоводов, рабочих делегатов в паритетных комиссиях и т. д. В 1921 г. ею открыта „Высшая рабочая школа“. Вышеупомянутые паритетные комиссии, не имевшие никакого значения до войны, начинают играть видную роль с 1919 г., имея своей целью, главным образом, улаживание конфликтов между рабочими и предпринимателями. Однако, попытки использовать их для рабочего контроля над производством вызывают у предпринимателей стремление уничтожить и самые комиссии. Профессиональное движение Б. и его тактика направляются Бельгийской Рабочей Партией, объединяющей профсоюзы, кооперативы, общества взаимопомощи и чисто политические организации и входящей во II Интернационал (число членов партии на 1923 г.—632.307). Со времени войны из Рабочей Партии начинают выделяться различные группы левой оппозиции, сливающиеся в 1921 г. в Бельгийскую Обединенную Коммунистическую Партию. В 1924 г. партия насчитывала 590 членов и имела ежедневную газету.

Цифровые данные, характеризующие современное экономическое и социально-политическое положение Б., по сравнению с другими странами, см. XI, прилож. *современное состояние важнейших государств.*

*Литература: Annuaire Statistique de la Belgique et du Congo B. Annual. Brux.; Annuaire du Commerce et de l'Industrie de B. p. Van. 1923, Br., 1923; Cammaerts E., „B.“ (Story of the Nations), Lond., 1922; Essen (L. van der), „A short History of B.“ L., 1920; Linden (H. van der), „Vue générale de l'histoire de B.“, Liège, 1918; Moulart (G.) and others, „La B. (Coloniale, Commerciale, Financière, Industrielle, Maritime, Sociale)“, Bruss., 1920; Whitlock (Brand), „B. under German Occupation“, Lond., 1920; *Wirtschaftsblat* B., „Wirt. u. Stat.“, 1920, 5—6; *S. Nestripke*, „D. Gewerkschaftsbewegung“, Stuttg., 1921; *The Statesman's year-book*, 1924; *The Labour Internat. Handbook*, ed. by Palme Dutt London, Labour publ. comp., 1921; *De-Bruyner* и *de-Man*, „Рабочее движение в Б.“, 1923; *Ch. Massart*, „La B. socialiste et communiste“, Paris, 1920, Humanité; *C. Mertens*, „D. Arbeitrbildung in B.“, D. Internat. Gewerkschaftsbewegung, Sept., Oct. 1922; *Ежегодн. Коммутерна*, 1923; *Мировое профессион. движение*, справ. Профинтерна.*

А. Цирес.

XXIV Италия (см. XXII, 442—476). Как известно, И. примкнула к мировой войне значительно позже остальных членов Большой Антанты. Период ее колебаний продолжался с августа 1914 до мая 1915 г.

Главным препятствием вхождения И. в войну на стороне союзников явилось ее прежнее международное положение. Будучи членом Тройственного Союза, И. должна была решить вопрос о разрыве с Австрией и Германией и, таким образом, выступая на стороне Антанты против своих давнишних союзников, рисковала, — в случае каких-либо разногласий с Антантой, — очутиться в изолированном политическом положении. Но препятствия вступлению в ряды Антанты и участию в мировой войне далеко не ограничивались этими чисто политическими соображениями. Период 1911—1914 гг. как раз явился для И. периодом экономического преуспеяния. В результате полного разочарования ее правителей в ряде неудачных военно-колониальных авантур, — они обратили свой взор на другие задачи. В этот именно период ими было обращено усиленное внимание на развитие итальянской промышленности, которой с давних пор приходилось преодолевать огромные препятствия вследствие отсутствия угля и руды и ряда ряда неблагоприятных естественных условий И. Германский капитал, в этот период стремившийся к необычайной экспансии, обратил свое внимание на итальянскую промышленность и в короткое время приобрел значительное влияние в И. С ним были связаны крупнейшие торгово-промышленные предприятия, не говоря уже о проникновении германского финансового капитала, проводившего свое влияние в И.; гл. обр., через „*Валсо Коммерциале*“. Неудивительно, что круги, связанные с германским капиталом, особенно энергично противились разрыву И. с Тройственным Союзом и вступлению ее на стороне Антанты. Не менее значительно в описываемый период было и проникновение в И. американского капитала. Между тем, Соединенные Штаты, как известно, вступили в ряды воюющих держав значительно позднее, чем И., и потому круги, связанные с американским капиталом, усиленно поддерживали „нейтральную“ позицию И.

Одним из решительнейших противников участия И. в войне на стороне Антанты явился очень популярный общественный и государственный деятель Франческо Нитти (бывший премьером в 1919—20 гг.), вынужденный затем эмигрировать после того, как фашисты, прославившиеся своими антантофильскими симпатиями, осенью 1922 г. пришли к власти. Термин „ниттианство“, как символ отказа И. от участия в войне, до сих пор пользуется правом гражданства на столбцах итальянской печати. В книге „Незамыренная Европа“ („*Europa senza rase*“) Франческо Нитти так разъясняет позицию „нейтралистов“, т. е. противников участия И. в войне: „И. на

пути своего развития всегда приходилось бороться с тяжелыми трудностями. Но все же на протяжении 60 лет, последовавших за моментом ее объединения, она безостановочно шла вперед. Занимая слишком узкую территорию, к тому же покрытую горами и вообще недостаточную для своего усиленно-возраставшего населения, И. вынуждена была не раз прибегать к решительнейшим мерам для улучшения своего положения в этом отношении. Ей приходилось развивать свою промышленность в условиях гораздо более тяжелых, чем те, которые выпадали на долю других государств. Она является почти единственной из всех великих держав, которым приходилось развивать свою промышленность при полном отсутствии угля и почти при полном отсутствии железа в собственных недрах. Однако, все эти, казалось, непреодолимые препятствия на пути к достижению народного благосостояния устранялись путем применения разнообразных технических мероприятий, по большей части осуществлявшихся по германским образцам и с германской настойчивостью. В течение 33-летнего периода до войны Тройственный Союз оказал И. ценнейшие услуги. Он лишний раз обнаружил, какую огромную пользу принесла итальянскому народу политическая мысль Криспи. Франция, с которой мы — особенно после столкновения в Туинксе, — находились в весьма натянутых отношениях, была бессильна угрожать нам, ибо за нашей спиной стоял Тройственный Союз. Та же принадлежность к Тройственному Союзу заставляла нас избегать или смягчать всякие трения с Австро-Венгрией. В период принадлежности к Тройственному Союзу И. создала почти всю свою промышленность, укрепила свое национальное единство и упрочила все свое хозяйственное положение“.

Но если усилия „нейтралистов“, в лице Нитти и др., были направлены целиком к тому, чтобы уберечь И. от участия в войне, если агенты Вильгельма, в роде прославленного германского социал-демократа Зюдекума, одно время превратили И. в опорный пункт своей пропаганды, если центральные державы сумели найти могущественную поддержку в лице Ватикана, — то, с другой стороны, не дремала и антантофильская пропаганда. Французский капитал имел своего проводника в лице другого крупного банка „*Валсо ди Сconto*“, в свою очередь тесно связанного со всей крупной металлургической промышленностью северной И., предвидевшей огромные барыши в результате военных заказов и поставок. Как теперь выясняется, зародившееся к тому времени патриотическое движение, впоследствии окрашенное „фа-

шизмом“ и вдохновляемое уже тогда исключенным из партии социализмом Бенито Муссолини (см. XLVII, прил. „*Совр. полит. деятели*“, 58), призывавшим итальянский народ к участию в войне на стороне Антанты, явилось прямым орудием в руках французского капитала. Установлено, что личный орган Муссолини—„*Popolo d'Italia*“, в котором он начал свою патристическую пропаганду, был основан на средства французских капиталистов, тесно связанных с операциями „*Valco di Sconto*“ и заинтересованных в таких колоссальных металлургических предприятиях, как „*Ансальдо*“ и др., наживших огромные капиталы во время войны. Последующие события показали, что из двух борющихся влияний победило антантофильское,—и И., преврав отмеченный выше период созидательной, промышленной деятельности, пустилась в чрезвычайнорискованное предприятие, связав свою судьбу с судьбами Согласия (см. выше, т. XLVII, 74, 79/80, 89 и др. ст. *Дипломатия*; см. также обзор военных действий в т. XLVII).

Ближайшие результаты мировой войны для И. Если жалобы итальянских патриотов весьма часто страдают преувеличением, то все же, оглядываясь самым беглым образом на всю историю мировой войны, прошедшей перед нашими глазами, нельзя не признать, что жертвы, понесенные И., а равно и удельный вес ее выступления на стороне Антанты, были вознаграждены далеко не пропорционально тому, кто воспользовался в нужное время ее услугами. Нельзя отрицать, что судьба Франции и других членов Антанты была впервые, если не спасена, то в значительной мере облегчена И. 2-го августа 1914 г. когда она объявила о своем нейтралитете. Трудно определить, каковы были бы последствия присоединения И., на основе Тройственного Союза, к центральным державам. Именно это обстоятельство—объявление И. своего нейтралитета, явившееся, кстати сказать, совершенно неожиданным для всех—и помогло Франции сконцентрировать свои силы на севере и обеспечить противодействие немцам на Марне. Огромное влияние на судьбы Антанты имело второе, уже активное выступление И. на стороне держав Согласия в мае 1915 г. Это событие в значительной мере воспрепятствовало коалиции центральных держав использовать военно-техническую организацию австрийской армии. Если порыться в огромном ворохе дипломатических документов, оставшихся в наследство после мировой войны, то только с большим трудом можно определить, каковы были те официальные лозунги и требования, с которыми И. вступила в войну на стороне Антанты. Главным лозунгом как-будто бы явилось осу-

ществление старой „адриатической“ программы. Вторым лозунгом было желание исправить—по национальному признаку—итало-австрийскую и итало-германскую границы. (В период, последовавший за национальным объединением И., „ирредентизм“, свивший себе гнездо в Триесте, Фиуме и других областях со смешанным населением к северу от И., сыграл не маловажную роль в политической жизни И. и был умело использован, как один из мотивов подстрекательства И. к войне). В виду того, что раздробление австро-венгерской монархии с самого начала войны входило в планы союзников, третьим лозунгом итальянской дипломатии явилось обеспечение границ И. от будущих государственных новообразований.

Все эти три лозунга, на самом деле, были—в результате мировой войны—воплощены в жизнь. К И. присоединены, в результате Версальского и Сен-Жерменского договоров, основные вехи которых были намечены уже в тайном Лондонском соглашении союзников 1915 г., Триест, Истрия, Зара, Горича и т. д. спрлежащими местностями. После долголетней тижбы с Юго-Славией, наконец, разрешен и вопрос о Фиуме. Границы И. соответствующим образом обеспечены и исправлены. Правда, „адриатическая программа“ до сих пор остается не осуществленной,—и маленькая албанская республика уже по окончании мировой войны нанесла большой урон самолюбию итальянских патриотов, когда заставила их очистить в 1920 г. Валлону. Но уже к концу мировой войны было ясно, что если бы все эти второстепенные лозунги, выдвинутые итальянской дипломатией, преследовавшие чисто политические цели и почти не вносящие никакого улучшения в ее экономическое положение, были даже полностью осуществлены,—И., официально числящаяся в рядах держав-победительниц, должна была бы считать для себя мировую войну проигранной: так велико несоответствие между принесенными И. жертвами (почти целиком разоренная область Венето, огромное число понесенных человеческих жертв—и ничтожными приобретениями, которыми ее вознаградили союзники. Тут следует отметить, что итальянская дипломатия не проявила большой настойчивости и способности к достижению лучших результатов войны,—и с этой стороны демagogическая агитация пробивавшегося к власти Муссолини против итальянской дипломатии не совсем была лишена оснований.

Один из участников Парижской мирной конференции, Тардье, рассказал в своих воспоминаниях о том, какую подчиненную роль на конференции играла

итальянская дипломатия: „Тон, господствовавший на конференции, больше напоминал частную беседу... Господин Орландо (делегат И.) говорил мало; деятельность И. на конференции была всецело, до крайности, поглощена вопросом о Фиуме, и по этой причине ее роль в дебатах была сведена к нулю. Разговоры велись по преимуществу тремя лицами: Вильсон, Клемансо, Ллойд-Джордж“.

Спор о Фиуме. На самом деле, спор о Фиуме явился одним из мрачайших вопросов для И. послевоенного периода. Никто и никогда не придавал этому вопросу столь рокового значения, какое он приобрел впоследствии. Патриотические болтуны, одним из наиболее ярких представителей которых явился известный поэт Габриеле д'Аннунцио, сумели надуть такого тумана вокруг этого вопроса, что он на долгое время превратился в один из центральных пунктов внешней политики И. В действительности значение его для И. вовсе не так уж велико. Начать с того, что во время Лондонского совещания союзников 1915 г. ни одному из государственных деятелей Европы и в голову не приходило придавать какое-либо значение этому вопросу. Решение, которое было в Лондоне принято относительно Фиуме, сводилось к тому, что этот город должен быть присоединен к Хорватии — независимо от того, будет ли Австро-Венгрия и в дальнейшем существовать, как самостоятельное государство, или Хорватия будет от нее в том или ином виде отделена. Упомянутая выше патриотическая шумиха привела к тому, что этот город с 50-ти тысячным населением и с товарооборотом в 2 миллиона тонн служил попеременно яблоком раздора то между И. и Америкой (Вильсон возбудил против себя ненависть итальянских патриотов именно тем, что высказался против присоединения Фиуме к И.), то между И. и Юго-Славией. Одно время спор между Юго-Славией и И. о Фиуме был разрешен тем, что Фиуме был превращен в независимое государство. Однако, пресловутые легионы патриота д'Аннунцио, войдя в Фиуме, разогнали Учредительное собрание, заседавшее в городе, и провозгласили диктатором сумасбродного поэта. Несчастному городу пришлось немало вынести от диктаторского правления д'Аннунцио, который в конце-концов под давлением королевских войск должен был убраться отсюда. После этого, приблизительно с 1921 г., фиуманский вопрос явился предметом продолжительных дипломатических переговоров между И. и Юго-Славией, благополучно разрешившихся соглашением в конце января 1924 года. В основе соглашения лежат следующие поло-

жения: обе договаривающиеся стороны признают, что „независимое государство Фиуме“ отныне перестает существовать. Город Фиуме присоединяется к И. Юго-Славии предоставляется — кроме города Сусака, который отошел к ней в силу первоначального соглашения в Рапалло в ноябре 1920 г., — еще порт Барос и дельта Энео, с прилегающими местностями, составляющими два предместья Фиуме. Кроме того, белградское правительство получает в свое пользование на срок в 50 лет за определенную плату один из четырех доков в Фиуме. Зато водопровод и электрический завод включаются в состав итальянской территории. Так. обр., до мелочей разрешен вопрос, имеющий на самом деле для И. второстепенное значение, но стоявший все эти последние годы в центре внимания итальянской дипломатии. С момента заключения январьского соглашения вновь открылись пути к сближению между И. и Юго-Славией. Фиуманского вопроса, как такового, больше не существует. Вряд ли могут быть сомнения, что нынешний премьер И., придавая такое огромное значение разрешению этого вопроса, преследовал по преимуществу политические цели: нужно было доказать, что все предшествующие правительства оказались неспособными разрешить этот вопрос с такой ловкостью, с какой ему удалось это сделать. При этом газетная шумиха постаралась заглушить то обстоятельство, что никаких особых выгод для И. этим январьским соглашением не достигнуто, что на подобных условиях соглашение могло бы быть заключено уже давно предшествующими кабинетами. Нотакова основная черта общественногосударственной жизни И. послевоенного периода: серьезные экономические вопросы заглушаются политической трескотней. Реальные нужды трудящихся приносятся в жертву соперничеству политических партий, раздирающих современную итальянскую буржуазию.

Борьба политических настроений во время войны. С самого возникновения мировой войны трудящиеся массы И., помимо своей естественной ненависти ко всякой войне, разочарованные уже давно печальными результатами военных колониальных авантур предыдущих правительств, своим природным чутьем как бы предвидели отмеченное нами огромное несоответствие между жертвами, которые вынужден был принести на алтарь союзников итальянский народ, и теми ничтожными выгодами, которые могло ему принести возвращение ирредентистских земель и прочие лозунги „велико-итальянской политики“. Как показали события, „великая И.“ нужна была только тем политическим авантюристам, которые под по-

кровом патриотических лозунгов настойчиво добивались власти. Между тем, экономическое положение внутри страны ухудшалось с каждым днем. Раздутая искусственными мерами металлургическая промышленность не могла поглотить всего того излишка населения, который явился результатом почти полного прекращения эмиграции во время войны. Как известно, эмиграция является для итальянского населения, задыхающегося в границах небольшой территории, совершенно необходимым клапаном, регулирующим вопросы безработицы, продовольствия и экономической жизни страны вообще. Для И. вопрос участия в мировой войне продолжал оставаться спорным даже в тот момент, когда кровь итальянских солдат уже текла потоком на ее границах, а северные области были разрушены австро-германскими снарядами. В стране росло недовольство, подогреваемое слухами о том, что утомление войной охватывает армии и в других странах. События русской революции 1917 г. имели огромное влияние на настроение трудящихся масс в И. Период 1918—1920 гг. является периодом нарастания революционного рабочего движения в И. Сюда начинают доходить слухи не только о русском Октябре, но и слухи о попытках социальной революции в Венгрии и Баварии. Организация трудящихся в городах и деревнях И. делает огромные успехи. И. — страна по преимуществу сельскохозяйственная, хотя ей и не хватало никогда собственного хлеба (недостающие 30—40% хлеба всегда покрывались ввозом из России, а во время войны — из Америки, Аргентины и т. д.), — до последнего времени отличалась наиболее архаическими формами землевладения. Сельскохозяйственные рабочие владели самым жалким существованием и эксплуатировались нещадным образом. Только в 90-х гг. в И. впервые заговорили о необходимости заключения договоров о найме между помещиками и рабочими. Крестьянство и мелкие фермеры (по преимуществу, „половинки“) страдали от беззащитного хищничества посредников. Под влиянием революционного подъема 1918—1920 гг. в итальянской деревне произошли коренные изменения. Прежде всего, произошла — как и во многих других странах во время войны, — существенная „передвижка“ земли из рук крупных землевладельцев в руки середняцких и беднейших элементов деревни. Рабская зависимость от посредников значительно сократилась. Багратчество организовалось и путем упорных и решительных забастовок значительно улучшило свое положение. Вся деревенская И. покрылась густой сетью „красных лиг“ и „камер труда“, регулировавших вопросы распределения

работы, условий найма и т. д. Однако, в то же время аграрное законодательство не шло дальше наделения земель на льготных условиях только участников войны (декр. 15 дек. 1921 г., см. XLVI, 590/591). В городах кипела организационная работа, вызванная необычайным ростом синдикального (профсоюзного) движения. Социалистическая партия, в то время еще объединенная, приобрела огромное влияние не только в деле организации рабочих, но и в таких областях, как парламентская, муниципальная, кооперативная деятельность. Пропаганда против дальнейшего ведения войны имела колоссальный успех. По всей стране прокатилось широкое забастовочное движение. Муниципалитеты в городах, общинные управления в деревнях, кооперативы, школы и всякие другие культурно-просветительные учреждения перешли, главным образом, в руки социалистов. Культурно-просветительным пунктом нарастания революционного движения явились события в августе-сентябре 1920 г., когда организованные в мощные синдикаты итальянские металлисты стали во главе движения, имевшего целью, по образцу русского Октября, захват в руки рабочих фабрик и заводов и передачу помещичьей земли крестьянам.

Провал августовского движения и зарождение фашизма. Движение в пользу захвата фабрик и помещичьих земель вначале не встретило особого противодействия со стороны правительства. У власти был тогда Джолитти, чрезвычайно опытный политик, всегда предпочитавший действовать медлительными средствами. На первых порах ни армия, ни полиция не противодействовали революционерам. Движение целиком охватило север И. и перекинулось в другие местности. Выигранное время Джолитти употребил на переговоры с реформистским крылом социалистической партии, лидеры которого (Д'Аррагона и др.) быстро согласились пойти на уступки. Джолитти пообещал рабочим право контроля над промышленностью и значительное улучшение их материального положения. С другой стороны, реформисты напечатали рабочим, что им все равно не удержат в своих руках захваченных фабрик. Их угрозы повлияли на рабочих и помогли Джолитти провокационным путем, но бескровно подавить движение. Вскоре рабочие вернулись к своим станкам, а прежние владельцы вновь стали во главе своих предприятий. Следует отметить, что в ту пору итальянский фашизм еще не обнаружил своей реакционной сущности и при-мого участия в подавлении движения не принимал. Возникши в самый разгар войны, как патриотическое движение, фашизм долгое время маскировался „велико-итальянской“ программой, направленной, гл. обр.,

к продолжению войны и отстаиванию перед лицом союзников великодержавного престола И. Первые кадры своих приверженцев Муссолини находил среди фронтовиков и увечных воинов. Перед ними он любил драпироваться в тогу патриота-республиканца, прикрываясь часто идеями Гарибальди и Мадзини. Монархические симпатии пришли к фашизму значительно позднее. Формальное начало организации фашизма в партию было положено в марте 1919 г. Летом 1920 г., в разгар движения, начатого туринскими металлистами, фашизм, как было указано, еще не рещался выступать в качестве откровенного защитника помещиков, предпринимателей, судовладельцев и т. д. в их борьбе с рабочим классом и крестьянством. Истинная социальная сущность фашизма была впервые вскрыта во время дебатов в парламенте в начале января 1921 г., когда оба враждующих лагеря—фашистов и социалистов—в лице своих депутатов выступили со взаимными обвинениями в подрыве государственного спокойствия и безопасности. Правительство делало вид, что в борьбе фашистов и социалистов оно сохраняет нейтральную позицию. На самом деле, это было неверно. Кабинеты Джолитти, Вономи и Факта, предшествовавшие фашистскому кабинету Муссолини, в действительности оказывали весьма активную поддержку фашистскому движению. Только при их поддержке и, в лучшем случае, попустительстве фашисты смогли раздобыть достаточное количество оружия, чтобы создать сначала нерегулярную, а затем регулярную „фашистскую“ милицию, которая и по сию пору является главным источником и опорой их власти. В противоположность 1918—1920 гг., период 1921—22 гг. является эпохой расцвета итальянской реакции, воплотившейся в фашизме, и неслыханного надругательства и насилий над грядущими массами И. Бесперывные карательные экспедиции, убийства, избиения, разгромы партийных помещений, поджоги революционных редакций и т. д.,—все это совершалось при молчаливой поддержке правительства и привело, в конце-концов, к полному обесцениению и раздроблению революционных организаций И. Буржуазия, справедливо увидев в фашизме наемную милицию для защиты своих классовых привилегий, всячески содействовала его успехам. С другой стороны, в среде революционных партий, происходила сложнейшая дифференциация. В отдельную партию выделились реформисты, оставшиеся социалистами только на бумаге. Центр социалистической партии всю свою деятельность сосредоточил на парламентской борьбе, и потому вполне естественным явилось отделение от него крайнего крыла, впоследствии превратив-

шегося в коммунистическую партию И. В результате фашистской реакцией разгромленными оказались и итальянские анархисты, пользовавшиеся сильным влиянием в массах, а также революционные синдикалисты. Кроме того, даже перед лицом общего грозного врага, в лице надвигающегося фашизма, революционные партии И. не сумели объединить своих усилий. Разумеется, фашистам гораздо легче было порознь бить коммунистов, анархистов и синдикалистов. Эта распыленность революционных организаций особенно ярко сказалась в решительной их забастовке августа 1922 г., неудача которой расчленила фашистам путь к захвату государственной власти. В октябре 1922 г. Муссолини—теоретический и боевой вождь фашизма—учитывая, с одной стороны, благосклонное отношение к нему буржуазии, запуганной „большевистской опасностью“, а, с другой стороны, видя разгром революционных организаций,—повел решительную атаку за захват власти. В последних числах октября была инспирирована опереточная „революция“, выразившаяся в том, что несколько тысяч фашистов двинулись „на Рим“. Когда королю предложили подписать декрет о введении осадного положения, которым, пожалуй, можно было бы предотвратить захват Рима фашистами, король заявил: „Я не стану подписывать такой бумаги, из-за которой итальянцы будут драться между собой“. Участь буржуазного правительства Факта была этой королевской сентенцией решена. В конце октября король предложил Муссолини образовать новый кабинет. Первого ноября 1922 г. фашистский кабинет Муссолини, в состав которого входило первоначально и несколько представителей других буржуазных партий, начал функционировать. В итальянской жизни открылась эра политического и экономического господства фашистов, продолжающаяся и до сих пор.

Развал парламентаризма. Описываемый период представляет собою картину систематического разложения итальянского парламентаризма. Буржуазные партии под влиянием внутреннего разложения, ярко сказавшегося уже к концу войны, до того изжили себя, что ни одна из них не могла себе обеспечить более или менее длительного и прочного господства в стране. Об этом свидетельствует беспрестанная смена правительств, при которой нынешнее правительство Муссолини оказывается наиболее прочным кабинетом. 21 марта 1914 г. Джолитти уступил портфель премьера Салаандре, который ушел со своего поста уже 5 ноября 1914 г. По настоянию короля Салаандра, однако, остался премьером реформированного кабинета, просуществовав-

шего до 10 июня 1916 г. (известен под именем „кабинета войны“—при нем И. вступила в мировую войну); далее, — кабинет Бозелли с 19 июня 1916 г. по 29 октября 1917 г.; кабинет Орландо — с 29 октября 1917 г. по 23 июня 1919 г.; кабинет Нитти — с 23 июня 1919 г. по 15 июня 1920 г.; кабинет Джолитти — с 15 июня 1920 г. по 5 июля 1921 г.; кабинет Бономи — с 5 июля 1921 г. по 26 февраля 1922 г.; наконец, два кабинета под председательством Факта — с 26 февраля 1922 г. по 1 августа 1922 г. и с 1 августа по 30 октября 1922 г.; нынешний кабинет Муссолини — с 31 октября 1922 г. В нем также произошли двукратно частичные изменения. В настоящее время (1926) в кабинет Муссолини больше уже не входят представители других политических партий: фашистский кабинет отныне по своему составу целиком однороден.

Современные политические партии (ср. XXII, 469/476). Самой старой политической партией в И. является либеральная. В отличие от других европейских стран, — итальянская либеральная партия состоит из целого ряда отдельных течений, почти не связанных между собой. Так, правое течение итальянского либерализма почти сливается с консервативной партией. Этим, в свою очередь, объясняется то обстоятельство, что консервативные элементы И. всегда представляли собою совершенно аморфную массу, между тем, как либералы — почти при каждом правительстве, включая фашистское, пользуются значительным весом. Лидерами либеральной партии в И. являются Джолитти, Орландо и Саландра. Либеральная партия в И. является одним из крупнейших и серьезнейших противников революционного рабочего движения. Этим и объясняется поддержка, оказанная либералами осенью 1922 г. фашистам, в момент захвата ими государственной власти (последний либерал — министр Овиллио, вышел из состава кабинета Муссолини в декабре 1924 г.). Только в последнее время, когда фашизм стал проявлять признаки разложения, либералы, во главе с Джолитти перешли в оппозицию.

Народно-католическая партия („пополари“), во главе с их вождем Дон-Стурцо, по отношению к фашизму занимала все время более решительную позицию. В настоящее время она является наиболее решительным противником фашизма из лагеря буржуазных партий. Буржуазно-радикальная партия — „ниттианци“, в которой главным ее вождя Нитти, находящегося в эмиграции, — сменил популярный неаполитанский депутат Амендола (ум. в 1926 г.), стоит во главе антифашистской буржуазной оппозиции. Унитарная партия социалистов, имеет во главе Турати Ладзари;

к ее руководителям принадлежал также и Маттеотти в июне 1924 г. убитый фашистами за свои разоблачения. Коммунистическая партия, — во главе с Дженаери, Грамши и др., имеет своим органом „Унита“; она насчитывает до 30.000 членов. Деятельность анархистов в настоящее время почти совсем приостановлена под влиянием фашистских репрессий. Однако, анархисты сохраняют большие связи с рабочими массами И. Лидером их является 70-летний Энрико Малатеста.

В мае 1921 г. состав парламента был следующий: конституционалисты (либералы) — 275, социалисты — 122; католики — 107; коммунисты — 16; республиканцы — 7; немцы — 4; славяне — 4 (ср. XI, прилож., табл. 65).

По новому избирательному закону, введенному фашистами 18 ноября 1923 г., прежняя система пропорционального представительства отменена. Вся территория королевства, в целях производства выборов, делится на 15 округов, — и та партия, которая получает большинство голосов во всех избирательных округах, имеет право не на простое и пропорциональное, а на абсолютное большинство в парламенте (2/3). Благодаря этой системе, — фашисты и получили 356 голосов из 536. В настоящее время фашисты пользуются „неоспоримым“ большинством в парламенте, так как все оппозиционные партии — в результате дела об убийстве Маттеотти — отказались от всякой активной работы в парламенте. Последние выборы в парламент имели место в апреле 1924 г.

Юридически вся исполнительная власть и целый ряд других крупных привилегий принадлежат королю (ср. XXII, 460/469). На самом деле война нанесла существенный урон престижу короля. Приход же к власти Муссолини превратил последнего в фактического диктатора страны, сохранив за королем только его титул.

„Реформы“ фашистов. Взяв власть в свои руки, фашисты открыто занялись подавлением революционного рабочего движения и защитой привилегий богатых классов. Революционно-синдикальное движение, насчитывавшее свыше 2 миллионов организованных рабочих, почти совершенно разгромлено. При поддержке существующей власти эти союзы по большей части заменены желтыми фашистскими синдикатами, ставящими своей целью заменить борьбу классов, единением рабочих и капиталистов в целях возвышения родины“. Всякая самостоятельность рабочих и крестьян немедленно подавляется фашистской милицией, ныне именуемой „национальной добровольной милицией“, на самом деле представляющей собою боевые отряды фашистской партии, — при чем содержание

этой милиции, по самому скромному подсчету, обходится государственной казне в 60 милл. лир ежегодно. Реформа налогового обложения, произведенная фашистами, своим острым также направлена против трудящихся масс. В первый же месяц своего пребывания у власти фашисты распространили прямое налоговое обложение на 500.000 человек, ранее не подлежавших обложению; в настоящее время прямые налоги распространены и на безработных. Косвенное обложение преследует ту же цель — переложения на плечи трудящихся всех тягот послевоенной разрухи, а гл. обр., вздорожания продуктов первой необходимости. „Экономия государственных расходов“, столь торжественно возвещенная фашистами, на самом деле свелась к увольнению со службы всех с точки зрения фашистов политически-неблагонадежных элементов (так, уволено несколько десятков тысяч заподозренных в революционном образе мыслей железнодорожников). Не менее значительной реформой в пользу имущих классов явилась денационализация части железных дорог и других государственных предприятий первостепенной важности. Все рабочее законодательство, добытое рабочим классом И. в результате долготлетней упорной борьбы, на самом деле, сведено на-нет.

Описанные „реформы“, а главное, неопи- сываемый белый террор фашистов не могли, в конце-концов, не привести к нарастанию возбуждения и недовольства в стране. Убийство Маттеотти только переполнило чашу терпения. В течение второй половины 1924 г. от Муссолини откололись почти все прежние его попутчики из буржуазно-патриотического лагеря. В самой партии

растет возбуждение крайних элементов, находящих политику Муссолини слишком уступчивой по отношению к противникам. Никогда еще за все шестилетнее существование фашистской партии она не находилась в состоянии такой почти полной изоляции от всех остальных политических партий. Вряд ли фашистский кабинет может похвастать большими успехами и в области внешней политики. Мы уже видели, что урегулирование отношений с Юго-Славией не принесло И. ни особых выгод, ни возвеличения ее международного престижа. Не возвеличение, а существенный урон международному престижу И. привнесло нападение итальянских войск на почти беззащитную Грецию (см. ниже ст. *Греция*), выразившееся в обстреле греческого острова Корфу, в отместку за убийство председателя пограничной албано-греческой комиссии, итальянского генерала Теллини; точно так же, как 50 милл. лир, истребованные от Греции в качестве „военной“ контрибуции, вряд ли заполнят существующие прорехи в итальянской казне. В отношении Большой Антанты И. попрежнему играет подчиненную роль. С приходом к власти в Англии консервативного кабинета, горячо приветствовавшегося Муссолини, внешняя политика И., вновь входит в фарватер внешней политики Англии, с которой фашистский кабинет координирует все свои последние выступления (в репарационном вопросе, в Марокко и мн. др. местах). Еще более спорными являются результаты „экономической“ политики фашистов. Фашизм, несомненно, внес „успокоение“. Массовые стачки сразу прекратились. Официальные данные о стачечном движении с начала войны таковы:

Годы.	Число конфликтов.		Количество непосредственн. участников.		Количество потерянных дней работы.	
	Промышл.	Сельско-хозяйств.	В тысячах.		В тысячах.	
			Промышл.	Сельскохоз.	Промышл.	Сельскохоз.
1914	794	82	182,4	49,3	7.122	482
1915	541	68	132,2	47,8	673,1	197,4
1916	519	61	124,0	14,9	70,8	100,6
1917	445	27	168,8	6,2	832,1	18,2
1918	306	10	158,8	0,7	90,4	3,3
1919	1.671	208	1.054,3	505,1	18.998,2	3.436,8
1920	1.897	189	1.286,1	1.045,7	16.609,6	14.171,0
1921	1.111	89	704,8	79,3	8.555,2	407,4
1922	589	23	441,6	25,1	6.964,4	330,7
1923	214	1	73,2	0,1	447,4	0,5

Для обеспечения „порядка“ профессиональные союзы и их фонды были подчинены правительственному контролю, и в известных случаях выборная администрация союзов могла быть заменена администрацией по назначению правительства (декр. 24 янв. 1924 г.). Завершением мер по успокоению явился зак. 3 апр. 1926 г.; откровенно и просто он представляет легализацию только фашистским профсоюзам, союзам, все члены которых отвечают требованиям „политической благонадежности с национальной точки зрения“, и эти союзы, хотя бы они обнимали не более 10% рабочих данной профессии, делает единственным законным представительством всех рабочих этой категории; далее, он устанавливает судебное разрешение всяких конфликтов между рабочими и работодателями и на основании этого совершенно запрещает всякие стачки и локауты под угрозой штрафа для участников забастовок от 100 до 1000 ливр и тюрьмой для подстрекателей и руководителей (для предпринимателей, объявляющих локаут — штраф от 10 тыс. до 100 тыс. ливр). Фашистское правительство, следов., как бы приняло на себя заботы о положении рабочего класса. Что же дал итальянскому рабочему фашистский режим? В результате участия И. в мировой войне территория ее увеличилась на 24 тыс. кв. килом., прибл. на 9% (не считая колоний), население за 10-летие, с 1911 по 1921 г., возросло в королевстве (без колоний) с 34,7 милл. до 38,8 милл. (см. ХЛ, прил. *Современн. состояние важн. госуд.*, стр. 9). Но завоевания не убавили необходимости искать заработка в чужих странах, а найти его становится все труднее вследствие ограничений, принимаемых в странах иммиграции, в особенности вследствие процентных норм (национальных „квот“), установленных Соединенными Штатами. Обещания правительства Муссолини добиться смягчения этих ограничений остались невыполненными. Эмиграция за океан, в Америку, сильно сократилась, взамен того усилился отход в европейские страны, главным образом во Францию, но и там, с окончанием работ по восстановлению опустошенных департаментов, спрос на приехавших иностранных рабочих сильно сократился. Общий ход миграционного движения за повоенное время виден из следующих цифр:

Годы	Число эмигрантов		Всего	Вернулось из-за океана
	за океан	в европ. и др. страны		
1909/13	219.600	237.000	556 600	176.300
1913	428.484	313.000	741 484	183.978
1920	211.227	153.717	364.944	77.369
1921	194.320	60.846	255.166	92.212
1922	121.410	123.030	244.440	54.262
1923	177.093	229.854	406.907	39.660
1924	130.779	271.689	401 868	60.676
1925	104.421	207.617	312.038	60.421

На ряду с громадной эмиграцией безработица временами достигает грозных размеров. Набор фашистской милиции и вообще большое поглощение безработных и люмпен-пролетариев партией первоначально несколько ослабили безработицу, но к концу июня 1923 г. число безработных составляло уже 216.000, в декабре—281.000, в янв. 1924 г.—225.000, к концу июня это число понижается до 131.000, к концу марта 1925 г. он равняется 157.000, к концу апреля—126.000, к концу марта 1926 г.—109.000 и к концу апреля—98.000. Несмотря на ослабление безработицы за последнее время, статистика заработной платы раскрывает крайне печальную картину. По данным Международного Бюро Труда, реальная плата взрослого рабочего в И. (в среднем для строительн., металлургич., полиграфич. и мебельн. производств) самая низкая в Западной Европе после Португалии. Если принять реальную заработную плату в Лондоне (в переводе на продовольственные продукты среднего по всем рассматриваемым странам рабочего бюджета и с учетом квартирной платы) за 100, то реальная плата рабочего в Милане составит на 1 января 1926 г. лишь 49, в то время как в Копенгагене она равнялась 128, в Осло (Христиани)—102, в Берлине—70, в Вене—52, в Брюсселе—59, в Мадриде (без учета разницы в квартирной плате)—59. Вполне такое же соотношение между реальной зар. платой в Милане и Лондоне было и в июле 1924 г., так что прогресса в этом отношении не наблюдается в И. никакого. Уровень заработной платы промышленного Милана—это уровень отсталой и разоренной восточной Европы—Лодзи и Риги. На ряду с тем 8-часовой рабочий день, установленный, правда, более номинально, чем фактически,—в сентябре 1923 г., декретом 30 июня 1924 г. отменяется и вместо того вводится 9-часовой рабочий день. Таковы основные итоги фашизма для рабочего класса И. Тем не менее уже после того, как полностью проявилась антипролетарская сущность фашизма, многие экономисты продолжали утверждать, что фашизм ведет к увеличению общенародного богатства И. Однако, сравнение с развитием других стран едва ли оправдывает такой оптимизм (ср. *Современное состояние важн. государств*, в прилож. к ХЛ т.). Лира продолжает падать. По сравнению с другими „странами-победительницами“, это падение выражается в следующем отношении бумажной валюты к золоту в среднем за год:

	1920	1921	1922	1923	1924	1925
Великобритания	75,11	79,11	91,08	93,99	90,78	99,25
Франция	36,28	38,63	42,41	31,46	27,07	24,69
Бельгия	38,05	38,66	39,72	27,02	24,01	24,66
Италия	25,56	22,20	24,57	23,84	22,58	20,61

В то же время повышение розничных цен на продовольственные продукты и общее вздорожание жизни рабочего (ср. названн. прилож., табл. 45—46) по сравнению с июлем 1914 г. выражалось в следующих процентах:

	Вздорож. продов. продуктов.			Общее вздорожание жизни.		
	VII 1924	VII 1925	VII 1926	VII 1924	VII 1925	VII 1926
Великобритан.	62	67	61;	70	73	70;
Франц. (Париж)	260	321	444;	267	301	385;
Бельгия	?	?	?	393	409	458;
Италия (Милан)	408	502	545;	412	498	542;
			IV			IV

Одних этих цифр достаточно, чтобы поставить под сомнение всякий оптимизм казенных апологетов фашизма.

Г. Сандомирский.

XXV. Сербия во время войны (ср. *XXIV*, 314—378). К началу мировой войны сербское королевство представляло страну весьма незначительную как по своим размерам (87 т. кв. км.), так и по численности своего населения (ок. 4,5 м.). В том и другом отношении, а также в смысле своего хозяйственного развития она уступала своей балканской сопернице, Болгарии. Если С. тем не менее сыграла исключительно важную роль в возникновении войны, то причина этого заключалась, помимо напряженности отношений двух великодержавных группировок Европы, тройственного союза и тройственного соглашения, не столько в значении, приобретенном С. после двух балканских войн 1912 и 1913 г. на Балканском полуострове, сколько во внутренних условиях жизни соседней с нею Австро-Венгрии, в частности в борьбе славянских, в особенности юго-славянских, народов Австро-Венгрии против господства над ними немцев в Австрии, мадьяр в Венгрии. Количество юго-славян (хорватов, словенцев, сербов), входивших в состав разных областей двуединой монархии, значительно превышало количество населения самой С., притом не только до балканских войн, но и после присоединения к королевству большей части Македонии. Начавшееся еще в первой половине XIX в. движение в пользу освобождения всех юго-славян от тройного немецко-мадьярско-турецкого владычества, возродилось с новой силой в первые годы XX века и приобретало серьезное значение. Внешним выражением его служило обложение долго враждовавших между собою австро-венгер. хорватов и сербов на почве так-наз. „фяумской резолюции“ 4 окт. 1905 г., являвшейся одним из отражений русского революционного движения тех дней,—резолюции, в которой провозглашалось „право каждой нации распоряжаться свободно и не-

зависимо своим существованием и своей судьбой“, при чем в основе ее лежало положение о полной общности интересов и стремлений хорватов, сербов и словенцев, как частей одного и того же народа. Образовавшаяся на этих началах сербо-хорватская коалиция сразу стала господином положения в Загребском сейме, и никакой избирательный и иной террор ряда последовательно сменявшихся друг друга балов Хорватии (бар. Раух, Томашич, Чувай, Скерлеч) не мог сломить сопротивление объединившихся юго-славян. Скандальные процессы, сначала Загребский—„53-х“ сербов, обвиненных в государственной измене (март 1909 г.), затем проф. Фридриха, печально обвинившего видных хорватских деятелей в предательских сношениях с Белградом на основании документов, которые, как было установлено на суде, были сфабрикованы с ведома и согласия венского мин. ин. дел, свидетельствовали о крайней нервности австро-венгерских властей.

Уже тогда влиятельные, в особенности военные, круги во главе с нач. ген. штаба, ген. Конрадом фон Гетцендорфом, лицом, близким к наследнику престола, эрцгерцогу Францу Фердинанду, настаивали на необходимости воспользоваться ослаблением России после русско-японской войны и революции 1905 г., дабы при первом удобном случае покончить с самостоятельным существованием С., на которую в Вене еще с 70-х годов прошлого века, если не раньше, привыкли смотреть, как на страну, входящую в первую очередь в сферу австро-венгерского влияния на Балканах. Между тем уже в последнее время Александра Обреновича (уб. в 1903 г.) и в особенности со времени воцарения Петра Карагеоргиевича положение Австро-Венгрии и здесь сильно пошатнулось. Боснийский кризис 1908—09 г., вызванный аннексией Боснии Австро-Венгрией (окт. 1908 г.), доказал, что последней приходится при своих расчетах на владычество над С. считать не только с Россией, но и с англо-франко-русской Антантой в целом, а балканские войны 1912—13 г. еще более осложнили положение, почти удвоив территорию С. и ее население вследствие присоединения к ней почти всей северной и средней Македонии. Двуединой монархии удалось, правда, не допустить С. через северную Албанию к Адриатическому морю, что представлялось для сербской хозяйственной жизни существенно важным в виду систематически враждебной ей таможенной политики дунайской монархии. Остановить рост „юго-славянского Пьемонта“ ей, однако, не удалось и в этом одном уже заключалось не только сильное поражение, но и важная угроза для всего положения Австро-Венг-

рии на Балканском полуострове: осуществление старой австрийской мечты о завладении Салониками отныне было возможно только после полного разгрома С. и поглощения ее Австро-Венгрией. В то же время восторженный отклик, с которым в югославянских областях империи была встречена весть о блестящей победе сербских войск над турецкими при Куманове (23—24 окт. 1912 г.) и о дальнейших успехах сербских родичей, свидетельствовал о том, что дело шло уже не только о господстве Австро-Венгрии над зап. частью Балканского полуострова, но и о сохранении под ее властью Хорватии, Далмации, Боснии с Герцоговиной, Славонии и Баната. Дальнейшее развитие движения грозило, таким образом, всему составу двуединой монархии, ибо не могло быть сомнения, что успех юго славянского движения тотчас отразится и на чехо-словацком движении, с которым у юго славян и без того уже существовала тесная связь.

Убийство Франца Фердинанда в Сараеве (28 июня 1914 г.) предоставило, наконец, сторонникам решительной политики в Вене возможность довести конфликт с С. до кровавой развязки. Заручившись согласием Зерлина на необходимость „устранить С. как политический фактор на Балканах“, руководители австрийской политики убедили и венгерского премьера, гр. Тиссу, примкнуть к их точке зрения, хотя раньше он, по старой венгерской традиции, относился отрицательно к увеличению численности славянского элемента в монархии Габсбургов. После этого предъявили С. 23 июля ультиматум, о котором англ. мин. ин. дел, Грей, тогда же выразился, что „он никогда до тех пор не видел, чтобы какое-либо государство обратилось к другому государству с актом столь грозного характера“. Обвинив сербские власти в „преступном попустительстве“ террористической пропаганде, а разных сербских офицеров и должностных лиц в соучастии в убийстве, ультиматум потребовал уничтожения как сербской националистической организации „Народна Одбрана“, так и всяких других подобных организаций, увольнения всех военных и гражданских лиц, которые будут указаны Австро-Венгрией, как виновные в противо-австрийской пропаганде, и обязательства сербского правительства не только арестовать ряд определенных лиц, обвиняемых в соучастии в сараевском преступлении, но и предоставить Австро-Венгрии участие как в производстве следствия, так и „в подавлении противогосударственного движения“.

Ответ С. оказался, несмотря на неслыханный характер предъявленных ей требований, более чем миролюбивым: она согла-

силась на „такое сотрудничество (двух правительств), которое согласуется с принципами международного права, с уголовным процессом и с добрососедскими отношениями“, не согласившись лишь на участие австро-венгерских должностных лиц в предстоящем следствии, как противоречащем конституции и существующему закону об уголовном судопроизводстве, да и то соглашалась на „обмен сведений по конкретным случаям“. Даже Вильгельм II признал, что большего нельзя было требовать, однако австро-венгерскому посланнику в Белграде была дана инструкция довольствоваться лишь совершенно безоговорочным принятием всех предъявленных С. требований, и тотчас по получении сербского ответа 25 июля 1914 г. он вручил Пашичу ноту о разрыве дипломатических сношений и выезде его со всей миссией из Белграда. Дальнейшее течение событий зависело уже от непосредственных сношений великих держав, из коих Россия 27 июля, призывая С. „не пренебрегать никакими мерами, которые могут привести к соглашению“, в то же время заверила ее, что она ни в каком случае не перестанет заботиться о судьбе С.

Начало военных действий со стороны Австро-Венгрии последовало, вопреки всеобщему ожиданию, лишь 12 авг. За это время правительство переехало из Белграда в Ниш и успело созвать скупщину, которая уже 1 августа единогласно одобрила все действия министерства. Первое австрийское наступление (12—24 авг.) кончилось полной неудачей, и сербское войско перешло вслед затем в наступление, вскоре однако приостановленное. Вторая попытка австрийцев (пол. сент.) также не имела успеха, и лишь 6 ноября начались более серьезные военные действия, приведшие 29 ноября к занятию австрийцами Белграда. В виду этого чисто радикальный кабинет Пашича был сменен коалиционным кабинетом, при чем скупщина единогласно одобрила заявление правительства, что целью борьбы должно быть „освобождение и объединение всех наших сербских, хорватских и словенских братьев, еще не освобожденных“. Успехи австрийцев и на этот раз не были продолжительны: воспользовавшись при помощи держав недостатком в снарядах и т. д., сербская армия принудила противника уже 14 дек. очистить всю территорию королевства.

Успешный для сербов ход войны объясняется, главным образом, отвлечением почти всех австро-венгерских сил на русский фронт и не имел решающего значения для балканского театра военных действий, в особенности пока не удалось обеспечить если не присоединение Болгарии к антигерманской коалиции, то хотя бы ее нейтралитет. Усилия Сазонова (нота от 5 авг.

1914 г.) в этом направлении, которые, очевидно, предполагали уступки сербов в отношении Македонии, не поддержанные Англией и опростовованные Грецией, с которой С. связывал с 1 июня 1913 г. оборонительный союз против Болгарии, точно так же оказались бесплодными, как и последующие усилия всей Антанты: в С. не хотели даже при самых тяжелых условиях отказаться от фактического обладания хотя бы частью Македонии, покада союзные державы не гарантируют ей присоединение югославянских земель, чего союзники не могли как по ходу военных действий, так в особенности в виду их переговоров с Италией, пригрозившей на присоединение значительных югославянских земель, как на условии ее вступления в войну (Лондонский договор 26 апр. 1915 г. действительно подчинил Италии около 700 т. югославян). В результате Болгария после русских поражений в Галиции, Польше и Западном крае (май—авг. 1915 г.) и англо-французских поражений на Дарданеллах (решающее в авг. 1915 г.) встала на сторону срединных империй, и С., истощенная вдобавок страшной эпидемией сыпного тифа (весна 1915 г.), стала в окт. и ноябре 1915 г. легкой добычей соединенных усилий австро-германских войск, с одной стороны, болгарских, с другой стороны. Остатки же сербской армии отступили при страшно трудных условиях через Черногорию и Албанию к Адриатическому морю, где были взяты на союзные суда и препровождены на остров Корфу; там же обособилось и сербское правительство. Лишь незначительный сербский отряд пробился через Призрен к Монастиру, где соединился с стоявшими там же сербскими частями и нашел опору в англо-французском отряде ген. Саррайля, высадившемся в сен. 1915 г. в Салониках.

Вся С., за исключением небольшой области к ю. от Монастира, была разделена между Австро-Венгрией и Болгарией, из коих последняя заняла долину Тимока, Ниш и всю Македонию. Оба государства считали достигнутые ими результаты окончательными и повели жесточайшую борьбу против всего сербского. Болгарские власти в частности объявили, что С. перестала существовать как государство, и провели мобилизацию местного населения, распространяемую в февр. 1917 г. на всех мужчин, фактически способных носить оружие. Восстание в Куршумлийских горах было подавлено с страшной жестокостью (март 1917 г.). Лишь постепенное усиление салоницкой армии англо-французскими войсками и реорганизованной за время своего пребывания на Корфу сербской армией и истощение болгарского фронта повело в окт.

1918 г. к прорыву болгарского фронта у Добродоля, выходу Болгарии из войны и восстановлению сербской власти над довоенной территорией, а вслед затем и к образованию соединенного королевства сербов, хорватов и словенцев (см. Юю-Славия).

Библиография: *Seton-Watson*, „The rise of nationality in the Balkans“, 1917; „*La Serbie économique*“ (1914—1918); *Iovan Cvijic*, „*La Péninsule Balkanique*“, 1919; *Jakshitch*, „*L'Europe et la résurrection de la Serbie*“, 1919; *Conrad von Hötzendorff*, „*Aus meiner Dienstzeit 1906—1918*“, 4 тома (многочисленные важные документы), Вена, 1925; *Державин*, „Болгаро-сербские отношения и македонский вопрос“, 1914; *Гримм*, „Политическая обстановка военных операций для захвата Константинополя и проливов 1915—17 гг.“ (введение в изд. документов „Константинополь и проливы“, т. II, М. 1926).

З. Гримм.

XXVI Румыния в эпоху мировой войны. см. Румыния.

XXVII. Болгария. 1. Болгария до первой балканской войны (ср. II, 161—202). Критический момент в истории как болгарского, так и других народов Балканского полуострова, наступил, в отличие от прочей Европы, еще до мировой войны, а именно в 1912 г., когда началась первая (противотурецкая), а вслед за ней тесно связанная с нею вторая (междусоюзническая, 1913 г.) балканская война, прервавшие довольно длительный (1836—1912 г.) период внешне мирного, хотя и преисполненного хронических дипломатических и внутренних тревог, сосуществования Б. с ее соседями.

Время от 1878 до 1912 г. было отмечено сравнительно быстрым ростом хозяйственной жизни Б. как в сельскохозяйственной, так и в промышленной области, и освобождением ее (в особенности после 1885—1886 г.) от раздражающего постоянного вмешательства русской власти в ее внутренние дела. Освободивши Б. от турецкого владычества, Россия в то же время по состоянию собственных своих сил не могла обеспечить ей ни рынка для сбыта сырья, ни капиталов, необходимых для развития ее промышленности, ее путей сообщения и т. д. При малом интересе в те годы английского и французского капитала к Б., уже отсюда естественно вытекало преобладание австрийского, а далее и германского капитала в ее хозяйственной жизни, за которым следовало также преобладание политического влияния названных двух стран. Опорой русского влияния оставался и после состоявшегося в 1885 г. соединения кн. Болгарского с Вост. Румелией неразрешенный вопрос о национальном объединении всех частей болгарского народа

в „целокупной“ Б.,—вопрос, на пути разрешения которого, несомненно, стояла „туркофильская“ политика Германии и зависимой от нее в международном отношении Австро-Венгрии. Вопрос о национальном объединении имел при этом для нарождавшейся болгарской буржуазии отнюдь не только идеологическое, но и весьма реальное практическое содержание, ибо только приобретение Македонии и части Фракии могло открыть ей достаточно широкий выход в „Белое“ (Эгейское) море, вознаградить ее тем самым за потерю константинопольского рынка, обусловленную событиями 1877—78 гг., и отдать в ее руки богатые табачными плантациями прибрежные районы этих областей. С этой точки зрения различие между политической „замораживая“ разлагавшейся Османской империи, которой последовательно придерживались срединные империи, в особенности же Германия, и политикой России, противодействовавшей им и уже поэтому стремившейся к дальнейшему ослаблению Турции, было разительным. Если Россия при этом неуклонно стремилась к обладанию Константинополем и проливами, то часть, — и притом значительная часть, — добычи не могла не достаться на долю ее балканских сотрудников, в частности же на долю Б.

Ближайшие экономические связи и интересы толкали, таким образом, Б. чем дальше, тем больше в объятиях срединных империй. В то же время, однако, турецкая политика последних не только исключала или по крайней мере крайне затрудняла территориальные приобретения за счет Турции, но имела тенденцию превратить самую Б. в экономического и политического вассала, почти в колонию Германии на ее пути через Константинополь в Багдад. На противоречии этих двух фактов — экономической необходимости и политической целесообразности болгарской ставки на Германию — в конечном итоге и основывалась сбивчивость и внешняя противоречивость болгарской политики до 1915 г. Вопрос осложнился еще больше, когда стал все более выясняться возрастающий антагонизм Германии и Англии, с которой в Б. привыкли считать еще со времени Сан-Стефанского мира и Берлинского конгресса не менее, чем с Россией. Русско-английское сближение 1907 г., закрепленное летом 1908 г. ревельским свиданием Эдуарда VII и Николая II, во время которого в частности состоялось соглашение о совместном выступлении двух держав по македонскому вопросу, в отношении которого Россия, отвлеченная своими дальневосточными домогательствами, соблюдала с 1896 г. весьма сдержанное поведение, окончательно создавали совершенно новую международную

конъюнктуру на Бл. Востоке: вековая англо-русская вражда сменялась тесным единением двух держав, явно направленным на перерез одной из важнейших линий германской экономической и политической экспансии. С этого времени фактически и наступает, не разрешенный поныне, кризис балканской жизни, неизбежно разросшийся в общеевропейский, а через это и в мировой кризис 1914 и сл. годов.

Внутренние условия болгарской жизни определялись к этому времени следующими чертами. Подавляющую массу населения, а именно около 80% его (при общем количестве в 1910 г. — 4.400 тысяч вместо 4.0357 тыс. в 1900 г.), составляло население сельское. Среди последнего, в свою очередь, безусловно преобладали (около 87%) мелкие собственники, из коих более половины владели ничтожными участками величиною до 2 гект., остальные участками от 2 до 10 гект. Крупное землевладение (свыше 300 гект.) — в том числе ряд монастырей, владевших обширными лесами — играло как в экономическом, так в социальном отношении совершенно ничтожную роль. Такое же преобладание мелкого производства характеризовало и промышленность, находившуюся в руках ремесленников, организованных в цехи, и кустарей. Частный капитал, устремившийся преимущественно в торговлю, в частности в скупку сырья с последующим вывозом его, и в банковские операции, подряды, поставки и т. д., интересовался, главным образом, текстильной, мукомольной и табачной промышленностью. Тяжелая промышленность была слабо развита, и в этой области страна почти всецело зависела от ввоза, шедшего преимущественно из Австрии и Германии. Немногочисленные более крупные банки зависели от иностранного, главным образом опять-таки германского и австрийского, капитала.

Безусловное преобладание крестьянского и ремесленного, и в том и в другом случае достаточно примитивного, производства и слабость собственно болгарского капитала накладывали свою печать на всю политическую и культурную жизнь Б. Несмотря на широкое распространение грамотности и на наличность всеобщего избирательного права при однопалатной системе, масса был политически мало развита, руководилась преимущественно интересами местной колониальной и представляла руководство государственной жизнью буржуазии и близкой к ней интеллигенции. Выборы в Нар. Собрание неизменно давали большинство той партии, которая в данное время стояла у власти и руководила, не стесняясь средствами, самым производством выборов. Слабое развитие рабочего класса, естественно вытекавшее из слабого же развития

крупной фабрично-заводской и горной промышленности, исключало возможность более широкого организующего влияния пролетариата на остальную трудовую массу. Земледельческий же союз, зарождение которого относится к 1898—99 г., тогда только начинал свою работу по организации крестьянства.

Руководящую роль в политической жизни страны играла, таким образом, городская буржуазия и буржуазная интеллигенция, — или, вернее, эту роль играл царь (с 1908 г.) Фердинанд, привыкший после падения Стамбулова (1894) играть многочисленными болгарскими партиями, как пешками. Установление его фактически единоличного владения (так-наз. „фердинандовщины“), чему, казалось, должна была воспрепятствовать „демократическая“ болгарская конституция, строго проводившая идею ответственности министерства перед Нар. Собранием, было естественным последствием малой политической сознательности и организованности народных масс, с одной стороны, характера болгарской партийной жизни, с другой стороны. При всей многочисленности их (временами число партий превышало полтора десятка) буржуазные партии как по характеру своих программ, так и по характеру своей реальной деятельности мало чем отличались друг от друга. Программы всех их были (и остаются поныне) простыми сколками с обычного шаблона либерально или радикально „демократической“ фразеологии западноевропейских партий и сами по себе не дают, можно сказать, ключа для понимания их действительного характера. Что касается их реальной деятельности в те периоды, когда та или иная из них стояла у власти, то весьма трудно уловить, в особенности поскольку речь идет о внутренней их политике, в чем собственно заключается разница между ними. По своему составу они также мало чем отличаются друг от друга. Происхождением же и размножением своим они обязаны, главным образом, различию во взглядах на средства достижения внешнеполитических задач Б., с одной стороны, и в не меньшей, если не в большей степени игре личных, кружковых и т. д. влостейлюбий, а нередко и корыстолюбий, с другой стороны. Первый из этих моментов тесно связан с так-наз. „руссофобством“ одних (стамбуловистов, либералов, нац.-либералов и т. д.) и „руссофилизмом“ других (народников, цанковистов или прогрессистов, демократов и т. д.), т.-е. с отношением разных групп к вопросу о нежелательности или, наоборот, необходимости искать основную опору в области внешней политики в России. Вокруг этого вопроса повсюду чаще всего сосредотачивалась „идеологическая“ сторона их борь-

бы, отдававшей их фактически в руки Фердинанда.

Будучи как по своему личному происхождению, так и по происхождению своей власти над Б., а также в силу длительной напряженной борьбы с Россией за признание своего положения (1887—1896 гг.) и в силу своих честолюбивых замыслов (в 1912 г. он велел изобразить себя в облачении византийских императоров!) естественно наиболее близок к срединным империям, с одной стороны, к наиболее последовательным болгарским „руссофобам“, с другой стороны, — Фердинанд, однако, отнюдь не умиротворял в противорусской политике, поскольку заигрывание с Россией могло входить в его внутренно или внешне-политические расчеты данного момента, оставляя за собою всегда свободу перейти в случае надобности и возможности на сторону ее врагов. Поскольку же его стремления к личному возвышению, требовавшие территориального и иного возвышения Б., совпадали с стремлениями националистической во всем своем составе болгарской буржуазии, а также, за редкими исключениями, ее интеллигенции, его пути не расходились и с конечными целями „руссофилов“. Мало того. Вследствие исключительной роли, которую по вышеуказанным причинам играли в повседневной борьбе партий вопросы „национальные“, т.-е. вопросы внешнеполитические, именно эти вопросы являлись предметом не только особенно настоячивых взаимных обвинений, но и особенно усиленной пропаганды и служили едва ли не единственным объединявшим широкие массы населения идеологическим знаменем.

Достижение внешнеполитических задач предполагало, прежде всего, создание возможно более сильной армии. Основание ее было положено еще во время русской оккупации (1877—1878 гг.) и главенства русских офицеров как в армии, так и в военном министерстве Б. (1878—1885 гг.). С тех пор армия неизменно пользовалась особым вниманием всех партий и короны. К 1910 г. ее мирный состав доходил (со включением командующего состава) до 56.000 чел.; в военное время она могла быть развернута до 280.000 и (как показал опыт 1915 и сл. г.) даже более крупного состава, т.-е. представляла заметную силу на Балканском полуострове. Отсюда понятно, что расходы на армию составляли весьма значительную часть ежегодного бюджета страны, — а именно, не считая чрезвычайных расходов, покрывавшихся из займов, формально заключенных для других надобностей, в среднем за время до Балканских войн ок. 25% обыкновенного расходного бюджета, — и послужили одной из причин быстрого роста госуд. долга как в форме

иностранных займов, размер которых достиг к 1911 г. солидной цифры в 635 м. лев (= франков), так и в форме выпуска билетов государственного казначейства. Тем не менее эта статья расходов не вызвала сколько-нибудь серьезных возражений в Народном Собрании, ибо цель их пользовалась всеобщим признанием.

Даже и значительно более сильной армии было бы, однако, недостаточно для осуществления внешнеполитических задач, которые ставили себе в Б., силами одной этой страны. Болгарские притязания распространились до 1913 г. главным образом на Македонию и на более или менее значительную часть Фракии; вопрос о Добрудже, доставшейся Румынии в 1878 г. взамен уступленного ею России юго-западного клочка Бессарабии, и об отошедших тогда же к Сербии некоторых западно-болгарских местностях играл лишь второстепенную роль. Если приобретение Фракии, в особенности поскольку речь шла об Адрианополе—об одном из „священных“ для турок городов,—предполагало решительную победу над Турцией, то македонский вопрос, как его понимали в Б., означал ожесточенную борьбу за нее не только с Турцией, но также с Сербией и с Грецией, из коих последняя претендовала также и на прибрежную часть Фракии, в которой заметная часть городского населения была или признавала себя греческой. Между тем именно Македония привлекала к себе издавна главное внимание болгар, в особенности покуда первая Балканская война не выявила степени слабости Османской империи. Помимо других причин это объяснялось и тем, что македонский вопрос при всей его сложности все же не касался столь непосредственно, как фракийский, первоклассного во всей международной жизни Европы вопроса о Константинополе и проливах, где Б. пришлось бы считаться не только с Сербией и с Грецией, но со всеми европейскими великими державами и в частности с Россией. Особенная же трудность македонского вопроса заключалась (и заключается) в крайней пестроте состава местного населения—болгарского, сербского, вообще славянского, но не определившегося окончательно ни в болгарскую, ни в сербскую сторону, греческого, албанского, куцовлашского („румынского“), турецкого, еврейского. Все статистические данные о численном соотношении отдельных народностей, выдвигаемые заинтересованными в судьбах Македонии соседними государствами и их учеными, требовали (и требуют) самого осторожного обращения. За ними скрывается, сознательно или бессознательно, стремление доказать свои права на обладание всей Македонией или возможно более

значительной частью ее, при чем наиболее далеко шли в этом направлении притязания Б.

В виду всего изложенного было ясно, что благоприятное для Б. разрешение хотя бы одного македонского вопроса предполагало помимо боевой готовности болгарской армии также и наличие исключительного благоприятной международной конъюнктуры. Вразумное отношение русской власти к Фердинанду, естественно вынужденное в связи с этим смущение в болгарское общество и народ, а также в ряды активных деятелей македонского освобождения, создавших в 1893 г. в самой Софии свою центральную организацию, представляло, таким образом, само по себе серьезное препятствие на пути к осуществлению болгарских стремлений, ибо ставило болгарскую политику в полную зависимость от балканско-турецкой политики Германии и Австро-Венгрии, т.-е. закрывало ей практически путь в Македонию.

Этим объясняется первый решительный поворот в политике Фердинанда, выразившийся в отставке Стамболова (1894), за которой последовало вскоре (1895) и его убийство, и в согласии на переход наследного принца (ныне царя Бориса III) из католичества в православие (1896). В результате этим было достигнуто согласие России на признание Фердинанда, а стало быть и урегулирование международного положения самой Б. Отвлеченная возникновением на Д. Востоке китайского вопроса, Россия, однако, как раз тогда меньше чем когда-либо могла желать возникновения серьезных осложнений на Бл. Востоке, чем и объясняются как австрорусское соглашение 1897 г. (Лобанов—Голуховский), так и дополнившее его в 1903 г. Мюрштетское соглашение (Ламздорф—Голуховский), направленные против нарушения на Балканах вообще, в Македонии в частности, статус кво. Этим парализовалось как значение заключенной в 1902 г. русско-болгарской конвенции, так и все внешнеполитическое значение поворота в русско-болгарских отношениях, которым русская политика фактически воспользовалась не для активной поддержки болгарско-македонских стремлений в смысле скорейшего их осуществления, а для воспрепятствования преждевременному с точки зрения ее собственных интересов поднятию „восточного вопроса“ во всем его объеме. Не изменило ее политики и произошедшее в 1903 г. в Македонии кровавое восстание.

Уход России на Д. Восток с последующей русскояпонской войной и революцией 1905 г. вернули Австро-Венгрии первенствующее влияние на Балканах и привели еще в 1903 г. к новому повороту болгарской по-

литики, отразившемуся в переходе власти к ряду стамболовистских, т.-е. „руссофобских“, министерств (1903—1908), искавших инспирации не в Петербурге, а в Вене. Заключительным аккордом этой политики было —одновременное с аннексией Австро-Венгрии Боснии и Герцоговины—провозглашение независимости Б. и принятие Фердинандом царского титула.

Не впадая на этот раз в тяжелую ошибку, сделанную ею в 1885 г. после Филиппопольского переворота и присоединения В. Румелии к Б., русская политика, выступившая в интересах своего влияния в Сербии, хотя и безуспешно, против одностороннего акта Австро-Венгрии, предпринятого в формальное нарушение Берлинского трактата, не только не распространила этого протеста на, по существу совершенно одинаковый с австро-венгерским, акт болгарского правительства, но оказала Б. всяческое содействие как перед державами, так и перед Турцией, взяв, в частности, на себя возмещение Турции прав последней на болгарскую давь (конвенция 8 дек. 1909 г.). Вместе с фактом дальнейшего укрепления русско-английских отношений это привело к новому повороту болгарской политики не столько в сторону России, сколько в сторону англо-франко-русской Антанты, дружба с которой обеспечивала, казалось, большие возможности не только в отношении внешнеполитических задач болгарской политики, но и в смысле использования парижского рынка для необходимых Б. займов. При преобладавшем тогда как в Белграде и Софии, так и в Афинах влиянии Антанты, это естественно привело к мысли об образовании балканского союза, направленного ближайшим образом против Турции, косвенно же вместе с тем и против срединных империй. Инициатива соответствующих переговоров исходила в Афинах и в Софии от Англии, в Белграде — от России. В интересах облегчения их Великое Нар. Собр. признало по предложению министерства Гешова-Данева в июле 1911 г. необходимым изменить конституцию, предоставив царю руководство иностранной политикой и, в частности, право заключать договоры с иностр. державами, не внося их на утверждение Нар. Собрания. Итало-турецкая война за Триполис, начавшаяся в сент. 1911 г. и ослабившая еще более положение Турции, преданной на этот раз снова (как в боснийском деле) своими германскими и австро-венгерскими друзьями, ускорила заключение секретных союзных договоров Б. с Сербией (13 марта 1912 г.) и с Грецией (29-го мая), дополненных не только устным болгарско-черногорским соглашением (авг.), но и детальными военными конвенциями.

Согласно болгарско-сербскому договору, стороны гарантировали друг другу свою независимость и неприкосновенность, а также взаимную поддержку против „всякой великой державы“, которая пожелала бы занять какую-либо часть (европейской) Турции практически это было направлено против возможных пополюзований Австро-Венгрии на Новобазарский санджак — и обязались к совместным действиям для защиты интересов христианского населения Турции. На случай войны и победоносного ее окончания договор предусматривал приобретение Б. территории к востоку от Родопских гор и Струмицы, Сербией — территорий к северу и западу от Шар Планины. В отношении Македонии предусматривалась возможность двойного решения: либо образование из нее „автономной“ области, либо — „в случае невозможности“ такого решения — раздел ее, при чем Сербия обязывалась не пред'являть притязаний на (так-наз. „бесспорную“) южную часть Македонии до линии гора Голем — Охридское озеро. Вопрос о разграничении остальной („спорной“) области откладывался до последующих переговоров, при чем предусматривалась возможность арбитража русского царя. — „Оборонительный“ греко-болгарский союзный договор предусматривал совместную интервенцию в интересах Македонии и обеспечивал Греции благожелательный нейтралитет Б. в случае грекотурецкой войны за остров Крит. Вопрос о дальнейшей судьбе Македонии и, в частности, о разграничении в ней греческих и болгарских интересов не был разрешен. — Черногория, наконец, Б. обещала область Скутари и часть Новобазарского санджака.

2. *От начала первой балканской до конца мировой войны (1912—1918).* Война началась в начале октября 1912 г. и вопреки ожиданиям великих держав привела к полному разгрому Турции. Вынужденная вести войну на трех фронтах, турецкая армия оказалась неспособной противостоять союзникам. Победы при Кирк-Килиссе (22 окт.) и у Люле-Бургаса (29—30 окт.), приведшие к разгрому важнейшей из турецких армий, фракийской, позволили болгарам осадить Адрианополь и двинуться на Константинополь. Недостаток тяжелых орудий, продовольственные затруднения в бездорожной стране и начавшиеся эпидемии, однако, лишили их возможности быстро принудить к сдаче Адрианополь и взять защищавшие Константинополь с севера чатаджанские высоты. Тем временем сербская армия заняла всю северную и среднюю, а греческая всю южную Македонию с Салониками. В результате вся „бесспорная“ зона болгарско-сербского договора оказалась фактически в руках союзников.

Ей же самой еще только предстояло овладеть сильно укрепленным Адрианополем. Положение еще более осложнилось в связи с решительным протестом Австро-Венгрии против допущения сербов к Адриатическому морю (через северную Албанию), что неминуемо должно было усилить стремление Сербии увеличить свои приобретения в южном направлении, т.-е. в Македонии, с целью добыть в будущем выход в Эгейское море, — а сверх того и вытеснением Румынии, потребовавшей себе в качестве компенсации за предстоящее увеличение Б. уступки ю. Добруджи с Силистрией. Нескрываемые расчеты Фердинанда на приобретение Константинополя в то же время успели уже вызвать протест России, заявившей в Софии еще задолго до войны, что она признает Константинополь и прилегающую к проливам область „запретной зоной“.

Начавшиеся после перемирия 3 декабря 1912 г. в Лондоне мирные переговоры не привели к результату. В то же время, однако, европейская конференция, заседавшая там же одновременно с мирной конференцией, признала (21 дек. 1912 г.) Албанию автономной и тем самым закрыла Сербии доступ к Адриатическому морю, каковому решению Сербия была вынуждена подчиниться. В виду возобновления войны турками согласие между союзниками не обратилось тогда же в ожесточенную борьбу, а сохранилось впрямь до падения Адрианополя (24 марта 1913 г.) и других городов (Яника, Скутари) и до возобновления мирных переговоров.

Однако, еще до подписания прелиминарного мира (3 мая), коим Турция уступала союзникам все свои владения к западу от линии Энос-Мидия за исключением Албании и Эгейских островов, судьба которых должна была быть решена великими державами, — как Сербия и Греция, так и Б. стали готовиться к будущей борьбе за Македонию, неизбежной в виду того, что ни одно из трех государств не соглашалось ни на какие уступки, без которых мирное разрешение конфликта, очевидно, было невозможно. Фердинанд, в частности, которого из Вены еще осенью 1912 г. подговаривали к занятию Константинополя и который знал, что в Вене существовало сильное течение в пользу войны с Сербией, усиление которой вызывало там беспокойство в связи с сильным ростом юго-славянского движения в Австро-Венгрии, снова возложил свои надежды на срединные империи и распорядился о концентрации болгарских войск в районе Кавалы (против греков) и по сербско-болгарской границе. Переговоры же Сербии и Греции привели 1 июня к заключению между ними оборо-

нительного союза „против нападения какой-либо третьей державы“ и к формальному требованию Сербии о пересмотре договора 13 марта 1912 г. Обращение к арбитражу Николая II и с той и с другой стороны не имело серьезного характера. Формально ответственность за междоусобническую войну пала, однако, на Б. (приказ ген. Савова о нападении на сербские и греческие части от 29 июня 1913 г.). Вопреки ожиданиям болгарских властей бои на Брегалнице (1—8 июля) кончились, однако, победой сербов, после чего греки продвинулись во Фракию до р. Марицы, а румыны перешли Дунай (13 июля) и двинулись на Софию, а турки снова заняли Адрианополь. Окруженной со всех сторон врагами, находившимися в нескольких часах расстояния от столицы, Б. пришлось сдаться на милость врагам.

Букарештский мир 10 авг. 1913 г. и последовавший после него отдельный болгарско-турецкий мир в Константинополе (29 сент.) закрепили разгром болгарских надежд. Турция она была вынуждена вернуть всю восточную Фракию с Адрианополем; из прочих отобранных у турок земель она получила лишь зап. Фракию с Дедеагачем и незначительную полосу земель на западе, граничившую с обширными новыми владениями Сербии. Да и за это она должна была заплатить уступкой своей житницы, южн. Добруджи, Румынии. В результате население Греции возросло на 1.600 т., Сербии — на 1.300 т., Румынии — на 350 т. человек, Б. же — всего на 400 т. Потери же Б. доходили по последующим подсчетам до 58 т. убитых, 105 т. инвалидов, не считая громадных денежных затрат, доведших ее задолженность к 1914 г. до 969 м. лева. Весьма понятно, что ни идея балканского союза, ни надежды на Антанту, не сделавшую ничего серьезного, чтобы предупредить такой исход, не стали от этого популярнее в стране, потерпевшей от двух войн относительно даже больше, чем побежденная Турция. Этим определилось в значительной мере отношение Б. к начавшейся почти ровно через год после Букарештского мира (1 авг. 1914 г.) мировой войне. Выразителем ненависти к недавним союзникам и недоверия к Антанте стало министерство Радославова, ставшее у власти еще до Букарештского мира. В обращении к Фердинанду главные его вожди — Радославов, Тончев, Геннадиев и др. — публично выражали 5 июля 1913 г. уверенность, что „спасение нашего государства может быть обретоно лишь политикой, основанной на тесной дружбе с Австро-Венгрией. Эту политику следует принять тотчас и без колебаний, ибо каждый час имеет роковое значение“. Надежда на

австро-венгерское нападение на Сербию (авг. 1913 г.), правда, сорвалась вследствие отказа итальянского премьера Джолитти признать наличие *casus foederis* в отношении Сербии к дунайской державе. Тем не менее начинается сближение Б. с Турцией, а с марта 1914 г. в Софию начинают поступать с австро-венгерских заводов предметы военного снаряжения. Объявив себя нейтральной, когда началась мировая война, болгарская власть выжидает, кто ей предложит наилучшие условия и на чью сторону склонится победа, но заключает в конце 1914 г. на чрезвычайно тяжелых условиях (контроль над угольными копами и т. д.) заем в 500 м. фр. в Берлине. Беспомощная вследствие собственных внутренних разногласий в этом вопросе и вследствие упорного сопротивления Греции и Сербии против каких-либо уступок Б., дипломатия Антанты оказалась неспособной пойти по пути, на который ее хотела подвинуть в самом начале войны (ноятой Сазонова от 5 авг. 1914 г.) русская дипломатия, т.-е. по пути удовлетворения основных требований Б. в Македонии и Фракии. Поражения, понесенные Россией с мая по август 1915 г. в Галиции, Польше и Западном крае, Англией и Францией на Дарданеллах (последнее в августе 1915 г.) окончательно определили направление болгарской политики. В сентябре 1915 г. заключаются решающие договоры с средними империями и с Турцией, подчиняющие болгарскую армию германскому командованию и обещающие ей приобретение всей Македонии. Все болгарские партии, за исключением „тесных“ с.-д. (коммунистов), отвергавших всякое участие в империалистической войне, так или иначе содействовали или по меньшей мере не препятствовали энергично этому решению, ограничившись в последний решительный момент аудиенцией у Фердинанда с советом соблюдать и впредь нейтралитет. Осенью 1915 г. соединенные австро-германские и болгарские силы завладевают всей Сербией и Македонией; с осени 1916 г. болгарские войска принимают видное участие в разгроме Румынии, оканчивающемся новым Букарештским миром 5 марта 1918 г., львиная доля выгод которого досталась герм.-австр. союзникам Б., не предоставившим Б. в частности Добруджи. Параллельно с этим шла борьба на Салоникском фронте против высадившегося там в сент. 1915 г. англо-французского отряда, усиленного впоследствии как новыми войсками Антанты, так в особенности реорганизованной после своего исхода из Сербии сербской армией. Здесь именно совершились в сент. 1918 г. события, приведшие после победы сербов у Доброполя (15 сент.)

к прорыву болгарского фронта, беспорядочному отступлению болгар, наступлению части их с революционной целью на Софию, к просьбе правительства Малинова, заменившего Радославова еще в июне 1918 г., о перемирии (29 сент.) и к отречению Фердинанда (3 окт.) в пользу его сына, нынешнего царя Бориса III. Ставка на срединные империи оказалась, таким образом, битой, а последствия этого второго „погрома“ (по болгарскому выражению) оказались куда более тяжелыми, чем даже Букарештский мир 1913 г. Согласно Нейтскому мирному договору 27 нояб. 1919 г., Б. потеряла снова недавно отобранную у Румынии ю. Добруджу, всю отобранную у сербов Македонию и некоторые пограничные с новой Юго-Славией, стратегически важные области и уступила Греции предоставленную ей в 1913 г. западную Фракию с Дедеагачем, т.-е. выход к Эгейскому морю. Сверх того, ее армия была сокращена до 20 т. человек со включением офицеров и нестроевых частей, с упразднением всеобщей воинской повинности и какой-либо мобилизации населения, не входящего в состав армии, построенной на началах добровольного найма на срок не менее 12 лет и предназначенной исключительно „для поддержания порядка“ и „для пограничной полиции“. Сверх ряда тяжелых поставок натурой (скотом, углем), на нее возлагалась обязанность внести в качестве „репараций“ за причиненные победителям убытки колоссальную сумму в 2¼ миллиарда зол. франков, уплату которых она будто бы „способна взять на себя“, притом в 37 лет и с возрастающими процентами (за первые два года из 2, за последующие годы из 5%), и предоставить „союзным или объединившимся“ государствам победителям права наилучшего благоприятствования без взаимности с их стороны. Наблюдение за исполнением этих обязательств возлагалось на междусоюзническую репарационную комиссию, которой предоставлялся фактически полный контроль над финансовой и военной, а через это и над законодательной и административной жизнью страны, при чем расходы по содержанию всего контрольного аппарата возлагались точно так же на Б. Б. превращалась в финансово - политического вассала победителей.

3 Б. после войны и Нейтского мира (1918 — 1925). Крушение болгарского фронта у Доброполя было обусловлено не только физической силой противников, но и протестом болгарских народных масс против ни с чем несообразного переадресования их хозяйственных и волевых сил, вызванного тремя войнами и падавшего на ответственность руководивших политиче-

ской жизнью страны элементов, т. е. паря, буржуазии и примыкавшей к ним интеллигенции. Отсюда получился, естественно, и протест против всего строя довоенной и военной жизни с его пренебрежением к законным повседневным интересам жизни трудящихся масс, служивших в глазах руководителей лишь как субстратом для достижения ценных, по их—руководителей—мнению, „общенациональных“ задач, попытки к осуществлению которых послужили явственным проявлением пропасти, отделявшей буржуазно-интеллигентские и трудовые интересы народной жизни.

Все старые партии, не исключая и „широких“ соц.-дем. (меньшевиков), были дискредитированы.

Зато сильно возросло—не без влияния русской Октябрьской революции—значение „тесняков“, к которым примкнули помимо рабочих широкие слои интеллигенции, гос. служащих, народных учителей, железнодорожников и т. д. Однако, главным выразителем настроения масс стал Земледельческий Союз, с А. Стамболийским во главе. Основанный в конце прошлого века группой интеллигентов, порвавших как с социалистическим народничеством русского образца, так и с более или менее смутно ими воспринятой с.-д. идеологией, он нашел в лице Драгиева первого своего вождя, ставившего ему цель организовать крестьянство, как таковое, и добиться для него соответствующего его численности значения в политической жизни страны. Отсюда, естественно, вытекала последовательная борьба со всеми буржуазными партиями, получившая особенно острый характер с поступлением в союз Стамболийского (1904), поставившего в отличие от Драгиева во главу угла союзной работы борьбу за власть, а не как Драгиев—задачи культурно-просветительного характера. Принципиально столь же отрицательно, как к „кожедерским“ буржуазным партиям, относились, однако, союз и к обшим фракциям с.-д. партии, с которой он решительно расходился по основному вопросу о частной собственности. Несмотря на порой довольно значительные успехи союза при выборах в Народное Собрание, его удельный вес в политической жизни страны был, однако, до 1918 г. не велик, и только события 1918 г. привели к чрезвычайно быстрому его росту: за несколько месяцев после „революции“ 1918 г. количество местных организаций союза („дружб“) возросло от 2.000 до 19.000.

Вошедши осенью 1918 г. при содействии буржуазии, перепуганной ростом коммунистического движения, в состав коалиционного кабинета Тодорова, Стамболийский стал уже в авг. 1919 г. во главе

правительства, подавил, опираясь на земледельческую организацию, руками мин. внутр. дел, соц.-дем. Кр. Пастухова, в конце того же года широкую железнодорожную и почтово-телеграфную забастовку, после чего вытеснил Пастухова из правительства, и провел 31 марта 1920 г. выборы в Народное Собрание, добился в нем при содействии буржуазии же путем кассации ряда коммунистических мандатов абсолютного большинства для своей партии и образовал однородное чисто земледельческое правительство, в котором сам он играл роль не только председателя и мин. ин. дел, но и фактического диктатора, каковое положение он и сохранил вплоть до военного фашистского переворота 9 июня 1923 г., приведшего в частности и к его убийству.

Перед земледельческим правительством стояли две задачи: 1) обеспечение дальнейшего мира при возможном смягчении его условий и 2) обеспечение дальнейшего господства З. С. внутри страны путем расширения и укрепления его организации, осуществления мероприятий, способных удовлетворить пожелания крестьянства и разгрома враждебных партий, как буржуазных, так и коммунистической.

Фактическое осуществление постановлений Нейского мира во всем их объеме было невозможно. О финалсовом состоянии страны свидетельствуют следующие цифры, взятые из речи мин. фин. Турлакова, сказанной в Нар. Собр. в 1922 г. по поводу проекта гос. бюджета на 1922—1923 г. Территория страны сократилась к 1919 г. против 1914 г. с 114 т. до 101 т. кв. клм., количество населения—от 4.965 т. (1914) до 4.813 т. (1919) и, несмотря на сильную естественный прирост, не достигло к 1921 г. (4.909 т.) еще прежней цифры, при чем прирост не заменял потерянных во время войны и вследствие сокращения территории взрослых рабочих сил. Сократилась и площадь посевов от 2.819 т. гектар (1914) до 2.222 т. (1919) и 2.333 т. (1920). В связи с этим и с общим состоянием европейской жизни резко возросла и пассивность торгового баланса: перевес ввоза над вывозом возрос от 14 м. лева в 1911 г. и 87 м. лева в 1914 г. до 411 м. в 1919 г., 600 м. в 1920 г., 924 м. в 1921 г. Громадные цифры трех последних лет свидетельствовали вместе с тем о быстром росте инфляции, о которой дает представление следующая табличка (в округленных цифрах). Находились в обращении:

	1911.	1914.	1919.	1920.	1921.
зол. . .	40 м.	55 м.	60 м.	51 м.	37 м.
сер. . .	19 м.	29 м.	17 м.	17 м.	21 м.
бум. д.	110 м.	226 м.	2858 м.	3354 м.	3496 м.

В то же время возросла в громадной пропорции и государственная задолженность. Достигли к 1914 г. цифры в 969 м. лева, она дошла к 31 дек. 1921 г., не считая предусмотренных Нейским миром „репарационных“ 2.250 м. зол. фр., до 2.343 м. фр. по иностранным и до 3.758 м. л. по внутренним обязательствам. Дефицит по гос. бюджету составлял за 1919 г.—629 м., за 1920 г.—275 м. лева, несмотря на то, что к репарационным платежам не было приступлено. Зато пришлось израсходовать до 31 янв. 1922 г. на нужды оккупационной армии победителей, на содержание специальной репарационной комиссии в Софии и т. под. надобности, вытекавшие из мира (в том числе и на поставку угля и скота) ок. 800 м. лева и сверх того содержать многочисленных беженцев, потянувшихся в Б. из Македонии, Фракии и Добруджи.

Создавшееся, таким образом, катастрофическое положение было обусловлено двумя причинами: общим кризисом военной и послевоенной хозяйственной жизни Европы и углубившимися его мирными договорами 1919 г. Последние, в частности Нейский договор, преследовали две цели: политическую (обезвреживания врага) и финансово-экономическую (эксплуатации его для покрытия собственных военных расходов и устранения конкуренции на долгое будущее).

Достигнуть облегчения финансово-экономических последствий своего поражения обескровленная и маленькая Б. могла по мнению своего правительства только от милости победителей, которую надежало заслужить безоговорочным признанием политических последствий „погрома“. Это предполагало прежде всего успокоение ближайших соседей, Греции и в особенности Юго-Славии, тесно связанной с тогдашним гегемоном континентальной Западной Европы, Францией. Этим отчасти объясняется настойчивое стремление Стамболийского к примирению с Сербией, на пути к которому он не останавливался и перед мыслью о вхождении Б. на тех или иных началах в состав Юго-Славии. Другим соображением, толкавшим его на такое радикальное решение, вызывавшее возмущение оппозиции, была, как правильно указывалось в английской печати, не сочувствовавшей усилению французского влияния на Балканах, надежда взорвать путем вхождения в Юго-Славию в союзе с хорватами (Радич) и другими новыми частями Сербии—Юго-Славии, ее великосербский характер и превратить ее в федеративное государство, в котором Б. могло быть суждено играть значительную, б. м. руководящую, роль. Для данного времени это, одна-

ко, означало необходимость ряда порой унижительных уступок и, в частности, полный отказ от какой-либо поддержки весьма популярного в Б. македонского движения вплоть до соглашения с Юго-Славией о совместном его подавлении. К этому и сводилось заключенное весной 1923 г. Нишское соглашение Стамболийского с Юго-Славией, значительно облегченное ему занятым македонскими организациями еще ранее враждебным к нему отношением и явной связью их с враждебными ему болгарскими группировками, в частности с вновь образовавшейся партией „народного сговора“ (см. дальше). Воспоследовавшее в связи с этим соглашением закрытие всех македонских организаций в Б., борьба с четвическим движением в Македонии, поскольку оно подготовлялось в Б., преследование македонской печати и т. д. свидетельствовали о серьезности этого поворота болгарской политики и вызвали как раз накануне переворота 9 июня 1923 г. весьма сочувственный отклик юго-славского мин. ин. дел Нинчича.

Практические результаты, достигнутые на этом пути Стамболийским, были довольно незначительны. Они сводились к договору с репарационной комиссией от 16 марта 1923 г., на основании которого „репарационный“ долг Б. не сокращался, но разделялся на две части. Из них первая, в 550 м. зол. фр. с добавлением к ней 5% за неуплаченную до того сумму, должна быть уплачена в 60 лет с постепенным, начиная с 2,5 м. фр. в окт. 1923 г., повышением платежей до 10 и далее (с 1933 г.) до 21,7 м. фр. за полугодие; вторая, в 1.750 м. фр., уплачивается с 1953 г. без начисления процентов. Платежи по той и другой обеспечиваются доходами Б. с таможенных пошлин. Несмотря на восторженные отзывы правительственной печати, такой результат естественно не мог убедить общественное мнение в правильности избранной Стамболийским линии поведения: Б. и впредь оставалась данницей победителей, а отношения с македонцами были испорчены.

Внутренняя политика Стамболийского вызвала еще большее осуждение уже потому, что она отражалась более непосредственно на интересах враждебных ему групп, в частности буржуазии. Идею ее содержание было невелико и не свидетельствовало о глубоком понимании истинных проблем жизни. Основываясь на противоположении интересов крестьянства интересам города,—города вообще, а не того или иного класса, в частности буржуазии,—Стамболийский, а с ним вместе и З. С. не отдавали себе отчета ни в разно-

родности состава крестьянства¹⁾, ни в невозможности организовать народнохозяйственную жизнь на началах мелкобуржуазного хозяйства. Не говоря о более широких задачах нашего времени в области обобществления труда и средств производства, З. С. не отдавал себе отчета и в важности вопроса о соотношении промышленности и сельского хозяйства в деле развития народнохозяйственной жизни. Несостоятельная затея организации обособленного „зеленого интернационала“, в котором болгарскому З. С. вообще и лично Стамболийскому, по мысли последнего, должно было принадлежать первенствующее место, лишила З. С. поддержки пролетариата.

Наиболее характерными для политики Стамболийского мероприятиями следует признать следующие два: 1) закон о трудовой поземельной собственности, ограничивавший размеры частной собственности на землю 40 декарами (ок. 4 дес.) для одиноких, 100 дек. (ок. 10 дес.) для семейных с отчуждением всей излишней земли в „трудовой фонд поземельной собственности“, подлежащий сдаче на правах аренды всем трудовым земледельцам, впрочем с допущением наемного труда, но с ограничением размеров арендуемого участка 300 дек. (ок. 30 дес.). На основании этого закона (по официальным данным 1922 г.) было отчуждено до 2 м. дек. (ок. 200 т. десятин), и 2) закон о всеобщей трудовой повинности (годовой), установленной взамен прежней воинской повинности, с целью производства полезных с общегосударственной точки зрения хозяйственных работ, притом с распространением ее не только на мужчин (от 20 лет), но и женщин (от 16 лет), — закон, измененный впоследствии по требованию репарационной комиссии (в согласии с настояниями болгарской буржуазии) в том смысле, что допускалась замена трудовой повинности денежной (в зависимости от материального положения плательщика). Параллельно с этим шли меры по развитию с.-хоз. кооперации, по развитию школьного, санитарного и дорожного дела в деревнях; возбуждался, но не получил осуществления (вследствие сопротивления репар. комиссии) закон о гос. монополии на хлебный экспорт и т. д. Ряд законов налагал тяжелые налоги на прирост ценностей, на торговый и акционерный (банковский) капитал, на крупные наследства и т. д. „Винновикам войны“ и спекулянтам угрожала сверх того конфискация имущества. Ввоз предме-

тов роскоши был подвергнут запретительному пошлинам и т. д.

Все эти меры вызывали крайнее озлобление буржуазии. В борьбе против нее все более возрастало стремление к усилению дисциплины в составе самого З. С. и к образованию „оранжевой гвардии“, состоявшей с течением времени заменить собою наемную армию Нейского договора с ее подозрительным с точки зрения З. С. командным составом. При помощи ее Стамболийский без труда подавил попытку буржуазии (ос. 1922 г.) свергнуть его путем массовой демонстрации в Трнове, а вслед затем провел (в апр. 1923 г.) новые выборы, давние членам З. С. в Народном Собрании 216 из общего числа 230 депутатских мандатов. Уверенный в прочности своей власти, он почти не скрывал после этого своего намерения изменить конституцию не только в смысле установления республики, но и в смысле коренного пересмотра состава избирателей в Нар. Собрании с лишением всех петровых элементов избирательных прав и права участия в политической жизни вообще, а также намерения конфисковать банки, крупное недвижимое имущество и т. д. в пользу государства и в частности организаций З. С.

Совокупность внешне- и внутренне-политических мероприятий и планов Стамболийского тем временем создала против него коалицию всех враждебных ему элементов, македонцев, офицерства (запасного и отчасти активного), буржуазии и примыкавшей к ней интеллигенции. О степени раздражения буржуазии свидетельствовало довольно сильное движение в пользу слияния всех буржуазных партий в одну общую организацию, поднятое еще летом 1922 г. группой деятелей, отчасти беспартийных, отчасти принадлежавших к разным партиям, и присвоившей себе название сторонников „народного (фактически буржуазного по целям, антиземледельческого и антикоммунистического) сговора“, — движение, приведшее, однако, практически не к слиянию партий, а именно лишь к сговору некоторых из них, в частности народно-прогрессивной и демократической, к которым примкнули, в особенности в первое время после переворота, также либералы, радикалы и соц.-демократы („широкие“). Враждебно относились к Стамболийскому и коммунисты, против которых он направил часть своих стрел после победы над буржуазией (закон об охране государства 16 марта 1923 г.). Буржуазно-македонская коалиция, враждебная одинаково как Стамболийскому, так и коммунистам, пользовалась в то же время покровительством Англии и Италии, из коих в частности по-

¹⁾ По составу своему З. С. представлял „партию мелкого трудового хозяйства“. „По отчету за 1921 г. в век осталось: недвижим. 3.268, с землей от 2 до 5 десятин — 87.798, от 5 до 10 десятин — 21.176 и более 10 десятин — 3.839“. (Ср. Вулапел, „Соц.-пол. жизнь совр. Болгарии“. Москва, Гос. Изд. 1925, с пред. В. Юлгарова, стр. 48; ср. также стр. 64 сл.)

следняя отнюдь не желала установления добрососедских отношений между Юго-Славией и Б.

Результатом соединенных усилий названных элементов, среди которых действительная роль выпала, естественно, на долю союза офицеров и македонцев, явился переворот 9 июня 1923 г., не встретивший серьезного сопротивления. Во главе управления стало на словах правительство проф. А. Цанкова, стремившееся придать всему перевороту самый „конституционный“ характер, фактически же стоявшая за его спиной военная организация, тесно связанная с царем Борисом и — отчасти через него — с иностранными державами.

Начался период белого террора, продолжавшийся и поныне. Чрезвычайно характерным для него является тот факт, что избранное в апр. 1923 г. Народное Собрание не было тотчас распущено, хотя значительная часть виднейших членов его была убита или арестована в ночь переворота или в ближайшее последующее за ним время, дабы избежать необходимости назначения, согласно конституции, новых выборов в двухмесячный срок, очевидно потому, что в течение этого срока времени новое правительство не считало возможным „подготовить“ выборы, как следует. Тем временем все законы времен Стамбульского были приостановлены, и была проведена кампания последовательной борьбы против всех организаций как З. С., так и коммунистической партии, выступившей местами в единении с З. С. против переворота. Когда же восстание сент. 1923 г., в котором коммунисты сыграли активную роль, кончилось новой неудачей, были назначены выборы, давшие в ноябре благодаря действующей избирательной системе и главное правительственному давлению правительственное большинство, хотя фактическое большинство голосов и не принадлежало правительству. С тех пор Б. находится фактически в состоянии латентной гражданской войны, проявившейся в ряде политических убийств, в исключительном законе 7 янв. 1924 г. об охране государства, во взрыве в Софийском соборе, в беспорядочных арестах и жестоких судебных приговорах и т. д., и т. д.

Что касается внешнеполитических, „национальных“ задач, то положение Б. ничуть не улучшилось против 1923 г. Тесная связь руководителей переворота 9-го июня с македонскими организациями естественно вызвала удвоенную подозрительность соседних держав, в частности Юго-Славии. Речь Цанкова (дек. 1923 г.), в которой он подчеркивал необходимость выхода в Эгейское море, защиты болгар в Македонии как от юго-славянского, так и от греческого

террора, наконец, необходимость восстановления всеобщей воинской повинности для охраны государства как извне, так и внутри (против коммунистически-земледельческой опасности), вызвала официальный запрос юго-славянского посланника в Софии, на который Цанков был вынужден ответить успокоительными заверениями. Попытка его сговориться в Белграде лично с юго-славским мин. ин. дел Ниничем, как и аналогичные шаги в Афинах и в Букаресте, не имела успеха. А в то же время резко ухудшились (март 1924 г.) отношения болгарской власти с македонцами, чем, вероятно, и объясняется последующая замена Цанкова демократом Ляпчевым, македонцем по происхождению и близким к среде македонских организаций, — замена, ничего по существу не изменившая ни во внутренней жизни Б., ни в террористической политике ее правительства.

Столь же плачевны результаты деятельности правительства переворота и в финансово-экономическом отношении. Государственный бюджет на 1924—25 г. сведен в колоссальной сумме 6.604 миллионов лева по приходу и расходу, из коих на армию расходуется 1.167 м., на оплату процентов по долгам государства — 1.226 м. лева, что составляет вместе более 37% всей расходуемой государством суммы. Внутренний долг от инфляции возрос от 3.496 в 1921 г. до 4.143 м. лева на 30 сент. 1924 г. Параллельно с этим возросла и дороговизна и общее недовольство, и без того достаточное сильное вследствие режима правительственного террора.

Библиография. *Cornegie Endowment for International Peace*, Commission to enquire into the causes and conduct of the Balkan War (Wash.), 1914; *Guechoff*, „La ligue balkanique“, 1915; *Melidov*, „Diplomatic reminiscences 1911—1917“; „Дипломатические документы по намешата на България в европейската война“, т. I, 1913—1915, 1920; *Lampouch*, „La question macédonienne et la paix; le traité de paix avec la Bulgarie“ (1919); *Tourlakoff*, „La situation de la Bulgarie en chiffres“, 1922; *Григис*, „Политическая обстановка военных операций для захвата Константинополя и проливов“ (введение в т. II изд. документов „Константинополь и проливы“, М., 1926); *Булацель*, „Очерки социально-политической жизни современной Б.“, М., 1925.

Э. Григис.

XXVIII. Греция (см. XVI, 1/57). 1. *Участие Г. в балканской Лиге и балканск. войнах.* 29 февраля 1912 г. было положено основание Лиге балканских государств болгаро-сербским союзным договором („Instrument de la guerre“, — по определению Пуанкаре), и 16 мая (ст. ст.) того же года в Софии подписан был греко-болгарский союзный договор. Ст. I этого договора требовала от обоих участников договора выполнения военно-союзных обязательств против Турции, не только в случае нападения Турции на кого либо из них, но и в случае „систематического нарушения (Турцией) прав, создан-

ных трактатами или основными началами международного права". Ст. II обязывала обе стороны действовать совместно в отношении своих соплеменников—турецких подданных. Ст. III определяла трехлетнюю продолжительность договора. Ст. IV делала договор секретным. Пояснительная декларация к I статье освобождала Болгарию от союзных обязательств в случае возникновения войны между Г. и Турцией из-за допущения в греческий парламент критских депутатов, обязывая в этом случае Болгарию лишь к дружественному нейтралитету. 22 сентября 1912 г. в Софии была подписана и военная греко-болгарская конвенция, определявшая минимальный контингент действующей армии для Г. 120.000 чел. (для Болгарии—300.000 чел.). В отличие от болгаро-сербского договора, между Г. и ее союзниками не было предварительного соглашения о распределении территориальных приобретений. Объявлению войны предшествовал ультиматум балканских союзников турецкому правительству, требовавший широких и немедленных „реформ“ в пользу христианского населения Европейской Турции. 14-го октября Венизелос допустил критских депутатов в греческий парламент, после чего Г. объявила Турции войну (фактически начатую раньше других Черногорией). Греческая армия, инструкторованная французами, двинулась сначала на север, затем повернула на Салоники для того, чтобы перехватить этот город у болгар. Одновременно греческий флот блокировал Дарданеллы и осуществлял оккупацию островов в Эгейском море (за исключением захваченного итальянцами Додеканеза). На северо-западе с еще большей легкостью протекали операции в Эпире, продолжавшиеся и после подписания остальных союзниками „Чатаджинского“ перемирия (3-го декабря); 6 марта 1913 г. была занята Янина. 18-го марта в Салониках был убит греческий король Георг. 30 мая 1913 г. подписан лондонский трактат, санкционировавший раздел Европейской Турции (до линии Энос—Миция и за исключением Албании, островов и Афона) между союзниками. Г. увеличилась с 64.803 кв. км. до 108.634 кв. км. и с 2.666.000 населения до 4.363.000, но претендовала еще на южную Албанию, против чего энергично восставала Италия, не выпускавшая также из своих рук островов Додеканеза в Эгейском море. Еще до подписания лондонского договора в Македонии происходили стычки между греками и болгарами. 1-го июня подписан был греко-сербский союзный договор (с военной конвенцией), направленный против Болгарии, но заключенный в общей форме, что дало Сербии повод требовать вытеснения Г. против Австро-Венгрии

в 1914 г.; правительства Антанты ссылались также на этот договор в оправдание интервенции 1915 г. Болгарскому отряду, вошедшему в Салоники, вместе с греками предписано было разоружиться в течение 2 часов; по истечении этого срока греки окружили здания, занятые болгарскими частями; на следующий день началось генеральное наступление греческой армии, разстроившее план внезапного болгарского наступления. Трехдневное сражение закончилось 4-го июля полным поражением болгар. Сербия, Румыния и Черногория выступили также против Болгарии. Турки заняли Адрианополь, очищенный болгарями без боя. Греки заняли Дойран, Струмичу, Серрес, Кавалу и Драму. Король Константин принял в качестве почетного обозначения наименование „истребителя болгар“. Македония с фракийским побережьем (Дедеагач, Макри, Порто, Лагос) перешла в руки греков. По просьбе Фердинанда Болгарского, союзники согласились на перемирие, и 30-го июля начались мирные переговоры в Бухаресте. Основным вопросом для греков был спор их с болгарями из-за Кавалы; греки предлагали отодвинуть греко-болгарскую границу на 3 километра к востоку от Макри, болгары же добивались отклонения ее к западу, до залива Орфано, со включением в болгарскую территорию Драмы и Кавалы. „Присуждение“ великими державами Кавалы грекам объясняется обычно выступлением Вильгельма II в пользу греков; в действительности решающую роль сыграла позиция Франции, дипломатия которой стремилась к тому же самому, исходя из соображений о будущей судьбе богатейших табачных плантаций кавальского района, в которых существенно заинтересован именно французский капитал. По бухарестскому трактату (10-го авг.) устье Месты разделило побережье Эгейского моря между Г. и Болгарией, так что греки получили Кавалу, а болгары Ксанти. 14-го ноября был подписан мирный договор между Г. и Турцией, но вплоть до начала мировой войны греко-турецкие отношения оставались крайне напряженными; война считалась неизбежной в более или менее близком будущем, так как турки не могли примириться с потерей островов (Митилена, Хиос, Лемнос в особенности), а непосредственным источником вражды являлся вопрос о мусульманах в „новой“ Г. (аннексированных областях) и о греках в Айдинском вилайете. Турки предлагали „обмен“ этих греков на македонских мусульман не только по экономическим, но и по политическим соображениям, считая, что греческое население в близких к Смирне областях создает угрозу греческих ирритизаций на западное по-

бережье М. Азии и реальную базу для завоевательного наступления греков в этом направлении. По тем же соображениям правительство Венизелоса относилось к этому проекту несочувственно, несмотря на то, что, при обилии разоренных македонских беженцев мусульман в Айдинском вилайете положение местного греческого населения становилось невыносимым. Когда Венизелос признал необходимость „обмена населений“, возникли разногласия по вопросу об обмене имуществом выселенцев. Обе стороны деятельно готовились к считавшейся неизбежной войне,—греки, главным образом, при содействии французских инструкторов.

Во то же время развивался греко-итальянский конфликт из-за северного Эпира и Додеканеза. Международная комиссия из представителей великих держав по определению границ Албании высказалась за включение в территорию нового Албаского государства значительной части северного Эпира (включавшей порт Санти Каранта, Химара, Дельвинон, Аргирокастрон и Корицу), занятую греками в первую балканскую войну, а также острова Сасено, господствующего над бухтой Валлоны, в свою очередь представляющей стратегическую базу для господства над Адриатическим морем и для контроля над восточно-средиземно-морскими путями; остров Сасено — адриатический Гибралтар — принадлежал Г. с 1864 г. Коллективной нотой от 13 февраля 1914 г. великие державы признали суверенитет Г. над островами Эгейского моря, за исключением Тенедоса и Имброса и оккупированного итальянцами архипелага Додеканеза, при условии эвакуации греческих войск из южной Албании (северный Эпир). Г. изжила готовность подчиниться этому решению, но раньше чем греческие отряды очистили сев. Эпир, в Аргирокастроне объявлена была „независимая“ (от Албании) республика сев. Эпира, с бывшим греческим министром иностранных дел Зографосом в качестве главы правительства, а в Химаре начал военные действия против албанцев полк Спирамелиус. В середине апреля греческие войска считались выведенными из с. Эпира, но между албанцами и „автономными республиками“ продолжалась вооруженная борьба. По предложению принца Вида, была собрана на Корфу конференция из представителей великих держав, Албании и „автономистов“, выработавшая конвенцию (17-го мая), в силу которой провинции Аргирокастрон и Корица были поручены управлению международной контрольной албанской комиссии; Химаре были предоставлены особые привилегии, в том числе право на особый национальный флаг.

1-го июля державы ратифицировали эту конвенцию.

2. *Мировая война и союзническая интервенция.* По отношению к австро-сербскому конфликту антантофильский кабинет Венизелоса заявлял нейтралитет Г. на том основании, что союзный договор с Сербией имел в виду исключительно Болгарию. Англия официально одобрила эту декларацию. 31-го июля Вильгельм II интимно родственным письмом заклинал Константина присоединиться к центральным державам; Константин ответил письмом от 2-го августа, заключавшим отказ, с ссылкой на моральные обязательства в отношении Сербии, на жизненные интересы и волю греческого народа, требующие невмешательства Г. в войну. Вильгельм II написал на полях этого письма: „Дрянцо“. 4-го августа он вновь обратился к своему шурина с предупреждением о союзе между Германией и Турцией и о неминуемом присоединении к нему Болгарии и Румынии и с призывом выступить на борьбу со славянством. Константин ответил, что его все симпатии на стороне Германии и кайзера, но Г.—до тех пор пока ее интересы не будут затронуты Болгарией или Турцией—не может отступить от нейтралитета, находясь всецело во власти Англии и Франции. Потерявши надежду на помощь Г., германская дипломатия с этого времени напрягает все свои силы на то, чтобы удержать Г. в состоянии нейтралитета. 19-го августа Венизелос, с согласия короля, предложил державам Антанты помощь Г. (против Турции и Болгарии), но Англия и Франция отклонили это предложение, на том основании, что „союз с Г. (отъезв Грея) повлечет за собой немедленно войну с Турцией и Болгарией“.

Однако, уступая Черчиллю в его плане дарданельской экспедиции, английское правительство проявляло желание, чтобы начались переговоры штабов о возможных в будущем совместных действиях. В виду разногласия с королем по вопросу об ответе английскому правительству (Венизелос настаивал на предоставлении англо-французам безусловной возможности в любой момент мобилизовать Г. против Турции, король же — в согласии с британским адмиралом Керром—считал нужным отговорить, что Г. выступит против Турции лишь в случае нападения Турции на нее), Венизелос просил об отставке, но, не получивши ее, не настаивал на своем уходе; с этого момента он выдвинул против короля обвинение в германофильстве, несмотря на то, что в это время, по распоряжению короля, англичане получали все секретные сведения и планы (взятия Дарданелл) из греческого морского штаба. В январе 1915 г. Грай предложил Вени-

зелосу широкие компенсации в М. Азии за помощь Сербии против австро-германского наступления и за согласие на территориальные уступки со стороны Сербии в пользу Болгарии, для привлечения последней в лагерь Антанты. Вслед за этим Венизелос предложил королю уступку болгарам со стороны самой Г. Кавалы, взамен выступления Болгарии против германотурецкого блока и широких приобретений в М. Азии (смирнское побережье и глубокий хинтерланд). Этой „великогреческой“ программе, как империалистической, колониальной и непосильной для Г., противопоставлена была (греческим генеральным штабом в первую очередь) программа „малой“, т. е. в европейских границах, греческой экспансии, с исключением каких бы то ни было территориальных уступок в пользу Болгарии. „Великогреческая“ программа под влиянием греческих деловых кругов и дипломатических влиятельных была воспринята антантофильской ориентацией, программа же „мало-греческой“ экспансии — сторонниками нейтралитета (опиравшимися на трезвую оценку военных и финансовых сил Г. и на настроение народных масс), а также сторонниками германофильской ориентации (с королевой во главе). Переговоры об участии Г. в дарданелльской экспедиции дали Венизелосу повод аргументировать даже возможностью участия Г. в решении вопроса о Константинополе, тем не менее, король не уступал, и в марте Венизелос ушел в отставку. Под давлением Антанты (французы после отставки Венизелоса заняли несколько островов в Эгейском море) кабинет Гунариса (мин. ин. дел.—Зографос) вступил в переговоры о выступлении Г. на следующих условиях: гарантии союзниками греческой территории во время и после войны, определение греческого сотрудничества заранее военной конвенцией и заключение договора о территориальных компенсациях в М. Азии. Но в это время союзники пытались еще соблазнить Болгарию за счет Г., а с Италией речь шла о сев. Эпире. 3 авг. нота союзников предлагала Г. уступить вост. Македонию Болгарии. Выборы, к которым далеко не безучастно отнеслась дипломатия великих держав, вернули Венизелоса к власти (в августе 1915 г. венизеллисты, однако, получили 185 мест из 314, а в 1916 г. имели 146 из 182), и с этого времени в Г., в сущности, было два правительства: король и председатель совета министров ведут разную, противоречивую политику. Так, Венизелос добивается союзного десанта на греческой территории, в Салониках; король заявляет протест против такого нарушения нейтралитета; тогда Венизелос заверяет, что протест

этот—не более как формальность. В сентябре началось австро-германское наступление на Сербию, и в Афины было сообщено, что между Турцией и Болгарией заключено соглашение и что Болгария мобилизовалась. Король согласился на мобилизацию, но отверг вступление в войну, в полном согласии с мнением ген. штаба, основанным на невозможности для Сербии выставить против Болгарии обусловленную греко-сербской конвенцией 150.000-армию. Венизелос тотчас же обратился к посланникам Антанты с вопросом, возможна ли посылка союзниками 150.000 армии,—раньше чем король успел помешать ему сделать это. Последующий протест короля не возымел никакого действия, и сам Венизелос был до крайности встревожен быстротой, с которой войска Антанты были направлены в Салоники, без какого-либо соглашения с Г. 4 окт. Россия предъявила Болгарии запоздалый ультиматум: в тот же день Венизелос добивался в палате выступления против Болгарии, Турции и авантюльно—против Германии и Австрии, после чего король потребовал от него изменения его политики, а затем принял его отставку. Англия ультимативно потребовала—под угрозой блокады—чтобы морским министром в новом кабинете был назначен одобренный ею кандидат, а затем предложила своим союзникам сообщать потребовать от Г. согласия на вступление в войну в 48-часовой срок, но в виду колебаний союзников (особенно Италии, все время боровшейся против Венизелоса и великогреческой программы) предложила Г. в вознаграждение за вступление в войну Кипр. Глава нового кабинета, Занмис, ответил, что Кипр не может вознаградить Г. за ее немедленный и неминуемый разгром. Русский представитель в Афинах отмечает 5-го ноября „общую неохоту населения, утомленного двумя войнами, приступить к третьей“ и в связи с этим огромный рост популярности Константина при падении престижа Венизелоса. В начале ноября кабинет Занмиса вследствие неблагоприятного востума палаты уступил место Скулудису, который 11-го ноября распустил палату, назначивши новые выборы. Венизелос, не имея шансов на успех, объявил роспуск незаконным и призвал своих приверженцев к бойкоту новых выборов. „Фактическая зависимость Г. от держав Согласия“ (Извольский Сазонову—6-го ноября) заставила Скулудиса обещать союзникам „искреннейшее благожелательство по отношению к державам Согласия и к союзным войскам в Салониках“, но в это время возник новый вопрос: о разоружении сербских войск, отсутствующих на греческую территорию. В качестве гарантии против этого

разоружения к Пирею была послана англо-французская эскадра, о чем хлопотал секретно Вепизелос. Неуспех салоникиской операции угрожал падением французскому кабинету; 26-го ноября французский посланник от имени четырех союзных держав потребовал удаления греческих войск из Салоникиского района, передачи союзникам жел. дорог на Криволак и Монастырь, согласия на осмотр союзниками всех судов в греческих водах. Согласие на все это было дано, с оговоркой о совместном выяснении способов осуществления этих требований. Бриан предложил усилить давление „стеснением доставки продовольствия“; 8-го декабря французское правительство уже решило задержать все греческие суда во французских портах. Константинопольские дипломаты в то же время объясняли, что дело идет не о частичных отступлениях от нейтралитета, но о полном отказе от него. В английских портах началась задержка товаров, шедших в Г. Затем примеру Франции последовала и Италия. Имелось в виду „учредить рационализирование Г., постепенно удовлетворяя ее насущные нужды, но не допуская образования в стране сколько-нибудь крупных запасов“. 11-го декабря состоялись выборы, давшие тем не менее правительству абсолютную победу. Но роль этого правительства сводилась теперь к регистрации бесчисленными протестами нарушений нейтралитета и вмешательства союзников во внутреннюю политику Г.: аресты консулов в Салониках, дальнейшая оккупация островов (Митилена, Костеллоридо, Корфу) французами, воспрещение правительству бороться против венизелитско-антантофильской агитации объявлением в Афинах военного положения; в то же время французское правительство, по свидетельству Демидова, предоставило в распоряжение Венизелоса 2 миллиона франков „на предмет пропаганды в войсках“, и в оккупированных Салониках образуется венизелитское временное правительство, а на оккупированных французами островах оно провозглашается единственно законным. Палата почти единогласно одобрила декларацию правительства, суммировавшую все его протесты и заявлявшую, что „каковы бы ни были последствия несогласованности греческой политики с требованиями великих мира сего, страна должна сознать, что ущерб, нанесенный при этом направлению политики, несравненно меньше, чем бедствие, которое претерпели бы греки при ином политическом направлении“. Французское правительство, по сообщению Извольского от 7-го апреля, решило произвести экономическое давление путем более строгой морской блокады, имея в виду, что

„эта мера вызовет неудовольствие греков против вынешнего правительства и может быть приведет к падению кабинета Скулудиса“. Англия, опасаясь теперь, что голодная блокада прежде всего ликвидирует пужную ей греческую армию, высказалась за меры финансового давления (отказ в займах); однако, Италия и Россия горячо приветствовали возможность ликвидировать греческую армию и поддержали именно поэтому французский план. Франция пошла дальше и предлагала десантную операцию в Пирее и Афинах, роспуск палаты, смену правительства, демобилизацию,—все под предлогом охраны венизелитских, т.-е. антантофильских, элементов от угрожавших им репрессий. Англия возражала, Италия отстранялась, русское правительство не решалось высказать свое мнение, хотя Николай II располагал уже сведениями, что французы готовят свержение родственной ему династии, а в некоторых кругах даже выдвигают кандидатом на греческий трон принца Луи Наполеона. Так как Италия, занявшая еще в конце 1914 г. Валлону, готовилась компенсировать себя оккупацией сев. Эпира и ничего не имела против ухудшения положения Г., не желая лишь содействовать успехам Венизелоса, то Англия в этот момент одна тормозила наиск французской дипломатии. После личных переговоров между Грэмем и Брианом в Лондоне державы-покровительницы предъявили декларацией 18 июня 1916 г. обвинение правительству Скулудиса в нежелательности по отношению к ним и по отношению к собственной стране, ряд требований вплоть до роспуска палаты, подкрепленных морской демонстрацией. В инструкции французскому посланнику указаны были десантная операция, бомбардировка мостов через Коринфский залив, уничтожение греческого флота и оккупация Афин. 21 июня одновременно с вызовом в Пирей эскадры, подчиненной инструкциям французского министра иностранных дел, Скулудису была вручена нота, повторявшая обвинения и требования декларации 18-го июня. Через 7 часов к союзным посланникам, ожидавшим ответа, явился Заимис с известием, что король поручил его сформировать новый кабинет. В августе, несмотря на возражения Англии, соединенной англо-французской эскадре поручается контроль над Саламинской бухтой и почтово-телеграфным сообщением Афин и Пирея. По прибытии эскадры (2-го сент.) англо-французская нота потребовала от правительства Заимиса подчинения всех греческих почт и телеграфов контролю Антанты, высылки „германских агентов“, выдачи германских и австрийских судов в греческих портах под

угрозой „передачи дела в непосредственное ведение французского адмирала“. Заимис согласился на все требования, что не помешало генералу Саррайло образовывать в Салониках „революционное временное правительство“ (действовавшее, однако, от имени короля Константина). 6-го сентября французский адмирал запретил греческому правительству носиться шифром по радио со своими дипломатическими представителями за границей. 9-го сентября французский посланник Гильмен испсценировал (по сведениям Демидова) фиктивное вооруженное нападение в саду французской миссии на союзных дипломатов. Извинения и обещания строжайшего следствия со стороны Заимиса он признал недостаточными, и французский адмирал (Дартиж дю Фурне) высадил 25 матросов для охраны французской миссии. В то же время правительство приняло военные меры, вплоть до сооружения вокруг дворца оковов, для охраны короля и его семьи против внезапного покушения союзников или венизелистов. „Положение в стране становится хаотичным“, сообщал Демидов 13-го сентября. Греки сдали болгарам Кавалу. Заимис подал в отставку. 16-го сентября образован был кабинет Калогеропулоса, который заявил о принципиальной готовности Г. вступить в войну на стороне держав Согласия. Англия изъявила согласие на это, при условии образования более определенного кабинета. Французская дипломатия под самыми странными предлогами (охрана греческой конституции, напр.) противилась осуществлению соглашения с Г., высказываясь против греческой помощи, за дальнейшее „оздоровление“ Г. репрессиями и настаивая на высадке десанта в 300 человек „в помощь греческой полиции“. Правительство Калогеропулоса не получало ни ответа, ни признания со стороны союзников. 4-го октября бойкотизируемый кабинет высказался за объявление войны, как за единственный выход из положения, а затем подал в отставку в виду несогласия короля с этим мнением. 5 октября Гильмен добился от своих коллег согласия на предъявление нового ультиматума (по поводу неровыска нападавших на французскую миссию) греческому правительству—непризнанному, вышедшему в отставку и не имевшему заместителя. Что Франция добивается захвата Г. в свои руки, было признано теперь и в Лондоне, и в Риме, и в Париже. Италия требовала, чтобы в десанте участвовал итальянский отряд. Резолюции Николая II— „Нельзя ли умерить пыл французов?“ и „Я безусловно против какого бы то ни было участия наших моряков в Г.“. 9-го октября образован был кабинет Ламбросом, поставивший себе задачей вы-

полнить требования французского адмирала. 10-го октября вечером последний предъявил ультиматум с 12-часовым сроком для согласия на секвестр греческого военного флота (31 судно), оккупацию острова Липсо у входа в Саламинский залив, разрушение береговых укреплений и батарей, за исключением двух, „которые он (адмирал) намерен занять“, контроль на значенных им офицеров над пирейским портом, над полицией и над железными дорогами. Союзные посланники отказались санкционировать своими подписями эти требования. Утром 11-го октября греческое правительство заявило о том, что оно, уступая силе, на все согласо. В то же время французское правительство обсуждало способ ссудить Вензелосу 6, а потом 10 миллионов франков. В порядке осуществления упомянутого контроля, Г. к 17 окт. 1916 г. была уже разделена на три—французскую, английскую и итальянскую—зоны. 18-го октября в Афины был отправлен французский отряд с пулеметами для „полицейской службы“. 17 октября салоникское „временное правительство“ просило союзников признать его; англичане готовы были этим признанием положить конец „смешному положению“, но Бриан заявил, что он „искренно“ хочет соглашения с королем на условиях объявления войны Константином Болгарии, одновременного сокращения греческой армии до состава мирного времени и ввода ее в Морю, упразднения военных складов на севере и—в то же время—дальнейшего „поощрения“ Вензелоса, но без его признания. 23-го ноября „временное правительство“ объявило войну Германии и Болгарии через посредство союзных консулов в Салониках, адмирал же Дартиж дю Фурне потребовал от афинского правительства сдачи ему всей артиллерии и всего военного снаряжения. Греческие офицеры и солдаты решительно воспротивились дальнейшему исполнению французских приказов. Трехтысячный французский отряд двинулся в Афины из Пирея. Тотчас же в Афинах началось восстание вензелелистов. Тем не менее французы потерпели полное поражение, потерявши убитыми в бою 16 офицеров и 200 солдат (1 декабря 1916 г.). Взятый в плен французский отряд был препровожден под конвоем греков обратно в Пирей; греческое правительство изъявило готовность дать Франции полное удовлетворение за происшедшее столкновение. 5-го декабря в Петербурге имелось уже официальное предложение Бриана о низложении Константина „при помощи иностранных сил“. Против него высказались и петербургское и римское правительства. Грай рекомен-

давал предварительно собрать достаточные военные силы, так как венизелиты без решающего вмешательства иностранных сил будут уничтожены. Французское правительство спешно стягивало военные силы, ограничившись объявлением полной блокады Г. Грей просил воздержаться от этой меры; несмотря на это, французское правительственное сообщение о ней заключало слова: „разделяя мнение своих союзников по вопросу об объявлении блокады“. С этого момента английское правительство решило взять в свои руки Венизелоса и тотчас же формально признало без соглашения с союзниками лондонского агента венизелитского салонического правительства. В удовлетворение претензий французского правительства Г. согласилась на все требования союзников (ноты 31-го дек. и 8 го января) в том числе и на подчинение всех важнейших отраслей государственного управления союзническому контролю, с просьбою снять голодную блокаду. В этом ей было отказано союзнической нотой 13-го января 1917 г. На следующий день союзные посланники в Афинах обсуждали французское предложение бомбардировать Афины для устранения угрозы „новой народной вспышки в связи с сохранением блокады“ (Демидов). В виду оппозиции всех трех коллег Гильмена этому проекту, Бриан предложил отозвать всех четырех посланников и заменить их другими лицами. Английский посланник Элиот настойчиво посоветовал своему правительству „взять в свои руки греческие дела“, потребовать удаления ген. Саррайя из Салоник и передачи морского командования английскому адмиралу (март 1917 г.). 18-го апреля непризнанный кабинет уходит в отставку, составление нового поручается Заимису. На междусоюзническом совещании в Савоие 22-го апреля Рибо, сменивший Бриана, добился свободы дальнейших действий Франции в Г., ценою компенсаций Англии и Италии (последней — в М. Азии).

На следующем совещании о греческих делах в Париже, 6 мая, была решена оккупация союзниками Фессалии, с целью овладения тамошним урожаем. Заимис тем временем пытался „утомить Францию (по его же выражению) уступками“. Заручившись непотворением Англии, Франция, не обращая внимания на протесты Италии и робкие жалобы петербургского временного правительства, назначает Жоннара верховным комиссаром в Г. с миссией низложения Константина. 10-го июня 10-тысячный отряд французов занял Пирей. 11 июня Жоннар передал Заимису от имени трех держав-покровительниц (хотя и Россия и Англия платонически возражали

против этого выступления) ультиматум с требованием отречения Константина и устранения его законного наследника, с предупреждением о применении силы, в случае невыполнения этого требования в 24 часа, а равно и сотрудничества или „беспорядков“. Король объявил согласие „покинуть страну“ вместе с наследником (ничего не говоря об отречении) и назначить своим преемником второго сына, Александра. 15 июня была снята блокада, но суровый режим французской оккупации не смягчился. 25 июня Жоннар пригрозил возобновлением блокады, сославшись на укрыительство германских агитаторов (к числу коих причислялись все выдающиеся противники французской интервенции). В тот же день король Александр призвал к власти Венизелоса. Венизелитское правительство под охраной французских военных сил приступило к „чистке“ государственных служащих, духовенства и особенно судебных (несменяемых по конституции) чинов. 29 июня были отозваны греческие представители из враждебных Антанте стран, и Г. перешла на положение присоединившейся к Антанте страны. В виду голода, дороговизны и общего недовольства, созванная венизелитская палата 1915 г. запретила 7 августа печатание парламентских речей и объявила всю страну на военном положении. В сентябре прибыли французские миссии для реорганизации финансов и армии, находившихся в безнадежном положении.

3. Греко-турецкая война и установление республики. В мае 1919 г. греческие войска высадились в Смирне, выполняя, гл. обр., задания английского правительства, которое добилось эвакуации французских войск из Г. (требование Ллойд-Джорджа 28 июня 1917 г.) и теперь действительно „взяло в свои руки греческие дела“. Грекам первое время приходилось не сражаться, а занимать место итальянских отрядов, уступавших нажиму английской дипломатии. Французы отступились от Венизелоса, и после смерти Александра и плебисцита 6 дек. 1920 г. Константин беспрепятственно вернулся в Г. королем. 4 дек. 1920 г. Керзон, под давлением Франции и Италии, подписал по этому поводу декларацию порицания Г., „обманувшей доверие союзников“, но англо-греческие деловые круги и после этого поддерживали грекофильскую политику Ллойд-Джорджа, тогда как Франция сближалась с кемалистами. Летом 1920 г. Г. поручено было союзниками „восстановить порядок“ и во Фракии. Первоначальные успехи греков привели к подписанию Севрского договора в августе 1920 г. По этому договору за Турцией в Европе оставался только Константинополь с узкой полосой суши; про-

ливы и Мраморное море интернационализировались; Македония, Фракия и район Смирны отдавались Г., город же Смирна, оставаясь номинально под суверенитетом султана, должен был управляться греками в течение 5 лет, после чего судьба его решалась бы плебисцитом. В сентябре 1921 г. „турецкая Марна“—сражение на р. Сакарна—остановила поступательное движение греков, а 26 августа 1922 г. внезапным наступлением кемалистов греческий фронт был прорван, смят и опрокинут. Греческая армия панически и безостановочно отступала к морю. 8 сентября турецкая кавалерия вступила в Смирну, чем была ликвидирована лимитрофная „коническая республика“, измышленная англичанами после прорыва 26 августа, по соображениям как деловым (интересы сэра Василия Захарова, англо-индийского банка в Смирне), так и военно-политическим (внешняя линия подступов к проливам, по концепции британского штаба, проходит через Смирну). Мало-азиатская кампания греков должна была, по заключенному с союзниками договору о займе, финансироваться последними (Англией, Францией и С.-Штатами) в сумме 50 миллионов долларов. Между тем, оправдывая нарушение договора возвращением Константина, Франция не дала ничего, С.-Штаты менее 1/3 своей доли и даже Англия—2/3 своей. Таким образом, финансовое банкротство Г. обусловило и распад ее военных сил, предназначенных союзниками для уничтожения Турции. Союзники отменили свое решение 26 января 1920 г. о передаче Г. сев. Эпира и включили его в Албанию, запретили грекам операции против занятого ими Константинополя и, наконец, согласились после разгрома греков на пересмотр Севрского договора. Всем этим решена была и участь Константина. На о. Хиосе поднято было военное восстание, поддержанное войсками на о. Митилене (инициаторы—полковники Гонатас и Пластирас). Военный аэроплан с Хиоса разбросал 20 сент. 1922 г. прокламации в Афинах; этого было достаточно. Константин отрекся от короны, перешедшей к его старшему сыну, Георгу; образовалась венизелистская республика; члены прежнего были тотчас же арестованы и преданы особому военному суду по обвинению в государственной измене. Шесть бывших министров и два генерала обвинялись в „умышленном обмане“ своей страны; шестеро были казнены, двое приговорены к пожизненному заключению. Не признававшие Константина союзные правительства теперь не признавали и революционного правительства, считая законной лишь власть парламента, избранного в 1920 г. (и восстановившего, однако, на

троне Константина). Тяжелое положение страны, находившейся в войне с 1912—1923 гг., чрезвычайно усугубилось увеличением населения на 25% (1.200.000 душ)—разоренными, голодающими беженцами из М. Азии, восточной Фракии (отнятой у греков по Лозаннскому трактату) и Константинополя. 24 июля 1923 г. был подписан в отмену Севрского Лозаннский трактат, а через месяц (в августе 1923 г.) возник конфликт с Италией, воспользовавшейся убийством в Албании итальянских членов разграничительной между Албанией и Г. комиссии для того, чтобы бомбардировать неукрепленный о. Корфу, оккупировать его и эвакуировать его лишь после уплаты 50 миллионов лир греческим правительством. 16 декабря 1923 г. состоялись выборы, давшие большинство венизелистам; глава правительства, Гонатас, в виду непрекращавшегося политического возбуждения в стране (попытка военного переворота генералов Леонардулоса и Гаргалидиса) заставил короля Георга с женой „на время образования нового правительства“ покинуть страну, регентом назначил адмирала Кондуриотиса и вызвал Венизелоса из за границы в Афины (4 января 1924 г.), после чего его выбрали председателем Национального Собрания, а 11 января—главой нового кабинета. После попыток прийти к соглашению с монархистами Венизелос был обвинен в „константинизме“ и, отказавшись от власти, вновь уехал за границу. Глава „республиканского союза“, Папанастасиу, сформировал 11 марта 1924 г. новый кабинет, первым актом которого было в „день независимости“ (25 го марта) предложение Национальному Собранию изложить династии и провозгласить республику, при условии одобрения этого решения плебисцитом, назначенным на 13-го апреля. За республику было подано при плебисците 690.086 голосов, за монархию—323.434.

Библиография. „Европейские державы и Греция в эпоху мировой войны“, под ред. и вступительной статьей Е. А. Аламова (документы российской мн. ин. дел. изд. НКВД, Москва, 1922 г., по отзыву „Mercure de France“—„один из важнейших источников для истории мировой войны“); S. Cosmivi, „L'Entente et la Grèce pendant la grande guerre“, Paris, 1926, 2 тома,—ценное исследование, основанное на опубликованных нами документах (см. выше) и на документах греч. м-ва ин. д.; Abbot, G. F., „Greece and the Allies“, 1914—1922, London, 1922 (наиболее интересны из западно-европейских исследователей „греческого вопроса“ в эпоху мировой войны, испытывавший на себе истеричность цензуры английского правительства, несмотря на то, что открытость его продиктована британским патриотизмом, т. е. ближайшим образом—страхом перед „нео-наполеоновской“ французской политикой на Бл. Востоке); „Белая Книга“ правительства Венизелоса—„Diplomatic Epigrapha“ 1913—1917 гг., 2-е изд., Афины, 1920 (официальное изд. дипломатических документов.); „Бел. Книга“ 1921 г.—„Documents Diplomatiques oct. 1915—juin 1916“ (изд. на франц. яз.), гораздо более ценный источник, заключающий тексты греко-сербск. договора с секретной декларацией от

Албании, с нератифициров. и ратифициров. текстами военной конвенции, а также диплом. греч. переписку за этот период; *Deville*, „L'Entente, la Grèce et la Bulgarie“ (Paris, 1919); *Мелуры*: адмирала Du Fourmet „Souvenirs de Guerre d'un Amiral“, 1920; генерала Regnault, „La Conquête d'Athènes“—VIII, VII, 1917. Paris 1920; генерала Sarrail, „Mon commandement en Orient 1916—1918“, Paris; „авторизованное“ Жюнаром издание R. Recouly, „M. Jonnart en Grèce et l'abdication de Constantin“ (Paris, 1918),—одинаково проникнуты духом империалистич. и интервенционистской французской политики и написаны в прославление самих авторов—героев этих событий и произведений; *Edward Hale Bierstadt*, „The Great Betrayal“ (New York, 1924), в особенности глава VII—с американско-эллинофильской точки зрения изобличает „вероломство“ союзников в отношении Греции в период греко-турецкой борьбы после 1919 г. и вообще грехи „экономического империализма“ держав Антанты (кроме С.-Штатов) на Бл. Востоке; ряд важных приложений; *F. Sell*, „Geschichte Griechenlands während des Krieges“, весьма содержательный доклад, с официально-германской, конечно, точки зрения, читанный в кильском институте международного права (напечатанный в Niemeyers Zeitschrift für Internationales Recht, XXVIII Band, 1—4 Heft, München (Leipzig, 1919); „*Заниски Джемалынаши*“, 1913—1919 (Тифлис, 1923), русский перевод (не вполне грамотный) с английского издания, происхождение которого не выяснено; отражает ту же точку зрения на греко-турецкую распря 1913—1914 г. в главе „На посту мин. общественных работ“; „*Le suit-apens du 1-er décembre 1913, à Athènes*“ (Geneve, 1917),—издание Union Hellenique de Suisse, точно так же как „*Le départ du roi Constantin*“, vérités inédites documents, равно как жеvenesкие памфлеты *Combainevra*, основанные всецело на „Европ. держ. и Гр.“—противовес венизелистской пропаганде; *Arnold J. Toynbee*, „The Western Question in Greece and Turkey. A Study in the contact of civilisations“ (London, 1922), попытка, как определяет сам автор, осветить историческое значение событий, последовавших за Севарским договором, при помощи широких научных обобщений и непосредственных личных впечатлений; имя автора достаточно рекомендует эту книгу специалистам, которые найдут много полез. указаний и в приложенных хронологическом, библиографическом и фонетическом указателях; основная мысль автора выражается образно замечанием, что Бл. и Средний Восток—шахматная доска, на которой сражаются „пешки“ (в том числе Г. и Турция), „проводники дипломатии великих держав в королевы“; *N. Vixton and C. L. Leese*, „Balkan Problems and European Peace“ (London, 1919), помогает уяснить британскую политику на Балканах и в частности в отношении Г.

Новейшие (по архиву б. российской министерства иностранных дел) исследования: „*Раздел Азиатской Турции*“, под редакцией Е. А. Аламова (печатано по поручению нар. ком. по и. д., М., 1924)—переговоры держав Согласия с Грецией в 1914—1915 гг. о предоставлении последней территориальных компенсаций в М. Азии, отношение Греции к вопросу о Константинополе и проливах, политика держав Согласия в Греции в 1917—1918 гг. (пользоваться указателем), а также „Константинополь и Проливы“, 2 тома.

Е. Адамов.

XXIX. Турция. Турецкая революция 1908 г. является завязкой длинной цепи внутренних событий, которые, тесно переплетаясь с непрерывными международными осложнениями, завершаются на наших глазах возникновением демократической крестьянской республики на развалинах полудеялоного монархического государства. Новая Т., по сравнению с прежней Оттоманской империей, представляет совершенно иную картину не только в политическом, но и в этническом отношении; она расположена

в новых географических границах; совершенно отлично от прежнего и ее международное значение.

Ко времени революции старая Оттоманская империя, без номинально подчиненных ей областей, насчитывает около 3.000.000 кв. км. территории, с населением приблизительно в 24 миллиона человек. Точной статистики населения не имеется: эти 24 милл. человек распределяются между более чем двумя десятками национальностей, исповедующих самые различные религии и живущих в самых различных культурно-бытовых и географических условиях.

Несмотря на тесное переплетение их друг с другом, можно наметить районы существования отдельных национальностей в следующем виде. На крайнем западе европейской Т. лежит область, населенная албанцами и куцо-влахами; в том же районе и далее к востоку располагаются греки, сербы и болгары со значительной примесью турок, становящихся все многочисленнее по мере приближения к проливам; христиане составляют в европейской Т. около $\frac{1}{3}$ населения, остальная треть падает на долю мусульман. Составляя меньшинство в Европе, турки образуют подавляющее большинство населения в Малой Азии со значительной, однако, прослойкой греков и армян: греков—в особенности по крупным центрам побережья, армян—преимущественно в районах к юго-западу от нашей кавказской границы. На юг и юго-восток от Армении тянется значительная территория, заселенная курдами; примыкающие к ней Месопотамия и Сирия, а также Палестина и Аравия представляют области преобладания арабского населения. В массы основного населения отдельных районов азиатской Т. вкраплено немалое количество различных мелких народностей: черкесов, евреев, халдеев, лавов, друзов, цыган и т. д. Некоторые из них играли известную роль в прежней Оттоманской империи и продолжают время от времени выступать на арену политической жизни современной Т. По вероисповеданию большинство населения азиатской Т. (турки, арабы, курды)—мусульмане. Христиан насчитывалось около 3 миллионов (греки, армяне, халдеи и др.). Главное ядро населения всей Т. составляют турки—около 10 млн., и арабы—около 7 млн. человек.

Между различными национальностями, населяющими дореволюционную Т. существуют постоянные трения, сплошь и рядом выливающиеся в открытую вражду, с погромами и военными нападениями друг на друга. Господствующая нация—турки, находится в непрерывном конфликте: в Европе—с греками и славянами, в Азии—с греками, армянами, курдами и арабами,

не считая некоторых других мелких национальностей. Основы этой национальной борьбы имеют самые различные корни. В пределах европейской Т. антагонизм между славянами и греками, с одной стороны, и турками, с другой, является отражением вековой борьбы за самостоятельные национальные государства, возникновение которых питает ирредентистские тенденции соответственных национальных групп в турецкой Македонии и Фракии. Греко-турецкая и армяно-турецкая рознь коренится также в культурном превосходстве и социально-экономическом соперничестве, выдвигающем греков и армян на первые места в хозяйственной жизни страны, в ее земледелии и, в особенности, во внутренней торговле; сложившиеся в результате этого хозяйственного преобладания сложные экономические отношения, в связи со все растущим разорением турецкого крестьянства, и создают благоприятную почву для обострения национально-религиозных конфликтов. Сказанное о культурном превосходстве относится отчасти и к передовым слоям арабского городского населения Т., хорошо сознающего несоответствие между значением арабской национальности и ее политическим положением в турецком государстве. Что касается основной (негородской) массы турецких арабов, их враждебность по отношению к Т. объясняется, гл. обр., противоречием их патриархального быта интересам и формам вообще какой бы то ни было единой государственности, неизбежно сопровождаемой всевозможными ограничениями и прежде всего — требованием налогов. Главы арабских племен, шейхи, вечно враждующие друг с другом и стремящиеся к захвату власти за счет соседей, а иногда питающие и великодержавные стремления относительно всего арабского Востока, с неохотой подчиняются турецкому султану. Сужаемые им иностранные деньги также не остаются без соответствующего влияния. Постоянное вмешательство иностранцев во внутренние турецкие дела, выступления „в защиту“ угнетенных национальностей и прямая поддержка различных национальных движений вообще немало способствует обострению национального вопроса в Т.

Среди самого турецкого населения Османской империи накапливается недовольство иного порядка. Дореволюционная Т. является страной почти исключительно земледельческой. Правда, в ней уже зарождается промышленность с характерным для нее социально-экономическим расчленением, однако новые противоречия дают себя чувствовать лишь в нескольких крупных центрах западного побережья Малой Азии. Наряду с ними все отчетливее наме-

чается крайнее обеднение турецкого крестьянства, ведущего самое примитивное хозяйство и едва справляющегося с тяжким бременем государственных налогов. Значительная часть крестьян ускользает впрочем от главных тягот государственного обложения, работая на земле так называемых „вакуфов“ — поместий, доход с которых первоначально предназначался для содержания различных духовных и благотворительных учреждений, а впоследствии стал, главным образом, служить источником обогащения государственных чиновников, давая, таким образом, начало своеобразной форме крупного землевладения. Однако, налоговые льготы, получаемые крестьянином, работающим на вакуфной земле, не в состоянии спасти его от разорения и закабаления, и в турецкой деревне все более и более назревает противоречие между интересами крестьянства, с одной стороны, государства и крестьянского кредитора, с другой.

Все это многообразие борющихся между собой наций, религии и социально-экономических форм, со свойственными каждой из них социальными противоречиями, политически скрепляется в единое целое абсолютной властью султана, являющегося в то же время и „халифом“, т.-е. духовным главою мусульманского населения страны. Свою светскую и духовную власть султан осуществляет через многочисленную центральную и местную бюрократию и духовенство. В стране, в которой земли является главным источником богатства, представители власти становятся естественно фактическими хозяевами крупных земельных угодий (напр., „вакуфов“), определяя соответствующим образом классовую позицию правительства по отношению к крестьянству. Тесная связь светской власти с духовной определяет религиозную политику султаната в борьбе между исламом и религиозными меньшинствами. Его позиция в борьбе многочисленных национальностей между собой определяется развитием центробежных стремлений среди славян, греков, армян и арабов, что, естественно, толкает центральную власть к необходимости базироваться в первую очередь на интересах турок, исторически господствующей государственной нации страны. В борьбе сменяющих друг друга социально-экономических форм, государственный аппарат Т., опирающийся на полуфеодальное землевладение, становится в оппозицию к обеим крайностям, находящим себе место в пределах ее европейских и азиатских владений: к первобытному кочевью, с одной стороны, и к современному капитализму, с другой. Он стремится обуздать непокорного бедуина и его самовластного

властителя, шейха, и пытается не допустить развития капиталистической промышленности с ее неизбежными спутниками: беспокойным пролетариатом и стремящейся к власти буржуазией.

Если учесть все перечисленные обстоятельства и, кроме того, принять во внимание чрезвычайные внешние опасности, неизменно грозящие целостности Оттоманской империи, то станет понятной исключительная трудность защиты позиций, занимаемых турецкой государственной властью, основные тенденции которой нашли себе крайнее выражение в фигуре последнего предреволюционного султана, Абдул-Хамида. Окруженный со всех сторон внутренними и внешними врагами, Абдул-Хамид создает режим, доставивший ему столь широкую и печальную известность. Разжигание религиозной и национальной розни, доведенный до последних пределов сыск, подавление каких бы то ни было проблесков общественной жизни, гонение на литературу, жестокое преследование нарождающейся интеллигенции, невероятное взыточничество и бесконтрольное хозяйничанье бюрократии— вот основные черты этого знаменитого режима, быстро разорявшего страну и обострявшего намеченные выше социальные противоречия. Зараженный болезненной подозрительностью, Абдул-Хамид окружает себя албанской гвардией, с недоверием относясь даже к турецкой армии, постоянно привлекаемой для подавления внутренних беспорядков и отражающей на себе все теневые стороны народного разорения и бюрократической бесхозяйственности. Его опасения оказываются, впрочем, не обосновательными, так как именно армия становится главным источником революционного брожения, вывывая в своем солдатском составе настроение недовольства, накапливающееся в турецкой деревне, и в своем офицерском составе сосредоточивая наиболее передовые слои европеизированной турецкой интеллигенции. Охлаждение армейской массы к существующему режиму становится особенно ощутительным в европейской Т., где полуголомный турецкий солдат встречает сытого, хорошо одетого и оплачиваемого европейского жандарма. Болезненная подозрительность Абдул-Хамида доводит его до прямой борьбы с появлением на турецкой почве завоеваний современной техники, например: телефонов, электричества и т. п., легко могущих сделаться, по его мнению, оружием в руках его врагов. Но здесь ему приходится сталкиваться с интересами своих европейских кредиторов, к услугам которых его вынуждают обращаться приходящие все в более и более плачевное состояние государственные финансы. И задержи-

вая развитие национального хозяйства, Абдул-Хамид распродает страну иностранным капиталистам, поемному завладевающему наиболее доходными статьями турецкой экономики.

Первое место в экономическом завоевании Т. принадлежит Франции и Англии, за ними следует, в особенности в последнее время перед войной, Германия и, наконец, Италия. В различных областях отношения, конечно, меняются в пользу той или другой из упомянутых держав. Так, из 4.085 англ. миль жел. дорог, имевшихся в Т. к 1908 г., государству принадлежит всего 932 м.; 1.054 м. контролируются французами, 938 м.—германцами, 815 м.—смешанными австрийско-немецкими объединениями, 320 м.—англичанами. Иностранцы завладевают и значительной долей турецких финансов. В начале восьмидесятых годов Абдул-Хамид заключает со своими кредиторами соглашение, по которому фиксируется общая сумма турецкого долга, и в обеспечение уплаты процентов и амортизации капитала учреждается «Администрация оттоманского государственного долга», представляющая собою обширную организацию, управляемую французскими, английскими, немецкими, австрийскими и итальянскими финансистами. За Администрацией закрепляется ряд государственных доходов: налоги на соль, табак, спиртные напитки, шелк, рыбные промыслы; гербовый сбор; поступления с Болгарии и т. д. Доходы Администрации быстро растут с годами, достигая в 1907—8 г. г. суммы почти в 3½ миллиона турецких фунтов (11 гур. фунтов=10 англ. фунтов стерлингов). За поступлением этих доходов Администрация следит при помощи обширного аппарата чиновников, охватывающего собою всю территорию страны. Из общей суммы турецкого долга 62% принадлежит Франции и 29%—Германии. На ряду с Администрацией долга, огромную роль в финансовой жизни Т. играет Оттоманский банк—учреждение, основанное французскими и английскими финансистами и получившее от правительства ряд совершенно исключительных привилегий. Железнодорожное дело и финансовая жизнь являются, однако, лишь типичными частями общей картины проникновения иностранного капитала в государственное и частное хозяйство Оттоманской империи. Предоставленная иностранцам табачная монополия, концессии на сооружение портов, на оборудование всевозможных муниципальных предприятий, на эксплуатацию природных богатств и т. д.—рисуют дальнейшие части этой общей картины. Иностранцы, главным образом англичане, захватывают в свои руки и крупную внешнюю и внутреннюю турецкую торговлю, фактически монополизи-

руя несколько главных ее отраслей. Иностранцам принадлежит главная инициатива в создании немногих крупных турецких промышленных предприятий.

Широко открывая двери иностранному частному капиталу, султанат не в силах оказать должного сопротивления непрерывным попыткам великих держав подчинить и своему политическому влиянию различные области Оттоманской империи: турецкую Африку, Ливан, Сирию, различные пункты на побережье Аравии.

Проветание в Т. иностранцев, пользующихся в силу режима „капитуляций“ всевозможными юридическими и экономическими привилегиями, резко бросалось в глаза на фоне общего национального обнищания и не могло не сделаться новым фактором в деле приближения турецкой революции. В том же смысле влияла и быстро надвигавшаяся угроза окончательного раздела Т. великими и малыми державами. И ближайшим поводом к революции послужило, по видимому, состоявшееся незадолго до нее соглашение России и Англии относительно проведения в турецкой Македонии и Армении ряда реформ, до известной степени интернационализирующих управление этими турецкими областями.

Руководство турецкой революцией берет на себя комитет партии „Единение и Прогресс“, за год до того вошедший в коалицию с другими, стоящими на почве конституционализма, турецкими и не турецкими группами. В июле 1908 г. члены комитета, офицеры Энвер-бей и Ипази-бей, поднимают восстание в войсках, расквартированных в европейской Т., и в короткий срок овладевают столицей при взрыве национального энтузиазма среди более культурных слоев турецкого населения и при пассивности огромной массы турецкого крестьянства. Начинается новый, конституционный период турецкой истории, в котором руководителями турецкой политики становятся младотурки—организация турецкой интеллигенции, офицерства и среднего и мелкого чиновничества.

В программу ставших у власти младотурок входит преобразование Т. в самодержавную державу европейского типа, опирающуюся на свое национальное хозяйство и сильную, спаянную единым национальным духом, армию. Преобразование аппарата государственного управления, реорганизация армии и флота и упорядочение финансов представляются младотуркам первыми этапами на этом пути. Широкая культурная реформа и нечто в роде религиозной реформации также намечаются ими к осуществлению в ближайшем будущем. Захватив власть и став затем заученными руководителями официально пра-

вляющего парламента, младотурки оказались, однако, весьма умеренными в своем либерализме: они не только сохранили султанат и халифат, но и оставили на троне столь мало пригодного к роли конституционного монарха Абдул-Хамида. Для реформы финансов и военного дела они пригласили иностранных советников: английских—для реорганизации таможенных пошлин и морского флота, французского—для реорганизации финансов и немецкого—для реорганизации армии. В качестве военных советников Германия посылает в Т. нескольких из своих лучших специалистов.

Реформа финансов и военного дела, энергично проводимая младотурками, естественно вела к распространению воинской повинности и твердого государственного обложения и на те группы турецкого населения, которые при прежнем режиме были от них юридически освобождены или фактически от них уклонялись. К числу первых относилось, напр., большинство немусульманских народностей (христиане освобождались в Т. от воинской повинности), к числу вторых—некоторые племена в горах и пустынях европейской и азиатской Т. Все эти реформы не могли не вызвать недовольства среди различных национальных меньшинств, встретивших с энтузиазмом революцию, сущившую им расширение их национальных прав и повернувшую к ним знакомым лицом турецкой государственности и турецкого национализма. Запрещение родного языка, закрытие национальных школ и интриги иностранцев также способствовали обострению национальных отношений и усилению возбуждения против младотурецкого правительства. Выражения недовольства и крупные восстания не заставили себя долго ждать, в ответ на что последовали погромы, усмирения и военные экспедиции. В 1909 г. идет резня в Адане и Киликии; в том же году возникает восстание в Албании и Македонии; серьезные беспорядки происходят у друзов в Сирии; в 1910 г. восстают арабские области: Немен и Асир. О том, насколько значительны эти восстания, говорят размеры военных отрядов, посылаемых, напр., против друзов (30.000 ч.) и против арабов (50.000 ч.), при чем и этих сил оказывается недостаточно для подавления беспорядков, и правительству нередко приходится идти на компромисс или соглашаться на условия восставших.

В сфере внутри-турецких отношений тоже не все обстоит благополучно для младотурецкого правительства. Здесь начинают поднимать голову: во-первых, старая бюрократия, хотя и оставленная по большей части на своих местах, но быстро начавшая терять свое привилегированное по-

ложение; во-вторых,—духовенство, увидевшее самую реальную угрозу в предложениях младотурок относительно осуществления реформации ислама и мусульманского быта. Младотурки намечали введение европейского времени и календаря, введение латинского алфавита, отмену женских покрывал, упразднение священного поста Рамазана и праздника Байрама, пересмотр Корана и т. д. В апреле 1909 г. „Мохамеданский союз“ производит государственный переворот с требованием подчинить конституцию исламу. Однако, уже через две недели младотурки вновь возвращаются к власти и на этот раз устранивают Абдул-Хамида, заменяя его бесцветным преемником. Мусульманская контр-революция не проходит бесследно для младотурок: она заставляет их отказаться и от религиозного либерализма, и к их пантуркестским тенденциям теперь присоединяется еще и панисламизм. Шовинистическая политика младотурок в обстановке восстаний внутри страны и в связи с неудачной итальянской войной вновь заставляет их в 1912 г. сдать власть, на этот раз—либеральной группе Кямилы, пытающейся пойти навстречу требованиям национальных меньшинств. Начавшаяся вскоре балканская война и соглашения Кямилы на отказ от Адрианополя и островов дали, однако, возможность младотуркам произвести в январе 1913 г. государственный переворот и вновь поставили у власти трех наиболее видных деятелей военной эпохи: Энвера, Талаата и Джемала (см. прил. к XLVI и XLVII).

При общей ситуации, сложившейся в Европе в начале XX столетия, турецкая революция не могла не повлечь за собой серьезных международных осложнений. Великие державы заняли вначале выжидательную и недоброжелательную позицию по отношению к новому правительству, несмотря на то, что младотурки, при всем своем стремлении к эмансипации от иностранцев, обнаруживали признаки враждебности лишь по отношению к Германии, что объяснялось близостью между Вильгельмом и Абдул-Хамидом. По отношению к Англии и Франции имели место, наоборот, дружественные демонстрации, но принесшие ничего, кроме быстрого разочарования, заставившего младотурок переменить свою международную ориентацию и обратиться к Вильгельму, охотно протягивавшему руку и новой турецкой власти. Влижайшие европейские соседи Т. повели себя более открыто и энергично, стремясь использовать удобный для себя момент временного ее ослабления. 5-го октября 1908 г. Болгария объявляет об уничтожении последних остатков своей зависимости от Т.; 7-го октября за ней следует Черногория; 6-го октября Австро-

Венгрия сообщает об аннексии Боснии и Герцеговины; 8-го октября следует провозглашение соединения Крита с Грецией. Новая Т. оказывается бессильной перед лицом этих международных осложнений. Взрыв негодования по отношению к Австро-Венгрии, вызвавший массовый бойкот австрийских товаров, заставил, правда, последнюю уплатить 12 млн. долларов в виде компенсации за общественную турецкую собственность в аннексированных областях, но был слишком слабым средством, чтобы заставить отдать их обратно. Продолжающиеся внутренние затруднения нового турецкого правительства побуждают и Италию начать (в сентябре 1911 г.) войну, с целью расширения за счет Т. своих владений. Не обладая сколько-нибудь достаточным флотом, Т. не смогла переправить войск в Триполи и воспрепятствовать блокаде и обстрелу портов. Безуспешность сопротивления, отсутствие средств и угроза новой и более опасной балканской войны вынудили турок заключить в октябре 1912 г. мирный договор в Уши, который отдал Триполи итальянцам, захватившим, кроме того, Родос и острова Додеканеза. Балканская война не заставила себя долго ждать. Ободренные успехами итальянцев, Греция, Черногория, Сербия и Болгария, воспользовавшись моментом широкого албанского восстания, перешли в наступление, в короткий срок нанесли туркам несколько крупных поражений (болгары—при Кырк-Килисе и при Люле-Бургасе, сербы—при Куманове), заняли Салоники и стали угрожать подступам к Константинополю. Успехи балканской коалиции вызвали, однако, тревогу и вмешательство великих держав. Австрия и Италия поспешили воспрепятствовать сербам захватить Дурazzo. Была создана самостоятельная Албания. Воюющие противники были приглашены в декабре 1912 г. на мирную конференцию в Лондон. Правительство Кямилы, как указано выше, готово было пойти навстречу требованиям держав, предлагавших Т. отказаться от Адрианополя и островов; однако, вновь захватившая власть группа Энвера, Талаата и Джемала решила продолжать сопротивление. Возобновившиеся военные действия продолжались до мая 1913 года, когда падение Адрианополя, Скутари и Янины убедило турок в бесцельности дальнейшего сопротивления и заставило их согласиться на приведенные в предыдущем требовании. Линия Энос—Мидия была установлена в качестве европейской границы Т. Однако, вскоре судьба улыбунулась и туркам: дележ огромной турецкой добычи послужил поводом к войне вчерашних союзников между собою. В войну вступила и Румыния. Изоляция Болгарии позволила туркам почти

без сопротивления вернуть недавно отданный Адрианополь и часть утраченных европейских владений, закрепленных за Т. сепаратным Бухарестским договором.

Будучи бессильны приостановить продолжающийся процесс военного расчленения Т., младотурки оказались не в состоянии бороться и с мирным экономическим нажимом великих держав. Вызванные восстаниями и войнами чрезвычайные финансовые затруднения заставили младотурок согласиться на раздачу новых концессий Германии, Франции, Англии и Италии. Расширение участия иностранного капитала в экономической жизни Т. было теперь еще более необходимым, так как она не обладала национальным капиталом, способным сколько-нибудь удовлетворительно справиться с поставленными революцией задачами ее военного, экономического и культурного возрождения.—Мировая война выдвинула перед младотурками новые проблемы, далеко превосшедшие по своему значению все предыдущее, и привела к окончательному крушению их политики.

В связи с ее приближением и началом приходилось решать, во-первых, вопрос об окончательном выборе ориентации в сторону Тройственного Союза, или Тройственного Соглашения, во-вторых,—вопрос о предпочтительности вступления в войну или сохранения нейтралитета. Вопрос о выборе ориентации был в значительной мере предрешен в конце 1913 г. приглашением германской военной миссии для руководства турецкой армией. Этот выбор имел, по видимому, свою историю и был весьма труден для младотурок. И та и другая международная группировка состояла из держав, из которых каждая имела свои виды на Т. и не упускала случая извлечь для себя пользу из ее слабости. Прежде всего, младотурки имели полное основание бояться царской России, стремление которой к захвату Константинополя и проливов ни для кого не было тайной. Расширение ее кавказских владений за счет турецкой Армении и Курдистана также казалось весьма естественным продолжением русской империалистической политики по отношению к Т. Состоявшееся накануне турецкой революции соглашение России и Англии относительно превращения Македонии и турецкой Армении в автономные провинции с проведением в них ряда финансовых и административных реформ, ставящих эти области под контроль иностранных держав, слишком подтверждало указанные опасения.—Аннексионистские стремления Англии ясно выступали на протяжении всего XIX и начала XX века в непрекращающемся расширении ее владений и сфер влияния на принадлежащих Т. территориях араб-

ского востока (см. Египет, Палестина, Аравия, Месопотамия и Ирак). Вряд ли могли оставаться сомнения и относительно французских аппетитов в передней Азии (см. Сирия и Ливан). Осторожность и недоброжелательство, с которыми Англия и Франция встретили турецкую революцию, должны были липшиль раз показать Т. их отношение к ее возрождению и усилению. С другой стороны, аннексия Боснии и Герцеговины и итальянская война ясно говорили о том, чего следует ожидать Т. от держав Тройственного Союза, в случае если они получат возможность сделать какие-либо приобретения за ее счет. Тесно связанная с ними Германия не пыталась, правда, прибегнуть по отношению к Т. к политике аннексий и сфер влияния, по ее планы в связи с ее устремлением на восток легко могли стать не менее опасными для турецкой независимости, чем политика держав Тройственного Соглашения. В пользу ориентации на Германию говорило, однако, то обстоятельство, что германская опасность была для Т. делом более или менее далекого будущего, тогда как опасность со стороны России, Англии и Франции была уже реальной действительностью. И даже более того: пока турецкое достоиние находилось в руках держав Соглашения, Германия сама была заинтересована в сохранении целостности Т. и в эмансипации ее от их империалистической политики. Охотно оказываемая Германией военная и финансовая поддержка подтверждала эти соображения. В то же время с началом войны для младотурок должно было становиться все более очевидным, что Англия и Франция слишком зависят от помощи России, чтобы решительно воспротивиться ее притязаниям на Константинополь и проливы. Победа Соглашения явно угрожала Т. мрачными перспективами. Его поражение, наоборот, обещало весьма значительные выгоды за счет вложенных в Т. французских и английских капиталов.—В конце концов младотурки, по настоянию, главным образом, Зивера и Талаата, сделали выбор в пользу Германии и в половине октября 1914 г., вопреки имевшейся в их среде оппозиции, активно вступили в мировую войну.

(Описание хода военных действий см. в соответствующем отделе цикла *Четырехлетняя война и ее эпоха*, т. XLVI).

Участие в новой войне было для Т. чрезвычайно тяжелым испытанием. Военные действия происходили на ее территории: вокруг проливов, в Армении, Месопотамии, Аравии, Сирии, Палестине. Огромная береговая полоса ее блокировалась союзниками. Крестьянское хозяйство, основа народного богатства страны, быстро приходило в упадок вследствие массового отлива рабочих

рук в армию. В особенности страдало мелкое крестьянство, в конце разоряемое экономическим напряжением всего последнего времени. В деревне все более обострились социальные противоречия, и создавалась почва для массового недовольства. Быстрому разорению страны не мало способствовало и само младотурецкое правительство усилением своей националистической политики по отношению к арабам, грекам и армянам. Греческое население огромными партиями высылалось из прибрежных областей; устраивались невероятные армянские погромы, почти уничтожившие армян в Малой Азии, откуда они изгонялись или бежали, погибая от голода, болезней и избиений по дороге. В особенности эти погромы усилились после русского вторжения в Армению. Из двух миллионов армян от них погибло более 750 тысяч. А между тем греки и армяне были наиболее культурными и передовыми сельскими хозяевами Т.

Националистическая политика младотурок не только разоряла страну, но и прямо ослабляла ее военное положение: она была, между прочим, одной из причин полного краха их попытки привлечь на свою сторону арабов провозглашением священной войны за ислам; она помогла арабскому шерифу Мекки, Хусейну, усиленно обрабатываемому обещаниями и английскими деньгами, поднять в Аравии большое восстание и свою помощью ухудшить положение турецкой армии, оперировавшей в Сирии; она способствовала быстрому развитию разрушительных тенденций внутри страны, над предвсказанным разделом которой действительно работали в это время дипломаты враждебного лагеря. Правда, державам Согласия было весьма трудно сговориться друг с другом относительно проекта этого раздела. В особенности неохотно Англия и Франция шли навстречу русским притязаниям в проливах и итальянским притязаниям в районе Смирны. Переговоры о разделе тянулись более двух лет и в конце концов привели к следующему соглашению. Россия получает Константинополь и западный берег проливов до линии Энос—Мидия, часть азиатского побережья в пределах между Босфором, рекой Сакарией и Измидским заливом, а также—Имброс, Тенедос и острова Мраморного моря. На востоке Россия аннексирует области Эрзерума, Трапезунда, Вана и Витлисиса вместе с Урмийским округом и весьма важными в стратегическом отношении Витлисисскими проходами. Во владение Франции поступает прибрежная Сирия, Киликия и часть Курдистана до линии Сивас—Харпут на севере и до Кесарии на западе. Англия получает арабский

Ирак, а также Акку и Хайфу в Палестине. Кроме перечисленных территорий, все огромное пространство между новыми французскими и английскими владениями, т. е. восточная Сирия, Месопотамия и значительная часть Аравии, составляет независимое арабское государство, северная половина которого (Сирия и Месопотамия) находится в сфере французского, южная— в сфере английского влияния. Италия получает Смирну и Адалию с территорией ограниченной: на севере—горизонтальной линией, проходящей немного южнее середины Малой Азии; на западе, юге и востоке—Средиземным морем и французскими владениями в Киликии. Палестина делается самостоятельной областью под международным протекторатом. На долю Т. это соглашение оставляет некоторую территорию в Малой Азии, значительно меньшую, чем, напр., территории новых французских владений и сфер влияния.

Мудросское перемирие 30 октября 1918 г., представляющее собою полную капитуляцию Т., открывает союзникам возможность осуществления указанных соглашений. Англия, Франция и Италия приступают к оккупации предполагаемых к аннексии владений и сфер влияния. Однако, ход оккупации не вполне соответствует намеченному ранее плану. Англичане оккупируют, напр., в Мосульском районе часть территорий, предназначенных для Франции. Россия после Октябрьской революции вообще отказывается от аннексий и уступает Т. по Брестскому договору Карс и Ардаган. В связи с русской политикой перед союзниками встают новые проблемы: проблема будущего устройства Армении и, прежде всего, проблема обладания Константинополем и проливами. Не имея на этот счет готового согласованного решения, державы Согласия захватывают проливы, при чем Англия оказывается в них действительным хозяином положения. Вскоре выясняются новые грандиозные английские планы: учитывая момент ослабления России, Англия стремится захватить в свои руки все турецкие области, на которые претендовал Россия, и отрезать ее от путей экспансии на Ближний Восток, утвердившись в проливах, на Кавказе, в Курдистане и в Персии и завладев всеми нефтяными районами передней Азии. Наконец, появляется новый, выдвигаемый Англией, претендент на турецкое наследство—Греция, захватывающая в мае 1919 г. Смирну и прилегающие к ней турецкие области. Все эти непредвиденные обстоятельства становятся яблоком раздора между союзниками, пытающимися, однако, договориться друг с другом и заставить Т. согласиться на фактическое самоуничтожение. Последнее кажется тем более

возможным, что после перемприния власть в Константинополе переходит из рук окончательно дискредитированных несчастной войной младотурок к людям, для которых удержание власти в своих руках является главным принципом их политической деятельности.

Расширяя все более сферу оккупации, союзники стремятся опереться на национальные меньшинства, усиленно способствуя своей политикой обострению национальных отношений, принимающих обычную для Т. форму гражданской войны, которая захватывает на этот раз всю Малую Азию. Погромы следуют с обеих сторон один за другим. Но в тисках оккупации и в зверских жестокостях погромов зарождается новая Т. Доведенное до крайности и представленное своим силам, население начинает прибегать к тайной самоорганизации и самообороне. Грандиозный погром, устроенный греками в Смирне в мае 1919 г., дает повод возникающим патристическим организациям созвать на местах несколько национальных конгрессов („Конгресс дезаннексии Смирны“, „Конгресс защиты прав Трапезунда“), принимающих все более значительные размеры. Как и в первую революцию, главным руководителем движения становится турецкое офицерство, выдвинувшее и наиболее крупного турецкого деятеля этой эпохи—Мустафу Кемаль-пашу. Отрекшись от своего высокого воинского чина и дав публичную клятву посвятить жизнь делу освобождения Т., Кемаль становится во главе избранного Эрзерумским конгрессом (июль 1919 г.) исполнительного органа, который созывает в сентябре 1919 г. первый общетурецкий национальный конгресс в Сивасе. На Сивасском конгрессе было принято решение продолжать вооруженную борьбу до полного освобождения Т. в ее этнографических границах. Несмотря на это решение и на провозглашение народа единственной законной властью, конгресс всячески старался избежать конфликта как с Антантой, так и с продолжающим оставаться в Константинополе султаном, от которого он требовал, однако, отставки кабинета и немедленного созыва парламента. И лишь отсутствие из Константинополя и от Антанты какого бы то ни было ответа заставило исполнительный комитет конгресса возобновить войну против правительства и оккупантов. Военные операции националистов оказываются настолько успешными, что союзники начинают понемногу очищать центральные районы Анатолии. Правительственные же войска по большей части переходят на сторону националистов. Испуганный успехами националистов, султан устраняет англофильский кабинет Фериды Дамада и поручает состав-

ление нового кабинета нейтральному Али Ризе, который подписывает соглашение с националистами. В январе 1920 года новое правительство созывает парламент под пушками стоящих в Константинополе судов Антанты. Преобладающее большинство в нем примыкает к национальному блоку, который торжественно принимает „Национальный Обет“ в духе постановлений Эрзерумского и Сивасского конгрессов. В Национальном Обете парламент, во-первых, выражает свое согласие на плебисцит по вопросу о государственной принадлежности в арабских областях, в западной Фракии и в Карском, Ардаганском и Батумском округах; во-вторых, обещает предоставление прав национальным меньшинствам; в-третьих, требует обеспечения безопасности Константинополя и, наконец, в-четвертых, провозглашает недееспособность и полную независимость турецкого государства, составленного из областей с преобладающим турецким населением. При этом пункт, касающийся независимости, содержит в себе добавочное указание на необходимость устранения всех ограничений, мешающих политическому, юридическому или экономическому развитию Т.

Национальный Обет, как видно из его содержания, не только шел в разрез с предположениями держав Антанты относительно раздела Т., но угрожал и исконным их привилегиям. В ответ на турецкие требования англичане оккупировали Константинополь, разогнали парламент, арестовали половину депутатов и послепили созвать конференцию, чтобы выработать условия мирного договора, который должен был зафиксировать намеченные приобретения их в Т. Летом 1920 г. державы Согласия предлагают Т. проект мирного договора, который константинопольское правительство и подписывает в августе того же года, вопреки оппозиции, поднявшейся даже в его среде. Этот, так называемый Севрский, мирный договор представляет собою измененную сообразно новой обстановке вариацию прежнего соглашения Антанты. По этому договору Т. окончательно лишается всех своих африканских владений и целого ряда островов; Хиджаз становится независимым государством; Сирия и Месопотамия объявляются временно независимыми и подчиняются носителям мандатов: Сирия—Франции, Месопотамия—Англии; Палестина превращается в еврейский национальный очаг под английским управлением; Восточная Фракия и Смирна передаются Греции; Армения выделяется в самостоятельное государство, границы которого устанавливаются президентом Соединенных Штатов; Константинополь остается в турецких руках, но проливы поступают в ведение особой между-

народной комиссии, назначенной державами Сogласия. Одним словом, Севрский договор лишает Т. трех четвертей территории и и более чем половины населения, оставляя на ее долю около пятисот тысяч квадратных километров с восьмью приблизительно миллионами человек. Урезанная таким образом Т. теряет, далее, свою независимость, становясь под контроль союзных комиссий, получающих власть над всей ее политической и экономической жизнью, при чем значительная часть Малой Азии делится дополнительным соглашением на сферы влияния отдельных держав Антанты. Ко всему этому договор добавляет почти полное разоружение и тяжелые военные репарации.

Провести Севрский договор в жизнь оказалось, однако, гораздо труднее, чем заставить константинопольское правительство его подписать. Для этого надо было прежде всего сломить сопротивление Кемалья и националистов, решительно отказавшихся признавать договор. Разгоном парламента и арестом депутатов не удалось ничего достичь. Оставшаяся половина депутатов бежала в Ангору под защиту Кемалья и, пополнив свой состав новыми выборами, образовала Великое Национальное Собрание Т., провозгласившее себя верховной властью в стране. Кемаль был избран председателем Собрания и выделенного им органа исполнительной власти. Константинопольское правительство реагировало на это угрозами и усилением репрессий против националистов, но уже к концу 1920 г. окончательно убедилось в своей беспомощности и стало пытаться войти с ними в соглашение. Державам Сogласия приходилось самим бороться с Ангорой; однако, и они всячески уклонялись от решительного наступления своими силами, предпочитая предоставлять задачу уничтожения националистов константинопольскому правительству, восставшим черкесам, курдам, армянам и грекам. Натиск греческой армии и все эти внутренние восстания были настолько серьезны, что не раз угрожали самому существованию ангорского правительства, опиравшегося первое время, гл. обр., на партизанские отряды. Лишь к концу 1920 г. назначенному диктатором Кемалю удалось организовать регулярную армию и ликвидировать партизан, своими действиями нередко возбуждавших население против нового правительства. С этого времени начинается быстрое укрепление новой власти, чему немало способствует слагающаяся вокруг Т. международная обстановка. Два обстоятельства оказываются особенно благоприятными для ангорского правительства: это — намечающееся сближение с Россией и все растущие разногласия в восточной политике между державами Антанты.

Сближение с Россией начинается чуть ли не с самого момента открытия Великого Национального Собрания Т., когда правительство РСФСР заявило о своей готовности установить нормальные отношения с Ангорой на основе провозглашенных в Национальном Обете принципов турецкой независимости. Наличие международного барьера в виде трех кавказских республик препятствовало, однако, действительной реализации русско-турецкого сближения. Этот барьер был уничтожен к концу 1920 г. установлением советской власти сперва в Азербейджане, затем в Армении, за месяц до того понесшей жесточайшее поражение в разгоревшейся армяно-турецкой войне и потерявшей большую часть своей территории. Установление в начале 1921 г. советской власти и в Грузии устранило последние остатки этого барьера. 16 марта 1921 г. Ангора подписывает с РСФСР союзный договор, дополняемый в ближайшее время различными соглашениями и договорами с другими советскими республиками. По этому договору советская федерация вернула себе Батум и часть закавказских территорий, уступленных Т. по Брестскому договору. 1 марта 1921 г. Ангора подписывает союзный договор с Афганистаном, внушающий также серьезное опасение державам Сogласия, как свидетельство роста авторитета новой Т. в странах порабоженного Востока. На этот рост указывали и многочисленные выражения симпатий, обращенные к новой Т. со стороны населения самых различных мусульманских стран.

Разногласия по турецкому вопросу среди держав Сogласия зародились, как указано выше, не в этот период, а гораздо раньше, — уже во время мировой войны. Но со времени ее окончания они углублялись и усиливались, по мере того как становилось все яснее, что больше всего от раздела Т. выигрывает Англия, приобретающая слишком большой вес в восточной части Средиземного моря. Доминирующая роль Англии в оккупации проливов внушала Франции и Италии особенно серьезные опасения. Весьма враждебно смотрела Италия и на усиление Греции, которую Англия выдвигала против Ангоры. Все эти опасения и разногласия с некоторых пор стали находить себе отражение во французской и итальянской прессе, а также в парламентских прениях. Во Франции и Италии начинают понемногу нарастать сомнения в выгодности и выполнении Севрского договора. Франция уже с конца 1919 г. ведет двойственную игру по отношению к Т.: с одной стороны, она вынуждена поддерживать Англию в ее агрессивной восточной политике; с другой, она все время ведет сепаратные переговоры с Кемалем. Укре-

пленение ангорского правительства внутри страны, сближение с Россией и быстро растущие трудности и издержки оккупации в конце концов заставляют державы Соглашения идти на значительные уступки воинствующему турецкому национализму. Стремясь распутать завязанный в Севре узел, они созывают в феврале 1921 г. конференцию в Лондоне, на которую приглашаются и представители ангорского правительства. Однако, несмотря на предлагаемые Соглашением уступки, конференция не привела ни к каким результатам, вследствие упорства Греции, не желавшей отказываться от Фракии и Смирны. Не приведя к общему соглашению, Лондонская конференция оказалась весьма чреватой важными для Т. последствиями: она окончательно обособила Англию с поддерживаемой ею Грецией и побудила Францию и Италию пойти на заключение сепаратных договоров с ангорским правительством. Договор с Италией был подписан уже в марте 1921 г.; договор с Францией был подписан тогда же турецкой делегацией, но был отвергнут Собранием, твердо ставшим на позицию Национального Обета. Это заставило Францию быть еще уступчивее в своих притязаниях, и новый договор был подписан 20 октября 1921 г. Одновременно с дипломатическими переговорами Франция и Италия эвакуируют оккупированные ими области Малой Азии и обнажают фланг греческой армии, уже успевшей потерпеть серьезное поражение после Лондонской конференции, когда новое греческое правительство, сосредоточив в Малой Азии большие силы, предприняло решительное наступление против Ангоры. Отступление Франции и Италии и внутреннее разложение греческой армии позволили националистам произвести к концу 1922 г. окончательный разгром греческого фронта, очистивший Малую Азию и от греческой оккупации. Не отвоєванными оставались Фракия и проливы, охраняемые оккупационными отрядами и флотом Антанты. И вот войска националистов подходят и к ним, грозя прорвать оккупационную линию союзников. Продвижение к проливам вновь ставит Ангору лицом к лицу с Антантой и в особенности с Англией. Английское правительство, покинутое своими недавними союзниками, начинает угрожать самостоятельным выступлением против Т., но, не найдя поддержки ни в доминионах, ни в метрополии, меняет линию своей турецкой политики и идет на устройство новой мирной конференции в Лозанне, с участием всех заинтересованных в судьбе проливов держав. На этой конференции турки одержали блестящую дипломатическую победу, закрепившую результаты их упорного военного сопротивления. Дипло-

матические успехи турок в Лозанне были весьма облегчены продолжающимся соперничеством великих европейских держав и появлением неожиданного союзника в лице Соединенных Штатов Америки, проявившей усиленный интерес к турецким концессиям, в особенности к тем из них, которые связаны с добычей нефти. В самый разгар конференции (30 апреля 1923 г.) турки подписывают грандиозную концессию Честера, которая широко открывала двери американскому капиталу, угрожая французскому железнодорожному строительству и английским нефтяным перспективам. Эта концессия, обещавшая покрыть Т. сетью железных дорог и дать могучий толчок ее добывающей промышленности, впоследствии оказалась дутым предприятием, но на конференции она принесла Т. немалую пользу.

Подписанный 24 июля 1922 г. Лозаннский мирный договор устанавливает, прежде всего, территориальные границы современной Т. В Европе он возвращает туркам Константинополь и восточную Фракию с границей по рекам Марице и Реввой, в Азии оставляет в силе заключенные ранее соглашения с Россией и Францией, предоставляя Т. приблизительно все территории, наметенные Национальным Обетом. Лишь в вопросе о Мосульском вилайете (см. *Четырехлетняя война и ее эпоха*) турки терпят поражение, так как вопрос этот остается нерешенным. Поражением следует считать и соглашение о проливах, демилитаризующее их и открывающее их для коммерческого и военного флота договаривающихся держав, при условии, что вводный в Черное море флот не должен превышать силы флота сильнейшего из черноморских государств. Ответственность за соблюдение нового положения в проливах возлагается при этом не на Т., а на международную комиссию и на Лигу Наций. Особенных успехов туркам удалось добиться в вопросах юридических и экономических. Новый договор окончательно ликвидировал режим капитуляций, устранил все экономические и юридические привилегии иностранцев, положил конец их прежней широкой школьно-миссионерской деятельности (являвшейся одним из весьма серьезных средств экономического проникновения), установил пропорциональную разверстку государственного долга между всеми областями бывшей Оттоманской империи и предоставил туркам целый ряд льгот в отношении данных ранее иностранцам концессий. Впрочем, большинство прежних концессий осталось в силе и по новому договору.

Установленные Лозанским договором, границы современной Т. охватывают приблизительно 300.000 кв. км. территории,

с населением в $13\frac{1}{2}$ миллионов человек. Из этого числа насчитывалось около 10 млн. турок, $1\frac{1}{2}$ млн. курдов, 700.000 греков и около 300.000 армян. 90% населения—мусульмане, христиан всего—8%.

Надо, однако, заметить, что все указанные цифры основаны не на точных исчислениях, а на более или менее приблизительных оценках. Насколько расходятся отдельные источники, видно, например, из отчета Вашингтонского департамента торговли за 1926 г., указывающего следующие цифры: общее количество населения—7.549.000 душ, в том числе: турок—4.000.000, курдов—1.500.000, армян—300.000, греков—300.000, албанцев—300.000, евреев—200.000.

Остатки греческого населения, сильно уменьшившегося и против указанной цифры, концентрируются в настоящее время почти исключительно в Константинополе, так как чрезвычайно повинистически настроенные турецкие националисты настояли на внесении в Лозанский договор пункта о принудительном выселении всех греков из Малой Азии, на что греки ответили соответствующей же мерой по отношению к проживающим в Греции туркам.

Главным занятием подавляющей массы населения новой Т. является земледелие, которое ведется по большей части весьма примитивным способом. Низкий вообще уровень турецкого сельского хозяйства понизился еще более за последнее время, вследствие непрерывных войн и искоренения наиболее передовой в хозяйственном отношении части населения—греков и армян. Однако, для развития сельского хозяйства Т. имеются весьма благоприятные условия. Почвы Малой Азии отличаются большим плодородием и пригодны для самых разнообразных культур, начиная от зерновых хлебов и кончая табаком, хлопком, оливками, виноградом и южными плодами. Обрабатывается в настоящее время всего около 10%—18% общей площади, занимаемой Т., тогда как более $\frac{2}{3}$ ее являются годными для обработки. Несмотря на это обилие свободной площади, в Т. уже до войны имелось большое количество малоземельного и безземельного крестьянства. Война в свою очередь сильно способствовала крестьянскому разорению. Хотя за военный период значительно увеличилось количество богатых крестьян, положение среднего крестьянства и крестьянской бедноты сильно ухудшилось.

На ряду с большим количеством плодородной земли Т. обладает весьма богатыми недрами, до сих пор мало разрабатываемыми. В перечень находимых и добываемых в настоящее время в Т. ископаемых входят: медь (залежи Арганы считаются са-

мыми обширными и производительными в мире), хром, серебро, цинк, мышьяк, марганец, ртуть, буре, соль, золото, свинец, уголь, нефть и асфальт. Крупные горные предприятия принадлежат по большей части иностранцам. Серьезным препятствием для развития турецкого хозяйства является крайняя недостаточность железнодорожной сети (всего ок. 3.500 км.) и разрушение шоссейных и грунтовых дорог в последнее время.

Турецкая обрабатывающая промышленность в главной своей массе является домашним кустарным промыслом. Более крупные промышленные предприятия весьма немногочисленны и почти все сосредоточены в Константинополе и Смирне. Турецкая промышленность и кустарные промыслы также сильно пострадали от войны, но отсутствие довоенной индустриальной статистики не дает возможности установить точные размеры их сокращения.—Таковы самые общие черты экономики современной Т. в границах, установленных Лозанским договором, знаменующим окончание длительного периода вооруженной борьбы за национальную независимость. Борьба за установление нового политического строя составляет главное содержание первого периода внутренней истории новой Т.

Вскоре после заключения перемирия в Мудании (11 окт. 1922 г.) ангорское правительство вынесло постановление об уничтожении султаната. Бегство последнего турецкого султана на борту английского корабля в ноябре 1922 г. означало сдачу последних позиций турецкой монархии. Несмотря на это, еще целых полтора года велась борьба вокруг вопроса о форме правления новой Т. Поводом к этой борьбе было сохранение халифата, хотя он и перестал быть связанным с высшей политической властью в стране. Вновь избранный халиф естественно стал центром различных реставрационных интриг и знаменем для политических вождельных начивающей нарождаться оппозиции. Ответом на эту новую опасность были правительственные репрессии и возникновение „Народной партии“, созданной Кемалем из представителей более левых групп националистов. На состоявшихся летом 1923 г. новых выборах кемалисты получили подавляющее большинство голосов и вскоре после открытия парламента внесли проект новой конституции, устанавливающей республиканский строй и придающей больше единства и согласованности отдельным органам высшей государственной власти: президенту, кабинету и парламенту. Спусти несколько месяцев, ободренные успехами на выборах, кемалисты воспользовались обращением известной своим англофильством группы

индийских мусульман к турецкому правительству с указанием на нежелательность умаления авторитета халифата и провели закон об его уничтожении и об изгнании из Т. всех членов Османской династии. Упразднение халифата сопровождалось законами об уничтожении религиозных судов, об отделении церкви от государства и о ликвидации „вакуфного“ (церковного) землевладения, игравшего крупную роль в турецком аграрном хозяйстве и предоставившего, путем его национализации, в руки государства крупный земельный фонд.

Восстановление сельского хозяйства составляет главный пункт экономической политики Кемали и националистов в последнее время. Отрицая в виду большого количества свободной земли наличие в Т. аграрного вопроса, они направляют свое главное внимание на поднятие уровня крестьянского хозяйства. С этой целью производится бесплатная раздача семян, практикуется льготное предоставление машин, распространяются элементы сельскохозяйственного образования, принимаются меры против чрезвычайно разросшегося бандализма и т. д. Национальное Собрание отменяет „десятину“, весьма тягостный для крестьянства налог на его доходы, и издает законы, предоставляющие беднейшему крестьянству право бесплатного засева любого участка свободной земли и право безвозмездной порубки леса для своих нужд. Об аграрных отношениях современной турецкой деревни трудно соотвечать себе определенное представление. На ряду с приведенным выше отрицанием наличности в Т. крупного землевладения и аграрного вопроса, имеется целый ряд указаний на существование в различных районах (напр. в южной и восточной Анатолии) суррогата помещичьего землевладения, в виде долгосрочной аренды у государства крупных участков земли, передаваемых затем исполу местному крестьянству. Величайшим злом турецкой деревни является массовая задолженность крестьян, находящихся в жестокой кабале у местных ростовщиков и лишь номинально считающихся независимыми хозяевами. Для борьбы с ростовщичеством Ангора создает в настоящее время широкую систему сельскохозяйственного кредита.

В национальном вопросе кемалисты ведут настойчивую политику, наминающую младотурок, прямыми наследниками которых они являются (многие видные младотурки прямо перешли в ряды националистов). Османизация затрагивает не только турецкие национальные меньшинства, но и крупные предприятия великих держав (введение турецкого языка в иностранных предприя-

тиях, османизация каботажного плавания и т. д.). Введение покровительственных тарифов является выражением тех же принципов во внешней турецкой политике националистов.

С националистической политикой кемалистов тесно связан и взятый ими решительный курс на государственный капитализм. Иностраный капитал весьма неохотно идет на новые, далеко не сулящие прежних выгод, условия работы в Т.; сильные национальные меньшинства частью уничтожены, частью потеряли свое прежнее экономическое значение, а турецкая буржуазия слишком слаба и пассивна перед лицом экономических перспектив, намеченных кемалистами. Не имея возможности опереться на частный капитал, кемалисты начали проявлять большую инициативу сверху, сперва основывая смешанные государственно-частные компании, затем делая попытки наследия чисто-государственной крупной индустрии и крупного сельского хозяйства, строя и расширяя транспорт, развивая кредитную систему и вводя монополии различных отраслей производства и торговли. Ведя твердую национальную линию в области экономики, современная Т. уделяет немалое внимание европеизации своего культурного быта. В 1925—1926 гг. введены новые кодексы: уголовный — по образцу итальянского, гражданский — по образцу швейцарского и торговый — по образцу германского; затем введен общеевропейский календарь, ряд реформ, уравнивающих женщину в правах с мужчиной, обязательная гражданская регистрация браков, обязательное ношение европейского шляпа и т. д.

Руководство политической жизнью современной Т. принадлежит возглавляемой Кемалем Народной партии, имеющей подавляющее большинство в меджлисе. Профессиональное и политическое рабочее движение в Т. находится в зачаточном состоянии. Феодально-клерикальная оппозиция группируется в выделившейся из рядов националистов „Партии защиты национальных прав № 2“. Находящиеся в оппозиции к правительству остатки комитета „Единение и Прогресс“ в последнее время подверглись суровому преследованию: в августе 1926 г. начался большой процесс лидеров и членов комитета, в числе которых фигурируют имена некоторых министров времени Кемали. Несколько ранее имел место другой большой процесс — о заговоре на жизнь Кемали, — на котором в качестве обвиняемых выступали представители так-называемой „Прогрессивной партии“. В феврале — марте 1925 г. кемалистам пришлось подавлять крупное восстание шейха Саида в юго-восточной

Апатолин; время от времени всыхивают более мелкие восстания.

ЛИТЕРАТУРА. *Gaulis, B. G.* „La Nouvelle Turquie“, 1924; *Mears, F. G.* „Modern T.“, 1925; *Miller, W.* „The Ottoman Empire and its Successors“, 1922; *Pernof, M.* „La Question T.“, 1923; *Price, C.* „The Re-Birth of T.“, 1923; *Salmané*, „Official Almanac for the T. Empire“; *Kayser, J.* „L'Europe et la T. nouvelle“, 1922; „Turkey“. A commercial and industrial Handbook. By G. Big Randall (Department of commerce. Washington), 1926; *Гурко-Кржжис, В. А.* „История революции в Т.“; его же, „Ближайший Восток и державы“, 1925; „Раздел Азиатской Т.“. Изд. Н. К. И. Д., 1924; *Павлович, М. Г.* в борьбе за независимость“, 1925; *Журиц.* „Новый Восток“, „Междунар. Жизнь“ и др. А. Цирес.—

XXX. Черногория во время войны.—

Старейшее из трех славянских государств, существовавших в 1914 г. на Балканском полуострове, пользовавшееся фактической независимостью от турок во всяком случае уже в XVIII веке, Ч. перестала существовать как самостоятельное государство вследствие мировой войны и политики князя (с 1910 г.— короля) Николая и его рода, оказавшихся помехой на пути к политическому объединению всех юго-славян в одно государство. Обязанная своей давней независимостью не собственной силе, а отдаленности от центра Оттоманской империи и покровительству враждебных последней великих держав (как России, так порой и Австро-Венгрии), незначительная по своим размерам (в 1914 г. около 9.600 кв. к.) и по количеству своего населения (в 1920 г. ок. 335 т. чел. обоего пола), бедная природными дарами и малокультурная страна воинственных горцев, земледельцев и пастухов, Ч. сыграла в свое время известную роль в истории освобождения сербского народа, но никогда не признавалась представительницей сербско-юго-славянского движения за возможное политическое средоточие последнего. Не мечтали о такой роли и члены главенствовавшего в Ч. рода Негош, долгое время наследственно совмещавшие функции духовного владыки (епископа) и князя, один из коих, Данило, заявил кн. Михаилу Сербскому о своей готовности подчиниться ему, как только Обреновичам удастся освободить сербский народ от турецкого ига. Такой же линии держался и кн. Николай в первые времена своего долголетнего (1860—1918) княжения, в течение которых он приобрел славу не только в качестве защитника независимости своего народа, но и в качестве поэта, носителя сербской национальной идеи. Роковые для балканских стран годы босно-герцеговинского восстания, русско-турецкой войны, Сан-Стефанского мира и Берлинского конгресса (1875—1878), повлекшие за собой в частности крушение положения, до того занятого сербскими Обреновичами, признавшими себя в лице Милана фактически вассалами Австро-Венгрии (австро-сербский

договор 1882 г.), и упорная многолетняя русско-австрийская дипломатическая борьба за преобладание на Балканах сообщницы Ч. и ее князю значенне, далеко превосходившее реальные силы Ч., но выдвигавшее ее в положение конкурента Сербии в западной части полуострова, о чем свидетельствовал на всю Европу известный тост Александра III (1890) в честь его „единственного друга“ в Европе—кн. Николая и браки дочерей последнего с русскими великими князьями. Чрезвычайно сильно поддержанное этим и русскими субсидиями, в ряду с которыми он отнюдь не брезговал австрийскими, а позднее и итальянскими, влияние Николая еще более усилилось в глазах его часто строптивых подданных, когда состоялся (1896) брак другой его дочери, Елены, с наследником итальянского престола, ныне королем Виктором Эммануилом III. Поддерживая Ч. и кн. Николая и родясь с последним, как русская, так и итальянская политика направляли свое острие против Австро-Венгрии: первый во имя Константинополя и проливов, вторая во имя господства над Адриатическим морем и будущей борьбы за итальянские области монархии Габсбургов. И то и другое должно было питать в князе мысль о возможности заменить, опираясь на две великие державы, Обреновичей в качестве главы сербского народа и в худшем случае выкратить для себя и своего рода достаточную для независимого и безбедного жития дополнительную к прежнему территорию. Решительный поворот сербской политики в сторону России, начавшийся еще при сыне Милана, Александре, с 1900 г. и неизменно поддерживаемый после убийства последнего (лето 1903 г.) при его преемнике Петре Карагеоргиевиче, сам по себе значительно осложнил положение дела, несмотря на родственные узы, соединявшие Николая с новой династией (старшая его дочь Зорка была с 1883 г. замужем за П. Карагеоргиевичем; ум. 1890). Еще больше осложнилось оно в связи с ростом хорватско-сербского движения в Австро-Венгрии (с 1905 г.), возлагавшего свои надежды не на Ч., а на Сербию, и нашедшего отклик и среди враждебных Николаю элементов в самой Ч. Этим и поражением России в войне с Японией объясняется обилие Николая с Австро-Венгрией, приведшее в 1908 г. к пресловутому Цетиньскому процессу, направленному на основании показаний австрийского шпиона-провокатора Настича против сербских властей, будто бы готовивших покушение против черногорских и австро-венгерских властей в интересах Карагеоргиевичей. Отсюда же произошло и принятие Николаем в 1910 г. королевского титула, равнявшего его с сербскими государями. Мысль опереться на

Австро-Венгрия была, по существу своему, безнадежной, но и династические связи с Россией и Италией не меняли объективного положения слабосильной Ч., тем более что интересы той и другой, как показал не только так-наз. боснийский кризис 1908—1909 г.г., но и времена балканских войн 1912—1913 г.г., в существенных пунктах расходились, и Ч. поэтому не удалось во время последних приобрести существенный для ее дальнейшего развития город Скутари с его хлебодородным округом, тогда как Сербия приобрела обширные новые владения в Македонии и во всех отношениях вновь значительно обогнала Ч. в роли объединительницы всех юго-славских племен не только Турции, но и Австро-Венгрии.

Несомненным первенством Сербии объясняются и состоявшиеся весной 1914 г. переговоры Ч. с нею об установлении тесного военного, дипломатического и экономического единения между двумя странами, не доведенные до конца вследствие мировой войны, а также и выступление Ч. в 1914 г. против Германии и Австро-Венгрии на стороне держав Антанты, которым втайне сочувствовала и Италия. Однако, уже весной 1915 г., т.-е. до разгрома Сербии австро-германско-болгарскими войсками (окт.—ноябрь 1915 г.), начались переговоры Ч. с срединными империями, в которых принимали видное участие два сына Николая, в том числе и наследник его Данило, о сепаратном мире. После разгрома Сербии сам Николай обратился 13 января 1916 г. с телеграфной просьбой о том же к Францу Иосифу. Лишь неумеренные требования Австро-Венгрии и давление Италии заставили его бежать в последнюю. Однако, Ч. не оказала австрийским войскам никакого сопротивления, а сын Николай—Мирко, оказался после сдачи черногорской армии в Вене и вел там переговоры о сохранении за династией Негошей власти над Ч. и частью соседних с нею сербских земель. Династия явно старалась застраховать себя на всякий случай в двух направлениях. Ни в Австрии, ни среди черногорцев эта политика не встретила сочувствия: характерным признаком последнего, особенно грозного для Николая, факта явилась не столько смена нескольких бутафорских министерств состоявшей при нем черногорской эмиграции, сколько образование в Швейцарии черногорского комитета национального объединения, делегаты которого присоединились 20 июля 1917 г. к постановлению состоявшегося на Корфу съезда представителей юго-славских народностей (сербов, хорватов и словенцев) о создании единого юго-славского королевства с династией Карагеоргиевичей во главе.

После прорыва болгарского фронта (сент.

1918 г.) в связи с крушением срединных империй сербские войска вступили не только в собственную Сербию, но и в Ч. 26 ноября 1918 г. черногорская великая скупщина низложила Николая и высказалась за слияние Ч. с Сербией. Народный митинг, состоявшийся вслед за тем в Петинье, подтвердил это решение. Какую роль при этом сыграло воздействие сербских войск и властей и сочувствовавшее им французское верховное командование генерала Франше д'Эпера, скажет только будущее. Несомненные попытки Италии воспрепятствовать объединению Ч. с Сербией, выразившиеся в финансировании как двора и военных сил Николая в самой Италии (в гор. Гаеде), так в особенности черногорских чет, поднимавших в 1920—21 г.г. знамя самостоятельности Ч., во всяком случае не имели успеха. При выборах в Учредительное собрание королевства сербов, хорват и словенцев, состоявшихся 28 ноября 1920 г., Ч. выбрала депутатов, стоявших за слияние Ч. с Сербией. Попытка окружавших Николая черногорских эмигрантов выставить после его смерти (1 марта 1921 г.) и после отречения его наследника Данила, слишком скомпрометированного не только связями с Германией, но и личным характером, его племянника Михаила, сына Мирко (7 марта 1921 г.), не имела успеха, и даже Италия оказалась вынужденной отказать потомкам последнего Негоша в своем формальном признании и прекратить им в июне 1921 г. выплату более или менее явных субсидий на содержание их военных частей в Италии.

Э. Гримм.

XXXI. Албания (ср. албанцы, II, 70—83).—Нынешняя А., об'емлющая лишь часть территории, заселенной более или менее компактно албанцами (ок. 28 т. кв. км. с населением в 1924 г. в 832 т. чел. об. пола), обязана своим возникновением не столько собственным силам и энергиям, сколько борьбе заинтересованных в судьбах Балканского полу-ва держав. Это вытекало из самого строя внутренней жизни А., представляющей в географическом отношении—совокупность раз'единенных горными хребтами долин, связанных в огромном большинстве случаев лишь горными же тропинками, с узкой береговой полосой по Адриатическому морю; в народнобытовом отношении—конгломерат мелких, враждующих друг с другом, племен пастухов и земледельцев, почти без всякой промышленности, находящихся отчасти еще на уровне феодального быта с обычным правом весьма примитивного типа. Чрезвычайно сильный прирост населения, умеряемый лишь систематическим взаимоистреблением, вытекающим из существующей поныне практики

кровной мести, приводил с давних пор, как и в швейцарских кантонах XV—XVI веков, к наемной военной службе в войсках Венеции, а позднее в особенности Оттоманской империи, с одной стороны; к стремлению захватить — при покровительстве турецких властей — соседние македонские области, с вытеснением из них славянского и отчасти греческого населения, и к эмиграции (в XIX в. в особенности в С. Штаты), с другой стороны. Самопроизвольному развитию идеи национального единства и самоопределения здесь, таким образом, не было места, тем более, что этому препятствовала не только рознь между албанцами-мусульманами (в 1924 г. ок. 585 т.), православными (ок. 158 т.) и католиками (ок. 89 т.), но и между самими мусульманами, из коих часть принадлежит к „правоверным“ суннитам, часть (весьма значительная) к мистической с коммунистическим уклоном секте бекташитов (данных о количестве тех и других пока не существует).

Толчок к развитию национальной идеи дали Турция, Австро-Венгрия и Италия, из коих первые две видели в албанцах орудие против славянского (в частности сербского), а отчасти (Турция) и против греческого национального движения, третья же старалась укрепить свое влияние в А. во имя своего стремления к господству над Адриатическим морем не только против сербов и греков, но и против „союзной“ с нею Австро-Венгрии. Именно попытка Стамбула противопоставить „национальным“ требованиям Черногории, частично признанным Берлинским конгрессом 1878 г., „национальные“ же требования албанцев, привела в 1878 г. к созданию первой алб. „национальной“ лиги, упраздненной самой же Турцией (1880) под давлением Европы и вследствие тенденции местных феодалов к использованию положения в собственных их интересах. Восстановленная в 1881 г. для борьбы против греческих притязаний в ю. А. (в частности на Янину) и вскоре вторично упраздненная, лига возродилась в 1901 г. в связи с ростом антитурецкого движения в Македонии (протест ее против русско-австрийского проекта реформ 1903 г. и убийство тогда же русского консула в Митровице).—Параллельно с этим развивалась более глубокая церковная и школьная пропаганда Австро-Венгрии и Италии—среди католиков; сербов, черногорцев, болгар, греков и румын—среди православных. Особенных успехов достигла в этом направлении Италия, игравшая из всех названных стран наибольшую роль в экономической жизни А., каковая осталась за нею поныне.

До турецкой революции 1908 г. постепенно возникавшее движение уже потому не имело антитурецкого, сепаратистского характера,

что албанцы пользовались особым покровительством Абдул Гаида. Лишь централистическая политика младотурок, стремившихся потопить обособленность и рознь подвластных Турции народов, медленно, но верно взрывавшую единство империи, в равенстве прав и обязанностей всех „оттоманских граждан“ и распространить на всю империю единообразную систему административного, податного, школьного и т. д. строя французского бюрократического образца, резко расходившуюся с предшествовавшей практикой, терпевшей при всем своем деспотизме существование местных особенностей с целью противопоставления разных частей населения друг другу (албанцев—славянам и грекам, курдов—армянам и т. д.), создала новое положение. Планы введения всеобщей воинской повинности, единообразной системы податного обложения и т. д., за которыми явно обрисовывалась угроза ликвидации всех традиционных форм местной жизни, послужили во всей империи, и в частности в А., сигналом к возникновению „либерально-автономистического“ движения, встретившего на этот раз серьезный отклик в народных массах, непосредственно задетых в своем привычном быту предшествовавшими реформами революционных властей, не сумевших в то же время привлечь к себе те же массы мерами, направленными к серьезному улучшению их экономического и социального положения, в частности, напр., путем ликвидации крупного феодально-родового землевладения в А., тяжким бременем падавшего на плечи масс ее населения. Такие меры, как подготовлявшаяся перепись населения, как замена латинского алфавита албанских школ турецким (арабским) и т. п., приобретали в силу этого сами по себе одиозный характер и питали (при содействии пропаганды соседних стран) антитурецкие, т. е. „национально-албанские“ настроения. За отсутствием местной буржуазии и сколь-нибудь значительной интеллигенции руководителями движения, естественно, стали феодальные главы племен и выдвинувшиеся на старой турецкой службе авантюристы, научившиеся пользоваться для укрепления собственного своего положения как национальным знаменем, так и поддержкой (деньги, оружие) посторонних А. сил (со включением реакционных турецких кругов).

Беспорывные (ос. 1908—ос. 1911 г.) восстания разных частей А. против турецкой власти, подавить которые младотуркам не удалось (отчасти вследствие поддержки извне), несмотря на сосредоточение весьма значительных военных сил и на самые свирепые меры, служили явным предвестником потери Турцией ее балканских владений. Они ускорили вместе с тем

наступление итал.-тур. войны (сент. 1911—окт. 1912 г.) за Триполитанию. Запоздалая попытка турок добиться примирения с А. на почве признания автономности 4 „албанских“ вилайетов (Скутарийского, Янинского, Коссовского и Монастирского), с целью привлечь албанцев к активной борьбе с Италией, потерпела полную неудачу: нашлось лишь 160 албанцев, готовых поступить добровольцами в действовавшую против Италии армию. В то же время стремление турок обострить отношения между „автономной“ А. и ее соседями ускорило образование славяно-греческого блока 1912 г. и войну последнего с Турцией (окт. 1912—май 1913 г.), кончившуюся при равнодушии измученной предшествующими восстаниями А. полным разгромом европейской Турции. Уже в ноябре 1912 г. сербские войска заняли всю северную (за исключением лишь города Скутари, павшего в апр. 1913 г.) и среднюю А. со включением береговой полосы до Дураццо включительно, греки же заняли ю. А. (Янина пала в марте 1913 г.).

Предстоящий, казалось, раздел А. между сербами (с черногорцами) и греками был предотвращен решительно (вплоть до мобилизации) протестом Австро-Венгрии, поддержанным Италией: и та и другая не желали отказаться от возможности дальнейшего продвижения в зап. части Балканского полу-ва и допустить образование в лице Великой Сербии новой адриатической державы. Поощрив врага младотурок, Исматла Кемалья, к созыву в Валоне конгресса албанских „нотаблей“, и провозглашению им „независимости“ А. и к образованию временного правительства, обратившегося с соответствующими нотами к великим державам, Австро-Венгрия и Италия, поддержанные Германией, добились при содействии Англии постановления Лондонской конференции послов от 20 дек. 1912 г., признавшего право А. на автономию. Судя этого решения, которому вскоре должна была подчиниться и Сербия, и начинается, строго говоря, история А., как обособленной государственной единицы. Это был вместе с тем второй (после младотурецкой революции) момент, когда албанский вопрос сыграл существенную роль в международной жизни Европы, поскольку постановление 20-го дек. косвенно привело к распаду балканского блока и второй междоусобной балканской войне 1913 г. (см. *Балария*).

29 июля 1913 г. та же конференция сделала логический вывод из упомянутого своего решения, признав А. независимым и суверенным государством, за что А. заплатила сокращением своей территории в пользу соседей (Сербии, Черногории, Греции), включивших в состав своих владе-

ний округа с значительным количеством албанского населения, и „вечной нейтральностью“, возложенной на нее, дабы воспрепятствовать ей и А.-Венгрии в будущем стремиться к расширению путем воссоединения с нею отнятых у нее земель.

С той же целью было решено поставить во главе А. князя („мпрета“) иностранного происхождения с подчинением его управления на 10 лет контролю международной комиссии (по одному представителю от шести великих держав плюс один представитель А.), при чем организация полицейской службы по охране внутреннего порядка возлагалась на... голландскую жандармерию. Сговориться на (австрийском) кандидате в князя, немецком князе и капитане прусской службы Вильгельме Видтском, державы сумели, однако, только в ноябре 1913 г., а принятие им звания „мпрета“ А., поднесенного ему депутацией от „побравших“ его албанских нотаблей, последовало лишь в февр. 1914 г., когда в самой А. уже поднялось, при содействии Италии, движение против него, а греческие четы успели развить энергичные действия в ю. А., на которую претендовала Греция. Никаким серьезным значением правительство мпрета, так и не имевшего возможность проникнуть из Дураццо, где его охраняли австрийские и итальянские суда, внутрь страны, не обладало, а когда началась мировая война, как он, так и международная комиссия были вынуждены покинуть А. (нач. сент. 1914 г.), после чего исчезла и видимость объединения страны. Отвлеченные войной, Австро-Венгрия и Сербия должны были примириться с занятием сначала (окт. 1914 г.) о-ва Сасено против Валоны, потом (дек. 1914 г.) самой Валоны Италией, спешившей укрепить свою власть над восточным берегом Отрантского пролива, дабы превратить Адриатику в *mare nostrum*. Лондонский договор 26 апр. 1915 г., установивший после долгих торгов между державами Антанты и Италией условия, на которых последняя согласилась присоединиться к врагам срединных империй, обеспечил ей, между прочим, „полный суверенитет над Валонией, о-вом Сасено и прилегающей территорией, достаточно обширной, чтобы обеспечить оборону этих пунктов“ (ст. 6), и предусматривал при известных условиях, в том числе при условии „выделения центральной части А., с целью создания небольшого автономного и нейтрального государства“, раздел остальной А. между Сербией, Черногорией и Грецией, при чем дипломатическое представительство интересов будущей автономной А. (иначе говоря, протекторат над ней) вручалось Италии (ст. 7). — Разгром Сербии (осень

1915 г.) и занятие всей А., кроме южной пограничной ее полосы, австрийцами временно опрокинул эти расчеты: лишь в ноябре 1916 г. Италия снова смогла занять Валону. Воспользовавшись явным ослаблением Австро-Венгрии, Италия прокламировала далее, 3 июня 1917 г., „независимость“ А. (без уточнения границ последней) под итальянским протекторатом, а после крушения балканского фронта противников (окт. 1918 г.) итальянцам удалось оккупировать почти всю А., так как сербы, естественно, направили тогда все свое внимание на освобождение прежней своей территории и на проникновение в южные области Австро-Венгрии (Босния с Герцеговиной, Банат, Хорватия) и лишь попутно могли отхватить в свою пользу некоторые пограничные края А. в 1913 г., отнюдь, однако, не отказываясь от своих притязаний на Скутари и другие, преимущественно северно-албанские, земли. В противовес им Италия, недовольная предоставлением Юго-Славии Фiume и части Далмации, а также упразднением Черногории, с которой ее связывали не только династические узы, но и политические расчеты, и включением ее в Юго-Славию, разрешила образование в оккупированной ею части А. временного правительства последней и добилась для него права представлять интересы А. на Парижской мирной конференции 1919—1920 г. г. Тем не менее она встретила здесь сопротивление не только Юго-Славии, но также Англии, Франции и президента Вильсона, из коих последний в частности опротестовал предположение конференции о разделе А. между Юго-Славией, Грецией и Италией, сославшись на принцип самоопределения народов. Отражением этого сопротивления планам Италии явилось сильное противоитальянское четническое движение в самой А., вынудившее итал. войска отступить в прибрежную полосу и допустить образование нового, построенного на более широких началах правительства А. (начала в Душе, затем в Тиране), в состав которого вошли в качестве „регентов“ два представителя от мусульман (по одному от суннитов и бекташитов) и два от христиан (по одному от православных и католиков), при которых позднее был образован сейм из 70—80 выборных депутатов. Когда, однако, и это не остановило четнического движения, пачавшего угрожать самой Валоне, в итальянских же войсках, предназначенных к отправке в А., начались в связи с общим революционным настроением утомленного войной населения бунты, итальянское правительство оказалось вынужденным безоговорочно признать независимость А. (2 авг. 1920 г.) и эвакуировать из нее свои отряды, оставив, впрочем,

за собой о-в Сасено, господствующий над Валоней. Не менее энергичное сопротивление, поддержанное в свою очередь Италией, и аналогичные внутренние затруднения встретили в то же время поделывания Юго-Славии и Греции на албанские территории, и в результате все три названные державы оказались вынужденными допустить в янв. 1921 г. вступление А. в состав Лиги наций.

Существование внутреннего и внешнего положения А. от этого „окончательного“ признания ее независимости несколько не изменилось. Экономически она остается столь же раздробленной и беспомощной, а в отношении внешней торговли столь же безусловно зависимой от Италии, как и прежде. Политический и социальный строй ее попрежнему определяется преобладанием феодальных и родовых черт быта, в особенности в сколько-нибудь отдаленных от береговой полосы и от городов местностях внутренней А.

О степени „независимости“ А. свидетельствует участие соседних держав и Англии в низвержении правительства епископа Фан Нолли (март—дек. 1924 г.), стремившегося найти опору в народных массах путем аграрных и иных реформ и вступившего в дипломатические сношения с СССР. Созыв 21 янв. 1925 г. Учредительного собрания, провозглашение им республики и избрание первым ее президентом победителя Фан Нолли Ахмеда Зогу не изменили положения. Последнее лишь еще более осложнилось в связи с возросшим интересом Англии к судьбам А., повидимому обусловленным открытием в А. крупных нефтяных богатств.

Библиография (в дополнение к указанной в т. II). *Chekresi*, „Albania past and present“ (L. 1919); *Jonael Ketchi*, „Albania and the albanians“. *Quarterly Review* 1917 г.; „*Report of the Dutch mission in „Albania“, 1914; Godard*, „L'Albanie en 1921“; *A. Calmès*, „La situation économique et financière de l'Albanie“, 1922; „*Албанский узел*“, сборник статей под ред. Ф. А. Готштейна, М. 1925 г.

Э. Грум.

XXXII. Португалия (ср. XXXVII, 70—90). Революционное движение 5 октября 1910 г. доставило у власти республиканскую партию. Король и члены его семьи бежали за границу. Во главе временного правительства, образовавшегося 7 октября, стал Т. Брага, ученый, поэт и философ. Программа нового правительства, выработанная мин. юстиции А. Костой (адвокат), предусматривала: а) восстановление конституционной обороны на суше и на море, в) обеспечение новых гарантий, б) усиление национальной безопасности возможности получать образование, г) изменение порядка судопроизводства, д) предоставление широкой автономии колониям, е) изгнание религиозных орденов и упразднение монастырей, ж) закрытие школ

духовных конгрегаций и а) отделение церкви от государства. Новая власть была почти тотчас же признана державами, действовавшими по инициативе Англии, опасавшейся, что Германией может быть поднят вопрос об африканских владениях П., и стремившейся сохранить свое исконное влияние на португальскую колониальную политику.

Новый избирательный закон, вступивший в силу 18 марта 1911 г., предоставлял избирательные права лицам, достигшим 21 года, но только грамотным. В выборах не могли участвовать лица, числящиеся на действительной службе в армии и флоте, а также лица политически неблагонадежные, т. е. сторонники Браганского дома, и натурализованные иностранцы. Таким образом, временное правительство обеспечивало себе абсолютное большинство в Учредительном собрании, тем более, что главную массу депутатов должны были дать крупные политические и промышленные центры, где республиканская партия была особенно сильна (Опорто и Лиссабон по 10 представителей каждый, остальные округа по 4, колонии по 1). Учредительное собрание открылось 19 июня 1911 г. Оно объявило Браганский дом низложенным и провозгласило республику. Новая португальская конституция от 20 августа 1911 г. предусматривала двухпалатную систему (пал. депутат.—163 чл. и сенат—71 чл.). Президент избирался палатами сроком на 4 года. Избрание первого президента состоялось 24 августа, и во главе республики стал госуд. прокурор врем. правительства М. де Арриага. Учредительное собрание подтвердило декрет врем. правительства об отделении церкви от государства (декр. от 20 апреля 1911 г.). Арриага поручил образование кабинета Шагасу, видному представителю республиканской партии.

Кабинет Шагаса и сменившие его кабинеты А. де Васконселосу (с ноября 1911 по июнь 1912 г.) и Дуарте Лейте (с июня по декабрь 1912 г.) в своей деятельности должны были считаться с двумя основными факторами: тяжелым финансовым положением страны и контр-революционными выступлениями приверженцев низложенной династии, к которым примыкало португальское духовенство. Особого упоминания заслуживают монархические выступления П. Коусейро и А. Коутиньо в июле 1912 г. и разговор ген. Ф. Гедеса в апреле 1913 г. Все эти попытки кончились неудачей, в виду малочисленности повстанцев и их оторванности от масс. Однако, полной ликвидации монархического движения правительство добиться не могло, т. к. повстанцы находили себе убежище в пределах Испании, тайно содействовавшей их орга-

низации и являвшейся их фактической базой (Галисия). Экономическое положение страны за это время значительно ухудшилось в связи с неурожаями, падением вывоза, разорением мелких предприятий. В массах вновь началось сильное революционное брожение, приведшее в 1912—1913гг. к волнениям в Опорто и Лиссабоне, а также к усилению эмиграции (40.000 чел. в 1910 г., 80.000 ч. в 1912 г.). В виду этого в самой „республиканской“, или „радикальной“, партии произошло выделение фракций. Главными из них были „эволюционистская“ (умеренная) Дж. А. де Альмейды и „унионистская“ (В. Камапо). Чтобы сгладить усилившиеся партийные несогласия после падения кабинета Дуарте Лейте, президент Арриага попытался создать коалиционное („концентрационное“) министерство, поручив его образование лидеру „эволюционистов“—Альмейде. Последний, однако, потребовал пересмотра декрета об отделении церкви от государства, против чего восстали „унионисты“. Тогда Арриага призвал к власти б. мин. вост. врем. правительства А. Косту. Кабинет Косты, однородный по своему составу, продержался у власти в течение года (январь 1913—февраль 1914 г.). В своей деятельности Коста стремился, главн. обр., поднять производительные силы страны и улучшить ее финансовое положение. Рядом удачных мероприятий (сокращение расходов по содержанию правительственных учреждений и т. д.) Коста сумел впервые за длинный ряд лет избежать государственного дефицита. На ряду с тем предполагалось ассигновать средства на усиление национальной обороны, при чем имелось в виду довести численность армии до 100.000 чел. и создать эскадру из 3 dreadnoughtов,—последнее, несомненно, под влиянием Англи. В вопросах колониальной политики Коста настаивал на широком использовании иностранного (английского и германского) капитала в Анголе (законопроект 17 декабря 1913 г., предусматривающий признание принципа „открытых дверей“ для португальской Африки). Ко времени Косты относится также усиление борьбы с духовенством, приведшее к разрыву дипломатических сношений с Ватиканом (10 июля 1913 г.). В феврале 1914 г., в связи с обостренным межпартийных трений, Коста был вынужден подать в отставку и был заменен проф. Б. Машадо, б. мин. ин. дел. врем. правительства. Новый кабинет начал с широкой амнистии, одобренной палатами и, в сущности, продолжал дело, начатое Костой, результатом чего явилось соглашение с германским синдикатом о постройке 2 жел.-дор. путей в Анголе. Однако, соглашение не получило осуществления вследствие начавшейся мировой войны.

Хотя на заседаниях 7 августа и 23 ноября 1914 г. палаты и высказались за сохранение „традиционного“ союза с Англией и за объявление войны Германии, тем не менее правительство не решилось тотчас же порвать сношения с центральными державами. Военные действия, однако, вспыхнули уже в сентябре и первое время ограничивались пределами португальской Африки (Ангола и Мозамбик). В связи с этим правительство сочло себя вынужденным отправить сильные подкрепления в колонии. Война, навязанная П. Англией, окончательно подорвала финансовые ресурсы страны и была крайне непопулярна в массах. Войска предпочитали дезертировать в Испанию. Образовавшийся в декабре 1914 г. демократический кабинет Коутинью в январе 1915 г. был, по желанию президента, заменен кабинетом ген. Пимента де Кастро. Глава его был облечен почти диктаторскими полномочиями. Декретировал в феврале 1915 г. ген. Пимента де Кастро мобилизация внесла еще большее раздражение в народные массы. В результате 15 мая среди судовых команд португальского флота вспыхнул бунт, которым воспользовались представители радикального крыла республиканской партии. Пимента де Кастро был арестован. У власти стал Шагас. Кабинет его, однако, просуществовал менее двух недель, т. к. сам он был тяжело ранен и вынужден отстраниться от политической деятельности. Одновременно с Шагасом подал в отставку и президент М. де Арриага, полномочия которого истекли в августе 1915 г. Отставка его была принята палатами, назначившими временным президентом Т. Брагу. Составление кабинета было поручено демократу А. де Кастро. Окончательные выборы президента произошли в августе 1915 г. и дали большинство голосов Б. Машадо. В ноябре 1915 г. снова разразился правительственный кризис, поставивший у власти А. Косту, кабинет которого продержался около 4 месяцев. 25 февраля 1916 г. португальское правительство под давлением Англии объявило секвестр германских торговых судов, укравшихся в П. За этим последовал германский ультиматум (8 марта) и разрыв дипломатических сношений с Германией и Австрией (9 и 16 марта). 10 марта состоялось торжественное заседание палаты, на котором Коста заявил о добровольной отставке кабинета. 15 марта было образовано т. наз. „национальное“ министерство Дж. А. де Альмейды, в котором Коста занял пост мин. фин. 22 марта палата приняла законопроект об отмене на время войны некоторых конституционных гарантий (расширенный 7 мая 1916 г.), а затем восстановила смертную казнь. Одновременно с этим были начаты подготовительные ме-

роприятия для отправки португальских войск на западный фронт. В июле 1916 г. министры Коста и Соарес предприняли путешествие в Англию и Францию, а в сентябре 1916 г. в П. прибыла специальная английская военная миссия. Тогда же вступил в силу и новый англо-португальский торговый договор. Напряженнее, связанное с ведением военных действий, не могло не отразиться самым пагубным образом на положении страны. В войсках, посланных на западный фронт, постоянно вспыхивали мятежи, вследствие чего президент Машадо в октябре 1917 г. вынужден был посетить расположение португальских частей во Франции. Ознакомившись на месте с создавшейся обстановкой, Машадо решил подчинить их в отношении судебного ведения французских военно-полевых судов. В самой П. 1917 г. был отмечен непрерывающимися волнениями, вызванными чрезвычайной дороговизной и продовольственным кризисом. Центральная власть (национальный кабинет Альмейды распался и был заменен кабинетом Косты) была не в состоянии предотвратить взрыв, который и произошел в декабре 1917 г., когда недовольством масс воспользовались противники правительства, произведшие переворот, возможно, с ведома и согласия держав антигерманского блока (5 декабря). Движение одновременно вспыхнуло в Лиссабоне и Оporto. На стороне правительства оказалось всего только 2 судна. Коста и Соарес были арестованы. Той же участи подвергся и Машадо, позднее высланный за границу. Была образована директория в составе 3 лиц: адм. Машадо де Сантоса, Ф. Косты и фактического руководителя восстания, б. мин. общ. раб. перв. каб. Шагаса, Сидония Паеса (умеренный радикал). После непродолжительных, но кровопролитных боев и бомбардировки Лиссабона 2 судами португальского флота, поддерживавшими низложенное правительство Машадо—Коста, революционное движение восторжествовало во всей стране. Одним из первых мероприятий новой власти была отмена декрета об отделении церкви от государства (22 декабря 1917 г.), в связи с чем возобновились и сношения с Ватиканом. В марте 1918 г. Паес преобразовал правительство. Новые выборы в палату были назначены на апрель, при чем по закону от 11 марта 1918 г. избирательные права были предоставлены почти всему населению (этот закон был видоизменен в 1919 г.). Одновременно с этим произошли всеобщие выборы президента, до этого избиравшегося палатами. Президентом громадным большинством голосов был избран Паес (28 апр.—9 мая 1918 г.). Державы, уже до этого заручившиеся согласием Паеса продолжать войну, признали новое прави-

тельство (27 мая 1918 г.). В июле состоялось открытие палаты, а в октябре Паес приступил к реорганизации кабинета. По выработанному им проекту президент должен был исполнять и функции премьер-министра; остальные министры получали наименование статс-секретарей. 14 декабря Паес был убит, и страна вступила в новую полосу внутренних волнений. Временным президентом был избран адмирал Дж. де Канто е Кастро, поручивший образованию кабинета Т. Барбозе (декабрь—январь 1919 г.). Смерть Паеса была широко использована его политическими врагами. В Сантареме вспыхнуло революционное движение, которым воспользовались демократы, а в Браге, Оporto и Визеу была провозглашена монархия (январь—февраль 1919 г.). За этим последовала попытка установить советский строй в Лиссабоне, также окончившаяся неудачей (февраль 1919 г.). В январе президент поручил образованием министерства Дж. Рельвасу, а в марте—Д. Перейре. Новые выборы дали большинство радикалам. В июне 1919 г. адм. де Канто е Кастро покинул президентский пост. Премьером его сделался Дж. А. де Альмейда (6 августа). В июне был образован и новый кабинет Кардозо, продержавшийся у власти до января 1920 г. Его сменил кабинет Ф. Косты, который в свою очередь был заменен кабинетами Д. Перейры, А. М. Балтиста, Р. Прето и т. д.

Описанное состояние политической неустойчивости в большей или меньшей мере продолжается в П. и в последующие годы. Последнее очередное восстание с участием нескольких воинских частей имело место в мае 1926 г. В результате восстания президент Бернардино Машадо и кабинет министров вышли в отставку; их сменило временное правительство, которое уже в конце июня 1926 г. уступило место военной диктатуре ген. Гомеца де Коста.

Борющиеся в П. буржуазные партии представляют собою осколки „республиканской“, или „радикальной“, партии. Кроме них, известное значение имеют „народная партия“, „реконституционная“ и нек. др. Социалистическая партия влияния в стране не пользуется, так же как и синдик. „Генеральная конфедерация“.

Политическая и профессиональная отсталость рабочего класса П. явилась в результате общего социально-экономического и культурного застоя страны, по-прежнему насчитывающей 70% неграмотного населения.

Библиография. *Corqueja (B.)*, „O Povo Portuguez“, Oporto, 1916; *E. Hargrove*, „Progressive Portugal“, London, 1914; *Herculano (A.)*, „Historia de Portugal“, Lisbon, 1863; *Koebel (W. H.)*, „Portugal“, London, 1909; *Martens*, „Le Portugal et ses colonies“, Paris, 1912; *Mendes*, „A India Portuguesa“, Lisbon, 1886;

Mercia (M. P.) e Peres, „Historia de Portugal“, Coimbra, 1922; *Joung (George)*, „Portugal old and young“, London, 1917.

Ф. Кельвин.

XXXIII. Испания (ср. XXII, 166/266). В 1902 г. опубликованы были мадридским „Атенеумом“, учрежденном, объединяющим наиболее деятельные и способные элементы испанской интеллигенции, результаты анкеты на тему „Олигархия и касикизм, как действительная форма правления в Испании“. Ответы всех наиболее выдающихся ученых и политических деятелей—без различия партий и направлений—подтверждали безоговорочно тезис анкеты, в общем сходный и в определениях „национальной болезни“, т.-е. касикизма. Слово „касик“ (американского происхождения) определялось, как обозначение кулака, или мироеда, держащего в своей бесконтрольной и безапелляционной власти больший или меньший круг лиц, в зависимости от того, является ли данный индивидуум „касиком“ деревни, округа, провинции или же касиком общегосударственного масштаба. Касики образуют сложную иерархию, восходящую от сельского альяка через провинциальных воротил и депутатов к лидерам политических партий (объединяющих в действительности касиков с их приспешниками и „клиентами“), председателям законодательных палат и советам министров. Все правительства в И. объявляют своей задачей борьбу с „касиклизмом“, и все они, в действительности, прикрывают конституционными обрядностями узурпацию государственной и муниципальной власти „касиками“. Законодательные выборы сводятся к распределению депутатских и выборных сенатских мест между агентами касиков, при содействии министров, находящихся у власти в момент выборов. Победа одной из двух правящих партий означает лишь большую свободу для касиков - „либералов“ или касиков - „консерваторов“ расхищать государственную власть и государственные средства. При режиме произвола, грабежа и анархии испанская буржуазия, вполне приспособившаяся к нему, менее всего способна создать устойчивые формы как экономической эксплуатации естественных богатств страны, так и политического господства. Трудящееся население эмигрирует в Северную и Южную Америку; помещичьи латифундии не обрабатываются или превращаются в пастбища для быков, тогда как крестьянство страдает от безземелья (в Андалузии) или малоземелья (в северной И.). Положение городских и сельских рабочих определяется чрезвычайной дороговизной жизни при крайне низкой заработной плате. При касикистском режиме налоги платят, как говорит в И., только тот, кто хочет их пла-

тить, или тот, кого заставляет платить, в виде особой кары (и тогда — в двойном, тройном и более размере), касик. Все это отражается, конечно, на государственных финансах. Дефицит — постоянное явление, несмотря на то, что его пытаются скрывать фиктивными бюджетами. Под видом „конверсий“, „консолидации“ и т. п. продолжается практика регулярных государственных банкротств. Государственный долг возрос с 1868 г. к 1913 г. в три раза; при смете расходов в один миллиард с небольшим, уплата процентов по государственному долгу поглотила в 1913 г. 400 миллионов песет — половину государственных доходов. При таких условиях испанская монархия, не имея прочной социально-политической базы в буржуазной демократии, колеблется между касикистской олигархией, духовенством и армией (офицерством). Ослабление политического значения церкви компенсируется усилением милитаризма (в связи с марокканскими делами) и политического влияния офицерства. В моменты политических кризисов касикистского режима монархия ищет спасения в поддержке армии против опасностей революционного рабочего движения, сепаратистской агитации каталонских и баскских националистов и общего недовольства немущих и мелко-буржуазных слоев населения.

После убийства X. Каналехаса (12 ноября 1911 г.) король поручил закончить начатые при Каналехасе дела, — гл. образом, заключение торгового договора с Францией и проведение бюджета, — лидеру либеральной партии, графу Романонесу, который считался тогда самым могущественным из „касиков“. Затем, без соблюдения конституционных обычаев и церемоний, король поручил тому же Романонесу сформировать новый кабинет, что вызвало обычные в таких случаях демонстрации и протесты со стороны обойденных лидеров. Другой либеральный касик, Гарсиа Прието, отказался войти в состав кабинета, показавши этим, что он не признает Романонеса „законным“ главою политических клиентов, образующих либеральную партию. Антонио Маура, „шеф“ консерваторов, заявил со своей стороны об отказе от политической деятельности, в виду нелояльного поведения короля; примеру Мауры последовал его ближайший сотрудник и заместитель, Ла-Сиерра. Оба отказались даже от депутатских полномочий. Однако, через 10 дней (10 января 1913 г.), после свидания с королем, Маура смягчился и объявил своим единомышленникам, что он принимает на себя вновь шефские обязанности.

В то же время двор вступил на путь сближения с буржуазно-республиканской оппозицией. Первым откликнулся красно-

речивейший оратор кортесов, республиканец-реформист Мелькиадес Аловарес, прославлявший на митингах искреннее стремление короля к реформам и к возрождению И. Затем были приглашены во дворец глава республиканско-социалистического блока (фактически уже распавшегося), престарелый и пользующийся репутацией высокой учености и личной чести проф. Аскарате, стоящий во главе Королевского института социальных реформ; далекий от политики, хотя и примыкающий к республиканской интеллигенции, но пользующийся во всем мире заслуженной известностью, в качестве одного из лучших историков искусства, а также выдающегося педагога, из группы Института свободного воспитания, проф. Коссио (автор замечательной монографии о Греко), известнейший испанский биолог проф. Рамон и Кахаль, автор одной из наиболее читаемых в И. книг, „El atrazo espanol“, представляющей опыт „диагностики и терапии“ отсталости испанской культуры и общественности. После этого визита проф. Аскарате присоединился к выступлениям Альвареса на тему о том, что монархия, в лице дон-Альфонсо, не представляет препятствия на пути к реформам и демократизму.

Смерть ученика и наследника, в качестве главы либеральной партии, Сагасты, — дряхлого Сехимундо Морета, главное значение которого заключалось в тесной деловой связи с английскими банками, — 28 января 1913 г. — облегчила Романонесу официальное вступление в обязанности неоспоримого „шефа“ либеральной партии. (В И. следует различать „верховного“ главу партии от второстепенных лидеров, имеющих каждый за собою более или менее сильную группу своих родственников, друзей, приверженцев и зависимых лиц). Продолжая политику ассимилирования и разложения республиканской оппозиции, Романонес предложил пост председателю палаты депутатов, профессору Аскарате, от чего последний, однако, уклонился. Против этой политики сотрудничества с левой „анти-династической“ оппозицией Маура выступил (28 мая) с речью, объявлявшей монархию и конституцию в опасность, вследствие измены традициям либерального правительства. Предложенная королю Романонесом отставка правительства не была принята. Тогда против своего шефа ополчились самые реакционные из либеральных касиков, с наиболее старозаветным и бесцеремонным из них, Монтеро Риос (председатель сената), близким родственником упомянутого выше Гарсиа Прието. Поводом к выступлению этой группы против Романонеса послужило обсуждение законопроекта об областных земствах („municipalida-

des"), учреждением которых предполагалось ввести в легальное русло испанской государственности областнические движения, принявшие в Каталонии и Бискайе сепаратистский националистический характер. Личное вмешательство короля не помогло делу, и 13 июня Романонесу пришлось реконструировать кабинет на основе исключения из него (и из правительственного большинства) либералов-диссидентов. Это повлекло за собой (также обычное в таких случаях явление в И.) необходимость отсрочить заседания парламента на неопределенное время.

События эти совпали со временем, назначенным для поездки в Мадрид президента французской республики, Р. Пуанкаре, и вопросы внешней политики, без сомнения, играли не последнюю роль во внутреннем кризисе. Франко-испанское сближение началось с посещения Мадрида французским завоевателем или „умиротворителем“ Марокко, ген. Лиоте, для согласования французской и испанской политики в Марокко. Романонес, широко заинтересованный в марокканских горнопромышленных концессиях, деятельно работал в пользу этого сближения и согласования. Против этой политики велась кампания, питавшаяся различными источниками, под лозунгом защиты испанских интересов в Африке против французского империализма на основе поддержки этих интересов как Англией, так и Германией. После визита французского премьер-министра Барту в летнюю резиденцию испанского короля, Сен-Себастьян, Пуанкаре прибыл в Мадрид 7 октября 1913 г. В Картахене английский военный корабль принял участие в чествовании президента, который обменялся здесь с королем речами, упоминавшими о „традициях“ англо-франко-испанского сближения.

С открытием осенней сессии кортесов Романонес при первом выступлении своем в сенате остался в меньшинстве и подал в отставку. Король, минуя „непримиримого“ Мауру, остановил свой выбор на умеренном консерваторе Дато. В виде протеста Маура „выбыл из Мадрида в неизвестном направлении“, бросивши свою партию на произвол судьбы. Консерваторы частью последовали за Дато, частью остались в непримиримой оппозиции, верной прежнему шефу партии. Дато распустил кортесы, декретировавши закон об областных земствах, в расчете привлечь симпатии консервативных элементов областнических движений, в особенности в Каталонии. Весенние выборы 1914 г. дали новому правительству (как всегда) требуемое большинство в обоих палатах. Но положение стало быстро осложняться событиями в Марокко. Личное вмешательство короля в военные дела создало

широкое недовольство в армии. Начало мировой войны лишь отсрочило назревавший внутренний кризис. Англо-франко-испанское соглашение 1907 г., подтвержденное поездкой Пуанкаре в Мадрид, заключало в себе трехстороннюю гарантию status quo в Средиземном море и на европейском и африканском побережьях его; в случае попытки нарушить этот status quo, три державы должны были „вступить в переговоры“ о мерах к его охране. Но в мировой войне, особенно при расчете на быстрое окончание ее, И. была бы для Англии и Франции в качестве союзника ненужным балластом и лишним соучастником в послевоенном дележе. Поэтому правительство Дато могло в самом начале ее спокойно заявить об абсолютном нейтралитете своей страны. Громадное увеличение вывоза во Францию металлов, мануфактуры, продовольствия, скота и т. д. подняло на небывалую высоту курс песеты, обогатило многих предпринимателей и спекулянтов, но привело к крайнему удорожанию предметов первой необходимости, к „продовольственным“ волнениям и к попыткам ограничить вывоз (с марта 1915 г.). Одновременно с принятием обширной военно-морской программы наступил острый финансовый кризис, вследствие воздержания банкиров от участия в вынужденном займе, при продолжавшемся превышении государственных расходов над доходами (1.556 млн. песет против 1.465 млн.). В связи с провалом этого займа Романонес одержал легкую победу над правительством по вопросу о военно-административной реформе и заместил Дато во главе правительства 6 декабря 1915 г. при поддержке вновь объединившихся либералов. Всеобщая железнодорожная стачка повлекла за собой отмену конституционных гарантий, военное положение в Мадриде и т. д. В виду нападков прессы на Романонеса, обвинявшегося в том, что он направил внешнюю политику страны (в отношении Франции и Марокко) в целях личного обогащения военными прибылями, — он предложил королю свою отставку, которая не была принята. Ненадки продолжались, в марте началось сильное стачечное движение, правительство объявляло осадные положения, в Барселоне назревал конфликт между гражданской и военной властью. 20 апреля Романонес уступил место Гарсиа Прието. Конфликт с офицерскими „хунтами“ (корпоративно-проф. организации) закончился сменой военного министра по требованию „хунт“ после предъявленного ими 12-ти часового ультиматума правительству. Король поддерживал офицеров, Романонес встал к ним в оппозицию, и Гарсиа Прието вынужден был уступить место Дато (9 июня 1916 г.). Вслед за офицерскими хунтами

выступили с манифестами, требовавшими реформ и изменения конституции, левый блок, каталонисты и социалисты. Собранные в Барселоне, несмотря на запрещение, оппозиционные депутаты и сенаторы были разогнаны и перестреляны (68 человек), но успели принять резолюцию об изменении конституции. 13 августа забастовка важнейшей северной ж.д. дорога; забастовка распространилась на всю страну, принявши политический характер, и была подавлена при помощи военного положения тяжкими репрессиями военных властей. Офицерские организации почувствовали себя господами положения; они изгнали военного министра, маршала Примо де Ривера, из правительства и затем заставили уйти в отставку и все правительство Дато. Гарсиа Прието образовал коалиционное правительство из либералов, мауристов и правых каталонистов. Ла-Сьерва стал военным министром, представлявшим офицерские хунты, и действительным главой правительства. Гражданские чиновники организовались по примеру военных, и в январе 1918 г. почтово-телеграфные служащие добились ухода в отставку ген.-почтмейстера. Ла-Сьерва вступил в борьбу с гражданскими „хунтами“ при помощи военных властей, но, в связи с попыткой законодательствовать королевскими декретами без парламента, потерпел поражение в кортесах. Правительство Дато, и Маура сформировал „министерство талантливых людей“, продержавшееся до ноября, когда в Мадриде стала известной германская революция и бегство кайзера. Либеральный кабинет Гарсиа Прието возвестил широкие реформы, но из-за каталонского вопроса правительство раскололось, и в декабре Романос занял место Гарсиа Прието. Барселонская всеобщая стачка повлекла за собою полный разрыв между гражданскими и военными властями; последние изгнали гражд. губернатора, префекта и др. из города, после чего правительство подало в отставку. Маура призван был (апр. 1919 г.) спасти положение; он начал с роспуска кортесов и провел скандальнейшие выборы, кончившиеся, однако, его полным провалом. Смена следующих трех консервативных кабинетов закончилась выборами при министерстве Дато в конце 1920 г., показавшими, что на прежнее „послушание“ избирателей никакое правительство рассчитывать уже не может. Объяснение этому нашли в разложении старых двух партий, чередовавшихся у власти, и потому начались переговоры о восстановлении единства этих партий. 8 марта 1921 г. Дато был убит. В июле того же года произошла военная катастрофа в Марокко, и возник вопрос о виновниках ее и всех последующих неудач.

Во главе их оказался король, вследствие своего непосредственного вмешательства в военные дела. Кризис развивался по линии борьбы между гражданскими учреждениями и военными властями, при поддержке последних королем; в сентябре 1923 г. он увенчался военным переворотом и диктатурой Примо де Ривера, — в значительной мере под влиянием примера Муссолини. Ничего нового не давши стране, „директория“ под начальством этого заурядного офицера ограничилась широчайшим применением системы правительственного террора, главным образом против рабочих, но также и против интеллигенции (ссылка б. ректора университета М. Унамано). Произошло естественное сближение с Италией, с которой заключено соглашение, обеспокоившее Англию и еще более Францию политическими и отчасти экономическими последствиями его. „Директория“, по общему убеждению испанских политических деятелей и публицистов, не приобрела никакой социальной базы и опирается исключительно на разложение и полное бессилие буржуазных и социалистической партий, с одной стороны, и сильные анархистские традиции в революционном рабочем движении, с другой.

Е. Адамов.

XXXIV. Швейцария в эпоху мировой войны, см. Швейцария.

XXXV. Люксембург, вел. герцогство (ср. т. XXVII, ст. 530/31), занимал к началу мировой войны весьма своеобразное положение среди юридически суверенных государств Европы. Экономически страна была тесно связана с Германией, с которой ее соединил с 8 февраля 1845 г. таможенный союз, позволивший ей в особенности с 1880 годов пользоваться покровительственными тарифами для ее металлургической промышленности и значительно развить последнюю (64% населения ныне занято торгово-промышленным трудом, 36% — весьма интенсивным сельскохозяйственным трудом). Вынужденный разгромом Франции в 1870—1871 г.г. отказать ее в пользу Германии от господства над железнодорожной системой Л., вытекавшего из конвенций, заключенных Л. в 1857 и 1868 г.г. формально с французской компанией восточных жел.-д., фактически же с французским правительством, еще более укрепил экономическую и политическую зависимость Л. от Германии. По конвенции с Германией, заключенной в 1872 г. и возобновленной в 1902 г. на 45 лет, последняя, правда, формально обязалась не пользоваться жел.-дор. линиями Л. в военное время для перевозки войск и предметов военного снаряжения; в остальном она, однако, управляла всем жел.-дор. делом Л. по своему усмотрению. Ясно, что все это

превращало Л. фактически в придаток к германской империи. В то же время, однако, Л. имел традиционные связи с Нидерландами, с которыми он с 1815 г. был связан династическими и административно-политическими узлами, из коих первые не обрывались полностью со смертью короля и вел. герцога Вильгельма III (1890) и переходом Л. к другой линии Нассауского дома, лишенной в 1866 г. после австро-прусской войны и разгрома Австрии при Кенигтретце (Садовой) своих немецких владений, а потому мало расположенной к прусско-германской ориентации. Значительно более важны и глубоки были, однако, исторические и культурные связи Л. с Бельгией. Примыкая к ней географически, Л. входил с XVI в. и политически вместе с нею в состав так наз. испанских (с 1713—1714 г.г.— австрийских) Нидерландов, уклонившись так же как Фландрия, Брабант и т. д. от вхождения в состав „высоковельможных“ штатов Нидерландских, от которых его отделяла как религиозная рознь между католическим Л. и протестантскими штатами, так и систематическое стремление последних подорвать в интересах Амстердама мировое в те времена торговое первенство Антверпена, с которым Л. был издавна связан крепкими экономическими узлами, порвать которые Голландия не удалось не только ранее, но и в течение XIX века, несмотря на все ее, порой успешные, старания окончательно убить всякое торговое значение первенствующей бельгийской гавани.

Эта связь Л. с Бельгией сказалась уже в 1830 г. во время бельгийской революции, приведшей к созданию современного Бельгийского королевства и вызвавшей широкое сочувствие в Л.; лишь пребывание в городе Л. голландско-прусского гарнизона с прусским военным губернатором во главе, основанное на нидерландско-прусском договоре 1816 г., остановило движение к присоединению всего Л. к Бельгии. Однако, и после того, как выступление держав спасло власть Вильгельма I над восточной и большей частью Л., та же связь не утратила своего значения и нашла подкрепление в широко распространенной антипатии населения, руководимого в своей массе католич. клиром, к прусским методам управления, чему содействовала и борьба прусско-германских властей в 1870-х и последующих годах с католической церковью, а также и церковно-административная зависимость местного клира от французско-бельгийского епископата.

Еще более осложнялся вопрос о международном положении Л. его „вечной нейтральностью“, установленной ст. 2 Лондонского договора 1867 г. и подкрепленной коллективной гарантией пяти вели-

ких держав (Австрии, Великобритании, Пруссии, России и Франции), поставивших так. обр. дальнейшее существование Л. под общ.европейское покровительство и наблюдение. В силу ст. 4 того же договора Пруссия отказалась от прав, предоставленных ей упомянутым договором 1816 г., Л. же (ст. 3 и 5) обязывался срыть укрепления своей столицы и содержать как в ней, так и во всей стране вооруженную силу лишь в таких размерах, которые требовались в интересах поддержания внутреннего порядка (в 1914 г. вместе с командным составом всего ок. 400 чел.). Территориальная отдаленность Л. от большинства держав, гарантировавших его нейтральность, и тесная связь Германии с Австро-Венгрией, установившаяся еще в 1879 г., лишили эту гарантию практически тем более значения, что английское правительство сочло еще в 1867 г. нужным провести резкую грань между „коллективной“ гарантией нейтральности Л., обязывавшей державы лишь к совместному, по взаимному соглашению, выступлению в ее защиту, и той, не только коллективной, но и индивидуальной гарантией нейтральности, а сверх того „целости и неприкосновенности“, которая была установлена лондонским протоколом 20 янв. 1831 г. в отношении Бельгии.

Хотя совершенно безоружный (в отличие от Бельгии) Л. и стал хронологически первой жертвой мировой войны (с 1 авг. 1914 г. в него вступили германские войска, 2 авг. ими была занята как столица Л., так и все важные в военном отношении пункты, в частности железнодорожные мосты), вопрос о нейтральности Л. не сыграл действительно никакой роли в последующей дипломатической игре: в своей знаменитой речи 3 авг. 1914 г. в палате общин, формально решившей вопрос о вступлении Англии в войну, сэр (ныне лорд) Грей остановил все свое внимание исключительно на нарушении Германией бельгийского нейтралитета. Формальный протест вел. герц. Марии Аделаиды и ее правительства против нарушения нейтральности Л. естественно не сыграл никакой роли. Предоставив местным властям гражданское управление страной, да и то под строгим надзором германских военных властей над почтовыми, телеграфными и телефонными сообщениями, Германия во всем остальном пользовалась ею без всяких ограничений, как одной из своих баз в отношении военных операций против Франции, подавляя без труда редкие и робкие проявления симпатий населения к Бельгии и Франции.

Разгром Германии и вступление в Л. американцев (22 ноября 1918 г.) были встречены ликованием широких слоев,

утомленных войной и железным германским режимом и увлеченных пресловутыми „пунктами“ Вильсона. Фактически, однако, судьбы Д. решались не волею его населения, а Парижской мирной конференцией, т. е. практически пятью, позднее даже четырьмя великими державами (Англия, Соед. Штаты, Франция, Япония) на началах торга и переторжки между ними. 23 янв. 1919 г. вел. герц. Мария Аделаида (ум. в 1924 г.) должна была в виду ее германофильских тенденций отречься от престола в пользу своей сестры, вышедшей вел. герц. Шарлотты Альдегонды (род. 1896 г.; с осени 1919 г. замужем за принцем Феликсом Бурбон - Пармским, от которого имеет сына Жана, род. 1921 г.). Версальский договор победителей с Германией расторг таможенный союз последней с Л. и упразднил жел.-дор. зависимость Л. от Германии. 28 сент. 1919 г. состоялся референдум по вопросу о дальнейшей судьбе Л.: из 127 т. участвовавших в нем граждан обоего пола, достигших 21-лети. возраста (при общей численности населения в 1916 г. в 263 т., в 1922 г. — 260 т.), и при 90 т. принявших участие в голосовании, ок. 60 т. высказалось за экономический союз с Францией, ок. 22 т. — с Бельгией, с сохранением, однако, государственной обособленности Л., символом которой являлось сохранение власти за вел. герц. Шарлоттой и конституции 1868 г. Последняя, впрочем, подверглась пересмотру в смысле призвания принципа народного верховенства, установления всеобщего и пропорционального избирательного права и т. д. Отказ Франции от союза, обусловленный помимо давления Англии давними притязаниями Бельгии на Л., представляющий для Бельгии существенное значение в виду его железнорудных богатств, привел после длительных переговоров 22 дек. 1921 г. к принятию палатой депутатов Л. закона об экономическом союзе с Б., заключенном на 50 лет. Им устанавливается, в частности, упразднение таможенной границы между двумя странами, введение в Л. бельгийской монетной единицы и т. д. Сохраняя формально свою государственную обособленность, Л., таким образом, фактически превратился в такой же придаток к Бельгии, каким он являлся до 1918 г. в отношении Германии.

Э. Гримм.

XXXVI. Дания (ср. XLII, 570—610). Серьезные тревоги и потрясения, пережитые Д. в связи с мировой войной, в которой она придерживалась строгого нейтралитета, не внесли значительных и стойких изменений в медленный, но определенный ход экономической и политической эволюции маленькой сельскохозяйственной страны, почти

лишенной каких бы то ни было ресурсов, кроме моря и уже целиком эксплуатируемой площади земли.

Распределение населения по роду занятий в послевоенное время (1921 г.) видно из след. табл.:

	самодеят. и несамодеят.	самодеят.
Сельское и лесное хозяйство	1.037.000	} 474.629
Рыболовство	40.000	
Промышленность (включая ремесла)	942.000	367.595
Торговля и кредит	222.000	146.847
Транспорт	221.000	80.124
Госуд. и общ. служба и свободн. профессии	184.000	81.572
Прислуга	207.000	} 180.635
Без опред. занятий	278.000	
Род занятий неизвест.	37.000	
Итого	3.268.000	1.331.402

Общее количество населения в 1925 г. достигает 3.419.656 чел.

В области д-ого сельского хозяйства прежнему продолжается процесс усиления крестьянства за счет дворянского и государственного землевладения, получивший в 1919 г. новое официальное признание и поощрение в ряде аграрных законов, устраняющих принцип неделимости дворянских имений и требующих отчуждения третьей части удобной земли в пользу государства, для распределения ее среди мелкого крестьянства. Распределение землепользования в 1919 г. представляется в след. виде:

величина хозяйств в гектарах	Количество хозяйств		Площадь	
	всего	%	в тысячах гектаров	%
от 0,55 до 3,3	43.891	21,3	82	2,5
3,3 „ 15	90.748	44,1	721	21,8
15 „ 60	65.916	32,0	1.879	56,7
60 „ 120	4.039	2,0	332	10,0
120 „ 240	916	0,4	153	4,6
240 и выше	419	0,2	147	4,4

В результате проведения законов 1919 г., за 1919—24 г.г. было создано более двух

тысяч новых ферм. Почти все д-не фермеры—собственники, арендаторов всего 7,5%.

Война крайне неблагоприятно отозвалась на главной отрасли сельского хозяйства Д.—на ее скотоводстве, наполовину построенном на ввозных кормах. Однако, возобновление морских сообщений позволило быстро восстановить его в прежнем виде. В последние годы экспорт из Д. главных сельскохозяйственных продуктов превосходит соответствующий довоенный максимум: в 1924 г. Д. было вывезено

	голов тыс.
Лошадей	12,6
Рог. скота	170,9
Свиней	180,2
	млн. кило.
Копч. свинины	197,2
Мяса	3,8
Масла	123,4
Сливки и молока	3,2
Сыра	8,9
Сгущ. молока	34,2
Зернов хлебов	72,7
Яиц сотен млн.	8,3

Общее производство главных сельскохозяйственных продуктов в том же 1924 г. выразилось в след. цифрах: масла—140 млн. кило, свинины—270 млн. кило, мяса—140 млн. кило, яиц—65 млн. кило. Сельскохозяйственные продукты продолжают играть подавляющую роль в д-ом экспорте; из общей стоимости всего экспорта 1924 г.—в 1. 974 миллиона крон, было вывезено:

Масла, сливки, молока, сыра на	668 млн. кр.
Свинины, мяса и пр. убойных продуктов на	532 " "
Яиц на	151 " "
Живого скота на	139 " "
Сала и консервов на	65 " "

После войны попрежнему растет, крепнет и расширяет круг своей деятельности находящаяся в блестящем состоянии д-ая сельскохозяйственная кооперация.

Объявление подводной войны в свое время не только прекратило подвоз кормов, но расстроило и весь аппарат внешней торговли Д., отрезав ее от Англии—главного потребителя ее сельскохозяйственных продуктов. Германия, Швеция и Норвегия оттянули к себе в этот период большую часть д-ого экспорта. В двадцатые годы Англия вновь делает Д. своим поставщиком. Однако, в последнее время в Д. возникают серьезные опасения за прочность овладения английским рынком, в виду все усиливающейся конкуренции со стороны английских колоний, а также в связи с протекционистскими тенденциями стоящих у власти английских консерваторов. После войны усиливается роль Англии и в д-ом импорте, в котором, наряду с Англией, увеличивается также доля Америки и уменьшается относительная роль Герма-

нии, возвращающей себе, однако, первое место в 1921—22 г. Характеристику товарообмена Д. с указанными странами дает след. табл. (данные за 1924 г.):

	Ввоз %	Вывоз д-их продуктов %
Германия	32,0	6,2
Великобритания	20,1	68,7
Соед. Штаты	12,5	1,7

Расстройство внешней торговли во время войны вызвало в Д. недостаток в ряде продуктов первой необходимости, дороговизну и ряд соответствующих ограничительных мероприятий правительства. Дороговизна достигает своего максимума в 1920—21 г.г. (январь 1921 г.—264%). Однако, реальная заработная плата повышается в 1918—19 г.г. больше, чем розничные цены на предметы питания, и продолжает сохранять часть этого повышения, по крайней мере, до начала 1925 г. (последние данные). Общий уровень жизни среднего класса населения и датского рабочего несколько повысился за это время. Изменение недельной реальной зар. платы в Копенгагене к 1925 г. (1 квартал) сравнительно с 1914 г. иллюстрируется след. таблицей (1914 г. = 100):

	1925 1-я четв.
Рабочие на маслобойках	137
Портные	120
Портники	102
Каменщики	129
Неквалифиц. строительн. рабочие	143
Металлисты квалифиц.	125
„ неквалифиц.	125
В среднем	
по различным отраслям:	
Мужчины квалифиц. рабочие	119
„ неквалифиц.	133
Женщины	121

Средняя реальная зар. плата в Д., еще до войны бывшая несколько выше английских норм (в 1914 г. Лондон—100, Копенгаген—108), в настоящее время превышает их еще более (Лондон—100, Копенгаген—138). Взаимоотношения между трудом

и капиталом, в частности в вопросах, связанных с заработной платой, регулируются в Д., с одной стороны, сильными профессиональными союзами, а с другой, — крупным объединением предпринимателей. Результатом соглашения между этими организациями является введение восьмичасового рабочего дня, не установленного в законодательном порядке, несмотря на присоединение Д. к соответствующему международному соглашению.

В марте—июне 1925 г. имел место конфликт между предпринимательским и рабочим объединениями—самый крупный за всю историю рабочего движения Д. Конфликт возник в связи с очередным пересмотром ставок заработной платы. Более 125.000 рабочих принимали участие в объявленной стачке. Несмотря на то, что через некоторое время в большинстве отраслей уже было достигнуто соглашение, стачка продолжалась в прежнем масштабе, так как ее участники не желали отказаться от поддержки небольшой, сравнительно, группы неквалифицированных рабочих, заработная плата которых оставалась главным пунктом расхождения. Бастующим была оказана помощь из-за границы. Конфликт закончился существенной победой рабочих.

Датские профессиональные союзы сильно разрастаются за военный период: число членов в них со 123 тыс. в 1910 г. поднимается до 357 тыс. в 1921 г. В последующие годы наблюдается, однако, некоторое понижение этих цифр. В начале 1924 г. насчитывается 234.116 членов в Датской Федерации профессиональных союзов, в том числе—196.066 мужчин и 38.050 женщин. В 1925 г. число членов Федерации—те же 230.000 чел. В д-их профессиональных союзах довольно много сельскохозяйственных рабочих. В большинстве промышленных отраслей почти все рабочие входят в те или иные организации.

Общее число лиц, занятых в д-ой промышленности и в ремесле, доходило в 1914 г. до 350.000 чел.; распределение в них наемной рабочей силы по величине предприятий видно из след. таблицы:

	Число предприят.	Рабочих и служащих
Не пользующихся наемным трудом . . .	42.115	
С 1—5 рабоч. и служ.	34.014	67.405
С 6—20 „	4.779	46.837
С 21—100 „	1.322	55.374
Свыше 100 „	264	62.999

Состояние д-ой промышленности в предвоенные годы характеризуется довольно равномерным ростом всех главных ее отраслей, за исключением текстильного производства. Военный период, в общем, также оказывается довольно благоприятным для д-ой индустрии; число акционерных компаний, которым принадлежат более крупные предприятия, увеличивается за время с 1914 по 1920 г. на 50%, их капитал—на 150%. Несмотря на сокращение ввоза каменного угля, д-ой индустрии удается в военное время, путем использования торфа, бурого угля и древесного топлива, в широкой мере удовлетворять потребностям внутреннего рынка. В последние годы наблюдается более значительный рост в главных отраслях д-ой индустрии, работающих для экспорта: в маслоделии, в производстве цемента и в автомобильном деле. Д. не производит своих автомобилей, но около 30.000 чел. заняты в ней сборкой частей, а также выработкой и отделкой различных автомобильных принадлежностей. Недавно в Копенгагене открылось самое крупное на европейском континенте отделение заводов Форда для сборки и реэкспорта автомобилей и в Скандинавские страны и в Россию. Многие отрасли д-ой индустрии переживают, однако, в послевоенный период тяжелое время, вследствие усиленного и непрерывно увеличивающегося роста иностранной конкуренции. Безработица в двадцатые годы колеблется около 20% (см. XL, прилож. совр. сост. гажн. госуд., табл. 53). В 1924 г. наблюдается заметное улучшение положения, сопровождающееся сокращением безработицы, увеличением ввоза промышленного сырья и уменьшением ввоза фабрикатов. Общее число безработных возросло за 1924 г. до 15.000 чел. Но в 1925 г. в связи с общей конъюнктурой мирового рынка вновь начался острый промышленный кризис, затянувшийся до настоящего времени (август 1926 г.), хотя наиболее острый момент его, повидному, уже миновал. Процент безработных членов профсоюзов, доходивший в начале 1926 г. до 31,1, в июне опустился до 16,3 (в июле—17,4). Загруженность переживает в самое последнее время и д-ий сельскохозяйственный экспорт, на котором, между прочим, немало отражается длительная забастовка английских горнорабочих, являющихся одним из крупных потребителей д-ого масла.

Руководство политической жизнью Д. до последнего времени принадлежало двум сменявшим друг друга у власти либеральным партиям: „левым“, или „либералам“, и „радикалам“. „Левые“, представляющие интересы фермеров-собственников, образуют кабинеты 1910—13 и 1920—24 г. „Радикалы“,

поддерживаемые мелкими фермерами и низшими торговыми кругами, стоят у власти во время войны и в ближайших послевоенные годы. Однако, обе партии значительно ослабевают с течением времени, давая возможность резко усилиться крайним д-им партиям: социалистам и консерваторам, представляющим интересы двух основных сил крупной индустрии (см. XL, прилож. *Совр. сост. важн. госуд.*, табл. 70). Консерваторы поддерживают, кроме промышленников, также чиновничество и среднюю буржуазию больших городов. Военная политика радикалов находит поддержку в социалистах, которые впервые голосуют за военные кредиты и входят в состав министерства; в 1924 г. они самостоятельно образуют кабинет со Стаунигом во главе, продержавш. до выборов дек. 1926 г., на котор. получили мест: с.-д.—53, либер.—46, консерв.—30 и радик.—16. В серед. дек. 1926г. его сменил либер. кабинет Мадсен-Мюгдаля.

Несмотря на ожесточенную оппозицию со стороны консервативной верхней палаты, либералам и социалистам удается провести в 1915 г. новую конституцию. Ее основные черты: предоставление избирательных прав женщинам, понижение возрастного ценза для выборов в нижнюю палату до 25 лет и передача самому риксадагу принадлежавшего ранее королю права назначения части членов новой верхней палаты. В марте 1926 г. кабинету Стаунига удается провести через фолькетинг проект закона о разоружении, предусматривающий полное уничтожение армии и флота, за исключением воинских частей и судов, необходимых для несения пограничной и береговой службы.—В области внешней политики наиболее крупными событиями этого периода являются: продажа Соединенным Штатам Вест-Индских колоний в 1916 г., предоставление независимости Исландии (1918г.) и присоединение северного Шлезвига. Вызванная настояниями Америки продажа колоний послужила поводом к ожесточенной внутренней борьбе, закончившейся шлебсцитом. В пользу продажи приводилось, главным образом, то соображение, что колониальные плантации сахарного тростника потеряли свое экономическое значение, вследствие усиления конкуренции свежловичного сахара. Признание самостоятельности Исландии, сохранившей с Д. личную унию, обошлось, наоборот, без больших трений. Кроме личной унии, Исландия остается политически связанной с Д. лишь ведением внешней политики, руководство которой остается за последней.

ЛИТЕР.: Н. Westergaard. „Economic Development in Denmark: Before and During the World War, London, 1922. „Denmark“, 1925 г. Published by the Danish ministry for foreign affairs and the Danish statist. Department.

А. И.

XXXVII. Нидерланды (см. XXX, 170—189 и 175'—186'). С большим трудом удалось Н. сохранить свой нейтралитет в окружающей их мировой войне. Достаточно сказать, что уже первоначальный план германской кампании предусматривал наступление через южные н-ие провинции, и только проведенная накануне войны реформа н-ой армии, позволявшая в короткий срок мобилизовать полмиллиона человек, заставила Мольтке ограничить сферу прохождения германских войск бельгийской территорией. Опасность быть втянутой в войну все время продолжала висеть над Н., но правительство употребляло все усилия, чтобы избежать конфликтов с той или с другой из воюющих сторон. Несмотря, однако, на нейтралитет, война повлекла Н. в сферу своего влияния и в значительной мере определила ход их развития в истекшее десятилетие.

Обусловленное страхом перед внешней опасностью, „партийное перемирие“ внутри страны позволило либеральному кабинету Корта ван дер Линдена убедить правых клерикалов и социалистов пойти на компромисс и согласиться на одновременное проведение избирательной и школьной реформы, из-за которых велась многолетняя борьба. Закон 1917 г. предоставил избирательное право всем мужчинам, достигшим двадцатипятилетнего возраста; в 1919 г. оно было распространено и на женщин, и возрастной ценз был понижен до 23 лет, при чем голосование сделало обязательным. Введение пониженного возрастного ценза было, однако, отложено впрд до издания дальнейших инструкций. В то же время были образованы два новых министерства: народного просвещения и труда. Проведенное в виде уступки левым партиям изменение конституции сопровождалось, как сказано, школьной реформой, являющейся решительной победой клерикальной политики: согласно новому школьному закону, элементарные вероисповедные школы были уравнены в отношении финансовой поддержки, получаемой от государства, с общесветскими, вне-конфессиональными школами. Последствием реформы было перенесение борьбы из парламента в коммуны, сокращение числа общественных школ и размножение мелких конфессиональных школ, ложащихся тяжелым бременем на государственный бюджет. В 1919 г. было 2.439 „частных“ школ на 3.401 общественную.

Продовольственные затруднения во время войны, а также большое наводнение 1916 г. побудили министерство К. ван дер Линдена поставить на очередь еще один весьма важный вопрос,—вековой вопрос об осушке Зойдерзее. Принятый в 1918 г. в палате единогласно проект предусматривает проведе-

ние плотины, совершенно отделяющих Зойдерзее от моря, и постройку внутренних заграждений, которые должны отвоевать у моря полмиллиона акров плодородной земли и обезопасить прилегающие провинции от новых морских наводнений. Начатые в 1924 г. работы рассчитаны на 15 лет; стоимость их исчислена в 19.000.000 фунтов стерлингов.

Первые полтора-два года военного времени были не вполне невыгодны для торговли Н.; н-не экспортеры успели за это время получить значительные прибыли на вывозе в Германию, платившую высокие цены за ввозимые продукты. Однако, несмотря на появление многочисленных „pochveaux riches“, Н. скоро должны были почувствовать обратную сторону войны. Чтобы иметь возможность контролировать ввоз в центральные державы, Англия предписала нейтральным судам путь через Ламанш; Германии, в ответ на это, объявила проливы военной зоной и оставила им путь только к северу от Шотландии. Н. оказались отрезанными: на море даже от своих заокеанских владений, на суше — от Бельгии, Франции, Швейцарии и Италии. Мало того, внутри страны весь н-ий экспорт был подчинен контролю „Нидерландского морского треста“, замаскированного органа блокирующих держав, оказавших на долю самих Н. минимум, граничащий с голодными нормами. Таким образом, к концу войны блокада союзниками Германии, подводная война и реквизиция Соединенными Штатами значительной части н-го торгового флота окончательно расстроили внешнюю торговлю Н. Расстройство внешней торговли быстро сказалось на н-ой индустрии, работающей, главным образом, на ввозном топливе и сырье, и на сельском хозяйстве Н., также весьма зависящем от внешнего рынка. Однако, в индустрии, на ряду с постепенной приостановкой некоторых ее отраслей, начались, насколько позволяли обстоятельства, процесс приспособления к потребностям внутреннего рынка, и в результате в самих Н. возникло производство целого ряда предметов, до того времени почти исключительно ввозившихся извне; в их числе мы встречаем: цилиндры для двигателей, шерстоткающие машины, проволоку, огнетушители, электрические лампы, фарфоровые изоляторы, лабораторное стекло, летательные аппараты, пишущие машины, асбестовые пластинки, латексные перчатки, нитки, канцелярские принадлежности, игрушки, кнопки, хлористую серу, анилиновые краски, хлорную известь, сахарин, бромиды, иодистые препараты, эфир, духи, резиновые изделия, фетр, искусственный рог и т. д. Некоторые производства получили толчок

к дальнейшему расширению, в особенности кораблестроению, производству мебели, инструментов, маргарина, папирос и т. д. Общее число лиц, занятых в промышленных предприятиях с более чем 25 рабочими, возросло к февралю 1920 г. до 339.150 с 313.944 в мае 1914 г. Непрерывно растет за истекшее десятилетие добыча различных сортов угля в Лимбургских колях: с 1.280.000 тонн в 1910 г. она поднимается до 4.339.000 т. в 1920 г.; в 1925 г. эта цифра достигает 7.000.000 т., покрывая, таким образом, $7\frac{1}{2}$ потребности внутреннего рынка. Несмотря на все это, н-ая индустрия продолжает страдать от последствий войны, и безработица вплоть до самого последнего времени остается на довольно высоком уровне, значительно превосходящем довоенный: в янв. 1926 г. числилось безработных 17,7%, в июне — 8,3%.

В том же направлении — на потребности внутреннего рынка, должно было перестраиваться во время войны и сельское хозяйство Н. Крайнее сокращение внешней торговли и продовольственные затруднения внутри страны заставили н-го фермера, отчасти по своей инициативе, отчасти под давлением правительства, перейти во время войны на культуру продуктов первой необходимости, в частности — на культуру хлебных злаков. Тяжело переживалась война и н-им скотоводством, построенным в значительной степени на привозных кормах. Однако, благодаря стараниям сельских хозяев и энергичной поддержке правительства, оно быстро достигло довоенного уровня, превзойдя его для главных пород скота. Н-ое рыболовство также увеличилось за это время, но сильно страдает от сокращения германского рынка. Внешняя торговля Н. остается расстроенной и в послевоенные годы. Экспорт, несмотря на постепенное улучшение положения, все время держится на весьма низком уровне, значительно отставал от импорта (см. XL, прилож., *соврем. сост. васси. госуд.*, табл. 38 а); в 1924 г. он достигает 54% и в 1925 г. — 59% своей довоенной ценности. Государственный долг Н. более чем удвоился за истекшее десятилетие, поднявшись с 96 миллионов фунтов стерл. в 1913 г. до 216 в 1921 г. Время высоких налогов тяготеет над страной; их общая сумма на голову населения достигает в настоящее время почти 10 ф. стерл. Финансовые затруднения последнего времени вынуждают правительство к соблюдению большой экономии, вплоть до сокращения жалованья служащим, вызвавшего среди них большое возмущение. Подобно некоторым из воевавших держав, Н. переживают после войны и жилищный кризис, от которого страдает, главным образом,

рабочее население; к 1921 г. им не хватает 52.500 домов. Самые последние годы (1925—26) замечается значительное улучшение общего экономического положения Н., объясняемое, главным образом, постепенным устранением конкуренции стран с низкой валютой. Реальная заработная плата н-го рабочего значительно поднялась по сравнению с довоенным периодом (см. XI, названн. прил., табл. 43, 45, 48, 52, 53), однако, с 1920—22 г.г. началось резкое падение достигнутого максимума зар. платы у металлистов, горняков, амстердамских строителей и брильянщиков. В 1925 г. она превышала довоенный уровень почти для всех профессий. Зар. плата в Амстердаме, где она повысилась особенно заметно, составляла на 1 апр. 1926 г. 88% лондонской платы, против 66% в 1914 г.

Состоявшиеся по новому избирательному закону выборы 1918 г. усилили крайние партии в н-ом парламенте: либералы потеряли при этом большую часть своих голосов; социалисты одержали некоторую победу; два места получили группы, близкие к коммунистам. 50% всех мест получили консерваторы, и образование кабинета было поручено католическому лидеру Рюис де-Вееренбруку. Несмотря на успех консерваторов на выборах, в стране наблюдалось большое возбуждение. Желание демобилизации после заключения перемирия было настолько сильным, что грозило перейти в серьезные беспорядки. Социал-демократический лидер Трельстра провозгласил в парламенте революцию и потребовал отставки правительства. Однако, он не нашел достаточной поддержки ни в своей партии, ни в рабочих организациях. Правительство быстро приняло меры: была произведена демобилизация, везде была организована гражданская гвардия и в то же время обещаны социальные реформы. Ряд социальных реформ был действительно осуществлен в ближайшее время: в 1919 г. был введен восьмичасовой рабочий день, с 45 часами в неделю; запрещен труд детей до 14 лет; понижен возраст обязательного страхования до 65 лет; приняты меры к уменьшению жилищного кризиса, и образован Высший совет труда под председательством министра, для изучения социального и экономического положения рабочего класса. Перспектива революции была, таким образом, довольно быстро рассеяна. Судьба восьмичасового рабочего дня и 45-часовой недели оказалась, однако, весьма непрочной. Вначале предприниматели, пользуясь допускавшимся законом изъятиями, старались изменить положение в отдельных отраслях. В мае 1922 г. они добились нового закона, вводившего 48-часовую неделю и создававшего условия для дальнейшего удлинении

рабочего дня. В 1923—24 г.г. большинство коллективных договоров было основано на устранении и 48-часовой недели. В конце 1925 г. премьер Колин, констатируя улучшение финансового положения, выступает с осторожными обещаниями изменения политики урезывания в отношении социальных реформ.

На ближайшие послевоенные годы приходится и кульминационный пункт н-го профессионального рабочего движения. Общее число организованных рабочих, подымавшееся со 189 тыс. в 1913 г. до почти 700 тыс. в 1920 г., затем начинает резко падать. В 1923 г. оно насчитывает, повидимому, не более 300 тыс. человек. Но ее рабочее движение сильно страдает от своей раздробленности, распадаясь на 5 отдельных организаций. Наиболее обширными из них являются Нидерландская федерация проф. союзов и католическое профсоюзное объединение. Прилегающий к Профинтерну Национальный Рабочий секретариат охватывает около 5% всех организованных рабочих. На ряду с усилением союзов в военный период, следует отметить и быстрый рост рабочей и сельскохозяйственной кооперации; к двадцатим годам насчитывают членов: голландский кооперативный союз—200.000; голландское оштовое закупочное товарищество, De Handelskamer—170.000; союз голландских фермеров—200.000; совет голландского рыночного садоводства—65.700. Все растущее значение кооперации наблюдается и в молочном деле, где она быстро вытесняет некооперативные предприятия. Несколько кооперативных банков обслуживают в настоящее время кооперативные организации. Тенденция к объединению и централизации наблюдается и в некоторых других областях хозяйственной жизни Н. Канр., в 1920 г. одиннадцать из самых больших корабельных компаний основывают единое общество для поддержания и расширения заокеанского сообщения с Восточной Индией, Австралией и Африкой. Заокеанским колониям Н. пришлось сыграть большую роль во внутренней политической жизни метрополии в последние годы. Забота об охране сообщения с ними, поставленного под серьезную угрозу войной, побудила правительство внести в палату проект увеличения н-их морских сил. Однако, этот проект был отвергнут палатой, при чем 10 католиков голосовали против него вместе с левыми партиями. В результате возник длительный правительственный кризис. Обнаружившийся при этом раскол среди католиков и раздробленность оппозиции, оказавшейся неспособной в 1913 г. образовать правительство, заставляют н-их политических деятелей ставить вопрос о перегруппировке политических

партий по основным социально-экономическим признакам, оставляя в стороне религиозные разногласия. Впрочем, эти предположения остаются без какого бы то ни было реального результата, и картина мало меняется до самого последнего времени. Выборы 1925 г. в нижнюю палату обнаруживают прежнюю картину дробления сил в н-ом парламенте; на этих выборах получили мест: католики—31, социал-демократы—24, анти-революционеры—13, христианско-историч. партия—11, союз свободы—9, демократы—7, другие партии—5 (результаты предшеств. выборов см. в прил. к XL, табл. 71, *согр. сост. важн. гос.*). В конце 1925 г. пастушает длительный министерский кризис из-за прохождения в пизней палате билля об уничтожении н-го представительства при Ватикане. Кризис заканчивается в марте 1926 г. сформированием внепарламентского кабинета de Geer'a. Из международных проблем, выдвинутых в н-ой жизни войною, следует упомянуть прежде всего о так называемой „Рейнской проблеме“. До войны навигация по Рейну, имеющую чрезвычайно важное значение для Н., управлялась комиссией, в которой каждое из расположенных по нему государств было представлено одним голосом. Версальский договор сделал Францию прирейнской державой; Рейн был интернационализован и поставлен под управление комиссии, в которой Франция и Германия получили по 4 голоса, тогда как остальным державам, в числе которых были и не примыкающие к Рейну государства, было предоставлено всего 2 голоса. Н., владеющие низовьями Рейна, оказались, таким образом, почти устраненными из комиссии; они заявили протест, в результате которого им было предоставлено 3 голоса.—Международные осложнения грозили возникнуть у Н. с Бельгией, в связи с притязаниями последней на устья Шельды и на н-ий Лимбург, заставившими Н. прервать с нею переговоры относительно улажнения ряда вопросов, имеющих серьезное значение для обеих сторон.

ЛИТЕРАТ.: Jaarcijfersvoor het Koninkrijk der Nederlanden (статист. ежегодн. Нидерл.), Гаага; Struycken, A. A. H., „Holland, Belgium and the Powers“, 1919 г.; Edwards, G. W., „Holland of To-day“, Philadelphia, 1919; Edmondson, G., „History of Holland“, London, 1922; Мировое проб. движение, т. II. Цифровые данные о Н. см. в прилож. к XL тому современной состоящие важн. государства.

А. П.

XXXVIII. Скандинавские страны (ср. XXXIX, 124/187), т.-е. Швеция и Норвегия—к которым часто причисляют по признаку культурной, религиозной и частью этнографической близости, а также в связи с наблюдающейся среди них тенденцией к некоторому политическому сближению,

Данию и Финляндию,—представляют типичный пример глубокой зависимости, хозяйственной и иной, небольших государств, желающих занять нейтральную позицию в борьбе великих держав, от этих последних. Заявив с самого начала мировой войны как порознь, так и совместными датско-шведско-норвежскими декларациями о своем решении соблюдать строгий нейтралитет сначала в войне между Германией и Австро-Венгрией, с одной стороны, Россией, с другой стороны (1 авг. 1914 г.), а затем и в войне всей Антанты со средними империями, Швеция и Норвегия сверх того заключили 8 авг. 1914 г. особое соглашение, которым они взаимно обязывались как сохранять мир между собой, так и принимать всевозможные меры к действительному осуществлению своего нейтралитета и ограждению его от всякого рода нарушений со стороны двух воюющих коалиций.

Несмотря на единодушное желание не вмешиваться в войну, в которой как Швеция, так в особенности Норвегия при слабости их военных и морских сил все равно могли бы лишь стать жертвой войны, не играя сами никакой существенной роли в определении ее исхода, отношение двух стран к воюющим сторонам не было одинаковым. В случае войны только между средними империями и дореволюционной Россией, симпатии их, правда, были бы несомненно на стороне первых: это предreshало как антипатией двух демократических по своему составу и государственно строю стран к лжеконституционной, самодержавной России вообще, так и русской политикой в отношении к Финляндии и к ее правому укладу в частности. В Швеции к этому прибавлялись еще опасения относительно захватнических замыслов, которые приписывались российскому правительству,—опасения, приведшие при систематическом содействии германской политики и печати, в особенности начиная с 1906 г. (т.-е. почти непосредственно после разрыва шведско-норвежской унии), к ожесточенной антирусской кампании, требовавшей усиления как сухопутных, так и морских сил страны и проникшей в широкие слои в частности крестьянского населения, как показала добровольная подписка на сооружение первоклассного крейсера, на приобретение пулеметов и развитие военной авиации (1911 г.) и грандиозный стокольмский митинг 6 февр. 1914 г.

Со вступлением в войну Франции, в особенности же Англии, положение дел, однако, менялось. Не говоря уже о том, что по отношению к ним отпадал немаловажный аргумент глубокого несоответствия политического строя, сильный в отношении

России, а также, казалось, обвинения в захватнических намерениях хотя бы относительно Скандинавии, обе страны находились издавна в весьма важных для их хозяйственной жизни торговых, финансовых и т. д. отношениях в частности с Англией. Так, даже в Швеции, территориально особенно близкой к Германии, сумма торгового оборота с Англией (496,7 м. крон) превышала в 1913 г. сумму оборота с Германией (469 м. крон); хотя ввоз из Германии в этом году (289,9 м. крон) и был значительнее, чем ввоз из Англии (206,8 м. крон), но зато вывоз Шв. в Англию (237,3 м. кр.) заметно превышал вывоз Швеции в Германию (179,1 м. кр.). В частности же, большая часть шведской металлургической промышленности находилась в полной зависимости от ввоза английского угля (в 1913 г. из Англии угля и кокса было ввезено 4.916 т., из Германии—всего лишь 431 т. тонн, и даже в 1914 г. из Англии—4.683 т., из Германии—лишь 335 т. тонн.).—Еще более значительна, однако, была зависимость от Англии хозяйственной жизни Норвегии, обращенной лицом не к закрытому Балтийскому морю, а отчасти к открытому Немецкому морю, отчасти непосредственно к океану. Достаточно напомнить, что норвежский торговый флот, тоннаж которого доходил до войны до 2,6 м. рег. тонн, занимал четвертое (после Англии, Германии и Соед. Штатов) место в мире и что норвежские суда играли не только существенную роль в рыболовном деле, а в китовом промысле как в пределах Северного, так и в пределах Южного Ледовитого океана обогнали всех остальных конкурентов вместе взятых, но сверх того осуществляли крупные торговопосреднические функции, в особенности в индийско-китайской торговле, на Азиатских о-вах и т. д., чтобы стало ясным, насколько эта едва ли не важнейшая отрасль норвежской хозяйственной жизни находилась в прямой зависимости от благорасположения Англии, как владычицы морей.

Война, в частности морская война с сопутствовавшей ей свирепой блокадой Германии Англией и последующей беспощадной подводной войной Германии против английского господства на морях, естественно должна была самым тяжелым образом отразиться на двух скандинавских странах. И та и другая за последние десятилетия перестали жить более или менее обособленной от мирового рынка жизнью, в частности находились от него в сильной зависимости в области ввоза предметов продовольствия, в особенности хлеба, муки и т. д.; за последнее десятилетие до войны количество ввозившейся в Швецию пшеницы составляло 50%, ржи — 15% ежегодной

потребности. При ничтожных размерах годной для обработки земли и постоянном росте населения выход заключающийся отчасти в эмиграции, отчасти в интенсификации сельского хозяйства, в особенности скотоводства, требовавшего, однако, также весьма значительного ввоза кормов, и в развитии разных видов промышленности (см. ниже). Весьма значительна была также потребность в ввозе сырья для текстильной промышленности, в частности хлопка и шерсти, несмотря на то, что в отношении текстилей обе страны продолжали находиться в почти полной зависимости от мирового рынка. При таком положении вещей весьма естественно, что Швеция, в общем, больше тяготела к Германии, Норвегия—к Англии, что не мешало тому, что в обеих странах начало войны должно было вызвать тяжелую панику, так как можно было опасаться, что задавленное надвигающимся друг на друга силами воюющих пародное хозяйство как Швеции, так и Норвегии обречено на полную катастрофу, а их население—на вовлечение в войну, голод и нищету. На самом деле положение оказалось менее грозным, главным образом, потому, что обе воюющие стороны не могли, а, пожалуй, временно и не были заинтересованы в том, чтобы поставить нейтральные страны в фактическую необходимость становиться решительно на ту или другую сторону. С одной стороны, главный морской враг Германии, Англия, уже потому не могла придать блокаде Германии сразу „голодный“ характер, что должна была считаться с торговыми и иными интересами нейтральных стран вообще и в частности наиболее могущественной из них, т.-е. Соед. Штатов Америки, далеко не сразу окончательно определивших свою дальнейшую политику. В то же время ей представлялось важным сохранить возможность пользоваться именно скандинавскими странами для транзитной через них торговли с Россией, располагавшей помимо них лишь одним европейским портом, соединенным с центром страны железной дорогой, т.-е. Архангельском (Мурманская жел. дор. была построена, да и то весьма неудовлетворительно, лишь во время войны), а стало быть и для снабжения России частью продуктов, потребных ей для возможности продолжать войну. С другой же стороны, и Германия с Австро-Венгрией, фактически лишившиеся с самого начала войны как возможности грузообмена по важнейшим сухопутным (русской и французской) границам, так и свободы действий всего их торгового флота и потому скоро начавшие испытывать острую нужду в хлопке, металлах, в частности меди, и т. д. и т. п., также были заинтересованы в со-

хранении под боком у себя нейтральных стран для транзитных через них или вывозных из них операций. Этим объясняется чрезвычайное развитие торгового оборота, характеризовавшего первый год-полтора войны в жизни не только Швеции и Норвегии, но также Дании, Голландии, Италии с Швейцарией и др. нейтральных государств Европы (Испании, Болгарии до сент. 1915 г. и Румынии до вступления ее в 1916 г. в войну). В виду того, однако, что в конечном итоге из воюющих держав наибольшие военные выгоды от такого положения вещей доставались все же Германии и ее союзникам, а также в виду все возрастающего в Англии сознания огромной силы Германии и опасности, угрожавшей от нее всему дальнейшему положению Англии, а стало-быть и сознания необходимости подвергнуть Германию „голодной“ блокаде,—в виду, далее, улучшения морских сообщений с севером Европейской России и возрастающего значения Владивостока для доставки в нее военного снаряжения,—в виду, наконец, выяснявшегося постепенно все более благоприятного уклона политики Соед. Штатов, Англия стала с течением времени все более и более закручивать винт блокады, увеличивая список запрещенных товаров, все решительнее пользуясь своим „правом“ осмотра нейтральных судов и отвода их до решения английских призовых судов в английские порты и т. д. Недовольство и озлобление нейтральных стран к концу войны—нейтральными остались из европейских государств, помимо Дании, Швеции и Норвегии, лишь Голландия и окруженная со всех сторон территориями воюющих держав Швейцария, да отрезанная от германско-австрийско-болгарско-турецкой коалиции Испания,—так же как и протесты их, в частности повторные протесты скандинавских стран, при этих условиях были совершенно бессильны и приводили лишь к давлению на местные власти и общества. Так, замена в Швеции кабинета Хаммаршельда (с 1 марта 1917) сначала кабинетом Свартца-Линдмана (март 1917 г.), затем кабинетом Эдена-Брантинга (осень 1917 г.) явилась прямым результатом нежелания Англии идти на какие бы то ни было соглашения с „германофильским“ кабинетом первого из них для облегчения тяжелого положения хозяйственной жизни Швеции, созданного блокадой.

Установить научно проверенные ближайшие последствия и хотя бы важнейшие длительные результаты войны для Швеции и Норвегии, как равно и для других стран, участвовавших и не участвовавших в войне, представляется в настоящее время едва ли возможным. Для подтверждения этого положения достаточно указать на то, что

определить истинный удельный вес ввоза и вывоза так же затруднительно, как и учесть реальное значение—в довоенных (и вообще реальных) соотношениях—данных о росте т.-наз. национального богатства, государственных доходных и расходных бюджетов, заработной платы и т. д. Отдельные попытки критического разбора подлежащего материалу имеют в общем весьма условное значение, ибо преследуют обыкновенно специальные партийные, классовые и т. д. цели.

В дальнейшем излагаются доступные, по необходимости довольно отрывочные, данные, характеризующие состояние экономической, социальной и политической жизни двух скандинавских стран, каждой в отдельности, в связи с главнейшими и наиболее четкими проявлениями влияния на них войны.

Швеция. Население страны определено по окончательным данным переписи 1920 г. в 5.847.037 чел.; из них 1.701.249 (т.-е. немного более 29%) проживали в городах, из которых лишь три имели более 100.000 жителей, 15, включая и эти три, более 20 тыс. жителей. По предварительным статистическим исчислениям оно возросло к 1925 г. до 6.036.118. При этом попрежнему наблюдается довольно значительное эмиграционное движение, естественно снизившееся во время войны, но достигшее в последующее время (рекордный год пока 1923, давший 29.238 эмигрантов) значительного развития (главный центр эмиграции Соедин. Штаты Америки).

Хозяйственная жизнь страны характеризуется возрастающим ослаблением роли собственно сельскохозяйственной деятельности по сравнению с добывающей и обрабатывающей промышленностью: к 1920 г. около 44,2% всего населения занимались торговопромышленной деятельностью.

В то же время наблюдается последовательный рост интенсивности сельского хозяйства, главным образом, за счет производства хлебных злаков и кормовых трав, в направлении развития скотоводства с молочным хозяйством, маслоделением и т. д. Количество скота к 1916 г.: лошадей 701 тыс., рогатого скота 2,9 м., овец 1,4 м., свиней 1 м. голов; в 1920 г.: лошадей 728 т., рог. скота 2.736 т., овец 1.568 т., свиней 1.071 т.). Двигателями развития являются, с одной стороны, крупные капиталистические хозяйства, с другой стороны—сильно развивающиеся крестьянские кооперативы. Значительную роль в бюджете населения играет рыболовство. Продовольственные затруднения военного и ближайшего послевоенного времени привели, помимо временного понижения количества скота, часть которого пошла на убой, к усилению роли рыболовства.

Огромное распространение лесной площади (ок. 52% всей территории Ш., из коих почти четвертая часть, 23,1%, составляет государственную собственность) обеспечивает лесному промыслу разных видов (лесопильные заводы, деревообделочные, бумажные) исключительное значение. В 1913 г. один вывоз разных видов древесного материала, как-то: строевого леса, древесного угля, целлюлозы и т. д., достигал 315 м. крон, т.-е. составлял ок. 38,6% всего вывоза страны (в 1924 г. вывоз достиг 349 м., в 1925 г.—366 м. кр.).

Возрастающее значение, в особенности до мирового экономического кризиса 1920—1921 г., чрезвычайно тяжело отразившегося как на Ш., так и на Норвегии, приобретало горное дело, а также железоделательное и сталелитейное производство: в 1915 г. имелось 135 заводов с 28.868 рабочими (при 214 в среднем рабочих на завод, что свидетельствует о распыленности и малой капиталистической мощности огромного большинства заводов), в 1924 г. количество металлургических рабочих достигло 37.801 ч. Потребность Германии, а также и других стран во время войны в продуктах металлургического производства привело к быстрому росту этого производства. Отсутствие английского угля не вполне возмещалось доставкой угля германского, несмотря на огромный рост ввоза последнего (в 1915 г. ввоз угля и кокса—в тысячах тонн—достигал из Англии 2.816, из Германии—2.174; в 1916 г. из Англии—1.707, из Германии—4.281; в 1917 г. из Англии—604, из Германии—1.708); пришлось прибегнуть в усиленной степени к древесному углю, что впрочем лишь повышало качество продукта, а отчасти и к водной энергии, имеющейся в большом количестве: значение ее именно с этих пор начало учитываться более или менее серьезно, но не получило и в настоящее время надлежащего развития.

Достигший к 1913 г. 1.663,8 м. крон торговый оборот Швеции (вывоз 846,5 м. кр., вывоз 817,3 м. кр.), из которого 965,7 м. приходилось на ввозную и вывозную торговлю с Англией и Германией (ок. 58% всего торгового оборота), претерпел за время с 1913 г. серьезные изменения, о которых дает представление следующая табличка (в миллионах крон):

	Ввоз.	Вывоз.
1914 г.	721,9	772,4
1915 "	1142,5	1316,4
1916 "	1138,6	1556,4
1917 "	758,6	1349,6
1918 "	1233,3	1350,4
1919 "	2534,0	1575,7
1920 "	3373,5	2293,6
1921 "	1258,7	1097,2
1922 "	1114,1	1153,7
1923 "	1294,5	1142,0
1924 "	1424,0	1260,9
1925 "	1436,0	1357,0

Резко выраженное преобладание вывоза над ввозом за 1914—1918 гг., как и еще более резко выраженное преобладание ввоза над вывозом за 1919—1921 гг., а также за 1923—1925 гг. свидетельствуют о хотя и противоположных, но одинаково обусловленных войной нарушениях нормального развития шведского народного хозяйства. Оставляя в стороне вопрос о роли Ш. в транзитной торговле, можно сказать, что первый период характеризуется так же точно выкачиванием из страны имеющихся у нее средств (в частности железа, стали, леса, бумаги и т. д.), как второй характеризуется восстановлением источника за годы войны сырьевого текстильно-продовольственного и машинного оборудования страны. Состав главных предметов ввоза и вывоза характеризуется для 1925 г. следующей таблицей (в млн. крон):

	Ввоз.	Вывоз.
Животн. и прод. животноводства	50,5	71,2
Зерно и мука	129,8	10,4
Колониальные товары	126,5	0,1
Текстильное сырье и полуфабрикаты	131,9	9,7
Текстильные фабрикаты	132,9	18,4
Уголь, кокс и т. д.	184,5	227,1
Металлические изделия и машины	281,5	293,1
Лес, целлюлоза, бумага	11,4	366,1

Скачкообразный характер развития хозяйственной жизни страны естественно отразился и на ее государственных финансах. Государственный консолидированный долг, составлявший к 1910 г. лишь 543,4 м. крон, достиг к 1920 г.—1.280,6 м. крон, а к 1 января 1926 г.—1.733,9 м. крон, количество же бумажных денег возросло от 206,5 в 1910 г. до 759,9 м. кр. в 1920 г., но к 1926 г. сократилось до 529,7 м. кр. С самого начала войны государственный банк Ш. был освобожден от обязательного до того размена бумажных денег на золото. В настоящее время золотое обращение восстановлено полностью.

Помимо вышеуказанных явлений война временно отразилась на хозяйственной жизни Ш. в виде ряда ограничительных мер в отношении свободного обращения товаров. В виду особой остроты продовольственно-кормового кризиса уже с самого начала войны последовали распоряжения, запрещавшие вывоз особо важных как в этом, так и в других отношениях продуктов. Вслед затем был запрещен вывоз из Ш. всех вообще товаров, был объявлен мораторий, и установлено право правительства прибегать к реквизициям и к установлению максимальных цен, а также введено особое обложение лиц, пользующихся чрезвычайными, обусловленными военным временем, доходами от своей торгово-промышленной деятельности. Далее,

было признано необходимым прибегнуть к рационированию разных продуктов продовольствия: в октябре 1916 г. были введены сахарные, в январе 1917 г. — хлебные карточки (от 250 до 200 грамм на человека в день), еще позднее (осень 1918 г.) такие же карточки на картофель, а вслед затем на репу и брюкву, не говоря уже о карточках на молочные продукты и на кофе. Уже весной 1917 г. все эти ограничительные меры вызвали во многих местах хлебные бунты. Отменить их, да и то не сразу, удалось лишь с августа 1919 г. К продовольственному кризису присоединился с начала 1917 г. другой, не менее серьезный, топливный кризис, вызвавший в короткий срок (до мая 1918 г.) более или менее беспорядочную порубку до 19,5 м. куб. метров леса.

Все это свидетельствовало само по себе об остром кризисе не только экономической, но и социально-политической жизни. Он усиливался кризисом, в частности, в области промышленности. В отличие от выросшей за время войны металлургической (и древесно-бумажной) промышленности, текстильная, резиновая и кожевенная промышленность, а также и химическая, явно хирели. Не хватало сырья (хлопок, шерсть и т. д.), меди, смазочных масел, бензина и других нефтяных продуктов. Безработица, правда, была относительно незначительна, но только благодаря тому, что оказалось возможным направлять квалифицированных, а также строительных рабочих на сравнительно выше обыкновенного оплачиваемые лесные, каменоломные и т. п. работы. Громадный рост цен (семья, жившая в 1914 г. на 2 т. кр. в год, должна была проживать ок. мая 1917 г. более 3 т. крон, а в октябре 1918 г. почти 5 т. крон, иначе говоря, стоимость жизни повысилась за годы войны не менее, чем на 150%) не компенсировался для трудящихся масс ростом заработной платы, как всегда, не поспевавшей за вздорожанием жизни. В то же время на глазах у всех в отдельных руках сосредоточивались сказочные, с точки зрения довоенного типа жизни, богатства. Все это не могло не отразиться и на политической жизни Ш.

Старая борьба феодальных и крестьянских элементов Ш. осложнилась, уже начиная с 1890 годов, зарождением рабочего движения, нашедшего себе под германско-английским влиянием выражение, с одной стороны, в развитии профессиональных союзов, шедших в общем по типу английских тред'юнионов, с другой стороны — в возникновении и постепенном усилении с.д. партии. Консервативное по своему бытовому типу, несмотря на свои теоретически-революционные (поскольку речь идет

в частности об с.д. партии) лозунги, рабочее движение Ш. задерживалось в своем классово-идеологическом развитии медлительностью капиталистического развития Ш. вообще. Лишь бурное развитие шведского капитализма, начавшееся преимущественно с 90-х годов XIX века, а вслед за тем уроки войны и послевоенного времени создали почву для появления в Ш. собственно-революционного социалистического движения. Впервые оно проявилось в 1917 г. в организационном оформлении левого с.д. течения, создавшего к началу 1921 г. почву для образования шведской коммунистической партии. К этому времени уже более 60% всех рабочих (число их доходило, не считая батраков, рыбаков и др., до 400 т. человек, занятых, преимущественно, в металлургической, текстильной, лесной и т. п. промышленности) были организованы в профессиональные союзы, близко примыкавшие по своей структуре и идеологии к английским тред'юнионам и германским Gewerkschaften и объединенные в довольно рыхлые национальные организации.

Развитие рабочих организаций, сохранивших тесную бытовую и идеологическую связь с породившим их крестьянством и ратовавших за „постепенное“ улучшение рабочих условий жизни в целом со включением и сельскохозяйственных рабочих-батраков, привело в 1913 г. к изданию закона об обязательном страховании на случай старости и нетрудоспособности для всего населения. В 1916 г. он был дополнен законом о страховании от несчастных случаев, а в 1918 г. законом о призерении бедных, в котором должны были принять участие не только, как прежде, приходы (или местные коммунальные учреждения), но также провинциальные собрания и само государство. Параллельно с этим рабочим движением и в противовес ему развились, однако, с 1917 г. и предпринимательские буржуазные группировки, т.-н. Böndeförbund (союз фермеров и зажиточных крестьян или „кулаков“), с одной стороны, и союз „шведского союза работодателей“ (Svenska Arbetsgivare Föreningen), члены которого имели к 1920 г. под своим хозяйственным началом ок. 300 т. рабочих и сохраняют по сей час огромное влияние на политическую жизнь Ш., с другой стороны.

В результате всего этого простая до того (почти чисто двухпартийная по классическому английскому типу XVIII и первых трех четвертей XIX века) партийная политическая жизнь Ш. значительно осложнилась.

Этим в конечном итоге, на ряду с обстоятельствами международного характера, определяется и политическое развитие Ш. за

время от 1910 г. до наших дней. Оно характеризуется ускоренным темпом перехода от полуфеодално-крестьянского типа жизни с почти полным отсутствием четкого классового деления населения к возрастающему расслоению последнего на определенные классовые группы и стремлению последних к соответствующей им классовому составу партийной организации. Наибольшую сознательность и последовательность проявляют в этом отношении, естественно, два крайних фланга: чисто буржуазно-капиталистический, с одной стороны, коммунистический, — с другой стороны. Процесс задерживается и осложняется социальной и идеологической рыхлостью двух важнейших посредствующих звеньев: „радикально-демократической“ мелкой буржуазии и противореволюционной, по своему местному прошлому и общим тенденциям, социал-демократии. Колебаниями этих двух последних групп определяется неустойчивость правительственного аппарата Ш. за последние полтора-два десятилетия.

Начиная с 1906 г. и кончая 1925 г., Ш. видела смену не менее 12 правительств, (консервативного Линдмана от мая 1906 и до окт. 1911 г., либерального Стаафа от окт. 1911 до февр. 1914 г., консервативного Хаммаршельда от февр. 1914 до марта 1917 г., умеренного консервативно-либерального Свартц-Линдмана от марта до осени 1917 г., коалиционного, либерально-с.-д. Эден-Брантинга от осени 1917 до марта 1920 г., с.-д. Брантинга от марта до осени 1920 г., „неполитических“, фактически же коалиционных консервативно-либеральных министерств де Гера (осень 1920 до февр. 1921 г.) и фон Зидова (февраль-октябрь 1921 г.), с.-д. министерств Брантинга (окт. 1921—апр. 1923 г.), Триггера (апр.—окт. 1923 г.), Сандлера (окт. 1924—ос. 1925 г.) и нынешнего министерства, каждое из коих, разумеется, опиралось на более или менее ответственное по своему составу большинство риксдага. Состав второй палаты (фактически реняющей) иллюстрируется следующей таблицей:

	Консерв.	Аграрн. парт.	Либер.	Либер.-демокр.	С.-п.	Левые с.-п.	Коммунисты.
1911 г.	65	—	101	—	64	—	—
1914 г.	85	—	71	—	73	—	—
1917 г.	59	12	62	—	86	13	—
1921 г.	62	21	41	—	93	—	—
1924 г.	65	23	5	28	104	—	3

Мировой экономический кризис 1921—1922 г. привел, в частности, к кризису шведской промышленности; так, напр., чрезвычайно важная для экономической жизни Ш. металлургическая индустрия до настоящего времени не может оправиться от резкого изменения прежних условий мирового рынка. Кризис, заметное вздорожание жизни,

безработица и т. п. нашли себе выражение в резко выраженном обострении борьбы предпринимателей с рабочими, что проявилось как в локауте 130 т. рабочих (нач. 1925 г.), так и в постепенном ухудшении положения рабочих (фактическое удлинение рабочего дня при понижении заработной платы и т. д.); рабочие же ноньше сохраняют верность с.-д. партии, насчитывающей ок. 160 тыс. членов (членов коммунистической партии было в 1924 г. ок. 7.000, в 1926 г. ок. 9.500).

Норвегия. Население Н. достигло к 1926 г. 2.646.306 человек, из них 70,34% проживали в сельских округах, 29,66% — в городах, в громадном большинстве весьма незначительных размеров: свыше 100 т. жителей — 1 (Осло, пр. Христиании), от 10 до 20 т. — четыре, от 20 до 10 т. — 13, от 10 до 5 т. — 39. Эмиграция, направляющаяся на 90% в Соед. Штаты и достигшая в 1911 г. рекордной тогда цифры в 12.447 чел., в последующие годы, в особенности же за время войны, сильно упала (минимальное количество в 1918 г. — 1.226 ч.) вслед за ее окончанием, снова стала подыматься, достигнув в 1923 г. неслыханно большой цифры, обусловленной кризисом 1921—1922 г. (18.287), после чего она снова сильно упала (1924 г. — 8.492 ч.). На ряду с окончательной эмиграцией, приводящей к полному разрыву с прежней родиной, продолжает играть существенную роль более или менее долговременная миграция. Чрезвычайное значение в жизни Н. имеет ее торговый флот, сильно пострадавший — до потери 1/2 своего состава (при гибели ок. 1.200 матросов и иных служащих флота), — во время войны и непосредственно после нее и восстанавливающий лишь в самые последние годы свой тоннаж и хозяйственные базы своего существования и развития. Этим объясняется отчасти указанное уменьшение количества эмигрантов в собственном смысле этого слова. Для оценки значения торгового флота Н. необходимо иметь в виду, что лишь около 10% его обслуживает экономические нужды самой

Н., остальные же 90% работали преимущественно в области местной (в частности каботажной) торговли Индии и Китая, Средней Америки и Черного моря. Количество служащих, в том числе и матросов торгового флота, достигало к 1921 г. 26 т. человек, количество же лиц так или иначе заинтересованных в его деятельности и

развитии превышало 112 т. чел., т.-е., по заключению одного норвежского ученого, ок. 16% всего мужского населения Н.

Другим выходом для избытка населения явилось развитие промышленной жизни страны при помощи использования обильной ее водной энергии. Теоретически размеры пригодной для электрификации водной энергии Н. определяются приблизительно в 15 млн. лошадиных сил, из коих государству принадлежит ок. 2 м., коммунам столько же, тогда как остальная их масса составляет частную собственность. При полном недостатке угля развитие промышленной жизни Н. действительно всецело зависит от этого источника энергии, на который, начиная с XX века, и обращено усиленное внимание Н. Тем не менее к 1921 г. было использовано лишь ок. 1,2 млн. лоп. сил. (в 1907 г.—250 т.; в 1915 г.—750 т.), да и то подавляющее большинство энергии (ок. 800 т. л. с.) было обращено на осветительные, а не на двигательные-технические нужды. Только благодаря применению водо-электрической энергии, однако, оказалось возможным поставить использование железных, цинковых, алюминиевых и др. богатств, в особенности северной Н., на экономически рациональную почву. С этого времени и начинается бурное развитие крупнокапиталистического предпринимательства Н. Оно отразилось, естественно, на двух производствах, составляющих главные статьи собственно норвежского вывоза, на лесо- и рыбопромышленности, из коих первая дала в 1923 г. вывозную массу (строеной лес, древесная масса, бумага и т. д.) на 339 м., в 1924 г. на 334 м. крон (при 67.691 рабочих в 1923 г.), т.-е. более 38% всего вывоза, вторая—ок. 30% вывоза.

Рост и соотношение ввоза и вывоза Н. приблизительно определяются цифрами следующей таблицы (в млн. крон); об условной ценности этих цифр было уже упомянуто выше.

	Средний годовой	
	ввоз миллион. крон	вывоз миллион. крон
1901—1905 г.	299	183,5
1911—1915 г.	596,4	422,7
1916 г.	1353,7	988,3
1917 г.	1661,8	791,4
1918 г.	1252,6	755
1919 г.	2583,7	782,1
1920 г.	3029,9	1241,8
1921 г.	1463	637
1922 г.	1314	765
1923 г.	1342	812
1924 г.	1547	1041
1925 г.	1401	1047

Для характеристики состава ввоза и вывоза могут служить следующие цифры, относящиеся к главным предметам ввоза и вывоза в 1920 г.

	Ввоз	миллион. крон
	Хлеб (зерно и мука)	
Другое продов.		70
Сахар и кофе		144,2
Текстиль		343
Обувь		44,2
Уголь и кокс		343,5
Керосин и т. д.		65,4
Металлы, машины		412,6
Суда		167
	Вывоз	миллион. крон
Рыба и рыбн. прод.		225
Лес и произв. прод. (бумага)		556,7
Удобрение		60,4
Суда		42,2

Как и в Швеции, по с еще большим постоянством наблюдается достигающее максимального развития в 1919 и 1920 г. преобладание ввоза над вывозом (пассивный торговый баланс); в отличие от Швеции не замечается даже за годы войны (1914—1918 г.) преобладания вывоза над ввозом, что объясняется прежде всего бедностью Н. металлами, которыми богата Швеция и которые находили постоянно возрастающий спрос в Германии. Возможность платежного покрытия разницы между ввозом и вывозом Н. отчасти объясняется доходами страны от фрахтов, т.-е. от исключительного развития ее торгового флота; отчасти же именно эта разница привела к резкому понижению норвежской валюты и обострению внутреннего экономического кризиса, выразившегося в возрастающей роли финансового капитала, энергично подчинявшего и подчиняющего себе все формы производства (вплоть до рыбопромышленности и сельского хозяйства); это вызывает ответный рост более или менее радикальных общественных течений, требующих, в лице коммунистической партии, подчинения банков государственному контролю, что встречает широкое сочувствие и среди страдающего от земельной спекуляции крестьянства, а также среди занятого рыболовством населения, все более попадающего в кабалу специально созданных для развития рыболовного дела банков.

Несмотря на внешнее благополучие государственных финансов, долг Н. возрос за одно только время от 1920 до 1925 г. с 1.129 м. до 1.730 м. крон (из них 715 м. внешних), из коих, правда, часть пошла на разного рода предприятия по электрификации страны, по сооружению железных и шоссежных дорог и т. д. Роль иностранного, в частности американского, капитала в этой области в настоящее время еще не поддается учету.

Политическая жизнь Н. протекала от 1914 до 1919/20 г. под знаком войны и

вызванных ею серьезных потрясений экономического и социального уклада страны, отразившихся как на рабочем классе (ок. 140 т.), так в особенности на крестьянстве и на мелкой буржуазии вообще. 1921—1922 г.г. привнесли общий экономический кризис. Это отразилось в печудной железнодорожной и всеобщей забастовке 1921 г., из коих первая при малом протяжении жел.-дор. линий Н. (к 1925 г. ок. 3.500 кил.) не могла иметь серьезного влияния на ход жизни всей страны, тогда как вторая также не захватила наиболее жизненных, производительно-финансовых интересов Н. С этих пор начищаются усиленное наступление предпринимателей на завоеванные до этого рабочими Н. позиции (докауты конца 1923 и начала 1924 г.), ухудшение положений последних, ослабление их организованности, а отсюда и ослабление их влияния на общегосударственную жизнь. Так, в частности, количество фаб.-зав. комитетов, достигавшее до забастовки 1921 г. в одной только Христиании (ныне Осло) 687, упало к концу того же года до 54, а количество членов проф. организаций Н., достигшее к середине 1920 г. 143.810, упало в 1921 г. до 94.983, а в 1922 г.—до 83.804 м. Лишь с самого конца 1922 г. начался новый, хотя и очень медленный, подъем и по числу членов и по числу проф. организаций. Этим же в значительной степени определяются также колебания рабочего движения Н. в отношении коммунистического движения.

В настоящее время рабочее движение Н. возглавляется тремя группами, — старой соц.-дем-ой (Буэн, Иверсен), центристской, сначала шедшей вместе с левым, коммунистическим крылом (М. Транмьяль), и коммунистической (Олаф Шефто). Первая вышла в 1920 г. из состава рабочей партии Н. после того, как большинство партии присоединилось к коммунистическому Интернационалу, и образовала самостоятельную с.-д. партию. В 1923 г. произошел на чрезвычайном конгрессе рабочей партии раскол, приведший, в связи с организационными и иными разногласиями, к выходу чистых коммунистов (О. Шефто и др.) из состава рабочей партии и к образованию Норвежской коммунистической партии, всецело примыкающей к Коминтерну и насчитывавшей к 1926 г. 16 т. членов (7 ежедневных газет); в стортинге она имеет 6 депутатов, по влиянию ее значительно превосходит как ее общий численный состав, так и количество ее парламентских представителей. Отношение большинства рабочей партии Н. („транмьялистов“) ко второму (Амстердамскому) и третьему (коммунистическому) Интернационалу остается поныне колеблющимся.

В 1924 г. в состав стортинга (парламента) Н. входили: 54 консерв., 1 умер. либер., 22 аграрии, 34 либер., 24 раб. партии, 6 коммунист., 2 с.-д. и 2 р.-дем. (ср. XL, прилож. *современное состояние важнейшего государства*, табл. 72).

Прошло время боевого объединения всех радикальных и либеральных общественных течений, борющихся сначала за „освобождение“ от шведского засилья (кабинет Михельсена 1905—1907 г.), а затем за ограждение Н. от концессионных захватов национальных богатств Н. иностранными державами—Англией и в особенности Германией,—при чем уже намечалась острая вражда правого „концессионистского“ и левого „антиконцессионного“ течения [кабинеты: Левлянда (1907—1908 г.), прав., Кнудсена (1908—1910 г.), левого, Конова (1910—1912 г.), коалиционного консервативно-либерального, Брэтли (1912—1913 г.), чисто консервативного, и долголетнего (1913—1920 г.) кабинета Кнудсена, радикального]. Во главе политической жизни стоит после неудачи упомянутой выше забастовки 1921 г. новое, по существу своему консервативное течение, представителями которого были кабинеты Гальворсена (1920—21), Блэра (1921—1923), того же Гальворсена (1923—1924), Мовинкеля (1924—1926) и Ликке (с 4 марта 1926 г.). Существенной разницы между ними в области вопросов социальной и хозяйственной жизни Н. не наблюдается. Представляя разные течения в области узкополитической и культурной жизни Н., все они являются защитниками существующего социально-бытового уклада жизни Н.

Э. Гримм.

XXXIX. Литва (ср. XXXIV, 238/257.)
Возникновение независимой Литовской республики. Независимая Литовская республика возникла в результате империалистической войны и Октябрьской революции. До начала войны не было в Л. партии, которая стремилась бы к отделению от России и мечтала о самостоятельности Л. Польские помещики в Л. давно уже перестали мечтать о восстании и сделались „угодниками“. Литовская буржуазия, как в городах, так и в деревнях, после революции 1905 г. получила возможность более успешно развиваться и проявила весьма усиленную деятельность. Она уже тогда вступила в период первоначального накопления и поэтому гналась лишь за барышами; политическими вопросами мало интересовалась и, вообще говоря, была довольна своим положением. Большинство ее пло рука об руку с клерикалами, отличавшимися в Л. искоренением „крамолы“ и особенным раболепием перед царским правительством. Дальше конститу-

ции и автономии для Л. не шли даже наиболее радикальные представители литовской буржуазии. Поэтому, когда началась война, литовская буржуазия вполне естественно почувствовала себя единым телом с российской буржуазией и вполне разделяла ее стремления. Мелкая буржуазия потянулась за более крупной. Тогда на историческом заседании Государств. Думы от 26 июля 1914 г. была прочитана ее членом Ичасом декларация от имени всего литовского народа, в которой, между прочим, говорилось: „В этот ответственный исторический момент я должен заявить от имени всех литовцев без различия партий, что судьба нашего народа всегда была соединена с судьбою славян. Литовский народ, на землю которого пали первые выстрелы, который в первых рядах вынужден бороться, идет на эту войну, как на священную. Он забывает все свои обиды, надеясь увидеть Россию после этой войны свободной и счастливой и пошлом разорванных литовцев объединенными под одним российским флагом“. Такого же рода декларацию составили 17 августа „представители виленских литовских обществ и газет“. Там мы, между прочим, читаем: „Опять соединились литовские герои со славянскими героями для борьбы против тевтонского наследия всепожирающего германизма... Мы надеемся, что наши заграничные братья по крови будут вырваны из германского ярма и соединены с нами, ибо историческая миссия России—это служить освободительницей национальностей“. И вся литовская буржуазия стала мечтать о соединении силой царского оружия русской и прусской Л., хотя население последней ничего общего не имело тогда с политическими стремлениями бывш. русской Л. и резко отрицательно относилось к объединению с последней. Что касается еврейской буржуазии Л., то она, несмотря на преследования царского правительства, еще более крепкими узами, чем литовская, была связана с российской буржуазией. Все буржуазные газеты Л., без различия национальностей, были переполнены самым вульгарным восхвалением царского оружия, вплоть до бравых казаков, и забрасыванием грязью немцев, требованием принести для блага Л. „родины“ все, что только потребует государство. Как вознаграждение за все тяготы войны и страдания Л., буржуазия сулила, в случае победы России, всякие блага Л. Против этого в конце 1914 г. подняла свой протест только незначительная группа интернационалистов социал-демократов Л. Они в своей декларации заклеили позором рабских поклонников царского кнута и кончают декларацию след. словами: „Соц.-дем. партия Л. защищает те же, как и раньше, взгляды, что угнетенные национальности России

могут добиться свободы и равноправия только в борьбе против царского правительства, а не путем лакейского угодничества“... Л. С.-Д. П. не ожидала спасения пролетариата Л. ни от хищнической политики Германии, ни от захватнической политики царской России. Однако, влияние интернациональных с.-д. в Л. было крайне ограничено, почти равно нулю. Сильнее они были только за пределами Л., а потому они не могли оказать большого влияния на ход событий. В Л. старые вожди С.-Д. П. Л. очутились в лагере национальной буржуазии. Бунд занялся кухнями и т. п.; группа РСДРП (меньшевистская) большой активности не проявляла.

В начале осени 1915 г. германские войска заняли почти всю Л. Тогда настроение литовских буржуазных верхов постепенно стало изменяться. Это достигнуто было прежде всего благодаря ловкой политике немецких империалистов. Л. сразу же была превращена немецкими оккупантами в большую тюрьму, зорко охраняемую прусскими жандармами. Вся общественная жизнь была подавлена. Была разрешена лишь одна еженедельная газета на литовском языке и одна ежедневная на польском яз., субсидируемые немецким правительством. Невыносимым гнетом и насилиями, кровавыми расправами, достойными реквизициями и расхищением богатств Л. ознаменована была германская оккупация с первых же шагов ее появления. Но в то же время германские империалисты начали заигрывать с литовской буржуазией и социал-патриотической интеллигенцией. Они начали играть роль „освободителей“ Л. от царского ига. С этой целью, при посредничестве кайзеровского агента, барона Ропша, было составлено еще весной 1916 г. обращение „угнетенных народов России“ к американскому президенту Вильсону и воззвание ко всему „цивилиззованному миру“. Все эти „народы“ (поляки, литовцы, латыши, украинцы и друг.) говорят о тех преследованиях, которые им пришлось испытать от царского ига, но ни словом не упоминают о тех ужасах, которые им приходилось переносить от оккупационных властей. Воззвание подписывают клерикалы, либералы и перешедшие на их сторону представители С.-Д. П. Л. Далее идет знаменитая „конференция народов“ в Лозанне. Литовская делегация из Вильно получает свободный проезд туда через Германию. Едут представители клерикалов, либералов и переметнувшиеся в националистический буржуазный лагерь деятели С.-Д. П. Л. в сопровождении кайзеровского агента барона Ропша и верноподанного депутата прусского ландтага Степутатиса. На этой конференции впервые была провозглашена всей делегацией

декларация о независимости Л. И в ней много говорится о преследованиях царского правительства и ни слова о скорпионах немецких империалистов. Те же и другие группы неоднократно отправляли делегации к центральным властям в Берлин, добивались хоть некоторого облегчения положения Л., но никаких результатов не достигали. Это несколько не могло склонить трудящихся масс Л. искать покровительства у оккупационного кайзеровского правительства. Это делала лишь буржуазная и социал-предательская верхушка.

Мартовская революция 1917 г. сначала заставила литовских „дипломатов“ заигрывать с Россией. Они требуют от Временного правительства самой широкой автономии Л. Литовские трудящиеся массы всецело стоят за Россией. Под влиянием российской революции еще более начинает заигрывать с литовскими буржуазными верхушками кайзеровское правительство. 18—23 сентября под руководством кайзеровских агентов и при строгом контроле оккупационных властей создается в Вильне так наз. Литовская конференция. Ее состав и резолюция заранее были продиктованы оккупационными властями. На ней принимали участие 222 человека (по приглашению), исключительно литовцы; среди них 66 католич. попов, 75 буржуазных интеллигентов, в том числе с.-д. буржуазного уклона, 65 крестьян, главным образом кулаков, 8 кузцов и промышленников, 5 помещиков, 5 неопределенных профессий и 2 рабочих. После усиленной обработки крестьян и рабочих, которые ни за что не хотели согласиться на замену царского кнута кайзеровским, все же удалось единогласно принять резолюцию, в которой выставляется требование независимой Л., обращенной лицом к Германии. Там же была создана так наз. литовская Тариба (Рада) из 20 человек; несколько мест отводилось также другим национальностям, населяющим Л. (белорусы и евреи в конце 1918 г. вошли в Тарибу; поляки отказались войти). После Октябрьского переворота перепугавшаяся литовская Тариба провозгласила 11 декабря 1917 г. „восстановление независимого литовского государства со столицей в Вильне и с расторжением всех государственных связей, существовавших с другими народами“. Литовская Тариба для защиты своих интересов на мирной конференции просила защиты и помощи у Германии и высказалась „за вечный крепкий союз литовского государства с германской империей, который осуществлялся бы в военной, железнодорожной конвенциях и общей таможенной и денежной системе“. Так. обр., Тариба фактически способствовала аннексии Л. Германией. Кайзеровское правительство

это прекрасно использовало во время Брестских переговоров с Сов. Россией. Наконец, литовская Тариба 16 февр. повторила провозглашение независимости Л., на упомянув о конвенциях от 11 дек., и высказала просьбу о ее признании. Признание наступило только тогда, когда Тариба вторично согласилась признать конвенции. 23 марта 1918 г. кайзер Вильгельм официально признал независимость Литвы, связанной указанными выше конвенциями с Германией. Фактически и после этого акта в Л. ничего не изменилось: в Л. по старому господствовали немецкие оккупанты и нисколько не считались ни с Тарибой, ни с местным населением вообще. Началась даже германизация литовского населения через школы. Нисколько не помогало и избрание 11 июля 1918 г. Тарибой литовским королем вюртембергского герцога Вильгельма фон-Ураха, который должен был принять имя Миндовга II, — верховное командование настаивало на создании вассального литовского государства с прусским королем во главе. Только к концу 1918 г., когда начало сильно ухудшаться положение Германии на западном фронте и усилилось революционное движение в Германии и Л., оккупационные власти пошли на некоторые уступки литовской Тарибе и в конце октября назначили даже карикатурное литовское правительство с Вольдемаром во главе. Революция в Германии, революционное движение в Л. и провозглашение в Вильне в конце 1918 г. и начале 1919 г. власти советов заставили Тарибу и тарибское правительство бежать из Вильны в Ковно. Там оно под прикрытием немецких штыков, которым Антанта приказала не покидать Л., пока не будет создана литовская армия, способная противостоять Красной армии, собирает свои силы, организует белую армию и, наконец, вытесняет красных. В значительной степени помогла ему в этом и неувядающая политика, которую вела советская власть в Л., в первую очередь неправильная земельная политика (отказ от раздела помещичьих имений) и неправильные отношения к крестьянству, неправильное разрешение национального вопроса и пр.

Версальский договор не только не установил границ Литовской республики, но и само существование Л., Латвии и Эстонии для творцов Версальского мира было еще проблематично. Они еще надеялись на победу царских генералов, ведущих борьбу против Сов. России, и поддерживали бермонтовцев-колчаковцев, сделавших попытку в 1919 г. захватить Латвию и Л. Только заключение Эстонией, Латвией и Л. мирного договора с Сов. Россией, безоговорочное признание последней по договору

12 июля 1920 г. независимости Л. в границах, обнимающих и Вильню и Гродно, и полный разгром Юденича, Деникина, Колчака и Врангеля заставили Антанту признать де-факто и де-юре Эстонию и Латвию. Л. была признана последней, лишь 20 декабря 1922 г., когда все попытки поглотить ее Польшей были сорваны трудящимися массами Л. (проект Гюймаса, встретивший поддержку со стороны обоих правящих партий Л.—христианских демократов и националистов и пр.). Л. была признана Францией и Англией в ответ на согласие Л. принять нейтрализацию Немана и фактический отказ от Вильню, захваченного с согласия Франции 9 октября 1920 г. „взбунтовавшимся“ польским генералом Желгивским, несмотря на то, что состоявшийся польско-литовский договор в Сувалках, согласно которому Вильню оставлялось в руках литовцев. В вознаграждение за утерянное Вильню Л. получила Мемельскую область, которую она заняла в феврале 1923 г. по примеру „взбунтовавшегося“ генерала Желгивского. Мемельская область была признана конференцией послов от 16 февраля 1923 г. за Л., но при этом последняя была связана так наз. Мемельской конвенцией, согласно которой нейтрализуется в пользу Польши не только Неман, но и Мемельский порт; Польше предоставляется право пользоваться транзитом по литовским жел. дор., пользоваться телеграфом и телефоном и пр., хотя до сих пор еще нет нормальных отношений между Л. и Польшей. 15 марта 1923 г. конференция послов установила границу между Л. и Польшей по линии бывшей нейтральной зоны и таким образом Виленщину передала Польша. С этим Л. не хочет помириться. Но ее притязания на Вильню поддерживает только СССР.

Польско-литовский конфликт до сих пор не удалось ликвидировать, так как он имеет глубокие социальные корни. Этот конфликт начинается с самого начала литовского национального движения. Это был конфликт между поднимающейся литовской мелкой буржуазией и литовск. крестьянством, с одной стороны, и польскими „паннами“, помещиками, с другой (почти все помещики в Л. были поляками). По существу и сейчас литовско-польский конфликт не лишен этой классово-подоплеку. Захват поляками Вильню не мог не усилить этой ненависти, ибо, хотя Вильню и не является сейчас литовским по составу населения (сплошное литовское население начинается приблизительно на расстоянии 30 верст к югу, западу и северу от Вильню), но, безусловно, в течение многих столетий являлся экономическим, политическим и культурным центром всей Л. и поэтому имеет большую при-

тягательную силу почти для всех слоев населения современной Л. С другой стороны, проведение в Л. земельной реформы в интересах литовской буржуазии и кулаков и в ущерб польским помещикам еще глубже вбило клин между Л. и Польшей. Под давлением Антанты и из страха перед нарастающим революционным движением, литовские правящие круги делали много попыток к соглашению с Польшей. Однако, напор широких литовских трудящихся масс и трудовой интеллигенции всегда срывал эти попытки. Этим объясняется и упорный отказ Л. от вхождения в проектируемый польско-балтийский союз, направленный против СССР, и, наконец, подписание 28 сентября 1926 г. гарантийного договора с СССР.

Территория современной Л. Современная независимая Литовская республика обнимает почти всю бывшую Ковенскую губ. (см.) (за исключением незначительной восточной ее части, занятой поляками), северо-западную часть бывш. Виленской губ. (см.) и северную часть бывш. Сувальской губ. (около $\frac{2}{3}$ ее). Кроме того, в начале 1923 г. она заняла северо-восточный угол Восточной Пруссии, так наз. Мемельскую область, которая по Версальскому договору должна была отойти к Л. Эта Л. много меньше той исторической Л., к которой совершенно неправильно продолжают относить некоторые не только настоящую Л., но и Белоруссию, когда-то принадлежавшую Л. Она почти в два раза меньше территории той Л., которая была признана за ней СССР по мирному договору от 12 июля 1920 г. Согласно этому договору, Литовской республике должно было отойти не только Вильню и почти вся бывш. Виленская губ., кроме дисненского и большей части вилейского уезда, но и Гродно с уездом. В настоящее время эта территория занята Польшей, и из-за нее между Л. и Польшей идет постоянный конфликт.

Население Л. Территория современной Л. равняется 53.433 кв. км. (без Мемельской области). По данным первой всеобщей переписи Литовской республики, в конце 1923 г. она имела 2.028.972 чел. населения, т.-е. по 38 чел. на 1 кв. км.; в городах—302.934, или 14,9%; в Мемельской области—1.824 кв. км. и 142.594 человека насел. По сравнению с довоенным населением на той же территории—уменьшение не менее, чем на 450.000, т.-е. около 22,5%. То же самое наблюдается и в Виленщине. Накануне империалистической войны в г. Вильню было 316 тыс. населения, а в начале 1922 г.—только 129 тыс.

Национальный состав: согласно всеобщей переписи 1923 г. (весьма пристрастной), в ковенской Л. было литовцев—83,9%,

евреев—7,6%, поляков—3,2%, русских и белоруссов—2,5%, немцев—1,4%, других национальностей—1,0%. Во время выборов в 1923 г. польские списки собрали 7% всех голосов. Религия (1923 г.): католиков—85,7%, иудеев—7,6%, протестантов, православных и староверов—2,7%, друг. вероисповеданий—0,6%.

Классовый состав населения: в 1923 г. рабочих (с семьями) было 334.030, или 16,5% всего населения, в том числе: сел.-хоз. рабочих—231.091, промышленных—40.667, в торговле—4.304, транспорте—8.010, домашних служащих—14.772, поденных рабочих—29.584. До империалистической войны (в 1913 г.) в одной только Ковенской губ. было 235.564 сел.-хоз. рабочих, в 6 уездах Сувалск. губ. (в 1901 г.)—104.736 сел.-хоз. раб., значит гораздо больше, чем сейчас. Уменьшение сел.-хоз. рабочих в Литве объясняется не только общим уменьшением населения, но и тем фактом, что благодаря земельной реформе многие сел.-хоз. рабочие превратились в мелких собственников.

По официальным данным, в 1905 г. в Ковенской губ. помещикам принадлежало 40% всей земли, в Виленской—36%, в Сувалкской—более 22%; 94% всех хозяйств принадлежали крестьянам, но земли они имели только около 50% всей земельной площади, между тем как 2% помещичьих хозяйств, владевших больше 100 десятин, имели около 40% всей площади. Помещичья земля обрабатывалась сел.-хоз. рабочими. Но много сел.-хоз. рабочих было и у многоземельных крестьян. Сейчас количество сел.-хоз. рабочих (батраков), работающих у крестьян, гораздо больше, чем у помещиков.

Дифференциация литовской деревни еще до империалистической войны была очень велика. В Ковенской губ. в 1911 г. было сел.-хоз. рабочих 14,2% всего сел. населения и 22,1% малоземельных крестьян, имеющих до 3 десят.; крестьянских хозяйств до 3 десятин—22,3%, от 3 до 10 дес.—30,3%, от 10 до 20 дес.—24,5% и свыше 20 дес.—22,9%. В 6 уездах Сувалск. губ. было в 1901 г. сел.-хоз. рабочих 22,9% всего сельского населения, малоземельных крестьян, владеющих до 3 дес.—31,4%. Безлошадных хозяйств было в 1912 г. в Ковенск. губ. 23,5%, в Виленск. г.—20,3%; имеющих по 1 лошади в Ковенск. губ.—31,1%, в Виленск. губ.—56,5%; по 2 лошади в Ковенск. г.—21%, в Виленск. г.—15,6%; больше 2 лощ. в Ковенск. г.—21,9%, в Виленск. губ.—7,6%. Итак, пролетарский и полупролетарский элемент составлял в Ковенской губ. около 40% всего сел.-хоз. населения, середняки—тоже около 40%; в Виленск. губ. пролетарского и полупролетарского элемента было несколько меньше и больше середняков, в Сувалск.

губ.—пролетарского и полупролетарского элемента не меньше 54% всего сел.-хоз. населения; богатых крестьян, кулаков было в Л. 10—20%; больше всего последних было в литовской части Сувалск. губ., потом шла Ковенск. губ., наконец, Виленск. губ.

Точных данных о расслоении деревни в современной Л. нет. Бесспорно, что количество крестьянских хозяйств значительно увеличилось за счет парцелляции помещичьих имений. По данным одного буржуазного литовского экономиста, число крестьянск. хозяйств в современной Л. увеличилось на 40%. В подавляющем большинстве это мелкие и средние хозяйства. Значит, процент последних в современной Л. должен был еще увеличиться.

Экономическое положение. Современная Л., как и до империалистической войны, является сельскохозяйственной страной. Сельское население составляет 85,3%. Главные предметы экспорта (1923 г.): лесные материалы—28,8% всей стоимости вывоза, хлеб—21,8%, животные—11,1%, животные продукты—9,3%, льняное семя—8,9%, лен—8,8%, прочие товары—11,3%; за первую половину 1926 г. на первом месте уже стоял лен и льняное семя, потом шли лесные материалы и полуфабрикаты (целлюлоза), животные продукты (яйца, масло, мясо), наконец, животные и хлеб. Это свидетельствует о росте в Л. технических культур, усилении обработки леса, развитии молочного хозяйства и животноводства. Ввозятся в Л. гл. обр., фабричные товары. Промышленность развивается слабо. Крепче держатся отрасли промышленности, связанные с сельским хозяйством (винокурение и пивоваренные заводы, лесопилки, целлюлозная фабрика, спичечные фабрики, кожевенное производство и пр.). Нет ни одного предприятия, имеющего больше 500 рабочих. Но, вследствие обеднения трудящихся масс, и для мелкой промышленности Л. не хватает рынков сбыта.

Торговый баланс в 1920 и 21 г.г. был пассивный, в 1922—24 г.г.—активный, в 1925 г.—опять пассивный (нассив около 10 млн. литов), за первую половину 1926 г.—активный. Вывозено в 1925 году за 242,7 млн. литов, ввезено за 252,7 млн. За 6 лет (1920—25 г.г.) вывоз увеличился на 439,7%, ввоз—на 349,5%. Государственный бюджет, начиная от 1921 г., сводится без дефицита. В 1926 г. он достиг 241 млн. литов; в 1927 г. он сокращается на 15 млн. литов; вводится „режим экономии“. Хотя за последние годы золотой запас и твердая иностранная валюта Литовского банка сократилась (31/I 24 г. он равнялся 70,4 млн. литов, 31/XII 1924 г.—93,1 млн. литов, 31/V—25 г.—77,2 млн., 31/IX—26 г.—только 61,404 млн.), все же курс литы, введенного в конце 1922 г.

вместо падающей германской валюты, остался твердым. Это говорит о том, что, несмотря на то, что 1925 и 26 гг. вследствие плохого урожая были плохими годами, все же в Л. достигнута относительная стабилизация, хотя и непрочная.

Относительная стабилизация достигнута за счет чрезвычайной эксплуатации рабочего класса и беднейшего крестьянства, чрезмерных налогов и пр. Население Л. платит в год около 300 млн. литов всяких налогов государству, местным самоуправлениям и пр. До войны (в 1908 г.) на каждого жителя Л. выходило около 44 литов налогов, сейчас—135 литов. Особенной тяжестью они ложатся на рабочих и крестьянскую бедноту. Цены на некоторые продукты сельского хозяйства (скот, картошка) ниже довоенных, на другие (рожь)—выше. Цены некоторых продуктов сельского хозяйства увеличились на 25—50%, между тем, как цены промышленных товаров увеличились на 100—200%. По официальным данным, индекс цен важнейших продуктов в 1925 г. вырос до 152, если в 1913 г. взять 100. Прожиточный минимум, по тем же официальным данным, в 1913 г. в Л. равнялся для 1 человека в месяц 79,8 лит., в 1923 г.—84,7 лит., в 1925 г.—120 лит. Между тем заработная плата за это время почти несколько не повысилась. Большинство рабочих зарабатывало до забастовок 1926 г. по 3—5 лит. в день, т. е. по 75—125 лит. в м-ц (15—25 руб.). Значит, реальная заработная плата гораздо ниже, чем в 1913 г.

Вследствие слабого развития промышленности она не может поглотить всех свободных рабочих рук, а особенно излишек тех рабочих рук, которые дает деревня. До войны они уходили в промышленные центры Латвии, России и Украины, эмигрировали за границу. Сейчас это крайне затруднено. Поэтому в Л. имеется постоянно большой процент безработных рабочих. Летом их число уменьшается, т. к. они временно получают работу в деревне, зимой—увеличивается. Чтобы избавиться от бесплодного элемента, правительство Л. старается их сплавлять во Францию, Аргентину, даже Бразилию. Но, несмотря на это, число безработных в Л. ежегодно растет.

Земельная реформа (ср. XLVI, 568/571, 596). Под давлением сильного революционного движения сел.-хоз. пролетариата, особенно работающего в имениях, и деревенской бедноты в 1922 г. был принят Учредительным Собранием Л. закон о земельной реформе. Согласно этому закону отчуждается значительная часть помещичьей земли по низким ценам. Усадьбы, весь живой и мертвый инвентарь и 80 гектаров лучшей усадебной земли остаются у помещика. Имена до 150 гект. берутся в последнюю

очередь. Излишек земли имений, имеющих не более 200 гект., отчуждается по рыночным ценам. Сел.-хоз. рабочие и малоземельные крестьяне могут получать наделы от 8 до 20 гект. и в течение 36 лет должны платить выкупные платежи. Кроме того, земельная реформа способствует уничтожению чересполосицы и выходу крестьян на хутора, ликвидирует остатки феодализма (сервитуты) и проч.

До 1 января 1926 г. было создано на отчужденной от помещиков земле около 41.000 мелких участков, имеющих 392.000 гектаров земли. Она была распределена следующим образом: сел.-хоз. рабочие и бывшие военнослужащие получили 18.731 участок с 205.181 гект. земли, малоземельные крестьяне—15.503 участка с 70.044 гект., ремесленники и др.—3.000 участков с 5.497 гект., в городах—7.000 участков с 4.585 гект. Эти официальные данные совершенно скрывают тот факт, что при проведении земельной реформы землю получили многие из членов правящей партии (христианских демократов), которые вовсе не нуждались в земле, между тем как подавляющее большинство сел.-хоз. рабочих и малоземельных крестьян ничего не получило. Большинство „новоселов“ из бывш. рабочих живет в самых тяжелых условиях, все еще тяготея в землянках, не имеют ни лошади, ни самых необходимых орудий производства. Помощь, оказываемая „новоселам“ правительством, крайне скудна—ссуды были выданы не более, чем 7.000 „новоселов“. Некоторые из них бегут с земли.

Земельная реформа достигла, гл. обр., того, что в значительной степени ликвидировала крупное польское помещичье землевладение и способствовала укреплению литовской сел.-хоз. буржуазии; многие центры бывш. польских помещичьих имений перешли литовским дельцам—высшим чиновникам, кулакам, спекулянтам и пр.; во-вторых, временно она разрядила ту революционную атмосферу, которая существовала среди сел.-хоз. рабочих и малоземельных крестьян Л. Но сейчас уже растет их недовольство с новой силой.

Государственный строй. Л.—буржуазно-демократическая республика. Во главе республики стоит сейм, избираемый на 3 года всеобщим, равным, прямым и тайным голосованием без различия пола, по пропорциональной системе. Избирательным правом пользуются все граждане Л., достигшие 21 года, в том числе и солдаты. Сейм избирает президента на 3 года. Кабинет министров ответствен перед сеймом. Несмотря на гарантирование конституцией Л. всяких свобод, на деле при господстве клерикальной реакции рабочий класс и беднейшее крестьянство никакими свободами не

пользовались. Даже за чисто-экономические забастовки рабочих сажали в тюрьму. Классовые профсоюзы закрывались, рабочие газеты не допускались. До лета 1926 г. еще сохранилось в Л. военное положение, которое дало возможность военным судам приговаривать к смертной казни за одно лишь распространение коммунистических воззваний (таким образом были приговорены к расстрелу 20/XII 1924 г. 4 человека, двое из которых даже и в приписываемом им распространении не были повинны). Изменилось дело несколько к лучшему только после выборов в сейм в мае 1926 г., где христ.-демократы потерпели большое поражение. Церковь не отделена от государства, школа не отделена от церкви. Последняя играет крупную роль в жизни Л.

Социальное законодательство. Раньше было особое министерство труда и социального обеспечения; сейчас оно превращено в департамент при минист. внутренних дел. На местах имеются инспекторы труда, назначаемые мин. внутр. дел и подчиненные департаменту труда и социального обеспечения. Они работают на основании старых царских законов об инспекторах труда. В общем действуют в Л. царские законы о наемном труде с некоторыми только изменениями. Остались в силе общие царские законы о найме, технической охране труда, охране женского и детского труда, закон о вознаграждении пострадавших от несчастных случаев и пр. Страхование от болезни, безработицы и пр. вовсе отсутствует. Предложенный еще в 1920 г. законопроект о страховании рабочих на случай болезни все передавался в комиссию и ухудшался. Наконец, он был принят сеймом в 1926 г., но еще не введен в жизнь. Согласно этому закону, обязательному страхованию на случай болезни подлежат только рабочие промышленных и торговых учреждений, путей сообщения и связи, строительные рабочие. Наиболее многочисленные в Л. сел.-хоз. рабочие и домашние служащие изъяти из этого закона. В страховкасе $\frac{1}{3}$ вносит государство, $\frac{1}{3}$ —предприниматели и $\frac{1}{3}$ —рабочие. Лечение заболевших рабочих—на счет страховкасы. Полного самоуправления рабочим в страховкасах не дается. 30/XI 1919 г. под давлением революционно настроенных рабочих был издан закон о 8-часовом рабочем дне в промышленности. В настоящее время, вследствие широко практикуемых во всей Л. сверхурочных работ, 8-час. рабочий день фактически сведен на-нет. Только забастовки 1926 г. несколько восстановили его. Для привлечения на свою сторону сел.-хоз. рабочих, работающих в имениях, был издан специальный закон о найме и расчете рабочих имений. По этому закону

в имениях введен в среднем 10-час. рабочий день, установлен минимум заработной платы, запрещено выбрасывать уволенных рабочих из имений и пр. Вследствие этот закон тоже подвергался все новым и новым ухудшениям. По отношению к сел.-хоз. рабочим, работающим у крестьян-кулаков (а таких рабочих в Л. подавляющее большинство), действуют только старые царские законы. Фабзавкомы и батрачкомы (в имениях) были признаны только тогда, когда было сильное революционное движение в Л. Сейчас опять восстанавливаются фабзавкомы (осенью 1926 г.)

Политические партии в Л. Главные политические партии в Л.—это христианско-демократическая партия (хадеки), народнический селянский союз, социал-демократическая партия и компартия (последняя совершенно нелегальная).

Христианско-демократическая партия—это партия литовского спекулятивного капитала, возглавляемого банком ксендза Вайлокайтиса, и кулаков. Лидером ее является ксендз Крунавичюс, бывший министр земледелия. Фактически она состоит из 3 частей: собственно хадекской партии, Крестьянского союза (дуликов и новых литовских помещиков, идущих на поводу у банкира Вайлокайтиса) и Федерации Труда,—христианской рабочей организации, обнимающей наиболее отсталые слои рабочих и часть крестьянской бедноты. В последнее время вожди этих организаций уселично подчеркивают их полную самостоятельность, но фактически это единое целое („светлая троика“). До выборов в сейм в мае 1926 г. хадеки были фактическими правителями Л. Они оказали, особенно в последние годы своего правления, сторонниками самой свирепой реакции, дуплетными рабочего движения, не останавливавшимися пред чисто инквизиционными методами (при них применялись самые ужасные пытки политзаключенных—электрифицирование и т. п.), расхитителями народного состояния, покровителями самой гнусной коррупции правящих кругов. Это явные сторонники фашистских методов борьбы. Если хадеки после последних выборов в сейм в 1926 г., где они потерпели поражение, не прибегли к фашистским методам борьбы, то только потому, что не надеялись на победу. Хадеки—это наиболее враждебная СССР партия и наибольшая сторонница соглашения с Польшей.

Народнический селянский союз—это партия зажиточных либеральных крестьян, возглавляемая либеральной интеллигенцией. Она увлечена за собой и значительную часть середняков и даже крестьянской бедноты. В первые годы Литовской республики Народнический селянский союз находился в блоке с хадеками и вместе соста-

вляли правительство. Когда хадеки почувствовали себя достаточно сильными, они выбросили народников из правительства. Народники перешли в оппозицию и стали во главе крестьянской оппозиции, все нарастающей против хадедской реакции и экономического гнета. Это привело их вместе с с.-д. после майских выборов 1926 г. к власти. Во главе литовского правительства стал лидер народников — адвокат Сляжевичус; президент Л., доктор Гринюс, тоже народник (его предшественником был хадек Стульгинскис).

Накануне выборов 1926 г. крайняя правая часть Народнич. селянского союза откололась и создала отдельную Крестьянскую партию (кулацкую), по своим социальным взглядам близкую к хадедскому Крестьянскому союзу. Вожди Народнического селянского союза тоже стремятся к сближению с хадедским Крест. союзом, но блок с ним считают возможным только в том случае, если он порвет с хадедской партией.

Кроме этих партий, еще есть партия националистов с бывш. президентом Сметоной во главе. Это партия более крупной литовской буржуазии и помещиков. Хотя она не менее реакционна, чем хадедская партия, но и она по отношению к правительству хадеков была в оппозиции. Она враждебна земельной реформе, рабочему законодательству, проявляет симпатии к монархии.

С.-Д. П.Л., благодаря своему легальному положению, полевенно рабочих масс, но медленно изживая демократических иллюзий, приобрела в последние годы значительное влияние среди рабочего класса Л. и отчасти среди крестьянской бедноты. К ней перешла большая часть рабочих от христианско-фашистской Федерации Труда, которая во время выборов 1926 г. лишилась более половины своих мест в сейме (с.-д. число своих мест почти удвоили). СДПЛ входит во 2-й Интернационал и в буржуазное правительство Л. Формируется в ней левое рабочее крыло.

Число голосов, полученных рабочими партиями во время выборов в литовский сейм:

	1920 г.	Конец 1922 г.	Май 1923 г.	1926 г.
СДПЛ	87.051	84.747	102.927	170.000
Федерация труда	68.007	101.135	120.000	50.000
Левые рабочие списки	—	52.000	34.365	17.000
Литовские лев. с.-р.	7.498	5.326	4.428	—

Левые рабочие списки, которые обыкновенно называют коммунистическими, поте-

ряли много голосов прежде всего вследствие все усиливающегося предвыборного террора и неизжитых еще демократических иллюзий рабочих масс.

Кроме того, имеются нацменьшинские партии: еврейской буржуазии, польских помещиков (она увлекает за собою и польских или ополяченных крестьян и рабочих), немецкой буржуазии Л. и мемеельцев, где все немецкие элементы, начиная от помещиков и крупной буржуазии, кончая с.-д., составляют единый немецкий блок, противопоставляемый литовскому блоку. Немецкий блок завоевал в 1926 г. все 5 мест в литовском сейме. Состав сейма Л.:

	1923 г.	1926 г.
Хадеки	14	14
Крестьянск. союз	14	11
Федер. труда	12	5
Народники	16	22
Социал-демократы	8	15
Крестьянск. партия	—	2
Националисты	7	3
Еврейск. бурж.	7	4
Польск. помещики	4	3
Немцы	2	1
Мемеельцы	—	5

Профсоюзы имеются в Л. двоякие: классовые и христианские—Федерация Труда. Последняя одновременно является и политической организацией, имеет своих представителей в сейме и пр. Она стоит на точке зрения сотрудничества классов. Ее влияние в массах, как мы видели выше, падает. Классовые профсоюзы со времени основания независимой Л. находились под влиянием компартии, поэтому они систематически преследовались правительством; правления союзов и отдельные их члены арестовывались, высылались из пределов Л. и пр. С другой стороны, с.-д. при поддержке правительства старались захватить профсоюзы в свои руки, но это им удалось (и то не во всех профсоюзах) только в 1923—24 гг. Только тогда получено было разрешение на создание профсоюзов (но далеко еще не всех) во вселитовском масштабе. Раньше профсоюзы обнимали лишь рабочих данного города или уезда и не были между собой объединены. Организацию профсоюзов начинали с.-д. от регистрации правлений, которые тем самым становились как бы особыми организациями; от их усмотрения зависело сейчас открытие новых отделов на местах. Такие с.-д. правления обыкновенно не признавали левых отделов, а коммунистов и более левых рабочих просто исключали из профсоюзов. Особенно отличалось правление профсоюза сел.-хоз. рабочих, назначенное ЦК-ом

СДПЛ. Оно немало помогло властям ликвидировать не один более левый отдел профсоюза с. х. рабочих. После падения правительства клерикалов летом 1926 г. несколько свободнее вздохнули и профсоюзы. Начали восстанавливаться закрытые профсоюзы, открывались новые. Созданы были даже профсоюзы наиболее отсталых рабочих, напр. домашних служащих. Число членов профсоюзов быстро растет. Но успешному развитию мешают вожди с. д. Левые рабочие, по инициативе коммунистов, стали подготавливаться к вселивскому съезду профсоюзов, чтобы выбрать общий руководящий орган профсоюзов. Тогда с. д. наскоро, без ведома профсоюзов, назначили при помощи властей (министр внутр. дел—с. д. Пожелло) центральное бюро профсоюзов и начали предъявлять требование всем союзам, чтобы они ему подчинились. В числе условий были: признание Амстердама и исключение из правлений коммунистов. С. д. бросили лозунг: „*или мы*“ (с. д.), „*или они*“ (комм.), и этот лозунг стали проводить в жизнь. Центральное бюро принимает в свои члены только те профсоюзы, которые безусловно подчиняются с. д. Из с. д. профсоюзов стали исключать коммунистов и даже более левых рабочих вообще. Так как в рядах СДПЛ оказались сторонники единого фронта и единства профсоюзов, то ЦК СДПЛ начал исключать их из своей партии. С. д. применяют и такие меры: захватывают правление какого-нибудь профсоюза и начинают чистку его отделов. Так, напр., с. д. удалось захватить (еще при клерикальном правительстве) правление профсоюза кожевников, но в ковенском отделе с. д. имели только 20%. С. д. созывают своих сторонников (тайно от других рабочих), объявляют это собрание общим собранием и выбирают новое правление отдела. То же творится и в других местах. С. д. ясно сказали: лучше иметь небольшой профсоюз, но чтобы он подчинялся с. д., чем большой с. левым правлением. Идя по этому пути, с. д. расклевывают профсоюзы, организуют параллельные союзы, исключают коммунистов и пр. Коммунисты ведут кампанию за единство профсоюзов. С этой целью большинство ковенских профсоюзов, не желающих превратиться в филиалы СДПЛ, образовало комитет Единства. Комитет Единства созвал совещание центральных бюро профсоюзов, в котором приняли участие все профсоюзы, кроме четырех. Это совещание избрало центральный комитет Единства, которому было поручено созвать вселивский съезд профсоюзов. Правительство закрыло комитет Единства, начало закрывать левые союзы и в провинции (в Поневеже уже закрыты все профсоюзы). С. д.,

с благоволения властей, готовятся к созыву своего „конгресса“ профсоюзов, куда не будут допущены левые профсоюзы. Несмотря на явную поддержку правительством с. д. профсоюзов, все же влияние левых классовых профсоюзов в действительно пролетарских массах сильнее, чем влияние с. д. профсоюзов. Последние стараются опереться на профсоюзы госслужащих, не стоящие на точке зрения классовой борьбы; в свои ряды принимают не пролетарский элемент (лавочников, кабатчиков, ремесленников, интеллигенцию).

Правительство народников и с. д. Оно было создано летом 1926 г. при более или менее активной поддержке наименьшинств и отчасти Крестьянской партии и националистов. Этот блок, представляющий различные классовые интересы, вряд ли может быть долговечен. Правительство народников и с. д., пришедшее к власти в борьбе хадецкой реакцией и коррупцией, вынуждено было на первых порах сделать некоторые уступки трудящимся массам: снять военное положение, дать почти полную амнистию полит. заключенным, расширить свободу печати, собраний, союзов, заключить гарантийный договор с СССР, но компартия до сих пор совершенно нелегальна. Под напором более крупной реакционной буржуазии мелкобуржуазное народническое-эсдекское правительство уже поворачивает направо. Всею тяжестью капиталистической стабилизации и это правительство перекладывает на плечи рабочих и трудовых крестьян. Отношение литовского правительства к СССР, несмотря на заключение с ним гарантийного договора, остается двойственным, так как оно боится немилости империалистических держав и роста революционного движения трудящихся масс.

Фашизм в Л. Литовская республика создавалась под знаменем самой широкой буржуазной демократии. Даже реакционная партия хадеков в первые годы независимости Л. прикрывалась маской демократизма. Но когда широкие трудящиеся массы Л. под влиянием тяжелого опыта начали отворачиваться от хадеков и последние во время выборов в октябре 1922 г. не могли получить, несмотря на выборные арифметические фокусы, большинства мест в сейме (в Учредит. Собрании они имели абсолютное большинство мест; во время выборов в сейм в 1922 г. собрали только 41,6% всех голосов), тогда они резко начали поворачивать от демократизма к фашизму. Хадеки проводят своего ставленника Стульгинскиса в президенты, хотя он не получил требуемого конституцией абсолютного большинства голосов сейма. Создают свое правительство, которое фактически начинает править без сейма. Пропаганда фа-

низма идет во всю. Наконец, президент распускает сейм и назначает в мае 1923 г. новые выборы. Они проходят под знаком литовского христианского фашизма. Благодаря разным махинациям, после выборов 1923 г. хадекам опять удалось полностью взять власть в свои руки. Это освободило их от открытого проведения фашизма в жизнь. Но в течение последнего 3-летнего своего господства они способствовали еще большему усилению недовольства в широких массах. Уже весной 1925 г. хадекам стало ясно, что они могут потерпеть поражение на выборах в сейм весной 1926 г. В виду этого они приступили к изданию разных законов, чтобы обеспечить себе выборы. Но это только усилило недовольство. Весной того же года клерикалы открыто заявили, что они власти легко не отдадут. Клерикалы стали готовиться к фашистскому перевороту, на случай неудачи во время предстоящих выборов. Наметили даже руководителей этим переворотом (фашиста Гловацкого). В случае удачи переворота объявляется военная диктатура (диктаторы: Гловацкий, католик, священник Крупавичюс и Биетрас). Накануне выборов фашисты стали открыто распространять свои листовки с угрозами кровавой расправы с оппозицией. Однако, и это не помогло. Большое поражение хадеков во время выборов, начало разложения в их рядах, боязнь, что скажет армия, где влияние клерикалов сравнительно слабо, общий рост недовольства клерикальным правительством и пр., — все это заставило фашистов отложить переворот. К тому же хадеки предпологали, что скоро разлетится коалиция с.д. и народников, и они опять станут во главе правительства. Фашисты отклонили план восстания, но не отказались от него. Они стали мобилизовать новые силы. В связи с продолжением экономического кризиса и неурожаем 1926 г. опять стало расти недовольство правительством, на этот раз коалиции с.д. и народников. Фашисты приступили к организации бывших добровольцев литовской армии. Уже почти во всех уездах были съезды бывших добровольцев из кулацких сынков, бывших офицеров и пр. Во главе стоят вышеупомянутый Гловацкий и Гира (бывш. начальник охранки). Из-за влияния на бывших добровольцев начинается борьба между хадеками, националистами, крестьянской партией (кулаков) и народниками. Фашисты одновременно хотят использовать тяжелое положение безработных, толкая их на демонстрации против правительства народников и с.д. Чтобы прикрыть свою деятельность, фашисты (и клерикалы вообще) усилили травлю против коммунистов, в чем им помогают и с.д. Эта агитация клерикалов уже имеет

некоторый успех: фашисты свободно организируются, издают свой орган; Фед. Труда открыто высказывается за фашизм. Одновременно усиливаются преследования коммунистов: аресты, закрытие левых профсоюзов (Поневеж), комитета Единства профсоюзов (Ковно). Компартия призывает рабочих и крестьян к единому фронту против фашизма. Исход борьбы будет зависеть, гл. обр., не от народников и с.д. и их правительства, которое является неспособным на решительную борьбу против фашизма и хадекской реакции, а от способности к решительной борьбе против фашизма пролетариата, беднейшего крестьянства и революционных солдат, под руководством компартии. *)

В. Мицкевич-Кансукас.

XL. Латвия. Революция 1905 г. в Л. кончилась частичной победой латвийской буржуазии, и с этого времени начинается эра национального возрождения и расцвета Л., ее материальной и духовной культуры под знаком национального демократизма. В эпоху обостренной классовой борьбы в крае, в разгаре революции (в 1904—5 г.г.), латвийская крестьянская и отчасти также городская буржуазия пла-

*) Статья была написана в октябре 1926 г. События вполне оправдали предвидения, настолько открыто подготовлялся фашистский переворот. В ночь на 17 декабря 1926 г. фашисты без всякого сопротивления арестовали правительство, заняли правительственные учреждения, разогнали сейм, арестовали командиров полков, верных народнико-с.д. правительству. Уже в день переворота правительство народников и с.д. капитулировало и подало в отставку; президент Гринюс поручил националисту Вольмарасу составить новый кабинет и „отказался“ от президентского поста. Новым президентом был „выбран“ фашистским меньшинством сейма националист Сметона. Новое правительство было составлено исключительно из фашистов. Но в виду того, что хадеки были крайне непопулярны в стране, главные министерские посты они отдали националистам (министр-председатель и по иностранным делам, по внутренним делам и военный), два даже крестьянской партии. Хадеки на первых порах предпочли править через своих диктаторов, стоя за спиной националистов. Большинство рабочих и трудовых крестьян, даже большинство солдат, отрицательно относились к фашистскому перевороту. Однако, они не имели достаточно сильной организации. Компартия была застигнута переворотом в такой обстановке (аресты и пр.), что не в состоянии оказалась организовать массовое противодействие. Уже закрыты в Литве все классовые профсоюзы и рабочие газеты. Арестованы сотни коммунистов и более передовых рабочих, введено военное положение и запрещены забастовки. Введены военно-полевые суды и начались расстрелы авангарда рабочего класса Литвы. Литовский фашизм, чувствуя свою слабость, надеется удержаться, лишь физически истребив передовой отряд рабочего класса и беднейшего крестьянства Литвы. Переворот, очевидно, поощрялся Англией, недовольной сближением Литвы с СССР, и совершился при содействии Польши. Он направлен против СССР и рабочего класса и беднейшего крестьянства Литвы и к сближению с фашистской Польшей.

В. М.-К.

рука об руку с латвийской с.-д., политическая борьба в крае протекала под фактическим руководством левого крыла с.-д. большевиков, самой сильной и активной революционной партии. Но как только выяснилось, что защиточному латвийскому крестьянству и городской буржуазии вырешены известные подати, у них прошел весь революционный пыл, и уже в эпоху карательных экспедиций и столянского режима вывели они поспешно отречься от своих политических увлечений и деятельно помогали душиить и истреблять революционеров. Отмежевание слева было проведено с резко очерченной типично-классовой определенностью. Окрепили и усилились национально-либеральные партии; крестьянство в большинстве своем было уже „по ту сторону баррикад“; батраки смирились, придавленные крутой расправой, не приученные к организованной борьбе, разрозненные, разращаемые системой патриархального уклада отношений между ними и фермерами. Притих и городской пролетариат, истощенный до последнего в продолжительной и крайне напряженной борьбе, обессиленный кровавыми расправами и добитый локантами. Поражение левого крыла революционеров было весьма чувствительным. Тысячи погибли в неравной вооруженной борьбе на виселицах, в тюрьмах и застенках рижского сыскного отделения, тысячи эмигрировали из страны, интеллигенция дезертировала из рядов партии. Эпоха мрачной реакции породила естественный упадок революционного пыла, вызвала то, что принято называть поправением. Именно с этого времени влияние большевизма здесь упало, и руководящая роль на время перешла к меньшевикам. На поприще т. н. духовной культуры националисты достигли значительных успехов. Латвийский язык в правах был уравнен с немецким (обучение в школах в течение первых двух лет на латышском языке, разрешение открывать частные латышские средние учебные заведения). Начинается усиленный рост латышской литературы и периодической печати, находившейся почти исключительно в руках латвийской буржуазии. Из нескольких десятков периодических изданий имеется всего одна с.-д. (меньшевистская) газета и 2—3 полуэмигрантских издания. Латвийская буржуазия удовлетворилась достигнутыми политическими завоеваниями (право посылать своих депутатов в Гос. Думу, право выборов в местные провинциальные советы). Задачей для нее стало—использовать новые возможности для укрепления своего экономического положения в борьбе с немецким господством.

Латвийская городская буржуазия направляет все свои усилия к захвату городского

самоуправления и вытеснению оттуда немцев. Предвыборные кампании протекали весьма оживленно, латыши одерживали одну победу за другой. Но и в среде латвийской буржуазии произошел раскол. Образовалось консервативное и либеральное крыло; одни были за компромисс с немецкой буржуазией, за союз всех защиточных слоев населения против социалистов, другие—за нераздельное господство латвийской буржуазии и разрыв со всеми старыми, не соответствующими духу времени, пережитками.

С 1908 г. наблюдается особенно сильный расцвет материальной культуры (в частности рост промышленности). В 1910 г. насчитывается 782 фабрики и завода с числом рабочих до 100 тысяч человек; общая продукция их достигает до 200 млн. рублей в год. Растет также торговля, растет транзит через латвийские порты. 8% населения заняты в работе по транзиту, торговле, транспорту. По количеству и стоимости ввоза и вывоза Рига занимает чуть ли не первое место среди русских портов. Строительная горячка, благодаря усиленному и успешному кредитованию со стороны вновь возникших латвийских банков и кредитных учреждений, принимает неслыханные до того размеры. Латышские буржуа строят себе в Риге настоящие дворцы, не уступающие лучшим „стильным“ постройкам больших заграничных городов. Наблюдается также усиленный рост городского населения. В 1913 г. в Риге до 520 тыс. населения. Немецкая городская буржуазия быстро отгесняется на второй план; победа латышей обеспечена благодаря их силочности, уюроту, грюндерской горячке, прекрасной организации и прочному материальному базису.

Еще успешнее идет развитие сельского хозяйства, еще большие успехи делает в своей экономической борьбе сельская буржуазия. С каждым годом улучшается система и методы сельского хозяйства. Вся страна буквально покрыта сетью сельскохозяйственных обществ, союзов, кооперативов, ссудо-сберегательных касс. Все они объединены в Рижском центральном сельско-хоз. обществе и Латвийском экономическом с.-хоз. обществе. Эти общества развивают крайне интенсивную деятельность. Устраивают курсы, выставки, случайные пункты, распространяют улучшенные породы великого скота, открывают специальные с.-хоз. учебные заведения, курсы, рассылают по всей стране кадры агрономов, лекторов и инструкторов. Основываются специальные издательства, издается масса литературы по вопросам сельского хозяйства, которая находит хороший сбыт при поголовной грамотности фермеров. В результате—улучшение, заметное с каждым годом, всех отрас-

лей сельского хозяйства, в особенности молочного, и успешная конкуренция с помещиками на местном рынке. Всякого рода обществ и союзов в крае насчитывается уже до 1.500.

Дело народного образования, находящееся всецело в руках латвийской буржуазии, тоже развивается успешно. Широко развивается популяризация знаний в массах. Повсюду возникают частные школы, часто устраиваются курсы—общеобразовательные, специальные, для народных учителей и учителей средних школ. Успешно в этом направлении работает профессиональное учительское о-во с некоторым с.-д. влиянием и разные специальные образовательные о-ва („Образование“, „Культура“ и др.). Эти общества развивают весьма интенсивную деятельность по устройству курсов, школ, экскурсий, изданию книг и журналов. Характер, содержание, направление этой культурно-просветительной работы чисто либеральные, мирно-культурнические, ибо руководство находится в руках национальных либералов и демократических культуртрегеров. Растет сила и влияние ежедневной прессы. В стране с 1.500 тыс. населения имеется 59 периодических изданий на латышском языке, несколько материально обеспеченных издательств. Наименьшее количество читателей в эти годы имеет с.-д. пресса. Таким образом, накануне войны Л. переживает эру национально-буржуазного возрождения, характеризующегося резкой дифференциацией классовых отношений, определенным движением всей массы населения вправо, перенесением центра тяжести общественной жизни и социальной борьбы на городские выборы, укреплении завоеванных крестьянством позиций и слабыми вспышками рабочего движения, разедаемого провокацией, индифферентизмом батраков и вильюстью еще не оправившегося от реакции городского пролетариата. В таком положении застаёт страну война.

Война причинила Л. невероятные бедствия и разрушения, ибо через Л. проходила линия северного фронта. Это повлекло за собою полное опустошение целых уездов, уничтожение городов, местечек, волостей. Промышленная, хозяйственная, торговая и общественная жизнь страны приостановилась. Еще в начале войны часть Курляндии (а затем и вся) была занята немцами. Приход немецких войск окончательно убил латышскую общественность, первенствующее место в стране опять заняли немецкие бароны. Воскресли снова планы онемечения края. Перенесение театра военных действий в самую страну вызвало массовое бегство населения в центральные и восточные губернии России. О размерах

этого движения дают известное представление след. цифровые данные: в 1897 г. число латышей по всей России считалось 1.430.000 чел., из них вне Л. до 115.000 чел. Эмиграция усилилась после 1905 г.; в 1906 г. эмигрировало 10 тыс. чел., главным образом политических. По другим данным еще в начале мировой войны вне Л. находилось до 300 тыс. человек. В 1916 г. из одной Курляндии эмигрировало больше 50% всего населения, при чем из отдельных мест прифронтовой полосы—целиком все население. Из одной Риги бежало до 300 тыс. человек, из Ливии—больше половины, из Тукума— $\frac{9}{10}$, из Рижского уезда—40 тыс. человек. Общее количество беженцев достигает до 850.000 чел., таким образом за пределами родины находилось до 1.000.000 чел. По окончании войны—мировой и гражданской—вернулось до 1921 г. 300 тыс. человек, позже в общем не более 400.000, остальные или ассимилировались, остались на чужбине, или частью погибли от бедствий войны, голода и болезней. Об уменьшении городского населения наглядное представление дают след. цифры:

	В 1914 г.	В 1920 г.
Рига	520.000	181.443
Двинск	165.700	28.938
Ливава	94.000	50.311
Виндава	25.000	8.000
Тукум	12.600	4.362
Гольдяиген	11.700	4.815

Разрушения, причиненные войной, нанесли стране глубокие раны. Через 274 волости (55% общего числа) проходили линии траншей. Полностью разрушены (уничтожены поля, сожжены и снесены все строения) 146 волостей, или $\frac{1}{4}$ Л. (более 20 тысяч хозяйств). В 26 тысячах хозяйств разрушены или всестроены, или важнейшие. Всего разрушено около 60 тысяч строений, или 37% общего числа. Частично разрушены или пострадали 104.576 строений. Поля опустели, заросли бурьяном и мелким кустарником. В митавском уезде после войны оказалось невозделанных 69.147 десятин земли, или 50% всего количества в данном уезде, рижском—45%, тукумском—42%, во всей Л.—475.000 десятин, или 29% всей обрабатываемой земли. Затем начался процесс восстановления, и в 1924 г. общая площадь обрабатываемой земли почти достигла своих довоенных размеров. Сократилось во время войны также количество домашнего скота (реквизиции, беженство, падеж), хотя далеко не в катастрофических размерах; напр.: количество лошадей уменьшилось на $\frac{1}{4}$, рогатого скота на $\frac{1}{5}$, свиней на $\frac{1}{10}$, овец на $\frac{6}{10}$. В общем уцелело не более 80% лошадей и рогатого скота. Промышленность была убита окончательно, крупнейшие заводы и фабрики закры-

лись либо эвакуировались в Россию. Фабрично-заводских рабочих до войны насчитывалось до 116.000 человек, а после войны всего не более 16 тысяч. В настоящее время возродилась исключительно мелкая кустарного типа промышленность (пищевые продукты и т. п.). Страна превратилась в сельскохозяйственную, крестьянскую; до войны земледелием занималось не более 48% населения, после войны—80%. На 31 дек. 1924 г. в Л. насчитывалось 2.598 промышленных предприятий с 48.134 рабочими.

Минеральными богатствами, пригодными для промышленной переработки, современная Л. не обладает. Заработная плата стоит в Л. на весьма низком уровне: норма сравнительной реальной зар. платы для Риги на 1 июля 1926 г. равнялась 50 (Лондон=100); номинальная недельная зар. плата в Риге колеблется от 14 до 27 латов (зол. франков) для неквалифицированных рабочих и от 25 до 40 для квалифицированных, поднимаясь выше этих цифр лишь для печатников и переплетчиков. Число безработных, зарегистрированных на биржах труда, доходило в зимние месяцы 1925 и 26 г.г. до 5.000, в летние месяцы опускалось ниже 1.000 (общее же число безработных было, повидимому, значительно больше).—Главную массу латвийского пролетариата составляют сельскохозяйственные рабочие, число которых достигает в 1924 г. почти 200.000 человек. Наиболее крупные профессиональные объединения латвийского рабочего класса насчитывают в 1924 г.: Латвийское Центральное бюро профсоюзов—15.000 чел., Рижское Центральное бюро—11.000 чел., Союз сельскохозяйственных рабочих—16.000 чел. Число членов социал-демократической партии в последние годы резко падает; в 1924 г. оно опускается до 1.500 чел.

Резкие перемещения и изменения произошли также в национальном составе населения. В 1913 г. в Риге граждан русской национальности считалось до 100 тысяч человек, а после войны всего 34 тысячи, считая в том числе и русских белых эмигрантов. Но общее число русского населения страны не уменьшилось: в Л. по данным 1920 г. великоруссов считается 124 тысячи человек, белорусов—75.630 человек. Это объясняется тем, что в присоединенных к Л. по договорам с Россией, Литвой и Польшей областях имеется значительный % коренного русского населения. Немцы в 1913 г. составляли 13% населения, в 1917 г.—14%, а в 1920 году всего 3%, или 58.113 ч. Евреев—73.644 ч., поляков—54.567 ч. По вероисповедному составу: лютеран—914.409 ч., католиков—375.227 ч. (латышское население Латгалии почти сплошь католическое), православных—

138.803 ч., кроме того имеется известное количество старообрядцев. Процентное распределение населения по переписи 1925 г. таково: латышей—75,93%; русских—10,28%; свреев—4,5%; немцев—3,4%; поляков—2,5%; других национальностей—3,39%. Общее количество населения—1.844.805 чел. Территория—63.298 кв. км.

Наступившая мировая война пользовалась известной популярностью среди латышской буржуазии. Поражение Германии означало для нее также поражение немецкого начала в Прибалтике. Оттого в этих кругах и началось патристическое движение, принявшее наиболее яркую форму в организации т. п. латышских стрелковых батальонов. Инициаторами этого дела были члены Гос. Думы от латышской крупной буржуазии—Гольдман и Залит. Их призыв встретил отклик среди латышской крестьянской массы. Очутившись перед неизбежностью призыва в одну из ближайших мобилизаций, латыши избрали из всех эл меньшее—сражаться вблизи своих жилищ и родных. Кроме сыновей фермеров и баграков, в стрелковые части вышли также оставшиеся без работы рабочие. Латышские батальоны (впоследствии преобразованные в 9 полков) представляли собою серьезную боевую единицу, приобрели почти мировую известность своими боевыми качествами. Особенно тяжелая задача выпала на их долю в кровавых боях под Ригой в 1915—16 г.г. в декабре—январе под известной Пулеметной горой, где их polegли тысячи.

События на северном фронте развертывались неблагоприятно для русской армии. Немецкие войска все продвигались вперед, и, наконец, линия фронта уперлась почти в самую Двину, и здесь наступление немцев было задержано, главным образом, латышскими частями. Германское правительство еще в самом начале войны задало целью присоединить край к Германскому союзу в качестве отдельного герцогства. Окупиционные власти настойчиво проводили эту политику, опираясь на местных немецких баронов. Но этого было слишком недостаточно, необходимо было найти опору и в местном коренном населении, пообещав ему некоторые реформы и льготы. Нашлась лишь небольшая часть латышских консерваторов, возглавляемая пастором Недры, откликнувшихся на призыв немцев. Среди широких масс их агитация успеха не имела.

Революционное движение в то время совершенно замерло, немцы сурово расправлялись со всякими попытками протеста против произвола обнаглевших помещиков и местных оккупационных властей. Центр латышской национальной общественной жизни перенесся в Россию, главным обра-

зом в Петроград. Здесь, по инициативе тех же Гольдмана и Залита, создалась мощная организация помощи латышским беженцам в России, субсидируемая царским правительством. То был Центральный комитет помощи беженцам и подчиненные ему 270 местных комитетов. Эта организация сыграла крупную общественную роль, являясь собирательным центром и организационным ядром новой латышской общности, здесь зародилась, росла и развивалась идея новой латышской государственности.

Разразилась Февральская революция. В самой Л. вначале она мало отразилась. Половина страны находилась под властью немцев, остальная часть слилась с фронтом. Единственный живой отклик она нашла в латвийских стрелковых частях. Благодаря преобладающему пролетарскому составу, благодаря пережитым ужасам войны и той естественной реакции, которая наступила у измученных, истрадавших солдат, понявших всю бессмысленность кровавой бойни—эти полки быстро революционизировались и из оплота империализма и буржуазно-демократического национализма превращаются в надежнейший оплот пролетарской революции. Но в начале революции и здесь еще проявляется политическая расплывчатость и принимаются лозунги в роде „автономная Л. в составе демократической Российской республики“.

Зашевелились латышские буржуазные круги в Петрограде. Их задачей стало овладеть движением в самом начале и стать во главе его. Политический идеал самостоятельного национального суверенного государства явился не сразу. Вначале мыслилось лишь местное автономное самоуправление в составе Российского государства. Затем явился идеал полной автономии, самостоятельного государства, но с сохранением федеративной связи с Россией. Потом уже группой московских латышей был выдвинут идеал самостоятельного суверенного государства.

Латышские стрелковые части подпали под влияние левой с.-д. (большевиков). Национально-демократические иллюзии быстро были изжиты. Уже в мае 1917 г. латышские стрелки принимают большевистскую резолюцию о войне и мире и власти советов. К этому же времени образовались советы безземельных крестьян, тоже склонившиеся на сторону большевиков. Эти организации высказались определенно за „всю власть советам“, за немедленное прекращение войны.

В марте 1917 г. был создан т.-н. Земский совет южной Лифляндии (из делегатов незанятых волостей и совета депутатов безземельных); в мае того же года

образовался временный Земский совет Курляндии, а затем и третий—Латгалии. Первоначально роль занял Лифляндский совет, игравший вначале роль местного организационного центра и временного правительства.

В октябре 1917 г. в Петрограде состоялся съезд представителей латышских политических партий и общественных организаций (за исключением большевиков), который постановил образовать Временное правительство Л. в виде Национального совета из представителей: 1) всех 3 вышеупомянутых советов, 2) воинских частей, 3) беженских организаций, 4) политических партий и 5) кооперативов. Первая сессия Национального совета была созвана в Валке в ноябре 1917 г. Присутствовали представители всех перечисленных выше организаций, за исключением представителей крайних левых и правых партий. На этом совещании был признан принцип суверенности Л. Л. (включая Курляндию, Лифляндию и Латгалию) была провозглашена автономным независимым государством, международное и внутреннее положение которого должно быть определено Учредительным собранием, к созыву которого готовиться немедленно. Председателем Национального совета был избран адвокат Замуэль, латышский националист; были образованы различные отделы, соответствующие министерствам. Особенно энергичную деятельность стал проявлять иностранный отдел, находившийся в Петрограде под руководством Гольдмана, Берга и Мейеровица. Он начал переговоры с находившимися еще в Петрограде представителями иностранных государств о признании провозглашенного ими в Л. строя и о поддержке их в борьбе с большевистским правительством. Но к этому времени инициатива, а вскоре и власть в Л. перешла в руки большевистской партии.

Латышские революционные с.-д., находившиеся в России, приняли ближайшее участие в Октябрьской революции и в строительстве новой советской России. Затем латышская партия с.-д. (б-ков) перенесла свою деятельность в Л.

В декабре 1918 г. состоялся II съезд депутатов безземельных, рабочих и советов стрелков. Этот съезд выработал программу социалистического строительства незанятой части Л., но осуществить ничего не удалось, так как вслед за занятием Риги вся почти Л. была наводнена немецкими отрядами. Лишь после германской революции, в декабре 1918 г., немцы стали стягиваться в Курляндию, и тогда же был от имени съезда советским правительством Л. издан манифест, провозгласивший в Л. советский строй, изложение Временного правитель-

ства (Национального совета), отмену частной собственности на землю, конфискацию казенных, помещичьих и церковных земель с постройками и инвентарем. Одновременно началось постепенное занятие оставшейся части Л. советскими войсками.

До германской революции и отступления немцев из Л. события развивались крайне медленно, тем более, что размеры тогдашней уцелевшей от оккупации Л. были крайне ничтожны, а в оккупированных областях немцы энергично подавляли не только всякую революционную, но и национальную борьбу. Когда же зимою 1918 г. началось отступление немцев из Риги, события начали быстро разворачиваться. Советские большевистские войска шли по следам отступающих немцев, занимая одну за другой все области Л. Немецкие войска докатились до Либавы и здесь остановились: железная дивизия "под командой фон Гольца, остатки ландвера и местные немецкие отряды самообороны. Латвийское Временное правительство тоже собралось в Либаве, но оно располагало всего одной ротой солдат и не могло вести борьбу с советскими войсками. Период советской власти в Л. длился всего около 5 месяцев. За это время приступить к мирной созидательной работе не пришлось: шла непрерывная борьба с попытками Временного правительства вернуть себе утраченную власть, и борьба эта с каждым днем все обострялась. Все же советское правительство провело ряд основных реформ. Была выработана и утверждена конституция страны—сколок с нашей, переработанной согласно местным условиям, были проведены основные декреты по национальному вопросу, о национализации земли, в том числе и крестьянской усадьбовладельческой, о крестьянах-арендаторах (б. владельцах). Из страны были высланы все помещики-дворяне, что вызвало вмешательство германских войск. Был введен единый план производства и распределения, образованы производственные сельскохозяйственные союзы батраков, имения превращены в совхозы. Затем, в связи со все продолжающейся войной, была введена хлебная монополия и все мероприятия, свойственные периоду переживаемого страной военного коммунизма.

Следует признать, что шансы советского правительства с самого начала нельзя было считать особо надежными. Благодаря эвакуации фабрик и заводов и всем невзгодам военного времени промышленный пролетариат в Л. в виду своей малочисленности почти перестал играть политическую роль. Батраки представляли собой тогда настоящий люмпенпролетариат. Усадьбовладельцы не имели никаких оснований

быть довольными советским режимом, лишившим их права собственности на землю и усадьбы, и потому их симпатии были всецело на стороне Временного латвийского правительства. Внутренние смуты и заговоры не прекращались, тем более, что державы Антанты оказывали этому самую активную поддержку. Деятельность Временного правительства облегчилась благодаря тому, что оно имело в самой Л. базу—Либаву и окрестности, где оно под защитой немецких войск и английского флота развило свою деятельность. К тому еще страшно ухудшилось продовольственное состояние страны; положение советского правительства с каждым днем становилось все труднее. И, наконец, враги советского строя перешли в открытое наступление.

События на западном фронте разрушили все аннексионистские замыслы немцев, но тем не менее "железная дивизия" долго не покидала Л. Фактически немецкие войска играли здесь роль жандармерии Антанты, но все же фон Гольц и немецкие бароны проводили и свою политику, стремясь укрепить в Л. такой строй, который обеспечил бы положение и политическую роль немецких баронов и тесную связь страны с Германией. В Либаве при прямой поддержке фон Гольца образовалось третье латышское (германофильское) правительство во главе с латышским писателем—пастором Недра. Ему удалось арестовать Временное правительство, впрочем освобожденное по требованию Антанты. Временное правительство нашло себе убежище у представителя Англии. В течение нескольких дней попытка Недра была ликвидирована, и Временное правительство восстановлено в своих правах.

Собственные силы Временного правительства для наступления на советскую Л. были крайне ничтожны. В виду этого оно заключило союз с эстонским правительством и повело наступление совместно с эстонскими, немецкими и английскими войсками и флотом. Со стороны Либавы (Курляндии) наступали собственные немногочисленные войска Вр. правительства, немецкий ландвер и немецкая "железная дивизия" фон Гольца. С моря им оказывал поддержку английский флот. С севера наступали эстонцы. В этой борьбе силы были слишком неравны. Советские войска потерпели поражение и вынуждены были отступить. В мае 1919 г. союзники взяли Ригу. В руках советских войск оставалась еще лишь Латгалия, вся остальная территория Л. оказалась под властью Вр. правительства.

Но эти военные действия не кончились. Между самими союзниками начались раз-

доры: с эстонцами—спор из-за границы; немецкие войска отказались покинуть Лифляндию и олять поддержали претензии группы Недра. Наконец, в июне, в сражении у города Вейдена немецкие войска были разбиты и отступили. С эстонцами было достигнуто соглашение, и между враждующими сторонами заключено перемирие при посредничестве Англии. Но немецкие войска остались в Курляндии вопреки условиям перемирия и стали здесь формировать новые силы для наступления на Ригу для защиты интересов немецких баронов. Это была последняя отчаянная попытка балтийских баронов вернуть утраченные имена и положение, а к этому присоединилась также попытка русских белогвардейцев через Л. прийти на помощь войскам Юденича для совместного наступления на Петроград. Из латышей в этой попытке приняли участие лишь авантюристы, сторонники Недра, претендовавшие на захват власти. Из концентрационных лагерей в Германии сюда были переброшены пленные русские солдаты и также эмигрировавшие из России белые юнкера и офицеры. Эта сборная армия в числе нескольких десятков тысяч человек, находившаяся под начальством Бермонта-Авилова, и повела наступление против Риги. Ей удалось занять всю Курляндию и достигнуть Двины, не встречая серьезного сопротивления. Но здесь войска Вр. правительства и народное ополчение задержали дальнейшее наступление. Борьба длилась целый месяц и носила весьма ожесточенный характер. Рига подверглась бомбардировке. Много домов, особенно в предместьях, населенных беднотой, было разрушено. Английский флот стоял в устье Двины, выжидая хода событий. Тем временем велись переговоры с обоими сторонами, обсуждалось будущее Л., ее роль и назначение, как форпоста Антанты, буферной республики против большевистской России. Вопрос этот был тогда не столь простым, как это теперь кажется. Конечно, у латвийского Вр. правительства выбора не было, только такую ценой оно могло купить свою самостоятельность и независимость. Но союзникам, кроме того, пришлось считаться со взглядами и намерениями своих русских „друзей“—генералов Колчака, Деникина и Врангеля, не особенно склонявшихся к признанию даже автономии Л. В конце-концов по ходу военных действий на берегах Двины союзникам пришлось решиться, и орудия английских крейнеров открыли огонь по войскам Бермонта. Это решило судьбу войны; латышские войска перешли в наступление, разбитые бермونتские войска отступили, и на этот раз немцы были окончательно вытеснены из

Л. Но необходимо было оградить себя со стороны самого опасного и могущественного соседа—России, и покончить с остатками советской „разазы“ в Л. (в Латгалии). Для этого Л. заключила военный союз с Польшей, направленный открыто против советской России. Затем возобновились военные действия в Латгалии; соединенные латвийско-польские войска повели энергичное наступление против сравнительно немногочисленных русских частей. Одновременно латвийское правительство начало с правительством РСФСР переговоры о мире. Момент им был выбран для этого весьма удачно. Напрягая все силы для борьбы с белогвардейскими войсками на юге и востоке, российское правительство уделяло тогда польско-латвийскому фронту сравнительно мало внимания. В отношении Л. у советского правительства, разумеется, не было и не могло быть никаких аннексионистских и вообще агрессивных планов и намерений. Желая положить конец войне, советское правительство охотно пошло навстречу предложениям латвийского правительства. Переговоры закончились подписанием мирного договора между Л. и Россией (11 августа 1920 г.), согласно которого Россия признала суверенитет Л.

После года борьбы латышское Вр. правительство, добившись признания (следует заметить, что первою державой признавшей Л., была Россия; остальные большие державы признали ее лишь в 1921 г.) со стороны почти всех европейских держав, приступило к внутреннему строительству государства. Первым шагом был созыв Учредительного собрания 1 мая 1920 г.

Главою Вр. правительства Л. был Ульманис, представитель крупной крестьянской буржуазии. Председателем Учредительного собрания избрали адвоката и общественного деятеля Чаксте, одного из столпов латвийского национал-либерализма. Работы Учредительного собрания длились два года. Были выработаны и приняты основные законы страны, конституция, закрепившая и оформившая установившийся строй. Л. провозглашена демократической республикой, суверенным государством. Кроме того, через Учредительное собрание был проведен ряд неотложных реформ, в первую очередь аграрная, в которой было заинтересовано все население этой отныне на $\frac{2}{10}$ земледельческой страны. 7 ноября 1922 г. уже открылись работы первого парламента—сейма, созданного на основании новой конституции. Из 100 депутатов первого сейма было 37 социал-демократов и 17 представителей Крестьянского союза. Остальные места были поделены между множеством мелких политических, нацио-

нальных и религиозных групп (подробности см. в прил. к XL т.). Выборы 1925 г. дали те же 37 мест социал-демократам, 27 мест—правому Фермерскому блоку (Крестьянский союз, христ. национ., домовладельцы), 23 места—демократическому центру и латгальским католикам и 13 мест—нац. меньшинствам. Президентом республики в конце 1925 г. переизбран Чаксте. Первый кабинет при новой палате составляется Ульманисом. В дек. 1926 г. в Л. имеет место правительственный кризис.

Из важнейших реформ, проведенных за первые два-три года мирного существования Латвийской республики, укажу на следующие: 1) закон о сельском (волостном) самоуправлении: во главе—волостное собрание, участвуют граждански совершеннолетние лица обоего пола; волостное собрание избирает волостной совет, последний—волостной исполнительный комитет и ревизионный комитет. Эти названия (совет, исполком) отнюдь не должны вводить в заблуждение русского читателя, будто в Л. нечто в роде «советского строя». Тут лишь случайное совпадение терминологии, не более. Названия эти—«советы», «исполнительные комитеты» популярны в Л. с 1905 г., когда они были введены революционным путем, явочным порядком во всех сельских местностях Л. На самом деле в нынешних латвийских сельских «советах» и «исполкомах» преобладающая и решающая роль принадлежит латышской сельской буржуазии—дворохозам. 2) Закон о городском самоуправлении вводит городскую думу, избираемую на основании четыреххвостки на 2 года. 3) Крупные реформы в области народного образования. Учреждаются школы следующих типов: первоначальные, основные, дополнительные и высшие, при чем по программам занятий предусматривается переход (ступени) из низших в высшие. Школы делятся на правительственные и частные; при школах того и другого типа имеются школьные советы, в которых принимают участие родители учащихся. Образование общеобязательное, принудительное; от 6 до 16 лет дети обязаны пройти все ступени до курса дополнительной школы включительно. Курс средней и высшей школ не обязателен. Национальные меньшинства имеют право открывать школы с преподаванием на родном языке учащихся, но для школ всех типов обязательно преподавание латышского языка, истории и географии Л. 4) Уничтожение всех сословных различий,—фактически сведшееся к уничтожению лишь всех дворянских корпораций, союзов и привилегий. 5) Сейм избирается на три года, состав его—100 человек, выборы происходят на основании четырехчленной формулы. Президент республики

также избирается сроком на три года. Остальные реформы (в том числе устройство армии с пост. войском и ландвером) мало чем отличаются от законов и положений, встречаемых нами в государствах, сходных с Л. по социальному составу населения, экономическому и политическому положению страны (Швейцария, Норвегия и т. п.).

Задача, ставшая перед правительством страны по окончании всех войн, по укреплению международного положения республики и обеспечения ей внешнего мира была крайне трудной.

Нужны были колоссальные средства, чтобы на первое время хоть кое-как залечить раны, нанесенные войнами и революцией; кроме того, здесь была и колоссальная политическая задача, от правильного разрешения которой зависело будущее страны и в первую очередь судьба ее правительства. Необходимо было завоевать крестьянство, ⁹/₁₀ населения края, заручившись его поддержкой и сочувствием. К этому и была направлена аграрная реформа правительства.

В Лифляндии числилось так наз. полезных земель до 5 млн. пурных мест (3 пурных места = 1 десятина), из них помещичьих—2.700.000 п. м., крестьянских—2.200.000 п. м., остальные приходились на долю церковных, казенных, городских. В Курляндии у помещиков было 2.900.000 п. м., у крестьян—2.600.000, и 1.600.000 п. м. церковных, казенных, городских. В латышской части Лифляндии считалось 413 частных имений, в Курляндии—569. Т. обр., почти $\frac{1}{2}$ страны, $\frac{1}{2}$ всех пахотных земель, пастбищ и лугов принадлежала несколькимстам дворянских родов, а крестьян-усадьбовладельцев, собственников и арендаторов насчитывалось около ста тысяч человек. Размеры дворянских землевладений в среднем составляли: в Курляндии—5 тыс. пурных мест, или 1.700 десятин, в Лифляндии 6.500 п. м. Отдельные латифундии по размерам своим представляли целые герцогства, напр. имение Донданген—180.000 п. м., Поленгоф—130.000 п. м., Грос-Экау—45.000 п. м. Площадь 9 крупнейших имений Курляндии занимала площадь, равную $\frac{1}{10}$ всей Курляндии. К этому крайне неравномерному распределению земель необходимо еще указать на сохранившиеся в стране пережитки феодального строя, особенно возмущавшие крестьянские массы. Так, напр., $\frac{2}{3}$ всех государственных и общественных податей и повинностей падали на крестьян и лишь одна треть на помещиков. Размеры дорожных и почтовых повинностей для крестьян выражались в год в сумме 451.860 руб., для помещиков—41.132 руб. Кроме того, помещики попреж-

нему сохранили многие привилегии (право охоты, винокурения, содержания корчем и др.), носившие чисто сословный характер. Но эти крупные дворянские латифундии отнюдь не являлись лучшими, образцовыми сельскими хозяйствами. Сравнительная продукция крестьянских и помещичьих сельских хозяйств, особенно за время с 1905 до 1913 г., мы видим, что продукция крестьянских хозяйств (особенно молочные продукты, овощи и зерно) не только успешно конкурирует с помещичьими, но и вытесняет их с рынка. Средний размер крестьянской усадьбы был (до войны) около 130 п. м. (43 $\frac{1}{3}$ дес.), рогатого скота от 8 до 20 штук, лошадей от 2 до 8, свиней не менее 6, овец—10—30 в среднем. Все новейшие достижения и улучшения в области сельскохозяйственной культуры были использованы крестьянами шире и полнее, чем помещиками. Тут главную роль сыграли крестьянские с.-хоз. о-ва, союзы и кооперативы. До 1912 г. еще в Латвии было 1.087 одних кооперативов с 161.650 членами и с бюджетом в 209 млн. герм. золотых марок довоенного курса (в настоящее время таких обществ и союзов свыше 3.000). Чтобы привлечь крестьян на свою сторону, заручиться их поддержкой и симпатиями, латвийское правительство было вынуждено наделить их (в том числе безземельных) земель, предоставить им возможность обзавестись хозяйством, сесть на землю. Кроме того, необходимо было оказать помощь разоренным войной хозяйствам. Для этого прежде всего необходимо было создать достаточный государственный земельный фонд и запастись необходимыми средствами.

Земельный фонд был создан путем конфискации частновладельческих дворянских, казенных, городских, банковских и церковных земель, имений, лесов и угодий. Не подверглись отчуждению лишь крестьянские участки, уже выкупленные у помещиков или казны. Это было проведено в жизнь специальным законом, предусматривающим все детали намеченной реформы. По окончании всех предварительных работ и учета государственной земельной фонд Л. был установлен в размере 3.710.414 гектаров земли, из них пахотной земли—1.654.904, 23 гектара, лесов—1.496.729 гектаров, неудобной земли (болота, песок)—558.729 гектаров, включая крестьянские хозяйства. Был образован особый Центральный комитет землеустройства. На него возложено создание новых, расширение и улучшение существующих мелких крестьянских хозяйств, содействие улучшению сельского хозяйства, поднятие его культурного уровня, введение новейших способов обработки и удобрения, развитие специаль-

ных отраслей сельского хозяйства—молочного, скотоводства, садоводства и т. д.

Бывшим помещикам были оставлены участки земли в объеме участка среднего крестьянского хозяйства (50—100) гектаров, по указанию министерства земледелия. 81% фонда образовался из бывших помещичьих земель. Количество казенных земель и так наз. „национальных парков“ увеличилось втрое по сравнению с довоенным временем—до 2 млн. гектаров.

Каждому хозяйству было решено отводить до 27 гектаров земли, но на самом деле вновь образованные хозяйства обрабатывают не более 15—16 гектаров, или 45—50 пурных мест. Среди отводимой земли полагалось до 5 гектаров негодной. Для хозяйств специального типа (показательных садоводств, огородничеств) отводились меньшие участки—размером не более 10 гектаров.

Право на землю, в установленной законом очереди (см. XLVI, 565/68), получал каждый гражданин республики в возрасте от 18 до 65 лет, в том числе и лица, уже владеющие участком не более 22 гектаров. Получившие землю обязываются обрабатывать ее. Условия льготного выкупа, аренды и т. д. устанавливаются особым законом.

В 1919—20 г.г. зарегистрировалось 43 тыс. желающих получить землю, большинство из них из оккупированных еще областей Латвии и Курляндии. Большая часть из них была обеспечена мертвым и живым инвентарем, сельскохозяйственными орудиями и кое-какими денежными средствами. В 1921 г. желающих по всей Л. значилось свыше 100 тыс., при чем большинство из них были уже типичные безземельные—батраки были, не имевшие ни денег, ни инвентаря. До наст. времени (1925 г.) отведено по всей Л. 955.908 гектаров земли, из них новым хозяйствам—678.781 гект. (или 71%), уже существовавшим хозяйствам—152.496 г., для нужд казны—40.100 гект., бывшим владельцам имений и т. п.—39.406 гект., для обществ и культурных нужд—17.248 гект., для мелких хозяйств, дополнит. наделов—15.293 гект. и т. д. До 1 янв. 1925 г. в Л. образовано новых хозяйств 42.689 (до аграрной реформы всех крестьянских хозяйств в Л. насчитывалось до 70.000).

Отличительная черта аграрного процесса, наблюдаемого после войны и революции в Л. (и не в одной только Л.), это—крупное сокращение помещичьего землевладения, значительное сокращение площади крупных крестьянских хозяйств и образование новых средних и мелких крестьянских хозяйств, которые сейчас являются преобладающими в стране. Новые хозяйства строятся с таким расчетом, чтобы их можно

было обрабатывать силами собственной семьи, не прибегая к наемному труду. Аналогичное явление наблюдается также в Эстонии, Литве, Чехо-Словакии и других вновь образованных или преобразованных государствах с преобладающим крестьянско-земледельческим населением.

* * *

XIX век был эпохой империалистической централизации, завоеваний и присоединений небольших стран и народностей к большим империалистическим. Сейчас на поверхностный взгляд может показаться, что мы наблюдаем обратный процесс: эмансипацию небольших, даже т. н. неисторических народов и образование из них целого ряда небольших государств, признанных державами-победительницами. Но на самом деле мы имеем здесь лишь известную перестановку декораций и перемену ролей. Эта эмансипация означает лишь освобождение этих зависимых народностей от ига потерпевших поражение в минувшую войну больших держав и утверждение над ними протектората держав-победительниц, содействовавших их освобождению и создавших ряд лимитрофов в своих чисто империалистических целях. Уже с первых дней своего возникновения эти маленькие государства находились в прямой экономической и политической зависимости от своих высоких покровительниц, держав Антанты, пользуясь все время их поддержкою — финансовой и военной. Государственное строительство, весь процесс созидания новых государств находился все время под контролем и прямым руководством держав Антанты, в частности Англии и Франции. Разумеется, что о свободной „воле изъятий“ самого народа не могло быть и речи. Когда несомненное большинство латышского народа пыталось осуществить у себя советский строй, державы Антанты не только не помогли ему свободно творить свою волю, но объявили ему открытую войну и помогли латышской буржуазии вооруженной рукой подавить это движение и расправиться с его приверженцами. Если бы все крупные помещики в стране не принадлежали к немецкой национальности и не сохранили тесных экономических и политических связей с Германией, если бы Антапта не опасалась образования в Балтийском крае форпоста будущей Германии, то вряд ли латвийскому правительству удалось конфисковать все помещичьи земли и замки. Историческое совпадение благоприятных обстоятельств помогло латвийскому правительству удачно выйти из положения: и весьма либеральную земельную реформу провести, и симпатии крупнейших капиталистических держав сохранить. В остальных областях самые

крушные реформы были согласованы с желанием держав-покровительниц, в частности военной, как и вся военная политика, направленная, главным образом, против советской России.

Такою ценою купила Л. свою самостоятельность и обеспечила устойчивость существующего в стране политического строя. Это же определяет ее будущность, ее дальнейшее существование и развитие. Такова общая судьба всех этих маленьких номинально суверенных государств. Они существуют так и до тех пор, как и покуда они нужны великим державам в интересах международной политики. Объективно же, конечно, имеются валидо все данные, чтобы Л. существовала самостоятельно, как независимое государство, по типу десятков других ей подобных. Народ, насчитывающий до 2 миллионов человек, имеющий свои исторические и этнографические границы, естественно имеет право на историческое существование и развитие.

По пространству, естественному, Л. вдвое больше Бельгии, почти вдвое — Голландии и раза в полтора больше Швейцарии, Сербии. Экономические условия многих маленьких государств ничуть не лучше, чем в Л. (остав населения, плодородие почвы, преобладающие занятия, народное богатство и т. д.). Л. производит все необходимое для прокормления страны, в привозном хлебе не нуждается. В качестве наиболее доходного предмета вывоза располагает прекрасным строевым и мачтовым лесом (площадь, занятая лесом, до 2 млн. десят.).

Торговля Л., а также транзитная война нанесла почти смертельный удар. По транзиту до войны латвийские порты занимали первое место. В 1913 г. импорт через латвийские порты достигал 236 млн. руб., экспорт — 348 млн. Торговый флот Л., включая суда прибрежного плавания, составлял 384 единицы, после войны — всего 82. Вопрос о транзите все время живо интересуется латвийские правительственные круги, так как он имеет для страны весьма важное значение. И единственным солидным клиентом тут может быть исключительно СССР; старая Россия направляла свои товары через латвийские порты, что составляло до $\frac{9}{10}$ транзита. Некоторые латвийские экономисты, как, напр., проф. Баллод (Атлантикус), высказывают пожелание, чтобы в целях восстановления транзита латвийские порты Рига, Либавя, Виндава были объявлены волевыми гаванями (портофранко).

Общий культурный уровень страны тоже ни в чем не уступает культурному уровню многих небольших государств, имеющих уже весьма продолжительную давность самостоятельного существования (напр., Сербии, Дании, Болгарии и др.). Что же

касается специальных отраслей науки, не получивших в Л. самостоятельного развития, то Л. по примеру, напр., скандинавских стран может для этой цели удовлетвориться иностранными университетами и литературой. Как одно из характерных явлений современной Л. следует отметить сильное перепроизводство интеллигенции, не находящей дома приложения для своих сил и знаний, не могущей быть использованной у себя дома по своей специальности. Об этом явлении пишет вся латвийская пресса.

Со стороны наиболее дальновидной латвийской интеллигенции за последнее время все чаще раздаются голоса о необходимости более тесного сближения и сотрудничества между Л. и СССР, не питающим по отношению к этой маленькой стране никаких захватнических и империалистических намерений. В конце-концов вопрос об этом сближении может стать

вопросом дальнейшего успешного развития и процветания Л., сохранения ее подлинного экономического и политического суверенитета. И это взаимное понимание и сотрудничество вполне возможно и достижимо, но для этого необходимо, чтобы латышские общественные круги отрешились от своего предвзятого взгляда на Советский Союз и подвергли серьезному пересмотру ту историческую международную позицию, которую Л. занимает в настоящее время.

К. Ландер.

XLГ. Польша в эпоху войны, см. *Речь Посполитая*.

XLII. Финляндия, см. XLIII, 709/724.

XLIII. Чехословакия в эпоху войны, см. *Чехословакия*.

XLIV. Эстония в эпоху войны, см. *Эстония*.

XLV. Юго-Славия в эпоху войны, см. *Юго-Славия*.

Био-библиографический указатель современных иностр. политич. деятелей.

Абдул-Гамид, турецк. султан (см. I, 16—17). Ум. в 1918 г.

Абдул-Меджид, бывш. турецк. калиф, р. 1893 г., сын султана Абдул-Азиса, после уничтожения султаната в ноябре 1922 г. был избран Национальным Собранием в калифа, в 1924 г. после уряднения калифа эмигрировал в Швейцарию.

Абдулла абу Гуссейн, с 1921 г. эмир Керака (Трансильдани), второй сын б. короля Геджаса, Гуссейна, брат теперешнего короля Геджаса, Али, и короля Ирака, Файсала. Противился введению самоуправления для евреев, обусловленного постановлением Лиги Наций.

Абдель-Керим, вождь марроканских повстанцев, ведущих борьбу с Испанией и Францией за создание независимой „Рифской республики“. А. нанес поражение испанской экспедиционной армии в 1921 и 1924 гг.

Аверсому, Александр, румынск. генерал и полит. деятель, р. 1883 г., в 1907—09 гг. был воен. министром, в мировую войну командовал III армией. В 1918 г. после разгрома Румынии и отставки Братяну был премьером, но в скором времени после того, как ему не удалось заключить мира с Германией и Австрией, уступил место Мартиломану. В 1920 г. стал второй раз во главе правительства, включив в состав своего каб. Т. Йонеску, который в начале 1921 г. занял его место. Во время войны А. организовал реакционную националистическую „народную партию“. Осенью 1920 г. он подавал военную силой всеобщую забастовку. Проводил политику насильственной румынизации в присоединенной Трансильвании и особенно в оккупированной Бессарабии. При выборах 1922 г. „народная партия“ потеряла полный разгром, и А. сошел с политической арены.

Адамсон, Уильям, англйск. полит. деятель, р. 1883 г., был руководком в деятельном участии профсоюзного движения, в конце 1910 г. вступил в парламент и с 1917 г. некоторое время был официальным лидером рабочей партии; в 1924 г. в рабочем правительстве Макдональда занимал должность министра по делам Шотландии.

Аддисон, Крайстофер, англ. врач и полит. деятель, р. 1883 г., был профессором анатомии, с 1910 г. член парламента (либерал). Во время войны был правой рукой Ллойд-Джорджа в деле снабжения армии и в 1916—17 г. стоял во главе соответствующего ведомства; потом был министром восстановления, президентом департам. местного управления и первым министром народного здравия (с 1919 г.); в 1921 г. вышел в отставку.

Адлер, 1) Виктор (см. I, 430—431). В 1918 г. после революции был членом предпарл. Национ. Собрания Немецкой Австрии и первым мин. иностр. дел при республике. Ум. в ноябре 1918 г.

2) Фридрих, сын предшущего, р. 1879 г., был приват-доцентом физики в Цюрихском универс., затем отдался целиком политической деятельности в рядах австр. социал-демокр. партии, состоя редактором еженесячника „Der Kampf“. Во время войны был примьервальдемом. 21 окт. 1918 г. из политич. побуждений застрелил австр. министр-президента гр. Штурка, был приговорен к смертной казни, замененной 18-летней каторгой, после переворота в конце 1918 г. амнистирован. Был членом Учредительного Собрания, затем депутат парламента. После революции пошел по пути центразма. В 1921 г. явился одним из главных организаторов Интернацион. Рабоч. Организации Социалист. партий („2 1/2 Интернационала“). В 1923 г. участвовал в Гамбургском объединительном конгрессе 2 и 2 1/2 Интернационалов. После слияния избран ген. секретарем 2-го Интернац. Нав.: „Die Erneuerung der Internationale“ (1918) и др.

Адор, Густав, швейц. полит. деятель, р. 1845 г., адвокат, с 1874 г. — член женевокого кантонального совета, лидер демократ. (либер.-консерв.) партии кантона. С 1884 г. — член швейцарск. Национ. Совета, в 1901 г. — его председатель; в 1919 г. в качестве президента Союза руководил внешней политикой. Во время войны стоял во главе Международн. Красного Креста. После войны был предс. финансово-экономической комиссии Лиги Наций.

Александр, король Юго-Славии, второй сын короля сербского Петра I Карагеоргиевича, р. 1888 г.,

в 1909 г. объявлен наследником сербского престола, в 1912—13 г. был номинальным главнокомандующим сербск. войск во время войн с Турцией и Болгарией, в 1914 г. был объявлен регентом, во время мировой войны был опять главнокомандующим серб. войска; при образовании Юго-Славии сделан регентом этого государства в дек. 1918 г., в 1921 г. наследовал своему отцу в качестве короля Юго-Славии.

Александр, король греческий, второй сын короля Константина, р. 1893 г., вступил на престол в 1917 г. после вынужденного отречения отца, ум. в 1920 г., от аравии крови, полученного от укуса домашней обезьяны.

Александр, Артуро, р. 1869 г., юрист, член сената, президент Чили с 1920 г., кандидат радикальн. и демократ. партий (либерального „альянса“), в 1918 г. стоял во главе коалиционного кабинета.

Альба, Сантьяго, испанск. полит. деятель, руководитель одной из либеральных группировок („альбистов“), был мин. прессы, в кабинете „двех талантов“ Мауры в 1918 г., затем — мин. иностр. дел в кабинете Альгусемаса в 1922—23 г., проводил агрессивную политику в Тажере. После переворота Примо де Риверы эмигрировал во Францию.

Альберт, Рейхр, герман. полит. деятель, близок к демократ. кругам, юрист, во время войны был финан. агентом при германск. посольстве в Соед. Штатах, по возвращении был предс. имп. департамента по утилизации; после революции был секретарем рейхсканцлера, вышел в отставку вместе с Вертгом; в 1922—23 г. входил в кабинет Куно.

Альгусемас, маркиз де, см. Гарсия Примо.

Альмейда, Антонио Коэе, португальск. полит. деятель, р. 1866 г., лидер умерен. либералов, после революции 1910 г. был мин. внутр. дел во время правительстве, в 1916 г. — премьер-министр и мин. колоний, с 1919 по 1923 г. — президент республики.

Аманулла-Хан, афганск. эмир, р. 1892 г., третий сын Хабибулы хана, сделавший эмирком в 1919 г. после убийства своего отца. Ведет борьбу с английским влиянием и стремится проведением реформ во внутренней жизни приблизить Афганистан к европейской культуре.

Андраши (Andrássy), Юли, младший, венг. полит. деятель (см. III, 92—93), с 1915 г. стоял во главе парламентарской оппозиции, требовавшей отставки Тиссы, расширения избирательного права и скорейшего заключения мира. С 24 окт. до 2 ноября 1918 г. был после Вурнака австр.-венг. мин. иностр. дел, распор. союз с Германией и склонил имп. Карла к сепаратному предложению мира Америке. В 1920 г. в качестве беспартийн. делегата был избран в венгерск. Учредит. Собрание, впоследствии стал лидером христиан. национ. партии. Нав. „Дипломатия и мировая война“ (1920).

Анжунцио, Габриэль д., итальян. писатель (см. III, 155). Во время мировой войны превратился в политика, являясь зачаточным притязаний Италии на полное господство на Адриатическом море. Когда Италия объявила войну Австрии, вступил на действительную военную службу, сперва в сухопутную армию, потом во флот, наконец в воздушный флот. Во время одного из полетов потерял глаз, во время другого был ранен, часто подвергался обстрелам; в 1918 г. совершил полет над Веней, раскрывая прокламации. Во время мирных переговоров резко обрушивался на союзников за их холодность в Италии и развил чрезвычайно широкую агитацию в этом направлении. Когда Фиуме был отовлен итальянцами, он с небольшим отрядом, составленным частью из добровольцев, частью из присоединившихся к нему регулярных войск, захватил этот город, принял звание „коменданта“, организовал там свое правительство и в течение почти полтора лет отказывался выполнять требования союзников и итальян. правительства об очищении города. В конце концов, в январе 1921 г. должен был, однако, распустил свое правительство и оставить город, выговорив предварительную полную амнистию для присоединившихся к нему войск. Нав. политич.ск. памфлеты: „Italia e morte“ (1919) и „Italia e vita“ (1920).

Анселме, Эдуард, бельг. полит. деятель (см. III, 164—5). Во время войны был главителем кабинета Гента. В коалиционном пр-ве 1919 г. был мин.

стром общественных работ. Один из руководителей рабочей партии Фламандия, он, однако, в противоположность Камиллу Гюисману, ведет борьбу против национально-автомонистских тенденций в социалистической партии.

Аппони (Apponyi), Альберт (см. III, 309—10). После революции—член венгерского Национального Собрания и вождь партии легитимистов. Возглавлял венгерскую мирную делегацию в Трианоне в 1919—20 г.

Араго, Франсуа, французск. полит. деятель, р. 1832 г., вождь Entente républicaine démocratique в палате депутатов, впуск знаменитого физика А. и сын политическ. деятеля Эмануэля А. (см. III, 361—2). Главный редактор "Petit Parisien". В 1903—1910 г.г. и с 1919 г.—депутат; был вице-президентом палаты в 1919—24 г.г.

Арагона, Лидовальд, профессор, деятель итальянск. проф. движения, секретарь итальянск. конфедерации труда и член ген. сов. Амстердамского Интернационала. Во время войны был ее противником; в 1920 г. примкнул к левому крылу профсоюз. движения и приехал в Россию в качестве делегата генеральн. конфедерации труда для вступления в Красный Интернационал Профсоюзов (Профинтерн). В дальнейшем, однако, эволюционировал вправо, примкнул к реформистам и ныне поддерживает правительство Муссолини.

Арнага, Мануэль, португальск. полит. деятель, р. 1839 г., с 1882 г. был депутатом, принадлежал к республиканской партии; в 1911—1915 г.г. был первым президентом португальской республики. Умер в 1917 г.

Арч (Arch), Джозеф, английск. рабочий деятель (см. IV, 67), ум. в 1919 г.

Аскиит (Asquith), Герберт Генри, англ. полит. деятель (см. IV, 71). В бытность его премьером был введен закон, ограничивший законодательные права палаты лордов (1911 г.), проведенные через палату общин в трех последовательных сессиях и получили силу закона были от отделения церкви от государства в Уэльсе и о гомеопу для Ирландии (последний не был приведен в исполнение), установлена минимальная заработная плата для углекопов (1912 г.). В начале войны он пригласил лорда Китченера на пост военного министра, а летом 1918 г. преобразовал свой кабинет в коалиционный, включив в него многих консерваторов; в 1918 г. им был проведен закон об обязательной воинской повинности. Тем не менее против него высказывались обвинения в недостаточно решительном ведении войны, и это привело к его отставке в дек. 1918 г. После окончания войны он стал во главе группы либералов, бывших против продолжения коалиции с консерваторами, но на общих выборах в дек. 1918 г. потерпел поражение и потерял свои депутатские полномочия, как и большинство его сторонников. Вернувшись в парламент, на дополнительных выборах в феврале 1920 г. он стал лидером независимой либеральной партии, бывшей в оппозиции кабинету Ллойд-Джорджа и сменившему его консервативному министерству. На выборах 1924 г. потерпел поражение, после чего был возведен в пэрыское достоинство и вошел в палату лордов. В 1918 г. он вынул обрание своих речей—"Occasional Addresses".

Астор, леди Нанси Уичер, первая женщина-депутат в английск. парламенте, р. 1879 г., по происхождению американка, в 1908 г. вышла замуж за **Уильяма Уальдорфа А.** (впоследствии издателя "Observer"), который в конце 1910 г. был избран консервативным депутатом от Плимута. А. была одной из руководителей суфражистского движения. В 1919 г. ее муж наследовал почетный титул своего отца, виконта А., и перешел в палату лордов; тогда леди А. выставила свою кандидатуру на освободившееся место и была избрана депутатом 28 нояб. 1919 г.

Ауфгейзер (Aufhäuser), Зигфрид, деятель герм. проф. движения, р. 1884 г., председатель Всеобщего Свободного Обединения Служащих ("АФА"), в 1908 г. был членом центр. ком. Демократического Обединения, основ. Т. Вартгом, во время войны вступил в независимую с.-д. партию. С 1920 г.—член имперского совета нар. хозяйства, с 1921 г.—депутат рейхстага. В обединенной с.-д. партии находится на ле-

вом крыле и в 1923 г. был одним из 4 с.-д. депутатов не поддержавших законопроект о расширении полномочий правительства Штрессмана.

Ауэр, Эрхард, германск. полит. деятель, правый с.-д., сын известного с.-д. Игнатия А. (см. IV, 298), р. 1874 г., с 1907 г.—депутат баварского ландтага, принимал участие в мировой войне и занимал администр. должности в оккупированной Бельгии. Во время революции был баварским мин. внутр. дел.

Бадецкий, Макс, см. Макс Бадецкий.

Бадина, Луи, франц. военный моряк, поднявший в 1919 г. вместе с А. Марти (см.) восстание во французском флоте, находившемся во время интервенции в Одессе. Впоследствии отошел от революционной деятельности.

Баллин, Альберт, крупный германский предприниматель, род. 1857 г. в еврейской семье в Гамбурге, был главным директором Гамбург-Американской паровой линии, получившей при нем колоссальное развитие; пользовался исключительным доверием имп. Вильгельма II и был его негласным советником по многим политическим вопросам. Во время войны оказал большое влияние на методы ведения Германией морской войны. Когда вспыхнула революция покончил с собой 9 ноября 1918 г.

Бальфур, Артур Джеймс, англ. полит. деятель (см. IV, 673), в 1911 г. отказался от лидерства консервативной партии, в 1915 г. вступил в коалиционный кабинет Аскита в качестве 1-го лорда адмиралтейства, в 1916—19 г.г. был мин. иностр. дел; руководил особой английской миссией в Вашингтоне в 1917 г. и во время конференции по разоружению в 1921—22 г. Содействовал созданию еврейского национального центра в Палестине. Представитель Англии в Лиге Наций.

Банфи (Banfy), Дезидерий, венгерск. полит. деятель (см. IV, 398—9), ум. в 1911 г.

Барнс, (Bagnes) Джордж Николь, англ. полит. деятель, р. в 1859 г., был рабочим, в 1908 г. избран в парламент от Рабочей партии. Во время войны был в коалиционном министерстве Ллойд-Джорджа министром пенсий, а в 1917 г. заменил Геддерсона в малом военном кабинете. Когда по окончании войны Рабочая партия вышла из коалиции, Б. востан оставался в кабинете в качестве министра без портфеля и вышел в отставку только в 1920 г. Участвовал в Парижской мирной конференции в 1919 г.

Баррер (Barrette), Камилл, франц. полит. деятель и дипломат, р. 1851 г., с 1897 г. посол в Риме. Сыграл большую роль во время войны в разрыве Италии с центральными державами и переходе ее на сторону Антанты.

Баррес (Barres), Морис, франц. писатель и полит. деятель (см. V, 36), идейный вождь франц. империалистов, председ. Патристической Лиги после Дериуде, с 1906 г.—член франц. парламента, лидер правого крыла "Entente républicaine démocratique". Во время войны прославился статьями в "Echo de Paris", полными национальной ненависти против Германии; был инициатором идеи "буфера" из левоберезных областей Рейна. Ум. в 1923 г. Нан.: "L'Amé française et la guerre" (1915), "La Lorraine dévastée" (1919), "Le roman de l'énergie nationale" (1919) и др.

Барт (Barth), Эмиль, германск. полит. деятель, соц.-дем., по профессии металлост, был в числе трех независимых с.-д. (Гааге, Диттманн и Б.), входивших в ноябре дек. 1918 г. в Совет Народных Уполномоченных. В последнее время не играл заметной политической роли. Нан.: "Aus der Werkstatt der deutschen Revolution" (пер. на русск. яз.), "Sozialisierung, ihre Notwendigkeit, ihre Möglichkeit" и др.

Барто, Эдмунд, австралийск. полит. деятель (см. V, 40), ум. в 1920 г.

Барту (Barthou), Луи, франц. полит. деятель (см. V, 40), был министром юстиции до марта 1913 г., с мая до дек. 1913 г. был министр-президентом, во время войны входил в состав кабинета Пенлеве в окт. и ноябре 1917 г. в качестве мин. иностр. дел., в 1921—22 г.г.—военн. мин. в кабинете Бриана, в 1922 г.—мин. юстиции в кабинете Пуанкаре, в окт. 1923 г.—представитель Франции в репар. комиссиях; инициатор закона о 3-летней службе накануне войны.

Басерман, Эрнат, герм. полит. деятель, р. 1854 г., адвокат. С 1883 г.—член рейхстага от национал-либералов. После смерти Бенигсена руководи-

тель партии, лидер левого крыла ее против правой фракции прусского ландтага. Во время войны — строевой офицер. Ум. в 1917 г.

Бауэр, 1) Густав, германск. с.-д., р. 1870 г., основатель союза конторск. служащих, секретарь центр. работ. секретариата с 1903 г., с 1908 г. — член Генер. Комиссии профсоюзов, зам. предс. Лейгна, с 1912 г. — депутат рейхстага. В 1918 г. вошел в кабинет принца Макса Баденского в качестве мин. труда; этот же пост занимал и в первом республиканском правительстве. В 1919 г. после отставки Шейдемана стал во главе министерства, организованного для подписания Версальского договора, и был первым рейхсканцлером. После Капповского путча в марте 1920 г. вышел в отставку. В 1921—22 г. был мин. финансов и вице-канцлером в кабинете Вирта. Убежденный реформист. В 1925 г. по постановлению комиссии с.-д. фракции рейхстага и ландтага должен был сложить депутатские полномочия и отказаться от полит. деятельности в виду разоблачений о связи его с концерном Бармат.

2) Отто, австр. соц.-дем., р. 1852 г., журналист, перед войной был секретарем с.-д. фракции рейхстага, в 1915—17 г. находился в плену в России, был освобожден Временным правительством. По возвращении в Австрию стал лидером левого крыла партии. В 1918 г. при республиканском правительстве сделался мин. иностр. дел и добивался объединения Немецкой Австрии с Германией. Потерпев неудачу в своих попытках, вышел в 1919 г. в отставку. В 1919—20 гг. состоял предс. комиссии по социализации (см. *ХЛ*, *Социализация и Национализация*, 321—3, 328). Вместе с Ф. Адлером участвовал в создании „2½ Интернационала“ и затем в ликвидации его. Б. — главный теоретик австрийской социал-демократии. Нал.: „Die Nationalitätenfragen und die Sozialdemokratie“ (1908, перев. на русск. яз.), „Die Teuerung“ (1911), „Balkankrieg und deutsche Weltpolitik“ (1912), „Die russische Revolution und das europäische Proletariat“ (1917), „Der Weg zum Sozialismus“, „Bolschewismus oder Sozialdemokratie?“ (1920) и др.

Белье, Фердинанд Август (см. *У*, 132—3), ум. в 1913 г.; незадолго до смерти начатками своим „Воспоминания“, переведенные и на русский язык.

Бесенбрук, Рейс (Ruis) де, см. *Рейс де Везенбрук*.

Безант, Анни, англ. писательница, последовательница теософских идей (см. *У*, 143—4). В последние годы принимала участие в политической жизни Индии, основала в Мадрасе „Индийскую Лигу Гомрула“ и в издаваемой ею газете вела пропаганду за введение в Индии самоуправления, по образцу доминионов. В 1916 и 1917 г. была президентом Индийского Национального Конгресса. За свою деятельность была в 1917 г. выслана из Мадраса.

Безер (Baker), Ньютон Диль, америк. полит. деятель, р. 1871 г., адвокат, был прокурором, а затем мэром Клівленда, в 1916—20 г. — военный министр. Противился вступлению Союз. Штат. в войну, а затем стремился к скорейшему заключению мира.

Бекер-Сами, см. *Сами*.

Беккер (Becker), Иоганн, герман. полит. деятель, член Народной партии, р. 1839 г., в 1903 г. назначен гессенским герцогом уполномоченным в Союзном Совете, с 1916 г. до революции — мин. финансов в Гессене, в 1919 г. — член Нал. Собран., с 1920 г. — депутат рейхстага; был мин. народн. хозяйства в кабинете Куно в 1922—23 гг. Замест. Штрэземана на посту председателя Нар. партии.

Бекстон (Buxton), 1) Нозль Эдуард, англ. полит. деятель, р. 1839 г., служил сначала в Австралии, затем в мин. внутр. дел; основал „Farmers' Co-operative Society“; ездил по Балканам и принимал участие в их полит. жизни. В 1905 г. впервые избран в парламент на дополнительных выборах, но на общих выборах 1906 г. потерпел поражение; вернулся в парламент в 1910 г., либерал; деятель „Christian Social Union“; в 1924 г. занимал в кабинете Макдональда должность министра земледелия, но выходя формально из либеральной партии.

2) Сидней Чарльз, англ. полит. деятель, р. 1853 г., с 1883 г. был депутатом (либерал) в последнем министерстве Гладстона был товарищем министра колоний, в 1906—10 г. г. — генерал-почтмейстером, в 1910—14 г. г. — президентом д-та промышленности и торговли, в 1914 г.

был возведен в пары с титулом виконта и назначен генерал-губернатором Южной Африки; в 1920 г. вышел в отставку. Нал.: „Handbook to Political Questions“ (1880), „Mr. Gladstone as chancellor of the Exchequer“ (1901) и др.

Бела Куш, см. *Куш*.

Белль, Иоганн, германск. полит. деятель, р. 1868 г., адвокат, с 1906 г. — член прусской палаты депутатов, с 1912 г. — депутат рейхстага (центр), в 1919 г. — мин. колоний в кабинете Шейдемана (фактически без портфеля, т. к. колоний уже не было), затем до июня 1920 г. — мин. восстановления. Подписал вместе с Г. Мюллером Версальский договор. Вышел в отставку вместе с кабинетом Мюллера.

Бенедикт XV, папа, в мире носил имя Джаккомо дела Клеза, р. 1854 г., происходил из аристократической семьи, в 1907 г. был назначен архиепископом Болонским, в 1914 г. получил звание кардинала и в сент. того же года был избран папой. Во время войны он предпринимал некоторые шаги в пользу мира, но воздерживался от более решительных выступлений. Ум. в 1922 г.

Бенеш (Benes), Эдуард, чешский полит. деятель, р. 1884 г., был доцентом полит. экономии в Пражском университете, во время войны присоединился к Масарику и сделался генеральным секретарем чехословацкого Национального Совета в Париже. По окончании войны стал министром иностр. дел в образованной Чехо-Словацкой республике и занимает этот пост до настоящего времени (1925); в 1921 г. был также премьером. Б. является инициатором союза Чехо-Словакии, Румынии и Юго-Славии (Малой Альтаны). Нал.: „Politique extérieure“ (1922) и др.

Беранже (Bérenger), Рене, франц. юрист и полит. деятель (см. *У*, 366), ум. в 1915 г.

Беренгед (Birkenhead), Фредерик Эдвин Смит, виконт, раньше был известен под фамилией *Смит*, англ. полит. деятель, р. 1872 г., адвокат с очень крупной практикой, в 1906 г. вступил в парламент и рассмотрел свою молодость сразу же занял выдающееся место в рядах консервативной партии, выступая решительным противником всех либеральных реформ Аскита. С начала войны деятельно поддерживал правительство и в 1915 г. вступил в коалиционный кабинет сперва в качестве генерал-солдатора, а потом — генерал-атторнея. В 1919 г. был назначен лорд-канцлером и возведен в пары с титулом барона Беренгеда, в 1921 г. получил титул виконта. В 1922 г. вышел в отставку. В конце 1924 г. вошел в состав консервативного кабинета Болдуина, заняв пост министра по делам Индии, и здесь принадлежал к более умеренным членам правительства. Б. является одним из издателей „Daily Express“. Нал.: „Toryism until 1832“, „International Law in the Far East“, „My American Visit“, „The Indian Corps in France“ и др.

Бернигард, Георг, герман. публицист и полит. деятель, р. 1876 г., был банковским служащим, сотрудничал по финансовым вопросам в „Tageszeitung“ и „Zukunft“; в 1904 г. основал „Plutus“, впоследствии сделался главным редактором „Vossische Zeitung“. Был сод.-дем. ревизионистом, потом примкнул к демократам, пропагандировал „континентальную“ политику, ориентировавшуюся на союз с Россией. Член имп. совета нар. хозяйства.

Бернигард, Фридрих Ф., германск. генерал и воен. писатель, р. 1849 г. в Петербурге, сын Теодора В. (см. *У*, 446—6), принимал участие в франко-прусской войне 1870—71 г., в 1891—94 г. был военным аташе в Берне, после того стоял во главе отдела военной истории Большого ген.-штаба, в 1907 г. командовал корпусом, в 1908 г. вышел в отставку, посвятив себя писательской деятельности. В 1912 г. он опубликовал свою напущенную книгу „Deutschland und der nächste Krieg“, в которой развивал мысль о необходимости мирового господства Германии (см. *ХЛ*, *VI*, *Империализм*). В мировую войну командовал корпусом сперва на восточном фронте, а затем на западном. Кроме улом. нал.: „Unsere Kavallerie im nächsten Kriege“ (1897), „Vom Kriege der Zukunft“ (1920).

Бернс (Burns), Джон, англ. полит. деятель (см. *У*, 453), оставался во главе местного управления до 1914 г., когда он был назначен президентом департ. (мин.-ства) промышленности и торговли. В авг. 1914 г. Б., будучи противником войны, вышел вместе с Мюл-

леем в отставку. На общих выборах в парламент в декабре 1918 г. он отказался вступить в Рабочую партию и подписать ее программу и оставил политическую деятельность.

Бернст (Bernst), Иоганн Генрих, граф, герман. дипломат. и полит. деятель, р. 1862 г., в 1903—1917 г.г. был послом в Соедин. Штатах, где старался держаться примирительной политики, и выступал против поводной войны, в 1917—1918 г.г. состоял послом в Константинополе. По окончании войны выступил в печати с обвинениями германского правительства в ошибках, приведших к войне с Америкой. После революции примкнул к демократической партии и с 1921 г. состоит депутатом рейхстага. Издаст еженедельник „Das demokratische Deutschland“.

Бернтцен, Клаус, датск. полит. деятель, р. 1844 г., учитель, с 1873 г.—член фолькетинга (левый), с 1908—1909 г.г.—мин. внутр. дел, в 1910—13 г.г.—мин. президент, в 1920—22 г.г.—мин. обороны и в 1923—4 г.г.—мин. без портфеля в кабинете Нееергарда.

Бернштайн, Иц, Эдуард, герман. экономист и полит. деятель (см. V, 438—464), с 1912 г.—депутат рейхстага, после ноябрьской революции был короткое время советником минист. финансов. В 1917 г. он в силу своих пацифистск. взглядов примкнул к независимым социалистам, но в 1919 г. порвал с ними и вернулся к соц.-дем. большинству. С 1920 г.—слова депутат рейхстага. В последние годы им вып.: „Sozialdemokratische Volkspolitik“ (1917), „Völkerrecht u. Völkropolitik“ (1919) и др.

Бертель (Birtel), Августин, англ. полит. деятель, р. 1850 г., адвокат, с 1889 по 1900 и с 1936 г. был депутатом (либерал) в 1905—07 г. был мин. народн. проsv., а с 1907 г.—мин. по делам Ирландии; после дублинского восстания в 1916 г. вышел в отставку, а в 1918 г. удален из парламента. Нап. „Rea Judicatae“ (1892), „Men, Women and Books“ (1894) и др.

Берхтольд, Леопольд, граф, австрийск. полит. деятель, р. 1863 г., в 1906—1911 г.г. был послом в России, в 1912 г. после смерти Эренталя назначен австро-венгерским министром юстиции, дел. На этом посту он возобновил в конце 1912 г. тройственный союз; во время балканской войны старался препятствовать получению Сербией выхода к Адриатическому морю и в 1914 г. был главным защитником репрессивных мер против Сербии в связи с убийством эрцгерцога Франца-Фердинанда. С начала мировой войны политика его была направлена на привлечение Италии и Румынии на сторону центр. держав. Попытки его, однако, не увенчались успехом. В 1915 г. он вышел в отставку из-за разногласий с Германией. После революции бежал в Швейцарию.

Бетлен (Bethlen), Стефан, граф, р. 1874 г., венг. политич. деятель, лидер „Благод. правит. партии“, с 1921 г.—венг. премьер-министр. До революции был сторонником независимости Венгрии, находясь в оппозиции к Тиссе, но не примыкал к Андраши. Во время советской республики бежал за границу, после падения ее вернулся, был членом венгерской мирной делегации в Нейи. В первое Нац. Собрание избран не был и лишь после образования им блока—„Единой правительственной партии“—являлся членом партии, мелких сельск. хозяев и партии независимости, прошел в парламент на следующих выборах и занял пост премьера. Ему удалось урегулировать отношения с Австрией, оставив за Венгрией Эденбург и воспрепятствовать второй попытке реставрации, сделанной Карлом Хабсбургским.

Бетман-Гольвег, Теобальд, германск. канцлер (см. V, 519—520), оставался на посту канцлера до 14 июля 1917 г. Во время кризиса 1914 г. он считал непосредственные действия против Сербии лучшим средством решить Балканский вопрос и поддерживал агрессивные шаги Австрии, приведшие к мировой войне. Внутренняя его политика отличалась жестокостью; он провел после многих колебаний реформу избирательного права в Пруссии в 1917 г., но эта мера заволадала уже не могла никого удовлетворять. Летом 1917 г. он вышел в отставку. Ум. в 1921 г. Нап.: „Betachtungen zum Weltkrieg“ (1919).

Бетхер, Пауль, герман. полит. деятель, коммунист, р. 1891 г., был типографским рабочим, много времени жил за границей, с 1906 г. участвовал в ра-

бочем движении, во время войны входил в партию независимых и редактировал леппингскую „Volkzeitung“, а после раскола независимых в 1920 г. примкнул к коммунистам и после ухода Леви руководил „Rote Fahne“. Б. был лидером ком. фракции саксонского ландтага и в 1923 г. входил в рабоче-крестьянское правительство Лейпнера в качестве мин. финансов. На 4 конгрессе Коммуниста он был выбран кандидатом в исполком от германской компартии.

Бейзер (Bäuser), Гертруда, герм. полит. деятельница, чл. демокр. партии, р. 1873 г., была народн. учительницей, окончила берлинск. университет, где изучала право и философию, редактировала газеты „Die Frau“ и „Die Hilfe“. В 1910—1919 г.г.—председ. союза герман. женских фрейков. В 1916—20 г.—директор соц.-пед.г. института в Гамбурге, с 1920 г.—советч. мин. внутр. дел. В 1919—20 г.—чл. Нац. Учр. Собрания, с 1920 г.—депутат рейхстага. Нап.: „Handbuch der Frauenbewegung“, „Die Frau und das geistige Leben“, „Die soziale Idee in den Weltanschauungen des XIX Jahrhunderts“, и др.

Бельковский, Леон, австр. экономист и полит. деятель, р. 1846 г., в 1871 г.—проф. во Львове, в 1885—87 г.г.—австр. мин. финансов, с 1900 г.—упр. австро-венг. банкком и член палаты господ, в 1909—11 г.г. и в 1912—15 г.г.—австро-венг. мин. финансов. Ум. в 1923 г. Нап.: „System der Nationalökonomie“ (1892) и др.

Бинерт (Bienert), Рихард, барон, австр. полит. деятель, р. 1853 г., был мин. внутр. дел в кабинете Бека, после отставки которого составил в 1908 г. „деловое“ (чиновничье) мн-ство, пытаясь вести политику компромиссов между нац. стремлениями немцев и чехов. После победы коалиции из нем. либералов и соц.-дем. на выборах 1911 г. вышел в отставку и был после того до 1915 г. штатгальтером Нижней Австрии. Ум. в 1919 г.

Биссолати, Леонид, итальян. полит. деятель, р. 1857 г., был деятельным членом итальянской социалистической партии в 1892 г. и с 1897 г.—депутатом. В 1911 г. он откололся от большинства партии и образовал реформистскую группу, поддерживавшую правительство в войне с Турцией. Во время мировой войны Б. с самого начала был решительным сторонником вмешательства Италии на стороне Антанты, тогда как социалистическая партия была за нейтралитет и скорее сочувствовала Германии. Когда Италия объявила войну Австрии, он вступил в армию и был ранен в одном сражении. В 1918 г. он вступил в правительство в качестве министра без портфеля, но в конце 1918 г. вышел в отставку из-за разногласий с другими членами кабинета относительно условий мира, настаивая на строго этнографических границах для Италии и высказываясь против присоединения областей с германским или славянским населением. Ум. 1920 г.

Благоев, Дмитрий, русско-болгарск. полит. деятель, р. 1859 г., болгарин по происхождению, учился в России в Петербургском универс. Здесь сблизился с „Народной Волей“ и вошел в революционное движение; скоро, однако, он разошелся с народолюбцами, отдался изучению марксизма и в 1884 г. основал первый в России с.-д. рабочий кружок, занимавшийся выработкой основ с.-д. программы. В 1886 г. был арестован и выслан в Болгарию. Здесь занялся преподавательской деятельностью и был одним из организаторов болгарской с.-д. партии, от которой был избран в Нар. Собрание. После раскола партии стал во главе „революц.“ (ортодоксальных марксистов). Когда была образована в 1919 г. болгарская коммунистическая партия, Б. сделался председат. ее центр. комитета. Ум. в 1924 г.

Блер (Bléh), Отто, норвежск. полит. деятель, лидер раб. демокр. партии, р. 1847 г., адвокат, с 1883 г.—депутат стортинга, в 1902—3 г.г.—министр-президент, был сторонником разрыва союза со Швецией, в 1919 г. был мин. юстиции в кабинете Кнудсена, в 1921—22 г.г.—премьер-министром и мин. финансов (см. VI, 42).

Блюс (Blös), Вильгельм, германский историк и полит. деятель, р. 1849 г., учился во Фрейбургск. унив., с молодых лет занимался журналистикой, редактировал газету „Schwäbischer Boten“ и примкнул к социал.-демократам. В начале 70-х годов был

в редакции „Braunschweiger Volksfreund“, откуда перешел в лейпцигскую „Volskstaet“, чтобы там заместить заключенного в тюрьму Вилг. Либнехта, странствовал по другим газетным редакциям, при издании закона о социалистах был выслан из Гамбурга, поселился в Штутгарте, где редактировал изд. „Der wahre Jakob“ и писал историч. работы: „Die Französische Revolution“ (1888, перев.), „Die deutsche Revolution 1848—1849“ (1892, перев.) и др. В них присущая журналисту живость изложения соединяется со строго научным, на марксовской основе, анализом социальной ткани, на которой выросли революции. Трижды избирался в рейхстаг от соц.-дем. 9 ноября 1919 г. был избран мин.-председ. вюртембергского республик. кабинета и правил до 23 июня 1920 г. Написал интересные „Erinnerungen“ об этом времени.

Блюм, Леон, франц. полит. деятель, член франц. социалист. партии (S. F. J. O.-Section Française de l'Internationale Ouvrière), председ. фракции социалистов в палате депутатов. По своим взглядам — пацифист; был одним из деятелей вхождения партии в Венский Интернационал.

Бозелли, Паоло, итальянок. полит. деятель, р. 1838 г., в 1888—91 г. был мин. народн. просвещ., 1893—94 г. — мин. земледельц., 1894—96 г. — мин. финансов, 1899—1900 г. — мин. казначейства, в 1906 г. — снова мин. народн. просвещ.; в 1916—1917 г. был премьером. Вышел в отставку после разгрома итальянск. армии у Капорето.

Бокановский (Bokanowski), франц. полит. деятель, лидер фракции республик. и социальн. действия (Action républicaine et sociale); был морским министром в последнем кабинете Пуанкаре в 1924 г.

Болдуин (Baldwin), Стенли, англ. полит. деятель, р. 1867 г., образование получил в Кембриджском университете, горнозаводчик. В 1908 г. на дополнительных выборах был избран в парламент от округа Бьюдлей, который раньше был представлен его отцом Алфредом Б. Принадлежит к консервативной партии. В 1917—1921 г. был финансовым секретарем казначейства, в 1921—1922 г. — министром торговли и промышленности, а в кабинете Бонара Ло занял пост канцлера казначейства (мин. финан.); вел удачные переговоры с Америкой относительно уплаты военных долгов. После выхода в отставку Бонара Ло в мае 1923 г. Б. занял его место лидера юнкеров в палате общин и сделался премьером. В конце того же года он предложил роспуск парламента и провел новые выборы, выставив избирательным лозунгом тарифную реформу. Выборы 6 дек. 1923 г. оказались очень неудачными для министерства, оставшегося в парламенте в меньшинстве, и в начале 1924 г. Б. вышел в отставку. После победы консерваторов на выборах в октябре 1924 г. вновь сделался премьером (см. ниже, *Великобритания*).

Бомбаччи (Bombacci), Никола, итальянск. полит. деятель, р. 1879 г., был народным учителем, состоял секретарем социалист. партии и во время войны был подвергнут тюремному заключению за антиимпериалистическую пропаганду. При расколе социальн. партии на съезде в Ливорно в конце 1920 г. Б. был одним из лидеров выделившейся коммунистической группы. Состоит депутатом парламента.

Бонар Ло, см. Ло.

Бонпешу (Bonpéchu), Лоран, франц. полит. деятель, р. 1870 г., адвокат, занимался вопросами детского законодательства, в 1900 г. — мувик. советник Ллюка, с 1902 г. — депутат, был мин. юстиции в кабинете Брана в 1921—22 г. Нап.: „Les ouvrières françaises travaillant à domicile“ и др.

Бондфильд (Bondfield), Маргарет, англ. полит. деятельница, с ранней молодости приняла деятельное участие в организации женских рабочих союзов, в 1899 г. была первой женщиной делегатом на конгрессе тред-юнионов, впоследствии принимала участие на многих международных конференциях, уделяла много времени журнальной и лекторской деятельности, в 1918 г. впервые выставила свою кандидатуру в парламент, в 1924 г. заняла должность парламентского секретаря министерства труда в кабинете Макдональда.

Бонжур (Bonjour), Поль, франц. полит. деятель, р. 1878 г., адвокат, журналист, в 1911 г. был министром труда в каб. Мониса, депутат, член социал. парт.

партии, находится на правом крыле, стоящем за сотрудничество с радикал.-социалистами. Нап.: „Le fédéralisme économique“ (1901), „Les Syndicats des fonctionnaires“ (1906) и др.

Бонони, Ивано, итальян. полит. деятель, лидер итальян. реформистов, р. 1873 г., изучал естественные науки и философию, применял сначала в социальн. партиях, был редактором „Avanti“, по потом вместе с Виссолати основал партию реформистов и сделался ее лидером после смерти Виссолати. Входил в кабинеты Бозелли (1918—17) и Орландо (1919) в качестве министра обществ. работ, в 1920—21 гг. был сначала военным министром (в мин. Пятти и Джолитти), а затем министром казначейства в кабинете Джолитти, в 1921—22 г.г. — премьер-министр и министр внутр. дел, участвовал в конференции в Каннах.

Бора (Bozah), Уильям Эдгар, американ. полит. деятель, р. 1865 г., был адвокатом, с 1907 г. состоит сенатором Соед. Штатов. Б. принадлежит к республиканской партии, но занимает в ней исключительное положение и боролся как против Уильямсона, так и против Кулджа, в частности по вопросу об отношении к Советской России. После смерти Лоджа в 1924 г. занял пост председателя сенатской комиссии по иностранным делам.

Борден, Роберт, канадец. полит. деятель, р. 1864 г., адвокат, с 1896 г. — член парламента, с 1901 г. — лидер консерв. оппозиции, с 1911 г. — премьер-министр, в 1917 г. образовал коалиц. кабинет, был членом имп. военного кабинета и приобрел большое влияние на английск. политику. Участвовал в Парижской мирной конференции. В 1920 г. вышел в отставку. Выл делегатом Канады на Вашингтонской конференции по разоружению в 1921—22 г. Нап.: „Canadian Constitutional Studies“ и др.

Борджиа, Амадео, итальянск. полит. деятель, коммунист, р. 1889 г., по профессии инженер путей сообщения; в 1914 г. был уволен со службы за участие в генер. забастовке. Во время раскола в итальянской социалистической партии на съезде в Болонье в окт. 1919 г. Б. возглавлял группу антипарламентских „максималистов“, из которой после окончательного раскола на съезде в Ливорно в янв. 1921 г. образовалась итальянская коммунистическая партия (секция Ком. Интерн.). В 1923 г. Б. был подвергнут аресту, но через несколько месяцев освобожден по суду. Видный теоретик итальянской компартии, член центр. ком. партии и представитель ее в Исполкоме Коминтерна.

Борис III, царь болгарский, сын царя Фердинанда, р. 1894 г., вступил на престол в 1918 г. после отречения своего отца. Не ищет, в противоположность своему предшественнику, самостоятельной политической роли.

Борне, Август, бельг. полит. деятель, руководитель фламандских активистов, р. 1878 г., др. германской филологии, в 1903—07 г. работал в Перу по реорганизации школьного образования, по возвращении был учителем гимназии в Мехельне и Антверпене; во время германск. оккупации разви свою деятельность, направленную к полному отделению Фландрии от Бельгии. После поражения Германии и возвращения бельгийского правительства был военным судом приговорен к смерти, замененной затем пожизненным заключением.

Бота (Botha), Луи, бурский генерал и полит. деятель (см. VI, 360—361), во главе южно-африканского правительства он оставался до своей смерти. Во время мировой войны оказал энергичную поддержку Англии; подавлял восстание части буров (см. *Девент*), хотевших воспользоваться войной для восстановления своей независимости, руководил военными операциями против Юго-Западной Германской Африки, проводивших к захвату этой воюющей и затем организовал вспомогательные отряды для помощи Англии в Восточной Германской Африке и на французском фронте; после войны участвовал в Парижской мирной конференции. Ум. в 1919 г.

Брага, Теофило, португ. историк литературы и полит. деятель (см. VI, 410), в 1915 г. был временно президентом португальск. республики.

Браке (Brace), Джаме, англ. ученый и полит. деятель (см. VI, 434—5), в 1907—1913 гг. состоял англ. послом в Соедн. Штатах, после чего возведен

в пары с титулом виконта; в 1921 г. издал книгу „Modern Democracies“. Ум. в 1922 г.

Брайан (Byran), Уильям Дженнинг, американ. полит. деятель (см. VI, 449), в 1913 г. был назначен мин. иностр. дел (secretary of state). Во время войны был сторонником нейтралитета Соедин. Штатов и даже являлся противником предоставления займов воюющим государствам. В то же время он был, однако, и противником наложения запрещения на суда с вооружением для воюющих государств. В 1915 г. он вышел в отставку из-за разногласий с Уильямом по поводу потопления „Лузитания“. Он и дальше был противником вмешательства Соедин. Штатов в войну, но когда это вмешательство все таки состоялось, он его принял, как совершившийся факт, и даже выразил готовность самому вступить на военную службу.

Брамлей, Фред, секретарь ген. совета тред-юнионов и член ген. сов. Амстерд. Инт. ла, род. 1863 г., по профессии мебельщик, занимал различные посты в профсоюзном движении; в 1924 г. был секретарем братской делегации тред-юнионов в СССР.

Брандлер, Генрих, германск. полит. деятель, коммунист, р. 1881 г., по профессии каменщик, долго жил за границей и сблизился с Лениным, проживавшим тогда в Швейцарии. По возвращении в Германию принял участие в организации опартаксовского движения, был членом центр. комит. германской коммунистической партии. В окт. 1923 г. участвовал в саксонском рабочем правительстве. Впоследствии эмигрировал в СССР, где вошел в РКП.

Брантинг, Карл Ульмар, шведск. полит. деятель (см. VI, 460). В 1917—18 г. входил в качестве министра финансов в либерально-социалистическое коалиционное правительство проф. Эдена, в 1920, 1921—23 и 1924—25 гг. был министр-президентом. В противоположность большинству полит. деятелей скандинавских стран В. придерживался антагонистической ориентации и был предводителем Швеции в Совете Лиги Наций. Он принимал также деятельное участие в работе П. Интернационала и состоял членом его Исполнительного Комитета. В начале 1925 г. вышел по болезни в отставку и вскоре после того умер.

Брасси (Brassey), Томас, англ. экономист и полит. деятель (см. VI, 483). Ум. в 1918 г.

Братуня, 1) Иован, румын. полит. деятель, р. 1864 г., сын В.—премьер-министра 1876—1883 г.г. (см. VI, 484), инженер, обучался в Париже, с 1895 г. был депутатом и с 1910 г. — лидером либеральной партии, в 1910—11 и 1914—18 гг. был министр-президентом и главным сторонником участия Румынии в войне на стороне Антанты; после победы союзников был вновь премьером, представлял Румынию на Парижской мирной конференции, в виду неудовлетворения румынских притязаний на весь Балкан, и желая подписать договор, обеспечивающий права национальных меньшинств, он вышел в отставку; с 1922 г. снова сделался министр-президентом.

2) **Винтилла, румын. полит. деятель**, брат предыдущ., лидер либеральной партии и мин. финансов с 1922 г. Издатель „L'Indépendance Roumaine“ и „Votoul“.

Браун, 1) Генрих, герман. публицист и полит. деятель, р. 1854 г., принадлежал к соц.-демокр. партии был редактором „Die neue Gesellschaft“ и других социалистических изданий; после революции был министром земледелия в прусск. с.-д. министерстве Герша (1919 г.).

2) **Лили**, деятельница женского социалистического движения в Германии, жена предыдущего (см. VI, 502—3), р. 1865 г., ум. в 1916 г.

3) **Отто**, германск. полит. деятель, соц.-дем., р. 1872 г., был типографом, потом сделался сотрудником с.-д. газет, с 1914 г. состоял партийным секретарем в Берлине и членом прусск. палаты депутатов. После революции был прусск. мин. народн. хоз., а в 1920—21, 1921—24 и в 1925 г.г.—мин.-президентом. Деятельность его в области нар. хоз. вызвала надежды аграриев, политика же его в Вост. Пруссии и Рейнской области заслужила одобрение даже националистов. Был выставлен кандидатом от с.-д. на президентских выборах в марте 1925 г. При пере-

выборах кандидатура его была снята. С 1920 г. состоит депутатом рейхстага.

Брауне, Генрих, германск. полит. деятель, р. 1868 г., до 1900 г.—катол. священник, потом изучал полит. экономику и право в Бонне и Фрейбурге. После революции был членом Наций. Собрания; входил в качестве мин. труда в кабинет Ференбаха в 1920—21 г. и во второй кабинет Вирта в 1923 г. С авг. 1923 г. занимает этот же пост в кабинетах Штрессмана, Маркса и Лютера. С 1920 г.—депутат рейхстага (центр). Нап.: „Der Übergang von der Handweberei zum Fabrikbetrieb“ (1905), „Die christlichen Gewerkschaften“ (1908), „Lohnpolitik“ (1921), „Wirtschaftskrisis und Sozialpolitik“ (1924) и др.

Брейтшнейд, Рудольф, германск. полит. деятель, р. 1874 г., изучал полит. экономику в Мюнхене и Марбурге, потом занялся журналисткой, сотрудничал в буржуазных газетах, в 1903 г. вошел в „Объединение свободомыслящих“ и в 1908 г. вместе с Т. Бартом и Герлахом основал „демократическое объединение“, председат. которого он сделался. В 1912 г. порвал со своими единомышленниками и вступил в соц.-дем. партию, не играя в ней крупной роли. Во время войны, продолжая свою эволюцию влево, примкнул к независимым с.-д. и занял в рядах партии видное положение, издавая с 1915 по 1923 г. еженедельник „Der Sozialist“. В 1918—19 г. был прусск. мин. внутр. дел. В 1922 г. вернулся в ряды соц.-дем. С 1920 г.—депутат рейхстага и после слияния независимых с соц.-дем. — лидер его соц.-дем. фракции.

Бретон, Жюль-Луи, франц. полит. деятель, р. 1872 г., публицист, сотрудник „Petite République“, депутат от деп. Шеры, был мин. здравоохранения в кабинете Миллерана в 1920 г., лидер республиканско-социалист. партии (Républicains socialistes).

Бриан (Briand), Аристард, франц. полит. деятель (VI, 566—7). В результате своей эволюции очутился в рядах республик. социалистов, левого крыла национального блока, в 1912—13, 1915—17 и 1921—22 г.г. снова был министр-президентом и кроме того был министром юстиции в кабинете Вивьяни 1914—15 г.г. Вышел в отставку после Каэновской конференции, уступив место вознущающимся националистам о Пуанкаре во главе. В 1924 г. был назначен представителем Франции в Лиге Наций. После падения кабинета Эррио в апр. 1925 г. занял пост мин. иностр. дел в правительстве Пенлеве.

Бриджмен (Bridgeman), Уильям Клайв, англ. полит. деятель, р. 1864 г., с 1908 г.—депутат парламента (консерватор), парламента. секретарь министерства труда—в 1916 г. и мин. торговли и промышленности—в 1919—20 г., мин. внутр. дел в кабинетах Бонара Ло и Болдуина в 1922—23 г. После победы консерв. на выборах 1924 г. вошел в качестве морского министра в кабинет Болдуина.

Бризон (Brizon), Пьер, франц. писатель и полит. деятель, социалист, член палаты депутатов, редактор газеты „La Vague“. Во время войны был участником Циммервальдской конференции и выступил в ком. партию против войны. В 1921 г. вступил в ком. партию. Автор перев. на русск. яз. „Истории труда“. Ум. в 1923 г.

Бриссон, Эжен Анри, франц. полит. деятель (см. VI, 567—8), умер в 1912 г., оставшая до конца жизни президентом палаты депутатов.

Броджерст (Broadhurst), Генри, англ. полит. деятель (см. VI, 568—9), ум. в 1911 г.

Бровиль (Broquville), Шарль де, граф, бельг. полит. деятель, р. 1860 г., с 1892 г. был депутатом (либерал), в 1910 г. был назначен мин. железных дорог, почт и телеграфов, с 1911 по 1918 г. был премьером, а также и военным министром, потом мин. иностр. дел, с 1918 г.—мин. восстановления и мин. внутр. дел.; в конце 1919 г. вышел в отставку, получив графский титул.

Брокдорф-Рантцау (Brockdorff-Rantzau), Ульрих, граф, герман. дипломат, р. 1869 г., по образованию юрист, потом находился на военной службе, откуда перешел в мин. иностр. дел., в 1912—1915 г.г. был посланником в Копенгагене и играл там во время войны большую роль. После революции был мин. иностр. дел в кабинете Шейдемана и стоял во главе германской делегации, ведшей переговоры с миром с союзниками, но отказался подписать Версальский договор. С 1922 г.—германский посол в СССР.

Бромлей, Джон, деятель англ. профсоюзного движения, р. 1874 г., секретарь союза машинистов и котельщиков; на Гульском конгрессе труд-юнионов в 1924 г. выступал в защиту англо-советского договора. Был членом делегации британских труд-юнионов, посетивших в 1924 г. СССР.

Буржуа (Bourgeois), Леон Виктор Отжес, франц. полит. деятель (см. VII, 192), во время войны входил в коалицию министров Бриана в качестве министра без портфеля. После войны был президентом Лиги Наций и получил в 1920 г. Нобелевскую премию мира. В 1921 г. был недолгое время президентом сената. Нап.: „Pour la Société des Nations“, „Le Pacte 1919 et la Société des Nations“, „Le Traité de Versailles“ и др.

Бурнан-фон-Райен, Истан (Стефан), барон, австро-венг. государственный деятель, р. 1851 г., в 1897—1903 г.г. был посланником в Афинах, в 1903—12 г.г. — австро-венгерским министром финансов и главою управления Босний и Герцеговины. В 1915 г. после отставки Берхтольда он был назначен мин. иностран. дел и на этом посту старался проводить политику большей независимости Австрии от Германии, отстаивая специально австрийские интересы. В конце 1916 г. он вышел в отставку, но весной 1918 г. вновь был назначен министром иностран. дел и старался заключить мир, но неуспешно, и скоро вышел в отставку; получил затем графский титул. Ум. в 1922 г.

Бьенвену-Маргэн (Bienvenu-Martin), Жан-Ватисс, франц. полит. деятель, р. 1847 г., юрист, с 1897 г. — депутат, потом — сенатор, в 1905—06 г.г. был мин. народн. просвещ., затем мин. юстиции в кабинете Думера (1913—14 г.) и Вивьяни (1914—15 г.). Был кандидатом левого блока при выборах президента сената в 1924 г., но потерпел поражение от де-Сельва.

Бьюкенен (Buchanan), Джордж, англ. дипломат, р. 1854 г., по окончании „Wellington College“ поступил на дипломатическую службу, был секретарем посольства в Риме, Берлине, затем послом в Софии и Гааге. В 1910—18 г.г. состоял лейкабинет. послом в России при царском, а потом при временном правительстве, оказывая сильное давление на русскую внешнюю политику. После Октябрьской революции участвовал в подготовке иностранной интервенции. В 1919—21 г. был послом в Италии, после чего удалился от полит. деятельности. Ум. в 1924 г. Написал пер. на русск. яз. „Мемуары дипломата“.

Бюлов, Бернгард, герман. госуд. деятель (см. VII, 418). С дек. 1914 г. по май 1915 г. состоял германск. послом в Риме. Усилил его, направленные к вовлечению Италии в мировую войну на стороне центральных держав, не увенчались успехом. Нап.: „Reden“ (3т., 1907—09), „Deutsche Politik“ (1916).

Вайда-Бюсове, Александр, румынск. полит. деятель, лидер Национальной партии Семиградья, по профессии врач, принимал активное участие в политической жизни семиградских румын; был депутатом в венгерском парламенте. После поражения Австро-Венгрии был одним из деятелей объединения Трансильвании с Румынией и принимал участие в качестве делегата на Парижской мирной конференции. В конце 1919 г. после отставки Братяну и победы крестьянской партии и над-демократов на парламентских выборах был до марта 1920 г. румынским премьером. За это время ему удалось ликвидировать конфликт с Антантой в связи с оккупацией румынскими войсками Венгрии и добиться постановления совета постов о признании ими захвата Бессарабии. Были также предприняты шаги к осуществлению аграрной реформы, но практически сделано ничего не было. С 1920 г. В. состоит депутатом румынского парламента.

Вайнкоп (Wijnkoop), нидерландский полит. деятель. В 1909 г. вместе с другими левыми с.-д. (Паннекук, Роланд-Гольст и др.) был исключен на партийном в Девентре из официальной с.-д. партии за критику ее действий на страницах еженедельника „Tribune“, ставшего впоследствии органом коммунистов. В. стал во главе социалистической партии (С. Р.) и в 1918 г. был избран в палату. В 1919 г. социалистическая партия преобразовалась в коммунистическую, и В. сделался ее председателем. Состоит членом Исполкома Коминтерна.

Вайян-Кутюрье (Vaillant-Couturier), Поль, франц. полит. деятель, коммунист, р. 1892 г., адвокат,

во время войны был солдатом на фронте, один из основателей руководимого А. Барбюсом „Республиканского объединения бывших участников войны“ и коммунистической литературной группы „Clarté“ (по имени известн. романа Барбюса), с 1919 г. — депутат. Член центр. комит. коммунист. партии.

Валери, Эдуард (Имон) де, ирландский полит. деятель, р. 1882 г., отец его был испанец, мать — ирландка, воспитывался он в материнской семье, но только уже взрослым научился ирландскому языку; раньше же учителем математики, потом целиком отдался политической деятельности. Он принадлежал к партии шифейнеров, участвовал в заговоре Кэзмента и дублинском восстании 1916 г. и за последнее был приговорен к смертной казни, замененной тюремным заключением. Амнистированный в 1917 г. он сделался главою движения в пользу ирландской независимости, был избран в парламент и провозглашен на партийном съезде президентом Ирландской республики. В 1918 г. он снова был арестован, но ему удалось бежать в Америку, где он пытался вызвать вмешательство Соединенных Штатов в пользу Ирландии, но не имел успеха. В 1921 г. вернулся в Ирландию и продолжал борьбу с Англией. Когда в конце 1921 г. состоялось соглашение между английским правительством и шифейнерами, и Ирландия сделалась „свободным государством“ на одинаковых правах с Канадой и Австралией, В. не принял и этого соглашения, добываясь полного и безусловного отторжения Ирландии от Англии, и начал в 1922 г. вооруженную борьбу уже против нового ирландского правительства, но был разбит и попал в плен; выпущен на свободу в 1924 г. См. ниже, *Ирландия в эпоху мировой войны*.

Вальдраф (Wallraf), Макс, германск. полит. деятель, лидер националистов, р. 1859 г., занимал администрат. должности и в 1917—18 г. был прусским министром, член прусской палаты господ в 1907—1917 г.г., депутат прусского ландтага с 1921 и рейхстага с 1924 г. После выборов в мае 1924 г. был избран вице-президентом рейхстага.

Вальян (Vaillant), Мари-Эдуард, французск. полит. деятель (см. VII, 543—44). Во время войны был ее сторонником, полагая, что Франция защищает интерес демократии против германского империализма. Ум. в 1915 г.

Ван-де-Вейвер (Van de Vyvere), Алоис, бельг. полит. деятель, адвокат, лидер католической партии, был мин. путей сообщения в кабинете де-Броквилья в 1912—18 г., с 1920 г. — мин. нар. хозяйства в кабинете Картона де Визара и Текиса; после парламентских выборов 1925 г. был недолгое время премьером.

Вандервельде, Эмиль, бельгийск. соц.-дем. (см. VII, 879—73). Во время войны вступил вместе с либералами в консервативное министерство де-Броквилья, после февр. революции переехал в Россию из агитации в пользу продолжения войны, в ноябре 1918 г. вошел в коалиционное правительство („Union Sacrée“) Делакруа в качестве министра юстиции. В окт. 1921 г. вместе с остальными министрами-социалистами вышел в отставку. В 1922 г. снова переехал в Россию для защиты на процессе эсеров. В апр. 1925 г. после успеха социалистов на парламент. выборах он неудачно пытался сформировать коалиционный кабинет. Член Бюро II Интерна.

Вандерлин, Фрэнк, америк. банкир, р. 1864 г., был журналистом, писал по финан. вопросам. Сторонник „восстановления“ Европы помощью американского капитала.

Варга (Varga), Евгений, венгерск. экономист и полит. деятель, коммунист. Во время советской революции в Венгрии был народн. комиссаром финансов. После падения советской власти эмигрировал в Москву. Деятель Коминтерна. Нап.: „Die wirtschaftspolitischen Probleme der proletarischen Diktatur“ (русск. пер. 1923), „Die Krise der kapitalistischen Weltwirtschaft“ (русск. пер. 1923) и др.

Варени, Александр-Клод, франц. полит. деятель, р. 1870 г., адвокат и журналист, социалист, после победы левого блока в 1924 г. — вице-президент палаты депутатов.

Везнич, Югославск. полит. деятель, старорадикал, с 1904 г. был сербск. послом в Париже, делегат Югославии на Парижской мирной конференции

в 1919 г. В 1920 г. стоял во главе коалиционного кабинета.

Вейскирхнер, Рихард, австр. полит. деятель, христианин, социалист, р. 1861 г., находился на муниципальной службе и в 1903 г. был президентом Венского городского совета, был мин. торговли в кабинете Визера в 1908—11 г.г., потом бургомистром Вены. С 1896 г. до 1918 г.—депутат рейхстага в предс. палаты депутатов (с 1907 г.), потом член Нац. Собрания и предсид. Нац. Совета.

Веккер, Александр, венгерск. полит. деятель (см. VII, 126—7), в 1917—18 г.г. был снова министром президентом. Ум. в 1921 г.

Веллингтон-Кэп, см. Кэп.

Вельс, Отто, германск. полит. деятель, правый соц.-дем., председатель партийного президиума, р. 1878 г., по профессии обойщик, был деятельным участником проф. движения, с 1912 по 1913 г. и снова с 1920 г.—депутат рейхстага. Во время революции был командантом Берлина. Член Бюро Ц. Имп.-А.

Венкел-с-Елестерий, грецек. полит. деятель (см. IX, 493—4), оставался на посту министра президента с 1910 по 1915 г.; в 1912 г. он заключил союз с Сербией и Болгарией и в результате войн против Турции (1912—18) и против Болгарии (1913) добился очень значительного увеличения греческой территории. Во время мировой войны В. был сторонником Антанты и думал, что Греция должна оказать помощь своей союзнице Сербии против Болгарии; на этой почве между ним и королем Константином, сторонником Германии, возник в 1915 г. острый конфликт, кончившийся отставкой В., но последнему все же удалось предотвратить французским и английским войскам возможность высадиться в Салониках (в окт. 1915 г.). Вскоре после отставки В. стал во главе движения, направленного против короля Константина, и образовал в Салониках свое временное правительство (сент. 1916 г.). В 1917 г. после вынужденного отречения короля Константина и вступления на престол короля Александра В. вновь сделался министр-президентом; при нем Греция стала на сторону Англии и Франции и объявила войну Германии и Австрии, обеспечив себе новые значительные приобретения. В 1920 г. В. потерял сильное поражение на парламентских выборах, вызванное проводимой им внутри страны политикой террора в отношении своих политических противников, вышел в отставку и уехал в Англию. После государ. переворота, последовавшего за поражением греческих войск в М. Азии, В. вновь выступил на политическую арену и был назначен чрезв. уполномоченным нового греческ. правительства при странах Антанты, затем, в начале 1924 г., вернулся в Грецию и был председателем Нац. Собрания и недолгое время премьером. После попытки завязать сношения с монархическими кругами должен был оставить страну. См. ниже, *Греция в эпоху мировой войны*.

Веннола, Юхо, д-р. физик. полит. деятель, лидер партии прогрессистов, в 1921 г. был премьер-министром, в 1922—23 г.г.—мин. иностр. дел в кабинете Каллио.

Вестарп, Фридрих Виктор Куно, граф, германск. полит. деятель, р. 1864 г., занимал административные должности, с 1908 г.—депутат рейхстага и с 1912 г.—возвед. консерваторов. После революции—член Нац. Собрания и с 1920 г.—депутат рейхстага, где является (вместе с Гергтом) лидером националистов, редактор „Kreuzzeitung“.

Вивьяни, Рене, французск. полит. деятель (см. X, 63—64), в 1913—14 г.г. был мин. народн. просв. и изящн. искусств в каб. Думерга; в 1914—15 г.г.—премьером и мин. иностр. дел (только до авг. 1914 г.), в 1915—17 г.г.—мин. юстиции в кабинетах Бриана и Рибо. Принимал участие в работах Лиги Наций. В. ныне находится в рядах *Républicains socialistes*, входящих в национальный блок, и состоит одним из лидеров этой партии в палате депутатов.

Вильгельм II, бывший герман. император (см. X, 127—9), после поражения на войне и начала революции 9 нояб. 1918 г. бежал в Голландию и 23 нояб. 1918 г. формально отрекся от престола. После смерти в 1921 г. императрицы Августы Виктории, последовавшей за ним в Голландию, В. вступил в том же году во второй брак с вдовствующей принцессой Рейс, Германной. В Голландии им каш-

саши „Vergleichenden Geschichtstabellen von 1878 bis zum Kriegsausbruch 1914“ (1922), по вопросу о виновниках войны, и воспоминания „Ereignisse und Gestalten 1878 bis 1918“ (1922, перев.). См. ниже, *Дипломатия эпохи мировой войны, Германия в эпоху мир. войны*.

Визаниг, Август, германск. полит. деятель, р. 1878 г., по профессии каменщик, принимал участие в проф. движении и издавал газету, с 1914 г.—депутат рейхстага, где принадлежал к правому крылу соц.-демократов. Кабинетом Макса Баденского был командирован в качестве генер. комиссара в оккупированную немецк. войсками Прибалтику. После того был обер-президентом Вост. Пруссии. Проявленное им сочувствие Капповскому путчу повлекло за собой исключение его из партии. Нап.: „Am Ausgang der deutschen Ostpolitik“.

Вирт (Wirth), Карл Иосиф, германск. полит. деятель, р. 1879 г., изучал математику и полит. эконом., потом был учителем гимназии, с 1913 г.—член баденской палаты депутатов, а с 1914 г.—депутат рейхстага, где принадлежал к партии центра. В первые месяцы революции В. был мин. финансов времен. баденского правительства, затем был выбран в Нац. Собрание и в 1920 г. вошел в кабинет Г. Моллера в качестве мин. финансов, на место ушедшего Эрцбергера, и сохранил этот пост в каб. Ференбаха. После отставки министерства Ференбаха исследовал лондонского ультиматума В. сформировал т. н. „кабинет выполнения“, поддерживавший „мелой“ коалицией (из центра, демократов и соц.-дем.). В этом каб. В., кроме обязанностей рейсхандлера, нес также обязанности мин. иностр. дел. После постановления Лиги Наций о разделе Дел. Сибири между Германией и Польшей В. вышел в отставку, но затем сформировал новый кабинет (окт. 1921). В ян. 1922 г. В. передал портфель мин. иностр. дел вернувшемуся с Капиской конференции В. Ратену, с кот. он вместе затем представлял Германию на Генуэзской конференции и заключил Радальский договор с РСФСР. Убийство Ратену и новый конфликт о Варшавей повлекли распад коалиции и отставку каб. В. в авг. 1922 г. С 1920 г. В. состоит депутатом рейхстага (центр).

Висконти-Веноста, Эмилио, итальянский дипломат (см. X, 309), ум. в 1914 г.

Виссель, Рудольф, германск. полит. деятель, соц.-дем., р. 1869 г., был механиком, участвовал в проф. движении и входил в Любекский рабочий секретариат, с 1908 г. до революции работал в Центр. рабочем секретариате в Берлине. После выхода незаконных из состава совета народных уполномоченных, в янв. 1919 г. вступил в него вместе с Носке, был затем членом Нац. Собрания, а с 1920 г.—депутатом рейхстага. Входил в качестве мин. народного хозяйства в кабинеты Нейдемана и Бауара. Пытался ввести „плановое хозяйство“, что встретило сильную оппозицию и вынудило его подать в отставку (см. *Социализация и национализация*). С 1919 по 1924 г. В. состоял секретарем и членом Центр. Комит. Всегерманского объединения профсоюз. союзов. Нап.: „Planwirtschaft“ и др.

Витос, Винцентий, польск. полит. деят., р. 1874 г. в креп. семье, посещал народную школу, был старшиной в деревенской общине, в 1908—14 г.—член галицкого ландтага, в 1911—18 г.—депутат австрийского рейхстага, руководитель „Польской народной партии“ в Галиции. В новой Польше—лидер одной из наиболее влиятельных партий сейма, партии залиточного крестьянства „Плст“. В 1920 г. во время русского наступления В. сформировал кабинет национальной обороны. В 1921 г. он вышел в отставку в связи с безработицей и финансовым кризисом. На президентских выборах влек. 1922 г. партия В. играла крупную роль, но В. не выставил своей кандидатуры, поддержав кандидатуру Войцеховского. В 1923 г. после падения кабинета Сикорского В. был вторично премьером.

Войцеховский, Станислав, польск. полит. деятель, р. 1869 г., учился на физико-матем. фак. Варшавского универс., принял участие в соц. движении и в 1891 г. должен был эмигрировать, в 1893 г. нелегально возвратился в Польшу, сблизился с Пилсудским и издавал вместе с ним „Robotnik“, в 1899 г. снова эмигрировал, в 1906 г. был аннотирован, вер-

жился в Польшу, работал в рядах ППС (польской социал. партии) и в области кооперативного движения. С началом войны В. организовал в Варшаве продовольств. комитет, в 1915—18 г. работал в Москве в качестве председателя внепартийного союза польских партий в России. В 1918 г. возвратился в Варшаву и был директором союза потребительских кооперативов. В 1919 г. входил в качестве мин. внутр. дел в кабинеты Падеревского и Скульского; после того был доцентом по кооперативному движению в Варшавском Коммерческом Институте; в 1922 г. назначен послом в Лондон. В дек. 1922 г., после убийства Нарутыча, избран президентом республики.

Вольф (Wolf), Теодор, германск. публицист, р. 1868 г., был парижским корреспондентом, а с 1906 г.—главным редактором самой большой немецкой газеты „Berliner Tageblatt“. До войны примыкал к левому крылу прогрессистов, а в вопросах внешней политики был близок к с.-д. После революции—член демократ. партии, в организации которой принимал деятельное участие.

Вулде, Рейнгольд, германск. полит. деятель, р. 1832 г., изучал теологию и историю, журналист, сотрудник реакционных изд., участвовал антимеметского движения, после революции—член партии националистов, из кот. вышел в 1922 г., образовал вместе с Грефе и исключенным из партии за причастность к убийству Ратенау Геннингом „Deutschvölkische Freiheitspartei“, включившую в свою программу, кроме борьбы с внешним врагом, борьбу с врагом внутренним—„ефрейком засильем“. Член рейхстага с 1920 г. Издатель „Deutsches Tageblatt“ в 1921 г. Нап.: „Waltenbrand“ (1911), „Preussen oder Polen“ (1915), „Mehr Land“ (1916), „Im Zeichen der Revolution“ (1919).

Вурж, Эмианкул, германск. писатель и полит. деятель (см. XI, 553). До 1906 г. и с 1912 г. был депутатом рейхстага. В 1916 г. при голосовании военных кредитов вторично против них и примкнул к независимым с.-д. В 1918—19 г. был министром по продовольствию (Volksnahrung), в 1919—20 г. состоял членом Нац. Собрания. Ум. в 1920 г.

Гаазе, Гуго, германск. полит. деятель, видный соц.-дем., р. 1868 г., был адвокатом. Еще в студенческие годы примкнул к соц.-дем. движению и в 1895 г. был первым соц.-демократом в кейнгобергском городском самоуправлении. С 1897 г. состоял (с перерывом в 1907—11 гг.) депутатом рейхстага. В 1908 г. на нюрнбергском партийном Г. было поручено вести социал. агитацию среди юности, в 1911 г. он был 2-м (после Бебеля) председателем партийного президиума, в 1913 г.—председат. с.-д. фракции рейхстага. Заявив 4 авг. 1914 г. что „в минуту опасности с.-д. не оставят отечества на произвол судьбы“, Г. стал затем вести пропаганду о необходимости расторжения „бургfriedenа“ с буржуазными партиями и в марте 1916 г. вместе с Диттманом, Ледбуром и др. откололся от большинства партии, возобновил против военных кредитов и сделался лидером группы меньшинства, из кот. в 1917 г. образовалась партия независимых с.-д., и председателем которой Г. оставался до своей смерти. В 1918 г. он был одним из шести народных уполномоченных (в числе трех независимых с.-д.) временно управляющих страной после провозглашения республики. В дек. 1918 г., после подавления восстания матросов в Берлине, вышел вместе с другими независимыми из совета народных уполномоченных. В окт. 1919 г. на него было произведено покушение, он был ранен и через месяц скончался.

Гайндман (Hindman), Генри, англ. полит. деятель (см. XII, 339), ум. в 1921 г. Нап.: „The Future of Democracy“ (1915).

Гайншис (Hainisch), Михаил, австрийский полит. деятель, р. 1856 г., в молодости был чиновником, но затем, вследствие болезни глаз, вышел в отставку и занялся сельским хозяйством в своих имениях, отдавая также много времени публицистической деятельности. Раньше он склонялся к социализму и основал вместе с Пернерсторфером и др. о-во по образцу английского „Fabian Society“, но потом превратился в консервативного агрария. Стоя в стороне от политических партий и не будучи членом рейхстага, он тем не менее пользовался большой личной популярностью, и во время войны ему было поручено вести правительственную монополию на зерновой хлеб. В

конце 1920 г. он был избран президентом австрийской республики. Нап.: „Zukunft der deutschen Oesterreicher“ (1892), „Zur Wahlreform“ (1895), „Kampf ums Dasein und Sozialpolitik“ (1899), „Heimarbeit“ (1906), „Entstehung des Kapitalismus“ (1907), „Voraussetzungen und Berechtigung des Sozialismus“ (1919) и др.

Галлер Ф. Галленбург, Иосиф, полск. генерал и полит. деятель, р. 1873 г. в Галиции, учился в военно-технической академии в Вене, был артиллерийским офицером, затем вышел в отставку и занялся сельским хозяйством. В мировую войну служил в австрийских войсках во главе польского легиона, с которым перешел в 1917 г. к русским, затем был разбит на Украине немецкими войсками, уехал во Францию и там сделался начальником формировавшихся во Франции польских войск („Армия Г.“). В 1919 г. вместе со своей армией прибыл в Польшу и в 1920 г. принимал активное участие в отражении русского наступления на Варшаву. В 1921 г. ездил в Бухарест для заключения военного союза с Румынией, потом был сделан генерал-инспектором артиллерии. Ярый сторонник Г. оказался замешанным в убийстве президента Нарутыча в дек. 1922 г. и должен был выйти в отставку.

Гальвановский (Galvanaukas), Е., литовск. полит. деятель, организатор „Крест. Союза“ в Литве в 1905 г., демократ, делегат Литвы на царской мирной конференции, в 1919 г.—литовск. премьер, мин. финансов, торг. и пром., в 1920 г.—мин. финансов, в 1922—23 г.—премьер-министр и мин. иностр. дел. После того вновь—мин. иностр. дел.

Гальворсен (Halvorsen), Отто, норв. полит. деятель, юрист, лидер консервативной партии. После отставки Клаудена был премьер-министром и мин. юстиции в 1920—21 г.

Гамма (Hamm), Эдуард, германск. полит. деятель, р. 1879 г., адвокат, работал в мюнхенском муниципалитете, в 1919 г. был баварским мин. торговли, вышел в отставку после убийства Ратенау, в 1920—24 г.—депутат рейхстага (демократ), в 1923—24 г. входил в кабинет Маркса в качестве мин. нар. хозяйства.

Ганди, Мохандас, индусский полит. деятель, р. 1869 г., обучался в Англии, был адвокатом, долгое время жил в Южной Африке, в 1914 г. вел переговоры со Сметсом о смягчении законодательства против иммиграции индусов в Натале. Вернувшись на родину, он стал здесь во главе движения насильного сопротивления английскому правительству и администрации и бойкота английских товаров („Non Co-operation Movement“); он стремился объединить индусов и моголов и проповедывал братское отношение к низшим кастам; его взгляды сложились в значительной степени под влиянием чтения Л. Н. Толстого; в 1922 г. он был арестован и приговорен к 6 годам тюремного заключения. В 1924 г. отказался от своей радикальной программы и был выпущен на свободу до срока. Издатель газет „Young India“ и „Navjvan“. Собрание произнесенных им речей выш. в 1921 г. под названием „Freedom's Battle“.

Гамбетта (Gambetta), Габриель, франц. историк и полит. деятель (см. XII, 824), в 1921 г. был членом франц. делегации в Лиге Наций. Нап.: „Histoire de la Guerre de 1914“ (1914), „Le Traité de Versailles“ (1919), „Histoire de la Nation Française“ (1920).

Гарвин, Джемс, видный англ. публицист, умеренно-консерват. направления, пользуется крупным влиянием в вопросах иностран. политики, р. 1868 г., ирландск. происхождения сотрудничал в „Fortnightly Review“, „Daily Telegraph“ и др., с 1908 г.—издатель „Observer“a. Нап.: „Economics of Empire“, „Maintenance of Empire“, „Economic Foundations of Peace“ (1919) и др.

Гарден, Максимилиан, германск. публицист (см. XII, 540—41). Нападавший на Вильгельма за слишком позднее объявление войны, Г. после революции выступил в роли пацифиста и анархо-социалиста. Вскоре после убийства Ратенау на него было произведено националистами неудачное покушение.

Гардинг, Уоррен, америк. полит. деятель, р. 1865 г., был журналистом, потом занялся политической деятельностью, в 1914 г. был избран в сенат Соедин. Штатов, в 1917 г. поддерживал войну, но противился введению контроля над продовольствен-

ными запасами. По окончании войны он был противником ратификации Версальского договора и Лиги Наций. В 1920 г. в качестве кандидата республиканской партии был избран президентом Соед. Штатов и придерживался в дальнейшем политики невмешательства в европейские дела. Ум. в 1923 г. Нап.: "Rededicating America" (1920), "Our Common Country" (1920).

Гарсия Эрнесто, Мануэль (маркиз де Альгусемас), испанск. полит. деятель, лидер фракции приетистов, выделившейся из либеральной партии после раскола по вопросу о местном самоуправлении (см. ниже, *Испания в эпоху мировой войны*). В 1917, 1918 и 1922—23 гг. был мин.-президентом. Последнее правительство Г. было свергнуто в сент. 1923 г. переворотом Примо де Риверы.

Гартманн, Лидо, австр. историк и полит. деятель, сод.-дем., р. 1865 г., сын Морца Г. (см.), профессор университета в Вене, член Нап. Совета, в 1918—19 г. был австр. послом в Берлине и добивался объединения Нем. Австрия с Германией. Нап.: "Geschichte Italiens im Mittelalter" (4 т., 1897—1915), "Der Untergang der antiken Welt" (1908), "Th. Mommsen" (1908), "Der Krieg in der Weltgeschichte" (1916) и др. Выпускает "Weltgeschichte" (1919 и сл.).

Гартсхорн, Вернон, англ. полит. деятель, был председ. южно-уэльского союза углекопов, член рабочей партии. В 1924 г. входил в каб. Макдональда в качестве мин. почт и телеграфов. Член парламента.

Гастингс, Патрик, английский полит. деятель, р. 1880 г., был генер. прокурором в правительстве Макдональда в 1924 г. Отказался от обвинения редактора коммунистической "Workers Weekly" Д. Кембеля (см.), что повлекло за собой выражение волею недоверия правительству и назначение новых парламентских выборов. Член парлам. от Рабочей п.

Гауз (House), Эдвин Макдэлл, полковник, американск. полит. деятель, член демократ. партии, р. 1868 г., личный друг герц. Уэльсона; не занимая никакого официального поста, пользовался очень большим влиянием, посылался Уэльсоном в Европу с различными ответственными дипломатическими поручениями (представлял Соед. Штаты в Высшем Военном Совете в 1917 г., участвовал в Версальской мирной конференции в 1918—19 г., принимал участие в разработке статута Лиги Наций и др.). Впоследствии вместе с Лансингом разошелся с Уэльсоном. Нап. вместе с Ч. Сеймуром "What really happened at Paris".

Гаузер, Иоганн Непомук, австр. полит. деятель, христ. социалист, р. 1866 г., католик, священник, состоял депутатом рейхрата, после 1918 г. был вторым президентом Временного, а потом Учредительного Национал. Собрания. После того—член Нап. Совета.

Гаусеман, Конрад, германск. полит. деятель, р. 1857 г., адвокат, с 1889 г.—член Вюртембургского ландтага и с 1890 г.—депутат рейхстага ("Volkspartei"). В кабинете Макса Вальдекского в 1918 г. Г. был парламентским секретарем. После революции он был организатором объединения "Fortschrittliche Volkspartei" и "Nationalliberalen Partei Württembergs" в терм. демократическую партию и состоял председателем демократ. фракции рейхстага до своей смерти в 1922 г. Г. известен также как посылщик оверим тоном китайск. поेषа под заглавием "Im Tau der Orchideen".

Гауц, Пауль, барон, австрийск. полит. деятель (см. XII, 628), ум. в 1918 г.

Гегедюм (Hegedűs), Роланд фон, венгерск. полит. деятель, р. 1872 г., изучал гос. право, служил минист. финансов, с 1913 г.—директор-распорядитель Венгерск. Коммерч. Банка в Будапеште, с 1916 г. проф. университета, в 1898—1905 гг. и с 1910 г.—депутат ("деповая партия"). Лицал по вопросам социологии, эмиграции, финансов. В 1920—21 г. был мин. финансов в каб. Бетлена, пытался оспорить венг. финансы, между прочим, путем аннулирования иностр. долгов.

Гех (Guesde), Жюль, французск. полит. деятель, (см. XIII, 48—49), война превратила его в патриота и в 1914—16 гг. он занимал должность министра без портфеля в кабинете Вивьяни и Брана. Ум. в 1922 г.

Гейер (Geiger), 1) Фридрих, германск. полит. деятель, р. 1853 г., фабрикант оптар, в 1890—95 г.—редактор "Leipziger Volkszeitung", в 1885—97 г.—член Саксонской палаты депутатов, с 1886 г.—член рейхстага (с.-д.), в 1916 г. вместе с Гаузе и др. отко-

лолся от большинства партии, в 1919—20 г.—член Нап. Учр. Собр. (независим. соц.), в 1918—19 г. был саксонск.-мин. финансов. 2) Курт, сын предыдущего, р. 1891 г., журналист, в 1917—20 г.—ред. "Leipziger Volkszeitung", член Нап. Учр. Собр. (независим. соц.), в 1920 г. примкнул к коммунистам и издавал вместе с Лейбмигом "Kommunistische Rundschau". Нап.: "За III Интернационал" (русск. пер. 1920 г.) и др.

Гейманс (Huyman), Поль, бельг. полит. деятель, р. 1866 г., адвокат, в 1900 г.—проф. университет в Брюсселе, с 1900 г.—депутат, лидер либеральной партии, в 1905 г.—мин. внутр. дел, с началом войны вступил в консерв. правительство де-Броквиля, в 1915—17 г. был послом в Лондоне, затем мин. иностр. дел, в 1918—19 г.—мин. иностр. дел в коалиционном правительстве Деламура, в 1924—5 г. занимал этот же пост во втором кабинете Тениса. Состоит представителем Бельгии в Совете Лиги Наций. Нап.: "Histoire parlementaire de la Belgique" и др.

Гейне, Вольфганг, германск. полит. деятель, правый сод.-дем., р. 1861 г., адвокат, с 1898 г.—депутат рейхстага, в 1918 г.—член Нап. Собрания, после революции был (с дек. 1918 г.) прусск. мин. юстиции, а затем мин. внутр. дел (до марта 1920 г.). Много писал по вопросам партийной политики.

Гейнке, Карл Рудольф, германск. полит. деятель, р. 1865 г., служил в судебном ведомстве, член рейхстага (национал-либерал) в 1907—12 г., в 1916 г.—секр. турецк. мин. юстиции, в 1918 г. до революции—мин. юстиции в Саксонии, в 1919—20 г. член Нап. Учр. Собрания от народной партии, основателем которой Г. был вместе со Штрессманом, министр юстиции и вице-канцлер в кабинетах Ференбаха (1920—21) и Куно (1922—23).

Гейкерт, Фридрих, германск. полит. деятель, коммунист, р. 1884 г., был каменищиком, жил долго в Париже и Швейцарии. Во время войны принимал участие в организации союза "Спартак" и в 1918 г. был председателем совета раб. деп. в Хемнице (Саксония). В 1923 г. входил в состав саксонского раб. правительства Цейтнера в качестве мин. нар. хоз. Состоит членом центр. комит. комму. партии и работает в области проф. движения.

Геллеин (Hellein), Эмиль, герм. полит. деятель, коммунист, р. 1880 г., был слесарем, потом учителем языков, в 1915—18 г. находился в армии, с 1921 г.—редактор "Neue Zeitung" в Йене, с 1920 г.—депутат рейхстага.

Гельферих (Heiferich), Карл, герм. полит. деятель, р. 1872 г., был профессором Берлинского университета, директором Аноатологической жел. дороги (1906 г.), директором Германского банка (1908 г.), во время войны был назначен сверх министром финансов (1916 г.), потом министром внутренних дел и вице-канцлером (1916 г.), был сторонником неограниченной подводной войны. В 1918 г. он был назначен посланником в Москву на место убитого графа Мирбаха, но не вступил в должность. После революции был лидером партии националистов (консерваторов), вел ожесточенную полемку с Эрбергером. Погиб в 1924 г. при железнодорожной катастрофе. Нап.: "Die Reform des deutschen Geldwesens" (1898), "Handelspolitik" (1901), "Geld und Banken" (1908), "Der Weltkrieg" (1916), "Die Politik der Erfüllung" (1922), "Развитие нар. хозяйства Германии с 1888 по 1913" (русск. пер. 1920) и др.

Гендерсон, Артур, англ. полит. деятель, р. 1863 г., был рабочим и деятельным участником профессионального движения. С 1903 г. он состоял членом парламента в качестве представителя Рабочей партии и несколько раз был официальным лидером партии. С началом войны, после отказа парламента Макдональда от лидерства в Рабочей партии, Г. занял его место и в 1915 г. вошел в коалиционный кабинет Аскита в качестве президента деп. образования (министра народного просвещения) и в то же время был советником правительства по всем вопросам труда, возникающим в связи с войной. В кабинете Ллойд-Джорджа он сделался одним из четырех членов малого военного кабинета. В 1917 г. он совершил поездку в Петроград по поручению правительства, после чего прамкнул в мнению о желательности участия союзных стран в международной социалистической конференции в Стокгольме и в связи с этим вышел в отставку. После того он стал больше скло-

яются в сторону пацифизма, и на общих парламентских выборах конца 1918 г. был забаллотирован. Впрочем, он вернулся в парламент уже в следующем году на дополнительных выборах. После войны играл видную роль во II Интернационале и на объединительном съезде 2-го и 2½ Интернационалов в Гамбурге в 1923 г. был избран председателем Исполкома. Покинул этот пост, чтобы занять должность мин. внутр. дел в кабинете Макдональда, вместе с которым вышел в отставку в окт. 1924 г. Нап.: „Socialism and the Labour Party“ (1912), „Aims of Labour“ (1918).

Генинг (Haenisch), Конрад, германск. писатель и полит. деятель, р. 1876 г., в юности примкнул к социалист. движению, оставил гимназию, порвал с родными и поступил на службу в книжный магазин в Лейпциге, одновременно слушая лекции в университете. По окончании его занялся журналистикой, редактировал радикальные с.-д. газеты вместе с Леденбуром, Лечем и Мерингом, был близок с Радеком и Р. Люксембург, подвергался тюремному заключению. В 1913 г. был избран в прусскую палату депутатов. В годы войны совершил крутой поворот направо, заявив яро-шовинистическую позицию, отставная политика аннексий и необходимость неограниченной подводной войны. После революции был до 1921 г. прусским мин. исповеданий. В 1922 г. назначен окружн. президентом Висбадена. Ум. в 1925 г. Нап.: „Staat und Hochschule“ (1920), „Neue Bahnen der Kulturpolitik“ (1921) и др.

Генингитц, Вильгельм, германск. полит. деятель, р. 1879 г., офицер генер. штаба, после Брестского мира входил в состав германского посольства в России; был членом партии националистов, из которой исключен за причастность к убийству Ратенау. Вместе с Вудле (см.)—один из организаторов антисемитской „Deutschvölkische Freiheitspartei“. С 1920 г.—депутат рейхстага.

Георг I, король греческий (см. XIII, 340), убит в 1913 г.

Георг II, король греческий, р. в 1890 г., старший сын короля Константина, вступил на престол в 1922 г. после отречения своего отца, в 1923 г. сам должен был отречься.

Гергей, Артур, венгерск. революционер и полководец (см. XIII, 379), ум. в 1916 г.

Гергт (Hergt), Оскар, германск. полит. деятель, р. 1869 г., служил в прусск. мин. финансов, потом занимал административные должности, с 1917 г. и до революции был мин. финансов в Пруссии, с 1920 г.—депутат рейхстага. Один из основателей и председатель партии националистов („Deutschnationale Volkspartei“).

Герзинг (Hörzing), Фридрих Отто, германск. полит. деятель, правый соц.-дем., р. 1874 г., по профессии металлист, принимал участие в проф. движении. Во время революции был председ. Совета рабоч. и солд. деп. в В. Силезии, с 1920 г.—обер-президент пров. Саксон. Депутат рейхстага. Один из главных организаторов внепартийного республиканского союза „черно-красно-золотого знамени“, имеющего целью борьбу с „черной и красной опасностью“.

Герлах, Гельмут фон, германск. писатель и полит. деятель, р. 1866 г., занимал админ.-юр. должности, потом занялся журналистикой и сделался главн. редактором „Welt am Montag“. В 1903—04 г.—депутат рейхстага, один из основателей национал. социал. партии, в 1908 г. вместе с Т. Бартом и Врейтшайдом был организатором „демократического объединения“, после революции—член демокр. партии, из которой исключен в 1922 г. за пацифистскую пропаганду. Председатель „Deutsche Friedensgesellschaft“. Нап.: „Der Zusammenbruch der deutschen Polenpolitik“ (1919) и др.

Гермес, Андреас Вильгельм, германск. экономист и полит. деятель, член партии центра, р. 1878 г., окончил сельско-хоз. академию, служил в герм. сел.хоз. о-ве в Берлине, в 1911—14 г. работал в Междунаро. сел.-хоз. Институте в Риме и издавал „Bulletin des Renseignements agricoles“, с 1918 г. стоял во главе сел.-хоз. департ. мин. народн. хозяйства, с 1920 г.—мин. продовольствия и земледелия, сохранил этот пост в каб. Миллера, Ференбаха и Вирта, несмотря на ревкую критику со стороны соц.-дем., с 1922 г.—мин. финан. во втором каб. Вирта, пы-

тался завязать сношения с франц. финансовыми кругами, но встретил оппозицию со стороны Вирта. Был мин. финан. и в каб. Куно, до его падения в авг. 1923 г. Принадлежит много работ по сельск. хозяйству. Он состоит редактором партийной газеты „Germania“.

Гертлинг, Георг, германск. полит. деятель, р. 1843 г., был проф. философии Мюнхенского уния, с 1875 г.—депутат рейхстага (партия центра), в 1912 г. был назван баварским министром-президентом, а в 1917 г. после Михаэлиса—имперским канцлером, пытался наладить отношения между правительством и рейхстагом, в 1918 г. вышел в отставку. Ум. в 1919 г. Нап.: „Erinnerungen aus meinem Leben“ (1919).

Герцог (Hertzog), Якоб, бурский генерал и полит. деятель, р. 1863 г., голландского происхождения, был судьей в Оранжевой республике и принял мал весьма деятельное участие в войне буров за независимость. По окончании войны он остался врагом Англии и хотя вступил в первый федеративный кабинет Боты в качестве министра юстиции (1910), но скоро вышел в отставку. Во время войны он был противником помощи Англии, но не примкнул к восстанию Девета. Стоит во главе бурских националистов, добивавшихся полной независимости колоний. После победы оппозиции на парламентских выборах в 1924 г. занял пост премьер-министра южно-африканского правительства.

Гесслер, Отто, германск. полит. деятель, р. 1875 г., по образованию юрист, был обер-бургомистром Регенсбурга и Юренберга, с 1920 г.—депутат рейхстага (демократ). В 1919 г. был мин. восстановлений в кабинете Бауера. После капitulского путча в 1920 г. заменил Поске на посту мин. обороны и эту должность сохранил во всех последующих кабинетах, включая и кабинет Лютера 1925 г. Во время октябрьских событий 1923 г. подавил военной силой восстание в Саксонии и Тюрингии.

Гец (Heitzsch), Отто, герман. публицист и полит. деятель, р. 1879 г., профессор истории Берлинск. университета, видный член партии националистов, редактор иностранного отдела „Kreuzzeitung“. Депутат рейхстага с 1920 г.

Гюлле (Hülle), Антон, герман. полит. деятель, член партии центра, р. 1882 г., юрист и экономист, депутат рейхстага с 1920 г. Был министром почт и телеграфов и мин. оккупированных областей во втором кабинете Шпремзана. В 1925 г. в связи с возбудившим против него следствием о получении денежных сумм от концерна Вармат сложил с себя депутатские полномочия и был арестован. В тюрьме закончил самоубийством. Нап.: „Handwerkerkongress“, „Kompas für die Frau im Handwerk“, „Was haben wir vom Hansabund“, „Beamtenläge“ и др.

Гибер (Hieber), Иоганн, герман. полит. деятель, р. 1862 г., был пастором, учителем гимназии, в 1898—1910 г.—депутат рейхстага, где принадлежал к национал.-либералам, в 1900—1910 г. и с 1912 г.—член вюртемб. ландтага. После революции—чл. демократической партии. В 1919 г.—вюртемб. мин. исповеданий, с 1920 г.—президент Вюртемберга. Был кандидатом в рейхсканцлеры после отставки Шпремзана в 1923 г.

Гикс (Hicks), Уильям Джойнсон, англ. полит. деятель, консерватор, р. 1865 г., председ. торговых компаний и о-в, президент национальн. церковной лиги, с 1906 г.—член парламента, в 1922 г. был председ. парламентской комиссии по иностр. делам, в 1923 г.—ген.-почтмейстером в каб. Бонар Ло, во вюрте 1924 г. вошел в каб. Болдуина в качестве мин. внутр. дел. Нап.: „The Law of Traction on the High-Ways“, „The Command of the Air“ (1916) и др.

Гинс-Бич, Майкель Эдуард, англ. полит. деятель (см. XIV, 531—2), в 1916 г. получил графский титул; ум. в 1916 г.

Гильфердинг, Рудольф, немец. экономист и полит. деятель, р. 1877 г. в Вене, по образованию врач, был членом с.-д. партии и принадлежал вместе с О. Бауером и Реннером к т. н. австрийск. школе марксизма. В 1906 г. переехал в Германию и здесь занялся публицист. деятельностью, редактировал „Neue Zeit“, а потом „Vorwärts“, издавал „Marxismus“. Из его работ наиболее значительной является „Das Finanzkapital“ (1910), перевод. и на русск. яз.,

в которой он дает блестящий анализ банкового капитала, как решающего фактора новейшей стадии капитализма. В рядах германок, с.-д. Г. принадлежал к группе центра. Во время войны он примкнул к независимым и сделался главн. редактором „Freiheit“. Вместе с Каутским и Брейтшайдом Г. возглавлял правое крыло независимых, был противником вступления в Комитет и одним из инициаторов слияния с с.-д. В 1923 г. он входил в первый каб. Штрессмана в качестве мин. финансов. После неудачной попытки стабилизировать марку вышел в отставку, уступив свое место Лютеру. В 1924 г. избран в рейхстаг. В 1918—19 г. Г. был членом правительств. комиссии по социализации и по этому вопросу им написана работа „Die Sozialisierung und die Machtverhältnisse der Klassen“.

Гинденбург, Пауль, см. XLVI, *Военные деятели эпохи четырнадцатой войны.*

Гинце (Hinze), Пауль, герм. адмирал и дипломат, р. 1864 г., служил во флоте, был морским атташе в Петербурге, в 1911 г. — посол в Мексике, в 1915 г. — в Китае, в 1917 г. — в Швеции. В июле 1918 г. после отставки Кюльмана — мин. инстр. деп. С окт. 1918 г. был представителем правительств. комиссии при главной военной квартире и в ноябре вел переговоры об отречении Вильгельма.

Гиррич (Hirrich), Пауль, германск. полит. деятель, соц.-дем., р. 1868 г., обучался медицине, но потом обратился к изучению социальных наук, с 1908 г. — член прусской палаты депутатов, лидер ее соц.-дем. фракции, в 1919 — 20 г. — прусский мин.-президент, с 1921 г. — бургомистр Шарлоттенбурга. Нап.: „Verbrechen und Prostitution“ (1907), „Kommunale Wohnungspolitik“ (1908), „25 Jahre sozial-demokratischer Arbeit in der Gemeinde“ (1908), „Aufgaben der deutschen Gemeindepolitik“ (1921).

Гисберто (Giesberts), Иоганн, деятель профсоюзного движения и полит. деятель Германии, р. 1865 г., работал в качестве подмастерья у пекаря и пивовара, затем был рабочим по металлу и кочегаром, в 1897 г. организовал христианск. союз металлистов и был делегатом на международ. рабочей конфер. в Шпурхе, в 1899 г. — редактор „Westdeutsche Arbeiterzeitung“, с 1905 г. — депутат рейхстага (партия центра), с 1906 г. — член прусской палаты депутатов, в 1919—20 г. — Наппон. Учред. Собр. В февр. 1919 г. Г. занял пост мин. почт в каб. Шейдемана и оставался им до падения второго каб. Вирта в 1922 г. Был членом герм. мирной делегации в Париже в 1919 г. С 1920 г. снова депутат рейхстага.

Гитлер, Георг, германск. полит. деятель, р. 1889 г., был художником, участвовал в мировой войне в качестве добровольца, деятельный член национально-социалистической партии, (баварский филиал вышедшего из партии националистов ее правого антисемитского крыла, „Deutschvölkische Freiheitspartei“); состоял редактором „Völkischer Beobachter“. В 1923 г. пытался произвести в Мюнхене государственный переворот, но не имел успеха несмотря на поддержку Лудендорфа. Был арестован и приговорен к заключению в крепости, в янв. 1925 г. амнистирован баварским правительством.

Гогенлоэ (Hohenlohe), Конрад, князь, австр. полит. деятель (см. X, 274), в 1915—16 г. был мин. внутр. дел, в 1917—18 г. — мин. двора. Ум. в 1918 г.

Годар (Godart), Жюстен, франц. полит. деятель, р. 1871 г., адвокат, депутат от деп. Роны, во время войны был пом. воен. мин. и руководил медицинским делом в армии, в 1924—25 г. был мин. труда и здравоохранения в каб. Эррио.

Годден (Haldane), Ричард Берлон, англ. полит. деятель, р. 1856 г., образование получил частью в Германии, был адвокатом и в 1886 г. был выбран в парламент, где принадлежал к либеральной партии. В кабинетах Камберленд-Баннермана и Аскота он был военным министром (1906—12 гг.), а потом занимал должность лорд-канцлера (1912 — 15 гг.), будучи еще в 1911 г. возведен в бары с титулом виконта. У него было много личных связей в Германии и он был определенным сторонником сближения Англии с этой страной, поэтому после объявления войны, хотя он и не последовал примеру Морлея и не подал в отставку, его положение стало несколько шекотливым, и при образовании коалиционного кабинета в 1916 г. он уже не вошел в его состав. Не у дел он оставался до 1924 г.,

когда он вновь занял должность лорд-канцлера в кабинете Макдональда. Помимо политики Г. уделял много времени писательской работе, особенно в области философии. Ему принадлежат книги: „Essays in Philosophical Criticism“, „The Pathway to Reality“, „The Reign of Relativity“ (1921), перевод Шопенгауэра на английский язык, монография об Адаме Смите и др.

Голдхузе-Бекки, Агнес, австрийск. полит. деятель, (см. XV, 370). Ум. в 1921 г.

Гомес, Мануэл Тексейра, португ. полит. деятель, радикал, р. 1862 г., был послом в Лондоне, в 1923 г. избран президентом португ. республики.

Гомпере, Самюэль, деятель америк. рабоч. движения, р. 1850 г. в Англии, но еще в детстве переселился в Соедин. Штаты, где сделался сигарным мастером, принял деятельное участие в рабочем движении и с 1882 г. стал во главе Американской Федерации Труда, объединяющей правые элементы рабочего движения. В 1894 г. был заменен на этом посту председателем союза шахтеров, но уже в следующем году снова избран председателем Федерации Труда и оставался им в течение сорока лет до своей смерти. Во время войны, был сторонником политики Уильсона; в 1919 г. участвовал в Парижской мирной конференции и был председателем международной комиссии по рабочему законодательству, в 1922 г. входил в состав американской делегации на Вашингтонской конференции. Был сторонником политики изоляции по отношению к Сов. России. Ум. в дек. 1924 г.

Гонатас, М., полковник, греческ. полит. деятель, демократ, один из вождей переворота 1922 г., был премьером в 1922—23 г.

Гор (Hoare), Самюэль, англ. полит. деятель, консерватор, р. 1890 г., в 1906 г. был секр. министерства колоний. В 1906 г. избран в парламент. В 1921 г. — предст. Англии в Лиге Наций, член комиссии по оказанию помощи русским эмигрантам, после того — министр воздухоплавания в кабинете Бонар-Ло и Болдуина в 1922—23 г. и вновь в каб. Болдуина с 1924 г.

Горн (Horne), Роберт Стевенсон, англ. полит. деятель, консерватор, р. 1871 г., читал лекции по философии, потом занимался юриспруденцией, в 1918 г. избран в парламент. В коалиционном правительстве Ллойд-Джорджа был мин. труда (1919—20), президентом г-та промышленности и торговли (1920—21) и канцлером казначейства (1921—22). В 1923 г. перешел на службу к Болдуину в качестве директора торгово-войска „Болдуин и Ко“.

Готгейн, Георг, герман. полит. деятель, р. 1857 г., окончил горную академию, был на госуд. службе, потом служил в бреславльск. торг. палате, с 1893 г. — член прусской палаты депутатов, с 1901 г. — депутат рейхстага (прогрессист). После революции — один из основателей демократ. партии. В 1919 г. входил в каб. Шейдемана в качестве мин. казначейства. Вышел в отставку после подписания Вердского договора. Нап. „Warum verlies wir den Krieg“, Кроме того у Г. имеются работы по вопросам народн. хоз.: „Planwirtschaft“, „Die Verstaatlichung des Kohlenbergbaues“ и др.

Гото, Шимпэн, виконт, японск. полит. деятель, р. 1856 г., изучал медицину в Японии и Германии, в 1906 г. — директор Южно-Манчжурской железн. дор., в 1908—11 и 1912—13 гг. — мин. путей сообщ. в каб. Катокуэ, вместе с ним основал в парлам. партию дошкэй, из кот. скоро, однако, вышел, в 1916—18 г. — мин. сначала внутр., а потом иностр. дел, в 1921 г. — мин. Токио, в 1922 г. — мин. внутр. дел в каб. Яямато. Писал по вопросам японской политики. Сторонник соглашения с СССР.

Готфман (Hoffmann), 1) Адольф, герман. полит. деятель и писатель, р. 1858 г., был гравером, маляром, живописателем и писателем. Приобрел известность своей книгой „10 законов и имидже классов“, был одним из первых соц.-дем., избранных в прусский ландтаг, в 1904—06 г. и с 1908 г. — депутат рейхстага. Во время войны примкнул к независимым с.-д., а потом вошел в коммунист. партию, от которой был избран в рейхстаг в 1920 г. Во время революции был народн. уполном. в прусском мин. исповеданий.

2) Артур, шведск. полит. деятель, р. 1857 г., адвокат, с 1911 г. — член Союзного Совета, с 1914 г. в качестве президента Союза — руководитель швейцарской внешней политики. В 1917 г. вышел в отставку

под давлением Антанты, т. к. обнаружилась его попытка, при помощи находившегося в России секретаря, соп. партии Р. Гримма, завязать мирные переговоры между Германией и Россией.

Грабский, Владислав, польск. полит. деятель, был членом I и II Гос. Думы (см. ХУІІ в', 32', 69'). Во время войны находился в русской армии. После заключения мира вернулся в Варшаву и был некоторое время интригован немецкими властями. С образованием независимой Польши возглавлял правое крыло сейма (национал-демократов), в 1918 г. занимал пост мин. народн. хоз., в 1919 г. входил в состав польской делегации на мирной конференции в Париже, был мин. финансов в кабинетах Падеревского и Скульского (1919), потом — мин.-презид. (1920). Во время русского наступления уступил место премьера Витосу, представлял Польшу на конференции в Спа, где за финансовую поддержку отказался от территориальных домогательств Польши и принял условия союзников («Короновскую линию» и раздел Тешена), в связи с чем вышел из нац.-демокр. партии и примкнул к умеренно-правым. Был мин. финансов в обоих кабинетах Витоса (1920 и 1923 г.) и в кабинете Сикорского. В дек. 1923 г. стал премьер-министром и мин. финансов. Провел финансовую реформу, стабилизировавшую в февр. 1924 г. польскую марку.

Градауер, Георг, германск. полит. деятель, с.-д., резизионист, р. 1866 г., изучал историю и философию, после военной службы примкнул к с.-д.-движению, сотрудничал в „Schlesische Arbeiterzeitung“, в 1897—1905 г. г. был редактором „Vorwärts“, а из которого вышел вследствие расхождения во взглядах, после того редактировал „Dresdner Volkszeitung“; в 1898—1906 г. и с 1912 г. — депутат рейхстага. После революции в ноябре 1918 г. — саксонский мин. внутр. дел., затем — мин. внутр. дел. в 1919—20 г. мин.-президент. В первом кабинете Вирта (май—окт. 1921 г.), занимал пост мин. внутр. дел. после того назначен представителем Саксонии в Берлине. Г. принадлежал к историческим и соц.-полит. работы (вместе с Р. Шмидом нап. „Die deutsche Volkswirtschaft“ (1921).

Грассман, Петер, деятель германск. проф. движения, р. 1873 г., наборщик, член Центр. Ком. Свободы. Профсоюз. представитель Германия в ген. Совете Амстердамского Интернационала.

Грациани, Антонио, итальянск. полит. деятель, коммунист, р. 1873 г., проф. университета, состоял членом центр. комит. итальянск. социалист. партии, одно время был близок к реформистскому синдикализму. Во время войны занимал интернационалистическую позицию, в 1920 г. был одним из лидеров вышедшей из соц. партии коммунистич. группы; был затем делегатом итальянск. ком. партии на II конгрессе Коминтерна. Член итальянск. палаты депутатов.

Гребер, (Gröber), Адольф, германск. полит. деятель, р. 1854 г., был советником земского суда, с 1887 г. — депутат рейхстага, лидер католического центра. Входил в качестве мин. без портфеля в кабинет Макса Баденского в окт.—ноябре 1918 г. После революции — член Нац. Учред. Собрания. Ум. в 1919 г.

Грей, Эдуард, англ. полит. деятель (см. ХУІ, 486). В своей деятельности проводил политику тесного общения с Францией и Россией (см. ниже, *Дипломатия эпохи мировых войн*). Оставался министр. иностранных дел до конца 1918 г., когда вышел в отставку вместе с Асонитом, и был возведен в пары с титулом виконта. Вследствие болезни глаз был принужден несколько лет участия в политической жизни. В 1919 г. он был послан на специальную дипломатическую миссию в Соединенные Штаты. В 1920 г. принял участие в организации о-ва содействия Лиге Наций, в 1921 г. выступал противником коалиц. каб. Lloyd-Джорджа.

Гренер (Grenser), Вильгельм, герман. генерал и полит. деятель, р. 1847 г., в 1912 г. был нач. железнодорож. отдела ген. штаба и в начале войны выдвинулся успешным проведение мобилизации транспорта, в 1916 г. стоял во главе деп. военного снабжения и был одним из инициаторов закона о трудовой повинности (Hilfsdienstgesetz). В 1918 г. — нач. штаба группы армий Липпевицкая, а потом Эйхгорна. Находясь в германских оккупационных войсках на Украине, был одним из главных организаторов монар-

хического переворота, послышшего германа Скоропашского. После ухода Людендорфа назначен ген.-квартирмейстером. Вышел в отставку после подписания Версальского договора. В 1920 г. вошел в министерство Ференбаха в качестве мин. транспорта и сохранял этот пост в обоих кабинетах Вирта и в кабин. Куно. В февр. 1922 г. подавил путем репрессий забастовку железнодорожников. Нап.: „Der Weltkrieg und seine Probleme“ (1920).

Грефе (Graefe), Альбрехт фон, германск. полит. деятель, р. 1828 г., помещик, с 1912 г. — депутат рейхстага (консерватор). Во время войны командовал кавалер. полком и получил чин майора. После революции — член Нац. Собрания и деп. рейхстага от националистов. В 1922 г. вместе с Вулле и Геннингеном организовал „Deutschvölkische Freiheitspartei“. Выл замешан в Гитлеровском перевороте.

Григгис, Роберт, швейцар. полит. деятель, секретарь швейц. социалист. партии, главный редактор „Berner Tagwacht“, участник Диммервальской и Кинтальской конференций. Находясь в 1917 г. в России, пытался сыграть посредническую роль в деле заключения мира между Германией и Россией, для чего вступил в союжения с швейцарским президентом Гофманом. В связи с этим был выслан из России Временным Правительством. В 1921 г. был одним из организаторов Вельского („2½“) Интернационала.

Гриффите (Griffith), Артур, ирланд. полит. деятель, р. 1872 г., был журналистом, основал в 1906 г. партию шиффернов, ставившую себе целью независимость Ирландии, неоднократно подвергался аресту, в 1918 г. был избран в парламент от Ист-Кена, в 1919 г. занял должность министра внутренних дел в революционном правительстве Де-Валеры, но потом разошелся с последним, заняв более примирительную позицию; принял соглашение с Англией и был избран в янв. 1922 г. президентом Ирландской республики, умер в 1922 г. См. ниже, *Ирландия*.

Гувер (Hoover), Герберт, америк. полит. деятель, р. 1874 г., до профессии горный инженер, работал по своей специальности в Китае, Австралии и других странах. Во время войны, находясь в Лондоне, он организовал продовольственную и иную помощь населению Бельгии, оккупированной германскими войсками. Когда Соединенные Штаты вступили в войну, он отдал себя на ролние во главе продовольственного ведомства, а по окончании войны организовал продовольственную же помощь пострадавшему от войны населению средней Европы. В 1921 г. он организовал такую же помощь населению России, пострадавшему от неурожая (А. В. А.). С 1921 г. — мин. торговли в Соед. Штатах. Нап.: „Principles of mining“ (1906) и др.

Гуэрра, Санчез, испанск. политическ. деятель, р. 1869 г., юрист, после смерти Дато — лидер либерально-консервативной партии. В 1903—04 г. — мин. внутр. дел. в 1917—22 г. предс. палаты депутатов, в 1922 г. — мин.-президент. Вышел в отставку вследствие конфликта с офицерскими „junfas“.

Гуарни, Деметриус, греческ. полит. деятель, р. 1864 г., адвокат, с 1892 г. — депутат, лидер народной партии (крупи. землевлад.), в 1908 г. — мин. финансов, в 1916 и в 1921—22 г. — премьер-министр, был сторонником германофильской политики кор. Константина. В 1922 г. после переворота, послышшегося по поручению греческих войск в М. Азии, Г. вместе с другими министрами кор. Константина был обвинен в государственной измене и расстрелян по приговору революционного комитета.

Гусейн-Али, б. король Геджаса, р. 1856 г., был сначала пом. шерифа Мекки, а затем шерифом. Начиная с 1913 г., начал открыто вести антитурецкую политику. В 1916 г. стал во главе восставших арабов против турок и принял титул „султана Аравии“, но позднее по соглашению с союзниками был провозглашен королем Геджаса. После погоставления Нац. Собрания Турции об уничтожении халифата объявил себя халифом (см. ниже, *Аравия*). В септ. 1924 г. отрекся в пользу своего сына Али.

Гуссбю (Hussbüt), Карл, венгерск. полит. деятель, лидер христианск. социалистов, р. 1822 г., в 1919—20 г. был мин.-президентом после вынужденной отставки С. Фридриха (см.). Правительство Г. было признано державами Антанты в дек. 1919 г. и приглашено участвовать в мирных переговорах.

Гусарек, Максимилиан, барон, австр. полит. деятель, р. 1865 г., был профессором церковного права в Вейском университете, с 1911 г.—мин. народного просвещения, в июле—окт. 1918 г. был министром-президентом. Пытался путем предоставления национальной автономии остановить распадение Австро-Венгрии. Нап.: „Grundriss des österr. Staatskirchenrechtes“ (1899) и др.

Гуэ (Gué), Отто, германск. полит. деятель, правый с.-д., р. 1868 г., был слесарем и углекопом; принимал активное участие в профес. движении, с 1894 г.—редактор „Die Berg- und Hüttenarbeiterzeitung“, в 1903—11 г. и с 1920 г.—депутат рейхстага. После революции—член Нац. Собрания и советник прусск. министр. торговли и промышленности и член комиссии по социализации. В 1921 г. выступал совместно со Стяжеском на конференции в Спа в защиту интересов германской угольной промышленности. Ум. в 1922 г. Нап.: „Geschichte der Bergarbeiter“ (2 т., 1910—18), „Neutrale oder parteische Gewerkschaften“, „Sozialisierung der Kohlenwirtschaft“ и др.

Гюксман (Huisman), Камилл, бельгийск. социалст и деятель междунаро. рабоч. движения. Перед войной был секретарем Международного Социалст. бюро и являлся инициатором первой после войны Конференции II Интернационала в Берне. Депутат бельгийской палаты и пом. мэра Антверпена, руководит фламандскими соц.-демократич. блоками в составе с Нацпол. фламандск. союзом.

Давид, Эдуард, германск. экономист и полит. деятель (см. XVII, 478—9). В годы войны вместе с большинством с.-д. занимал оборонческую позицию. Представлял германскую с.-д. на международных съездах в Стокгольме (1917) и в Женеве (1920). Был депутатом рейхстага до 1918 г. и снова с 1920 г. В окт.—ноябре 1918 г. участвовал в министерстве Макса Ваденского в качестве тов. мин. иностр. дел. В 1919 г. был избран председ. Нац. Учр. Собрания, входил министром без портфеля в каб. Шейдемана и Г. Бауера. В 1921 г. назначен представителем правительства в Дармштадте. Нап.: „Die Sozialdemokratie im Weltkrieg“ (1915). В 1922 г. вышла перераб. изд. I ч. его „Sozialismus u. Landwirtschaft“.

Давидович, Югославский полит. деятель, лидер демократич. партии, находившейся в оппозиции к правительству Пашича, в 1919—20 г. был премьером после отставки Цртинча, в 1920 г. входил в коалиционное правительство Везича в качестве мин. внутр. дел; в авг.—ноябре 1924 г. снова был премьером.

Дальбе (Dalbie), Виктор, франц. полит. деятель, депутат (радикал), был мин. освоб. областей в кабинете Эррио в 1924—25 г., после того председателем совещательного комитета по русским делам.

Даниэльс, Джозеф, америк. полит. деятель, р. 1862 г., адвокат и журналист, член демократ. партии, служил в мин. внутр. дел. с 1913 по 1921 г.—морской министр во время президентства Уильсона. Инициатор широких планов флото-строительства. Нап.: „The Navy and the Nation“ (1919).

Дарриак (Darricq), Аленек, франц. полит. деятель, р. 1868 г., служил в Алжире, с 1910 г.—депутат, видный член республиканской левой (Républicains de gauche) и ее вице-президент с 1920 г., в 1922 г.—предс. комиссии палаты депутатов, энергично поддерживал оккупацию Рура и организацию буферной Рейнской республики.

Даровский, Людвиг, польск. полит. деятель, р. 1881 г., в русской Польше, за участие в национальном движении подвергался преследованиям со стороны царского правительства. В 1921—22 г. был министром труда в кабинетах Понизовского и Сикорского. После того состоял польским послом в СССР.

Дато, Эдуардо, испан. полит. деятель, лидер либерально-консервативной партии (датистов), р. 1856 г., с 1884 г.—депутат, неоднократно был министром и президентом палаты; в 1913—15, 1917 и с 1920 г. был премьером, во время войны придерживался нейтралитета; был президентом испанск. Института социальных реформ. Жестоко боролся с рабочим движением. В 1921 г. убит анархистами.

Дэуес (Dawes), Чарльз, американск. полит. деятель, р. 1863 г., юрист, финансист и политик, видный член республик. партии. Стоял во главе банка д Чикаго и в 1912 г. был причастен к краху его. Во время

войны занимал администр. пост в армии. Был председателем комиссии экспертов по определению платежеспособности Германии и разработал план уплаты репараций, отдающий Германию под контроль иностранного капитала (преимущественно американского), т. н. „план Д.“ (см. ниже, Германия в эпоху мировой войны), доставивший ему большую известность. На выборах 1924 г. избран вице-президентом.

Дашинский (Daszynski), Игнаций, польск. полит. деятель, руководитель и один из создателей польск. соц. партии (см. XVIII, 24). Во время войны был сторонником австрийской ориентации. В ноябре 1918 г. после свержения совета регентства был мин. иностр. дел в кабинете Морачевского, с кот. вышел в отставку в явн. 1919 г. В 1920 г. входил в качестве вице-президента в кабинет нацпол. обороны Витоса. Д. был сторонником сближения с Германией и выступал против политики мин. иностр. дел и, в частности, против Корфатя. В 1922 г. был кандидатом на президентских выборах, но потерпел поражение.

Дессе, Евгений, северо-америк. полит. деятель (см. XVIII, 113), во время войны был противником вмешательства в нее Соединенных Штатов, в 1918 г. был арестован за антимилитаристическую пропаганду и был приговорен к 10 годам тюремного заключения; находясь в тюрьме, был выставлен в 1920 г. кандидатом на президентских выборах и собрал более 900 тыс. голосов; в 1921 г. освобожден из тюрьмы, но не восстановлен в правах. Нап.: „Unionism and Socialism: a Plea for Both“ (1904), „Liberty, Industrial Unionism“ (1911) и др.

Дезет (De Wet), Христиан, бурский генерал и полит. деятель (см. XVIII, 116). В начале мировой войны противился выступлению колоний против Германии, пытался поднять восстание против англичан в Оранжевой республике, но не имел успеха. Был заключен в тюрьму, но скоро выпущен. Ум. в 1922 г.

Девонширский герцог, Виктор Кристиан Кавендиш, англ. полит. деятель, р. 1888 г., крупный землевладелец, с 1891 г.—член палаты общин (либерал-юнионист), в 1903—05 г.г.—финанс. секретарь казначейства, в 1915—16 г.г.—гражд. лорд адмиралтейства, в 1918—21 г.г. был ген.-губернатором Канады, в 1922—23 г.г.—мин. колоний в кабинете Бонара Ло.

Деймиг (Däumig), Эрнот, германск. полит. деятель, р. 1866 г., по окончании гимназии служил солдатом в колониальных войсках, в 90-х годах вернулся в Германию и примкнул к соц.-дем. движению, был редактором с.-д. газет в Галле („Volksblatt“) и Эрфурте („Tribüne“), в 1911—16 г.г. редактором „Vorwärts“, один из основателей независимой с.-д. партии, в 1919 г.—ее председатель (вместе с Крипшином). С частью независимых перешел в коммунистическую партию (К. П. Д.) и был одно время ее председателем вместе с П. Лави, после того перешел в рабочую коммунист. партию (К. А. П. Д.), а в 1922 г. вернулся в соц.-дем. партию. В 1920 г. был депутатом рейхстага; издавал газету „Arbeiterrat“, в кот. пропагандировал идею советов. Ум. в 1922 г. Нап.: „Das Räteystem“, „Der Aufbau Deutschlands und das Räteystem“ и др.

Дейч, Юлус, австр. полит. деятель, соц.-дем., р. 1884 г., писатель и публицист, после революции был военным министром и организовал республик. ополчение, член Нац. Совета.

Деласкруа (Delacroix), Леон, бельг. полит. деятель, премьер-министр и мин. финансов коалиционного правительства 1918—20 г. В 1922 г. был председателем комиссии экспертов по определению платежеспособности Германии.

Дельбрюк (Delbrück), Клемено, германск. полит. деятель, р. 1866 г., занимал адмил. посты, в 1906 г.—прусск. мин. торговли и промышленности, в 1909—16 г.г.—мин. внутр. дел. Был членом Нац. Учр. Собрания и там занимал руководящее положение в партии националистов; с 1920 г.—депутат рейхстага. Ум. в 1921 г.

Делькассе (Delcassé), Теофиль, французск. полит. деятель (см. XVIII, 190—1), в 1914—15 г.г. был мин. иностран. дел во втором кабинете Вивиани. Ум. в 1923 г.

Денби (Denby), Эдвил, американск. полит. деятель, республиканец, р. 1870 г., адвокат, участвовал в испано-американской войне в 1898 г., в 1906—11 г.г.—депутат, председ. парлам. морской комиссии. Принял участие добровольцем в мировой войне. В 1921 г. наз-

начен морским мин. Соед. Штатов после Давидальса. В 1924 г. вышел в отставку в связи с нефтяной панамою Синклера.

Дербиз (Derby), Эдуард Джордж Стенли, граф, англ. полит. деятель, консерватор, р. 1865 г., в 1892—1905 г.г. был членом палаты общин, а в 1908 г., после смерти отца, вступил в палату лордов. Входил в качестве мин. казначейства в кабинеты Солсбери и Бальфура. Во время войны стоял во главе специального ведомства, рекрутировавшего добровольцев для армии, и провозил на этом посту большую энергию. В конце 1916 г. вступил в кабинет Ллойд-Джорджа в качестве военного министра и провел закон об обязательной военной повинности; в 1918—20 г.г. — посланный в Париже, в 1922 г. был воен. министром в кабинете Бовара Ло.

Дернбург, Бернгард, германск. полит. деятель, р. 1864 г., служил в торговых домах в Нью-Йорке и в Берлине, в 1901 г. — директор Дармштадтского банка. В 1907 г. назначен министром колоний. Политика его по эксплоатации алмазных коп в Африке вызвала большие нападки. В 1910 г. он вышел в отставку. В начале войны находился в Америке и вел пропаганду в пользу Германии. После революции примкнул к демократической партии, был членом Нац. Учр. Собрании и с 1920 г. депутатом рейхстага; в 1919 г. недолгое время входил в каб. Шейдемана в качестве мин. финансов.

Дерулод (Déroulede), Поль, франц. полит. деятель и поэт (см. ХVIII, 360—1). Ум. 1914 г.

Дестре (Destree), Жюль, бельг. писатель и полит. деятель, р. 1863 г., юрист, член палаты депутатов (социалист). Входил в качестве мин. просв. в коалиционное правительство Делакруа и в сменявший его кабинет Карлон де Вина, из которого вышел вместе с другими министрами-социалистами в окт. 1921 г. Нап.: „Lettres à Jeanne“ (1886), „Imagerie japonaise“ (1888), „Notes sur les primitifs italiens“ (1893), „Bon Dieu des gaulx“ (1898), „Une campagne électorale au pays noir“ (1898) и др. и пер. на русск. яз. „Искусство и социализм“ и, совместно с Э. Вандервельде, „Социализм в Вельгии“.

Дешанель (Deschanel), Поль Жюль, франц. полит. деятель (см. ХVIII, 288), с 1912 г. был президентом палаты депутатов, в янв. 1920 г. был избран президентом республики; однако осенью того же года должен был по болезни выйти в отставку. Ум. в 1922 г.

Джеддо (Geddes), 1) Окленд Кембел, англ. полит. деятель, р. 1879 г., был практикующим врачом и профессором анатомии сперва в Великобритани, потом в Канаде; во время войны Ллойд-Джордж привлек его на службу в качестве директора рекрутирования добровольцев, в 1917 г. он был поставлен во главе министерства „национальной службы“, задачей которого было наиболее целесообразное использование мужских и женских рабочих сил в стране; тогда же он был избран в парламент; по окончании войны остался в правительстве, был през. д-та местного управления и одновременно министром восстановления (1918—19 г.г.), министром промышленности и торговли (1919—20 г.г.), после того назначен посланником в Соед. Штаты.

2) Эрик Кембел, англ. администратор, брат предыдущего, р. 1875 г., был крупным железнодорожником, во время войны был поставлен во главе всех военных железных дорог и транспорта, потом был перемещен в морское ведомство контролером судостроения, в 1917 г. он был назначен первым лордом адмиральства и был избран в парламент; в 1919—21 г.г. был министром транспорта.

Джеваль-Папа, Ахмед, (см. XLVI, прил. „Военные деятели эпохи мировой войны“).

Дженпери (Genpéri), итальянск. полит. деятель, лидер итальян. коммунист. партии, на IV конгрессе Коминтерна избран в члены Исполкома.

Джерард (Gerard), Нинас Уотсон, америк. юрист и дипломат, р. 1867 г., занимался адвокатурой в Нью-Йорке, участвовал в испано-американской войне 1888 г., в 1913—17 г.г. — американский посол в Берлине, был сторонником войны с Германией. Ум. в 1922 г. Нап.: „My four years in Germany“ (1917), „Face to face with Kaiserism“ (1918).

Джойсон Гукс, см. Гукс.

Джолитти (Giolitti), Джованни, итальян. полит. деятель (см. ХVIII, 329), в 1914 г. вышел в отставку, во время мировой войны был противником участия

в ней Италии и находился не у дел, в 1920—21 г.г. снова был премьером и первый стал покровительствовать фашистским организациям. В 1922 г. опубликовал свои мемуары. (см. ниже, Италия в эпоху мировой войны).

Джоует (Jowett), Фред Уильям, англ. полит. деятель, р. 1864 г., рабочий шерст. промышленности, член парламента от Рабочей партии, был предс. ее исполн. комитета. В 1924 г. входил в каб. Макдональда в качестве ком. общ. работ. Нап.: „T. socialist a. t. city“ (1916).

Диас (Diaz), Порфирио, бывш. президент мексиканск. республики (см. ХVIII, 452). Ум. в 1915 г.

Диккин (Deakin), Альфред, австрал. полит. деятель (см. ХVIII, 354), в 1913 г. по болезни удалился от политической деятельности; ум. в 1919 г.

Диср, Юсес, франц. полит. деятель, р. 1867 г., депутат, был мин. торговли в кабинете Бриана в 1921—22 г.г. и в кабинете Пуанкаре в 1922—23 г.г.

Дингсхофер, Франц, австр. полит. деятель, лидер великоземельной партии, р. 1873 г., был бургомистром Линца, член и второй председ. Нац. Учр. Собрании, а потом Нац. Совета.

Диссеман, Роберт, деятель профес. движения в Германии, р. 1878 г., токарь по металлу и механик, в 1912—17 г.г. секр. соц.-демокр. комитета во Франкфурте, с 1919 г. — председатель германск. союза металлистов, примыкал к независимым с.-д., с 1920 г. — депутат рейхстага.

Диттман, Вильгельм, германск. полит. деятель, соц.-дем., р. 1874 г., был столярным подмастерем, в 1895 г. примкнул к соц.-дем. движению, редактировал газеты в Бременгафене и Золлингене, был секр. парт. комитета во Франкфурте и М. принимал участие в международн. социал. конгрессах, с 1912 г. — депутат рейхстага. В 1916 г. вместе с Гаазе, Леденбуrom и др. откошел от большинства партии и принял участие в основании партии независимых с.-д. Участвовал в восстании во флоте в 1917 г. и в янв. забастовке в Берлине в 1918 г. Был арестован и приговорен к 6 годам каторги. Ноябрьской революцией был освобожден и избран народным уполномоченным (в числе 3-х незав. с.-д.). При расколе независимых в 1920 г. остался в меньшинстве, отказавшись примкнуть к Коминтерну, в 1922 г. был председ. независимых с.-д. и редактором „Freiheit“, в окт. 1922 г. вернулся в ряды объединенной соц.-дем. партии, сделавшись лидером соц.-дем. фракции рейхстага, вице-председ. которого состоял с 1920 г.

Джозефский, Ромая, польск. полит. деятель, был членом II и III Гос. Думы (см. XVII, прил. 33). Во время войны развил энергичную деятельность по организации польских национ. комитетов в России, Франции, Швейцарии и Англии и по формировании польских легионов, представлял Польшу на мирной конференции в Париже в 1919 г. Член сейма, руководитель национал-демократов, выступал противником Пилсудского и при избрании последнего в президенты удалился от политической жизни. В 1923 г. был мин. иностр. дел в каб. Витоса.

Дюде (Daudet), Леон, франц. писатель и полит. деятель, р. 1867 г., сын Альфонса Д., изучал медицину, а затем занялся литературной и публицистической деятельностью, сотрудничал в „Figaro“, „Gaulois“ и др., писал гл. обр. сатиру. См. под полит. взглядом Д. — ярый роялист, с 1898 г. — основатель и руководитель реакционной „L'Action française“ лидер „независимых“ (кр. правых) в палате депутатов. Член Говкурвской академии. Нап.: „Les nauticoles“ (1894), „Le lit de Frocruste“ (1912), „L'avant guerre“ (1913), „Hors du Joug Allemand“ и др.

Домбаль, Томаш, польск. полит. деятель и деятель международного крест. движения, р. 1890 г. в Галиции в крест. семье, изучал в Венском и Краковском универс. право и экономику. Во время войны находился на фронте и был 3 раза ранен. В 1918 г. руководил революционным движением крестьян и стал во главе т.-н. Советской Крестьянск. Тарнобурской республики. После подавления восстания был арестован, но бежал и продолжал вести польскую революционную работу. В 1919 г. был избран в сейм и там состоял членом в предс. многих комиссий к членом сенаторенковата. В 1920 г. сделан зам. председ. польской народной партии (левое крыло) и в том же году был арестован за пропаганду против войны в России. В 1921 г. освобожден вследствие массовых

протестов крестьян. После того применил в коммунистической партии и был организатором ком. фракции сейма. За свою деятельность был снова арестован и по обвинению в госуд. измене приговорен к 3 годам каторжных работ. В 1923 г. освобожден из тюрем Сов. Правительством путем обмена полит. заключенных с Польшей. В 1923 г. расширен пленумом Исполкома Коминтерна был избран секретарем аграрной комиссии. Д. был инициатором созыва Международной Крестьянской Конференции и основания Крестьянского Интернационала и ныне работает в качестве зам. Генерал-секретаря (политсекретаря) Крестьянтерна. Во время пребывания в Польше Д. был редактором ряда крестьянских газет. Нап.: «Какой Польше хочет крестьянин?», «Два мира», «Дока крестьянина», «Светлые коммунизма», «Крестьяне и рабочие», «Вооруженное крестьянское восстание», «Крестьянский Интернационал», «Партизанская война в Польше», «Сов. Крест. респ. в Гарибонге» и др.

Домбровский, Ян, польский полит. деятель, член виетовской партии «Ляст»; во время мирных переговоров с Россией был председателем польской делегации и был одним из авторов рижского договора. В ноябре 1923 г. организовал новую крестьянскую партию «Союз народных (людовых) группировок».

Доржо, Жорж, франц. полит. деятель, ген. секретарь франц. союза коммунист. молодежи; во время русской оккупации вел антиимпериалистическую агитацию среди войск и был приговорен к четырехмесячному тюремному заключению. Был избран в палату депутатов от Парижа.

Друммонд, Эрик, ген. секретарь Лиги Наций с 1919 г., р. 1876 г., работал в английск. министерстве иностр. дел при Грее, Аските и Вальфуре, сопровождал последнего на марскую конференцию в Париже.

Дуан-Шен-Чжуй, см. **Туан-Ши-Ю**.

Дуань, Иоан, румынск. полит. деятель, один из вождей партии либералов, в 1914 г.—мин. просв., с 1922 г.—мин. иностр. дел в кабинете Братиау. Был председателем румынской делегации на советско-румынской конференции в Вене в 1924 г.

Думер (Doumer), Поль, франц. полит. деятель, (см. XIX, 153—3), в 1917—20 г. входил в качестве мин. без портфеля в каб. Пейлеве и Клемансо, в 1921—22 г. был мин. финансов в каб. Бриана.

Думерг (Doumergue), Гастон, франц. полит. деятель, р. 1863 г., был адвокатом в Нице, потом недолгое время служил в колониях, в 1893 г. был избран депутатом (радикал-социалист), в 1902 г. впервые сделался министром (колоний), в кабинете Комба и с тех пор входил в состав многих кабинетов, чаще всего в качестве министра колоний, реже—министра иностр. дел, торговли или народн. просвещ.; в 1913—14 г. он сам был премьером, но его кабинет оставался у власти недолго. В 1910 г. Д. перешел из палаты депутатов в сенат, в 1924 г. избран презид. сената и в том же 1924 г. после отставки Мильерана—презид. республик.

Дэвис (Davis), 1) Джеймс Дэвис, америк. полит. деятель, член республик. партии, р. 1876 г., занимал видные посты в рабочих органах, с 1921 г.—мин. труда.

2) Джон Уильям, америк. полит. деятель, р. 1873 г., адвокат, демократ, депутат 62 и 63 конгрессов в 1911—15 г., ген. солиситор в 1913—18 г., затем был послом Соед. Штатов в Лондоне в 1918—21 г. В 1924 г. был кандидатом демократов на президентских выборах.

Жаспар (Jaspar), Ария, бельг. полит. деятель, юрист и экономист, член католич. партии, в которой принадлежал к антифламандской группировке, близок к либеральным и иррационалист. кругам. В коалиционном правительстве («Union sacré») 1918—20 г. был мин. народн. хозяйства, в 1920 г.—мин. иностр. дел в кабинете Картон-де-Винара, этот же пост занимал в первом кабинете Тейкса в 1921—24 г., сторонник тесного сближения с Францией.

Жоннар (Jonnat), Шарль, франц. полит. деятель, р. 1857 г., занимал администр. должности, в 1889—1917 г. депутат, после того сенатор, лидер «Parti républicain, démocratique et social», в 1893—94 г.—мин. труда в каб. Камистара Перье, в 1900—11 г.—губернатор Алжира, в 1913 г.—мин. иностр. дел в каб. Бриана, в 1917—18 г.—мин. блокады в каб. Клемансо, был назначен ген. комиссаром в Грецию и там добился выступления последней на стороне Антанты, с 1918 г.—созва губерн. Алжира, с 1921 г.—поосл в Ватикане.

В 1924 г. отозван вследствие упреждения франц. посольства при папском дворе.

Жоржес (Jaures), Жан, франц. полит. деятель (см. XX, 323—30), ум. 31 июля 1914 г. националистом Р. Виллозом.

Жузо (Jouvenel), Ария-де, франц. публицист и полит. деятель, сенатор (Gauche démocratique), главный редактор «Matin», был мин. просвещения в каб. Пуанкаре в 1924 г.

Жузо (Jouhaux), Леон, деятель франц. профессионального движения, ген. секретарь франц. Конференции Труда, до войны анархо-синдикалист и антипарламентарист. Во время войны был заместителем «Union sacré» и оборонял отечество. В 1916 г. стал во главе Парижского Международного бюро сношений, избранного на профсоюзной конференции стран Антанты вместо прежнего Берлинского Международного секретариата. На парижской мирной конференции в 1919 г. был делегатом французского правительства по вопросам рабочего законодательства, в июле 1919 г. был избран вице-председателем Амстердамского Интернационала.

Жуглу, Свад, египетск. полит. деятель, р. 1860 г., в 1906 г. был министром народн. просвещ. потом вице-презид. законодательного собрания. Лидер национальной партии, выставившей в 1918 г. требование независимости Египта и ставшей в резкую оппозицию к английскому правительству, Ж. был выслан на о-в Мадеру. Это привело к сильным беспорядкам, и он был возвращен на родину; в 1921 г. он вновь был арестован и выслан в Гибралтар, но в 1923 г. освобожден и в янв. 1924 г. после успеха его партии на парламентских выборах стал во главе египетского правительства. В ноябре 1924 г. вышел в отставку после английского ультиматума в связи с убийством ген. Ми-Стеда.

Жаймэс, Александр, греческий полит. деятель, р. 1855 г., получил во Франции и Германии юридич. и финансовое образование, лидер партии центра, в 1890—92 г.—мин. юстиции, в 1906—11 г.—комиссар Крита, после того был несколько раз министром-президентом. На выборах 1923 г.—вождь монархической оппозиции.

Жанковский, Магнриш, граф, польск. полит. деятель, б. член I Гос. Думы (см. XVII, прил. 8'), был послом в Париже, потом после отставки Скармунта—министром иностранных дел в кабинете Грабского. В мае 1924 г. вышел в отставку в связи с поражением национального блока во Франции, уступив свое место Скинскому.

Зеверскинг, Карл Вильгельм, германск. полит. деятель, правый соц.-дем., р. 1875 г., работал слесарем на фабриках в Вильфельде, Вармене и Цюрихе, с 1892 г.—член германского союза металлистов, с 1901 г.—уполномоч. союза в Вильфельде. Во время пребывания в Швейцарии в 1897—8 г.г. был членом центр. комит. швейц. союза металлистов и председателем объединения слесарей, в 1907—11 г.—депутат рейхстага, с 1912 г.—редактор бильфельдской «Volkswacht». После революции член Нац. Собрания, депутат рейхстага с 1920 г. и прусского ландтага с 1921 г., в 1919—20 г.г. имп. комиссар Вестфала, с марта 1920 г. по апр. 1921 г. и снова с ноября 1921 г.—прусский мин. внутр. дел. На этом посту проявил себя борьбой с коммунистическим движением и подавлением забастовок.

Зейдель, Игнац, австр. полит. деятель, р. 1876 г., католический прелат и профессор теологии университета в Вене, в окт. 1918 г. был мин. общественного призрения в кабинете Ламмаша, член Нац. Учр. Собрания, а затем с 1920 г.—член Нац. Совета, лидер христианских социалистов. В 1922—24 г.—канцлер австр. республики после Шобера, стоял во главе коалиц. кабинета из христ. социал. и великобуржуазной партии. В авг. 1922 г. обратился к державам Антанты за финансовой помощью и в окт. подписал женево-ское соглашение, по которому устанавливался экономический контроль Лиги Наций над Австрией.

Зейдл, Карл, австр. полит. деятель, соц.-дем., р. 1869 г., обучался портновскому ремеслу, потом окончил учительскую семинарию и был учителем в Вене. До революции—депутат рейхстага, после нее—член временного и учредительного национ. собрания. В качестве первого председателя последнего пользо-

вался правами президента республики. После того член Нац. Совета и второй его председатель.

Зольманн (Sollmann), Вильгельм, германск. полит. деятель, р. 1881 г. был приказчиком, потом редактором с.-д. газет в Зюрбурге и Кельне. В 1919—20 г.г.—член Нац. Учр. Собрания, с 1920 г.—депутат рейхстага, лидер рейнской соц.-демократии, редактор „Rheinische Zeitung“. В 1923 г. входил в каб. Штреземана в качестве мнн. внутр. дел.

Зольф, Вильгельм, герман. полит. деятель, р. 1862 г., ориенталист, служил по колониальному ведомству, был губернатором Самов, потом, накануне германской революции, в окт. 1918 г. занял должность министра иностранных дел в кабинете принца Макса Баденского и сохранил за собою этот пост и в первые недели существования республиканского правительства (до середины декабря 1918 г.); ему пришлось вести переговоры о перемирии с Францией и Англией. В 1921 г. назначен посланником в Токьо. Нап.: „Kolonialpolitik“ (1919).

Зорге, Курт, германский полит. деятель, р. 1855 г., инженер по образованию, член правления фирмы Крупп, играет видную роль в промышленных кругах, председатель союза работодателей и член през. или объединения германской промышленности. Во время войны был нач. техн. отд. военного министерства. Деputат рейхстага от народной партии, инициатор образования внутри нее группировки „национал-либералов“.

Зюдекум, Альберт, германск. полит. деятель, соц.-дем.-революционист, р. 1871 г., изучал право в Германии и Швейцарии, примкнул к соц.-дем. и сразу занял крайнюю правую позицию, был в редакциях „Vorwärts“, „Leipziger Volkszeitung“ и „Sächsische Volkszeitung“. С 1900 г.—депутат рейхстага. Сторонник тесного сотрудничества буржуазными партиями, З. пытался создать межфракционный комитет из соц.-дем., центра и прогрессистов для совместной работы. Издатель „Kommunale Praxis“, „Kommunales Jahrbuch“. В качеств. революционер был прусским министром финансов, в 1920 г. вышел в отставку и отошел от политической жизни. Нап.: „Kapital und Gewinnbeteiligung“.

Илен (Hlen), Нильс Клаус, норвежск. полит. деятель, р. 1855 г., крупный заводчик, в 1908—10 г.г.—мнн. общ. раб., в 1918—20 г.г.—мнн. иностр. дел в кабинете Клаусена.

Инкулец, Иван, румынск. полит. деятель, был учителем в Петрограде и членом партии эсеров. В 1917 г. в качестве председателя „Сфатул-Церня“ содействовал румынской оккупации Бессарабии. С 1922 г. — мнн. по делам Бессарабии в кабинете Братяну.

Иноуэ, Каору, японск. политич. деятель (см. XVII, 45), ум. в 1915 г.

Когисек (псевд. *Тышка*), Лео, польско-немецкий революционный деятель, р. 1807 г. в Вильно, рано принял участие в соц.-дем. движении, писал под псевд. „Грововский“; в 1890 г. эмигрировал в Швейцарию и здесь издавал „Социал-демократическую библиотеку“. Сближившись с Р. Люксембург, вошел в польское революционное движение, вел организационную партийную работу и редактировал партийные издания. В 1906 г. был арестован в Ваушае, приговорен в 3 годам каторги, но бежал. В 1907 г. участвовал на Лондонском съезде воев. соц.-дем. партии, возглавляя польскую делегацию. С 1910 г. поселился в Берлине. Вместе с Р. Люксембург и К. Дибельтом был одним из главных деятелей спартаковского движения. Во время мартовского восстания 1919 г. был арестован и расстрелян в тюрьме.

Конеску, Таке, румын. полит. деятель, р. 1858 г., занимался адвокатурой, сначала либерал, затем примкнул к консерваторам и был избран в парламент, там основал свою „консервативно-демократическую“ фракцию. Первоначально сторонник союза с центральными державами, во время войны он явился активным деятелем выступления Румынии на стороне Антанты и вошел в качестве мнн. иностр. дел в каб. кабинета Братяну. После поражения и заключения перемирия с Германией в мае 1918 г. уехал в Париж. В 1919 г. вернулся и занял пост мнн. иностр. дел в каб. Авреску в 1920 г. Был деятельным участником создания „Малой Антанты“ и стремился присоединить к ней Польшу и Грецию. В 1921 г. после поражения партии Авреску был мнн.-президентом. Ум. в 1922 г.

Норга, Николас, румынск. историк и политич. деятель, р. 1871 г., профес. универ. в Бухаресте, лидер национал-демократов; после победы демократического блока (крест. партия и нап.-дем.) на выборах 1919 г. был председателем палаты депутатов. Нап.: „Geschichte der Rumänen“ (2 т., 1905), „Geschichte des Osman Reichs“ (3 т., 1908—12).

Нонихито, император Японии, р. 1879 г., вступил на престол в 1912 г., после смерти своего отца Мутсухито.

Тригойен (Trigouen), Иполито, б. президент Аргентины, р. 1853 г., участвовал в революц. восстании 1890 г., в 1891—1909 г.г. состоял проф. гражд. права в универ. в Буэнос-Айресе. В 1916 г. в качестве лидера радикальной партии был избран в презид. республики и оставался им до 1922 г.

Исаак, Огюст, франц. полит. деятель, р. 1849 г., был президентом торговой палаты в Лионе, лидер „Federation republicaine“ в палате депутатов и один из организаторов национ. блока. В 1920 г. был министром торговли в кабинете Миллера.

Исет-паша, Ахмед, турецк. генерал и полит. деятель, р. 1834 г., после младотурецкой революции 1908 г. был назначен нач. ген. штаба, поддерживал фон-дер-Гольца при реорганизации турецкой армии. В балканскую войну был главнокомандующим, а потом военным министром, пока не был заменен Энвером. В мировую войну командовал на кавказском фронте. После падения каб. Талаата был недолгое время великим визирем. Вслед за подписанием перемирия вышел в отставку. В 1921 г. в качестве мнн. внутр. дел конституционнопольского правительства вел переговоры с Ангорой, но его политика, направленная к соглашению с кемалистами, не встретила сочувствия. После того был несколько время мнн. иностр. дел.

Исет-паша, турецк. полит. деятель, по образованию и профессии военный, принимал участие в национальном движении, являлся ближайшим сподвижником Кемали. В 1920—21 г. был нач. ген. штаба и команд. фронтом и нанес грекам решительное поражение в М. Азии. В 1923 г. И. возглавлял турецкую делегацию на Лозаннской конференции. С февр. 1923 г. он был мнн. иностр. дел, а после провозглашения республики и избрания Кемали президентом сформировал в окт. 1923 г. первый республиканский кабинет. В 1924 г. он вышел в отставку, а в 1925 г., после отставки Фетхид-бея в связи с восстанием в Курдистане, снова сделался премьером. И. примыкает к левому крылу народной партии, с 1923 г. был лидером ее парламентской фракции, а с 1924 г.—председателем партии.

Итагачи, Тайсуке, японск. полит. деятель (см. XVII, 339), ум. в 1920 г.

Ишии, Кигуиро, виконт, японск. полит. деятель, р. 1866 г., с 1890 г.—на дипломат. службе, в 1903 г.—тов. мнн.твр. иностр. дел, в 1912—15 г.—японский посол в Париже, затем до осени 1916 г.—мнн. иностр. дел, после того до 1919 г.—посол в Вашингтоне, заключил соглашение, по которому Америка признавала за Японией „специальные интересы“ в Китае („соглашение Лансипга-Ишин“). В 1920 г. назначен послом в Париж, в качестве которого содействовал японо-французскому соглашению. В 1921 г. был председателем Совета Лиги Наций.

Каллес (Calles), Плутарко, мексик. полит. деятель, сподвижник Обрегона при свержении Карранья в 1920 г. С помощью през. Обрегона, поддерживавшего его кандидатуру на пресмении себе, вел борьбу с А. Хуартой, тоже кандидатом в президенты и бывш. сподвижником Обрегона. Благодаря поддержке Соед. Штатов Хуарта был разбит в апр. 1924 г., и в сент. К., опираясь на блок из крестьянск. и рабоч. партии и неав. социалистов, сделался президентом после истечения полномочий Обрегона.

Кайо (Caillaux), Жозе Мари Огюст, франц. полит. деятель (см. XVIII, 149). Во время войны К., бывший всегда сторонником сближения с Германией, попал в категорию подозрительных лиц и неохотно ни в одну из многочисленных министерских комбинаций. В начале 1918 г. он был арестован и предан суду по обвинению в престоупных сношениях с Германией; суд над ним состоялся только в 1920 г., когда он был приговорен в трех годах тюрьмы (пот. ему не пришлось отбывать, вследствие зачета предварит. заключения) и к лишению гражданских прав на 10 лет.

В 1924 г. амнистирован правительством Эррио. В апр. 1925 г. вступил в кабинет Пенлеве в качестве мин. финансов. Нап.: „Les impôts en France“ (1911), „Mes prisons“ (1920) и памфлеты. Куда идет Франция, куда идет Европа? (р. пер. 1923).

Калондер (Salonder), Феликс Людвиг, швейц. полит. деятель, р. 1863 г., адвокат, с 1913 г.—член Союзного Совета, стоял во главе департамента внутренних дел, а после отставки Гофмана в 1917 г.—деп. иностр. дел. На этом посту вел переговоры по вопросу о вступлении Швейцарии в Лигу Наций. В 1920 г. вышел в отставку по нездоровью. В 1922 г. руководил переговорами между Германией и Польшей по вопросу о Верхней Силезии.

Калфов, Христиан, болгар. полит. деятель, полковник, адъютант царя Бориса; входил в правительство Стамбульского в качестве члена военного совета. Во время переворота Цанкова в июне 1923 г. перешел на сторону последнего и занял в новом кабинете пост мин. иностр. дел. Состоит делегатом Болгарии в Лиге Наций.

Камбо (Cambó), Франсиско, испанский полит. деятель, руководитель каталонских автономистов, крупный финансист и предприниматель, был мин. труда в каб. Мауры в 1918 г. и мин. финансов в 1921 г.

Камбон (Cambon), 1) Жюль, франц. полит. деятель, р. 1845 г., в 1891—97 гг.—губерн. Алжира, затем последовательно — посол в Вашингтоне, Мадриде и Берлине, с 1915 г.—ген. секр. мин. иностр. дел, принимал деятельное участие в работах Парижской мирной конференции, г. обр. по вопросам германских репараций. В 123 г.—предс. совета послов в Париже.

2) Поль, брат предыд., р. 1843 г., был префектом, в 1882 г.—ген. резидент Туниса, в 1888 г.—посланник в Мадриде, в 1891 г.—в Константинополе, с 1898 по 1920 г. состоял франц. послом в Лондоне и много сделал для англо-французского сближения (Entente Cordiale). Ум. в 1924 г.

Канинг, Г., граф фон, герман. полит. деятель, видный участник союза аграриев, член партии националистов, из кот. выступил, войдя в качестве мин. земледелия и продовольствия в каб. Штрэвельма (1923) и Маркса (1923—24), этот же пост занял в каб. Лютера в 1925 г.

Каниг, Вольфганг, германск. полит. деятель, р. 1858 г., раньше был чиновником, потом обратился к политике, вел националистическую агитацию, был избран в рейхстаг, где принадлежал к консервативной партии и выступал противником политики Бетман-Гольберга. В 1917 г. был вместе с Тирпичем одним из основателей „Vaterlandspartei“. В марте 1920 г., опираясь на войска ген. Лютича, пытался произвести государственный переворот („путч“), захватил правительственные учреждения в Берлине, объявил правительство низложенным и себя провозгласил канцлером. Попытка эта не встретила сочувствия, и ответом на нее явилось немедленное объявление всеобщей забастовки. Видя неудачу своего предприятия, К. бежал в Швецию. В 1922 г. он отдался в руки власти, но умер в том же году, не дождавшись суда.

Кар (Kahr), Густав фон, баварск. полит. деятель, р. 1862 г., занимал административные должности, был губернатором Верхней Баварии. В марте 1920 г. после Капповского путча был назначен баварским министром-президентом и стал во главе коалиционного кабинета (из баварск. нар. партии, демократов и крест. союза), являвшегося на смену социал-демокр. правительству. За время премьерства К. Бавария стала центром монархического и сепаратистского движения, хотя собственная программа К., программа бав. нар. партии, и не шла так далеко. Это вызвало конфликт с центральн. правительством и повлекло за собой отставку К. в сент. 1921 г. В 1923 г. он был назначен имп. комиссаром Баварии с диктаторскими полномочиями. Во время Гатлеровского восстания в ноябре 1923 г. сыграл двусмысленную роль. Перейдя сначала на сторону Гитлера и Людендорфа, он затем объявил их изгнанными и с помощью нач. баварск. рейхсвера ген. Лоссова ликвидировал восстание. С окт. 1924 г.—презид. Баварск. админ. суда.

Кардорф, Зигфрид фон, германск. полит. деятель, р. 1873 г., юрист, с 1909 г.—член прусской палаты депутатов (независимый консерватор). После револю-

ции примыкал к националистам, но потом перешел в народную партию (правое крыло). С 1920 г.—депутат рейхстага. Во время правительственного кризиса 1923 г.—кандидат в рейхскабинеты.

Карл I) был австрийск. импер. и венгерск. король, р. 1887 г., сделался наследник-принцем после убийства эрцгерцога Франц-Фердинанда; в мартовую войну командовал корпусом на итальянском фронте, а затем был назначен команд. армией на русско-румынском фронте; вступил на престол в ноябре 1916 г. после смерти Франц-Иосифа, которому приходился внучатым племянником. В 1917 г. пытался через посредство своего родственника принца Сикста Пармского завязать сепаратные переговоры с Францией о мире, что повлекло за собой конфликт с мин. иностр. дел Черининым и отставку последнего. При начале революции в Австро-Венгрии К. отказался 10 янв. 1918 г. от власти, но отстранился формально от престола, и удалился в Швейцарию. В 1921 г. он сделал две неудачных попытки вернуть себе венгерск. престол, при чем при второй попытке был арестован, объявлен низложенным и престола и интернирован вместе с женой на острове Мадере, где и ум. в 1922 г.

2) румынск. король (см. ХХIII, 516—17) Ум. в 1914 г.

Карнебоев, Г. А. ван, нидерл. полит. деятель, р. 1874 г., изучал госуд. право, в 1899 г. и 1907 г. принимал участие в работах Гаагской мирной конференции, в 1901—11 г. служил в министр колоний, с 1907 г.—бургомистр Гааги, в 1918 г. вошел в качестве мин. иностр. дел в кабинет Вевербрука. В 1919 г. вел успешные переговоры с Бельгией по вопросу о Шельде, в 1921 г. представлял голланд. Нидерланды на Вашингтонской конференции по разоружению и на Женевской конференции Лиги Наций и был предс. послеей. конференции. В 1922 г. принимал участие в Генуэзской, а затем Гаагской конференциях.

Каролюи (Károlyi), Михаил, граф, венг. полит. деятель, р. 1876 г., один из крупнейших венгерск. магнатов, был лидером партии независимости и добивался полного отделения Венгрии от Австрии, потом сближился с радикалами и социалистами. В окт. 1918 г. он сделался премьером и немедленно издал распоряжение об отозвании венгерск. войска фронте, заключил перемирие с союзниками и интернировал Макензена. В янв. 1919 г. был избран президентом венгерской республики, но в марте того же года передал власть коалиции коммунистов и социал-демократов; после низвержения советского правительства он бежал за границу.

Карп (Carp), Петр, румынск. полит. деятель, в качестве руководителя консервативной партии играл крупную роль в политической жизни Румынии перед войной, р. 1837 г., учился в Германии, в 1870 г.—мин. иностр. дел, в 1876 г. основал младо-консервативную партию, в 80-х годах был снова мин., в 1901 и 1911 г.—мин.-президент. Сторонник союза с Германией, он высказывался за вступление Румынии в войну на стороне центральных держав. Ум. в 1919 г.

Каррасса (Carranza), Бенуистано, мексиканск. полит. деятель, р. 1859 г., крупный землевладелец, был губернатором штата Коагуила, принадлежал к конституционной партии и руководил восстанием против диктатора Хуэрты. В 1914 г. он овладел властью, в 1915 г. был признан державами фактш. главою мексикан. правительства, в 1917 г. избран президентом республики. Продолжая им политику национализации добычи нефти возбудил против него Англию, Францию и особенно Союз Штатов. В 1920 г. против К. поднялось восстание, он должен был бежать и был убит.

Карсон (Carson), Эдуард Генри, англ. полит. деятель, р. 1854 г., был адвокатом и с 1892 г. состоял членом парламента от Дублинского университета; в 1900—05 гг. был генерал-солситором в кабинете Солсбери и Вальфура. К. принадлежал к консервативной партии и был самым решительным противником гоумруда для Ирландии, отстаивая при этом интересы Ольстера, северо-восточной протестантской части Ирландии. В 1911—13 гг., когда билль о гоумруде обсуждался в парламенте, К. рвалл против него энергичную агитацию в стране и являлся вербовкой добровольцев, которые должны были силой воспре-

пятствовать попыткам распространения гомруля на Ольстер. Война на время отодвинула ирландский вопрос в сторону, и К. входил в коалиционные кабинеты Аскита и Ллойд-Джорджа. После заключения мира он возобновил свою борьбу за Ольстер, но в конце концов принял в 1920 г. компромиссное предложение Ллойд-Джорджа, устанавливавшее для Ирландии два парламента, один — в Дублине для католической части острова, другой — в Бельфасте для протестантской. На выборах в первый Ольстерский парламент в 1921 г. К., однако, не согласился выставить свою кандидатуру, принял судебное назначение, был возведен в пары с титулом барона и отказался от активной политической деятельности. См. ниже, *Великобритания, Ирландия*.

Картон де Вьяр (Carton de Wiart), Анри, бельг. писатель и полит. деятель, р. 1869 г., член католической партии, в 1891 г. вместе с Ж. Рейнином был организатором и руководителем демократического христианского движения, в 1911—13 гг. — мин. юстиции в кабинете де Броквиля, в 1920 г. после распада кабинета. «Union sacré» сформировал кабинет, просуществовавший до ноября 1921 г. После того был мин. колоний в первом и втором кабинете Теясса (1921—25). Нап.: «La Cité ardente» (1905), «Les Vertus bourgeoises» и др.

Катама Сэн, японск. полит. деятель, коммунист, р. 1859 г. в крест. семье, окончил народную школу, с 1881 г. работал в Токио в качестве набожника. Чтобы иметь возможность продолжать образование уехал в Соед. Штаты, где учился сначала в средней школе, а затем в университете, добывая средства за существованию физическим трудом (был поваром, посыльщиком и т. п.). Здесь сделался социалистом и по возвращении в 1895 г. в Японию начал работать по организации рабочего движения и в 1897 г. основал японскую соц.-дем. партию. Одновременно был секретарем профес. союза металлистов и Лиги Рабочих союзов и занимался публицистической деятельностью. В 1903 г. уехал в Америку. В 1904 г. в качестве делегата партии присутствовал на международном социалист. конгрессе в Амстердаме, был избран его вице-председателем и провел (при поддержке Плеханова) резолюцию протеста против русско-японской войны. В 1907 г. вернулся в Японию и стал издавать газету «Социалистические Известия». В 1912 г. за руководство забастовкой в Токио был арестован и приговорен к 3 мес. тюрьмы. По выходе на свободу эмигрировал в Америку. Здесь издавал (печатаемую и распространяемую им самим) газету «Хеймин» («Плебей»), принял участие в организации Левой Социалистической Лиги, а затем в основании америк. коммунист. партии и японской коммунист. группы в Америке. В 1920 г. был председателем Американского Агентства Коминтерна и Профинтерна. В 1921 г. отправился в Мексику, а оттуда уехал в Москву. Состав членом президиума Исполкома Коминтерна.

Като. 1) Таки-акира, виконт, японск. полит. деятель, р. 1860 г., служил в нефтяной фирме, после того занялся полит. деятельностью, сделал дипломатическую карьеру, был дважды посланником в Англию и несколько раз мин. иностр. дел; с 1913 г. состоит лидером партии либеральной буржуазии — венсейка, требовавшей в области внутр. политики расширения избирательного права, а во внешней — сближения с Англией. К., как и его партия, стоял за сближение с Сов. Россией (отозвание войск из Сибири и очищение Сахалина); в 1924 г., после отставки Кириу, он был назначен премьером, и в этом же году состоялся признание Японией СССР.

2) Томасабуро, барон, японск. полит. деятель, р. 1859 г., морской офицер, участвовал в войне с Россией 1904—05 гг., с 1914 г. — адмирал, в 1915 г. — морской министр, в 1920 г. возведен в бароны и сделан членом верхней палаты, где состоит одним из лидеров консервативной партии — сейюкай; делегат Японии на Вашингтонской конференции в 1921—22 г. В 1922 г. был премьером и военным министром.

Кауве-лаук (Cauwelaert), Франц ван, бельг. полит. деятель, руководитель фламандск. крыла клерикальной партии, р. 1880 г., изучал естеств. науки, философию и право в Бельгии, Франции и Швейцарии. С 1910 г. — депутат, деятель фламандского движения, основатель «Vlaamsch-Belgisch Verbond»,

переимен. после войны в «Nationaal-Vlaamsche Verbond». В 1921 г. избран бургомистром Алтверлена. В 1922 г. ему удалось добиться принятия палатой законопроекта о введении в Гентском университете преподавания на фламандском языке.

Кауфский, Карл, немец. экономист, публицист и полит. деятель (см. XXIV, 639—40). В период намеченного в 1910 г. раскола в германской с.-д. К. занимал центральную позицию. Во время войны он крикнул к независимости, хотя отклонение к самой войне у него не было достаточно определено. После революции работал в мин. иностр. дел и выпустил книгу «Wie der Weltkrieg entstand», возлагавшую ответственность за возникновение войны на Германию и вызвавшую нападки националистов. После Октябрьской революции в России выступил с критикой советской системы («Terrorismus u. Kommunismus» и др.). В 1920 г. при расколе независимых на партийтаге в Галле К. возглавлял правое крыло и был одним из инициаторов возвращения независимых в ряды с.-д. в 1922 г. В 1918—19 г. К. был председателем правительственной комиссии по социализации (см. *Социализация и национализация*). Кроме упомян. нап.: «Sozialdemokratische Bemerkungen zur Übergangswirtschaft» (1918), «Sozialisierung der Landwirtschaft» (1919), «Richtlinien zu einem sozialistischen Aktionsprogramm» (1919), «Nationalversammlung u. Räteversammlung» (1919), «Was ist Sozialisierung?» (1920), «Demokratie oder Diktatur» (1920), «Die proletarische Revolution und ihr Programm» (1922), «Die Internationale und Soviet-Russland» (1925) и др.

Кашен (Cachin), Марсель, франц. полит. деятель, р. 1869 г., проф. философии, был лидером социалест. партии деп. Жиронды и пом. мора в Бордо, с 1912 г. — на муниципальной службе в Париже, с 1914 г. — депутат парламента. Во время войны поддерживал «Union sacré» и оборону страны и ездил в 1917 г. вместе с А. Тома в Россию для агитации в пользу продолжения войны. В 1920 г. после раскола социалистической партии на конгрессе в Туре образовал коммунистическую партию (S. F. I. C. — Section Française de l'Internationale Communiste), лидер коммунистов в палате депутатов и редактор «L'Humanité».

Кейне (Keunens), Джон Майнард, англ. экономист и публицист, р. 1883 г., профессор Кембриджского универс., служил в минист. по делам Индии, во время войны работал в минист. финансов, в 1919 г. — член британск. делегации на мирной конференции в Париже, выступал противником чрезмерно тяжелых условий, налагаемых на Германию, и по возвращении выступил с резкой критикой Версальского договора. Нап.: «Indian Currency and Finance» (1913), «Economic Consequences of the Peace» (р. пер. 1922), «A Revision of the Treaty» (р. пер. 1922).

Кейпер (Kuiper), Абраам, нидерл. полит. деятель, р. 1837 г., был протестантским (кальвинистским) пастором и профессором теологии в Амстердамском университете, руководитель основанной им клерикальной партии «антиреволюционистов», в которой пользовался чрезвычайным влиянием, не поколебленным даже раскрытием компрометирующих его деятельность фактов (см. XXV, приложение 133'—134'). Впервые был избран во вторую палату в 1874 г., в 1905—08 г. был мин.-президентом. Составил редактором «Standaard». Ум. в 1920 г. Нап.: «Encyclopaedia Theologica» (3 т., 1894), «Reformation wider Revolution» (нем. пер. 1904) и др.

Кейр-Гарди, Джеймс, англ. полит. деятель (см. XXIV, 69—60), ум. в 1915 г.

Келлог (Kellogg), Франк, америк. полит. деятель, республиканец, р. 1856 г., адвокат, в 1917—23 г. — сенатор, в 1923—25 г. — посол в Англию, один из составителей плана Дауэса. В 1925 г. после отставки Юза назначен гос. секретарем (мин. иностр. дел) Соед. Штатов.

Кемаль-паша, Мустафа, турецкий полит. деятель, р. 1879 г., находился на военной службе и был тесно связан с младотурками, выдвинулся впервые во время войны с Италией в Трапозитании в 1911 г., во время мировой войны отличился при обороне Галлипольского полуострова в 1915 г., в 1917 г. командовал 3-й армией на кавказском фронте, но отказался от командования из-за столкновений с Фалькенгаймом. В 1918 г., когда турецкая армия была совершенно раз-

бита в Палестине, К. отвел увеличенные части в Адаву, исполнил их добровольцами и организовал из них национальную армию, опираясь на которую образовал в Ангоре национальное правительство, отказавшееся признавать условия мирного договора с Антантой. В 1921—22 г. он вел войну против Греции, кончившуюся полным поражением греческих войск и вытеснением их из Малой Азии. После этого и Франция и Англия согласились на пересмотр мирного договора и заключили соглашение, в силу которого Константинополь и Вост. Фракия вернулись под власть Турции. Одновременно с этим произошло низвержение султана, и К. стал главой национального правительства, объединяющего всех турок-османов. В окт. 1923 г. избран президентом турецкой республики.

Кембл (Campbell), Джон, англ. полит. деятель, член центр. комит. коммунист. партии, по профессии рабочий-металлист, в мировую войну был тяжело ранен, затем состоял редактором коммунист. „Workers Weekly“, был привлечен к ответственности за помещенные воззвания к армии с призывом не принимать участия в подавлении забастовок. Однако, дело его было прекращено вследствие отказа ген-прокурора Гастингса от обвинения. Это послужило поводом для выражения недоверия правительству Макдональда и повело к его отставке.

Кенеп (Koenen), Вильгельм, германск. полит. деятель, р. 1886 г., с 14 лет служил в торговых предприятиях, с 1907 г.—сотрудник с.-д. газет в Киле и Кенигсберге, в 1911—19 г.—редактор „Volksblatt“ в Галле и во время революции комиссар местного сов. раб. и солд. деп. С 1919 г.—член центр. ком. независимых с.-д., в 1920 г. при расколе примкнул к коммунистам и вошел в центр. ком. партии. В 1919—20 г.—член. Нац. Собрания и с 1920 г.—депутат рейхстага.

Кербер (Körber), Эрнст, австр. полит. деятель. р. 1860 г. (см. XXIV, 89), в 1915 г. был назначен австро-венгерским министром финансов, а в 1916 г., после убийства гр. Штурка, также и австр. премьером; в декабре того же года вышел в отставку; ум. в 1919 г.

Керзон-оф-Келестон (Curzon-of-Kedleston), Джордж Натаниэль, маркиз, англ. полит. деятель, консерватор (см. XXIV, 90—91), в кабинете Аскита был хранителем тайной печати, в коалиционном кабинете Ллойд-Джорджа—директором-председателем света, представителем правительства в палате лордов и членом малого военного кабинета, в 1919 г. назначен мин. иностр. дел, в 1921 г. получил титул маркиза, в мае 1923 г. предьявил известный ультиматум советскому правительству России о прекращении пропаганды на Востоке. В начале 1924 г. вышел в отставку вместе с кабинетом Болдуина. В ноябре 1924 г. во втором кабинете Болдуина занял пост лорд-президента сената. Ум. в 1925 г. Нап.: „Modern parliamentary eloquence“ (1913) „War poems and other translations“ (1915) и др.

Кестер (Köster), Адольф, германск. полит. деятель, р. 1883 г., изучал философию в Германии и Швейцарии, был пр.-доцентом истории литературы в Мюнхене, потом отдался публицистической и полит. деятельности, примкнул в соц.-дем., совершил поездку по Азии, Африке и Америке, во время войны—корреспондент „Vorwärts“а на зап. фронте. После революции был комиссаром при левоблокаде в Шлезвиге, в 1920 г. вошел в качестве мин. иностр. дел в кабинет Миллера и вышел в отставку вместе с этим кабинетом. В 1921—22 г. был мин. внутр. дел во втором каб. Вирта и провел после убийства Ратенау закон о „защите республики“. После того назначен посланником в Латвию. Нап.: „Der junge Kant im Kampf um die Geschichte“ (1914), „Konnten wir im Herbst 1918 weiter kämpfen?“ (1922) и др.

Кинг, Уильям Лайон Мекензи, канадск. полит. деятель, р. 1874 г., экономист, публицист, лидер либеральной партии после смерти Лорье; в 1900 г. был мин. труда, издавал „Labour Gazette“. После победы либералов на выборах в 1921 г. сменил Бурдена на посту канадского премьера и мин. внешних сношений. На конференции доминионов выступ. против внешней политики британск. правительства. Нап.: „The secret of heroism“ (1906) „Industry and humanity“ (1916) и др.

Китчнер, Горацио Герберт, см. XLVI, прил. „Большие деятели четырехлетней войны“.

Кнура, Кейго, виконт, японск. полит. деятель, японск. пр. 1850 г., один из создателей англо-японского союза в 1902 г., с 1922 г.—президент сената, в 1924 г. был несколько месяцев премьер-министром.

Клайне (Clunes), Джон Роберт, англ. полит. деятель, р. 1869 г., служил контролером на хлопчатобумажной фабрике и был деятельным участником профессионального движения, в 1906 г. избран в парламент от Независимой рабочей партии; во время войны был парламентским секретарем министерства продовольствия, а в 1918 г. стал во главе этого министерства; в конце 1919 г., когда Рабочая партия вышла из коалиции, и он вышел в отставку. В кабинете Макдональда в 1924 г. был хранителем тайной печати и заместителем премьера в палате общин.

Клемансо (Clemenceau), Жорж Эжен Бенжамен (см. XXIV, 302—308), во время войны был председ. сенатской комиссии по иностр. и воен. делам и вел как в сенате, так и в печати борьбу с различными сменявшими друг друга кабинетами, обвиняя их в недостаточной энергичности ведения войны и в различных беспорядках в военном деле. В конце 1917 г. он стал министром-президентом и военным министром; после перемирия был представителем Франции на мирной конференции и председателем этой конференции, вел непримиримую политику в отношении Германии; в 1919 г. на него было произведено покушение анархистом, и он был при этом ранен. В янв. 1920 г. после избрания Дешанеля президентом республики, К. вышел в отставку. В 1922 г. ездил со специальной миссией в Америку.

Клеманте (Clementel), Этьенн, франц. полит. деятель, р. 1844 г., в 1905 г. был мин. колоний в кабинете Рувея, в 1913 г.—мин. земледелия в каб. Барту, в 1915 г.—мин. торговли и почт и телеграфов в каб. Бриана, в 1924 г.—мин. финансов в каб. Эррио. В апр. 1925 г. вышел в отставку, за которой последовало посещение восточного кабинета.

Клюзе (Klotz), Луи, франц. полит. деятель, р. 1868 г., адвокат, комиссар и журналист, с 1888 г.—депутат радикал-социалист, в 1911—13 г.—мин. финансов в каб. Каю, Пуанкаре и Бриана, в 1913 г.—мин. внутр. дел в каб. Барту, в 1917—20 г.—мин. финансов в каб. Пеллеве и Клемансо. В 1925 г. избран в сенат. В вопросах германской политики—соратник Тьеда (см.). Был делегатом на мирной конференции.

Кнудсен, Гуннар, норвежск. полит. деятель, р. 1848 г., инженер и судовладелец, с 1893 г.—депутат стortingа, лидер крестьянско-радикальной партии, в 1903—05 г.—мин. финансов, в 1906 г.—председатель стortingа, в 1908—10, 1913 и 1919—20 г.—мин.-президент.

Кокс (Cox), 1) Джейм Миддлтон, амерл. полит. деятель, р. 1870 г., в молодости был журналистом и короткое время сельским учителем; в 1913—15 и в 1917—21 гг. состоял губернатором штата Огайо и был энергичным сторонником Уильсона и Лиги Наций; в 1920 г. был выставлен кандидатом демократов на президентских выборах, но потерпел поражение.

2) Перс, англ. пол. деятель, р. 1804 г., служил в армии в Индии, был консулом в Персии, в 1918—19 гг.—британск. вельфог. комиссар на Кавказе во время его оккупации англичанами; при нем были расстреляны 26 бакинских комиссаров. В 1919 г. заключил о переделке премьером Вуссул-Эд-Доале договор о протекторате (см. ниже, Персия). После того был назначен верх. комиссаром в Месопотамии и там подавил вспыхнувшее национальное движение и подготовил образование „независимого“ государства, фактически английской колонии, Ирак (см. ниже, Ирак).

Коларов, Василь, болгарск. полит. деятель, р. 1877 г., был учителем и адвокатом. Вступил в соц.-дем. партию в 1897 г. и при расколе примкнул к революционному крылу („тесякам“). С 1905 г.—член центр. ком. партии, с 1919 по 1922 г. был ее секретарем. Делегат партии на международ. социальск. конгрессах в Штутгарте и Констатнзе, на конференции в Цаммервальде (1915 г.) и на конгрессах Коминтерна с 1921 г. Один из основателей Балканской коммунистической федерации и ее секретарь, в 1920—22 г. с К. 1922 г.—член президиума Исполкома Коминтерна, а в 1923—24 г.—его генер. секретарь. В 1910 г. был приговорен к трем месяцам тюрьмы.

за разоблачения по поводу забастовки железнодорожников. Во время мировой войны судился по обвинению в госуд. изм. не, по окончании войны попал под амнистию. В разное время подвергался арестам в Румынии, Югославии и Болгарии. Один из руководителей вооруженного восстания в Болгарии (сент. 1923 г.), за что два раза был приговорен к 15 годам каторги. После подавления восстания эмигрировал в СССР. Сотрудничал в партийной периодической печати, автор многих политических и др. брошюр.

Коллинс (Collins), Майкл, ирландск. полит. деятель, один из вождей шиффереров, р. 1860 г., был почетным служащим, с 1918 г. — депутат парламента. В 1919 г. в революционном правительстве де-Валери занимал пост военного министра; в 1922 г. он принял участие в большинстве партии шиффереров, стоявшему за соглашение с Англией, и был одним из делегатов «Dail Eigeant», подписавших это соглашение. Во временном правительстве 1923 г. К. был премьером и министром финансов. В том же году убит в стычке с республиканцами.

Кольби (Colby), Венбридж, америк. полит. деятель, р. 1869 г., адвокат, в 1901—02 г. — в Нью-Йоркском муниципалитете, на президентских выборах 1922 г. выступил сторонником кандидатуры Рузвельта и, выйдя из республиканской партии, был одним из основателей национ.-прогрессив. партии, в 1917—18 г. — вице-президент корабельн. деп., член американской миссии на междусоюзнической конференции в 1917 г. В 1920 г. после отставки Льюиса назначен мн. иностр. дел (Secretary of State). Вслед за поражением Уильсона уступил свое место Юзу.

Комб (Combes), Эмиль, франц. полит. деятель, (см. XXIV, 577—8), в 1915 г. входил в кабинет Бриана в качестве министра без портфеля; ум. в 1921 г.

Кондуринос, П., адмирал, греч. полит. деятель, в 1916 г. морской министр в каб. Скулудиса. В сент. 1918 г. принял участие в образованном Венизелосом врем. правительстве. В 1923 г., до установления окончательного образа правления в Греции, был провозглашен регентом, а затем избран врем. президентом республики.

Копнолли (Copnolly), Джемс, ирландск. полит. деятель, вождем ирландского рабочего движения, его организатор и теоретик, в 1896 г. основал ирландскую республик.-социалистич. партию, с 1898 г. издавал «Workers' Republic», в 1903—10 г. жил в Соед. Штатах, работая там в рядах соц.-раб. партии и «I. W. W.». В 1918 г., К. вместе с Д. Ларкинсом, организовал ирландскую гражданскую армию. После неудач Дублинского восстания в 1916 г. он был казнен вместе с остальными руководителями восстания, подписавшими декларацию, провозгласившую образование Ирландской Республики. (См. жюри, *Ирландия*). Нап.: «Reconquest of Ireland», «Labour in Irish history» (1910), «Socialism made Easy» и др.

Ковстантин, король Греции, сын короля Георга I, р. 1868 г., обучался в Германии будущим наследным принцем, возбудил против себя большое неудовольствие в войсках и должен был на время оставить страну. Во время балканской войны был главнокоманд. греческой армией. В 1913 г. наследовал отцу в качестве короля. Во время войны его симпатии были всецело на стороне Германии (он был женат на принцессе Софии, сестре императора Вильгельма), но он не мог воспрепятствовать высадке французов и англичан в Салониках, на которую дал согласие тогдашний греческий премьер Венизелос (1915 г.). С развитием активных военных действий на салоникском фронте его положение стало очень трудным; французы и англичане обвиняли его в тайной поддержке Германии и заставили его в 1917 г. отречься от престола в пользу второго сына Александра, К. уехал в Швейцарию, но после смерти Александра вернулся в Грецию и вновь провозглашен был королем (по плевбисциту), но не получил признания со стороны Антанты. В 1921 г. он начал военные действия против турок в Малой Азии, и неудачи этих действий окончательно лишили его популярности; в 1922 г. он был вновь вынужден отказаться от престола в пользу старшего своего сына Георга. Ум. в 1923 г.

Коритисер, Франц, австр. полит. деятель, коммунист, р. 1891 г., банковский служащий, председатель совета австрийских революционных профсоюзов.

Коропец (Kogosec), полит. деятель Югославии, один из активных участников ее образования, католический священник, был словенским депутатом австр. рейхсрата, в 1918 г. был организатором Югославского Национального Совета и в дек. 1918 г. вошел в первое югославское правительство Протача в качестве вице-премьера; был затем мн. путей сообщения в кабинетах Венича в 1920 г. и Протача в 1921 г., причем в последний также зам. премьера. Лидер словенской народной партии, блокирующей с демократической партией Давидовича в борьбе против великосербских стремлений Пашича.

Корфанти, Войчек (Адальберт), польск. полит. деятель, национал-демократ, р. 1873 г., изучал экон. и юридическ. науки в Берлине и Бреславе, занимался журналистикой, издавая «Górnopolazak», «Polak» и «Kurjer Slaski», в 1903—12 и в 1918 г. был депутатом германского рейхстага и в 1913—18 г. — членом прусской палаты депутатов. С образованием независимой Польши примкнул к нац.-демократам. Вузуич назначен польским комиссаром при плевбисците в В. Силезии, после неудачного для Польши исхода последнего, поднял восстание, повлекшее вмешательство Лиги Наций и раздел В. Силезии между Германией и Польшей. В 1922 г. был избран сеймом мн.-президентом. В ответ на его избрание последовало объявление П. П. С. всеобщей забастовки и отгол президенту Пилсудскому утвердить его назначение. В 1923 г. он входил вместе с другими лидерами национал-демократов во второй кабинет Виктоса после его реконструкции. К. является одним из крупнейших промышленников Польши.

Корн, Пауль, германск. полит. деятель, р. 1887 г., профес. леипсского университета, с 1912 г. участн. соц.-дем. движения, во время войны примкнул к независимым и в 1920 г. после раскола в Галле — к коммунистам. Входил в окт. 1923 г. в тюрингенское рабочее правительство в качестве министра юстиции.

Косгрэв (Cosgrave), Уильям Томас (ирл. Liam T. Mac Cosgair), ирландск. полит. деятель, в 1918 г. член парламента (шиффери); примкнул к сторонникам соглашения с Англией и входил во временное правительство 1922 г., с дек. 1922 г. после смерти Граффитса — президент Ирландского Свободного Государства.

Коста (Costa), Афонсо, д-р, португальск. полит. деятель, лидер демократ. партии, в 1910 г. входил во врем. правительство в качестве мн. юстиции, провел закон об отделении церкви от государства, в 1913 г. и в 1916—17 г. был премьер-министром, во время министерск. кризиса в окт. 1923 г. неудачно пытался сформировать кабинет.

Кох, Эрих, германск. полит. деятель, р. 1876 г., адвокат, был бургомистром в Дельменгорсте, Бремергафене и Касселе и членом прусской палаты господ, после революции — член Нац. Собрания от демократической партии, в кот. играет видную роль, с 1920 г. — депутат рейхстага (2-й председателем демократич. фракции). В 1919 г. вошел в качестве мн. внутр. дел в кабинет Г. Бауэра и оставался им в правительствах Мюллера и Ференбаха до мая 1921 г. В каб. Мюллера был также вице-канцлером. Нап.: «Städtische Ansiedlung und Behausungsfragen» (1916), «Die Lebensmittelversorgung im Grossen Kriege» (1915) и др.

Крамарж, Карл, чешек. полит. деятель, р. 1860 г., с 1891 г. был депутатом австрийского рейхсрата, а с 1894 г. также и депутатом Богемского ландтага, один из лидеров младочехов, в 1916 г. был приговорен к смертной казни по обвин. в государственной измене, но казнь была заменена 15-летним тюремным заключением, а в 1917 г. он совсем был помилован и выпущен на свободу; после распада австрийской монархии К. был в 1918—19 г. первым министром-президентом Чехо-Словацкой республики, после того — депутат, лидер национал-демократов в чехо-словацкой палате депутатов.

Крани (Stamp, С. Т.), деятель англ. проф. движения, лидер его правого крыла, секретарь проф. союза железнодорожников, председатель Рабочей партии, член Бюро в предс. административной комиссии П. Интернационала.

Крейбих, Карл, чехо-словац. полит. деятель, коммунист, р. 1882 г., журналист, член центр. ком.

коммунист. партия Чехословакии и представитель ее в контрольной комиссии Коминтерна.

Криспиен (Crispien), Артур, германск. полит. деятель, р. 1875 г., по профессии декоратор, с 1894 г. — редактор соц.-дем. газет в Кенигсберге, Дании и Штутгарте, в 1906—12 г. — секретарь партийного комитета в Вост. Пруссии, перед войной входил в состав исполкома II Интернационала. В 1916 г. примкнул к независимым соц.-дем. и в 1919 г. был предс. центр. комит. партии, в 1918—19 г. был премьером и мин. внутр. дел вюртембергск. правительства. Летом 1920 г. К. ездил вместе с Дитманом в Москву для переговоров о вхождении в Коминтерн, но при расколе независимых на партийтаге в Галле примкнул к правому крылу, вернувшемуся в 1922 г. в ряды соц.-дем.; с 1920 г. — депутат рейхстага. После Гамбургского конгресса 1923 г. — представитель Германии в Исполкоме II Интернационала.

Кросе (Crosse), Бенедетто, итальянец, философ, социолог и полит. деятель (см. XXVI, 52). Во время войны вел в печати полемку против мировой программы Уильсона («Ragione sulla guerra», 1919). В 1920—21 г. г. входил в кабинет Джолитти в качестве мин. просвещения.

Кру (Crawe), Роберт, маркиз, первоначально лорд Гаутон, англ. полит. деятель, р. 1858 г., в 1892—95 г. г. был заместителем Ирландии, в 1895 г. получил титул графа, в кабинете Кембелл-Баннермана (1905—08 г. г.) был президентом совета и председателем правительства в палате лордов, в кабинете Аскита — сперва министр колоний (1908—10 г. г.), потом министр по делам Индии (с 1910 г.), в 1911 г. получил титул маркиза К., в первом коалиционном кабинете Аскита — опять президент совета; в конце 1916 г. вышел в отставку вместе с Аскитом и другими независимыми либералами; в 1922—23 г. был англйск. посланником в Париже.

Крэг (Craig), Джеймс, англ. полит. деятель, консерватор, р. 1871 г., служил в армии, участвовал в англо-бурской войне, получив чин капитана, с 1906 г. — член парламента, один из вождей ольстерского движения, в 1919—20 г. — парлам. секр. министр пенсий, в 1920—21 г. — парлам. и финан. секр. адмиралтейства, с 1921 г. — премьер-министр Северн. Ирландии.

Ку Велингтон, китайск. полит. деятель, р. 1887 г., д-р прав, был секретарем кабин. Юаньшика в 1912 г., в 1915 г. — полком. мин. в Мексике, после того до 1921 г. — посланник в Вашингтоне, а затем до 1923 г. (с перерывом в 1922 г.) — посланник в Лондоне, представитель Китая на мирной конференции в Париже в 1919 г., где выступил противником Японии по вопросу о Шандау. На Женевской конференции Лиги Наций добился включения в нее Китая; китайск. делегат на Вашингтонской конференции в 1921—22 г. мин. иностр. дел в 1922 и 1924 г. В 1924 г. заключил договор с СССР.

Куз (Cook), А., деятель англ. проф. движения, председатель союза углеколов и представитель международной федерации углекопов в ген. совете Амстердамского Интернационала. Примыкает к левому крылу англ. профдвижения.

Кулидж (Coolidge), Кальвин, американ. полит. деятель, р. 1872 г., адвокат, начал политическую карьеру в штате Массачусетс и был в 1919—20 г. губернатором этого штата. В 1921 г. он был избран вице-президентом Соед. Штатов, а после внезапной смерти президента Гардинга в 1923 г. занял его место. В 1924 г. переизбран президентом. По своим политическим взглядам К. примыкает к правому крылу республиканской партии.

Куш, Вель, венгерск. полит. деятель, коммунист, р. 1886 г., был журналистом и служил в страховой рабочей кассе; во время войны был призван в армию и попал в плен в Россию. Вернувшись из плена принял участие в венгерском коммунистическом движении, и когда в Венгрии, после падения Кароля, была провозглашена советская республика, он стался народным комиссаром иностранных дел и фактическим главою республики; после падения советского правительства он нашел себе убежище в Австрии, потом эмигрировал в Россию. Работал в Революционном военном фронте во время борьбы с Врангелем, а после того в Коминтерне. (Подробно см. ХLI, Деятели Октябрьской революции и СССР).

Куно (Cuno), Вильгельм, герман. полит. деятель, р. 1874 г., служил в мин. финансов, где занимался вопросами налогового обложения. Во время войны принимал участие в организации снабжения армии продовольствием и был референтом мин. финансов по вопросам военной экономики. В 1917 г. перешел на службу в пароходную линию Гамбург—Америка, директором которой сделался в 1918 г., после смерти Вальдена. К. принадлежал к народной партии, из кот. вышел во время Капповского путча. В 1922 г., после отставки второго кабинета Вирта он взял на себя формирование «делового» правительства из народной партии, центра и демократов. После оккупации французскими войсками Рурской области пытался организовать «пассивное сопротивление» (см. ниже, Германия в эпоху мировой войны). Политика его, однако, не увенчалась успехом, вызвала всеобщую забастовку, и в авг. 1923 г. К. должен был выйти в отставку, уступив место коалиционному каб. Штрезама.

Кунов, Генрих, видный германск. социолог и публицист, соц.-дем., р. 1862 г., член редакции «Vorwärts» и «Neue Zeit», профессор этнологии и социологии Берлинск. университета. Им написаны: «Die revolutionäre Zeitungsliteratur Frankreichs 1789—94» (1908), «Ursprung der Religion» (1913), «Verstaatlichung» (1919), «Die Marxsche Geschichts-Gesellschafts- und Staatstheorie» (т. 1, 1920) и др. Главное значение К. — в его исторических работах (почти все переведены на русск. яз.), из которых квяга о публицистике франц. революции в связи с дифференциальной партией является крупнейшим вкладом в историографию революции. В экономике К. все больше удаляется от марксизма и, напр., в построении теории социализации делает большие уступки капиталистическо-экономической доктрине.

Куусинен, Отто, финск. полит. деятель, р. 1882 г., в семье портного, магистр философии, с 1906 г. принял участие в финск. рабоч. движении, состоял редактором полит. отдела с.-д. газеты, «Työmies» (Рабочий); с 1907 г. был с первыми депутатами сейма. В 1918 г. принял участие в финляндской революции и был назначен народн. комисс. просвещ. революц. правительства. После победы белых К. эмигрировал в Москву, был организатором финск. коммун. партии и принял участие в работе Коминтерна, секретарем исполкома которого состоит с 1924 г. Назв.: «Революция в Финляндии» (1919).

Куэн-Хедервари (Kuuen-Hedervary), Карл, венг. полит. деятель, (см. XXVI, 294), ум. в 1912 г.

Кэе (Cave), Джорджи, англ. полит. деятель, р. 1866 г., был адвокатом, с 1906 г. — член парламента (юнионист), во время войны в коалиционном кабинете Аскита был генерал-солситором, в кабинете Ллойд-Джорджа — министром внутренних дел; в 1918 г. вышел в отставку и получил звание пэра с титулом виконта. В 1922—23 г. г. был лорд-канцлером в кабинетах Бонара Ло и Болдуина. Этот же пост занял в новом кабинете Болдуина в ноябре 1924 г.

Кэземонт (Casement), Роджер Дэвид, ирландск. полит. деятель, р. 1864 г. в Ирландии, но происходил из протестантской семьи, в течение многих лет состоял на консульской службе в Африке и Ю. Америке и был возведен в дворянское достоинство. В колониях ему пришлось столкнуться с насилиями англичан над туземцами, что сделало его непримиримым врагом Англии. Он вернулся в Ирландию и примкнул здесь к революционному движению шиффернеров, добивавшихся независимости. Во время мировой войны он вступил в сношения с Германией, рассчитывая найти у ней поддержку делу независимости Ирландии, вел в концентрационных лагерях английских пленных в Германии пропаганду среди ирландских солдат и в 1916 г. организовал в Ирландии прямое восстание. Отправившись в Ирландию на германской подводной лодке, сопровождаемой транспортом с оружием, он был арестован предпродержанными английскими властями сейчас же после высадки, предан суду и казнен 3 авг. 1916 г. Перед смертью он принял католичество.

Кюльманн (Kühmann), Рихард, герман. дипломат, р. 1873 г., во время войны был посланником в Константинополе, в авг. 1917 г. назначен министром иностранных дел, в 1918 г. вел мирные переговоры с Россией в Брест-Литовске и с Румынией в Бухаресте. В июле того же года выступил в рейхстаге с речью, в кото-

рой гворил о том, что война не может (быть окончена силою одного оружия; это привело к его столкновению с главной военной квартирой и к отставке.

Дабриола, Артуро, итальянский экономист и полит. деятель (см. XXVI, 338). Л. был одним из лидеров анархо-синдикалистской группы, вышедшей в 1906 г. из социалистич. партии. В дальнейшем он эволюционировал вправо, стал реформистом и в 1920—21 г. входил в правительство Джолитти в качестве мин. труда.

Дамброе, Спиридон, греческ. историк и полит. деятель, р. 1851 г., проф. в Афинах, в 1916—17 г. был министром-президентом. Ум. в 1919 г. Нап.: „Collection de travaux grecs“ (1880), „Histoire de la Grèce“ (1886) и др.

Даммани, Генрих, австрийский юрист и полит. деятель, р. 1853 г., был проф. международного права и членом Гаагского трибунала; с 1899 г. состоял членом австр. палаты господ (партия центра). В 1918 г. был короткое время премьером (последним) австрийской империи, а после того участвовал в мирной делегации в С.-Жермене. Ум. в 1920 г. Нап.: „Der Völkerbund“, „Europas elfte Stunde“ (1919) и др.

Дандеберг, Отто, германск. полит. деятель, р. 1869 г., адвокат, с 1912 г.—депутат рейхстага, социал-демокр., ревизионист. Во время войны занимал шпеннопатическую позицию, вытупал на рейхстаге с речами против всяких территорий, уступок со стороны Германии. В ноябр. революцию был одним из шести народных уполномоченных, потом членом Нац. Собрания; в 1919 г. входил в качестве мин. юстиции в каб. Шейдемана; в 1920—23 г. был германским послом в Брюсселе.

Дансинг, Роберт, америк. полит. деятель, демократ, р. 1864 г., был адвокатом и неоднократно привлекался правительством в качестве специалиста к разрешению разного рода международных недоразумений; в 1916 г. после отставки Брауна был назначен мин. иностр. дел, участвовал в Парижской мирной конференции и проводил политику Уильсона; в 1920 г. разошелся с ним и вышел в отставку. Нап.: „The Peace Negotiations“ (1921), „The Big Four and Others“ (1921).

Даркин, Джемс, ирландск. полит. деятель, основатель Ирландск. Союза транспортных рабочих и чернорабочих в 1909 г.; руководил крупными забастовками этого союза в Дублине в 1911 и 1913 г. По имени Л. революционный характер ирландск. рабочего движения получили название „даркинизма“. Совместно с Кожаоли Л. был организатором ирландской гражданской армии. (См. ниже, *Ирландия в эпоху четверделетней войны*). В настоящее время деятель профес. движения в Ирландии и член коммунист. партии. Был делегатом на V конгрессе Коминтерна и вошел в его Исполком.

Дасиерна, Хуан, испанск. полит. деятель, руководитель консерват. группы (сиервистов), адвокат, в 1907—09 г.—мин. юстиции, военн. мин.—в 1917 г., мин. финанс.—в 1919 г., в 1921 г.—мин. общественных работ в каб. Аллендесаалаара и в конце 1921 г.—военн. мин. в каб. Мауры. Вышел в отставку под давлением офицерских „juntas“, сторонником которых он прежде являлся.

Дастери (Lasteurie), Шарль де, франц. полит. деятель, р. 1877 г., был финан. инспектором, потом профес. Высшей Политич. Школы в Париже. С 1919 г.—депутат (Gauche républicaine démocratique); был референтом по вопросам бюджета и репараций и посетил с этой целью Германию; в 1922—24 г.—мин. финансов в кабинете Пуанкаре.

Дас Фолетт (La Follette), Роберт Марнон, америк. полит. деятель, р. 1855 г., адвокат, в 1885—91 г. был депутатом конгресса Соед. Штатов, в 1901—05 г.г.—губерн. штата Уисконсин, с тех пор сенатор; принадлежал к прогрессивной группе, вышедшей из республиканской партии. В 1923 г. посетил Сов. Россию. Был кандидатом на президентских выборах от фермерско-рабочей партии. Нап.: „La Follette's Autobiography“ (1913). Ум. в 1925 г.

Даздари (Lazzari), Константин, деятель итальянск. рабочего движения, в 1891 г. был одним из основателей „Рабочей партии“ (Partito Operaio), кот. в скором времени была преобразована в итальянскую социалистическую партию (Partito Socialista Italiano); при расколе партии на съезде в Болонне в 1919 г. и окончательно на съезде в Ливорно в 1921 г. Л. возглавлял группу „центристов“.

Лебе (Lübe), Пауль, германск. полит. деятель, социал-дем., р. 1875 г. был рабочником, принимал участие в проф. движении, состоял председателем с.-д. организаций в среде. Силезии и редактором „Volksmacht“ в Бреславле. После революции—член Нац. Собрания и с 1920 г.—депутат и председатель рейхстага. Стороник сближения с СССР. Председатель национ. наднаптийного союза „черно-красно-золотого знамени“.

Левин, Пауль, германск. полит. деятель, р. 1883 г., юрист, был советником суда во Фрайфурге (ИМ.), вошел в с.-д. движение и во время войны принимал участие в циммервальдской конференции, примкнувший к Циммервальдской левой. Л. был активным деятелем союза „Спартак“, потом членом центр. комит. объединенной коммунистической партии, от которой был избран в 1920 г. в рейхстаг. На II конгрессе Коминтерна был членом президиума. В 1921 г. исключен из партии вследствие разногласий по организационным вопросам (нежелание подчиниться требованию Коминтерна о полном разрыве с с.-д.), перешел к независимым и вместе с ними возвратился в ряды с.-д. Состоит депутатом рейхстага с 1920 г.

Левине-Ниссен, Евгений, германск. полит. деятель, р. 1833 г. в России, сын купца, с 1896 г. жил в Германии; рано познакомившись с социализмом. Учеными разошелся с родителями и стал жить самостоятельно, добывая средства к существованию уроками и пр. В 1905 г. студентом Гейдельбергского университета он возвратился в Россию и принимал участие в революции. Подвергался арестам, затем вернулся в Германию, продолжал занятия в университете, где изучал политич. экономию, а затем поступил рабочим на завод. Во время войны выступал ее открытым противником, примкнул сначала к независимым с.-д., а затем принял деятельное участие в спартаковском движении. После Брестского мира был редактором „Роста“ в Берлине. С началом революции руководил организацией вооруженных отрядов рабочих. После подавления январского восстания должен был скрываться, перебрался затем в Баварию, начал издавать в Мюнхене „Kote Fahne“ и был активным участником образования советской республики в Баварии и председателем совета народных комиссаров. После падения советской республики в 1919 г. расстрелян по приговору военного суда.

Легген (Legien), Карл, деятель германск. профес. движения и II Интернационала, р. 1861 г., по профессии токарь, с 1890 г.—председ. Генер. Комиссии германских проф. союзов, с 1903 г.—секретарь международного объединения проф. союзов и с 1913 г. после реорганизации—председатель Межд. федерации проф. союзов и помещавшегося в Берлине Международн. секретариата (кот. во время войны был заменен на конференции проф. союзов стран Антанты в 1916 г. Международным бюро с Жуо (см.) во главе); в 1898—98 г. и с 1903 г. состоял депутатом рейхстага, в 1919—20 г. был членом Нац. Собрания. Л.—с.-д. реформист, сторонник аполитического рабоч. движения и в этом направлении оказал в свое время большое влияние на германск. рабочий класс. Ум. в 1920 г. Его именем Стиннес назвал один из своих пароходов. Нап.: „Die deutsche Gewerkschaftsbewegung“ (1911), „Aus Amerikas Arbeiterbewegung“ (1914).

Ледебур (Ledebour), Георг, германск. публицист и полит. деятель, социал-дем., р. 1850 г., журналист, в 80-х годах вместе с Фр. Мерингом был редактором „Berliner Volkszeitung“. После закрытия газеты на основании закона против социаллистов вошел в редакцию „Sächsische Arbeiterzeitung“. В 1900 г., после смерти В. Либкнехта, был избран на его место в рейхстаг и оставался им до 1918 г. и с 1920 по 1924 г. Блестящий, саркастический оратор, Л. выступал в рейхстаге с краткой и правительственной по вопросам колониальной и внешней политики. Во время войны занял интернациональную позицию, в 1916 г. вместе с Гаазе, Дитманом и др. откололся от большинства с.-д. фракции рейхстага и вошел в образованную в 1917 г. на съезде в Готе партию независимых с.-д. Работал по подготовке революции и во время нее был членом берлинского ревкома. В мае 1919 г. судился по обвинению в гос. измене, но был оправдан. После раскола независимых в Галле в 1920 г. остался в рядах меньшинства,

отказавшегося от присоединения к Коминтерну, во в 1922 г. отказался войти в объединенную с.-д. партию и образовал свою собственную группу. Был одним из организаторов Венского (2^{1/2}) Интернационала. Редактор „Klassenkampf“.

Лейг (Leagues), Жорж, франц. полит. деятель, р. 1858 г., адвокат и писатель, с 1885 г.—депутат (Républicains de gauche), начиная с 1894 г. был несколько раз министром, в 1917—20 г. был морским министром в кабинете Клемансо, а в 1920 г. сменил на посту премьеря и мин. иностранных дел Мильерана, избранного в президенты республики. В 1921 г. вышел в отставку. Состоял председателем парламентской комиссии по иностранным делам. Благодаря крупному состоянию пользуется весом в депутатских кругах, но играет больше представительную роль.

Лейнхарт, Роберт, германск. полит. деятель, социал-демократ, р. 1873 г., обучался малярн. делу, с 1900 г.—секретарь с.-д. партии в Ганновере, редактор „Volkswille“, с 1908 г.—член прусской палаты депутатов. После революции был в дек. 1918 г. председателем всегерманского съезда советов рабоч. и солдатск. деп., потом обербургомистром Ганновера. Л. входил в состав германской мирной делегации и высказывался против подписания Версальского договора. Л. проявил себя непримиримым противником коммунистов и, в качестве президента прусского ландтага (1919—23 г.), настоял на их исключении.

Лейнхарт, Теодор, деятель германск. проф. движения, правый с.-д., р. 1807 г., был торговцем. После смерти Лигенса—председатель Всеобщего Объединения германских профес. союзов (A. D. G. B.) и редактор его органа „Die Arbeit“. Вице-президент Амстердамского Интернационала.

Ленсбери (Lansbury), Джордж, англ. полит. деятель, р. 1859 г., член незав. рабочей партии, представитель более левых течений внутри ее, в 1910 г. был избран депутатом, в 1912 г. сложил с себя депутатские полномочия с тем, чтобы вновь выставить свою кандидатуру в качестве сторонника женского избирательного права, но был забаллотирован; в 1913 г. был приговорен к 6 месяцам тюремного заключения, но освобожден через несколько дней, обвиняв гололовку. Л.—один из основателей и издатель рабочей газеты „Daily Herald“ с 1913 г., в 1919—20 г. г. состоял мером Поппара (пролетарск. квартала Лондона); в 1920 г. посетил Россию. Нап.: „Your part in poverty“, „What I saw in Russia“ (1920) и др.

Лендсвелл (Landsweil), Генри Чарльз, маркиз, англ. полит. деятель (см. XVII, 22), в коалиционном кабинете Аскита был мин. без портфеля, в 1918 г. вышел в отставку вследствие расхождения по irlandскому вопросу и тогда же сложил с себя лидерство унионистов в палате лордов; в 1917 г. выступал в печати с заявлениями в пользу мира.

Ленц, Пауль, германск. полит. деятель, р. 1873 г., изучал полит. экономию и историю в Берлине и Страсбурге, потом занялся журналистикой, редактор „Leipziger Volkszeitung“. С 1912 г.—депутат рейхстага (с.-д.). Играл видную роль в партийной жизни, находился на левом крыле, выступая неоднократно с критич. позицией центра. Во время войны голосовал против кредитов, но не примкнул к независимым. В дальнейшем разошелся с социал-демократами, занял место главного редактора стиннесовской „Deutsche Allgemeine Zeitung“ и был в 1923 г. исключен из партии. Нап.: „Die deutsche Sozialdemokratie und der Weltkrieg“ (1915), „Die Sozialdemokratie, ihr Ende und ihr Glück“ (1916), „Am Ausgang der deutschen Sozialdemokratie“ (1919) и др.

Лернер, Курт фон, барон, германск. дипломат, р. 1838 г., в 1907—10 г. был атташе в Париже, в 1913—14 г.—секретарем посольства в Вашингтоне, в 1916—18 г.—представителем минист. иностр. дел при главной военной квартире, затем германским представителем при переговорах в Спах после отставки Брокдорфа Ряттгау—председ. германской мирн. делегации в Версале. В 1920 г. вышел в отставку. С 1920 г. по 1924 г. был депутатом рейхстага (народная партия). Нап. „Versailles' Volkskommentar“ (1921).

Лерхенфельд, Гуго фон, граф, германск. полит. деятель, член баварск. народа, партия, р. 1871 г.,

занимал административные должности, во время войны служил в армии, в 1916—18 г. г. был комиссаром при польском правительстве; после революции служил в мин. иностр. дел, в 1921—22 г., когда Карл вышел в отставку, был баварским мин. президентом, с 1924 г.—депутат рейхстага. Писал по вопросам права, экономики и политики.

Ле Троке (Le Troquer), Пв, франц. полит. деятель, р. 1877 г., инженер, с 1919 г.—депутат (Républicains de gauche), в 1920—24 г. г.—мин. общественных работ в кабинетах Мильерана, Лейга и Пуанкаре. В 1923 г. выступал с широкими планами расширения французск. рек и каналов с помощью немецких рабочих, что должно было быть затчено в счет репарационных платежей.

Лефевр (Lefevre), Андре, франц. полит. деятель, р. 1869 г., был писателем, потом презид. парижского муниципального совета, в 1910 г.—депутат (независимый), в 1910—11 г.—пом. мин. финансов во втором кабинете Бриана, в 1919 г.—снова депутат (Gauche républicaine démocratique), в 1920 г.—мин. иностр. дел в кабинетах Мильерана и Лейга. В 1922 г.—вице-президент палаты депутатов. Сотрудник „Journal“ по военным вопросам.

Лио Фэррем (Lee of Fareham), Артур, барон, англ. полит. деятель, р. 1868 г., служил в армии, был затем профессором стратегии и тактики, в 1898 г. состоял британским военным атташе в Соед. Штатах. В мировую войну сражался на фронте; с 1900 г.—депутат парламента (консерватор), в 1919—21 г. был министром земледелия и рыболовства, а затем до 1922 г.—первым лордом адмиралтейства в кабинете Ллойд-Джорджа. Участвовал в Вашингтонской конференции по разоружению.

Либкнехт (Liebknecht), Карл, германск. полит. деятель, р. 1871 г., сын известного социалиста Вильгельма Л. (см.), изучал право в Берлине и Лейпциге, был адвокатом. В студенческие годы примкнул к социал-демократам, при чем сразу занял место на крайнем левом фланге партии, дерзая все время особым, выделяясь своим постоянным стремлением к активной борьбе. В начале 800-х годов он выступил с пропагандой антиимпериализма и в 1907 г. за брошюру „Militarismus u. Antimilitarismus“ был приговорен к полугоду тюрьмы заключения в кнестети. В 1908 г. Л. был избран в прусскую палату депутатов, а в 1912 г.—в рейхстаг. В 1913 г. он выступал сразоблачительная деятельность Круппа. С началом войны фигура Л. выступает во весь рост. На всех партийных и фракционных собраниях, в прессе он вел борьбу против поддержки социал-дем. „умерявления народов“ и др. 1914 г. один из всех депутатов рейхстага голосует против военных кредитов. В февр. 1915 г. его мобилизуют и направляют в рабочий батальон. Вскоре после того он присоединяется к Р. Люксембург, Мерингу, Цеткин и др. пол. деят., отколовшимся от с.-д. и приступивших к изданию журнала и организации союза „Спартак“. В начале 1916 г. Л. был арестован во время митинга и приговорен к 1 1/2 годам крепости; приговор этот высшим военным судом был отменен и наказание было уменьшено до 4 лет. Освобожденный и, влиятельством Макса Баденского, Л. возвратился с триумфом в Берлин. Он отклонил предложение о вступлении в революционное правительство и отдался работе в коммунистической партии, которая 30 дек. 1918 г. была организована из Союза Спартака; вместе с Р. Люксембург он редактировал центр. орган партии „Rote Fahne“. В январские дни 1919 г. он был арестован и по заранее принятому решению был убит по дороге в тюрьму сопровождавшими его офицерами конвоя (15 янв.). Социалист чувства и великой души, непризнававший никаких компромиссов революционер, органически враждебный всякому оппортунизму, непоколебимо стойкий в своих взглядах, Л. всегда смело вступал в борьбу со всем, что угрожало интересам пролетариата, увлекал своим порывом и рождал героизм и в других. Идеал борн и вождя, он шел своим путем и в области теории, по крупным теоретиком он не был. Нап.: „Das Zucht-hausurteil“ (1910), „Briefe aus dem Felde“ (1920, перев.), „Reden und Aufsätze“ (1921), „Studien über die Bewegungsgesetze der menschlichen Gesellschaft“ (1922).

Ланден. Корт ван дер, нидерландск. полит. деятель, либерал, профессор, был мин. юстиции в 1897—1901 г.г., премьер-министр и внутр. дел в 1913—18 г.г. Провел избирательную и школьную реформы (см. ниже—*Нидерланды*).

Ландман. Арийд, шведск. полит. деятель, консерватор, р. 1832 г., адмирал, в 1905 г. был морск. министром, в 1906—11 г.г.—мин. президентом, в 1909 г. ввел избират. реформу, в 1917 г. был мин. иностр. дел в кабинете Сварва.

Лангевиский. Рихард, германск. полит. деятель, р. 1867 г., служил в торгов. предприятии, принимал участие в профессиональном движении, редактировал с.-д. газеты в Лейпциге, с 1901 г. стал книгопродавцем и писателем. После революции был саксонским мин. внутр. дел в 1918—19 г.г. и мин. юстиции в 1920—23 г.г., с 1919 г.— вице-президент ландтага, в 1903—06 г.г. и с 1900 г.г. депутат рейхстага. Принимал в нем участие, а затем вернулся в ряды с.-д. Нав.: „Das Recht im gewerblichen Arbeitsverhältnis“ (1903), „Der Arbeitsvertrag der Handlungsgesellschaften“, „Die Landgemeindeordnung der Republik Sachsen“ (1919) и др.

Лангье. Франк, деятель профес. движения в Соед. Штатах, был руководителем первого социалист. профес. союза Америки—„Western Federation of Miners“ и одним из организаторов „Industrial Workers of the World“. Во время войны выступал как противник, руководил большой стачкой рудокопов в штате Аризона и другими. В 1917 г. в разгар руководимой им грандиозной стачки в Монтане был схвачен замаскированными людьми и убит—повешен на видном месте, на железнодорожном мосту в долине: „берегись оставаться“.

Ланковский. Карл Макс, князь, германск. дипломат, р. 1860 г., в 1912—14 г.г. был послом в Лондоне. В 1917 г. он написал мемуары „Meine Londoner Mission 1912—1914“, в которых на Германию возлагалась ответственность за возникновение мировой войны; эти мемуары были опубликованы без согласия автора, и Л. был исключен из прусской палаты господ и должен был уехать за границу.

Ли-Юан-Хунг, китайск. полит. деятель, р. 1864 г., получил военное образование, участвовал в японо-китайской войне, после того под руководством немецких инструкторов работал по реорганизации китайской армии. В 1911 г. Л. принимал участие в революции, командовал войсками, и в 1912 г. был участником созванной в Шанхае конференции для переговоров между правительством и революционерами. В 1913 г. он был выдвинут партийной группой на пост вице-президента, в 1916 г. после смерти Юан-Ши-Кая сделался президентом и оставался им до 1917 г., когда должен был отречься в виду захвата власти последним монархический переворот Чжай-Сунем. В 1922 г. после отставки Ху-Ши-Каяна и созыва распущенного в 1917 г. парламента, снова сделался президентом, которым пробыл до 1923 г., когда должен был бежать вследствие переворота У-Пей-фу и Цао-Кюаня.

Ллойд-Грэм. (Lloyd-Greame), Флипп, англ. полит. деятель, р. 1884 г., окончил Оксфордск. университет, в 1914—17 г.г. находился в армии, в 1917—18 г.г. был секретарем минист. национальной службы, в 1918 г. выбран в парламент от Миддлсекса (консерватор), в том же году был председ. комитета труда при военном кабинете, в 1920—21 г.г.—парлам. секр. минист. торговли и промышленности, в 1922—23 г.г.—министром торговли в кабинетах Бонара Ло и Болдуина; был председ. англоиск. делегации в Гааге. В ноябре 1924 г. после победы консерваторов на парламентских выборах снова вошел в кабинет Болдуина в качестве министра торговли и промышленности. По дарованному ему титулу носит фамилию *Камилло-Листер* (Cunliffe-Lister).

Ллойд Джордж. (Lloyd George), Дэвид, англ. полит. деятель (см. XXVII, 338—91), в мае 1915 г. занял должность мин. военных снабжений, в реконструированном кабинете Аскита в 1916 г. занял Киченера в качестве военн. мин., в дек. того же года стал во главе кабинета, в котором преобладающее влияние получили консерваторы, и сосредоточил в своих руках руководство всеми делами, касающимися войны; по окончании войны остался во главе коалиции и министерства

и был главным представителем Англии на мирной конференции; вышел в отставку в 1922 г. в связи с неудачей его планов восстановления хозяйственной жизни Европы после войны (провал Генуэзской конференции). Руководимая Л. Д. либеральная партия раскололась в эпоху войны: часть ее, оставшаяся на прежних позициях (независимые либералы с Аскитом во главе) ушла из правительства, остальная же часть во главе с Л. Д. пошла на сближение с консерваторами. В послесловный период произошли новые отколы, и партия Л. Д. почти совершенно сошла с политической сцены (см. ниже—*Велико-Британия*). Вып. сборник речей, произнесенных им во время войны—„Through terror to triumph“ (1915).

Ло (Law), Эдвард Бонар, англ. полит. деятель, видный консерватор, р. 1855 г., крупный торговец, в 1900 г. избран депутатом от Глазго, с 1911 по 1921 г.—лидер юнионистов в палате общин. В коалиц. кабинете Аскита (1915—1916 г.г.) был мин. колоний, в кабинете Ллойд-Джорджа—канцлером казначейства (1915—1919 г.г.), потом хранителем тайной печати, участвовал в парижской мирной конференции, в 1921 г. вышел в отставку; в 1922 г. после распада коалиции он стал во главе консерват. кабинета и пытался проводить политику тесного сотрудничества с Францией, но в 1923 г. по болезни должен был выйти в отставку. Ум. в 1923 г.

Лодж. (Lodge), Генри Кабот, америка. полт. деятель, р. 1850 г., преподаватель истории в Гарвардском университете, и писатель, с 1880 г.—депутат конгресса в штате Массачусетс, с 1893 г.—сенатор. Империалист, идейный вождь республиканской партии, постоянный председатель ее съездов. Противник Уильяма и Линн Хауди. В качестве председ. сенатской комиссии по иностранным делам настоял на отказе в ратификации Версальского договора. Был делегатом С. Ш. на Вашингтонской конференции в 1921—1922 г.г., Ум. в 1924 г. Нав.: „Essay on Anglo-Saxon Land Law“, „A short History of the English Colonies in America“ (1881), „The Story of American Revolution“ (1898), „One hundred years of Peace“ (1913); „The democracy of the Constitution“ (1917), „War addresses“ и др.

Лонг. 1) Морис, франц. полит. деятель, р. 1868 г., адвокат, занимал административные должности, в 1910—19 г.г.—депутат (радикал-социалист), выступал докладчиком по финансовым и колониальным вопросам и по вопросам иностранной политики, в 1917 г.—мин. продовольствия в каб. Шеллена, в 1919 г. назначен ген.-губернатором Индо-Китая. Ум. в 1923 г.

2) Уолтер Юм, англ. полит. деятель, р. 1854 г., окончил Оксфордск. университет, с молодых лет посвятил себя политике, в 1880 г. впервые избран в парламент, где принадлежал к консервативной партии, в 1895—1900 г.г. был мин. земледелия, в 1900—05 г.г.—президентом бюро местного управления, в 1905 г.—короткое время мин. по делам Ирландии, во время войны занимал в коалиц. кабинете Аскита опять должность президента бюро местного управления, а в кабинете Ллойд Джорджа сперва был мин. колоний (1914—19 г.г.) потом—первым лордом адмиралтейства (1919—21 г.г.); в 1921 г. получил титул виконта и перешел в палату лордов.

Лонге (Longuet), Жан, франц. полит. деятель, р. 1876 г. (жук Л. Маркса и псевдоним Ж. Гедэ), адвокат, лидер французских социалистов, представитель левых течений в партии, был одним из организаторов 2½ (Венского) Интернационала, посл. съезды 2½ и 2-го Интернационалов—член Бюро II Интернационала. В 1914—19 г.г. был депутатом. Основатель „Le Populaire“. Нав.: „L'évolution du Mouvement Socialiste en France“ (1906) „La Politique internationale du Marxisme“ (1918) и др.

Лондондерри, Чарльз Стюарт, маркиз, англ. полит. деятель, инд. консерватор, р. 1832 г., в 1868—1889 г.г.—вице-король Ирландии, в 1900—1902 г.—генерал-почтмейстер, в 1902—1905 г.г.—предс. комитета по народному образованию, в 1903—1905 г.г.—лорд-президент совета, лидер оппозиции введению ирландск. гомруля в палате лордов, один из первых подписал Ольстерское соглашение 1912 г. (см. *Карсон*). Ум. в 1916 г.

Лоран (Laurant), Шарль, франц. промышленник, финансист и полит. деятель, р. 1866 г., был артиллер. офицером, в 1879—1917 г.г. работал в мин.

финансов, в 1919 г. был франц. делегатом во время контроля над турецкими финансами, затем руководителем „Credit National“ и президентом „Union des industries metallurgiques et minières“ и др.; в 1920—22 г. был франц. послом в Берлине.

Луццати, Луцци, итальянец, экономист и полит. деятель (см. XXVII, 406—7), в 1920 г. был мин. финансов в каб. Нитти, в 1921 г. сделал сенатором.

Лушер (Loucheur), Луш, франц. полит. деятель, р. 1872 г., по образованию инженер, крупный фабрикант, в сент. 1917 г.—мин. воен. снаряжений в каб. Пенлеве, в 1917—20 г.г.—мин. продовольствия в кабинете Клемансо, в 1921—22 г.—мин. освобожденных областей в кабинете Бриана, вел переговоры с Ратеном и заключил Висбаденское соглашение; в 1921 г. был мин. торговли в кабинете Пуанкаре. С 1919 г.—депутат, вице-президент партии „Républicains de gauche“.

Лэйн (Lane), Франклин, америк. полит. деятель, р. 1864 г., был газетн. репортером, затем адвокатом, кандидат демократ. партии при выборах губернатора Калифорнии в 1902 г., член Торгового Комитета в 1905—13 г.г., с 1913 г.—мин. внутр. дел, в 1920 г. вышел в отставку из-за конфликта с Уильямсом по вопросу о Версальском договоре. Ум. в 1921 г. Вып.: „The American Spirit“ (1918), сборник речей, произнесенных во время войны.

Людвиг II, король Баварский, р. 1845 г., в конце 1912 г. после смерти своего отца, приняв Луитпольда, сделался регентом вместо изначально больного короля Оттона, а в 1913 г. возложил на себя с согласия ландтага корону; в ноябре 1918 г. отрекся от престола. Ум. в 1921 г.

Людендорф, Эрик, германск. генерал и полит. деятель, см. XLVI, прил. „Военные деятели“.

Лювексбург, Роза, германск. публицистка, экономистка и полит. деятельница (см. XXVII, 532—534), почти все время войны провела в заключении. В тюрьме ею написана теоретико-тактическая брошюра „Die Krise der Sozialdemokratie“, выпущенная под псевд. Julius, в кот. она говорит о развале II Интернационала и необходимости создать новый. Основоположница после ноябрьской революции Л. стала вместе с Либнехтом, во главе спартаковского движения (его составляла программа „Spartakusbund“; она редактировала „Rote Fahne“). В янв. 1919 г. была арестована и по дороге в тюрьму преданномерно, без всякого повода, убит офицерами коновоя. В последние годы ею были написаны „Sozialreform oder Revolution“ (русск. пер. 1919), „Briefe aus dem Gefängnis“ (1921), „Koalitionspolitik oder Klassenkampf“ (1922), „Die russische Revolution“ (1922) и др. Вышел также русск. пер. ее „Накопления капитала“ (1921) и „Антикритика“. Разбор теоретических взглядов Л. дан Бухариным в „Империализме и накопления“ (1924).

Лютер (Luther), Ганс, германск. полит. деятель, беспарт., близок к Народн. партии, р. 1879 г., был на муниципальной службе, с 1918 г.—бургомистр Эссена, в дек. 1922 г. вошел в кабинет Кунце в качестве мин. продовольствия и земледелия; во время русской оккупации был выслан французами за проведение политики пассивного сопротивления; в 1923—24 г. входил в правительство Маркса в качестве мин. финансов и провел стабилизацию марки. В 1925 г. назначен рейхсканцлером.

Лютович, Вальтер, барон, герман. генерал, р. 1859 г., в мировую войну был нач. штаба, а затем командующим армией; в 1919 г. принимал участие в подавлении спартаковского восстания, в 1920 г. вместе с В. Каппом сделал попытку государственн. переворота. После неудачи „Пучка“ бежал за границу.

Магомет V, турецк. султан (см. XXVII, 608), ум. в 1918 г.

Магомет VI, последний турецк. султан, р. 1861 г., в 1918 г. наследовал своему брату М. V, в 1922 г. был объявлен Народн. Собран. низложенным и покинул страну.

Мадеро, Франциско, мексик. полит. деятель, р. 1878 г., сын губернатора шт. Коагуила, в молодости управлял крупными поместьями своего отца. В 1910 г. стал во главе восстания против президента Диаса, включив в свою программу различн. государственных земель и восстановление конституции. После нескольких месяцев борьбы Диас был

свергнут и М. был избран президентом. Свою программу в области земельных реформ ему удалось осуществить лишь частично. Вскоре против него началось восстание, поддерживаемое владельцами латифундий; после перехода на сторону повстанцев приверженца М. ген. В. Хуерты Мексико был взят в февр. 1913 г., М. должен был подписать отречение и вскоре после того был убит.

Мажино (Maginot), Андре, франц. полит. деятель, р. 1877 г., занимал административные должности, служил в колониях, с 1910 г.—депутат (Gauche républicaine constitutionnelle). Был тов. воен. министра в 1913 г., мин. колониал в каб. Рибо—в 1917 г., мин. пенсий—в 1920—22 г.г. (в каб. Мильерана, Лейга и Бриана) и военным министром в каб. Пуанкаре в 1922—24 г.г. В качестве специалиста по военным вопросам пользовался влиянием в реакционных кругах. Поддерживал русскую оккупацию.

Майер (Maeyer), Вильгельм, германск. полит. деятель, р. 1874 г., адвокат, крупн. землевл. собственник и предприниматель, с 1907 г.—депутат рейхстага (центр), в 1914 г. был выбран председателем парламентской комиссии по делам торговли и промышленности. После революции—член Нац. Собрания и затем министр казначейства в кабинете Р. Бауера; вышел в отставку после выделения баварской народн. партии из партии центра и был в июне 1920 г. назначен послом в Париж. После русской оккупации в янв. 1923 г. был отозван. Умер в том же году.

Майореску (Majorescu), Титус, румынск. полит. деятель, р. 1840 г., проф. философии в Яссах и Бухаресте, депутат, основатель младоконсерв. фракции „Junimea“, в 1874—76 и 1888—89 г.г. был мин. просвещ., в 1911 г.—мин. иностр. дел, в 1912—14 г. мин. президентом. Выступил во вторую Балканскую войну против Болгарии, председательствовал на конференции в Бухаресте в 1913 г. и добился уступки Добруджи Румынии. Ум. в 1917 г. Нап.: „Critice“ (1874), „Patru novele“ (1882) и др.

Майр (Maier), Михаэль, астр. полит. деятель, христианин, социалст, р. 1864 г., был директором архивов и профессором истории права в Инсбрукском университете, в 1907—11 г.—депутат рейхстага. После 1918 г.—член Национал. Совета. Когда распалась коалиция соц.-демократов и христ. социалов в 1920 г., был премьером. Ум. в 1922 г.

Мак-Аду (Mc Adoo), Уильям Джиббе, америк. полит. деятель, р. 1863 г., адвокат и предприниматель, стоял во главе компании, соорудившей тоннель под р. Гудзон; как политик принадлежит к демократической партии, был сторонником Уильсона, на дочери которого женился, в 1913—18 г.г. был мин. финансов и проводил политику более тесного экономического сближения с госуд. Центром и Ю. Америкой; во время войны был директором железн. дорож. взятых в управление государством.

Макдональд (Mac Donald), Джеймс Рамсей, англ. полит. деятель, р. 1868 г., был учителем, а затем приказником; рано примкнул к социалистическому движению, с 1900 г. был секр. Независимой рабочей партии, с 1911 г.—ее председатель, в 1908 г. был избран в парламент; во время войны был ее противником и настаивал на нейтралитете Англии, в виду этого должен был отказаться от лидерства; оставался папфистом до конца войны и в 1917 г. пытался принять участие в социалистической конференции в Стокгольме, но не мог туда проехать; в 1918 г. был забаллотирован на общих парламентских выборах; впоследствии вернулся в парламент и опять стал лидером; 22 янв. 1924 г. образовал первое рабочее министерство и сделался вместе с тем мин. иностр. дел. Во время его премьерства между Англией и СССР был заключен 8 авг. договор, ратифицированный затем правительством Болдуина; он руководил лондонской конференцией, приведшей к принятию плана Дауэса для Германии. В области внутренней политики при нем была значительно увеличена продолжительность выдачи пособий безработным (с 26 недель до 41) и разработан широкий план рабочего строительства, рассчитанный на 15 лет (по 100.000 домов для рабочих ежегодно с 1925 по 1933, по 225.000—в 1934 и 1935). В области колониальной политики держался „традицион“ прежнее существовавших буржуазных правительств. После победы консерваторов на выборах 29 окт. кабинет М.

вышел 4 нояб. в отставку. Нап.: „Socialism and Society“ (1805), „The awakening of India“ (1807), „The socialist movement“ (р. перев. 1919), „Parliament and Revolution“ (1919), „Socialism after the War“ (1918), „Policy for the Labour Party“ (1920), „Socialism, critical and constructive“ (1924) и др.

Максизм-Кинг, Уильям, см. *Кинг*.

Мак-Кенна (Mc Kenna), Реджинальд, англ. полит. деятель, р. 1863 г., адвокат, в 1895 г. впервые был избран депутатом (либерал), в 1907—08 г.г.—мин. народн. просв., в 1908—11 г.г.—первый лорд Адмиралтейства, в 1911—15 г.г.—мин. внутр. дел, в 1915—16 г.г.—канцлер казначейства (мин. финансов), в 1916 г. вышел в отставку вместе с Аскитом и другими незаключившими либералами. С 1919 г. состоит председателем „London Joint City and Midland Bank“. Вместе с Дэйзом председательствовал в комиссии экспертов по определению платежеспособности Германии.

Маклеин (Mc Lean), Джон, англ. полит. деятель, р. 1879 г., принимал деятельное участие в рабочем движении Шотландии, возглавляя его левое крыло. В годы войны вел антиимпериалистическую агитацию, призывая рабочих к восстанию, и несколько раз подвергался тюремному заключению, попортившему сильно его здоровье. После образования Коминтерна был сначала его горячим последователем. В последние годы работал в гласговской организации т. н. Рабочей республиканск. партии. Ум. в 1923 г.

Мак-Манус, Артур, англ. полит. деятель, р. 1889 г., окончил средн. школу, рабочий-металлист, был видным деятелем I. L. P. (Независимой рабочей партии), после того—лидер английской коммунист. партии и член исполкома Коминтерна.

Макнамара (Macnamara), Томас Джеймс, англ. полит. деятель, р. 1861 г., был учителем в начальной школе, членом Лондонского школьного совета, в 1896 г.—презид. папшоп. учительск. союза, с 1900 по 1918 г.—депутат (либерал), с 1908 г.—финанс. секр. Адмиралтейства, в 1920—22 г.г. был мин. труда в кабинете Ллойд Джорджа. М.—постоянный сотрудник газет и журналов по социальным вопросам. Нап.: „Schools and Scholars“ (1900), „Tariff Reform and the Working Man“ (1910) и др.

Макс, принц Валуевский, р. 1867 г., был двоюродным братом и наследником Фридриха II, великого герцога Валуевского, изучал право в Карлсруе, после того служил в армии, в 1911 г. оставил военную службу с чинем ген.-майора; пользовался репутацией демократа. В окт. 1918 г. был назначен имперским канцлером и стал во главе первого в Германии парламентского министерства, но ноябр. революция заставила его отказаться от власти и передать ее Совету Народных Уполномоченных. Нап.: „Die moralische offensive“ (1921).

Маллетста, Энрико, вождь итальянских анархистов, р. в 50 годах, был приговорен в свое время к смерти, но потом амнистирован, в 1913 г. руководил крупным забастовочным движением в Алконе, после того эмигрировал, жил в Англии. По окончании войны вернулся в Италию, основал центр. орган анархистов „Unione Anarchien“. Принимал участие в руководстве действиями анархистов в 1919—20 г.г. Нап.: „Анархизм“ (р. пер. 1919).

Малинов, Александр, болгарск. полит. деятель, р. 1867 г. в Бессарабии, учился в Киевском университет. по окончании кот. переехал в Болгарию и занялся адвокатурой. В 1901 г. был избран в Собрание и после смерти Карелова занял его место на посту лидера демократов. В 1908—11 г.г. М. был премьером. После второй балканской войны он пытался сформировать кабинет, но потерпел неудачу. Во время мировой войны М. был сторонником австро-венгерской ориентации и после падения каб. Радо-славова в июне 1918 г., в связи с выяснившимся поражением центр. держав, сделался премьером, вел переговоры о перемирии, но, не согласившись на последние условия, вышел в отставку, уступив место Тодорову.

Мальви (Malvi), Луи Жан, французск. полит. деятель, р. 1875 г., с 1906 по 1918 г.—депутат, работал в минист. юстиции и мин. внутр. дел при Моние и Кайо, в 1913—14 г.г. был мин. торговли в кабинете Думера, а в 1914—17 г.г.—мин. внутр. дел последовательно в кабинетах Вивиани, Бриана и Рабо. Его деятельность вызывала большие нападки со

стороны Клемансо, обвинявшего его в поощрении германской пропаганды и в выдаче секретных документов; в 1918 г. он был предан суду, признан виновным в бездействии власти и в попустительстве пражеческой пропаганды и приговорен к 5 годам лишения прав; амнистирован в 1919 г. В 1925 г. ездил по поручению правительства Пейлеве в Мадрид для переговоров с Примо-де-Ривера по вопросу о Марроко.

Мальтцан (Maltzahn), Аго фон, барон, германск. полит. деятель, р. 1877 г., отдался дипломат. деятельности, служил в Ю. Америке, Христиании, Петербурге, Пекине. Был представителем правительства при Вост. Главн. военной квартире, где у него произошел конфликт с Людендорфом; после того работал в мин. иностр. дел в качестве референта по русскому вопросу, в 1922 г. был статс-секретарем мин. иностр. дел. Один из крупных немецких дипломатов, много способствовал заключению Рапальского договора с Сов. Россией. В 1925 г.—германский посол в Соед. Штатах.

Маниу, Юлиус, румынск. полит. деятель, один из руководителей Национальной партии Семиградья, р. 1875 г., адвокат, до 1918 г.—депутат венгерск. палаты, активный деятель присоединения Трансильвании к Румынии, был избран председателем местного самоуправления и добивался предоставления Семиградия автономии, в связи с чем у него произошел конфликт с ведущим политиком централизма кабинетом Авереску. Лидер трансильванской партии в румынском парламенте.

Мани, Том, англ. рабоч. деятель, р. 1856 г., работал с 9 лет, сначала на ферме, затем руководил, а потом в металл. промышленности; с 1884 г.—член „С.-д. Федерации“, приобрел широкую известность как один из руководителей забастовки докеров в 1889 г., сделался председателем союза докеров и предс. международн. федерации транспорт. рабочих, позднее стал ген. секрет. Независимой рабочей партии. Несколько лет (1901—08) провел в Австралии и Н. Зеландии, руководя там рабочим движением, и здесь стал горячим приверженцем синдикализма. 1919—21 г.г. был секр. объединенного союза металлистов. Сост. членом центр. комит. англ. коммунист. партии. Нап.: „A socialist's view of religion“, „The program of the LLP. and the Unemployed“, „The dockers and sailors in 1897“, „The International Socialist movement“, чрезвычайно интересную автобиографию („Tom Mann's memoirs“ 1924, перев.) и др.

Маннергейм, Карл Густав, финск. полит. деятель, р. 1867 г., генерал русской службы, в мировую войну командовал корпусом, в 1918 г. руководил финляндской белой гвардией при подавлении революции, в 1918—19 г.г. был регентом Финляндии.

Марджоман, Александр, румынск. полит. деятель, р. 1854 г., изучал право в Сорбонне, был прокурором, с 1884 г.—депутат; по полит. взглядам примыкал к юнистам, слившимся в начале 90-х годов со староконсерваторами. В 1888 г. М. впервые был министром и с тех пор постоянно входил в состав почти каждого консерват. правительства перед войной. Во время войны, настроенный германофильски, М. был сторонником сохранения Румынии нейтралитета. После переиздания правительства в Яоси М. остался в Бухаресте и отсюда старался склонить правительство к заключению мира с Германией и Австрией. После подписания перемирия каб. Авереску М. сделался премьером и заключил Бухарестский мир в мае 1918 г. После поражения центр. держав вышел в отставку и с этого времени не играет крупной роли в полит. жизни.

Марси (Marin), Луи, франц. полит. деятель, р. 1871 г., юрист, проф. колледжа обществ. наук, депутат (resp.-демокр. союз), в 1924 г. входил в каб. Пуанкаре в качестве мин. особ. областей.

Марковиц, Сима, юго-славийск. полит. деятель, коммунист, р. 1889 г., профессор, был членом соц.-демократической партии, примыкал к ее левому крылу. В 1920 г. организовал юго-славскую коммунистическую партию и до 1921 г. был ее секретарем. В 1920 г. был избран в скупшину от Белграда. В 1922 г., по возвращении из поездки заграницу, был арестован и приговорен к тюремному заключению. В 1924 г. выпущен на свободу и вооптирован в центр. комит. ком. партии.

Шаркс, Вильгельм, германск. полит. деятель, р. 1863 г., юрист; был советн. выш. земск. суда в Кельне и Дюссельдорфе, в 1899—1918 г.г.—член прусск. палаты депутатов, с 1910 по 1918 г.г.—снова, с 1920 г.—депутат рейхстага (партия центра), был членом Наци. Собрания; в 1923—24 г.г. был рейхс-канцлером и в авг. 1924 г. вместе со Штрессманом подписал Лондонское соглашение с Антантой, обусловливающее проведение в жизнь плана Дауза, по которому устанавливался экономич. контроль союзников над внутренней жизнью Германии. В 1925 г., после отставки с-д. Брауна, избран прусским премьером. Отказался от этого поста, чтобы выставить свою кандидатуру на президентских выборах (спец.зачета от центра, а затем на пере выборах—от всей «веймарской коалиции»—центра, демократов и соц.дем.), но потерпел поражение от кандидата правых партий ген. Гинденбурга.

Шаро (Maugrad), Пьер, франц. полит. деятель, р. 1861 г., был префектом деп. Уро, сенатор, в 1921 г.—мин. внутр. дел в каб. Бриана.

Шараль, Франсуа, франц. полит. деятель, член republ. союза, был председ. администр. совета «Comité de Forges» и директором крупного банка «Parisien Union». Миллераном был выдвинут в сенаторы. В последнем кабинете Пуанкаре занимал пост мин. финансов и после его отставки в июне 1924 г. был в течение 3 дней премьером.

Марти (Marty), Андре, франц. полит. деятель, коммунист, морск. офицер-механик, в 1919 г. руководил восстанием во франц. флоте в Одессе. Был приговорен к каторжным работам. Во время пребывания в тюрьме был избран в палату депутатов от Парижа. В 1924 г. был амнистирован и приехал в Сов. Россию.

Маршалл (Marshall), Томас, американск. политический деятель, р. 1854 г., адвокат, был губернатором штата Индиана в 1909—13 г.г. в качестве кандидата демократ. партии был избран в 1913 г. в вице-президенты С. Ш. и в 1917 г. переизбран на следующий четырехлетие. В начале войны был горячим сторонником нейтралитета С. Ш. но в дальнейшем резко изменил свою позицию. В 1921 г. уступил свое место Кулиджу.

Масарик (Masaryk), Томаш Гарриг, чешский социолог и полит. деятель (см. XXVIII, 280—1); во время войны основал в Париже чехо-словацкий национальный совет, должностивавший представлять интересы чехо-словаков; в декабре 1918 г. был избран президентом новообразовавшейся чехо-словацкой республики и занимает этот пост по настоящее время (1925). Нал.: «Россия и Европа» (1913); «Новая Европа» (1922); «Die Weltrevolution» (1925) и др.

Маскуро (Mascugard), Альфред, франц. полит. деятель, р. 1848 г., сенатор от деп. Сены, б. президент «Comité républicain du commerce, de l'industrie et de l'agriculture». Был одним из организаторов национального блока.

Массей (Massey), Уильям, новозеландск. полит. деятель, р. 1856 г. в Ирландии, с 1870 г. поселился в Н. Зеландии, был фермером, с 1894 г. избран в парламент, в 1912 г. после выборов, давших большинство реформистам, стал премьером и на этом посту оставался до 1921 г. В 1919 г. был представителем Н. Зеландии на Парижской мирной конференции.

Маттеоти, Джамбо, итальянск. полит. деятель, р. 1855 г., депутат парламента, секретарь объединенной социал. партии. В июне 1924 г. убит фашистами в связи со сделанными им разоблачениями о злоупотреблениях.

Маура, Антонио, испанск. полит. деятель, вождь крайней консервативной группы—мауристов, р. 1852 г. Был министром-президентом в 1903—04, 1907—08, 1918, 1919 и 1921—22 г.г. Известен жестоким подавлением республиканского движения в Каталонии в 1909 г., при чем в числе многих расстрелянных по приговору военного суда находился известный публицист Ферреро, казнь кот. вызвала взрыв негодования в Испании и за границей. Во время войны был сторонником политики нейтралитета вследствие своих симпатий к монархической Германии; (см. также, XLVII—Испания).

Машадо, Бернардино, португ. полит. деятель, демократ, р. 1851 г., профес., в 1910 г. входил во врем.

республиканск. правительство в качестве мин. иностр. дел, в 1914 г. был премьером, в 1915—17 г.г. был президентом республики, в 1921 г. был снова премьер-министром (см. также, XLVII—Португалия).

Медзи, Филиппо, итальянск. полит. деятель, р. 1869 г., д-р философии и юрист, журналист, руководитель и основатель многих клерикальных журналов и газет, с 1909 г.—депутат, был министром финансов в кабинетах Бозелли и Орландо в 1918—1919 г.г. и разработал проект реформы налоговой системы, в 1920—21 г.г. входил в правительство Дюллитти в качестве мин. казначейства. Руководитель правого крыла «Partito Popolare» (католич. народа, партии).

Мейерович (Meierovics), Зифриде, латв. полит. деятель, член крестьянск. союза, р. 1887 г., учился в Риженском политехникуме, был страховым агентом и банковским служащим. В 1917 г. представлял Ригу во Всероссийском Союзе городов. В 1918 г. был командирован Латвиск. Национ. Советом в Париж, чтобы добывать независимость Латвии. В 1919 г. был мин. иностр. дел в каб. Ульманиса и в 1921—22 г.г.—мин. президентом. Представитель Латвии в Лиге Наций. В 1924 г.—снова мин. иностр. дел. Погиб в 1925 г. при автомобильной катастрофе.

Мейсон (Meighon), Артур, канадск. полит. деятель, р. 1874 г., адвокат, с 1908 г.—депутат, в 1917 г. был мин. внутр. дел в консерват. кабинете Бордена, а в 1920—21 г.г.—премьером.

Меллини (Melini), Жюль, франц. полит. деятель (см. XXVIII, 427). В 1915—16 г.г. был министром земледелия.

Меллон, Эндриу Уильям, американск. полит. деятель, р. 1855 г., окончил универс. в Питтсбурге, крупный промышленник и банкир; по политич. взглядам—правый республиканец, противник Лиги Наций. С 1921 г.—мин. финансов при Гардинге и Кулидже. Высклазывался за сближение с СССР.

Меллени II, негус Абиссиния (см. XXVIII, 463). Ум. в 1913 г.

Мешро (Mishro), Роберт, англ. полит. деятель, р. 1868 г., оконч. Эдинбургск. универс. С 1910 г.—член парламента (либерал), в 1913—16 г.г.—лорд-адвокат, в 1916—21 г.г. был министром по делам Шотландии в кабинете Ллойд Джорджа.

Меринг, Франц, нем.-ц. публицист и полит. деятель (см. XXVIII, 501). Вместе с Р. Люксембург, Петкин и др. принял участие в издании журнала «Интернационал» и организации союза «Спартак». Ум. в 1919 г. вскоре после подавления январьского восстания.

Миллеран (Millérand), Александр, франц. полит. деятель (см. XXVIII, 642—43), остался военным министром и во втором кабинете Вивиани. Последователем был ген.-губернатором Эльзас-Лотарингии, на парламентских выборах 1919 г. принял главную роль в организации национального блока, в янв. 1920 г. после отставки Клемансо сделался премьером, в сент. того же года после ухода Дешанеля был избран президентом. Был сторонником войны до победного конца, а по окончании ее выражал недовольство слишком «мягкими» условиями Версальского мира, представляя в данном случае интересы «Comité de Forges», юрисконсультского которого он состоял в течение долгого времени. Вместе с Пуанкаре был инициатором рурской оккупации и после ее неудачи должен был под давлением левого блока выйти в отставку в 1924 г. до срока.

Милнер, Альфред, виконт, англ. полит. деятель, р. 1854 г., первоначально был адвокатом, занимаясь журналистикой (с трудн. «Pall Mall Gazette» и др.), потом служил в Египте, в 1897—1905 г.г. был верховн. комиссаром в Ю. Африке и губернатор. Капской колонии, а с 1902 г. также колонии Оранжевой реки и Трансвааля, в этом же году получил титул виконта; в 1916 г. вошел в коалиц. кабинет Ллойд Джорджа в качестве министра без портфеля и члена малого военного кабинета; в 1918—19 г.г. был воен. мин., а в 1919—21 г.г.—мин. колоний. Нал.: «England in Egypt» (1892); «The Nation and the Empire» (1913).

Мирбах, Вильгельм, граф, герм. дипломат, р. 1871 г., в 1917 г. возглавлял германск. посольство в Петрограде, в апр. 1918 г. был назначен герм. посланником в Москву, но 8 июля того же года был убит левыми с-р.

Михалекс, Георг, германск. полит. деятель, р. 1857 г., был одно время лектором права Тюбингского университета, потом вернулся в Германию, служил, был тов. мин. финансов в Пруссии, во время войны стоял во главе контроля над торговлей арюновым хлебом, после падения Веймар-Гольдбага был назначен в 1917 г. канцлером, но, будучи по существу бесцветным чиновником, оказался на высоте положения и через несколько месяцев был удален; после того был до 1919 г. губернатор. Вост. Пруссии. Нап.: „Für Staat und Volk. Eine Lebensgeschichte“ (1922).

Михалехи, Иван, румынск. полит. деятель, сельск. учитель, лидер крестьянской партии, в 1918 г. входил в правительство Вайда Воевода, составил проект земельной реформы, согласно кот. землевладельцам оставалось не более 100 гектаров земли, но допускались изъятия для лиц, произведших сельхоз. улучшения, в виду чего на практике эта реформа очень мало дала, см. XLVI, 564—87, 593—94.

Мицуню, Рентаро, японск. полит. деятель, р. 1868 г., юрист, в 1912—14 гг.—мин. внутр. дел, губер. Кореи в 1920—22 гг., снова мин. внутр. дел в консервативных кабинетах Том, Као в 1922 г. и Киури в 1924 г.

Морис, Альфред Морис, англ. полит. деятель, р. 1888 г., адвокат и промышленник, в 1906 г. выбран в парламент (либерал), в 1916 г. был комиссаром обществ. работ в кабинете Ллойд Джорджа, в 1921—22 гг.—мин. народн. здоровья. Нап.: „Questions of to-day and to-morrow“ (1912) и др.

Мониз (Moniz), Анатоль де, франц. полит. деятель, радик.-социалист, р. 1876 г., адвокат и журналист, с 1909 г.—депутат, затем сенатор, в 1917 г. тов. мин. торговли в кабинете Пеллеве, в 1923 г. посол СССР, являясь сторонником объединения с ним; в 1924 г. был назначен предс. комиссии по русскому вопросу. После выхода в отставку в апр. 1925 г. мин. финансов в каб. Эррио, Клемантелю М. занял его место и пробыв на этом посту несколько дней до падения всего кабинета. В образованном затем правительстве Пеллеве М. получил портфель мин. народн. просвещения.

Монис (Monis), Антуан, франц. полит. деятель, р. 1846 г., адвокат, сначала депутат (радикал), потом сенатор, в 1911 г.—премьер-министр, в 1913—14 гг.—морск. министр в каб. Дуверга, вышел в отставку в связи с убийством Кальметта-ла-Ше Каю.

Монтегю (Montagu), Эдвин Сэмюэль, англ. полит. деятель, р. 1879 г., в 1906 г. вступил в парламент (либерал), в 1915 г. был назначен канцлером герогства Ланкастерского, в 1916 г.—мин. военных заготовок, с 1917 по 1922 г. был министром по делам Индии и провел в 1919 г. закон, значительно расширивший местное самоуправление Индии (см. ниже, XLVII—Индия).

Морачевский (Moraczewski), польск. полит. деятель, один из руководителей польск. социалист. партии (Р. Р. С.). Был первым премьером польск. правительства в 1919 г., но вскоре вышел в отставку, уступив место чисто буржуазному правительству Падеревского (см.). Випре-президент сейма (1925) и председатель комиссии по аграрным реформам.

Морган, Джон Ширпонт, американск. банкир, р. 1867 г., после смерти своего отца (см. XXIX, 348—39) в 1913 г. стал во главе банковского дома, являющегося самым крупным в мире. Во время войны организовал синдикат для финансирования Англии и Франции, в 1923 г. был членом комиссии экспертов по определению платежеспособности Германии. Стронник „восстановления“ Европы по плану Дауэса. Присутствовал неофициально во время лондонских переговоров с Германией в июле 1924 г.

Морель, Эдуинд, англ. полит. деятель, р. 1873 г., по происхождению бельгиец, журналист; в 1904 г. выступил с разоблачениями деятельности бельгийского правительства в Конго и основал „Congo Reform Association“, нацист, с началом войны—основатель „Union of democratic control“. Был кандидатом в парламент от либералов, но отказался вследствие объявления войны в 1914 г. Выступал противником войны и Версальского мира, а также против возложения ответственности за мировую войну на одну Германию. В 1921 г. был выставлен кандидатом Рабочей партии на парламентских выборах против

Черчила, но потерпел поражение. Ум. в 1924 г. Нап.: „King Leopold's Rule in Africa“, „Ten Years of secret diplomacy“, „Tsardom's part in the war“, „Truth and the war“, „The Peace and Prison“, „Diplomacy revealed“, „The secret history of a great betrayal“ и др.

Морлей (Morley), Джон, англ. полит. деятель и писатель (см. XXIX, 331—32), ум. в 1923 г. Нап.: „Recollections“ (1917).

Моррас (Maurras), Шарль, франц. публицист и полит. деятель, р. 1868 г., литератор, сотрудник правых газет и журналов, один из основателей Патриотической Лиги. Вместе с Л. Додэ (см.)—руководитель роуллистской „Action Française“.

Мотта, Джузеппе, швейц. полит. деятель, р. 1871 г., юрист, с 1899 г.—член кантонального совета, лидер католической консервативной партии, с 1911 г.—член федерального совета, стоял во главе департамента финансов, в 1915, 1917 и 1920 гг. был президентом швейцарского союза и руководил внешней политикой, придерживаясь нейтралитета. В 1920 г. он открыл первое заседание Лиги Наций в Женеве, в 1922 г. вместе с Шультегом был во главе швейцарской делегации на Генуэзской конференции. В 1924 г. был снова председ. сессии Лиги Наций.

Муссололини, Бенито, итальянск. полит. деятель, вождь итальянск. фашизма, р. 1883 г., сын кузнеца, был школьным учителем, поселившись в Швейцарии обратился к журналистике и применил к социалистич. движению. За свою деятельность был выслан из Швейцарии, а затем из Триента. Переехав в Милан, М. был затем избран редактором органа итальянской социалист. пр. пии „Avanti“. В 1914 г. стал ярким сторонником вступления Италии в войну, был исключен из социал. партии и начал издавать патристическую „Popolo d'Italia“, ставшую впоследствии официальным фашистск. В 1919 г. М. предложил начало организации бывших участников войны (Fasci dei combattenti), повел войну с революционным движением. В 1921 г. М. был избран в парламент, а в 1922 в результате октябрьского „похода фашистов“ на Рим, о котором М. в вывешенном им манифесте заявил, что фашисты идут „чтобы разрубить Гордиев узел и передать корону и армию обновленную Италию“, сделался премьером и диктатором; всеми полномочиями (см. ниже, XLVII—Италия).

Мюзел, Эрик, герман. литератор и полит. деятель, р. 1876 г., анархист, был членом мюнхенского совета рабочих депутатов и принимал активное участие в установлении Советской республики в Баварии в апреле 1919 г.; после падения ее был приговорен в 15 летам заключения в крепости. В июне 1924 г. амнистирован баварским правительством. На русск. яз. вышел небольшой том его произведений.

Мюллер, Герман, германск. полит. деятель, р. 1876 г., первоначально занимался торговлей, потом обратился к журналистике и политике, принадлежал к соц.-дем. партии, редактировал с 1889 г. „Göltzinger Volkzeitung“ и с 1906 г. был членом центр. парт. комитета; в 1914 г. совершил поездку в Париж, с целью договориться с франц. экз. социалистами относительно мер против-действия войне; в 1916 г. избран деп. рейхстага. После революции был членом исполнит. ком. и центр. совета раб. деп., вслед затем на Веймарском парламенте был избран председателем партии; в 1919 г. входил в качестве мин. иностр. дел в каб. Бауэра и подписал Версальский договор; в 1920 г. в течение нескольких месяцев был рейхсканцлером; с 1920 г.—снова депутат рейхстага и председатель фракции объедин. соц.-дем. партии (с 1922 г.). В 1923—24 гг. состоял членом германского верховного суда. Входил в состав германской делегации в Комитете II Интернационала. Нап.: „Karl Marx und die Gewerkschaften“ (1918).

Мюнциберг, Вильгельм, германск. полит. деятель, коммунист, р. 1889 г., работал на сапожной фабрике, в 1914—21 гг.—секретарь Международного (Социалист., а затем Коммунистич.) Интернационала Молодежи, в 1924 г.—депутат рейхстага. Нап.: „Социалистическ. организации молодежи до и во время войны“ (р. пер. 1922).

Нансен, Фритюф, норвежск. путешественник и обществ. деятель (см. XXIX, 562—3). во время войны много работал по улучшению положения

военнослужащих в разных странах, в 1917—18 г. был чрезвычайным норвежским посланником в Вашингтоне; по заключении мира был верховным комиссаром Лиги Наций по репатриации военноопленных, в 1921—22 г.г. организовал помощь голодающему населению России. Был избран почетным членом Московского Совета. В 1922 г. получил нобелевскую премию мира. Нап.: „На лыжах через Гренландию“, „Жизнь эскимосов“, „The Norwegian North Polar Expedition 1898—1896“, „Норвегия и союз со Швецией“, „Northern Waters“, „Северные туманы“, „Через Сибирь“, „Шпицберген“ и др.

Нарутович (Narutowicz), Габриель, польск. полит. деятель, р. 1865 г., учился в Петербургском Технологическом институте, а затем в Цюрихском политехникуме и с 1908 г. был там профессором гидротехники. В 1920 г. вернулся в Польшу и по предложению своего друга работ. Пилудзского оделался мин. общественных работ в кабинетах Витоса, Грабского и Пониковского, после того был мин. иностр. дел (в каб. Сливинского и Цокава), участвовал на Генуэзской конференции и заключил соглашение с Малой Антантой. 9 дек. 1922 г. был избран, г. обр. голосами национальных меньшинств, в президенты республики, но через неделю был убит национал-демогатом худ. Невядомским.

Наумян, Фридрих, германск. полит. деятель, р. 1860 г., был пастором, заинтересованным социальными вопросами, оставил пасторскую деятельность и отдался политике и публицистике. В 1896 г. основал национально-социалистическую партию, имевшую задачей примирить интересы рабочих с современным капиталист. государством. Партия эта распалась в 1903 г., и Н. примкнул к объединению свободомыслящих, в 1907—12 г.г. он был депутатом рейхстага и предпринял неудачные попытки объединения левого крыла либералов с прогрессистами. После революции был членом Нап. Собрания и первым председателем демократической партии. Ум. в 1919 г. Н. был редактором газеты „Die Hilfe“. Нап.: „Demokratie und Kaiserthum“ (4 изд. 1905), „Briefe über Religion“ (6 изд. 1916), „Mitteleuropa“ (1915), привлекая к себе очень большое внимание (см. ниже, XLVII—Германия) и др.

Неедрю, Андрию, латв. полит. деятель, пастор и писатель (см. XVI, 525—26); после свержения Сов. власти в Риге немецко-балтийскими войсками барона Мантейфеля в 1919 г. был провозглашен при поддержке Р. фон-дер-Гольца министром-президентом, но избранному ранее мин. през. Ульманису (безавачему из Риги в Либаву во время установления Сов. власти) удалось с помощью Антанты и эстонских войск восстановить свои права и изгнать Н. из Риги (см. ниже, XLVII—Латвия). Ныне Н. является лидером христианско-национальной партии, поддерживающей связь с германскими монархистами.

Неергард, Нильс, датский историк и полит. деятель, р. 1854 г., с 1892 г.—депутат фолькетинга, лидер либеральной („умеренно левой“) партии Венстера, в 1908—09 г.г. был премьером, а затем мин. обороны, в 1910—13 г.г. входил в каб. Бертинге в качестве мин. финансов, с 1920 г. по 1924 г. снова был премьером и мин. финансов. Нап.: „Under Junigrundloven 1845—66“ (1892).

Нерман, Торе, шведский политич. деятель, р. 1886 г., по профессии наборщик, с 1906 г. сделался членом „Социал-демокр. Союза Молодежи“, ставшего в оппозицию к официальной с.-д. партии и впоследствии образовавшего коммунистическую партию. Н. был членом Ц. К. Союза молодежи и был делегатом его на Базельской (в 1912 г.) и Циммервальдской (в 1915 г.) международных конференциях. В 1916 г. он был первым редактором „Volks Tageblatt Politiken“, основанной лево-социалистической фракцией и Союзом молодежи и ставшей потом органом шведской компартии. В 1919 г. редактировал „Stormlokal“. В 1924 г. вышел из коммунист. партии вместе с Хелгумом.

Николай I, б. король Черногорский (см. XXX, 229), ум. в 1921 г.

Ниничич, Момчило, юго-славск. полит. деятель, р. 1876 г., проф. в Белград, член радикальной (по существу консервативной) партии, в 1912 г. был мин. финан., в 1921 г.—мин. юстиции, с 1922 г.—

мин. иностр. дел в кабинетах Пешича, предств. Юго-Славия в совете Лиги Наций.

Нитти, Франческо Саверио, итальянск. полит. деятель, лидер буржуазно-радикальной партии („Ниттианцев“), р. 1868 г., адвокат, профессор финан. права в Неапольском университете, с 1904 г. (с перерывами)—депутат парламента. Был мин. земледелия, торговли и промышленности в кабинете Дюллитти в 1911—14 г.г., министром казначейства в кабинете Орландо—в 1917—19 г.г. и в 1919—20 г.г.—премьером. Период пребывания его у власти совпал, с одной стороны, с ростом фашистского движения, а с другой—с забастовочной волной и революционными выступлениями. Стронник демократически-пацифистской политики, Н. высказывался за сближение с Германией и признание Сов. России. После фашистского переворота эмигрировал. В 1921 г. он выпустил нацумешную книгу „Europa senza Pace“ (есть русск. пер.). Из других его сочин. наибольшей известностью пользуются еще „Начала финансов. науки“ (1903, р. пер. 1904). См. также ниже, XLVII—Италия.

Новак, Юлиан, польск. полит. деятель, профессор зоотерии и бактериологии в Краковском университете, в 1914 г. был вице-президентом Кракова. Во время войны стоял во главе управления по восстановлению Галиции; в 1921—22 г.г.—ректор Краковского универс., в 1922 г. после августовского кризиса, вызванного избранием Корфанта, был недолго министром-президентом.

Новар, Рональд, виконт, англ. полит. деятель, р. 1860 г., крупный землевладелец, в 1884—85 г.г. и в 1906—14 г.г.—депутат парламента (либерал), в 1894 г.—лорд казначейства, в 1914—20 г.г.—ген.-губернатор Австралии, в 1922—23 г.г.—мин. по делам Шотландии в каб. Бонара Ло.

Нокс (Кнох), Филандер, американск. полит. деятель, член республик. партии, р. 1863 г., юрист, в 1904 г.—сенатор в штате Пенсильвания, в 1903—13 г.г. был мин. иностр. дел (гос. секретарем) при Тафте, с 1917 г.—сенатор. Выступал противником политики Уильямса и Вердильского мира. Ум. в 1921 г.

Нолле (Nollet), франц. генерал и полит. деятель, был председателем комиссии Антанты по наблюдению над разоружением Германии. В 1924—25 г.г. входил в кабинет Эррио в качестве военного министра.

Нортклифф (Northcliffe), Альфред Чарльз Уильям, виконт, англ. газетный предприниматель и полит. деятель (консерватор), р. 1865 г., первоначальная фамилия—Гаррисон; подростком начал журнальную работу, потом стал самостоятельным издателем, начав с маленького журнальчика „Answers to Correspondents“ в 1888 г.; в 1894 г. купил лондонскую газету „Evening News“, в 1896 г. основал газету „Daily Mail“, стоившую 1/2 пенса и имевшую громадный успех, в 1903 г.—„Daily Mirror“ и т. д., и наконец, в 1913 г. стал собственником наиболее влиятельной из английских газет—консервативной „Times“; кроме того он приобрел или основал много газет за границей: во Франции („Temps“) и в Соединенных Штатах. Располагая таким количеством газет, Н. приобрел очень большое влияние на политическую жизнь страны; в 1905 г. был возведен в бары с титулом барона, а в 1917 г. получил титул виконта; в 1917 г. он был през. британск. воен. миссии в Соед. Штатах, в 1918 г. был назначен директором бюро пропаганды во враждебных странах, в 1921 г. предпринял поездку на Дальний Восток, ведя пропаганду против „новой германской опасности“. Ум. в 1922 г.

Носке, Густав, германск. полит. деятель, правый соц.-дем., р. 1868 г., был рабочим-деревообделочником, принял участие в прещес. движении, с 1897 г. стал сотрудничать в соц.-дем. газетах. Был редактором „Volkstribüne“ в Кенигсберге и „Volksstimme“ в Хемнице. В 1906 г. выбран в рейхстаг. Во время войны вместе с большинством партии поддерживал правительство и голосовал за военные кредиты. В ноябре 1918 г., когда вспыхнул восстание моряков в Киле, Н. был послан туда для восстановления порядка и затем назначен ген.-губернатором. В дек. 1918 г., когда стало усиливаться революционное движение, Н. зарекомендовал себя в качестве „специалиста“ своими действиями в Киле, был вызван в Берлин и с Р. Висселем вошел в совет народных уполномоченных на место вышедших из

него независимых с.-д. (Гаазе, Дитмана и Варта). На Н. была возложена борьба со спартаковцами и он, прибегнув к помощи реакционных германских генералов (Лютвица и др.), жестоко усмирив январское восстание. В февр. 1919 г. он сделался мин. национ. обороны (Reichswehrminister) в каб. Клейдемайера. Вел борьбу с революционным рабочим движением, Н. опирался на монархическое офицерство и этим в значительной степени подготовил почву для Капповского восстания, которое положило конец его министерской карьере (март 1920 г.). После того был обер-президентом Ганновера. Нап.: „Von Kiel bis Kapp“ (1920; перев.), „Selbstbiographie“ (1919).

Нуланс (Noulens), Жозеф, франц. полит. деятель, р. 1884 г., адвокат, с 1902 г. — депутат, лидер группы Action républicaine et sociale, был военным министром в кабинете Думерга в 1913—14 г.г. и мин. финансов в каб. Вивиани в 1914—15 г.г. В 1917—18 г.г. был послом в России и вместе с Бюкененом оказывал сильное давление на внешнюю политику царского, а затем временного правительства. После октябрьской революции Н. руководил организацией контр-революционных заговоров, восстания чехо-словаков на Волге, савинковского восстания в Ярославле и др. городах, был одним из вдохновителей иностранной интервенции. В 1919 г. входил в министерство Клемансо в качестве продовольственного контролера. В 1924 г. был влечен правит. Эррио в комиссию по изучению русского вопроса.

Ньюболд (Newbold), Джон Уолтон, англ. полит. деятель, р. 1881 г., профессор-экономист, пацифист, написал перев. на русск. яз. книгу „Как Европа вооружалась к войне“. Входил в Незав. рабочую партию, а затем примкнул к коммунистам и был избран в 1922 г. в палату общин, первым в Англии коммунистическим депутатом. В 1923 г. Н. принимал участие в IV Конгрессе Коминтерна и был избран в Цеполком. В 1924 г. вышел из коммунистической партии, будучи несогласен с нападками на Рабочую партию и министерство Макдональда. Нап.: „Capitalism and Politics“, „Capitalism and the War“ и др.

Обрегон, Альваро, мексиканск. полит. деятель, р. 1830 г., служил в армии, был сторонником президента Мадеро и Каррансы, потом разошелся с последним, поднял против него восстание, оказавшее успешным, в 1920 г. сам был избран президентом республики и оставался им до 1924 г.

Окума, Шингэнбу, маркис, японск. полит. деятель, р. 1838 г., основатель и лидер радикальной партии (кокуминто), принимал деятельное участие в проведении реформ во внутренней жизни Японии, основал университет в Токио, был министром финансов и мин. иностр. дел. В 1889 г. на него было произведено покушение вследствие которого он потерял ногу, в 1914—16 г.г. был мин.-президентом; за время его премьерства Япония вступила в мировую войну (см. ниже — Япония). Ум. в 1922 г.

Олауссен, Евгений, норвежск. полит. деятель, коммунист, р. 1888 г., типограф, один из руководителей японского движения, возглавлял левую оппозицию в норвежск. рабочей партии. Был редактором „Ung Socialist“, а затем „Klassenkampen“. В 1915 г. — депутат на Циммервальдской конференции. С 1921 г. — коммунист. депутат стортинга, член центр. ком. партии.

Оливьер (Olivier), Сидней, англ. полит. деятель, р. 1859 г., учился в Швейцарии, Англии и Германии, служил в министерстве колоний, в 1886—90 г. был секретарем „Fabian Society“, в 1907—13 г.г. — губернатор Ямайки, в 1913—17 г.г. — секр. министр. земледелия и рыболовства, с 1922 г. — член парламента (Рабочая партия). Входил в 1924 г. в кабинет Макдональда в качестве мин. по делам Индии. Нап.: „White Capital and Coloured Labour“ (1908) и др.

Орландо, Витторио Эмануэле, итальянск. полит. деятель, р. 1860 г., был адвокатом и профессором права, с 1898 г. — депутат; в 1903—05 г.г. был мин. народн. просвещ. в кабинете Титтони, в 1907—09 и 1914—16 г.г. — мин. юстиц. в кабинетах Джолитти и Саландри; принадлежал к партии Джолитти, но во время войны был ее сторонником; в 1916 г. был назначен мин. внутр. дел, а с 1917 г. также и премьером; возглавлял итальянскую делегацию на Парижской мирной конференции, входил в „Совет четырех“, не пользуясь, однако, в нем большим влиянием; в июне 1919 г. в связи с неудачей отстоял итальянскую

точку зрения в адриатическом вопросе, вышел в отставку. Президент „Lega italiana per la tutela degli interessi nazionali all'estero“.

Паане, Герман, германск. экономист и полит. деятель, р. 1851 г., проф. в Мардбурге и Шарлоттенбурге, до 1918 г. — депутат рейхстага, лидер национал-либералов, был несколько раз вице-презид. рейхстага. Нап.: „Wandlungen in der modernen Volkswirtschaft“ (1890), „Die Zuckerproduktion der Welt“ (1915) и др.

Падеревский (Paderewski), Игнац, польск. пианист и полит. деятель, р. 1860 г., в 1908 г. был директором консерватории в Варшаве, в 1913 г. уехал в Америку, давая там концерты и одновременно вел пропаганду в пользу польской независимости; с образованием Польского Национального Комитета в Париже был назначен председателем Комитета в Америке; в 1918 г. вернулся в Польшу, принял участие в национал-демократич. и в 1919 г. в результате компромиссного соглашения, заключенного между Парижским комитетом и Пилсудским стал во главе сменявшего правительство Морачевского буржуазного кабинета, в котором занял пост премьера и мин. иностр. дел. П. представлял (вместе с Дмовским) Польшу на мирной конференции в Париже и подписал Версальский мир. Вышел в отставку в ноябре 1919 г. в связи с вопросом об автономии Вост. Галиции и после того до 1921 г. был предст. Польши в Лиге Наций. Финансировал орган правого крыла нац.-демократов „Rzeczpospolita“, ведший борьбу против Пилсудского. В 1921 г. уехал в Калифорнию.

Паес (Paes), Силвено, португ. полит. деятель, умер. радикал, р. 1858 г., в 1911 г. был мин. иностр. дел, в 1912—16 г.г. — послом в Берлине, в дек. 1917 г. стоял во главе революционного движения, свергнувшего презид. Мамадо, образовал новое правительство, в 1918 г. ввел всеобщее избират. право, на основании кот. в апр. был избран в президенты республики; в дек. 1918 г. убит. (см. ниже, „Португалия“).

Пауер (Pauey), Фридрих, германск. полит. деятель, р. 1847 г., адвокат, с 1877 г. — депутат рейхстага, принадлежал к прогрессистам, потом перешел к демократам и был председателем фракции рейхстага, в 1895 г. был презид. Вюртембергского ландтага, в 1917—18 г.г., до революции — вице-канцлер. После революции был членом Нац. Собрания. Нап.: „Neues Recht im Württemberg“ (1874).

Палеолог (Paleologue), Морис Жорж, франц. дипломат, р. 1859 г., был аташе в Риме и Китае, посланником в Софии, директором отделения торгов. политики мин. иностр. дел и в 1893 г. выступал главным свидетелем при рассмотрении дела Дрейфуса, в 1914—17 г.г. — был послом в России, в 1917—20 г.г. ген. секретарем мин. иностр. дел. Друг Пуанкаре, принимал участие в подготовке к войне (см. выше, XLVII — Дипломатия). Много писал по вопросам искусства: „Vauvenargues“ (1889), „Rome, impressions d'histoire et d'art“ [1902] и др. Выступал мемуары „La Russie pendant la Grande Guerre“ (1922; перев. на русск. яз. под названием „Царская Россия“, 2 т., 1923).

Памс (Pams), Жюль, франц. полит. деятель, р. 1862 г., адвокат, с 1893 г. — депутат, потом — сенатор, входил в качестве мин. внутр. дел в каб. Клемансо 1917—20 г.г. Был кандидатом на президентских выборах в 1920 г. от группы Клемансо.

Панкхерст (Pankhurst), Сильвия, англ. полит. деятельница, вместе со своей матерью Кристиабель П. и сестрой Эмелиной П. была одной из руководительниц суфражистского движения (см. X.X, прил. „Женское движение“, 10/12). Приняла участие в основании английской коммунистической партии. Принадлежала к группе левых коммунистов, являясь сторонницей бойкота парламента и невозвращения в Рабочую партию. Впоследствии исключена из партии за нежелание подчинить партийному контролю издаваемую ею газету „Workers Dreadnought“.

Паннекук (Pannekoek), Антон, нидерл. полит. деятель, принадлежал к образовавшейся после 1905 г. оппозиционной группе в нидерл. с.-д. партии (Вайнко, Ротланд-Гольст), издававшей еженедельник „Nieuw Tud“ и еженедельник „Tribune“, в кот. она вела големскую с официальной партией (Троцкиста). В 1909 г.

П. вместе со всей оппозицией был исключен из партии на партийном в Девентре и вошел в социалистическую партию, присоединившуюся в 1918 г. к Коммунистической. П. принадлежит к группе „левых коммунистов“ и издает вместе с Г. Роланд-Гольте журнал „Nieuw Dag“. Сотрудничал в „Nieuw Zeit“ (стат. „Massenaktion und Revolution“, „Marxistische Theorie und revolutionäre Taktik“).

Пармур (Parmour), лорд, Чарльз Альфред Криси, англ. полит. деятель, р. 1852 г., оконч. New College в Оксфорде, прот. до политич. убеждениям — папист, близок к Рабочей партии, с 1895 г. (с перерывами) — член парламента, занимал административно-юрдическ. посты, с 1914 г. — член Тайя совета, был лорд-президентом Совета в кабинете Макдональда в 1924 г. Наим. „Principles of Compensation“, „Laws of Church and Clergy“.

Пашич (Pasic), Никола, сербск. полит. деятель (см. XXXI, 396/97), оставался на посту сербск. мин.-презид. с перерывами до конца 1918 г. При образовании Юго-Славии П. отстаивал точку зрения предоставления Сербии преобладающего влияния в новом государстве. Однако, его великосербская политика потерпела неудачу и в первое правительство Юго-Славии П. не вошел, а был назначен делегатом на мирную конференцию; в 1921 г. он сделался мин.-презид. Юго-Славии и с коротким перерывом в 1922 г. занимал эту должность до июля 1924 г., когда вышел в отставку, уступив место Давидовичу; в ноябре 1924 г. опять занял этот пост.

Пейдль, Юлиус, венг. полит. деятель, правый соц.-дем.; во время переговоров между коммунистами и соц.-дем. перед образованием Советской республики в Венгрии, был противником союза с коммунистами и отказался войти в правительство. После падения Советской власти в Венгрии 1 авг. 1919 г. П. сформировал всего соц.-дем. министерство, просуществовавшее лишь несколько дней. Состоит представителем Венгрии в Исполкоме II Интернационала.

Пельтан (Pelletan), Камилл, французск. полит. деятель (см. XXXI, 416). Ум. в 1915 г.

Пенлеве (Painlevé), Поль, французск. полит. деятель, р. 1853 г., был профес. математике в политехнической школе в Париже и опубликовал ряд работ по математике, за которые был избран членом „Académie des Sciences“, с 1910 г. — депутат (радикал-социалист), впоследствии один из руководителей левого блока; в 1915—16 гг. был мин. народн. просвещ. в кабинете Бриана; в марте-сент. 1917 г. — воен. мин. в кабинете Рибо, в сент. 1917 г. сам сделался премьером, но в ноябре того же года вышел в отставку; в 1924 г. был кандидатом на президентских выборах, но не имел успеха, состоял затем членом палаты депутатов. После падения кабинета Эррио в апр. 1925 г., образовал министерство, заняв пост премьера и военного министра.

Пере (Péret), Рувль, франц. полит. деятель, р. 1870 г., адвокат, с 1902 г. — депутат (Gauche républicaine démocratique), в 1913 г. — мин. внутр. дел и почт в кабинете Пенлеве. Выдвинутый национальным блоком, П. был президентом палаты депутатов в 1920—24 г. После выборов 1924 г., давних большинство левому блоку, уступил свое место Пенлеве.

Пернергоффер, Энгельберт, австр. полит. деятель (см. XXXI, 608). Ум. в 1918 г.

Перселл (Percell), Альберт Арчер, деятель англйск. и международн. проф. движения, р. 1872 г., по профессии мебельщик, примыкает к левому крылу англйск. профсоюзн. движения, не входя, однако, в движение профсоюзного меньшинства („National Minority Movement“). В 1924 г. был председателем, а затем — вице-председателем генерального совета тред-юнионов и председательствовал на последнем конгрессе в Гулде. П. состоит председателем амстердамского объединения профсоюзов. В 1924 г. он был во главе делегации британских тред-юнионов в СССР. В 1925 г. избран в парламент на дополнительных выборах.

Петр I, сербский король (см. XXXII, 140). Ум. в 1921 г.

Пий XI, римский папа, р. 1857 г., в мире именовался Ахилле Ратти, сын управляющего текстильной фабрики, принадлежал к ученому духовенству и в 1913—18 гг. был преемником Ватиканской библиотеки, в 1918 г. был назначен папским пунцем в Польше,

в 1919 г. — архиепископом в Лепанто, в 1921 г. — архиепископом Миланским, в том же году получал звание кардинала, 6 февр. 1922 г. избран папою.

Пилсудский, Писиф, польск. полкт. деятель, р. 1867 г., учился на медиц. фак. Харьк. ун.; примкнул к социалистическому движению; в 1887 г. был обвинен в соучастии в покушении на Александра III, хотя в действительности был против этого покушения. Притворенный к каторжным работам, отбывал их на Сахалине. Здесь занялся этнографией и начекачал ряд работ об аймах, ороках и др. В 1893 г. вернулся в Польшу и стал во главе правого крыла польской социалистической партии (Р. Р. С.). После революции 1905 г., исходя из опыта боюих друзей, стал устраивать стрелковые кружки и организовывать тайные стрелковые отряды, имея в виду при их помощи с течением времени добиться восстановления независимости Польши. С началом мировой войны П. развернул эти тайные отряды в особый польский легион и стал с ним на сторону Австрии против России. Однако он отказался продолжать вербовку в легион, стремясь сохранить силы Польши для борьбы за полную независимость одинаково от России и от центральных держав. После конфликта с австрийцами П. потребовал своей отставки и увел свою бригаду. Когда была провозглашена независимость Польши, П. был призван германскими организациями польскую армию, но потребовал, чтобы раньше было создано польское правительство и чтобы польское войско было подчинено исключительно польскому правительству. Последовал конфликт с германским командованием, и П. был интернирован в Магдебурге. Освободила его ноябрьская революция в Германии. По возвращении его в Польшу Совет регента 14 ноября 1918 г. отказался от власти, назначив его правителем государства. Соглашение с польским Национальным Советом в Париже, являвшимся как бы вторым временным правительством Польши, привело к министерству Палеревского (см.) и торжеству народных демократов: выборы в учредительное собрание в февр. 1919 г. дали огромное преобладание анти-социалистическим партиям (400 сторонников Палеревского, 80 социалистов, 15 евреев). Тем не менее П. продолжал оставаться верховным правителем польской республики до конца 1922 г. После того один время состоял начальником Генерального штаба.

Пиэлл (Peel), Уильям Роберт, винокт, англ. полит. деятель, р. 1867 г., сын известн. полит. деятеля Роберта П. (см. XXXII, 176—77), по образованию юрист. Во время греко-турецкой войны был корреспондентом „Daily Telegraph“, с 1900 г. — член парламента (консерватор); во время войны был парлам. секретарем мин. народн. обороны. Входил в коалиционное правительство Ллойд-Джорджа в качестве военн. министра, канцлера герцогства Ланкастерского и мин. транспорта. В кабинете Бонара до 1922—23 г. был мин. по делам Индии.

Пире (Péarce), Патрик, ирландск. писатель и полит. деятель, р. 1879 г., один из лидеров шин-файтеров, принял активное участие в Дублинском восстании и был казнен в 1916 г. (см. ниже, XLVII—Ирландия).

Пиншон (Pichon), Стефан Жан Мари, французск. полит. деятель (см. XXXII, 263). В 1917 г. с приходом к власти Клемансо сделался мин. иностр. дел и в 1920 г. был председателем Совета Лиги Наций. С отставкой Клемансо его полит. деятельность прекратилась.

Планкетт (Plunkett), Горас, ирландск. полит. деятель, р. 1854 г., жил в Соед. Штатах, занявшись сельским хозяйством, вернулся в Ирландию и в 1894 г. основал ирландские орган. сел.-хоз. о-во (I. A. C. S.) с целью кооперирования ирландских фермеров, в 1892—900 гг. — член парламента (консерватор); с 1896 г. стал во главе организованного им ирландск. департамента земледелия и технического образования, в 1907 г. вышел в отставку, в 1914 г. он выступил в печати с собственным проектом гоумруля для Ирландии примирительного характера; в 1917—18 гг. был председателем с'езда, созванного Ллойд-Джорджем после Дублинского восстания для обсуждения будущего судьбы Ирландии. Наим. „Ireland in the New Century“ (1904), „Rural Life Problem of the U. S.“ (1910), „The Better Way: an Appeal to Ulster not to desert Ireland“ (1914) и др.

Погани. Иозеф, венг. полит. деятель, ком. мунств, р. 1886 г., был председ. совета солдатск. депутат. во время Венгерск. советск. республик. Нап.: „Белый террор в Венгрия“ (р. пер. 1921).

Поллитт (Pollitt), Гарри, деятель англ. профес. движения, коммунист, р. 1890 г., рабочий-котельщик, возглавлял движение левого профсоюзного меньшинства (National Minority Movement), член лондонского бюро Профинтерна и редактор его органа „All Worker“.

Пониковский, Антоний, польск. полит. деятель, премьер-министр и мин. народн. просвещ. в 1923—28 г.г. Строничн Пилзудского.

Понсонби (Ponsonby), Арчер, англ. полит. деятель, р. 1871 г., сын генерала, в молодости состоял на дипломатической службе, с 1908 г.—либеральный член парламента, в конце войны вышел из партии либералов и вошел в Рабочую партию и в основ. Морелем „Union of Democratic Control“, в 1924 г. был тов. мин. иностр. дел в кабинете Макдональда. Возглавлял англ. делегацию во время русско-англ. переговоров и способствовал заключению англо-советского договора, отвергнутого впоследствии консервативным правительством Болдуина. Нап.: „The Camel and the Needle's Eye“ (1909), „The Decline of Aristocracy“ (1912), „Democracy and Diplomacy“ (1915), „Wars and Treaties“ (1917), „Religion in Politics“ (1921) и др.

Преисс, Гуго, германск. юрист и полит. деятель, член демократ. партии, р. 1880 г., проф. права в Берлине, в 1919 г.—мин. внутр. дел в каб. Шейдемана, был составителем проекта избират. закона для выборов в Нап. Учр. Собр. и новой германской конституции, с 1921 г.—депутат прусск. ландтага. Нап.: „Die Entwicklung des deutschen Städtewesens“ (1906), „Bergbriefe“ (1921), „Art. 18 der Reichsverfassung“ (1921) и др.

Примо де Ривера, Мигуэль, марки де Вестеда, испанск. полит. деятель, маршал, в 1916 г. был военным министром в кабинете Дато, но должен был выйти в отставку под давлением офицерских организаций, в сент. 1923 г. произвел переворот, свернул предшеств. правительство Альфредо Сана, предложил королю распустил парламент и стал во главе военной диктатуры (см. ниже, XLVII—Испания).

Пуанкаре (Poincaré), Раймонд, французск. полит. деятель, р. 1860 г., был адвокатом, в 1887 г. был избран впервые в палату депутатов, в 1893 г. был уже мин. народн. просв. в первом кабинете Дюлоу, в 1894—95 г.г.—мин. финан. во втором кабинете Дюлоу, в 1895 г.—снова мин. народн. просв. в кабинете Рибо, в 1895—98 г.г.—вице-президент палаты депутатов, с 1903 г.—сенатор от департамента Мезы, в 1906 г.—мин. финан. в кабинете Саррарна, в 1912—13 г.г.—премьер и министр иностранных дел, в 1918 г. был избран президентом французской республики и оставался на этом посту во время мировой войны, в 1920 г., по истечении срока президентских полномочий, был назначен председателем репарационной комиссии, но вскоре отказался от этой должности; в 1922 г. вновь стал во главе кабинета, в 1924 г. после поражения национального блока на общ. парламентских выборах вышел в отставку. Идеальный вдохновитель „национального блока“, в своей деятельности в качестве премьера и президента он проводил политику воинствующего национализма и непримиримости по отношению к Германии, за что получил прозвание „Poincaré-la guerre“. В 1923 г., с целью заставить Германию выплатить репарации, предпринял оккупацию Рурской области (см. XLVII—Дипломатия). Нап.: „Idées contemporaines“ (1908), „Ce que demande la cité“ (1912), „Histoire politique“ (4 vols, 1920—1922), „Les origines de la Grande Guerre“ (р. пер. 1924 г.).

Пурталес (Pourtalès), Фридрих, граф, германск. дипломат, р. 1853 г., состоял на дипломатической службе и с 1908 г. до начала мировой войны был германским послом в России. Опубликовал мемуары („Am Scheidewege zwischen Krieg und Frieden“, 1919); см. XLVII—Дипломатия.

Радбрух, Густав, германск. юрист и полит. деятель, р. 1878 г.г., проф. права в Гейдельберге, Кенигсберге и Киле, в 1920—24 г.г.—депутат рейхстага (соц.-дем.), был мин. юстиции во втором каб. Вирта

и в каб. Штресемана. Нап.: „Grundzüge der Rechtsphilosophie“ (1919), „Kulturlehre des Sozialismus“ (1922) и др.

Радиш, Степан, юго-славск. полит. деятель, вождь хорватской крестьянск. республик. партии, р. 1871 г., совершил с агитационными целями поездку по Европе и в 1924 г. приезжал в Москву. Названые парлам. выборов, в конце 1924 г., был арестован правит. Пашича по обвинению в сношениях с Крестьянск. Интернационалом, но затем вступил в соглашение с правительством и был выпущен на свободу, а партия его приняла участие в новом правительстве.

Радославов, Василь, болгарск. полит. деятель, р. 1858 г., учился в Вене и Гейдельберге, адвокат. В начале своей политической деятельности был близок к Стамбулову, затем разошелся с ним и основал либеральную партию. Начиная с 1884 г. был несколько раз министром. В 1918 г. сделан премьером после отставки Цанева и, будучи германофильски настроен, способствовал сближению Болгарии с Германией и Австрией и вступлению Болгарии в войну на стороне последних. После военных неудач 1918 г. кабинет Р. пал, и он вынужден был бежать из страны. Ум. в 1923 г.

Райберти (Raiberti), Фламиний, франц. полит. деятель, р. 1862 г., адвокат, депутат, потом сенатор, был воен. мин. в кабинете Лейга в 1920 г. и морск. мин. в каб. Пуанкаре в 1922—24 г.г.

Раллис (Rhallis), Деметриус, греч. полит. деятель, р. 1844 г., проф. права в Афинах, был премьером в 1897, 1905 и 1909 г. (см. XXVII, 19—21). Строник династии, не пользовавшийся поддержкой Антанта, он в 1920 г. после падения Венизелоса снова стал во главе правительства, но вскоре уступил место Гунарью. Ум. в 1921 г.

Ратенау (Rathenau), Вальтер, германск. полит. деятель, р. 1867 г., по специальности инженер-электротехник и химик, был членом правления берлинского „Handelsgesellschaft“ и в 1907—08 г.г. вместе с Дерибуром совершил об'езд германских колоний в Африке. В начале войны Р. руководил снабжением Германии сырьем; в 1915 г. он после смерти своего отца сделался председателем Всеобщей Компании Электричества. После революции примкнул к демократической партии. В 1920 г. был членом комиссии по социализации (см. XI, 397—98, 378—74). В мае 1921 г. вступил в первый кабинет Вирта в качестве министра восстановления и в окт. заключил с французск. министром Лушером т. н. Висбаденское соглашение. В связи с вопросом о В. Силезии Р. вместе с остальными демократами вышел из правительства и во второй кабинет Вирта вначале не вошел. Пользуясь, однако, большим влиянием в вопросах экономики, он принимал участие в работе правительства, ездил в Лондон для переговоров с Ллойд-Джорджем и в янв. 1922 г. представлял Германию на конференции в Кайнах. По возвращении оттуда он получил портфель мин. иностр. дел, участвовал вместе с Виртом в Генуэзской конференции и заключил Рапалльский договор с Россией. В июне 1922 г. был убит националистами. Смерть Р. вызвала чрезвычайно большое политическое возмущение в Германии и повела к введению закона о защите республики. Нап.: „Reflexionen“ (1908), „Zur Kritik der Zeit“ (1912), „Von kommenden Dingen“ (1917), „Probleme der Friedenswirtschaft“ (1917), „Die neue Wirtschaft“ (1918; перев.), „Die neue Gesellschaft“ (1919), „Die neue Staat“ (1919; перев.), „Kritik der dreifachen Revolution“ (1919), „Was wir werden?“ (1920), „Cannes und Genoa“ (1922; перев.) и др.

Раумер, Ганс фон, германск. полит. деятель, р. 1870 г., до 1911 г.—ландрат, в 1915 г.—директор центр. объединения электротехн. промышленности, один из учредителей Центральн. объединения работодателей и рабочих германск. промышленности; в 1920—21 г. был мин. казначейства в каб. Ференбаха и в 1923 г.—мин. народн. хозяйства в каб. Штресемана. Был экспертом германской делегации в Геуге. С 1920 г.—депутат рейхстага (народная партия).

Ревентлов, Эрнст, граф, германск. писатель и полит. деятель, р. 1869 г., был морским офицером, затем занялся журналистикой, сотрудничал в „Berliner Tageblatt“, „Tägliche Rundschau“, был редак-

тором иностран. отдела националист. „Deutsche Tageszeitung“. Во время войны защищал аннексии и политику неограниченной подводной войны. После раскола в партии националистов примкнул к крайней правой „National sozialistische Freiheitspartei“. Издатель еженедельника „Reichswart“. Депутат рейхстага с 1924 г. Нап.: „Der Russisch-Japanische Krieg“ (3 т., 1904—08), „Der Kaiser und die Byzantiner“ (1906), „Deutschland's auswärtige politik 1888—1913“ (1914), „Der Einfluss der Seemacht im grossen Kriege“ (1918), „Politische Vorgeschichte des grossen Kriegs“ (1919) и др.

Редмонд, Джон Эдуард, ирландск. полит. деятель, р. 1851 г., адвокат, с 1881 г. был членом парламента, сторонник Паррелла, оставшийся ему верным и тогда, когда среди ирландских депутатов началось раскол; потом — в течение многих лет, лидер объединенной ирландской национальной партии; во время мировой войны поддерживал правительство и утратил значительную часть своей популярности. Ум. в 1918 г. (см. ниже, XLVII—*Брандлик*).

Рейс (Рюв) де Веегенбрук (Ruys de Veerenbrouck), Христиан, барон, нидерландск. полит. деятель, лидер католической партии, р. 1874 г., был комиссаром провинции Лимбург, с 1906 г.—депутат, с 1918 г.—мин.-президент и мин. внутр. дел; после выборов 1922 г. взял на себя также министерство земледелия. В 1925 г. вышел в отставку.

Реммеле, Герман, германск. полит. деятель, коммунист, р. 1880 г., по профессии токарь по металлу, с 1920 г.—депутат рейхстага, секретарь партийного комитета в Берлине.

Реннер, Карл, австр. полит. деятель, р. 1871 г., сын зажиточного крестьянина, получивший университетское образование, был директором библиотеки в Вене и депутатом рейхстага, где принадлежал к соц.-демократ. партии; много писал (под псевд. *Синотикус* и *Рудольф Шпрингер*) по вопросам экономики и полит. положения Австро-Венгрии; после революции 1918 г. был мин.-президентом и мин. иностр. дел в Австрии, вел мирные переговоры с Антантой и был сторонником присоединения Австрии к Германии; в 1920 г. вышел в отставку. Состоит членом Нацкоп. Совета и предсеd. „Arbeiter Bank“. Нап.: „Grundlagen und Entwicklungsziele der Osterreich. Monarchie“ (1906), „Der Kampf der Osterreich. Nationen um den Staat“, „Marxismus, Krieg und Internationalismus“ (1917), „Selbstbestimmungsrecht der Nationen“ (1918), „Osterreichs Erneuerung“ (1919) и др.

Ренодель (Renaudel), Пьер, франц. полит. деятель, социалист, р. 1871 г., журналист, сотрудничал в „Le Peuple“, „La Vie Socialiste“, „L'Humanité“. В 1914 г. избран в палату депутатов, на выборах 1919 г. потерпел поражение. После убийства Жореса сделался официальным руководителем социалистической партии; во время войны был сторонником „défense nationale“. Ныне вместе с Л. Блюмом возглавляет правое крыло социалист. партии, поддерживающее коалицию с радикал.-социалистами. Нап.: „Pour le socialisme“, „L'Internationalisme et Bernes“, „Pour l'Unité Internationale“ и др.

Ренцианни (Runciman), Уильям, англ. полит. деятель, р. 1870 г., сын судья-законника, олеон. Тринити-колледж в Кембридже, с 1898 г.—депутат (либерал), в 1902 г. был мин. народн. проsv., в 1911—14 г.г.—мин. земледелия, в 1914—16 г.г.—мин. промышленности и торговли, ушел из правительства вместе с Ассентом и другими независимыми либералами.

Ренуи (Renoult), Рене, франц. полит. деятель, р. 1867 г., депутат, в 1914 г.—мин. внутр. дел в каб. Думерга и обществ. работ в каб. Вивианя, в 1924—25 г.г.—мин. юстиции в каб. Эррио.

Рейф-Бей, турецкий полит. деятель, был морским офицером, отличился в итало-турецкой войне; в новой Турции—лидер оппозиции в маджлис, сторонник уступок европейскому капиталу, в 1923 г. был премьером.

Рибо (Ribot), Александр Феликс Жозеф, французск. полит. деятель, р. 1842 г., при второй империи был адвокатом, при республике — директором департамента в министр. юстиции, в 1878 г. был избран депутатом; в 1890—92 г.г. был мин. иностр. дел в кабинетах Фрейсине и Лубэ, потом в течение нескольких м-цев — премьером и в тоже время опера мин. иностр. дел, потом мин. внутр. дел; в 1895 г.

он вновь был премьером и мин. финансов, затем в его министерской карьере наступает продолжительный перерыв, в течение кот. он в 1909 г. перешел из палаты депутатов в сенат (Union républicaine); в 1914 г. после отставки Думерга ему было поручено составить министерство, но его кабинет просуществовал только 1 день; после начала войны он вошел в преобразованный кабинет Вивианя в качестве мин. финансов (1914—15) и сохранил этот пост у последующих кабинетах Бриана (1915—17); после падения Бриана он сделался в марте 1917 г. премьером и мин. иностр. дел; его кабинет пал в окт. того же года, но Р. сохранил за собой портфель мин. иностр. дел в последующем недолговечном министерстве Пеллеве; в ноябре этого года он окончательно вышел в отставку. Р. был одним из деятелей создания франко-русского союза. Ум. в 1923 г.

Рид (Reid), Джордж, австрал. полит. деятель, р. 1845 г., был членом законодат. собрания Нов. Ю. Уэльса, а с 1901 г. и федеральн. парламента, где стоял во главе партии фритредеров; в 1904—05 г.г.—высшим федеральным премьером, и в 1909—16 г.г.—высшим комиссаром Австралии; в 1916 г. был избран в великобрит. парламент. Ум. в 1918 г. Нап.: „Five Years Trade Essays“ (1875), „My Reminiscences“ (1917) и др.

Риддинг (Reading), Рудиф Даниэль Айзек, англ. полит. деятель, р. 1860 г., сын лондонского торговца, учился в Бельгии и Германии, был адвокатом, с 1904 г.—депутат парламента (либерал), занимал посты ген.-соллиситора (1910), ген.-атторнея (1910—13) и первого лорда юстиции, в 1916 и 1917 г. ездил со специальн. миссиями в Америку, с 1921 г.—вице-король Индии; в 1916 г. был произведен в виконты, в 1917 г.—в графы.

Риза-Хан, персидск. полит. деятель, воедья персидск. националистов, р. 1873 г., был рядовым казачьей бригады, получил военное образование, с 1921 г.—военный министр, провел реорганизацию персидской армии, с 1923 г.—премьер, военн. мин. и главнокомандующий (Сердар Сенях), Р. вел борьбу против местных ханов, поддерживаемых Англией; в области внешней политики является сторонником сближения с СССР.

Робертс, 1) Джордж Генри, англ. полит. деятель, р. 1839 г., типографский рабочий, деятельный участник профессионального движения, с 1906 г.—член парламента, принадлежал к Рабочей партии; во время войны вместе с Гендерсоном и др. вошел в правительство, в 1918—17 г.г. был парламентским секретарем бюро промышленности и торговли, в 1917—18 г.г.—министром труда, 1918—20 г.г.—контролером продовольствия.

2) Фредрик Оуэн англ. полит. деятель, р. 1876 г., наборщик, с 1918 г.—член палаты общин от Рабочей партии. Был мин. пенсий в каб. Макдональда в 1924 г.

Розем, Фридрих, герман. дипломат, р. 1856 г., ориенталист, в 1905 г.—посланник в Ташкенте, в 1910 г.— в Бухарате, в 1912 г.— в Гааге, в 1916 г.— в Лиссабоне, в 1920 г.— в Мадриде, в 1921 г. был мин. иностр. дел в первом кабинете Витта.

Розенберг, Фредерик Гапс фон, германск. полит. деятель, р. 1874 г., работал в министр. иностр. дел, участвовал в ведении мирных переговоров в Брест-Литовске и Бухарате, в 1918—19 г.г. был посланником в Берне, в 1920 г.— в Вене, в 1921 г.— в Копенгагене, в 1922—23 г.г. был мин. иностр. дел в каб. Куно.

Рой, Манабендракат, индийск. полит. деятель, воедья коммунист. партии Индии, р. 1891 г. Присужденный англ. властями к тюремному заключению, эмигрировал в Р. напущал в марксистском направлении „New India“ (р. пер. 1923 г.).

Роланд-Гольст, Генриетта, нидерл. писательница и полит. деятельница, работала по организации женских союзов, принадлежала к левому крылу с.-д. партии, издававшему „De Tribune“, и в 1909 г. вместе со всей оппозицией вышла из партии. В 1916 г. Р.-Г. примкнула к социалист. партии (S. P.), а затем сделалась одним из лидеров коммунист. партии. Р.-Г. принадлежит к группе левых коммунистов и издает вместе с А. Паннекуком журнал „Nieuw Dag“. Нап. книгу о рабочем движении в Голландии, кроме того „Generalstreik und Sozialdemokratie“ (1906), „Partei und Revolution“ (1921) и др.

Романосек, Альваро де Фигуероа и Торрес граф, испанск. полит. деятель, р. 1859 г., лидер

либеральной партии. Во время мировой войны высказывался в пользу нарушения „смертельного (для Испании) нейтралитета“ и вступления в войну на стороне Антанты. В 1912—13, 1916, 1917 и 1918—19 г.г. был премьером, в 1922—23 г.г.—мин. юстиции в каб. Альгусемаса. В 1924 г. выступил направленную против короля книгу „Las responsabilidades del antiguo regimen“ (см. ниже—*Испания*).

Ронда (Rhonda), Давид Альфред Томас, с 1916 г.—барон Р., англ. промышленник и полит. деятель, р. 1856 г., угольный король, в 1888—1910 г.г. был депутатом в парламенте (либерал), в мировую войну выдвинулся на полит. поприще, являясь одним из ближайших помощн. Ллойд-Джорджа, в 1916 г. был преос. бюро местного самоуправления, в 1917 г. сделался контролером продовольствия и проявил на этом посту большую энергию; был одним из авторов системы продовольств. рационов. Вышел в отставку в апр. 1918 г. и через неск. месяцев умер.

Рорбах (Rohrbach), Пауль, германск. полит. писатель, р. 1869 г., изучал теологию и философию, совершил много поездок по Востоку, был имперск. комиссаром по вопросам переселения в германск. ю.-в. Африке. Много писал по вопросам колониальной политики; один из главных защитников идеи „Гамбург-Багдад“. Во время войны—сторонник немецкой экспансии на восток за счет России (см. выше—*Диплериализм*). Нап.: „Die Bagdadbahn“ (1902), „Deutschland unter den Weltvölkern“ (1903), „Der deutsche Gedanke in der Welt“ (1912), „Die Geschichte der Menschheit“ (1914), „Weltpolitisches Wanderbuch“ (1916), „Gottes Herrschaft auf Erden“ (1921) и др.

Росмер, Альфред, деятель франц. проф. движения, р. 1876 г., оконч. нач. школу, по профессии корректор, был видным членом франц. коммунист. партии. В 1924 г. на IV конгрессе исключен из партии вместе с Момотом за анархо-синдикалистский уклон. Образовал группу синдикалистов-коммунистов и являет журнал „La revolution prolétarienne“.

Рузвельт (Roosevelt), Теодор, америк. полит. деятель, р. 1858 г., во время войны с Испанией в 1898 г. командовал кавалерийским полком добровольцев и приобрел широкую популярность, был после того губернатором Нью-Йорка, в 1900 г. был избран вице-президентом Соед. Штатов (кандидат республиканской партии), в 1901 г., после убийства Мак-Кинли, сделался президентом, в 1904 г. избран на вторичный срок, в 1909 г., по истечении срока полномочий, удалился в частную жизнь, в 1912 г. в третий раз выставил свою кандидатуру в президенты, отклонившись от республиканцев, и выступил от имени прогрессивной группы, но потерпел поражение; в выборах 1916 г. примирился с республиканской партией и поддержал республиканского кандидата. Ум. в 1919 г. Нап.: „The Winning of the West“ (4 т., 1889—95), „African Game Trails“ (1910), „Theodore Roosevelt, an Autobiography“ (1913), „America and the World War“ (1915), „The Great Adventure“ (1918) и много др.

Рут (Root), Элигу, америк. полит. деятель, р. 1845 г., адвокат, принадлежит к республиканской партии, сторонник идеи панамериканства, в 1899—1904 г.г. был военным министром, в 1905—1909 г.г.—министром иностранных дел, потом до 1915 г.—сенатором, в 1917 г. высказывался за войну, в том же году ездил со специальной миссией в Россию, в 1921 г. участвовал в Вашингтонской конференции по ограничению вооружений. Президент американо-ова по Международн. законодательству. Нап.: „The Military and Colonial Policy of the U. S.“ (1916), „The United States and the War“ (1918) и др.

Сабо фон Нагатад (Szabo von Nagyatad), Стефан, венг. полит. деятель, один из лидеров „Единой правительственной партии“, представляет интересы крестьянск. собственников, в 1920 г. был мин. продовольствия, в 1921—24 г.г.—мин. земледелия в каб. Беллена.

Садуль (Sadoul), Жак, франц. полит. деятель, один из основателей франц. коммун. партии, р. 1881 г., адвокат, во время войны работал в министерстве снабжения, возглавляемом А. Тома. В 1917 г. был в составе военной миссии, командированной в Россию для информации. Под влиянием октябрьской революции С. решил остаться в Сов. России и стал звестн коммунист. пропаганду среди оставшихся

в России французов, а также среди попавших в плен солдат интервенционн. армии. За свои действия С. был обвинен в гос. измене и заочно приговорен к смертной казни. В 1924 г. вернулся во Францию и был по суду оправдан.

Саймон (Simon), Джон, англ. полит. деятель, р. 1873 г., адвокат, с 1906 г.—член парламента (либерал); с 1910 г. был ген.-соллситором, а с 1913 г.—генер. прокурором в кабинете Аскита. При образовании первого коалиционного правительства в мае 1915 г. получил портфель мин. внутр. дел. В начале 1916 г., будучи противником принятого кабинетом законопроекта об обязательной военной повинности, вышел в отставку. С. принадлежал к возглавляемой Аскитом группе независимых либералов.

Саймонджи, Киммохи, князь, японск. полит. деятель, р. 1849 г., в 1869—70 г.г. ездил во Францию и по возвращении выступил сторонником реформ администрации по франц. образцу и введения конституции, был в 80-х годах гостем в Вене и Берлине, после того вице-президентом верхней палаты, вице-президентом и президентом тайного совета; в 1894—96 г.г.—мин. просвещения, с 1903 г.—депутат парламента, лидер партии Сейюкай после Ито, в 1906—08 и 1911 г.г.—министр-президент; в 1919 г. был японским представителем на мирной конференции в Париже.

Салгатава, Шапурджи, англ. полит. деятель, по происхождению индус, р. 1874 г. в Бомбее, с 1905 г.—в Англии, в 1908 г. вошел в Независимую рабочую партию, а с 1921 г. примкнул к коммунистам, в 1922—23 г.г. был членом парламента, в 1924 г. избран вторично и в палате общин является единственным депутатом коммунистом. С. принимает также участие и в индусском рабочем движении и состоит секр. о-ва „Workers' Welfare League of India“.

Саландра, Антонио, итальянск. полит. деятель (см. XXXVII, 94—5). После падения министерства Факты отклонил предложение о формировании кабинета, в 1923 г. был представ. Италии в Лиге Наций.

Самми, Бекир, турецк. полит. деятель, во время войны занимал административные посты, был членом Национал. Собрании в Ангоре и им избран был министр. дель. В февр. 1921 г. ездил на конференцию в Лондон в качестве представителя ангорского правительства. Он заключил соглашение с Францией, которое, однако, не было ратифицировано, и это повлекло за собой его отставку. Переговоры его, однако, подготовили почву для подписания франко-турецкого договора в окт. 1921 г.

Самюэлли (Szamuely), Тибор, венг. полит. деятель, коммунист, народн. комиссар по военным делам и организатор Красной гвардии Венгерской советской республики. Убит при падении сов. власти в 1919 г.

Самюэль, Герберт, англ. полит. деятель, р. 1870 г., сын банкира, избран в парламент в 1902 г. (либерал), в кабинете Аската был канцлером герцогства Ланкастерского и генерал-почтмейстером, в 1916 г. был назначен мин. внутр. дел, в 1918—20 г.г. был президентом Королевск. статист. о-ва, в 1919 г.—специальным комиссаром в Бельгии и в 1920 г. назначен главным комиссаром в Палестину. В 1925 г. вышел в отставку. Нап.: „Liberalism: its Principles and Proposals“ (1902), „The War and Liberty“ (1917) и др.

Сандерс, Роберт, англ. полит. деятель, р. 1867 г., юрист, с 1910 г.—член парламента (консерватор), во время войны находился в армии в Галлии и Палестине, после того работал в коалиционном правительстве—в 1918—19 г.г. в качестве младш. лорда казначейства, в 1921 г.—в качестве пом. военн. министра, был мин. земледелия и рыболовства в кабинете Бонара Ло в 1922—23 г.г.

Сан-Джулиано (San Giuliano), Антонио, маркис, итальянск. полит. деятель, р. 1852 г., в 1879 г. был мэром Катании, в 1882 г. был избран в палату депутатов, в 1899—900 г.г.—мин. почт и телеграфов, в 1905 г. сделал сенатором, а 1908—10 г.г. был послом в Лондоне, в 1910—14 г.г. был министр. дель, проводил политику сближения с Австрией и Германией. Ум. в 1914 г. Нап.: „Le condizioni presenti della Sicilia“ (1894), „Lettere dall'Albania“ и др

Сандлер, Рикард, шведский полит. деятель, с.-д., р. 1884 г., д-р философии, в 1912—17 г.г.—депутат нижней палаты риксдага, с 1913 г.—член верхней палаты; в 1917—18 г. С. был редактором с.-д. газеты „Nyeuue Tjud“ в Гетеборге. В 1920 г. и в 1921—23 г.г. он входил в правительство Брантинга в качестве министра без портфеля, а с 1924 г. занял в последнем каб. Брантинга должность мин. торговли и в янв. 1925 г., после отставки Брантинга, занял его место. Перевел на шведск. яз. 1 том „Капитала“ К. Маркса.

Самега, Евстахий, князь, польск. дипломат, р. 1881 г. в Галиции, во время войны был представителем польского Красного Креста в Варшаве. В янв. 1919 г. пытался поднять восстание против Пилсудского. В 1919—20 г.г. был польским послом в Лондоне. После того вошел в качестве мин. иностр. дел в кабинет надпоп. обороны Витоса, заключил перемирие с РСФСР, в 1921 г. вел в Париже переговоры о заключении франко-польского союза. В своей деятельности был связан с агрессивными планами польск. ген. штаба. В мае 1921 г. вышел в отставку.

Сарро (Sarraut), Альбер, франц. полит. деятель, р. 1872 г., публицист, с 1902 г.—депутат (радикал-социалист), тов. военн. министра при Саррене, Клемансо и Бриана, в 1911 г.—губернатор Индо-Китая, мин. просвещ. в кабинете Вивьяны в 1914—15 г.г. и в 1920—24 г.г.—мин. колоний в кабинетах Мильерана, Лейга, Бриана и первом кабинете Пуанкаре. Нап. „Referendum et le plébiscite“ (1899) и др.

Сварц (Swartz), Карл, шведск. полит. деятель, фабрикант, в 1906—1911 г.г. был мин. финансов в консерв. каб. адм. Линдмана, в 1917 г. был недолгое время премьером.

Свинхувуд, Пер Эвнид фон, финск. полит. деятель (см. XXXVII, 464—65). В ноябре 1917 г. правым блоком С. был вывунут в председатели сената. После подавления революции собравшийся сейм (из которого были исключены все соц.-демократы) избрал его в июне 1918 г. регентом; в декабре того же года вслед за поражением Германии он вышел в отставку, т. е. скомпрометировал себя явно выраженными германофильскими симпатиями.

Сель (Széll), Коломан, венгерск. полит. деятель (см. XXXVIII, 14). Ум. в 1916 г.

Сельве (Selves), Жюстен де, франц. полит. деятель, р. 1848 г., адвокат, был префектом деп. Сены, в 1911 г.—мин. иностр. дел в каб. Каю, в связи с Агадирским инцидентом вышел в отставку; в 1924 г.—мин. внутр. дел в каб. Пуанкаре, после того—президент сената.

Семба (Semhat), Марсель, франц. полит. деятель (см. XXXVII, 161—62). Ум. в 1922 г.

Сerratini, Жюакинто, итальянск. полит. деятель, р. 1874 г., был редактором социалист. газеты „Ачанти“, во время войны занимал интернациональную позицию и был одним из инициаторов союзна Циммервальдской конференции. В 1917 г. был приглашен к тюремному заключению за агитацию против войны. После присоединения итальянск. социалист. партии к Коминтерну С. был членом итальянской делегации и входил в президиум I конгресса. В 1921 г. на сессии в Ливорно отказавшись разорвать с реформистами, в связи с тем социалист. партия вышла из Коминтерна. В 1923 г. С. снова выступил за вхождение в Коминтерн.

Сесиль (Cecil), Роберт, англ. полит. деятель, сын маркиза Роберта Солсбери (см.), р. 1864 г., был адвокатом, директором железн. дорог, председателем различных компаний и предпринимат., с 1906 г.—член парламента, консерватор, но по многим вопросам расходился со своей партией и голосовал самостоятельно. Во время войны был в коалиционном кабинете Аскита тов. мин. иностр. дел, потом—мин. флота; занимал те же посты и в кабинете Ллойд-Джорджа; в 1918 г. вышел в отставку; впоследствии был представителем Англии в Лиге Наций и вместе с тем продолжал свою деятельность в парламенте в качестве независимого консерватора; в 1923—24 г.г. был министром без портфеля в первом кабинете Болдуина; во втором кабинете получил пост канц. герц. Ланкастерского. Нап.: „Fifty-nine years, a short History of its Development“ (1908), „On the Eve of the War“ (1910) и др.

Сидов (Sydow), Оскар фон, шведск. полит. деятель, консерватор, в 1917—20 г.г.—мин. внутр. дел в каб. Хаммаршильда, в 1921 г. был премьером.

Сикорский, Владислав, польск. генерал и полит. деятель, р. 1881 г., окончил политехникум во Львове, был офицером запаса австрийских войск. Во время войны вместе с Пилсудским принимал участие в организации польского легюна. При германской оккупации работал в Варшавском ген.-губернаторстве. В 1920 г. во время войны с Россией был команд. войсками. В 1921 г. был нач. ген. штаба и производил реорганизацию армии с помощью франц. инструкторов. В 1922—23 г.г. был премьер-министром и мин. внутр. дел. В 1924 г. вошел в качестве военного министра в каб. Грабского.

Симон (Simond), Анри, франц. публицист и полит. деятель, р. 1863 г., по образ. юрист, директор и главный редактор националистической „Echo de Paris“, был министром колоний в кабинете Клемансо в 1917—20 г.г. Во время Парижской мирной конференции 1919 г. выступал с притязаниями на передачу Франции всех германских колоний в Африке.

Симоно, Вальтер, германск. полит. деятель, р. 1861 г., юрист, служил в мин. юстиции, а затем в мин. иностр. дел. После революции—член Народн. партии. В 1919 г. был генер. комиссаром германск. мирной делегации в Версале. Отказавшись подписать договор и вышел в отставку. В 1920 г. вошел в кабинет Ференбаха в качестве мин. иностр. дел. Вел переговоры с Атлантой и представлял вместе с рейхскаанцлером Германию на конференции в Спа. Отказ С. принять ультиматум союзников в мае 1921 г. вызвал падение каб. Ференбаха. В 1922 г. С. назначен президентом имперского суда. В 1925 г. по, после смерти Эберта, был избран временно исполняющим обязанности президента республики.

Симоны-Семадам, Александр, венг. полит. деятель, р. 1864 г., был в 1920 г. премьер-министром после отставки Гуссага.

Скавениус: 1) Эрик, датск. полит. деятель, радикал, р. 1877 г., землевладелец, в 1906—08 г.г.—секретарь посольства в Берлине, в 1912—13 г.г.—посол в Берлине и Риме, был мин. иностр. дел в первом (1909—10 г.г.) и во втором (1913—20 г.г.) кабинетах Лале. Коммунист. депутатами риксдага был обвинен в оказании поддержки ген. Юденачу в действиях против сов. правительства.

2) Гаральд, дворянин, брат предыдущего, полит. деятель, консерватор, р. 1873 г., был секрет. посольства в Петербурге, Париже и Лондоне, послом в Петербурге в 1912 г. С 1920 по 1924 г.—мин. иностр. дел в кабинете Невгарда.

Семрунт, Константин, граф, польск. дипломат, р. 1806 г. в семье крупного литовского помещика в Гродненск. губ., был членом Гос. Совета по выборам (см. XIII, прил., 737). Во время войны примкнул в польскому национальному комитету в Париже, был его представителем в Риме и в 1919 г. послом. В 1921 г., после отставки Самега, сделался мин. иностр. дел в каб. Витоса и представлял Польшу на Гегуэвской конференции, где, между прочим, выступал с протестом против заключения Рупинского договора между Германией и сов. Россией. Его политика в тешинском и виленьском вопросах вызвала сильные нападки со стороны левой части сейма, однако С. оокранил свой пост и в кабинете Пониковского. В ноябре 1922 г. назначен послом в Лондон. Был после того недолгое время мин. иностр. дел в каб. Грабского 1923—24 г. С.—безопаснейший, но близок к национал-демократам.

Семудис, Стефанос, греч. полит. деятель, р. 1836 г., был банкиром в Константинополе, в 1916 г. после отставки Займиса сделался мин.-президентом. Пытался сохранить нейтралитет Греции, но должен был выйти в отставку под давлением Антанты в 1916 г. (см. ниже, XLVII—Греция).

Семудынский, Леопольд, польск. полит. деятель, лидер Народн.-народного объединения, в 1919 г. был премьером, в 1920 г.—мин. внутр. дел в кабинете Витоса. Издатель „Kurjer Lodzski“.

Скинзувский (Skizuwski), Александр, граф, польск. дипломат, в 1918 г.—посол в Бухаресте, в 1922 г.—мин. иностр. дел в каб. Сикорского, в 1924 г. оменял на посту мин. иностр. дел Замой-

ского, ушедшего в отставку после поражения нации. блока во Франции. Представитель Польши в Лиге Наций. Нап.: „Poland and Peace“ (1923).

Славинский, Артур, польск. писатель, историк и полит. деятель, редактировал польск. газету в Кяеве. Во время германок. оккупации был вице-презид. Варшавы. В 1922 г. во время министерского кризиса, вызванного избранием Корфанти премьером (см. Корфанти), по предложению Пилсудского составил кабинет, но не получил волею доверия у правого большинства сейма.

Сметона, А., литовск. полит. деятель, в 1918 г. входил в состав директории, образов. из 3-х лиц, в 1919 г. был избран литовским гос. советом („Тарбай“) в президенты. В 1920 г. вышел в отставку.

Сметс (Smuts), Ян Христиан, южно-африканский полит. деятель, р. 1870 г., был адвокатом, во время бурской войны сражался в рядах буров, после примирения с совершившимся фактом присоединения бурских колоний в Англию, перешел к South African Party и при образовании федерального правительства явился правой рукой Боты в качестве мин. внутр. дел, горного дела и обороны. Во время мировой войны он был горячим сторонником поддержки Англии, участвовал в военных действиях в юго-зап. Африке и был главнокоманд. всех сил, направленных против Германской Вост. Африки; в 1916 г. он был представителем Ю. Африки в Великобританском военном кабинете. Был вместе с Ботой делегатом Южно-Африканского Союза на мирной конференции в Париже и явился одним из инициаторов системы мандатов и создания Лиги Наций. После смерти Боты в 1919 г. С. сделался его преемником и стал во главе правительства Южно-Африканск. федерации. После победы националистов на выборах 1924 г. вышел в отставку.

Смит (Smith), Фредрик Джинс, см. Беркенгед.
Сноуден (Snowden), 1) Фалин, англ. полит. деятель, р. 1884 г., был колледж чиновником, вышел в отставку и занялся журналистской и лекторством, примкнул к социалистическому движению, был в 1906 г. избран в парламент в качестве кандидата Независимой рабочей партии, в 1908—06 и 1917—19 г. был ее председателем; в кабинете Макдональда в 1924 г. занимал должность канцлера казначейства. С.—главный теоретик Рабочей партии. Нап.: „The Socialist Budget“ (1907), „Socialism and Syndicalism“ (1913), „Socialism and the Drink Question“ (1908), „The Living Wage“ (1912), „Labour and National Finance“ (1920), „Labour and the new World“ „Wages and Prices“ (1920), „If Labor rules“ (1923) и др.

2) Этель, жена предыдущего, публицистка и полит. деятельница, принадлежит к правому крылу Рабочей партии, в 1920 г. после посещения сов. России выпустила направленную против нее книгу „Through Bolshevik Russia“ (1920). Нап.: „The feminist Movement“ (1918), „A political Pilgrim in Europe“ и др.

Солсбери (Salisbury), Джесс Эдуард, маркиз, англ. полит. деятель, р. 1861 г., сын известного полит. деятеля Роберта Артура С. (см. XL, 115), окончил Оксфордский университет, в 1885 г. избран впервые в парламент (консерватор), в 1903—05 г. г. был лорд—хранителем тайной печати, в 1908 г.—презид. бюро промышленности, в 1922—23 г. г.—лорд-президентом совета в каб. Бонара Ло и Болдуина. В ноябре 1924 г. вошел в новое правительство Болдуина в качестве лорд-хранителя тайной печати.

Сонинин, Сидней, барон, итальянск. полит. деятель (см. XI, 187), оставался мин. иностр. дел в кабинетах Везелли и Орландо до 1919 г. Первоначально сторонник союза с Германией и Австрией, С., с конца 1914 г. выступил в пользу вмешательства Италии в войну на стороне Антанты. После войны был членом итальянской мирной делегации. Вышел в отставку вместе с кабинетом Орландо, главным вследствие неудачи мирных переговоров. Ум. в 1922 г.

Стамболинский, Александр, болгарск. полит. деятель, р. 1879 г., с 1908 г. был депутатом и стоял во главе крестьянской партии, находившейся в резкой оппозиции к царю Фердинанду. В 1915 г., за оскорбление царя и за угрозы по его адресу, он был приговорен к пожизненному тюремному заключению. Освобожденный из тюрьмы после поражения Болгарии в конце 1918 г., он сделался мин. обще-

ственных работ в кабинете Тодорова, а в 1919 г.—мин. президентом и мин. иностр. дел, принял условия союзников и подписал в ноябре 1919 г. мирный договор в Нейи. Кабинет С. сперва имел коалиционный характер, а с 1920 г. состоял из одних его сторонников, располагавших большинством в палате. Фактически С. распорядил диктаторской властью и провел широкие аграрные и другие реформы в интересах крупного крестьянства (см. XLVI, 576—77). В 1923 г. он был свергнут путем военного заговора и убит. См. ниже, XLVII—Болгария.

Стаунайн, Теодор, датский полит. деятель, по профессии сортпирщик сигар, лидер соц.-дем. партии, реформист. Во время войны входил в коалиционные министерства и в 1924 г. после победы соц.-дем. на апрельских парламентских выборах сделался премьером и мин. торговли и промышленности. В 1917 г. принимал участие в Стокгольмской конференции. Видный деятель II Интернационала, после объединения Гамбургского конгресса в 1923 г. он был избран членом Бюро; вышел из него в апр. 1924 г., когда сделался премьером.

Сталь-Мейтланд (Steel-Maitland), Арчер, англ. полит. деятель, р. 1876 г., получ. классич. образование, с 1910 г.—член парламента (консерватор), в 1911 г.—председ. партии, был тов. мин. инстр. дел и парлам. секр. мин. торговли и промышленности. В 1924 г. вошел в кабинет Болдуина в качестве мин. труда. Нап.: „Report on Relation of Industrial and Sanitary Conditions to Pauperism“ и др.

Станжис, Гуго, крупный герм. предприниматель, р. 1870 г., изучал горное дело, работал сперва в чужих предприятиях, основал в 1893 г. свою собственную фирму с капиталом всего в 50 тыс. марок. Постепенно его предприятия распространились на всю тяжелую, промышленность и образовали колоссальный „концерн“, в 1921 г. насчитывавший 1340 предприятий (в т. ч. 290 фабрик, 230 угольн. шахт, 86 железн. рудников, 190 транспортн. предприятий, 285 предпр. по добыванию электрич. энергии, 160 банков, торгов. о-в), в которых было занято около 600.000 рабочих. С 1920 г. был депутатом рейхстага (принадлежал к Народной партии), скупил много газет (в том числе „Deutsche Allgemeine Zeitung“) и пользовался громадным влиянием на всю политическую жизнь страны, не выходясь сам, однако, на ответственные посты. Ум. в 1924 г. После его смерти, в связи с переходом Германии на твердую валюту, дела концерна сильно пошатнулись.

Стальберг (Stahlberg), Каарло Юхо, финск. полит. деятель, правый демократ, р. 1865 г., профессор, в 1918—24 г. г.—президент финляндской республики.

Стульцинский, А., литовск. полит. деятель, в 1920 г.—президент Учр. Собрания, был избран временным, а с 1922 г. постоянн. президентом литовск. республики.

Стурцо, Луиджи, итальянск. полит. деятель, р. 1871 г., сицилийский втянецки; рано отдался политическ. деятельности, первоначально занимался вопросами внутреннего управления, организацией деревенских кас и католических кооперативов. После войны с большой энергией и искусством организовал необычайно быстро развившуюся клерикальную партию „Partito popolare“, выдвинувшую программу земельных реформ и получившую уже на выборах 1919 г. сто мандатов. Партия опирается на крестьянство и мелкую буржуазию и находится в оппозиции к фашистскому правительству. В 1923 г. под давлением Муссолини С. должен был покинуть пост ген. секретаря партии, и на его место был избран директорат из 3-х лиц. Основанный им „Popolo“ с 1923 г.—центр. орган партии, вместо прежнего „Corriere d'Italia“, перешедшего на сторону правительства.

Стэг (Steeg), Жюль, франц. полит. деятель, р. 1868 г., был адвокатом и проф. философии, редактором „La France de Bordeaux“ и др., в 1904—14 г. г.—депутат (радикал-социалист), затем—сенатор. В 1911—13 г. г.—мин. просвещения в кабинетах Мониса, Каю и Бруна, в 1917 г.—мин. проsv. в каб. Рибо и в 1919—20 г. г.—мин. внутр. дел в каб. Миллерана и Лейта. С 1921 г.—ген.-губернатор Алжира. В 1925 г. вошел в кабинет Пенлеве в качестве мин. юстиции.

Сузуки, Бундзи, деятель японск. профес. движения, в 1912 г. основал „Нипон-Родо-Соломей“—организацию, объединяющую японские профсоюзы. В 1924 г. избран делегатом Японии в Международное бюро труда при Лиге Наций.

Сун-Чао-Чин, китайск. полит. деятель, р. 1867 г., в 1902 г. был послом во Францию, в 1907—08 гг.—в Германию, 1909—11 гг.—губернатор Шаньдуня, в 1918 г.—глава директор налогового совета, в 1916 г. мнх. финансов, в 1924 г. был премьером. Принадлежит к чжилийской партии.

Сун-Ят-Сен, китайск. полит. деятель, р. 1867 г. на юге Китая, отец его был христианин, и сам он получил полупервоевропейское образование в медицинском колледже в Гонконге; врачебной практикой он занимался мало и целиком отдался политической деятельности. Он организовал, поставившей своей задачей свержение маньчжурской династии, о-во возрождения Китая, которое стало вскоре пропаганду в армии. Заговор вскоре был раскрыт, и в 1895 г. С. должен был бежать за границу и оттуда стал руководить антидинастическим движением, ведя пропаганду среди китайцев, живущих в Японии, Америке, английских колониях и в омовой Англии; особенно возмущало его популярность после неудачной попытки китайского правительства похитить его из Лондона и доставить в Китай. Когда началась революция в Китае в 1911 г., он вернулся на родину, и национальное собрание в Шанхае избрало его временным президентом республики; в 1912 г., не находя поддержки у иностранцев держав, отказавшихся поддержать его заем, он должен был отказаться от своих полномочий в пользу Юан-Ши-Кая и принял пост директора национальных железных дорог в Шанхае, но вскоре поднял против него восстание, кончавшееся неудачей, после чего он бежал в Японию. С 1917 г. ему удалось окончательно организовать „народно-революционную партию“—гоминдай, и он возобновил на юге Китая борьбу против пекинского правительства, и в 1921 г. кантонский парламент провозгласил самостоятельность Южно-Китайской республики и избрал С. ее президентом. В 1922 г. он потерпел поражение и должен был отказаться от власти, но через некоторое время опять возобновил борьбу, став во главе кантонского правительства (см. ниже, XLVII.—*Kumai*). Контр-революционное восстание „бумажных тигров“ вызвало сильный сдвиг влево С. и его партии, он приступил к организации революционной армии и выдвинул программу радикальных крестьянских и рабочих реформ. Ум. в 1926 г. Перед смертью оставил политическое завещание, в кот. поручал своей партии быть в контакте с правительством Сов. России и продолжать дело возрождения Китая. Нап.: „Капиталистическое развитие Китая“ (р. пер. 1925).

Суэлье (Swales), Алонзо Бьюмонт, о 1924 г.—председ. ген. совета британских тред-юнионов, р. 1870 г., рабочий-машинист, примыкает к левому крылу Рабочей партии.

Сфорна, Карло, граф, итальянск. дипломат, р. 1872 г., о 1919 г.—сенатор, в 1920—21 г. был мнх. иностр. дел, заключил о Юго-Славией Рапалльский договор в 1920 г., принял участие в разрешении вопроса о Верхней Силезии Лигой Наций, в 1922 г.—посол в Париже.

Такахаши, Корекию, виконт, японск. полит. деятель, член партии Сейюкай, в 1912—13 гг. был мнх. финансов в кабинете Катсуры, в 1915 г.—президент законодательной палаты, в 1918 г.—мнх. финансов в кабинете Хара, после убийства которого стал в ноябре 1921 г. мнх.-президентом. Вышел в отставку в 1922 г. В 1924 г. занял пост министра земледелия в кабинете вииконта Като.

Талаат-паша, Мехмед, турецк. полит. деятель, р. 1874 г., был телеграфным чиновником, принадлежал к числу главных участников младотурецкого движения; когда м. адютанты стали у власти, Т. неоднократно был мнх. внутр. дел., а в 1917—18 гг.—великим визирем; после поражения Турция на войне, он бежал в Берлин и там был убит в 1921 г. студентами—армянами.

Тардьё, (Tardieu), Анри, франц. полит. деятель, публицист (псевд.—*Жорж Вильё*), р. 1876 г., мнх. „Ecole normale supérieure“, был аташе в Берлине в 1897 г., секретарем министерства Валь-

дека-Руссо в 1899—902 гг., после того занялся публицистической деятельностью, редактируя иностранный отдел в „Temps“ и состоя редактором „Revue de deux Mondes“; был также профессором в „Ecole des sciences politiques“. В 1914 г. избран депутатом (Républicains de gauche), в 1917 г. был франц. верх. комиссаром в Соед. Штатах, в 1918—20 гг.—министром освобожденных областей во втором кабинете Клемансо. В 1919 г. Т., в качестве франц. делегата на мирной конференции, принимал участие в выработке условий Версальского мира. С 1921 г. он состоит руководителем патриотического органа Клемансо „Echo National“, резко выступая против малейших попыток изменения Версальского договора, обвиняя даже Пуанкаре в недостаточной энергичной политике. Нап.: „La conférence d'Algéciras“ (1908), „La France et les alliances“ (1910), „Le mystère d'Agadir“ (1912), „La paix“ (1921) и др. **Тифт**, Уильям Говард, америк. полит. деятель, правый республиканец, р. 1857 г., был профессором права университета в Пеннсилвании, потом—губернатором Филиппинских о-вов, в 1904—08 гг., при Рузвельте—военн. министром; в 1908 г., будучи кандидатом республиканской партии, был избран президентом Соед. Штатов, что привело к конфликту между ним и Рузвельтом; в 1912 г. вновь выставил свою кандидатуру, но потерпел поражение; в 1921 г. назначен верховным судьей. Нап.: „Popular Government“ (1913), „The United States and Peace“ (1914), „The Presidency: its Duties, its Powers, its Opportunities and its Limitations“ (1916) и др.

Тевфик-паша, Ахмед, турецк. полит. деятель, р. 1858 г., служил в армии, потом, с 1882 г., перешел на диплом. службу, был послом в Австрию и Берлине, в 1909 г. сделался мнх. иностр. дел и затем вел. визирем, в 1910 г. был послом в Лондоне, в 1918—19 и в 1920—22 гг. был снова вел. визирем.

Тельман, Пауль, граф, венг. полит. деятель, р. 1879 г., был директором Географического института, в 1905—11 г.—членом палаты депутатов, сначала диссидент, а потом в конституц. партии. Во время войны был во главе департамента обеспечения. В 1919 г. участвовал в контр-революционном сегодншском правительстве Ю. Карольи; позднее представлял Венгрию на конференции в Нейи. Был избран от христианской партии в Нац. Собрание и в 1920 г. входил в качестве мнх. иностр. дел в кабинет Симоньи-Семадама, а после отставки его сам стал во главе правительства и оставался премьером до середины 1921 г. Нап.: „The Evolution of Hungary“ (1923).

Тельманн (Thälmann), Эрнст, германск. полит. деятель, р. 1886 г., работал в качестве транспортного рабочего, докера, моряка, затем служил в бюро труда, в 1903 г. вступил в соц.-дем. партию, во время войны примкнул к независимым; призванный в армию, вел там антиимпериалистскую агитацию, был арестован и освобожден в ноябре 1918 г. По выходе на свободу вступил в ряды „Спартак“ и с ним вошел в коммунистическую партию. Состоял председателем партии в Гамбурге и членом гамбургского Bürgerschaft'a (с 1919 г.), о 1924 г.—депутат рейхстага, о 1923 г.—член центр. коммунист. партии и члн президиума Исполкома Коминтерна. На президентских выборах 1925 г. был выставлен кандидатом от коммунист. партии.

Теунис (Theunis), Жорж, бельг. полит. деятель, р. 1873 г., был командант Намюра, окончил военную академию и после того служил офицером в инженерных войсках. Затем оставил военную службу и занялся коммерческой деятельностью. В мировую войну руководил закупками для армии в Лондоне. В 1919 г. входил в состав репарационной комиссии, о 1920 г. был министром финансов в кабинете Картона де Вилара, а в 1921 г. сделался премьером. В 1924 г. он произвел реорганизацию своего кабинета, а в 1925 г. вышел в отставку. Т. принадлежит к католической партии, но не является политическим деятелем с ярко выраженной партийной окраской.

Тиллетт (Tillet), Бенжамен, англ. работ. деятель, р. 1860 г., начал работать с 8 лет на кирпичном заводе, затем был в течение многих лет матросом, организовал союз докеров, в 1887 г. сделался его секрет. и руководил исторической забастовкой 1889 г., был одним из организаторов Нац. федерал.

транспортн. рабочих, Нац. федерац. чернорабочих, Международной федер. транспортных рабочих и Независимой рабочей партии (в 1893 г.), от которой в 1817 г. был выбран в парламент. Во время войны занимал патристическую позицию, теперь примыкает к левому крылу английской проф. движения. В 1924 г. был членом британской делегации трудящихся в СССР. Нап.: „A Brief History of the Dockers Union“ (1910), „A History of the London Transport Workers, Strike“ (1911), „State and Individualism“, „Christ and Labour“.

Тирини, Альфред фон, см. XLVI—*Военные деятели эпохи мировой войны, 391—392*.

Тисса (Tisza), Стефан, граф, венгерск. полит. деятель, сын известного в свое время политика *Коломана Т.*, р. 1861 г., с 1886 г. был депутатом, в 1908—05 г.г.—мин.-президентом, в 1912 г. был избран председателем палаты депутатов и прославился крутыми мерами борьбы против парламентской obstruction, в результате которых на него в стенах же парламента было произведено покушение; в 1913 г. был вновь назначен мин. президентом; в 1914 г. был противником войны, но когда война началась, всячески содействовал ее успешному ведению; в 1917 г. вышел в отставку; в первые дни революции был убит толики. Нап.: „Von Sadova nach Sedan“ (1916).

Титтони, Томмазо, итальянск. полит. деятель, р. 1855 г., с 1886 г. был депутатом от Рима (правый центр), в 1897 г. был назначен префектом Перуджи, в 1902 г.—префектом Неаполя, с 1902 г.—сенатор, в 1903—05 г.г. министр иностр. дел, потом, короткое время—посол в Лондоне и в 1906—08 г.г.— вновь мин. иностр. дел; в 1910—18 г.г. был послом в Париже, а в 1919 г. в третий раз занял пост мин. иностр. дел в кабинете Ницци и вместе с тем был первым делегатом Италии на Парижской мирной конференции; в ноябре 1919 г. вышел в отставку, вслед затем сделавшись президентом сената, но вскоре по болезни отказался и от этой должности. Нап.: „Sei anni di politica estera, 1903—09“ (1912), „Modern Italy“ (1923).

Толлер, Эрнст, германск. писатель и полит. деятель, р. 1893 г., принадлежал к независимым с.-д., во время революции в Баварии был вице-президентом центрального совета рабочих, крестьянск. и солдатских депутатов, а в 1918 г.—членом врем. правительства Баварской советской республики; после падения советской власти в Баварию был приговорен к 5 годам тюремного заключения, в 1921 г. избран в баварский ландтаг, в 1924 г. освобожден из тюрьмы. Нап. драмы: „Die Wandlung“ (1919), „Masse Mensch“ (1920), „Die Maschinenstürmer“ (1923) и др. и сборник стихотворений „Gedichte der Gefangenen“.

Томас (Thomas), Альбер, франц. полит. деятель, р. 1878 г., окончил École normale supérieure, историк, социалст.-реформист, был учеником Ж. Гелла, сотрудничал в „L'Humanité“ и „La Revue Syndicaliste“, в 1910 г. был избран в палату депутатов, во время войны входил в министерство Бриана и Рибо в качестве министра вооружений, в 1917 г. приехал в Россию для агитации в пользу продолжения войны, с 1920 г.—директор Международного бюро труда при Лиге Наций. Автор ряда работ по социализму, профес. движению и кооперации. Нап.: „История второй Империи“ для издательства Жеросом серица „Социалст. история Франции“ (р. пер. 1907 г.).

Томас (Thomas), Дэвид Альфред, см. *Ронда*.

2) **Джемо Генри**, англ. полит. деятель, р. 1878 г., железнодорожный рабочий, деятельный участник профессионального движения, реформист, был ген. секр. союза железнодорожников, много сделал для создания „трояственного союза“ углекопов, транспортн. рабочих и железнодорожников, он же является ответственным за расхождение этого союза 15 апр. 1921 г. („черная пятница“), последовавшее вследствие отказа железнодорожников и транспортников поддерживать бастующих углекопов, в 1910 г. он был избран в парламент, где принадлежит к Рабочей партии (правое крыло), в 1924 г. в каб. Макдональда был мин. колоний. Нап.: „When Labour rules“ (1920).

Томсон (Thomson), Гастон, франц. полит. деятель, р. 1848 г., публицист, редактор, совместно с Гамбеттой „République Française“, депутат, поддерживал колониальную политику Ферри, в 1906—

06 г.г.—морск. министр, в 1914—15 г.г.—мин. торговли в каб. Визаньи.

Траммель (Tranmæel), Мартин, норвежск. рабочий деятель, жил в Америке, работал в рядах „Industrial Workers of the World“, был редактором органа норвежской коммунист. партии „Socialdemokratien“ и член. центр. комит. В 1923 г. вышел из ком. партии, организовыв норвежскую рабочую партию, от которой был выбран депутатом в стортинг.

Тревелиян (Trevelyan), Чарльз Филипп, англ. полит. деятель, сын известного политика *Джорджа Отто Т.*, одного из ближайших сотрудников Гладстона, р. 1870 г., оконч. Тринити колледж в Кембридже, вступил в парламент в 1899 г. (Либерал), в 1 08—14 г.г. был парламентским секрет. министр. народн. просвещ., но в 1914 г. вышел в отставку, будучи противником войны, и вошел в „Union of Democratic Control“, а в конце войны вступил в Рабочую партию. В 1924 г. он занял в кабинете Макдональда должность мин. народн. просвещ. Нап.: „From Liberalism to Labour“.

Треггер (Trugger), Эрнст, шведск. полит. деятель, лидер консерваторов, р. 1857 г., с 1889 г.— профессор права в Упсальском университете, в 1886—87 г.г.—советник Юстиции. После того занимался преподавательской деятельностью, а затем отдался политике. В 1923—24 г.г. был премьером.

Тримборг, Карл, германск. полит. деятель, р. 1864 г., юрист, в 1896—1918 г.г. и с 1920 г.—депут. рейхстага, лидер партии центра после Гребера. Во время войны работал в администрации оккупированной Бельгии. Входил в каб. Макса Баденского в качестве мин. внутр. дел. Ум. в 1921 г.

Трольстра (Troelstra), Питер, нидерл. полит. деятель, р. 1860 г., адвокат, был членом соц.-дем. федерации, из которой вышел в 1894 г. и основал соц.-дем. рабочую партию. С тех пор—постоянный лидер партии в парламенте. Принимал близкое участие в работе II Интернационала, входя в его Бюро. Вел, окончившуюся расколом, борьбу с левым крылом партии А. Паннекуком, Г. Роланд-Гольст и др. (см. XXII, прил., 186). Был редактором партийн. органа „Het Volk“. В 1925 г. по болезни отстранился от полит. деятельности. Нап.: „Politische Aufgaben der Sozialistischen Internationale“ (1919).

Трумбич, Анте, юго-слав. полит. деятель, был адвокатом в Далмации и мэром г. Спалато, играл руководящую роль в национальном хорватском движении и в 1905 г. был одним из авторов т. н. „Фрумской резолюции“, требовавшей от венгерского правительства политических реформ. Во время войны Т. был организатором заграночного юго-славского национального комитета, находившегося сначала в Риме, а затем, в связи с недружелюбным отношением правительства Соннино-Саландра, перенесшего свою деятельность в Париж и Лондон. 20 июля 1917 г. Т. подписал вместе с сербским премьером Пашичем на о-ве Корфу соглашение о создании сербо-хорватско-славянского государства. В дек. 1918 г. он вошел в первое юго-славское правительство Протича в качестве мин. иностр. дел и представлял Юго-Славию на мирной конференции в Париже. В 1921 г. вышел в отставку.

Туан-Ши-Джуй (Туан-Цзи-Чжуй), китайск. полит. деятель, генерал, вождь, поддерживавшейся ранее Японией партией Анфу (провинц. Анхуй и Фукиен), в 1912—18 г.г. был военн. министром при Юан-Ши-Кае и принимал участие в действиях против Сун-Ят-Сена, в 1916 г. был премьером, но разошедшись с президентом Ли-Юан-Хуном, не желавшим активной вмешательства Китая в войну, вынужден был выйти в отставку; в 1917 г. выступил, при поддержке сев. тучунов (военных губернаторов) против произшедшего монархический переворот Чжан-Суня и сделался снова премьером, располагая фактически диктаторскую власть; опозиция со стороны гоминдана вынудила его искать поддержки у иностранных держав, и таковая была им получена взамен объявления войн Германии (1 Авг. 1917 г.); после этого, несмотря на противодействие президента Фен-Куо-Чжана пытался вести наступление против южных провинций, в марте 1918 г. он заключил военное соглашение с Японией, в 1920 г. был свергнут жинлидами. В 1924 г. после переворота Фэн-Юэ-Сяна

сделался временным правителем Китая (см. ниже, XLVII—*Vитай*).

Тугуш, Станислав, польск. полит. деятель, лидер „Выволоки“—левого крыла польск. крестьянск. партии. В 1924 г. вступил в качестве вице-премьера в кабинет Грабского. В мае 1925 г. вышел в отставку.

Турати, Филиппо, итальянск. полит. деятель, социалист, р. 1857 г., по образованию юрист, занимаясь литературной деятельностью, писал по вопросам социологии. Издавал социалистич. журналы и газеты. В 1892 г. вместе со своей женой А. Кулешевой и Э. Ферри основал „Partito dei Lavoratori Italiani“, которая в след. году вместе с „Partito Operaio“ слилась в итальянск. социалистическую партию. В 1896 г. Т. был избран в палату депутатов. В 1898 г. за участие в голодных бунтах был приговорен военным судом к 12 годам заключения. В 1903 г. был освобожден и вернулся к полит. деятельности. В годы войны, как и вся партия, стоял за сохранение нейтралитета. На состоявшихся после войны съездах партии в Болонье (1919), Ливорно (январь 1921), Милане (окт. 1921), Т. возглавлял крайнее правое, реформистское крыло, отвергавшее решительно диктатуру пролетариата и сближение с Коминтерном. Состоит редактором „La Giustizia“.

Угасар, Властимил, чехословацк. полит. деятель, р. 1877 г., б. банковск. служащий, лидер чешских социал-демократов, был депутатом (и вице-президентом) австрийск. рейхсрата, в 1919—20 гг. стоял во главе двух коалиционных правительств Чехословакии, с 1921 г.—посол в Берлине. Ум. в 1924 г.

Ульшис, Лео, см. *Дюшес*.

Тьерри (Thierry), Жозеф, франц. полит. деятель, р. 1857 г., адвокат, депутат, в 1913 г.—мин. общ. работ в каб. Барту, в 1916 г.—тов. военн. мин., в 1917 г.—мин. финан. в каб. Рибо.

Удгест, (Oudgessi), Ян, деятель нидерланд. и международ. профес. движения, реформист, вместе с Лигнеюм (см.) один из основателей учрежденной на съезде в Цюрихе в 1913 г. Международной Федерации Профес. Союзов (Амстердамского Интернационала) и секретарь ее с самого ее основания.

Уильсон, Томас Уудроу, американск. ученый и полит. деятель (см. XLII, 87—88). В 1916 г.—президент на вторичный срок. Во время войны старался придерживаться нейтралитета, но применение Германией неограниченной подводной войны побудило Соед. Штаты объявить войну Германии. В январ. 1918 г. У. выставлял 14 пунктов, которые должны были, по его мысли, лечь в основу будущего мира, по с которыми, в действительности, реальные условия мирных договоров, заключенных после войны, мало имели общего (см. выше, XLVII—*Дипломатия и мировая война*). В 1919 г. он лично, вопреки существовавшей в Америке традиции, возглавлял делегацию С. Ш. на мирной конференции в Париже и являлся инициатором образования Лиги Наций. Но Лига Наций так же как и весь Версальский мирный договор, встретили в Соед. Штатах очень холодный прием и, в конце концов, договор не был ратифицирован, а к Лиге С. Ш. отказались примкнуть. По истечении срока президентских полномочий в 1921 г. У. отстранялся от активной политической деятельности. Ум. в 1924 г. Нав.: „The new freedom“ (1913), „On being human“ (1916), „International ideals“ (1919), „Addresses“ (1914), „The road away from revolution“ (1923).

Уитли (Wheatley), Джон, англ. полит. деятель, р. 1869 г., член Рабочей партии, представитель левого крыла, депутат парламента. В 1924 г. входил в кабинет Макдональда в качестве мин. здравоохранения. Выступил с радикальной программой разрешения жилищного кризиса, но должен был отказаться от ее проведения.

Ульманис, Карл, латв. полит. деятель, р. 1877 г., по образованию агроном, в 1905—13 гг. жил в Чикаго, издавая сол.хоз. газету „Some“. По возвращению на родину организовал лифляндское кооперативное о-во, которое послужило центром образования крестьянского союза, влиятельнейшей латвийск. полит. партии. При образовании республики в 1918 г. У. был избран мин.-президентом. С устареванием сов. власти в Риге он обосал в Либаве. После взятия Риги немецко-балтийскими войсками барона Мейттерля и провозглашения мин.

президентом пастора Неедры У. уехал в Ревель и, заручившись помощью Антанты (нежелавшей усиления Германии в Прибалтике) и эстонских войск, занял Ригу и изгнал Неедру. В 1921 г. латв. учредит. собранием премьером был избран Меревин, и У. вышел в отставку. Ныне он состоит лидером крестьянск. союза и сотрудником его органа „Brithwa Seme“.

Ульрих, Карл, германск. полит. деятель, р. 1853 г., был слесарем, с 1875 г.—редактор социалист. газет, подвергался админ. преслед., в 1886 г. по фрейбургскому процессу социалистов был приговорен вместе с Бебелем и Ауером к девятимесячн. заключению, в 1890—1903, в 1907—18 и с 1920 г.—депутат рейхстага (с.-д.). С 1919 г.—президент и премьер Гессела.

Ундервуд (Underwood), Оскар, америк. полит. деятель, р. 1862 г., адвокат, с 1895 г.—депутат конгресса от шт. Алабамы и в 1914—15 г.—предс. комитета „пути и средств“ (финансового). После победы демократов на выборах 1913 г. принимал участие в проведении либерального таможенного тарифа („Underwood Act“). С 1914 г.—сенатор, лидер демократич. партии в сенате (с 1920 г.); выступал в пользу ратификации Версальского договора, но встретил противодействие со стороны Лоджа. Был делегатом С. Ш. на Вашингтонской конференции по ограничению вооружений в 1921—22 гг.

Уолли (Walsh), Стефен, англ. полит. деятель, р. 1859 г., был углекопом, с 1906 г.—член парламента, принадлежит к Рабочей партии, был парламентск. секретарем мин. национ. служб в 1917 г. и бюро местного самоуправления в 1917—18 гг.; с 1922 г. был предс. Федерации углекопов; в 1924 г. занимал в кабинете Макдональда должность военн. министра.

Уорсингтон-Эванс (Worthington-Evans), Леминг, англ. полит. деятель, р. 1808 г., с 1910 г.—член парламента (консерватор), во время войны стоял во главе департамента внешней торговли, был затем предс. парламентской комиссии по военному снабжению, входил в коалиционный кабинет Ллойд-Джорджа сначала без портфеля, а затем (1921—22) в качестве военного министра, был представителем великобританского правительства при подписании соглашения с Ирландией, был членом британской делегации на Генуэзской конференции. В ноябре 1924 г. получил в кабинете Болдуна портфель военного министра.

У-Ией-Фу, китайск. полит. деятель, генерал, р. 1873 г., командовал бригадой, потом был губернатором (ду-дуню) центральных провинций, в 1917 г. принял участие в походе против произошедшего реставрацию Манчжурской династии Чжан-Суня, в 1920 г. выступил против Туан-Ши-Джуа и нанес его войскам решительное поражение; содействовал занятию президентского поста Цао-Кунем в 1923 г. и в 1924 г. принял участие на стороне пекинского правительства в его борьбе с аффицирами и Чжан-Цзо-Линном; вследствие перехода [Фан-Юй-Сяна на сторону последнего потерпел поражение и был изгнан вместе с Цао-Кунем из Пекина (см. ниже, XLVII—*Vитай*).

Ууд (Wood), Эдуард Фредрик, англ. полит. деятель, р. 1831 г., с 1910 г.—член парламента (консерватор), в 1921 г. был тов. мин. колоний в коалиционном правительстве, в 1922—23 гг. — министр просвещ. в кабинетах Болара Ло и Болдуна. В новом кабинете Болдуна (с ноября 1924 г.)—мин. земледелия и рыболовства.

Уэйд, Ясуяи, граф, японск. полит. деятель, р. 1865 г., юрист, занимал дипломатические посты, во время войны был послом в России; в 1918—22 гг.—мин. иностр. дел в кабинетах Хара и Тагакиши.

Уэбб (Webb), Сидней, англ. экономист и политический деятель (см. XLII, 838-9), в 1924 г. занимал в кабинете Макдональда должность министра промышленности и торговли (President of the Board of Trade). Из его позднейших работ нужно отметить: „A Constitution for the Socialist Commonwealth of Great Britain“ (1920), „The decay of Capitalist civilization“ (1923), написанные им вместе с женой Беатрисой У.

Уэджвуд (Wedgwood), Джозиа Клемент, англ. полит. деятель, р. 1872 г., с 1906 г.—член парламента, либерал, в 1919 г. примкнул к Рабочей партии, в

мировую войну командовал полком; был канцлером герцога Ланкастерского в каб. Мэдоуналда в 1924 г. **Нап.**: „Land Values: why and how they should be taxed“ (1907) и др.

Файсал, король Ирака (Месопотамия), третий сын б. короля Геджаса, Гуссейна. Как его отец и брат Абдулла — ставленник англичан; в 1918—19 г. поехал в Англию и в 1920 г. был сделан колонийным правителем Сирии; вел некоторое время удачные военные действия против французов, но вскоре был разбит. В 1921 г. провозглашен королем английской мандатной области — Ирака.

Фаста (Fasta), Лунджи, итальян. полит. деятель, р. 1861 г., адвокат, с 1892 г. — депутат, с 1911 г. был несколько раз мин. финансов, в 1922 г. был назначен премьером и мин. внутр. дел; но в том же году свергнут фашистами (см. ниже, XLVII — Италия). Был председателем на Генуэзской конференции.

Фальер (Fallières), Арман, франц. полит. деятель (см. в тексте).

Федерцони, Лунджи, итальян. полит. деятель, лидер националистов, в 1922—24 г.г. — мин. колоний в кабинете Муссолини, с 1925 г. — мин. внутр. дел.

Фок-Куо-Тшан, китайск. полит. деятель, в 1916 г. был вице-президентом, в 1917 г. при поддержке тогдашнего премьера Туан-Ши-Джуя, которому он, командуя армией в Нанкине, оказал поддержку при свержении Чжан-Суэя (см.) и с которым он сходилась в вопросе о необходимости объявления войны Германии, сделавшись президентом республики, в 1918 г. ушел в отставку вследствие разногласий с Туан-Ши-Джюем, требовавшим решительных действий против южных провинций.

Фердинанд, 1) быв. царь болгарский, см. в тексте.

2) король румынский, см. в тексте.

Ференбах (Fehrenbach), Константин, германск. полит. деятель, р. 1854 г., адвокат, член баденского ландтага и его президент в 1907—09 г.г., с 1903 г. — депутат рейхстага (левое крыло центра), в июне 1918 г. — его президент. В 1919 г. избран в Нап. Собрание и выбран его председателем. В 1920—21 г.г. после каппелловского путча сделавшись рейхсканцлером, сформировал первый после революции кабинет без участия соц.-демократов. Вел вместе с Самовсом переговоры на конференции в Спа. Отказавшись в 1921 г. принять лондонский ультиматум союзников и выйти в отставку, уступив место „кабинету выполнения“ Вирта.

Ферстер (Förster), Фридрих-Вильгельм, германск. ученый и полит. деятель, р. 1869 г., профессор философии в Мюнхене; нацист, резко выступил против войны, вследствие чего ему пришлось оставить университет. После революции был назначен К. Эйснером баварским посланником в Швейцарию. Германскими пацифистскими кругами выдвигался на пост президента. **Нап.**: „Politische Ethik und politische Pädagogik“ (1919), „Weltpolitik und Weltgewissen“, „Mein Kampf gegen das militaristische und nationalitische Deutschland“ (1920) и др.

Фетхи-бей, турецк. полит. деятель, р. 1877 г., был офиц. ген. штаба, участвовал в балканск. войне; в 1918 г. — один из вождей младотурецкого движения, организатор прогрессивной фракции; был председателем миджеллиса. Принимал участие в национальном движении и в 1921 г. был комиссаром внутр. дел аягдорского правительства. В 1924 г. после отставки Исмета-паша сделавшись турецким премьером и был одним из инициаторов уничтожения халифата. В марте 1925 г., в связи с контр-революционными восстаниями в восточных вилайетах, вышел в отставку, уступив место более радикальному кабинету Исмета.

Филиппеску, Николай, румынск. полит. деятель, р. 1861 г., крупн. землевладелец, был неск. раз министром, основал вместе с Т. Ионеску консервативно-демократическую партию. Ум. в 1916 г. Его сын, **Трегор Ф.**, был в 1918 г. мин. внутр. дел.

Филиппович, Филипп, юго-славский полит. деятель, коммунист, секретарь центр. комит. партии, р. 1879 г., профессор, образование получил в России и здесь принимал участие в студенческих революционных кружках. После войны был одним из организаторов юго-славской ком. партии. В 1921 г. после покушения на короля (тогда регента) Ате-

ксандра был приговорен к двум годам тюремного заключения. В 1923 г. выпущен на свободу.

Филиппен, Эдо, деятель голландского и международного рабочего движения, секретарь международной федерации транспортников и представитель ее в ген. совете Амстердамского объединения проф. союзов, секретарем которого он состоял одно время. Был противником Профитерна, но в 1923 г. изменил свою точку зрения и стал поддерживать соглашение с русскими проф. союзами. В 1924 г. посетил СССР. **Нап.**: „Labor's alternative“ (1924).

Фишер (Fischer), Рут, герман. полит. деятельница, р. 1896 г. в Лейпциге, изучала филос. и полит. экономию в Венском университете, в 1914 г. примкнула к югосоциальному социалст. движению, во время войны вступила в соц.-дем. партию, а в ноябре 1918 г. в австрийск. коммунист. партию. В 1920 г. переехала в Германию. С 1923 г. — в центр. комит. германск. коммунист. партии; принимала в левом крыле. В мае 1924 г. избрана в рейхстаг и вошла в президиум ком. фракции. На V конгрессе Коминтерна выступала против Брандлера, отстаивая точку зрения большинства; была избрана кандидатом в члены президиума Исполкома Коминтерна. Автор многочисленных статей в партийной прессе.

Фишер (Fisher), 1) Герберт, англ. писатель и полит. деятель, р. 1865 г., был преподавателем истории в Оксфордском универ. В 1918—22 г. занимал пост мин. просвещ. в каб. Ллойд-Джорджа. В 1918 г. им проведена реформа школы (Education Act), значительно расширившая продолжительность школьного обучения (обязательное обучение до 14 лет и обязательное посещение дополнительных классов в течение 280 часов в год, в дневные часы, до 18 лет). **Нап.**: „A Political History of England“ (1906), „The Republican Tradition in Europe“ (1911), „Napoleon Bonaparte“ (1913) и др.

2) Джон, см. XLVI — Военные деятели, 416.

3) Эдвард, австрал. полит. деятель, р. 1863 г. в Шотландии, был углекопом, потом эмигрировал в Австралию. Здесь он занялся политикой, был избран в федеральный парламент, принадлежал к Рабочей партии и в 1907 г. стал лидером этой партии; в 1908, 1910—13 и 1914—15 г.г. был премьером и во время войны содействовал оказанию поддержки Англии со стороны колоний. В 1915 г. был назначен верховным комиссаром Австралии в Англию. В 1921 г. вышел в отставку.

Фолл (Fall), Альберт Бекон, америк. политич. деятель, республиканец, р. 1881 г., юрист, был прокурором в Н. Мексике, в 1912—21 г.г. — сенатор, в 1921—23 г.г. — мин. внутр. дел при Гардинге. В 1924 г. при сенатском расследовании дела о сдаче нефтяных концессий Г. Синклеру оказался скомпрометированным.

Фор (Faure), Поль, франц. полит. деятель, социалист, р. в 1878 г., журналист, в 1901 г. вступил в основанную Гедом Рабочую партию, в 1904 г. был муницип. советником и мэром Грийболя, в 1906 г. основал газету „Le travailleur du Périgord“. Во время войны разошелся с Гедом, занявшим оборонческую позицию, и вместе с Ж. Лонге был лидером лево-революционной группы, издававшей „Le Populaire“. После раскола на Турском конгрессе в дек. 1920 г. сделавшись секретарем социалист. партии и главн. редактором „Le Populaire“, один из видных деятелей II Интернационала. **Нап.**: „Le Bolchevisme français“, „La scission socialiste“ и др.

Форд, Гарри, америк. промышленник, р. 1863 г., получил только начальное образование и начал свою жизненную карьеру простым рабочим. Ознакомившись самоучкой с механикой, он сделал некоторые весьма существенные улучшения в конструкции автомобилей, сумел заинтересовать в своих предпринятиях капиталистов и основал с их помощью самостоятельную фирму, которая скоро стала самым крупным автомобильным заводом в мире и выпустила в 1920 г. миллион автомобилей. Во время войны он организовал экскурсию в Европу для агитации в пользу мира, когда же Соед. Штаты вступили в войну, занялся постройкой подводных лодок и танков. В 1918 г. он выступил демократическим кандидатом в сенат от штата Мичиган, но потерпел поражение. После войны он передал свои автомобильные заводы сыну, а сам занялся изготовлением

тракторов. Ф. состоит руководителем лиги „Youngmen Christian Association“ и издателем антисемитского журнала „Dearborn Independent“. Написал перев. на русск. яз. автобиогр. „Моя жизнь и достижения“.

Фостер, Уильям, американ. полит. деятель. р. 1881 г., железнодорожный рабочий, деятельный участник профес. движения, находился в рядах „Industrial Workers of the World“. В 1919 г. руководил крупной забастовкой сталелитейных рабочих; в 1920 г. основал „Trade Union Educational League“, группирующую вокруг себя левые элементы американск. проф. движения. Был участником первого конгресса Коминтерна. В 1923 г. был привлечен к суду за коммунистическую пропаганду, но после блестящей защиты был оправдан. Лидер коммунист. партии Соед. Штатов; был кандидатом от „Workers Party“ на президентских выборах 1924 г. В происходивших в 1924 г. разногласиях внутри амер. коммунист. партии Ф. возглавлял группу большинства, отрицательно относящуюся к образованию массовой Рабоче-фермерской партии, как этого желало меньшинство (Рутенберг). Составил членом Исполкома Коминтерна. Нап.: „The Great Strike and Its Lessons“ (1920), „The Bankruptcy of the American Labor Movement“ (1922; р. пер. 1923), „Как я стал революционером“ (р. пер. 1923) и др.

Франк-Буйон (Franklin-Bouillon), Анри, франц. полит. деятель, р. 1870 г., был журналистом, военным корреспондентом, с 1910 г. по 1919 г.—депутат (радикал-социалист) и во время войны—председатель парламентской комиссии по иностр. делам, в 1914 г. ездил со специальной миссией в Англию, в 1916 г. основал „Comité d'action parlementaire à l'étranger“, руководил французской военной пропагандой в Чехо-Словакии, на Балканах, на Востоке и в Америке, в 1917 г. входил в качестве мин. без портфеля в кабинет Пейлеае. Во время мирных переговоров был советником правительства по вопросам Востока, выступал против Версальского мира, находя его слишком мягким для Германии; в 1921 г. заключил с Кемалем сепаратно от остальных держав Антанта франко-турецкое соглашение. На парламентских выборах 1919 г. потерпел поражение, в 1924 г. снова избран депутатом и состоит предс. комиссии по иностр. делам.

Франц-Иосиф, австр. император, см. в тексте.

Франц-Фердинанд, австр. эрцгерцог, см. в тексте.

Фрейсине (Freysinet), Шарль-Луи де, франц. полит. деятель, см. в тексте.

Фридрих, Стефан, венгер. полит. деятель, р. 1883 г., инженер, служил в берлинск. Всеобщей Компании Электричества, в 1908 г. открыл в Будапеште собственный машиностроительный завод. После революции был министром при Каролю. Во время советской республики был приволен к смерти за организацию офицерских батальонов, но бежал. После падения советской власти и начала реакции был премьером во время регентства эрцгерцога Иосифа и вместе с ним должен был уйти под давлением Антанта. Был одним из организаторов христианск. национ. партии и был избран в Нац. Собрание от Будапешта. Сторонник реставрации Габсбургов, Ф. находится в оппозиции к правят. Бетлена и вместе с Андранш возглавляет партию негативистов.

Фроссар (Frossard), Людовик-Оскар, франц. полит. деятель, р. 1889 г., был народным учителем и принадлежал к социалистической партии; во время войны примыкал к лонгетистам и состоял с окт. 1918 г. секретарем партии. В 1920 г. приезжал на II конгресс Коминтерна и в дек. того же года на конгрессе в Туре вышел из социал. партии и был вместе с Кашеном организатором франц. коммунист. партии и редактором „Нипанité“. В 1923 г. выступил за партия.

Фуруботен, Педер, норвежск. полит. деятель, р. 1890 г., стюард, был руководителем юношеского коммунист. союза, после выхода правой оппозиции (Трамхель) из норвежской коммунист. партии—секретарь ее центр. комитета.

Хайнджес, Генри, см. Гайнджен.
Хайяни, Гонуэю, барон, японск. дипломат, р. 1860 г., учился в Токио, с 1886 г.—на дипломатической службе, был послом в Сеуле (1899), Пекине

(1906—08), Риме (1908—16) и снова в Пекине (1916—1918). Содействовал вступлению Китая в войну на стороне Антанты. В 1919—20 г.г. был ген.-губернатором Квантуна, с 1920 г.—посол в Лондоне. Был руководителем японской делегации в Геуэу.

Халим-паша, принц Саид, турецк. полит. деятель, р. 1866 г., брат египетского хедива Исмаила, активный участник младо-турецкого движения, ген. секретарь комитета „Единение и Прогресс“, в 1913 г.—великий визирь, после убийства Шехвет-паша—великий визирь в 1915—17 г.г. Способствовал вступлению Турции в мировую войну на стороне Германии и Австрии. В апр. 1919 г. вместе с другими членами младо-турецкого комитета был выслан из Турции. Жил в Риме и в дек. 1921 г. был убит.

Хаммаршильд (Hammarskjöld), Яльмар, швед. полит. деятель, консерватор, р. 1882 г., проф. гражданского права в Упсальском ун-ве, с 1904 г. состоял представителем Швеции в Гаагском трибунале, при чем неоднократно избирался посредником при разрешении разного рода международных конфликтов. Был недолгое время мин. юстиции в кабинете Оттера и мин. народ. просвещ. в кабинете Лундберга, а в течение почти всей мировой войны, в 1914—17 г.г., состоял мин.-президентом.

Хара, Такаши, японск. полит. деятель, р. 1856 г., некоторое время состоял на дипломатической службе, но преимущественно занимался политической и журналистской. В 1900 г. он был правой рукой князя Ито при организации партии Сейюкай, а потом сделался лидером этой партии. Начиная с 1906 г., он несколько раз был мин. внутр. дел в кабинетах Сайонджи и Ямамото, а в 1918 г. стал во главе первого чисто парламентского кабинета в Японии. Убит в 1921 г. революционером.

Хаус, Эдвард, см. Гаус.

Хеглунд (Hoeglund), Э., шведск. полит. деятель, профессор и литератор, перед войной был руководителем шведского союза молодежи; в качестве лидера левого крыла с.-д. партии в ряде делегаций вел антимилитаристическую пропаганду в годы войны. Был участником Циммервальдской конференции, примыкая к „левой“. После образования шведской коммунист. партии Х. стал во главе ее. В последние годы стал расходиться с Коминтерном по организационным вопросам, хотя еще на V конгрессе был выбран в Исполком; в авг. 1924 г. был исключен из партии и образовал свою собственную группу, с которой в 1925 г. вернулась в ряды социал-демократии.

Хилкс, У. Джойнсон, см. Хилс.

Хилкуит (Hillquit), Морно, америк. полит. деятель, руководитель социалистической партии, реформист; выходец из России, адвокат с крупной практикой. В 1901 г. возглавлял отколовшуюся от „Socialist Labor Party“ группу, которая вместе с основан. Бергером и Либсом „Social-Democratic Party“ образовала „Socialist Party“. Во время войны Х. занимал патриотич. позицию, но под давлением рабочих масс должен был принимать участие в антимилитаристических выступлениях. Составил представителем С. Ш. в Исполкоме II Интернационала. Нап.: „History of Socialism in the United States“ (р. пер. 1920), „Socialism in theory and practice“, „From Marx to Lenin“ (1921) и др.

Холден, Ричард, см. Голден.

Хор, Самуэль, см. Гор.

Хори, Роберт, см. Горн.

Хорти де Нидибанья (Horthy de Nagybanya), Николай, венгер. морск. и полит. деятель, р. 1863 г., служил в австрийском военном флоте, во время войны командовал броненосцем „Новача“ и был произведен в адмиралы. Во время власти советов в Венгрии он организовал в Сегедине контр-революционные войска и во главе их вступил в Будапешт, когда советская власть пала. С этого времени началась эпоха белого террора. В 1920 г. Х. был избран регентом Венгрии (см. XLVII—Венгрия).

Ху-Ши-Чжан, китайск. полит. деятель, р. 1853 г., барократ старой школы, занимал ответственные должности при манчжурской династии, в последние годы был назначен блюстителем наследника и находился при дворе. После революции жил некоторое время в Пянджо, а в 1914 г. сделался премьером при Юан-Ши-Кая. После падения Юан-Ши-Кая удалился от открытой полит. деятель-

ности, руководя чилийской партией, и с приходом последующей к власти был в 1918—22 г.г. президентом республики. Был инициатором шаххайской конференции 1918 г., созванной для переговоров с кантонским правительством.

Хурта, 1) Адольфо де ла, мексик. полит. деятель, был губернатором Соноры, участвовал в свержении Каррансы в 1920 г. и в мае—сент. этого года был временн. президентом. После того был мин. финансов в правительстве Обрегона. В дек. 1923 г. поднял против него и его будущего преемника Кабеса восстание, но был через несколько месяцев разбит.

2) Викторано, мексикан. полит. деятель, р. 1854 г., служил в армии, сперва был сторонником президента Мадеро, но в 1918 г. изменил ему, вставил его отречь от президентства и захватил власть в свои руки. Он разогнал парламент, произвел много арестов и совершил много жестокостей. Вмешательство Соед. Штатов и восстания внутри страны вынудили его в 1914 г. отказаться от власти. Ум. в 1916 г.

Цапе, (Zahe), Карл Теодор, датск. полит. деятель, р. 1866 г., адвокат, редактор, депутат фолькетинга (рыдскал), пацифист. В 1909—10 и в 1913—20 г.г. был премьером и мин. юстиции. Во время войны проводил политику нейтралитета. После неудачного для Дании исхода шлебенцита в южной зоне Шлезвига подвергся сильным нападкам со стороны националистов и после отказа назначить новые парламентские выборы был уволен в отставку. Это увольнение вызвало всеобщую забастовку протеста и новую смену министерств.

Цанков, Александр, болгарск. полит. деятель, р. 1879 г., проф. полит. экономии и ректор университета в Софии, лидер националистов; в июне 1923 г. произвел переворот, свергнувший Станбулийского, и сделался премьер-министром и мин. народн. просвещ. В сент. 1923 г. жестоко подавил крестьянок. и рабочие восстание. Политика необузданного террора и жестоких репрессий, проводимая Ц., вызвала в апр. 1925 г. покушение на членов правительства посредством взрыва в Софийском соборе (см. XLVII—Волгария).

Цао-Куань, китайск. полит. деятель, р. 1862 г., генерал, тучуа (ду-дзюв) провинц. Чжили, вместе с Чжан-Цзо-Лином принимал участие в свержении айнфуйского правительства Туан-Ши-Джуа. В 1923 г., благодаря поддержке губ. центр. провинц. У-Йей-Фу, сделался президентом. Власть его, однако, не распространялась ни на северные провинции (Чжан-Цзо-Ли), ни на южную Китай (Сун-Тат-Сен). В 1924 г. свергнут переворотом ген. Фан-Юй-Сяня, поставившего снова у власти Туана (см. XLVII—Китай).

Цеткин, Клара, германск. публицистка и полит. деятельница, р. 1857 г., была учительницей, рано примкнула к социалистическому движению, играла выдающуюся роль в организации женских социал. союзов, была основательницей и долгие годы редактором женск. социал. газеты „Gleichheit“; с 1916 по 1919 г. была редактором женск. отдела „Leipziger Volkszeitung“, с 1919 г.—редактором „Kommunistin“ и издательницей „Kommunistische Frauen-Internationale“. С 1920 г. состоит депутатом германского рейхстага. В рядах с.д. партии Ц. находилась на левом крыле и вела полемичку о ревизионистам. Во время войны приняла участие в издании журнала „Internationale“ и основании союза „Спартак“, с которым вместе вошла в коммунистическую партию. Состоит членом центр. комит. партии и членом Исполкома Коминтерна. Нап.: „Geistiges Proletariat“, „Frauenfrage und Sozialismus“ (1906, р. пер. 1918 г.), „Revolutionäre Kämpfe und revolutionäre Kämpfer“ (1919, р. пер. 1920), „Der Weg nach Moskau“ (1920) и др.

Циммерман, Артур, германск. дипломат, р. 1859 г., был консулом в Шанхае и Тяньцзине, с 1901 г. на службе в министр. иностр. дел. В 1916 г. сменил Ягова на посту мин. ии. дел. В 1917 г., после принятия рейхстагом резолюции о мире, вышел в отставку. Известен своей, перехваченной и опубликованной Соед. Штатами, нотой Мексике, в которой предлагал ей вступить в войну на стороне Германии против Соед. Штатов.

Чаксте, Иван, латв. полит. деятель, 6. член I русск. Гос. Думы (см. XVII, прил. 26), презид. латвийской республики с 1922 г.

Чельмсфорд (Chelmsford), Фредерик Джон Нэпир, виконт, англ. полк. деятель, р. 1868 г., юрист, был губерн. Квинслэнда (с 1905 г.), Н.-Ю. Уэльса (1909—12 г.г.), вице-королем Индии (1916—21 г.г.); соавтор проекта („Монтэго-Чельмсфорда“) реформы индийской администрации (см. XLVII—Индия), в 1924 г. занимал в кабинете Макдональда должность первого лорда адмиралтейства.

Чемберлен (Chamberlain), 1) Джозеф Оттиль, англ. полит. деятель, сын известного лидера юнионистов и автора проекта тарифной реформы Джозефа Ч. (см. в тексте), р. 1863 г., окончил Trinity колледж в Кембридже, с 1892 г.—член парламента, подобно отцу, юнионист и сторонник тарифной реформы. С 1895 г. занимал в министр. Солсбери различные второстепенные посты, а в кабинете Балдуина был в 1903—1905 г.г. канцлером казначейства. Во время войны Ч. участвовал в коалиционном правительстве, был в 1915—17 г.г. мин. по делам Индии, в 1918 г.—мин. без портфеля, с конца 1918 г.—канцлер казначейства, в 1921 г., после отказа Бонар Ло, был лидером юнионистов и лордом-хранителем тайной печати, в 1922 г. вышел в отставку. В образованном после победы консерваторов на парламентских выборах в 1924 г. кабинете Болдуина занял пост мин. иностр. дел; отказался предоставить парламенту для ратификации англо-советский договор, заключенный при правительстве Макдональда. (см. ниже, XLVII—Великобритания).

2) Невилл, англ. полит. деятель, р. 1869 г., в консерват. кабинете Бонар Ло в 1922—23 г.г. был сначала ген.-постмейстером, а затем мин. здравоохранения; в первом кабинете Болдуина (1923 г.) был канцлером казначейства, во втором (с ноября 1924 г.) вновь занял пост мин. здравоохранения.

Чернинг (Czernin), Оттокар, граф, австр. полит. деятель, р. 1872 г., с 1912 г. по 1916 г. был посланником в Бухаресте, в 1916 г. был назначен мин. иностр. дел. Он не верил в победу центральных держав и потому всецело старался добиться мира, или в этом направлении на большие уступки, но не мог склонить к ним Германию; в апр. 1918 г. вышел в отставку. После революции—член Национального Совета (см. XLVII—Дипломатия, Австро-Венгрия). Нап. „Im Weltkrieg“ (1913, р. пер. 1923 г.).

Черчилль (Churchill), Уинстон, англ. полит. деятель, р. 1874 г., сын известного в свое время политика лорда Рандольфа Ч., окончил школу в Сандхерсте, с 1895 г. служил в армии в Африке, состоял корреспондентом „Morning Post“, во время бурской войны был взят в плен, но бежал, в 1900 г. вступил в парламент. Сперва принадлежал по своим семейным традициям к консерваторам, в 1905 г. перешел к либералам, впоследствии опять сблизился с консерваторами и выступал с проектом объединения левых консерваторов и правых либералов. В 1908—10 г.г. он был президентом бюро промышленности и торговли, затем некоторое время состоял мин. внутр. дел, а в 1911 г. был назначен первым лордом адмиралтейства и во время войны был главным вдохновителем операций в Дарданеллах; после неудач этих операций он ушел из адмиралтейства, проработав некоторое время канцлером герцоства Ланкастерского, вышел в отставку и отправился на фронт. В 1917 г. от слова вернулся в министерство и был назначен мин. военных заготовок, в 1918—21 г.г. был военн. мин., в 1921—22 г.г.—мин. колоний. Ч. был одним из главных сторонников интервенции в России и поддерживал различные антисоветские организации. В 1924 г. в кабинете Болдуина занял пост мин. финансов. Нап.: „The River War“ (1899), „London to Ladysmith via Pretoria“ (1900), „My African Journey“ (1908), „The World crisis“ (2 т. 1923) и др.

Чжан-Сун, китайск. генерал, в июле 1917 г. произвел монархический переворот, с целью реставрации Манчжурской династии и объявления себя регентом; этим восстановил против себя генералов (Чжан-Цзо-Лица, Туана), выступивших не столько на защиту республики, сколько для захвата власти ими самими. После двухнедельного существования монархии, Ч.-С. капитулировал перед войсками Туан-Ши-Джуа.

Чжан-Цзо-Лици, китайск. полит. деятель, генерал, во время русско-японской войны занимался организацией иррегулярных китайских отрядов—

„хунжуов“; с 1911 г.—гучун (военн. губернатор) Манчжурии, в 1917 г. поддерживал Туан-Ши-Чжуя при его походе против произшедшего монархического переворота Чжай-Суна (см.), затем, в 1920 г. совместно с Цао-Куем способствовал падению правительства Туана, а в 1924 г. при поддержке Яншия выступил против Цао-Куя, который благодаря этому был свергнут Фан-Юй-Сяном. В качестве правителя Манчжурии Ч. не поднимается центр. правительству и ведет самостоятельную политику. В 1924 г. подписал соглашение с СССР о Восточно-Китайской ж. д. В 1925 г. содействовал подавлению национально-освободительных выступлений в Пекине и южном Китае.

Чильбом, Карл, шведск. полит. деятель, коммунист, р. 1885 г., по профессии рабочий-металлист, был членом левой социалист. партии, а затем, при организации коммунистической партии, сделался одним из ее лидеров. Депутат риксдага и редактор экономического отдела „Politiken“. Был делегатом на конгрессах Коминтерна и выступал против Хеллунда. В 1925 г. был председ. шведской рабочей делегации в СССР.

Чиршки унд Бегендорф (Tschirschky und Bögendorff), Генрих фон, германск. дипломат, р. 1858 г., в 1906 г. был мин. иностр. дел в кабинете князя Булова, с 1907 г. — посол в Вене. Один из инициаторов австрийского ультиматума Сербии в 1914 г. (см. выше, XLVII—Дипломатия и мировая война). Ум. в 1916 г.

Шаложа (Scialoja), Витторжо, итальянск. полит. деятель, профессор права, сенатор, в 1920 г.—мин. иностр. дел в каб. Нитти, принимал деятельное участие в работе Лиги Наций, в которой с 1923 г. состоит итальянск. представителем.

Шанцер (Schanzer), Карло, итальянск. полит. деятель, р. 1885 г., в 1904—19 г.г. — депутат (демократ), с 1919 г.—сенатор, в 1906—09 г.г. был министром почт в каб. Джолитти, в 1910—20 г.г.—мин. казначейства в каб. Нитти и в 1922 г.—мин. иностр. дел в каб. Фатта. Был итальянск. делегатом на Вашингтонской и Генуэзской конференциях.

Швегга (Svehla), Антон, чехо-словацк. полит. деятель, аграрий, в 1919—26 г.г. был мин. внутр. дел в коалиционном кабинете Тусаара, с 1922 г. состоит премьер-министром.

Шейдеманн (Scheidemann), Филипп, германск. полит. деятель, р. 1865 г., в молодости был наборщиком, рано примкнул к соц.-дем. партии и принял участие в профес. движении. С 1896 г. редактировал провинциальные с.-д. газеты в Гиссене, Нюрнберге, Оффенбурге и Касселе. В это время принадлежал к группе Бебеля и вел полемику с ревизионистами. В 1903 г. был избран в рейкстаг и вскоре занял видное положение в рядах партии. В 1911 г. он избирается секретарем партийного комитета, а в 1912 г., после успеха соц.-дем. на парламентских выборах, вошел в президиум соц.-дем. фракции и был некоторое время вице-президентом рейкстага. В годы войны Ш. круто повернул вправо и стал оказывать деятельную поддержку правительству. В 1917 г., когда в связи с неудачами на фронте стал распадаться шовинистический уряд, Ш. выступил вместе с Эрцберггером в пользу скорейшего заключения мира. В окт. 1918 г. он вошел вместе Г. Бауера в правительство Макса Баденского. Эта попытка образования парламентского кабинета, однако, уже не могла остановить наступления революции, и 9 ноября Ш. с крыльца рейкстага провозглашает образование республики и входит во временное правительство (Совет Народных Уполномоченных). Вооруженная борьба со спартаковским движением, предпринятая Ш. и его сторонниками, вызывает уезд независимых из Сов. Нар. Уполн.; их место занимает зарекомендовавший себя в Киле в качестве „специалиста“ по усмирению революционного пролетариата Носке. В февр. 1919 г. Эберт избирается Нац. Собранием в Веймаре в президенты, а Ш. организует первый кабинет республики, в котором большинство принадлежит буржуазным партиям. Де желая принять на себя ответственность за подписание Версальского договора, он в июне того же года вышел в отставку, оставив место, сформированному специально с целью заключения мира, кабинету своего соотаварица по партии,

„реального политика“ Г. Бауера. После своей отставки Ш. был избран обер-бургомистром Касселя. С 1920 г. он состоит депутатом рейкстага. В 1922 г. на него было произведено неудачное покушение националистом Эльплегером (см. XLVII—Германия). Нац. воспоминания — „Der Zusammenbruch“ (1920, р. пов. 1923).

Шерон (Cheron), Анри, франц. полит. деятель, р. 1807 г., адвокат, депутат, потом сенатор; был мин. земледелия в каб. Пуанкаре 1922—24 г.г.

Шеффо (Scheffo), Олаф, норвежск. полит. деятель, лидер коммунист. партии, возглавлял группу, стоявшую на позиции Коминтерна. После раскола партии в ноябре 1923 г. (ухода Траимеля и др.) — редактор центр. парт. органа „Norges Kommunistblad“.

Шидехара, Киноро, барон, японск. полит. деятель, член партии „Кенсейтай“, был посланником в Соед. Штатах, с мая 1924 г.—мин. иностр. дел в кабинете виюнага Каго. Вел через японского посла в Пекине, Есидзаву, переговоры с протоявляем СССР в Китае Караханом, закончившиеся подписанием русско-японского договора (яв. 1925 г.).

Шиле (Schiele), Мартин, германск. полит. деятель, р. 1870 г., землевладелец и фабрикант, лидер союза аграриев, националист, депутат рейкстага в 1914—18 и с 1920 г. Мин. внутр. дел и вице-канцлер в кабинете Лютера в 1925 г.

Шиффер, Эуген, германск. полит. деятель, р. 1860 г., юрист, был советн. верх. суда, затем служил в мин. финансов. С 1903 г.—член прусской палаты депутатов и в 1911—17 г.г.—депутат рейкстага (национал-либерал). После революции вошел в демократич. партию; в 1919 г.—член Нац. Собрания и с 1920 г.—депутат рейкстага. Был мин. финансов, затем мин. юстиции и вице-премьером в каб. Шейдемана и Бауера. Был также мин. юстиции в первом каб. Вирта.

Шиллинг, Александр, германск. полит. деятель, соц.-дем., р. 1863 г., механик, активный участник профес. движения, был председателем германск. союза металлистов. После революции был членом Нац. Собрания, министром в Вюртемберге и мин. труда в кабинете Г. Мюллера в 1920 г.

Шмераль (Sméral), Богумир, чехо-словацк. полит. деятель, р. 1888 г., видный теоретик рабочего движения, был редактором центр. органа соц.-дем. партии „Pravo Lidu“ и журнала „Akademik“. В 1921 г., после образования комму. партии — один из ее руководителей и редактор „Rude Pravo“. Член президиума Исполкома Коминтерна.

Шмидт, Роберт, германск. полит. деятель, правый соц.-дем., р. 1864 г., был фортепьянным мастером, принял участие в профес. движении, сотрудничал в „Vorwärts“, а с 1913 г. стоял во главе Центр. Рабочего Секретариата. В 1893—98, 1903—18 и с 1920 г.—депутат рейкстага. Входил в правительство Макса Баденского в качестве мин. продовольствия и этот же пост занимал при Г. Бауере, а после ухода Висселя получил портфель мин. народного хозяйства, который сохранил и в кабинете Вирта (1921—22). В каб. Шпремана в 1923 г. был мин. восстановления и вице-канцлером.

Шобер, Иоганн, австр. полит. деятель, р. 1874 г., после окончания университета служил в полиции и с ноября 1918 г. был начальником венской полиции. В 1921 г., после отставки Майра и отсутствия парламентск. большинства у партий в Нац. Совете, был избран канцлером и оформил беспартийный, чисто чиновничий кабинет. Выражение недоверия великобюджетной партией, в связи с заключением им договора с Чехо-Словакией, повлекло за собой отставку правительства Ш. в яв. 1922 г. Через несколько дней он образовал новый кабинет, не оправившийся, однако, на прочное большинство в парламенте и павший в мае того же года, вследствие отказа вотировать военные кредиты. После отставки снова нач. полиции в Вене.

Шольц, Эрнст, германск. полит. деятель, р. 1874 г., юрист, был обер-бургомистром Касселя и Шарлоттенбурга. В 1920—21 г.г.—мин. народн. хоз. в каб. Ференбаха. С 1921 г.—депутат рейкстага (народная партия), с 1922 г.—пред. объединения высших служащих. Нац. „Reichshypothekentrecht“, „Rechtshuch für Genossenschaften“, „Das Gemeindesteuergesetz“ и др.

Шоме (Chaumet), Шарль, франц. полит. деятель, р. 1866 г., публицист, редактор „La Gironde“, депутат, потом сенатор, председатель „Comité républicain de la commerce, de l'industrie et de l'agriculture“. В 1925 г.—мин. торговли в кабинете Пенлеве.

Шорт (Short), Эдуард, англ. полит. деятель, р. 1862 г., адвокат, с 1910 г.—депутат палаты общин (либерал), в 1918 г.—министр по делам Ирландии, в 1919—1922 г.г.—мин. внутр. дел в кабинете Ллойд-Джорджа.

Шоу (Shaw), Томас, англ. полит. деятель, р. 1872 г., рабочий, деятельный участник профес. движения, в 1911 г. был секрет. международного конгресса текстильных рабочих, в 1918 г. избран в парламент в качестве кандидата Рабочей партии, в 1924 г. занимал в кабинете Макдональда должность министра труда. Вместе с Фр. Адлером—секретарь II Интернационала.

Штегервальд (Stegerwald), Адам, германск. полит. деятель, р. 1874 г., по професс. столяр, предс. христианских профес. союзов. После революции—член Наций. Собрания, с 1920 г.—депутат рейхстага (правое крыло центра). В 1920—21 г.г.—прусск. премьер и мин. народн. благосостояния. Нан.: „Deutsche Lebensfrage“, „Zusammenbruch und Wiederaufbau“, „Arbeiterschaft und politische Zukunftsentwicklung“, „Die Grundsätze der christlichen Gewerkschaften“ и др.

Штуккер (Stücker), Вальтер, германск. полит. деятель, р. 1841 г., служил в торговых предпр., после того изучал политич. экономию и историю в Берлине, Лейпциге и Цюрихе. Во время войны находился в армии. В ноябре 1918 г.—член исполкома рабоч. и солдатск. депутатов в Кельне, в 1918—19 г.г.—редактор „Volkstribüne“ в Эльберфельде и в 1919—20 г.г.—секретарь парт. комитета независимой с.-д. партии. После раскола примыкнул к коммунистам и был в 1920—21 г.г. секретарем центр. комитета, после того, до 1923 г.—руководитель комм. партии в Рейнко-вестфальской области. С 1920 г.—депутат рейхстага.

Штингли (Stingl), Карл, германск. полит. деятель, р. 1864 г., почтовый чиновник, мин. почт в кабинете Куно в 1922—23 г.г. и в каб. Штресемана в 1923 г. Этот же пост занял в кабинете Лютера в 1925 г.

Штраус (Strauss), Поль, франц. полит. деятель, р. 1862 г., работал по обществ. санитарии, сенатор, был мин. гигиены в кабинете Пуанкаре 1922—24 г.г.

Штресеман (Stresemann), Густав, германск. полит. деятель, р. 1878 г., в универс. изучал историю и гос. право. Политическую деятельность начал в рядах наумановской партии национал-социалистов, но скоро ее покинул и перешел к национал-либералам. Работая в администрации различных промышленных организаций, Ш. в 1902 г. основал саксонское объединение промышленников, при поддержке которого был избран в 1907 г. в рейхстаг. На выборах 1912 г. он потерпел поражение, но прошел в 1914 г. на дополнительных выборах. В годы войны Ш. был защитником аннексий и выступал противником резолюции рейхстага в пользу мира. Играя видную роль в рядах национал-либералов, он после смерти Бассерама в 1917 г. делится вождем партии. После революции его избирают в Нан. Собрание, а затем в рейхстаг, где он становится лидером организованной при ближайшем его участии Народной партии. В партии Ш. возглавляет левое крыло, представляющее легкую индустрию, интересам которой противоречит политика правого крыла—тяжелой индустрии, объединяемой стигнесовским концерном. На широкую политическую арену Ш. выходит в авг. 1923 г., после провала проводившейся Куно политики насильственного сотрудничества. Он становится во главе правительства „большой коалиции“ (от соц.-дем. до народной партии), в котором занимает пост рейхсканцлера и мин. иностр. дел. Вскоре, однако, под давлением правого крыла своей партии производит сначала реконструкцию кабинета, удалив из него наиболее непримлемых соц.-демократов (окт. 1923 г.), а затем и вовсе уступает место премьеру Марксу (ноябрь 1923 г.), сохранив за собой портфель мин. иностр. дел, который удержал и после отставки Маркса в кабинете Лютера 4925 г. В авг. 1924 г. он вместе с Марксом подписывает лондонское соглаше-

ние, которым обуславливалось принятие плана Дауза (см., XLVII—Германия). Нан.: „Wirtschaftspolitische Leitfragen“ (2 изд., 1912), „Macht und Freiheit“ (1917), „Von der Revolution bis zum Frieden von Versailles“ (1920).

Штюрк (Stürckh), Карл, граф, австр. полит. деятель, р. 1859 г., служил в мяснот. инспекции и просвещения, с 1891 г. был депутатом, принадлежал к партии крупных землевладельцев (германская левая), выступал против введения всеобщего избирательного права, в 1909—11 г.г.—мин. народ. просвещения в кабинете Гауча, с конца 1911 г.—мин.-президент; 21 окт. 1916 г. в виде полит. протеста против неосознания распухшего с начала войны рейхсрата убит Фридрихом Адлером.

Шульте (Schulthess), Эдмунд, швейц. полит. деятель, р. 1868 г., адвокат, с 1906 г.—один из лидеров свободномысл.-демократич. партии в государств. совете союзного собрания, с 1912 г.—член федеральн. совета. Во время войны руководил департаментом народного хозяйства, в 1917 и 1921 г.г. был президентом. В 1922 г. участвовал на Генуэзской конференции. Автор, отвергнутой впоследствии на референдуме, закона об увеличении рабочего дня, т. н. закона Ш.

Эберт, Фридрих, германск. полит. деятель, р. 1871 г., в Гейдельберге, в семье поэта, по професс. инжир, работал в области профес. движения и рано примыкнул к соц.-дем. партии, был редактором бременской „Bürgerzeitung“. Вскоре обратил на себя внимание своими организаторскими способностями и в 1905 г. на Ненском партийном был избран секретарем партийного президиума, а после смерти Бебеля сделался председателем президиума. В политике с ревизионистами Э. занимал примирительную позицию. В 1912 г. он был избран в рейхстаг и после ухода Гауча был вместе с Шейде-малом в президиуме с.-д. фракции рейхстага. В годы войны Э. поддерживал правительство, впоследствии пытался через посредство голландских и шведских социалистов вступить в сношения с социалистами других стран для совместных выступлений в пользу мира; в 1917 г. он участвовал в Стокгольмской конференции. После революции Э. вошел в Совет Народов. Уполномоченный, поставив своей задачей возможно скорее ликвидировать революцию и добиться восстановления порядка. 11 февр. 1919 г. он был избран веймарским Национальным Собранием временным, а 12 ноября того же года—постоянным президентом республик. В конце 1922 г. постановлением большой коалиции рейхстага (от с.-д. до Народн. партии) полномочия Э. были продолжены. Ум. 28 февр. 1925 г.

Эден, Нильс, шведск. полит. деятель, р. 1871 г., профессор истории в Упсале, лидер либеральной партии, в 1917—20 г.г. стоял во главе коалиционного министерства, образованного им совместно с соц.-демократами. Нан.: „Das Schwedische Programm in der Unionskrise“.

Эзер (Ezer), Рудольф, германск. полит. деятель, демократ, р. 1859 г., изучал в Берлине философию и полит. экономию, по окончании универс. занялся журналистикой, был редактором „Frankfurter Zeitung“ и „Ostsee-Zeitung“; член прусской палаты депутатов в 1907—08 и 1913—18 г.г. и рейхстага в 1907—11 г.г. После революции—прусск. мин. путей сообщения в 1919—21 г.г., а затем—мин. внутр. дел в кабинете Куно (1922—23 г.г.) и мин. путей сообщения в кабинетах Штресемана и Маркса (1923—24 г.г.) Нан.: „Die Besteuerung des Kleinhandels“, „Wie stellen wir uns zu den Kartellen und Syndikaten“ и др.

Эйнер, Курт, германск. полит. деятель, р. 1867 г., рано примыкнул к соц.-демократ. партии и был деятельным сотрудником „Vorwärts“ и других социалистических изданий; неоднократно подвергался арестам за свои статьи. Во время войны он разошелся с соц.-дем. и резко нападал на них за поддержку оказываемую ими войне. В 1918 г. он подвергся судебному преследованию за призыв к забастовке мюнхенских рабочих, работавших на изготовление предметов военного снаряжения, но был освобожден из тюрьмы ввиду выставления его кандидатуры в рейхстаг. В ноябре 1918 г. он явился главным деятелем революционного переворота в Мюнхене. Став во главе революционного баварского правительства, Э. стро-

желая упрочить власть рабочих и солдатских советов и в то же время стараясь обеспечить возможно большую независимость Баварии от обшгерманского правительств. 21 фев. 1919 г. в день открытия баварского Национального Собрания, он был убит на улице графом Арко. Нап.: „Wilh. Lebkepecht“ (1900, p. пер. 1918), „Die Ende des Reiches“ (1907), „Die neue Zeit“ (2 т., 1919) и др.

Эйхгорн, Эмиль, германск. полит. деятель, р. 1863 г., по профессии столяк, деятельный участник рабочего движения, рано примкнул к соц.-дем. партии и принимал участие в парт. прессе, был редактором „Sächsische Arbeiterzeitung“, „Mannheimer Volksstimme“, а затем до 1917 г. стоял во главе с.-д. бюро печати. После того примкнул к независимым, сотрудничал в „Unabhängiger Zeitungsdiens“ и с авг. 1918 г. до революции состоял редактором „Роста“ в Берлине. После революции был берлинским полдеп.-президентом и оставался им до января 1919 г., когда принял участие в спартаковском восстании и после его подавления должен был скрыться. После раскола независимых в Галле примкнул к коммунистам. Член рейхстага в 1903—11 г.г. и снова с 1920 г. Ум. в 1925 г. Нап.: „Meine Tätigkeit in Berliner Polizeipräsidium“ (1919).

Эмери (Amery), Леопольд Чарльз, англ. полит. деятель, р. 1873 г., юрист, один из редакторов „Times“, а издал „The Times History of the War in South Africa“. В 1902, 1906 и с 1910 г.—член парламента (консерватор), сторонник тарифной реформы. В мировую войну служил в армии, затем вошел в военный кабинет в качестве пом. секретаря; в 1919—20 г.г.—мин. колоний в каб. Ллойд-Джорджа, в 1922—23 г.г.—первый лорд адмиралтейства в каб. Бонар Ло и с 1924 г.—мин. колоний во втором кабинете Боллудна. Крайний консерватор, решительный противник обложения с СССР. Нап.: „The Problem of the Army“ (1903), „Fundamental Fallacies of Free Trade“ (1906), „Union and Strength“ (1912) и др.

Эмингер, Эрих, германск. полит. деятель, член баварск. народн. партин, р. 1850 г., адвокат, в 1918—18 и с 1920 г.—депутат рейхстага, в 1923—24 г.г. был министром юстиции в кабинете Маркса.

Эвер-паша, см. Х.У.У., прил. „Военные деятели эпохи мировой войны“, 339—400.“

Энджел (Angell), Ральф Норман, англо-американск. журналист, р. 1874 г. в Англии, с ранней молодости эмигрировал в Америку. С 1900 по 1912 г.—наркозный корреспондент американских газет. За год до войны переселился в Лондон и повесил себя надфлотской пропаганде. Нынче—член парламента от Рабочей партии, вместе с Кейсом вел кампанию за пересмотр Версальского мира. Известен призывавшей к себе общее внимание книгой против грядущей войны „The Great Illusion“ (1910), переведенной на все европейские и многие восточн. языки. Кроме того нап.: „Patriotism under Three Flags“ (1908), „The Foundations of International Policy“ (1914), „War Aims“ (1917), „The Peace Treaty and the Economic Chaos“ (1919, p. пер. 1922), „The Fruits of Victory“ (1921) и др.

Эрве (Hervé), Гюстав, франц. публицист и полит. деятель, р. 1871 г., был преподавателем истории, затем адвокатом, подвергался преследованиям за ведение антиимпериалистической пропаганды, в 1906 г. основал в Париже газету „La guerre sociale“, в кот. призывал в случае возникновения войны к всеобщей забастовке и отказу в повиновении властям; однако, с началом войны резко изменил свою позицию, выступил в качестве решительного националиста и переименовал издаваемую им газету в „La victoire“. Состоял редактором отдела внутренней жизни в „Petit Parisien“. Нап.: „Histoire de France et de l'Europe“ (1908), „Mes crimes“ (1912), „La grande guerre“ (1920)

Эрхардт (Erhardt), Герман, герман. морск. офицер и полит. деятель, р. 1881 г., в мировую войну командовал минной флотилией, в 1919 г. организовал из своих приверженцев отряд (бригада Э.), во главе кот. участвовал в подавлении различных революционных волнений, в 1920 г. и в 1923 г. принял активное участие в капшовском и мюхенском „путчах“, был арестован, но бежал. В настоящее время живет во главе тайной фашистской организации „Комм“.

Эркселени, Антон, германск. полит. деятель, р. 1878 г., был слесарем и токарем, принимал участие в профес. движ. нии и занимался журналистикой. После революции—член Нац. Собрания и с 1920 г. депутат рейхстага. Э. состоит председателем партии демократов и является одним из инициаторов создания малой коалиции (демократы, центр и народная партия). Нап. „Die Sozialisierung“ и др.

Эррио (Hertig), Эдуард, франц. полит. деятель, р. 1872 г., историк литературы, мар Лиона, в 1912—19 г.г. сенатор (радикал-социалист), с 1919 г.—депутат, один из организаторов левого блока, в 1918—17 г.г. был мин. транспорта и запасов в кабинете Бриана, в 1921 г. совершил поездку в Россию и высказывался после того за необходимость скорейшего восстановления нормальных отношений между Францией и СССР в 1924 г. во время парламентских выборов был лидером левого блока и после победы блока своим отказом принять от Мильерана поручение составить кабинет вынудил последнего подать в отставку; по избрании Думера президентом республики, сделался премьер-министром. При правительстве Э. состоялось признание СССР Францией в окт. 1924 г. Вышел в отставку в аго. 1925 г. и был избран председ. палаты депутатов. Нап. „La Russie nouvelle“ (1923).

Эрцбергер, Матнас, германск. полит. деятель, р. 1876 г., был учителем и журналистом, с 1903 г.—депутат рейхстага, где принадлежал к партии центра и был лидером левого, демократического крыла этой партии. Во время войны он сперва был ее активным сторонником, но вскоре стал склоняться в сторону мира и был главным инициатором мирной резолюции рейхстага 17 июня 1917 г. В окт. 1918 г. он вступил в правительство в качестве мин. иностр. дел и подпisał перемирие с Францией и Англией. При республиканском правительстве он был в 1919—20 г.г. мин. финансов в каб. Бауэра; проводимая им политика сильного обложения капиталов и земельной ренты вызвала против него яростную кампанию со стороны правых партий в лице Гельфериха. Эта борьба не прекратилась и после того, как 12 марта он вышел в отставку. 26 авг. 1921 г. он был убит националистами. Нап.: „Zentrumspolitik im Reichstag“ (1904—14), „Der Völkербund“ (1918), „Erllebnisse im Weltkrieg“ (1920, русск. пер. „Германия и Атланта“, 1923) и др.

Эссад-паша, албанск. полит. деятель, р. 1863 г., был в числе приближенных к султану Абдул-Гамиду; после его свержения дружил первое время с младотурками, но потом разошелся с ними; во время войны 1912—13 г.г. был команд. войсками в Скутари, осажденном чергорцами. После того стал во главе национального движения в Албания и вел все время двойственную политику, принимая то к одному, то к другому из соперничавших иностранных влияний и ставя себе целью сделаться самому королем Албании. Убит в 1920 г. во время пребывания в Париже.

Эшерих (Escherich), Георг, германск. полит. деятель, р. 1870 г., по образованию лесовод совершил много поездок по Африке, в мировую войну служил в армии в чине майора. После падения советской власти в Баварии, организовал (совместно с Карром) вооруженные отряды „Orghesch“ (организация Эшериха)—одну из первых бригад германского фашизма, вызвавшую большое беспокойство в лагере Антанты, требовавшей в 1921 г. ее роспуска.

Юан-Ши-Кай, китайск. полит. деятель, р. 1859 г., в старинной чиновничьей семье, рано принял участие в Политической жизни, в 1882—94 г.г. был резидентом в Корее, потом губернатор. разных провинций и секрет. императрицы Цу-си; после ее смерти в 1908 г. был уволен в отставку. Когда вспыхнула китайская революция, Ю. был призван в конце 1911 г. на пост мин.-президента, а после падения манчжурской династии избран в 1912 г. президентом республики (см. Сун-Ят-Сен). Первоначально он держался конституционного образа действий и считался с радикальной партией куо-мин-тан (гомянда), располагавшей большинством в парламенте, но почувствовав свое положение упрочившимся, благодаря заключенному им иностранному займу, он уже в 1913 г. порвал с партией куо-мин-тан, настоял на исключении всех ее членов из парламента, перестал собирать парламент и стал править страной самодержавно, не скрывая своей цели восстановления

монархии в свою пользу. В конце 1915 г. монархия действительно была провозглашена и коронация Ю. назначена была на фев. 1916 г. Ответом на это было восстание в разных провинциях, принявшее постепенно очень широкие размеры. Ю. вынужден был сперва отсрочить на неопределенное время восстановление монархии, а потом и совсем отказаться от этого плана, что, впрочем, не остановило борьбы против него. Летом 1916 г. он умер (см. ниже, *XLVII—Китай*).

Юэз (Hughes), 1) Уильям Моррис, австрал. полит. деятель, р. 1864 г., был в молодости школьным учителем в Уэльсе, потом эмигрировал в Австралию, где занялся адвокатурой и политикой, присоединившись к Рабочей партии. Будучи депутатом федерального парламента, он неоднократно занимал министерские посты, а в 1915—21 гг. был мин.-президентом; он был решительным сторонником войны, состоял членом имперского военного кабинета и, разошедшись с партией, пытался провести в Австралии систему обязательной воинской повинности, принятую в Англии, но не имел успеха. В янв. 1923 г. после поражения националистов на парламентских выборах вышел в отставку.

2) Чарльз Эванс, америк. полит. деятель, р. 1862 г., был адвокатом и професс. права, в 1906—10 гг. был губернатор штата Нью-Йорк, потом состоял членом Верховного суда; в 1916 г. он был выставлен республиканской партией кандидатом в президенты Соединенных Штатов, но был побит Уильсоном. В 1921 г. был назначен Гардингом статс-секретарем (министром по иностр. делам), проявил себя на этом посту непримиримым противником Советской России. Председательствовал на Вашингтонской конференции по разоружению (1921—22 гг.); вышел в отставку в 1925 г.

Яггов (Jagow), Готлиб фон, герман. полит. деятель, р. 1863 г., был посланником в Люксембурге и Риме, в 1913—16 гг. — герм. мин. иностр. дел. Играл активную роль в переговорах накануне войны (см. выше, *XLVII—Дипломатия*). Нап. „Ursachen und Ausbruch des Weltkriegs“ (1919).

Ямагата, Аритомо, князь, японск. полит. деятель, р. 1838 г., в молодости принимал участие в борьбе за восстановление императорской власти против сюгуна, в 1869—70 г. совершил поездку

в Европу для изучения военной организации и по возвращении был военным министром, в 1877 г. подавил вспыхнувшее против реформ восстание, в 1885—91 г. был мин. внутр. дел и с 1888 г. также премьером; во время войны с Китаем в 1894—95 г.г. Я. был главнокомандующим, в 1896 г. был послом в Петербурге, в 1898—900 г.г.— снова премьер, с 1903 г.—член тайного совета; во время войны с Россией—нач. ген. штаба. Позже был председ. совета, где состоял лидером патристической партии „Хосю“. В качестве генеро пользовался очень большим влиянием на политич. жизнь. Содействовал вступлению Японии в войну (см. ниже, *XLVII—Япония*). Ум. в 1922 г.

Ямамото, 1) Гомбей, виконт, японск. полит. деятель, консерватор, р. 1852 г., адмирал, морской министр в 1892—1906 г.г., организатор японского флота, в 1913—14 гг. был премьером; вышел в отставку в связи с раскрытием злоупотреблений во флоте; в 1923 г. после землетрясения снова был премьер-министром. Выступил с широкими планами восстановительных работ, которые, однако, были отвергнуты парламентом (см. ниже, *XLVII—Япония*).

2) Татую, барон, японск. полит. деятель, р. 1856 г., в 1911—12 г.г. мин. финансов в кабинете Сайондзи, в 1913—14 г.г.— мин. земледелия и торговли в каб. Гомбей Я., этот же пост занимал в 1918—22 г.г. в кабинетах Хары и Такахаши.

Яррес (Jarrés), Карл, германск. полит. деятель, член правого крыла Народной партии, р. 1874 г., юрист, был бургомистром Ремшейда и Дуисбурга, в 1923—24 г.г.— вице-канцлер и мин. внутр. дел в кабинете Маркса. После смерти Эберта был кандидатом правых партий на пост президента республики. При пере выборах отказался от своей кандидатуры в пользу Гинденбурга.

Ясы (Jászai), Оскар, венг. полит. деятель, р. 1855 г., лидер буржуазно-радикальной партии, играл руководящую роль в первой стадии венгерской революции; был министром национальностей при Кароли. Нап.: „Magyar Kálvária“ (1920), „Revolution and Counter-Revolution in Hungary“ (1924).

Л. Школьник.

ЭНЦИКЛОПЕДИЧЕСКИЙ СЛОВАРЬ

РУССКОГО БИБЛИОГРАФИЧЕСКОГО ИНСТИТУТА ГРАНАТ

СЕДЬМОЕ ИЗДАНИЕ

до 33-го тома под редакцией

проф. Ю. С. Гамбарова, проф. В. Я. Железнова, проф. М. М. Ковалевского, проф. С. А. Муромцева и проф. К. А. Тимирязева

ПЕРВЫЙ ВЫПУСК

сорок седьмого (47) тома

ЧЕТЫРЕХЛЕТНЯЯ ВОЙНА 1914—1918 г. И ЕЕ ЭПОХА

(ПРОДОЛЖЕНИЕ).

Lexicographis secundus post Herculem labor.

(Скаликер)

ХХV - 8123

Редакция и экспедиция „Русского Библиографического Института Гранат“:
Москва, Тверской бульвар, 25.

Статьи 1 выпуска 47 тома.

Четырехлетняя война 1914—1918 г. и ее эпоха (продолжение).

Столб.

XII. Империализм и мировая война—М. П. Павловича	1
--	---

Содержание статьи:

1. Империалистическая политика	1
2. милитаризм	26
3. Итоги мировой войны	33

XIII. Дипломатия и мировая война—Е. А. Адамова	42
--	----

Содержание статьи:

1. Дипломатическая подготовка войны	42
2. Июльский кризис	55
3. Военные цели Антанты	82
4. Парижская конференция	92
5. Версальский договор	95
6. Лига Наций	100
7. Сен-Жерменский договор	106
8. Трианонский договор	107
9. Договор в Нейн	107
10. Севрский договор	108
11. Лозаннский договор	112
12. Рапалльский договор	115
13. Генуэзская конференция	116
14. „План Дауэса“	118

XIV. Денежный кризис эпохи войны—проф. А. А. Мануилова	123
--	-----

Приложения:

К столб.

1. 2 таблицы к ст. „Империализм и мировая война“	32
2. Карта Европы (к ст. „Дипломатия и мировая война“)	128

Общее приложение к циклу „Четырехлетняя война 1914—1918 г. и ее эпоха“:

Био-библиографический указатель современных иностранных политических деятелей (1910—1925 г.)	1—94
--	------

ЭНЦИКЛОПЕДИЧЕСКИЙ СЛОВАРЬ

РУССКОГО БИБЛИОГРАФИЧЕСКОГО ИНСТИТУТА ГРАНАТ.

СЕДЬМОЕ ИЗДАНИЕ

до 33-го тома под редакцией

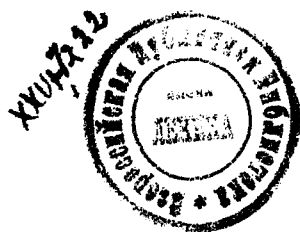
проф. Ю. С. Гамбарова, проф. В. Я. Железнова, проф. М. М. Жовалевского, проф. С. Я. Муромцева и проф. К. Я. Тимирязева.

ВТОРОЙ ВЫПУСК

сорок седьмого (47) тома

ЧЕТЫРЕХЛЕТНЯЯ ВОЙНА 1914—1918 г. И ЕЕ ЭПОХА

(ПРОДОЛЖЕНИЕ).

Lexicographis secundus post Herculem labor
(Скаликер).

Статьи 2 выпуска 47 тома.

Четырехлетняя война 1914—1918 г. и ее эпоха (продолжение).

XIV. Денежный кризис эпохи войны—проф. А. А. Мануилова	123
--	-----

Столб.

Содержание статьи:

1. Бумажно-денежная эмиссия	123
2. Рост товарных цен	137
3. Обесценение денег	144
4. Денежный рынок и междувалютные отношения	155
5. Общее движение валют в последние годы	175

ВАЖНЕЙШИЕ ГОСУДАРСТВА В ЭПОХУ МИРОВОЙ ВОЙНЫ.

XV. Германия эпохи мировой войны—Н. Майского	186
--	-----

Содержание статьи:

1. Предпосылки войны	186
а) Германско-английские противоречия	187
б) Германско-французские противоречия	198
в) Германско-русские противоречия	202
2. Германия во время войны	207
Экономика	207
Финансы	216
Политика	217
Рабочее движение	219
3. Германия после войны	224
Германская революция	224
Новая конституция	229
Буржуазные партии	233
Версальский мир	236
Репарации	239
Версальский договор	248
Рабочее движение	256

XVI. Австро-Венгрия в эпоху войны—проф. С. А. Котляревского	271
---	-----

(Продолжение в след. выпуске).

Приложение:

14 таблиц к ст. „Денежный кризис эпохи войны“	к 160 столб.
---	--------------

ЭНЦИКЛОПЕДИЧЕСКИЙ СЛОВАРЬ

РУССКОГО БИБЛИОГРАФИЧЕСКОГО ИНСТИТУТА ГРАНАТ.

СЕДЬМОЕ ИЗДАНИЕ

до 33-го тома под редакцией

проф. Ю. С. Гамбарова, проф. В. Я. Железнова, проф. М. М. Ковалевского, проф. С. Я. Муромцева и проф. К. Я. Тимирязева.

ТРЕТИЙ ВЫПУСК

сорок седьмого (47) тома

ЧЕТЫРЕХЛЕТНЯЯ ВОЙНА 1914—1918 г. И ЕЕ ЭПОХА

(ПРОДОЛЖЕНИЕ).

Lexicographis secundus post Herculem labor
(Скаммер).

Статьи 3 выпуска 47 тома.

Четырехлетняя война 1914—1918 г. и ее эпоха (продолжение).

XVII. Австрия в эпоху войны—проф. С. А. Котляревского *Стр.* 289

XVIII. Венгрия в эпоху войны—Э. А. Ландлера 310

Содержание статьи:

I. Венгрия перед войной	310
1. Экономика	310
2. Классовые соотношения	312
3. Крестьяне и сельско-хозяйств. пролетариат	317
4. Национальности	319
II. Венгрия во время мировой войны	320
III. Разгром. „Октябрьская революция“	326
IV. Диктатура пролетариата	332
V. Современная В. Белый террор	357

XIX. Великобритания в эпоху мировой войны—проф. В. Я. Яроцкого 381

Содержание статьи:

1. Экономическое положение накануне войны	381
2. Британский империализм	385
3. Борьба тенденций в Британской империи	390
4. Ирландия, суффражизм, земельный вопрос и рабочее движение	393
5. Классовые отношения накануне войны	400
6. Война и политический строй Англии	403
7. Период капиталистической спекуляции	408
8. Крах либерализма	411
9. Безработица и ее причины	413
10. Победа и поражение консерваторов	417
11. Первое рабочее правительство и его падение	419

XX. Ирландия в эпоху мировой войны—проф. В. Я. Яроцкого 426

Содержание статьи:

1. Редмондизм	426
2. Социальная дифференциация	428
3. Отрыв парлам. представительства от ирландских настроений	432
4. Гэльская Лига и Шин-Фейн	434
5. „Даркинизм“ и „Либерти-Голл“	438
6. Крах редмондизма и олстерское движение	442
7. „Гражданская армия“ и ирландские волонтеры	446
8. Коиниоли, Пирс и шин-фейнеры	448

(Продолжение в след. выпуске).

ЭНЦИКЛОПЕДИЧЕСКИЙ СЛОВАРЬ

Русского Библиографического Института Гранат.

Седьмое издание

до 33-го тома ПОД РЕДАКЦИЕЙ

проф. Ю. С. Гамбарова, проф. В. Я. Железнова, проф. М. М. Ковалевского, проф. С. А. Муромцева и проф. К. А. Тимирязева.

ЧЕТВЕРТЫЙ и ПЯТЫЙ ВЫПУСКИ

сорок седьмого (47) тома

ЧЕТЫРЕХЛЕТНЯЯ ВОЙНА 1914—1918 г. и ЕЕ ЭПОХА

(ПРОДОЛЖЕНИЕ)

Lexicographis secundus post Herculem labor.

(Скампер).

Статьи 4—5 выпусков 47 тома

Четырехлетняя война 1914—1918 г. и ее эпоха

(ПРОДОЛЖЕНИЕ)

Столб.

XX. Ирландия в эпоху войны—проф. В. Я. Ярдского

Содержание статьи:

9. „Кровавая Пасха“	450
10. Пассивное сопротивление	453
11. „Даил Эйрнин“	455
12. „Свободное Ирландское государство“	459

XXI. Франция эпохи войны—Поль Луи (*Paul Louis*) (перевод с рукописи) 462

Содержание статьи:

I. Перед войной.

1. Экономическая и социальная структура	462
2. Рабочий класс, его профес. и полит. организации	471
3. Французск. Социалистич. партия	478

II. Период мировой войны.

1. Начало войны	485
2. Роль франц. буржуазии	495
3. Производство и торговля	500
4. Дороговизна и заработная плата	502
5. Профсоюзы. Стачки	504
6. Всеобщая Конфедерация Труда	507
7. Эволюция социалист. партии	516

III. После войны.

1. Экономическ. и социальн. структура	531
2. Господство и падение национальн. блока	535
3. Рабочее законодательство	539
4. Рабочее движение	544
5. Раскол французск. синдикализма	548
6. Французск. Коммунистическ. партия	565

XXII. Бельгия—А. Г. Циреса 574

XXIV. Италия—Г. Б. Салдомирского 580

XXV. Сербия—проф. Э. Д. Гримма 597

XXVII. Болгария—проф. Э. Д. Гримма 602

XXVIII. Греция—проф. Е. А. Адамова 622

XXIX. Турция—А. Г. Циреса 637

XXX. Черногория—проф. Э. Д. Гримма 661

XXXI. Албания—проф. Э. Д. Гримма 664

XXXII. Португалия—Ф. Кельина 670

XXXIII. Испания—проф. Е. А. Адамова 676

XXXV. Люксембург—проф. Э. Д. Гримма 682

XXXVI. Дания—А. Ц. 685

XXXVII. Нидерланды—А. Ц. 692

XXXVIII. Скандинавские страны—проф. Э. Д. Гримма 697

XXXIX. Литва—В. С. Мицкевича-Бапсукаса 712

XL. Латвия—К. И. Ландера 730